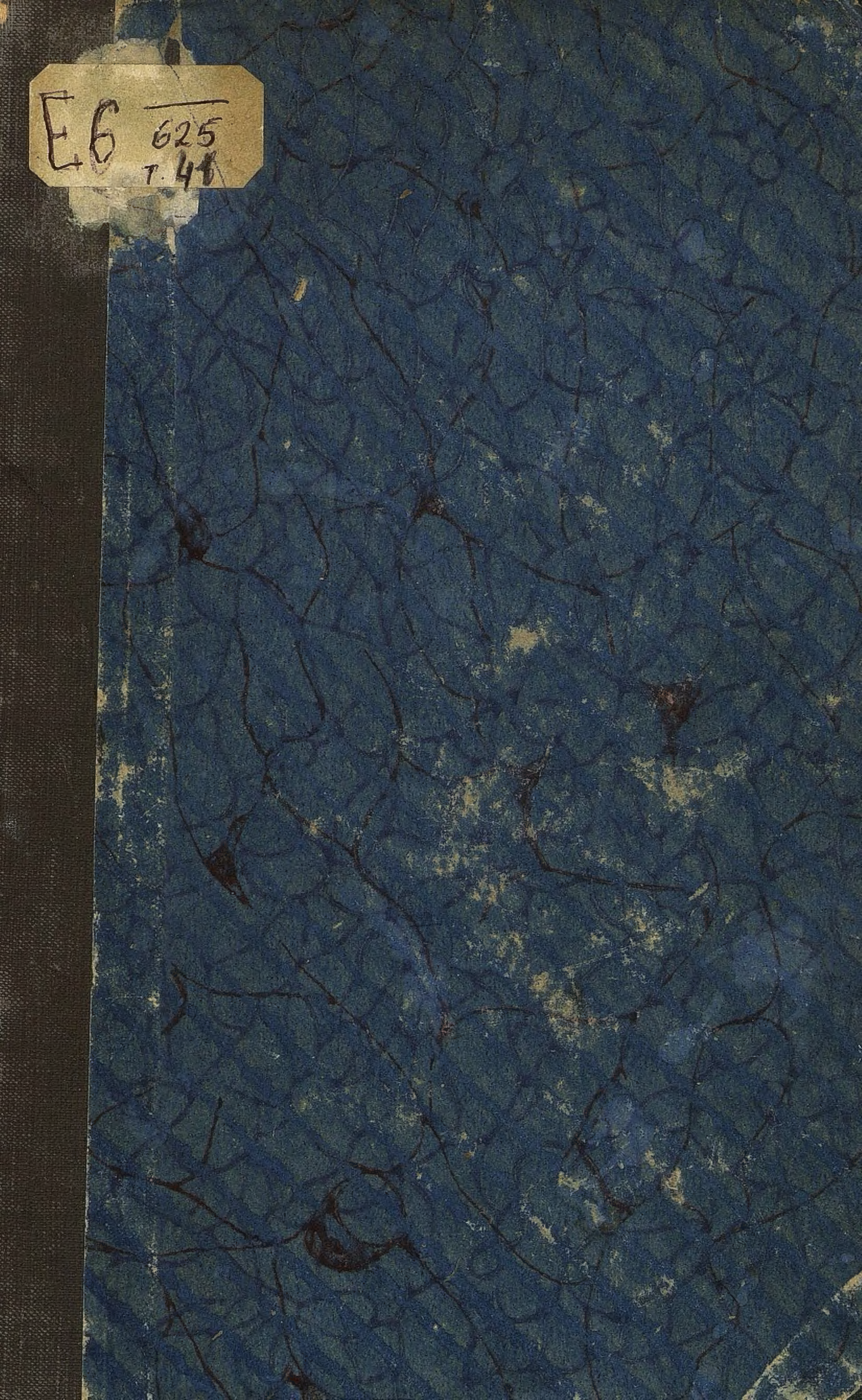
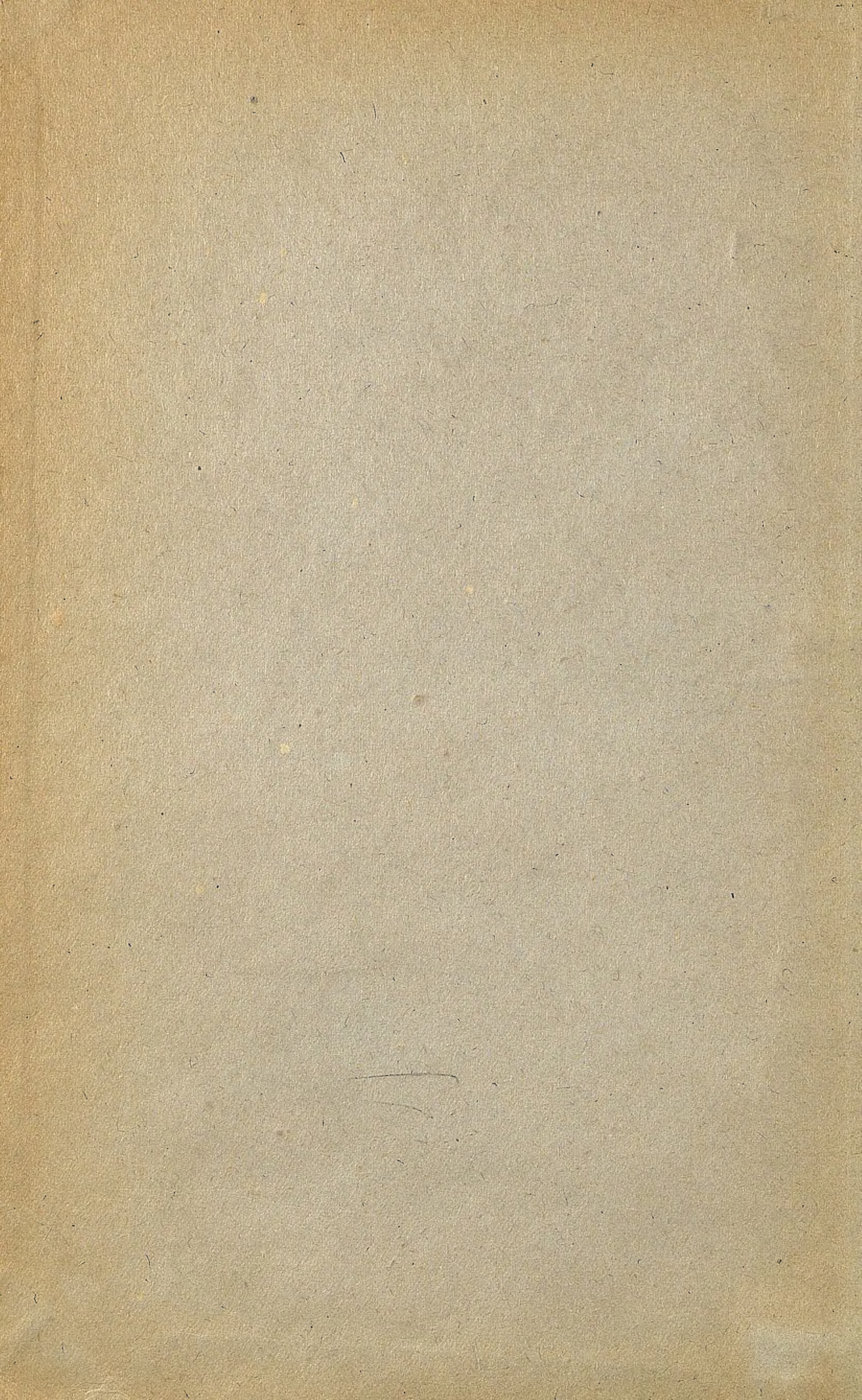

Е6
625
т. 41

ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
ПО ОТДѢЛЕНІЮ ЭТНОГРАФІИ.
ТОМЪ XLI.

ВЕЛИКОРУССКІЯ СКАЗКИ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Съ приложеніемъ двѣнадцати башкирскихъ сказокъ и одной мещерякской.

Сборникъ Д. К. ЗЕЛЕНИНА.

ПЕТРОГРАДЪ.
Тип. А. В. Орлова, Вас. Остр., Сред. пр., № 6.
1914.

ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
ПО ОТДѢЛЕНІЮ ЭТНОГРАФІИ.
ТОМЪ XIII.

ВЕЛИКОРУССКІЯ СКАЗКИ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Съ приложеніемъ двѣнадцати башкирскихъ сказокъ и одной мещерякской.

Сборникъ Д. К. Зеленина.

ПЕТРОГРАДЪ.
Тип. А. В. Орлова, Вас. Остр., Сред. пр., № 6.
1914.

Печатано подъ наблюденіемъ Предсѣдателя Сказочной Комиссіи, д. чл. С. Ѳ. Ольденбурга, и Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи, д. чл. А. А. Шахматова.

Отъ Сказочной Коммиссіи.

Сказочная Коммиссія, состоящая при Отдѣленіи Этнографіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, поставила себѣ цѣлью систематическое изданіе всего сказочнаго матеріала, поступившаго и продолжающаго поступать въ распоряженіе Географическаго Общества.

Въ настоящій сборникъ вошли сказки Уральско-Пермскаго края, записанныя въ 1908 году Членомъ Общества Д. К. Зеленинымъ. Сказочная Коммиссія выражаетъ надежду, что появленіе этого сборника побудитъ мѣстныхъ любителей „живой старины" къ усиленному собиранію памятниковъ устнаго народнаго творчества вообще и старинныхъ народныхъ сказокъ въ особенности.

Присылка записей сказокъ въ Отдѣленіе Этнографіи теперь, когда начато указанное выше изданіе, можетъ содѣйствовать Сказочной Коммиссіи въ достиженіи поставленной ей Отдѣленіемъ задачи— привести въ извѣстность всѣ вообще русскія сказки, хранящіяся въ сокровищницѣ народной памяти.

Предисловіе.

Обстоятельства, время и мѣсто записыванья сказокъ. Содержаніе и распорядокъ сборника. Правописаніе; словарь, примѣчанія и указатель.

Лѣтомъ 1908 года, во время своего пребыванія въ башкирской деревнѣ Берденишѣ, Карабольской волости Екатеринбургскаго уѣзда Пермской губерніи, я познакомился съ крестьяниномъ изъ сосѣдней русской деревни Кожакуля, Куяшской волости того же Екатеринбургскаго уѣзда, А. Д. Ломтевымъ, который оказался замѣчательнымъ сказочникомъ *). Меня поразило богатство сказочнаго запаса у Ломтева; притомъ же, запасъ этотъ состоялъ главнымъ образомъ изъ сказокъ волшебныхъ, чтó въ наше время такъ рѣдко. Хотя записыванье сказокъ въ мои намѣренія и не входило, но, познакомившись съ сказками Ломтева, я счелъ своимъ долгомъ, долгомъ этнографа, записать всѣ его сказки.

Недосугъ крестьянъ во время спѣшныхъ лѣтнихъ работъ и жительство мое въ десяти верстахъ отъ Кожакуля помѣшали мнѣ сдѣлать это лѣтомъ. Тогда я рѣшилъ предпринять нарочитую поѣздку за сказками въ данную мѣстность, для чего собралъ также справки и о другихъ сказочникахъ въ сосѣднихъ

*) А. Д. Ломтевъ скончался въ 1912-мъ году. Миръ его праху!

русскихъ селеніяхъ — селѣ Метлинѣ, Куяшской же волости, и заводахъ Кыштымскомъ, Каслинскомъ и Теченскомъ, — а частью и познакомился съ этими сказочниками.

Предположенная мною особая поѣздка для записыванья сказокъ состоялась осенью (въ октябрѣ) того же 1908-го года. Во время этой поѣздки я записалъ въ Кыштымско-Каслинскомъ округѣ Екатеринбургскаго уѣзда около ста сказокъ, въ томъ числѣ длиннѣйшихъ сказокъ Ломтева было тридцать.

Во время этой поѣздки я случайно познакомился, въ вагонѣ желѣзной дороги, еще съ однимъ сказочникомъ изъ того же Екатеринбургскаго уѣзда, но уже изъ мѣстности, лежащей много сѣвернѣе обслѣдованнаго мною Кыштымско-Каслинскаго округа. Это былъ В. Е. Черныхъ, уроженецъ деревни Першина, Глинской волости (что близъ завода Рѣжевского, въ 75-ти верстахъ отъ Невьянска). Отъ него я записалъ, впрочемъ, только пять сказокъ и записывалъ ихъ уже въ Вяткѣ, гдѣ г. Черныхъ состоялъ въ военной службѣ.

Тогда же я совершилъ поѣздку въ Серебрянскій заводъ Верхотурскаго уѣзда, гдѣ мнѣ проживающіе въ Каслинскомъ заводѣ Серебрянскіе жители нахвалили выдающуюся сказочницу-старуху. Но послѣдняя, какъ оказалось, умерла задолго до моего пріѣзда, и эта моя дальняя поѣздка оказалась совершенно безплодною. — Внѣ предѣловъ Екатеринбургскаго уѣзда, я въ Пермской губерніи такъ и не записалъ совсѣмъ сказокъ.

Лѣтомъ 1913 года я былъ мимоѣздомъ въ селѣ Куяшахъ, гдѣ живетъ родственникъ А. Д. Ломтева, Ал. Григ. Медвѣдевъ, также сказочникъ.—Уроженецъ Никитской волости Кологривскаго уѣзда Костромской

губерніи, Медвѣдевъ занимается портняжнымъ промысломъ и поселился въ Куяшахъ болѣе 20-ти лѣтъ тому назадъ, отбывъ воинскую повинность въ Варшавѣ. А. Д. Ломтевъ сообщалъ мнѣ въ 1908-мъ году, что онъ выслушалъ нѣкоторыя изъ своихъ сказокъ отъ Медвѣдева, своего свата, но Медвѣдевъ тогда былъ боленъ тифомъ, и я не навѣстилъ его. — Сказочный запасъ Медвѣдева оказался не богатымъ; притомъ же это были все сказки, записанныя мною прежде отъ Ломтева въ лучшемъ видѣ, и я сказокъ Медвѣдева не записалъ.

Въ селѣ Куяшахъ оказались и еще сказочники, помимо А. Г. Медвѣдева. Особенно мнѣ хвалили старика Будкина. Я велъ съ нимъ переговоры, и г. Будкинъ не отрицалъ, что онъ знаетъ не мало сказокъ и разсказываетъ ихъ иногда своимъ сосѣдямъ; но разсказывать мнѣ сказки для записи онъ наотрѣзъ отказался, опасаясь, какъ бы его послѣ не потребовали въ городъ разсказывать сказки въ обществѣ (?). Время и обстоятельства не позволили мнѣ ближе познакомиться съ г. Будкинымъ, который потомъ, вѣроятно, оставилъ бы свое упорство. (Безъ болѣе или менѣе продолжительнаго отнѣкиванья не приступаетъ къ дѣлу почти ни одинъ сказочникъ изъ народа). Такъ сказочный запасъ Куяшскихъ сказочниковъ и остался мною не исчерпаннымъ.

Всего въ Екатеринбургскомъ уѣздѣ я записалъ 96 русскихъ сказокъ, изъ коихъ печатаю 69 сказокъ полностью [1]) и 7 сказокъ въ извлеченіи [2]). Ненапечатанными остаются 20 сказокъ; это — частью сказки неприличнаго содержанія, а главнымъ образомъ—бытовые разсказы-анекдоты, которые я считаю

---

[1]) Три сказки напечатаны внѣ общаго счета: см. стр. 269, 447 и 568.

[2]) См. стр. 270, 292—293 и 303—305.

неумѣстными въ настоящемъ сборникѣ традиціонныхъ народныхъ сказокъ. Перечень этихъ разсказовъ данъ мною на стр. 230-й.

Башкирскія сказки, коихъ 12 я напечаталъ въ приложеніи къ настоящей книгѣ, записаны мною въ разные годы, отъ 1908 по 1914-ый, главнымъ образомъ въ томъ же самомъ Кыштымско-Каслинскомъ округѣ Екатеринбургскаго уѣзда. Основанія, побудившія меня напечатать въ сборникѣ русскихъ сказокъ Пермской губерніи нѣсколько башкирскихъ сказокъ той же губерніи, изложены много на стр. 441-й. Печатаю я только часть записанныхъ мною башкирскихъ сказокъ; а чтобы меня не обвинили въ искусственномъ ихъ подборѣ, я взялъ цѣликомъ сказочный запасъ трехъ заурядныхъ сказочниковъ - башкиръ одной деревни, а именно деревни Алабуги, Карабольской волости, расположенной въ 10-ти верстахъ отъ деревни Кожакуля и въ 10-ти же верстахъ отъ Каслинскаго завода, т. е. въ той же самой мѣстности, гдѣ записаны мною и русскія сказки.

Бо̀льшая часть этихъ башкирскихъ сказокъ записана мною по-русски: разсказчики-башкиры свободно владѣли русскимъ языкомъ, хотя и болѣе или менѣе ломаннымъ; мнѣ приходилось переводить лишь немногія отдѣльныя слова и фразы, которыя сами разсказчики затруднялись перевести. И только двѣ сказки мальчика Якупова (№№ 108—109) я записалъ по-башкирски и перевелъ потомъ самъ на русскій языкъ; помощь, оказанная мнѣ при этомъ переводѣ мѣстными башкирами, хорошо знающими русскій языкъ, ручается за точное пониманіе мною башкирскаго текста.

Четыре „русскихъ“ сказки, разсказанныя мнѣ башкиромъ-солдатомъ изъ деревни Бердениша, Ка-

римовымъ, записаны и печатаются мною въ извлеченіи (стр. 442—446).

Единственная мещерякская сказка записана мною по-русски отъ мещеряка изъ селенія Кунжакъ, Муслюмовской волости Шадринскаго уѣзда, и также печатается здѣсь мною, въ качествѣ образца сказокъ этого народа, во всемъ близкаго къ башкирамъ (стр. 491—493).

Занятый иными вопросами русской этнографіи, я не спѣшилъ съ изданіемъ записанныхъ мною сказокъ, откладывая это дѣло до окончанія другихъ своихъ работъ. Но когда возродившаяся при Отдѣленіи Этнографіи И. Р. Географическаго Общества, Сказочная Комиссія поставила своею ближайшею цѣлью изданіе великорусскихъ сказокъ по отдѣльнымъ губерніямъ, то я воспользовался этимъ случаемъ и поторопился подготовить записанныя мною сказки къ печати. Согласно съ требованіями Сказочной Комиссіи, я принужденъ былъ нѣсколько измѣнить свой первоначальный планъ; а именно, я издаю Пермскія сказки не въ одномъ томѣ съ записанными мною же Вятскими сказками, какъ то предполагалъ раньше, а отдѣльно [1]).

Кромѣ моихъ собственныхъ записей, въ предлагаемомъ вниманію просвѣщенныхъ читателей Пермскомъ сказочномъ сборникѣ помѣщены мною еще тридцать двѣ сказки, записанныя въ разное время разными другими лицами. Изъ числа этихъ последнихъ записей двѣ сказки (№№ 72 и 73) запи-

---

[1]) Томъ моихъ Вятскихъ сказокъ, на который я много разъ ссылаюсь здѣсь въ своихъ примѣчаніяхъ, выйдетъ въ свѣтъ въ началѣ 1915-го года.

саны въ томъ же самомъ Екатеринбургскомъ уѣздѣ, гдѣ и мои сказки [1]), но только много ранѣе, а именно въ 1863-мъ году. Двадцать семь сказокъ (№№ 67—71 и 74—94) записаны въ разныхъ мѣстахъ Соликамскаго уѣзда—въ Усольѣ, Кудымкорѣ, Добрянкѣ, Половодовѣ и Козьмодемьянскомъ. Двѣ сказки (№№ 96 и 97) въ Шадринскомъ уѣздѣ (вѣроятно, въ селѣ Иванищевскомъ, на родинѣ А. Н. Зырянова, или же въ заштатномъ городѣ Далматовѣ, въ мѣстѣ его службы). Наконецъ, одна сказка (№ 95) записана въ Верхотурскомъ уѣздѣ, въ селѣ Ляляпскомъ.

Такимъ образомъ, вошедшія въ настоящій сборникъ сказки принадлежатъ четыремъ уѣздамъ Пермской губерніи: Екатеринбургскому (71 русскихъ сказокъ и 12 башкирскихъ, а считая также и сказки, напечатанныя въ изложеніи – 78 русскихъ и 16 башкирскихъ), Соликамскому (27 сказокъ), Шадринскому (двѣ русскихъ сказки и одна мещерякская) и Верхотурскому (одна русская сказка).

Время записи сказокъ настоящаго сборника также различно. Мои записи русскихъ сказокъ относятся всѣ къ 1908-му году. Записи, доставленныя Паламожныхъ и Суряковымъ (№№ 67—71), относятся къ 1898-му году. Записи Вологдиныхъ и Потапова (№№ 72—94) къ 1863-му году. Записи Зырянова и Словцова (№№ 95—97) къ 1850-мъ годамъ (запись Словцова 1848 года). Башкирскія же и мещерякская сказки (№№ 98—110) всѣ записаны въ 1908—1914-мъ годахъ.

Такимъ образомъ, громадное большинство записей (87 изъ 113-ти) падаетъ на два послѣднихъ десяти-

[1]) Болѣе точныхъ свѣдѣній о мѣстѣ записей Потапова нѣтъ.

лѣтія (1908 годъ и, частью, 1898-й), и только 26 сказокъ записаны въ серединѣ прошлаго, XIX-го столѣтія.

Изъ моихъ записей только три сказки (№№ 1, 27 и 62) были уже прежде напечатаны въ „Живой Старинѣ“ 1912 г., № 2—4 [1]), всѣ же прочія появляются въ печати впервые. Записи сказокъ, доставленныя г.г. Паламожныхъ и Суряковымъ и хранящіяся въ рукописномъ отдѣленіи Библіотеки И. Академіи Наукъ, также печатаются здѣсь впервые. Записи же Вологдиныхъ, Потапова, Зырянова и Словцова были уже въ свое время напечатаны, и здѣсь мною перепечатываются. При этомъ сказка, записанная Словцовымъ (№ 95), печатается мною въ болѣе исправномъ видѣ — по рукописному подлиннику, сохранившемуся въ архивѣ Географическаго Общества.—Такимъ образомъ, 29 сказокъ настоящаго сборника печатаются второй разъ и 84 сказки появляются въ печати впервые.

Перепечатать старыя записи Вологдиныхъ и Потапова побудила меня крайняя недоступность „Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ 1863 года, гдѣ эти записи были напечатаны [2]). Двѣ же сказки Зырянова и одну сказку Словцова я заимствую изъ много болѣе доступнаго I-го тома „Записокъ И. Р. Географическаго Общества по Отдѣленію Этнографіи“ 1867-го года, имѣя цѣлью объединить въ одномъ сборникѣ болѣе или менѣе всѣ сказки Пермской губерніи, разсѣянныя по разнымъ изданіямъ (отпо-

---

[1]) Годъ записи тамъ помѣченъ ошибочно 1910-й, вмѣсто 1908-го.

[2]) Изъ двухъ экземпляровъ этого изданія, хранящихся въ Петроградскихъ библіотекахъ, одинъ не полный; въ И. Публичной Библіотекѣ нѣтъ № 41, со сказкою, напечатанною въ моемъ сборникѣ подъ нумеромъ 83-мъ.

сительно же сказки Словцова—еще и издать ее въ болѣе исправномъ видѣ).—Теперь изслѣдователь русскихъ сказокъ Пермской губерніи найдетъ всѣ извѣстные сказочные тексты этой губерніи въ пяти мѣстахъ: 1) въ моемъ настоящемъ сборникѣ, 2—3) въ двухъ извѣстныхъ сборникахъ Аѳанасьева: Сказки и Легенды, 4) въ столь же извѣстномъ, но малодоступномъ „Пермскомъ Сборникѣ“ 1859 и 1860 годовъ и 5) въ Архивѣ Географическаго Общества, откуда сказки, не вошедшія въ сборники Аѳанасьева, войдутъ въ печатающійся теперь въ „Запискахъ“ И. Р. Географическаго Общества по Отдѣленію Этнографіи великорусскій сказочный сборникъ [2]).

Распредѣлены сказки въ моемъ настоящемъ сборникѣ по сказочникамъ: репертуаръ каждаго сказочника отдѣльно. Сказки же одного и того же сказочника печатаются мною въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ онѣ мною выслушаны; этотъ послѣдній порядокъ я сохраняю на томъ основаніи, что сказочники обычно начинаютъ съ тѣхъ сказокъ, которыя онѣ—или лучше помнятъ, чаще другихъ разсказываютъ (излюбленныя сказки) или же (рѣже)—считаютъ болѣе интересными для даннаго слушателя.—Башкирскія сказки распредѣлены мною также по сказочникамъ, равно какъ и въ томъ же самомъ порядкѣ выслушиванья мною сказокъ.

Чужія записи сказокъ я расположилъ въ обратномъ хронологическомъ порядкѣ: сначала записи конца XIX-го вѣка, а потомъ—середины этого вѣка.

---

[2]) Перечень извѣстныхъ мнѣ русскихъ сказокъ Пермской губерніи, не вошедшихъ въ настоящій мой сборникъ, напечатанъ мною ниже, стр. XLVII—LII.

Географическій принципъ при этомъ нѣсколько пострадалъ: часть сказокъ Соликамскаго уѣзда (№№ 67—71) оказалась среди сказокъ Екатеринбургскаго уѣзда. Но географическое распредѣленіе сказокъ выдѣлено мною въ колонтитулахъ: во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда сказки записаны *не* въ Екатеринбургскомъ уѣздѣ, лѣвый колонтитулъ содержитъ въ себѣ указаніе на мѣсто записи.

Для удобства изслѣдователей, въ частности же—для удобства нахожденія каждаго отдѣльнаго эпизода сказки при пользованьи краткимъ пересказомъ, даннымъ мною въ примѣчаніяхъ къ сказкамъ (стр. 511—588),—я раздѣлилъ текстъ сказокъ на стихи. Обиліе въ моемъ сборникѣ длиннѣйшихъ сказокъ (напр., сказка № 14-й занимаетъ цѣлыхъ 17 страницъ) было главнымъ къ тому поводомъ. Но при этомъ прошу помнить, что данное подраздѣленіе—чисто условное: счетъ стиховъ не соотвѣтствуетъ количеству отдѣльныхъ эпизодовъ сказки. Въ „примѣчаніяхъ“, при краткомъ пересказѣ сказокъ, счетъ стиховъ сохраняется, что́ и даетъ возможность легко находить любой эпизодъ въ текстѣ самой длинной сказки.—Сокращенно стихи я обозначаю знакомъ § (параграфъ).

Въ искусственныхъ заглавіяхъ сказокъ, для которыхъ сказочники особыхъ названій не имѣютъ, я вообще слѣдовалъ А. Н. Аѳанасьеву, если только это оказывалось возможнымъ. Немногія отступленія отъ этого общаго правила исправлены мною въ примѣчаніяхъ (стр. 549 и др.).—Искусственные заголовки всѣ выдѣлены мною въ квадратныя скобки, тогда какъ заглавія самихъ сказочниковъ заключены большею частью въ ковычки.

Сказки я старался записывать съ возможно точнымъ сохраненіемъ особенностей мѣстнаго говора. Далеко не всегда, однако же, это мнѣ удавалось съ одинаковымъ успѣхомъ. Нѣкоторые сказочники, напр. Шешневъ-отецъ, совсѣмъ не умѣютъ разсказывать свои сказки „подъ запись“: они все время и весьма сильно торопятся, такъ что записывать за ними не успѣваешь. Въ такихъ случаяхъ, даже при условіи двукратнаго выслушиванья каждой сказки, приходится слѣдить главнымъ образомъ за текстомъ сказки, а не за особенностями произношенія сказочника (срв. стр. 268). Тонкости произношенія въ такихъ случаяхъ остаются не отмѣченными. Кромѣ того, непрерывное записыванье сказокъ, иногда по цѣлымъ днямъ безъ отдыха, сильно утомляло меня; а при ослабленіи вниманія я могъ ручаться только за точную передачу текста сказки, а не произношенія сказочника.

Вотъ почему, написаніе того или иного слова въ печатномъ текстѣ моихъ сказокъ по общепринятому правописанію еще не означаетъ, что данное слово произносится именно такъ. И это тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя слова (напр.: говоритъ, человѣкъ, имена героевъ, числа и т. п.) я иногда записывалъ въ сокращенномъ видѣ, и потомъ, раскрывая эти сокращенія, иногда уже не помнилъ, какъ именно данное слово звучало въ устахъ разсказчика; въ случаяхъ таковаго сомнѣнія я пользовался общепринятымъ правописаніемъ [1]).

---

[1]) По поводу слова *„говоритъ“* въ моихъ записяхъ сохранилась помѣтка, что это слово многіе акальщики произносили съ оканьемъ: говорит; тутъ сказалась, видимо, привычка часто слышать это ходячее слово въ устахъ сосѣдей-окальщиковъ.—Числа же я и печатаю большею частью въ видѣ цыфръ, какъ записывалъ.

При печатаньи же своихъ сказокъ я старался только объ одномъ—чтобы воспроизвести возможно точнѣе свою первоначальную запись. Тутъ допущены мною только два отступленія. Первое: въ печати рѣже, нежели въ рукописи, обозначается слогоударение, а также рѣже встрѣчается греческая гамма для обозначенія фрикативнаго *г* въ отличіе отъ обычнаго взрывного *г*; это обстоятельство вызвано недостаткомъ въ типографіи соотвѣтствующихъ значковъ. Второе отступленіе отъ рукописи: переходъ звонкихъ согласныхъ въ глухіе и наоборотъ—глухихъ въ звонкіе—въ концѣ словъ и въ другихъ извѣстныхъ случаяхъ, а также мягкость *ч*, твердость другихъ шипящихъ и свистящаго *ц*,—всѣ эти общевеликорусскія особенности въ печатномъ текстѣ моихъ сказокъ почти совсѣмъ не отразились; сдѣлано это мною для того, чтобы облегчить пользованье моимъ сборникомъ для читателей, не интересующихся лингвистическими тонкостями.

Непослѣдовательность правописанія, — въ родѣ напр. случая на стр. 295 (§ 3), гдѣ рядомъ видимъ два раза р*а*ссыпался, съ *а*, и одинъ разъ р*о*ссыпался, съ *о*,—объясняется далеко не всегда моими ошибками (недослышаніемъ, опискою и т. п.), а гораздо чаще—дѣйствительною непослѣдовательностью въ произношеніи разсказчика. Дѣло въ томъ, что разсказчики мои всегда почти болѣе или менѣе стѣснялись говорить по-деревенски, и старались говорить по-образованному (иные даже произносили напр. *что* вмѣсто *што*), а это выходило у нихъ не всегда гладко.

Написаніе *ъ* послѣ *р* въ такихъ случаяхъ, какъ коръми (стр. 208), церъква и т. п., означаетъ простую твердость произношенія предшествующаго *р*.

Когда послѣ гласной буквы стоитъ въ круглыхъ скобкахъ другая гласная, напримѣръ: е(и)вó, по(а)дóлгъ (стр. 279), ко(а)тá (стр. 285),—то это значитъ, что данный гласный звучалъ не достаточно опредѣленно, а какъ звукъ, средній между *е* и *и*, между *о* и *а*.

Стихами набрано у меня только то, что разсказчикъ пѣлъ или же произносилъ на-распѣвъ, вообще—выдѣлялъ изъ обычнаго произношенія.

Нѣкоторыя м ѣ с т н ы я с л о в а въ текстѣ сказокъ выдѣлены у меня особымъ, косымъ шрифтомъ. Сдѣлано это не для всѣхъ областныхъ словъ, а главнымъ образомъ для тѣхъ, которыя употребляются въ двухъ разныхъ значеніяхъ, а потому и могутъ быть истолкованы читателемъ ошибочно. Напримѣръ, слово *сила* помимо общаго, литературнаго значенія употребляется еще въ сказкахъ Ломтева и съ инымъ значеніемъ: „войско"; въ этихъ послѣднихъ случаяхъ слово сила и выдѣлено мною косыми буквами. Точно также, слово *ученикъ* означаетъ еще и „учитель", *матка*—„попадья", *отецъ*—обращеніе жены къ мужу, *сытый*—жирный, и т. п.

Для всѣхъ словъ, набранныхъ въ текстѣ сказокъ косыми буквами, читатель найдетъ поясненіе въ словарѣ (стр. 495—510). Рѣдкіе пропуски въ этомъ словарѣ указаны мною въ примѣчаніяхъ къ соотвѣтствующимъ сказкамъ (см. стр. 556, 557, 561, 573).

Въ моихъ п р и м ѣ ч а н і я х ъ къ сказкамъ сборника (стр. 511—588) данъ прежде всего краткій пересказъ всѣхъ сказокъ, по которому много легче разобраться въ ихъ содержаніи. Въ этомъ пересказѣ мною удержано раздѣленіе сказокъ на стихи, благодаря чему любой эпизодъ весьма легко найти и въ главномъ текстѣ сказокъ. Кромѣ того, въ примѣча-

ніяхъ указываются мною нѣкоторые русскіе (главнымъ образомъ великорусскіе) варіанты сказокъ [1]), съ цѣлью доказать, что данная сказка дѣйствительно традиціонная. Тутъ же читатель найдетъ, конечно, и указаніе на варіанты однѣхъ и тѣхъ же сказокъ, имѣющихся въ настоящемъ моемъ сборникѣ.

Наконецъ, въ иныхъ случаяхъ примѣчанія содержатъ нѣкоторый комментарій къ сказкѣ: выдѣленіе сказочной темы, указаніе на отраженіе въ сказкѣ чертъ мѣстнаго быта или, наоборотъ, несоотвѣтствіе ея мѣстной обстановкѣ и природѣ (см. въ указателѣ слово быть), указанье на обмолвки и непослѣдовательность разсказчика (стр. 517, 519, 521, 531, 541 и др.) и т. п.

Въ алфавитномъ указателѣ именъ и предметовъ больше вниманія обращено на предметы, нежели на имена. Относительно дѣйствующихъ лицъ я большею частью ограничиваюсь простымъ указаніемъ страницъ—какъ текста сказокъ, такъ и (съ отмѣткою „ср.“ передъ цыфрою) примѣчаній: въ этихъ примѣчаніяхъ такъ легко найти все относящееся къ данному дѣйствующему лицу. При названіяхъ же предметовъ въ указателѣ большею частью отмѣчается и обстановка, въ которой эти предметы встрѣтились; и только въ случаяхъ простого упоминанія о предметѣ я ограничиваюсь однимъ указаніемъ на страницу.—Содержаніе вступительной статьи „Кое-что о сказочникахъ и сказкахъ Екатеринбургскаго уѣзда“ въ указателѣ не отразилась, такъ какъ статья эта была напечатана уже послѣ указателя.

---

[1]) Указаніе на варіанты изъ записанныхъ мною Вятскихъ сказокъ ограничены 304-мя первыми страницами моего Вятскаго сборника: дальнѣйшая часть Вятскаго сборника тогда еще не была отпечатана.

Въ заключеніе долгомъ своимъ считаю высказать здѣсь свою благодарность Отдѣленію русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ за денежную помощь, оказанную мнѣ при моей поѣздкѣ въ Пермскую губернію для записыванья сказокъ, а также Сказочной Комиссіи и Отдѣленію Этнографіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, принявшимъ мой сборникъ сказокъ для напечатанья въ своихъ изданіяхъ.

Дм. Зеленинъ.

Ноябрь 1914 года.

Кое-что о сказочникахъ и сказкахъ Екатеринбургскаго уѣзда Пермской губерніи.

I. Обиліе сказочниковъ и сказокъ, несмотря на культурность населенія. Причины того. Природа края. Роль „Урала" въ мѣстныхъ сказкахъ. Башкиры и другіе инородцы. Прошлое края. Пестрота въ составѣ населенія. Заносныя сказки и условія ихъ распространенія. Солдатское вліяніе въ мѣстныхъ сказкахъ. Тюрьма. Бурлаки.

Пермская губернія и, въ частности, болѣе изученный мною Екатеринбургскій уѣздъ этой губерніи сравнительно очень богаты сказками и сказочниками. Въ Екатеринбургскомъ уѣздѣ записано теперь около ста (99) русскихъ сказокъ, во всей же Пермской губерніи — около двухсотъ русскихъ сказокъ (196), не считая сказокъ башкирскихъ, пермяцкихъ и иныхъ. Такимъ количествомъ записанныхъ сказокъ могутъ похвалиться только весьма немногія великорусскія губерніи [1]).

Сельское населеніе Пермской губерніи, особенно же населеніе той мѣстности, гдѣ я записывалъ сказки, не сохранило стариннаго уклада своей жизни въ той степени, какъ это мы находимъ въ Архангельской или Олонецкой губерніяхъ. Напротивъ, по степени образованія населеніе Екатеринбургскаго уѣзда нисколько не уступаетъ великорусскимъ губерніямъ центральнаго промышленнаго округа — Влацимірской, Ярославской и Московской, гдѣ народныя сказки если и сохраняются еще теперь, такъ развѣ въ

---

[1]) По подсчету С. В. Савченка (Русская народная сказка, 174—175), до 200 сказокъ записано въ Архангельской губ., до 180 въ Самарской, до 150 въ Новгородской и Олонецкой, до 70 въ Вологодской, отъ 50 до 100 въ Рязанской. — Перечень русскихъ сказокъ Пермской губерніи, не вошедшихъ въ мой настоящій сборникъ, данъ мною ниже.

самомъ ничтожномъ количествѣ. Очевидно, въ Пермской губерніи имѣются какія-то особенныя причины, которыя способствовали лучшему бытованію здѣсь сказочной традиціи.

Такими **причинами** нужно признать — во-первыхъ, характеръ **мѣстной природы** и, во-вторыхъ, составъ мѣстнаго населенія.

Екатеринбургскій уѣздъ прорѣзанъ Уральскимъ горнымъ хребтомъ съ его отрогами. Селенія, гдѣ я записывалъ сказки, расположены неподалеку отъ этихъ горъ. Покосы мѣстныхъ жителей лежатъ главнымъ образомъ въ горныхъ долинахъ; заготовка дровъ и строевого лѣса производится мѣстными жителями главнымъ образомъ въ лѣсахъ, покрывающихъ горные отроги Урала; тамъ же происходятъ большею частью и рудничныя работы — копка и вывозка руды.

Занятая Уральскимъ хребтомъ, его развѣтвленіями и отрогами, гористая и лѣсная мѣстность въ громадной своей части необитаема, какъ непригодная для земледѣльческой культуры. Она извѣстна у мѣстныхъ жителей подъ именемъ „*Урала*", и слово это понимается здѣсь не въ смыслѣ опредѣленнаго горнаго хребта, а въ смыслѣ дикаго, необитаемаго и малодоступнаго мѣста.

Дремучіе, необозримые лѣса въ этомъ „Уралѣ", часто еще и поднесь не тронутые топоромъ дровосѣка, глубокія долины, каменныя вершины и скалы, богатство животнаго царства, особенно же змѣй, ящерицъ и насѣкомыхъ, жизнь коихъ народу совершенно невѣдома; наконецъ, обиліе большихъ и малыхъ озеръ съ ихъ камышистыми берегами и каменными необитаемыми островками, — все это не могло не производить на обитающаго тутъ человѣка впечатлѣніе чего-то таинственнаго, волшебнаго; все это должно было направлять воображеніе мѣстнаго жителя въ таинственный міръ невѣдомаго и чудеснаго, усиленно питать вѣру въ близость этого чудеснаго и таинственнаго.

У жителей, обитающихъ въ густо населенной мѣстности, среди сплошныхъ воздѣланныхъ нивъ, не можетъ быть ни этой вѣры въ близость таинственнаго, ни этого направленія фантазіи въ сторону волшебнаго и сказочнаго. Такъ, когда на рѣкѣ появляется пароходство, у прибрежнаго на-

селенія сама собою исчезаетъ вѣра въ водяныхъ и русалокъ: ихъ, молъ, распугали пароходные свистки; въ мѣстахъ, гдѣ каждый аршинъ жидкаго лѣса вымѣрянъ и исхоженъ ногами человѣка, не можетъ быть живой вѣры въ лѣшихъ.

Наоборотъ, близость необитаемаго и дикаго пространства, тянущагося вдоль и поперекъ на сотни верстъ, питаетъ и крѣпитъ въ сосѣднемъ населеніи вѣру во все таинственное и волшебное. А такая вѣра—прямой залогъ глубокаго интереса къ сказкѣ, такъ какъ сказка для мѣстнаго жителя служитъ, въ сущности, отвѣтомъ воображенія на пытливый вопросъ о томъ, чѣмъ же и какъ живетъ этотъ дикій и угрюмо-безлюдный Уралъ?

Не даромъ же, мѣстомъ дѣйствія большой части печатаемыхъ ниже волшебныхъ сказокъ является именно „Уралъ". „Въ *Уралѣ*, въ темныхъ лѣсахъ" родился Иванъ крестьянскій сынъ, герой сказки о „Незнайкѣ" (стр. 12); въ „*Уралѣ*" же онъ встрѣтилъ огромный домъ Чудовища-людоѣда, которымъ былъ принятъ въ дѣти и у котораго нашелъ вѣщаго богатырскаго коня, виновника всѣхъ дальнѣйшихъ его подвиговъ (стр. 13—14); „въ *Уралѣ*" происходитъ все дѣйствіе сказки „звѣриное молоко" (стр. 42): здѣсь Даръ-гора съ чудесною лисою и крѣпость трехсотъ разбойниковъ съ яблонями и съ воротами въ подземельѣ; „по *Уралу*, дикимъ мѣстомъ, не путёмъ не дорóгой" (стр. 56) отправляется Иванъ царевичъ въ поиски за Еленой Прекрасной и на пути встрѣчаетъ домà своихъ зятевей—Медвѣдя Медвѣдевича, Ворона Вороневича и Воробья; „по дикому же мѣсту поѣхалъ" (стр. 60) Иванъ царевичъ и послѣ, когда пришло время разыскивать ему похитившаго Елену Прекрасную Кощея Безсмертнаго; въ *Уралѣ* же (стр. 62) служитъ онъ и у Яги-Ягишны, обитающей въ избушкѣ на козьихъ ножкахъ, на бараньихъ рожкахъ; „въ *Уралѣ*" (стр. 127) въ дубѣ скрывается невѣста-волшебница Ивана царевича и выходитъ оттуда змѣей; „по *Уралу*" (стр. 132) пошелъ Ѳедоръ Бурмакинъ и встрѣтилъ здѣсь побоище льва съ шестиглавымъ окаяннымъ Идолищемъ; „по *Уралу*" (стр. 155) въ легендѣ ведетъ бѣднаго богомольнаго рыбака чудесный кумъ-ангелъ, и тутъ они накопали цѣлый мѣшокъ лѣчебныхъ травъ; и послѣ тотъ же

ангелъ ведетъ вновь своего кума „не путѐй не дорогой— дикимъ мѣстомъ, *Ураломъ*“ (стр. 156), такъ что путникъ „на себѣ всё привралъ [очевидно, древесными колючками] и съ тѣла кровь на немъ льетъ ручьями“, а приходятъ они этой дорогой въ пещеры, гдѣ горятъ жизненныя свѣчи людей; „по *Уралу*“ (стр. 173, 175) ѣдетъ и Боба королевичъ, при чемъ въ первый разъ встрѣчаетъ монаха-отшельника, который крадетъ у него коня, а другой разъ левъ напалъ тутъ на жену Бовы и умертвилъ Полкана; „въ тридевятомъ государствѣ, въ дикомъ лѣсу, въ *уралѣ*“ (стр. 181) ищетъ Иванъ царевичъ свою жену, царевну-лягушку, причемъ обитающая тутъ въ избушкѣ старушка дала ему мечъ-самосѣкъ; „не путей не доро́гой, чащами, трущобами, *ураломъ*“ (стр. 224) ѣдетъ Василій царевичъ и встрѣчаетъ тутъ громадные табуны Ворона Вороневича, а потомъ и самого Ворона В., женившагося на сестрѣ Василья и потомъ убившаго своихъ свояковъ. — „*Уральными* мѣстами“ (стр. 474) идетъ и герой башкирской сказки, разыскивая свою жену, улетѣвшую отъ него „водяную дѣвицу“.

Было бы ошибкою видѣть во всѣхъ этихъ случаяхъ одну пустую сказочную формулу, утратившую уже свое опредѣленное содержаніе; въ другихъ сказкахъ того же сказочника дѣйствіе происходитъ въ подобной же обстановкѣ, но не въ „уралѣ“, а у моря (стр. 89, 119, 210 и др.), и тутъ нѣтъ никогда никакого смѣшенія,—никогда не случается, напримѣръ, такъ, чтобы море оказалось около Урала. Да и самая формула съ упоминаніемъ „Урала“ могла возникнуть только въ данной области, а не гдѣ-либо въ иномъ мѣстѣ *).

„Въ старинныя времена было это. Народъ былъ тёмный, непросвѣщенный. Наши прадѣды еще жили. Народонаселенія *здѣсь* еще не было, были одни лѣса. Потомъ сталъ селиться народъ помаленьку“ (стр. 304). Такими слова началъ свою сказку „звѣриное молоко“ одинъ изъ наиболѣе

---

*) Въ сказкѣ объ Ильѣ Муромцѣ „такой *Уралъ*“ оказывается и близъ Невы-рѣки (стр. 163), но тутъ можно видѣть лишнее доказательство тому, что сказочникъ разумѣлъ подъ своей *Невой* не Петроградскую Неву, а Уральскую рѣку Нейву (стр. 530) или другую подобную.

интеллигентныхъ моихъ сказочниковъ, Глуховъ. Тутъ не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что мѣстомъ дѣйствія сказки представляется именно Уральскій хребетъ и его отроги.—О томъ же свидѣтельствуетъ и столь частое упоминаніе въ нашихъ сказкахъ озеръ (см. указатель), которыхъ среди горныхъ отроговъ Екатеринбургскаго уѣзда весьма много. Напротивъ, рѣкъ въ данной мѣстности Екатеринбургскаго уѣзда почти совсѣмъ нѣтъ (исключеніе—небольшая рѣка Теча),—и въ сказкахъ рѣки упоминаются весьма рѣдко, да и то все безыменныя рѣки, исключая упомянутою выше рѣку Неву (Нейву?), встрѣтившуюся въ сказкѣ объ Ильѣ Муромцѣ.

Упоминаніе въ сказкахъ башкиръ или „татаръ" (см. въ указателѣ оба эти слова), какъ чаще называютъ своихъ сосѣдей-башкиръ русскіе жители Екатеринбургскаго уѣзда,—новое отраженіе данной мѣстности въ сказкахъ. Но башкиры и татары встрѣчаются только въ сказкахъ бытовыхъ, что̀ такъ естественно и понятно. Не исключена, правда, возможность, что въ волшебныхъ сказкахъ башкиры (и особенно киргизы?) разумѣются подъ образами „Самъ съ ноготь-борода съ локоть" или „Воронъ Вороневичъ" и „Харкъ Харковичъ-Солонъ Солонычъ": обиліе у этихъ чудовищъ скота нѣсколько сближаетъ тѣхъ и другихъ; но это только мое предположеніе, точно такъ же, какъ и мысль о представленіи въ образахъ бабы-Яги и царевны-лягушки сосѣднихъ финно-угровъ — остяковъ и вогуловъ (срв. стр. 576 и 533). Одинъ и тотъ же сказочный образъ въ разныя эпохи народной жизни понимался, конечно, различно; мы не касаемся здѣсь вопроса о первоначальномъ возникновеніи и пониманіи образовъ (быть можетъ, и миѳологическихъ) бабы Яги и другихъ подобныхъ; но что современные Пермскіе сказочники изъ народа склонны отожествлять бабу Ягу и царевну-лягушку съ сосѣдними остяками или вогулами, а Самого съ нокоть-борода съ локоть или Харка Харковича съ сосѣдними же киргизами и башкирами,—то нѣкоторые намеки на такое пониманіе я получилъ отъ самихъ же сказочниковъ.

Если настоящее Урала таинственно и волшебно, то прошлое его еще таинственнѣе и чудеснѣе. Русское на-

селеніе появилось здѣсь не такъ давно, сначала въ небольшомъ числѣ, и пустынный, дикій характеръ безлюднаго Урала былъ выраженъ тогда много сильнѣе. Среди первыхъ русскихъ обитателей Урала здѣсь жили богатѣйшіе заводовладѣльцы, жили въ своихъ роскошныхъ за̀мкахъ, окруженные всѣми удобствами, изобрѣтеніями и рѣдкостями тогдашней культуры.

Вдали отъ столицы, среди безправнаго крестьянства (крѣпостного и горнозаводскаго посессіоннаго), среди подкупныхъ мелкихъ властей, жизнь этихъ прежнихъ „королей Урала" была очень своебразною и диковинною. Въ „уральскихъ" и другихъ разсказахъ мѣстнаго уроженца, извѣстнаго писателя Д. Н. Мамина-Сибиряка, мы находимъ преданія о дѣйствительныхъ событіяхъ, которыя намъ кажутся теперь сказочными. Народная же молва, конечно, преувеличивала и пріукрашивала роскошь мѣстныхъ богачей, такъ что дѣйствительность тутъ сливалась со сказкой. Отраженіе преданій объ этой роскоши можно видѣть и въ нашихъ сказкахъ; напр., въ шестой комнатѣ у старика „наловлено всякаго сословія разныхъ птицъ, поютъ разными голосами" (стр. 5), т. е. нѣчто въ родѣ звѣринца; „въ первой комнатѣ море вразъ [сразу] образовалось, и корабли. Во второй комнатѣ садъ: утки, лебеди, фонтаны, яблони. Въ 3-ей комнатѣ сражаются, война идетъ, стрѣльба изъ пушекъ. Въ четвертой—хрустальный дворецъ, музыка. Въ пятой—горы, и не видать, гдѣ у нихъ вершина" и т. д. (стр. 303—304). *).

Сельское населеніе Екатеринбургскаго уѣзда отличается весьма пестрымъ разнообразіемъ своего состава. Пермскій Уралъ заселенъ русскими въ позднее,

*) Кстати замѣтить, что черезъ служащихъ, свиту и дворню заводовладѣльцевъ Урала къ мѣстному крестьянскому населенію могли легко проникнуть нѣкоторые книжные сказочные сюжеты. Между прочимъ, въ Шадринскомъ уѣздѣ Пермской губерніи въ 1860-мъ году была записана А. Н. Зыряновымъ мѣстная сказка съ сюжетомъ, заимствованнымъ изъ „Сатирикона" Петронія (Пермскій Сборникъ II, 1860, отд. 2, стр. 165, № 3: „Жена забыла мужа"; срв. о томъ статью Н. М. Благовѣщенскаго въ „Русскомъ Словѣ 1861 г., № 9, стр. 132—150: „Пермскіе сказочники и Петроній").

сравнительно, время, и въ заселенiи его участвовали выходцы изъ самыхъ различныхъ краевъ. Тульскiе и иные кузнецы были вызваны сюда на желѣзные заводы; крѣпостные разныхъ губернiй переведены сюда помѣщиками на новыя земли и также для работы на заводахъ; они же и бѣжали сюда отъ тяготъ крѣпостного права; старовѣры притекали сюда, избѣгая религiозныхъ преслѣдованiй; преступники—отъ суда и наказанiй; многiе застряли здѣсь на пути въ богатую Сибирь [1]); отхожiе промышленники шли сюда на работу и иногда осѣдали здѣсь [2]). Южновеликоруссы здѣсь перемѣшались съ сѣверновеликоруссами, отчего и произошла сильная пестрота мѣстныхъ говоровъ: акальщики настойчиво перемѣшаны съ окальщиками [3]). Въ Верхнемъ Кыштымскомъ заводѣ, гдѣ я записывалъ сказки, одна улица слыветъ „Симбирка", вторая—„Межигородка": обитатели первой населились изъ Симбирской губернiи, второй—изъ Нижегородской; жители третьей улицы того же завода, „Медвѣдѣвки", принадлежали нѣкогда помѣщику Медвѣдеву. Крестьяне села Метлина (мѣстожительство моего сказочника Савруллина) переселены сюда помѣщикомъ изъ Саратовской губернiи. Предки моего сказочника Шешнева, какъ и всѣхъ коренныхъ жителей Нижне-Сергинскаго завода, жили нѣкогда, вѣроятно, въ Тульской губернiи, откуда и принесли свой акающiй говоръ.

Всѣ эти переселенцы весьма легко могли занести сюда и сказки изъ самыхъ разныхъ мѣстностей Россiи. А непрекращающiйся доселѣ приливъ на Уралъ рабочаго и ремесленнаго люда способствуетъ пополненiю и обновленiю мѣстнаго сказочнаго запаса.

---

[1]) Кыштымско-Каслинскiй округъ, гдѣ я записывалъ сказки, равно какъ и Шадринскiй уѣздъ, гдѣ такъ много собралъ сказокъ А. Н. Зыряновъ, расположены къ востоку отъ Уральскаго хребта, т. е. собственно уже въ Сибири.

[2]) Такъ случилось, между прочимъ, и съ сказочникомъ Медвѣдевымъ, портнымъ изъ Костромской губернiи, поселившимся потомъ въ с. Куяшахъ (стр. VII).

[3]) См. Д. Зеленинъ, Великорусскiе говоры съ неорганическимъ и непереходнымъ смягченiемъ задненебныхъ, 519—522; тутъ есть данныя и о заселенiи края. Срв. также мой отчетъ о поѣздкѣ за сказками въ „Отчетѣ Отдѣленiя русскаго языка и словесности И. Академiи Наукъ" за 1908-й годъ.

Населеніе Кыштымско-Каслинскаго округа живетъ, кромѣ того, въ довольно тѣсномъ общеніи съ сосѣдними башкирами, среди которыхъ знаніе русскаго языка распространено теперь очень широко: башкиры работаютъ вмѣстѣ съ русскими въ рудникахъ, на заводахъ, въ артеляхъ рыбаковъ, служатъ работниками, кучерами, пастухами и т. п.; русскіе сѣютъ хлѣбъ на башкирскихъ земляхъ и охотно принимаютъ къ себѣ на постой башкиръ, пріѣзжающихъ въ заводы на базары и ярмарки. Въ старину же были, конечно, какъ съ той, такъ и съ другой стороны плѣнники [1]). А среди созерцательныхъ и лѣнивыхъ башкиръ сказки и теперь пользуются бо́льшею любовью и распространеніемъ, нежели даже у русскаго населенія Пермскаго края [2]).

Если отмѣченные мною выше слѣды мѣстнаго вліянія въ записанныхъ мною сказкахъ рѣзко бросаются въ глаза, то и слѣды чуждыхъ, заносныхъ вліяній въ нихъ не менѣе сильны. Мой главный сказочникъ, Ломтевъ, сообщилъ мнѣ, что многія изъ его сказокъ выслушаны имъ „отъ дальнихъ рассейскихъ", хотя самъ Ломтевъ изъ предѣловъ Пермской губерніи никуда не выходилъ ни на шагъ. Въ первой же, излюбленной сказкѣ Ломтева мы встрѣчаемъ дважды совершенно чуждое Пермскому краю выраженіе *подъ ташки* (стр. 6, 10, ср. 512), которое и самъ сказочникъ тутъ же считаетъ нужнымъ пояснить: „подъ пазухи, по нашему" (стр. 6). Выраженіе это заимствовано отъ уроженца или Воронежской (см. стр. 512) или какой-либо другой губерніи юга Россіи. Герой той же самой сказки Ломтева топитъ печь соломою (стр. 7), чего на Уралѣ никогда не бываетъ; и отсюда явствуетъ, что данная сказка заимствована отъ

---

[1]) Точнѣе: просто захваченные, похищенные не на войнѣ, а во время разбойныхъ нападеній. Похищенная Иваномъ царевичемъ молодица-лебедка въ сказкѣ носитъ всѣ признаки кочевническаго происхожденія (стр. 575).—Плѣнные же, безспорно, были въ старину однимъ изъ важнѣйшихъ факторовъ переноса сказокъ отъ одного народа къ другому,—факторъ, пока изслѣдователями сказокъ не оцѣненный.

[2]) Въ башкирскихъ деревняхъ я въ каждой находилъ лицъ, знающихъ сказки; напротивъ, въ русскихъ селеніяхъ сказочники находились далеко не въ каждомъ.

жителя какой-то дальней губерніи. Въ бытовыхъ сказкахъ другихъ сказочниковъ встрѣчаемъ черемисъ (см. указатель), которые въ данной мѣстности не живутъ, корчму (стр. 565), продажу дубника, который въ Екатеринбургскомъ уѣздѣ не растетъ (стр. 548), и т. п. Все это случаи, такъ сказать, механическаго заимствованья, совсѣмъ не то, что упоминаніе въ мѣстныхъ сказкахъ львовъ, морей и другихъ чуждыхъ данной мѣстности предметовъ, прочно сросшихся со сказочною традиціей.

Объ обстановкѣ, при которой мѣстными сказочниками выслушиваются и усваиваются заносныя сказки, согласно свидѣтельствуютъ сами сказочники. Въ рудникахъ, на рыбныхъ ловляхъ неводомъ [1]) и въ лѣсосѣкахъ работаютъ многолюдныя артели рабочихъ, какъ мѣстныхъ, такъ и пришлыхъ; зимою имъ приходится спать въ общихъ зимницахъ-избушкахъ. Работа зимою кончается рано, съ наступленіемъ темноты; долгіе зимніе вечера и коротаются рабочими за сказками: въ большой артели почти всегда найдутся люди, знающіе нѣсколько сказокъ, а прочіе слушаютъ и запоминаютъ.

Ремесленники, въ частности „пимокаты" (катанщики валяной обуви [2]) и портные [3]), ходятъ зимою же по домамъ своихъ заказчиковъ, гдѣ и ночуютъ. Сказки разсказываютъ они или за работой или же, чаще, опять таки въ долгіе зимніе вечера, на сонъ грядущій. Слушатели—ученики ремесленника, хозяева съ домочадцами, а часто и сосѣди. Ремесленника, который хорошо разсказываетъ сказки, многіе заказчики предпочитаютъ: веселѣе; вотъ почему многіе пимокаты и портные намѣренно стараются запомнить возможно больше сказокъ, хотя чаще это достигается ими въ дѣтствѣ, когда мальчикъ ходитъ съ ремесленникомъ въ качествѣ ученика.—Къ этой же категоріи сказочниковъ

---

[1]) Башкирамъ одной только Карабольской волости принадлежитъ сорокъ мѣстныхъ озеръ, среди коихъ много весьма рыбныхъ. Озера эти сдаются въ аренду мѣстнымъ русскимъ купцамъ. Зимою производится въ нихъ ловля рыбы неводами, для чего нанимаются многолюдныя артели рабочихъ.

[2]) Этимъ промысломъ занимался и мой главный сказочникъ, Ломтевъ.

[3]) Среди извѣстныхъ мнѣ сказочниковъ, Медвѣдевъ—портной.

нужно причислить и пастуховъ, которые иногда также ночуютъ поочередно у всѣхъ домохозяевъ селенія; но лѣто, съ его короткими ночами, гораздо меньше благопріятствуетъ сказкамъ, чѣмъ зима.

Портные и пимокаты на Уралѣ большею частью пришлые (главнымъ образомъ изъ Вятской и Костромской губерній): они, такимъ образомъ, не только переносятъ мѣстныя сказки изъ одного округа въ другой, но также и заносятъ на Уралъ чужія сказки.

Въ старину сказки разсказывались также и въ собраніяхъ гостей, на пирушкахъ, въ частности—на свадьбахъ. Теперь этотъ обычай на Уралѣ уже вывелся, но старые авторы его еще знаютъ. Священникъ Тихонъ Успенскій изъ Шадринскаго уѣзда въ 1859-мъ году писалъ про свою мѣстность: „не мало удовольствія доставляетъ собравшейся семьѣ крестьянъ старикъ сказочникъ“ [1]). О томъ, что сказки разсказывались также и на свадебныхъ пирушкахъ, явствуетъ изъ напечатанной ниже сказки, записанной въ Екатеринбургскомъ уѣздѣ въ 1863-мъ году (см. стр. 390): странниковъ не пустили было ночевать во дворцѣ у царя, гдѣ праздновалась свадьба и было очень много народу; тогда странникъ заявляетъ: „скажите хозяину, что я умѣю сказки сказывать: можетъ, честная компанія и послушаетъ моихъ сказокъ“; тогда странниковъ пустили, и одинъ изъ нихъ, дѣйствительно, сталъ разсказывать сказки [2]).

Наконецъ, распространенію и переносу (а также отчасти и передѣлкѣ) сказокъ много способствуетъ солдатчина и... тюрьмы, что имѣетъ уже не только мѣстное, Уральское, но и общерусское значеніе. Въ солдатскихъ казармахъ и въ тюрьмахъ собираются уроженцы и жители разныхъ краевъ Россіи и, какъ видно, часто разсказываютъ другъ другу сказки: многія изъ нашихъ сказокъ не только выслушаны отъ солдатъ, но даже и созданы (или, по крайней мѣрѣ, передѣланы) солдатами. Хотя я и старался из-

---

[1]) Пермскій Сборникъ, I, отд. 4, смѣсь, стр. 36.

[2]) Одинъ изъ моихъ Вятскихъ сказочниковъ, г. Краевъ—профессіоналъ по сказыванью сказокъ на свадьбахъ (см. Зеленинъ, Вятскія сказки, 82).

бѣгать сказочниковъ-солдатъ, такъ какъ въ ихъ устахъ сказка легко можетъ быть совсѣмъ не мѣстною, но солдатъ обыкновенно почти всюду называютъ, на распросы заѣзжаго человѣка о сказочникахъ, въ первую голову,—и я ихъ, разумѣется, не могъ обойти. Савруллинъ, Черныхъ, Лёзинъ и Цыплятниковъ,—эти четверо изъ моихъ сказочниковъ—солдаты. Черныхъ, впрочемъ, всѣ свои сказки выслушалъ на своей родинѣ, а не въ военной службѣ, такъ что для его сказокъ солдатство значенія не имѣетъ. Савруллинъ также выслушалъ часть своихъ сказокъ отъ старухи Панихи въ с. Метлинѣ, но бо́льшая часть его сказокъ вынесена имъ съ военной службы, изъ Туркестана. Изъ напечатанныхъ мною сказокъ Савруллина въ трехъ сказкахъ героями являются солдаты: „Солдатъ учитъ чертей", „Колдунъ и солдатъ", „Новая изба и черемисинъ" (стр. 246—256); а изъ ненапечатанныхъ разсказовъ Савруллина содержаніе трехъ свидѣтельствуетъ о ихъ солдатскомъ происхожденіи: „Про солдата", „Ѳома Даниловъ" и „Марья плѣнная въ Хивѣ" (стр. 230). У Лёзина обѣ сказки (стр. 347—350), „Морока" и „Безстрашный солтатъ", имѣютъ своими героями солдатъ. Записанная мною сказка Цыплятникова „Смѣхъ и горе" (стр. 362—370) не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что она даже и создана въ солдатскихъ казармахъ.

Кромѣ названныхъ мною выше четырехъ моихъ сказочниковъ-солдатъ, мнѣ извѣстны и еще два сказочника-солдата; это — Стерховъ, отъ коего я записалъ чисто солдатскую сказку „Петръ Великій и три солдата" (стр. 447 — 448), и башкиръ Каримовъ, выслушавшій свои русскія сказки въ военной службѣ. Изъ четырехъ извѣстныхъ мнѣ сказокъ этого послѣдняго двѣ — чисто солдатскія: „Безстрашный солдатъ" и „Солдатъ спасаетъ царскую дочь отъ змѣя" (стр. 442—444), и двѣ ничего специфически солдатскаго въ себѣ не заключаютъ (стр. 444—446).

Еще характернѣе, что рядъ сказокъ, разсказанныхъ мнѣ сказочниками не-солдатами, носитъ все-таки специфически солдатскій характеръ: очевидно, эти сказки выслушаны были отъ солдатъ. У Ломтева три такихъ сказки: „Иванъ солдатскій сынъ" (стр. 105 — 118), „Васенька Варегинъ" (стр. 134 — 151) и „Солдатъ и Смерть" (стр. 214 — 219). Не

касаясь этой послѣдней легенды, съ которой солдатство героя срослось, такъ сказать, органически, замѣчу лишь, что первыя двѣ сказки носятъ весьма яркіе признаки своего происхожденія изъ солдатской казармы: тамъ и здѣсь герой-солдатъ сильно идеализированъ, а во второй сказкѣ („Васенька Варегинъ") столь много чисто военныхъ подробностей, что мой прекрасный сказочникъ Ломтевъ даже въ нихъ запутался (стр. 527).

У сказочника Киселева, также не служившаго въ солдатахъ, одна сказка, „Морока"—извѣстная солдатская: герой ея—матросъ (стр. 315).—Сказочники-башкиры, сказки коихъ помѣщены въ настоящемъ сборникѣ, — всѣ не-солдаты; но одна изъ ихъ сказокъ („Рога", стр. 453 — 456) имѣетъ всѣ признаки солдатской передѣлки, и видимо выслушана башкиромъ отъ русскаго солдата.

„Матросова сына", Илюшку пьянюшку, мы видимъ героемъ записанной Зыряновымъ въ 1850-хъ годахъ сказки о князѣ Кіевскомъ Владимірѣ, сказки, сильно проникнутой былиннымъ духомъ (стр. 435—437).—Довольно важную роль солдатъ играетъ и въ сказкѣ „Мужъ да жена" (стр. 379).

Въ качествѣ же второстепенныхъ дѣйствующихъ лицъ, солдаты въ моихъ сказкахъ сравнительно очень рѣдки, и роль ихъ весьма скромная (см. указатель).

Такимъ образомъ, солдатское вліяніе въ печатаемыхъ мною ниже сказкахъ нужно назвать сравнительно скромнымъ, что лишній разъ подтверждаетъ богатство сказочной традиціи въ Пермскомъ краѣ: въ Вятской губерніи, бѣдной сказками, солдатское вліяніе много сильнѣе. Изъ 112 главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ напечатанныхъ ниже полностью Пермскихъ сказкахъ (исключены герои животныя и чудовища) солдатъ (матросовъ) и солдатскихъ дѣтей только 14, тогда какъ крестьянъ (если присоединить къ нимъ лицъ неопредѣленнаго сословія, названныхъ въ сказкѣ: охотникъ, работникъ, слуга, лакей, кузнецъ, старикъ) 64, купцовъ и купеческихъ сыновей 14, царевичей и государей 14, духовныхъ 3, баръ 2 и чиновникъ („стрехулетъ") одинъ.

Что же касается тюрьмы, то одна изъ печатаемыхъ ниже сказокъ, повидимому, ведетъ свое начало именно оттуда. Разумѣю сказку новѣйшаго пошиба, героемъ коей

является бѣглый образованный каторжникъ „купеческій сынъ Володька“ (стр. 530), достигшій потомъ королевскаго престола. Эта именно идеализація героя-каторжника и заставляетъ меня предполагать тюремное происхожденіе данной сказки. — Ломтевъ какъ-то мнѣ проговорился, что ему довелось сидѣть въ тюрьмѣ и тамъ слушать сказки; я счелъ не удобнымъ распрашивать его подробнѣе объ этомъ щекотливомъ предметѣ, но догадываюсь, что это была именно данная сказка. — Кромѣ того, и въ сказкѣ о невѣстѣ-волшебницѣ каторжникъ играетъ хотя и второстепенную, но весьма почетную роль—роль изобрѣтательнаго совѣтника, получающаго за свои совѣты весьма крупныя суммы денегъ; и роль эта настолько крѣпко срослась съ каторжникомъ, что его мы видимъ одинаково въ обоихъ, записанныхъ мною отъ разныхъ лицъ, варіантахъ данной сказки. Это — Васька Большеголовый въ подтюремкѣ (стр. 119) или же Васька Широкій Лобъ въ острогѣ (стр. 326) *).

Совсѣмъ отсутствуетъ въ моихъ Пермскихъ сказкахъ герой бурлакъ, съ которымъ мы не разъ встрѣчаемся, напримѣръ, въ сказкахъ Вятской губерніи. Да и въ Пермскихъ сказкахъ бурлаки, — въ свое время сдѣлавшіе, по моему мнѣнію, весьма многое для распространенія, а частью и для переработки многихъ сказокъ,—встрѣчаются, только не въ Екатеринбургскомъ уѣздѣ, въ которомъ бурлачества совсѣмъ нѣтъ и не было. Въ сказкѣ „Загадки“, записанной Д. М. Пѣтуховымъ въ Пермскомъ уѣздѣ, главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является именно бурлакъ (Аѳанасьевъ, Сказки, примѣч. къ № 185). Въ стихотворной сказкѣ Волегова, изъ Соликамскаго уѣзда, на тему „мужъ да жена“ роль „служиваго“ ниже печатаемой у меня сказки изъ того же уѣзда (стр. 379) играетъ бурлакъ (Архивъ Географ. Общ. XXIX, 68).

Всѣ эти мои сужденія, дѣлающія на основаніи сословнаго положенія героя сказки нѣкоторые выводы о происхожденіи сказки (точнѣе говоря: о передѣлкѣ сказки

*) Аналогичную роль почетнаго совѣтчика въ другой сказкѣ играетъ „шелудивая пьяница“ (стр. 276), именемъ коего сказочникъ даже и озаглавилъ свою сказку.

въ тотъ именно видъ ея, въ коемъ сказка записана мною),— основаны на томъ общемъ правилѣ, что сословное положеніе героя легко мѣняется по произволу сказочниковъ (о чемъ см. на стр. 525).

II.

Сказочницы. Ломтевъ, какъ типъ сказочника, и его отношеніе къ сказкѣ. Сказки Ломтева старыя и новыя; герои ихъ; вопросъ объ авторствѣ одной сказки. Типъ сказочника Савруллина. Типъ Глухова; попурри изъ сказокъ. Типъ Шешнева: окаменѣніе сказки.

Русскія сказки въ Екатеринбургскомъ уѣздѣ я записывалъ отъ пятнадцати лицъ. Это были все мужчины. Случилось такъ не потому, чтобы въ Пермской губерніи не было женщинъ-сказочницъ. Напротивъ, мнѣ извѣстны имена двухъ выдающихся мѣстныхъ сказочницъ: „Па́нихи“ изъ Метлина и NN (имя я теперь забылъ) изъ Серебрянскаго завода. Но обѣ эти сказочницы скончались задолго до моей поѣздки въ Пермскую губернію за сказками; а съ другими мѣстными сказочницами, при всемъ моемъ къ тому стараніи, мнѣ не удалось познакомиться. Пріѣзжему человѣку не легко записывать сказки и отъ мужчинъ: не мало нужно времени и требуются особыя благопріятныя условія, чтобы разсѣять всякія сомнѣнія и вызвать полное довѣріе разсказчика. Женщины же относятся, конечно, еще съ большимъ недовѣріемъ *) къ заѣзжему человѣку; да и женщины-сказочницы рѣже получаютъ извѣстность въ околоткѣ, безъ чего постороннему человѣку трудно узнать объ ихъ познаніяхъ въ данномъ дѣлѣ.—Сказать и то, что сказочницъ въ Екатеринбургскомъ уѣздѣ несравненно менѣе, нежели сказочниковъ; маленькимъ дѣтямъ теперь здѣсь сказки о животныхъ не разсказываются, а читаются по книжкѣ — читаютъ отцы, матери, а еще чаще братья и сестры.

---

*) Точнѣе, можетъ быть, было бы сказать: стыдливостью, застѣнчивостью, которая не позволяетъ сказать лишняго слова съ незнакомымъ мужчиной.

Изъ пятнадцати человѣкъ, отъ коихъ я записывалъ сказки, мнѣ сравнительно лучше знакомы трое — Ломтевъ, Савруллинъ и Глуховъ. Ближе познакомиться съ прочими мнѣ не довелось, такъ какъ всякаго рода лишніе распросы могли только вызвать съ ихъ стороны недовѣріе [1]). При всемъ томъ, для меня съ достаточною опредѣленностью выяснились четыре главныхъ типа среди современныхъ Пермскихъ сказочниковъ. На этихъ типахъ, особенно же на отношеніи ихъ къ сказкамъ, я и позволю себѣ остановиться здѣсь поподробнѣе.

Типъ, представителемъ коего является мой главный сказочникъ, А. Д. Ломтевъ, теперь, повидимому, уже очень рѣдокъ. Ломтевъ относится къ сказкамъ весьма серьезно. Мелкіе разсказы и бытовые анекдоты (въ жанрѣ Савруллина) онъ никогда не назоветъ сказками, а пренебрежительно — „побасёнками". Не любитъ онъ также сказокъ, въ коихъ „много брязгу" (неприличнаго), и „Микулу шута" (стр. 187—193) разсказалъ мнѣ лишь подъ веселую руку, да и то съ извиненіями: эта де сказка — „только мужикамъ ржать" (хохотать). Легенду о чудесномъ кумѣ-ангелѣ и о врачѣ (стр. 151—157) онъ также не причисляетъ къ собственно сказкамъ, и назвалъ ее мнѣ „побывальшинкой", т. е. былью. Настоящими сказками Ломтевъ считаетъ только тѣ, въ которыхъ подробно разсказывается о чудесныхъ подвигахъ богатырей. Знаніемъ такихъ именно сказокъ Ломтевъ гордится. Если въ сказкѣ нѣтъ настоящихъ богатырей, то должны быть, по крайней мѣрѣ, цари, короли, генералы и вообще высокія лица: иначе сказка будетъ „мужицкою".

Обладая даромъ изобразительности, Ломтевъ рисуетъ содержаніе сказки съ большими подробностями бытового характера, привнося въ эти подробности, повидимому, немало отсебятины. Именамъ дѣйствующихъ лицъ большого

---

[1]) Въ 1908-мъ году, когда я записывалъ сказки, въ Пермской губерніи была еще очень свѣжа память о событіяхъ 1905-го года, когда, подъ вліяніемъ прибывшихъ откуда-то агитаторовъ, заводскіе рабочіе позволили себѣ нѣкоторыя вольности, за что вскорѣ жестоко поплатились. На этой почвѣ произошелъ у меня комическій случай съ моимъ ямщикомъ, сказочникомъ Цыплятниковымъ (см. стр. 361).

значенія не придаетъ; „Иванъ" и „Марѳа" являются въ его сказкахъ какъ бы нарицательными именами; любитъ также знакомыя ему купеческія фамиліи: Рязанцевъ, Милютинъ, Варегинъ. Ломтевъ не постѣснялся перенести имя героя извѣстной лубочной сказки „Францель" на героя своей сказки „Рога". Но измѣнить основу, остовъ сказки Ломтевъ считаетъ своего рода преступленіемъ [1]), и всегда весьма точно придерживается того самого хода событій, съ какимъ онъ когда-то усвоилъ данную сказку. Въ каждой своей сказкѣ Ломтевъ видитъ стройное цѣлое и дорожитъ этой цѣльностью сказки, т. е. свято хранитъ традицію, мѣняя и дополняя лишь мелкія бытовыя детали.

Не путая и не комкая въ одну кучу разныхъ сказочныхъ сюжетовъ, не впадая ни въ скоморошество (балагурство), ни въ противоположную крайность скучнаго прозаика,—Ломтевъ является, по моему мнѣнію, представителемъ того, къ сожалѣнію отживающаго теперь свой вѣкъ, типа сказочниковъ, благодаря коимъ до сихъ поръ сохраняются въ народѣ традиціонныя сказки въ болѣе или менѣе чистомъ видѣ.

Изъ 27-и напечатанныхъ мною ниже сказокъ Ломтева двѣ—легенды (№№ 15 и 25), въ шести сказкахъ преобладаютъ бытовыя черты надъ волшебными (№№ 8, 11, 14, 17, 21 и 26), а въ 19-ти прочихъ сказкахъ преобладаютъ волшебныя черты надъ бытовыми. Эти послѣднія могутъ быть подраздѣлены на два разряда: въ однѣхъ сказкахъ герой отъ природы надѣленъ богатырскою силою, при помощи коей онъ и совершаетъ свои подвиги (№№ 2, 7, 9, 16, 18, 22 и 27), въ другихъ сказкахъ герой—обыкновенный слабый смертный, и свои подвиги онъ совершаетъ съ помощью разныхъ волшебныхъ предметовъ, съ помощью сверхъестественныхъ лицъ или даже — хитростью (№№ 1, 3, 4, 5, 6, 10, 12, 13, 19, 20, 23, 24; хитрость въ № 13 и 20).

---

[1]) Единственное исключеніе—замѣна въ сказкѣ о царевнѣ-лягушкѣ героини лягушки старушкой (стр. 177). Сдѣланная, очевидно, въ цѣляхъ реализма, замѣна эта, однако же, нисколько не измѣнила общаго хода и содержанія сказки: все осталось на своемъ мѣстѣ.

Сказка „Ювашка бѣлая рубашка“ (№ 9) носитъ чисто миѳологическую окраску: у царя нѣтъ небесныхъ свѣтилъ—солнца, луны и звѣздъ; ихъ достаетъ ему богатырь слуга Ювашка, при чемъ свѣтила оказываются въ карманахъ у двѣнадцатиголоваго змѣя, убитаго героемъ. Весьма близкая къ этой сказка записана въ 1890-мъ году въ Тамбовской губерніи (см. ниже стр. 521), гдѣ только герой носитъ другое имя: Иванъ Запрутскій. — Мотивъ о похищеніи небесныхъ свѣтилъ нечистою силою извѣстенъ въ фольклорѣ весьма многихъ народовъ земного шара, въ томъ числѣ и русскаго народа. При всемъ томъ, мы склонны думать, что данная сказка въ сущности своей совсѣмъ не миѳологическая; думаю, что свѣтила небесныя могли явиться тутъ на мѣстѣ прежнихъ личныхъ именъ въ родѣ „Луна“, „Звѣзда“ „Полуночка“. Одно изъ главныхъ основаній къ тому — отсутствіе даннаго мотива въ старыхъ записяхъ русскихъ сказокъ. — Предоставляя другимъ разрѣшеніе сложнаго вопроса о первоначальномъ смыслѣ этой сказки, замѣчу однако, что и въ другой сказкѣ Ломтева не только дочь бабы Яги, но и пьяница превращается въ звѣзду и летитъ на небо за звѣздой—дочерью Яги (срв. съ этимъ звѣздочета въ № 77-мъ сказокъ Аѳанасьева: Иванъ Быковичъ).

Изъ волшебныхъ предметовъ въ сказкахъ Ломтева чаще всего встрѣчается кольцо: при перебрасываньи его съ руки на руку являются слуги (№№ 12, 22 и 24), старушка дѣлается молодою (19), а отъ наложенія перстня вмѣстѣ съ перчаткой разорвало чудовища (2); затѣмъ слѣдуютъ ягоды, отъ съѣденія коихъ дѣлаешься то рогатымъ, то старикомъ, то красавцемъ (№№ 3, 18, 23); живая вода (4, 7, 27), коверъ самолетъ (3, 4). Роль скатерти-самобранки играютъ бутылки—одногорлая, двугорлая и трегорлая (№ 6). Отъ наложенія перчатки разорвало чудовища (2), золотою кистью герой оборачиваетъ людей въ жеребцовъ и кобылъ (3), изъ кремня и плашки выходятъ слуги (4), сабля и ремень, данныя небеснымъ старцемъ, сообщаютъ герою богатырскую силу (5), изъ дудочки и трости выходятъ солдаты (5 и 23), три цвѣточка оживляютъ умершаго неестественною смертью (14), клубочекъ показываетъ дорогу (19), мечъ—самосѣкъ (19), кошелекъ—самотрясъ и кафтанчикъ—невидимка (23).

Бои богатырей между собою, а также съ Идолищами и другими Чудовищами, равно какъ превращенія героевъ въ разныхъ животныхъ и птицъ (см. указатель подъ словомъ превращеніе)—весьма часты въ сказкахъ Ломтева. Мотивъ „благодарнаго животнаго“ не принадлежитъ къ числу любимыхъ; Могутъ-птица, левъ и вѣщій конь помогаютъ герою за оказанную имъ услугу, зять Воробей — по родству (№ 6), конь Петра королевича (10), равно какъ и козелъ, лошадь и корова Ивана купеческаго сына (4)—вслѣдствіе простого даренія.

Герои сказокъ Ломтева принадлежатъ главнѣйше къ тремъ сословіямъ: царскому, купеческому и крестьянскому; царевичей (и королевичей) семеро, купеческихъ сыновей шесть. Напротивъ, героевъ-солдатъ только трое, и тѣ лишь въ бытовыхъ сказкахъ и въ легендѣ. Героевъ изъ среды духовенства совсѣмъ нѣтъ, и только весьма второстепенную роль играетъ священникъ въ легендѣ „Солдатъ и Смерть“ (при чемъ получаетъ нотацію за любостяжаніе), да еще въ бытовой сказкѣ „Микула шутъ“ попъ оказывается одураченнымъ вслѣдствіе своей любви къ шуткамъ. Сказокъ о ворахъ нѣтъ совсѣмъ.

Четыре бытовыхъ сказки Ломтева носятъ всѣ признаки новѣйшаго происхожденія, при чемъ варіанты ихъ мнѣ нигдѣ не встрѣтились. Изъ этихъ сказокъ созданіе или, по крайней мѣрѣ, передѣлку двухъ (№№ 11 и 14) нужно приписать солдатской фантазіи и одну (№ 17)—фантазіи какого-нибудь интеллигентнаго каторжника. Основной сюжетъ этихъ новыхъ сказокъ сходенъ съ обычнымъ содержаніемъ старинныхъ сказокъ Ломтева: скромный герой, при его видимомъ ничтожествѣ, достигаетъ, въ результатѣ различныхъ приключеній, королевскаго престола или чего-нибудь въ этомъ родѣ. Въ сказкѣ о Варегинѣ (№ 14) этотъ мотивъ осложненъ еще новымъ—местью героя своей первой женѣ-измѣнницѣ.

Сказка новаго пошиба „Рязанцевъ съ Милютинымъ“ (№ 8) имѣетъ сходный мотивъ: подвиги (въ новомъ стилѣ) жениха, кончающіеся женитьбой его на первоначально намѣченной невѣстѣ. Главныя дѣйствующія лица здѣсь изъ купеческаго сословія, и герой женится, въ сущности, на ровнѣ, на близкой подругѣ своего дѣтства, но передъ

женитьбой онъ опускался „на дно", и это обстоятельство дѣлаетъ ихъ бракъ неравнымъ. Оригинальна въ этой сказкѣ пестрота ея элементовъ: тутъ и сказочная тема „Сосватанные дѣти", и нѣчто въ родѣ былиннаго Садко, и чудесныя слуги изъ карты пиковаго валета, и даже чинъ чуть ли не Гоголевскаго „городничина". Все это въ сильной степени сдобрено бытовыми подробностями изъ новѣйшаго культурнаго быта. При всемъ томъ, я никакъ не могу признать эту сказку созданіемъ (или хотя бы передѣлкою) интеллигентнаго, книжнаго человѣка: въ основѣ сказки лежитъ чисто народное (совершенно чуждое интеллигентамъ) воззрѣніе на нечистую силу, которая, разъ оказавъ человѣку услугу, требуетъ отъ этого человѣка работы, порученій, а не получая новой работы—мучитъ и моритъ своего повелителя. На этой основѣ довольно удачно сведено въ одно стройное цѣлое все пестрое разнообразіе своеобразныхъ элементовъ и подробностей разсматриваемой сказки: отецъ героя погибаетъ отъ своихъ подчиненныхъ, нечистыхъ духовъ, услугами коихъ онъ не захотѣлъ пользоваться; а сынъ, опустившись было „на дно", съ помощью тѣхъ же самыхъ духовъ, быстро достигаетъ высокаго чина и своеобразно женится на сосватанной ему отцомъ еще до рожденія невѣстѣ, предварительно грубо и некрасиво отомстивъ этой послѣдней.

Въ авторствѣ этой своеобразной сказки я склоненъ заподозрить самого Ломтева, который легко могъ соединить въ одно цѣлое разнородные элементы, позаимствованные имъ съ разныхъ сторонъ. И это тѣмъ болѣе, что купеческій бытъ, изъ коего взята данная сказка,—любимый Ломтевымъ и болѣе ему знакомый [1]). Однако самъ Ломтевъ не даетъ мнѣ рѣшительно ни какихъ основаній къ тому. Ломтевъ вообще отрицаетъ свое участіе не только въ созданіи новыхъ сказокъ или отдѣльныхъ сказочныхъ эпизодовъ, но даже и въ простой передѣлкѣ ихъ. По словамъ Ломтева, всѣ рѣшительно сказки выслушаны имъ отъ другихъ лицъ. Часто онъ мнѣ говорилъ также, что та или

---

[1]) Не даромъ же, даже Илья Муромецъ въ сказкѣ Ломтева служитъ одно время приказчикомъ у купца! (стр. 159).

иная его сказка „изъ книжки“, и въ этомъ увѣреніи я не могъ не видѣть желанія Ломтева похвалить данную сказку [1]). Ломтевъ увѣрялъ меня, что теперь нѣтъ ниодной хорошей сказки, которой бы не было въ книжкахъ.

Въ этихъ отзывахъ Ломтева сказалось прежде всего преклоненіе безграмотнаго человѣка передъ книгой и передъ грамотностью. Ломтевъ разсказывалъ мнѣ про себя, что иной разъ онъ возьметъ въ руки книгу своей дочери или внука и начнетъ сказывать свою сказку, какъ бы читая ее по книгѣ: другіе думаютъ, что слушаютъ чтеніе грамотѣя, а у Ломтева и книга взята вверхъ ногами. Такіе случаи весьма тѣшили нашего старца, которому, видимо, очень хотѣлось быть грамотнымъ. Кромѣ того, полуграмотный сватъ Ломтева, также сказочникъ, Медвѣдевъ, держится того же мнѣнія: всѣ теперешнія сказки „изъ книжки“. А это мнѣніе бывалаго и грамотнаго человѣка не могло не импонировать безграмотному домосѣду Ломтеву.

Другой типъ сказочниковъ, представителемъ коего можетъ быть Савруллинъ, являетъ собою полную противоположность Ломтеву. Это собственно не сказочникъ, а балагуръ, шутникъ, весельчакъ. Взглядъ его на сказки очень не серьезный, если не сказать болѣе—легкомысленный. Любимый жанръ Савруллина—короткіе бытовые разсказы-анекдоты, особенно о ворахъ, плутахъ и обманщикахъ. Изложеніе онъ считаетъ важнѣе содержанія. Но въ изложеніи онъ обнаруживаетъ крайнее пристрастіе къ риѳмѣ, къ дешевому остроумію, чѣмъ окончательно портитъ свои сказки. Тонъ и стиль раешника, риѳма, частыя отклоненія въ сторону, нерѣдко заключающія въ себѣ сатирическое сравненіе дѣйствующихъ лицъ сказки со слушателями и ихъ сосѣдями, и т. п.—вотъ частныя черты балагурства Савруллина. Вполнѣ серьезной, торжественной (какъ у Ломтева) сказки Савруллинъ совсѣмъ не понимаетъ: онъ ищетъ въ сказкѣ только веселья, шутки, юмора.

---

[1]) Срв. съ этимъ отмѣченное Н. Е. Ончуковымъ желаніе сказочниковъ, чтобы ихъ сказка походила на книжную (Сѣверныя сказки, XV).

Отношеніе Савруллина къ сказочному преданію весьма рѣзко проявилось въ передѣлкѣ имъ сказки о царевнѣ-лягушкѣ (№ 28). Вмѣсто обычнаго царевича героемъ сказки оказался полу-дурачокъ Ипатъ, который поѣхалъ сватать невѣсту въ лодкѣ по болоту, такъ какъ отецъ не далъ ему лошади. Конкурсъ хозяйственныхъ работъ трехъ снохъ замѣненъ мѣстнымъ свадебнымъ обычаемъ печенья новобрачною пироговъ на второй день свадьбы. Конецъ смѣхотворный: лягушка-невѣста вывалилась изъ худого кузова саней. Въ погонѣ за риѳмой, въ началѣ сказки приплетены ни къ селу ни къ городу „триста лопатъ", „приставъ" и многое другое въ этомъ родѣ.

Чисто волшебную сказку Савруллинъ попытался превратить въ чисто бытовую: вклеилъ въ сказку описаніе мѣстныхъ свадебныхъ обрядовъ и много другихъ бытовыхъ подробностей; героя превратилъ въ идіота—конечно, въ погонѣ за видимою правдоподобностью. Въ результатѣ—сказка совершенно искажена и сдѣлалась почти неузнаваемою.

Сказки Савруллина вообще плохи. Но сказочники въ родѣ Савруллина для нашего времени типичнѣе, нежели Ломтевы. И между прочимъ для того, чтобы читатель не получилъ ложное (слишкомъ выгодное) впечатлѣніе о современномъ состояніи сказки въ народѣ, я ниже печатаю цѣлую половину всего того, что́ записалъ отъ Савруллина.

Въ бытовыхъ сказкахъ Савруллинъ оказывается нѣсколько болѣе на своемъ мѣстѣ. Нѣкоторые изъ его бытовыхъ разсказовъ—недурныя этнографическія картинки (№ 39, 37). Разсказъ „Иванъ Купцовъ" (№ 39) вѣрно отражаетъ чисто мѣстную, Уральскую, жизнь, и едва ли не созданъ самимъ Савруллинымъ (быть можетъ, списанъ съ дѣйствительныхъ событій?). Будучи сочинителемъ, Савруллинъ однако же предпочитаетъ готовыя сказки своимъ измышленіямъ. Бытовой разсказъ „Новая изба и черемисинъ" (№ 35) не могъ быть имъ выдуманъ, такъ какъ самъ Савруллинъ среди черемисъ никогда не жилъ; разсказъ этотъ созданъ, вѣроятно, солдатомъ-уроженцемъ Казанской, Уфимской или Вятской губерніи, гдѣ живутъ черемисы. Бытъ черемисъ отразился въ этой сказкѣ, повидимому, вѣрно.

Герои напечатанныхъ мною сказокъ Савруллина довольно однообразны: шесть сказокъ (№№ 30—32, 37—39) посвящены похожденіямъ воровъ и три (33, 34, 35)—солдатъ. Герой сказки № 36—обманщихъ. Одна сказка (№ 29)—легенда и одна (28)—передѣлка волшебной сказки.—Можно думать, что двѣ послѣднія сказки выслушаны Савруллиннымъ отъ старухи „Панихи“ изъ Метлина, а прочія—принесены имъ съ военной службы.

Представителемъ третьяго типа извѣстныхъ мнѣ сказочниковъ является М. О. Глуховъ. Цѣль его сказокъ—тоже занимательность, какъ и у балагуровъ въ родѣ Савруллина. Но эта занимательность достигается имъ не балагурствомъ, не риѳмами и раешничествомъ, а иначе: разсказчикъ подбираетъ разные, болѣе занимательные сюжеты и анекдоты изъ многихъ бытовыхъ сказокъ и нанизываетъ ихъ въ одну длинную цѣпь, такъ что получается какъ бы безконечная хроника о похожденіяхъ героя, коего разсказчикъ иногда отожествляетъ съ самимъ собою (срв. № 49).

Образецъ такого попурри изъ разныхъ сказокъ можно видѣть въ сказкѣ Глухова „Воръ Ванька“ (№ 50), которая представляетъ собою механическое, въ порядкѣ послѣдовательности во времени, сцѣпленіе четырехъ разныхъ сюжетовъ: 1) ловкій воръ, 2) знахарь, 3) мудрые отвѣты или безпечальный монастырь и 4) небылица. Въ другой сказкѣ о ворѣ, разсказанной мнѣ Шешневымъ-сыномъ (№ 47), соединены въ одно мѣсто, также въ хронологическомъ порядкѣ, два разныхъ сюжета: 1) воръ и 2) попъ и работникъ.

Башкирскій сказочникъ солдатъ Каримовъ, разсказывавшій мнѣ русскія сказки на ломанномъ русскомъ языкѣ, принадлежитъ къ этому же самому типу сказочниковъ: также склоненъ выдергивать изъ разныхъ сказокъ сюжетцы поинтереснѣе и нанизывать ихъ въ одну длинную цѣпь. Его сказка о солдатѣ Петровскомъ (стр. 442—443) представляетъ собою сцѣпленіе трехъ разныхъ сказочныхъ сюжетовъ: 1) безстрашный солдатъ, пугающій разбойниковъ мнимымъ своимъ людоѣдствомъ, 2) солдатъ пускаетъ упыря

въ могилу подъ условіемъ открытія средства для излѣченія заколдованной тѣмъ новобрачной четы и пользуется этимъ средствомъ для своего обогащенія и 3) солдатъ выживаетъ изъ дома чертей (+ еще спасаетъ царевну).

Для Каримова,—который, впрочемъ, находился въ особыхъ условіяхъ, разсказывая мнѣ сказки на чужомъ языкѣ,—характерна еще страсть къ труднымъ и, такъ сказать, ученымъ словечкамъ, въ родѣ: библіотека, іеромонахъ, депеша, полигончикъ, нерьпы, рапортъ и т. п. Ближайшею цѣлью Каримова при этомъ было—блеснуть рѣдкимъ знаніемъ русскаго языка (блеснуть передо мною и передъ другими слушателями). Но, повидимому, эта погоня за дешевымъ эффектомъ характерна для даннаго сказочника и вообще. Не знаю только, какъ онъ разсказываетъ свои сказки побашкирски.

Еще о Каримовѣ замѣчу здѣсь, что онъ, по его словамъ, знаетъ и разсказываетъ также сказку „Монтекристъ", т. е. тутъ мы сталкиваемся съ тѣмъ же самымъ явленіемъ, съ которымъ я встрѣтился въ 1902-мъ году въ Яранскомъ уѣздѣ Вятской губерніи (Живая Старина 1903, № 3, стр. 404).

Есть и еще одинъ типъ сказочниковъ, представителемъ коего является Шешневъ-отецъ. Это—сказочники безъ воображенія и безъ дара слова, съ одною памятью; „своихъ словъ" у нихъ нѣтъ. Они хранятъ выслушанную сказку, какъ нѣчто окаменѣлое, мертвое, ничего къ ней не прибавляя. Было бы хорошо, если бы они также ничего и не убавляли. Но память часто измѣняетъ сказочнику. Сказка — это не то, что пѣсня, гдѣ забытый стихъ вамъ сейчасъ же напомнятъ другіе пѣсенники или слушатели. Знатоки сказокъ рѣдки, да и каждый изъ нихъ знаетъ лишь свои сказки. Сказочникъ въ родѣ Шешнева, забывъ одно мѣсто въ сказкѣ, теряетъ всю сказку, такъ какъ онъ не можетъ замѣнить забытое чѣмъ-либо своимъ, что легко сдѣлалъ бы на его мѣстѣ Ломтевъ или даже Савруллинъ.

Шешневъ, въ полную противоположность описаннымъ нами выше сказочникамъ, не вноситъ въ сказку рѣшительно ничего своего: онъ старается съ буквальной точностью

передать выслушанное имъ, и только; когда память измѣняетъ ему, тогда онъ или дѣлаетъ пропуски, или же комкаетъ цѣлые эпизоды, замѣняя поэтическую традицію голымъ прозаическимъ остовомъ сказки. Т. е., отношеніе къ сказкѣ тутъ почти такое же, каково отношеніе народа къ заговорамъ: текстъ заговора, какъ извѣстно, считается неприкосновеннымъ, въ немъ нельзя ничего ни убавить, ни прибавить. Но заговоры не понятны народу, и если живы въ народѣ (хотя и въ сильно искаженномъ видѣ), такъ только благодаря тому, что они являются гораздо чаще письменными произведеніями, а не устными.

Сказочныхъ списковъ (подобныхъ спискамъ заговоровъ) въ народѣ, можно сказать, совсѣмъ не существуетъ. Вотъ почему, въ устахъ сказочниковъ въ родѣ Шешнева сказка представляется мнѣ на краю могилы, умирающею.

III.

Вѣра въ сказки. — Сказки о животныхъ. Легенды. Былина. Записи Вологдиныхъ, Потапова. Башкирскія сказки.

На вопросъ о томъ, вѣрятъ ли мои сказочники въ дѣйствительность описываемыхъ ими въ сказкахъ событій, я долженъ отвѣчать скорѣе утвердительно, чѣмъ отрицательно. По крайней мѣрѣ, Ломтевъ изрѣдка прерывалъ свое разсказыванье вполнѣ искреннимъ восклицаньемъ: „не знаю только, правда это или нѣтъ!“ И слушая это восклицаніе, я могъ съ большою достовѣрностью догадываться, что во всѣхъ прочихъ случаяхъ сомнѣнію въ душѣ Ломтева мѣста не было.

Доказательствомъ вѣры моихъ сказочниковъ въ описываемыя ими сказочныя приключенія можетъ служить и то, что въ ихъ сказкахъ рядомъ съ собственно сказочными лицами дѣйствуютъ также и почитаемые православною церковью святые, въ существованіи коихъ, конечно, ни у одного изъ моихъ сказочниковъ никакого сомнѣнія нѣтъ. Въ сказкахъ Ломтева мы видимъ Миколу Милостиваго, который даетъ герою коверъ-самолетъ, скрипку-самогудъ и волшебную ягоду (стр. 35—39), а безыменный небесный ста-

рецъ на сивомъ конѣ даетъ другому герою волшебные предметы—саблю, ремень и дудочку (стр. 45—46). Оба эти случая мы находимъ въ настоящихъ волшебныхъ сказкахъ, которыя легендами ни въ какомъ случаѣ названы быть не могутъ; въ легендахъ же подобные случаи, конечно, много чаще (см. №№ 29, 25, 15). Но разъ волшебные предметы даны святыми угодниками, то можно ли сомнѣваться въ существованіи и дѣйствительности этихъ предметовъ?

Еще въ сказкахъ мы встрѣчаемся съ случаями чудеснаго прозрѣнія слѣпыхъ послѣ умыванья глазъ росою, при чемъ этотъ способъ лѣченья былъ открытъ герою во сновидѣніи (стр. 49 и 53). Извѣстенъ также случай чудеснаго исцѣленія благочестивой безрукой матери съ ребенкомъ, въ сказкѣ о „дѣвицѣ съ отрубленными руками" (въ перепечатанной нами изъ Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостей соотвѣтствующей сказкѣ данный эпизодъ пропущенъ, хотя и необходимо предполагается изъ всего контекста сказки: см. стр. 571). Такимъ образомъ, и въ этихъ случаяхъ волшебная сказка опять-таки приближается къ легендѣ, сливается съ легендою до невозможности отличить, гдѣ кончается сказка и начинается легенда; указанныя чудеса, описанныя въ сказкѣ, ничѣмъ, въ сущности, не отличаются отъ тѣхъ христіанскихъ чудесъ, которыя описаны въ прологахъ и житіяхъ святыхъ. При вѣрѣ въ послѣднія естественна и вѣра въ первыя, такъ какъ разобраться критически въ томъ, гдѣ имѣется освященное Церковью преданіе и гдѣ сказочная традиція, народъ не въ состояніи.

Вліяніе житійной литературы на печатаемыя ниже сказки внѣ всякаго сомнѣнія (срв. стр. 268), а это вліяніе—залогъ того, что сказка считается не пустымъ вымысломъ, не безцѣльной „складкой", а повѣствованіемъ о дѣйствительныхъ событіяхъ, заслуживающимъ полнаго довѣрія [1]). Серьезная (не шуточная) сказка (не говоря уже о легендахъ) представляется другой разъ душеспасительнымъ,

---

[1]) Срв. народный споръ о сказкѣ въ Этнографическомъ Обозрѣніи 1891, № 3, стр. 234—235.

„божественнымъ“ разсказомъ, чѣмъ-то въ родѣ „житія святыхъ“. Не даромъ же, одинъ сказочникъ разсказалъ мнѣ среди другихъ своихъ сказокъ подлинное житіе св. великомученика Евстафія (стр. 268—270).

Даже въ сказкѣ Ломтева о Францелѣ, не особенно торжественной (срв. стр. 203—204), волшебные предметы (кошелекъ-самотрясъ, кафтанчикъ-невидимка и трость съ солдатами) даны герою какими-то таинственными богомолками, высокая нравственность коихъ оскорблена уже простымъ разговоромъ ихъ „названныхъ“ мужей, при чемъ и разговоръ этотъ, будучи заочнымъ, сталъ однако же сейчасъ же извѣстенъ этимъ таинственнымъ дѣвамъ, ежедневно куда-то „улетавшимъ“ на богомолье (стр. 201, срв. 537).

Наконецъ, о вѣрѣ сказочниковъ въ дѣйствительность сказочныхъ событій свидѣтельствуетъ и самое стремленіе сказочниковъ передѣлывать сказки въ такомъ направленіи, чтобы онѣ получили болѣе правдоподобный видъ (срв. передѣлку сказки о царевнѣ-лягушкѣ Ломтевымъ и Савруллинымъ: №№ 19 и 28). Если видѣть въ сказкахъ одинъ вымыселъ, то надобности въ такихъ передѣлкахъ нѣтъ.

Замѣчу еще, что если человѣкъ вѣритъ въ существованіе сатаны и чертей, то для него нѣтъ большихъ препятствій вѣрить и въ существованіе различныхъ „Идолищъ“, не говоря уже о бѣсахъ, служившихъ Рязанцеву (№ 8), а тѣмъ болѣе — вѣрить въ дѣйствительность волшебнаго кольца, даннаго герою сатаной за денежныя жертвы (№ 87) или же въ находку провалившимся сквозь землю проклятымъ сыномъ волшебной конопатки (№ 68).

Сказокъ о животныхъ я не записалъ въ Пермской губерніи ни одной. На вопросы о нихъ мнѣ всюду отвѣчали, что такія сказки читаютъ по книжкѣ, а не разсказываютъ. Но въ перепечанномъ мною сборничкѣ сказокъ, записанныхъ братьями Вологдиными въ Соликамскомъ уѣздѣ въ 1863-мъ году, такихъ сказокъ не менѣе десяти; въ пяти изъ нихъ (№№ 83, 84, 88—90) дѣйствующими лицами являются одни животныя и въ пяти (№№ 74, 75, 78—80) — животныя рядомъ съ людьми. Къ послѣднимъ можно отнести

также и мою сказку „Весёлый“ (№ 62), равно какъ сказку „Медвѣдь, заяцъ, паукъ и мужикъ“ (№ 70) съ варіантомъ ея въ примѣчаніяхъ (стр. 568).—Не упоминаю здѣсь о сказкахъ, въ коихъ встрѣчаются благодарныя животныя.

Легендъ во всемъ моемъ сборникѣ напечатано шесть (№№ 15, 25, 29, 45, 58 и 64); въ томъ числѣ два варіанта извѣстной легенды-сказки о Маркѣ Богатомъ (№ 45 и 64).

Сказка-былина у меня, въ сущности, только одна: Илья Муромецъ (№ 16), гдѣ встрѣчаемъ также и „Егора Златогора“ (=Святогора). Кромѣ того, записанная Зыряновымъ сказка „Князь Кіевскій Владиміръ и Илюшка сынъ Матросовъ“ (у меня № 96) и своими дѣйствующими лицами, и особенно изложеніемъ напоминаетъ былину.—Историческое событіе затронуто въ сказкѣ „о Наполеонѣ“ (№ 95).

Перепечатанныя мною записи Вологдиныхъ 1863 г. представляютъ тотъ интересъ, что въ нихъ находимъ много дѣтскихъ сказокъ (отрывки животнаго эпоса и другія), которыя въ наше время такъ, въ сущности, рѣдки, при всей ихъ общеизвѣстности: ихъ теперь всѣ знаютъ изъ книгъ, а не по устной традиціи. Во времена же Вологдиныхъ грамотность была распространена еще много менѣе, и записанные тогда варіанты не восходятъ къ книгѣ. Изъ этихъ записей двѣ сказки (№№ 74 и 81) производятъ впечатлѣніе чего-то незаконченнаго, неполнаго, какъ бы отрывковъ; можно думать, что это начала сказокъ, обработанныя сказочникомъ въ самостоятельные разсказики для маленькихъ дѣтей (срв. стр. 571 и 574).

Записи Потапова того-же 1863 г. (№№ 72 и 73) обѣ не совсѣмъ удачны: первая не закончена (хотя записавшій этого, видимо, и не подозрѣвалъ), во второй — важный пропускъ объ исцѣленіи безрукой матери (см. стр. 570 и 571).

Ученическія записи (№№ 68—71) всѣ нѣсколько схематичны.

Среди напечатанныхъ ниже башкирскихъ сказокъ встрѣчаются простые варіанты сказокъ русскихъ (см. стр. 581—584). Это обстоятельство и послужило для меня ближайшимъ поводомъ къ тому, чтобы напечатать эти сказки въ приложеніи къ настоящему сборнику. Я однако же отнюдь не подбиралъ башкирскихъ сказокъ, а только поста-

вилъ на первомъ мѣстѣ сказочника, сказки коего нѣсколько ближе къ русскимъ. Вообще же, я напечаталъ полностью весь записанный мной запасъ сказокъ трехъ башкирскихъ сказочниковъ изъ одной и той же деревни. Всѣ эти три моихъ сказочника — не выдающіеся, а заурядные, какихъ легко встрѣтить въ каждой башкирской деревнѣ, такъ какъ у башкиръ (по крайней мѣрѣ у зауральскихъ башкиръ, среди коихъ я жилъ не одно лѣто) знаніе сказокъ и интересъ къ нимъ распространены болѣе, нежели у ихъ русскихъ сосѣдей. Лучшіе сказочники—обычно пожилые люди, и относятся къ пріѣзжимъ русскимъ настолько недовѣрчиво, что сказокъ разсказывать не соглашаются ни за какія деньги.

По вопросу объ отношеніи башкирскихъ сказокъ къ русскимъ для меня не все ясно. Разумѣется, башкиры позаимствовали много русскихъ сказокъ, но у нихъ есть и сказки, не имѣющія ничего общаго съ русскими, а общія съ киргизами и другими народами Средней Азіи (срв. №№ 100, 107, 108). Сходство башкирской сказки о чудесной скрипкѣ (№ 103) съ соотвѣтствующею русскою сказкою о чудесной дудкѣ, равно какъ и башкирской сказки „Старикъ и Деу“ (№ 104) съ соотвѣтствующей русской „Змѣй и цыганъ“ настолько отдаленное, что, будучи варіантами, это, въ сущности, совершенно различныя и самостоятельныя сказки.

Записанная мною отъ башкира сказка „Золотая гора“ (№ 98) имѣется, въ близкомъ варіантѣ, въ сборникѣ русскихъ сказокъ Аѳанасьева (№ 136). При всемъ томъ, я сомнѣваюсь, русская ли это сказка. Въ собраніи В. И. Даля, которымъ воспользовался Аѳанасьевъ, были, вѣроятно, также и сказки башкирско-киргизскія, записанныя Далемъ въ Оренбургскомъ краѣ отъ русскихъ или даже отъ инородцевъ.

Перечень русскихъ сказокъ Пермской губерніи, не вошедшихъ въ настоящій сборникъ *).

---

1. «Сказка о лисицѣ и волкѣ» *(лисица крадетъ рыбу съ воза; волкъ удитъ рыбу хвостомъ; «битъ не битаго везетъ»; лисица заговариваетъ кровь волку)*. Волеговъ: АГО. XXIX, 68.

2. Лиса-повитуха. Аѳан. № 2[b] (Чердын.). Срв. ниже № 88.

3. «Повѣсть о пѣтухѣ красномъ и лисицѣ прекрасной». Питерскій: Пермскій Сборникъ I, 127—128 (Перм.) = АГО. XXIX, 45, № 12: «Лисица и пѣтухъ» = Аѳан. № 4[b]: Лиса-исповѣдница.

4. «Колобокъ». Волеговъ: АГО. XXIX, 68. Срв. ниже № 75.

5. Медвѣдь. Аѳан. № 25 (Осин.). Срв. ниже № 80.

6. Жадная старуха. Аѳан. № 40, вар. (Чердын.).

7. «Ершъ клеветникъ». Зыряновъ: АГО. XXIX, 45, № 10 = Пермскій Сборникъ I, 125—126, № 9.

8. «Сходка». Зыряновъ: АГО. XXIX, 45, № 13 = Пермскій Сборникъ I, стр. 122, № 7. Срв. ниже № 89.

9. «Муха-камуха». Зыряновъ: АГО. XXIX, 45, № 14 = Пермскій Сборникъ I, 121—122, № 4: Муха.

9*а*. [Теремъ мухи]. Волеговъ: АГО. XXIX, 68 *(въ потерянномъ мужикомъ горшкѣ селятся муха, мышка, заяцъ, лисица, волкъ и медвѣдь)*.

10. «Мизгирь». Зыряновъ: АГО. XXIX, 32*а*, № 1 = Аѳан. № 44.

10*а*. «Мизгирь». Зыряновъ: АГО. XXIX, 45, № 1 = Пермскій Сборникъ I, 118—120, № 1.

---

*) Сказки приведены въ порядкѣ, принятомъ въ извѣстномъ сборникѣ сказокъ А. Н. Аѳанасьева. Для варіантовъ сказки повторяется тотъ же нумеръ, но съ буквою: а, б и т. д. Знакъ равенства (=) означаетъ перепечатку одного и того же текста сказки. **АГО**, это — сокращеніе для обозначенія рукописей изъ Архива И. Р. Географическаго Общества, перечень коихъ данъ мною ниже, въ алфавитномъ указателѣ авторовъ. Ссылки на сказки, вошедшія въ мой настоящій сборникъ, даны только въ случаяхъ, когда тамъ приводится варіантъ данной сказки (Ссылки эти краткія: „срв. ниже №“). — Легенды перечислены послѣ сказокъ, въ порядкѣ, принятомъ въ извѣстномъ сборникѣ русскихъ народныхъ легендъ А. Н. Аѳанасьева.

11. «Уголёкъ, пузырёкъ и соломинка». Зыряновъ: АГО. XXIX, 45, № 3 = Пермскій Сборникъ I, 121, № 3.

11*а*. «Дѣтская сказка» *(соломинка, уголекъ и пузырекъ переходятъ черезъ рѣку)*. Волеговъ: АГО. XXIX, 68.

11*б*. [Пузырекъ да бородка добываютъ огонька: *бородка вспыхнула, а пузырекъ лопнулъ отъ хохота*]. Буевскій: АГО. XXIX, 61, «присказульки» № 5 (Кунгур.) = Аѳан. № 45: Пузырь, соломинка и лапоть, вар. подъ строкой *(безъ обозначенія мѣста и автора)*.

12. [Василиса прекрасная?] *(Старуха погасила огонь, и дочь ея пошла въ сосѣднюю деревню «по огонь»; ей встрѣчаются три мужика: въ красномъ платьѣ и на красной лошади, въ бѣломъ платьѣ и на бѣлой лошади, въ буромъ платьѣ и на бурой лошади, всѣ говорятъ ей: «не ходи, хамъ съѣстъ тебя». Хамъ объяснилъ ей, что мужики эти — его солнце, мѣсяцъ и сынъ, человѣчьи руки и ноги—его грабли, человѣчьи головы—его кринки, и съѣлъ ее)*. Волеговъ: АГО. XXIX, 68.

13. Баба-яга и жихарь. Зыряновъ: АГО. XXIX, 32*а*, № 7 = Аѳан. № 61.

14. [Правда и кривда?] *(бѣдный братъ подслушалъ рѣчи чертей въ озерѣ и получилъ много денегъ за укрѣпленіе мельницы; богатаго брата разорвали тамъ черти)*. Буевскій: АГО. XXIX, 61, № 2 (Кунгур.).

15. Иванъ-царевичъ и Марѳа-царевна. Зыряновъ: АГО. XXIX, 32*а*, № 12 = Аѳан. № 68.

16. «Ивашко медвижьи уши». Зыряновъ: АГО. XXIX, 45, № 8 = Пермскій Сборникъ II, 168—171, № 7. Срв. ниже № 22 и 43.

17. Семь Семіоновъ. Зыряновъ: АГО. XXIX, 32*а*, № 11 = Аѳан. № 84.

18. Солдатъ избавляетъ царевну. Аѳан. № 90, вар. подъ строкой.

19. Кощей безсмертный. Зыряновъ: АГО. XXIX, 32*а*, № 6 = Аѳан. № 93.

20. [Сказка о молодцѣ-удальцѣ, молодильныхъ яблокахъ и живой водѣ] *(Царь посылаетъ своихъ сыновей по живую воду, по сладкія яблоки; два старшихъ сына, Ѳедоръ и Егоръ, сброшены дѣвицей съ постели невѣдомо кого; младшій сынъ, Иванъ, съ помощью Егишенъ, достаетъ воду и яблоки у бѣлой Лебеди Захарьевны подъ зголовьемъ и освобождаетъ братьевъ; тѣ его убиваютъ, но конь оживляетъ Ивана, и братья получаютъ возмездіе)*. Буевскій: АГО. XXIX, 61, № 5 (Кунгур.).

21. Сивко-бурко. Зыряновъ: АГО. XXIX, 32*а*, № 9 = Аѳан. № 105.

22. Чудесный ящикъ. Зыряновъ: АГО. XXIX, 32*а*, № 5 = Аѳан. № 111.

23. Волшебное кольцо. Пѣтуховъ: Аѳан. № 112, вар. въ прим. Срв. ниже № 46, 87 и 68.

23*а*. «Чортова благодарность». Ончуковъ, Сѣверныя сказки, 493—495, № 225 (Чердын.). Срв. ниже № 87, 46 и 68.

24. [Рога]. Буевскій: АГО. XXIX, 61, № 4 (Кунгур.). Срв. ниже № 23.

25. Чудесная рубашка. Пѣтуховъ: Аѳан. № 120 (Солпкам.).

26. Три копеечки. Буевскій: АГО. XXIX, 61, № 6 (Кунгур.) = Аѳан. № 124[b] *(съ ошибочною помѣткою: «записана въ Архангельской губерніи»)*.

27. Царевна разрѣшающая загадки. Зыряновъ: АГО. XXIX, 32*а*, № 4 = Аѳан. № 132. Срв. ниже № 53.

28. «Купецъ и канторщикъ» [Счастливое дитя]. Зыряновъ: АГО. XXIX, 45, № 7 = Пермскій Сборникъ II, 175 — 177, № 11. Срв. Аѳан. № 143.

29. Царевна-лягушка. Зыряновъ: АГО. XXIX, 32*а*, № 13 = Аѳан. № 150. Срв. ниже № 19 и 28.

30. Окаменѣлое царство. Зыряновъ: АГО. XXIX, 32*а*, № 3 = Аѳан. № 153[b].

31. Поющее дерево и птица-говорунья. Пѣтуховъ: Аѳан. № 160, вар. въ прим. (Перм.).

32. Незнайко. Аѳан. № 165, вар. въ прим. Срв. ниже № 2.

33. Ночныя пляски. Аѳан. № 167, вар. въ примѣчаніи (Перм.).

34. «Невѣста горбунья» [Суженую конемъ не объѣдешь]. Зыряновъ: АГО. XXIX, 45, № 9 = Пермскій Сборникъ II, 166, № 5.

35. «Аксёнко» [богатырь]. Зыряновъ: АГО. XXIX, 45, № 5 = Пермскій Сборникъ II, 166—167, № 6. Срв. Аѳан. № 174, прим.

36. Василій Буславичъ. Огаревъ и Тихановъ: Аѳан. № 176.

37. «Булдакъ Борисовичъ». Зыряновъ: АГО. XXIX, 45, № 4*а*. Срв. Аѳан. № 180.

38. Василиса-поповна. Тихановъ: Аѳан. № 181.

39. Донскіе казаки и султанъ бусурманъ Зыряновъ: АГО. XXIX, 45, № 1*а* = Пермскій Сборникъ II, 162—163, № 1.

40. «Крестьянинъ и незнамой человѣкъ» [Загадки]. Зыряновъ: АГО. XXIX, 45, № 11.

40*а*. «Загадки и Акирь премудрой». Зыряновъ: АГО. XXIX, 45, № 19.

41. [Поповъ работникъ]. Пѣтуховъ: Аѳан. № 189, вар. въ прим. (Перм.).

42. Мудрая дѣвица и семь разбойниковъ. Сергачевъ: Аѳан. № 201.

43. «Солдатъ и нечистой духъ». Зыряновъ: АГО. 45, XXIX, 45, № 6*а* = Пермскій Сборникъ II, 173—174, № 10. Срв. ниже № 33.

44. «О лѣшакѣ» [Лѣшій на войнѣ]. Волеговъ: АГО. XXIX, 68.

45. Въ работникахъ у лѣсного. Ончуковъ, Сѣверныя сказки, 495—496, № 226 (Чердын.).

46. «Лѣсной» [старикъ стрижетъ лѣшаго]. Зыряновъ: АГО. XXIX, 45, № 6=Пермскій Сборникъ II, 165, № 4.

47. Солдатская загадка. Аѳан. № 221.

48. Мертвое тѣло. Аѳан. № 222ᵇ. (Осин.).

49. Шутъ. Зыряновъ: АГО. XXIX, 32*a*, № 10 = Аѳан. № 223. Срв. ниже № 21.

50. Хорошо да худо. Пѣтуховъ: Аѳан. № 230 f. (Перм.).

51. [Телѣга родила жеребенка]. Буевскій: АГО. XXIX, 61, № 1 (Кунгур.).

52. Иванъ-дуракъ. Зыряновъ: АГО. XXIX, 32*a*, № 2 = Аѳан. № 234.

53. «Скупой мужъ». Зыряновъ: АГО. XXIX, 45, № 4=Пермскій Сборникъ II, 171—172. Срв. Аѳан. № 237, прим.

54. «Жена забыла мужа». Зыряновъ: АГО. XXIX, 45, № 3*a* = Пермскій Сборникъ II, 165, № 3. Срв. Аѳан. № 237, прим.

55. Головиха. Зыряновъ: АГО. XXIX, 32*a*, № 14=Аѳан. № 239.

56. [Мужъ да жена]. Волеговъ: АГО. XXIX, 68. Срв. ниже № 69.

57. Дорогая кожа. Пѣтуховъ: Аѳан. № 242 (Перм.).

58. Крестъ-порука. Пѣтуховъ: Аѳан. № 245 (Перм.). Срв. ниже № 36.

59. Объ отцѣ Николаѣ. Пѣтуховъ: Аѳан. № 246 (Перм.).

60. Анекдоты: а) О Демьянѣ Ильичѣ. Зыряновъ: АГО. XXIX, 32*a*, № 8 = Аѳан. № 249 *ии*.

б) «Солдатъ и медвѣдь». Зыряновъ: АГО. XXIX, 45, № 5*a* = Пермскій Сборникъ II, 172, № 9.

в) «Обѣдъ» [Обжора]. Зыряновъ: АГО. XXIX, 45, № 7=Пермскій Сборникъ I, 126, № 10.

г) [Неудачныя мечты о богатствѣ]. Аѳан. № 249 iii (Осин.).

д) [Мужъ учитъ свою жену]. Аѳан. № 249 sss (Осин.).

61. Докучныя сказки: а) «Сказка про бѣлаго быка». Волеговъ: АГО. XXIX, 68. Срв. ниже № 93.

б) «Иванъ крестьянской сынъ». Зыряновъ: АГО. XXIX, 45, № 16= Пермскій Сборникъ I, 122, № 5.

62. Прибаутки: а) «Галка-копалка! ты куды, галка, летала?» Аѳан. № 251*d* (Чердын.).

б) «Гуси лебеди летѣли». Аѳан. № 251*e* (Чердын.).

в) «Боба (*заяцъ*) ты, боба! ты куды, боба, ходила?» Аѳан. № 251*c*, вар. въ примѣч. (Чердын.).

г) «Котъ на печи сухари толчетъ, кошка въ окошкѣ ширинку шьетъ». Аѳан. № 251*f*. (Чердын.).

д) «Ходитъ курочка въ сапожкахъ, выронила перышко». Аѳан. № 251*g* (Чердын.).

е) «Продавецъ говядины». Зыряновъ: АГО. XXIX, 45, № 2=Пермскій Сборникъ I, 120, № 2.

ж) «Живалко-бывалко». Зыряновъ: АГО. XXIX, 45, № 15.

з) «Коза». Зыряновъ: АГО. XXIX, 45, № 17=Пермскій Сборникъ I, 122, № 6.

и) «Мужикъ-потороча». Зыряновъ: АГО. XXIX, 45, № 18.

і) «Зачинатца сказка сказаваться отъ марта отъ мисяцу, отъ курицы виноходой». Зыряновъ: АГО. XXIX, 45, № 11*б*.

к) «Живалъ да бывалъ, на босу ногу топоръ надѣвалъ». Волеговъ: АГО. XXIX, 68.

л) «Пѣтушокъ-пѣтушокъ, золотой гребешокъ» (*пѣтухъ купилъ на найденную денежку молодицу; напившись пьянъ, заклевалъ ее и созвалъ гостей, которые его сварили*). Волеговъ: АГО. XXIX, 68.

м) «Слеталися птицы стадами, садилися малыми рядами» (*кто на морѣ больше и меньше*). Буевскій: АГО. XXIX, 61 (Кунгур.).

н) «Въ мѣсяцѣ сентябрѣ попадья раздралась». Огаревъ: Записки Географ. Общ. по отд. этногр. I, 1867, стр. 670.

о) «Ворона и лисица». Огаревъ: Записки Геогр. Общ. I, 1867, с. 663 [1]).

Легенды.

63. Егорій Храбрый. Записана въ Сорокинской пристани Екатеринбургскаго уѣзда, Пермской губерніи. Аѳан. Лег. № 9 (изъ собранія Даля).

64 Потанька. Зыряновъ: АГО. XXIX, 32*а*, № 16=Аѳан. Лег. № 18.—Весьма близкій варіантъ у Зырянова же: АГО. XXIX, 45, № 9*а*: «Дьяволъ подъ силой молитвы»=Пермскій Сборникъ II, 178, № 13.

65. Поѣздка въ Іерусалимъ. Зыряновъ=АГО. XXIX, 32*а*, № 17=Аѳан. Лег. № 19.

66. Пустынникъ и дьяволъ. Зыряновъ: АГО. XXIX, 32*а*, № 15=Аѳан. Лег. № 20.—Весьма близкій варіантъ: «Пустынникъ». Зыряновъ: АГО. XXIX, 45, № 8*а*=Пермскій Сборникъ II, 177—178, № 12.

66*а* Пустынникъ и дьяволъ. Буевскій: АГО. XXIX, 61, № 3 (Кунгур.)=Аѳан. Лег. № 20 [b], стр. 76—77 (съ помѣткою «Изъ собранія В. И. Даля»).

67 «Мать и два сына». Зыряновъ: АГО. XXIX, 45, № 2*а*=Пермскій Сборникъ II, 163—164, № 2.

68. «Монахъ спасеная душа». Зыряновъ: АГО. XXIX, 45, № 10*а*=Пермскій Сборникъ II, 179, № 14.

---

[1]) Подобныхъ прибаутокъ имѣется и еще много, какъ въ печатныхъ, такъ и въ рукописныхъ матеріалахъ изъ Пермской губерніи.

Алфавитный указатель авторовъ:

А. Н. Аѳанасьевъ, Народныя русскія сказки.—Ссылки сдѣланы на нумера по 3-му изданію, но въ 4-мъ и 2-мъ изданіяхъ нумера совпадаютъ съ 3-мъ.—Самъ Аѳанасьевъ сказокъ въ Пермской губерніи не записывалъ, но онъ напечаталъ въ своемъ сборникѣ рядъ Пермскихъ сказокъ, не назвавъ именъ собирателей; см. 2, 5, 18, 32, 33, 47, 48, 60*г*, 60*д*, 62*а*, 62*б*, 62*в*, 62*г*, 62*д*.

А. Н. Аѳанасьевъ, Народныя русскія легенды. М. 1859.—При Пермской легендѣ 63 имя записавшаго не указано.

С. Буевскій, 65 загадокъ, 67 провинціальныхъ словъ, 9 присказокъ, 6 сказокъ, 18 пѣсенъ, собранныхъ въ Кунгурскомъ уѣздѣ. Рукопись 1848 г., хранящаяся въ Архивѣ И. Р. Географическаго Общества (каталожный значекъ: XXIX, 61). Авторъ состоялъ въ 1848 году штатнымъ смотрителемъ Кунгурскихъ училищъ. См. 11*б*, 14, 20, 24, 26, 51, 62*м*, 66*а*.

В. Волеговъ, Простонародныя сказки, разсказы, побасенки, игры и скороговорки. Рукопись 1850-хъ годовъ, хранящаяся въ Архивѣ И. Р. Географическаго Общества подъ значкомъ XXIX, 68. См. 1, 4, 9 *а*, 11 *а*, 12, 44, 56, 61, 62*к*, 62*л*.

Ал. Никиф. Зыряновъ, Народныя сказки Далматовской вости Шадринскаго уѣзда. Рукопись 1850 года, хранящаяся въ Архивѣ Географическаго Общества (XXIX, 32*а*).—Здѣсь 17 сказокъ (въ томъ числѣ три легенды), напечатанныя въ двухъ сборникахъ Аѳанасьева. См. 10, 13, 15, 17, 19, 21, 22, 27, 29, 30, 49, 52, 55, 60*а*, 64, 65, 66.

А. Н. Зыряновъ, Сказки и загадки, подслушанныя въ Шадринскомъ уѣздѣ. Рукопись 1859 г. въ Архивѣ Географическаго Общества (XXIX, 45). Здѣсь 19 сказокъ въ первой тетради и 11 во второй (нумера послѣдней тетради выдѣлены у меня въ перечнѣ буквой *а*). Всѣ сказки, кромѣ пяти (нумеровъ 15, 18 и 19 первой тетради и 4*а*, 11*а* второй), напечатаны въ изданіи «Пермскій Сборникъ. Повременное изданіе». Книжка первая, М. 1859, отд. 2, стр. 118—127; книжка вторая, отд. 2, стр. 162—179. См. 7, 8, 9, 10*а*, 11, 16, 28, 34, 35, 37, 39, 40, 40*а*, 43, 46, 53, 54, 60*б*, 60*в*, 61*б*, 62*е*, 62*ж*, 62*з*, 62*и*, 62*і*, 65, 66, 67, 68. См. Питерскій.

Огаревъ, тайн. сов. См. 36, 62*н*, 62*о*.

Н. Е. Ончуковъ, Сѣверныя сказки. Спб. 1909. Стр. 493—496. Двѣ сказки, записанныя Н. Е. Ончуковымъ въ Чердынскомъ уѣздѣ въ 1900 году; подлинныя записи хранятся въ рукописномъ отдѣленіи библіотеки И. Академіи Наукъ (прогр. № 258). См. 23*а*, 45.

Л. Питерскій, докторъ, записалъ въ 1840-мъ году одну сказку въ Мотовилихинскомъ заводѣ Пермскаго уѣзда. См. 3.

Дм. М. Пѣтуховъ (лѣкарь въ гор. Дедюхинѣ). См. 23, 25, 31, 41, 50, 57, 58, 59.

Александръ Сергачевъ. См. 42.

Н. Тихановъ, штатный смотритель Ирбитскаго уѣзднаго училища. См. 36, 38.

Алфавитъ уѣздовъ, въ которыхъ записаны сказки:

Екатеринбургскій уѣздъ 63.

Ирбитскій. Здѣсь, вѣроятно, записалъ свои сказки Тихановъ.

Кунгурскій. Здѣсь записывалъ свои сказки Буевскій.

Осинскій 5, 48, 60*г*, 60*д*.

Оханскій. Здѣсь записалъ часть своихъ сказокъ Волеговъ.

Пермскій 3, 31, 33, 41, 50, 57, 58, 59.

Соликамскій 25. Кромѣ того, въ немъ, вѣроятно записалъ часть своихъ сказокъ Волеговъ.

Чердынскій 2, 6, 23*а*, 45, 62*а*, 62*б*, 62*в*, 62*г*, 62*д*.

Шадринскій уѣздъ: ему принадлежатъ всѣ записи Зырянова.

Чаще встрѣчающіяся въ Пермской губерніи сказочныя **темы**:

Рога: см. ниже № 3, 23, 99; эпизоды въ № 11 и 18; запись Буевскаго (№ 24 настоящаго перечня).

Волшебное кольцо: ниже № 46, 87, ср. 68; записи Пѣтухова и Ончукова (23 и 23*а*).

Царевна-лягушка: ниже № 19, 28 и стр. 270; запись Зырянова (29).

Ловкій воръ: ниже № 47, 49, 50, 54.

Звѣриное молоко: ниже № 5, 41 и стр. 304.

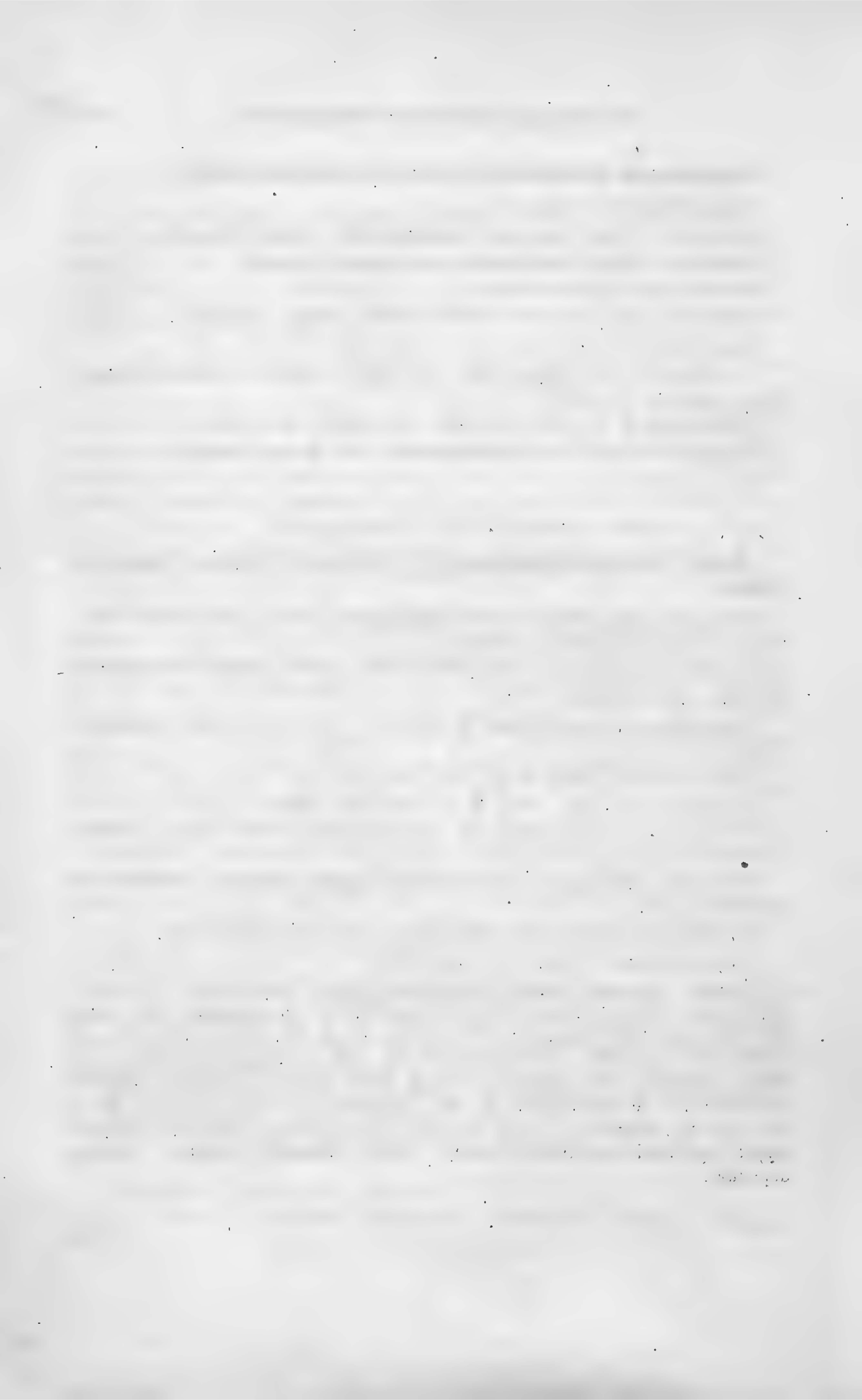
Самъ съ ноготь-борода съ локоть: ниже № 22 и 43; запись Зырянова (16).

Уголекъ, пузырекъ и соломенка: записи Зырянова, Волегова и Буевскаго (11).

Невѣста-волшебница: ниже № 12, 55 и стр. 293, 361.

Морока: ниже № 52, 60 и стр. 361.

Такимъ образомъ, девять сказочныхъ темъ встрѣтились по три и болѣе разъ. Кромѣ того, 19 темъ встрѣтились по два раза. См. ниже №№ 1 и стр. 303, 24 и 72, 42 и 101, 45 и 64, 70 и стр. 568, 76 и 103. Въ сказкахъ, не вошедшихъ въ мой настоящій сборникъ, см. №№ 9, 10 и 66 ихъ перечня. Сказки моего сборника имѣютъ варіанты въ записяхъ, не вошедшихъ въ мой сборникъ: 2=32, 21=49, 33=43, 53=27, 69=56, 75=4, 80=5, 88=2, 89=8, 93=61. (Первая цифра уравненія означаетъ нумеръ моего сборника, вторая — нумеръ перечня).

Сказки А. Д. Ломтева.

Антипъ Демьяновичъ Ломтевъ—уроженецъ с. Куяшей Екатеринбургскаго уѣзда Пермской губерніи; живетъ давно въ дер. Кожáкулѣ Куяшской волости, на родинѣ своей матери. Отецъ его рано умеръ въ солдатахъ. Теперь Ломтеву 65 лѣтъ; это бодрый и крѣпкій старикъ, продолжающій заниматься своими промыслами: зимою бьетъ шерсть и валяетъ обувь, а лѣтомъ плотничаетъ. Живетъ бѣдно.

А. Д. Ломтевъ не учился въ школѣ, не былъ въ солдатахъ, и остался до старости совершенно не грамотнымъ Сказки выслушалъ, ходя въ разныхъ мѣстахъ Екатеринбургскаго и сосѣднихъ уѣздовъ въ качествѣ „пимоката“ (валяльщика шерстяной обуви); многія сказки выслушаны имъ отъ „дальнихъ рассейскихъ“ (т. е. отъ лицъ изъ внутреннихъ губерній Европейской Россіи).

Сказки А. Д. Ломтева почти всѣ о богатыряхъ; другого рода сказокъ онъ, въ сущности, не признаетъ. Разсказанную имъ легенду (№ 15) онъ называетъ не сказкой, а „побывáльшинкой“ (т. е. былью). Вообще, на сказки онъ смотритъ, какъ на нѣчто, очень серьезное и важное. Слышанныя имъ сказки онъ передаетъ, что касается основной фабулы и отдѣльныхъ эпизодовъ, съ большою точностью; но бытовыя подробности на фонѣ готовыхъ эпизодовъ онъ рисуетъ отъ себя, черпая изъ своего жизненнаго опыта, почему и его сказки носятъ отчасти мѣстную окраску (срв. напр. картину крестинъ въ легендѣ подъ № 15).

Ломтевъ хорошій разсказчикъ, обладающій даромъ слова. Ему не удаются только начала и концы сказокъ; пока онъ не разошелся, ни одна сказка у него не клеится; концы

также всѣ блѣдны.—Онъ любитъ разсказывать сказки, и въ долгіе зимніе вечера разсказываетъ ихъ своимъ домашнимъ и сосѣдямъ.

Память у А. Д. Ломтева замѣчательная, и онъ ею справедливо гордится. Я записалъ отъ него 30 длиннѣйшихъ сказокъ (10 дней постоянной работы съ моей стороны). Кромѣ печатаемыхъ ниже, мною записаны отъ Ломтева три сказки не полностью: 1) „Конёкъ-меренокъ", 2) Иванъ царевичъ и сѣрый волкъ и 3) Иванъ дуракъ, сынъ царя Ирода. Эти три сказки Ломтева показались мнѣ слишкомъ близкими варіантами къ имѣющимся въ печати (первая—къ „Коньку-горбунку" Ершова). Кромѣ того, Ломтевъ разсказалъ мнѣ, съ большими подробностями бытового характера, извѣстный анекдотъ о томъ, „какъ мужикъ гусей дѣлилъ".

Память Ломтева, при всемъ ея богатствѣ, одностороння; онъ, напр., не помнитъ, въ какой губерніи родился его зять, мужъ его единственной дочери; „много што-то городовъ-то наговорилъ, гдѣ онъ ѣхалъ" (зять его — переселенецъ изъ Европейской Россіи). Память на имена у него слаба, и отчасти, быть можетъ, этимъ обстоятельствомъ объясняется отсутствіе и однообразіе именъ въ его сказкахъ. (Впрочемъ, фантастическія сказки и по самой сущности своей должны быть безыменны). „Ванюшка" — любимое имя его героевъ и „Мареа" — героинь.

Родной говоръ А. Д. Ломтева чистый „владимірскій"—съ сохраненіемъ предъударнаго *я* (запрягáть и т. п.), переходомъ предъударнаго *е* въ ё (лёжáла и т. п.) и съ сохраненіемъ послѣударнаго *е* безъ перехода его въ ё (исключая сочетаній съ шипящими: -жо, -шо). Такъ говоритъ Ломтевъ въ обыкновенной разговорной рѣчи. Но въ сказкахъ онъ свое произношеніе сильно разнообразитъ, повидимому — прежде всего изъ убѣжденія, что въ сказкахъ все должно быть особеннымъ, не по будничному деревенскому. Но конечно, память о томъ, какъ звучало каждое данное слово сказки въ ея источникѣ (т. е. разнообразный говоръ тѣхъ лицъ, отъ кого Ломтевъ выслушалъ сказки), а также и желаніе не ударить лицомъ въ грязь передъ слушателями—тоже имѣли свое дѣйствіе.—Хотя область странствованій Ломтева не велика, но на Уралѣ весьма много пришлаго люда, и всюду можно встрѣтить уроженцевъ очень различ-

ныхъ губерній. Да и зять Ломтева, живущій въ одномъ съ нимъ домѣ, родомъ изъ Вологодской губерніи.

Чтобы облегчить читателямъ пониманіе разсказанныхъ Ломтевымъ сказокъ, отмѣтимъ нѣкоторыя особенности его стиля и произношенія. Ломтевъ не признаетъ того, что́ называется въ грамматикѣ „прямою рѣчью", предпосылая буквально приводимымъ словамъ своихъ героевъ союзъ *что* (нерѣдко произносимый имъ по-книжному „чьто" вм. што).— Вмѣсто „тогда" онъ чаще употребляетъ слова: *то* (у насъ набрано курсивомъ въ отличіе отъ мѣстоименія то) и *тожно́*.— Мѣстоименную форму *имя́* (дат. пад. мн. ч., вм. имъ) мы также набрали курсивомъ, чтобы читатели не смѣшали съ словомъ и́мя.— Онѣ вм. они, этѣ вм. эти, въ этѣмъ и т. п.— Стяженныя формы глаголовъ: хвата́шь, быва́тъ вм. хватаешь, бываетъ.— Вмѣсто дат. пад. мн. ч. существительныхъ Ломтевъ очень часто употребляетъ творит. падежъ: „идетъ къ повара́ми" и т. п. (повидимому, тутъ онъ переусердствовалъ, избѣгая обычныхъ на Уралѣ выраженій въ родѣ „щи съ куска́мъ", считающихся признакомъ деревенской „сѣрости").— Пропускъ начальной согласной, когда за ней слѣдуетъ вторая согласная: дѣ вм. гдѣ, на́читъ вм. значитъ, сё вм. всё (въ „тупа́й" вм. ступай и „мотри́" вм. смотри имѣются простые глаголы безъ приставокъ).— Двойное твердое шш вм. *щ* не вполнѣ послѣдовательно.— Въ лексикѣ весьма много рѣдкихъ архаизмовъ; напр. слово *дворе́цъ* употребляется въ древнемъ смыслѣ „двора" при царскомъ домѣ („палатахъ").

---

1. „Ванюшка“.

1. Отецъ повелъ своево сына, Ванюшку, учить. Застала ихъ дорогой буря — ненасье. Пошолъ дошъ. Заблудились они. Пришли нечаянно къ какому-то дому. — „Станемъ мы, тятька, къ забору: не такъ будетъ насъ дожжомъ бить“. А въ этѣмъ дому живётъ старикъ—ему 500 годовъ. Услыхалъ этотъ голосъ.—„Кто тутъ около моёва дому?“—„Мы съ сыномъ„—„Аγа! сказалъ старикъ: заходите въ мой домъ“. Запустилъ ихъ и спросилъ: „куды вы пошли?“—„Своёва сына учить“.— „Отдай ты мнѣ ево на три года: я выучу ево къ худу и добру“.—Согласился.

Ночь переночевали. Старикъ домашной началъ его самоваръ ставить учить: налилъ воды и жару наклалъ.— „Ванюшка, ташшы-ко изъ комнаты, чево тамъ есь на столѣ!“ Наташшылъ имя всево—жаренова и паренова. — „Добродѣтельной, видно, хозяинъ, хорошо насъ накормилъ! Слушай ево во всемъ!“—Проводилъ отца домой, хлѣба ему на дорогу и всево положилъ.

2. Сынъ остается со старикомъ; живетъ годъ, живетъ и два, и третьево на половину.—„Што ты меня не учишь никакому ремеслу? это я и дома умѣю. Не будешь ты меня учить, я домой уйду; а если будешь учить, буду проживацца!“—Довѣрилъ ему старикъ отъ семи комнатъ ключики: „Ну, Ванюшка, къ какому ремеслу *заглянёцца*, тому и учись!“

Проводилъ старика, пошолъ по комнатамъ. Въ первую комнату зашолъ: денегъ мѣдныхъ навалена куча. Во вторую комнату Ванюшка перевалился: тутъ тоже серебра кучи—не меньше тово, какъ и мѣди. — „Экой богатой старикъ!“ Въ третью комнату зашолъ — тутъ серебра груды. Въ четвертую комнату зашолъ — тутъ бумажныхъ денегъ

полѣницы.—„Ну, что мнѣ ремесло! если мнѣ охапку денегъ дасъ старикъ, такъ тутъ мнѣ никакова ремесла не нужно!“ Въ пяту комнату зашолъ—тутъ наслáты ковры, драгоцѣнными камнями убрáты, висятъ скрипки и гитары. — „Экой старикъ забавникъ!“ Въ шестую комнату зашолъ—наловлено всякова сословія разныхъ птицъ, поютъ разными голосами. Ванюшка подивился: „надо жо наловúть!“

Ванюшка ходитъ день и два по этѣмъ комнатамъ. Старикъ сказалъ: „Што, Ванюшка, къ какому ремеслу ты обучáёшся?“—„А что́ мнѣ, дѣдушка, ремесло! Если ты мнѣ хорошу вязáнку навяжошь денёгъ —вотъ намъ и не нужно ремесло!“ сказалъ Ванюшка на это.— „Обучайся къ чему-нибудь, къ ремеслу къ какому-нибудь!“—„Ну, ладно!“

3. Старикъ ушолъ на охоту, а Ванюшка взялъ ключи, пошолъ по кóмнатами. Дошолъ до семóй комнаты.—Ахъ, дверь крѣпкая! до этой комнаты [старикъ] Ванюшку не допушшаетъ, а што-нибудь да тамъ есь лучше! Увидѣлъ: на дверѣ есь такой сучёкъ. Взялъ онъ палочку-колотушечку, проколотилъ этотъ сучёкъ. Видитъ: въ комнатѣ сидятъ три дѣвúцы, вышиваютъ ковры драгоцѣнными камня́ми. Ванюшка крякнулъ. Дѣвúцы на это сказали: „Ванюшка, что ты къ намъ въ гости не ходишь?“—„Я ишо молодъ, до вашей комнаты мнѣ дѣдушко ключики не даётъ“.—„Ну, мы тебя научимъ“.—Научúте!—„По вечеру старикъ придётъ, ты ему подай бакáльчикъ—и два, и до трёхъ—старику...!“

4. Старикъ приходитъ по вечеру.—„Охъ, дѣдушко, ты каждой день ходишь, небось *пристáлъ?*“ — „Какъ жо, Ванюшка, не пристáлъ?!“ Ванюшка подалъ ему стаканчикъ, и два, и до трёхъ.—„Эхъ ты какъ меня разупóлилъ (разогрѣлъ)! Ты перетряси перину мягку, подушки пуховы; одѣяломъ соболинымъ пріодѣнь меня!“ — „Ладно, ладно, дѣдко, лежúсь!“ Всё ему исправилъ это. Лягъ онъ на лѣвой бокъ. Ванюшка на ево глядúтъ, не спитъ. Переворотился на правой бокъ: на лѣвомъ ухý у ево ключикъ отъ комнаты, у старика. Взялъ Ванюшка, снялъ тихонько ключикъ, пошолъ къ дѣвкамъ въ комнаты.

Доходитъ, отворилъ комнату; сталъ, ништó съ *имя́* не говоритъ: онѣмѣлъ и стоúтъ. Дѣвúцы сказали: „штó ты, Ванюшка? алú мы хорошú?“—„Сколько ли у дѣдушки въ комнатахъ хорошо, а вы мнѣ показались ешо лучше!“—

„Ну, Ванюшка, поди жо ты вотъ въ эту комнату! Въ этой комнатѣ есь камо́тъ. Въ этѣмъ камодѣ есь шкату́лка; гляди́: на верхной полочкѣ ключикъ лежитъ. Отопри шкатулку: есь наши самосвѣтные пла́тьи, ташшы сюды!“ — Ванюшка приташшылъ пла́тьи, подаётъ *имя́*. Онѣ надѣли пла́тьи, взяли ево подъ *та́шки* (подъ пазухи, по нашему) и пошли кадрелью плясать.—„Ванюшка, што—мы хороши?“—„Я на васъ *здрить* не могу: вы настолько хороши!“—„Хотя мы и хороши, только ты и видѣлъ насъ!“—Пали они на́ полъ и сдѣлались пчёлами. Ванюшка ихъ потерялъ. Сялъ на лавку, замахалъ руками, *забота́лъ* ногами—задурѣлъ: не ладно, видитъ, сдѣлалъ. Отворилъ двери, онѣ потомъ улетѣли отъ ево—вылетѣли изъ хоро́мовъ.

5. Проснулся старикъ, схватился за лѣвое ухо: ключика нѣтъ. Взглянулъ на Ванюшку: „Сукинъ сынъ! хто тебѣ дозволилъ съ моёва уха ключикъ взять?“ — „Да хто дозволилъ? Я вчерась тебя поилъ виномъ— омманывалъ! Хто позволилъ? Онѣ жо научили меня, су́ки!“ — „Што́ ты надѣлалъ? Я теперь должо́нъ ихъ три года собирать!“—„А што́ тебѣ дѣлать?—собирай!“—„Ты теперь три года жилъ, и ешо три года живи!“

6. Старикъ отправился, Ванюшку оставилъ на три года до́ма. Старикъ приходитъ, приводитъ — черезъ три года — всѣхъ трехъ дѣвицъ опять обратно. — „Вотъ прожилъ ты, Ванюшка, шесь годовъ у меня. Теперь ты въ соверше́нныхъ годахъ; я тебя женю теперь... А которую ты изъ ихъ возьмёшь?“ — Да хоть которую! — „Да которую всё таки?“ — Да вотъ хоть эту жо возьму! — „Нѣтъ, эту не бери, вотъ эту возьми!“—Отвёлъ ему домъ особенной. Всево въ дому довольно: вамъ навѣки не прожить, говоритъ, тутъ. Отдалъ ему шкатулку, сказалъ ему: „не отворяй, не надѣвай на её и пла́тьё!“

7. Прожили они недѣлю. Пошла она хкобѣднѣ [къ обѣднѣ]. Собралася въ *бра́урное* платьё, надѣла шаль чёрную пуховую на себя.—„Эка собралась я теперь какъ умоле́нная монашка! Кабы хороше́й мужъ, далъ бы мнѣ самосвѣтное пла́тьё! Люди-то бы посмотрѣли: эхъ, скажетъ, у Ванюшки женьшина-та хороша!“ — Ванюшка вспо́мнилъ, что дѣдушка не велѣлъ; какъ полы́снётъ её, она и съ *копылко́въ* долой!— „*Айда!* мнѣ ладно, а люди што хошь говори!“

8. Недѣля проходитъ, старикъ къ *имя́* приходитъ въ гости.—„Што́, Ваню́шка, пожива́ёшь?“ — Спасибо, дѣдушка, поживаю хорошо! — „Топерь *айда* ко мнѣ въ гости: ко мнѣ гости пріѣдутъ“.—Поблагодарилъ Ваню́шка, сказалъ хозяйкѣ: „давай собирайся! — „Сейчасъ *айда́те*: госьти пріѣхали!“ Жена собрала́ся въ браурноё платьё, надѣла на себя чёрную пуховую шаль. — „Вотъ къ дѣдушкѣ пріѣдутъ госьти всё изъ царскова колѣна. Вотъ, кабы хорошой мужъ, надѣлъ бы на меня самосвѣтное платьё!..“

Забылъ Ваню́шка, вы́нялъ ключикъ, досталъ изъ шкатулки это платьё. Надѣла она это платьё скоро на себя; надѣла и поцѣловала ево. — „Ну, пойдёмъ теперь!“ — Вышли на улицу. Пала она на́ землю и сдѣлалась она го́лубемъ и улетѣла отъ ево. (Вотъ тебѣ и жена!).

9. Товда онъ воротился въ комнату, сялъ на лавку, замахалъ руками, *забота́лъ* ногами... Да хоть сколько маши, нихто́ не уймётъ! Вы́щолъ Ваню́шка на дворъ, набралъ соломы оха́пку, напеха́лъ полну печь. Напехалъ и зажогъ. Накрошилъ онъ сухарей, накла́лъ въ котомку и пошелъ жену искать: не пойду, говоритъ, въ гости къ старику одинъ. Шолъ день до вечера, зашолъ въ топу́чёе болото и огря́зъ до колѣна. Вышолъ на долину, сялъ на кочку, взялъ сухарикъ: сидитъ поѣдаётъ съ горя-та. — „Жди, отецъ! выучился Ваню́шка! Самъ не знаю, какъ выплестись отсюда! Самъ не знаю, гдѣ живу!“ Заплакалъ Ваню́шка.

10. Соскочилъ Ваню́шка, поглядѣлъ во всѣ стороны,—увидѣлъ въ одной сторонѣ огонь. — „Зна́ть-то, жители живутъ!“ Ваню́шка пошолъ на этотъ на огонь. Приходитъ: стоитъ избушка, на ку́ричьей голяшкѣ повёртыватца.—„Ну, избушка, стань по-старому, какъ мать поставила!—къ лѣсу задо́мъ, ко мнѣ передо́мъ!“ Зашолъ въ эту избушку, разулся раздѣлся, лёгъ на печку и лёжитъ по-дома́шному. Неоткуль взялась Яга́ яги́шна: бѣжитъ, и лѣсъ трешши́тъ. Заходитъ въ избу, разѣваетъ ротъ—хочетъ Ваню *сьись* эта Яга яги́шна. Ваню́шка сказалъ: „што́ ты, старая сука, дѣлашь? въ протчихъ деревняхъ такъ ли дѣлаютъ старухи?— А ты должна баньку истопить, вы́парить, вымыть и спросить: гдѣ ты проживался?“ Старуха одумалась: затопила баню, вы́парила, накормила ево.—„Гдѣ же ты проживался“?— „Я проживался шесь лѣтъ у дѣдушки въ ученикахъ: онъ

споженилъ меня на малой дочери".—„Экой ты куракъ! вѣдь ты жилъ у брата у моёва, а взялъ племянницу мою. И она вчера была у меня на совѣтѣ. Нашто ты надѣлъ на неё самосвѣтное платьё? Она бы жила жила у тебя,—не надѣвалъ бы, говоритъ, на неё!"—„Ты ужъ теперь меня, тётушка, научи, какъ къ ей дойти?"—„Пойди, тамъ ишо есь у меня сестра, поближе къ ей живетъ, тамъ она тебя научитъ".

Дала ему подарокъ лепёшку: „будетъ лѣсь (*ись* ево), такъ ты её въ зубы тычь, етой лепёшкой!" Дала ему еще воронью косточку; онъ её въ карманъ положилъ. Опять пошолъ въ путь.

11. Шолъ день до вечера. Зашолъ въ болото топучее—*ночнымъ бытомъ*. Огрязъ до колѣна въ болотѣ, вышелъ на долину, сялъ на кочку, вынялъ сухарикъ, сидитъ поѣдаетъ. Соскочилъ на ноги. Увидѣлъ опять: огонёкъ горитъ. „Знать-то тамъ тётка моя живётъ!" Пошолъ на огонёкъ. Избушка стоитъ на козьихъ ножкахъ, на бараньихъ рожкахъ, повёртывацца.—„Избушка, будетъ култыхацца: время Ванюшкѣ заходить". Зашолъ въ избушку, по-домашному разулся раздѣлся, лёгъ на печку и лежитъ.

Ниоткуль взялась Яга ягишна: бѣжитъ, и лѣсъ трешшитъ. Заходитъ въ свою хату. Прибѣжала и лѣзётъ на ево *ись*.—„Эхъ ты старушка! въ протчихъ деревняхъ такъ ли дѣлаютъ? ты должна добромъ обходицца!" Тычетъ ей лепёшкой въ зубы. „Вотъ что ты дѣлаёшь! ты бы должна баньку истопить, выпарить, накормить и спросить, куда путь клонитъ, гдѣ проживался?" Одумалася старуха. „Ладно, отъ сестры ты гостинецъ принёсъ, лепёшку". Истопила баню, выпарила, накормила.—„А гдѣ же ты, милой друхъ, проживался?"—„Проживался я у дѣдушки шесь лѣтъ въ ученикахъ, онъ и споженилъ меня на малой дочери".—„Вотъ ты какой куракъ! вѣдь ты жилъ у брата у моёва, а взялъ племянницу мою. Вчерась она у меня была на совѣтѣ. Не надѣвалъ бы на неё самосвѣтное платье—никуда бы она не ушла отъ тебя!"—„Нельзя ли какъ, тётушка, черезъ тебя доступить къ ей?" Дала она ему въ подарокъ жаръ-птицыну косточку.—„Есь тамъ моя старшая сестра; та тебѣ обскажетъ: она близко около её живётъ... Она очень злая; дамъ я тебѣ ешо полотенцо: какъ лѣсти на тебя будетъ, ты ей хлешши по глазамъ!"

12. Пошолъ онъ. Шолъ день до ночи, зашолъ въ топучее болото и огрязъ до колѣна. Вышолъ на долину, сялъ на кочку, взялъ сухарикъ (ись захотѣлъ), сидитъ поѣдаетъ; съѣлъ сухарь, сталъ, поглядѣлъ во всѣ стороны, увидалъ въ одной сторонѣ огонёкъ. Пошолъ къ огню. Избушка стои́тъ на козьихъ ро́жкахъ, на бараньихъ но́жкахъ, повёртывацца.—„Избушка, стань по-старому, какъ мать поставила: къ лѣсу задо̀мъ, къ намъ передо̀мъ!" Заходитъ въ избушку: никово нѣтъ, одинъ фитилёкъ горитъ.

Неоткуль взялась Яга яги́шна: бѣжитъ, и лѣсъ трешши́тъ; прибѣжала, и лѣзётъ на ево ись. Онъ полотенцомъ ей по глазамъ хлёшшотъ.—„Што̀ ты, старая сука?.. Должна спросить: откудова ты и куды пошолъ? Вотъ какъ въ протчихъ деревняхъ дѣлаютъ старухи-тѣ: должна про меня баню истопить, выпарить!.."—„Ладно, ты принёсъ отъ сестры полотенцо: признаю́ я тебя знакомымъ". Истопила баню, выпарила, накормила.—„Гдѣ же ты, мой друхъ, проживался?"—„У дѣдушки шесь лѣтъ въ ученикахъ проживался, онъ и споженилъ меня на малой дочери. Она отъ меня улетѣла."—„Дуракъ ты дуракъ! вчерась она у меня на совѣтѣ была. Не надѣвалъ бы на неё самосвѣтное платьё, никуда бы она не ушла отъ тебя!" — „Научи-ко ты меня, тётушка, какъ доступить?"—„Ну, ладно, пойдёмъ со мной, покажу я тебѣ её домъ".

13. Завела она ево на̀ гору. — „Видишь: вотъ въ этой сторонѣ въ родѣ сонца огонь?"—Вижу, говоритъ.—„Это не въ родѣ сонца огонь, а это её домъ: онъ весь на̀ золотѣ, говоритъ. До ево ешо итти тебѣ 300 вёрстъ, до этово дому. Иди ко мнѣ теперь, я тебя учить буду, какъ заходить къ ей въ домъ... На, я тебѣ дамъ лепёшку: у ей у воротъ привязаны три льва, и онѣ тебя такъ не пропустятъ. Ты разломи её на три части, розбрось имя́. Онѣ будутъ лепёшку ись, ты проскочи въ огра́ду (во дворецъ)! Стоятъ три дежурныхъ у пара́тьнёва крыльца — не будутъ тебя пушшать. Ты на это не гляди́: одново полы́сни, штобы онъ съ ногъ долой, и другой повали́цца, а трѐтей скажетъ: проходи́, проходи!—Ты и пройди. Зайдешь въ комнату, и въ другую. Въ третей комнатѣ она сидитъ въ хорошихъ кря́слахъ такихъ. Ты не назови её тогда женой; назови её тогда госуда̀рыней: она вѣдь царица, не простая! Пади пе-

редъ ней на колѣнки, скажи: Государыня, дай мнѣ три разъ спрятатца: если я въ три разъ не упрячусь, тогда меня куды знашь, туды и дѣвай!“

14. Дала ешшо она ему шшучью косточку и проводила. Ванюшка исполнилъ всё какъ ему было сказано; пришолъ къ царицѣ во дворецъ, палъ на колѣни и проситъ ее: „Государыня, дай мнѣ три разъ спрятацца: если я въ три разъ не упрячусь, тогда меня куды знашь туды и дѣвай!“

15. „Охъ ты, Ванюшка, сказала она: гдѣ тебя спрятацца? я тебя вездѣ найду!“—„Ну, дозвольте, всё таки, государыня, спрятацца!“ Она дозволила. Онъ вышолъ на лужóчикъ. „Куды мнѣ спрятацца? Сясти подъ кустъ, такъ она найдётъ!“ Сунулся въ карманъ. Попала пéрво-нá-перво ему воронья косточка, первой тётки. Бросилъ онъ эту косточку на лужокъ. Неоткуль взя́лся могýтной воронъ, взялъ ево подъ *тáшки*, за руки и заташшы́лъ ево въ топýчёё болото; только одна голова осталась у ево не спрятана. Воронъ сялъ нá голову, закрылъ ево—спряталъ.

„Слуги, подайте мнѣ гадательную книжку и зеркáлы: я буду Ваню искать!“ Искала она ево вездѣ—по болотами и по лѣсами, и по лугами и въ морской пучинѣ: нѣтъ нигдѣ ево. Нашла ево въ топучемъ болотѣ: воронъ сидитъ на головѣ на ево.—„Вóронъ, выташшы Ванюшку, штобы онъ былъ здѣся!“ Воронъ выхватилъ ево изъ болота, принёсъ нá морё, курнулъ ево—вы́мылъ, принёсъ нá берегъ на лужокъ. Приходитъ Ванюшка.—„Штó, Ванюшка, разъ спрятался?“—Спрятался.—„Ну, ступай, ешò прячься разъ!“

16. Ванюшка отправился, вышолъ на лужокъ, вынялъ жаръ-птицыну косточку, отъ другой тётки. Неоткуль взялась жаръ-птица, взяла ево подъ тáшки и унесла ево подъ небеса, спрятала и дéржитъ ево тамъ подъ óболочкомъ. Время вышло.—„Слýги, подайте мнѣ гадательную книжку и зеркàлы: я буду Ваню искать!“ Начала она наводить по морями, по лѣсами и по лугами—нѣтъ негдѣ. Навелà она на небесную высотý и увидала ево подъ оболочкомъ.— „Жаръ-птица, сыми ево, не убей!“ Жаръ-птица сняла ево, поставила ево какъ есь нá ноги, на лужокъ. Заходитъ онъ къ ей...—„Ступай, поди прячься въ трéтей разъ!“

17. Ванюшка отправился въ третей разъ. Вышолъ близъ

моря; хватился въ карманъ, попалась ему шщучья косточка. Бросилъ онъ её на лужокъ. Неоткуль взялась могутная шщука; взяла ево зоглонула въ ротъ и унесла въ море, въ морскую пучину, и стала — залѣзла подъ камень. Подали гадательную книжку и зеркáлы; начала Ванюшку искать— по небесной высотѣ наводить, по лѣсами и по лугами и по озерами; навела въ море, въ морскую пучину, и подъ камень... Только у ноги у одной палецъ не заглонула шщука: палецъ видать. Немного не запрятался Ванюшка.— „Слуги, подойдите, посмотрите: куда запрятался Ванюшка!" Слуги подбѣжали, посмѣялись. — „Шщука, представь мнѣ на сухой берегъ ево!" Тогда шщука выпятилась изъ моря, выплюнула на сухой берегъ ево (всево измя́ла ево).

18. Приходитъ Ванюшка во дворецъ, заплакалъ; увидала у ей служанка, сожалѣла ево (што ему смерть).—„Постой, Ванюшка, милой друкъ, постой со мной, поговори! я тебя научу. Проси у ей усердно, штобы она тебѣ ешо разъ дала спрятаться! Я тебѣ куды велю спрятаться, такъ ей вовѣки не найти. Если дозволитъ она тебѣ спрятаться, поди, со злá дверь запри́, во вторую комнату войди́, тутъ есь зеркáлы: межъ зеркáлъ лягъ и лежи!" Приходитъ къ ей, палъ передъ ей на колѣнки. — „Ну, што, Ванюшка, какую себѣ теперь смерть желаешь? на вѣселицу тебя или живова въ могилу закопать?" — Онъ заплакалъ и говоритъ: „государыня, дозволь хоть мнѣ ешо разъ спрятацца". — „Гдѣ тебѣ спрятацца? я тебя вездѣ найду!" Слуги и енералы ево пожалѣли: „Государыня, пожалѣй ево: дай ишо разъ ему спрятацца!"— Согласилась.

19. Ванюшка пошелъ отъ неё, со злá двери зáперъ; во вторую комнату зашолъ, межъ зеркаловъ палъ и лежитъ. Прошло время. Начала она искать ево вездѣ – въ морѣ и въ морской пучинѣ, и по лѣсами, и по озёрами, и по лугами, и въ небесной высотѣ.... Нигдѣ не можетъ найти. — „Вы́, меня, подлецы, довели до этова! велѣли ему спрятацца!". Товда бросила свои книги отъ себя, ходила-ходила по комнатами, потомъ сяла въ стулѣ, повѣсила голову и сидитъ. Скричѣла: „Ванюшка! гдѣ ты есь? иди сюда! станемъ жить вмѣстѣ!" Ванюшка лёжитъ и не *отгáркивацца*. Во второй разъ она взяла опять книги и зеркáлы, искала, искала.... опять не могла нигдѣ найти. (Ей зеркало на зер-

кало никогда не навести). Побѣгала, побѣгала по комнатами.—„Эй, милой Ванюшка! гдѣ ты? Иди сюды! не будемъ съ тобой ссорицца, станемъ вмѣстѣ жить съ тобой!“

20. Онъ сталъ жить вмѣстѣ съ ей. Мѣсяцъ прожилъ, послалъ письмо отцу: „Я живу теперь въ такомъ-то царствѣ, владѣю царствомъ. Если желаешь, пріѣзжай ко мнѣ на житьё!“ Отецъ пожелалъ къ ему на житьё.

---

2 [Марѳа Царевна и Иванъ крестьянскій сынъ].

1. Жилъ былъ мужичокъ. У ево было три сына и три снохи́. Одну сноху онѣ не долюбливали. И этой снохѣ жить стало невозможно дома. Отправилась она въ тёмные лѣса́.

Ей время *то́* пришло—родить сына. Роди́лся у ей сынъ въ *Ура́лѣ*. Родился и спрашиваетъ её: „почему же ты не въ *жи́лѣ* меня родила, а въ те́мныхъ лѣсахъ?“... [Еще] сынъ просить сталъ: „нареки, мать, мнѣ имя!“—Нарекла она ему имя Иваномъ.

2. Трои сутки тутъ пробыли, потомъ пошли въ походъ: „не бу́дёмъ, мать, здѣсь жить: тутъ съ го́лоду помрёмъ“. Нечаянно вышли съ имъ на тракто́вую дорогу. Пошли съ имъ доро́гой: „не сойдёмъ мы съ етой дороги въ сторону— гдѣ-небудь въ селенье *натака́мся*“. Дошли до такова *ро́ву*: выходятъ на нихъ три разбойника, *не́честно* ево мать взяли за́ руку и ведутъ подъ этотъ мостъ. Сказалъ Ваня: „неужеле вамъ моя мать достойна? повели вы её подъ етотъ мостъ?“—Тогда они *изматери́ли* ево, мальчика етова. Мальчикъ не зробѣлъ: схвата́лъ ихъ всѣхъ троихъ, ударилъ голова́ о́бъ голову, и онѣ остались тутъ.

3. Шли они *ди́вно* отъ этова мѣста и увидѣли въ сторонѣ *агрома́дной* домъ. Заходятъ въ этотъ домъ съ матерью; въ этёмъ домѣ нашли бѣлова хлѣба тамъ и *ва́ри*. Наѣлись онѣ хорошо тутъ.—Ваня ходилъ по ко́мнатами и слышитъ: человѣкъ стонетъ; а не знаетъ, гдѣ. Ваня нашолъ *западёнку* (въ родѣ какъ теперь *го́лбецъ*), отворилъ: тамъ гробъ и въ гробу человѣкъ стонетъ.—„Хто́ тутъ такой?“—„Ты меня вываташшы изъ гробу—я буду тебя сохранять!“

На гробу были натянуты три обруча желѣзныхъ. На-

шолъ Ваня ломъ и сшибъ эти обручи; скрылъ крышку. Вылѣзатъ человѣкъ и раскрываетъ ротъ — хочётъ Ваню съѣсть. Ваня видитъ непорядки, взялъ ево въ охапку, опять положи́лъ въ гробъ и накры́лъ крышку—опять обратно. Принагнулъ колѣнко и натянулъ обручи: „не мною поло́женъ, не мною и оставайся тутъ".

4. Пошолъ Ваня по комнатѣ, увидѣлъ ружьё и *припасу*; взялъ себѣ ружьё. Матери своей говоритъ: „я схожу по *Уралу*, не застрѣлю ли каку-небудь себѣ *дичя́тину*".—Отправился. Матери сдѣлалось жу́тко (тоскливо) сидѣть въ ко́мнатѣ, захотѣла разгуляться. Пошла она къ этими самыми тремъ разбойникамъ — къ этому мосту. Приходитъ къ мосту. Дѣйствительно, онѣ очувствовались, сидятъ всѣ на ж..ахъ. Увидѣли женьшину, не отпустили ее — увели въ свой домъ; а этотъ самой домъ былъ ихъ, разбойницкой. Приходятъ, зарядили ружьи и говорятъ: „если придётъ твой сынъ, мы ево застрѣлимъ, а тебя не отпу́стимъ".— „Дѣло ваше!"—*Наджида́ютъ* ево. Сынъ пришолъ и глядѣлъ тайно въ окно; они собираются ево застрѣлить. Молодецъ разсмотрѣлъ. На тѣмъ рѣшился, что мать оставилъ тутъ, а *имя́* не показался—ушолъ отъ ихъ.

5. Пошолъ по Уралу и *натака́лся*: стоитъ огро́мной домъ. Въ этѣмъ дому никово нѣтъ. Походилъ по комнатамъ; въ печь заглянулъ, видитъ: жарко́ва *ла́тка*. Онъ и хлѣба нашолъ, наѣлся какъ *трёбно* быть, зашолъ въ особую комнату, лёгъ на диванъ отдыхать. Не черезо мно́го времё чудо́вищо прилетѣлъ, ударился объ *пара́тъ* и сдѣлался молодцомъ. Заходитъ этотъ чудовисчо въ свою комнату, видитъ, что *ла́тка* на боку и поѣдено всё.—„Ишь, а *хто* меня *огложа́лъ?* если бъ я тово раба вида́лъ, я бы и самово ево сожра́лъ!" — Заходитъ въ особую комнату, увидѣлъ Ваню, разѣваетъ ротъ—хочетъ Ваню *съись*. Одумался чудовисчо: „што я буду ево, соннова, *ись?* разбудить надо, распросить: хто онъ такой, откуда есть? Изъ моихъ рукъ никуда не дѣваецца де онъ".—Началъ Ваню не́честно будить. Ваня сбро́силъ глаза и говоритъ: «дай мнѣ воды и рукоте́ръ (умыцца): я умоюсь и *тожно́* буду говорить". Чудовисчо приташшылъ ему воды и рукотеръ (ути́рку понашему или полотенцо). Сказалъ Ваня: „вотъ што, хозяинъ, я Бога шипко не спознаю: родился въ лѣсу, а мо-

лился пню; прими меня въ дѣти". Чудовисчо сказалъ: „какъ тебя зовутъ?"—„А меня, говоритъ, мать родила́ и нарекла мнѣ имя Иваномъ".—Согласился и приня́лъ ево въ дѣти.

6. Сталъ Ваня прожива́цца съ имъ. Поутру рано Ванюшка завтракъ ему *пригоноши́лъ*: самоварчикъ и нажарилъ-напарилъ на нево. Чудовишшо похвалилъ ево: вотъ мнѣ, знать, хорошая жись будетъ теперь (завтракъ пригоноши́лъ про нево). Позавтракалъ чудовисчо, собрался какъ есь, размахалъ свои крылья и улетѣлъ съ *пора́ту* (съ пора́тънова крыльца).

Ваня посмотрѣлъ на ево сборы: размахалъ свои руки (какъ чудовисчо)—хотѣлъ летѣть—и палъ на столбъ, розшибся весь. Повечеру́ прибываетъ отецъ, ударился объ пора́тъ и сдѣлался молодцомъ—какъ есь; кричѣлъ долго Ваню. Ваня нигдѣ не оказывацца, голосу не подаётъ ему. Увидалъ Ваню на столбѣ; подходитъ чудовисчо къ ему: „Што ты, ми́лой сынъ, такъ сидишь и го́лосу не подаёшь?"—„Я по тво́ему хотѣлъ летѣть".—„Ну, прошшу тебѣ первую вину; скоро тебя вылѣчу."—Сходилъ онъ въ комнату и притасчи́лъ бутылку *зельёвъ* ему. Наливалъ онъ вразъ ему три стакана. Тогда онъ почуялъ въ себѣ силу непомѣрную, Ваня; былъ силёнъ, а *ишо* втроё сильнѣе тово сталъ. Наташшылъ говядины на ужинъ, нажарили-напарили и самоварчикъ поставили.

7. Поутру изготовилъ ему *завтрикъ*: тотъ *ешо* спитъ. Чудовисчо стаётъ и хвалитъ сына: „Надѣюсь я на тебя, сынъ; довѣряю я тебѣ ото всѣхъ амбаровъ ключи; только я не дозволяю тебѣ въ одну конюшню ходить".—„Ну, когда не дозволяешь, такъ не пойду".—Наѣлся чудовисчо, отправился неизвѣстно куды. Пошолъ Ваня по омбарами—глядѣть, што́ есь у ево. Доходитъ до етой конюшни: а што, двѣ смерти не будетъ, одной не миную—давай зайду въ эту конюшню. Отворилъ конюшню: стоитъ богаты́рской конь и на о́гненной доскѣ, прикованъ кругомъ цѣпями этотъ конь. *Сужалѣлъ* Ваня коня. Конь ему и говоритъ: „послушай, Иванъ-*хресьянской* сынъ: если ты сорвешь съ меня эти цѣпи, сведёшь съ калёной доски, тогда живъ будешь изъ-за меня!"—Свёлъ ево съ доски.—„Поставь меня въ эту конюшню, ташшы ушатъ бѣлояровой пшеницы и ушатъ

мнѣ воды!“ (значитъ, онъ го́лодёнъ). „Ты ходи ко мнѣ почашше, а своёво отца спроси: ковда онъ поѣдетъ за Марѳой-царевной?“ Тогда *улешша́лся* Ваня около отца какъ можно лучше, ухаживалъ за нимъ и спрашивалъ ево: „ко*γ*да же ты, тятя, поѣдешь — привезёшь мнѣ мать?“ — Чудовисчо сказалъ: „когда послѣднёй день я полечу́, такъ тогда я тебѣ скажу“.

8. На семой день отправился чудовисчо, сказалъ: „ты приготовь сегодня пишши побольше, да аккуратнѣе исправь, въ *огра́дкѣ* подмети: я тебѣ северни мать привезу!“—Проводилъ отца и побѣжалъ къ коню, не сталъ и кушанье готовить. Приходитъ къ коню и говоритъ: „отецъ сегодня говорилъ, что привезётъ мнѣ мать“. Конь и говоритъ: „я въ тебѣ силы не увѣрился. Есь въ такомъ-то амбарѣ стопудо́вая доска, столкнёшь ли съ мѣста ты её своей ногой?“ — Ваня приходитъ, отворяетъ амбаръ, ногой своей пнулъ — доска полетѣла изъ стѣны въ стѣну забречѣла. Конь на это не *увѣря́етъ*. — „Можешь ли ты меня *шши́пчи* своей рукой съ ногъ долой?“—Ваня заходитъ съ правамо боку, *палы́снулъ* ево своей рукой—онъ на три *переве́ртышка* перевернулся и на́ ноги сталъ. Конь похвалилъ за это: „можешь ты на мнѣ сидѣть и можешь ты мною править. Поди же ты теперь вотъ въ этотъ амбаръ: тутъ есь золото и се́ребро; мажь свои волосы золотомъ, а по-локо́тъ руки се́ребромъ“, и у коня [велѣлъ] вымазать гривку золотомъ, а хвостъ се́ребромъ. Посылалъ ево въ запа́сной амбаръ взять богатырское сѣдло, у́здечку, стопудовую боёвую палицу, перстень и перчатку. Тогда онъ собирался, садился на коня. Конь ему скричѣлъ: „какъ можно крѣпше садись на мнѣ теперь!“—Конь ево бѣжалъ такъ: только три раза скакнулъ и догна́лъ этова чудо́висша. Чудовисшо оглянулся и сказалъ: „выкормилъ *во́рога* себѣ на шѐю“. Ваня сказалъ: „прошшайся съ бѣлымъ свѣтомъ — я кончу тебя, отца своёва!“ Палы́снулъ ево боёвой па́лицой и развали́лъ ево на три доли.

9. Конь сказалъ: „мотри, Ваня, у Марѳы царевны то завѣшша́нье: хто съ ве́рьхнёва этажу́ схватитъ шири́нку — тотъ и её женихъ будетъ“. Пустился конь; прибѣгаетъ въ руськое государство. Конь взвился къ балко́ну и выхватилъ ширинку съ верьхнёва этажу́. — „Хватай - лови!“ —

Такова молодца только и видѣли. Пустилъ коня въ заповѣдные луга, себѣ сдѣлалъ камышевой балаганъ.

10. У царя былъ семигодовалой быкъ, и было у нево два зятя—онъ и велитъ имъ заколоть быка и сдѣлать балъ. Вывели быка семигодовалова, и эти зятевья не могутъ ево удержать никакъ: *больно* силенъ онъ былъ. Ваня усмотрѣлъ, што онѣ не могутъ ево удержать, приходилъ къ имъ: „Братцы, што вы дѣлаите? Али быка охота заколоть?"— „Да, заколоть; да мы ево никакъ не можемъ свалить".— „Отдайте мнѣ *требушину* и кишки, я вамъ пособлю за ето". Ваня заходитъ съ боку, *полыснулъ* глаза — и глаза у нево вылетѣли: *успокоилъ* ево сразу; за хвостъ дёрнулъ—кожа долой; по брюху ударилъ — и кишки вылетѣли. Тогда выбралъ требушину, взялъ кишки вымылъ какъ слѣдуетъ, надѣлъ на голову — образовалась шляпа у нево, а кишками руки оммоталъ свои, штобы не видно было сѣребро *имя*.

11. Взялъ онъ *лучокъ*, настрѣлялъ птицы много, Ваня; притаскиватъ къ царю на кухню поварами: „купите у меня *дичятины*; денегъ мнѣ не надо, а мнѣ дайте вина—ведра три водки (зѣлена вина я не пивалъ)". Они сдивились, доложили царю. Царь приказалъ: „выдать ему: што за обжора такой — выпьётъ ли, нѣтъ ли?" — Ваня выпилъ и попросился у нихъ на печь отдохнуть. Онѣ дозволили.— Наѣхало много князьёвъ и бояръ и православнова народу (простонародія) — жениха ждали. Марѳа-царевна обносила водкой всякова—жениха нигдѣ не оказалось. Она объяснила: „вы пріѣдьте завтра; завтра ешшо угошшенье будетъ, больше сегодняшняго". (Не прибудетъ ли женихъ завтра?).— Повара тужатъ объ этѣмъ дѣлѣ: много *склоти* было, а женихъ не пріѣхалъ. Ваня проснулся и говоритъ: „не тужите, завтра онъ непремѣнно прибудетъ". — „Какъ ты знаешь?"—„Онъ мнѣ товаришъ; я непремѣнно ему скажу— онъ прибудетъ".—Тогда Марѳа-царевна приходитъ на *куфню*, а этотъ самой Ваня отправился уже въ свои луга. Тогда повара сказали: „Марѳа-царевна, завтра жди непремѣнно: женихъ прибудетъ къ тебѣ". — „Почему вы знаете?" — „Былъ у насъ *стрѣлецъ*—выпилъ три ведра водки у насъ— и говоритъ, что прибудетъ: онъ мнѣ товаришъ, говоритъ".— Тогда сказала Марѳа-царевна: „чудаки вы эдакіе! простой

мужикъ никогда не выпьётъ столько вина; непремѣнно это богáтырь какой-нибудь былъ у насъ“.

12. Поутру они готовились. Народу много съѣжжяются. А этотъ Ваня опять настрѣлялъ дичя́тины, принёсъ на куфню и проситъ только одну четверть водки—для веселья. Четверть выпилъ и выходилъ во *дворецъ* прогуляцца (нейдётъ въ комнаты). Мареа-царевна по верхнёму этажу всѣхъ князьёвъ и бояръ обнесла и выходила на дворъ тогда—подавала простонародіе. (Вышла изъ комнатъ). До ево доходитъ и ему чару подаётъ. И вотъ онъ бокалъ выпивáетъ, а ширинкой Мареы-царевны уста вытираетъ. Тогда она ево за ручку взяла, поздорóвалась и въ уста ево поцѣловала. Взяла ево за ручку и вела въ свои комнаты. Весь народъ зъахнулъ, что онъ не шипко *въ обрядѣ*; выбрала себѣ такова жениха нехорошевá.—Царь ево спрашиватъ: „А што, братецъ, изъ какихъ ты родовъ и какъ тебя зовутъ?“—„Я не знаю“.—Сколько бы царь не допытывацца, онъ всё говоритъ: „я не знаю, какъ меня зовутъ“.—Мареа-царевна и говоритъ: „стало быть онъ нашево я́зыку не знáетъ; а разъ ширинка оказалась съ имъ—стало быть онъ мой женихъ: я желаю сходить къ вѣнцу и обвѣнчацца съ имъ“. Сходили къ вѣнцу, повѣнчалися.

13. Царь приказалъ своей дочери: „Ты водкой обноси—будутъ васъ съ законнымъ бракомъ поздравлять! а ево въ комнатѣ оставь, штобы надъ имъ нé смѣялися—што онъ не въ обрядѣ“.—Мареа-царевна водкой обносили [такъ!] и орѣшками, а сама слезьмú уливáлась, што мужа съ ей нѣту (ей *бѣдно:* надо *обѣмъ* быть-то тутъ). Смѣтилъ царь: „Што ты такъ слезьми уливаешься?“—Та объяснила. Приказалъ царь обѣмъ подавать. Приходитъ она къ своему мужу: „Вотъ што, Незнаюшко, мы пойдёмъ со мной водкой обносить, а насъ будутъ поздравлять съ законнымъ бракомъ“.—„Не хочу я водкой обносить! а ты мнѣ самому закати ведеръ 7 водки!“—Царь приказалъ выдать: што—выпьётъ ли нѣтъ ли, на *испытýшшу*. Приносятъ. Ваня водку эту всю выпивáетъ. Приказалъ ей: поставь въ караулъ дежурнова, штобы кто пьянова меня не похи́тилъ!“—Поутру розъѣхались всѣ князьѣ́ и бóяре, міръ правослáвной; никово не осталось.

14. Утромъ присылаетъ письмо богатырь: „если царь

не вышлетъ за меня свою старшую дочь, тогда я всё царство порѣшу и *попело́чки* замету́!" — Умные зятевья́ сошлись — два зятя — и говорятъ: „тятенька, давай намъ силы и орудіе! мы поѣдемъ воевать, а жонъ не дадимъ!" Мареа царевна объяснила Незнаюшкѣ: „што тебя они не берутъ на совѣтъ? богатырь требуетъ старшую дочь, онѣ хочутъ сами воевать, а тебя не берутъ!"—Онъ приказалъ: „ташшы мнѣ четверть водки, съ похмѣлья!" — Пошолъ въ заповѣдные луга, сви́стнулъ по молодецки, гаркнулъ по-богатырски, конь ево богатырской бѣжитъ — земля дрожитъ; въ лѣво ушко́ залѣзъ, въ правое вылѣзъ — и *здрѣлъ* бы глядѣлъ, съ очей не спушша́лъ экова молодца! Надѣвалъ у́здечку и богатырское сѣдло, подтягалъ 12 подпру́гъ шелко́вые: шолкъ не рвёцца, булатъ не трёцца, се́ребро не ржавѣетъ. Садился на коня, билъ ево по бедра́ми: конь ево разсержа́цца, по сырой землѣ разстила́цца; и онъ всево на три скока въ половинѣ дороги пагналъ своихъ свояковъ. — „Стойте, мерзавцы! што вамъ теперь — васъ побѣдить или за васъ пристать?" — „Пристань за насъ!" — „Што вы мнѣ заплатите? Вырѣжите мнѣ изъ ж..ы по пряжкѣ!... Отправьтесь вы теперь домой, скажите, что богатыря побѣдили!"— Самъ отправился къ богатырю. Пріѣзжатъ. Богатырь лежитъ, какъ си́льная копна. Богатырь отвѣчаетъ: „Што ты, племянникъ! брата моёво порѣши́лъ (чудовисшо-то былъ братъ ему) и меня хочешь, а я посильнѣе ево!" — „Видишь ты зе́ленъ виноградъ и не знашь ты, какъ ево ешшо убрать! (онъ себя зелёнымъ ешо зоветъ, молоденькимъ); въ полѣ съѣжжаются, ро́домъ не шшита́ютца! давай побра́туемся!" — Онѣ на́ версту разъѣхались; катну́лъ онъ богатыря и развалилъ ево на три доли. Пустилъ коня въ луга, а самъ надѣлъ на себя требушинную шапку и обмоталъ руки кишка́ми — какъ прежде — и идётъ въ царскіе покои. Стрѣтила ево Мареа-царевна.—„Выдай мнѣ четверть водки! я, гово́ритъ, *приста́лъ*" (на побо́ишшахъ былъ, *дакъ* вѣдь какъ!).

15. На другой день требуетъ ешо другой богатырь тоже самое: если вторую дочь царь не выдасъ, все царство порѣшу и *попело́чки* замету! — Зятевья собирались на совѣтъ. Мареа-царевна объяснила Незнайкѣ: „што тебя онѣ не берутъ на совѣтъ? богатырь требуетъ вторую дочь,

онѣ хочутъ сами воевать, а тебя не берутъ!" – Приказалъ: „ташшы мнѣ четверть водки съ похмѣлья!" Пошолъ въ заповѣдные луга, свистнулъ по-молодецки, гаркнулъ по богатырски; конь ево богатырской бѣжитъ—земля дрожитъ; прибѣжалъ, на колѣнки палъ: „што тебѣ угодно?" — Въ лѣво ушко залѣзъ, въ правое вылѣзъ — и здрѣлъ бы глядѣлъ, съ очей не спушшалъ экова молодца! Надѣвалъ ýздечку и богатырское сѣдло, подтягалъ 12 подпрýгъ шелкóвыхъ: шолкъ не рвётца, булатъ не трёцца, сéребро не ржавѣетъ. Билъ коня по бедрáми; конь ево разсержáтца, по сырой землѣ разстилацца; и онъ всево на три скока въ половинѣ дороги нагналъ своихъ свояковъ: „Стой, мерзавцы! не взать, не впередъ вамъ дороги нѣту! што вамъ теперь — васъ побѣдить или за васъ пристать?" — „Пристань за насъ!" –„По ремню изъ спины вырѣжьте!"— Вырѣзали, передали ему эти ремни. — „Отправьтесь вы теперь домой; скажите, что богатыря побѣдили!" — Самъ отправился къ богатырю. Пріѣзжатъ. Богатырь лежи́тъ какъ сильная копна: „Двухъ моихъ брáтовъ убилъ и меня хочешь! а я посильнѣе ихъ!" — „Чортъ силёнъ, да воли нѣтъ! Видишь ты зеленъ виноградъ, да не знашь, какъ ево убрать; въ полѣ съѣжжаются, родомъ не шшитаюцца! давай побратуемся!" — Разъѣхались они на двѣ вёрсты; катнýлъ онъ богатыря и развалилъ ево на три доли. Пустилъ коня въ луга, а самъ надѣлъ требушинную шапку и обмоталъ руки кишкáми; идётъ въ царскіе палаты. Марѳа-царевна срѣтила ево.—„Выдай мнѣ четверть водки! я, говоритъ, пристáлъ!".

16. Переночевалъ. По утру требуетъ богатырь ево жену, Марѳу-царевну. Умственные зятевья скáзали: „тятенька, мы не поѣдемъ! Лучше самоё её отправить, чѣмъ ей за дуракомъ быть! лучше будетъ она за богатырёмъ!" — Въ слезахъ она попросилась у отца: „позволь мнѣ въ послѣдней разъ простицца съ Незнайкой!"—Приходитъ и плачетъ: „Охъ ты, Незнáюшко, ничево не знашь, ничево не вѣдаешь! Я пришла съ тобой послѣдней разъ проститца: требуетъ меня сильной могучёй богатырь!" Онъ и говоритъ: ташшы мнѣ четверть водки, *тожно* я съ тобой поговорю!" Принесла. Выпилъ и говоритъ: „*мотри*, собирайся всетаки къ богатырю! выѣдешь въ луга—есь налѣво камы́шевой бала-

ганъ, дальше ево не ѣзди, а дожидайся меня у камы́шевова балага́на!" — Она хоть и собиралась — радовалась. А Ваня отправился въ заповѣдные луга, свистнулъ по-молодецки, га́ркнулъ по-богатырски, — конь ево богатырской бѣжитъ—земля дрожитъ. Въ лѣво ушко залѣзъ, въ правое вылѣзъ — и здрѣлъ бы глядѣлъ съ очей не спушшалъ экова молодца! надѣвалъ у́здечку и богатырское сѣдло, подтягалъ 12 подпругъ шелко́вые: шолкъ не рвецца, булатъ не трецца, се́ребро не ржавѣетъ! садился на коня. — „Охъ, говоритъ [конь], этотъ силе́нъ, тебѣ не устоя́ть, противъ етова богатыря у тебя силы не хватитъ! ну, да ладно, говоритъ, поѣдемъ къ богатырю, попросимъ: не дастъ ли онъ тебѣ ешо силы; если не дастъ, такъ скажи: не для́-ради меня, а для́-ради коня-вѣшша́" (меня, говоритъ, зовутъ: „коня́-вѣшша́"; къ старому хозяину онъ ѣздитъ-то).

17. Живо садился, ѣхалъ. Пріѣзжаетъ; стоитъ въ каменномъ столбу этотъ самой богатырь. Заявляется къ ему, приходитъ въ ево лицо и говоритъ: „здравствуй, господинъ ба́һатырь!"—„*Откуль* ты, какой есь?"—„Я къ твоей милости: не дашь ли ты мнѣ силы?"—„Съ какой я тебѣ напа́сти дамъ? я тебя съ роду ешшо́ не видалъ!"—„Не для́-ради меня дай силы, а для́-ради коня́-вѣшша́!"—„А што ты, конь-вѣшша́? али́ ты живъ? Явись въ моё лицо, поговори со мной!" Конь подскакалъ и говоритъ: „Здра́вствуешь, мой старый хозяинъ!"—„Здравствуй, конь-вѣшша! гдѣ ты столь долгое время проживаешь?" — „Я проживался у такова чудовисша, какова теперь ѣдемъ побѣдить; твоёва сына [онъ] побѣдилъ, у Вани силы не больше, чѣмъ у твоёво сына: онъ ево порѣшитъ, если ты силы не прибавишь ему!" — „Спасибо, — сказалъ богатырь: што ты мнѣ сказалъ: сына моева побѣдилъ... Дамъ ему силы!"—Наццыди́лъ изъ своихъ ре́беръ бутылку кро́ви, подаётъ ему и говоритъ: „если чу́ешь въ себѣ силы много, оставь и мнѣ, не все пей!" — Ваня выпилъ эту бутылку и почуялъ въ себѣ силу непомѣрную. (Нисколь богатырю не оставилъ).

18. Пріѣзжяетъ, — чудовисшо-то уже близъ Мареы-царевны, къ камышевому балагану приближаецца. Пріостановилъ богатыря: „стой, чудовишшо! не въ своё мѣсто

ѣдёшь ты!“—„Убилъ ты моихъ трёхъ братовъ,—я посильнѣе ихъ втрóё!“ — „Видишь ты зеленъ виноградъ и не знаешь ты, какъ ево ешшо убрать! въ полѣ съѣжжаются, родомъ не шшитаюцца,—давай побрáтуемся!“—Розъѣхались онѣ съ нимъ на три версты. Полы́снули одинъ друговаоба по 12-и чесóвъ мёртвые лёжали, безъ чувствія. (А Марөа-царевна сидѣла — плакала). Незнайко наперёдъ ево сталъ и здумалъ: у меня ешо есь оборона — перстень и перчатка. Подошолъ къ чудовисшу, перстень и перчатку налóжилъ—ево на три части рóзорвало.

19. Подъѣжжалъ къ Марөѣ-царевнѣ. — „Видѣла, какое побóишшо? Теперь ты можешь мною похвастаться дома. За свояковъ я заступился, а то бы всю *силу* они загубили и сами бы не живы были; на што бычишко семигодовалой, и тово не могли заколоть онѣ! Теперь я приду домой—ты мнѣ водки ведеръ семь закати, когда я пушшу коня въ лугá“.—Ваня подъѣжжаетъ къ царскому двору, вскричѣлъ очень громко: „я чудовишша кончилъ, за Незнайку заступился!“ Свояки признаютъ его и говорятъ: „этотъ богатырь и за насъ заступился“. Марөу-царевну встрѣчаютъ со съ весёлымъ со звономъ. — Ваня пустилъ коня своёва въ заповѣдные луга, а самъ надѣлъ требушинную шапку и идетъ въ царской домъ. Марөа-царевна встрѣтила ево и закатила ему ведеръ семь водки.

20. Царь распорядился завести пиръ на весь міръ — што ево дочери остались дóма. Съѣхались народу много — князьёвъ и бояръ и православнова народу. Напи́лись всѣ; захвалились эти свояки: „мы своихъ жонъ не отпустили, сами убили богатырей!“ — Марөа-царевна не выдержала и сказала: „Нѣтъ, кабы мой мужъ не помогъ вамъ, вамъ бы не убить! на што бычишко семигодовалой — и тово не могли заколоть!“ — „Што ты насъ канфузишь?“ — „Мнѣ мужъ сказалъ; у нево есь отъ васъ по взяткѣ—по пряжкѣ изъ ж..ы да по ремню изо спины!“—„Давай веди ево къ намъ, мы съ имъ поговоримъ!“—Марөа-царевна приходитъ: „Незнаюшка, я тобой похвасталась“.—„Во врéмя похвасталась! Ташшы мнѣ четверть водки—мнѣ повеселѣе съ имя́ поговорить!“ — Снимаетъ съ себя требушинную шапку и сбросилъ себѣ съ рукъ кишки — волóсики оказались въ чистомъ золотѣ, а пó локотъ руки въ сéребрѣ. Приходитъ -

„Здравствуйте, тятенька и маменька! и вы, своячки́, здравствуйте!“ (у нево и языкъ появился!).—„Почему хвастается твоя жена, что ты взятки взялъ?“ — „Да, взялъ! вотъ у меня ремни изъ вашихъ спинъ и пряжки! Видѣли: на головѣ требушинная шапка? — это изъ вашева быка; я вамъ пособлялъ!“ — „Не ложно ли вы показываете? Вы бы пріѣхали на конѣ, товда бы мы повѣрили!“ — „Да вотъ черезъ минуту на конѣ пріѣду!“ — Пошолъ въ заповѣдные луга, свистнулъ по-молодецки, гаркнулъ по-богатырски; конь ево богатырской бѣжитъ—земля дрожитъ.—„Съѣздимъ! только одна профо́рма!“ Въ лѣво ушко залѣзъ, въ правое вылѣзъ — и здрѣлъ бы глядѣлъ съ очей не спушшалъ экова молодца! Накла́дываетъ на нево у́здечку, 12 подпругъ шелко́выхъ: шолкъ не рвецца, булатъ не трецца, се́ребро не ржавѣетъ. Садился на коня, билъ ево по бедра́ми; конь ево разсержацца, по сырой землѣ разстилацца; три *скока* скакнулъ—у царскова дворца сталъ.

21. Подъѣжжатъ къ царскому дворцу, скричѣлъ своихъ своячковъ: „Ну, своячки́, какъ желаете — такъ *бра́товацца* или по-мужицки пѣшкомъ?“—Выходили вся свита и дивились свояки, што вѣрно онъ. — „Што мы будемъ съ имъ дѣлать?!“ — Онъ слѣзъ съ коня. — „Ну-ко, господа, васъ двоё, я одинъ; давай, беритесь, борите меня!“ — Они взяли ево двоё; онъ надъ ими подсмѣхался, все стоялъ.—„Што, братцы, развѣ такъ борюцца богатыри?“—И онъ ихъ взялъ въ охапку и рѣзнулъ ихъ; онѣ не меньше 12-и часовъ мёртвыми лежали; откачивали ихъ.—„Свой чинъ, говоритъ, пожалѣлъ, а то бы кишки́ изъ васъ вылетѣли!“

Царь приказалъ шшитать ево за старшево зятя и слушаться ево.

---

3. Царь-Дѣвица.

1. Старикъ пошолъ *стрѣля́цца*. Ему въ етотъ день ничево не удалось. Онъ домой пошолъ, — птичка сидитъ несъѣдобная. — „А чѣмъ мнѣ даромъ домой итти, дай я её застрѣлю!“ — Приноситъ домой; старуха руга́тъ: „нашто ты птицу такую застрѣлилъ, несъѣдобную?!“ — Старикъ птичку взялъ, на базаръ понёсъ продавать. Купецъ видитъ,—*подга́ркалъ* къ себѣ ево; говоритъ: „продай ету мнѣ

птичку!“ — Потомъ разсмотрѣлъ купецъ: подъ правымъ крыломъ написано у етой птички: хто головку съѣстъ, такъ будетъ царёмъ, а хто серцо вынетъ изъ неё и съѣсъ, тотъ будетъ князёмъ. — Купецъ ему сначала даетъ сто рублей за ету птичку. Старикъ думатъ, што надъ имъ смѣюцца.—„Ну што жо, купецъ, да ты дѣломъ давай! по крайней мѣрѣ не смѣйся надо мною!“ — Тотъ ему двѣсти рублей. — „Да ты што надо мной смѣешься? ты дѣломъ давай!“ — Купецъ и думатъ: „што ужъ ево обижать! получи, — говоритъ: — старикъ, триста рублей!“ (А птичка всево съ кулакъ).—„Ну, давай деньги!“—Получилъ двѣсти рублей; у купца ста рублей не хватаетъ. — „Погоди, я въ другу лавку схожу, займу“.—Купецъ ушолъ, а старикъ домой убѣжалъ, — штобы не отобралъ онъ двѣсти рублей. Купецъ — какъ знатъ, онъ гдѣ живётъ — заперъ лавку, понёсъ остальныя деньги старику. Купецъ идетъ; старикъ испужался: — „Куды́, старуха, спрятацца?“ — „Спрячься въ *го́лбецъ*“ (подъ полъ, значитъ). — Старикъ сидитъ тамъ, а купецъ приходитъ, Богу помолился, поздоровался: „Гдѣ, старуха, у тебя старичёкъ?“ — „Конешно, у нево одно ремесло, пошолъ *стрѣля́цца*“.—„Онъ не дополучилъ отъ меня сто рублей. Какъ теперь?“ — „Передай мнѣ; я передамъ ему“. — „Да ладно, не оммани́, старуха!“ — Пе́редалъ старухѣ, ушолъ домой. Старуха говоритъ: „Ну, старой пёсъ, вылѣзай!...“ И сдѣлались онѣ рады этими де́ньгами.

2. А у купца жена худыми дѣлами занималась (б.......а). Купецъ приноситъ по ве́черу эту птичку своей женѣ и говоритъ, что „прибери́ её на мѣсто; ковда я ее прикажу тебѣ зажа́рить, тогда ты мнѣ ее зажарь!“ — Поу́тру чаю напился купецъ, ушолъ въ лавку торговать. Купецъ уходитъ, *гулева́нъ* къ ей приходитъ. Она для гулева́на самоварчикъ поставила и говоритъ: „у меня есь такая птичка,— не угодно ли тебѣ ее зажарить?“ — „Принеси, я погляжу ету птичку! какая ета птичка?“ — Гулеванъ разсмотрѣлъ подъ правымъ крыломъ надпись... Она живо повару передаётъ: „поскорѣе зажарь ету птичку!“ Онъ живо *очагъ* затопляетъ и птичку изготовляетъ — зажа́рилъ ее въ маслѣ очень хорошо. Сталъ поваръ на тарелку класъ... А у купца было два сына. *Больша́къ* и говоритъ: „Поваръ, - говоритъ:— дай мнѣ эту птичку, я люблю головки *ись*!“ А меньшой

говоритъ: „коɣда ему головку далъ, дай мнѣ серцо!“... Дѣтя́мъ и достаёцца. Купчиха приташшыла ему ету самую птичку. Гулеванъ смотритъ: серца и головки нѣтъ. И говоритъ; „што́ я люблю, а тово нѣту!“ Посылаетъ купчиху повара спросить, хто это могъ *съисъ* ету штуку — головку и серцо?“ Купчиха спрашиваетъ повара. — „Большой сынъ головку съѣлъ, а меньшо́й серцо“. — Купчиха гулевану обратилась и говоритъ: „это мои дѣти съѣли“.

3. Гулеванъ на то сказалъ: „если ты зарѣжешь своихъ дѣтей, зажаришь, то я до той степени стану тебя *любѣть*, што мѣры нѣтъ!“ — Купчиха приходитъ *хъ* повару и говоритъ: „не пожалѣй моихъ дѣтей—зарѣжь и зажарь ихъ!“— Поваръ нача́лъ точить ножъ, а большакъ и говоритъ: „это къ чему ты, поваръ, ножъ то́чишь?“ — „Мать приказала васъ заколоть и изжарить“. — „Чѣмъ насъ колоть (за то ты будёшь отвѣчать), — мы уйдёмъ и домой не придёмъ!“ (Они были, стало быть, большіе ужъ).

4. Они собрали́сь очень скоро, оба отправились. Ушли очень далёко, а хлѣба съ собой мало взяли, — обезсилѣли. Приходятъ къ такой горѣ. Большакъ и говоритъ: „Братъ, залѣземъ на эту гору, — не увидимъ ли гдѣ селенія? мы съ тобой *оголожа́ли, исъ* нéчево!“ — Меньшо́й остался подъ горой, а большакъ залѣзъ на́ гору. И видитъ съ горы большакъ такой городъ: много народу вышло на пло́шшать. А въ этѣмъ городѣ, значитъ, царь померъ, и онѣ царя выбирали. И онѣ то *уду́мали*: поставили свѣчку — передъ которымъ загоритъ свѣча (сама отъ себя, коɣда онъ подойдетъ), тотъ и будетъ царь. И сколько бы изъ нихъ не подходило, — не передъ кѣмъ не горитъ. Изъ ихъ одинъ увидалъ такова человѣка на горѣ, — и здумали за имъ ѣхать. Пріѣжжаютъ на́ гору. Мальчикъ стоитъ, поздоровался съ мужичкомъ. Мужичокъ говоритъ: „поѣдемъ со мной!“ — „Я голоденъ!“ — *Засова́лся* въ карманъ, нашолъ крендель, подалъ мальчику, посадилъ ево и увезъ. Подвозитъ ево; подходитъ онъ къ етой свѣчѣ, — свѣча передъ имъ загорѣла. (Птичка-та доказыватъ). Онѣ скричѣли всѣ: „ура! быть тебѣ царемъ надъ нами!“ — „Господа! коɣда вы меня поставили царемъ, у меня братъ есь, подъ горой стоитъ; съѣздите за имъ! онъ го́лодёнъ“. — Разыскали и ево; привезли. Большакъ сказалъ: „Вотъ, — говоритъ: —

братъ, я теперь наступилъ царе́мъ, а тебѣ быть передо мной князёмъ!"

5. И вотъ онѣ пожили едакъ года съ два, — и сдѣлалось брату ето ешшо недовольно, што князе́мъ быть. — „Братъ, — говоритъ: — пусти ешо меня по бѣлому свѣту погулять!" — „Неужели ты этимъ недоволенъ? голоду разѣ не видалъ?" — Большакъ не могъ его переспорить; приказалъ накласть ему сухарей въ котомку — приготовить въ отпра́вку. *Поку́ль* приготовленіе было, онъ все шолъ; потомъ припасы вышли, онъ обезсилѣлъ, сялъ подъ *дре́во.* А на этомъ древѣ ягоды хорошія. — „Да-ко я съ голоду закушу хоть ягодъ! мнѣ не лучше ли будетъ?" — *Искуси́лъ* нижню ягоду, — вдругъ — онъ поглядѣлъ на себя, — посѣдѣлъ, старикъ сталъ. Съѣлъ онъ второ́ю, — оказались у ево горба́ и рога у́ лбу: подобіе на дьявола похожъ. Свалился, лежитъ подъ етимъ дре́вомъ. И вдругъ прилетаютъ двѣ птички, садя́цца на ето древо. Одна птичка и говоритъ: „вотъ вѣдь молодецъ, — говоритъ: — свалился! если бы онъ зналъ достать верхнюю ягоду, — онъ бы такой молодецъ сталъ, лучше старово!" — А другая и говоритъ: „ето ему ешо недовольно; если бы онъ зналъ, подошолъ къ ентому дубу; дубъ етотъ своарачивацца, — говоритъ: — а подъ дубомъ лежитъ чугунная плита, а подъ плитой ковёръ-самолётъ и золотая кисъ; кисью етой онъ можотъ *ору́довать* ужъ все!" — Досталъ онъ верьхнюю ягоду, съѣлъ — и сталъ молодецъ лучше старова; зрѣлъ бы, глядѣлъ, съ очей не спушша́лъ. — А птички улетѣли съ древа.

Потомъ онъ пошолъ, началъ сворачивать дубъ. Своротилъ дубъ, отворотилъ чугунную плиту, — и дѣйствительно досталъ ковёръ-самолётъ и золотую кись. Разослалъ ковёръ-самолётъ и сказалъ: „Лети, ковёръ-самолётъ, въ то государство, гдѣ царь-дѣви́ца живётъ!" (царствомъ правитъ она сама, дѣви́ца). — Прилетаетъ въ ето государство. — „Ковёръ-самолётъ, остановись!" — Собралъ ево подъ пазуху и идётъ городомъ. Доходитъ до пятистѣннаго домику, заходитъ въ етотъ домъ. Живётъ въ етомъ домѣ одна старушка. Старушка всё равно какъ ему мать родная показалась, увидѣла ево — обрадовалась. — „Вижу я, што ты съ голоду; остановись у меня и пообѣдай, и ночку переночуй! пуша́й у тебя ноги отдо́хнутъ!" — Ночь приходитъ. Ужи-

номъ она ево накормила. Онъ и *разосла́лся* на лавочку: одну половину ковра-самолёта по́слалъ подъ себя, а другу розвѣсилъ.

6. Огни взяли люди (въ потёмкахъ), — прибыла́ къ ей, къ старушкѣ, царь-дѣвица. — „Ахъ, бабушка, го́ст-ётъ у тебя хорошой! поставь-ко мнѣ свѣчу, я буду списывать ковёръ-самолётъ!“ (срасо́вывать). — Срисовала етотъ ковёръ-самолётъ и говоритъ: „ты, баушка, на суточки ешо ево уговори! я тебѣ втро́ё за ето заплачу́“. — Переночевалъ ночку. Старуха утромъ приготовила ему завтракъ хорошой и говоритъ ему: „ты, ми́лой другъ, поживи у меня! пущай у тебя отдо́хнутъ ноги!“ — Я подождать — поживу! у меня платить тебѣ не́чѣмъ, — сказалъ молоде́цъ: — баушка!“ — „Ну, я не нуждаюсь твоимъ деньга́мъ, только ты поживи со мной — мнѣ веселѣе!“ — До вечера доживаетъ. Старуха и говоритъ: „Батюшка, — говоритъ: — на которой лёжа́лъ (спалъ) половинѣ [ковра-самолета], ту розвѣсь, а которая на стѣнѣ была (срисована), — на ту ляжь!“ — Утромъ старуха опять ему завтракъ изготовила, какъ *тре́бно* быть, накормила, — и онъ день опять ходитъ. Вечеромъ накормила и говоритъ: „ты вотъ что, батюшка! тебѣ на лавкѣ тѣсно, — ты на́ полъ розостели́сь, — по крайней мѣрѣ поворо́тишся и всё!“—Какъ онъ разосла́лся, усну́лъ, — царь-дѣви́ца прибыла къ ему опять. — „Ахъ, — говоритъ: — я края́ списала,—говоритъ:—а серё́дку не видала“. — Она начала потихоньку ево содвига́ть и содвигать и содвинула ево съ ковра-самолета, молодца етова. Царь-дѣвица взяла заверну́ла тогда етотъ коверъ-самолетъ, вышла на крыльцо, стала на нево и говоритъ: „коверъ-самолетъ, лети прямо въ мои пола́ты!“ (въ мой домъ).

7. Поутру́ молоде́цъ проснулся, хватился: подъ имъ ковра-самолета нѣту! И сялъ онъ на лавку, повѣсилъ голову. Старуха идётъ съ улицы, увидала, что онъ кручи́нной. — „Што ты, батюшка, не весёлой?“ — „Въ чужомъ мѣстѣ я обокра́денъ!.. Ну, баушка, мнѣ теперь разсчитацца не́чѣмъ! прошшай!“ — „Ну, ступай, ди́тятко, куды знаешь теперь!“ (не нуженъ и старухѣ сталъ).

8. „Што дѣлать? Когда она меня етакъ *обызья́нила*, мнѣ надо воротицца къ етому древу!“ (гдѣ ягоды онъ ѣлъ). — Пришолъ къ древу, на́бралъ этихъ трёхъ сортовъ

ягодъ (одна старая ягода, другая съ горбáми, а третья — молодцомъ быть). Явился онъ въ етотъ городъ, гдѣ царь-дѣвица. У царь-дѣвицы есь ключь; служанка пошла за водой въ етотъ ключь. Молодéцъ усмотрѣлъ ее — увидалъ, што она идётъ, — побѣжалъ напрéдъ, спустилъ хорошую ягоду сначала. Поддѣваетъ дѣвица, — оказалась въ ведрѣ ягода. Служанка ету ягоду съѣла, ей пріятно сдѣлалось; приходитъ, — царь-дѣвица её не узнала, што она *бóльно* хороша сдѣлалася, и спрашиваетъ её: „ýмница, ты,—говоритъ:—чья?"—„Што вы,—говоритъ:—царь-дѣвица? я,—говоритъ: — ваша служанка!" — „А отчево ты сдѣлалась хорошой?" — „А вотъ, — говоритъ: — царь-дѣвица, я пошла на ключь, попала мнѣ такая ягода, — я съѣла её и сдѣлалась потомъ хорошá". — Царь-дѣвица посылаетъ её во второй разъ: „ступай-ко! не поддѣнешь ли мнѣ?" — Служанка идётъ; молодецъ увидалъ, што она идетъ,—побѣжалъ впередъ, спустилъ двѣ ягоды вразъ. Поддѣваетъ служанка не одну, а двѣ ягоды.—„Чё желала, такъ то и получила,— говоритъ: — видно!" — Приноситъ, передаётъ царь-дѣвицѣ: „вотъ, — говоритъ: — я тебѣ поддѣла двѣ ягоды!" — Царь-дѣвица приказала ей самоваръ поставить; „съ чаемъ я,— говоритъ: — буду пить, такъ *тожнó* буду и *ись*". — Передъ чаемъ съѣла царь-дѣвица одну ягоду и смотрицца въ зеркало: „штó, — говоритъ: — посѣдѣла, постарѣла!" — Забранилась на служанку: „што ты, пóдлая, со мной сдѣлала?! я теперь старуха стала! меня не примутъ въ Сенóтѣ!" — Служанка говоритъ: „съѣшь другую,—не лучше ли будетъ тебѣ?"—Съѣла она другую,—полѣзли изъ её рогá и горбá. Потребовала она *дохтурóвъ*,—дохтурá ничево не могутъ съ ей сдѣлать. Наконецъ, она обѣшшанье дала: „хто бы меня вылѣчилъ, за тово я и *взáмужъ* пойду! дайте знать по всему царству! хоть бы пришлой какой-небудь вылѣчилъ".

9. Молодецъ узналъ ето дѣло, съѣлъ старова положенія ягоды и сдѣлался старикомъ. Въ домъ къ ей приходитъ и говоритъ: „я тебя вылѣчу. Штó ты мнѣ — какъ заплатишь или *обвѣтъ* у тебя какой?" — „Дѣдушко, если ты меня вылѣчишь, я за тебя замужъ пойдý!" — „Подпишись подъ это дѣло!" — Та подписалась. Онъ подаётъ ей ягоду. — „Да ты што мнѣ подаёшь? ешо хуже буду?!"—

„Ѣшь, — говоритъ: — хорошая будешь!“ Она съѣла и сдѣлалась лучше старова, красивая сдѣлалась: здрѣлъ бы глядѣлъ и съ очей не спушшалъ. — „Подёмъ въ *Сенóтъ*: законъ дозволитъ ли съ тобой вѣнчацца?“ (взадъ *пяткú* ужъ!). — Въ Сенотъ приходитъ, она и говоритъ: „Господа судьи! Вотъ старикъ меня вылѣчилъ; я ему подписалась, штобъ съ имъ замужъ итти; законъ дозволяетъ ли, штобъ съ имъ вѣнчацца?“ — Господа енералы и говорятъ: „если, государыня, ты повѣнчáшся, мы тебя не поставимъ въ царицы, потому что мужъ у тебя будетъ стáрой, семьдесятъ лѣтъ! Ты ево расчитай деньгáми лучше!“ — А старикъ деньги не берётъ: „ты обвѣшшáлась за меня замужъ, мнѣ деньги не надо!“ — „Ковда деньги не берёшь, мы тебя отсюдова не погоняемъ; а ты, царица, *тупáй* домой!“

10. Ковда она пошла домой, онъ вынимаетъ изъ кармана золотую кисъ и говоритъ: „ковда была ты дѣвúца, испрáвься ты теперь кобылúца! А вы, енералы, ковда были молодцы, теперь исправьтесь всѣ жеребцы!“ — Махнулъ своей кисью, и онѣ всѣ исправились жеребцами. Садúцца на ету кобылу, а жеребцы за имъ побѣжали. Пріѣзжаетъ къ брату въ царство своё. Сталъ онъ на *хватéру*, не къ брату (съ табунóмъ-то) *нáперво*. Сказалъ: „погоди, господинъ хозяинъ, я схожу къ вашему царю: не возьмётъ ли онъ у меня лошадей?“ — Идётъ къ брату, съѣлъ хорошую ягоду и сдѣлался какъ быть молодцомъ, — штобы братъ ево могъ признать, значитъ. Тогда братъ увидѣлъ ево, обрадовался, што братъ пришолъ къ ему обратно домой. Братъ своихъ служашшихъ потребовалъ — поставить для нево живо самоваръ; стали чай пить.

11. Старшой братъ и говоритъ: „Братъ, былъ ты по всѣмъ городамъ; нѣтъ ли хорошой невѣсты?—я собираюсь женицца“.—„Охъ, братъ, хорошу я тебѣ невѣсту привёзъ,— говоритъ: — да она у меня на *фатéрѣ*“. — „Да што ты, чудакъ, прямо не вёлъ?“ — „Есь, — говоритъ: — братъ, у меня тамъ ешо жеребцы, — не хочешь ли ты купить ихъ у меня?“ — „Веди ихъ сюды! Што ты, чудакъ, тамъ на фатеру сталъ!? Веди и невѣсту: чай пить станемъ вмѣстѣ съ ей!“ (ешо какъ поглянецца невѣста-та). — Братъ пошолъ, отвязалъ кобылицу и жеребцовъ, приводитъ ихъ къ порáтному крыльцу, станóвитъ всѣхъ рядомъ. — „Иди, братъ,

какъ поглянецца ли невѣста? Потомъ я въ комнаты могу завести́!" — Съ братомъ вышли на дворъ. — „А гдѣ невѣста?" — „Вотъ, братъ, съ краю-то стоитъ кобылица — вотъ тебѣ и невѣста!" — „Да што ты, братъ, смѣешша надо мной? развѣ подобаетъ мнѣ на кобылицѣ женицца?! если бы не братъ былъ, такъ я бы тебѣ и голову сказни́лъ за это!" — „Неужели ты не вѣришь, што ето тебѣ невѣста? Если хочешь, то я тебѣ сейчасъ на практикѣ покажу, што она будетъ тебѣ невѣста." — Онъ вынимаетъ изъ карману кись, махнулъ кисью и говоритъ: „была ты теперь кобылица, — исправься по-старому дѣви́ца!" Махнулъ кисью: „когда были вы жеребцы, — исправьтесь по-старому молодцы, хто какъ былъ!" — Всѣ исправились молодцами. Царь говоритъ: „идите чай пить съ нами теперь!" (*Согла́стенъ* уже замужъ брать её). — Чаю по́пили, согласился онъ её взять замужъ, повѣнчался съ ей, и пошла у ихъ пиро́вка.

12. По́жилъ онъ (князь етотъ) много ли мало ли время, сталъ у брата просицца къ отцу. Къ отцу онъ пріѣжжаетъ; отецъ увидалъ своёва сына, обрадовался. Отецъ спрашиватъ: „гдѣ вы дѣти, прожива́етесь?" — „Собери сегодни *сро́дственниковъ*, знакомыхъ, — мы съ тобой попируемъ, тогда я тебѣ скажу, при людей" [такъ!] — Нашли́ люди. Начали водкой обносить; пошла у ихъ пиро́вка. Сынъ отцу и говоритъ: „Тятинька, дозволь мнѣ шуточку *сшутѣть*!.. А вотъ, тятинька, — говоритъ: — братъ мой живётъ царёмъ въ такомъ-то городѣ, а я передъ имъ князёмъ!.." Вынимаетъ свою кись: „вотъ, — говоритъ (мать свою): — когда была ты *баби́цей*, испра́вься теперь кобыли́цей!" — Она кобылой и переставилась у нево, мать ево. Онъ махнулъ кисью — *гулева́на* жеребцомъ излáдилъ. — „Теперь *тупайте*, какъ знаите гуляйте!" — А отца увёзъ, — всё запро́далъ, — увёзъ въ своё государство.

---

4. [Иванъ купеческій сынъ].

1. Жилъ былъ Ряза́нцовъ купецъ. У ево было три сына. И выстроилъ *имя́* домá каменны — три дома. Остался со старшимъ сыномъ въ домѣ [самъ] отецъ. Отецъ етотъ померъ. У ево сынъ былъ Василей, у старшева сына, — одинъ сынъ себѣ, холостой. Стали братья собирацца на ярмарку. —

„Братья, возьмите моёва сына на ярмарку — не для торговли, а для науки!“ — Нагрузилъ ему шесь кораблей драгоцѣнныхъ камнéй — не для торговли, а для науки. Прiѣзжаютъ онѣ въ королевство, привáливаюцца на пристань. Пошли дяди себѣ мѣсто откупáть, а онъ сидитъ на пристани.

2. Приходитъ старичокъ къ ему. — „Штó, молодецъ, привезли?“ — „А вотъ, дяди привезли *краснова товару*, а я вотъ драгоцѣнныхъ камнéй“. — „*Ишо* дóма есь?“.—„Есь“.— „Ты предоставь мнѣ *ешо* шесь кораблей! А цѣну, деньги, получишь вразъ, коγда остальной товаръ привезёшь!“ — Согласился молодецъ. Онъ крикнулъ рабочихъ; выгрузили товаръ у ево и сдѣлали съ имъ вексель. Дядя приходитъ, — ужъ онъ товаръ запрòдалъ. Дяди за ето ево похвалили, што хорошо онъ запрòдалъ—цѣну хорошую взялъ. Ярманка прикрывацца стала; онѣ собрали́сь домой ѣхать. Прiѣзжаютъ домой; отецъ съ матерью страшиваютъ: „штó, ми́лой, съ *наклáдомъ* али́ съ барышомъ?“ — „Не знаю, што выйдетъ! запрóдалъ товаръ по етакой-то я цѣнѣ; придостáвить ешо, тятинька, шесь кораблей; получить деньги вразъ“.—Отецъ за ето ево похвалилъ.

3. На будушшой разъ опять шесь кораблей нагрузилъ,— во второй разъ опять поѣхали. Прiѣзжаютъ опять въ этотъ городъ, приваливаюцца на пристань. Дяди пошли мѣсто себѣ выторгáвывать, а онъ дожидацца старика. Старикъ приходитъ. — „Што, молодецъ, предоставилъ — чѣмъ былъ дóговоръ?“ — Предоставилъ. Старикъ поглядѣлъ: товары тѣ жо. Крикнулъ рабочихъ; выгрузили товаръ у ево. Приказалъ ему за дéньгами итти. Приходятъ дяди; онъ и говоритъ: „вотъ, дяди, нá-те у меня вексель: у меня толку не хватитъ разсчитаться; сходите, получите, — вотъ въ етотъ самой домъ!“ — Дяди взяли вексель, приходятъ въ етотъ домъ; въ перву комнату ступили – никово какъ нѣтъ, стоятъ дожидаюцца. Бѣжитъ мальчикъ половóй и говоритъ: „Што вамъ, дяденьки, надо?“ — „Нужно съ вами разсчитацца“,—говоритъ.—„Сейчасъ я дѣдоньку пошлю“.— Старикъ приходитъ къ *имя́* и говоритъ, што „идите, молодцы, за мной! А чѣмъ вы желаите получить — мѣдными деньгáми, али бумажными, али́ золотомъ? наконецъ, не желаите ли великолѣпную даму за ето получить?“—Сидитъ

дѣви́ца. Не столь старики ети *за́рились* на деньги, сколь смотрѣли на дѣви́цу: *бо̀льно* хороша̀. Наконецъ, приходятъ на пристань: не взя́ли не деньги, не дѣви́цу. — „*Тупа́й*, племянникъ, бери што знаешь самъ!“

4. Взялъ онъ вексель, приходитъ самъ въ етотъ домъ. Въ перъвой комнатѣ не оказалось нековo; онъ стоитъ. Мальчикъ половой бѣжитъ: „Што, — молъ, — нужно?“ — „Съ вами нужно разсчитаться“. — Мальчикъ живо за старикомъ. Старикъ приходитъ. — „Иди, молоде́цъ, со мной теперь!“ — Приводитъ въ эту комнату. — „Што, молоде́цъ, какими деньга́ми желаешь — или мѣдными деньгами, или золотомъ, или се́ребромъ? Не желаешь ли, наконецъ, великолѣпную даму себѣ взять?“ (за 12 кораблей драгоцѣнныхъ камней). Молодецъ долго не думалъ, дѣви́цу взялъ. — „*Мотри*, молодецъ, съ ей имущества немного пойдётъ — только одна шкатулка!“ — Молодецъ сказалъ: „у насъ имѣнья довольно съ отцомъ!“ — Дѣвицѣ приказалъ старикъ итти. Взяла она шкатулку и отправилась съ имъ. Вышла на во̀лю, помолилась Богу дѣви́ца. (Она тутъ въ аду́ была, дѣвица не простова̀ роду). Приводитъ молодецъ на пристань; дяди смотрятъ, што ведётъ её. Хороша́-то хороша́, а отца навѣчно *позори́лъ*.

5. Ярманка окончилась; поѣхали онѣ домой. Пріѣзжаютъ домой на пристань; у тѣхъ вышли жоны, а у этова отецъ съ матерью встрѣтили. — „Што, милой сынокъ, съ барышомъ или съ накладомъ?“ — сказалъ отецъ. — „Не знаю, одна̀ко, видно, тятинька съ накладомъ: я купилъ себѣ невѣсту за 12 кораблей драгоцѣнныхъ камней“. — Отецъ нача̀лъ ево таскать и бить за ето: „сгинь съ моихъ глазъ и не ходи ко мнѣ никоӷды́ въ домъ! (куды знаешь, туды *тупай*!“). — Откупили себѣ кварте́ру онѣ. Ночь переночевали; жена ему говоритъ: „нечево въ чужомъ дому жить, надо себѣ домъ скупить!“ — Вынимаетъ три *златни́цы*, подаётъ ему: „*тупай*, домъ скупи́ себѣ!“

Идётъ молодецъ городомъ; навстрѣчу ему купецъ, продаётъ домъ. — „Молодѐцъ, купи у меня домъ!“ — Приходитъ къ купцу въ домъ; домъ трёхъ-ётáжной. — „Што̀ домъ твой сто̀итъ?“ — „А што дашь?“. — „У меня есь три златни́цы“. — „Домъ мой не сто̀итъ трёхъ златницъ, одной довольно мнѣ будетъ“, — говоритъ. — „Три не берёшь, такъ хоть двѣ

возьми!“—Купецъ не *отпирацца*, двѣ златницы взялъ. Приходитъ къ женѣ и приводитъ въ етотъ домъ (—скупленъ). Походила, походила по дому: „хотя домъ етакихъ денегъ и не стоитъ,—ну, всё-таки свой домъ!“

На послѣднюю златницу посылаетъ ево купить вина 40 ведеръ; сдѣлать хочетъ *влазины*. Молодецъ сходилъ въ казначейство, розмѣнялъ ету златницу, потомъ взялъ бочку вина; хто не ѣдетъ, нейдетъ, всѣхъ зовётъ къ себѣ. Къ купечеству она написала письмы, — онъ розвёзъ по купечеству. Вышному начальству — енераламъ тамъ значитъ — написала письмы, штобы шли на влазины. Приходитъ онъ *наперво* къ дядѣ, зоветъ на *влазину*; дяди оба *посулились* на влазины притти. Къ отцу-матери зашолъ, палъ передъ ими на колѣнки, проситъ на влазины; а отецъ на то осердился, взялъ ево за волосы, давай таскать; выбилъ (вытолкалъ) ево на улицу.

Приходитъ онъ къ женѣ, — полонъ дворъ народу — у ево тамъ *нагарканы* и пришли. Жена ево поговорила тамъ съ *енералами*; енералы посылаютъ за отцомъ за матерью на влазины. Солдаты приходятъ, помолились Богу: „если вы желаете съ добра итти на влазины, такъ собирайтесь, а то вамъ и головы сказнимъ!“ — Онѣ приходятъ; приняли ихъ въ первое мѣсто, подаютъ первую чару.

Отецъ жертвуетъ *имя* на влазины козла; старшой дядя жертвовалъ имя на влазины лошадку; младшой братъ корову; ну, хто отъ щедрости тамъ десятку, хто *пятитку*,— и денегъ много ему набросали. Потомъ ему [отцу] присовѣтуютъ енералы, што сына простить, — значитъ и жить вмѣстѣ; отецъ согласился свой домъ запечатать, а въ этѣмъ домѣ жить.

6. Дяди и говорятъ: „вотъ, племянничекъ, мы поѣдемъ на три ярманки, — поѣдемъ съ нами!“ — „А мнѣ ѣхать съ вами не съ чѣмъ“.—Жена ему отвѣтила: „ты поѣдешь съ дядями, богаче ихъ пріѣдешь съ ярманокъ!“ Дала она ему сто рублей денегъ: „поди, сходи на рынокъ, купи мнѣ разныхъ шолковъ!.. Мила *ладушка*, тебѣ отдыхать, а мнѣ работа.“ — Въ трои сутки она вышила три ширинки; *заканвертила* ихъ вродѣ кирпичиковъ, подписала на *имя* подписи. — „Въ первое королевство пріѣдешь, тутъ *хрёсна* моя,—подай вотъ етотъ канвертъ! А въ другое королевство

пріѣдешь, вотъ етотъ канвертъ подай! тутъ *хрёсной* мой — король. А въ третье восударство пріѣдешь, тутъ отецъ и мать мои!“ (Она царская дочь; съ малыхъ лѣтъ была выкрадена).

7. На четвёртые сутки они собрались, сяли на свои корабли. Онъ поѣхалъ съ имя́ безъ денегъ безо всякихъ. Пріѣзжаютъ въ королевство, приваливаюцца на пристань; дяди и говорятъ, што про короля надо гости́нецъ. Племянникъ и говоритъ: „гостинцы возьмёте, — и за мной зайди́те!“ — Дяди взяли тамъ хорошихъ мате́рьевъ и за имъ зашли; пошли всѣ троё. Приходятъ къ королю, подаютъ — тѣ матерьи хорошой, а етотъ — свой канверъ. Король съ королевой подходятъ, смотрятъ, што старики хорошіе гостинцы положили, а етотъ вродѣ кирпи́чику канвертикъ поло́жилъ, словно на смѣхъ. *Тожно́* королю приказалъ ево раскупорить: „онъ для васъ неудобенъ ли будетъ?“ — Роску́борили — вы́няли ширинку, на ширинкѣ подпись: „пишу я вамъ, хрёсна-мать, гостинецъ; которой передалъ вамъ ширинку, тотъ мой мужъ, и я осталась отъ ево въ такомъ-то городѣ“.

То, братецъ, великая намъ радось! гдѣ ты её могъ найти?“ — „Очень она мнѣ дорогая стала: купилъ я её за 12 кораблей драгоцѣнныхъ камней“. — „Это ништо́ не дорого! мы тебѣ жертвуемъ три корабля на *отда́рки* съ этѣмъ же товаромъ — съ драгоцѣнными камня́ми и съ народомъ — на вѣшно владѣніе. А вы, сватовья́, торгуйте безданно-безпошлинно! а къ вечеру ко мнѣ на фатеру! А тебѣ нечево торговать, — *всерёдъ* съ нами попировать!“

8. Ярманка прикрылась; поѣхали онѣ на другу ярманку. Ужъ онъ на своихъ корабляхъ отправился. Онѣ пріѣзжаютъ въ другое королевство, приваливаюцца на пристань. Дяди говорятъ, што про короля надо гостинецъ... Приходятъ къ королю, подаютъ — тѣ матерьи хорошой, а етотъ — свой канвертъ съ ширинкой. Король съ королевой подходятъ: „ты такой заку́борилъ кирпичикъ?“ — „Нѣтъ, Ваше Королевское Величество, раску́берите!“ — Раскуберили, вы́няли ширинку, на ширинкѣ подпись: „Шлю вамъ гостинецъ; которой передалъ вамъ ширинку, тотъ мой мужъ; и я осталась жива и здорова въ такомъ-то городѣ“. — „Ахъ, братецъ, великая намъ радось! гдѣ ты ее могъ найти?“ —

„Очень она мнѣ дорогая стала: купилъ я ее за 12 кораблей драгоцѣнныхъ камней“. — „Это ништó не дорого! мы тебѣ жертвуемъ три корабля на отдáрки съ этѣмъ жо товаромъ. А вы, сватовья́, торгуйте безданно-безпошлинно, а къ вечеру *фатéрой* ко мнѣ!“

9. Ярманка эта прóдлилась. Они поѣхали и заѣхали къ руському царю, по путѣ. Пріѣзжаютъ, приваливаюцца на пристань. Дяди говорятъ, што про царя надо гостинецъ; племянникъ и говоритъ: „гостинцы возьмéте и за мной зайдите! у меня и про царя гостинецъ есь“. — Дяди взяли тамъ хорошихъ матерьевъ и за имъ зашли; пошли всѣ троё. Приходятъ къ царю; кладутъ на пристолъ — тѣ разныя хорошія матеріи, а етотъ — свой канвертъ. — „Ахъ, мои рускіе торгаши́ хорошіе гостинцы полóжили!“.. — Вывернули канвертъ, — ширинка; на ширинкѣ подпись: „Пишу я вамъ, тятинька, гостинецъ; хто подаетъ, — тотъ мой мужъ, и я осталась жива и здорова въ такомъ-то городѣ“. — „Великая намъ радось! гдѣ жо ты мою милую дочь нашолъ?“ — „Очень она мнѣ дорогая стала: купилъ я её за 12 кораблей драгоцѣнныхъ камнéй“. — „Не очень дорого! я тебѣ на отдáрокъ жертвую 6 кораблей и ешо 10 человѣкъ барабанщиковъ-музыкантовъ! А вы, сватовья́, торгуйте безданно-безпошлинно, а къ вечеру ко мнѣ на фатеру!“..

10. Ярманка скоро прикрываецца станетъ. Приходитъ царь въ Сенóтъ, совѣтуецца съ своими енералами: — „Какъ же мнѣ бы ето предоставить её сюды? я не вѣрю, што онъ дочь нашолъ!“ — „Поздо ты хватился, надо бы пораньше! Нѣтъ ли теперь на имъ ширинки или золотова перстня именнóва? черезъ ето мы могли бы скоро достать её домой“. — Приходитъ царь домой, увидалъ на ёмъ золотой перстень именной и говоритъ: „милой зять, погоди ешо отправляцца домой, попируй со мной суточки! я тебя отправлю потомъ, а корабли твои пущай пойдутъ теперь!“.. — Корабли пошли въ ходъ; онъ остался съ имъ попировать. Подаютъ ему сонные капли тамъ; и вотъ онъ какъ выпилъ, — и уснулъ крѣпко. Тогда сняли съ ево перстень, сняли, посылаютъ посланниковъ, штобы непремѣнно какъ поскорѣе предоставить [царскую дочь]. А время ему вышло, потомъ онъ всталъ, тожно ево отправили на свои корабли.

11. Пріѣзжаютъ посланники въ ихъ городъ, живо по всему городу дали знать, разыскали ево жену, потребовали на пристань, она съ *илья́* уѣхала домой (по именному персню). Пріѣхала къ царю, — тамъ пировку и радось сдѣлали, а онъ пріѣзжаетъ ужъ домой безъ жены. Пріѣхалъ домой, у тѣхъ вышли жоны встрѣчать, а у етова отецъ съ матерью ево встрѣтили. — „Што, сынокъ, съ *накладомъ* или съ барышомъ?“ — „Да, вотъ тебѣ теперь, тятинька, радось: получилъ 12 кораблей драгоцѣнныхъ камней! я теперь предоставилъ тебѣ всё назать“.—Обрадовался отецъ.— „Не спасибо, што моя жена меня не встрѣтила, на пристань не пришла!“—„Сынъ, —когда ты истребовалъ, снялъ съ себя именной перстень!—и она уѣхала къ отцу домой!“ Тогда ужъ ему не радось! онъ заплакалъ и пошолъ край моря,—не пошолъ и домой.

12. Шолъ онъ трои сутки. На четвёртые сутки показался ему старичокъ—самъ Микола *Ми́лосливой.*—„А что же,— говоритъ:—Иванъ купе́ческой сынъ, идёшь и плачешь,—объ чёмъ ты больше тужишь?“—„Только я намѣревался пожить, жену хоро́шу на́жилъ, а жить теперь не съ кѣмъ! мнѣ хоть бы на её хоть однимъ гла́зомъ поглядѣть!“—„Увидишь!—говоритъ: — На́ тебѣ, вотъ, топоръ, руби етотъ дубъ!“—Срубили етотъ дубъ, изладили съ имъ ковёръ-самолётъ, исправили ишо скрипку-самогу́дъ. Постанови́ли скрипку-самогудъ на ковёръ-самолётъ, стали на ево и полетѣли.—„Играй на ве́рхніе лады́!“ тогда сказалъ онъ. Летѣли много онѣ высоты; *ужаси́лся* Иванъ купеческой сынъ, сказалъ дѣдушкѣ: „не шире бараньей *кожуры́* мнѣ кажется море!“ (у нево уже свѣтъ померкъ).— „Ну, милой сынъ, играй теперь на нижніе лады!“—Ся́ли онѣ къ царскому саду.

13. Дѣдушка сказалъ: „ну, теперь жена твоя выходитъ за королевскова сына, послѣдніе минуты... Выйдётъ она сейчасъ въ садъ разгуляцца. Тутъ есь въ саду спальна, не садись на неё,—уснёшь, не увидишь её! Увидишь, если она тебя любитъ,—веди её сюды!“—Ходилъ-ходилъ долго время. Захотѣлось ему спальну ету узнать. Къ спальнѣ подходитъ; спальна хорошая; какъ онъ сялъ—и уснулъ. Потомъ наконецъ жена ево уходитъ въ разгулку; увидала въ спальнѣ: што за человѣкъ лежитъ? Подходитъ къ ему,

узна́ла: „Ахъ ты, мой ми́лой ладушка, Иванъ купеческой сынъ!..“—И сколько она ево будила, никакъ не могла ево разбудить. На тѣмъ рѣшилась, што я какъ-небудь не вернусь ле во второй разъ къ ему!

Только она заходитъ на *поратное* крыльцо, онъ проснулся. Тогда онъ являлся опять къ старику обратно.—„Ну, дѣдушко родимой! што́ я надѣлалъ—проспа́лъ!“ говоритъ.—„Экой ты чудакъ! до́лго время она тебя будила! не могъ протерпѣть—проходить! Во второй разъ поди да не спи! она ешшо *посули́лась* выйти въ розгу́лку“.—Онъ сколько время ходилъ [во второй разъ]; всё равно какъ ево вѣтромъ придёрнуло къ спальнѣ—зашолъ, лёгъ и уснулъ. (Это всё Микола Милосливой шути́тъ надъ имъ). Во второй разъ она приходитъ, побуди́ла-побудила, поплакала-поплакала и говоритъ: „Ну, я тебя повидала теперь, Иванъ купеческій сынъ, а ты меня никогда больше не увидишь!“—Поплакала, ушла домой.

14. Тогда онъ приходитъ:—„Ну, дѣдушко, какъ хошь, теперь я пойду отъ тебя!“—„Ты пойди въ палаты! если прика́жутъ, то ты поиграй въ свою музыку“.—Онъ приходитъ; у царя попросился: „Ваше Царское Величество, не позволите ли мнѣ поиграть въ свою музыку?“—Царь ему дозволилъ. Разосла́лъ онъ ковёръ-самолётъ, разоста́вилъ скрипку-самогудъ, царю сказалъ: „Ваше Царское Величество! дозвольте отворить окна и двери: у меня музыка громкая играетъ, значитъ—вамъ будетъ жутко!“—Заигралъ въ свою музыку,—и она какъ етакъ маленько сплакала; жениху говоритъ: „дозволь мнѣ кадре́ль сплясать“.—Дозволилъ ей поиграть кадрель; а ей не нужна́ кадрель,—подбѣжала сейчасъ къ нему: захотѣлось ей ево поцѣловать. (Все таки онъ её выручилъ!). Подбѣжала къ нему поцѣловать; онъ сказалъ ей: „дёржи́сь за меня крѣпше!“.—Тогда онъ заигралъ на верхніе лады́, всё ровно какъ *метлячёкъ* вылетѣлъ изъ окна.

Тогда онѣ за нимъ гнались,—ничево не могутъ подѣлать.—„Всё хорошо; кабы мнѣ роди́мова дѣдушка на ковёръ-самолётъ!“ (Гдѣ дѣдушка, и онъ низко летитъ). А дѣдушка тутъ оказался (помогаетъ ему невидимо).—„Ну, милой сынъ, играй на верхніе лады, какъ только можно!“—Летѣли они высото́й вовсё далёко,—тѣ не могутъ усмотрѣть и въ под-

зорну трубу, гдѣ онѣ. Послѣ етова королевскому сыну дѣлать нечево,—уѣхалъ домой.—„Широ́ко ли вамъ ка́жется, дѣти, море?“ сказалъ старикъ.—Сказали ему: „не шире бараньей кожуры́: очень, очень высоко́ мы взлетѣли!“—„Играй теперь на нижніе лады, ми́лой сынъ!“—И ся́ли тутъ, гдѣ ковёръ-самолётъ ладили.—„Топе́рь *тупа́йте* вы на свою родину домой!“ —Далъ онъ ему кремень и плашку: „своёй женѣ николды не сказывай, што у меня есь!“

15. Онѣ приходятъ на четвертые сутки къ отцу-къ матерѣ. Отецъ съ матерью обрадовались, што сынъ привёлъ свою жену.—Приходитъ царь въ Сенотъ и совѣтуетъ: „Нежели нашолъ Иванъ купеческій сынъ такова *хи́тника*? Не увёзъ ли онъ опять мою дочь?“—Царь собра́лся на другой день, отправился въ етотъ городъ, гдѣ Иванъ купеческой сынъ живётъ. Пріѣзжаетъ на пристань, далъ знать по всему городу: шли штобы изъ городу встрѣчать царя. Тогда Иванъ купеческой сынъ запрега́лъ карету и ѣхалъ за тестемъ. Пріѣхалъ Иванъ купеческой сынъ; сдивился царь (што дочь опять здѣся). Царя онъ привезъ, Иванъ купеческой сынъ, къ себѣ въ домъ въ гости: угошшалъ онъ суточки.

Звалъ тогда опять ево къ себѣ домой на житьё царь, Ивана купеческова сына. Тогда сказалъ сынъ: „какъ, тятинька, дозволяешь или нѣтъ?“—„*Мотри*, дитятко, не ошибись! хуже не надѣлай себѣ!“—Согласился Иванъ купеческой сынъ къ царю жить. Прошшался и сказалъ отцу: „въ живности меня не будетъ, тогда отпусти мою скотину [ту, которую ему подарили на влазинахъ] на волю!“ Пріѣзжаетъ къ царю; поживаетъ. Царь завёлъ пиръ на весь міръ: радось, што дочь я опять розыскалъ.

16. Король-женихъ узналъ, собираетъ силы—съ руськимъ царёмъ воевать. *Заутра́* пригоняетъ войско съ орудіями, даётъ знать, чтобы выѣзжали воевать. Товда Иванъ купеческій сынъ: „не нужно намъ, тятинька, оружіе и войско брать! мы съ тобой поѣдемъ въ родѣ розгулки—королевскую силу поглядѣть“.—Царь приказалъ карету запрекчи́; выѣхали въ луга. Королевская *сила* всѣ луга́ за́слали, много.—„Што же ты, милой сынъ, на чево ты надѣешша? У насъ съ тобой никакова оружія нѣтъ!“—Иванъ купеческій сынъ сказалъ: „я на́ Бога надѣюся“.—Вылѣзъ изъ

кареты, вынялъ изъ карману кремень и плашку, чиркнулъ разъ, два и до трёхъ,—выскочили три ухорѣза.—„А что́ ты насъ покликáшь, на каки работы посылашь?“—„Сѣките ету силу *безостáтошно*! я съ вами и Микола Милосливой туть же пособимъ“.—Живо, не больше часу дѣло прóдлилось. Приходитъ Иванъ купеческій сынъ, садицца въ карету. Удивился царь: „Ну, зять, стóишь ты званія!“—Пріѣзжаютъ домой; царь обсказываетъ своими енерáлами; всѣ дивяцца. А жена ево истопила баню про ево. Жена ему сказала: „Милой ладушка, чѣмъ-небудь ты орудуешь? силы въ тебѣ не много“.—Онъ наконецъ сказалъ ей, что „у меня ничево нѣтъ; я нá Бога надѣюся“.

Ночь проходитъ. На другой день король болѣе тово силы ешо пригоняетъ. Иванъ купеческій сынъ тестю говоритъ: „Тятинька, не нужно намъ требовать силу; мы съ тобой поѣдемъ посмотрѣть королевскую силу“.—Запрегли карету, выѣхали въ луга. И видитъ царь: черно, всѣ луга́ зáслали королевскіе силы.—„Што же ты, милой сынъ, на чево ты надѣешша? у насъ съ тобой никакова оружія нѣтъ!“—„Ты нá Боγа не надѣешша! Боγъ пособитъ; ето што за сила!“—Выскочилъ изъ кареты, вынялъ изъ карману кремень и плашку, чиркнулъ разъ, два и до трёхъ,—выскочили три ухорѣза.—„А что́ ты насъ покликáшь, на каки́ работы посылашь?“ — „Сѣките ету силу *безостáтошно*!“ — Рѣшили ету силу, пріѣзжаютъ домой.

Жена опять истопила ему баню: „Мила ладушка, скажи, чѣмъ ты дѣйствуешь?“—Онъ одно говоритъ, что я нá Боγа надѣюсь; нештó ей не сказалъ тутъ. *Ночнымъ бытóмъ* стали они блудъ творить съ ей, тогда онъ ей сказалъ, што „есь у меня кремень и плáшка, я имъ и дѣйствую“.—Потомъ онъ, ночнымъ бытóмъ, заснулъ крѣпко,—она у ево изъ карману выташшыла. Приказала въ лавкѣ взять такой же кремень и плашку, положить на мѣсто етова.

17. И етимъ жо ночнымъ бытòмъ царская дочь приказала жениху — королевскому сыну (за ево ужъ ей теперь охота): „сколько бы небудь набери силы: *тепéрича*, чѣмъ онъ дѣйствовалъ, я отобралá у нево“. — Тогда король набрáлъ старыхъ да малыхъ и посылáтъ въ третей разъ. Царь говорилъ: „развѣ у насъ *силы* нѣтъ и орудія? возьмёмъ силы!“ — „Нѣтъ, не нужно; поѣдемъ мы съ тобой двоё!“ —

Выѣхали онѣ въ луга. Силы *чё*-то у короля немного. Иванъ купеческой сынъ сказалъ: „хотя и не много [силы], серцо у меня сегодня слышитъ: едва ли мнѣ северодня живому быть!“— Выскочилъ изъ кареты, вынялъ изъ карма́ну кремень и плашку, чиркнулъ разъ, два и до трёхъ, — нѣтъ никово! — „Ну, тесть, твоя дочь злодѣйка, обокрала меня! такъ ужъ мнѣ нѐкуды дѣвацца! ты поѣзжай домой, а ужъ мнѣ конецъ!“—Тогда королевская сила подбѣжала, изсѣкла ево на мелкіе куски, зарыли и столбъ поставили — памятникъ.

Царская дочь тогда отписала королевскому сыну, что „ѣдь за мной безъ опа́ски! я согласна замужъ за тебя итти!“ — Королевскій сынъ пріѣхалъ, взялъ царскую дочь, увёзъ въ свою землю.

18. У Ивана купеческова сына которая приданая скотина (лошадь и корова и козелъ) заревѣла тогда (у отца). Отецъ её не можотъ никакимъ кормомъ уважить: она всё ревётъ. Тогда хватился отецъ: „неужеле моево любимова сына нѣтъ въ *живностѣ*?! скотина ревётъ!“ — Заутро́ выпушшаетъ ихъ всѣхъ троихъ на волю. *То* онѣ прибѣгаютъ на ето самоё побо́ишшо, къ етому столбу. Корова распорядилась: „козёлъ и лошадка, вырывайте, а я отправлюсь за живой водой!“— Черезъ трои сутки корова приташшыла живой воды, а онѣ ево вырыли и собра́ли въ мѣсто, какъ есь человѣка. Она *фы́рскнула* изъ лѣвой ноздри́, и онъ сросся; изъ правой потомъ фы́рскнула, — онъ стаётъ. Поблагодарилъ своёва отца и скотинѣ спасибо сказалъ.—„Ну, родимая скотинушка, ты тупай къ моему́ родителю, а я ешо по бѣлому свѣту погуляю!“

19. Пошолъ опять край моря; доходитъ до тово мѣста, гдѣ онѣ ковёръ-самолётъ ладили. Оказался етотъ старичокъ (Микола Милосливой) опять ему.—„Што, Иванъ купеческой сынъ, *знать*, побѣдствовалъ, свою жену потерялъ?“ — „Да, родимой дѣдушко, мнѣ уже теперь ее съ роду не видать!“— „А што жо, увидишь! На̀, вотъ я тебѣ дамъ ягоду, — и на чево ты поду́маешша (какъ тебѣ надо), — такъ ты и сдѣлаешша!“ — Онъ съѣлъ эту ягоду, подумалъ на воробья, воробьёмъ сдѣлался и полетѣлъ. Потомъ, *'на̀читъ*, онъ прилетаетъ въ ето королевство, ударился о́бъ землю и сдѣлался молодцомъ.

Идётъ городомъ, заходитъ къ етакой старухѣ; старуха

одна съ дочерью живётъ. Помолился Богу, поздоровался. Старуха и говоритъ: „откудова? какой молоде́цъ ты?“— „Очень, баушка, я дальной... Ты, *знать-то*, ши́пко бѣдно́ живёшь?“ — „Очень бѣдно́, батюшко, по̀ міру хожу“. — „Я тебя сдѣлаю сёдни богатой, только сослужи мнѣ службу, ба̀ушка! Подёмъ на улицу; я сдѣлаюсь жеребцомъ, ты меня веди на базаръ продавать и возьми за меня сто рублей денегъ. Король меня купитъ, ты меня продавай, а узде́чку не продавай—выговаривай себѣ. Если меня продашь, меня король купитъ, — заколетъ. Дочь пуша́й слѣдитъ, съ ве́драми станетъ передъ горта̀нью (жеребца), — кровь хлынетъ прямо въ ве́дры; ету кровь она отколупаетъ и посѣетъ, — около дворца выростетъ садъ...“

20. Только старуха выводитъ ево на базаръ, — король ѣдетъ.—„Стой, старуха, продай жеребца мнѣ!“ — „Жеребца продать я продамъ, а узде́чку нека́къ не продамъ! Жеребецъ сто́итъ сто рублей безъ запро́су!“ — Король *со́тельну* вынимаетъ и уздечку ей перемѣняетъ. Старуха отправилась домой съ деньга́ми.

21. Жеребецъ не понравился царской дочери; она говоритъ: „если ты ево не заколешь, то меня не увидишь!“ (Она знаетъ, что ето не жеребецъ). Король приказалъ заколоть. Работники вывели жеребца на пло́шшадь, свалили ево колоть. Дѣвица эта приходитъ съ ве́драми, стаётъ передъ горло.—„Што вы дѣлаете? жеребца таково [колете]?“— „Хозяева приказали, такъ што намъ!“ — Рѣзнули ево по горлу; кровь хлынула прямо въ ве́дры. Дѣвица пошла около дворца, расковыряла ету кровь и разсѣяла около дворца; тогда образовался садъ. Поутру́ король стаётъ, смотритъ— садъ у ево испра̀вленъ около дворца. Они чаю напились, пошли въ садъ въ разгу́лку гулять. Сколько бы она не ходила, всё посматривала; изъ саду пошла и сказала: „садъ если ты не вырубишь, — меня не увидишь!“ — Королевской сынъ сказалъ: „коня мнѣ жалко, а саду ешо жалчѣе: садъ *больно* хорошъ!“ Но и садъ приказалъ вырубить.

Садъ вырубили; пришолъ работникъ первое дре́во рубить, изъ первова древа вылетѣла шшепа́ на о́даль. Дѣвица ета слѣдила (наказывалъ ей Иванъ купеческой сынъ), взяла ету шшепу, на́ морё поташшы́ла, бросила её въ морё; изъ

этой шшепы образовался сéлезень—всякое пéрышко въ золотѣ сдѣлалось.

22. Ни черезо много время королевской сынъ пошолъ на охоту *стрѣляцца*; увидѣлъ этова сéлезня и подчàливацца ево стрѣлять. А сéлезень ближе къ краю ползётъ, покря́киватъ. Поглянýлся королевскому сыну сéлезень, охота ему такъ поймать, не стрѣлять. Товда снимать съ себя штаны и рубашку, начáлъ сéлезня руками ловить. Тогда селезень не отдалялся отъ ево—*мырнётъ* отъ ево и къ ему, манилъ ево вглубь. Королевской сынъ начинаетъ тонуть. Иванъ королевскій сынъ вспорхнулъ нà берегъ, ударился óбъ землю и сдѣлался изъ селезня молодцòмъ; хватился, въ ево порткàхъ нашолъ кремень и плашку свою (она передала ужъ ему, царска-та дочь). Чиркнулъ разъ и два и до трёхъ; выскочило три ухорѣза: „Ахъ, нашъ старой хозяинъ! а чтó ты насъ покликàшь, на каки́ работы посылашь?“—Приказалъ Иванъ купеческой сынъ привязать [королевскому сыну] камень за шею, утопить ево *вóвсё*, весь городъ приказалъ зажечь и оставить только королевской домъ да старушкинъ. —„Приведите мнѣ царскую дочь сюды́, штобы она сейчасъ здѣсь была!“ — Привели ему царскую дочь; онъ съ ей поздоровался, повёлъ её къ старушкѣ. Приводитъ къ етой старушкѣ:—„Ну, старушка, твоя дочь меня спасла, теперь она будетъ царевна: я на ней женюсь!“ — Старуха не препятствуетъ: „веди куды знаешь!“—Тебя я увезу въ руськое государство; не будешь ты бѣдствовать здѣсь!“

23. Приводитъ къ царю ихъ; *вы́гаркалъ* царя и царицу на лицо къ себѣ: „привёлъ я твою дочь, посмотри на неё!“—Тогда царь сдивился, что онъ обратилъ её назать (отъ королевскова сына).—„Не хочу я съ ёй теперь жить, я хочу её *нарушúть*; я невѣсту новую себѣ беру!“—„Дѣло твоё!“—сказалъ царь:—„чё знашь, то и дѣлай“.—Вынялъ [Иванъ купеческій сынъ] кремень и плашку, чиркнулъ разъ и два и до трёхъ,—выскочили три ухорѣза:—„А чтó ты насъ покликàшь, на каки работы посылашь?“—Приказалъ царской дочери голову сказнить; а царю приказалъ схоронить.—„Если ты примёшь добровольно меня жить, будешь считать мою жену за милую дочь, а меня—за зятя,—тогда я буду жить у тебя“.—Царь согласился: „за милую дочь буду дёржáть её“.

24. А потомъ стали они надъ ей *изъъзжа́цца* (ругать). Она стала жаловацца мужу, что плохая ей *жизь*. Иванъ купеческій сынъ, не говоря не слова, вынимаетъ кремень и плашку и приказалъ своими рабочими съ царя и царицы голову снять. Остаёцца самъ царствовать. Схоронилъ царя и царицу; старушку предоставилъ изъ королевской земли въ русское государство (тёшшу свою на мѣсто матери); а отцу отписалъ: „Я теперь наступилъ въ царствѣ царёмъ".

---

5. [Братъ и сестра].

1. Мужичокъ забавлялся стрѣлять. Жилъ онъ въ Уралѣ. Онъ ничѣмъ *окромъ* не занимался, всё стрѣльбой забавлялся. И вотъ онѣ въ день ничево не могли застрѣлить; троё сутки живутъ голодомъ. Пове́черу приходитъ отецъ съ матерью и говорятъ; отецъ говоритъ: „давай дочь заколемъ!" а мать не даётъ дочь колоть: „чѣмъ дочь колоть, давай сына заколемъ!" А отецъ сына не даетъ.—„Перетерпимъ это дѣло, переночуемъ! Завтра поутру не застрѣлимъ ли каково звѣря́ — пита̀цца? А если не застрѣлимъ, тогда которова-нибудь изъ ихъ зако́лемъ!"

2. Сынъ это дѣло слышалъ—разговоры ихъ—и говоритъ сестрѣ: „Сестра! ставай, собирайся, пойдемъ, если хочешь живая быть!" — „Куды жо мы, Васинька братчикъ, пойдёмъ?"—„Пойдемъ мы съ тобой въ Уралъ дальше".—Рѣшились они; дальше ушли, очень далёко отъ своёва жили́шша. Идётъ и думаетъ: „Господи, никакой звѣрь не попадатъ, хоть бы я застрѣлилъ" (молодецъ этотъ).—И летитъ ве́ръхомъ голубь. Онъ какъ напра̀вилъ, голубя застрѣлилъ, молоде́цъ. Огня съ *имя́* не́ было. Онъ закати́лъ (зарядилъ) кудельной пыжъ, потомъ въ *муравьи́шшо* сухое стрѣлилъ,— муравьишшо загорѣло.—„Сестра, ты *поку́ль* шшипли́ голубя, а я ешшо похожу вокругъ етова мѣста, — не застрѣлю ли ешшо ково?"—Не велѣлъ ей отходить отъ тово мѣста ужъ.

3. Отошолъ онъ не очень далёко и видитъ: виситъ на дубу́ сабля и реме́нь. Ремень этотъ ровно какъ золотомъ покрытой *зьяетъ, бо́льно* хоро́шой, *загляну́лся* ему. Потомъ онъ залѣзъ на этотъ дубъ, снялъ саблю и ремень, надѣлъ на себя, — и сдѣлался сытъ и си́ленъ. Отъ этова дубу —

видитъ—тропа́.—„Што за тропа̀? *Поду́* по этой я тропѣ“.— Немножко отошолъ, слышитъ разговоры человѣческіе. За этакой *чашши́чкой* сидѣли 30 разбойниковъ. Выходитъ изъ-за чашши́чки атаманъ-разбойникъ и говоритъ: „братцы, сёдни никово не удалось намъ убить, такъ давайте лучше вино пить!“—Молодецъ подходитъ къ *имя́*. Атаманъ-разбойникъ смотритъ: на нимъ сабля и ремень очень хороша̀, и приказалъ своими това́ришшами этова человѣка убить, саблю и реме́нь снять съ нево. Васинька не сробѣлъ, началъ ихъ саблей косить и прирубилъ всѣхъ 30 разбойниковъ и въ кучу склалъ ихъ.

4. Дальше самъ по тропѣ пошолъ и *натака̀лся* на ихъ домъ. Приходитъ въ домъ, нашолъ тамъ бѣлова хлѣба и жаркова; тогда онъ наѣлся хорошо тутъ. Увидѣлъ на стѣнѣ онъ ключи и пошолъ по амба̀рами. Отворилъ первой амбаръ, видитъ—одежды много навѣшано, а вся въ кровѣ. Запираетъ этотъ омбаръ, переходитъ въ другой, видитъ—тутъ довольно всево: муки и орѣховъ, и канфетъ, у торговыхъ видно награблено довольно. — „Лучше тово нѣтъ: привезти сестру! намъ съ сестрой здѣсь на вѣки не прожить, — всево довольно!“

Пошолъ онъ мимо каюты—тутъ одна каюта лыкомъ завязана, г[illegible]ъ запечатана; отворилъ онъ дверь, тутъ шахта; въ этой шахтѣ народу (набитова) навалено множе́ство, прѣетъ.—„Чѣмъ *имя́* [убитымъ имъ разбойникамъ], подлецамъ, на волѣ лежать, пойду перетаскаю ихъ въ ету же шахту, потомъ за сестрой пойду!“—Переташшы́лъ онъ ихъ всѣхъ; потомъ пошолъ за сестрой, на́бралъ съ собой закусокъ и орѣховъ сестрѣ. Приходитъ къ сестрѣ; она лёжитъ чуть жива́я, голодна́.—„Ну, сестричка, пойдемъ, я домъ нашолъ хорошой, намъ навѣки не прожить! На́ вотъ тебѣ пока закуски!“—„Я и жевать не могу!“—Онъ жуётъ, какъ малому ребёнку, ей закуски; взялъ сестру на́ руки (та итти сама не можетъ, обезси́лѣла) и понесъ съ собой домой; *тожно* приташшылъ ее въ этотъ домъ, принёсъ ей жаркова, бѣлова хлѣба.—„Ѣшь, сестра, да не много, штобы,— говоритъ:—тебя не зду́ло съ голоду! походи, да опять поѣшь, *сизопоти́ха*“.

5. Жилъ онъ съ ей трои сутки, никуды не ходилъ, штобы ей было не тоскливо въ этѣмъ дому́. Она въ трои

сутки какъ есь поправилась, ходить какъ слѣдуетъ стала. Онъ нашолъ ру́жья, зарядилъ ружьё и говоритъ: „Сестра, я схожу поохо́тничаю; ты никуды́ не ходи́!“—Сестра сидѣла долгое время, увидѣла на стѣнѣ ключи и захотѣлось ей въ омба́рахъ узнать, што́ есь въ омбарахъ. Отворила перъвой амбаръ,—одежды много въ кровѣ; въ другой омбаръ перешла́, много всячи́ны довольно.—„Да, братъ вѣрно сказалъ, што намъ навѣки не прожить!“

Идётъ мимо етой каюты; опахну́ло её ду́хомъ.—„Што тутъ лежитъ?“—Отворила дверь, заглянула въ ету шахту, увидѣла народъ, *испужалась* и па́ла. Атаманъ-разбойникъ хотя былъ зарѣзанъ, но не *вовсё* (загова́ривался); схватилъ её и говоритъ: „назови меня мужомъ!“—„Што ты, братъ, мнѣ за му́жъ?!“ (Она не можотъ очуствовацца). Атаманъ-разбойникъ говоритъ: „я етому дому хозяинъ! зови меня му́жомъ! тебѣ ужъ все равно жить!“—Очуствовалась, видитъ, что не братъ; согласилась она ево мужомъ назвать.—„Иди,—говоритъ:—въ комнаты! я буду теперь съ тобой разговаривать“.

6. Завёлъ въ комнаты.—„А вотъ што,—говоритъ:—если я твоёва брата застрѣлю, тебѣ будетъ жалко. Мы сдѣлаемъ иначе. Если твой братъ придётъ, ты лягъ тогда на койку, захвара́й! Попроси у брата лиси́нова сала, а лиса не простая: есь Даръ-гора́, по этой Даръ-горѣ ходитъ лиса. Лиса не отпуститъ ево, съѣсъ, и ты не увидишь—тебѣ будетъ не жалко“.

Братъ идётъ. Она звалилась на кровать и застонала; а атаманъ-разбойникъ спрятался, виду не подаетъ. Братъ приходитъ, она сто́нетъ. Братъ её сожалѣлъ.—„Што ты, милая Маша сестра, захворала *знать-то*?“—„Да, братецъ, захвара́ла, очень у меня серцо задави́ло“.—„Кабы я зналъ, не знаю куды бы сходилъ за лѣкарствомъ полѣчить бы тебя!“—Она ево и посылаетъ: „поди ты на Даръ-гору, на этой Даръ-горѣ бѣгатъ лиса; попроси отъ ей молока,—отъ ево я буду здорова“.

7. Онъ надѣлъ на себя саблю и ремень и отправился на ету гору. Приходитъ; только заходитъ на ету го́ру, бѣжитъ къ ему лиса. Онъ передъ етой лисой на колѣнки палъ. Лиса ему сказала: „Што, молодецъ, тебѣ нужно?“—„Мы съ сестрой живёмъ въ такомъ-то мѣстѣ; сестра у меня

захварала; молоко твоё въ пользу ей будетъ; дай мнѣ молока на излѣченіе".—„А што́ подъ молоко принёсъ?" —„Принёсъ я *ту́есъ*".—Поставилъ подъ её, она ему дала полонъ туесъ. Поблагодарилъ лису и отправился будто бы домой.

Немножко отошолъ и подумалъ: „Што же я такому звѣрю покорился? только *плю́снуть* бы её,—куды́ ты, изъ её только брызги (по́трохъ) полетитъ! А я ешо *начита́юсь* богатырь! Дай я ворочусь, всё таки я её ко́нчу!" — Только подумалъ,—и не откуль взя́лись всякова сословія звѣри, окружили ево и хочутъ ево *съись*, ходу не даютъ ему.—„Да, вотъ я только подумалъ, а мнѣ ужо ходу нѣтъ!" — Палъ передъ ей на колѣни второй разъ: „прости, Лиса, што я худое на тебя подумалъ!"—Лиса сказала: „только мнѣ осталось скричѣ́ть, и разорва́ли бы тебя самово́! Когда же ты мнѣ покорился, даю тебѣ на сохраненіе льва-звѣря; *огла̀дь* ле́ва-звѣря, сядь на нево и поѣзжай куды знаешь!"—Сялъ на ле́ва-звѣря и поѣхалъ къ сестрѣ. Пріѣзжаетъ на левъ-звѣрѣ. Атаманъ-разбойникъ и говоритъ ево сестрѣ: „не съѣла ево лиса, а подарокъ ешо ему дала—ле́ва-звѣря".

8. Атаманъ-разбойникъ не приказалъ ей молоко пить: „Ни черезо мно́го время выплесни ево за окно и *застона́й* пуше прежнёва! Пошли ево: есь здѣсь такая крѣпость, въ етой крѣпостѣ есь я́блонь, съ этой яблони яблоко добудешь, такъ буду здорова!" — Разбойникъ спрятался, а жена пуше тово захворала. Братъ опять къ ей: „Што жо, сестра, неужели я тебѣ молока принёсъ не въ пользу?"—Сестра отвѣтила: „вотъ, братчикъ, отъ етова боку отвали́ла, а къ етому привали́ла, какъ ка̀мень, здыхать не могу!" (Омма́нывать брата-та).—„Ну, сестра! кабы зналъ, не знаю бы я куды сходилъ, я *ешшо* за лѣкарствомъ!" — А сестра: „Братчикъ, сходи жо ты сюды, тутъ есь крѣпость, въ этѣй крѣпостѣ есь садъ, тутъ есь яблонь; съ этой яблони приташшы́ мнѣ яблоковъ—и я съ ихъ буду здорова́!"

9. Онъ надѣватъ на себя са́блю и ремень, огла̀дилъ своево лѣва-звѣря и поѣхалъ. И сталъ онъ до этой крѣпости доѣзжать. Не доѣзжая етой крѣпости, старичокъ спустился къ нему съ небёсъ на воздухѣ, на сивомъ конѣ.—„Што, молодецъ, получилъ ли ты отъ меня подарокъ? хорошъ ли?"—Васинька одумалъ: „это непремѣнно сабля и

ремéнь ево!—Спасибо, дѣдушко, на саблѣ на ремнѣ, хорошъ твой подарокъ!"—„Подарилъ бы я тебѣ коня изъподъ себя, только намъ съ конёмъ обѣмъ помирать скоро. Нà, ешо я дамъ тебѣ подарокъ, дудочку. Знашь ли ты какъ въ её играть?"—„Знаю"—„Ну, знашь, дакъ сказывать нечево!"—Распростились. Вася впередъ поѣхалъ.

10. Пріѣзжáетъ къ этой крѣпостѣ. Устроена ета крѣпость 12 сàженъ высотой и три проволоки протянуты сверхъ крѣпости; и на послѣдней проволокѣ висятъ тамъ колокольчики-ширкýнчики, што ужъ если ногами задѣнешь, такъ услы́шатъ. Онъ кругъ крѣпости ѣздилъ, нигдѣ воротá не могъ найти. (Воротà-та у ихъ въ подземéлью заклáдываюцца). И сколько Ваня не лѣзетъ, не можотъ на крѣпость залѣзти, всё пáдатъ. Левъ звѣрь глядитъ, што ему залѣзти нужно, и показывалъ ему на свою спину, садицца ему. Сялъ на лѣва-звѣря.

Лѣвъ-звѣрь разбѣжался, заскочилъ на крѣпость, за послѣднюю стрýну задѣлъ ногами; перевалился въ крѣпость съ Вàсинькой. Выскакивали 300 разбойниковъ. *Покýль* онъ оправля́лся, могли они ево связать. Приводятъ къ атаману. Атаманъ сказалъ: „Молодецъ, какую ты смерть себѣ желаешь — на вѣселицу или живòва въ могилу закопать?" — Вася сказалъ: „лучше меня задави́те, скорѣе мнѣ смерть будетъ получить; живой въ могилѣ я дóльше промàюсь".

11. Повели ево на вѣселицу: излажены столбы и подлажена петля про ево. Онъ какъ залѣзъ на вѣселицу и говоритъ: „Братцы, есь у меня забава; не позволите ли передъ послѣднимъ разомъ забавить свою душу—поиграть въ дудочку?"—Если атамàнъ дозволитъ, такъ и мы дозволимъ".—Велѣлъ онъ спросить атамана. Атаманъ сказалъ: „если онъ хорошо играетъ, не дави́те ево: онъ будетъ насъ забавлять, будетъ съ нами жить". — Прибѣгаетъ молодецъ: „Играй! если ты хорошо будешь играть, будешь ты оставленъ живой, будешь насъ забавлять!"

Онъ зъигралъ въ дудочку, — и вышолъ полкъ солдатовъ; дунулъ другой разъ,—и вышолъ другой полкъ солдатовъ. Приказалъ онъ солдатамъ всѣхъ перерѣзать триста разбойниковъ. — „Которая шахта мнѣ приготовлена, ихъ туда перетаскайте въ одну груду, штобы видѣлъ!" Приказалъ ешо поискать, нѣтъ ли ково гдѣ ешо; ладòмъ по-

искать велѣлъ: сумлѣваецца. Онѣ поискали. — „Больше никово не могли найти!“—отвѣтили.

12. Онъ слѣзъ, пошолъ въ *ихи* комнаты. У ихъ очень комнаты хорошія; у атамана кровать изукрашена всѣхъ лучше. Разыскалъ онъ въ комнатѣ пишшы, понаѣлса и лéва-звѣря накормилъ. Увидѣлъ онъ на стѣнѣ ключи, пошолъ по амбарамъ искать ихъ богатство. Заходитъ въ перъвой амбаръ: одежды много награблено, — въ кровѝ виситъ; въ другѝмъ амбарѣ много денегъ, чаю, сахару и всево довольно. Перешолъ въ кòмнату; *заглянулась* ему атамàнова постеля: „*да-ко* я полежу́, отдохну́!“

Лёгъ на кровàтѣ, лежитъ и вдругъ — человѣкъ состоналъ. Соскочилъ Васинька, начáлъ искать, обнажилъ свою саблю; искалъ много время, никовò не могъ найти. Лёгъ онъ во второй разъ, — пушшэ этово опять состоналъ. Заглянулъ онъ подъ постель, видитъ: тутъ западня́ (въ родѣ— гóлбецъ). Отперъ эту западню, туды ходъ; спустился съ лèвомъ-звѣремъ, оба. Кóмната тàма; въ этой комнатѣ огонь горитъ. Въ этой комнатѣ никово нѣтъ; онъ переходитъ тамъ въ другую ешо кòмнату. Въ трéтей комнатѣ стоѝтъ дѣвѝца на столѣ, цѣпя́ми прикована. Дѣвица кричитъ: „Атаманъ-разбойникъ, не страшшàй! съ лéвомъ-звѣремъ ешо пришóлъ! не пойду я за тебя зàмужъ!“ — Молодецъ отвѣчалъ ей: „Я не атаманъ-разбойникъ, я хресьянской сынъ; явился сюды, а хозя́евъ я перерѣзалъ всѣхъ; нѣту хозя́евъ!“ — „Ковда жо ты ихъ перерѣзалъ, обрывай моѣ цѣпи, выводи меня отсю́дова кверъху!“

13. Тогда онъ оборвáлъ цѣпи, вы́вёлъ её кверху. Тогда она и говоритъ: „Ну,—говоритъ:—называю я тебя мужомъ, а ты называй меня женой! Я роду не простова, я царская дочь! А ты человѣкъ непоучёной?“—„Я человѣкъ непоучёной!“—Васинька взялъ въ понятіе: „коɣды царская дочь, то етова не будетъ: отецъ не отдасъ за неучёнова зáмужъ!“—На отвѣтъ сказала: „Я ужъ чё сказала, то и будетъ! Я тебя поучу́ грáмотѣ, поживёмъ мы здѣсь съ тобой!“—Учила она ево день и ночь, и онъ старался—пачалъ понимать отъ ей хорошо.

Жись ему *заглянулась*.—„Кабы мнѣ сюды сестру ешо достать, такъ веселѣе троимъ жить!“ То у ево *млѣнье* было, штобы достать сестру. Сходилъ онъ въ садъ за са-

до́вымъ яблокомъ; запасъ сотню онъ ихъ; ночью хочетъ сходить за сестрой (чтобы жена не знала). Ей не поясня́етъ. *Ночнымъ бытдо́мъ* уснýли оба крѣпко. Поторопился Васинька; не взялъ съ собой не саблю, не ремня, не льва звѣря; только взялъ съ собою яблоки и ушолъ за сестрой.

14. Проснýлась царская дѣвица, хватилась,—съ ей мужа нѣтъ; кричѣла въ комнатахъ и во дворѣ,—нигдѣ ево нѣту. Покричѣла много время, потомъ здумала за имъ вслѣдъ ѣхать. Левъ звѣрь привыкъ къ ей; глáдила она левазвѣря, взяла саблю и ремень, сяла на лева-звѣря и поѣхала искать ево (мужа). Левъ звѣрь допусти́лъ ево до разбойницкова дому, не догнáлъ Васю.

Увидалъ разбойникъ Васю и говоритъ: „Братъ твой идётъ, съ имъ не сабли, ни́ ремня, ни лева-звѣря нѣтъ, а идётъ такъ, видно безъ яблоковъ“.—Сестра на то ему сказала: „когда у ево сабли и ремня и лева-звѣря нѣтъ,— силы у ево мало; можешь ты ево и такъ убить,—въ имъ теперь силы немнóго!“—Былъ атамáнъ *могýтной*; сшибъ ево и начáлъ по скуламъ бить ево. До тѣй степени ево билъ...; закричалъ: „жена моя Маша! ташшы вилку,—*вы́копамъ* ему глаза! (сдѣламъ кривóва)“.—Приташшыла вилку и вы́копали ему глаза. Тогда онъ запираетъ свою крѣпость; „теперь ты слѣпой, поги́нешь, съ голоду помрёшь! иди куда хошь!..“ (А добивать *во́всё* всё-таки онъ ево не сталъ!).

15. Атаманъ-разбойникъ отъ ево удалился. Подъѣжжаетъ къ ему царская дочь и говоритъ: „Охъ ты Вася, Вася! што ты мнѣ не объяснилъ? Вотъ я тебѣ привела льва звѣря и саблю и ремень принесла!“—„Вотъ, сестра, я тебя *жалѣю*, а ты меня не жалѣешь! выкопала менѣ съ *гулева̀номъ* глаза̀!“ (Онъ думатъ, што ешо сестра съ имъ говоритъ; не опа̀мятовался ешо). Сказала царская дѣви́ца: „я тебѣ не сестра, а жена! если не вѣришь, вотъ пошшýпай лѐва,—звѣрь тутъ, и сабля и ремень; я тебѣ привезла“.— „Левъ-звѣрь, подойди ко мнѣ! я повѣрю“. — Левъ-звѣрь подошолъ къ ему. Онъ огладилъ звѣря и говоритъ: „Навáная моя жена, поѣдемъ мы въ ету крѣпость; мы будемъ Богу молицца тамъ!“—„Милой ладушка Вáсинька! поѣдемъ мы съ тобой къ морю! не будутъ ли какiе попутчики про-

ѣжжіе, не увезу́тъ ли въ русское государство, домой?— чѣмъ намъ въ Ура̀лѣ жить!“—Онъ согла̀стенъ: вези куды хошь!

16. Онѣ пріѣзжаютъ съ ей къ морю, и она вы́ставила флакъ. По и́хому счастію бѣжитъ карабъ, и онѣ кричали во всю голову оба; на ихъ глядя и левъ-звѣрь кричѣлъ. *Тожно* на ихъ крикъ подворотилъ корабль ближе къ *имя́*; и етотъ карабль отъ нашево-жо государя: разыскивалъ её три года, эту самую царскую дочь (она ѣздила на *гу́льбишшо*, съ гу́льбишша её и увезли́). Царь посылалъ на ро́зыски генерала холостова: „если ты мою дочь найдёшь, я за тебя и замужъ её отдамъ!“—На мель сбѣжа̀ли, отхватили лёгкую шлюпку и подъѣжжаютъ къ *имя́* на́ берегъ. Узналъ енералъ, что царская дочь,—што́ желали, то видно и нашли!—„Садись, заходи въ корабль!“

Она Василька взяла за руки, ташшы́тъ. Генералъ подскочи́лъ, руки и́хія росшыпъ, отпехну́лъ слѣпова на́ берегъ, а её въ лодку посади́лъ. Васинька заплакалъ: „Ну, назва́ная жена! теперь я поги́ну на сухомъ берегу!“—На отвѣтъ ему царская дочь: „какъ пріѣду я домой, пошлю объ тебѣ ро́зыски!“

17. Посидѣлъ время мно́го и сказалъ леву-звѣрю: „Левъ-звѣрь, вези меня въ крѣпость, гдѣ 300 разбойниковъ сидѣли! (а къ сестрѣ не вози!)“. Левъ звѣрь придоста̀вилъ въ ету самую крѣпость. Онъ день и ночь Богу молился. И питались онѣ очень хорошо́ тутъ. Конешно, Богъ ево пожалѣлъ. Во сновида́ніе ему пришло̀ся, во снѣ видитъ: „ты,—говоритъ:—Вася, выйди поу́трѣ рано на ро̀су, умывай росой глаза, и будешь видѣть по-старому!“

Не забылъ, что́ вида́лъ во снѣ, Вася; утромъ сталъ, Богу помолился и выѣхалъ на левъ-звѣрѣ въ садъ на розгу́лку. Заѣхалъ левъ-звѣрь въ садъ, остановился. Вася руку свою нама̀чивалъ, протиралъ глаза̀. А левъ-звѣрь смѣтилъ, что онъ росой умывается, нама̀чивалъ свою лапу и брызгалъ ему въ рожу (у нево лапа мохнатая), все равно какъ свешше́нникъ *кропи́лкой*. Вася прогля́дывать сталъ.— „Ну-ко, левъ звѣрь батюшко, помогай-ко! я начинаю глядѣть!“—Самъ старался, протиралъ глаза лучше. Глядѣть сталъ онъ по-старому. Тогда онъ прославилъ Бога: „Слава Тебѣ, Господи! сталъ я глядѣть, теперь я не буду тужить!“

18. Сялъ на лева-звѣря, поѣхалъ свою жену назва̀нную искать. Заѣхалъ онъ по путѣ къ атаману и къ сестрѣ своей. Атаманъ разбойникъ увидѣлъ: „вонъ, — говоритъ:— слѣпой ѣдетъ на левѣ-звѣрѣ!“ — Атаманъ согласился выѣхать ево убить. А на нимъ была ужъ сабля и ремень; соскочилъ съ лева-звѣря, изсѣкъ ево на мелки куски и сожогъ ево̀ въ пепелъ. Въ ко́мнаты заходитъ, сестрѣ своей вы́копалъ глаза, слѣпую оставилъ въ комнатѣ. Поѣхалъ царскую дочь разыскивать.

19. Пріѣзжаетъ нечаянно въ ’осударство, ѣдетъ городомъ (гдѣ царь нашъ живётъ); и выстроены, — видитъ,— двѣ крѣпости (двѣ зданія), а на этихъ крѣпостяхъ на верхахъ повѣшены двѣ человѣческія головы. Вася и думаетъ: „неужели они етому и вѣрятъ, етими голова̀ми моляцца?! Дай я зайду спрошу въ избу: что, какіе это крѣпости? къ чёму́?“

Заходитъ въ одну избу; живетъ старикъ со старухой, только двоё. Старикъ кричитъ: „не ходи, не ходи! куды ты со звѣремъ идёшь?“—А онъ не разговариваетъ, идётъ прямо в’ызбу со звѣремъ. Старуха скочила на полати, а старикъ на̀ печь: испужа̀лися, што онъ со звѣремъ идётъ. Онъ зашолъ, помолился Богу, поздоровался; старикъ сидитъ, ништо́ не говоритъ, глядитъ на нево.—„Што ты, дѣдушко, испужался, залѣзъ на́ печь?“ — „Какъ жо мнѣ не пужацца?! Ты со звѣремъ пришолъ!“ — „Мой звѣрь не пошеве́литъ, не бойся!.. Што жо у васъ это за зда̀нье; али вы етому вѣруите?“—говоритъ.—„Нѣтъ, не вѣруемъ. Это вотъ што: задаётъ царская дочь задачи подря́дчикамъ, а подрядчики не могутъ исправить такую крѣпость, въ какой она у разбойниковъ жила; вотъ подрядчиковы головы и висятъ“.

20. „Поди, дѣдушко, подряжайся! мы исправимъ, каку ей надо крѣпось“,—старику Вася говоритъ. —„Гдѣ, батюшко, исправить? я про себя *топори́шша* не умѣю изладить, не то что намъ такую крѣпось!“ — А былъ старикъ пьяница; старуха ево всё и *избыва̀етъ*, старика: „Што жо, старикъ, когда тебя посылаютъ, *тупа̀й* рядись!“ Старуха посылаетъ ево — „Да, старая сука, ты давно желаешь, съ меня штобы голову сня́ли! вишь подъ чево подводишь!“ говоритъ. — Сказалъ Вася: „*тупай*, дѣдушко, не заботься, исправимъ, будетъ

скорое время испра́влена!“ — Старикъ одѣвался, къ царю отправлялся.

Приходитъ къ царю: „Ваше Царское Величество, которую крѣпость вы желаете съ дочерью, такую крѣпость я исправлю скорымъ вре́мёмъ тебѣ!“—„Вотъ, старикъ, видѣлъ на крѣпостѣ человѣческія головы! если не исправишь, и твоя голова повѣсицца на эту крѣпость!“ — Старикъ ишо удостовѣряетъ, што „исправлю ско́рыемъ вре́мёмъ“. —Царь сказалъ на то: „што тебѣ де́негъ надо сколько-небудь?“ — „Ка̀къ жо! какъ жо я безъ денегъ буду строить?“ — Царь приказалъ ему возъ денегъ нагрестѝ, безъ счёту.

Привозитъ деньги домой и говоритъ: „старуха, куды́ эти деньги?“—Старуха говоритъ: „у насъ сундуковъ нѣтъ, вали вонъ въ уголъ (въ избу) эти деньги!“ — Тогда деньги выгребли; уѣхалъ подводчикъ. Старикъ и говоритъ: „куда я теперь? што будемъ дѣлать?“ — Васинька на то сказалъ: „пируй, больше дѣлать нечево старику!“ — Старикъ нагрузи́лъ денегъ вездѣ много, пошолъ пировать. Старухѣ долго ждать, когда онъ пропируетъ; начала деньги ве́драми по сусѣкамъ раста̀скивать. Старикъ пропьёцца, больше тово накладётъ [денегъ], опять идетъ въ кабакъ.

Приходитъ старикъ, видитъ: денегъ мало ужъ остаёцца, повѣсилъ голову, задумался. Вася смѣтилъ дѣло: „Што, дѣдушко, бо́*льно* ты не веселъ?“ — „Да, денегъ нѣту, а мы ешо строицца не начинаемъ. *Знать-то*, голо́вушка моя поги́нетъ!“ говоритъ.—„Не думай, старикъ, объ этѣмъ! сёдни лягъ проспи́ся, а завтра будемъ стро́ить!“

21. До ве́черу доживаетъ. Вася вышелъ за́ городъ въ луга, потомъ взялъ дудочку, начинаетъ выдувать изъ дудочки наро́ду. И столь онъ народу надулъ, што смѣты нѣтъ. Изъ ихъ одинъ говоритъ: „што ты поклика̀шь насъ, на каки́ работы посылашь?“ — Сказалъ онъ *имя́*: „вы мнѣ исправьте такую крѣпость, въ какой крѣпостѣ триста разбойниковъ убили, въ сёднишную ночь!“ — „Намъ не выстроить въ ночь; ишо прибавь народу, тогда мы прита́шшымъ её изъ Ура̀лу, туё крѣпость; приташшыть намъ ле́гше будетъ!“ — Набавилъ народу ешо не меньше тово; сказали, што теперь довольно будетъ. — Какъ прита̀шшыте крѣпость, положьте меня на атаманову постелю, и старика со старухой тоже въ крѣпость!“.

Поутру старикъ стаётъ и смотритъ: „Господи, я куды попалъ, — знать въ острогъ!“ — Будитъ свою старуху несчадно: „Стара сука, ставай, мы вѣдь съ тобой въ острогѣ спимъ!“—Старуха проснулась, видитъ, што не во своей избѣ, и говоритъ: „старикъ, гдѣ мы теперь съ тобой затáшшены?“—Услыхалъ Васютка, пробудился, приходитъ къ старику: „Што ты; старикъ, горюешь?“ Вотъ што, дѣдушко, мы съ тобой теперь новую крѣпость выстроили, въ новой крѣпостѣ лёжимъ!“—„Неужеле вѣрно, батюшко?“—„Вѣрно, такъ!“—Посылаетъ ево къ царю крѣпость сдавать; а старухѣ наташшылъ пряниковъ, орѣховъ и канфетовъ, началъ старуху уважáть: не тужи.

22. Старикъ приходитъ къ царю: „прими крѣпость, я выстроилъ!“ — Царь собралъ свою свиту, съ дочерью и съ женой отправился на пріёмку крѣпости. А у царской дочери на разбойницкой домъ былъ планъ составленъ (по *плáнту* угадаютъ или нѣтъ выстроить?). Доходятъ дó дому; она развернула *плантъ*, на плантъ смотритъ и нá домъ: вѣрно, едакой жо домъ выстроилъ старикъ! Царская дочь ударила по плечу старика: „ну, старикъ, угадалъ, *'нать-то*, ты мнѣ крѣпось выстроить!“—Старикъ испужáлся, запнýлся, у ево изъ ж..ы г...о ужъ *колышкой* пошло; подходитъ близъ дому,—ужъ у нево и ноги нейдутъ: онъ думатъ, што голова слетитъ у ево. — Заходитъ; знатъ она, гдѣ ворóты. Гдѣ чево было, всё тутъ, какъ есь! — „Ну, старикъ, молодецъ; угадáлъ!“

А енеральской сынъ говоритъ: „теперь, царская княгиня, когда крѣпость угадали, такъ значитъ теперь можно съ тобой повѣнчаться?“—„Погоди,—говоритъ:—не торопися!“—Заходитъ въ этѣ полáты, въ другіе. Услыхалъ левъ-звѣрь, по разговору узналъ, што она идётъ, встрѣчу ей кинулся. Отворила двери,—звѣрь прямо ей на грудь, обрадовался и льстицца; а царь испужался: „Што такое, мила дочь, — говоритъ:—это?“—„А вотъ, тятинька,—говоритъ: — если левъ-звѣрь здѣсь, такъ и назвáной мой мужъ здѣсь будетъ!“.

Подходитъ къ атамановой постели: Васинька лёжитъ на постéли. Разбудила ево. Васинька встаетъ, поздоровался: „Здравствуй, моя названная жена!“—„Вотъ, тятенька, мой мужъ!— говоритъ:—я ево мýжомъ назвалá, какъ онъ выручилъ меня отъ разбойниковъ!“—Царь приказалъ ей повѣн-

чацца ужъ, до́чери, съ Васинькой съ этѣмъ. А енеральской сынъ остается такъ.

23. Повѣнчались; попировали сколько время. Царская дочь благословила по смерть свою въ этой крѣпостѣ старику со старухой изжить. Онѣ по́жили много время. Сталъ онъ [Васенька] у ей [у жены] просицца: „сестру привезти въ твоё государство дозво́ль! Тамъ она пропадётъ, какъ *падйна*: не свяшше́нниковъ, никово нѣтъ“.—Царская дочь ему приказала сестру привезти. Онъ прiѣзжаетъ на левъзвѣрѣ къ сестрѣ своей.—„Сестра! начинаемъ мы нынче съ тобой всю ночь Богу молицца, а *заутра̀* отправимся въ русское государство!“

Всю ночь Богу промолились. Поутру́ вышли онѣ на утренную ро́су; утренной росой промывали ей глаза. Глаза у нёй глядѣть стали по старому. Приводитъ её въ русское государство; обрядили её въ хорошое платье. Пожила́ она съ мѣсяцъ, потомъ напра̀вилась какъ требно быть. Дѣви́ца она хорошая. *Загляну́лась* енаральскому сыну,—сталъ онъ у ево сватать её. Выдалъ онъ за енеральскаго сына.

---

6. [Иванъ Царевичъ и Елена Прекрасная].

1. У царя были сынъ да три дочери. Царь сталъ помирать, сыну наказываетъ: „*Мотри́*, *пѐрво* дочерей отдай, а потомъ самъ женися!“ — Царь померъ; схоронили и поми́ночки отвели. Поживаютъ годъ и два. Старшей сестрѣ стукнуло 30 лѣтъ, а второй было 26, младшей съ залишнымъ 20 годовъ. Время и Ивану царевичу женицца. Приходитъ къ сёстрами на совѣтъ: „Што, сёстры, стало быть,—за Вами женихи не прiѣдутъ—мнѣ сро́ду и не жени́цца?“ — Старшая сестра говоритъ: „запреги карету, поѣжжай: не найдёшь ли въ чужой державѣ мнѣ жениха?“

Запрёгъ золотую карету, поѣхалъ искать. Только проѣхалъ станцiю,—ѣдетъ рыцарь не хуже ево на такой на золотой каретѣ же. — „Постой, Иванъ царевичъ, скажи мнѣ, куды ты поѣхалъ?“ — Иванъ царевичъ сказалъ: „Есь у меня старшая сестра, охота мнѣ её замужъ отдать,

женишка ей съискать“. — „Ладно, хорошо“; этотъ самой мо́лодецъ: „согласенъ я её взять, я за тѣмъ жо поѣхалъ — невѣсту искать себѣ“. И онъ объяснилъ ему такъ: „я уро́децъ, у меня одна рука *со́хлая*“ (*за́годя* объяснилъ ему женихъ). — „*Мо́жотъ*, сестрѣ погля́нёшша, это ничево!“

2. Пріѣжжаютъ къ Ивану царевичу. Сестра выбѣжала стрѣчать ихъ: „Што, братъ, привёлъ жениха?“—„Привёлъ, вотъ гледи́“. — Женихъ поглянулся ей, согласилась она за ево идти; и они съ ей повѣнчались. День пировали. Дѣло къ ночѣ; взяла она ево за ручку, повела́ въ спа̀льну. Поставилъ онъ [Иванъ царевичъ] дежурнова одново: „мотри́, не прокарауль; я ево не спросилъ, какъ зовутъ и отколь“.—Ночь проходитъ; поутру Иванъ царевичъ приходитъ, заглянулъ въ горницу: нѣту никово, онѣ уѣхали. Дежурнова *ма́знулъ* по шшекѣ и въ терёмной за̀мокъ свёлъ, заковалъ.

3. Приходитъ на совѣтъ къ сестрами къ другими. — „Што, сёстры, за вами если не пріѣдутъ, неужели мнѣ сроду не женицца?!“ — Сёстры посылаютъ: „съѣзди, братчикъ, по чужимъ державамъ, можетъ и мнѣ не найдешь ли жениха!?“—И сдѣлался очень радъ Иванъ царевичъ; приказалъ кучеру запрекчи́ карету золотую.

Только проѣхалъ станцію, — ѣдетъ на стрѣчу не хуже ево такой же рыцарь на золотой каретѣ.—„Стой, Иванъ царевичъ! скажи мнѣ подробно, куды ты поѣхалъ?“ — Иванъ царевичъ сказалъ: „Есь у меня двѣ сестры, и охота мнѣ середнюю сестру за̀мужъ отдать; я за этимъ поѣхалъ, женишка искать“.—„И я также поѣхалъ невѣсту себѣ искать“. —„Ну, поѣдемъ!“ сказалъ Иванъ царевичъ. Пріѣзжаютъ къ Ивану царевичу. Сестра середняя выбѣгаетъ: „Што, братчикъ, привёлъ жениха?“—„Привёлъ, вотъ гляди!“—Она сдѣлалась согласна. Пошли къ вѣнцу, повѣнчалися съ имъ.

День пировали. Дѣло къ ночѣ. Взяла она ево за ручку, повела въ спальну.... Поставилъ онъ [Иванъ царевичъ] двухъ дежурныхъ: „*мотри́те*, вы не прокараульте!“ — И онѣ всю ночь сидѣли, не спали несколько, караулили. Поутру Иванъ царевичъ стаётъ: „Што, въ комнатахъ зять?“ — „Должо́нъ быть въ ко́мнатахъ; всю ночь не отворялась дверь!“—Иванъ царевичъ глянулъ въ комнату: нѣтъ никово. Иванъ царе-

вичъ задалъ *имя́* по *ли́зiю* и отправилъ въ тюремной за́мокъ ихъ (за ето, што прокараулили).

4. Потомъ сталъ малой сестрѣ говорить: „Што, сестра, если за тобой женихи не прiѣдутъ, мнѣ сроду и не женицца?“ — Сестра ево посылаетъ тоже жениха искать. Запре́гъ золотую карету, проѣхалъ *станцiю*, ѣдетъ другую. Ѣдетъ рыцарь. *Сверста́лся* проти́въ ево и говоритъ: „Стой, Иванъ церевичъ! скажи мнѣ, куды ты поѣхалъ?“ — Иванъ царевичъ сказалъ: „въ чужу державу: охота мнѣ малую сестру замужъ отдать за ково-небудь“. — „Отдай за меня! Я кругомъ уродецъ: у меня обѣ руки *сохлыя*, и плохо я недови́жу, и но́ги плохо хо́дятъ“. — „Ну, поѣде́мъ, што же! можетъ, сестрѣ погля́не́шша?“ — Прiѣзжаютъ къ Ивану царевичу.

Сестра выбѣгаетъ и говоритъ: „привёлъ жениха?“ — „Привёлъ, вотъ гляди́!“ Обсказалъ сестрѣ: „*мотри́*, сестра, не ошибись! онъ кругомъ уродецъ!“.... — „А что человѣка канфузить! всё-таки я за ево пойду“. — Сходили, повѣнчались. День пировали. Дѣло къ ночѣ; повела она ево въ спальну. И поставилъ онъ [Иванъ царевичъ] трехъ дежурныхъ и наказывалъ: „*мотри́те*, и вы, подлецы, не прокараульте! караульте поперемѣнно, не спите!“

5. Услы́шалъ это женихъ, вышолъ и говоритъ: „Иванъ царевичъ! пошто́ же ты поставилъ дежурныхъ караулить меня?“—„Какъ же мнѣ не ставить? Отдаю я за третьева и не знаю: какъ зовутъ и откуль какой есь?“—„Когда ты не знаешь, я тебѣ скажу: о́тдалъ ты своихъ сестёръ за насъ за трехъ бра̀товъ; прозванья у насъ разные: большой братъ — Медвѣдь Медвѣдёвичъ, а второй братъ — Воронъ Вороне́вичъ; а моя фами́ль лёгкая: меня зовутъ Воробе́й. Иванъ царевичъ, оставь етотъ караулъ! если тебѣ угодно, самъ съ огнёмъ стой у двери: когда захочу́ я уѣхать, тогда тебѣ не увидѣть!“ — Иванъ царевичъ поставилъ трехъ дежурныхъ и самъ стоялъ всю ночь съ огнёмъ, дежурилъ.

Иванъ царевичъ послѣ полно́чи гляну́лъ въ *иху* ко̀мнату, — нѣтъ никово; выбѣжали на у́лку — и кареты нѣтъ. Иванъ царевичъ говоритъ: „стало быть, не виноваты и тѣ солдаты; расковать ихъ и изъ тюремнова замку выпустить ихъ, тѣхъ дежурныхъ!“

6. Иванъ царевичъ отправился въ Сенотъ посовѣтовацца

свои́мъ енера́ламъ: „Господинъ енералъ, я оставляю вмѣсто себя тебя, а самъ отправляюсь искать себѣ невѣсту!“—Насушить приказалъ сухарей и отправился по Уралу ди́кимъ мѣстомъ, не путёмъ, не доро́гой. И шолъ онъ; нечаянно выходитъ: стои́тъ преогро́мной домъ. Подходитъ къ дому. Изъ етова дому Медвѣдь Медвѣдёвичъ, старшой зять, выбѣгаетъ съ ево сестрой, встрѣчаетъ ево. Всякими напитками начали ево по́тчивать и стали ево спрашивать: „куды жо ты, Иванъ царевичъ, пошолъ? скажи подробно намъ!“—„Думаю себѣ невѣсту взять не простую, а царицу Елену Прекрасную“.

„Я бы *та́чилъ* тебѣ, Иванъ царевичъ, вороти́цца назать: у ней 10 богатырей на *аржано́й* соломѣ сидятъ голодуютъ, и тебѣ не миновать, што не поголодать!“ — „Ну, што́ будетъ, то и будь! всё таки я пойду́!“—„Ну, пойдёшь, такъ я тебѣ дамъ подарокъ: на́ вотъ тебѣ бутылочку одногорлую! пойдёшь по дорогѣ, да захочешь *ись*, такъ махни въ ту сторону и въ другую, тутъ увидишь, што будетъ! а если тебѣ не надо, махни бутылкой кверху,—ничево́ и не будетъ“. — Приня́лъ подарокъ, въ карманъ поло́жилъ, отправился въ путь.

7. Шолъ онъ *станцiю* и захотѣлъ *ись*: „Эка сестра злодѣйка, не дала мнѣ на дорогу и хлѣба!“ — Вынимаетъ бутылку, отворяетъ пробку, махнулъ въ ту сторону и въ другую,—выходитъ царство, и слугъ передъ имъ много оказалось; пошло ему угошше́нье тута. (Оттово сестра не дала и хлѣба). Похвалилъ зятя; „какъ я теперь буду это царство собирать?“ Полежалъ Иванъ царевичъ на диванѣ, отдохнулъ онъ немного, взялъ эту бутылку, махнулъ ей кверху,— и ничего не стало. Взялъ эту бутылку въ карманъ и самъ впередъ пошолъ.

8. Проходитъ онъ *станцiю*, увидѣлъ домъ не хуже тово, чѣмъ не лучше; изъ этова дому выходитъ Воронъ Вороневичъ и сестра ево средняя; ево встрѣчали, собра̀ли на столы, нача̀ли ево по́тчивать. И зять ево выспрашиватъ: „куды жо ты, Иванъ царевичъ, пошолъ? скажи намъ объ своёмъ походѣ“.—„Думаю я *млѣньемъ* себѣ взять невѣсту не простую, а Елену прекрасную царицу“. — „Не хуже мы съ братья́ми тебя, по три года бились, да ничё не могли подѣлать! *Та́чилъ* бы я тебѣ воротицца; есь у ей 10 богатырей, мрутъ

на аржаной соломѣ; и тебѣ не миновать, што не поголодать,—говоритъ:—въ тюремномъ за́мкѣ!"—„Ну, ужъ што задумалъ! всё-таки пойду!"—„Ну, пойдёшь, такъ я дамъ тебѣ бутылку двухгорлую; знаешь ле што въ неё подѣлать?"—Иванъ царевичъ на то сказалъ, што „знаю".

9. Отправился въ путь дальше. Нечаянно попалъ на третей домъ, гдѣ этотъ самой Воробей живётъ. Воробей ево съ сестрой встрѣчаетъ; начали ево угошшать. Спрашиваютъ: „куды жо ты, Иванъ церевичъ, пошолъ?"—„Думаю я себѣ взять невѣсту не простую, а Елену прекрасную царицу".—„*Та́чилъ* бы я тебѣ воротицца; есь у ей 10 богатырей, мрутъ на аржаной соломѣ, и тебѣ не миновать, што не поголодать".—„Што будетъ, то и будь, пойду въ путь!"—„Ну, пойдёшь, такъ я тебѣ дамъ подарокъ". Подарилъ онъ ему трехгорлую бутылку. „Знаешь ле што въ неё поделать?"—„Знаю".

10. Отправился въ путь дальше. Нечаянно пришолъ къ Еленѣ Прекрасной въ городъ. Идётъ го̀родомъ и спрашиваетъ: „кто въ этѣмъ городѣ проживаецца?"—Сказали, што „правитъ этимъ городомъ Елена Прекрасная".—Доходитъ онъ до её дворца, заходитъ къ ей во дворецъ. Стоитъ дежурной у паратьняво крыльца и говоритъ: „братецъ, што нужно? докладъ мой! не ходи безъ докладу!"—Иванъ царевичъ, не говоря, *пласну́лъ* этова дежурнова,—онъ и съ ногъ долой!

Заходитъ въ её палаты. Увида́ла Ивана царевича, затопала на ево ногами.—„Хто тебя, мерзавца, безъ докладу дозволилъ зайти въ мои пала́ты?"—„Я человѣкъ не простой, Иванъ царевичъ! за добрымъ словомъ, за сва̀таньемъ пришолъ къ тебѣ",—говоритъ. Она приказала ево заковать, свести въ тюремной за̀мокъ на аржану солому. Повечеру привозятъ къ *имя́* возъ соломы. Иванъ царевичъ не велитъ соломы сваливать.—„Не нужно намъ соломы, мы пропитаемся и безъ соломы!" сказалъ Иванъ царевичъ. Послѣ етова вынимаетъ одногорлую бутылку, махнулъ въ ту сторону и въ другую,—выходитъ царство, пошло *имя́* угошше́нье.

11. Разгулялись эти самые богатыри и сказали: „если вы, дежурные, отъ насъ не уйдёте, весь тюремный за́мокъ *раската́мъ* и васъ убьёмъ!"—Одинъ дежурной убѣжалъ съ

докладомъ Еленѣ Прекрасной сказывать. Посылаетъ Елена Прекрасная служанку, што „не продастъ ли ету самую бутылочку?“—Служанка приходитъ: „Иванъ царевичъ, не продашь ли намъ бутылку?“ — „Не продажна, а завѣтна“. — „Какой жо вашъ завѣтъ?“—„Завѣтъ нашъ: часъ время её тѣло поколѣнъ посмотрѣть“.—Служанка приходитъ, ей объясняетъ: такой-то завѣтъ.

— „Привести ево! што жо, вѣдь, онъ погледитъ, ничево не сдѣлатъ, а всё таки отобрать надо!“ Расковали, привели, она открыла по колѣнъ тѣло; посмотрѣлъ часъ время онъ у ней. Часъ проходитъ; закрываетъ колѣнки, беретъ бутылку.—„Заковать ево, просмѣшника! въ тюремный замокъ отвести опять!“

12. Иванъ царевичъ вынимаетъ двухгорлую бутылку, махнулъ въ ту сторону и въ другу, — выходитъ *ишо* тово лучше государство; пошло́ *имя́* ишо угошше́нье такоё-жо. Потомъ они напились, наѣлись, закричѣли на сторожо́въ: „если вы не уйдёте, васъ всѣхъ перебьёмъ и тюремной за̀мокъ раската́емъ!“—Одинъ дежурной прибѣжалъ съ докладомъ, што богатыри разгулялись: изъ бутылки Ивана царевича вышло царство ешо лучше тово.

Она посылаетъ дѣвку-служанку опять. Дежурной приходитъ и говоритъ: „Иванъ царевичъ, не продажна ли у тебя бутылочка?“—„Не продажна, а завѣтна“.—„Какой у тебя завѣтъ?“—„Завѣтъ у меня—по пупъ тѣла посмотрѣть два часа“.—Она на тѣмъ рѣшила, што расковать, привести смотрѣть ево (не выхватитъ, говоритъ, онъ у меня, вѣдь). Приводятъ ево; она открываетъ платье, и онъ просмотрѣлъ два часа. Два часа проходитъ, тѣло она закрываетъ, бутылочку у ево отбираетъ; приказала ево свести опять въ тюремной замокъ.

13. Въ трѐтей разъ трѐхгорлую бутылку оттыкаетъ, махнулъ въ ту сторону и другую,—вышло царство ешшо лучше тово, пошло имя́ угошшенье. Напились, наѣлись, зашумѣли, про̀гнали дежурныхъ: „если вы не уйдёте, васъ всѣхъ перебьёмъ и тюремной за̀мокъ раската̀емъ!“—Одинъ дежурной прибѣжалъ съ докладомъ, што богатыри разгулялись: изъ бутылки Ивана царевича вышло царство ешо лучше тово.

Она посылаетъ дѣвку-служанку опять: „што онъ про-

ситъ?“ — „Не продажна, а завѣтна“. — „Какой у тебя завѣтъ?“—„Пушшай жо она въ своихъ комнатахъ поставитъ двѣ кровати вмѣсто, и мы съ ей лягёмъ на кровати, штобы она никакіе рѣчи не могла говорить со мной, не худые, не добрые (а лежать на разныехъ кроватяхъ); затѣмъ вмѣстѣ: если я буду говорить, то она мнѣ голову сказнитъ; а если она будетъ говорить, то съ ей голову снять!“—Согласилась.

14. Пошолъ изъ тюремнова за́мку, наказалъ своими богатырями: „въ полночь вырвитесь, приди́те и кричите: ура! ура! взяли, взяли!“—Приходитъ, лёжи́цца съ ёй на разные постели и договорился, штобы отнюдь никакія рѣчи не говорить, не худы, не добрые. И отворотился отъ ее и лежитъ, уснулъ крѣпко, не разговариватъ. Елена Прекрасная умо̀мъ своимъ думаетъ: „и поговорила бы я съ нимъ, да нельзя говорить!“ Помаялась и уснула крѣпко. Около полночи вы́рвались 10 ухорѣзовъ, приходятъ и закричѣли вразъ: „ура! ура! взяли! взяли!“—Она испужа̀лась этова шуму, задурѣла, соскочила съ кровати, закричѣла.

Иванъ царевичъ схваталъ её за̀ волосы, замахнулся на нее саблей, хотѣлъ съ её голову снести. Она сказала: „Иванъ царевичъ, не ссѣки мою голову, я добровольно за тебя замужъ пойду!“—„Ла̀дно, хорошо!“—До утра доживаютъ; съѣздили онѣ, повѣнчались; пошла у нихъ пировка послѣ етова. Когда онъ повѣнчался, пожалѣлъ е́тѣхъ богатырей, выпустилъ ихъ на волю, напоилъ ихъ водкой.

15. Живётъ съ ей мѣсяцъ и два этакъ; обжился́; домой етакъ не торопицца. Она ему и говоритъ: „Иванъ царевичъ, вездѣ ты ходи, вотъ въ этотъ подвалъ не ходи и не гляди!“—„Ла́дно“, говоритъ.—Она ушла въ садъ въ розгулку; онъ идётъ по двору, до этова подвала дохо́дитъ.— „Што̀ такое? все таки я погляжу, ничево не сдѣлацца мнѣ!“ — Отворяетъ этотъ подвалъ. Стоитъ старичокъ на огненной doскѣ. И такъ онъ старика сужалѣлъ: „Ахъ, дѣдушка, тошно тебѣ стоять на огненной доскѣ!“—Сказалъ старикъ: „если, молодецъ, ты меня спустишь съ доски, я тебѣ два вѣка ешо прибàвлю! (ты будешь жить три вѣка)“.

Иванъ царевичъ сужалѣлъ, оборва́лъ у ево цѣпи, вывёлъ старика изъ этой конюшни. Старикъ уда́рился о̀бъ

землю, поддѣлъ Елену Прекрасную изъ саду и увёзъ. Иванъ царевичъ ждалъ нѣсколько сутокъ, дёнъ до пяти,— нѣтъ Елены Прекрасной (думатъ, што въ гости она отправилась).

16. Иванъ царевичъ поймалъ себѣ коня, поѣхалъ на ро̀зыски—искать Елену Прекрасную. Поѣхалъ по дикому мѣсту, *натакался* на Елену Прекрасную въ такомъ домѣ её. Елена Прекрасная сплакала — стрѣтила ево̀. — „Ну, я тебѣ говорила! нашто ты ево спустилъ? Пушай бы онъ догора́лъ бы, старой пёсъ!“—Тогда хозяина до́ма не было; посадилъ Иванъ царевичъ Елену Прекрасную, повёзъ онъ её въ свое государство опять домой. Пріѣзжаетъ старичокъ домой, походилъ по ко́мнатами, нигдѣ нѣтъ [Елены Прекрасной].

Приходитъ въ конюшню къ своёму коню. — „А што, конь, гость былъ?“—Конь сказалъ: „былъ“.—„Елену Прекрасную увёзъ?“—„Увёзъ“.—„А скоро ли мы мо́жемъ её догнать?“—„Двои сутки попируемъ,—*тожно́* дого̀нимъ!“— На третьи сутки сялъ на коня, однѣмъ мигомъ ево догна̀лъ, не допустилъ до царства.—„Стой, Иванъ царевичъ! Нарушилъ бы я тебя, да слово перемѣнить не хочу своё: вѣкъ ты свой про́жилъ, ешо тебѣ два вѣка жить!“—Ссадилъ Елену Прекрасную и увёзъ домой.

17. Иванъ царевичъ потужилъ-потужилъ, по̀жилъ у ей въ государствѣ, выбралъ себѣ коня получше, поѣхалъ опять за ей. Пріѣзжаетъ къ ей въ домъ, ево опять дома нѣтъ. Посадилъ Елену Прекрасную, повезъ домой. Не черезъ до́лго время прибылъ этотъ хозяинъ, до̀ма *пога́ркалъ*, потомъ къ коню своёму приходитъ.—„А што, конь, госьть былъ?“—„Былъ и Елену Прекрасную увёзъ“.—„А скоро ли мы можемъ её догнать?“—„Суточки попируемъ, да догонимъ!“—На другія сутки сялъ онъ на коня. Догналъ; „ешо тебѣ вѣкъ одинъ жить!“—Ссадилъ Елену Прекрасную и увёзъ домой.

18. Бросилъ етова коня Иванъ царевичъ, отправился ешо счасья искать, не поѣхалъ къ ей въ государство. *Ночнымъ бытòмъ* нечаянно приходитъ къ етакой избушкѣ: избушка стоитъ на козьихъ ножкахъ, на бараньихъ рожкахъ, повёртыватца.—„Ну, избушка, стань по-старому, какъ мать поставила—къ лѣсу задо́мъ ко мнѣ передо́мъ!“—Зашолъ въ эту избушку.

Въ етой избушкѣ живётъ Ягá-Ягѝшна: „Фу-фу, русскова духу слыхóмъ не слыхать и видóмъ не видáть, а русской духъ ко мнѣ пришолъ—человѣкъ не простой, а Иванъ царевичъ!... Куды жо ты, Иванъ царевичъ, пошолъ?"—„Я пошолъ себѣ счасья искать!"—„Наложу я на тебя три дни службу; черезъ три дни я тебѣ—*чё* тебѣ поглянёцца, то и дамъ!"—Согласился Иванъ царевичъ трои сутки прослужить.

19. Поутрý она дала ему 10 кобылѝцъ, одинадцатова жеребца, пастѝ. Онъ ихъ спуталъ на долѝну и пасётъ. „Куды они уйдутъ?—Нéкуды уйти!" А самъ лёгъ спать. Солнышко *нáзакать*,—проснулся Иванъ царевичъ, видитъ: кобылъ нигдѣ нѣту. Искалъ много время и не можетъ ихъ найти.

— „Кабы мнѣ на ето время зятя Воробья! онъ бы помогнýлъ моёму горю!"—А Воробей всё равно какъ тутъ и былъ. — „Ахъ, Иванъ царевичъ, потерялъ своихъ кобылъ!" — Воробей ударился óбъ землю, сдѣлался жеребцомъ, началъ кобылъ искать. Нашолъ, началъ легáть и кусать, прѝгналъ ихъ; „ну, теперь, Иванъ царевичъ, гони!"—Прѝгналъ Иванъ царевичъ, сдалъ ихъ Ягѣ-Ягѝшнѣ.

20. Переночевалъ потомъ ночь. Поутру она ему даётъ 10 *гусихъ*, одинадцатова гусакà, пасти. До вечера доспàлъ, потерялъ гусей, не можотъ найти.—„Кабы мнѣ на эту пору зятя Воробья! онъ помогнýлъ бы моёму горю!" — Воробей тутъ и былъ. Ударился óбъ землю, сдѣлался орлòмъ, полетѣлъ на рóзыски гусей. Воробей разыскалъ гусей, начáлъ шшипàть ихъ, только изъ ихъ перья летятъ. Пригналъ ихъ къ Ивану царевичу.—„Ну, Иванъ царевичъ, гони!"—Пригоняетъ, сдаётъ онъ Ягѣ-Ягишнѣ.

21. Ночь переночевалъ. На третьи сутки она даётъ ему 10 утокъ пасти, одинадцатова сéлезня. Вы́гналъ на *залы́вину* (въ логу), а самъ лёгъ спать. Сонцо ужо сяло, онъ *тожнó* проснулся. Утокъ нѣту; не могъ найти. — „Кабы мнѣ на эту пору зятя Воробья!"—Воробей къ нему прибываетъ.—„Сегодня утокъ потерялъ! Ну, никуды не дѣваюцца!"—Сдѣлался ястребомъ, нашолъ ихъ въ камышàхъ, пригналъ.—„Ну, Иванъ царевичъ, гони!.. Иванъ царевичъ, у ней 10 дочерей, станетъ давать изъ любыхъ, ты не бери;

давать станетъ тебѣ золота, ты и золота не бери, и никаки́ деньги не бери! А есь худой жеребчи́шко, кое-какъ ноги переплётыватъ, —ты ево возьми, онъ тебя на путь наставитъ!“

22. „Иванъ царевичъ, не желаешь ли изъ 10-и дочерей любую взять?—я тебѣ подарю счасье!“—„Мнѣ дочерей твоихъ не надо, и денегъ мнѣ твоихъ никакихъ не надо! и ты отдай мнѣ худова этова жеребенка!“—„Неужели ты у меня это только и заслужилъ?“—„А што? былъ до́говоръ: што я желаю, то и отдай!“

Отдала она ему худова жеребенка. Онъ повёлъ ево по Уралу. Жеребенокъ говоритъ ему: „будетъ тебѣ меня вести, я пойду погуляю съ мѣсяцъ. Черезъ мѣсяцъ я прибуду къ тебѣ, ты не уходи съ этова мѣста!“—Вынимаетъ одногорлую бутылку, махнулъ въ эту сторону и другую,—вышло прекрасное царство, и онъ въ этѣмъ государствѣ съ мѣсяцъ проклаждáлся (покуль ево жеребецъ отдыхаѐтъ). Черезъ мѣсяцъ жеребецъ прибѣгатъ, говоритъ: „будетъ ужъ отдыхать, теперь надо дѣло вести!“—Иванъ царевичъ взялъ одногорлую бутылку, махнулъ кверху, ничево не стало; остался онъ на луждчкѣ; бутылку запехнулъ въ карманъ.

23. Конь сказалъ ему: „я поѣхалъ бы съ тобой сейчасъ за Еленой Прекрасной, только нельзя теперь ѣхать. Поѣдемъ мы съ тобой на такую-то гѐру. На этой горѣ стоитъ дубъ, на этѣмъ дубу есь гнѣздо, въ этѣмъ гнѣздо [sic!] есь Кошше́я Безсмéртнова яйцó (этотъ старикъ Кошшей Безсмёртной называется). Мотри́, Иванъ царевичъ, садись на меня, крѣпше держись, штобы тебя вѣтромъ не сшибло!“—Онъ сялъ на коня и все равно ми́гомъ пріѣхалъ на эту гору, къ этому дубу.—„Залѣзай на дубъ, снимай яйцо и не бей ево: тихонько положь въ карманъ, береги ето яицо!“—Слѣзъ съ дубу. Конь ему говоритъ: „братъ мой служитъ у Кошшея Безсмёртнова; братъ двухкрылой, а я шестикры́лой; я побѣгу мало-мало съ имъ рысью, и то брату во вѣки меня не нагнать. Пріѣдемъ къ нему въ домъ; если онъ [Кошшей] дома, то бей ево яицомъ въ лобъ: какъ яицо разлети́цца, такъ и онъ наруши́цца тутъ жо“.

24. Онѣ пригоняютъ въ домъ,—Кошшея Безсмёртнова

нѣтъ дома. Конь пошолъ къ брату, а онъ пошолъ къ ей въ домъ. Конь отворилъ только двери,—братъ обрадовался: малова брата увидалъ.—„Гдѣ ты, малой братъ, проживался долго время? я тебя не видѣлъ!“—„Я проживался у Яги́-Яги́шны; она меня замори́ла... Помоги́ Ивану царевичу Кошшея Безсмёртнова убить!“—„Ево убить лѣвой рукой: кабы достать съ дубу яицо̀, вотъ ево и смерть!“—„Это мы достали, у насъ въ карманѣ!..“—„Ты, братъ, *айда́* шагомъ; а если пойдёшь рысью, то мнѣ не догнать тебя!“... Онъ [Иванъ царевичъ] посадилъ Елену Прекрасную на своёва коня, поѣхалъ шагомъ.

25. Прибылъ Кошшей Безсмёртной не черезъ долго время домой; кричѣлъ въ комнатахъ Елену Прекрасную,—ее дома нѣтъ. Являлся онъ, между тѣмъ, къ коню.—„А что, конь, гось былъ?“ — „Былъ“. — „Елену Прекрасную увёзъ?“ — „Увёзъ“. — „А скоро ли мы можомъ ево догнать?“ — „Да если шагомъ повезётъ, *дакъ* дого́ни́мъ, а рысью побѣжитъ,—во вѣки не нагнать“.—Садился на коня, отправля́лся ево догонять. Догна̀лъ ево доро́гой, остановилъ: „ну, я теперь *наруши́у* тебя, Иванъ царевичъ, тебѣ будетъ и жить!“—Иванъ царевичъ слѣзалъ съ коня: „Давай теперь мы съ тобой побра́туемся!“—Вы́нялъ изъ карману яицо́, ударилъ Кошшея Безсмёртнова по̀ лбу,—онъ тутъ и ко̀нчился.

Посадилъ Елену Прекрасную на старшова коня, самъ сялъ на младшова, поѣхалъ въ своё государство, въ русское (не поѣхалъ къ Еленѣ Прекрасной). Приво́зитъ въ своё государство. Поѣхалъ своихъ зятевьёвъ собирать, заводить пиръ. Собралъ своихъ зятевьёвъ и вотъ онѣ тутъ нѣсколько сутокъ съ *имя́* пировали.

---

7. [Мишка-Котома-Конюхъ и Катунъ-Дѣвица].

1. У царя былъ сынъ, и онъ задумалъ ево женить. Собиралъ *ду́мшихъ* и сенато̀ровъ, посыла́лъ во всѣ страны (по всѣмъ стра́нами) народу собирать. Много народу съѣхалось—князьёвъ и боя́ровъ и простонародія.—„А што, міръ правосла̀вной, не зна̀ите ли въ какихъ городахъ моёму сынку невѣстку *баску́*?“—И всѣ отказались. Одинъ изъ ене-

ральскихъ дѣтей сказалъ: „спросить нужно Мишки-Котомы кòнюха (объ этѣмъ дѣлѣ)“.—За Мишкой послàлъ царь. Онъ даромъ нейдётъ: „пушай царь мнѣ выкатитъ бочку-*сороковýшку* и 25 пудовъ калачей на закуску!“—Царь приказалъ выдать ему.

Мишка-Котома приходитъ, бочку выпивàетъ, калачи сжираетъ. Царь говоритъ: „Мишка-Котома, не знаешь ли въ какихъ городáхъ моёму сынку невѣсту *баску*?“ — „Невѣсту я очень хорошý знаю, только у тебя женихъ плохъ (противъ невѣсты)!“ — Царь ему задалъ двѣ *ля́зы*,—онъ отправился на конюшню. Потомъ приказалъ всѣмъ князьямъ и боярамъ, штобы прибыть на будушшей день ешо болѣе тово народу.

2. На будушшей день съѣхались ешо тово болѣ. Царь подавалъ по чáрѣ и по двѣ и спрашивалъ: „Што, міръ православной, не знаете ли въ какихъ городахъ моёму сыну невѣсту баску?“ —Всѣ отказались. Одинъ изъ княжескихъ дѣтей и говоритъ: „Ваше Царское Величество, спросить надо Мишки-Котомы конюха: онъ больше насъ знаетъ“.—Царь на то сказалъ, што „онъ меня 'черàсь канфузилъ, не нужно ево звать на совѣтъ!“ — „Однако, всё таки онъ скажетъ, можно ли не мóжно ли за невѣстой ѣхать?“ — Царь посылаетъ за имъ, штобы прибы́лъ онъ на совѣтъ; приказалъ ему выдать бочку сороковушку и 25 пудовъ калачей на закуску.

Бочку онъ выпиваетъ, калачи сжираетъ, приходитъ къ царю па совѣтъ.—„Ваше Царское Величество, невѣста очень хорошá, а женихъ у тебя протѝвъ невѣсты плохъ!“ — „А можно ли за невѣстой ѣхать?“ — „Можно, — говоритъ: — запрегáй карѐты! Я же её привезу, окрóмѣ меня нихто не привезётъ!“

3. Запрегли кареты, поѣхали за невѣстой. Пріѣзжаютъ въ её луга и видятъ: силы много навáлено; богатырьская голова отсѣчена повáливаецца. Мишка конюхъ вы́лѣзъ, къ головѣ подходитъ: „Што, богаты́рская голова, хто тебя побѣди́лъ?“ — Голова отвѣтила, што „меня побѣдила Катýнъ-дѣви́ца“. (Она *богатыри́ца*).— Мишка-Котомá садицца въ карету и ѣдетъ впередъ. Доѣзжáетъ близъ её городу и видитъ: силы болѣе тово навалено; два богатыря убиты и гóловы не усыпи́лись, повáливаюцца ишо. Подбѣгаетъ къ

этими головами, спрашиваетъ: „кто васъ побѣдилъ?“—„Побѣдила Катунъ-дѣви́ца“.

4. Подъѣжжаетъ къ её городу. Устро́енъ у ей садъ на 20 вёрстъ; столбы были чигунные, тынъ былъ желѣзной. Ни захотѣлъ онъ въ воро́та ѣхать, выше себя тынъ подыма́лъ и столбы, и *по́ѣсъ* пропушша́лъ. Потомъ поста́вилъ столбъ на столбѣ и сдѣлалъ подпись, што „за добрымъ словомъ, за сва́таньемъ“. Самъ началъ по саду поха́живать и яблони пота́птывать (*грѐзить* начинаетъ). *То* видитъ садовникъ, што непорядки, бѣжалъ къ Катунъ-дѣвицѣ съ докладомъ.

Катунъ-Дѣвица смотритъ съ пора́тьнева крыльца въ подзорную трубу, што ихъ пріѣхало много. Спустилась въ ни́жней этажъ къ своему родителю: „выдай ты мнѣ богатыря, который дѣйствуетъ стопудо́вой па́лицей“. Богатырь приходитъ и говоритъ: „Што, Катунъ-Дѣвица, нужно?“—*Тупа́й*, съ *имя́* не разговаривай, а на носо́къ подымай, изъ са́ду ихъ выбра́сывай! Штобы не было ихъ въ саду!“—Приходитъ богатырь и говоритъ: „Што́, господа, заѣхали въ нашъ зе́ленъ садъ безо вся́кова упро́су?“ — „Мы съ тобой, съ хамомъ, не будемъ разговаривать! разѣ съ тобой потолкуетъ вонъ Мишка-Котома́ конюхъ!“ Иванъ царевичъ сказалъ.

Къ Мишкѣ-Котомѣ онъ подходитъ, боёвой па́лицей ударитъ по плечу и по друго́му. — „Ахъ, кома́рики полётываютъ, мои плѐчики покусываютъ!“ сказалъ Мишка-Котома.— Мишка-Котома обратился: „не такъ, господинъ ба́гатырь, бра́туюцца!“ Ударилъ ево по головѣ рукой своéй, — по колѣнъ тотъ въ землю ушо́лъ и языкъ *вы́пелилъ*.

5. Катунъ-Дѣвица смотрѣла въ подзорную трубу, удивилася. Спустилась въ ни́жной этажъ, къ своёму родителю опять. — „Выдай ты мнѣ богатыря́ не хуже меня *а́ле* посильнѣ меня ешо!“—Богатырь приходитъ: „Што ты, Катунъ-Дѣвица, меня требуешь?“—„Поди, господинъ богатырь, такихъ невѣжъ на носокъ поддѣвай, изъ са̀ду ихъ выбра́сывай, штобы не было!“—Очень богатырь былъ сердитъ; приходитъ, первую карету *фы́рнулъ* и за садъ выбросилъ, не разговариватъ.

Оглянулся Мишка-Котома, што дѣло не ладно, подбѣгаетъ къ ему. Билъ ево богатырь по плеча́ми. — „*Пау́тики*

полётываютъ, мои плèчики покусываютъ!... Што ты, господинъ бàгатырь, не ладно брáтуешша?"—Ударилъ ево рукой по головѣ, и онъ сразу по колѣнъ въ землю ушолъ и языкъ *выпелилъ.*

6. Катунъ-Дѣвица видитъ, што дѣло не ладно, приказала своимъ кучерáмъ карету запрекчѝ. Полóжила подушки мя̀хки, отправлялась въ садъ за женихомъ. Пріѣзжала и низко кланялась: „Хто изъ васъ мнѣ будетъ женихъ?" — „Женихъ тебѣ не простой, Иванъ царевичъ!"—„Иванъ царевичъ, садись со мной въ карету, поѣдемъ въ мои полàты!"—Мишка-Котома съ *имя́* же сялъ на запя́тки.

Пріѣзжали въ её полáты; садились онѣ за столъ, она у ево за ручку взяла, пожала,—сдѣлалось ему очень тóшно, изъ руки и сокъ пошóлъ. Иванъ царевичъ вывертѣлъ у её руку; потомъ она стала на ево ногу,—сдѣлалось Ивану царевичу тóшно, весь почернѣлъ послѣ этова. Видитъ, што женихъ плохъ.

7. „Иванъ царевичъ, не желаешь ли: у меня есь тако́ забава—лучёкъ, и не можешь ли ты вы̀стрѣлить изъ моихъ хорóмъ?" — Сказалъ Иванъ царевичъ: „ташшы́те, посмóтримъ, што у тебя за забáва?"—Приташшы́ли эту забаву шéстеро, ка̀къ сùльное бревнó.— „Мишка-Котома, можно ли мнѣ позабáвицца? —попытай, выстрѣли!" — Мишка-Котомá тотчáсъ подскочилъ, взялъ етотъ лучокъ, черезъ колѣнки *жáмкнулъ,* и онъ разлетѣлся на мелки части; *стрѣля́цца* нельзя въ нево больше. Она этому дѣлу сдивилася.

8. „Иванъ царевичъ, не желаешь ли — у меня есь конь, на имъ покатáцца?"—„Ну-ко, приведите коня, я погляжу́— што у васъ есь за конь?"—Привелѝ коня.—„Мишка-Котомá, можно ли мнѣ на конѣ проѣхать? съѣзди на нёмъ, попытáйся!"—Мишка-Котома ставалъ въ *струменó* и въ другое, наконецъ плетью коня *шáркнулъ* (шабаркнулъ),—конь насѝлу стоя̀лъ. Немнóжко отъѣхалъ, коня остановилъ, сказалъ ему: „если, штò я скажу, испрàвишь, такъ ты живъ будешь, а не исправишь, —такъ я тебя плетью сейчасъ убью!"—Конь на то ему сказалъ: „штò ты скажешь, я испрàвлю, только не бей меня!"—„Иванъ царевичъ если станетъ на тебя въ *струменó* и въ другое, ты по шшóтку въ землю уйди! *Стегнётъ* тебя нагайкой, ты на колѣнко пади, немножко отойди и вó *корень* не пойди!" (ходу какъ бы не будетъ).

Пріѣзжаетъ къ пара́тному крыльцу. Иванъ царевичъ спрашиватъ: „можно ли *сясь* на коня?“ — „Не знаю, подо мной дю́житъ, какъ подъ вами?!“ — Ивану царевичу хотя и не хотѣлось садиться на коня, встаётъ въ *струменó* и въ другое,—конь по шшо̀тку въ зе́млю ушолъ, нагайкой хлеснулъ, — онъ на колѣнко палъ. Катунъ-Дѣвица смотритъ, диви́цца на ето дѣло. Немножко отошолъ и во́ *корень* не пошолъ конь (некакъ не пошолъ).

Слѣзъ съ коня, началъ коня подъ ж..у пинать. Конь идётъ, кое-какъ перешлётываацца. Подходитъ Иванъ царевичъ: „Эхъ, Мишка-Котома́, сканфу́зилъ ты меня — велѣлъ на нево *ся́сти*, на такова коня! На та́кихъ коня́хъ у насъ только маленьки ребятишки ката́юцца! не нашему брату садицца на такова коня!“

9. Мишка-Котома́ сказалъ: „не нужно намъ твои лучки́ пытать и ко́ней вашихъ обучать, а — хошь добра́, такъ садись, поѣдемъ въ наше государство!“ — *Тожно* она согласилась, запряга́ла карету, выкла́дывала свое имущество и попросила своёва родителя проводить до руськова государства съ солдатами и съ оружіемъ, штобы насъ нихто не могъ похи́тить.

Пріѣзжаетъ въ руськое государство. Уви́дѣли солда́ты, доложи́ли царю: „ѣдутъ къ намъ какіе-то невѣрные силы; што̀ прикажешь дѣлать съ *имя́*?“—Царь приказалъ: „выпалите въ ихъ изъ холостыхъ пушекъ! а если *подава́цца* будутъ (не остановяцца), заряжайте, картѐчами попужа́йте ихъ!“ —Не остана̀вливался Иванъ царевичъ, ѣхалъ всё впередъ. Заряжали онѣ тогда карте́чамъ, попужа́ли въ ихъ. Мишка-Котома изъ кареты выскакивалъ, пули хваталъ, да и въ ихъ обратно броса́лъ, царскую силу вали́лъ. Одумались: што ето, не Мишка ли Котома́ ѣдетъ? погоди́ть стрѣлять! надо узнать, хто ѣдетъ? — Посла́нникъ пріѣзжаетъ. Приказалъ Мишка-Котома стрѣтить ихъ съ весёлымъ со зво́номъ, а не такъ што́бы въ ихъ стрѣлять. Уда́рили по всѣмъ церква́мъ, встрѣтили ихъ съ весёлымъ со зво́номъ.

10. *На́перво* заѣхалъ онъ въ монастырь; повѣнчался, потомъ къ отцу своёму въ пола́ты отпра́вился. Пріѣзжаютъ въ царской домъ, посидѣли, погости́лись довольно. Онъ её въ спальну повёлъ; лёжи́лись на такіе кровати; наказывалъ Мишка-Котома, штобы лежать тихо и смирно севоднишную

ночь. Она [на] ево *напèрво* налòжила руку — задавѝла *чисто* ево. Онъ выбился изъ-подъ руки, выскочилъ въ калидòръ. Мишка-Котомá стоѝтъ-ждётъ ужъ тутъ. Она навалѝла на ево нòгу. Иванъ царевичъ выбился, выбѣжалъ въ калидоръ, сказалъ Мишкѣ-Котомѣ: „я больше не пойду, она задáвитъ меня!"

Мишка-Котома подалъ ему три прута желѣзныхъ и три прута мѣдныхъ и велѣлъ ему: „залѣзь нá верьхъ и спусти мнѣ три прута желѣзныхъ, какъ я скажу: Господи, спусти мнѣ съ небесъ три прута желѣзныхъ!" — Мишка-Котома самъ лёгъ съ ней на кровать. Она налòжила на ево ногу. Мишка-Котома сбросилъ, взялъ её зá волосы, началъ её бить. Онѣ дрались много время. Онъ сказалъ: „Господи, спусти съ небесъ три прута желѣзныхъ!"—Иванъ царевичъ подалъ ему въ трубу. Онъ эти прутья исхлесталъ; сказалъ: „Господи, спусти ешо мнѣ съ небесъ три прута мѣдныхъ!" И эти прутья онъ всѣ исхлёсталъ. — „Если такъ будешь дѣлать ишо, такъ я тебя не етакъ проберý!"

11. Посылаетъ Ивана царевича: „*тупай*, теперь не пошевèлитъ. Иванъ царевичъ приходитъ: она лёжитъ, *раставрáлась* (*пристáла*; *ухáйкалъ* онъ её), ничѣмъ не можетъ шевелѝцца. Ночь проходитъ; по утрý она сказала ему: „Иванъ царèвичъ, подѝ пострѣляѝ мнѣ *дичя́тины*! (я въ своѐмъ мѣстѣ всё дичя́тину жарю)".—Иванъ царевичъ ушолъ. Тогда она всё на себѣ плáтье изорвала и въ кòмнатѣ всё приломáла; самá легла серѐдь полу. Иванъ царевичъ приходитъ, видитъ, што не поря́дки, сказалъ: „хто тебя избилъ?"— „Избилъ меня Мишка-Котома конюхъ! На то ли што ли вы меня взяли?" — Иванъ царевичъ объяснилъ своѐму отцу, што „Мишка-Котома мою жену избилъ и всё на ней платье изорвалъ и посуду всю приломáлъ".

Царь на ето осердился, приказалъ (салдáтамъ) Мишкѣ-Котомы голову отсѣчь. Салдатъ наточилъ саблю, шолъ къ Мишкѣ-Котомы́ кòнюху. Приходитъ къ конюху, онъ лёжалъ къ подýшками ногáми, закрылся глýхо одѣяломъ: у ево не видать не ногъ, не головы. Салдатъ не разсмотрѣлъ, одѣяло не сбросилъ, саблей рѐзнулъ, отсѐкъ у Мишки-Котомы́ ноги. Сбросилъ скоро Мишка-Котома одѣяло, салдатъ отъ ево здумалъ бѣжать, испужáлся. Скричѣлъ Мишка-Котома: „отчево ты мнѣ отсѐкъ ноги? скажи мнѣ! за

чевó?"—Салдатъ сказалъ: „не бей Ивана царевича жену! за то тебѣ приказáлъ [царь] голову отсѣкчи. Счаслúвъ, што только ноги отсѣкъ!"

12. Завязáлъ свои ноги, отправился изъ ево государства, Мишка-Котома. Пошолъ и сказалъ [Ивану царевичу]: „Помя́нешь меня, да тогда ужъ не будетъ меня у васъ! хватишша!" — Только вы́шолъ зá городъ, идётъ слѣпой, плутáетъ, не можетъ дорогу найти. Скричѣлъ слѣпому: „Слѣпой, иди на мой голосъ, пойдёмъ со мной вмѣстѣ!"— Назвáлъ ево, слѣпова, большúмъ братомъ: „будешь ты большой братъ!"—Онѣ отошли вёрстъ десятокъ, идётъ безрукой. Пригласили онѣ безрукова съ собой. Назвалъ ево Мишка-Котома серéднимъ братомъ. „А я буду у васъ меньшóй братъ".

13. Дошли онѣ (три брата) до Ягú-Ягúшны; у ей попросили живой воды. Она сказала: „Подите, вотъ въ этѣмъ колоццѣ живая вода". — Слѣпой намочилъ глаза и сдѣлался съ глазами. Безрукой примачивалъ своѣ руки, и тѣ выросли. Мишка-Котомá приказалъ тогда Ягу-Ягишну обѣмъ *имя́* держать, самъ залѣзъ въ колодецъ, примачивалъ своѣ ноги. Яга-Ягишна была сильная, этихъ двухъ молодцовъ по чашшѣ ташшыла и бúла. Срослись у Мишки-Котомы ноги, вылѣзалъ онъ изъ колóдцу. Догонялъ онъ Ягу-Ягишну, бралъ её зà волосы, гдѣ óбъ сосну её билъ, гдѣ и óбъ землю. Подташшы́лъ её къ своёму терему, поднялъ у ей теремъ, взялъ её подъ уголъ полóжилъ, самоё её.

14. *Тожнó* онѣ отправились. Онѣ шли близко ли далёко ли, нúзко ли высóко ли, приходятъ до такóва моря: у етова моря стоúтъ теремъ, у этова терема стоúтъ столбъ, на столбѣ подписана пóдпись: „если одинъ, одна ночь, а если троё, такъ три ночи ночевáть" (а дальше не ходить; три ночи ночуй, потомъ подú!). Мишка-Котома сказалъ: „первая ночь *большаку́*, вторая середнему, а третья ночь мнѣ. Первой ночи прибудетъ трехглавой Идолишшо на конѣ, а другая ночь — прибудетъ шестиглавое úдолишшо, третья ночь—прибудетъ девятиглавой Идолишшо".

15. Большой братъ палъ передъ имъ на колѣнки: „Мишка-Котома, заступись, ночуй за меня!"—Мишка-Котома сказалъ: „на-те вотъ вамъ карточки-самоúгрышки:

играйте, не заи́грывайтесь, я я пойду на дежурсво. Пошолъ, подъ дубъ сялъ и въ книжку читалъ. Дочитался до полно̀чи. *Пригоня́етъ* окаянной Идолишшо трѐхгла̀вой. Сказалъ Идолишшо: „я никово не боюсь! боюсь только Мишки-Котомы́ конюха, а Мишка Котома неисцѣленъ, безъ ногъ“.—„Теперече я исцѣ́ленъ, Идолишшо! привязывай коня покрѣ́пше, штобы онъ не испугался нашихъ побо̀ишшовъ, а то тебѣ и ѣхать не́ на чемъ!“

Съ имъ оговорку поимѣлъ: „мотри, чуръ до двухъ разъ отдыха́ть!“—Первой разъ замахнулся, какъ *полы́снулъ*, сразу го́ловы у ево слетѣли. Ту́лово бросилъ въ море, а головы ево подъ камень поло́жилъ. Отвязалъ коня отъ периловъ, привязалъ коня къ те́рему (къ этому дому). Самъ лёгъ спать.

16. Проснулись братьи, увидали, што конь стоитъ. Больша̀къ и говоритъ: „моя ночь проведёна, сяду я на коня и уѣду!“—Таваришъ говоритъ, што и я поѣду съ тобой. *Счуну́лись* съ имъ драцца: одинъ не пушша̀тъ, а другой лѣзетъ, драку *сучини́ли*.—„Што мы дерёмся? вотъ завтра онъ ешо коня приведётъ, тогда мы поѣдемъ вмѣстѣ!“—Вторая ночь подходитъ; сере́дней братъ со слезами ево проситъ, усерно: „*Айда̀*, ночуй за меня, Мишка-Котома̀ бра̀тчикъ!“—Мишка-Котома̀ далъ *имя́* карточки-самоигрышки: „играйте, не заигрывайтесь! я пойду, ужъ дѣлать не́чево!“

Сидѣлъ онъ подъ дре́вомъ, читалъ книжку; дочитался до полно́чи. Го́нитъ къ ему шестиглавой Идолишшо. Конь у ево поткнулся.—„Што ты потыкаешша, [1]) какому врагу покоря́ешша?... Я неково не боюсь, боюсь только Мишки-Котомы конюха, [а] онъ теперь бе́зъ ногъ!“ — Сказалъ: „Идолишшо, я исцѣленъ! привя́зывай коня покрѣпше, штобы онъ не испугался нашихъ побо́ишшовъ!“—Подошолъ къ ему. Онъ и говоритъ: „*Мотри́*, Идолишшо, до двухъ разъ отдыхать!“—Первой разъ какъ палы́снулъ, и отшибъ у ево сразу всѣ шесь головъ. Бросилъ ту́лово въ морѐ, а голову подъ камень. Коня отвязалъ, привязалъ *къ* те́рему, а самъ лёгъ спать.

17. Пробудились бра́тьи и видятъ, што два коня. Подбѣжа̀ли; второй приведёной конь получше. Безрукой на

[1]) Сначала разсказчикъ сказалъ: „потыка́шша“, потомъ поправился: „потыка́ешша“.

лу́чшево коня садицца, а *большáкъ*: „я старшой, ты садись на коня на моёва!“—Онѣ сучини́ли драку.—„Што́ мы дерёмся?! Завтра онъ коня, *мóжотъ*, ешо лучше приведётъ! мы получше выберемъ, сядемъ да уѣдемъ, а похуже ему оставимъ!“—Мишка-Котома смотрѣлъ на нихъ: „не я одинъ дерусь, и братьи деру́цца!“—Онѣ передрались, легли́ спать и пролёжа̀ли ночь (въ ночѣ ешо дѣло-то идётъ).

18. Разсвѣтало. День проходитъ, опять ночь подходитъ. Теперь ужъ ему самому итти́. Сказалъ Мишка-Котома: „мотрите, бра̀тьи, на-те карточки-самоигрышки, играйте не заигрывайтесь! Я вамъ пособлялъ, и мнѣ пособляйте!“—Ладно—хорошо. Сидѣлъ онъ подъ дрéвомъ, до полно́чи *дочита̀лся*. 9-тиглавой Идолишшо къ ему прибылъ на конѣ. Конь ево поткнулся.—„Што ты, конь, потыка̀шша? какому врагу покоря́ешша? Я никово не боюсь! боюсь Мишки-Котомы, а онъ не исцѣленъ, безъ ногъ!“

„Врёшь, Идолишшо, я исцѣленъ, тебя дожида́юсь, побра́товацца съ тобой хочу!.. Привязывай коня къ периламъ покрѣпше!.. До двухъ разъ, — оговорку поимѣлъ, — отдыхать!“ — Первой разъ какъ махнулъ, шесь головъ у ево слетѣло. Сказалъ: „стой, чортъ, у меня ногу трётъ!“ (погоди драцца!). Снимаетъ сабо́гъ, бросаетъ въ тéремъ,—у терема крыша слетѣла. (Штобы пробудились братья, онъ за тѣмъ). Заглядѣлся Идолишшо; онъ махну́лъ во второй разъ и послѣдни [головы] съ ево сшипъ. Отвязалъ етова коня и сялъ на нево. Подъѣжжаетъ къ терему, будилъ своихъ братовьёвъ: „Ставайте, братцы, будетъ теперь! три ночи прошли наши, поѣдемте въ путь дальше!“

19. Подъѣхали онѣ къ терему. Изъ терема вышла дѣвица, стоитъ и плачетъ. Сказалъ Мишка-Котома: „што ты, дѣви́ца, плачешь, объ чемъ бо́льше?“—Дѣвица на то сказала, што „я пла̀чу объ хозя́инѣ, объ трёхглавымъ (котброва убили): онъ съѣдаетъ по быку, а быки,—говоритъ,—прѣютъ“ (послѣ етова). — „Не плачь, — сказалъ: — дѣви́ца! мы ево побѣдили, и конь подъ нами!“—Дѣви́ца въ уста ево, Мишку-Котому, цѣловала и говоритъ: „Возьми меня замужъ, всево здѣсь у насъ дово́льно, на вѣки не прожить!“—„Не возьму я тебя, а которой на вашемъ конѣ сидитъ братъ, такъ вотъ съ имъ и проживайтесь, а мы поѣдемъ вперёдъ!“

20. Онѣ ешшо́ пріѣзжаютъ къ другому те́рему. Изъ те́рема выходитъ дѣви́ца, стоитъ и пла̀четъ. — „Што ты, дѣвица, плачешь? не плачь!"—„Какъ мнѣ не плакать? Вотъ я жду *хозяина*, два быка заколо́ла, а мясо прѣетъ!" — „Не плачь! мы ево побѣдили, и конь подъ нами!" — *То* она ево въ уста́ цѣловала и growáривала: „Возьми меня замужъ, всево здѣсь довольно, на вѣки не прожить!" — „Оставляю тебѣ я брата, которой сидитъ на вашемъ конѣ; вотъ вы и живите съ имъ!"—А самъ поѣхалъ вперёдъ.

21. Зду́малъ онъ опять въ руско государство, на старо мѣсто ѣхать, *хъ* царю. Ѣдетъ онъ царскими лугами, увидѣлъ ко́нной табу́нъ. Пріѣжжаетъ въ етотъ табунъ: Иванъ царевичъ табунъ пасётъ (добился!). — Скричѣлъ Мишка-Котома́: „здраствуй, Иванъ царевичъ!" — Иванъ царевичъ: „здравствуй, уда́лой молоде́цъ!" (не узналъ ево, што Мишка Котома, молодцо́мъ назва̀лъ). — Тогда Мишка-Котома сказалъ, што „не *подоба́ецца* Ивану царевичу табунъ пасти! Почему ты табунъ пасёшь?"—Иванъ царевичъ на то отвѣтилъ: „былъ у насъ такой могучій, сильный богатырь Мишка-Котома конюхъ, взялъ мнѣ невѣсту-неро̀вню. Отца моева она убила и мать, а меня до тово довела́, што я не радъ житью сталъ самъ. Рано пригоню́—бьётъ и по́здо пригоню—бьётъ. А сама живётъ съ *гулева́номъ*, съ королевскимъ сыномъ". — Сказалъ Мишка-Котома: „вотъ, Иванъ царевичъ, если бы ты теперь увидѣлъ Мишку-Котому́, што́ бы у тебя было? кака́ ра́дось?"— На отвѣтъ сказалъ Иванъ царевичъ: „я бы у Мишки-Котомы ноги вымылъ и воду вы́пилъ!"

22. Мишка-Котома сказалъ: „вотъ, Иванъ царевичъ, я самой Мишка-Котома конюхъ, садись на этова коня! куды онъ тебя повезётъ, туды и *тупай!* Онъ повезётъ тебя къ терему; изъ терема выйдётъ дѣви́ца (къ третьему терему), вы съ ей и живите; всево́ дольно вамъ будетъ! Не для́ я тебя Катунъ-дѣви́цу бралъ, а для себя! тебѣ править не доведёцца ею!" — Вы́бралъ себѣ коня и вырвалъ себѣ хлы́стикъ *трѐх-сосённой*, трѐх-*верхо́вой*, свилъ хлы́стикъ. *Пригна́лъ* въ самые по́лдни. Тогда она съ балхону грозилась, Катунъ-дѣвица, на ево. Тогда онъ поднимаетъ хлыстикъ, погрози́лся на Катунъ-дѣвицу, Мишка-Котома́ конюхъ.

Катунъ-дѣвица догада̀лась, *ми́лышу* сказала: „дѣло не ладно, ѣдетъ Мишка-Котома конюхъ! намъ обоимъ съ то-

бой будетъ не ладно!“—*Гулеванъ* забросался по комнатами: „куды же я дѣваюсь?“ — „Сиди въ стулѣ, не бойся! (Онъ не знаетъ, што ты мой *гулеванъ*)“.

23. Онъ тогда съ коня слѣзъ, приходитъ въ комнаты. Сначала *гулевану* голову оторвалъ и выбросилъ за окно. Приказалъ кучеру: „убрать, унести!“—Потомъ началъ Катунъ-дѣвицу съ шшоки на шшоку *понюжать*. Катунъ-дѣвица ему сказала: „не бей меня, Мишка-Котома конюхъ! чѣмъ меня увѣчить, я желаю лучше за тебя замужъ идти!“ —Сходили къ вѣнцу, повѣнчалися. Завели пиръ на весь міръ. Самъ онъ сталъ государствомъ править.

---

8. „Рязанцовъ съ Милютинымъ“.

1. Жили были два купца, Рязанцовъ съ Милютинымъ. Онѣ жили изъ окна въ окно, значитъ—сусѣди. У ихъ дѣтей не было не у тово, не у другова.—У Рязанцова былъ обѣдъ, съѣжжались енералы и купечество. И сдѣлали записи; если будетъ у одново сынъ, а у другова дочь, то за протчихъ штобы не отдавать. И подъ это дѣло всѣ подписалися, енералы и купечество; только осталось подписацца царю ишо.... Царь ихъ требуетъ къ себѣ—представить царскіе *ремонты* въ особенные города. Онѣ съ восударемъ срядились и, наконецъ, подаютъ свои записи. Царь просмотрѣлъ *ихху* бумагу.—„Подписацца мнѣ нельзя подъ это дѣло! Если родицца у первова умной, а у другова будетъ дуракъ, не ладно будетъ! Я подпишу ету бумагу и оставлю ее у себя: если умные дѣти родяцца у васъ, у тово и другова, тогда я ихъ могу *сообшить* вмѣстѣ“.

2. Наклали онѣ царскихъ *ремонтовъ*, отправились въ особенные города. Пріѣзжаютъ домой, у ихъ жоны, та и другая, обрюхатѣли (какъ вѣтромъ надуло). Уродился впослѣдсвіи время у Рязанцева сынъ, а у Милютина дочь. Резанцову свяшшенникъ далъ имя Ванюшкой, а Милютиной — Катей. Сдѣлались рады послѣ етова. И вотъ онѣ также—одинъ безъ другова чаю не папьюцца—ходили.

Выросъ едакъ годовъ до десятку у Резанцова Ванюшка. Сдумалъ отецъ у ево ѣхать торговать въ особенные города. Нагрузилъ онъ 12 кораблей товаровъ, набралъ себѣ рабо-

чихъ — лóцмановъ и прикàшшыковъ. Пріѣзжаетъ онъ въ Англію и раскладываецца торговàть въ англійскимъ городѣ. Поторговалъ етакъ лѣтъ съ шесь. Въ воскрéсной день съ прикàшшыками чàйничать сѣлъ. Прикàшшыкамъ говоритъ сначала: „Я, господа прикашшыки, думаю въ свой городъ Питенбурхъ явицца изъ Англіи“.—Прикашшыки на отвѣтъ сказали: „Мы дивимся тому дѣлу, какъ ты долго дю́жишь — одинъ сынъ и одна жена дóма у тебя, шесь лѣтъ ты проживаешь здѣсь!“

3. Онѣ склали въ корабли товары, отправились домой. Выѣхали серéдь моря на своихъ корабля́хъ, корабли ихъ стали. И сколько бы онѣ не старались, а корабли съ мѣста никуды́. И бились трóе сутки на этѣмъ мѣстѣ. На четвёртые сутки Рязанцовъ вышолъ изъ кораблей наружу и кричéлъ въ воду, што „если такой *хи́тникъ* дёржитъ наши корабли, если што надо, мы заплатимъ, только не дёржи́!“—Изъ воды кричитъ человѣческимъ глàсомъ: „Не надо намъ не злата, не серебра, твоихъ товаровъ не надо, а самовó Резанцова въ воду! За то корабли и судя́рживамъ!“—Рязанцовъ отвѣчалъ до трёхъ разъ, и онѣ также ему повторили до трёхъ разъ, што „ничевó намъ не надо окрóмѣ тебя! самово тебя въ вóду!“

Рязанцовъ заходитъ въ свою кантóрку, сучинилъ бумàгу: „И хто жилъ за сто рублей, если доставитъ мои товары женѣ домой, тотъ получитъ человѣкъ двѣсти рублей“, — всякому человѣку удвоилъ цѣну. Передаётъ главному прикáшшыку. Самъ срядился въ бѣлую рубашку и подштàнники (всё равно какъ нá смерть срядился). Выходи́лъ наружу и прошшался со всѣмъ народомъ и съ бѣлымъ свѣтомъ. Тоγда палъ въ мóрё. Корабли всё равно какъ съ крюкóвъ снялúсь, пошли въ ходъ. Рязанцовъ остался на водѣ́, бьёцца, какъ лебедь, не тонетъ. Главнѣйшій ево прикашшикъ взялъ подзорную трубу и говоритъ: „Если мнѣ воротицца на кораблѣ, то опять корапь судёржитъ. Погибай жо головà одна, чѣмъ намъ гинуть!“

4. Рязанцовъ изъ ума вы́бился, до тѣй степени́ [маялся], и вдругъ очуди́лся около острова. Рязàнцовъ вышолъ на берегъ, прославилъ Бога: „слава Бохъ! не потону́лъ хоть (на сухой берегъ вышолъ)!“ Снимáетъ съ себя портки и рубашку, выжалъ, повѣсилъ на сонце. Высохла рубашка

скоро и подштанники ево; надѣлъ онъ на себя рубашку и подштáнники, отпрáвился край берегу: надо пи́шшы искать чевó, съ имъ ничево нѣту!—Резанцову попала тропá.

Пошолъ онъ по етой тропѣ, доходитъ до хорошаво дома. Стоитъ домъ каменной и двухъэтáжной. И онъ по ни́жнóму этажу по всѣмъ комнатамъ прошóлъ, нигдѣ не видитъ народу и куска хлѣба не нашóлъ. Заходитъ онъ въ вéрхной этажъ и видитъ въ первой комнатѣ: прили́пленъ на стѣнѣ потретъ—дѣви́ца. Подходитъ къ етому патрету, читаетъ; въ патрéтѣ доказано, што Рязанцову на етой дѣви́цѣ женицца, въ здѣшномъ домѣ.—„Если ты меня не возьмёшь,—Рязанцовъ доказыватъ въ патрéтѣ:—такъ мы тебя убьёмъ здѣсь, изъ дóму не вы́пустимъ!"

5. Перешолъ онъ въ другую комнату. Въ другой комнатѣ ишо получше етова есь потретъ, дѣвица получше етой. Доказыватъ ета дѣви́ца тожо само: „если ту не возьмёшь, такъ меня возьми́! а если насъ не возьмёшь, такъ мы тебя убьёмъ!"

Онъ перешолъ въ третью комнату. И въ третьей такой патретъ, што получше ево жены. „Рязанцова,—говоритъ,—*жалѣемъ*: если ужъ тѣхъ не возьмёшь, такъ ету возьми!" третью.

6. Рязанцовъ на то сказалъ: „неужеле мнѣ ишшо Господь доведётъ во второй разъ женицца?—Да ладно, я съ патретами розговариваю, а *ись* ужасно хочу, просить нé у ково!"—Вдругъ очуди́лся столъ и на столѣ самоваръ, графинъ водки и всево—жаренова и пáренова. Онъ напи́лся, наѣлся; *покуль* Богу *мори́лся*, убрали со стола, и не знаю хто. И онъ етому дѣлу сдивился. Увидѣлъ онъ диванъ, лёгъ на ево спать, уснулъ очень крѣпко.

Вéчера слышитъ: брякаютъ колокольчики—ѣдутъ къ ему невѣсты. А передъ Рязанцовымъ очудилась свѣча и стýло. И приходятъ три дѣви́цы. Первова потрéту дѣвица подходитъ къ ему: „Рязанцовъ, возьми меня! (цѣлуетъ-милýетъ) здѣсь богатства болѣ и твоёва!"—„Отойди ты отъ меня! неужели я во второй разъ буду женицца? *Небаскáя*, нехорóшая! есь у меня жена почишше тебя!"

Второва потрéту подходитъ, цѣлуетъ и милýетъ и приговариваетъ: „Рязанцовъ, бѣлой свѣтъ тебѣ не надоѣлъ, такъ возьми меня въ замужество! не возьмёшь, такъ мы тебя кóнчимъ здѣсь!"—Рязанцовъ не беретъ и эту.

Третьева потрету подходитъ, цѣлуетъ и милуетъ, со слезами уговариваетъ ево: „Послушай, Рязанцевъ, не надоѣлъ жо тебѣ бѣлой свѣтъ! Не хуже я твоей жены, чѣмъ не лучше! Тебѣ жись будетъ хорошая, прокладная здѣся!“— Рязанцовъ на отвѣтъ сказалъ ей: „Вы оставьте до завтрова: я на морѣ намаялся, изъ ума выбился. А завтра я изъ васъ хоть которую возьму!“

7. Поутру—сонце стало, на разсвѣтѣ—Рязанцовъ сталъ, ходитъ по комнатамъ. Нужно Рязанцову умыцца и утерецца, а утерецца и воды не можотъ найти, а попросить не у ково. Тогда очудился [?] на стѣнѣ рукотерка, также и рукомойка. Умылся, Богу помолился и сказалъ: „Ахъ, 'черась я ѣлъ хорошо, а севодни хто меня будетъ кормить?“—Образовался сечасъ столъ, на столѣ самоваръ, графинъ водки и также наташшыли жаренова и паренова ему: ѣшь што угодно! Онъ напился, наѣлся, вылѣзъ изо-стола; Богу *покуль* молился, убрали со стола, и не знаю хто.— „Хотя,—говоритъ:—я людей не вижу, а кормятъ меня хорошо! Пойду я по комнатами: которая мнѣ комната заглянецца, въ той я буду и проживацца!“

Зашолъ онъ въ одну комнату, комната *акуратная*; на полу много шшепокъ. Взялъ онъ метелку, началъ заметать (обихаживать для себя). И видитъ: въ шшепахъ карта *винновой* валетъ. Изъ винновова валета вышло три *ухорѣза* и говорятъ: „здраствуй, Рязанцовъ!“—Рязанцовъ на то сказалъ: „братцы, я ишо только здѣсь [въ первый разъ] людей вижу!“—А эти молодцы сказали: „мы не люди, а духи! што ты жалаешь, мы исправимъ! а если ты не будешь насъ посылать, мы тебя убьёмъ самово!“

Рязанцовъ на то сказалъ: „Братцы, вы меня не предоставите ли самово въ городъ Питербурхъ?“—„*Дакъ* вѣдь ето што! выйди на балхонъ, завежи свои глаза бѣлымъ платкомъ—черезъ часъ тамъ будешь!“—Рязанцовъ приходитъ на балхонъ, сидѣлъ съ часъ время. И часъ время проходитъ; время открывать глаза. Онъ открылъ глаза и видитъ: не на балхонѣ, а около Петербургу на *еланъ* очудился (не успѣли въ городъ заташшыть-то). Тогда Рязанцовъ прославилъ Бога: „хотя я теперь и недолго поживу, а всё таки дома!“

8. И только выходитъ на дорогу, и вдругъ встрѣчу ему

ѣдетъ ево сватъ Милютинъ. Кучеръ обозналъ, Милютину говоритъ, што твой сватъ идетъ роздѣтой, въ одной рубашкѣ. Милютинъ приказалъ ему пріостановить лошадей и поздоровался съ имъ. Кучеръ пріостановилъ лошадей.— „Здра́вствуёшь, господинъ сватъ Рязанцовъ! Што я вижу? надъ тобой несчастіе сдѣлалось?“ (што обшы́панъ-оборванъ).—Рязанцовъ Милютину сказалъ, што „если, можетъ быть, повѣришь, обскажу я тебѣ, што́ надо мной сдѣлалось! Ѣхалъ я впере́дъ морями, много *стра́сти* видалъ. Потомъ я,— говоритъ:—свои корабли пустилъ моря́ми, а самъ отправился на ямски́хъ. (Недѣйствительно сказыватъ онъ ему, нача́лъ омма́нывать). Послѣдняя станція; попали лошади, видно, молодыя, начали съ мѣста насъ бить: всю карету изломали и кучера убили. Я,—говоритъ:—кое-какъ вылетѣлъ, всё съ себя скинулъ: въ рубашкѣ и босико́мъ ловчѐе мнѣ вы́скочить (это всё,— говоритъ:—*ло́поть* я сбросилъ съ себя)“.—“Женѣ тебѣ показацца не ловко! хотя я на дѣло поѐхалъ, садись со мной, пріодѣнься въ лавкахъ!“—Милютинъ обратился назать, повёзъ ево въ го́родъ.

9. Въ своихъ лавкахъ онъ обрядился въ купе́ческую одежду товда. *Тожно́* онъ явился къ своей женѣ. Жена ево крикнула своими *лаке́йками*,—живо поставили самова́рчикъ, наташшы́ла ему всякова кушанья, начали́ угошша́ть ево. Жена угошша́ла и спрашивала: „Милой *ла̀душка*, хотя́ я тебя стрѣтила, серце у меня не на мѣстѣ: явился голъ какъ соко́лъ ты!“—На то Рязанцовъ сказалъ женѣ „милая моя! впере́дъ я ѣхалъ [морями], много *стра̀сти* видалъ; теперь мои корабли идутъ моря́ми, а я пріѣхалъ на ямскихъ“.—На то ему жена сказала: „если и корабли не придутъ, милой ладушка, такъ у насъ и то есь чѣмъ жить, лишь бы ты живъ былъ!“

10. Онѣ проживались до тѣй степени,—корабли *и́хи* тогда приходятъ уже на пристань. Требуетъ прикашшыкъ Реза́нчиху това́ры примать. Рязанцовъ запрега́лъ лошадь, садилъ сына и жену, являлся самъ на пристань. Тогда онъ по имени называлъ, по изо́тчеству всякова велича́лъ, што „спаси́бо! предоставили мнѣ товары и казну!“—Подава́ли письмо Резанчихѣ, што „мы не призне́мъ ево за хозяина; непремѣнно *прильсти́лся* къ тебѣ нечи́стой духъ намѣсто хозяина: есь у насъ отъ хозяина письмо“.—Передаютъ ей письмо.

Она смотритъ и говоритъ: „почему же ты мнѣ объяснилъ не такъ?“—Сказалъ онъ ей на то: „Вамъ дѣла нѣтъ, какъ бы я не прибы́лъ! я самъ вашъ хозяинъ! если я нечистой духъ, то сотворите молитву, и нечистой духъ должо́нъ отдалицца отъ васъ! (Не скажу я вамъ, какъ я пріѣхалъ! дѣла вамъ нѣту!)... Хто жилъ за сто рублей, тотъ получитъ триста рублей, ешо по сотенкѣ прибавляю. Каждому человѣку утроя́ю я цѣну. Только выгружайте корабли́—товары! послѣ етова пируйте трои сутки (на мой счетъ), только не запивайтесь! Послѣ трёхъ сутокъ являйтесь ко мнѣ на розсчётъ!“ — И вотъ онъ на четвертые сутки ихъ разсчиталъ: которому *принаслѣдно* жить, которому отходить.

11. Сходилъ Рязанцовъ въ стеклянной заводъ, о́тлилъ себѣ стекля́нную шкатулку; взялъ на база́рѣ ваты; взялъ *винно́вова* валета, окла́лъ ево ватой и заперъ въ эту шкатулку. Заперъ ету шкатулку въ камо́дъ и отъ камо́ду ключъ [бросилъ] въ море, штобы нихто не входилъ. — „Не́чево, — говоритъ:—мнѣ нечистымъ духомъ воро́чать! у меня своихъ денегъ хва́титъ!“

Нечистые ду́хи послѣ етова на́чали Рязанцова мори́ть; слёгъ онъ хвара̀ть, и по́меръ ско́рымъ вре́мёмъ. Послѣ етова дѣла Ряза́нчиху начали морить, и она захвара́ла; и её ко́нчили скоро. Молодова мальчишка погоди́ть морить: пушай онъ отеческимъ капи́таломъ поторгу́етъ! Торговля идётъ Ва́нюшкѣ хоро́шая.

Ни черезъ до́лгое время ду́хи ему въ по́лдни приходятъ всѣ тро́ё. Поздоровались съ имъ, и онъ также.—„Што, сказалъ, покупаите у меня?“—„Мы не покупать пришли, а въ гости тебя звать!“—„Куды жо вы меня въ гости позовёте?“— „Мы позовёмъ тебя въ гости въ трактиръ (на́перво)“. — „Я въ трактиръ не пойду!“—„А въ трактиръ не за худыми дѣлами. Тутъ есь особая комната: съѣжжаются купечество (торговые) и прибываютъ тутъ генералы. („Гостиный домъ“ называцца). Да товда вы можете спросить: въ какихъ городахъ товары можно купить подешо́вле?“—„А што же, де́негъ взять съ собой?“—„Нѣтъ, денегъ не нужно; мы тебя на свои попо́тчуемъ“. — Согласился Ва̀нюшка съ имя́ итти. Заперъ лавки и пошолъ въ трактиръ.

Приходитъ въ трактиръ, духи и говорятъ, што „половой, поднеси́ намъ всякихъ винъ, жаренова и паренова, всякова

десе́рту!" — Какъ онъ зе́лена вина не пива́лъ отъ ро́ду, — спи́лся, сдѣлался пьяной (Ваню́шка). Подвели они ему то, што [какъ будто] сидятъ енера́лы, сидятъ купечество; говорятъ ему: „вотъ, Ванюшка, можешь съ имя́ и посовѣтовать; не для́ худыхъ дѣлъ мы тебя подвели́". (Даромъ што никово нѣту). — Ванюшка спи́лся пья́ной, лёгъ и лёжи́тъ. А ду́хи отправились, половому наказа́ли: „ево не шеве́льте тутъ! што́ караулъ сто́итъ, мы утромъ придёмъ и запла́тимъ".

Утромъ рано ду́хи приходятъ; половой бѣжитъ: „што́ нужно?" — „Нужно намъ ту же самую комнату! принесите намъ вся́кихъ винъ и всякова дисе́рту!" — Разбудили Ваню́шку: „Ванюшка, не нужно такъ! Видѣлъ вчера: хорошіе сидятъ люди. Нужно поговорить и отправицца домой!" — Ваню́шку только опохмѣлили, распростились и ушли. И Ванюшка домой ушолъ. Приходитъ домой, чаю понапи́лся, пошолъ въ лавку торговать (Ванюшка).

12. „Я 'черась былъ въ трактирѣ: у солдата денегъ немно́го, а каку *фрейлину* себѣ подхватилъ! (значитъ — *гулева́нку*). А если взять мнѣ тысячу или двѣ, такъ я первова лица себѣ даму найду! А если дождацца мнѣ ихъ, подлецо́въ, то мнѣ даму не попросить при ихъ (стыдно, — говоритъ, — будетъ)!" — Приходитъ въ трахтиръ. — „Што угодно?" (половой и говоритъ). — „Мнѣ нужно даму; приведите фрейлину и штобы былъ всякой десе́ртъ!" — Приходитъ 20 дѣви́цъ: выбирай любую; которая понравицца, ту и возьми! Онъ выбралъ себѣ хорошова лица даму, моложа́вую, посади́лъ проти́въ себя и начали́ угошша́цца виномъ. Дѣви́ца сколько вина не пьётъ, а больше вина подаётъ. (Онѣ знаютъ, чево дѣлать-то: съ де́ньгами пришолъ, — выудить охота). Споила ево допьяна́, деньги у ево вы́ташшыла, велѣла половому за трахтиръ ево вы́бросить.

Идутъ полицейскіе, увида́ли Рязанцова Ваню́шку, стали будить. Ваню́шка проснулся. — „Што за люди?" — „Ставай, мы тебя поведёмъ въ 'реста́нскую, што ты не валя́йся *ночны́мъ быто́мъ* здѣсь!" — Ванюшка сказалъ: „сведите вы меня домой, а завтра приходите ко мнѣ въ лавку: я съ вами раздѣлаюсь (разсчитаюся)". — Поутру́ чаю напился, отправился въ лавку торгова́ть. Полисейскіе приходятъ; онъ надавалъ *имя́* всякова товару и денегъ: „только не канфу́зьте меня, не говорите, што я въ трактирѣ былъ!"

13. Послѣ етова денегъ взялъ не мало; „не возьму я ету, возьму другую! съ другой не лучше ли будетъ?“ — Приходитъ Ванюшка въ трактиръ.—„Што надо?“—„Мнѣ комнату, всякихъ винъ и закусокъ! Мнѣ *фрейлину* хорошую!“— Приходитъ дѣвица хорошова лица, садицца противъ ево.— „Душечка,—говоритъ:—мы сёдни съ тобой полюбуемся!“— И сколько она сама вино не пьётъ, болѣе ему подаётъ. Споила допьяна́, деньги вы́удила и ево за трахти́ръ приказала половому выташшить. И эти же полицейскіе опять свели ево домой, за деньги. Поутру рано проспа́лся, чаю напи́лся, пошолъ въ лавку торговать. — Не стали уже ево въ трактиръ пушшать; сталъ по мелкимъ б.....амъ сова́цца и по кабакамъ. Деньги всѣ измота́лъ, сталъ товары продавать. До тово дошолъ, што всю *дома́шность рѣши́лъ*, у нево не́чѣмъ стало жить.

14. Милютинъ пошолъ на ево съ жалобо́й къ царю, што „я не отдамъ свою дочь за ево“. — Царь говоритъ, што я ево наза̀втрева спрошу. Што ты мнѣ ранѣе не сказалъ? я бы ево на сокро̀ту!“—Повéчеру Ванюшка приходитъ пьяной. Съ имъ былъ отставной солдатъ, звали тоже Иваномъ. — „Што ты, Ванюшка, да̀лся въ пьянство, въ распу́тство? а ты бы образова̀лся, по крайней мѣрѣ!“ — нача̀лъ старикъ учить ево, салда̀тъ. — „Есь у меня отеческіе деньги, стаполтара; я тебѣ дамъ, не расторгу́ешша ли на ихъ? возьми пряничковъ, орѣшковъ!“ — Салдатъ далъ ему полтара̀ста рублей; онъ пошолъ въ б.....ъ, всѣ ихъ прокути́лъ. Потомъ, зна̀читъ, приходитъ поутру́ пьянъ, опохмѣ́лицца нечѣмъ.

„Охъ дядя Иванъ, ташшы на базаръ диванъ! купи полштофа водки! а дадутъ ли́шку, такъ купи ешо ры́бину на у́шку!“—„Охъ ты Ванька дуракъ! я всё берёгъ на похоро́ны полтараста рублей! отеческія деньги дарённы, а ты всё про́пилъ!“—„За этѣ хоромы насъ и всякъ похоронитъ!“— на то сказалъ Ванюшка (домъ де у насъ хорошъ).

15. Поташшылъ дядя Иванъ диванъ на базаръ продавать.—„Ковды́ онъ прода̀съ? я пойду по комнатами, не найду ли што хорошова продать?“ — Доходитъ онъ до камоду. — „Ахъ, кабы сила у меня была этотъ камодъ выташшить! скричѣлъ бы: налейте, братцы, четверть! всякъ бы нали́лъ!“— Увида̀лъ въ камодѣ шкатулку, а въ этѣмъ камодѣ ключа нѣтъ. Не подорожи́лъ онъ стекло̀мъ, ударилъ своимъ кула-

комъ по стеклу́, доста́лъ шкатулку. — „Вотъ шкатулочка фо́рменная! охотнику если продать, полштофа даду́тъ мнѣ за её! А если, *мо́жотъ*, у родителя не заперто ли тутъ золото? былъ у меня родитель капита̀льной“. — Ударилъ шкатулку о́бъ полъ, — шкатулка ево расшиблась, въ шкатулкѣ образовалась вата“.—„Эхъ,—говоритъ:—прежде, какъ я оте́ческимъ капи́таломъ торговалъ, такъ етой ватой ж..у только подтира̀лъ!“ — Развернулъ онъ эту вату и видитъ: виннова валета карта.

Изъ виннова валета вышли духи, три человѣка.—„Здравствуёшь, Ваню́шка!“—„А вы отку́ль, братцы?“—„А вотъ,— говорятъ: — отца твоёва уморили и мать твою, и тебя до тово довели, што и у тебя ничего нѣтъ. Если можешь нами править, такъ правь, а не можешь, такъ мы тебя кончимъ!... Поди въ ту комнату, въ которой *проживаешша*,—лёжитъ у тебя на столѣ одежды много купеческой, денегъ сотъ пять рублей!...“ — „Вотъ бы мнѣ ешо самоварчикъ, двѣ чашки позоло́чены, сахару и чаю! Да буты́лку водки на похмѣлье мнѣ,—больше,—говоритъ:—я пить вина не буду!“

Дядя приходитъ, бутылку вина приноситъ и рыбину ему. — „Ахъ, Ваню́шка, у тебя ишо и деньги есь?“ — „Неужели же я ихъ всѣ пропилъ? Да намъ денегъ съ тобой навѣки не прожить!“ — „Вотъ что, Ваню́шка, отдай мнѣ полтараста рублей, мои деньги!“—„Возьми всѣ 500 рублей! не жалѣю!“—Отшиталъ себѣ полтараста рублей. —„Ты дядя, со мной не живи, поди на ку́фню! ковда я скричу обѣдать, тожно́ и иди!“

16. Выходятъ духи. — „Мы тебя, Ванюшка, будёмъ учить!“ — „Ну, учите!“—Духи говорятъ, што „придётъ къ тебѣ отъ царя посла̀нникъ солдатъ, будетъ тебя требовать къ царю на совѣтъ. *Мотри́*, онъ будетъ принуждать тебя женицца, а ты скажи: мнѣ женицца не вре́мё, я ешо отеческой капита̀лъ всё повѣря́ю!“ (Онъ ла́дно повѣря́тъ!)... Посланникъ ушолъ, — онъ посулился прибыть. Далъ онъ солдату сто рублей денегъ за *прохо́ды*. Салдатъ къ царю приходитъ, объясняетъ, што „онъ не пьянъ, а далъ мнѣ со́тенку на сапожки, вотъ за прохо́ды“.

До вечеру дожива̀етъ и говоритъ: „Штобы меня собра̀ть полу́чше царя самово́!“ (Началъ *храпу́жить*!). „Придоставить штобы мнѣ тройку лошадей и съ кучеромъ“ — Тройка

лошадей подбѣгаетъ, и съ кучеромъ: карета вся *на́золотѣ*, также и дужка позоло́чена. Ѣдетъ онъ городомъ, — много народу изъ домовъ выбѣгали и смотрѣли: што́ за рыцарь ѣдетъ? Посланники прибѣгаютъ къ царю: „Такой-то рыцарь ѣдетъ въ гости, — какъ ево прикажешь стрѣтить?“ — „Заѣдетъ къ намъ во дворецъ, — принять ево подъ руки, завести въ моё за̀ло и посадить со мной рядомъ!“

17. Царь спрашивалъ: „Изъ какихъ ты родовъ? изъ какова королевства?“ (думалъ, што какой королевской сынъ).—„Ваше Царское Величество! не смѣйтесь надо мной! я Иванъ Васильичъ Рязанцовъ сынъ, по требованію Вашему! што изволите у меня спросить?“—„А што, Иванъ Васильичъ, ты теперь грамотной?“ — „Грамотной!“ — „Есь у меня отеческія записи, не угодно ли просмотрѣть вамъ?“ — „Да, Ваше Царское Величество, покажите, я посмотрю“.—Дали ему записи. Онъ просмотрѣлъ, сказалъ, што „хорошо отцы наши сдѣлали!“

Царь на то ему сказалъ: „тебѣ, Иванъ Васильичь, времё женицца!“ — „Мнѣ женицца, Ваше Царское Величество, не вре́мё“. — „Почему не времё?“ — „Потому не времё, што я отеческой капи́талъ всё ишо повѣря́ю“. — Царь ему на то сказалъ: „*Слы́хомъ* земля по́лницца. Слыхалъ, што ты наполнилъ отеческими деньгами трахти́ры и кабаки, и б.....и“. — Рязанцовъ сказалъ: „Ваше Царское Величество, если хо́чите меня знать, задумайте гдѣ-нибудь соборъ класть и потомъ пошлите завтра по нашему брату, по купечеству, — *то* узнаите и меня!“ — Царь ево за ето похвалилъ.—„Ты теперь отправься домой, а я *заутрю́* [?] пошлю енерала по купечеству“.

Пріѣзжаетъ домой и говоритъ: „Духи, вы севоднишную ночь приташшыте тысячъ 30 денегъ, и у меня въ дому штобы было украшено однимъ словомъ хорошо! чтобы два стула было *на̀золотѣ* и двѣ чашки позоло́чены, штобы было енерала угостить мнѣ чѣмъ!“—Поутру́ Ванюшка стаётъ, у нево всё готово: насла̀ты ковры́ на полу и *убра̀ты* драгоцѣнными камнями, стѣны подъ лакъ подведёны — въ родѣ зерькала гледись; два стула на̀золотѣ, двѣ чашки позоло́чены, и денегъ подташшыли 30 тысячъ ему.

18. Поутру́ приходитъ къ ему енера̀лъ. А у ево для енерала самоварчикъ готовой. Енералъ приходитъ,—боицца

и нà полъ стать,—какое у ево украшéніе. Поздоровался съ Резанцовымъ. Рязанцовъ пригласилъ ево съ собой чай пить; чай пить онъ не сялъ: „въ каждомъ мнѣ дому садицца — етова много будетъ!.. Пришолъ я по 'черàшному завѣшшàнью: штó можошь ты на соборъ прилóжить?“ — Рязанцовъ сказалъ: „Вы, Ваше Высо'благородіе, записываите, хто сколь приложитъ? Дайте мнѣ записи, я просмотрю!“ — И хто отъ шшедрости десятку, хто пятúтку, хто сотенную, а ево тесть Милютинъ приложилъ одинъ рубль серебра только. Онъ енералу говоритъ: „Енералъ, посовѣтуйся со мной: меня тесть шшитаетъ пьяницей, а самъ прилóжилъ одинъ рубъ серебромъ только! мнѣ остаёцца одну четь копѣйки только подписать. Я не прилóжу ничево. Пушай царь завтра меня ешо на совѣтъ позовётъ. А тебѣ на сапòжки сотенку дамъ, за прохóды“. — Енералъ приходитъ и сказалъ, што „всѣ прилóжили, а Рязанцовъ четь копейки не приложилъ, мнѣ сотенку далъ на сапожки... Ну, да мы завтра ево ишо призовёмъ на совѣтъ“.

19. Поутру пріѣзжаютъ къ Рязанцову [посланные духами] хохлы на 12-ти подводъ [такъ!] на быкахъ; и *флàки* казённые. Выходилъ солдатъ Иванъ, прибѣгàлъ къ Ванюшкѣ и сказывалъ объ этѣхъ хохлахъ. Ванюшка сказалъ: „*тупай*, дядя, скажи *имя́*, што быковъ кормить здѣсь нѣколды, пушай они поѣдутъ на *свàлку*!“ (куды имъ *принаслѣдно* свàливать, значитъ). Тогда ѣхали хохлы Петербургомъ *хъ* царскому дворцу. Тогда генералъ усмотрѣлъ и сказалъ, што „ѣдутъ съ казной неизвѣстно куды, а флàки наши!“—„Хорошо!“ Царь приказалъ спросить, штó онѣ везутъ и куды? — Енералъ пріѣзжаетъ и спрашиваетъ. — „Мы везёмъ золото!“ хохлы отвѣчаютъ. Онъ не повѣрилъ, спросилъ другова. — „Мы везёмъ во дворецъ золото царю“.—Онъ спросилъ третьева. Трéтей соскочилъ, ево нагайкой: „што же ты лѣзешь къ намъ нàсильно?“

Енералъ пріѣзжаетъ къ царю съ жалобой, што „дураки не дураки ѣдутъ: одново спросилъ, онъ мнѣ сказалъ, другова спросилъ, онъ меня *матюкóмъ*, а третей—нагàйкой“.— Царь на то сказалъ: „били тебя, да и мало! ѣдутъ они безо всякова канвóя, а ты лѣзешь къ имя́! должóнъ первова спросить и оборотицца назать!.. Стрѣть! если никакой подмѣси нѣту у нихъ, спасибо скажи!“

Царь не могъ утерпѣть, самъ вышолъ поглядѣть золото. Которую бочку не роскуборитъ, хорóшое золото. Царь сказалъ: „отъ ково это золото? за чево прислàто?“ — „Прислàто ето золото отъ Рязанцова купца на собóръ, 12 бочекъ“. — Тогда царь сказалъ: „вотъ, шшитаемъ мы дуракомъ ево! *мотрѝ*, двóрной енерàлъ, садись скорѣй на лошадку, да привози ево сюда на совѣтъ!“

20. Двóрный енералъ живо садился на лошадку и являлся къ Рязанцову купцу. Пріѣзжаетъ къ Рязанцову, просилъ ево поскорѣе къ царю на совѣтъ. Рязанцовъ сказалъ: „за тобой же слѣдомъ явлюсь, а на твоей лошадкѣ не поѣду!“ Рязанцовъ сказалъ своими духами: „снарядите меня почѝшше царя и карету предоставьте ту же самую и съ кучеромъ!“ — Карета прибѣгаетъ, садѝлся въ карету и явился къ царю.

Царь ево приказалъ встрѣтить такимъ же манеромъ, завести въ зало и посадить съ нимъ рядомъ. Царь ему говоритъ: „Послушай, Иванъ Васильичъ! время тебѣ женицца! чѣмъ тебѣ одному жить, женись!“ — Сказалъ Иванъ Васильичъ: „я не возьму её, распишуся!“ (Милютинъ запросваталъ свою дочь за енерала); „кудỳ она знаётъ, туды и *тупáй*, когда тесь считатъ пьяницей меня“.—Расписался въ этѣмъ дѣлѣ.

Царь ему говоритъ: „я тебѣ чинъ дамъ (што много золота пристáвилъ)“.—„Какой же ты мнѣ чинъ дашь?“—„Дамъ тебѣ чинъ енерала, будешь ты у меня енерàломъ служѝть“.—„Нѣтъ, я не принимаю чинъ енерáла, это мнѣ будетъ затруднительно: отеческой капѝталъ нѐкогда будетъ повѣря́ть. Лучше я тебѣ буду по тысячѣ рублей нá день на армію выдавать; а военной службы я не знаю... Вы и думаете, што ето деньги, 12 бочекъ золота? у меня отеческіе магазѝны навалёны мѣди дóверху, мнѣ навѣки не прожить!“ — „Всё таки я тебѣ за это чинъ дамъ“.—„Какой же чинъ?“—„Я тебѣ чинъ дамъ городничина. Вотъ это, городнѝчина получишь, будешь каждой день въ Синодъ съѣзжаться, и за однѣмъ столомъ кушать будемъ“.—На ето онъ соглáстенъ. Потребовалъ на нево галунỳ и назнáчилъ ево городнѝчинымъ; и приказалъ будку выстроить, штобы около ево дому караулъ былъ (штобы часовỳ салдаты стояли день и ночь).

21. „Духи, неужели я сро́ду буду не женатъ?“ — Духи ему сказали: „вотъ тебѣ на́ три вешшы! на эти на три вешшы омманывай свою невѣсту записную!“—Вечеръ приходитъ; и какъ онѣ жили изъ окна въ окно, онъ вывѣсилъ изъ окна́ золоты́е серёжки (надъ окномъ). Усмотрѣла невѣста серёжки: „поду, я ихъ поторгую! Завтра съ енера́ломъ мнѣ будетъ на вечери́нкѣ хорошо сидѣть!“ — Приходитъ къ окну. — „Записно́й ты мой женишокъ, Иванъ Васильичъ Городни́чинъ! не прода́жны ли у тебя серёжечки? продай мнѣ!“ — „Ни продажны! Зайди ты въ мою комнату, поцѣлуй меня умильно, — я тебѣ въ пода́рочекъ дамъ!“ — Поцѣловала, взяла серёжки, приходитъ въ свои комнаты, надѣла въ уши и видитъ, што очень хорошо.

Потомъ онъ вывѣсилъ золотые *янтари*. — „Пойду, поторгую: завтра мнѣ съ городничинымъ будетъ на вечеринкѣ сидѣть хорошо!“—Приходитъ: „Записной ты мой женишокъ Иванъ Васильичъ Городничинъ! не продашь ли мнѣ золотые янтари?“ — „Не продажны, а завѣтны! зайди ты въ мою комнату, поцѣлуй меня умильно, я тебѣ въ подарочекъ дамъ!“ — Поцѣловала умильно, взяла янтари; приходитъ [домой], золотые *яндари* надѣваетъ на себя, глядитъ въ зеркало; ей очень хорошо поглянулось.

Вывѣсилъ онъ золотой пе́рстень послѣ тово. Она приходитъ: „Записной ты мой женишо́къ Иванъ Васильичъ Городничинъ, не прода́жной ли у тебя перстень?“ — „Зайди въ мою комнату́; родились мы съ тобой въ однѣ часы и минуты, выдаютъ тебя теперь за енерала за старика, отдаешь чесь старику! отдай лучше мнѣ“. — Согласилась; ему и чесь отдала. — „Послушай; твоё дѣло дѣвичье; сними ету *стану́шку*, я тебѣ дамъ свѣжу, мамонькину; а завтра оча́гъ затоплю́, сожгу!“ — Она отправилась послѣ етова домой.

22. Поутру́ Милютинъ отправился царя на вечеринку звать къ себѣ. Царь ему сказалъ: „если дозволитъ мнѣ Городничинъ, такъ я поѣду: пушай онъ мнѣ записку пришлётъ! я по вечеру [?] не обязанъ ѣхать, Городничинъ меня за ето судить будетъ!“ (Царь будтобы отва́ливатъ отъ себя). Приходитъ Милютинъ домой и сказыватъ своей женѣ: „вотъ ково намъ не надо, а царь велитъ ево звать!“—Тогда Милютинъ отправился ево звать.

Приходитъ въ ево комнаты, боицца и пó полу пройти. А у ево для тестя и самоварчикъ готовъ. Поздоровался съ Городничинымъ и говоритъ: „Желаю я тебя къ себѣ на вечеринку, царь приказалъ; и царь велитъ тебѣ записку дать, штобы царь на вечеринку прибы́лъ“. — „Неужели я царя больше? Пушай жо царь пришлётъ мнѣ самъ записку, велитъ прибыть,—*тожнó* и я буду готовъ. Я царя не больше!“ (Тоже ево не шипко *обгудáешь*, видно!). Милютинъ во второй разъ пошолъ царя проси́ть къ себѣ на вечеринку. Тогда царь написалъ записку: „пушай Городни́чинъ готовится на вечеринку“; ему передать велѣлъ. Милютинъ приходитъ, передаóтъ.—„Вотъ я теперь буду готовицца къ тебѣ!“

23. Вечеръ приходитъ.—„Ду́хи, предоставьте мнѣ золотую карету и тройку лошадей съ кучеромъ! и кругъ дому штобы были фонари и штобы часовые солдаты стояли!“ Повечеру царь пріѣзжаетъ къ Милютину. Только въ домъ заѣзжаетъ, также и Рязанцовъ заѣзжаетъ. Онѣ вылѣзаютъ изъ каретъ, поздоровались съ царёмъ, взялись рука пò руку, заходятъ въ Милю́тино зáло.

И всѣмъ стулья́ и мѣсто, а Городничину стула нѣту; всѣ по мѣстàмъ сяли, а Городничину стоять приходицца. Царь видитъ, што непорядки, изъ-подъ себя стуло вытянулъ, подалъ ево Городничину. Тогда царю подали сту́ло другое.

24. Стали обносить водкой и угошшать всякимъ бисéртомъ народъ. Купечество хвасталось деньгáми и товáромъ, въ пирáхъ, а енерáлы хвастались своими деньгáми. (Напьёшша—похвáсташша). 'сѣ перехвастались. Царь на то сказалъ: „теперь, Городничинъ, намъ приходицца похвáстать, напослѣ́дѣ! А всё таки тебѣ, Городничинъ, напередъ хвастацца: ты помлáже меня маленько!“

Сказалъ Городничинъ: „мнѣ хвастацца нéчѣмъ! моё дѣло молодое, я по городамъ по чужимъ не бывалъ, ничево не видалъ, нéчѣмъ и хвастацца!“—А Милютина жена выскочила и говоритъ: „Ваше Царское Величесво! онъ много бывалъ по трахтирамъ и по кабакамъ, и по б.....áмъ, и этимъ можно похвастацца!“ — Царю сдѣлалось это канфу́зно. „Не тебя спрашиваютъ, твоё дѣло бáбье, молчáть! По крайней мѣрѣ онъ предоставилъ 12 бочекъ золота на соборъ, а вы дали всево одинъ рубъ серебра! онъ васъ купитъ всѣхъ!“

25. Всётаки похвастацца [надо].—„Да,—говоритъ:—есь у меня чѣмъ похвастацца! послушать есь чево! Какъ вы выбрали меня въ городни́чины, захотѣлось мнѣ погулять пó городу съ кучеромъ. Выѣхали мы зá городъ въ такой палисадъ. По этому палисаду бѣжитъ чернобурая лисица. У меня отеческій пистолéтъ хорошой. Какъ я *палы́снулъ*, лиси́ца съ *копылкóвъ* долóй. Только подбѣгаю къ ей, она соскочила, убѣжала. Заряди́лъ во второй разъ. Ѣдемъ дальше. Бѣжитъ другая чернобурая лисица. Какъ *палы́снулъ*, и́ эта съ *копылкóвъ* долóй (застрѣлилъ, значитъ). Только подбѣгáю къ ей, хочу её зá уши взять, она убѣжала, и ета.

Въ третей разъ заряди́лъ. Ѣдемъ *ишо* дáльше. Попала опять лисица намъ, третья. Эту какъ *палы́снулъ*, съ ногъ долой и не трепеснýлась што есь. Што и сдѣлалъ?—Кожуту съ её снялъ, а мясо ешо могло убѣжать“.—Тутъ всѣ захлопали въ ладóши: „непрáвду сказàлъ!“ (не вѣрятъ).— „Это я могу вамъ на прàхтикѣ показать, мясо и кожу!“— „Это было бы хорошо; показалъ бы намъ, мы бы лучше повѣрили!“—Онъ вынимаетъ эту самую *станушку*, а станушка была именная, Милютиной дочери.—„Вотъ,—говоритъ:—я какъ отеческимъ пистолетомъ какъ *пласнулъ*,— говоритъ:—вишь дробь разлетѣлась“.

Тогда царь пóнялъ въ этѣмъ дѣлѣ. Приказалъ енерàлу вылѣзти, а Городничину за столъ сѣсь съ Милютиной дочерью.—„Когда умѣлъ чесь взять, такъ и невѣста твоя!“— Генералъ вылѣзъ, а онъ залѣзъ къ ей за столъ. Мàтерѣ съ отцомъ не шипко охота, а дѣвацца некуды!

Утромъ повѣнчались, завели пировку.

---

9. [Ювáшка бѣлая рубашка].

1. Жилъ былъ царь. У царя не было бѣлова дня (солнца) и бѣлой *лýни*, и часты́хъ звѣздъ и глухóй пóлночи. Посылàлъ онъ *дýмшихъ* сенатóровъ за народомъ. Народу много сошлись. Подавалъ царь по чàрѣ и пó двѣ и спрашивалъ: „Господа *думшіе* и сенатóры и простонародіе! не знаите ли, гдѣ бѣлой день и красное сонце, и бѣлые *луни* и часты́я звѣзды, и глухую пóлночь?“—Всѣ отказались.

Былъ у царю Ювашка слуга: выше себя голичёкъ пóднялъ, тóрнулъ óбъ полъ и полъ проломи́лъ.—„Я знаю, гдѣ взять, и разышшу всё это! Пошли меня, Ваше Царское Величесво!“ — „Што тебѣ, Ювàшка, надо съ собой?“ — Ювашка сказалъ: „Дай мнѣ коня и товàриша и денегъ на дорóгу!“ (Одному тоскливо ѣхать).—Поѣхали онѣ въ путь.

2. Ѣхали близко ли далёко ли, низко ли высóко ли, доѣзжàютъ: стоитъ избушка на кóзьихъ рóжкахъ, на бараньихъ нóжкахъ, повёртывацца. — „Стань, избушка, по старому, какъ мать поставила, къ лѣсу задóмъ, ко мнѣ передóмъ!“—Избушка стала. Яга-Яги́шна лёжи́тъ, въ стѣну уперлà ногàми, а въ другу головóй.—„Фу-фу! руськова духу отрóду не слыхала, руськой духъ ко мнѣ на дворъ пришолъ!...“—Сказалъ онъ: „напой накорми, *тожнó* у меня вѣстéй распроси́!“ — Она сейчасъ п...ула столъ поддёрнула, б...ула *штей* плеснула, ногу подняла̀ и пирогъ подала̀, ти́течкамъ потресла̀ и молочка поднесла̀, ножки *возняла̀* и ложки подала.

—„Куды жо ты, Ювашка, поѣхалъ?„—„Я поѣхалъ за бѣлымъ днёмъ, за краснымъ сонцомъ, за бѣлою *лунью*, за частыми звѣздàми, за глухою пóлночью“. — „Ювашка, не ѣзди! это у нашихъ у братьёвъ: одинъ братъ шестиглàвой, другой деветиглавой, а третей 12-тиглàвой“.—Ювашка поѣхалъ. Сказала Яга-Яги́шна: „взадъ поѣдешь, такъ заѣдь ко мнѣ въ гóсти!“—„Ладно“, сказалъ.

3. Потомъ онѣ доѣзжаютъ до другой избушки, также повёртывацца на козьихъ рожкахъ, на бараньихъ ножкахъ.—„Стань, избушка, по старому, какъ мать поставила, къ лѣсу задóмъ, ко мнѣ передóмъ!“—Избушка стала. Онѣ зашли. Ягá Яги́шна лёжитъ, въ стѣну уперлá ногами, а въ другу головой.—„Фу-фу, руськова духу отрóду не слыхала, руськой духъ ко мнѣ на дворъ пришолъ!“—„Напой накорми́, тожнó вѣстей распроси!“ — Она сейчасъ п...ула столъ, поддёрнула, др...ула штей плеснула, ногу подняла̀ и пирогъ подалá, ти́течкамъ потреслá и молочка поднесла, ножки вознялá и ложечекъ подала̀.

— „Куды жо вы поѣхали?“—„Поѣхали мы за бѣлымъ днёмъ, за краснымъ сонцомъ, за бѣлою лунью, за частыми звѣздáми, за глухою пóлночью“.—„Не ѣзди! это у нашихъ

братьёвъ: одинъ братъ шестиглавой, другой деветиглавой, а третей 12-тиглавой!" — „Всётаки поѣду!" — „А поѣдешь взадь, такъ ко мнѣ заѣдь!"

4. Ѣхали близко ли далёко ли, низко ли высо́ко ли, доѣзжаютъ опять до избушки. Стои́тъ избушка на козьихъ ро́жкахъ, на бараньихъ ножкахъ, повёртывацца. — „Стань, избушка, по старому, какъ мать поставила, къ лѣсу задо́мъ, ко мнѣ передо́мъ!"—Избушка стала. Зашли. Яга Ягишна лёжитъ, въ стѣну уперла́ ногами, а въ другу головой.— „Фу-фу, руськова духу отро́ду не слыхала, руськой духъ ко мнѣ на дворъ пришолъ!"—„Яга Ягишна, насъ накорми, тожно́ вѣстей распроси!" — Она п...ула столъ поддёрнула, б...ула штей плеснула, ногу подняла́ и пирогъ подала́, ти́течкамъ потресла́ и молочка поднесла̀, ноги возняла и ложечекъ подала̀.—„Куды жо ты, Ювашка, поѣхалъ?"—„Я поѣхалъ за бѣлымъ днёмъ, за бѣлою луньюю, за частыми звѣзда́ми, за глухо́ю по́лночью".—„Не ѣзди! это у нашихъ у братьёвъ: одинъ братъ шестиглавой, другой деветиглавой, а третей 12-тиглавой". — „Всё таки поѣду!" — „Взадь *обворо́тишша*, такъ заѣдь ко мнѣ въ гости!"—„Заѣду".

5. Ѣхали они близко ли далёко ли, низко ли высоко ли; подъѣжжаютъ къ морю. У моря стоитъ теремъ; у этова терема столбъ стоитъ, на столбѣ подпись: „если двоё, такъ двѣ ночи начевать, а если троё, такъ три ночи начева́ть!"... Шесть волно́въ ударило на́ морѣ,—изъ воды выходитъ шестигла́вой Идо́лишшо. Увида́лъ; „такова мальчи́шка Богъ севодня мнѣ прислалъ на съѣданье, ма́линькова!" — Сказалъ Ювашка: „малъ, да не съись скоро!" — А Идолишшо сказалъ: „я никово не боюсь! боюсь Ивашки [1]) бѣлой рубашки—онъ ишо мо́лодъ!" — Ивашка сказалъ: „давай побра́туемся!"—Какъ *палы́снулъ* ево, сразу у ево отши́бъ шесь головъ. Поглядѣлъ послѣ етова въ лѣвомъ карманѣ у ево и въ правомъ, — нѣтъ ничево. Бросилъ ту́лово въ морё, а голову подъ камень; самъ на о́тдыхъ лёгъ.

6. Другіе сутки подходятъ. Уда́рило деветь волно́въ,— деветигла́вой Идолишшо идётъ изъ воды.— „Охъ какова на съѣданье мнѣ ма́ленькова присла́ли!" — „Малъ, да скоро не съись!" — „Никово я не боюсь, боюсь Ивашки бѣлой ру-

---

[1]) Разсказчикъ произносилъ то „Юва́шка", то (рѣже) „Ива́шка".

башки,—онъ *ишó* мóлодъ!"—„Давай *побрáтуемся!* До двухъ разъ отдыхать".—Первой разъ пласнýлъ—шесть головъ отшúпъ.—„Стой, чортъ! ногу третъ".—Снялъ съ себя сабóгъ, бросилъ въ теремъ, у терема половина крыши слетѣла. Засмотрѣлся Идолишшо, — онъ и остатки отшибъ у ево. Поглядѣлъ въ лѣвомъ карманѣ и въ правомъ, — нѣтъ ничево. Тулово бросилъ въ море, а голову подъ камень (покрѣпше). Лёгъ на отдыхъ.

7. На третьи сутки глядѣлъ больше на море. 12 волнóвъ ударило,—идётъ 12-тиглавой Идолишшо къ ему.—„Охъ, какова маленькова на съѣданье мнѣ прислàли!" — „Малъ, да не скоро съѣшь! Видишь зеленъ виноградъ, не знашь, какъ ешо убрать ево!"—„Я никово не боюсь! боюсь Ювашки бѣлой рубашки, онъ ишо молодъ!" — „Давай побрáтуемся! До двухъ разъ отдыхать!" — Первой разъ сразились, шесь головъ отшипъ у ево.—„Стой, чортъ, ногу трётъ!" Снялъ сабóгъ, бросилъ въ теремъ, у терема послѣдня крыша слетѣла. Засмотрѣлся Идолишшо, онъ и остатки отшибъ у ево. Поглядѣлъ,—въ правомъ карманѣ крáсно сонцо и бѣлые луни, а въ лѣвомъ оказалось—частые звѣзды, глухая пòлночь. Всё это онъ забралъ, бросилъ ево тулово въ морё, а голову подъ камень.

8. Сяли на вершну и поѣхали. Доѣжжаютъ до первой Яги Ягишны; слѣзъ онъ съ вéршной и говоритъ товарищу: „ты *айдá*, а я послушаю, штò она будетъ говорить!"—Тавáришъ ѣдетъ; она увидáла.—„Вонъ *варнакú*-то, моихъ братьёвъ кòнчили, думаютъ также насъ кончáть! Не скòро! Я забѣгу вперёдъ, сдѣлаюсь *жарóй*; и будетъ садъ, въ саду будетъ колодецъ: какъ въ колодцѣ воды напьюцца, ихъ на три части розорвётъ!" — Выслушалъ онъ рѣчи, сялъ на своёва коня, подъѣхалъ и сказалъ ей: „Спасибо, стара сука, на старой хлѣбѣ-сòли!" (што накормила ево).—На это она сказала: „Я тебѣ, подлецъ!"—А онъ: „Я те, старая сука!"

Онѣ поѣхали въ путь. Немного отъѣхали, вдругъ и сдѣлались духота и жарá, и сдѣлался садъ, въ саду колодецъ. Подъѣхали къ саду; тавàришъ говоритъ: „надо напицца!" — „Погодú, тавàришъ, подержú мою лошадь, я сбѣгаю!" Взялъ плеть, пошолъ въ садъ; перекрестилъ этотъ колодецъ, плетью по колодцу ударилъ, Ягу Ягишну убилъ, и саду не стало.

9. Подъѣжжали къ другой Ягѣ Ягишнѣ. Далъ коня таваришшу, самъ выслушивалъ. Она увидала, што таваришъ ѣдетъ.—„Ахъ подлецы́-тѣ! братьёвъ *уходили*, да и сестру-ту, и меня хо̀чутъ! Я не такъ сдѣлаю!“—Дочь отвѣчаетъ: „Што ты, мамонька, сдѣлаешь съ *имя́*?“—„Я забѣгу вперёдъ жаро́й, и будетъ садъ, въ саду будетъ колодецъ: какъ въ колодцѣ воды напьюцца, ихъ на три части розорвётъ!“ — Выслушалъ онъ рѣчи, сялъ на своёва коня, подъѣхалъ и сказалъ ей: „Спасибо, стара сука, на старой хлѣбѣ-со́ли!“ — Сдѣлалась не черезо много времё жара, и сдѣлался садъ, въ саду колодецъ. Подъѣхали къ саду. Тава̀ришъ говоритъ: „надо напицца!“ — „Погоди, тава̀ришъ, подержи мою лошадь, я сбѣгаю!“ — Перекрестилъ этотъ колодецъ, рѣзнулъ Ягу Ягишну, убилъ, и саду не стало.

10. *Тожно́* онѣ поѣхали къ третьей тёткѣ! Далъ таваришу лошадь, самъ выслушивалъ. Увидала. — „Я вѣдь не такъ сдѣлаю, какъ сёстры! Я забѣгу вперёдъ и сдѣлаюсь бурей, какъ заглону ихъ сразу, и только!“—Онъ сялъ на вѐршну, подогналъ, сказалъ: „Спасибо, ста̀ра сука, на старой хлѣбѣ-соли!“ — „Я те подлецу!“ — Сялъ онъ на вѐршну, сказалъ таваришу: „если ты за мной успѣешь, такъ ладно, а не успѣешь, мнѣ *гнать* несчадно въ селенье надо!“ — Прiѣзжаетъ въ селенье прямо *хъ* кузнецу въ кузницу. — „Кузнецъ, сохраня́й меня! я царской посла̀нникъ, тебѣ за ето я заплачу!“ — Кузнецъ навалилъ углю, роздулъ 12 мѣховъ и сдѣлалъ въ комнатѣ жаръ (жарко). Она бѣжитъ — со многихъ крышъ сосрыва̀ла тёсъ, бѣжитъ бурей. Прибѣжала *хъ* кузницѣ.—„Кузнецъ, отдай мнѣ Юва̀шку!“—„Если лизнёшь три раза горячую на̀ковальню, *тожно* я тебѣ отдамъ!“ — Кузнецъ накалилъ, изъ наковальни искры сы́плютъ, кра̀сную накалилъ. Вытаскивалъ кузнецъ на̀ковальню, приказалъ ей лизать. Она два разъ лизнула; онъ говоритъ: „на̀ковальня остыла, погоди!“—Покали́лъ ишшо̀ попушше. Потомъ кузнецъ выташшылъ во второй разъ. Она языкъ вы́пелила, кузнецъ могъ за языкъ поймать её клешша̀ми, а Юва̀шкѣ приказа̀лъ молотомъ (балдой) её бить.

Какъ её усмирили, Ивашкѣ переда̀лъ клешшы́ держать Ягу Ягишну, а кузнецъ склепа̀лъ ей узду желѣзную. Потомъ кузнецъ её сдѣлалъ кобылой, обузда̀лъ (надѣлъ на её узду). Приказалъ кузнецъ: „*Мотри*, у ей сынъ Алёшка

и дочь. Дочь сдѣлацца старухой. Станутъ онѣ тебѣ говорить: „хорошъ молоде́цъ, на кобылѣ ѣдешь!“ — ты ничево на отвѣтъ не говори!“

11. Ивашка на её сялъ и поѣхалъ. Поѣхали въ путь къ царю. Сначала идётъ старуха и говоритъ: „хорошъ ты моло-дѐцъ, да на кобылѣ ѣдешь!“—Онъ нештó съ ей не говоритъ, одно своё понюжа́етъ только её. Ни черезо много вре́мё бѣжитъ её сынъ Олёшка коро́тинька но́жка.—Олёшка скричѣлъ: „хорошъ молодецъ, да на кобылѣ ѣдешь!“—Ювашка отвѣтилъ: „Ладно, я на кобылѣ ѣду, а ты пѣшкомъ идёшь!“—Онъ ссадилъ ево съ матери, отобра́лъ у ево кра́сно сонцо и бѣлы лу́ни и глухую по́лночь, всё отобра́лъ.

12. Загоревался Ювашка. Олёшка ему сказалъ: „Ювашка, сослужи мнѣ службу,—я тебѣ всё отдамъ наза́дь!“—„Каку ты службу на меня нало́жишь?“ — „Я нало́жу на тебя службу: у Яги́ Яги́шны высватай мнѣ дочь! (Я самъ не могъ высватать). Тогда я тебѣ всё обрачу́ назадъ!“—Ювашка *посули́лся* вы́сватать. Тавариша оставилъ съ Олёшкой, а самъ Ювашка отправился къ Ягѣ Ягишнѣ. („Дожидайся, я прибу́ду сюды́“).

Доходитъ Ювашка до селенья, съ горя берётъ сорокову́шку водки: „надо выпить!“ говоритъ. Пьяница сидитъ и говоритъ: „Ювашка, не пей, подай мнѣ!“—Ювашка сказалъ: „ты што *гара́зъ* дѣлать?“—„Я гаразъ хлѣбъ *ись*!“—Потомъ они пошли съ имъ двóе, дошли до другова селе́нья. Заходитъ онъ въ питейное заведенье, берётъ сорокову́шку, хочетъ вино пить. Другой пьяница говоритъ: „не пей, подай мнѣ!“—„А што́ ты *гара́зъ* дѣлать?“—„Я гаразъ въ банѣ па́рицца“. — Пьяница выпилъ сороковушку; пошли онѣ трое.

Заходятъ онѣ въ третье селенье. Берётъ онъ сороковушку.—„Вы, ребята, выпили, я не вы́пилъ!“ Хочетъ сороковушку пить. Третей пьяница говоритъ: „подай мнѣ!“ — „А што́ гора́зъ дѣлать?“ — „Я гаразъ воду пить“. — Не сталъ Ювашка пить, подалъ и этому.—Заходятъ ешо въ селенье. Берётъ Ювашка сороковушку, хочетъ пить. — „Вы, ребята, выпили, я не вы́пилъ!“—Пьяница говоритъ: „не пей, подай мнѣ!“—„А што *гара́зъ* дѣлать?“—„Я гаразъ на́ небо лета́ть и звѣзды ловить“. — Не сталъ Ювашка пить, по́далъ и етому. Составилось ихъ теперь чётверо.

13. Приходятъ онѣ къ Ягѣ Ягишнѣ. Ягà Ягѝшна лежѝтъ, въ одну стѣну уперла головóй, въ другу ногами.—„Фу-фу, руськова духу отрóду не слыхала, а руськой духъ ко мнѣ мнóго нашли!„ — Ювашка сказалъ: „Напóй накормѝ, *тожнó* у меня вѣстей распросѝ". — Она п...ула столъ поддёрнула, дриснула штей плеснула, ногу подняла́ и пирогъ подала́, титечкамъ потресла и молочка поднесла, ножки возняла́ и ложки подала. Ювашка сказалъ, што „мы пришли къ тебѣ за добрымъ словомъ за сва́таньемъ; а сватаемъ не за себя, а за Олёшку корóтенькую ножку!"—„Сослужите мнѣ службы, которыя я на васъ налóжу, такъ тожнó я вамъ и дочь отда́мъ!.. Сначала напеку я вамъ 10 пудовъ хлѣба: если вы съѣдите въ день, такъ вотъ вамъ и служба пе́рвая!"—Напекла 10 пудовъ хлѣба. Ювашка сказалъ: „хто *гаразъ*, ребята, хлѣбъ *ись?*" — „Я, баринъ!" — „Ну, давай, ѣшь!" — И онъ нача́лъ *оплетàть,* только *мя́хки* летя́тъ. Съѣлъ етотъ хлѣбъ въ одинъ часъ, сказалъ, што „баринъ, я не наѣлся ишо!"— „Вотъ ты,—говоритъ:—одновó не могла накормить!"

14. „Вотъ я другую службу налóжу на васъ: затоплю́ я ба́ню; мóжите ли вы этотъ жаръ выдержать въ вечеръ?"— До тово она накалѝла — ка́ждый камень покраснѣлъ; потóмъ послалà ихъ парицца. —„Што, ребята, *хто* гаразъ въ банѣ па́рицца?" — „Я, баринъ!"—Пошолъ онъ парицца; въ одинъ уголъ б...улъ, въ другой п...улъ, и сдѣлался въ банѣ морозъ и сугробы оказались снѣгу. Приходитъ изъ бани и говоритъ: „баринъ, я озябъ! ничевó не могъ вы́парицца!" — Она не повѣрила, сбѣгала: вѣрно, холодъ въ банѣ.

15. „Ишó налóжу вамъ послѣднюю службу: сколько у меня посуды есь, натаска́ю воды́,—выпьите ли вы въ день?"— Она натаска́ла воды, *запроста́ла* всю свою посуду. — „Хто, ребята, гаразъ воду пить?" — „Я, баринъ!" — Къ которой посудѣ подойдётъ, всё выпьётъ.—„Баринъ, я не напѝлся!" (сколь посуды не было, всё выпилъ).

16. Дочь выходитъ. — „Вотъ, я звѣздóй излажу́ (? сдѣлаюсь), полечу: поймаите, такъ ва́ша!" — Ювашка сказалъ: „полетàй!" „Хто гаразъ нà небо летать и звѣзды ловить?"— Одинъ и говоритъ: „я, баринъ!"—„*Айдà*, полетàй, лови!"— Этотъ самой пьяница сдѣлался звѣздой, полетѣлъ и поймалъ Ягѝ Ягишны дочь. Спустѝлъ её нà землю.

17. Она ему и говоритъ: „послушай, Ювашка, я за ево за̀мужъ не пойду, а пойду за тебя! Што я тебѣ прикажу, только ты то и дѣлай! На мѣсто мы прiѣдемъ,—онъ теперь стоитъ у *прова̀лишша*,—ты *пе́рво* выпроси у ево красно сонце и бѣлые луни и часты́я звѣзды и глухую полночь, отбери это всё къ себѣ; потомъ ему мать не давай и меня не давай! Потомъ скажи: если ты, Олёшка, коротинька ножка, пройдёшь по етому мѣсту, такъ я тебѣ мать отдамъ и невѣсту отдамъ!..“ — Олёшка былъ не согла̀стенъ; а Ювашка не даётъ: „если ты не пройдёшъ, я тебѣ ничё не дамъ!“— Олёшка хотѣлъ схитря́цца, а Ювашка ево *фы́рнулъ*, столкнулъ ево въ прова̀лишшо.

Посадилъ жену на коня, а самъ сялъ на Ягу Ягишну (на мать на кобылу), и поѣхали троё къ царю. Прiѣзжаютъ къ царю. Пушша̀ютъ бѣлой день и красно сонцо сначала. До вечеру дожива̀ютъ, пустили бѣлые луни, часты́я звѣзды и глухую полночь изла̀дили, во время. *Тожно* Ювашка женился на Ягѣ Ягишнѣ дочери, повѣнчалися, а царь ево за ето похвалилъ, што онъ предоста̀вилъ.

---

10. „Пётра королевичъ“.

1. Было у короля три сына. Старшево сына зовутъ Василей, сере́дней былъ Ефимъ, а младшей былъ Пётра короле́вичъ. Сошлись онѣ въ комнату. Пётра королевичъ и говоритъ, што ему ужъ время женицца, а отецъ и *большака́* не женитъ! И сказалъ Пётра королевичъ: „пойдёмте къ родителю просицца—по чужимъ держа́вамъ ѣхать“.— Приходятъ всѣ вразъ, передъ родителемъ на колѣни стали.—„Што́ вы, мои дѣти, или што передо мной нагрубили—передо мной на колѣни стали?“—„Вотъ што, родитель! не мнѣ жени́цца, такъ къ примѣру, напере́дъ, а также ужъ нужно Василья королевича вперёдъ женить! Пусти насъ, родитель, по всѣмъ державамъ невѣстъ посмотрѣть!“—Сказалъ король: „ненаглядные вы мои дѣти! не *есть* я васъ по чужой державѣ, я по своей державѣ васъ всѣхъ вразъ не пушшу! я должо́нъ жизни лишицца!“

Королева выходитъ, смотритъ, што онѣ на колѣняхъ передъ родителемъ стоятъ. Король сказалъ своей женѣ, што „просяцца дѣти по чужой державѣ ѣхать, невѣстъ смотрѣть. Королева также *рыхнýлась*, уливáлась слезáми: „не пýстимъ!“—Король [сказалъ]: „*мать*, тоже руской царь такихъ же дѣтей беретъ отъ отцовъ-матерей! Поочерёдно пýстимъ мы ихъ по чужой державѣ! То и сдѣлаю я: жéребей на которова вы́падетъ, тово и пушшу. А *имя́* всѣмъ время женицца!“

2. Жéребей кúнули, выпалъ жéребей на Петра королевича, на малова сына. Большóй братъ съ середнимъ остаёцца. Мать заплакала: „Неужели жо ты долго проѣздишь, Петрó королевичъ? *тожнó* я съ тоски должна пропáсь!“ (помереть). — „Я долго, родúтельница, не буду быть! скоро вернусь.“—Король ему выдалъ своёва коня любимца. „Этотъ конь тебя въ обиду не дасъ, онъ тебя вездѣ можотъ выручить!“—Потомъ онъ заходитъ въ конюшню, выбираетъ коня, надѣваетъ пóтнички, уздéчку и богатырское сѣдло и подводитъ къ порáтному крыльцу. Прошшáлся онъ съ родителемъ и съ брàтьями. Только успѣлъ ся́сти на коня, распростúлся,—только и видѣли онѣ евó (конь *бóльно шýстрой*).

3. Пріѣзжаетъ онъ въ разное королевство, пустилъ коня, самъ сялъ на лужóкъ; повѣсилъ гóлову: „Штó я буду королю говорить?“—Конь къ ему подскочилъ и говоритъ: „Пётра королевичъ, поди вы́хвастайся къ королю, што я кóнюхъ, могу конной заводъ развестú“.—Приходитъ Пётра королевичъ во дворецъ къ королю, выхвáстываецца, што „я конюхъ, могу конной заводъ розвестú!“—У короля кони *вы́валились*, ему конюха нужно. Долóжили королю; король велѣлъ въ полáты ему зайти. Обошолся онъ съ королёмъ какъ трéбно быть. Король по рѣчьмú ево принялъ ево къ себѣ въ конюхи. Далъ ему нѣсколько тысячъ денегъ; поѣхалъ онъ въ прочіе державы, накупилъ ему кобылъ и жеребцовъ. Пригоня́етъ табунъ лошадей; очень королю кони понрáвились. Заводилъ онъ ево въ свои полáты, потчивалъ-уважáлъ чáемъ.

4. Послѣ етова онѣ вышли съ имъ въ садъ въ разгулку. Закручúнился король. Тогда ему Пётра королевичъ сказалъ: „што ты, господинъ король? я вижу, ты въ глу-

бокой думѣ! скажи мнѣ, я твоему горю помогу".—„Давно у меня родительница и сестра добивáцца, объ чёмъ я думаю; я *имя́* не сказáлъ, а тебѣ скажу. Былъ я однажды у руськова государя; у нево есь единственная дочь; у нево видалъ на стѣнѣ патретъ съ её снятъ, а самоё её не видалъ. И вотъ бы мнѣ охота её живую посмотрѣть, какъ она есь, не потрéтомъ!"—Пётра королевичъ сказалъ: „ето вѣдь пустя́къ для меня стоитъ! я могу скорымъ времёмъ её укрась и тебѣ привести въ невѣсты!... Да, только ты мнѣ, господинъ король, дозволь мнѣ своёва коня въ твои конюшни привести́; тогда я тебѣ скажу, когды́ поѣду за невѣстой". — Король приказалъ: „которая тебѣ конюшня *загля́неццà*, въ туё и станови; давай корму, какова тебѣ угодно!"

5. Тогда онъ пошолъ въ заповѣдны́е лугà; только свиснулъ, живо конь прибѣжалъ. Поймалъ коня, поставилъ въ конюшню, зàдалъ овса и сѣна, коня сталъ гладить, а самъ повѣсилъ голову. Конь сказалъ: „*али́* чѣмъ ты, Пётра королевичъ, похвáстался?"—„Похвастался я шуткой немалой, у царя дочь укрàсть королю́ въ невѣсты".—„Для насъ ето плёвое дѣло! Поутру раньше ставай, бѣги ко мнѣ, поѣдемъ мы съ тобой воровать!"—Приходитъ онъ къ королю, объяснилъ: „завтра поутру я отправлюсь за невѣстой, ты утромъ выходи со мной простицца".—Утромъ на разсвѣтѣ конь ево заржáлъ и въ конюшнѣ зашумѣлъ. Проснулся конюхъ, бѣжалъ скорѣ́ къ коню́; прибѣгаетъ къ коню́, очень скоро собирался, подъѣжжалъ къ порáтнему крыльцу; сказалъ дежурному, „штобы скорѣе король выходилъ со мной простицца".

Только успѣлъ дежурный заходить, король проснулся, собирался съ имъ простицца. Выходилъ король.—„Здрáвствуёшь, господинъ конюхъ! што тебѣ нужно?"—„Прошшай! хотя я и похвастался, а неизвѣстно, вернусь ли, нѣтъ ли?" (хто ево знатъ-то, што вы́йдетъ ишо тамъ?).—Пустилъ коня, только онъ и видѣлъ. *Ужасти́лся* король, што конь *бóльно* пры́тко бѣжитъ; „если онъ прiѣдетъ, я коня поторгую у ево!"

6. Прiѣзжаетъ къ царю, пустилъ коня на лугá, самъ сялъ на лужокъ, повѣсилъ голову. Конь подбѣжалъ, учитъ ево: „поди къ царю, назовись садовникомъ, садъ

устроить“.—Пётра королевичъ приходитъ къ царю во дворецъ, назва́лся садовникомъ. Царю доло́жили, што такой-то садовникъ; „не желаешь ли своей дочери садъ устроить?“—Царь приказалъ призвать ево въ свои полаты. Приходитъ въ ево пала́ты. „Если дозволишь мнѣ садъ устроить, я устрою скорыемъ врѐмёмъ тебѣ. Не нужно мнѣ твой народъ, только мѣсто мнѣ покажи, я тебѣ садъ устрою одинъ!“ — Приказалъ царь ему за̀ городомъ мѣсто показать, садъ устраивать.

То онъ устроилъ въ чѐтверо сутки, приходитъ къ царю. „Ваше Царское Величество! получите садъ! посмотрѣть можно твоей дочери; знаю, што погля́нецца!“ — Сказалъ царь, што „если она въ садъ прибудетъ, такъ тебя штобы въ саду нé было!“—„Если, Ваше Царское Величество, меня не будетъ, цвѣты посохнутъ, я́блони посохнутъ; тогда не понравится ей садъ; а я буду, такъ всё хорошо будетъ!“— Тогда царь приказалъ и ему быть тутъ и встрѣтить её. Онъ въ садъ приходитъ, дожида̀ецца её.

7. Она прiѣзжаетъ въ садъ со служа́нками; доводитъ онъ её до такова древа: „вотъ, царская княгиня, съ этова древа вы моги́те ягоды съѣсь, *больно* ягоды хорошiе“. — Приказала она служанками съись по я́годкѣ *на̀перво*. Онѣ съѣли по ягодкѣ и повалились спать. Тогда царская княгиня: „это што такое?“—„Это не на долгое время; ягода хорошая, на сонъ позыва̀етъ... А ты иди, у меня есь у переднихъ воротъ древо̀ очень заба́вное, смотрѣть на нево любопытно“ (покамѣсь онѣ спятъ). — Потомъ конь прибѣгаетъ въ садъ, сказалъ: „Пётра королевичъ, не робѣй, сади её и самъ садись!“—Онѣ только и видѣли, мигомъ увёзъ царскую дочь къ королю.

Царь явился въ садъ, нашолъ сонны́хъ служанокъ, началъ ихъ пина́ть несча́дно ногáми своими. А дочери нѣту! Стали отъ сну служанки. Онъ *имя́* говоритъ: „гдѣ жо дочь? не съ вами!“ — Служанки на отвѣтъ сказали, што „мы и сами не знаемъ“. — „Это не садовни́къ прiѣзжалъ, а непремѣнно *хи́тникъ*, дочь мою увёзъ неизвѣстно куды́!“— Посыла̀лъ по всѣмъ дорогамъ на розыски, дочь искать. Вездѣ иска̀ли, не могли царскую дочь найти.

8. Привозитъ Пётра королевичъ царскую дочь къ королю. Вышолъ стрѣтить король, поцѣловалъ ко́нюха. —

„Скажи мнѣ, господинъ кòнюхъ, штò ты съ меня возьмёшь за ето—привёзъ ты мнѣ её въ невѣсты?“—„Не нужно мнѣ съ тебя *ничё*, только нужно твоё серцо успокоить (што ты бы жилъ въ спокоѣ)“.—Король говорилъ: „царская княги́ня, подай ты мнѣ бѣлую руку, назовись невѣстой!“—Царская княгиня отвѣтила: „когда же ты меня привёзъ домой, теперь съѣзди къ моёму отцу: есь у отца большой сундукъ за тяжо́лыми замка́ми, [въ немъ] подвѣнешное платье; привези ево, тоγда я подамъ тебѣ бѣлую руку, на́зовусь невѣстой!“

Задумался король, посыла́лъ за кòнюхомъ. Конюхъ приходитъ.—„Не задачу тебѣ задаю, только выска́зываю: не подае́тъ мнѣ невѣста бѣлую руку, а посылàетъ къ своёму родителю за плàтьемъ; пла́тье у ей въ большо́мъ сундукѣ за тяжолыми замка́ми“.—Конюхъ сказалъ, што „мы украдемъ скорѣе и тово, што и самоё привезли!“—Онъ пошо́лъ въ конюшню, за́далъ коню овса и сѣна, самъ повѣсилъ голову. Конь ево говоритъ: „чѣмъ ты похвастался ишшо?“—„Похвастался я украсть подвѣнешное платье въ большомъ сундукѣ за тяжолыми замками“.—Конь ему тоже сказалъ, што „мы украдемъ скорѣе тово; утромъ рано бѣги ко мнѣ скорѣе!“—Ладно, хорошо.

Какъ до утра доживаютъ, конь ево заржалъ; онъ проснулся отъ сна и къ коню скорѣе бѣжàлъ.—„Долго, долго, Пётра королевичъ, спишь! надо ѣхать поскорѣе!“—Живо Петра королевичъ собирался, садился на коня и ѣхалъ. Подъѣжжалъ къ паратнему крыльцу, скричѣлъ дежурному: „какъ можно поскорѣе штобы король вы́шолъ со мной простицца!“ — Королю только доложилъ дежурной, король живо собрался, вышолъ на поратно крыльцо съ имъ простицца.—„Прошшай, господинъ король! хотя́ я и похвастался, а неизвѣстно, вернусь ли, нѣтъ ли я?“—Распростился; отправился къ царю.

9. Пріѣзжаетъ въ царскіе луга, коня пушшаетъ, самъ сялъ на лужокъ, повѣсилъ головушку. Конь къ ему подбѣгаетъ: „не печалься, Пётра королевичъ, пойди ты на рынокъ, купи себѣ накладную бороду, штобы ты сдѣлался старикомъ“.—Сходилъ на рынокъ, купилъ себѣ *окладную* бороду; *тожно* онъ пошолъ въ царскіе полаты, къ царю во дворецъ. Приходитъ во дворецъ; солдаты стоятъ, совѣтуютъ, всё объ дочери тужатъ. Старикъ къ *имя́* приходитъ.

Старикъ съ *имя́* поздоровался: „здраствуйте, господа служашшіе (салдатики)!“ сказалъ. — „Што, дѣдко, куды пошолъ?“—„Я пошолъ къ руському царю; я слыхалъ, будто бы царь *больно* добродѣтельной, старыхъ людей допаиваетъ-докармливаетъ; не допоитъ ли онъ меня, не докормитъ ли?“—Салдаты на то ему сказали: „не до тово ему! у царя большое горе, у царя дочь потерялась, и онъ тужитъ объ своёй до́черѣ“.

— „Пушай онъ не тужитъ! если онъ меня на совѣтъ позовётъ, то мы живо и дочь найдёмъ!“—Тогда бѣжали солдаты, не одинъ, а троё вразъ, съ докладомъ къ царю (обрадовались). Солдаты приходятъ въ полату: „Ваше Царское Величество, дозволь съ Вами рѣчь говорить объ твоей дочери“. — Царь отъ ихъ отворотился. „Совѣтуйте, што знаите, я слушать буду!“—Одинъ сказа̀лъ: „приходитъ къ намъ старикъ во дворецъ, [проситъ] пропоить и прокормить; а мы сказали, што нашему царю не до тово, што такое горе“.—„Што если меня царь позовётъ на совѣтъ,—говоритъ:—такъ я ево помогу горю и дочь разыскать!“—Соскочилъ царь, приказалъ скорѣе старика вести въ пола́ты. Ево подхватили подъ руки, ведутъ въ пола́ты. Царь про нево самъ и *стуло* поддёрнулъ: „садись, садись, старикъ!“

10. Старикъ говоритъ: „Ваше Царское Величество, покажи сначала, которое ты платье пригото́вилъ про свою дочь! тогда я тебя буду учить дочь твою искать“.—Царь вы́нялъ изъ своёва карма́ну золотой ключъ, о́тперъ большой сунду́къ, ташшытъ пла̀тье ему. Сказалъ: „вотъ, дѣдушко, ето платье приготовлено подвѣнешное, ешо на плеча́хъ у ей не бывало“.—Старикъ сказалъ: „положь ето платье на мѣсто и иди какъ можно скорѣе ко мнѣ на совѣтъ!“—Царь поло̀жилъ скоро платье, сунду́къ не за́перъ, прибѣжалъ къ старику, сялъ въ стуло. (Онъ тебя сейчасъ *оботкётъ*!).—„Вотъ што, Ваше Царское Величево, прикажи сіей мину́той растворить *дворецъ*,—забѣжитъ къ вамъ во дворецъ конь; и вотъ этотъ конь—если онъ *словя́сно* вамъ не скажетъ доброво́льно, подожги́те у нево копыта: тогда онъ не́хотя да ска́жетъ! А *покромъ* тебя никому не дастся; самъ, Ваше Царское Величево, лови́ етова коня!“—Конь сею́ мину́той забѣжа́лъ во дворецъ; старикъ поскорѣ посылаетъ царя коня ловить.

Только царь ушолъ изъ пола́тъ, снима́етъ конюхъ съ себя *окладную* бороду, хватаетъ скорѣе подвѣнешно платье и торопицца изо двора убра́цца. Тогда конь повертѣлся; царь приказалъ заперетъ воро́ты; не могли успѣть запереть, конь вы́бѣжалъ. Царь воротился въ полаты и кричѣлъ долго старика, докричѣцца не можотъ. Царь посылаетъ старика розы́скивать, куды ушолъ?—найти ево ужъ не могутъ. Онъ вышолъ за́ городъ, сялъ на своёва коня,—только [его] и видѣлъ!

11. Привозитъ *хъ* королю платье. Король ево стрѣтилъ съ великой радосью (съ платьемъ). Король сказалъ: „господинъ конюхъ, што ты съ меня возьмёшь? скажи; то я и заплачу́ за ето!“—„Ништо́ съ тебя не надо, только твоё серцо успоко́ить мнѣ охота!“—Пла́тье приноситъ ца̀рской княгинѣ и говоритъ: „подай ты мнѣ бѣлую руку, назовись невѣстой! я тебѣ предоставилъ пла̀тье!“—А царская дочь не подаетъ ему руку.—„Ты мнѣ предоставь отъ родителя золотую карету подвѣне́шную! коγда ты её привезёшь, тогда я согласна подъ вѣнецъ, назовусь твоей женой!“—Король приказалъ призвать конюха къ себѣ на совѣтъ. Приходитъ конюхъ.—„Што ты меня, господинъ король, требуешь?“—„Не я тебѣ службы накла̀дываю, а только съ тобой совѣтую! Царская дочь не подаётъ мнѣ бѣлую руку, не называцца невѣстой, велитъ отъ родителя золотую карету предоста̀вить ешшо!“—„Это мы украдемъ скорѣе и платья!“ сказалъ конюхъ. Тогда король ево поцѣловалъ за ето опять.

Король сказалъ: „Господинъ конюхъ, не продашь ли мнѣ своёва коня?“—Конюхъ сразу ему отказалъ: „Сколько ли ты, король, бога̀той, сколько ли домъ твой сто́итъ и сколь у тебя денегъ,—ничево не надо! и нельзя ево продать, ето у меня родительско благословлѐнье; и не торгу́й ты ево у меня никогда!“

12. Приходитъ къ коню́, задаетъ сѣна и овса, самъ повѣсилъ голову.—„Што ты, Пётра королевичъ, задумался? али́ чѣмъ похвастался?“—„Похвастался шу́ткой не малой—укра́сь у царя золотую карету“.—„Поутру́ какъ можно поскорѣе ставай, *то* мы укра́демъ скорѣе и платья!“—Ладно-хорошо. Приходитъ къ королю.—„Поутру́ рано, какъ я *га́ркну,* ты поскорѣе приходи ко мнѣ простица!“ (А уже

объ имъ розыски, ево розыскиваютъ, Петра королевича: долго онъ проклаждаетца). Поутру рано стаетъ, коня поймалъ, сялъ на коня, подъѣжжатъ къ паратнему крыльцу; скричѣлъ дежурному, штобы выходилъ король поскорѣе простицца.—„Прошшай, Ваше Королевское Величество! хотя и похвастался, а неизвѣстно, можетъ быть я и головушку положу тутъ?“ (А съ сестрой со своей [король] разговариватъ:—„кабы,—говоритъ:—[конюхъ этотъ] изъ богатова званія, такъ я бы пошла за ево!“—А ему охота сестру эту взять).

13. Роспростился, отправился къ царю; пріѣзжаетъ; пускалъ своёва коня въ луга, самъ сялъ на лужокъ. И вдрукъ ево братъ ѣдетъ, Василей королевичъ, трахтомъ. Живо Пётра королевичъ надѣвалъ на себя *окладнýю* бороду, выходилъ на дорогу. Василей королевичъ здоровался со старикомъ; *„миръ дорóгой*, старичóкъ!“ сказалъ онъ. Пётра королевичъ сказалъ: „здраствуёшь, Василей королевичъ!“—Василей королевичъ: „почему ты меня знаешь какъ звать?“—„Потому я знаю: я всѣхъ васъ троихъ знаю, какъ тебя, такъ и меньшóва брата, такъ и родителя знаю, и родительницу. Скажи мнѣ подробно, куда ты поѣхалъ, Василей королевичъ?“ — „Я поѣхалъ своёва меньшóва брата разыскивать. Всѣ королéвства объѣхалъ, только въ руськомъ государствѣ (у царя у руськова только) нé былъ“.

Сказалъ Пётра королевичъ: „у руськова царя нѣту Петра королевича. Онъ служитъ службу послѣднюю, скòрымъ врéмёмъ прибудетъ къ вамъ назадь! Воротись домой! Послѣдняя ему служба“. — „Скажи же ты мнѣ, старичокъ, гдѣ онъ проживаетца?“ — „Нельзя сказать. Воротись! што сказалъ, вѣрно будетъ. А здѣсь ево нѣту!“ — Тогда Василей королевичъ воротился назадъ.

14. Когда [Василей королевичъ] изъ виду уѣхалъ, конь къ ему подбѣжáлъ; конь ему сказалъ: „подú жо ты на рынокъ, купи себѣ салдàцкую шинель и мундéръ и срядись какъ есь салдàтъ!“—Сходилъ на рынокъ, купилъ себѣ салдацкую шинель и мундéръ, приходитъ къ царю во дворецъ. Толпится толпа салдатъ тутъ.—„Объ чѣмъ вы, братцы, совѣтуите?“ сказалъ пришéдшій солдатъ. — „Мы тужимъ объ царской дочери: гдѣ найти её?“ — „А я, братцы, служилъ въ такомъ-то городѣ; пошóлъ по óтставкѣ домой; подбѣ-

гаетъ ко мнѣ конь и говоритъ словясно: „если царь отворитъ дворецъ, выкатятъ золотую карету и запрегутъ меня, тогда я *имя́ одноча́сно* привезу́ царскую дочь!“

Онѣ совѣтуютъ: „если намъ царю, робята, доло́жить, царь намъ не дозволитъ. Давайте сами вы́катимъ! *То* мы привезёмъ дочь; наградитъ онъ насъ тогда всѣхъ деньга́ми!“ — Выкатили карету, растворили *дворецъ*. Конь забѣжалъ во дворе́цъ. Взяли золотую узде́чку и хому́тикъ, поймали коня, на́чали запряга́ть. Только запрегли́ коня, уговаривались, кому ѣхать; какъ есь запрегли́, конь какъ вдругъ взлетѣлъ, только ево и видѣли: не успѣли и посмотрѣть, куды́ онъ убѣжалъ (не успѣли за вороты выбѣжать). Онѣ гоня́ли по всѣмъ доро́гамъ и спрашивали, што „не пробѣга́лъ ли конь съ золотой каретой?“ — Негдѣ не могли ево дойти. А царю доло́жили, што „конюха́ запрегли́ золотую карету, — убѣжалъ конь съ золотой каретой неизвѣстно куды“.

15. *Сгорюхну́лся* царь пуще тово; приказалъ карету запрекчи самому выѣхать,—разгуля́лся съ горя. Заѣхалъ онъ на такую гору, здумалъ, што здѣсь *умоле́нной* монахъ живётъ; здумалъ царь ево искать, етова монаха. Мана̀хъ выходилъ изъ кельи. Царь къ ему подходилъ, къ етому мана́ху; подходилъ къ ему и поздоровался. Манахъ сказалъ ему: „што тебѣ нужно, царь?“—Царь: „я хочу тебя, святой угодникъ, спросить объ своей дочери: не знаешь ли, гдѣ она увезёна?“—Монахъ ему сказалъ: „ето всё у тебя одинъ мошенничатъ, изъ такова-то вотъ королевства, Петро̀ королевичъ. Поѣжжай въ это короле́вство, спрашивай у ево: онъ тебѣ скажетъ“. — Царь поблагодарилъ монаха, пріѣзжалъ домой, отправлялся на розыски.

16. У короля были посла́нники (гонцы́): „если конюхъ везётъ золотую карету, *гоните* напере́дъ ево ко мнѣ: я самъ встрѣчу!“—Завидѣли гонцы, што онъ ѣдетъ на золотой каретѣ, катили на своихъ лошадяхъ што есь силы,—онъ ихъ всѣхъ напере́дъ обогналъ, напере́дъ представился ихъ ко двору. Король выходилъ ево встрѣтить, въ уста́ ево цѣловалъ и говоритъ: „скажи, што ты съ меня возьмёшь, то я и заплачу!“—Сказалъ конюхъ: „ништо мнѣ съ тебя не надо! только то, што сердце я твое успокоилъ, больше ничево!... Поди сходи, король; если подастъ она тебѣ бѣлую руку,

назовѣцца твое́ю женой, тогда иди скорѣе ко мнѣ!“ — Приходилъ король, сказалъ: „подала́ она мнѣ бѣлую руку, назвалась моей невѣстой, желаетъ сеча́съ и подъ вѣнецъ идти“.—„Ну теперь, господинъ король, прошшай! Я домой съѣжжу“.

Король ево не пушша́етъ. „Я подалъ знать по всѣмъ державамъ, и руському царю. А когда свадьба отойдетъ, тогда я тебя и домой отпушшу. А безъ тебя чево штобы не было?“ — Сказалъ Петра королевичъ ему: „послушай, боɣатой король, *покульча* ты письма развозишь, я тѣмъ времёмъ къ родителю съѣжжу не на долго времё и вернусь къ тебѣ на свадьбу (когда прiѣдутъ къ тебѣ гости изъ другихъ государствовъ)“.—Король далъ ему съ своей руки золотой перстень именной. — „Если ты прибудешь (думатъ, што разнымъ какимъ лицомъ), такъ я тебя по етому перстню узна́ю“.

17. Распрости́лся съ королёмъ, отправился домой. Пусти́лъ своёва коня, доɣонялъ руськова государя около своёва ɣороду. Надѣвалъ на себя *окладную* бороду, догналъ царя. Подогналъ и говоритъ: „Здра́ствуёшь, руськой царь!“— Царь съ имъ поздоровался: „Здраствуёшь, старичокъ!“ — „Куды же ты, Ваше Царское Величество, поѣхалъ?“ — „Я поѣхалъ вотъ въ это королевство, спросить у Петра королевича объ своей до́чери: онъ у меня укралъ, неизвѣстно куды увёзъ“.—„Экой онъ удалецъ!... Поѣдемъ мы съ тобой вмѣстѣ: мои родители въ этѣмъ же городѣ живутъ“.— Заѣхали онѣ въ городъ, подъѣжжаютъ къ дому, сказалъ Петра королевичъ: „здѣсь вотъ живётъ, а мои родители подальше живутъ“.

Царь заѣхалъ къ королю во дворецъ; при́няли царя въ пола́ты (по-руськи: въ домъ). Петра королевичъ прiѣхалъ послѣ, пустилъ скоро коня въ коню́шни, заходилъ въ этотъ же домъ свой; садился въ разную комнату и слушалъ, што царь будетъ съ королёмъ говорить.—Король говоритъ: „Руськой царь, зачѣмъ больше прiѣхалъ ко мнѣ?“ — „Я прiѣхалъ объ своей дочери у твоёва сына спросить, у Петра королевича“. — „А мы сына сами не знаемъ! по всѣмъ городамъ искали, сами не могли ево найти!“—*Тожно* старикъ этотъ посылалъ лакея: „поди сходи, не примутъ ли старика къ себѣ на совѣтъ?“ — Посланникъ приходитъ, говоритъ

королю: „у насъ приходитъ чужестранной старикъ“ (онѣ и сами-то не могутъ признать ево: онъ въ *окладной* бородѣ), „просицца къ вамъ на совѣтъ“.—Король говоритъ: „колды я руськова царя провожу, *тожно* старика на совѣтъ позову!“

18. Живо снималъ съ себя окладную бороду, надѣвалъ на себя хорошое платье и являлся къ отцу въ комнату.—Увидѣли своёва Петра королевича, всѣ обрадовались. Царь сказалъ: „а я колды дождусь? Скажи ты мнѣ, Петро королевичъ! (объ своей дочерѣ)“. — „Ваше Царское Величесво, жди съ часу на часъ: *пригднитъ* гонецъ, подастъ письмо,—поѣдемъ мы на свадьбу къ королю! Твоя дочь у короля!“—Гонецъ пріѣхалъ, письмо подаётъ, зовётъ короля на свадьбу. Тогда царь проситъ какъ можно поскорѣе ѣхать. Живо лошадей запрегали въ кареты и отправились къ королю на свадьбу. Дѣтей своихъ всѣхъ троихъ посадилъ король.

19. Пріѣзжаютъ. Всѣхъ король ихъ принялъ. Царь говоритъ: „скоро ли, господинъ король, мнѣ дочь покажешь?“—„*Покуль* у меня конюхъ не пріѣдетъ, я и дочь не покажу!“—Пётра королевичъ усмѣхнулся, сталъ; „здраствуёшь, господинъ хозяинъ король!“ говоритъ. Тотъ взглянулъ на ево руки: золотой перстень на рукѣ у ево.—„Неужели же ты, Петра королевичъ, столько время служилъ, ты самой, мнѣ даромъ?“—„Да, господинъ король, я!“ — „Когда же ты мнѣ невѣсту привёзъ, не желаешь ли ты у меня сестру взять въ замужество?“ (А онъ изъ-за тово и бился). — Сказалъ Петра королевичъ: „я изъ-за тово старался, штобы ты отдалъ за меня сестру!“.

20. Король приходилъ къ своей сестрѣ въ комнату, сказалъ сестрѣ: „соберись въ хорошое *свѣтное* платье, я запросваталъ тебя за Петра королевича, который служилъ у меня конюхомъ!“ — Она живо собралась въ свѣтное платье, выходила къ *имя* въ комнаты. Поздоровалась со всѣма, и съ Петромъ королевичемъ, за ручку.— „Не желаешь ли ты за меня, королевская княгиня, въ замужество?“—„Съ полнымъ удовольствіемъ! сейчасъ желаю подъ вѣнецъ“.

21. Царь сказалъ: „скоро ли вы мнѣ покажите дочь?“—Сказалъ король: „сей минутой покажомъ тебѣ дочь“.—Приходитъ къ царской дочери, велѣлъ выйти съ отцомъ поздоровацца. Царская дочь выходитъ со слезьми, съ отцомъ

поздоро́валась. А царь много разъ повторилъ, што „моя́ и моя́ и моя́ дочь!“ — „Ковда я посыла́ла посла́нника Петра королевича къ вамъ, не могли вы ево изловить! теперь ужъ я подала бѣлую руку, назвала̀сь невѣстой; теперь ужъ я, тятинька, не твоя́!“—Отецъ благословилъ, и онѣ сходили— оба повѣнчались. Пошолъ у нихъ пиръ. Попировали и домой розъѣхались.

---

11. [Иванъ солдатскій сынъ].

1. Служилъ салдатъ 25 лѣтъ. И у ево сынъ былъ кантонисъ; звали Ива́номъ. Иванъ былъ разучёной на̀ семь гра́мотъ. Отслужилъ отецъ; *принаслѣ́дно* было сыну итти въ салдаты. Распростился съ отцомъ съ матерью и отправился на службу. Служилъ онъ 4 года, заслужилъ себѣ чинъ ѳнера̀ла.

Отецъ у ево погорѣ́лъ. Пишетъ сыну отецъ письмо: „нельзя́ ли, милой сынъ, какъ помокчи старику?“ — Онъ служилъ при царѣ; приходитъ Иванъ Васильичъ къ царю на совѣтъ.—„Ваше Царское Величество! родитель вамъ служилъ 25 лѣтъ и я заступилъ теперь; отецъ у меня погорѣ́лъ; пишетъ мнѣ письмо — помокчи, а у меня съ собой денегъ нѣтъ ему дать на по́могу“. — Царь разсудилъ, што надо пожалѣть старика; уволилъ Ивана Васильича на четыре года и далъ сто рублей денегъ съ собой.

2. Онъ на ямскихъ пріѣзжаетъ домой; приходитъ на свое мѣсто, увидѣлъ такой балага́нъ на своимъ мѣстѣ. Заходитъ въ этотъ балаганъ; родители лёжатъ. Заплакали они; сказалъ, што не нужно плакать.—„Хотя у насъ *природство* бога́тое, а звать не́куды: балага̀нъ тѣсно́й“.—„Не нужно звать!“— Далъ ему сынъ рубь денегъ, велѣлъ сходить въ питейное заведеніе, купить полштофа водки, и что-нибудь закусить велѣлъ принести. Поужинали онѣ, легли спать до утра́.

Иванъ Васильичъ говоритъ утромъ, што „я, тятинька, человѣкъ такой, начитанной, къ работѣ ужъ не привышной, и пойду искать себѣ мѣсто“. Далъ отцу сто рублей денегъ, самъ отправился въ казённое училисчо.

3. Приходитъ въ казенное училисчо, подаётъ свой аттестатъ *ученику*. *Ученикъ* посмотрѣлъ и говоритъ, што „ста-

пешь если жить, я тебѣ назна́чу сто рублей въ мѣсяцъ, и столъ тебѣ будетъ готовой".—Прожива́етъ онъ годъ, получилъ 1200 рублей; приходитъ домой, отцу-ма̀терѣ передаетъ деньги. — „Погодимъ ешо, тятенька, домъ заводить! ешо съ годикъ я прослужу, потомъ можетъ получше наживёмъ домикъ" — Приходитъ онъ въ училище, а въ училищѣ училась купеческая дочь Маша. Училась она три года и научилась только три слова. У Маши очень отецъ былъ богатъ; надъ нимъ надсмѣхались: „совсѣмъ, говоритъ, у тебя дочь дура! хороша́ да дура!"—Онъ разсердился, не сталъ совсѣмъ къ ей ѣздить. А на лицо [Маша] была очень красивая.

Приходитъ Иванъ Васильичъ къ ей и говоритъ, што „Маша, долго ли ты прожива́шся?" — „Я,—говоритъ: — Ванечка, живу три года и научилась три слова". — „А што, Маша, если я тебя [буду] обучать, станешь понимать *насто́яшшо* али нѣтъ?" — „Да, Ваничка, не для людей, а для себя учи меня!" (залюбѣла она ево сразу). — Заводитъ въ свою комнату: „если, Маша, понимать не будешь, я тебѣ сначала са̀блей руку отсѣку, а наконецъ и голову сказню́! и *зы́ску* никакова не будетъ". — Задаетъ ей стро́чку, — она прочитыватъ пять да шесь. (Начала́ очень скоро понимать: она, можетъ, и научилась, да не говоритъ ничево). Не доходя года, научилась Маша не хуже Ванички, на всѣ законы.

4. Случилось—у этова богача съѣзжіе гости, обѣдъ. Она услыхала и говоритъ: „нельзя ли, Иванъ Васильичъ, намъ къ тятинькѣ сходить въ гости, на суточки погулять?" — „Нужно попросицца это у учителя". — Выпросился Иванъ Васильичъ у ученика; отпустилъ на суточки ихъ погулять. Идутъ онѣ Питербурхомъ. Маша и говоритъ: „а гдѣ жо, Ваничка, твой домъ?"—„Охъ, Маша,—говоритъ:—домъ былъ хорошой, погорѣлъ". — „Ну, хоть мѣсто покажи! гдѣ твое мѣсто?"—„А вонъ,—говоритъ:—горѣлые столбы гдѣ стоя́тъ, тутъ нашо и мѣсто!" — Стали до́ дому доходить — „Вотъ, Ваничка, объ семи эта́жовъ домъ, изукра́шенъ всякими кра́сками, вотъ етотъ самой мой домъ!"—Иванъ Васильичъ остановился.—„Я, Маша, не пойду! вы люди богатые, я человѣкъ бѣдный!"—„Идите, я веду васъ!"

Подходятъ къ дому; увидалъ купецъ свою дочь съ верхнева этажу́ и говоритъ: „што, *мать*! ишь дочь къ чему вы-

училась!" (ужъ онъ прикладыватъ къ худому: ведетъ, говоритъ, къ себѣ милыша). „Пойду, *мать*, я, — говоритъ: — съ ей голову сказню, съ дочери!" — А купчиха говоритъ: „*отецъ*, нела́дно! мы тутъ *згва́лу* наживёмъ много! съѣдуцца хорошіе люди, а ты отсѣкёшь голову съ дочери, — тутъ *згвалъ* будетъ!"—Купецъ купчихѣ велѣлъ *милиша* оставить гдѣ-нибудь на куфнѣ, а она пущай проходитъ кверху. Стрѣтила купчиха и сказала дочери, што „Маша, ты неладно идёшь!" — Маша поняла въ этѣмъ. — „Ты, мамонька, этова человѣка не сканфузь! онъ мнѣ не милишъ! Посадите ево на первое мѣсто: это *ученикъ* и человѣкъ не простой, а енера̀лъ. Я разучилась отъ ево на́ семь гра̀мотъ".

5. Купчиха кверху поднялась, купцу разсказываетъ, што дочь наша разучилась хорошо́, на́ семь грамотъ, и это—*учени́къ*, надо ево принять! Купецъ съ трепетомъ ево принялъ, посадилъ въ первое мѣсто, нача́лъ угошша́ть. Онъ и говоритъ: „Маша, нужно прочитать, взять книгу: пущай добрые люди послушаютъ, што́ ты поняла́ отъ меня!" — Маша читала. Былъ у ей дядя, губернаторомъ служилъ. Выслушалъ у ей хорошіе рѣчи, подаетъ Ивану Васильичу сто рублей денегъ „за то што хорошо разучи́лъ мою плѐмя́ницу". А купецъ на отвѣтъ сказалъ: „и отъ насъ будешь не оставленъ!"—„Экой, *мать*, хорошой молодецъ! какъ бы намъ за́мужъ за нево отдать?" говоритъ (*загля́нулся* отцу-ма̀терѣ).

„А што, Иванъ Васильичъ, нельзя ли твоихъ родителей достать сюды?"—„Можно, можно, какъ если желаите!"— Кучеру обсказа̀лъ; кучеръ съѣздилъ за ево роди́телями. Пріѣзжаетъ салдатъ, зашолъ въ пола́ты. Сталъ купецъ угошшать всѣхъ сряду; купецъ и говоритъ: „а што, господинъ служивой старичокъ, нельзя ли сынка отдать мнѣ за Машу въ домъ?"—„Дѣло не моё, дѣло сынино!"—Купецъ сказалъ: „што, Иванъ Васильичъ, не желаешь ли взять мою дочь Машу?"—Иванъ Васильичъ на то сказалъ: „какъ пойдётъ?" — Маша на то сказала: „если, Иванъ Васильичъ, ты меня не возьмёшь, я удавлю́сь или утоплюсь!"—Купецъ заставилъ музыкантовъ музыку играть,— пошли кадре́ли плясать. И всѣ пляса́ли хорошо. Пошолъ Иванъ Васильичъ съ Машей; хотя и не такъ хорошо сплясали, губернаторъ опять выдаётъ сотню рублей, подаетъ

Ивану Васильичу за пля́ску: „молодецъ! хорошо удра́ли кадрѐль!“—Покутили и всѣ поразъѣхались.

6.—„Время и намъ въ у́чилищо ѣхать!“—„Нѣтъ, ужъ мы, Ваничка, ночуемъ ночь!“—Ночь переночевали. Поутру купецъ стаётъ, приказалъ *лакейкѣ* самоварчикъ *подгоношить*, попотчевать ево. Чаю напи́лись; онъ пошо́лъ въ свою кладову, ташшы́тъ ему на́перво шесь тысячъ денегъ, „за то што разучи́лъ ево дочь“. Подарилъ Ивану Васильичу шесь тысячъ денегъ. — Купчиха говоритъ: „ты, *отецъ*, подарилъ, а я какъ?“—„*Мать*, у тебя свои деньги!“—Та пошла въ кладову и та́шшытъ ему опять шесь тысячъ. Дочь говоритъ: „тятинька, вы подарили, а я какъ?“—„Мила дочь, у тебя свои деньги!“—Пошла она въ ко́мнату, *нато́ркала* полонъ саквоя́жъ, подаётъ: „вотъ, Иванъ Васильичъ, вотъ эти деньги отвези своёму родителю!“—Онъ привозитъ домой. — „Кучеръ, поѣзжай домой! я здѣсь останусь ненадолго“.—Кучеръ уѣзжаетъ. Иванъ Васильичъ приходитъ въ балаганъ къ отцу къ ма́терѣ.—„Будетъ, тятинька, лежать въ балаганѣ! я тебѣ препоручу 12 тысячъ, *тупа́й* домъ скупи себѣ!“

7. Салдатъ живо одѣлся, деньги взялъ, отпра̀вился по́ городу. Идётъ городомъ. Идётъ купецъ, пригорю́нился.—„Што, купецъ, невеселъ?“—„Да вотъ, нужно,—говоритъ,—домъ продать; домъ мой къ *опи́скѣ*, а я не могу!“—„Продай мнѣ!“—„Подёмъ поглядимъ домъ!“—Приходятъ; до̀микъ трехъэта́жной.—„А што, купецъ, просишь за ево?“—„Мало ли бы чё онъ сто̀илъ! отдай мнѣ шесь тысячъ, я тебѣ всё и отдамъ; што́ есь въ домѣ, всё твоё!“—Салдатъ вынима́етъ деньги, подаётъ ему шесь тысячъ. Купецъ салдату говоритъ: „есь у меня ешо три лавки съ товарами, купи и ихъ!“—Купилъ за шесь тысячъ со всѣмъ товаромъ три лавки; получилъ съ ево купчую. Приходитъ въ свой балаганъ. — „Сынъ, — говоритъ: — я твои деньги издержалъ: купилъ домъ и три лавки“.—Сынъ ему сказалъ: „найми ты трёхъ прика̀шшыковъ; вотъ я тебѣ даю ешо двѣсти рублей на *про́питалъ*, а ты, мамонька, бери этотъ саквояжъ, деньги изъ ево береги, никуды не держи!“

8. Самъ отправился къ купцу въ домъ, къ Машѣ. Приходитъ Маша и говоритъ, што „нужно намъ съ тобой идти въ училишшо.“—Идутъ городомъ; дошли до эдакой

часо́веньки. Маша и говоритъ: „Давай здѣсь, Ваничка, отдохнёмъ, ся́демъ!... — Не для́ тово я стала отдыхать, а сдѣлаемъ мы съ тобой за́писи, што ты *покро́мѣ* меня никово́ не бери и я покро́мѣ тебя никово́ не возьму!“—Она вынимаетъ бумаги и каранда̀шъ, давай живо писать, што „я покро́мѣ Ивана Васильича ни за ково не пойду“. Онъ также: „покромѣ я Маши тоже никово не возьму“.—Взяла́ она эту запись, поло́жила за икону: „будетъ у насъ Мать Пресвятая Богородица въ порукахъ“.

9. Потомъ онѣ отправились въ улилишшо. Немножко тамъ, недѣльку по́жили, онъ и говоритъ: „Маша, я схожу, разгуляюсь куда-нибудь?“—„Можошь, можошь, Ваничка!“—Приходитъ къ етой само́й часовенькѣ, три разъ подходилъ,—икона ево не допушша́етъ за̀пись взять (ему хотѣлось себѣ взять её).—„Што же я! я человѣкъ поучёной; меня икона не допушшаетъ, стало быть законно излажено; пойду обратно въ училишшо, не стану брать!“—Приходитъ; Маша и говоритъ: „куды жо ты, Ваничка, ходилъ?“—„Да, Маша, тебя оммануть можно, а Бога не омманешь! Ходилъ я къ часовенькѣ, хотѣлъ записи взять,—икона меня не допушша́етъ“.—Маша сказала: „ишо ты не увѣряешь?“—„Теперь я, Маша, никогда думать не буду, надёженъ буду, што ты желаешь за меня замужъ“.

10. Черезъ недѣлю послѣ етова дѣла Царь пишетъ письмо Ивану Васильичу являцца на службу (безо вся́кихъ *оза̀дковъ*, не отговаривацца, значитъ). Ивана Васильича горе ошибло; запрёгъ ямскихъ лошадей, Машѣ не пояснилъ и уѣхалъ. Маша ждётъ день и два и съ недѣлю,—Иванъ Васильичъ нейдётъ въ училишшо. Маша *то* подумала: „непремѣнно хто-нибудь смѣтилъ, што у ево деньги, хто-нибудь ево убилъ; живова нѣтъ видно до́ма“.—Ученику́ сказала, што „вы́пишите меня изъ училишша; не буду я здѣсь прожива́цца; отправлюсь я теперь домой“.—Маша приходитъ домой.—„Я, тятинька, теперь дома буду проживацца; будетъ учицца“.—Проситъ у родителя лошадку по́ городу ката́цца. Отецъ приказалъ запрекчи кучеру; ся́ла Маша, по́ городу ѣздитъ—замѣчаетъ и къ ево дому подъѣжжаетъ; спрашивала.—„Мы и сами не знаемъ, гдѣ“. (Про Ивана Васильича всё спрашивала).

11. Она послѣ этова уда́рилась хвара̀ть: найти ево не

могла нигдѣ. Дохтура́ её по́льзовали, ничѣмъ не могутъ вы́лѣчить: день отъ о́ дню всё ей хуже, не стала не ѣсь, не пить. Былъ отставной дохтуръ Василей Петровичъ, приходитъ, её хворь узналъ, што она отъ чево хвора̀тъ. До́хтуръ сказалъ купцу, што „твоя дочь не хвораетъ!“—Купецъ сказалъ: „какъ не хвораетъ? не пьётъ, не ѣсъ?“—„Нѣтъ, не хвораетъ,—говоритъ:—на то я тебѣ скажу, ты осердишься, што она не хворатъ отчево“.—„Не осержуся, скажи только!“—„Непремѣнно у тебя какой-нибудь человѣкъ прикашшыкъ хорошой или нѣтъ ле дружка какова хорошова? она въ человѣка влюблена̀, ево не видитъ, оттово и хворатъ“.—„Да и вѣрно ты сказалъ: она теперь не видитъ Ивана Васильича, онъ отправился на службу; непремѣнно онъ ей не сказался, непремѣнно она отъ ево и хвораетъ, въ тоску вдалася! Скоро я ево *обрачу*: братъ у меня служитъ губернаторомъ, онъ напишетъ письмо царю: царь ево вернётъ обратно къ намъ“.

12. Купецъ живо письмо написалъ брату: „попроси Ивана Васильича домой! племянница плохая, тоскуетъ объ Иванѣ Васильичѣ“.—Письмо приходитъ. Губернаторъ приходитъ къ царю на совѣтъ объ своей племянницѣ.—„Ваше Царское Величество, я Васъ прошу усердно: нельзя ли отпустить Ивана Васильича къ моёму брату? записная ево невѣста объ имъ тоскуетъ, хвора̀тъ шипко“.—„Очень онъ мнѣ дорого стоитъ—отпустить ево домой. Если желаетъ твой братъ, пушай высылаетъ по тысчѣ рублей въ годъ, а такъ не отпушшу!“—Братъ посылаетъ письмо: „желаешь если зятя назва̀нова достать, такъ высылай тысчу рублей въ годъ!“

Купецъ заканве́ртилъ четыре тысчи рублей и посылаетъ къ царю, штобы непремѣнно поскорѣе выслали Ивана Васильича; на четыре года сразу откупа̀етъ. Приходятъ деньги къ царю. Царь требуетъ ево къ себѣ: „Откупилъ тебя тесть на четыре года; ты теперь отправляйся въ свой родной городъ!“—На ямскихъ онъ ѣхалъ, торопился домой. Прогоны стоятъ што-небудь,—онъ втрое платилъ, только какъ-нибудь да скорѣе доѣхать. Послѣдню станцію сталъ доѣзжать,—Маша ево кончилась (померла). Онъ ямшыку втрое платилъ, штобы ѣхалъ какъ можно скорѣе, штобы до нево не могли схоронить.

13. Пріѣзжаетъ къ купцу прямо въ домъ. Разсчитался съ ямшико́мъ. Купецъ вышолъ ево стрѣчать.—„Да, Иванъ Васильичъ! не заста̀лъ свою невѣстку, ко́нчилась!“—„Што подѣлашь? Всё таки захватилъ, не схоронили!“ — Заходитъ въ ево пола̀ты. Она лёжа́ла на стола́хъ. Онъ велѣлъ убрать гробъ и всѣмъ выйти изъ ко́мнаты. Подходитъ къ Машѣ, громко сказалъ: „што́ ты задумала? я пріѣхалъ къ тебѣ на житьё, ты помира́ешь!“—Маша сбро̀сила глаза́, глядѣла на ево. Онъ повторилъ ей, ишо́ скричѣлъ попушше. Маша сказала: „неужели ты ето, Иванъ Васильичъ, ко мнѣ явился?“—„Да, я!“ говоритъ.

Она попросила у ево што-нибудь напицца: „у меня,—говоритъ:—всё запекло́сь; я говорить съ тобой не могу!“—Онъ по́днялъ её, напоилъ и на́чалъ по ко́мнатѣ водить. Не утерпѣли родители, приходятъ въ комнату, глядятъ—дивя́цца. И онъ велѣлъ убрать, што́ ей припашо̀но (гробъ), а то испуга̀цца! и не велѣлъ ей говорить про ето. Сказала Маша: „што́ ты поѣхалъ — не сказалъ мнѣ? я бы отправилась съ тобой жо! Теперь я не отпушшу́ отъ себя никуды́ тебя!“ — „Я откуплёной на четыре года; теперь въ четыре года не пойду никуды отъ тебя!“

14. Она прожила съ мѣсяцъ, напра̀вилась по-старому, какъ есь. Онъ ей и говоритъ: „Маша, я отправлюсь къ своими родителямъ, скажу, што я здѣсь проживаюсь: онѣ будутъ знать“. — Она ему позво̀лила, только не на до́лгое время. Иванъ Васильичъ приходитъ къ своими родителями, сказалъ. Родители на̀чали ево угошшать. Хотѣлъ послѣ етова лавки повѣрить; долго *загужа́лся.*

Къ купцу пріѣзжаетъ королевской сынъ изъ и́нныхъ земель, сватать дочь. Купецъ съ купчихой совѣтовали: „чѣмъ отдать за Ивана Васильича, лучше отдать за королевскова сына! по крайней мѣрѣ, имѣть будетъ державу“ (за̀писи наруши́ть охо́та). — Призывали свою дочь въ свою комнату, гдѣ у нихъ совѣтъ: „Дочь, хочемъ мы тебя отдать за королевскова сына!“—„Хоть за ца̀рскова, и то не пойду! На то у насъ и сдѣланы записи, што я не хочу наруши́ть, и за Ивана Васильича пойду!“ — „На это я не погляжу́, — отецъ сказалъ: — прикажу́ отдать тебя, завязать прикажу́ тебѣ глаза и отправлю въ *глухо́й* повозкѣ!“

Она посылала лакейку скорѣ за Иваномъ Васильичемъ,

штобы везли́, а то не захва́титъ! Лакейка приходитъ, Ивану Васильичу объясня́тъ, што пріѣхалъ королевской сынъ, отдаютъ за ево Машу; *айда́*, скорѣе захва́тывай! — Иванъ Васильичъ сказалъ: „што́ я за дуракъ, пойду? она вѣдь мнѣ не жена, когда выдаётъ, пущай выдаётъ!“

15. Иванъ Васильичъ сходилъ за такимъ слесаремъ, приковать сундучокъ велѣлъ къ каретѣ поскорѣе. Сходилъ на ямской домъ, привёлъ тройку лошадей, запрёгъ въ карету. Былъ трахти́ръ противъ этова самова купца; пріѣзжаетъ въ трахтиръ сначала. Сталъ вылѣзать. Маша глядитъ, што „не ко мнѣ пріѣхалъ, а гдѣ не надо, тутъ пріѣхалъ!“—Только заходитъ онъ въ трахтиръ, Маша заревѣла дурнымъ голосомъ; го́ре её ошибло. Иванъ Васильичъ услы́шалъ её рёвъ. — „Стало быть Машу не́честно везутъ! а я зашолъ въ трахти́ръ!.. Худыхъ рѣчей я не говорилъ, можно и выйти!“ — Выходитъ изъ трахтиру Иванъ Васильичъ, садицца въ карету.

Завезали Машѣ глаза и повезли въ королевство. Онъ хъ кучеру своёму сказалъ, што „*айда́* за ними до станціи! я заплачу́ тебѣ“.—И вотъ онѣ ѣдутъ; лошадей перемѣня́ютъ, также и онъ перемѣня́тъ, до самова ѣдетъ мѣста. Королевской сынъ догадался:—„Што такое, съ самова мѣста и заѣхалъ въ нашу державу! ѣдетъ какой-нибудь *хи́тникъ*, дѣло не ла́дно!“ — Заѣхалъ въ свою крѣпось, а дежурному приказалъ послѣднюю карету не пущать!

16. Иванъ Васильичъ ѣхалъ по край городу; увидѣлъ такой пятистѣнной домикъ, стано́вицца кварте́ровать въ этотъ домъ (выпросился на фатеру). Въ этѣмъ дому живётъ одна старуха, никово больше нѣтъ. Старухѣ подаётъ четвертну́ю, сходить велѣлъ на рынокъ: „сходи, купи *бисе́рту*!“ — Прино́ситъ она; *оставши́й* деньги подаетъ ему. — Будутъ они твои деньги, клади ихъ въ свой сундукъ!“

Послѣ этова онъ даётъ ей со́тенную и говоритъ: „сходи, ба̀ушка, узнай, у королевскова сына невѣста жива́, али нѣтъ? Если жива, приходи домой, ничево не надо!“ (Онъ и доро̀гой хотѣлъ укрась, да никакъ не могъ). — Старуха цѣльной день добивалась, никакъ не могла добицца: што жива или нѣтъ: деньги не берутъ. Старуха по ве́черу приходитъ такъ. Подаётъ старуха, приноситъ деньги назадъ; онъ не берётъ: „да́то тебѣ,—говоритъ:—клади въ сунду́къ!“

17. Онъ ночь переночевалъ; утромъ здумалъ самъ идти узнать. Взялъ денегъ съ собой не мало, отп̓равился самъ. Подходитъ къ крѣпости; рöецца старикъ у крѣпости (керкòй, лопàткой). Старикъ на нево свирѣпо (не *бáско)* смотрѣлъ, сказалъ: „што тебѣ, молодецъ, надо?“—Молодецъ сказалъ: „нужно бы мнѣ посмотрѣть королевскую невѣсту! какъ добицца?“ — „Што непожалѣешь ты поглядѝть невѣсту?“ — Иванъ Васильичъ вынимàлъ ему сто рублей денегъ, подавалъ старику. Старикъ сказалъ: „если сто рублей ты мнѣ пòдалъ, такъ увѝдишь. Нà вотъ, ѣшь эту я́году, и сдѣлаешь [sic] ты сначала старикомъ; а если хочешь молоды́мъ, то вотъ я тебѣ ишо инова сорта дамъ ягоду: съѣшь эту, и будешь ты молодой“. — Сначала съѣлъ онъ старова сорту ягоду, сдѣлался старикомъ. — „Давай дѣдушко, ешо одёжой перемѣнимся съ тобой!“

18. Потомъ онъ пошолъ край крѣпости. Приходѝтъ къ крѣпостнымъ ворóтамъ Иванъ Васильичъ. — „Дежурной, пропусти старика въ крѣпось!“ — „Проходи, проходи, старичокъ!“ — Подходитъ (близъ королевскова дóму стоятъ салдатовъ *ширѝнка)* онъ къ лавкѣ, взялъ онъ кня́жеской одéжды на себя. Съѣлъ другую ягоду, сдѣлался молодымъ. Приходитъ: близъ королевскова дому стоятъ толпа салдáтовъ; видятъ, што идётъ чужестрàнной князь, вы́дали (воздáли) ему чесь. Тогда онъ вынималъ изъ кармàну сто рублей, подавалъ *имя́* въ *гостѝнцы.*

Сказалъ Иванъ Васильичъ: „А што, королевской сынъ дóма или нѣтъ?“—„Королевской сынъ уѣхалъ въ руськую державу за тéстёмъ: когда привезётъ тестя, тогда будетъ вѣнчàцца“. — „Можно ли въ ево палаты зайти?“ — „Иди, никто тебя на стѣснѝтъ; *адá*!“ — Зашолъ онъ въ королевскіе палаты; сидятъ ѝхи енарàлы; увидáли чужестраннова князя, чесь вóздали ему; онъ подавалъ триста рублей денегъ *имя́*, приказалъ *имя́* роздѣлить по себѣ. — „Экой добродѝтельной князь!“—Сказалъ Иванъ Васильичъ: „а што, господа енаралы, нельзя ли королевскую невѣстку посмотрѝть?“ — „Можно“. Дежурному приказали ему показать.

19. Дежурной сказалъ: „иди за мной!“ — Доводитъ онъ до едакова калидóрцу: она съ дѣвушками сидитъ *уважàецца*, и передъ *имя́* музыка стоѝтъ. Онъ подходитъ и говоритъ:

„Здраствуёшь, Маша!“ — „Ахъ, Иванъ Васильичъ, неужели это ты?“ — „Да,—говоритъ: — я!“ — Маша пала на̀ полъ и съ душой розсталась. Иванъ Васильичъ видитъ, што дѣло не ладно, здумалъ послѣ этова изъ ко́мнаты убирацца. Королю́ доло́жили, што Машѣ што-то сдѣлалось, знать ко́нчилась: вошолъ какой-то чужестра̀нной князь, только одно слово сказалъ, она и кончилась. Король сказалъ: „кто могъ ево безъ меня допустить?“ — Король приказалъ разыска́ть ево: „я ево *упеку*, гдѣ во́ронъ ко́сти не но́ситъ!“

Иванъ Васильичъ приходитъ въ туё лавку, гдѣ онъ оде́жду взялъ; *ло́поть* ету снялъ, свою́ старую одѣлъ; купцу́ сказалъ, што „если будутъ меня искать, тогда скажи, што „ми́мо моей лавки прошолъ чужестранной князь“. Дѣйствительно, не черезъ до̀лгое время спрашиваютъ у ла̀вошника, што „не проходилъ ли чужестранной князь?“ — „Недавно проходилъ мимо моёй лавки“.

20. Иванъ Васильичъ пошолъ къ старухѣ на фатеру. Идетъ и думаетъ: „Маша кончилась, и только! мнѣ не досталась, такъ и ему не доставайся!“ — Приходитъ къ старушкѣ, подаётъ четвертную, велѣлъ ей сходить взять *бисѐрту* побо́льше. Старуха взяла́ бисе́рту, а оставшіе деньги въ сунду́къ поло́жила. Въ ночь ничево хорошова не выдумалъ, а то выдумалъ, што пойду я во *дворецъ*, повѣшу петлю и самъ задавлю́сь.

Вышолъ на дворъ, написалъ на столбѣ по́дпись: „што у меня оста̀лось денегъ, нихто́ штобы не *вника̀лся*: были онѣ стару́хины деньги“. — „Задавицца мнѣ во дворѣ не го́дно: старуха будетъ боя́цца. А поду́ я на *во́лю* лучше задавлюсь!“ — Приходитъ онъ къ морю: „Вотъ мнѣ смерть хорошая! я плавать не умѣю, паду́ въ море, вотъ тебѣ и всево!“—Разулся, роздѣлся, сидитъ на берегу.

21. Вдругъ бѣжитъ къ нему звѣрёкъ. — „Всё равно мнѣ *ги́нуть!* погляжу, какъ будетъ меня звѣрёкъ рвать *(ись)*“.— Звѣрёкъ къ нему подбѣга́етъ, онъ не зробѣлъ, взялъ ка́мень, звѣрька убилъ самъ, *на́перво*. Не черезъ до́лго вре́мё бѣжитъ звѣрёкъ другой, ташшы́тъ въ родѣ золотой камень во рту; началъ етова звѣрька исцѣлять, по нему ка́мнемъ погла́живать. Не черезо мно́го времё убитой звѣрёкъ побѣжалъ вмѣстѣ съ этѣмъ со звѣрькомъ, оброни́лъ етотъ камень. Иванъ Васильичъ думаетъ: „камень етотъ хоро́шой;

если Машу схорóнятъ, я её исцѣлю́; погожý топи́цца!" — Надѣвалъ на себя рубашку и подштàники, а камень въ кармáнъ клалъ.

22. Отправился онъ въ городъ; задумалъ зайти въ питейное заведеніе. Въ питейномъ заведеніи сидятъ три пьянчю́шки, опохмѣлицца *имя́* нé на што. *То* Ваня смѣтилъ дѣло: приказалъ *цоловàльнику* четверть налить; цоловальникъ нáлилъ четверть, приказалъ Ваня сами́мъ *имя́* выпивать. Какъ напили́сь они вина, одинъ другому и говорятъ: „Ты што такой! я вѣдь, по крайней мѣрѣ, живописецъ, сресýю человѣка, какъ живóй, только не говоритъ!" одинъ выхвастался. А другой говоритъ: „я тоже не простой человѣкъ! я слесарь: штò только не увúжу, то *разъ* не излàжу!" — А трéтей говоритъ: „хоть за мной не ши́пко ремесло мýдро, но всё таки я кáменьшикъ: могу пéчи класъ и трýбы!"

Ваня вызвалъ ихъ на *ýлку* и говоритъ: „Вы знáите, што у царя невѣста померлá; вы украдьте мнѣ её, я вамъ дамъ по три́ста рублей денегъ!" — „Это для насъ што! Я отправлюся въ монастырь, возьму воску, сресýю изъ воску женьшину какъ живую!" — А другой говоритъ: „у меня свёрлы хорошіе, я могу стѣну *пробурли́ть*". — А каменьшикъ говоритъ: „што вы разломàите,—когда вы́тапшимъ, я залàжу!"— *То* онъ имя́ далъ пó сту рублей денегъ задáтку; „а если притàшшите, ишó по двѣсти дамъ! Вы́ташшыте мнѣ зá городъ, вотъ на такую-то *елàнь (ношны́мъ бытóмъ)!*"

23. Самъ отправился къ старушкѣ, приказалъ *бисóрту* купить побóльше. Зàписи со столба сшóркалъ, взялъ денегъ съ собой не мало, для запасу. Дò ночи доживаетъ, старушкѣ объясняетъ: „я сёднишню ночь погуля́ю, а *мóжотъ* придý не въ покàзное время,—такъ ты пусти́ меня!"—Приходилъ зá городъ, лёжалъ на *елàнѣ* ночь, дожидалъ ихъ. Приходятъ ношны́мъ бытомъ эти самые пьяницы къ королевскому дому, начали стѣну бурли́ть. Провертѣли, разломáли дырý порядошную. А дежурной увидáлъ и говоритъ: „Што-то мнѣ *блáзнитъ*: свѣтленько стáло; и поши́ре, —говоритъ:—дырà-та стаётъ... Али́ хто её утàшшытъ?—Да нихтò не пошевéлитъ! только мнѣ блáзнитъ", — говоритъ.

Одинъ залѣзъ, вы́нялъ её изъ гробу, раздѣлъ её изъ плàтья; пòдали ему восковýю, онъ её одѣлъ въ платье, полòжилъ въ гробъ, а Машу вы́нялъ на вòлю; *то* подсади́ли;

ка̀меньшикъ живо дыру зало́жилъ. Дежурной посмотрѣлъ: дыры́ не видать; „ну, вотъ да̀виче мнѣ бла́знило, а тепе́ре ничево́ не видать!"—Онѣ приносятъ Машу за̀ городъ. Ваня дожда́лся.—„Та́шшыте?"—„Та̀шшымъ!"—Прита̀шшы́ли; онъ далъ *имя́* по двѣсти рублей денегъ и говоритъ: „Братцы, вы меня не зна́ите и я васъ не знаю! *мотри́те*, не хвастайте, што я такое дѣло сдѣлалъ! а то вы должны́ подъ су́дъ попась за ето!"

24. Вынималъ онъ камень, исцѣля́лъ Машу. Маша не черезъ до́лгое время ста́ла. Маша на отвѣтъ сказала: „гдѣ я сижу и нагая пошто?" — „Сидитъ возлѣ тебя Иванъ Васильичъ; вотъ я дамъ тебѣ пальто́ и надѣвай мои коло́ши, пойдёмъ отсю́дова со мной на фатѐру!"—Приходятъ въ хорошую лавку, гдѣ онъ княжескіе оде́жды раньше бралъ; разбудили тогда ла̀вошника; купецъ сталъ, лавку отвори́лъ; тогда онѣ купили оде́жды у ево на жену и на себя на 500 рублей.

Приходятъ на кварте́ру къ старушкѣ, стучѣлись; старушка выбѣга́ла, ихъ пустѣла въ и́збу. — „Ба́ушка, мы не на до́лгое времё въ особой ко́мнатѣ пріодѣнемся, *тожно́* на насъ посмотри́!" — Надѣла она хорошое на себя пла̀тье, хорошую тамъ шаль, и также онъ надѣлъ на себя княжескую одежду. Иванъ Васильичъ сказалъ: „баушка, нѣтъ-ли у тебя чево закусить?" — Давала она всякова *бисе́рту*, подноси́ла *имя* закусить жаренова и па́ренова. Напи́лись наѣлись, лягли́ въ го́рницу (въ спальну) спать. — „Маша, будетъ ужъ, времё вышло! теперь можно и блудъ сотворить съ тобой".

25. До утра́ доживаютъ. Королевской сынъ привозитъ своево̀ тестя (вѣнчацца хотѣлъ); объясни́ли ему, што Маша ко́нчилась. Купецъ ужъ затѣмъ, што схорони́ть, остался. Дали знать по́ городу всѣмъ, штобы шли на по́хороны. — „Маша, *али́* мы сходимъ съ тобой на похороны?" — „Што ты, Иванъ Васильичъ, тебя узна̀ютъ—убьютъ, а меня всё-таки отберутъ!" — „Надѣнешь на своё лицо чёрную сѣтку, а я сряжу́сь въ княжескую одежду! Хто же меня призна́етъ?"—Рѣшились; пришли въ короле́вскіе пола́ты и сяли проти́въ тестя и тёшшы. Купчиха *струмени́лась*, глядитъ на Ивана Васильича и признаётъ ево; и говоритъ купцу, што „ето — Иванъ Васильичъ!" — А купецъ говоритъ: „ты не

смѣй говорить! чужестра́нной князь! ма̀ло ле лицо́ въ лицо́ нахо́дицца (прихо́дитъ)? Ты надѣлаешь тутъ згва̀лу!“ — А купчиха говоритъ: „это, отецъ,—говоритъ:—наша дочь съ имъ сидитъ!“ — „Што́ ты за дура? наша дочь въ гробу́ и пла́тье нашо на ей!“

Сталъ королевской сынъ по бака̀лу обносить. Подноситъ Ивану Васильичу бака́лъ водки ко̀ролевской сынъ и говоритъ: „Прими, го̀сподинъ князь, за упокой Машиньки!“ — А князь говоритъ, што „проздравля́ю я тебя съ зако́ннымъ бра̀комъ съ Ма́шой!“ (На смѣ́хъ онъ ему сказалъ). *То* сказалъ королевской сынъ: „што́ мнѣ, бе́стія, такіе слова̀ выража́шь? я тебя туда́ *запеку́*, гдѣ во́ронъ ко́сти не но̀ситъ!“ (Не злюбѣлося!).

26. Поташшы́ли её на кладби́шшо. На кладби́шшо принесли, Иванъ Васильичъ говоритъ королевскому сыну: я тебя хочу спросить, ково́ ты *коро̀нишь?*“—Королевской сынъ сказалъ: „я короню́ Машу, свою невѣстку!“—А князь говоритъ: „если ты свою Машу коро̀нишь, то я тебѣ свою го́лову даю на подсѣче́нье! а если — не Машу, то я съ тебя голову снима̀ю! въ тѣмъ распишешься менѣ?“—Королевской сынъ согла́стенъ на ето былъ (за̀писи сдѣлать). Сдѣлали записи.— „Ро̀дители, распишитесь въ нашемъ дѣлѣ! не препятствуйте, штобы никакова суда не было! (зако̀нно дѣло),“ князь говорилъ. Приказалъ ихимъ свяшше́нникамъ расписа̀цца, также и енара́лами, штобы не препя́тствовали въ этѣмъ дѣлѣ.

27. Спрашивалъ князь Иванъ Васильичъ отца ма̀тери сначала, што „признаёте ли? ва̀ша ли ето дочь лежитъ въ гробу?“—Купецъ съ купчихой сказали: „наша дочь лёжитъ, на̀шо и платье!„ — Королевской сынъ было саблю нанёсъ, хотѣлъ го́лову снести́, — онъ ему не́ далъ. — „Погоди́ ишо́, ра̀но! Я обслѣдовать тѣло хочу! Господа дохтура̀, нужно отнять руку и обслѣдствовать тѣло мёртвое!“ — Дохтура̀ отрѣзали руку: запёхнуто дерево, а нали́пленъ воскъ; дохтура́ не призна́ли за тѣло.

„А што ты, господинъ королевской сынъ, не жела̀ешь ли живую Машу посмотрѣть?“ — Ко̀ролевской сынъ сказалъ: „гдѣ я её возьму́ — погляжу́ на неё?“ — Приказалъ Машѣ: „сними съ себя сѣтку!“ — „Гдѣ жо ты её взялъ?“ — Тогда онъ *палы́снулъ* своей са̀блей, снялъ съ ево го̀лову; „вотъ я гдѣ её взялъ!“ говоритъ. — Тогда закричѣли всѣ: „бра́во,

браво и браво! законно сдѣлалъ!“ говоритъ. — Купчиха купцу тогда говорила: „вотъ я, *отецъ*, тебѣ правду сказала, а ты не повѣрилъ!“

28. Король тогда сказалъ: „Господинъ князь, живи въ моѣмъ городѣ намѣсто сына, и я также возьму эту твою невѣстку на мѣсто дочери; и будешь ты у меня править, проживáцца въ моѣмъ городѣ намѣсто сына!“ — „Не врéмё мнѣ здѣсь служить, а я ишó у руськова госудàря должòнъ служить! у меня ешо служба не кóнчена!“—Начáлъ тестя онъ стыдить и тёшшу: „Безстыдникъ ты такой,—говоритъ:— откупилъ меня на 4 года, а потомъ вздумалъ смѣяцца—вы́далъ за другóва! (Смѣёшша надо мной!“ говоритъ). — Отправился домой (со старухой расчитался). Пріѣхалъ домой повѣнчáлся; женился и сталъ поживать.

---

12. [Иванъ царевичъ и его невѣста волшебница].

1. Иванъ царевичъ пошолъ на охоту. И ходилъ онъ недѣли двѣ, заблуди́лся. Стоитъ избушка. Нечаянно въ эту избу́шку онъ зашòлъ. Въ этой избушкѣ живётъ старушка одна себѣ. Старуха эта говоритъ: „Вотъ што, Иванъ царевичъ, ко мнѣ сейчасъ гости приходятъ; я занавѣской тебя прикрóю, ты подъ лавкой сиди, не выгля́дывай!“ — Иванъ царевичъ залѣзъ подъ занавѣску. При́были къ этой старушкѣ три дѣви́цы. Дѣвицы какъ заяви́лись, и сказали: „Ахъ, у тебя гось, баушка, есь!“—А она говоритъ, што „у меня гостя никаќова нѣтъ!“—„Чё намъ сказывать? мы знáемъ!“ — Дѣви́цы разговаривать не стали, вороти́лись и ушли.

Иванъ царевичъ вылѣзаетъ изъ-подъ лавки, говоритъ старушкѣ: „изъ трёхъ одна очень хорòша, мнѣ *поглянýлась*! нельзя ли её замужъ взять?“—„На слѣдуюшшой разъ,“— старушка сказала:—„придутъ онѣ, такъ я скажу *имя́*, што не желáютъ ли зáмужъ идти за Ивана царевича?“

2. Онѣ во второй разъ прилетаютъ. Двѣ остались на дворѣ, а одна зашлá въ избу. Дѣви́ца сказала: „всё ешо у тебя гóст’ётъ гости́тъ?“—„Гось у меня не простой, а Иванъ царевичъ! не желаешь ли ты за ево зáмужъ?“ — А дѣвица отвѣтила, што „я у сестёръ спрошу, потомъ скажу!“ — А старуха говоритъ [Ивáну царевичу]: „у нихъ долго этакъ

не добьёшша (не дождёшша)! поди жо ты къ морю: есь на мо́рѣ старой кора́бъ, ты залѣзь въ этотъ кара́бъ! Потомъ онѣ прилетя́тъ голубя́ми, пла̀тья съ себя сбросятъ. Есь одна изъ ихъ дѣви́ца, а двѣ замужнихъ; ты смотри: замужніе пла́тья бросятъ вмѣсто, а дѣви́ца врозь".

3. Иванъ царевичъ заяви́лся на кора̀пъ. Прилетѣли, платья бросили—замужніе вмѣстѣ, а дѣви́ца врозь. Иванъ царевичъ спряталъ платье дѣви́цы. Выкупались. Замужніе одѣлись. Сказала дѣви́ца: „вы, се́стрицы, отправьтесь, я оста́нусь!"—Онѣ улетѣли, она осталась и говоритъ: „выбрось платье, я пріодѣнусь, и потомъ приходи ко мнѣ: если ро́вня моя, такъ будь мужъ мнѣ, а если старше,—братъ родной!"—Она пріодѣлась, онъ къ ей вы́шолъ. Видитъ, што ро́вня, за ручку взяла́, поздоро́валась и въ уста́ поцѣловала ево. Дѣвица сказала: „*откуль?* какой?"— „Я человѣкъ не простой, а Иванъ царевичъ, *заблудя́шшой* человѣкъ; а желаю тебя взять въ заму́жество за себя".

4. И она сдѣлалась согласна; перебро́сила съ руки на̀ руки кольца свои, — изъ кольца̀ выскочило три ухорѣза. — „Што ты насъ поклика́шь? на какіе работы посыла́шь?" — „Придоставьте, здѣсь штобы сечасъ были ла́гири и самова́рчикъ готовъ и жаренова-па́ренова!" — Живо всё готово сдѣлалось. Она скричѣла своими слу́гами: „исправьте мнѣ кора̀пь, могъ штобы бѣгать и моря́ми, и поля́ми (луга́ми), и лѣса̀ми!"

5. Пріѣзжаютъ къ иё до́му; остановила она карапь. Сказала дѣвица: „я живу вотъ въ этѣмъ домѣ. Ты сходи къ моёму отцу: подойди къ поратнему крыльцу и скажи, што „прими, баринъ, нечаянно́ва го́сьтя къ себѣ". (Она живётъ одна, въ особенномъ домѣ, эта дѣвица). Онъ подходитъ къ поратнему крыльцу, кричѣлъ, што „баринъ, прими меня, нечаяннова госьтя: молоде́цъ не простой, а Иванъ царевичъ!"—Баринъ скричѣлъ своихъ сорокъ слугъ: „Слуги, натаскайте въ комнату гороху и сутки *уважа́йте* ево—ползайте на колѣнкахъ (на гороху)!"

6. Слу́гамъ невозможно стало ползать по гороху.—„Пойдёмте въ *подтюре́мокъ* къ Васькѣ Большеголовому: онъ намъ чево-нибудь скажетъ!"—Онѣ, всѣ сорокъ человѣкъ, пришли къ подтюре́мному за́мку, скричѣли: „Васька Большеголовой, навяза̀лся къ намъ Иванъ царевичъ! не знаешь ли,

чѣмъ (какъ) ево выжить изъ комнатъ?" — Васька Большеголовой сказалъ: „дайте по́ сту рублей! я скажу, што сеча́съ ево баринъ вы́гонитъ". — Онѣ о̀тдали ему сорокъ сотельныхъ. — „Вотъ што, робята, вы скажите, што онъ намъ похва̀стался сдѣлать корапь—штобы онъ могъ бѣгать и луга́ми, и моря́ми, и лѣсами. Гдѣ ему ето сдѣлать?!"

Приходитъ сорокъ человѣкъ, кричѣли всѣ вразъ: „баринъ, намъ Иванъ царевичъ вотъ чѣмъ похва̀стался: што можетъ онъ сдѣлать корабъ — штобы онъ могъ бѣгать и луга́ми, и моря́ми, и лѣсами!" — „Призовите ево сюды́, я самъ спрошу́!"—Приходитъ Иванъ царевичъ.—„Иванъ царевичъ, ты выхва́стываешша передъ моими слугами, што можешь исправить такой кара̀пъ, штобы онъ могъ бѣгать и луга̀ми, и моря́ми, и лѣсами... А не исправишь, я тебѣ заутра̀ и голову сказню́!"—„Ну, ладно; до утра́ дѣло про̀длицца, утромъ што будетъ!"

Приходитъ къ ево дочери въ комнату и говоритъ: „Родитель твой за̀далъ мнѣ зада́чу — исправить корабъ, штобъ онъ бѣгалъ и морями, и луга́ми и лѣсами"...—„Это не твоё дѣло: утромъ ставай, всё готово будетъ!"—Поутру́ стаётъ, карабъ готовой. Сказала дѣвица: „поди къ барину, покатайтесь на кораблѣ!"—Приходитъ Иванъ царевичъ: „Карабъ готовъ. Баринъ, давай садись, съѣздимъ поката̀мся!"—Сяли на этотъ корабъ, *на́перво* поѣхали морями, потомъ пересѣли луга́ми, потомъ лѣса̀ми; пріѣзжаютъ наконецъ домой.

7. Скричѣлъ баринъ своими слу́гами: „сорокъ слугъ, натаскайте ишо болѣе тово гороху, потчуйте ево двое сутокъ всякими *бисѐртами!*" — *Имя́* сдѣлалось трудно. — „Подёмте, ребята, къ Васькѣ Большеголовому: онъ намъ скажетъ, чѣмъ вы́жить ево!"—Пришли къ Васькѣ Большеголовому, скричѣли всѣ вразъ: „Васька Большеголовой, што ты приказалъ, онъ испра́вилъ!"—„Отдайте мнѣ теперь по двѣсти рублей де́негъ: я што скажу, ему во вѣки не испра̀вить, ево баринъ завтра же вы́гонитъ!"—Отдали онѣ по двѣсти рублей денегъ. Сказалъ Васька Большеголовой: „вотъ што, робята, скажите, чѣмъ похва́стался онъ намъ: на болотѣ посѣю хлѣбъ, и въ ночь этотъ хлѣбъ роди́цца и поспѣетъ; штобы и выжать и *склась* и поутру изъ свѣжева хлѣба булки штобы готовы". — „Ну, ребята, Васька Большеголовой выдумалъ, намъ бы не вы́думать!"

Приходятъ всѣ сорокъ человѣкъ къ барину, скричѣли всѣ вразъ: „Баринъ, намъ Иванъ царевичъ вотъ чѣмъ хвастался: на болотѣ посѣю хлѣбъ, и въ ночь этотъ хлѣбъ родицца и поспѣетъ, штобы и выжать и складь, и поутру изъ свѣжева хлѣба булки штобы готовы". — Баринъ приказалъ ево призвать къ ему. — „Што ты, Иванъ царевичъ, слугами хвасташша, а мнѣ ничё не говоришь?.. Штобы ты посѣялъ хлѣбъ на болотѣ и въ ночь штобы хлѣбъ поспѣлъ и поутру у тебя штобы булки изъ хлѣба были готовы!"— „Што ты, што ты, баринъ?" говоритъ. — „А не сдѣлашь, я тебѣ и голову сказню!"—До утра дѣла будетъ, утромъ што будетъ!

Приходитъ онъ къ ево дочерѣ, обсказываетъ ей: „Родитель твой задалъ мнѣ задачу вотъ какую: штобы посѣялъ хлѣбъ на болотѣ и въ ночь штобы хлѣбъ поспѣлъ и поутру штобы булки изъ хлѣба были готовы!"—„Это не твоё дѣло: лёжись спать, утромъ всё готово будетъ!" — Поутру стаютъ,—у ей ужъ и булки поспѣли. Приноситъ барину изъ свѣжева хлѣба калачи. Баринъ глядѣлъ на болото: много кладéй накла́дено. Дивился этому дѣлу. (Онѣ устроятъ, нечистые-то ду́хи).

8. Скричѣлъ баринъ: „сорокъ слугъ, подчуйте этова человѣка трое сутокъ! натаскайте болѣе тово гороху, на колѣнкахъ ползайте—уважа́йте ево!"—Ползали трои сутки, заболѣли ихи колѣнки.—„Подёмте, ребята, ешо къ Васькѣ Большеголовому! онъ вы́думатъ: сживать надо ево какъ-да-небудь!"—Пришли всѣ сорокъ человѣкъ, скричѣли въ одинъ голосъ! „Васька Большеголовой, што ты сказалъ, онъ и сдѣлалъ!"—„Ну, сёдни скажу, не сдѣлать никовда! Отдайте вы мнѣ северодня по триста рублей съ человѣка, *тожно* я выдумаю!" (Ладно онъ себѣ де́негъ-то *грудитъ*!). Онѣ отдали по триста рублей денегъ.

Васька Большеголовой сказалъ: „выстрою я сере́дь моря цѣръкву, и штобы были попы и дьякй, поутру и звонъ готовой былъ бы; отъ етой церъкви до дворца исправить хрустальной мостъ, а на мосту штобы на каждомъ поворотѣ по ёлочкѣ стояли, на этѣхъ ёлкахъ штобы сидѣли разные птицы и пѣли разными голосами!"—Приходятъ онѣ сорокъ человѣкъ вразъ къ барину, скричѣли всѣ вразъ: „Вотъ намъ Иванъ царевичъ чѣмъ хвастацца: „выстрою

я середь моря церъкву, и штобы были попы и дьяки, поутру и звонъ готовой былъ бы; отъ етой церъкви до дворца исправитъ хрустальной мостъ, а на мосту штобы на каждомъ поворотѣ по ёлочкѣ стояли, на этѣхъ ёлкахъ штобы сидѣли разные птицы и пѣли разными голосами!" (Всё высказали). — „Што онъ за чудакъ! *Тупа́йте*, зовите ево сюды, я ево спрошу самъ!" — Приходитъ Иванъ царевичъ. — „Што ты за чудакъ: моими слугами хвасташша, а мнѣ ничё не говоришь! На возмо́рьѣ выстроить хвасташша це́ръкву, штобы были попы и дьяки, поутру и звонъ готовой былъ бы; отъ етой церъкви до дворца исправить хрустальной мостъ, а на мосту штобы на каждомъ поворотѣ по ёлочкѣ стояли, на этѣхъ ёлкахъ штобы сидѣли разные птицы и пѣли разными голосами!" — „Што ты, што ты, баринъ! гдѣ мнѣ это дѣло сдѣлать?" — „А не сдѣлашь, я тебѣ *заутра̀* голову сказню!" — „Ну ладно, до утра; утромъ што будетъ!"

Приходитъ, своёй невѣстѣ это всё обсказыватъ. — „Ну, это не твоё дѣло!" — Невѣста поставила чашку: „давай севодня плюй въ чашку слюней!" — Онѣ въ ночь наплевали полную чашку. Она вылѣзла въ трубу и ево выняла, а окна запечатала. Пошли онѣ въ руськое государство съ имъ. (Повела ужъ она ево домой: жить невозможно тутъ стаётъ). — Поутру баринъ поглядѣлъ, видитъ на возморьѣ церъковь и отъ етой церъкви до дворца хрустальной мостъ...

9. Приказалъ слугамъ гадательную книжку подать: „хто ему пособляетъ?" — Поглядѣлъ въ гадательную книжку, узналъ, што ему дочь помогаетъ. На это онъ осердился; сказалъ слугами: „*тупа́йте* спросите: што есь *ле* онѣ дома? — товда затопите баню!" — Слуги подходятъ къ дому, скричѣли: „дома ле вы?" — А слюни отвѣчаютъ въ чашкѣ, што „дома". — Онѣ приходятъ къ барину: „онѣ дома; што прикажешь?" — „Истопите теперь пожарче баню!" (Я, говоритъ, ево изжарю и съѣмъ! ишь чё думатъ!). — Онѣ истопили, изготовилась баня; слугъ посылаетъ за имъ. Слуги приходятъ: „што вы долго спите, не открываите о̀кна? дома ли вы?" — А слюни не отвѣчаютъ: у нихъ сила вышла уже. Тогда онѣ открывали окна и смотрѣли, што ихъ дома нѣтъ. Сказали барину:

10. „Подайте мнѣ гадательную книжку: я посмотрю, гдѣ онѣ есь?“—Глядитъ онъ въ книжку; доказыватъ ему, што онѣ въ путѣ: идутъ въ руськое государство. Посылаетъ своихъ слугъ: „если вы догóните, воротúте ихъ назадь!“—Слуги, всѣ сорокъ человѣкъ, поѣхали; „догонимъ, такъ мы имя́ дадимъ жару!“ —Стали ихъ догонять; она оввернула ево стожкомъ, сама—*остóжьемъ*. Онѣ взадь-вперёдъ проѣхали, никово окромѣ етова стожка не видали. Пріѣхали къ барину, обсказываютъ: „мы никово не видали, окромѣ— стоитъ стожокъ, остожье, больше никово!“—Баринъ сказалъ, што „вы бы везли жердь, мы бы ихъ воротили. *Тупáй*, везите жердь! мы воротимъ ихъ“.

Онѣ во второй разъ поѣхали. Она услыхала погоню.— „Мила ладушка, за нами погоня ѣдетъ!“ говоритъ. Обворотила ево коровой, а сама сдѣлалась старушкой, сяла подъ ево и давай доить. Онѣ поѣхали, старушку догоняютъ, поздоровались, старушки спросили: „Баушка, не видала ли—проходили молодéцъ съ дѣвицей?“—„Не видала, нихто и не проходилъ“.—Воротились онѣ, обсказываютъ (все) барину.

11. Баринъ: „васъ нечево посылать! послать надо свою *хозяйку*, она васъ лучше догонитъ!“ (Хозяйка у ево людоѣдка, волшéбница хитрая). „Призвать хозяйку ко мнѣ на лицо!“ Баринъ свою хозяйку посылаетъ: „когда она не спросилась у меня, выходитъ за Ивана царевича, *тупай* ихъ вороти назадь!“—Мать полетѣла. Сразу узнала она: „погоня за нами не простая, а летитъ мамонька родная“.— Перебросила она съ руки на руки кóльца, выскочили три ухорѣза: „што ты насъ покликашь, на каки работы посылашь?“—Сказала ета дѣвица: „пропусти огненную сечасъ рѣку, а за огненной рѣкой штобы были *лàгири*! наташшыть всякова *бисéрту*!“ (отдыхъ здумали).—Прилетѣла мать къ рѣкѣ: „Ахъ, дочь, я летѣла васъ благословить, а ты вотъ што сдѣлала, не допушшашь меня до себя!“—„Ты хúтница, ты должна насъ сгубить обоихъ!“—„Нешто я не сдѣлаю! только благословлю и повидаюсь съ Иваномъ царевичемъ; допусти меня посмотрѣть жениха!“—Дочь приказала своими слугами: „не допустить, а утопить её въ огненной рѣкѣ, мать мою, штобы её не было на бѣломъ свѣтѣ!“

12. „Ну, Иванъ царевичъ, теперь мы отправимся съ тобой въ твое государство, теперь я никово не боюсь: отецъ у меня простой человѣкъ, ничево́ не знаетъ!“—Доходятъ онѣ до руськова государства; невѣста говоритъ ему: „мнѣ въ твой городъ идти нельзя сеча́съ! Стану я въ етотъ дубъ. Мотри́, придёшь домой, мать свою не цолу́й въ уста́, а цолу́й въ шшо́чки (всѣхъ цолуй въ уста). Какъ если ты мать поцолу́ешь въ уста́, то ты меня забу́дешь!“

Наказа́ла она ему: „Если не поцолу́ешь мать въ уста́, прiѣдешь, вотъ я въ этѣмъ ду́бѣ буду стоя́ть. *То́* ты запряга́й 10 лошадей рабо́чихъ, приди къ дубу, этотъ дубъ *стегни́* плётью. Изъ дубу я выйду змѣёй; ты подойди́, стегни плетью, скажи: „изъ змѣ́й *обворотись* дѣвицей, а передъ дѣви́цей окажи́сь казна́ неоцѣненная!“ (Сама-то она волшéбница).

13. Иванъ царевичъ приходитъ въ свое восуда́рство, въ въ свой домъ; заходитъ въ свои ко́мнаты, со всѣмя́ поздоро́вался, сялъ въ сту́ло. Нехто̀ не можетъ ево призна́ть, што онъ сынъ ихъ. (Ево потеряли, 'начитъ: много годовъ онъ прожива́лся тамъ; оборва́лся, небо́сь, обноси́лся). А у матери слёзы наверну́лись, што ши́пко на сы́на похожъ; какъ взгля́нетъ, и запла́четъ. Иванъ царевичъ сказалъ: „Ма́ти, не плачь! я вашъ сынъ!“—Мать на нево па́ла, запла́кала; онъ поцѣловалъ мать въ шшо́чки—въ ту шшочку и въ другую. Также бра́тьевъ и отца своёва — всѣхъ поцѣловалъ въ уста̀.

Сыновья́ замѣтили: „што же, бра́тчикъ, всѣхъ насъ поцѣловалъ въ уста, а нашу родительницу въ шшочки? или нашей родительницей мо́ргуешь ты—не поцѣловалъ её въ уста?“ — *То* онъ во второй разъ подскочилъ, мать въ уста поцолова́лъ. Какъ мать поцолова́лъ—и невѣсту забылъ.

14. *То* невѣста—„не́чево мнѣ стоя́ть въ ду́бѣ“ — отправилась сама къ царю въ городъ руськой. Выпросилась она у старухи квартéровать. Старуха живётъ одна себѣ.—„Старушка, знать очень ты бѣдно̀ живёшь?“ — „Я только по́ мiру хожу, тѣмъ и пита́юся“. — Дѣвица сказала: „прими меня съ тобой жить: я буду гдѣ воды́ носи́ть, гдѣ и дровъ подташшу́—веселѣе двоимъ жить будетъ!“—Старуха согласилась её держать. — „Ба́ушка, чѣмъ намъ такъ жить, я человѣкъ молодой, напишу́ я три письма́, сташшы́ ты

ихъ во дворецъ: первое письмо передай Ивану царевичу, а два письма енера́ламъ, штобы ходили они къ намъ въ госьти". — Старуха пи́сьмы эти взяла, поташшы́ла во дворецъ и роздала Ивану царевичу и енера́лами.

15. Сходяцца онѣ всѣ троё, уговариваюцца, кому напередъ итти въ госьти. *На́перво* старшему енералу приказалъ Иванъ царевичъ итти въ госьти. Енера́лъ пове́черу приходитъ къ старушкѣ въ избу, какъ огонь онѣ взяли. Старушка лёжала на печѣ, а невѣстка на пола́тяхъ. Она занавѣсочку отбросила и смотритъ. — „Ба́ушка роди́мая, госьть къ намъ хорошой пришо́лъ. Вышила я про нево ширинку, да во дворѣ забыла у дровъ. Роди́мая баушка, сходи-ко за ширинкой!" — Старуха на отвѣтъ сказала: „я сама стара́, у меня ж..а тяжела́, сходи́ сама!" — А енералъ сидитъ: „нельзя ли мнѣ сходить?" — „Сходи *'но* ты, помоло́же!"

Приходитъ енера̀лъ къ дрова́ми, тутъ топоръ лежитъ и также *костёръ* дровъ. Онъ взялъ топоръ, приня́лся эти дрова рубить на ме́лки. Прорубилъ онъ до свѣту, смозо́лилъ свои руки, потомъ здумалъ къ царю бѣжать во дворецъ. Сдѣлалось ему канфу́зно: всю ночь дрова́ рубилъ. (Нечево и ходить къ такой невѣстѣ!).

16. День проходитъ. Къ вечеру другой енералъ кати́цца въ гости. Приходитъ къ старушкѣ въ домъ; старуха лежала на печѣ, она на пола̀тцахъ. Зглянула дѣвица: „охъ, баушка, гость хоро́шой пришолъ; вышила я для нево ширинку, да около конюшни забыла. Родимая баушка, потруди́сь, сходи́ за ширинкой!"—„Я стара́, у меня ж..а тяжела́, сходи сама!" — А етотъ самой енералъ сидитъ: „нельзя ли мнѣ сходить?"—„А милось будетъ, потрудись сходи!"

Енералъ подходитъ къ конюшнѣ; тутъ стоитъ кирка́ и лопа́тка, назёмъ нача́лъ выбра̀сывать изъ конюшни, всю ночь броса̀етъ. (Рабо́ты даётъ *имя́*). Енералъ вылѣзъ изъ конюшни, глядитъ: со̀нцо ужо́ высоко́ взошло. Тогда онъ бѣжалъ скорѣ къ царю во дворецъ, весь въ г...а̀хъ вы́валялся. (Вотъ и невѣста, полюбовались!).

17. День проходитъ. По вечеру Иванъ царевичъ приходитъ къ дѣви́цѣ къ етой самъ. Дѣвица смотрѣла съ пола̀тей. — „Родимая ба̀ушка, госьть у насъ пришо́лъ хоро́шой, человѣкъ не простой, Иванъ царевичъ! Родимая

ты баушка, вышила я для нево ширинку, да въ сѣнкахъ сидѣла, забыла. Сходи жо ты!"—„Я, дитятко, стара, у меня ж..а тяжела!" — А Иванъ царевичъ: „да што, етта сѣнки недалеко, нельзя ли мнѣ сходить?" — „Сходи, Иванъ царевичъ, въ сѣнки за ширинкой".

Тутъ стояло ячменю полонъ мѣшокъ и жорновца, и онъ всю ночь крупу мололъ на жерновцахъ. Отворилъ онъ дверь, видитъ, што сонцо взошло ужо высоко; не взглянулъ онъ въ избу, убѣжалъ Иванъ царевичъ домой. Увидѣлъ ево енералъ, спросилъ: „Иванъ царевичъ, какъ невѣстка—хороша ли?"—Иванъ царевичъ сказалъ: „болѣ не пойду, всю ночь я крупу мололъ".—Старшой енералъ сказалъ: „я всю ночь дрова прорубилъ!" — „А я всю ночь назёмъ чистилъ!" — „Больше не пойдёмъ,—говоритъ:—къ ей!"

18. Посылаетъ Иванъ царевичъ своёва родителя въ королевство за себя сватать невѣсту. Царь карету запрягаетъ, пріѣзжаетъ въ королевство, объясняетъ, што „съ добрымъ словомъ, за сватаньемъ". — Съ великой охотой про царя. Король приказалъ: „пущай Иванъ царевичъ прямо ѣдетъ за невѣстой!"

19. Эта самая невѣста [волшебница] старушкѣ подаетъ сто рублей денегъ: „сходи на куфню къ царю, сырова хлѣба булку купи за сто рублей!" („Можетъ, дёшово не продадутъ", говоритъ). — Старушка приходитъ къ царю на куфню къ поварами: „продайте мнѣ сырова хлѣба булку! Што возьмёте?" — Повара для насмѣшки сказали старухѣ: „если не жалко сто рублей! а ниже не отдадимъ! сто рублей за булку!"—Приноситъ старушка тѣсто и подаётъ невѣстѣ. Она сотворила голубя и *голубиху* изъ тѣста, посылаетъ ихъ въ королевство(этихъ голубей).

Иванъ царевичъ пріѣзжаетъ къ царю за невѣсткой. Приняли ево во дворецъ и завели въ комнаты. Ивану царевичу подали невѣсту; садился онъ за столъ съ невѣстой. Только онѣ сяли за столъ, голуби пробились, сяли къ столу близко; голубиха ударила голубя крыломъ и сказала: „ты, подлецъ, то не сдѣлай надо мной, какъ Иванъ царевичъ: бросилъ Мароу царевну свою, раньше которая невѣста!" — Король сказалъ: „убрать этихъ голубей!" — А Иванъ царевичъ: „погоди,—говоритъ:—мнѣ любопытно поглядѣть на ихъ! пущай,—говоритъ:—онѣ сидятъ тутъ у стола!"

Повторила голубиха: второй разъ ударила голубя крыломъ и сказала: „если ты меня бросишь въ чужомъ государствѣ, я тебя не выпушшу изъ твоихъ палатъ и кончу!“— *То* Иванъ царевичъ здумалъ про это: „это непремѣнно отъ невѣсты присла́ты голуби!“ — „Поймать ихъ!“ — А ихъ только и видѣли: онѣ улетѣли.

20. Вздумалъ Иванъ царевичъ про свою про старую невѣсту, сказалъ королю: „мнѣ твою дочь нельзя взять! я не бракую, только нельзя: есь у меня невѣста въ *Уралѣ*— если я ее не возьму, то мнѣ живому одинъ мѣсяцъ не прожить, она меня кончитъ!“ — „Я съ тебя много возьму денегъ за то, што ты посмѣялся!“—„Всё ровно́! Лучше же я за безчестье заплачу́, а всё таки мнѣ твою дочь нельзя́ взять!“—Уѣхалъ безъ невѣсты.

Пріѣзжаетъ домой, королевскую дочь не привёзъ. Царь стрѣтилъ и сказалъ: „Што же ты, Иванъ царевичъ, почему ты невѣсту не привёзъ отъ короля? или не поглянулась?“— Иванъ царевичъ сказалъ: „Тятинька, есь у меня невѣста въ *Уралѣ*, только я забылъ про неё! Мнѣ нужно ѣхать за своей невѣстой. Если я ее не возьму, то мнѣ живому одинъ мѣсяцъ не прожить, она меня кончитъ!“

21. „Тятинька, нужно десять телѣгъ рабочихъ запрегчи́, и вотъ я запрегу себѣ одинадцатую каре́ту“. Сялъ въ карету съ кучеромъ; ѣхали за нимъ 10 подводъ телѣгъ. Пріѣзжаютъ къ етому дубу. — „Ребята, што́ я стану дѣлать, вы не убо́йтесь, только глядите на меня!“—Подходитъ онъ къ дубу, стегнулъ своей плетью — и вышла змѣя́, ужа̀сная, какъ оглѐбля.

Подходитъ Иванъ царевичъ къ змѣѣ, стегнулъ её нагайкой, сказалъ: „овворотись изъ змѣи дѣвицей, а передъ дѣвицей казна неоцѣнённая!“ — Образовалась золотая, гора́. Зо̀лота нагребли́ десять телѣгъ, сами сяли въ карету, поѣхали къ царю во дворецъ. Пріѣзжаютъ къ царю во дворецъ; со всѣмя́ она обошла̀сь, поздоро́валась. Приказалъ царь съѣздить къ вѣнцу, повѣнчацца. Завели пиръ на весь міръ. Кутили сколь есь. И сказкѣ конецъ!

13. [Өедоръ Бурмакинъ и Вавилонское царство].

1. Жилъ былъ царь и царица безъ короны. Выбира̀лъ онъ ду́мшихъ сенато́ровъ, посыла̀лъ по всѣ̀мъ стра̀намъ: не будетъ ли какой охотникъ въ Вавилонское царство за царской короной?—Думшіе сенато́ры искали по всѣ̀мъ стра̀намъ, нигдѣ не нашли охо́тника. Одинъ пошолъ по питейными заведеніями. Лежалъ тогда Өёдоръ Бурмакинъ въ кабакѣ пьяной. *То* сенато́ръ сказалъ: „Өёдоръ Бурмакинъ, не желаешь ли ты въ Вавилонское царство за царской короной?“ — Өёдоръ Бурмакинъ на то сказалъ: „опохмѣ̀ль меня, я гото́въ буду, желаю ѣ̀хать!“

Опохмѣлилъ ево, приводитъ къ царю Өёдора Бурмакина. — „Өёдоръ Бурмакинъ, — сказалъ царь: — што́ тебѣ нужно съ собой?“ — Өёдоръ Бурмакинъ назначилъ: „мнѣ што де лучшій корабь, три бочки пороху, три бочки сѣ̀ры горючей, три бочки селитры!“ — *То* онъ взялъ съ собой товариша—сенато́ра—и рабочихъ лоцмановъ и отправился въ Вавилонское царство.

2. *То* пріѣзжаетъ въ Вавилонское царство, прива̀ливаюцца на пристань. Өёдоръ Бурмакинъ взялъ съ собой сенато́ра, отправился въ домъ. Царство ето отворяетца на время: когда змѣ̀й полозъ роздвинетца, тогда отворяются и воро́ты. (Змѣ̀йла̀нское царство). *То* заходятъ въ ко́мнаты онѣ. Марөа Вавило́новна сказала: „каки́-тѣ вѣтры сюды занесли Өёдора Бурмакина!“ — „Царь по́слалъ меня къ тебѣ. Каково ты поживаешь?“ — „Милости просимъ! садись со мной за столъ покушать!“

3. Понаѣлись. Марөа Вавилоновна говоритъ: „давай въ *пѣшки*, Өёдоръ Бурмакинъ, поигра̀емъ! А играть не *такъ:* если три разъ я тебя поигра́ю, я тебя пожру́, а если ты меня три разъ поигра̀ешь, и ты меня жри!“—Перъвой разъ поста́вили пѣшки, она ево обыгра̀ла. Второй разъ поставили, опять обыграла. Остаёцца одинъ разъ. Поставили въ третій; онъ со своёва краю двѣ пѣшки подъ столъ спехну́лъ и говоритъ, што *пѣшельница* у тебя непра́вильная, затѣмъ ты меня и обы́гривашь! Есь у меня въ кораблѣ пѣшельница мраморная и пѣшки также нумерованные. Дозволь мнѣ

сходить, тогда я уже буду какъ *слѣдно* играть, а на твоей я не согла́стенъ играть!.. Если, Марѳа Вавилоновна, не вѣришь, возьми сенато́ра къ себѣ въ ко́мнаты! Я всё таки пойду, пѣшельницу принесу́ свою!"

То онъ сенато́ра къ ей въ комнату приводитъ, а самъ пошолъ; по путѣ царскую корону взялъ съ собой. Только добѣгаетъ до пристани Ѳёдоръ Бурмакинъ, скричѣлъ рабочимъ: „какъ можно поскорѣе отъ берегу отва́ливай!" (сенатора ужъ оставля́тъ тутъ).

4. Очень долго Марѳа Вавилоновна ждала́; потомъ вышла на балхо́нъ, смотритъ на́ море: онѣ очень уже далёко ѣдутъ. — „Ахъ онъ подле́цъ, ахъ онъ варна́къ, какъ надо мной насмѣя́лся!"—Заходитъ въ ту комнату, гдѣ сенато́ръ, ево сеча́съ съѣла. То засвистѣла, загремѣла, самая мелкая змѣя́, по *ухва́тишшу*, прилетѣла. — „Поди́те, — говоритъ: — спали́те ево подлеца́, не пусти́те ево на бѣлой свѣтъ!" — Полетѣли онѣ. Стали надлета̀ть надъ корабь, онъ жи́во выкатилъ три бочки селитры; зажига̀етъ селитру, всѣхъ прижо́гъ-припали́лъ; кое-какъ двѣ остались, отправились назадь.

Прилетаютъ, докладываютъ: „Марѳа Вавилоновна, всѣхъ онъ насъ прижо́гъ-припали́лъ, кое какъ мы отдали́лись!"

5. Тогда она опять засвистѣла, загремѣла, болѣе тово́ змѣй насвистѣла: „поди́те спали́те; ево на бѣлой свѣтъ не пусти́те!" —*То* стали надъ корабль надлета̀ть, онъ вы́катилъ три бочки по́роху, всѣхъ ихъ прижо́къ-припали́лъ; кое-какъ двѣ отдалились, полетѣли назадь. Прилетѣли съ докладомъ: „Марѳа Вавилоновна, всѣхъ насъ прижо́гъ припалилъ, кое-какъ мы отдалились".

6. *То* захотѣлось Ѳёдору Бурмакину отдохнуть. Привали́лся къ берегу, на̀чали себѣ обѣдъ, ка̀шу вари́ть. Попала Ѳёдору Бурмакину тропа̀; идётъ онъ по этой тропѣ, ягоды собира̀етъ, и ушолъ отъ пристани далёко. А ево рабо́чи тогда расположи́лись на отдыхъ спать. Эти змѣи прилетѣли и всѣхъ ихъ прижгли́ припали́ли, этѣхъ рабочихъ, и весь корабь по бревну́ раската̀ли, по́ морю пустили. Ѳёдоръ Бурмакинъ приходитъ на пристань и видитъ: корабля нѣтъ, корабь весь прижжо́ной; го̀ре ево́ ошибло, што никово́ нѣтъ. — „Куды теперь моя голо́вушка придли́тъ? [?] .... Пойду́ теперь по етой тропѣ, куды́ она поведётъ меня!" (А корона у ево храни́цца).

7. Доходитъ онъ до *агромáтнова* дóму; заходитъ въ этотъ домъ. А въ этёмъ дому живётъ Кривáя Ерàхта, Мареы Вавилоновны братъ. Кривая Ерахта сказалъ: „куда жо ты, Өёдоръ Бурмакинъ, пошóлъ,—зашóлъ въ нашъ домъ?“—„Я нечàянно пришолъ въ твой домъ. Примú меня съ тобой жить въ товаришши“. — *То* Кривая Ерахта ево прúнялъ, стали жить съ имъ вмѣстѣ. Кривая Ерахта ему сказалъ: „не вылѣчишь ли ты, Өёдоръ Бурмакинъ, мнѣ глазъ? у меня одинъ глазъ не видитъ“. — Өёдоръ Бурмакинъ сказалъ: „есь у тебя олово?“—„Есь“.—„Есь канаты?“—„Есь“. — „Ташшы́ мнѣ *напáрья* и черпáкъ! потомъ ташшы́ канáты!“ — Приташшылъ онъ канàты. Полóжилъ ево нà полъ, примѣрялъ, навертѣлъ напáрьей дыръ. Привязàлъ онъ ево на *варовинны* канаты.—„Ну-ко, Кривая Ерахта, поворотись, — говоритъ: — штобы канаты повы́тянулись!“ — Кривая Ерахта поворотился, канáты эти лопнули.

„Нѣтъ ли у тебя *си(е)лянныхъ* канатовъ?“—„Есь“—„Ну, ташшы́ мнѣ селянны́ канáты!“ (Тѣ поздорóвше будутъ). — Приташшúлъ ему се(и)лянные канаты; *то* привязáлъ онъ на селянные канаты. — „Ну-ко теперь поворотись, Кривая Ерахта! канаты пушшай повы́тянуцца“. — Кривая Ерахта поворотился, весь домъ ворочацца, только канáты повы́тянулись, не лопнули.

Тогда сказалъ Өедоръ Бурмакинъ: „ты, Кривая Ерахта, кривой [глазъ] *расшýрь* (глядú кривы́мъ), а здоровой зажми!“—*То* онъ почерпнулъ черпакомъ олово, плеснулъ на всё лицо ему оловомъ го(а)ря́чимъ.

8. Тогда Өёдоръ Бурмакинъ выбѣжалъ изъ комнатъ во *дворецъ,* а Кривая Ерахта какъ встрепеснулся, канаты ево лопнули. То выбѣжалъ Кривая Ерахта во *дворецъ* и спросилъ: „Өёдоръ Бурмакинъ, ты гдѣ?“ — „Во дворѣ,“ — сказалъ. Ходилъ пó двору Кривая Ерахта, ево искáлъ, и хочетъ ево съѣсь. Тогда у Кривова Ерахты былъ слугá козёлъ; и онъ къ козлу сталъ, Өёдоръ Бурмàкинъ, привя́зывацца. Привязàлся Өёдоръ Бурмакинъ къ козлу, тогда козёлъ подбѣгаетъ къ Кривой Ерàхтѣ. Козёлъ какъ только заревѣлъ, въ досаду Кривой Ерахтѣ (што козёлъ ему ешо прибѣжалъ досажать), тогда взялъ етова козла и выбросилъ за свой *дворецъ* (а дворъ у ево былъ ты́номъ устроенъ).

То онъ во второй разъ спросилъ: „Өёдоръ Бурмакинъ,

ты гдѣ?“ — Ѳёдоръ Бурмакинъ сказалъ: „я за дворомъ!“ — „Какъ ты туды попалъ?“ — „Ты вы́бросилъ, — говоритъ: — меня съ козломъ“ — „Хи́трой, — говоритъ: — ты!“ — Тогда онъ живо отъ козла́ отвя́зывался. — „Прошшай, — говоритъ: — Кривая Ерахта, я уйду́!“

„На́, вотъ, я тебѣ подаро́чекъ дамъ, *скла́день*!“ — Ѳёдоръ Бурмакинъ бралъ правой рукой складень; тогда Кривая Ерахта сказалъ, што „складень, дёржи́ ево!“ — Складень ево дёржитъ: если потяну́ть (рвяну́ть), то должо́нъ онъ мнѣ руку обрѣзать (складень зажа́лъ ру́ку крѣпко). Кривая Ерахта отворя́лъ воро́ты (поймать штобы Ѳёдора Бурмакина). Ѳёдоръ Бурмакинъ видитъ, што онъ къ ему подходитъ, не пожалѣлъ свою руку, руку обрѣзалъ и ушо́лъ отъ ево. Наконецъ сказалъ: „ну, Кривая Ерахта, ты теперь *вдовсё* слѣпой, а я хоть безъ руки́, да вижу, куды́ итти!“

9. Отъ етова двора тоже попа́ла ему тропа́; пошолъ онъ по етой тропѣ; дохо́дитъ по етой тропѣ: стои́тъ домъ, Марѳы Вавилоновны тутъ живётъ сестра. *То* заходитъ въ домъ, увидалъ онъ: Марѳы Вавилоновны сестра. — „Здравствуёшь, госпожа жё́ньшина! (назвать васъ не знаю какъ)“. Сказала эта женьшина: „куда жо ты отправля́ешша, Ѳёдоръ Бурмакинъ? зашолъ въ ди́кое мѣсто сюды́!“ — „Я *заблудя́шшой* человѣкъ; не примешь ли ты меня съ собой жить намѣсто мужа?“ — *То* она согласилась съ имъ жить, также на мѣсто мужа держать, и онѣ въ годъ при́жили ма̀льчика. *То* Марѳы Вавилоновны сестра говоритъ: „теперь, Ѳёдоръ Бурмакинъ, живи какъ *требно* быть, по дома́шному: што мнѣ, — говоритъ: — то и тебѣ дитё!“

10. *То* она улетала на побо́йшшо, ево жена, а онъ сходилъ къ морю и сдѣлалъ себѣ плотъ. Она летѣла съ побо́йшшу и плотъ етотъ увида́ла. Прилетаетъ и говоритъ: „што же ты, Ѳёдоръ Бурмакинъ, къ чему же ты етотъ плотикъ исправилъ?“ — Сказалъ Ѳёдоръ Бурмакинъ: „што же ты какая неразу́мная! вотъ у насъ ребёночекъ есь, обс...цца, нужно пелёнки помыть! — на плотикѣ лучше помыть пелё́ночки“. — „А я думала, што ты хочешь отъ меня отдаляцца на е́тѣмъ пло̀тикѣ!“ — „Нѣтъ, я не буду отдаля́цца, буду жить!“ — Тогда онъ плотъ оста́вилъ тутъ, а весло испра́вилъ, спря́талъ (штобы ей не видать было). На будушшой

день она отправилась на побо́ишше, наказа́ла: „*мотри́*, отъ робёнка никуды́ не ходи!“ — Только её проводилъ, отправился скоро къ морю, сялъ на пло́тикъ и поѣхалъ.

11. *То* робёнокъ заревѣлъ, и лѣсъ затрешшѣлъ. Услыхала Марѳы Вавилоновны сестра, што ребёнокъ ревётъ, очень скоро торопи́лась домой. *То* прибѣжа́ла, ребёнка схватила, прибѣжа́ла на́ море, на̀ ногу [ребенка] ста̀ла, а за другу́ разорвала̀ напопола̀мъ. Она бросила эту половину, добро́сила до ево, у ево пло́тикъ нача̀лъ тону́ть. Коекакъ онъ *спехну́лъ* ету половину, потомъ отправился впе̇рёдъ, а она свою половину съѣла.

12. *То* онъ ѣхалъ — близко ли далёко ли, низко ли высо́ко ли, — приста́лъ, привали́лся опять къ берегу; потомъ онъ пошо́лъ по *Ура́лу*, нечаянно приходитъ на такое побо́ишшо: выбито побо́ишшо въ *печа́тную* саже́нь. Тогда Ѳёдоръ Бурмакинъ сказалъ: „дождусь, хто сюды́ прибудетъ?“ — Залѣзъ онъ на ду́бъ и сдѣлалъ себѣ лучёкъ и на́чалъ дѣлать стрѣлки. *То* приходитъ *на́перво* къ ему Левъ звѣрь. Левъ звѣрь взглянулъ на ду́бъ, увидалъ Ѳёдора Бурмакина, сказалъ: „Ѳёдоръ Бурмакинъ, помоги́ мнѣ окая́ннова и́долишша побѣди́ть, а я тебя въ твое ца́рство (въ руськое госуда́рство) доставлю!“

То приходитъ шестигла́вой окая́нной идолишшо, взглянулъ на дрѐво, увидалъ (на этѣмъ дубу) Ѳёдора Бурмакина; сказалъ окаянной идолишшо: „если ты, Ѳёдоръ Бурмакинъ, помо́жешь Лева звѣря похи́тить, я тебѣ половину золотой горы́ отдамъ!“ — Сказалъ Ѳёдоръ Бурмакинъ: „подери́тесь вы сначала однѣ, я тогда на васъ погляжу, которому помокчи́!“ — *То* Ѳёдоръ Бурмакинъ подумалъ: „если мнѣ идолишшу помокчи, куда мнѣ половину золотой горы? Лучше я помогу леву звѣрю: лучше пусть онъ меня доставитъ во своё царство!“ — Скричѣли онѣ ему: „пособля́й которому-небудь, а то мы драцца долго не будемъ!“

То Ѳёдоръ Бурмакинъ натянулъ свой лучо́къ, пустилъ въ идолишша, отши́бъ ему голову. И во второй разъ пусти́лъ, другую отшибъ; въ трётей разъ пустилъ, и третью отшибъ. Сталъ левъ звѣрь ужъ одолѣвать ево; а Ѳёдоръ Бурмакинъ натянулъ четвертой разъ, четвёрту отшибъ. Остаёцца двѣ. Остатки левъ звѣрь самъ зако́нчилъ. *То* онъ убилъ, левъ звѣрь, *во́всё* идолишша, самъ вылѣзъ изъ

ша́хты.—„Слѣзай, Θёдоръ Бурмакинъ, не опасайся! я тебя не пошевелю!“

13. Θёдоръ Бурмакинъ слѣзъ съ дубу, поздоро́вался съ ле́вомъ-звѣрёмъ, сѣлъ на нево́ и поѣхали. Добѣгаютъ до бѣлова ка̀мню. Сказалъ левъ звѣрь, што „я не могу тебя теперь въ твоё царство везти; на тро̀и сутки дай мнѣ отдохнуть здѣсь“. — Θёдоръ Бурмакинъ сказалъ: „чѣмъ жо я буду тро́и сутки здѣсь пропитывацца?“—„Вотъ ты етотъ камень лизни три раза́, будешь тогда сытъ, пьянъ и ве́селъ!“ — *То* онъ лизнулъ бѣлой камень три раза́, и сдѣлался сытъ, пьянъ и веселъ Θёдоръ Бурмакинъ.—„Можно прожива́цца мнѣ!“ говоритъ.—Тро̀и сутки прохо̀дитъ, *тожно* левъ звѣрь сталъ, сказалъ: „садись на меня и доржись за меня крѣпше!“

14. *То* онъ привозитъ ево въ руськое государство, а наконецъ сказалъ: „ты *мотри*, Θёдоръ Бурмакинъ, мною не хвастайся, што я на левъ-звѣрѣ ѣздилъ! если ты мною похва́сташша, тогда я тебя не пожалѣю, съѣмъ!“ — Приходитъ Θёдоръ Бурмакинъ къ царю во дворецъ, а царь завёлъ пиръ на весь міръ. *То*, въ пьянствѣ, хвастались енера̀лы войска̀ми, а купе́чество хва̀стались деньга̀ми. Царь наказалъ: „если хто въ пьянствѣ помянетъ про Θёдора Бурмакина, тово живо̀во въ могилу копать. (Онъ досадилъ мнѣ шипко“).

Тогда Θёдоръ Бурмакинъ самъ сказалъ: „охъ вы купечество, толстопу́зики *толстоголя́хіе*, вы хва́стаитесь деньга̀ми!—говоритъ:—А вы бы,—говоритъ:—тѣмъ похва́стались, хто на Ле́вѣ звѣрѣ ѣздилъ!“ — Левъ звѣрь всё равно какъ тутъ и былъ; сказалъ, што „Θёдоръ Бурмакинъ, былъ до́говоръ, што мною не хва́стацца!“ — Θёдоръ Бурмакинъ сказалъ: „не я хвастаюсь, а хмѣль!“ — „Гдѣ онъ?“ — „Иди, я вотъ подведу́!“ — Подвёлъ ево гъ бочкѣ, къ вину́: „вотъ давай *лачи́* тутъ, левъ-звѣрь, этотъ хмѣль!“—Напи́лся левъ звѣрь пья́ной и свали́лся. Θёдоръ Бурмакинъ тогда *скуртюжилъ*, связа́лъ ево крѣпко.

Проснулся левъ звѣрь, сказалъ: „хто меня связалъ?“ — „Вотъ хмѣль связа̀лъ тебя! Онъ можетъ тебя и развяза́ть“.— Напи́лся онъ во второй разъ, левъ звѣрь; онъ ево развяза̀лъ. Потомъ просну́лся левъ звѣрь развя́занъ: „Ну, и вѣрно, Θёдоръ Бурмакинъ! чѣмъ ты знаешь, тѣмъ и хва-

стайся теперь! ступай,—говоритъ:—я повѣрилъ, што хмѣль можетъ всё сдѣлать“.

15. *То* приходитъ онъ къ царю; сказалъ: „охъ вы, господа енера́лы, хвастаетесь вы войсками, а вы бы тѣмъ похва́стались, хто въ Вавилонское царство ходилъ за царской короной! и вотъ я пре(и)доста́вилъ царскую корону!“ — говоритъ. То онъ развязываетъ свой су(о)квоя́жъ и вынима́тъ царскую корону, подаётъ царю корону. То извинился царю, што я оплоша̀лъ: кара́пь мой наруши́ли и народъ весь сожгли́, только я одинъ могъ сохрани́цца“.—Поблагодарилъ ево царь, награди́лъ ево деньга́ми.—„Куды́ зна́ешь, туды и *тупай* теперь, Бурмакинъ!“

---

14. „Васенька Ва́регинъ“.

1. Былъ именитой купецъ Ва́регинъ. Въ Питерѣ жилъ, царю помога́лъ армію кормить. У купца Ва́ригина былъ сынъ одинъ. Время ему вышло жени́цца. Онъ отцу сказалъ: „сватай, тятинька, а самъ не ока̀нчивай дѣло: я самъ поѣду досва́тывать“.—Потомъ купецъ пріѣзжаетъ къ купцу: што „я пріѣхалъ за добрымъ словомъ, за сва̀таньемъ“. — „Съ великой охотой отдаёмъ дочь за твоево́ сына! тебя и ждёмъ!“—„Не хочу́ я окончить дѣло самъ, вы́сватать теперь, а пріѣду на второй разъ съ сыномъ, пото́мъ окончимъ дѣло!“

Потомъ пріѣзжаютъ съ сыномъ. Сынъ приходитъ въ купеческіе палаты и говоритъ: „покажи мнѣ свою дочь! я посмотрю, кака̀ у тебя дочь“.—Дочь собрала̀сь въ *свѣтное* платье, выхо́дитъ, поздоро́валась съ Ва̀синькой съ Варегинымъ. То онъ сказалъ купцу: „господинъ купецъ, дозволь мнѣ въ ра̀зные ко́мнаты съ ей рѣчи поговори́ть, съ невѣстой!“—„Я тебя,—говоритъ:—возьму, такъ блудъ сотвори со мной! (што мнѣ терпѣнья нѣтъ)“.—Она согласилась.

Объѣхалъ онъ десятокъ купцовъ (и всѣхъ) и всё такимъ манёромъ: *обледенево́нитъ*, выйдетъ изъ комнаты и говоритъ: „мнѣ такую б..дь не надо!“ — Отецъ на ето осердился. — „Неужели купеческіе дѣти всё б...и,—говоритъ:—дѣвки? Я больше сватать, — говоритъ: — не поѣду никуды́! мнѣ канфу́зъ! Сватай самъ, гдѣ знаешь!“

2. То онъ вышолъ въ лавку торговать, Васинька Варегинъ. Идётъ къ ему офицерская дочь, дѣвушка изъ себя хорошая. Приходитъ къ ему она въ лавку и говоритъ, што „мнѣ нужно, Васинька Варегинъ, серёжечки“. — Сказалъ: „дороги́ ли тебѣ надо серёжки?“ — „Не дороже тово — въ де́сеть копеекъ покажи́“. — „Дѣвушка ты хорошая, а што дешо̀вы *бо́льно* серёжки про́сишь? Не пойдёшь ли, умница, за меня за̀мужъ?“ (Она ему заглянулася). — Дѣви́ца на то ему сказала, што „я бѣднова положе́нія, офице́рская дочь; гдѣ вы меня возьмёте?“ — „А если вы пойдёте, я оде́жды нашью̀ свое́й хоро́шей (когда у тебя одежды нѣтъ, опаса́ешша), только *айда* за меня за́мужъ“. — Дѣви́ца сказала: „иду я за тебя съ вели́кою охо́той, какъ если не *мо́ргуешь* мною; согласна“.

То онъ ей сказалъ: „не сотворишь ли ты сейчасъ со мной блудъ, если я тебя возьму?“ — „Ты меня хоть золотомъ обсыпь, не сотворю̀, *покуль* не повѣнча̀ешься!“ — *То* Васинька Варегинъ: „вотъ стало быть ты че́стнова поведѐнія; я тебя возьму. Дамъ я тебѣ сечасъ сто рублей денегъ“. Далъ ей сукна́ хорошова и далъ на много пла́тьевъ вся́кова мате́рья. „Ты къ этому воскресе́нью *испаси́сь*: што́ тебѣ далъ, всё перешей, штобы было у тебя готово. Мы поѣдемъ повѣнчаемся!“

3. То онъ повѐчеру приходитъ домой, отцу свое́му объясняетъ, што „я вы́своталъ невѣсту“.—Родитель спросилъ: „скажи, Васинька, гдѣ же ты вы́своталъ невѣсту, у какова купца?“—Сказалъ ему сынъ, што „я вы́своталъ офицерскую дочь, у офицера“. — На то ему отецъ сказалъ: „если ты привезёшь её домой, я тебя и въ домъ не пушшу́ съ ей!“— „Я на тебя не погляжу́! когда мнѣ *гля́неццa* человѣкъ, всё-таки я возьму!“ (сказалъ сынъ).—То подходитъ суббота.— „Што, тятинька, доброво́льно будешь свадьбу играть, или не будешь?“ — Отецъ сказалъ, што „ты не думай! Никогда не соглашусь я офицерскую дочь взять въ домъ!“

Васинька отправился въ лавку торгова̀ть поу́тру. Тогда Васинька думатъ *млѣ́ньемъ*: „взять надо денегъ не мало! *мо́жотъ*, отецъ меня выгонитъ, было бы чѣмъ жить мнѣ съ ей!“—Взялъ много тысячъ съ собой денегъ. Доживаютъ до воскресенья. Въ воскре́сной день сказалъ сынъ отцу: „дозволь мнѣ *хъ кобѣ́днѣ* сходить“.—А отецъ: „што, разѣ у

насъ лошадей нѣтъ? кучеръ отвезётъ тебя на лошàдкѣ".— Васинька сказалъ отцу: „я не хочу ѣхать на лошадкѣ, а хочу пѣшкóмъ итти въ Бóжей храмъ!"

4. Васинька тогда не пошóлъ въ церкву, а пошолъ въ питейное заведéніе. Приходитъ въ питейное заведеніе, — сидятъ три пьянчужки, головы повѣсили. Купилъ четверть винà *имя́*; поитъ ихъ водкой и говоритъ: „ребята, вино пить не даромъ!" — „А што нужно, Варегинъ, тебѣ?" — „Вотъ етотъ будетъ мнѣ хрёсной, а етотъ—дружка, а етотъ—пòдружьё! я женицца хочу". — Пьяницы на ето были согласны. — „Пейте, да не шипко, *вóвсё* пьяные не напивàйтесь!" — Выводитъ ихъ на рынокъ, купилъ имъ хорошіе одежды, обреди́лъ ихъ какъ *слѣдно* быть, пьяницъ. Свиснулъ *биржóвшиками*; бержóвшики подгоня́ютъ: „што тебѣ угодно?" — „Я вотъ на сколько времё съѣжжу, за тоё заплачу́". — „Садитесь". — То ся́ли онѣ на лошадей, подъѣжжаютъ къ етому офицеру гъ дóму. Офицеру скричѣлъ Васинька Варегинъ: „благословля́й свою дочь зàмужъ, выводи́ на улицу, пушшàй со мной сади́цца! поѣдемъ къ вѣнцу. (А въ домъ я нейду самъ, значитъ"). Дочь собралáсь; благослови́ли отецъ съ матерью; она выхóдитъ, сади́цца съ Васинькой.

То онѣ пріѣзжали въ Бóжей храмъ. Обѣдня на отхóдѣ. Онѣ выхóдятъ на *кругъ*. Свяшшéнникъ подходитъ къ *имя́*: „што нужно, Васинька Варегинъ?" — „Мнѣ нужно вѣнчацца". — Для богатова живо свяшшéнникъ повернулся, вѣнцы поттàскивалъ, надѣвалъ на нихъ, началъ вѣнчать ихъ.

5. То смѣтили купеческіе дочери, што онъ берётъ офицерскую дочь. Купеческимъ дочеря́мъ (которыхъ онъ *обледедвднилъ*), сдѣлалось обидно; докладывали онѣ Варегину. Отецъ разузнàлъ: „Сукинъ сынъ! безо всякова благословéнья... всё таки на своéмъ постоялъ! вѣнчàцца!" Работникамъ приказàлъ стать къ ворóтамъ, взять по *стя́гу*: „если пріѣдетъ, убéйте ево, и *зы́ску* не будетъ!" — То Варегинъ пріѣзжаетъ къ ворóтамъ, видитъ: работники стоя́тъ со *стяжкàми*. — „Штó ето такое? разбóйство!" — „Васинька, убирайсь и сюды́ николды́ не являйся!" — Васинька Варегинъ съ *биржóвшиками* расплати́лся и пьяницамъ далъ по рублёвкѣ; самъ пошолъ, откупилъ себѣ квартéру.

6. Ночь переночевали, а поутру пошо́лъ лавку себѣ взялъ, набралъ товару, началъ торговать. (Даромъ жить нечево, а денегъ укралъ немало). Проживаетца мѣсяцъ и два. Люди доносятъ отцу, што очень молода́ хоро́ша и хорошо́ живутъ. Мать ево сужалѣла, своёва сына, и говоритъ: „у насъ одинъ сынъ! живутъ прикашшыки“. (Мать такъ мать; мать — кривая душа). „Намъ што́, што худая жена, пуша́й живётъ съ нами!“ — То онъ написалъ сыну письмо, а лакею приказалъ отташшы́ть, — штобы Васинька шолъ домой жить.

То письмо Васинька получилъ, сказалъ: „старой пёсъ оду́мался, видно!“—Приходятъ онѣ съ женой къ отцу, пали въ ноги. Отецъ ихъ простилъ. — „Вотъ вѣдь, тятинька, ты до старости дожилъ, а ума-та не нажи́лъ! если бы я бога́чку взялъ, она будетъ черемо́нiи вести, а я бѣдную взялъ, — меня она боицца, а васъ вдвое!“ — И стали онѣ поживать. Понправилась сноха, залюбѣлъ Варегинъ и призналъ её хорошимъ человѣкомъ.

7. Тогда купеческiе дочери въ воскре́сной день въ клубъ съѣжжались погуля́ть. То онѣ совѣтовали: „давайте по сту рублей *стря́пкѣ и́хой* отдадимъ, пуша́й она жену Васинькину умори́тъ: тогда онъ котору-небудь изъ насъ возьмётъ“.—Собрали онѣ денегъ ты́счу рублей; приходитъ одна къ Васинькиной стряпкѣ тайно: „получи́ тысчу рублей, возьми́ *зельёвъ*, состряпай пирогъ, окорми́ её“. — Стряпка согласилась. Пошла на рынокъ, взяла́ зельёвъ и взяла хорошую ры́бину (осетра); состряпала она пирожо́къ особенной. Приходитъ на куфню молодая къ ей; тогда стряпка сказала: „послушай, молодая, намъ обѣдъ достаёцца всё по-по́слѣ! я состря́пала пирожокъ для тебя особенной, — не угодно ли покушать сечасъ?“ — „Ну, давай, стряпка, поѣдимъ!“ — То она живо скатёрочку набро́сила, пирогъ разрѣзала и говоритъ, што „садись, давай кушать!“ — Молодушка говоритъ, што „стря́пка, садись вмѣстѣ!“—„Вотъ у меня это не убрато; да я сейчасъ сяду; давай садись, кушай!“ (Стряпкѣ будто бы нашлось дѣло тутъ).

То молодая сколько бы тамъ поѣла рыбы, растяну́лась вдоль лавки и ко́нчилась. Тогда стряпка у́бирала скоро пирогъ и всё это, доло́жила *большакамъ*, што „што-то *молоду́шкѣ* сдѣлалось“. — То приходятъ сверъху Варегинъ со

своей женой, смотритъ, што ужъ она кончалась. (Не хворàла, а кончалась).

8. Долóжили Васинькѣ (онъ былъ въ лавкѣ на торгóвлѣ). Очень Васинька запиралъ лавку скоро, бѣжалъ домой. Прибѣгаетъ,—жена ево кóнчилась. Вы́шолъ на *двоpéцъ* Васинька, заплакалъ объ женѣ. Сказали ему работники: „не плачь, Васинька; есь у насъ въ городѣ свѣдушшая старуха: если не своей смéртiю она померлà, она мóжетъ оживи́ть её".— То Васинька приказалъ кучеру: „поѣзжай за старухой! штó она возьмётъ, то и заплàтимъ; вези её домой сюды!" — То кучеръ прiѣзжаетъ къ старушкѣ. Къ бѣдному: „куды? чево?" а къ богатому—сейчасъ собралàсь, садитца съ кучеромъ. Старуха прiѣзжаетъ.

Васинька сталъ передъ её на колѣнки, прóситъ старуху какъ можно потрудицца. Старуха сказала: „если не своей смертiю умерлà, такъ я ее черезъ часъ живую сдѣлаю, а если своей смертiю умерла, тогда ничевó не подѣлать! Вы́йдите теперь вы изъ кóмнаты, а черезъ часъ врéмя я вамъ долóжу". — Раздѣла она её до-нагà, полóжила ей на сердце цвѣтокъ, нà лобъ и на грудь — три ц(с)вѣтóчка полóжила. Часъ время только проходитъ, а молодая стаётъ. Старуха снимаетъ съ её свѣтки́, а молодая одѣваецца въ платье—какъ есь по стàрому.

Тогда — знаютъ купецъ, колды́ часъ врéмя пройти, — у дверей скричѣли, што „можно ли въ кóмнату зайти?" — Сказала старуха: „можно".—Заходятъ въ комнату всѣ троё и спрашивали молодой: „штó сдѣлалось надъ тобой?" — Молодá сказала: „нештó! я только пирожкá поѣла, вотъ меня съ пирожкá и взяло: слышу, што вы разговáриваете, а стать не могу".—Сказалъ Варегинъ купецъ, што „гдѣ у тебя пирогъ? покажи, чѣмъ корми́ла!„ — А стряпка отвѣчаетъ: „она врётъ, я нечѣмъ её не кормила, пирога у меня нѣтъ!" (Отпирáетца). То Васинька изби́лъ, изъ дому вы́толкалъ: што „не *толи* што въ домъ, мимо моёва дому теперь не ходи!"

Послѣ етова старушкѣ наградилъ сто рублей денегъ и отправилъ её на мѣсто. Старушка дала ему за ето три свѣтóчка на *вóвсё*: „ес(ш)ли што будетъ надъ вами, такъ вотъ такъ и дѣлай!" (разсказала, што „на грудь и нá лобъ и на серцо полóжь").

9. Тогда онѣ прожили недѣлю,—сынъ сталъ отцу говорить: „тятинька, мы поѣдемъ въ особенные города съ женой торговать! пушай купеческіе дочери эти выдутъ замужъ, а то онѣ и меня изведутъ!“ — Отецъ далъ денегъ ему не мало; онъ отправился на ямскихъ въ городъ Астракань. Пріѣзжаютъ въ етотъ городъ, откупили себѣ квартеру, начали квартеровать. То Васинька Варегинъ пошолъ на рынокъ купить себѣ лавку и мѣсто хорошое. Пріѣзжаетъ енералъ изъ Англіи въ этотъ городъ, стаётъ квартеровать къ етому жо купцу въ домъ.

А енералъ былъ изъ себя молодой и холостой. Увидѣлъ онъ Васинькину жену, што она хорошая, сталъ съ ей розговаривать. Сказалъ енералъ: „што вы—здѣшные или не здѣшные?“—Сказала она, што „мы изъ городу Петербурху, я Варегина сноха, Васинькина жена“. — Сказалъ енералъ: „чья жо ты дочь?“ — „Дочь я офицерская“. — А енералъ сказалъ: „когда ты офицерская дочь, военную службу очень хорошо знаешь. И вотъ, согласись со мной жить тепериче. Своёва мужа мани: поѣдемъ мы въ англицкой городъ; твоёва мужа мы тамъ кончимъ, а я тебя замужъ за себя возьму“. — То она на ето была согласна; „итти лучше за енерала, чѣмъ за купцомъ мнѣ быть“. (Охота енеральской женой ешо быть!).

То Варегинъ по вечеру приходитъ, она и говоритъ: „мила ладушка, когда мы задумали съ тобой дальше ѣхать, поѣдемъ ешшо подальше, поѣдемъ въ англицкой городъ мы съ тобой торговать!“—На то онъ ей сказалъ: „за моремъ коровы дёшовы, перевозъ дорогъ! далёко ѣхать“. (Васинька былъ не соглáстенъ). Енералъ ему сказалъ, Варегину: „я тебя увезу безденежно; сколь вы проживёте—и назадъ приставлю безденежно, только *айдáте* туды! тамъ вамъ торговля будетъ хорошая“.

10. Согласился Васинька Варегинъ ѣхать. Ночь онѣ кутили, а *заутрá* собирались ѣхать. Поутру товаровъ нагрузили свѣжихъ, отправились въ отправку въ Англію. *То* былъ Васинька Варегинъ въ гитару охотникъ играть. Гитару она у ево запрятала (на *фатéрѣ* оставила). Отъѣхали ковда, выѣхали нá море, жена и говоритъ: „всё, Васинька, хорошо, только въ одномъ я виновата: гитару я оставила, забыла“.— „Вотъ ты подлая! што развѣ карапь остановить для штуки

етой?"—Варегина жена сказала енералу, што „корапь остановить: нужно обратицца за гитарой". –Остановили корапь, отхватили лёгкую шлюпку. Варегинъ сялъ. Она ему разсказала, гдѣ лежитъ; онъ воротился за гитарой. Прибылъ на берегъ, побѣжалъ — можетъ быть улицу или двѣ ли, коли ешо тамъ добѣжалъ, — онѣ подняли якорь и уѣхали, оставили ево на сухомъ берегу.

То онъ гитару нашолъ, прибѣгаетъ на берегъ и видитъ, што онѣ очень далёко.—„Если мнѣ ѣхать въ етой шлюпкѣ, должонъ я въ бурю утонуть, а мнѣ ужъ ихъ не догнать!"— То онъ сколько бы побранился послѣ етова, пошолъ въ питейное заведеніе, съ горя взялъ себѣ водки выпить, Варегинъ. Приходитъ къ ночѣ на старую фатеру, сталъ жить-проживацца тутъ. (Деньги есь съ собой у ево).

11. То Варегинъ дождался: приходитъ на пристань корапь; онъ прибѣгаетъ, спрашиваетъ: „куда пойдётъ въ обратной путь корапь етотъ?" — „Въ обратную путь отправицца въ городъ въ Англію". — „Господа, возьмите меня съ собой въ англицкой городъ, я вамъ заплачу за ето!" (На розыски охота съѣздить). На будушшой день также перегрузились онѣ товарами, отправились въ городъ Англію; сялъ онъ съ *имя* тогда. Когда ему дѣлать нечево, онъ возьмётъ свою гитару, начнётъ выигрывать.

Пріѣзжаютъ въ Англію, приваливаюцца на пристань, а на пріёмку товаровъ пріѣзжаетъ енералъ съ ево женой. Сразу жена ево признала и говоритъ енералу, што „мой мужъ прибылъ сюды". — „Ладно-хорошо! Што мы будемъ дѣлать съ имъ?"—„Што хошь!" сказала она.—Енералъ сказалъ: „а по прибытности нѣтъ ли у васъ какова музыканта съ собой, въ музыку поиграть?"—Сказали ему, што „есь у насъ музыкантъ Васинька Варегинъ".—Васинька въ музыку игралъ, а самъ выговаривалъ, што „подлая жена, бросила меня на чужой сторонѣ!"

12. Очень енералъ скоро ево закликнулъ, што „Варегинъ, пособляй товары выгружать!" — Енералъ вытаскивалъ изъ своёва кармана тысчу рублей, положилъ къ Васинькѣ въ гитару. Тогда немного онѣ *поробили*; енералъ говоритъ, што „меня обокрали! я обыскъ хочу по вами сдѣлать!" — То обыскъ сдѣлали,—ни у ково не нашли, нашли въ гитарѣ у Варегина тысчу рублей. Сказалъ енералъ: „вы етѣмъ

наживаите и капи́талъ!.. Завернуть ево въ рогожу, завести́ за островъ, утопить ево въ морѣ!“—Салдаты живо завязали ево въ рогожу, завернули и связа́ли крѣпко, поло́жили на лёгкую шлюпку, повезли ево за островъ.

Сказалъ Васинька Варегинъ: „не топите, братцы, меня! погибаетъ душа моя напра́сно; пожалѣйте меня, отпустите на островъ, я вамъ дамъ по́ сту рублей денегъ... Тогда я уѣду на ямскихъ домой и виду не подамъ, жить здѣсь не буду!“—Салдаты пожалѣли Васиньку, развязали; онъ далъ *имя́* по́ сту рублей, а ево на островъ выпустили. На ямскихъ онъ прiѣзжаетъ въ свой опять городъ Петербурхъ, Васинька.

13. „Што сдѣлать?—схожу я въ въ питейное заведенiе, напьюсь до-пьяна́, тогда я пьяной лу́чше одумаю, што́ мнѣ сдѣлать“.—Напи́лся водки. Приходитъ салдатъ, берётъ тожо вина́. Васинька и думатъ *млѣньемъ*: „говорятъ, што солдатамъ плохо жить. Солдату есь на чево и водки брать! Пойду я самъ въ военную службу“. — Приходитъ онъ къ енералу и говоритъ, што „я, господинъ енералъ, желаю безо всякой *засчи́ты* въ военное положе́нiе“. — Енералъ хорошо ево знаетъ, што онъ Васинька Варегинъ. — „Тебя, Васинька, никакъ нельзя забрѣ́ть покро́мѣ царя: если царь прика́жетъ, такъ и я забрѣю“.

Доложили царю, што Васинька Варегинъ желаетъ въ военное положенiе безо всякой засчи́ты. Ц(с)арь на то сказалъ, што „ево безъ отца никакъ нельзя забрѣть, сынъ онъ одинъ: отецъ распоря́дицца забрѣть, такъ забрѣйте!“—Отецъ подумалъ такъ: „стало быть, онъ жену потерялъ, желаетъ въ салдаты; забрѣ́ть ево безо всякой засчиты (отецъ не научилъ, такъ пушай царь поучитъ!“).—Забрѣли ево.

14. Приказалъ енералъ, штобы не быть ему рядовымъ салда́томъ, а произвести въ каки-небудь офицера̀, и выше и выше. То, какъ онъ человѣкъ поучёной, военною службой очень хорошо заня́лся; заслужилъ себѣ чинъ офицера. Онъ съ этова горя (какъ до́ма раньше жилъ) сдумалъ пьянствовать. Всѣ деньги про́пилъ и одежду съ себя пропилъ; на̀чалъ у това̀ришшовъ ворова́ть, што-небудь да пропива́ть ташшы́тъ. Стали солдатики енералу жаловацца, што Варегина нельзя держать съ собой вмѣстѣ, што на́чалъ у насъ воровать кое-што. — Енералъ сказалъ, што „не могу слушать, взять ево на *сокро́ту*—не давать ему вина!“

15. Стря(е)дили ево какъ есь въ солдацкой мундѐръ, назначили къ генералу въ колидоръ на̀ вѣсти (часовымъ). Онъ стоялъ въ коридорѣ; енеральская дочь малая мимо ево идётъ; какъ сверсталась противъ ево, и уронила она шалфетку. („Што отъ ево будетъ, когда за нимъ воровство имѣетца?"). Онъ шалфетку ету прибиралъ, за обшлагъ пехалъ. Енеральская дочь шла мимо ево взадь, ништо ему не сказала (што онъ прибралъ; прошла и только).

Съ часовъ онъ смѣнился. Ведётъ ево товаришъ въ казарму подъ *довизоромъ*, штобы онъ не могъ зайти въ питейное заведеніе, шинель пропить. Идётъ онъ дорогой и говоритъ: „товаришъ, я хочу немного на дворъ; дозволь мнѣ саженъ пять отойти отъ тебя!" — Таваришъ ему дозволилъ; онъ саженъ пять отбѣгалъ, шалфетку вынималъ изъ карману, развязывалъ узолъ. Въ однѣмъ узлу, — видитъ,—завязано три золотыхъ. (Она гостинцы ему дала). А въ другомъ углу—развязалъ, видитъ: записка; и онъ, какъ человѣкъ грамотной, смотритъ: „одумайся, Васинька Варегинъ! не будешь еш(ж)ли водку пить, будешь жить богаче домашнова".

16. То Варегинъ одумался, што „я брошу водку пить!" Надѣвалъ скоро портки, шолъ съ товаришшомъ въ казарму. Приходитъ въ казарму и говоритъ: „ребята, дозвольте мнѣ ведро водки взять и *рѣшотку* калачей — васъ попотчивать; вы меня простите — я у васъ много пропилъ!" — Салдаты сказали, што „купи, Варегинъ, хорошое дѣло! попотчуешь насъ".—Заходитъ онъ въ питейное заведеніе, взялъ ведро водки; на рынокъ зашолъ, рѣшотку калачей скупилъ. Тогда напоилъ салдатиковъ; онѣ ево простили и сказали: „непремѣнно, подарилъ ему денегъ енералъ и наставилъ ево, видно, на путь".

Тогда онъ сказалъ: „старшій дѣлопроизводитель, позволь мнѣ на рынокъ сходить въ лавку — купить сукна на мундеръ и сапожки какъ есь: у меня мундеръ плохъ, нужно мнѣ мундеръ хорошой завести". — Купилъ, сшилъ себѣ мундеръ хорошой, обрядился какъ слѣдуетъ.

17. То онѣ во второй разъ опять ево поставили въ дежурство къ енералу въ калидоръ. Стоялъ онъ на часахъ; малая дочь мимо ево идётъ и остановилась, спрашиватъ: „А што, вы тотъ разъ стояли, я шалфеточку уронила — вы поды-

ма́ли?“ — „Да, подымали“. — „Это ничево, — говоритъ: — што вы подымали! А што въ шалфеткѣ было, то вида́ли?“ — „Да, ба́рошня, видали: въ однѣмъ узлу было три золотыхъ, а въ другѣмъ—записка“.—„Што жо, Васинька Варегинъ, не будешь больше пить?“ — Сказалъ ей, што „я *горести* (табачи́шша) и *матерши́ны* не могу перенести въ казармѣ— по старой жизни, какъ я жилъ у родителя. То-то бы мнѣ *фатѐру* особенную, я тогда не стану и водку пить!“ — На то она ему сказала: „*Мотри́*, Васинька Варегинъ, если тебѣ дадутъ особенную фате́ру, станутъ тебѣ завязывать глаза́, садить тебя въ глухую повозку, ты *айда̀*!“

18. Приходитъ она къ отцу и говоритъ: „Тятинька, нужно дать Васинькѣ Варегину особенную фатеру: онъ въ казармѣ не можетъ перенести съ такими людя́ми“. — Енералъ написалъ ему записку, што „придёшь въ казарму, тогда разъясни́ своимъ тава̀ришшамъ и разышши́ себѣ фатеру!“— *То* онъ приходитъ къ своѐму дядѣ къ Варегину (а къ отцу не пошо́лъ). Приходитъ; дядя весьма радъ, приня́лъ Васиньку Варегина въ гости. — „А што нужно, племянничекъ?“ — „Вотъ бы, дядя, мнѣ нужно фате́ру: я въ казармѣ не могу прожива̀цца“. — Дядя ему сказалъ: „ко́мната тебѣ готова и поваръ готовъ! ѣшь (потребля́й) мою пишшу, вы́чету съ тебя не будетъ (за ето я ничево не во̀зьму съ тебя)“.

Онъ поблагодарилъ дядю за ето, сходилъ въ казарму, свои ве́шшы взялъ и сказалъ салдатамъ, што „я буду стоять фате́рой у дяди у Варегина“. — Тогда стали, дѣйствительно, къ ему ѣздить: што не ночь, прiѣзжаетъ кучеръ въ глухой повозкѣ, завязывалъ ему глаза и возилъ ево. (Онъ съ енеральскою дочерью съ малой живётъ: она залюбѣла ево и возила ево каждую ночь къ себѣ).

19. Продолжалось неменьше году это вре́мё. Потомъ енеральская дочь ему говоритъ, што „будетъ намъ съ тобой зря жить; дамъ я тебѣ сто рублей денегъ и золоту́ю табате́рку; поставятъ тебя въ царской калидоръ на караулъ, а ты скажи, што не здоровъ, отпрашивайся у моѐва родителя; дай ему сто рублей денегъ, а если ето не помо́жетъ, отдай золотую табатерку, штобы отмѣни́ли только отъ карау́лу“. — Васиньку Варегина назначаютъ въ царской калидоръ въ Христо̀вскую заутриню стоять въ дежурство, и

онъ сказалъ, што „я не здоровъ“.— *То* сказали салдаты: „отмѣни́ть мы не можемъ, проси́сь ты у енера́ла“.

Приходитъ онъ къ енера́лу, передъ имъ на колѣни стаётъ и говоритъ, что „Ваше Высокородіе, отмѣните меня: я не здоровъ; получите лучше вотъ съ меня сто рублей денегъ. Я не здоровъ“.—Генералъ: „нельзя никакъ тебя“ —говоритъ:—„смѣнить, отста́вить отъ дежу́рства: назначенъ ты царёмъ“.—Послѣ етова подалъ онъ ему золотую табатёрку.— „Нельзя-ли какъ отмѣнить? я ши́пко слабъ, не здоровъ“.— Тогда енералъ взялъ золотую табатерку и сказалъ: „*мотри́*, Варегинъ, какой будетъ спросъ, ты ужъ скажи, што не здоровъ сильно“.

20. Послѣ этова пошолъ онъ по́ городу и нашолъ онъ такова человѣка, кто можетъ соста́вить паску и на аналой поставить въ Христовскую зау́треню. Т*о* ударили въ Христовскую заутреню, является Варегинъ въ монастырь въ такой, гдѣ царь пріѣзжаетъ. Царю пропѣли паску, начинаютъ Варегину пѣть; царь слу́шатъ. Заутреня отхо́дитъ, начинаетца обѣдня; царю пропѣли паску, также и Варегину, на конецъ. Царь сказалъ, што „Варегинъ, умѣлъ на аналой паску поставить, умѣй съ налою её и взять!“—Варегинъ стоялъ, отвѣчалъ: „умѣлъ—говоритъ:—Варегинъ поставить, умѣю и взять: возьму съ нало̀ю, и царь не увидитъ“.

Т*о* обѣдня отошла, видитъ царь: паски Варегина нѣтъ на аналоѣ. Тогда царь приказалъ всѣмъ къ Варегину на обѣдъ итти съ поздравленіемъ. Т*о* царь приказалъ, што съ нижнихъ чиновъ и до высшихъ ему прибавля́ть—чинъ отъ чину. Надавали на окончаніе ему чинъ енерала: енералъ на послѣдѣ шолъ и сказалъ, што „быть тебѣ енераломъ“. На окончаніе царь сказалъ: „когда онъ генерала могъ черезъ Паску получить, потребовать на него га(о)луны́, надѣть!“—Отобѣдали у Варегина, разъѣхались по мѣстамъ. Варегинъ на оконча́ніе сходилъ на рынокъ, купилъ онъ себѣ сукна хоро́шова, нашылъ одёжды хорошой (генералу ужъ нужно хорошую шинель!), сапожки получше купилъ себѣ.

21. Потомъ онъ жилъ енераломъ мѣсяцъ—другой. Царь спохватился: „черезъ чево онъ чинъ скоро получилъ?“— Царь требуетъ къ себѣ ево (Варегина енерала) на совѣтъ. Т*о* пріѣзжаетъ Варегинъ къ царю на совѣтъ: „зачѣмъ вы

меня трёбуите?“—Царь сказалъ: „скажи мнѣ отъ чистой совѣсти, черезъ чево ты скоро чинъ получилъ? (На приступахъ ты, — говоритъ: — нигдѣ не бывалъ!)“ — Варегинъ царю сказалъ на то: „не знаю, — говоритъ: — Ваше Царское Величество, то́ ли я съ женой твоей, то ли съ дочерью твоей живу!“ — „Почему это ты вы́разилъ мнѣ такія рѣчи?“— „А потому,—говоритъ: — што кажной ночи возятъ меня въ глухой повозкѣ, завязываютъ мнѣ глаза, — говоритъ:—ночью увозятъ и ночью привозятъ“. — Царь на то сказалъ, што „не *обходя́* каждую ночь тебя возятъ?“—„Да, кажную ночь“.— „Вотъ я тебѣ дамъ пузырёкъ; ты какъ ля́гешь съ ей, на шшо́чку ка́пни; тогда я узнаю, съ кѣмъ ты живёшь“. — Затѣмъ Варегинъ отправился домой отъ царя.

Ношны́мъ бытóмъ пріѣзжаютъ за Варегинымъ, завязываютъ ему глаза, са̀дятъ въ глухую повозку. Легли онѣ съ ей въ спальну, и онъ взялъ пузырёкъ и ей капнулъ на шшочку; она *забойкала,* соскочила, смотритъ въ зеркало, што пятно́. И сколько бы она мыломъ не смывала, некакъ не можетъ смыть. То разсердилась, што „мерза́вецъ! завяза́ть ему глаза, свезти ево на *фатёру*!“ — То поутру́ царь ево спрашивалъ: „Што, Варегинъ, ѣздилъ къ своей сударкѣ?“—„Ѣздилъ“.—„Капнулъ?“—„Капнулъ“.—„Вотъ въ такомъ-то часу пріѣзжа́й на смотръ! записныхъ я невѣстъ *вы́гаркаю,* и посмо́тримъ, съ кѣмъ ты живёшь“.—Тогда дѣйствительно царь всю свою *дво́рню* осмотрѣлъ — и жену и дѣтей своихъ, — нѣтъ ни на ко́мъ. Тогда съѣхались купеческіе дочери записны́е и также и енера́льскіе жо́ны и до́чери; *то* поглядѣлъ царь,—не на кѣмъ нѣтъ.

Сказалъ царь: „ково ешо у насъ изъ записныхъ невѣстъ кѣту?“ — Сказали, што „малой енеральской дочери нѣту, она не здоро́ва“.—Сказалъ царь: „штобы предоставить её, хотя она и нездорова! у насъ есь военные дохтура́, посмотрятъ, чѣмъ она нездорова; пушшай всё таки прибудетъ на смотръ!“—То она пріѣзжаетъ. Царь смотритъ: она шалфеткой свои шшочки завязала.—„А што у тебя, у́мница? чѣмъ ты не здорова?“—„У меня, Ваше Царское Величево, зубы болятъ“. — „Развяжи, погледимъ!“ Снять ей велѣлъ шалфётку; усмотрѣлъ у ей товда пятно́.

Царь и сказалъ: „вотъ, госпожа невѣстка, не желаешь ли итти замужъ за Варегина за енерала?“ — „Наше дѣло

дѣвичье! какъ онъ возьмётъ? мало ли бы што я пошла̀!" говоритъ. — Царь сказалъ: „Варегинъ, не желаешь ли енеральскую дочь малую замужъ взять за себя?"—„Съ великой охотой возьму!" — Царь велѣлъ съѣздить повѣнчацца. — „Когда умѣлъ чинъ енерала получить, такъ не смѣняю я тебя: оставайся енераломъ! Молодецъ! правду сказалъ, не омманулъ царя и, што я велѣлъ, исполнилъ!"

22. Когда Васинька Варегинъ поѣхалъ къ вѣнцу, дядѣ своѣму наказалъ отца съ матерью своѐва въ гости позвать. Тогда отецъ съ матерью къ брату въ гости приходятъ. Прiѣзжаетъ Васинька отъ вѣнца; тогда онѣ въ ноги родителями па̀ли, а отецъ ево простилъ во всѣхъ дѣлахъ. Отцу объяснилъ, што жена моя скрылась, и я неизвѣстенъ, гдѣ она живётъ; и я съ горя пожелалъ на военную службу.

Завели пиръ; также и царя потребовали къ себѣ на гуля́нку. Кутили очень долго, ра́довались.

Съ мѣсяцъ дру́гой послѣ етова послужилъ въ енералахъ съ женой; потомъ попросился онъ у царя въ Англiю: „у меня есь задушевной таваришъ; дозволь мнѣ, Ваше Царское Величество, туда съѣздить, повидацца". (Охота опять къ женѣ своей къ первой явицца, къ первому *закону*).— Царь ему дозволилъ.

23. Взялъ онъ съ собой тѣлохранителя и отправился въ Англiю. Прiѣхалъ въ англiйской городъ; надѣли оба шинели солдацкiе: „скажемъ, што мы солдаты, посла́ты изъ Питербургу сюда послужить... Ты не говори, што я енералъ!"—То онѣ являютца въ англiйской городъ, доло́жили енера́лу, што „мы присла̀ты изъ города Питербургу сюды́ послужить; примите насъ, прiодѣли́те въ какiе полка̀". То опредѣлили ихъ въ полки; начинаютъ онѣ тутъ жить. То Варегина назна̀чили къ енералу на̀ *вѣсти* стоять въ калидоръ, въ дежурство.

Пошла́ ево жена въ садъ въ разгулку и говоритъ: „солдатъ, сними съ меня колоши: мнѣ по са́ду гулять очень тяжело будетъ въ колошахъ!"—Товда Варегинъ сказалъ: „ахъ ты мерза́вка! не есь съ тебя колоши снять, а есь съ меня, я подороже тебя! я, по крайней мѣрѣ, мужъ!" — То она не пошла въ садъ въ розгулку, воротилась въ комнаты назадь. Говорила своѐму *гулевану* енералу, што „мой мужъ Варегинъ стоитъ въ колидорѣ на часа́хъ".

24. Енералъ посмотрѣлъ на Варегина въ калидорѣ и воротился въ комнаты назадь. Не черезъ долгое время енералъ собра́лся въ гости, наказывалъ солдату, „штобы никово не впушша́ть, *покуль* я ѣзжу въ гости!"—Прiѣзжаетъ оттудова и ведётъ салдатовъ за собой, канвой ужъ. Енералъ приходитъ и говоритъ: „А што, господинъ одина́рецъ, нихто у меня въ комнатахъ не́ былъ?" — „Никово не́ было покромѣ меня!"—Заходитъ въ комнаты поли́ца и тамъ смотрятъ: камотъ перебитъ росшибленъ и тамъ бума́жникъ изорва̀тъ валя́цца сере́дь по̀лу.—„Въ этѣмъ бума́жникѣ было у меня нѣсколько тысячъ денегъ!"—Товда ево присудили скоро къ полевому суду, къ рострѣлу: черезъ шесь часовъ штобы рострѣля́ть ево. (Вотъ и господинъ енералъ! добился опять). То приказалъ ево закова́ть, свести въ тюре́мной за̀мокъ.

25. То онъ приходитъ въ тюремной за̀мокъ, попросился у этѣхъ же салдатовъ сходить къ тава́ришшу ве́шшы переда́ть свои. Къ тѣлохранителю приходитъ, говоритъ, што „ты возьми мои ве́шшы. Какъ меня рострѣлятъ, ты тогда ношны́мъ бытомъ вынь, роздѣнь донага́; есь у меня въ чемоданѣ три свѣточка, поло́жь эти три свѣточка на серцо, на̀ лобъ и на грудь: черезъ часъ если я живой буду, такъ буду, а не буду, такъ закопай меня опять въ яму!"—Тѣлохранитель боицца ношнымъ бытомъ такъ итти; запа̀съ себѣ вина̀, напи́лся пьяной, потомъ пошолъ отрыва́ть ево. Отры́лъ ево, роздѣлъ до-нага, положилъ на грудь и на́ лобъ и на серцо (какъ ему наказа́лъ).

Былъ онъ *трубоку́ръ*, началъ тру́бку раску́ривать; пьяной колды́-то нало́житъ, колды́-то раску́ритъ, — часъ вре́мё прохо́дитъ. Варегинъ стаётъ, а тѣлохранитель испужа́лся, отъ ево побѣжа̀лъ.—„Не бѣгай, това̀ришъ! Подай мнѣ изъ чемодану бѣлую рубашку, а што есь, себѣ прибери! То поживи́ здѣсь; я отправлюсь въ свой городъ Петербурхъ. Ты поживи здѣся! я скоро къ тебѣ прибуду!"

26. То онъ отправился на ямскихъ въ свой городъ Петербурхъ. Ладно-хорошо. Прiѣзжаетъ въ городъ Питеръ; очень тежело́ царская дочь хвора̀етъ. Варегинъ надѣвалъ одежду до́хторскую, назва́лся чужостра̀ннымъ до́хторомъ; сказалъ слу́гами: „доло́жьте царю, што я съ измалѣтства этѣмъ занимаюсь; не при́метъ ли меня царь дочь свою

лѣчить?“ — То царь приказалъ дохтуру этому: „вы́лѣчишь мою дочь, больша́ тебѣ будетъ награ́да!“ — Што „мнѣ лѣчить не подобàетъ самому дѣви́цу; я отдамъ на честные руки же́ньшинѣ свое лѣкарство. Женьшинѣ этой розсказалъ: „ты роздѣнь её до-нагà и положь ей на грудь, нà лобъ и на серцо три свѣточка“... *То* черезъ часъ времё налились у царской дечери кро́ви и черезъ часъ времени сдѣлалась всѣмъ здоро́ва, лучше старова.

27. Тогда она спрашивала: „изъ какихъ ты родовъ? изъ какихъ земель явился ты, до́хтуръ?“ — „Я съ изма́лыхъ лѣтъ хожу и я своёва роду-пле́мени не знаю“.—Царская дѣви́ца прихо́дитъ къ своёму родителю и говоритъ царская дочь: „я желаю за етова до́хтура замужъ идти!“ — Царь приказалъ: „што же! желаешь за ево за́мужъ идти—сходи повѣнчàйся съ имъ!“—Послѣ етова стали онѣ съ ей поживàть.

28. Тогда сказалъ Васю́тка Варегинъ: „нѣтъ ли, тятинька, у тебя въ какихъ городахъ *силы* мнѣ попровѣдовать съѣздить? не обижаютъ солдатиковъ енералы?“ — Назначилъ царь ево въ городъ (Самаркандъ), — да не въ тотъ. Онъ съѣздилъ въ етотъ городъ очень скоро. Пріѣзжаетъ и говоритъ: „тятинька, не назначишь ли меня въ городъ Англію?“—Сказалъ царь, што „силы тутъ немнòго стоитъ“.— „А я,—говоритъ:—слыхàлъ: тутъ городо́къ хоро́шой“.—То царь ему приказалъ и въ Англію съѣздить. Тогда онъ поѣхалъ со своёй женой (взялъ царскую дочь съ собой).

29. Дàли знать въ Англію, што въ которой день наслѣдникъ прибудетъ. То онѣ недоѣхавши одну станцію до англійскова городу,—женѣ онъ сталъ говорить: „Жена, ты знаешь ли, хто я есь такой?“—„Не знаю, я только то знаю, што ты мнѣ мужъ“.—„А ты не знавàла ли Васиньку Варегина прежде?“ — „Какъ же не зна́ла!“ — „Вотъ я самой и есь“. — „Какъ же, Варегинъ, — говоритъ: — не въ давнее время ты служилъ у насъ енераломъ, взялъ енеральскую дочь малую?“—„Да и вѣрно,—говоритъ:—а первова зако́ну за мной была офицерская дочь; ѣду я теперь—её хочу нарушúть: она живётъ съ енерàломъ въ Англіи. Ты ночь севòдни здѣсь обожди́, а поутру́ пріѣдь; я въ ночь севодни отпра́влюсь въ Англію вперёдъ. *Мотри́*, если ужъ ты меня нигдѣ не мо́жешь найти, такъ ишши́ меня въ тюремномъ за́мкѣ!“ (Онъ начепуши́тъ опять тамъ ужъ!).

30. То простѝлся съ царскою дочерью и отпрáвился въ ночь въ Англію. Пріѣзжаетъ; бѣжѝтъ прямо въ казарму. Приходитъ: солдàты чистятъ рýжья и мундéры свои и сапóжки, па смотръ выходить подчишшáются. Сказалъ Васинька, што „онъ не для́ етова ѣдетъ, наслѣдникъ, ему не нужно ваше чѝшшенье!... А што же? я гляжу, што у васъ такова-та солдатика нѣтъ. Гдѣ же онъ находицца?" (Тѣлохранителя своёва спрàшиватъ).—„Онъ находицца у енерала въ бáнникахъ, въ бáнѣ и спитъ (день и ночь проживàецца въ банѣ). Ужъ хорóшова человѣка спросилъ, сáмова послѣднева!"—„Затѣмъ, братцы, прошшайте! а мнѣ нужно съ имъ повидацца".

31. Приходитъ онъ въ баню. И онъ также чиститъ ружейцо и свой мундéръ; тóжо на смотръ подготáвливацца. По имени ево назвáлъ, по изòтчеству ево звеличáлъ, поздоровался съ имъ. Банникъ не можетъ ево признàть. —„А што, землякъ,—я тебя не признаю́ — ты *откуль*? какой? какъ тебя зовутъ?"—Сказалъ Васинька: „а прежде знавалъ Васиньку Варегина?"—„Какъ же не зналъ господина енерала!" — „Вотъ вы теперь ждёте наслѣдника, а я теперь въ наслѣдники наступилъ!"—„Чево вы городите, Варегинъ? неужели, — говоритъ: — правда?" — Тогда онъ растегнулъ свою шинéль, казáлъ ему нижной мундéръ. Потомъ онъ передъ имъ на колѣнки палъ... — „Это не нужно! сходи въ питейное заведеніе, купи двѣ бутылки водки, да *бисéрту* купи; а про ето нештò не говори, што у меня наслѣдникъ въ гости".—То притàскиватъ двѣ бутылки водки и вся́кова бисéрту.—„Мы севóдни, — говоритъ:—ночь пропируемъ, а завтра што-небудь открóемъ!"—Приказалъ онъ товáришшу наклáсь въ ранецъ г..енъ и *калбушекъ* (обрубковъ); „и ставàй съ лѣвова флáнку на край! съ тебя я буду смотръ дѣлать—съ краю, завиню́ тогда енерала".

32. Ночь ета проходитъ. Поýтру рано ѣдетъ царская дочь; и въ барабанъ ударили, што ѣдетъ скоро наслѣдникъ, што выходить скорѣе на смотръ! (Наслѣдница торопицца, штобы ево не убили). То енералъ скричѣлъ своими кучерами, што „подайте поскорѣе мнѣ карету! поскорѣе на смотръ ѣхать!" — То енералъ выходилъ, садился въ карету со своѐй жонкой. Васинька выходилъ изъ бани и сказалъ: „куды ты, сволочь, садишша съ енераломъ? ты не

енерала, а Варегина жена! Б...и́на ты етакая таску́шшая!" (*обледевóнилъ* её). То енералъ приказалъ ево заковать: „*покуль* смотры́ не отойдутъ, пуша́й онъ сидитъ въ тюремномъ замкѣ! (Какъ можешь обледевȍнить мою жену?" говоритъ).— То повели ево, закова́ли.

33. А ѣхала ево жена, царская дочь—въ повозкѣ стояла па ногахъ и глядѣла, гдѣ несчастнова поведутъ. То увидѣла наслѣдница. Онъ сказалъ, што „мнѣ подайте одежды и расковать меня сей минутой!"—То изъ екипȁжу ташша́тъ ему одéжды. То увида́лъ енералъ, когда онъ снаряжа́лся въ наслѣдницкую одежду, — тогда енералъ *сгорюхну́лся*. — „Хто могъ ему сказать? вѣдь и вѣрно, што не моя жена!"

Тогда снаряди́лся въ одежду, являлся къ солдатамъ. Поздоровался съ енераламъ, подходилъ къ солдатамъ на смотры́.

А къ царской дочери подходила енеральша поздорóвацца; за ручку взяла, а царская дочь и говоритъ, што „здравствуёшь, офицерская дочь и Варегина сноха!"—А она говоритъ: „Царская дочь, я не Варегина сноха, я за енерала выходила дѣвушкой за́мужъ".—„Нѣтъ, не можетъ быть! Ты меня омма́нывашь!"

34. Варегинъ приходитъ съ лѣвова фланку къ салдатику и говоритъ: „ну-ко, солдатикъ, хороши́ ли тебѣ выдаетъ енералъ вȅшшы? Покажи, штó у тебя въ ранцѣ въ солдацкомъ!"—Развяза́лъ онъ рȁнецъ, оказа́лось у нево въ ранцѣ г...ы и *калбушки*. — „Разѣ я на смѣхъ пріѣхалъ?" скричѣлъ наслѣдникъ: „Ранцы бросить за фрунтъ, штобы не за однѣмъ не было! Не смѣяцца надо мной, господинъ енералъ!.. Съ енерала голуны́ долой! оборвать съ ево голуны, надѣть на ба́нника! А тебѣ быть не енераломъ, а быть тебѣ въ бȁнникахъ!" — Съ енерала голуны оборва́ли, надѣли на ба́нника.

35. Послѣ етова подходитъ къ первой своей женѣ, къ офицерской дочери и говоритъ: „штȍ, ты признаéшь меня мужомъ, што я Варегинъ Васинька?"—Она говоритъ: „я не признаю́!"—„Когда ты меня не признаéшь, я могу съ тобой иначе распорядицца теперь!" Привяза́ть приказалъ её къ столбу и растрѣлять изъ шести ружей её и зарыть её въ яму. („Она меня,—говоритъ:—растрѣля́ла и топи́ла!"). Тогда жену ево рострѣлили и зары́ли.

Таваришшу своѐму наказалъ: „служи́ и правь этѣмъ городомъ! я къ тебѣ буду прiѣзжать почáшше, навѣшшáть тебя“.—А женѣ своей сказалъ, царской дóчерѣ, што „ты отцу своёму не выражáй тѣ рѣчи, што я Вáрегинъ! мы такъ съ тобой и изживёмъ вѣкъ“. — И сталъ онъ съ царской дочерью жить.

---

15. „Побывальшинка“. [Легенда].

1. Жилъ былъ старичóкъ. До товó добúлся, што ему уже питàцца нечѣмъ стало. И пошолъ онъ за 30 верстъ на такое озеро рыбàчить. Испрàвилъ онъ на этѣмъ озерѣ себѣ балагáнъ земляной и въ этотъ балагáнъ онъ перевёзъ жену и дѣтей. Послѣ этова онъ далъ клятьбу, што „если я на себя (кажной день) не заýжу рыбу, то не буду я *ись*: день буду удить, а ночью Богу молúцца“.—Онъ не заýживалъ на себя, только заýживалъ на жену и на дѣтей. *То* Господь далъ ему терплéнье: не ѣлъ онъ съ мѣсяцъ.

2. Потомъ тутъ такой день выдался,—заудилъ онъ двѣ рыбки лишнихъ; потомъ онъ не сталъ удить, прослàвилъ Бога: „слава Богу! Господь меня сужалѣлъ, далъ мнѣ на *прòпиталъ* двѣ рыбки лишнихъ!“ Сказалъ: „мнѣ жена сварúтъ севодни, я поѐмъ!“—Подходитъ къ балагану и женѣ говоритъ: „говори, жена: слáва Бохъ!“ — А жена отвѣчала: „а штó, старикъ? слáву Бохъ!“

Онъ женѣ объясняетъ, што „я севодня на себя заудилъ двѣ рыбки лишнихъ: Господь на меня далъ!“ — Жена: „не на тебя Богъ далъ, а я тебѣ родилà ишò два сына,—на ихъ Господь далъ двѣ рыбки лишнихъ!“—Потомъ старикъ сказалъ: „когда ты родилà два сына, я ешó не буду *ись*, ловúть буду. Слава Тебѣ, Господи, што ты меня не скричѣла, одна родилà!“ — Послѣ тово онъ трóи сутки удилъ, также заужàлъ на жену и на дѣтей, а на себя нѣтъ нисколь.

3. Ночь онъ промолúлся; поутру своей *хозяйкѣ* сказалъ, што нужно ихъ въ крешшóну вѣру везтú, дѣтей. *То* онъ оставилъ жену въ балагáнѣ, а самъ пошолъ въ селéнье за свяшшéнникомъ. Встрѣчу идётъ къ ему молодецъ, сказалъ: „куды, старикъ, пошолъ?“—„Родилá у меня жена два сына, нужно ихъ въ крешшòну вѣру везти“.—А молодецъ отвѣ-

тилъ: „возьми меня въ кумовья́!“ — *То* онъ посмотрѣлъ черезъ правое плечо, а показался ему нечистой духъ—этотъ молодецъ. Сказалъ старикъ: „отойди ты отъ меня, нечистой духъ! я и то въ грѣхахъ потонулъ безъ тебя. Какой ты мнѣ кумъ?“ — *То* онъ захохоталъ, этотъ молодецъ, пошолъ отъ ево въ сторону, а старикъ пошолъ дорогой.

Отошолъ онъ немножко,—идётъ молодецъ есшо чишше тово навстрѣчу. И этотъ молодецъ сказалъ: „куда тебя Господь понёсъ, старичокъ?“ — Старикъ молодцу сказалъ: „у меня жена родила два сына, мнѣ охота въ крешшо́ну вѣру привести́, я пошолъ за свяшше́нникомъ“. — „Возьми меня къ себѣ въ кумовья!“ говоритъ етотъ молодецъ. Поглядѣлъ онъ черезъ право плечё и видитъ, што показался хорошой души́.

Старикъ ево пригласилъ въ кумовья́. — „Когда ты меня приглаша́ешь въ кумовья́, я тебѣ дамъ три золоты́хъ: свяшше́нникъ не поѣдетъ даромъ на своей лошадкѣ; не утай (не жалѣй ихъ), отдай эти три золотыхъ свяшше́ннику! Я пойду къ твоёй женѣ, а ты *тупай* къ священнику!“ (Господь ангела сосла́лъ ему, онъ только молодцомъ оказался).

4. *То* старикъ не больше часу шолъ: не́ въ *кою* пору дохо́дитъ до селенія. Т*о* приходитъ къ свяшше́ннику. — „Ба̀тюшка, я до твоёй милости: у меня родила̀ жена два ма́льчика; вотъ на такомъ-то озерѣ я живу, за 30 вёрстъ. Нужно мнѣ ихъ въ крешшо́ную вѣру окрести́ть, я до твоёй милости пришо́лъ“.—Свяшшенникъ ему на то сказалъ: „ты бы склалъ ихъ въ полу, приташшы́лъ бы, я бы ихъ окрести́лъ, ты бы уташшы́лъ ихъ домой!“ Священникъ приказалъ: „вы́берись изъ моёва дому, я не поѣду!“

Потомъ онъ подходитъ къ столику (стари́къ), клалъ ему на столикъ три золотыхъ. Во второй разъ онъ изъ горницы выходитъ, глядитъ: на столикѣ три золотыхъ, старикъ положилъ. — „Ахъ, старичо́къ, у тебя *ишо* три золотыхъ водицца!.. Стря́пка, станови́ самоваръ, мы съ имъ чайку́ напьёмся!“ А кучеру велѣлъ лошадь запрекчи: „поѣдемъ мы съ имъ дѣтей окрестить“. — Старикъ сказалъ: „нѣтъ, батюшко, я чаю твоёва не буду пить; ты чаю напьёшша, поѣдешь, меня нагонишь, а я пойду пѣшко́мъ“.

5. Старикъ меньше чаю шолъ; свяшшенникъ *ешо*, пожалуй, только изъ двора́ пошевели́лся,—ужъ онъ пришолъ

на озеро къ своему балагану. Гдѣ балаганъ стоялъ, тутъ, на томъ мѣстѣ, образовался домъ каменной и кругъ дому цвѣты росцвѣли. Удивился старикъ. „Неужели я неладно пришолъ? пролуби мои, а балагану нѣтъ!“—*То* какъ вразъ выбѣгаютъ ево старшіе дѣти изъ комнатъ отца стрѣчать. *То* онъ дѣтями говорилъ: „хто выстроилъ этотъ домъ?“ — „Пришолъ къ намъ какой-то молодецъ, вдругъ всё появилось“. — *То* заходилъ онъ въ домъ; кумъ сидѣлъ ево на лавкѣ. Старикъ говоритъ куму: „какъ, кумъ? непремѣнно свяшшенникъ роздумалъ! я сколь дорогой оглядывался, а онъ меня не догоняетъ“. — „Свяшшенникъ въ путѣ, скоро пріѣдетъ“. (Ангелъ какъ не знаетъ!).

Дѣйствительно, свяшшенникъ пріѣзжаетъ къ етому дому, сдивился. „Неужели я неладно пріѣхалъ? Онъ сказалъ мнѣ: живу въ балаганѣ, а *етта* домъ каменной! это што такое?“—Свяшшенникъ здумалъ назадь воротицца отъ етова дому. Потомъ, значитъ, анделъ ево посылаетъ: „кумъ,— говоритъ:—*тупай*, свяшшенника зови въ свой домъ!“—Выходитъ старичокъ, свяшшенника зовётъ въ домъ. Свяшшенникъ: „Ахъ, старичокъ! какъ поживаешь? сказалъ, што живу въ балаганѣ, а домъ у тебя вотъ какой, што въ селеньѣ такова дому нѣту!“ — А старикъ на то сказалъ: „на всё Господь!“

6. Заходятъ въ домъ. Потомъ кумъ говоритъ: „ты, кумъ, поди въ кладовую, три поклона положь; тутъ есь купель. А я пойду за водой: мнѣ подобаецца за водой итти!“—Подходитъ старичокъ къ кладовой, положилъ три поклона; дверь отворилась: стоитъ двѣ купели — одна золота, друга серебряна. *То* онъ взялъ золотую купель, вытаскиваетъ, становитъ середь полу. Кумъ наливалъ въ купель воды; приказалъ отцу сходить за дѣтями, дѣтей приташшыть. Старикъ приходитъ изъ той комнаты безъ дѣтей. „Сходи, кумъ, самъ ташшы дѣтей: руки у меня не подымаюцца взять ихъ“. (Самъ испужался, што такое). Кумъ отправился за дѣтями за ево; приходитъ, тово взялъ на руку, другова— на другую. *То* приноситъ дѣтей — одинъ сынъ въ золотой ризѣ, а другой въ серебреной. Свяшшенникъ, смотря на мальчиковъ, оробѣлъ. Анделъ отвѣчалъ свяшшеннику: „открывай книгу, гляди, какой севодни день андела: такіе и имена давай!“

Свяшшенникъ на то ему сказалъ, што „мнѣ подоба́ецца ихъ (такихъ мальчиковъ) крестить?“—„Нѣтъ, духовни́къ, онѣ въ крешшо́ну вѣру не введёны, полагаецца ихъ крести́ть“.—То роздѣлъ ихъ изъ ризъ, подаётъ свяшшеннику, и онъ посмотрѣлъ въ кни́гу, назна́чилъ *имя́* имена̀; окрестилъ. И пе́редалъ анделъ отцу, сказалъ: „снеси́ женѣ и по́ три поклона за ихъ поло́жь!“—А изъ купе́ли воду вылилъ, поста́вилъ середь по́лу купель. Старикъ приходитъ; онъ приказалъ ему купель на мѣсто снести, выйти изъ кладовой поблагодарить купе́ль и три поклона поло́жить. (А свяшшенникъ всё глядитъ на ихъ, што онѣ исправляютъ).

7. Старикъ сташшы́лъ купель и говоритъ: „кумъ, нѣтъ ли чѣмъ накормить свяшшенника? свяшшенникъ пріѣхалъ за́ 30 вёрсъ, небо́сь *ись* захотѣлъ“.—Кумъ ему сказалъ: „поди́, кумъ, къ этой кладовой, три покло́на поло́жь, отво́рицца дверь,—тутъ есь на сто́ликѣ всё, ташшы́ сюды́“.—Старикъ три покло́на поло́жилъ, отвори́лась дверь,—на присто̀лѣ всево довольно; онъ постоя́лъ, а ничево́ не взя́лъ, такъ выхо́дитъ.—„Кумъ,—говоритъ:—чѣмъ таскать, нельзя ли намъ за этимъ пристоломъ покушать?“—„Можно,—сказалъ:—иди́, ба́тько, съ на́ми!“—Заходятъ, садя́цца за присто́лъ за этотъ.

Сидѣли очень долго. Анделъ сталъ говорить свяшшеннику: „батюшко(а), теперь тебя нужно провожать отсюда, сидимъ мы очень долго за присто̀ломъ“.—А свяшшенникъ: „не очень,—говоритъ:—сиди́мъ долго; какъ я пріѣхалъ, не больше,—говоритъ:—какъ часа́ три и съ ѣздой прошло вре́мя!“—А а́нделъ отвѣчаетъ: „нѣтъ,—говоритъ:—батюшко, ты теперь у насъ гости́шь три года, прошло три зимы́ и три лѣта, а тебя бе́зъ вѣсти потеряли: на твоёмъ мѣстѣ служитъ свяшшенникъ другой“.—„Нельзя ли, милые дѣти, мнѣ съ вами жить?“ сказалъ свяшшенникъ. (Поглянулось ему).

Анделъ сказалъ, што „ты здѣсь жить не досто́енъ. *Тупай* ты на своё мѣсто, тебѣ отъ Бо́жьёва храму не отка́жутъ. Когда е́жли охота свою душу спасти, дакъ ты што тебѣ дадутъ, дакъ только то и бери! а не то, што за „вѣнча́нье давай 10 рублей“; а тебѣ только бы *пропиталъ* былъ, и ладно! Ты человѣкъ начи́танной, слѣпыхъ людей на умъ наставля́й, штобы онѣ Бога могли признавать!“

8. Проводи́ли священника домой, остались двое. — „Кумъ, — говоритъ: — моё дѣло старое; ты уйдёшь! скажи́ мнѣ, чѣмъ я буду своихъ дѣтей пропитывать?“ (А онъ не знатъ, што онъ ангелъ; видитъ, што онъ хорошой души́).— То ангелъ сказалъ: „поди, — говоритъ: — тутъ есь кладова̀; въ этой кладовѣ есь большой мѣшокъ и кирка́, — ташшы́ сюды́!“—То приташшы́лъ дѣйствительно большой мѣшокъ, кирку и лопатку.—„А женѣ твоей на *пропиталъ* тутъ всево довольно будетъ! Пойдёмъ мы съ тобой по *Ура̀лу*!“

Идутъ онѣ *Ура̀ломъ*, доходятъ до такихъ травъ; вели́тъ онъ ему и́съ корню копа́ть эти травы. Накопа́ли этѣхъ (всякихъ) травъ полонъ мѣшокъ. То сказалъ: „*мотри́*, кумъ, будешь ты такой дохтуръ,—по свѣту только одинъ, проти́въ тебя никакова дохтура больше не будетъ! Народъ не будетъ меня видѣть, только видѣть ты будешь меня одинъ: стану я къ которому рабу въ головы, ты тово раба лѣчи; стану я къ которому рабу въ ноги, ты тово раба не лѣчи ужъ! *Мотри*, кумъ, што̀ тебѣ только дадутъ, ты только то́ бери́, а не дадутъ—и такъ лѣчи; а взятки большіе за лѣченье не бери!“

9. „Пойдёмъ мы съ тобой къ королю. Король лёжитъ, 30 лѣтъ хвораетъ ужъ. Онъ весь въ *про̀лежняхъ*, король; на сима́хъ (въ зыбкѣ) виситъ, не можетъ на крова́тѣ лёжа̀ть“.— То приходятъ *хъ* королю́; ангелъ стаётъ *хъ* королю́ въ го́ловы,—короля подобаецца лѣчить. А старикъ называецца руськимъ дохторомъ.—„Не желаешь ли, господинъ король, здоровья? Я тебя вы́лѣчу!“—А король на отвѣтъ сказалъ, што „если ты меня вы́лѣчишь, дарю я тебя города́ми и пригородками, и деревня́ми; бери всё это себѣ, только вылѣчи!“—Вынима́етъ онъ травъ, *натопилъ* (запарилъ въ горячей водѣ) этихъ травъ, подаётъ королю лѣкарство это (въ такёй водѣ). То король эти лѣка́рствы пилъ три дня,— налились въ имъ крови и сдѣлалась ему легота́ лучше старова. Король сказалъ, што „всѣмъ ты дохтура́мъ дохтуръ! изо всякіихъ земель я достава́лъ дохтуро́въ, покромѣ тебя нихто меня не могъ вы́лѣчить!“

Король написа́лъ письмы, посла̀лъ по всѣмъ держа́вамъ, што „вѣрю я по себѣ: хто если шипко скудно хвора́етъ, ѣхали бы за имъ: покромѣ етова лучше дохтура нѣтъ“.— Потомъ ево дарилъ городами и деревня́ми, также много

золотой казны и имушшества, и отвёлъ ему (далъ ему) на вѣки городъ и домъ.

10. Тогда письмо получилъ одинъ король, посылаетъ за имъ карéту и послáнника, за этѣмъ дохтуромъ. Тожо боленъ король. Пріѣзжаетъ кучеръ, пó поесъ клáнялся—звалъ ево къ себѣ въ городъ королá лѣчить. Садился тогда дохтуръ въ карету, катился въ кóролéвство. Пріѣзжаетъ, заходитъ *хъ* королю въ домъ. Дохтуръ подходитъ *хъ* королю, а ангелъ стаётъ *хъ* королю́ въ ноги: ево не подобáецца лѣчить, королá. Король съ дохтуромъ поздоровался. Сказалъ король: „если ты меня, руськой дохтуръ, вылѣчишь, я тебѣ много подарю́ имушшества и золотой казнú и отпрáвлю на своихъ лошадяхъ".

Захотѣлось дохтуру ево вылѣчить; поворотилъ, значитъ, за *симы* къ ангелу головой. Ангелъ ничево ему тутъ не сказалъ, а только отворотился. Т*о* онъ запарилъ своихъ травъ всякихъ, подавать сталъ королю́. Вылѣчилъ ево въ трои сутки. Дарилъ много ему король золотой казны и имущества и отправилъ на своихъ лошадяхъ въ свой городъ.

11. Потомъ онѣ пріѣзжаютъ. Онъ и говоритъ: „Кумъ,—говоритъ:—*тупай*,—говоритъ:—ты на ето озеро, вези съ озера свою жену и дѣтей сюдú: здѣсь у васъ богатство во вѣки не прожить! А я тебя дождусь".—Т*о* онъ запрёкъ карету; пріѣзжалъ на то мѣсто, видитъ: онѣ уже не въ домѣ, а въ балаганѣ лёжатъ. (Дȯма-та ужъ нѣту: ангела-та омманулъ, такъ живи по-стáрому!). Т*о* онъ посадилъ жену и дѣтей, привозитъ въ етотъ самой городъ, гдѣ ему подарéно.

12. „Ну, кумъ, я у тебя въ гостяхъ долго былъ; теперь пойдёмъ ко мнѣ въ гости!"—Т*о* онъ повёлъ ево не путéй, не дорогой,—дикимъ мѣстомъ, *Урáломъ*. До той степени онъ ево вёлъ, што етотъ дохторъ на себѣ всё прирвáлъ и съ тѣла кровь на немъ льётъ ручья́ми. Сказалъ этотъ дохторъ старикъ: „кумъ,—говоритъ:—за тебя, я гляжу, ништо не задѣваетъ, а я на себѣ всё прирвáлъ, мнѣ трудно за тобой идти".—А ангелъ сказалъ: „Господь не ето терпѣлъ, а ты што не можешь терпѣть, што изъ тебя кровь побѣжáла!"

13. Завёлъ онъ ево въ пешшóры. Оказались: горя́тъ свѣчи. Т*о* ево дохтуръ сказалъ: „это, кумъ, што такое? горятъ свѣчи къ чему?"—Андѣлъ сказалъ, што „ето наша

жизнь продолжàецца: которой рабъ родúцца, тому стано́вицца и свѣчá; если можетъ рабъ сто годовъ жить, и она сто годовъ горитъ, эта свѣча“.—„А што жо, кумъ,—говоритъ:—которая моя свѣчà?“—„А вотъ гляди: твоя свѣча сечасъ потухнетъ, и жись твоя нарушúцца“.—„Нельзя ли, кумъ, перестáвить (перемѣнить) другую? у меня дѣти мàлы, теперь бы надо только пожить бы!“ говоритъ.—Анделъ ему сказалъ: „два разъ Бога не оммàнываютъ! Королю *принаслѣ́дно*,—говоритъ:—помирать, а ты ево здумалъ лѣчить; я тебѣ наказывалъ,—говоритъ:—ты не попомнилъ. Твоей свѣчѣ ешо горѣть 30 лѣтъ, я перемѣнилъ твою свѣчу королю—онъ *ешо* проживётъ 30 лѣтъ. А тебѣ перемѣнилъ свѣчу королú; жись твоя короткая остаёцца: дойдёшь домой, а не то и не дойдёшь—дорогой помрёшь! Пойди же ты теперь домой. Можетъ, если подойдёшь домой, благослови своихъ дѣтей и лёжись подъ святую икону, съ душой разставáйся!“

Очень скоро бѣжалъ, торопился, бѣжалъ домой. Сказалъ женѣ:“ дай мнѣ теперь рубашку и подштанники бѣленькіе,—мнѣ теперь помирать!“—Лягъ онъ подъ святую икону, благословилъ своихъ дѣтей, перекрестился и скончàлся.

---

16. „Илья Муромецъ“.

1. Жилъ былъ мужичокъ. У ево было 12 сыновьёвъ и 12 дочерей; одинъ, Илья Му́ромецъ, былъ безъ ногъ. Отецъ ево отвёзъ въ лѣсá, въ особенную избушку, и онъ Богу молился 12 лѣтъ. Лѣтней порой приходитъ къ ему старичокъ. Старичокъ поздоровался съ имъ и говоритъ: „Илья Муромецъ, нѣтъ ли што у тебя напúцца?“ — Илья отвѣчаетъ: „есь у меня пивцó, отецъ привёзъ, только у меня ногъ нѣтъ; не сходишь ли самъ ты?“—Старичокъ сказалъ: „какъ добрые люди хóдятъ, такъ и ты стань да подú!“ — Тогда Илья Муромецъ сталъ, взялъ *туесъ*, пошóлъ, принёсъ туесъ пива. Старичокъ немного пòпилъ и говоритъ: „Илья Муромецъ, ну-ко теперь послѣ меня допей это пиво, йзъ етова туескà!“—И онъ вы́пилъ. Объяснилъ старику, што „я чую въ себѣ силу непомѣ́рную: штобы былъ столбъ отъ земли

и до небеси́, а въ столбу бы кольцо,—я взялъ бы за кольцо и поворотилъ всё“.

— „Ты принеси́ ешо, Илюшинька, мнѣ пи́ва!“—Принёсъ онъ *туесъ* пива. Старичокъ по́пилъ, остатки подаётъ: „допей, Илюшинька, оста́тки!“ — Выпилъ и говоритъ: „теперь проти́въ той силы треть до́ли у меня нѣту, мало остаёцца силы!“—„Будетъ тебѣ! проти́въ простонаро́дія,—говоритъ:—будетъ и етой!“ — Старикъ съ имъ распрости́лся; только старика и видѣлъ онъ.

2. Илья Муромецъ со́бралъ кое-што съ собой, отправился домой пѣшко́мъ. Приходитъ домой. Мать очень сдѣлалась ра̀да. А родитель былъ на па̀шнѣ, ихъ дома не́ было съ дѣтя́ми. Приказалъ Илю́шенька: „родительница, напеки́ лепёшекъ и блино́въ, я отправлюсь на па́шню къ родителю, гости́нца понесу *имя́*“.—Мать напекла̀ блиновъ и лепёшекъ; онъ отправился на пашню. Приходитъ. Нѣкоторые братья́ признаю́тъ, што „ето бра́тчикъ Илья Муромецъ идётъ нашъ“.—То онъ скричѣлъ: „идите, родитель, и вы, бра́тьи, пообѣдать, горячихъ блиновъ *ись*!“ — То они поброса́ли топоры́, шли на *ста́нъ*; съ имъ поздоровались, на́чали обѣдать. Илья Муромецъ [сказалъ], когда они пообѣдали: „лёжи́тесь, родитель и вы, братьи, спать, а я немножко порублю́ тамъ лѣсъ!“ — Тутъ сказали братьи, што „мой возьми топоръ!“ а другой—„мой возьми!“—„Ладно, братьи, лёжи́тесь только спать! Которой топоръ *погля́нётца*, тотъ и возьму“.

Илья Муромецъ, всё равно какъ *осо́тъ*, всякую лѣсину дёргалъ, и выдёргалъ и бросалъ въ Неву рѣку. Захотѣлось ему Неву́ю рѣку спрудить, а Нева рѣка другимъ мѣстомъ прошибла. (Не могъ её лѣсомъ спрудить). Сколько не было лѣсу, онъ весь лѣсъ выпололъ и весь въ рѣку сбросалъ. (Какой руба́ка сла̀вной!). Приходитъ на *ста̀нъ*: „Будетъ, тя́тинька, спать!“—Тѣ стали, сдивилися. Запрегли лошадей, пріѣзжаютъ домо́й.

3. То пріѣхали домо́й. Онъ говоритъ, што „родитель, пусти меня въ по́ле, широ́ко раздо́лье, людей посмотрѣть, самому себя показа́ть!“—Приходитъ онъ на *ба́ршину*; видитъ народу много. Приходитъ и говоритъ: „нѣтъ ли у васъ борца́ такова?“ — Одинъ выходитъ: „давай побо́ремся!“ — А онъ оговорку поимѣлъ съ имъ, што „братецъ, што́бы въ

прóзьбу не ходить, хто кому *чё* сдѣлатъ!“ — Съ имъ взялúсь боротца; какъ пóднялъ, тряхнулъ, *тóрнулъ* ево óбъ землю, у ево и кишки вы́летѣли, у етова человѣка. Одново взялъ такъ, бросилъ на *укидку* и тово убилъ. — „Народъ слáбой!—говоритъ:—нéчево ево и *хитить*!“

4. Приходитъ домой, садился на завáлину. А у нево сусѣдъ былъ купецъ. Сусѣду сталъ обсказывать объ этѣмъ; сусѣдъ сдивился. — „Вотъ бы мнѣ такова въ лавку!“ говоритъ: — „ну, не смѣлъ бы воровáть другой!“ — Тогда Илья Муромецъ согласился къ ему въ прикáшшыки, нанялся за 40 червóнныхъ на мѣсяцъ, — штобы семья́ ходила къ ему обѣдать. Купцу хотя дóрого, „ну, на *испытушшу*, што изъ нево будетъ!“ — согласился. Привóдитъ ево въ лавку, разсказалъ, *чё* по чёмъ продавáть. Начинаетъ торговать, и торговля идётъ ему хорошая.

Купецъ поѣхалъ на ярма(о)нку, а онъ остался торговать. Купецъ съ ярманки прiѣзжаетъ, — товары онъ распрóдалъ всѣ. — „Господинъ хозя́инъ, деньги получи, а товáру свѣжева нагружáй!“—Купецъ тому дѣлу сдивился, што „я 30 лѣтъ торговáлъ, столь не вы́торговалъ, какъ ты вы́торговалъ въ одну недѣлю!“ — Илья Муромецъ не согласился сидѣть въ лавкѣ, торговать: „лучше по бѣлому свѣту съѣздить покатàцца!“

5. Пошолъ онъ на рынокъ себѣ богатырскова коня́ искать. Сколько онъ на рынкѣ не ходилъ, а какъ руку свою́ налóжитъ, подъ рукой кóни гнуцца. Тогда онъ ходилъ пò городу, приходитъ къ свяшшеннику; у свяшшенника *свороб-ливой* жеребёнокъ есь. Этотъ жеребёнокъ можотъ подъ рукой подъ ево дюжить.—„Поди, родитель, купи мнѣ етова жеребёнка у попа! што онъ запроситъ, то и отдай!“—Приходитъ ево родитель къ свяшшеннику, торгуетъ жеребёнка, а попъ проситъ сто рублей. Этому старичку дорого показалось, приходитъ безъ жеребёнка домой.

То Илья Муромецъ сказалъ: „што ты мнѣ, родитель, не купилъ?“—„Очень онъ дорого проситъ, сто рублей!“—„Если запроситъ онъ двѣсти, и двѣсти рублей отдай! не пожалѣй, пожалуста купи мнѣ етова жеребёнка!“ — Во второй разъ приходитъ, бáтько запросилъ за ево двѣсти рублей, а старикъ ему пóдалъ двѣсти рублей. Кое-какъ до дворá довёлъ, постàвилъ ево въ такой струбъ и ходилъ за имъ день и

ночь, кормилъ ево. То онъ черезъ два мѣсяца почуялъ въ себѣ силу, выскочилъ изъ струба и могъ выворотить колодецъ (яму). Потомъ Илья Муромецъ скоро коня поймáлъ, привязáлъ конйя; пошолъ на рынокъ, купилъ себѣ богатырское сѣдло и уздечку.

6. Потомъ онъ простился съ родителемъ, сялъ на конйя, обсѣдлáлъ ево и поѣхалъ. Отъ царя онъ жилъ разстояніе въ ста верстáхъ. Былъ онъ дома у заутрени, а между етова дѣла поспѣть охота ему къ обѣднѣ къ царю. Какимъ родомъ?—прямой дорогой, гдѣ Соловéй разбойникъ сидитъ на 12-ти дубáхъ. Соловей разбойникъ не пропушшáлъ ни коннова, ни пѣшова, на 12 вёрстъ отъ себя не допушшàлъ; какъ свиснётъ, конь убьётца, и человѣкъ могъ погинуть. Былъ раньше трахтъ, забросили ёво; нихто не ѣздилъ, а онъ осмѣлился ѣхать. Пріѣзжаетъ онъ близъ Соловья разбойника, Соловей разбойникъ свиснулъ, и конь ево на колѣнка палъ. Онъ своёй буёвой пàлицей билъ ево по бедрáми.—„Што ты, травяной мѣшокъ, врагу покорйешша? я соломенной мѣшокъ, да и то не покорйюсь!"—То конь ево спрыгнулъ, веселѣ тово побѣжàлъ.

Подъѣзжаетъ близъ Соловья разбойника, а Соловей разбойникъ свистнулъ въ весь свискъ. Конь ево опять поткнулся, на колѣнки палъ. — „Што ты, травяной мѣшокъ, врагу вѣруешь? я соломенной мѣшокъ, да и то врагу не вѣрую!" — Билъ ево по бедрàми. То конь ево спрыгнулъ, веселѣ тово побѣжàлъ.—Тогда видитъ Соловей разбойникъ, што онъ *гонитъ*, свистѣлъ лихимъ мáтомъ. Тогда конь на ето не смотрѣлъ, летитъ прйямо къ дубàми. *Подогнàлъ* къ дубáми, натянулъ свой лучокъ, кленóвой стрѣлой сшибъ ево съ дубовъ. Привязалъ ево къ *струменàми*, отправился къ царю.

7. Ѣдетъ онъ мимо ево дочерéй. А дочери увидáли, сказали што „тйатинька намъ гостинецъ везётъ". Соловей разбойникъ отвѣчалъ, што „тятиньку самово везутъ въ *торокáхъ*. Вы обѣдъ про Илью Муромца исправьте; онъ не пожалѣетъ и менйя!" — По скоростѣ навѣшали надъ воротами стопудовую доску: што „мы позовёмъ ево въ гости, такъ спустимъ ету доску, задàвимъ ево". — Розслушалъ Илья Муромецъ такіе рѣчи; „нéкоґды мнѣ обѣдать разъѣзжать, нужно мнѣ *хъ кобѣднѣ* поспѣвать!"

8. Пріѣзжаетъ прямо въ манастырь, пускаетъ своево коня въ оградку, а самъ заходилъ въ Божій храмъ. Обѣдня отходитъ, весь народъ выходитъ; также и богатыри выходятъ, видятъ, што у нево конь въ Божьемъ храмѣ, въ оградѣ; значитъ, непорядки! Одинъ богатырь увидѣвши Илью Муромца: берётъ онъ коня; „какъ ты можешь въ Божій храмъ завести коня? Я вотъ возьму тебя, какъ трепесну, только и было! (какъ ударю и убью!)“.—Илья Муромецъ на то осердился; ударилъ своей боёвой стопудовой палицей богатыря,—богатырь разлетѣлся на мелки части.

9. А другой говоритъ: „вотъ, знать-то, ты мнѣ будешь братъ, силой ровнакъ!“—Илья Муромецъ сказалъ, што “въ полѣ съѣзжаютца, родомъ не считаютца! давай мы съ тобой сначала съѣдемся, побратуемся, — тожно братьями назовёмся!“ — То онѣ разъѣхались съ имъ на версту, ударились, — у ихъ палица объ палицу впились обѣ, нихто не могъ другъ друга похитить. Тогда назвались онѣ братьи, што „силой равны мы съ тобой!“

10. У царя былъ балъ. Обносили по бакалу и по два, и по три, и нѣкоторые начали хвастацца, купечество—деньгами, а богатыри—войсками. А Илья Муромецъ похвастался, што „я прямой дорогой ѣхалъ, Соловья разбойника сшибъ съ дубовъ“. — Тогда не вѣрили; доложили γосударю, што „похвастался Илья Муромецъ Соловьемъ разбойникомъ; пущай онъ ево приташшытъ, поглядимъ, што за Соловей?“—Привашшылъ Соловья разбойника. Всѣмъ нужно посмотрѣть. Царь сказалъ: „што, Илья Муромецъ, можно ли ево заставить свиснуть?“—Илья Муромецъ съ оговоркой: „Ваше Царское Величество, я заставить заставлю, штобы меня не за *запричи́нить*! народъ тутъ есь хилой, которы кончатца!“— Царь приказалъ ему, штобы свиснуть тихо.

Тоγда онъ царя взялъ подъ правое свое крыло, а царицу подъ лѣвое; скричѣлъ Соловью разбойнику, што „какъ можно тише свисни!“—А Соловей разбойникъ свиснулъ во весь свистъ, народу, простонародія, повалилъ какъ варомъ, много народу убилъ. То Илья Муромецъ взялъ Соловья разбойника, *палыснулъ* ево объ землю и разшибъ на мелки части (нарушилъ ево тута: што народу много погубилъ). Поблагодарилъ ево царь, взыску никакова не сдѣлалъ съ ево (што народу много онъ похитилъ).

11. То онъ отправился въ путь дальше, Илья Муромецъ. *Натакался* онъ на Егора Златогора. Егоръ Златогоръ съ руки на руки горы перебрасыватъ—шалитъ. (Посильнѣе Ильи-то Муромца *ишо*). Тогда *стегнулъ* Илья Муромецъ Егорову лошадь, она прыгнула, а Егоръ Златогоръ не могъ поворотицца, увидать, отчево она прыгнула. Во второй разъ Илюшинька *ишо* стегнулъ Егорову лошадь, она ишо дальше упрыгнула. Тогда увидалъ онъ Илью Муромца. — „Илья Муромецъ, балуешша! (понюжашь мою лошадку").

Посадилъ ево со всѣмъ съ конёмъ въ карманъ Егоръ Златогоръ. У Егора стала лошадь спотыкатца. Егоръ сталъ лошадѣ говорить: „што ты, моя лошадка, потыкаешша? али тебѣ старось подходитъ?"—Конь отвѣчаетъ, што „ты посадилъ богатыря не хуже себя! какъ же мнѣ не тяжело, не потыкацца?"—Выпустилъ ево изъ кармана, поѣхали съ имъ рядомъ.

12. „Ну, теперь, Илья Муромецъ, поѣдемъ къ моёму родителю!" (Егоръ Златогоръ сказалъ). Попала *имя* старушка: идётъ старушка съ *пестерюшкой*; сверсталась старушка противъ ихъ; пестерюшка будто бы вырвалась у ей изъ рукъ — пустила е(и)ё на землю. Старушка отвѣтила: „господа богатыри, подайте мнѣ пестерюшку; у меня спина болитъ, согнуцца я не могу!"—Егоръ Златогоръ приказалъ Илью Муромцу подать старушкѣ пестерюшку. Илья Муромецъ подъѣжжаетъ къ пестерюшкѣ, хотѣлъ своей ногой поднять, ничево не можетъ подѣлать; соскочилъ съ коня, принялся руками, — пестерюшка только шевелицца мало-мало, а отъ земли несколь не подымацца, ничево не можетъ отодрать пё.

Наконецъ, Егоръ Златогоръ сидѣлъ смѣялся: „эхъ ты, Илюшка, не могъ подать старушкѣ пестерюшку!" — Тогда Егоръ Златогоръ слѣзъ съ коня, самъ за пестерюшку взялся, никакъ не могъ пестерюшку пошевелить. Тогда Егоръ Златогоръ садился на коня, сказалъ старухѣ: „какъ знашь, такъ и подымай сама: мы не можемъ!"—Старуха, наконецъ, сказала: „вы г...ы! называитесь богатыри, а г...ы, пестерюху не могли подать старухѣ!" — Тогда старушка взяла пестерюшку и опять пошла. И онѣ поѣхали.

13. То пріѣзжаютъ къ Егору въ домъ. Приказалъ Егоръ Златогоръ положить боёву палицу на огонь: „не подавай

ему руку (когда будешь здоровацца), а подавай палицу, а то онъ изурóдуетъ у тебя руку. Отецъ,—говоритъ:—у меня слѣпой, всё равно не увидитъ!“– Прiѣзжаетъ; въ огонь пàлицу бросалъ Илья Муромецъ; поздоровался Егоръ Златогоръ съ родителемъ.

А тогда родитель сказалъ, што „нѣтъ ли у тебя какóва тавàришша, Егорушко?“ — „Я привёзъ брàтчика Илью Мýромца“.—„Илья Муромецъ, дá-ко мнѣ свою правую руку—поздорóвамся со мной!“—Илья Муромецъ выхватывалъ свою боёву палицу, подавалъ старику въ родѣ руки здорòвацца. То онъ пожáлъ боёву пáлицу — изъ обоихъ концовъ сокъ пошолъ. Сказалъ старикъ слѣпой, што „есь у тебя, Илья Муромецъ, сила! не прòтивъ Егорушки, всё таки есь сила!“

14. Пообѣдали; поѣхали съ имъ въ путь опять. Прiѣзжаютъ близъ Невы́-рѣкú, услыхáли въ такомъ *уралѣ* шумъ, *вéрескъ*. — „Штò такое? (пискотня́!). Подворотúть нужно“. — Заѣзжаютъ въ такýю трешшобу; оказалось: стоитъ только одинъ гробъ, а въ этѣмъ грòбѣ нечевò нѣтъ. Сказалъ Егоръ Златогоръ: „ну-ко, Илюшинька, не про насъ ли ета гробнúца испрáвлена? лягъ въ неё, помѣряй!“—Илья Муромецъ лёгъ въ етотъ гробъ, онъ ему дòлогъ и широкъ.

Тогда Илья Муромецъ вылѣзалъ изъ етова грóбу, Егоръ Златогоръ лягъ. Егоръ Златогоръ лягъ въ гробъ, ему всё равно какъ впилóсь: не дóлогъ и не широкъ.—„Ну-ко, Илюшинька, накрой крышку! какъ придётца?“—Илья Муромецъ накры́лъ кры́шку,—всё ра(о)вно какъ и тутъ было, впилóся.— „Теперь можешь *скрывáть*!“—Илья Муромецъ сталъ открывáть, откры́ть не можетъ. Сказалъ Егору Златогору, што „я оторвàть руками не могу!“—„Бей боёвой пáлицей, штобы гробъ разлетѣлся!“ — Ударилъ онъ по грóбу, налетѣлъ на ево òбручъ желѣзной; ударилъ во второй разъ—другóй; въ третей разъ удáрилъ,—три обруча.—„Знать-то, Егоръ Златогòръ, тебѣ вѣчно быть въ гробý! Нéчево и шшолкать, три óбруча натя́нуто на тебѣ!“

15. „Пробéй надъ моéй гортàнью дырý, я тебѣ силы дамъ!“—То онъ пробúлъ своей боёвой палицей дыру. Егоръ Златогоръ сказалъ: „*Мотрú*, Илюшинька, покýль идутъ бѣлые слюни, пей, а жóлтые пойдýтъ — не пей!“ — Пьётъ и чýетъ въ себѣ силу непомѣрную. Пошли слюни жолтые, не сталъ онъ пить. — „Будетъ, Егоръ Златогоръ, мнѣ и етой

силы!“ — „Возьми боёву палицу и испробуй: ударь дубъ, какъ дубъ разлетитца?“ — То онъ ударилъ, а дубъ разлетѣлся на мелкіе полѣньи сразу весь.

Тогда распростился Илюшинька съ Егоромъ Златогоромъ, немножко отъѣхалъ и окаменилъ на конѣ: ходу не стало, Господь не попустилъ. А Егоръ Златогоръ окаменѣлъ въ гробу. (Вѣдь нынче богатырей нѣту!). И недалёко отъ Невырѣки онѣ [окаменѣли].

---

17. [Володька купеческій сынъ].

1. Было ето въ городѣ Петербургѣ. Жилъ купецъ. У ево было въ банкѣ 40 тысячъ, лежало, у этова купца. Сынъ былъ у ево Володька. Купцу и этѣхъ денегъ не довольно; онъ нашолъ такихъ людей (деньги работать *ишо*), которые деньги работали; въ порожнее время могли они подкопъ копать въ порожнюю избу дальше, штобы уйти ётѣмъ подкопомъ. Потомъ жилъ у ево годовой работникъ. Отжилъ годъ, онѣ ево неславно разсчитали. А работникъ сказалъ: „за ёто я вамъ покажу *вошь въ голову*!“ пошолъ и сказалъ.

Потомъ онъ приходитъ въ полицейское правленье, работникъ; заявляетъ, *хто* деньги работатъ недѣйствительные. А деньги онѣ дѣлали—въ чужіе земли отправляли; деньги въ однёмъ словѣ не сходяцца съ дѣйствительными деньгами. *То* полицейскіе говорятъ: „можешь ты намъ показать?“—„Я могу поутру застать на дѣлѣ, хто деньги работатъ!“

2. До утра доживаютъ. Собралась полиція, взяли етова работника, поѣхали къ хозяину. Полица пріѣзжаетъ, хозяину говоритъ, што „пушшай насъ во дворъ!“ Приходитъ во дворъ. „Хозяинъ, давай намъ обыскъ! гдѣ вы деньги работаите? отворяй давай подвалъ намъ!“ — Къ подвалу подходятъ, а Володька рабочихъ спрашиватъ: „сёднишную ночь сколько денегъ вы наработали?“—„Сорокъ тысячъ только сёдни, полѣнились“, говоритъ.

Начали кладову только отпирать, эти рабочіе въ нору убѣжали, которые готовили; остаётца сынъ Володька только тутъ. Володьки спросили: „што ты дѣлаешь?“—„Деньги работаю“.—„Съ кѣмъ ты работаешь?“—„Я одинъ работаю, ни-

ково больше нѣтъ!“ — Полица приказала ево заковать, въ тюрёмъной замокъ свести. Штó денегъ наработано, всѣ взяли. Посадили ево въ тюремной замокъ.

3. Онъ сидѣлъ цѣльной годъ. Дѣло было въ праздникъ. Енеральская дочь приносила *рѣшóтку* калачей въ тюрéмной зáмокъ, разносила по *несчàстнымъ*. До Володьки дошлá и ему подаётъ. Она раньше знала ево и сказала: „Володька, знать, напрáсно сидишь?“—„Што подѣлашь, бáрошня? ýчась такà довелá!“—Она ему нештó не сказàла.

Домой приходитъ, объясняетъ родителю: „Родитель, вотъ у меня теперь нанятóй *ученйкъ*, плáтимъ мы ему 30 рублей въ мѣсяцъ. Чѣмъ намъ платить 30 рублей въ мѣсяцъ, вы́пустить купеческова сына Володьку; онъ разучёной очень, нà семь грáмотъ, онъ будетъ меня обучать дáромъ. Человѣкъ онъ молодой, ему скушно очень въ тюремномъ зáмкѣ сидѣть; пожалѣй, родитель, ево!“ сказала дочь. (А сама залюбѣла ево ужъ). А Володька изъ себя былъ красивой и кудря́вой (волосы у ево кудря́вы были).—„Ну, ладно, мила дочь! я утромъ схожý, вы́пушшу ево“.—Енералъ поýтру приходитъ въ тюремной зáмокъ, приказалъ ево расковàть. Приводитъ въ свой домъ, говоритъ: „вотъ ты учи мою дочь Палàшу!“

4. Онъ начинаетъ её учить; задаётъ стрóчку, она отвѣчаетъ пять да шесь. Наука пошла хорóшая ей. День она съ имъ посидѣла и говоритъ: „вотъ, родитель, тотъ меня училъ недѣлю, а етотъ одинъ день,—я больше понялá въ день въ одинъ!“ — Сказалъ енералъ Володькѣ, што „ты пріучай мою дочь, постарайся! Я походатайствую, можетъ быть не вы́пустятъ ли тебя изъ тюремнова зáмку?“ — *То* енералъ съ енарáльшой уѣзжали въ гости, а онѣ оставались въ комнатахъ однѣ. *То* Палаша заводитъ ево въ свою спальну и говоритъ: „Володька, сотвори со мной блудъ, а если етова не будетъ, то — выняла леворьвéртъ— въ тебя пýлю вы́пушшу, а потомъ сама застрѣлю́сь!“—Чѣмъ погибать,—говоритъ:—такъ лучше согласицца.

5. Потомъ онѣ проживáли съ ей, этимъ манеромъ, етакъ съ полгóда. Енералъ сталъ замѣчать; говоритъ енеральшѣ: „*мать*, я вижу: дочь у нàсъ едва ли не обрюхáтѣла“. — Енеральша на то сказала, што „сáми свели́! до слѣдствія время. теперь ужъ молчать довòдицца“.—*То* во второй разъ енералъ опять уѣзжалъ въ гости. Володя сталъ своей

Палашѣ говоритъ: „Палаша, дѣло не ладно! родители узнали, што мы съ тобой живёмъ. Подёмъ мы съ тобой на пристань, сядемъ на корапь, уѣдемъ въ чужіе зёмли, и вотъ тамъ мы съ тобой обвѣнча́мся, проживёмъ, — нихто и не узнаетъ!"—Палаша узнала, што дѣло не ладно; взяла денегъ у родителя немало, пошли́ съ имъ на пристань. Попу́тчиковъ ѣхать *имя́* никово не оказалось тутъ,—ѣхать не на чемъ.

Володька говоритъ, што „я, Палаша, покупа́юся!" — „Володя, ты потонешь!"—„Нѣтъ, я плавать мастеръ, я никогда не потону́!" — Снималъ съ себя одежду, также рубашку и подштанники, палъ въ море. И вотъ онъ *курну́лся* и поплылъ. Не меньше глядѣла она съ часъ время и плакала, што онъ потонулъ: не видитъ ево. Онъ былъ плавать мастеръ: захочетъ отдохну́ть, ля́гетъ на́ спину, потомъ опять плывётъ, а виду не подавалъ, штобы она не видѣла. Тогда она отправилась домой, Палаша.

6. Приходитъ домой. Какъ родители её пріѣзжаютъ, она на колѣнки стаётъ и плачетъ.—„Што же ты, мила дочь Палаша, плачешь? объ чѣмъ больше? скажи!"—„Я передъ вами, родитель, не ладно сдѣлала".—„Скажи ты намъ, чево́ ты сдѣлала?" — „Попроси́лся Володя купатца на море, я никакъ не могла ево отговори́ть; и вотъ онъ какъ палъ въ мо́ре, и утонулъ". — Енералъ на то сказалъ: „ну, такъ што же што утонулъ? мы сдѣлаемъ *мёршую* бумагу, скажемъ, што онъ кончился, бо́льше и ничево!"

7. Володька плылъ моремъ, *натака́лся* на китъ-рыбу. А китъ-рыба хочетъ ево съись, а онъ ей не даётца: гдѣ подъ брю́хо, гдѣ на её налѣзетъ. Потомъ китъ-рыба сплыла́ на верхъ, какъ пласти́на. Володька залѣзъ на ней и сидитъ. По ево счасью, ѣхали изъ и́нныхъ земель на кораблѣ; увидѣли человѣка и говорятъ: „это непремѣнно, ребята, чудо́вишшо морское, надо отворотить отъ ево!" — То сверста́лись проти́въ ево, скричѣли: „што ты, человѣкъ или нѣтъ?"—„Я человѣкъ крешшо́ной; не можите ли вы взять меня съ собой?"—*То* скричѣли изъ кораблей: „если можешь къ намъ плыть, къ кораблю, такъ подплывай ближе!"—Тогда онъ соскочилъ съ китъ-рыбы, подплылъ къ *и́хому* су́дну. То онѣ подхватили ево, посадили въ корабль; по́плылъ онъ тогда съ *имя́*.

8. При́были онѣ въ королевство: привали́лись на пристань. Тотчасъ королю доло̀жили, што „мы нашли на̀ морѣ человѣка; куды ево дозво́лишь дѣвать?“ — *То* король приказалъ: „приведи́те ево въ мои пола̀ты; я погляжу́, што за человѣкъ“. Онѣ ево обряди́ли какъ слѣдуетъ, одѣли съ рукъ и до ногъ. Приходитъ онъ къ королю́ въ домъ. Королю онъ сразу пондра́вился: лицомъ красивой и кудрявой. Сказалъ: „молоде́цъ, отку́ль? изъ какихъ земе́ль?“ — „Зовутъ меня Володькой; съ измалѣтства я съ родителемъ рыбачилъ; судно наше росши́бло, я потону́лъ на̀ морѣ. Не примешь ли, Ваше Королевское Величество, меня къ себѣ на мѣсто дитя? я служить буду Вамъ по сме́рть свою!“ — Король сказалъ: „у меня сына нѣтъ; всё равно! будетъ онъ съ нача̀лу служить у меня въ домѣ полові́мъ“. — И онъ сталъ полові́мъ служить; королю́ очень загляну́лся, а дво́рному енералу ишо пу́шшэ тово.

9. По́жилъ онъ мѣсяцъ-дру́гой; сказалъ енера́лу, што „мнѣ ета служба не дово́льна, полові́мъ быть. По крайней мѣрѣ, вы мнѣ службу дали бы въ Сено̀тѣ пи́саремъ быть“.— Енералъ королю́ сказалъ: „переведе́мъ ево въ Сенотъ писаремъ и задади́мъ ему прозьбу: каку́ онъ прозьбу можетъ соста́вить?“ — Перевели ево въ Сенотъ, задали ему прозьбу; составилъ онъ прозьбу очень хорошо, прозьба *заглянулась* королю. Король сказалъ, што „не быть ему мла́дшіимъ писаремъ, а быть ему ста̀ршимъ писаремъ, штобы онъ могъ всѣмъ Сенотомъ править!“ — По́жилъ Володька съ годикъ; дѣло пра̀вилъ очень хорошо въ Сенотѣ.

10. Наконецъ, король што-то захвора́лъ и по-скорости померъ. У короля не было братовьёвъ, также и племянниковъ, наслѣдниковъ никаки́хъ. *То* сходились и совѣтовались: „ково поста̀вимъ въ короли королевствомъ править? Въ короли всякому охота, а давайте зададимте задачи: по три книги хто можетъ списа́ть въ трои сутки—со старыхъ книгъ на свѣ́жи—тово и въ короли“.—Всѣ сидѣли старались день и ночь, што списывали, а Володька ходитъ день и ночь, сутки, не занима́етца. Дворный енералъ сказалъ: „што же ты, Володька, не занимаешша?“ — „Я человѣкъ чужестранной, гдѣ же меня поставятъ въ короли?“ — „Ну такъ што же? мы тебя при́няли за своёва; занимайся всётаки; напишешь, такъ поста̀вимъ!“

На третей день Володька занялся и рано покончилъ, списалъ. *То* приходитъ на четвёртые сутки въ Сенотъ. — „Што, ребята, у ково готово?“—*То* сказали, што на сутки, у другова на полторы—у всѣхъ не готово, только очудилось готово у Володьки у одново.—„Быть ему королёмъ!“

11. То онъ королевствомъ съ годъ правилъ. Наконецъ сказалъ: „господа, я желаю къ руському государю; у меня есь дѣло съ царёмъ поговорить“. — „Тебя унять нельзя: можешь ты заутра ѣхать“. — Онъ приказалъ корапль припасти къ утрому. До утра доживаетъ, на корапь садицца и отправляетца. Пріѣзжаетъ въ руськое государство, приваливаетца на пристань. Дѣло было къ ночѣ. Онъ снимаетъ съ себя королевскую одежду, надѣваетъ на себя купеческую простую одежду. Ту одежду въ сундукъ запиралъ; товаришамъ сказалъ, што „я, господа, схожу одинъ; хотя и ночь прохожу всю, вы, господа, съ корабля не уходите, дожидайтесь меня!“

Идётъ онъ по городу; видитъ двухъэтажной домикъ, заходитъ въ ево. А въ этѣмъ домикѣ живутъ шайка разбойниковъ. Заходитъ онъ въ домъ, онѣ сидятъ за столомъ водку распиваютъ. Атаманъ-разбойникъ взглянулъ на ево,— одежда на нёмъ хорошая. — „Господа, убить етова человѣка!“—А онъ говоритъ: „не бейте! вырвался я самъ изъ тюремнова замку, желаю съ вамъ вмѣстѣ разбойничать; примите меня въ свою шайку! Если вы не вѣрите, глядите на моихъ рукахъ: вотъ у меня и клёймы есь, што я несчастной“.

12. Онѣ были согласны; приняли ево въ свои товаришши: „садись, братъ, съ нами за столъ кушать!“ Кушанье закушивали, также и водку выпивали. Наконецъ, атамана спросили: „а севодня какова велишь намъ купца позорить?“ — Атаманъ сказалъ: „*тупайте* вотъ къ такому-ту, къ Андрею купцу, которой деньги работалъ; ворвитесь къ ему въ кладовую!“ — *То* Володька понялъ, што къ ево отцу посылаютъ; пошелъ въ разную комнату скорѣе: приходитъ, живо вынимаетъ бумагу и карандашъ, сучинилъ записку, положилъ иё въ карманъ. *(Имя* не объясняетъ ничево ужъ).

13. Подходитъ дѣло къ полночѣ. Посылаетъ ихъ атаманъ разбойничать. Запрягали онѣ этипажъ, ѣхали на охоту. Подъѣзжаютъ къ етому Андрею къ дому, начали работать,

врыватца въ кладовую. Разломали, какъ человѣку лѣзти,— Володька и говоритъ: „давай, братцы, я залѣзу живо, буду вамъ подавать, вы только принимайте!"—Володька залѣзъ; хотя онъ подаётъ, а въ стѣну чѣмъ-небудь пушше колотитъ, штобы слыхали домашные. Услыхали домашные, што хто-то въ кладовой *ше(а)барчи́тъ* (стукацца), выбѣгали, увидѣли этихъ самыхъ разбойниковъ. Тогда онѣ закричѣли: „Володька, вылѣзай!" — А онъ не вылѣзатъ. Онѣ сяли да угнали.

14. Работники заходятъ въ кладову, увидѣли Володьку, не разсмотрѣли, што хозяинъ, давай ево бить. Володька не отвѣчалъ, што „я хозяинъ" ли што ли; а до тово ево добили, што онъ ничѣмъ не могъ владать. Сказалъ отецъ (хозяинъ), што „оставьте, не убивайте, оставьте до свѣту! я спрошу, хто такой?" — У Володьки была сестра; запросилась: „дозволь мнѣ, тятинька, сходить посмотрѣть етова разбойника".—Отецъ хотя её и не пушшалъ, она со слезьми просицца: „дозволь поглядѣть; серцо не терпитъ, схожу я погляжу". — Она фонарь зажигала (какъ народъ тутъ ево караулилъ), приходитъ въ кладовую, смотритъ на ево кудри. То сестра смотритъ и плачетъ, сужалѣла: „по кудрямъ словно какъ нашъ братчикъ Володька, а лицо избито всё, въ кровѣ".

15. То онъ услыхалъ отъ сестры рѣчи, засовался въ карманахъ, нашолъ записку, выбрасыватъ сестрѣ подъ ноги. Сестра: „што такое?" Подняла записку, читаетъ, што „прими отъ меня, сестра, записку!" — Сестра заплакала, пошла въ свои покои, въ ызбу, подаётъ записку родителю. Записку родитель разсмотрѣлъ, заплакалъ, приказалъ принести ево въ комнаты свои. Приносятъ, лицо ево умываютъ, работника живо послали за дохтуромъ. Къ богатому въ полночь—ето не што, живо дохторъ собирался, набиралъ всякихъ лѣкарствовъ. Дохтуръ намазалъ хорошею мазью, завязалъ. Тогда родитель сказалъ: „што ты, милой сынъ, не могъ скричѣть? неужели-ли бы я приказалъ тебя бить?"

16. Дѣло доходитъ до утра. Володька и говоритъ: „родитель, прикажи кучеру запрекчи въ карету, я съѣзжу на пристань—у меня есь таваришшы тамъ!" — Пріѣзжаетъ на пристань, сундукъ отворяетъ, надѣваетъ на себя мундеръ какъ слѣдуетъ, што подобаецца королю надѣть. Оставилъ

одново́ караульнова, а тутъ за́бралъ всѣхъ къ себѣ на обѣдъ; привозитъ къ родителю въ домъ.

Тогда на *обря́дъ* смотрѣлъ ево родитель; „неужѐли ты, Володька, доступи́лъ, што служишь королёмъ?“ -- „Да, тятинька, я служу вотъ въ такой-то державѣ королёмъ. Съѣзди ты, родитель, или накажи́ кучеру, скажи, штобы привёзъ вотъ такова енера́ла и съ женой и съ дочерью съ Пала̀шей!“ — По́слалъ Андрей къ этому енера̀лу — привезти самово́ и жо̀нку и дочь. То прiѣзжаютъ къ купцу. Купецъ Андрей принялъ ихъ, на̀чалъ угошша́ть. Сидѣли онѣ, а Володька былъ въ разной комнатѣ, съ сестрой сидѣли. (Онѣ ишо не здоровались).

17. Тогда Володька сестрѣ говоритъ: „поди, сестра, приведи съ собой въ комнату Палашу; скажи, што моё дѣло дѣвичье, мы будемъ тамъ съ тобой угошша́тца“. (Ему ужъ охота невѣсту-ту скорѣ повида̀ть, затѣмъ и прiѣхалъ). Приходитъ и говоритъ: „господинъ енералъ, дозволь мнѣ свою дочь въ разную ко́мнату, мы будемъ тамъ угошшатца: наше дѣло дѣвичье!“—Палаша приходитъ въ комнату, а Володька сталъ проти́въ иё на́ ноги и здоро́вацца съ ей. Палаша обробѣла.—„Неужели, Володька, я тебя вижу?“—„Да и вѣрно, Палаша, што я!“—„Я по тебѣ ми́лостину всегда *обношу* (подаю), считаю, што ты поко́енъ, а ты живъ образова́лся!“

Палаша ему объяснила: „я отъ тебя теперь никакъ не оста́нусь! отъ тебя родился сынъ, у меня ростётъ“. — Володька сказалъ: „затѣмъ я и съ короле́вства обрати́лся — тебя въ жё́нки взять и съ собой увезти́! А сынъ будетъ у насъ впослѣдствiи время наслѣдникъ... Можно теперь обрати́цца намъ къ родителямъ“.

18. Приходятъ въ комнату къ родителямъ. Выходили изъ той комнаты всѣ трое, здоровались съ енераломъ; и енералъ обробѣвши смотрѣлъ на Володю. „Неужели ты это самой и есь, Володя? доступился до этой степени, што получилъ теперь чинъ короля?“—„Да, Ваше Превосходительство, я служу въ такой-то державѣ королёмъ. Я обратился изъ королевства: ты выдай свою дочь мнѣ въ жё́ны!“ -- „Богъ благословитъ! Сечасъ сходите къ вѣнцу и будемъ мы потомъ пировать“.

Съѣздили, повѣнча̀лись, кутили болѣе недѣли; наконецъ, онъ отправилися въ королевство. Роспростился съ отцомъ-

матерью; прошшался, говоритъ: „и радъ бы я дóма остался, нельзя никакъ законъ перемѣнить!“ —Увёзъ Палашу съ сыномъ въ королевство.

---

18. „Боба королевичъ“.

1. Жилъ былъ король. У короля былъ сынокъ Бобà королевичъ, и онъ пяти лѣтъ нáчалъ шýтки шутѣть: éшли возьмётъ человѣка зá руку, какъ *палы́снетъ* и убьётъ. Потòмъ королю стали приносить жалобу, што „сынка своёва *посокрóче* держи“.— Король етому не вѣрилъ. Застáвилъ своёва сына: привезёна была *связь* (огромная лѣсина) на пятёркѣ,— велѣлъ онъ: „можешь ли ты, сынъ, вы́бросить эту связь черезъ дворецъ?“ (Попытать захотѣлъ сына). — „Нѣтъ ли ково за дворцòмъ? — убери!“ — *То* онъ подходитъ къ етой свя́зи, взялъ её въ руки и бросилъ за дворецъ. Отецъ удивился етому дѣлу. Приказалъ её на мѣсто полóжить, гдѣ она лежáла. Боба королевичъ принёсъ её на мѣсто.

2. Прикаѓзалъ ему отецъ склась кáменной столбъ: только бы ему была, значитъ, кровáть-лежáнка и окошко, рѣшóтки штобы были крѣпкіе; форточку оставить небольшую, штобы пишшу только совáть. Склали етотъ столбъ, завòдитъ ево въ столбъ родитель, запираетъ въ столбѣ ево. Носи́ла ему пишшы дѣвка чернáвка, всё за имъ одна ходила. Проживàлся онъ въ столбѣ съ годъ.

3. Дѣло было въ праздникъ, а дѣвка чернавка приноси́ла чёрнова хлѣба и пирокъ съ рыбой; тогда Бобá королевичъ скричалъ въ окно: „дѣвка чернавка, севодни день празнишной! наштó ты мнѣ чёрнова хлѣба ломоть несёшь?“— Сказала дѣвка чернавка: „*мотрú*, Боба королèвичъ, хотя пирогъ хорошъ, ты ево не ѣшь: онъ состря́панъ съ зелья́ми; какъ ты поѣшь, такъ тебя разорвётъ нá три части. Лучше съѣшь чёрнова хлѣба, *mó* будешь ты цѣлъ“.— Сказалъ Боба королевичъ: „дѣвка чернавка, меня отопрú, тогда мы скричи́мъ борзы́хъ коблéй, *стрàвимъ* етотъ пирогъ!“—Отпёрла; скричѣли борзы́хъ коблéй; борзы́ кóбли съѣли пирогъ, ихъ на три части рòзорвало.—„Я уйду бéзъ вѣсти и не покажусь больше. Полóжь—нá вотъ тебѣ изъ борзыхъ коблей печенку и серцо, положь на тарелку; прийди въ комнату,

запнись, онѣ слетятъ съ тарелки-то; родитель прикажетъ собакамъ выбросить: собакѣ собачья смерть!"

Дѣвица такъ и здѣлала. А сына велѣлъ король не въ покáзанное мѣсто гдѣ-нибудь зарыть. Тогда она выбѣгала, рабочимъ сказала: „скажйте, што закопáли, и не сказывайте про нево!"

4. Боба королевичъ отправился къ Маркобрýну въ государство. Къ Маркобруну въ полáты заходитъ; увидалъ Маркобрунъ, што онъ изъ себя красивой и молодой, мужественной. Маркобрунъ сказалъ, што „откудова ты, молодéцъ?"—„Рóду своёва племени не знаю, заблудя́шшой я человѣкъ; прими меня къ себѣ въ дѣти!" — Назначилъ Маркобрунъ ему имя своё. (Боба королевичъ свое и́мя и фамилію не сказалъ). У Маркобруна дочь очень хорошая была; и онѣ жили какъ братъ съ сестрой съ ей въ одной комнатѣ.

Во снѣвидàніи увидѣлся ему (Бобѣ королевичу) сонъ: слышитъ человѣческіе разговоры и кóнной *пóтопъ*. Сказалъ: „сестра Маркобруновна, это што? я во сновидáніи вижу: прибы́ли къ намъ много народу и кóнной *пóтопъ* и ржаніе?"—Маркобруновна отвѣчала: „ето прибы́лъ къ намъ женихъ за мной, Лукопéровъ сынъ, съ *силой* и съ богатырями. Если съ добрá папаша не будетъ меня отдавать, то сечасъ вы́йдётъ бой, дрàтца будутъ".—Сказалъ Боба королевичъ: „если бы мнѣ богатырскова коня и боёвую палицу вó сто пудовъ, я бы сечасъ ихъ всѣхъ замири́лъ!" говоритъ.—Сказала Маркобруновна: „братчикъ, скажи мнѣ, ты роду племени какой? А то тебя, можетъ, убьютъ, такъ я тоγда буду знать! Если скажешь, тогда я дамъ тебѣ коня!"—„Родитель у меня король, а имя ево Сенбалдá, прáвитъ онъ королевствомъ, а меня зовутъ Бобá королевичъ".

Она взяла ключи, пошла отворила подвáлъ, выдала ему богаты́рское сѣдло и пóтнички и ýздечку; отворила ему конюшни, дала богатырскова коня. Коня онъ ловилъ, клалъ потнички, подтягалъ 12 подпругъ шелкóвыхъ: шолкъ не рвётца, булатъ не трётца, сéребро не ржавѣетъ.

5. Садился на коня, торопился, не взялъ съ собой ни мечá, ни боёвой пáлицы, а попáла ему метлá. Пустилъ коня, и конь вы́скочилъ черезъ дворецъ. И онъ метлой всѣхъ ихъ перебилъ—богатырей и простонародіе; одново оставилъ:

„поди скажи Лукопе́ру, штобы дожидали Бобу королевича; я приду, всё королевство *порѣшу́*!“—Маркобрунъ подивился: „Ахъ, милой сынъ, будешь ты въ совершéнныхъ годахъ, вы́дамъ я за тебя свою милую дочь, будешь ты мой зять!“— То онѣ жили съ ей очень вмѣстѣ и спали на одной постели, съ Маркобруновой; на́жили брю́хо себѣ.

6. Онъ по́жилъ немного. Зду́малъ въ Лукоперово царство съѣздить Боба королевичъ. Поймалъ коня и отправился по *Уралу*. *Натака̀лся* онъ на мана́ха: мана̀хъ стоялъ у ду́бу, Богу молился. Манахъ сказалъ: „Ахъ ты, Боба королевичъ, ѣдешь нѣсколько сутокъ, коня не поишь! дозволь—есь у меня хорошой ключъ—я твоёва коня напою!“— Слѣзъ Боба королевичъ, по́далъ мана́ху коня, самъ остался у ду́бу; мно́го время ждалъ, не могъ коня дождать.—„Вотъ такъ манахъ! обману́лъ молодца̀; остаюсь пѣшкомъ“.—Тогда отправился пѣшко́мъ.

7. Приходитъ въ Лукопе́рово государство, заходитъ къ Лукоперу въ пола́ты. Лукоперъ спросилъ: „а откудова? како̀й ты, молоде́цъ?“ — „Я роду не простова, Боба̀ королевичъ; сына твоёва замири́лъ и хочу твоё царство порѣши́ть!“ — Крикнулъ своихъ богатырей: „богатыри, свяжи́те ево, закуйте, сведите ево въ такой каменной столбъ, поставьте!“— Богатыри схватили ево, заковали и связали и свели ево поставили въ каменной столбъ. И онъ стоялъ тутъ не меньше го́да; съ голоду не мори́ли, досы́та не кормили.

8. Лукоперъ приказалъ на окончаніе: „што ево кормить? убить ево, только и всево!“—Богатыри удумали, што „если мы отворимъ ему воро́ты, то дѣло дря́нно; надо сверху къ ему лучше спушшацца!“ — По одному спушша̀лись, — онъ ихъ тутъ убивалъ сразу, да полѣницу клалъ. Наби́лъ ихъ много, а также взялъ себѣ боёву тутъ па́лицу. Онъ ихъ нагороди́лъ вродѣ лѣсницы, могъ вылѣзти самъ изъ столба́. Приходитъ къ Лукоперу въ полаты. — „Лукоперъ, прошшайся съ жизнью!“—Какъ качнулъ ево и убилъ. Што у ево въ государствѣ, всѣхъ перебилъ и сожо̀гъ городъ у ево.

9. Отправился въ путь домой, къ Маркобруну. Доходитъ до мана̀ха: манахъ Богу молицца, а конь ходитъ на лугахъ у ево.— „Вотъ ты, господинъ умалéнной манахъ! ты меня такъ разоби́дилъ, я изъ-за коня продолжалъ цѣльной годъ въ за́мкѣ!“—

Сказалъ манахъ; „не посердись, Боба королевичъ!.. А твоя Маркобруновна выходитъ теперь за Манзилéя замужъ, за королевскова сына; и онѣ сидятъ за столомъ. Теперь нà вотъ, съѣшь ты етова сóрту ягоду, будешь ты старикъ; нужно тебѣ молодымъ быть, вотъ ешо другова сорту ягодъ дамъ: съѣшь этова сорту, будешь молодой".

10. Садился онъ на коня, пушшáлъ своёва коня въ ходъ. Пріѣхалъ скòрыемъ врèмёмъ, пустилъ коня во *дворéцъ*, а самъ стоитъ во *дворцѣ* старикомъ. Маркобруновна по вéрхъному этажу чары обносúла, также вышла на широкой дворъ, обносила простонародіе; доходитъ до нево: „на-ко, старичокъ, выпей бокалъ водки!" — Старикъ говоритъ: „здраствуешь, Маркобруновна сестричка!"—„А што ты мнѣ за братъ, старикъ?" — „Неужели ты не узнала своёва братчика, Бобу королевича?"—„Штó ты горóдишь, старой пёсъ? развѣ у меня братъ этакой? у меня братъ красивой, молодой, а ты вѣдь старой старикъ, сѣдóй!"

„Ели ты не признаёшь, вы́пусти коня, и конь меня признáетъ". — Пошла она въ конюшни, выпустила коня,—конь подбѣгаетъ къ ему, на колѣнки палъ передъ ево. — „Ишь какой ты хитрой, старой пёсъ!"—„Сейчасъ я буду молодой, сестра!"—Съѣлъ хорошую ягоду и сдѣлался молóденькой—здрѣлъ бы глядѣлъ, съ очей не спушшалъ! Тогдà она ево признàла.

11. Садился па коня, клалъ сёдлышко и потнички, 12 подпругъ шелкòвыхъ — шолкъ не рвёцца, булатъ не трёцца, сéребро не ржавѣетъ, бралъ боёвую палицу ó сто пудовъ и нàчалъ понюжàть богатырёвъ и простонародіе; всѣхъ до одновó замёлъ и жениха убилъ. Одновó оставилъ, сказалъ: „поди скажи Манзилею, штобы больше не ѣхалъ въ нашо государство!" А Маркобруну сказалъ, што „ты если не отдашь за меня добровольно дочь зáмужъ, то я увезу её и не увидишь никогда!"—„Если ты увезёшь у меня дочь, есь у меня богатырь Полкáнъ Полкàнычъ, онъ тебя замирúтъ, догóнитъ дорóгой!"—Сказалъ Бова королевичъ: „я не боюсь твоёва Полкана несколько!"

12. Ночью здумалъ онъ ѣхать, посадилъ на своѐва коня Маркобруновну, отпрáвился изъ ево государства. Поутру хватились, дочери нѣту. Маркобрунъ призывалъ къ себѣ Полкана Полканыча, сказалъ: „воротишь если ты мою дочь

и воротишь если моёва сына, тогда я тебя на волю вы́пущу!“ — Сказалъ Полканъ, што „ворочу скорымъ вре́мемъ; никуды́ онъ не уѣдетъ, я догоню!“ — Догоняетъ ево дорогой. Близъ Бобы королевича добѣгаетъ, выхватилъ Полканъ дубъ обхвата въ два, съ сучками, съ корня́ми та́шшытъ. Оглянулся Боба королевичъ, ссадилъ живо свою невѣстку съ коня, обратился къ нему *побра́товаца. Палы́снулъ* ево долгомѣрныемъ копьёмъ и къ землѣ пригнулъ Полкана, и дубъ вылетѣлъ у ево. Полканъ сказалъ: „не бей (не коли) меня! будешь ты мнѣ братъ, буду я служить тебѣ, што́ прика́жешь!“—Онъ Полкана отпусти́лъ, посадилъ невѣсту и поѣхали вмѣстѣ.

13. Доѣзжаютъ до такова-то γосударства; роски́нули онѣ ла̀гири въ *Уралъ*. Боба королевичъ сказалъ: „я поѣду, Полканъ, за тебя́ невѣсту сватать, а ты здѣсь, *мотри́*, ожидай! если уѣдешь ты къ Маркобруну, тоγда не ожидай себѣ живому быть.“ — *Обвѣтился* Полканъ, што „я такъ буду караулить твою жену и въ обиду никому не дамъ, ежли хто навернёцца; а ты *айда́* сватай за меня невѣсту!“— Пріѣзжаетъ къ королю съ добрымъ словомъ за сватаньемъ: „я сватаю за своёва брата Полкана“; Боба королевичъ объяснилъ, што сильной могучей ба̀гатырь, „если ты не отдашь, то мы всё царство у тебя порѣши́мъ и *попело́чки* заметёмъ!“ — Король приказалъ жениха везти: согла́стенъ отдать.

14. *То* онъ прискакалъ къ своими ла́герями. Она [безъ него] родила́ два сына. Левъ звѣрь на её, на *сыру́ю, напахну́лся,* хотѣлъ иё съись. Полканъ Полканычъ сталъ её защищать, драцца съ ле́вомъ, и оба были убиты. Маркобруновна ушла въ городъ и наняла́сь къ бога́тому мужику въ прачки. Сгорюхну́лся Боба королевичъ; „непремѣнно много львовъ было, съѣли мою жену, а Полканъ Полканычъ не давался, видно побѣди́ли и ево! што теперь дѣлать? Стало быть, мнѣ сватать не за нево, а за себя ужъ, когда у меня невѣсты нѣтъ!“—Пріѣзжаетъ онъ къ королю и сказалъ: „я не за брата теперь сватаю, а за себя: у меня брата звѣри убили и невѣсту мою ко̀нчили, видно“. — Король былъ согла́стенъ за ево отдать. Завели́ пиръ на весь міръ. Дали по всему городу знать, штобы шли къ нему на свадьбу; заводицца гуля́нка.

15. А мальчики эти — какъ родились, на́чали ходить,

Тогда ихъ мать посылáла къ королю, мальчиковъ этѣхъ. Тогда сказала мать: „если спроситъ васъ Боба королевичъ, какова роду племени, то вы скажите, што мы роду не простóва: у насъ мать Вѣна Маркобруновна, а отецъ Боба королевичъ!“ — Онѣ пошли оба къ королю. Приходятъ къ ему въ полаты; заходятъ близъ стола, а онъ сидѣлъ съ невѣсткой. Увидáлъ Боба королевичъ мальчиковъ, начáлъ ихъ спрашивать: „а што, мальчики, откудова вы? какіе?“— „Мы роду не простóва: у насъ мать Вѣна Маркобруновна, а былъ у насъ отецъ Боба королевичъ!“ — Боба королевичъ отвѣчатъ: „гдѣ же у васъ мать прожúваетца?“—„Мать у богатова мужика живётъ въ прáчкахъ“.

16. „Вотъ што, господинъ король, теперь я не беру твою дочь, а у меня невѣста нахóдитца жена, и вотъ ето мои дѣти“. — Сказалъ король: „если ты не возьмёшь мою дочь, я на тебя вы́дамъ богатырей и силы, онѣ тебя кончатъ!“—„Не боюсь я твоéй силы и твоихъ богатырей! не возьму́!“—*То* сказалъ одинъ сынъ: „тятинька, дозволь мнѣ коня и долгомѣрное копьё, я съ богатырёмъ побрáтуюсь, съѣзжу!“—Боба королевичъ: „што ты, сынъ мой милой, ты ишо мòлодъ!“—„Меня убьютъ; тебѣ ешó одинъ остàнецца“.— Давалъ ему коня и долгомѣрное копье. Тогда онъ садился; съ самымъ сильнымъ богатырёмъ разъѣхался, какъ *палы́снулъ* ево копьёмъ и сразу гòлову отши́бъ, на штыкѣ повёзъ въ городъ. Сдивился король: „чѣмъ мнѣ силу терять такъ лучше отстать!“

17. Сялъ на коня Боба королевичъ, посадилъ сына нà ногу, другова нà другую, отправился къ богатому мужику за своéй жóнкой. Посадилъ женý на коня и повёзъ онъ ихъ въ своё государство, гдѣ дядька Сенбалдá живётъ. Пріѣзжаетъ, здорóвался съ отцомъ съ матерью: „здраствуешь, тятинька и мàмонька!“—Король не признавалъ ево за сына: „Былъ у меня сынъ одинъ, Боба королевичъ, ево нѣтъ, ево рóзорвало на три части! штó ты мнѣ за сынъ?“ — Сказалъ Боба королевичъ: „я сàмой, тятинька, твой сынъ, живъ и здоровъ; если ты меня не примешь, то прошшайся съ бѣлымъ свѣтомъ!“—Отецъ ево не призналъ за сына. Онъ какъ *палы́снулъ* своéй рукой, разшибъ ево на мéлки части; разшибъ и мать; схоронилъ ихъ, самъ остался въ королевствѣ прàвить.

---

19. [Иванъ царевичъ и царевна старушка].

1. Жилъ былъ царь. У царя было три сына; и потомъ онъ далъ *имя́* по стрѣлочкѣ: „куды ваши стрѣлочки полетя́тъ, туды́ и невѣстъ поѣзжайте сватать!“—Конешно, большáкъ стрѣлилъ, у ево въ правую сторону улетѣла стрѣлочка; середней стрѣлилъ, у ево въ лѣву улетѣла; а Иванъ царевичъ стрѣлилъ, у ево полетѣла прямо и *свильнула*—залетѣла въ *топучее* болото. На островкѣ тутъ небольшая избушка стоитъ; въ эту избушку заходитъ [Иванъ царевичъ]; сидитъ старушка, у старушки и стрѣлочка его: въ рукахъ дèржитъ. Иванъ царевичъ и думатъ: „неужели мнѣ таку старуху зàмужъ доводицца брать?“—А старушка отвѣчáетъ: „да, Иванъ царевичъ, видно тебѣ довóдицца старушку взять!“

2. Иванъ царевичъ долго продолжáлъ — стрѣлочку искалъ — и *ись* захотѣлъ. Старушка въ гóлбецъ спушшалась, достала яйцъ и сметаны, наби́ла яйцъ, *чирлý* (въ родѣ яишницы, на сковородѣ зажарятъ, безъ хлѣба) исправила. Накормила и говоритъ: „Иванъ царевичъ, не опасайся! я вѣдь на времё старушка: день я стáрая, а къ нóчѣ молодая живý“.—Иванъ царевичъ и говоритъ: „исправься не на долго времё: я погляжу, какая ты молодая будешь?“—Она перебрóсила съ руки нá руки кольцы и испрáвилась такая фрéйлина, што въ городѣ нѣтъ: насколько красива и всѣмъ вышла. — „Веди меня, — говоритъ: — домой: врéмё выйдётъ, такъ я буду завсегда молодая! а теперь мнѣ нельзя,—говоритъ:—всё таки я буду старуха докýдова“.

3. Приводитъ онъ домой. Брáтьи пòбрали невѣстъ хорóшихъ, а онъ привёлъ старуху. Брáтьи усмѣхнулись и невѣстки и́хи, и царь усмѣхнулся надъ старухой: ковò онъ привёлъ. Царь и говоритъ: „стало быть, ето моё недоумлéнье: стало быть залетѣла стрѣлочка, ему и приходицца её сватать! надо бы добрóмъ здѣлать! (Я виноватъ здѣлался). Нéчево смѣяцца!“ — Иванъ царевичъ говоритъ: „тятинька, мнѣ особу комнату нужно: братьи будутъ надо мной усмѣхацца, въ одной комнатѣ не буду я жить“.—Царь приказалъ: „которая тебѣ комната *заглянецца*, въ той и проживайся!.. Повéчеру приходи́те ко мнѣ, я вамъ задàчу задàмъ!“

4. Далъ онъ *имя́* муки первова сорту поровна́ку: „которая у васъ невѣстка лучше хлѣбъ испекётъ?“—Потомъ онѣ приносятъ, отдаютъ своими невѣстками. Посылаютъ хорошіе невѣстки служанку: „сходи къ старушкѣ, посмотри, какъ она будетъ притворъ дѣлать: она постарше насъ, лучше испекётъ хлѣбъ.“ — Приноситъ она холодней воды, налила́ въ квашню, потомъ муку́—не сѣяла, ничево́—бухъ въ квашню, размѣшала въ притво́ръ. Отслони́ла засло́нку, по всёй печѣ разлила́ и говоритъ: „испекись што́бы мой хлѣбъ бѣлой и ры́хлой и ску́сенъ! поутру́ што́бы былъ готовъ!“ (А печь не затопля́ла, въ холодную печь разлила).— Служанка усмотрѣла, сказываетъ: вонъ она какъ сдѣлала! Онѣ усмѣхнулись, што въ холодней избѣ не должно́ испекчи́сь. А тѣ невѣстки такъ изла́дили, какъ до́бры люди пекутъ: съ вечера квашню изладили, а поутру́ затопля́ли печь. Поутру́ старушка вынимаетъ хлѣбъ, въ скатёрочку завёртыватъ, подаетъ Ивану царевичу.

5. Приходятъ всѣ трое. Подаётъ *большакъ на́перво* булку свою. Царь взялъ булку въ руки и говоритъ: „да, — говоритъ: — ету булку голодающшій, если три дня не ѣлъ, такъ поѣсъ“; настоль эта булка тижела́, отду́лася верхняя корка, нижняя сожжо́на, а въ серёдкахъ пустота (не укисла). — Также и середней сынъ подаётъ, и у тово оказалась етака же булка. „Коγды́ солдаты голодьніе сдѣлаюцца, тогда солдатамъ *ись*, а не мнѣ!“—Иванъ царевичъ розвёртыватъ свою булку, подаётъ родителю. Наско́лько ево хлѣбъ показался бѣлъ и лёхкой, рыхлой; царь сказалъ: „вотъ ето хлѣбъ! етотъ хлѣбъ—только придти отъ обѣдни, съ хорошимъ людя́мъ чайку попить съ этѣмъ хлѣбомъ. Старушка хорошо испекла! Знать-то она мнѣ будетъ милая сно́шка!“

6. Царь выдалъ *имя́* полотна по-ровна́ку: „пушай къ утру онѣ изготовятъ мнѣ по рубашкѣ: которая сошьётъ лучше рубашку?“ — Приноситъ Иванъ царевичъ, подаётъ своей старушкѣ полотно. Тѣ посылаютъ служанку: „погляди́, какъ она будетъ кроить!“ — Старуха полотно взяла, вышла на паратное крыльцо, изорвала́ ево все въ ле́нточки, на всякіе клинышки. Сказала старуха: „подыми́тесь, вѣтры буйные, и унеси́те всѣ кли́ньи по бѣлому свѣту, што́бы я́ на ето полотно и не глядѣла! (Шить не охота ей). А предоставьте по утру́ рубашку, штобы рубащка была готова!“

Служанка приходитъ, невѣсткамъ обсказыватъ, што „она изорвала на мелкіе клиньи и велѣла бурѣ подняцца, унести клиньи, а сама не шьётъ“. — А онѣ наняли такихъ служанокъ, штобы сшить на машинкѣ, поутру штобы было готово. Утро подходитъ; рубашка у старушки готова; завернула её въ полотняну скатёрочку: „на, Иванъ царевичъ, неси!“

7. Приносятъ всѣ трое. *Наперво большакъ* подаётъ свою рубашку. Глядитъ на ету царь рубашку: „насколько накосо сшито и неровно обрублено! ето только рабочему носить, а не мнѣ“. — Середней подаётъ: „это рабочему не въ воскрёсной день надѣвать, а только въ будни носить её: рубашка совсѣмъ неудобная“.

Иванъ царевичъ подаётъ. Вывёртываетъ царь рубашку и говоритъ: „вотъ ето рубашка! только идти когда въ церковь Христово причасье принять, а дома не носить её; сшита, нигдѣ и сшивку (сшивочку) нѣту, какъ отлитая!.. Завтра я излажу обѣдъ, а на обѣдѣ скажу, которая моя милая снóшка... Завтра поутру прибудьте ко мнѣ на обѣдъ всѣ трóё съ женами!“ — Иванъ царевичъ приходитъ, похвалилъ свою старушку, што „ты не ударилась въ грязь лицомъ, отцу пондравилась твоя рубашка“.

8. Старушка говоритъ: „Иванъ царевичъ, ты севодни одинъ ночуй, я отправлюсь, а завтра поутру пріѣду въ каретѣ съ гонцами (съ *фалёторами*, значитъ); ты меня встрѣчай!“ — Поутру было заказано енераламъ притти въ гости, постороннимъ и своимъ дитямъ. Всѣ сходяцца, а у Ивана царевича всё еще нѣтъ жены, не пріѣхала ево старуха. Вдругъ она пріѣзжаетъ въ золотой каретѣ и съ фалёторами. Выбѣгалъ царь и встрѣчалъ самъ. Иванъ царевичъ выходилъ на *дворецъ*, встрѣчалъ и сказалъ, што „не нужно, тятинька, тебѣ стрѣчать: это моя старушка ѣдетъ!“ — *То* онъ её подъ руки изъ кареты принялъ, Иванъ царевичъ; заходятъ съ имъ въ отéческое зало.

9. Садились онѣ всѣ за пристолъ; начинаютъ *наперво* пирогъ кушать. Мясо она ѣла, а кости за ошлагъ клала. И тѣ невѣстки также: кушали, а кости за ошлаги клали: „што она дѣлаетъ, то и мы будемъ дѣлать!“—*То* послѣ пирога начали *хлеботню* хлебать; старушка не дохлебнётъ, да за ошлага льётъ. И тѣ невѣстки лили, а у нихъ изъ рука-

вовъ бѣжи́тъ (а у старушки не бѣжитъ). Тогда старушка сказала: „Всё у тебя, тятинька, хорошо́, а одно не исправно".— „Што, ми́ла дочь, у мена не исправно? Скажи!" — „У тебя вотъ кругъ до́му са̀ду нѣтъ; нужно бы садъ хоро́шой устроить и въ саду сдѣлать прудъ и въ пруду пусти́ть рыбу; хорошое бы тутъ было су́дно, штобы мы на этѣмъ суднѣ поплавали, ката̀лись; а рыба будетъ играть—намъ любопытно... Если ты прикажешь, я сейчасъ испра̀влю". — „Ну, мила дочь, исправь!"

То она махнула изъ лѣвова ошлага: „кругъ дворца очудись садъ и въ саду прудъ и въ пруду сдѣлайся рыба!" Правымъ ошлаго́мъ махнула: „рыба въ пруду штобы игра́ла и штобы судно было испашо́но — намъ поката̀цца въ пруду!"—Такъ и сдѣлалось—исправился садъ и всё какъ есь. А бра̀тьины невѣсты: „это што! мы можемъ и сами ето сдѣлать!" — Ну-ко изладьте!" сказалъ царь. — Махнули онѣ также лѣвыми ошлага́ми, брызги полетѣли ихъ мужевья́мъ въ ры́ло и царю. — „Што вы дѣлаите? Всѣ намъ глаза вы́хлестали и рубахи оскверни́ли!"—То онѣ махнули правыми руками, ошлага̀ми, изъ *и́хихъ* рукавовъ полетѣли кости прямо мужья́мъ въ глаза́. Сказали *и́хи* мужья́: „стало быть, вы безумные! Што вы дѣлаете? Гдѣ вамъ такъ сдѣлать, какъ она дѣлатъ?"

Выходятъ изъ пола́тъ, садяцца на су́дно, начали ѣздить по́ пруду, а рыба нача̀ла играть-побулькивать. Любопытно сдѣлалось царю и во́всё залюбѣлъ старушку, што хорошо исправила. — „Завтра, Иванъ царевичъ, приходи́ поутру ко мнѣ со своей женой: жить мы будемъ съ тобой въ одной ко́мнатѣ".

10. Старушка когда снимала съ себя пе́рстень да за *печурокъ* кла̀ла, дѣлалась молодая. Тогда онъ усмотрѣлъ, Иванъ царевичъ; какъ присну́ла она крѣпко, ставалъ съ постели, нашолъ етотъ перстень, унёсъ ево—въ море бросилъ. А етотъ перстень, только какъ онъ бросилъ, то нечистой духъ схватилъ ево и унёсъ далёко, въ тридевя́тое государство. Поу́тру хвати́лась, — въ *печуркѣ* перстня нѣтъ. Старуха Ивану царевичу объяснила: „скоро бы мнѣ молодой быть вре́мё; теперь, Иванъ царевичъ, прошшай! ты отъ ро́ду меня не увидишь!" — Иванъ царевичъ сказалъ: „во мнѣ богаты́рская есь сила! я могу тебя розыскать всё-

таки, увезти́ домой, только скажи, куды уѣдешь?“ — Сказала ему старушка: „очень тебѣ трудно меня доставать! я отправлюсь къ чудо́вишшу морско́му въ тридевя́тое государство“.—*То* она вы́шла на поратное крыльцо, уда̀рилась, сдѣлалась *голубихой* и полетѣла. Смотрѣлъ онъ только, въ котору сторону она полетѣла.

11. Иванъ царевичъ взялъ денегъ съ собой на дорогу и отправился иё розыскивать. Ѣхалъ онъ моря́ми и лѣса́ми, много продолжалъ вре́мя. Пріѣзжаетъ въ тридевя́тое государство, заходитъ въ дикой лѣсъ, въ *ура̀лъ*. Идётъ *ура̀ломъ;* нечаянно приходитъ: стоитъ избушка, а въ етой избушкѣ живётъ старушка. Старушка увидѣла ево: „Фу-фу, нечя̀янной госьть ко мнѣ прибы́лъ, Иванъ царевичъ, да́льной госьть! Куда *те* вѣтры понесли, Иванъ царевичъ? скажи ты мнѣ правду!“ — Старухѣ онъ отвѣтилъ: „ты, ба́ушка, напо́й, накорми, *тожно́* у меня вѣстей распроси!“—Старуха наташшы́ла ему жаренова и паренова, всякова *бисе́рту*, што онъ такой пишшы и дома ма́ло ѣда̀лъ. Напился, наѣлся, поблагодарилъ старуху, што хорошо накормила. — „Вотъ, родна́я ба́ушка! убрала̀сь отъ меня невѣстка неизвѣстно куды́. Хоть бы мнѣ узнать, куды она отправилась: разыскать я не могу иё“.

Старуха ему отвѣтила: „не нужно бы тебѣ бросать въ море перстень! это моя племянница, она теперь у чуда морскова живётъ; у нево есь много богатырей и *си́лы*, онѣ тебя ко́нчатъ. Если у тебя бы есь сила, у меня есь такой *мячъ*: етотъ *мячъ* нужно только поднять, да махнуть имъ — такъ всѣхъ заметётъ“.—Передъ старухой сталъ Иванъ царевичъ на колѣнки, сталъ усердно старуху просить. Старуха: „ну, *тупай* жо ты, возьми мой мечъ! я вотъ спушшу клубо́къ, ты ступай за нимъ, по клубочку дойдёшь!“—Она клубо́чикъ спустила, онъ побѣжалъ за клубо́чкомъ съ етѣмъ мечёмъ.

12. Приходитъ къ етому дому. Выходитъ чудовишшо съ богатыря́ми и съ *силой* — Ивана царевича побѣдить. Иванъ царевичъ какъ подня́лъ мечъ, какъ хлеснулъ, у ихъ улицу далъ, махнулъ въ другую сторону—замёлъ и оста̀вшихъ. Подхо́дитъ *гъ* до́му, а у до́му не могъ дверей найти́. *То* онъ свой *мячъ* подня́лъ, махнулъ етѣмъ *мячёмъ* по стѣнѣ, оказалась ево невѣстка — сидитъ во стулѣ посере́дь по́лу.

Сидитъ она очень хорошей красȁвицей; теперь она будетъ навсегда́ хороша́. Дѣвица увида́ла ево.—„Ахъ, мой ладушка, Иванъ царевичъ! умѣлъ зайти къ моёй тёткѣ, пособила она твоёму горю!“ — Она съ руки на́ руку перебро́сила ко́льцы, сказала, што „будь теперь здѣсь ла́гири, въ лȁгиряхъ штобы самоварчикъ, жȁренова и па́ренова—штобы было намъ чево покушать!“—*То* онѣ понаѣлись, понапились.

13. Послѣ етова она перебро́сила съ руки на́ руки кольцы и сказала: „слуги мои, испрȁвьте мнѣ такой корапь, штобы онъ могъ идти моря́ми и бѣгать лѣса́ми—гдѣ мнѣ принадлéжитъ. Пріѣзжаетъ къ тёткѣ, отдаётъ мечь и благодарили тётку. Тёткѣ она сказала, што „я прибуду въ руськое государство, позову васъ въ гости — милости просимъ, пріѣзжай, не посупорствуй!“—Роспростилась съ тёткой.

14. Пріѣзжаютъ на этѣмъ кораблѣ въ руськое государство. Явился къ отцу во дворецъ съ жёной. Родитель выходилъ стрѣчать. — „Ахъ, мой Иванъ царевичъ! досталъ себѣ невѣсту хорошую, а невѣстку, видно, потерялъ!“ — „Нѣтъ, тятинька родной, это самая старушка, а теперь она у меня красавицей навсегдȁ будетъ! теперь ей времё вы́шло старушкой жить! Теперь, тятинька, нужно сдѣлать пиръ на весь міръ!“

15. Ивана царевича жена послала ко своимъ родителямъ и къ тёткамъ, штобы были на бу́душшей день въ гости. Со всѣхъ странъ съѣзжаютца; а какъ у Ивана царевича пріѣзжаютъ госьти, — всѣхъ лучше ло́шади и сами *со́браты*—всѣхъ лучше на нихъ одежда. Залюбѣлъ царь ево гостей всѣхъ лучше. *То* онѣ двое сутки кути́ли, а на третьи всѣ розъѣхались.

Стали поживать всѣ, какъ есь; Царь оставилъ тогда Ивана царевича со своей жȍнкой въ своéй кȍмнатѣ.

---

20. [Иванъ купеческій сынъ и Елена поповская дочь].

1. Жилъ былъ купецъ. У ево сынъ былъ одинъ; звали Иваномъ. У ево завѣшшанье было такое: напра́вилъ онъ стрѣлочку: „куды́ эта стрѣлочка залети́тъ, тутъ и сватать станемъ“.—Она залетѣла *хъ* попу́. Потомъ пришолъ купецъ сватать *хъ* попу: „Съ добрымъ словомъ—за сватаньемъ!“—

Свяшшенникъ говоритъ: „ково я тебѣ отдамъ? у меня есь вонъ старая дѣва Елена, развѣ её возьмёшь?“ — Купецъ сказалъ: „всё ровно́!“ — Ся́ли за солъ, посидѣли; сходилъ свяшшенникъ, ихъ повѣнча́лъ.

2. Пріѣзжаютъ *хъ* купцу въ домъ; посидѣли за столомъ ди́вное времё, пошла она съ имъ въ спа̀льну. Въ спальнѣ на́чалъ шшу́пацца; снимаетъ она съ себя шо́лковъ по́ясъ и давай ево лупи́ть, жениха́. — „Есь, — говоритъ: — у меня *гулева́нъ*, на лицѣ у нево только онучи суши́ть, Харкъ Харковичъ Соло́нъ Соло́нычъ,—и тотъ лучше тебя!“ (Безобразенъ женихъ). Потомъ она отдула ево шо́лковымъ по́ясомъ и сама убрала̀сь отъ ево. Утромъ *дружки* стаю́тъ, невѣсты нѣтъ.

3. Иванъ купеческой сынъ вы́просилъ у отца коня — свою Елену Прикра́сную искать. Ѣхалъ онъ близко ли далёко ли, низко ли высо̀ко ли, — доѣзжаетъ до эдакой избушки: избушка стоитъ на козьихъ ро́жкахъ, на бараньихъ ножкахъ, повёртывацца. — „Избушка, избушка, стань по старому, какъ мать поставила: къ лѣсу задо́мъ, ко мнѣ передо̀мъ!“—Избушка стала. Заходитъ Ваню́шка. Яга Яги́шна въ одну стѣну уперла нога́ми, въ другую стѣну головой.—„Фу-фу, руськова духу съ ро́ду не видала, руськой духъ ко мнѣ самъ пришо́лъ!... Куды́ жо ты поѣхалъ?“— „Напо̀й накорми, потомъ вѣстей распроси́!“ — Она п...ула столъ поддёрнула, дриснула—штей плеснула, ногу подняла́ и квасу налила...—„Я поѣхалъ свою невѣсту искать, Елену Прикрасную, поповскую дочь“. — Яга Яги́шна: „не ѣзди, воротись! тутъ тебя убьютъ: у нево кругъ дому тынъ, на кажной тыни́нкѣ по человѣчьей *голови́нкѣ*, на одной нѣтъ: непремѣнно твоя голова тутъ и поги́нетъ!“—Онъ отправился впередъ.—„Взадъ поѣдешь, такъ заѣзжай ко мнѣ въ гости!“

4. Подъѣзжаетъ ко второй избушкѣ. Стоитъ избушка на козьихъ рожкахъ, на бараньихъ ножкахъ, повёртывацца.—„Избушка, избушка, стань по старому, какъ мать поставила: къ лѣсу задомъ, ко мнѣ передомъ!“ — Избушка стала; заходитъ: Яга Ягишна лежитъ—въ одну стѣну уперлась ногами, въ другую стѣну головой.—„Фу-фу, руськова духу съ роду не видала, руськой духъ ко мнѣ самъ пришолъ! Куды жо ты поѣхалъ?“ — „Напой накорми, потомъ

вѣстей распроси!“ — Она п...ула столъ поддёрнула, б...ула штей плеснула; ногу подняла и ложки подала. — „Я поѣхалъ свою невѣсту искать, Елену поповскую дочь.“—„Не ѣзди! это у моёва племя́нника, у Харка Харковича у Солона Солоныча; у нево кругъ дому тынъ, на кажной тынинкѣ по человѣчьей головинкѣ, на одной нѣтъ; *нать-то* твоя головушка тутъ пося́детъ“...

„Нельзя ли какъ помокчи́ моёму горю?“ — „Ты вотъ што: оставь коня здѣсь у меня, а самъ пойди пѣшкомъ! есь у ей у двора два мо́ста: одинъ мостъ простой, а другой стеклянной; ты на этотъ на стеклянной мостикъ тихонечко взойди и кричи: „Ба́роня, прости! государоня, прости! нечаянно я на плотикъ зашолъ!“ — Ешли она проститъ, такъ и онъ проститъ. Каку бѣду не сдѣлашь, всё такъ и дѣлай!“

5. Онъ доходитъ до ево дому. Кругъ ево дому тынъ и на кажной тынинкѣ повѣшано по человѣчей головѣ, на одной тынинкѣ нѣтъ. *То* онъ заполза́етъ на стеклянной мостикъ и кричитъ: „Ба̀роня, прости! восуда̀роня, прости!“— Ба́роня выходитъ и въ окно смотритъ: „Чѣмъ тебя, дитятко, простить-то?“ — „Нечаянно я заползъ на вашъ плотикъ“.—„Ну, Богъ проститъ! Иди въ мою комнату, я тебя спря́чу“.—Зашолъ онъ въ комнату. — „Вонъ, залѣзь подъ кровать, я тебя занавѣской завѣшу“.

6. Летитъ Харкъ Харковичъ Солонъ Солонычъ, долета́етъ до своёва дому и говоритъ: „хто могъ на мой плотикъ залѣсти? голову ссѣку и на̀ тынъ повѣшу!“ — А мать сказала, што „неча́янно дитятко заползъ; прости!“ — „У тебя всё печа̀янно!... Ну, Бохъ проститъ! Гдѣ онъ есь?“ — „Простишь, такъ я скажу!“ — „Ну, ужъ я прошша́ю!“ — „Ну, вылѣзай, молодецъ!“ — говоритъ. Вылѣзъ. — „Давай, собирай, мать, *исъ!*“—Мать собрала́ на столъ, начала́ кормить ихъ.

7. То онѣ наѣлись. Онъ ему сказалъ: „*мотри*, моло́децъ, въ ету комнату ходи и въ ету ходи, а въ третью не ходи!“—Харкъ Харковичъ Солонъ Солонычъ уѣхалъ,—онъ пошолъ по комнатамъ. Въ перву комнату зашолъ, жена ево сидитъ, вышиваетъ ковры драгоцѣнными камня́ми. Онъ съ ей нешто не сказалъ. Въ другую комнату зашолъ,— тамъ дѣвица сидитъ, всячески *ишо* лучше. Въ третью ком-

нату зашолъ, дѣвица сидитъ одна красавица. Онъ взялъ её за ручку и пошолъ кадрелью плясать, съ третьей дѣви́цей. Вышолъ изъ комнаты, потихоньку на етотъ хрустальной мостикъ зашолъ и кричитъ: „бароня, прости, государоня, прости!"—„А въ чѣмъ тебя дитятко, простить?"—„А я нечаянно въ третей комнатѣ былъ, съ дѣви́цей поплясалъ".

То прибылъ Харкъ Харковичъ Солонъ Солонычъ. — „Хто ему дозволилъ подлецу въ третью комнату зайти? Я ему северодня голову сказню́ и на́ тынъ голову повѣшу!"—Мать говоритъ: „дитятко, прости! нечаянно онъ въ комнату зашолъ".—„У тебя всё нечаянно! А гдѣ онъ есь?"—„Простишь, дакъ скажу!"—„Ну, да ужъ Богъ прости́тъ! Давай, собирай намъ обѣдать!"

8. Накормила ихъ.—„Молоде́цъ, ты по всѣмъ конюшнямъ ходи́, а въ эту не смѣй заходить!"—Ходилъ онъ по конюшнямъ по всѣмъ; въ которую не хотѣлъ, и въ её зашолъ. Тутъ стоитъ конь старой—и мо̀хомъ обро́съ. Сялъ онъ на етова коня и давай по конюшнѣ гонять. Да тово этова коня *уха́йкалъ*, што съ ево и мыло пошло́! (Отраба́тыватъ!). Послѣ этово онъ пошолъ, на стеклянной мостикъ заползъ и кричитъ: „Бароня, прости! государоня, прости!" — А бароня сказала: „въ чѣмъ тебя, дитятко, простить?"—„Нечаянно я въ конюшню зашолъ въ ту, въ которую онъ не приказалъ"—„Бохъ проститъ! иди, я тебя спрячу".—Спрятала.

Летитъ Харкъ Харковичъ Солонъ Солонычъ.—„Вотъ подлецъ! γдѣ ему не приказываютъ, тутъ и лѣзетъ! *уха́йкалъ* у меня коня стариннова до тѣй степени, што конь приста̀лъ! Непремѣнно сёдни я ему за этова коня голову сказню́ и на̀ тынъ голову повѣшу!" — „Дитятко, прости!"—„У тебя всё прости, хоть *доку́ль*!"—„Неча́янно онъ вошелъ! отдохнётъ твой конь!" — „Ну, Бохъ проститъ! А гдѣ онъ есь?" — „Прости́шь во второй разъ, дакъ скажу!" — „Ну, Бохъ прости́тъ! Собирай намъ обѣдать!"—Мать собрала̀ имъ обѣдать.

9. Иванъ купеческой сынъ сказалъ: „куды же ты, Харкъ Харковичъ, летаешь? скажи мнѣ: я не помогу́ ли твоёму го́рю?" — „Я летаю въ руськое государство; а охота мнѣ укрась у царя царскую дочь Маръу царевну, а украсть никакъ не могу!"—Сказалъ Иванъ купеческій сынъ: „это для

насъ плёвое дѣло стоитъ. Ты давай мнѣ карáпъ и 10 человѣкъ музыкантовъ; я поѣду, въ карáпъ её заведу оммáномъ и увезу́".—*То* далъ ему корапъ и 10 человѣкъ музыкантовъ и рабочихъ. Онъ отправился къ царю. Прiѣзжаетъ къ руському государству, привàливаютца на прíстань. Объяснилъ царю, „штобы твоя дочь — есь у меня хорошiе музыканты — [шла] послу́шать: я для царской дочери могу даромъ сыграть".

Она посылаетъ служанокъ: „пушáй онъ зыгрàетъ въ му́зыку; если понрáвитца, тогда придите и мнѣ скажи́те!"—*То* приходятъ служанки; завёлъ онъ му́зыку, начàлъ играть. Часъ врéмя проигрáлъ, служанки заслушались. Приходитъ одна, объясняетъ царской дóчери; сказала: „Марѳа царевна, мы отъ рóду такой музыки не слыхали! такiе музыканты—и не вышелъ бы изъ корабля у ево: *бóльно* хорошо играютъ!"

10. Заходитъ Марѳа царевна въ карапъ; тогда онъ служанокъ всѣхъ вы́дворилъ: „вы, дѣви́цы, послушали, мóжите отправицца домой! а ты, Марѳа царевна, слушай!"—*То* начали въ музыку играть, а рабочимъ приказалъ корапь въ ходъ пустить, въ обрáтной путь. Иванъ купеческiй сынъ музыкантамъ какъ можно наказыватъ поважнѣе играть, штобы ей *заглянулось*. (Слушай, *хохлуша*, а ужъ везутъ далёко!). Слушала она не меньше тово — трёхъ часовъ; запросилась на сухопутно выйти: „довольно, я послушала".

„Выйти тебѣ нéкуда ужъ!" сказàли. Карапь былъ очень ходкой: чуть не на срединѣ моря ужъ очути́лся. Привозитъ онъ её къ Харку Харковичу Солону Солонычу. Приваливаютца на пристань. Тогда Харкъ Харковичъ увидалъ ету царскую дочь, поцѣловалъ Ивана купеческова сына и похвали́лъ, што „молодéцъ!"

11. Приходитъ въ домъ, даетъ Ивану купеческому сыну плеть хорошую: „поди́ свою жену *пробузуй* хорошéнько, изломáй ей руки и ноги, штобы она тебѣ покори́лась!"—Тогда Иванъ купеческiй сынъ взялъ плеть, приходитъ къ своей женѣ, взялъ её зà волосы и давай её плетью *охáживать*. До тѣй степени её *стегàлъ*, ужъ она *раставрáлась*, леглà осередь пòлу и не шевели́цца. А онъ всё *бузуетъ* её. (Вотъ бабъ-то какъ охáживаютъ,—не слушаютъ дакъ!).

12. Приходитъ въ ту комнату, въ которой они проживаютъ; приказалъ матери ево напоить-накормить всякими *бисе́ртами,* Ивана купеческова сына. Ночь переночевалъ, поутру́ заглянулъ въ ту комнату: жены́ нѣту до́ма. Харкъ Харковичъ Солонъ Солонычъ сказалъ: „возьми моёва коня́ люби́мца ста́рова, на которомъ ты ѣздилъ, на нёмъ и поѣзжай, а на свои́мъ не ѣзди конѣ, не отбирай у тётки: γдѣ онъ стоитъ, тутъ и стой!“—Заѣхалъ къ первой Ягѣ Ягишнѣ, гдѣ ло̀шадь оставлена; заходитъ въ ызбу, поздоровался. —„Што, мою жену не вида́ла ли?“ —Яга Ягишна отвѣтила: „недавно на печѣ лёжа̀ла, отправилась она домой“.

13. Очень онъ торопился; скоро отправлялся впередъ. Подъѣзжаетъ къ другой избушкѣ. — „Ахъ, племя́нничекъ, явился наза́дъ!“ — „Да, тётушка, назадъ!“ — „Какъ ты съ моимъ племянникомъ обошо́лся? Какъ онъ тебя не *исхи́тилъ?*“ — „Обошо́лся“, — говоритъ:—„А што, тётушка, мою жену не видала? не забѣгала сюды?“ — „Вотъ недавно на печѣ лёжа́ла, да ушла домой“. — Пріѣзжаетъ домой, ужъ она до́ма на печѣ лежи́тъ. И стали жить да поживать. Больше не стала никуды́ бѣгать.

---

21. „Микула шутъ“.

1. Микула шутъ поѣхалъ на па́шню. Пашетъ Микула шутъ па́шню; ѣдетъ свяшшеникъ доро́гой; увидалъ, што Микула шутъ пашетъ.—„Бохъ по́мочь тебѣ!“—„Добро жа́ловать!“—„Какъ же ты, Микула шутъ, съ ро́ду не пахалъ, а теперь вы́ѣхалъ пахать?“—А Микула шутъ на то сказалъ: „добрые люди поѣхали сѣять, и на меня доброй умъ напахну́лъ, и я поѣхалъ пахать; напашу́, буду сѣять“. —„Такъ вотъ што, Микула шутъ, загни-ко мнѣ *зипу́нчикъ,* — говоритъ:—у меня *зипуна̀* нѣту: дошъ подётъ, а зипуна нѣтъ!“

Микула сказалъ, што „я *ба́ло* (на которомъ полозья гнутъ) забылъ до̀ма; ты попаши́ намѣсто меня, а я съѣзжу на твоей лошадкѣ; ца я и пѣшкомъ могу сходить: пуша́й лошадь твоя здѣсь похо́дитъ!.. Вотъ што, ба́тько, ты оде́жду-ту сними: я твою одежду надѣну, а ты мою́, а то поѣдутъ

мужики, скажутъ, што попъ пашетъ; неловко!" говоритъ. Свяшшеникъ *лóпоть* худую надѣлъ, а съ себя хорошую одéжду óтдалъ.

2. Приходитъ Микула шутъ къ *маткѣ* и говоритъ: „*Матка*, давай тысчу рублей денегъ! затѣмъ свяшшенникъ отдалъ мнѣ свою одежду, што мы домъ скупи́ли хорòшой". — *Матка* и говоритъ, што „тысчи рублей у насъ нѣту; 9 сотъ есь, а одной сотни нѣту". — „Онъ велѣлъ у дьякона занять сотню".—*Матка* живо побѣжала къ дьякону, сотню рублей занялà и подалà ему денегъ тысчу рублей. Онъ палъ въ лѣсъ и лежитъ, нейдётъ къ попу; а одежду поповскую оставилъ дóма.

Попъ, видно, пахàлъ, пахалъ; „штó онъ, с...нъ сынъ, долго? штобы онъ тамъ *мáтку* не обманулъ? надо ѣхать мнѣ домой!"—Пріѣзжаетъ свяшшенникъ домой и говоритъ: „*матка*, ты Микулу шута не видала?"—„Штó ты, батько?— говоритъ: — я отдалá ему тысчу рублей денегъ! вы домъ скупи́ли", говоритъ.—Онъ обрати́лся нà поле, свяшшенникъ, Микулу шута искать.

3. Микула шутъ надѣлъ на себя сарафанъ, подвязáлся по-дѣвечьи и пашетъ. Подъѣзжаетъ онъ (попъ) къ дѣви́цѣ и здорòватца: „здраствуёшь, Микулишна!" — „Здраствуёшь, батько!" говоритъ.—„Я,—говоритъ: — поѣхалъ твоёва брата искать!"—„А я,—говоритъ:—принеслà ему хлѣба, да лошадь даромъ стои́тъ, а ево нѣтъ!" — Попъ и говоритъ: „Микулишна, ты лошадь брось тута! онъ придётъ, такъ вспáшетъ, а ты иди ко мнѣ: хоть деньги-тѣ этѣ немнòжко заживи!"

Микулишна сказала: „я, батько, рада мѣсту: я съ гóлоду пропáла — съ имъ живу!... Такъ нужно, бáтько, лошадь вы́прекчи: хто ево знáетъ, скоро не скóро онъ пріѣдетъ? пушай лошадь хоть ѣсъ, ходитъ!" — Привозитъ Микулишну домой, сказалъ попадьѣ, што „не нашолъ Микулу самовó, а вотъ привёзъ ево сестру: пушай хоть поживётъ, деньги у насъ заживётъ котóры!"

4. Онъ [Микула] жилъ дóлго, сознакомился—у попа было три дочери, — потихоньку наладилъ *имя́* ..... *То* попъ говоритъ *маткѣ:* „што-то у насъ, матка, дочери *сы́ты* стали ши́пко! Не Микула ли самъ живётъ ето у насъ?"—Попадья говоритъ: „какъ мы ево узнáемъ?" —„Истопить нужно ба-

ню“.—Посылáлъ своихъ дочерей съ ею въ баню, съ Микулишной. Дочери приходятъ.—„Не Микула ли есь?“—„Штò вы думаите? што мы дѣвки, тó и она дѣвка!“—Попъ отвѣтилъ: „*тупáй, матка*, съ ей самá! лучше узнаешь“. — Во второй разъ онъ нейдётъ: „у меня,—говоритъ:—голова заболѣла, я и такъ угорѣла!“—„На будушшей день истòпимъ баню, — говоритъ: — пойдёшь?“—„Пойду“.......

5. Тогда купечество наслы́шались, што у попа дѣвки этаки *сы́ты*, хорóши, пріѣхали сватать поповскихъ дочерей. Всѣхъ трёхъ дѣви́цъ подводи́ли, а купцы сказали:... „не возьмёмъ не котору“. — А попъ сказалъ: „есь у меня дѣвушка хорошая, чистинькая, Микулишна...“ — „Веди́ Микулишну!“ — Микулишна приходитъ... Согласились купцы взять её. *Батько* тѣмъ же разомъ повѣнчалъ; купцы повезли её домой.

6. Привезли её домой, посадили; посидѣли, потомъ *дрýжки* повели её на подклѣтъ (въ спальну). Лёгъ Микула шутъ съ женихомъ и говоритъ: „охъ, женихъ, у меня брюхо заболѣло“.—Микула шутъ ушшýпалъ у жениха въ карманѣ бумажникъ: „это,—говоритъ:—што у тебя?“—„Деньги“.—Микулишна отвѣчаетъ: „да-ко мнѣ,—говоритъ:—сто рублей, не отвали́тъ ли у ме́ня отъ сердца?“ — Женихъ вынимаетъ деньги, сто рублей, отдаетъ Микулишнѣ. — „Ми́лой мой женишóкъ, отъ серца отвáливатъ! нѣтъ ли ишо?.. Отъ серца меня отвали́ло хорошо, дакъ на ...... меня мáнитъ, а терпѣть я не могý!“ — .... близко нѣту; а женихъ говоритъ, што „вездѣ зáперто“.—Микулишна отвѣтила: „окно отворяетца; ты меня на холстý спусти́, я ...., ты меня опять и затя́нешь!“—Только Микула спустился,—тутъ лежитъ козёлъ. Онъ привязалъ ево за рога и говоритъ, што „я готóва, ташшы́ меня!“—Женихъ приташшы́лъ козлà. „Што такое? оввернулась моя невѣста *козлухой!* Вотъ бѣда! Куды жо теперь я?“—А Микула былъ таковъ (ушолъ).

7. Женихъ на кровать, и козёлъ прыгнулъ также къ ему на кровáть. Женихъ началъ бѣгать по избѣ, козелъ спрыгнулъ съ кровати, бѣгать также по избѣ, бѣгать и ревётъ. *То* онъ закричѣлъ несчàдно своихъ дружекъ. Дружки приходятъ: „што тутъ сдѣлалось?“ — „Вотъ у меня невѣста оввернулась козлухой“.—Невѣсту *лупи́ли* дружки несчáдно; только съ козлухи шерсь летитъ, какъ онѣ понюжáютъ:

„оввернёшша!“—До тово *стегали*—козлуху убили. Купецъ приказалъ её вывезти на назёмъ, зарыть.

8. Поутрý Микула шутъ приходитъ къ попу самъ. (Срядился въ мужицкую одежду). Микула шутъ съ попомъ поздорóвался, а попъ и здѣлался радъ, што Микула пришолъ къ ему. — „Ну, какъ, Микула шутъ? — ты́счу рублей ты у *мáтки* взялъ, отдай мнѣ деньги!“ — Микула шутъ на то сказалъ: „я слыхалъ, будто ты сестру óтдалъ за купеческова сына; съѣздимъ, жениха посмотримъ, потомъ я тебѣ деньги отдамъ!“—Запрегли лошадь, пріѣзжаютъ къ купцу. Попá 'стрѣтили, посадили за столъ, начàли потчивать. — „Пóтчиванье мнѣ,—сказалъ Микула:—не нужнó! покажи́те жениха и невѣсту!“ — Купецъ объясняетъ брату Микулѣ, што „што-то молоды́ не здоровы“. — „Я не хочу слушать; всё-таки придти не на долго время можно!“

Свяшшеннику сказали онѣ, што „невѣста оввернулась кóзлухой, мы её убили“. Наконецъ и ему сказали.—„Богатые купцы людей бьютъ!.. Тебѣ, попъ, не отдамъ деньги, а на ихъ прóзьбу напишу, што мою сестру убили!“—Купецъ сказалъ: „Микула шутъ, возьми съ меня двѣсти рублей, только прозьбу не пиши! её ужъ теперь не воротишь!“ — (Вотъ онъ какой зипун'омъ загибаетъ!). Попъ сказалъ: „и я съ тебя не возьму тысчу рублей; не каля́кой нигдѣ!“ — Микула шутъ на ето былъ согластенъ; получилъ съ купца ешо двѣсти рублей, потомъ отправился домой.

9. Приходитъ домой; пошолъ въ поле, розыскáлъ свою лошадь, убилъ и зáдралъ её (кожу съ неё слупи́лъ): нéчево работáть на ей. Потомъ онъ пошолъ, поташшылъ свою кожу на ярманку продавать. Дѣло къ нóчѣ. Идётъ башки́рецъ на ярманку и говоритъ: „Микýлка, возьми меня на ярманку: моя *фатéра* нѣту!“—Заходятъ онѣ въ такой пустой домъ: никовó въ домý нѣту. Башки́рецъ лёгъ нá печь, а Микула шутъ лёгъ на полати, а кожу бросилъ середь пóлу. Купецъ пріѣзжаетъ и говоритъ: „Ахъ, што-то душечки долго нѣту!“—Вдругъ къ ему купчиха являетца. Купецъ сказалъ: у насъ съ тобой всяко, душечка, бывало; . . . . Башкирецъ говоритъ: „Микýлка, у тебя собака 'кожа кончáтъ!“—Микула шутъ громко скричалъ: „*цы́ма*!...... отсюда!“—Купецъ испугался и купчиха; выбѣжали оба нагіе, сяли на карéту и уѣхали; а одежду оставили тутъ.

10. Поутру [Микула] башкирца проводилъ на базаръ, а самъ надѣлъ купеческую одежду и пошолъ на рынокъ, и кожу понёсъ. Идётъ мимо купеческова дому; купецъ высылаетъ лакея: „поди,—говоритъ:—спроси, лакей,—одежда моя на ёмъ,—гдѣ онъ взялъ?“—Лакею отвѣтилъ Микула шутъ: „я взялъ ету одежду въ трахтирѣ“.—Купецъ далъ ему сто рублей денегъ: „пушай онъ ету одежду оставитъ, гдѣ взялъ, а сто рублей вотъ ему награ́ды!“—*То* онъ ету одежду сбросилъ, надѣлъ ба́рошнину одежду. Въ ба́рошниной одеждѣ идётъ. Бароня увида́ла, што въ одеждѣ въ её идётъ, высылала лакейку. Лакейка подходитъ и говоритъ: „умница, гдѣ ты ету одежду взяла̀?“—„Въ трахтирѣ“.—Бароня подаетъ ей сто рублей денегъ: „подай ей: гдѣ она взяла́, пушай тамъ и оста̀витъ, пушай не съ кѣмъ не толкуетъ бо́льше!“

11. Составилось у ево денегъ 1600 рублей; потомъ онъ свою ко́жу продалъ за рупь. Приходитъ въ свое селе́нье домой. Собра́лся сходъ, совѣтуютъ объ хорошихъ дѣла́хъ. Онъ приходитъ на сходку.—„Объ чѣмъ больше совѣтуите? также я съ вами посовѣтую. Вотъ я закололъ свою лошадь, продалъ кожу за 1600 рублей. Не вѣрите, сошшитайте мои деньги! знаите, што мнѣ денегъ взять не́гдѣ“.—*То* онъ вы́ложилъ свои деньги; сошшитали, у нево дѣйствительно 1600 рублей. *То* народъ разошли́сь, пошли своихъ лошадей колоть—продавать кожи. Ко́ней всѣхъ приколо́ли, по одной лошадёнкѣ оставили (воза̀ наколо́ли кото́ры бо́га́ты мужики́); привозятъ много возовъ этихъ кожъ, а кожи не по чёмъ, не берутъ. Кое-какъ разсова́ли эти ко́жи—хто по рублю, хто по́ два.—„Вотъ онъ што́ подлецъ и сдѣлалъ! Поѣдемте, ребята, домой, пойма́мъ ево, убьёмъ за ето, што онъ насъ обману́лъ!“

12. *То* пріѣхали домой. Онъ идётъ по озеру. Они прибѣжали артелью, схватили ево, завязали въ рогожу.—„Ребята, пойдёмъ, пообѣдаемъ, возьмёмъ *пѣшню*, лопа̀тку, сдѣлаемъ про́лупь, уто́пимъ ево въ озерѣ!“ — То — *поку́ль* онѣ завтракали, а по озеру купецъ ѣхалъ, арендаторъ, которой *держалъ* ето озеро. Купецъ увидѣлъ, што куча така́ лежитъ: „кучеръ, *ада̀* приворачивай къ етой кучѣ ближе!“—Купецъ подъѣхалъ.—„Хто тутъ такой?“—А онъ скричѣлъ: „въ окуни́но царство меня садятъ царить, а я царить не умѣю!“—А купецъ говоритъ: „я царить умѣю!“—„Развяжи меня, се-

часъ тебя въ цари посáдятъ!“—Купецъ Микулу шута развязалъ, а онъ купца завязалъ; сялъ въ повозку и сказалъ: „кучеръ, пошóлъ!“—То прибѣгаютъ мужики, выдáлбливаютъ большую прóлубь и спустили купцà въ окунино царство.

13. Мужики приходятъ домой, сходку собрàли, совѣтуютъ: гдѣ лошадей взять подешевле?—Микула шутъ тутъ ѣдетъ на тройкѣ лошадя́хъ—лошади вороны́е,—въ повóзкѣ. Микулу шута увидѣли и закричѣли народъ ево: „остановись, Микула шутъ! посовѣтуй съ нами!“—Онъ подъѣхалъ къ сходкѣ.—„Мы думали, што ты, Микула шутъ, потонулъ, а ты, видно, жить хочешь. Гдѣ ты такихъ лошадей взялъ?“—„Охъ вы, чудаки эдаки! тамъ есь буры и коуры и какихъ нáдо: табуны́ ходятъ цѣлые! Я только скричѣлъ, подбѣжáли ко мнѣ тройка лошадей, я вотъ запрёгъ и ѣзжу“.—„Микула шутъ, нельзя ли какъ намъ?“—„*Айдàте*, прóлуби долбите всякъ себѣ пошире, штобы провести кóней побольше!“—То онѣ надолбили прóлуби широкіе. Скричѣлъ Микула шутъ: „кричите, кому какихъ надо, такіе и подбѣгутъ—кому бурыхъ, кому коурыхъ!“—Сколько ле было въ селеньѣ мужиковъ, всѣ вразъ пàли. Тогда сказалъ кучеру: „пошóлъ!“ Поѣхали вперёдъ. Проѣхали версты три; тогда онъ сказалъ кучеру: „кучеръ, стой! теперь я пойду пѣшкóмъ! кóней мнѣ не надо!“ (Самъ вонъ настряпалъ што!).

14. Жóны ихъ сказали: „што-то нашихъ мужьёвъ долго нѣтъ?... Да вѣдь ешо подерутца тамъ объ кóняхъ-то: получше *загля́нецца; зависны́е*!“ говоритъ.—У которова пузырь лóпнетъ, тотъ и выплыветъ назадь. Бабы подбѣгутъ: „мой кончáлся!“—Такъ и не могли неодновò живóва выплыть назадь; и кóней нѣтъ—всѣ кóнчились.

15. То бабы *ихи* сказали: „мы ево, подлецà, поймаемъ, мы ево валькàми убьёмъ!“—Увидали Микулу шута, побѣжáли ево ловить; поймали ево въ лѣсу, привязали ево къ берёзѣ, а бить *имя́* нéчѣмъ. Пошли онѣ домой за валькàми. Только ушли отъ ево домой, а изъ другова селенія идётъ молодецъ мимо ево. —„Што ты, дядюшка, привя́занъ?“—„Въ этомъ селеньи невѣстъ много, а жениховъ нѣтъ; хóчутъ меня женить, а мнѣ не хóчецца женицца!“—Молодецъ былъ холостой, ему женицца надо.—„Ахъ бы мнѣ женицца!“—„Давай, тебѣ сейчасъ невѣстъ много наведутъ, только выбирай! Давай, отвязывай меня!“—Молодецъ ево

отвяза́лъ. Микула живо ево привяза̀лъ крѣпко, штобы молодецъ не могъ отвяза́цца. Самъ отпра̀вился въ путь отъ ево. А бабы прибѣжали, приташшы́ли—хто валёкъ, хто *стяжокъ*; давай ево жарить, а онъ кричитъ: „вы меня жени́те!"—„Мы тебя, подлеца́, же́нимъ!"—Молодца етова убили, наташшы́ли досо́къ, гробъ ему сколотили, а въ землю не зары́ли: „будемъ . . . .", говоритъ.

16. Потомъ онъ молодца изъ гробу выташшылъ, самъ лёгъ, пробилъ дыру и взялъ себѣ жига̀ло. . . . .

. . . .

. . . . Тогда она испуга́цца, бѣжать отъ гробу. Не стали къ ему ходить ужъ: онъ ихъ всѣхъ перепуга́лъ. Потомъ онъ идётъ по селѐнью,—онѣ ево скричѣли къ себѣ добровольно; сказали ему: „Микула шутъ, ходи къ намъ . . . . ;

---

22. [Иванъ царевичъ и Самъ съ нокоть-борода съ локоть].

1. Жилъ былъ царь. У царя былъ сынъ Иванъ царевичъ. Захотѣлось ему въ полѣ погулять; и вотъ онъ ходилъ по́ лѣсу близь недѣли. *Натака́лся* на Горы́ню богатыря; потомъ онѣ сдружи́лись, пошли съ имъ вмѣстѣ. Послѣ этова ешо натака́лись на Усы́ню богатыря. Ихъ составилось трое теперь.

Доходятъ онѣ до такова дому, въ ди́кимъ лѣсу. Домъ этотъ кругомъ за́пертъ. Подходятъ къ воро́тамъ; воро̀ты на тяжо́ломъ замкѣ за́перты. Заставлялъ онъ Усыню богатыря замо̀къ ломать; Усыня богатырь никакъ не могъ этотъ замо́къ изломать. Горыню заставлялъ (Иванъ царевичъ всё глядитъ на ихъ); Горыня тоже не могъ полома̀ть замокъ этотъ. А Иванъ царевичъ послѣ ихъ—какъ взялъ за замо́къ—куды́ замокъ полетѣлъ: живо всё розломалъ и воро́та отворилъ. Заходятъ онѣ во *дворецъ*; увидѣли тамъ разной скотины—коровъ, овецъ—много.

Нужно *имя́* ворвацца въ ко́мнаты, а дверь тоже на тяжо́ломъ замкѣ за́перта. Иванъ царевичъ тогда ихъ не заставлялъ, взялъ за замо́къ, изломáлъ, заходитъ въ комнаты. Въ комнатѣ никово нѣтъ. Пошли онѣ въ омбары, нашли

мяса и бѣлова хлѣба; приташшыли, начали мясо жарить и самоваръ ставить. Приготовили онѣ кушанья, наѣлись.

2. А дровъ у нихъ во дворѣ нѣту (не предвидицца). Нашли онѣ топоры; Иванъ царевичъ говоритъ, што „мы пойдёмъ съ Горыней дрова рубить, а ты, Усыня, къ вечеру намъ нажарь и навари больше говядины.“—Усыня богатырь варитъ говядину; кинулся въ камодъ, въ камодѣ деньги нашолъ, выворотилъ ихъ изъ бумажнику, деньги пошшитыватъ, а самъ пѣсенки попѣваетъ, веселицца. Потомъ являтца къ ему Самъ съ нокоть, а борода у ево съ локоть; сказалъ: „хто въ дому?“—А Усыня отвѣчаетъ: „я, Усыня богатырь!“ —„Тебя и надо!“ —Взялъ Усыню богатыря, принялъ ево трепать; до тово ево *ухайкалъ,* и подъ лавку запехнулъ, — а писчу у нихъ нагадилъ, только въ родѣ ополоски оставилъ. Ушолъ онъ тогда изъ комнатъ.

Усыня богатырь кое-какъ розвернулся, отошолъ; принёсъ свѣжей говядины, началъ съизновь варить. *Варю* приставилъ, самъ *размухлынился* (голову растрепалъ), сидитъ невесёлой. (*Ухайкалъ* тотъ ево). Приходитъ Иванъ царевичъ съ Горыней богатыремъ, — товаришъ у ево невесёлой. — „Што же ты, товаришъ, очень невесёлой? какъ насъ встрѣчешь! али што нездоровъ?“ — Усыня отвѣчаетъ, што „я угорѣлъ“. — Сяли, поужинали, ночь переночевали.

3. Поутру позавтракали, оставляютъ Горыню богатыря варить, а сами пошли дрова рубить, Иванъ царевичъ съ Усыней богатырёмъ. Горыня богатырь приготовилъ пишшу, посиживатъ за столомъ, деньги пошшитыватъ. Приходитъ къ ему Самъ съ нокоть, борода съ локоть. — „Хто у меня въ дому?“ — „Я, Горыня богатырь!“ —„Тебя и надо!“ —Взялъ Самъ съ нокоть борода съ локоть и принялъ ево трепать— только у ево ножки мелькаютъ—какъ онъ ево *полышшотъ*! До тово ево добилъ, што и подъ лавку забилъ; запехнулъ, самъ отправился въ путь.

Сидитъ [Горыня] *размухлынился* также. Приходятъ ево товаришшы. — „Што ты, Горыня богатырь, не веселъ?“ — „Да не привышенъ я; жарко, видно, закрылъ въ избѣ, угорѣлъ, головушка болитъ“. — Поужинали, лягли спать.

4. А поутру назавтракались, Иванъ царевичъ ихъ проводилъ дрова рубить, а самъ остался варить. Приходитъ къ нему Самъ съ нокоть борода съ локоть. — „Хто здѣсь?“ —

„Иванъ царевичъ“.—Подскочилъ къ ему, хотѣлъ ево взять; Иванъ царевичъ ево толкнулъ, онъ къ порȯгу улетѣлъ. Тогда онъ подбѣгȧетъ, лѣзетъ къ Ивану царевичу опять къ рылу; тогда Иванъ царевичъ схватилъ ево зá бороду и начáлъ объ полъ бить; много время хлестáлъ, наконецъ выбросилъ ево на *дворецъ.* Ево товаришши приходятъ. Иванъ царевичъ спрашиватъ: „какъ ваши головушки угорѣли? сильно ли?“ (смѣялся надъ *имя́*!). Ся́ли за столъ, наѣлись какъ трéбно быть.

5. Иванъ царевичъ сказалъ: „пойдёмте искать здѣшнова хозяина, которой васъ билъ!“ — *То* онѣ искали по всѣмъ конюшнямъ и вездѣ—нигдѣ не могутъ найти. Однáко пришли къ одному мѣсту, тутъ есь въ родѣ колодцу такое провȧлишшо. *То* онѣ нашли снасти, связали долгой канатъ, и изла́дили зы́бку; сдѣлали также валȯкъ, къ зыбкѣ приладили. Иванъ царевичъ сялъ. — „Если я найду ево, убью́ тамъ, приду обратно, тряхну за верёвку—вы меня ташшы́те!“ — Тогда спусти́ли ево. Вотъ онъ ходить - ходить, *натакȧлся* нá домъ: стоитъ домъ не хуже товó; заходитъ въ етотъ домъ.

6. Въ первой комнатѣ сидитъ дѣви́ца. Онъ съ ей поздоровался. Дѣвица отвѣчаетъ: „куды́, молодéцъ, пошолъ?“— Иванъ царевичъ отвѣчалъ: „я пошолъ искȧть самово хозяина Самъ съ нокоть, борода съ локоть“. — Дѣвица отвѣчаетъ: „это нашъ хозяинъ“. — „Гдѣ жо онъ?“ — „Поди во вторую кóмнату: тамъ сидитъ дѣвица, она тебѣ скажетъ!“ — Во вторую кóмнату пришȯлъ, увидáла ево дѣвица; съ ней онъ поздорóвался. — „Куда жо ты, молодéцъ, пошолъ?“ — „Я пошолъ васъ просить здѣшнова хозяина, γдѣ онъ есь?“ — Дѣвица ета отвѣчаетъ: „поди жо ты въ третью кȯмнату, тамъ сидитъ дѣвица: она тебѣ скажетъ, а я не скажу!“

7. Заходитъ онъ въ третью кóмнату; такая дѣви́ца сидитъ—однѣмъ словомъ фрéйлина: очень хорошȧ всѣмъ. Съ дѣви́цой онъ поздоровался. — „Куда, молодéцъ, пошóлъ? Скажи: откуль, какова роду плéмени?“—Иванъ царевичъ отвѣтилъ: „я роду не простóва, Иванъ царевичъ; нужно бы мнѣ вашево хозяина кончить; скажи мнѣ, γдѣ онъ есь?“—Дѣви́ца отвѣчала: „если ты меня возьмёшь зȧмужъ (когда если кончишь ево), тогда я тебѣ скажу!“— Иванъ царевичъ отвѣчалъ: „съ великой охотой, умница, я

тебя возьму, только скажи! нужно мнѣ ево замири́ть (кончить)".—Дѣвица отвѣчала: „поди жо ты къ етому вотъ омбару; въ этомъ омба́рѣ есь два бочёнка: одинъ бочёнокъ живой воды, а другой—мёртвой; ты эти бочёнки съ мѣста на мѣсто переставь: мёртвую воду на живую, а живу́ю на мёртвую! Тогда иди вотъ въ этотъ подвалъ: въ этѣмъ подвалѣ онъ спитъ; когда если сила есь, такъ можешь ты ево бить. И всё таки онъ очуствуетца, сколько ты ево не бьёшь; тогда онъ живой воды напьётца, очуствуетца, опять будетъ живой жить!"

8. Приходитъ онъ въ етотъ подва̀лъ, увида̀лъ ево соннова, взялъ ево за́ бороду, давай ево бить о́бъ землю, гдѣ и о́ полъ, до тѣй степени́ ево рострепа́лъ, наконецъ бросилъ ево. Полежалъ Самъ съ нокоть немного, соскочилъ, кинулся къ бочёнку; наката́лся тогда онъ мёртвой воды; тогда ево на́ три части ро́зорвало.

9. Приходитъ Иванъ царевичъ къ дѣвицѣ (къ первой); бралъ ихъ всѣхъ трёхъ, приходитъ къ етому прова́лишшу, гдѣ у ево зы́бка спушшена. Тогда посадилъ первую дѣвицу, тряхнулъ за канатъ; молодцы́, Горыня богатырь съ съ Усыней, приняли́сь, вы́ташшыли дѣвицу. Тогда Горыня богатырь: „вотъ мнѣ невѣста!"—А дѣвица отвѣчаетъ: „спушшайте: тамъ ишо двѣ дѣвицы!"—То онѣ спустили зы́бку; посадилъ Иванъ царевичъ вторую дѣвицу. Выташшыли вторую дѣвицу; говорили тогда Усыня съ Горыней богатыремъ, што „намъ будетъ по дѣвицѣ; не будемъ больше!"—Эти упрашиваютъ: „спустите, можетъ вамъ та погля́нетца лучше ешо!"—Тогда онѣ спустили въ трётей разъ; вы́ташшыли и третью дѣвицу (посадилъ онъ).

Послѣдняя дѣвица очень красавица; Горыня богатырь говоритъ, што „я возьму эту за́мужъ". А дѣвица упрашиватъ: „вы́ташшыте Ивана царевича!" —То онѣ спустили зыбку и огова́риваюцца: „если намъ ево вы́ташшыть, онъ намъ не дасъ невѣсты".—То онѣ удумали: дошашшы́ли много, отрѣзали канатъ, онъ и *бухнулся* назадь. („Вотъ де убьёмъ ево!").—То послѣдняя дѣвица—купеческая дочь, прожива̀лась тутъ; повела̀ въ свой городъ ихъ.

10. Иванъ царевичъ ходилъ много время тамъ; разыска̀лъ такой дубъ; на дубу есь могутъ-птицыны дѣти. Накатилась туча и градъ сильной, на́чало побива̀ть, а дѣти

на̀чали пишша́ть. Очень скоро на дубъ Иванъ царевичъ залѣза̀лъ, пальто съ себя снима́лъ, закрыва́лъ отъ граду дѣтей. Проходитъ только туча, *иха* мать летитъ, увида̀ла Ивана царевича, хотѣла ево исхи́тить; а дѣти отвѣчаютъ: „пожалѣй, мать, не шевель ево!“ — Мать спустилась на́ землю, отвѣчала: „Иванъ царевичъ, што тебѣ нужно? я тебя пожалѣю!“—„Мнѣ бы нужно на тотъ свѣтъ, вотъ въ такое-то прова̀лишшо вы́летѣть“.

То Могу́тъ-птица сказала: „вотъ тебѣ лучёкъ и стрѣлы, давай стрѣляй дичя́тины мнѣ на *жертву*!“—То онъ настрѣля́лъ много всякой птицы; потомъ онѣ наготовили, *начередили* и отправились въ прова́лишшо летѣть. То она могла ево вы́вести изъ етово прова̀лишша. Тогда распростились съ ей; она спустилась назадь, а онъ отправился въ ходъ по землѣ.

11. Нечаянно Иванъ царевичъ въ этотъ самой городъ приходитъ, гдѣ хоро́шая дѣвица, купеческая, живётъ. А у етова купца собирацца пиръ на весь міръ: свою дочь хочетъ вѣнчать на Горы́нѣ богатырѣ. Народъ идётъ, и Иванъ царевичъ также приходитъ у ево во *дворе́цъ*. Съѣхалось много князей и бояровъ и купе́чества—полны́ комнаты и много во дворѣ народу; во дворѣ было тѣснота̀—много народу тѣснoти́лись. Иванъ царевичъ одново́ толкнётъ, а де́сеть валя́цца. Тогда народомъ сдумали ево запере́ть въ такой куря́тникъ, штобы не́ было ево тута, моше́нника.

Купеческая дочь обносила всѣмъ по бока̀лу, искала своёва жениха, Ивана царевича; нигдѣ не можетъ найти. (Она ишшотъ ево всё-таки). Одному подноситъ бока́лъ, а у ево рука не подыма́цца, бока̀лъ принять не можетъ. Дѣвица: „почему рука у тебя болитъ, отчево?“ — „Есь такой *хитникъ*, пришолъ во *дворе́цъ* къ вамъ: одново, — говоритъ: — толкнулъ, 10 повалились, чуть и всѣхъ насъ не убилъ!“— „Гдѣ жо онъ?“—„Мы ево затолка́ли въ куря́тникъ, за́перли народомъ“. — *То* дѣвица купеческая не ста́ла водку подава́ть, пошла молодца въ курятникѣ глядѣть, што за моло-де́цъ. То приходитъ, обозна́ла Ивана царевича, подала́ ему бокалъ водки, поцѣловала ево, взяла́ за ручку, повела въ комнаты.

12. Приводитъ ево въ комнаты; тогда Горыня богатырь съ Усыней а́хнули, испужа́лися. Тогда сказалъ Иванъ ца-

ревичъ: „што вы, подлецы, надѣлали? какъ я вамъ показывалъ, почему вы меня не выташшыли?“ — Тогда пáли передъ имъ на колѣни, сказали, што „Иванъ царевичъ, какъ можно пожалѣй насъ!“ — Иванъ царевичъ пожалѣлъ ихъ, приказалъ на тѣхъ дѣвицахъ женицца *имя́*: которая *нáперво* вытасшена, та Усынѣ богатырю, а вторая—Горынѣ. *То* Иванъ царевичъ приказалъ всѣмъ повѣнчацца вразъ. Поѣхали онѣ въ церкву, повѣнчалися.

13. *То* приказалъ послѣ этова своей женѣ баню изготовить. Приходитъ въ баню; она наташшыла на нево хорошіе рубашки и подштанники. Онъ и говоритъ: „мнѣ ето не нужно, у меня рубашки свои есь!“—*То* у ево было кольцо: перебросилъ онъ съ руки нá руки это кольцо, выскочило 25 ухорѣзовъ. — „Што ты, Иванъ царевичъ, насъ покликáшь, на какіе работы посылашь?“ — „Нужно мнѣ царскую одежду предоставить—рубашку и подштáнники хорошіе, свѣжіе! (Не хочу, — говоритъ: — женино надѣвать, подай своё!)“—Вымылся, обрядился въ царскую одежду. Приходитъ онъ въ купеческіе палàты; приказывалъ своей женѣ задáть себѣ не меньше трёхъ ведеръ водки. Купецъ завёлъ пиръ на весь міръ; кутили сутки.

14. Дѣло къ нóчѣ идётъ. Тогда купеческой дочери велѣлъ у родителя спросить: „гдѣ подъ полòмъ подведёны *мáтки* здоровые (штобы не могъ полъ подломицца подо мной)? — На три часà я лягу спать; буду храпѣть—домъ вашъ затрясёцца,—говоритъ:—пушай вашъ родитель не пугáцца: это будетъ только нá три часа“. — Купецъ сказалъ: „вотъ тутъ *мáтки* здорòвы положены: тутъ можите, Иванъ царевичъ, лёжи́цца!“—Жена ему раскинула постéлю мягкую—перину пуховую, подушки мягкіе, и одѣя́ломъ соболинымъ пріукры́ла. Заснулъ онъ крѣпко; сталъ очень храпѣть, и комнаты дрожжатъ. Родитель у ево испужàлся: „это, мила дочь, што такое будетъ?“—„Это не на долгое врéмя, только на три часа, тятинька, подожди!“

15. То онъ проснулся сверхъ трёхъ часовъ.— „Будетъ, милая жена, проживàцца здѣсь: я хочу отправляцца домой, меня дома потеря́ли“.—*То* Иванъ царевичъ перебросилъ съ руки нà руки кольцо своё, выскочи́ло 25 ухорѣзовъ; сказали ухорѣзы: „што ты насъ покликашь, на каки работы посылашь?“ —„Нужно мнѣ тройку лошадей и карéта съ ку-

чером!“—То предоставили ему карету и лошадей съ кучеромъ; садился съ купеческой дочерью, отправлялся домой. Пріѣзжаютъ въ своё государство, заѣзжаютъ во дворе́цъ. Увидѣли Ивана царевича, очень сдѣлались рады.—„'дѣ же ты, Иванъ царевичъ, прожива́лся многое вре́мё?“—„Много я, тятинька, вездѣ *блудилъ*, много ходилъ, вотъ розыскалъ себѣ невѣсту хорошую, будемъ съ ей поживать“.—„Хорошее дѣло!“

---

23. „Про Францеля“.

1. Фра́нцель жилъ у царя. За свою красоту получалъ онъ 12 разъ въ годъ изъ ба̀нокъ — сколько онъ умѣетъ взять (уму у ево не́ было). Францелю ето сдѣлалось не дово́льно; сталъ у царя просицца: „я желаю ешо по бѣлому свѣту погулять“. — Царь на то ему сказалъ: „Францель, чѣмъ ты ешо не доволенъ отъ меня?“—„Ваше Царское Величество, желаю однако; хуже себѣ получу, а всё-таки схожу погуляю по бѣлому свѣту!“—„Если не *погля́нецца*, Фрацель, чужая сторона, — воротись ко мнѣ опять на житье́!“

2. Францель съ царёмъ простился, пошолъ тракто́вою доро́гою. Идутъ два молодца̀; онъ ихъ до́гналъ, съ *имя́* поздоровался. Молодцы сказали: „куды́, молоде́цъ, ходилъ?“— „Я жилъ у царя; за свою красоту получалъ 12 разъ изъ ба́нку сколько мнѣ *влѣзетъ*; а меня зовутъ Францелемъ“.— „Да, и мы прожива̀лись въ про́тчихъ городахъ, получали жа́лованье большое; захотѣлось и намъ погуля́ть“.—„Такъ вотъ пойдёмте, братцы, всѣ троё: гдѣ не найдёмъ ли мѣстечко хоро́шое?“ — Назва̀лись бра́тцами. Своротили онѣ въ сторону, не трактòвой дорогой.

Станцію онѣ прошли порядошную, *ись* захотѣли, а у ихъ хлѣба ни у которова нѣтъ. Францель на то сказалъ: „я человѣкъ хи́лой, дю́жить не могу; давайте же́ребей кинемъ: которова изъ насъ изъ троихъ выпадетъ *ись*“. (Съ хоро́шой-то жи́сти!).—Тряхнули же́ребій, а жеребій вы́палъ на Францель — *ись*. Бра̀тьи говорятъ: „Францель, мы не будемъ тебя губи́ть: можетъ, изъ-за твоей красоты и мы будемъ съ тобой хорошо́ жить?“ — „Пойдёмте впередъ!“ — Проходятъ онѣ

станцію. У Францеля но́ги нейдутъ. — „Братцы, давайте опять жérебій тряхнёмъ: на ково вы́падетъ?“ — Во второй разъ поуважили ево, бросили, — опять на ево выпалъ, на Францеля. — „Нѣтъ, всё-таки не будемъ, хоть по́дъ руки тебя поведёмъ! Можетъ быть, гдѣ-нибудь селеніе будетъ! всё-таки про́питалъ будетъ“.

3. Проходятъ онѣ третью станцію. Нечáянно — стоитъ домъ хорошой. Заходятъ въ етотъ домъ, отворя́ютъ воро́та, заходятъ во *дворецъ*. У порáтьнева крыльца стоялъ дежу́рной и спрашивалъ: „*откýль?* какіе молодцы?“ — Онѣ съ имъ и не разговàриваютъ: *ись* захотѣли ши́пко. Отворя́ли двери, заходи́ли въ ихъ домъ; нашли бѣ́лова хлѣба и тамъ *вàри* вся́ческой нашли, начинáютъ *ись*. Пи́шша была хоро́шая; наѣлись онѣ какъ *трéбно* быть. Францель говоритъ, што „нужно вы́йти изъ етова дòму теперь намъ!“ — Выходятъ онѣ изъ етой кòмнаты во *дворéцъ*, а во *дворцѣ́* такая избà особенная есь. Францель говоритъ, што „давàйте зайдёмте въ эту избу, пріотдохнёмте маленько!“ — Располòжились въ етой избѣ спать.

4. Тѣ уснули, а Францель не спитъ. Не черезо много врéмё прилетаютъ въ этотъ домъ три дѣви́цы. Дежурной дѣвицамъ говоритъ, што „у насъ въ домѣ ceво́дни *похи́тка*: явились къ намъ три молодца; изъ ихъ изъ троихъ одинъ былъ очень краси́вой“. — Дѣвицы сказали: „гдѣ же онѣ теперь?“ — „А онѣ вонъ въ той избѣ спятъ“. — Дѣвицы: „поди́, дежурной, веди́ ихъ всѣхъ сюды́: мы спросимъ, какіе люди“. — Дежурной приходитъ, Францель не спитъ. — „Братцы, хозя́ева васъ трéбуютъ на совѣтъ!“ Розбудилъ Францель своихъ тавáришшовъ и пошли́ всѣ трое къ дѣви́цамъ.

Приходятъ всѣ трое, съ *имя́* поздоро́вались. Дѣви́цы спрашиваютъ: „*откуль* вы, молодцы́, явились сюды́?“ — Францель объ себѣ обсказыватъ: „я былъ у руськова γосударя, получалъ 12 разъ въ годъ изъ бáнка сколь мнѣ угодно взять будетъ денегъ — за свою красоту; захотѣлось мнѣ по бѣлому свѣту походи́ть и *натакáлся* теперь на вашъ домъ вотъ я!“ — Также и этѣ молодцы́ сказали: „онъ насъ пригласилъ, мы пришли въ вашъ домъ всѣ трóе“.

5. Дѣви́цы сказали: „вы зови́те насъ женàми, а мы васъ будемъ звать мужья́ми; съ нами вмѣстѣ спать, а худыхъ рѣчей не выражáть! худые рѣчи хто вы́разитъ, тогда мы

васъ не будемъ здѣсь держать, вы́гонимъ отсю́дова!“—*То* онѣ согласи́лись; съ тѣмъ и за̀писи сдѣлали. По́жили онѣ три года. Черезъ три года ся́ли за́втрикать, а одинъ изъ ихъ и говоритъ: „сёдни моя жена прибудетъ по ве́черу, я съ ей блудъ сотворю́“. — Францель на то сказалъ; „братъ, когда вы́разилъ худые рѣчи, самъ и отвѣчай за ето!“

Тогда у ихъ моле́нье не пошло въ дѣло. (Онѣ на моле́нье улета̀ли, и́хи жо́ны). Прибы́ли онѣ домой. Францелева жена̀ отвѣчала: „ми́лой ты мой мужъ Францель, скажи́ ты мнѣ: хто могъ изъ васъ худые рѣчи вы́разить?“—Францель сказалъ: „вотъ етотъ братъ мокъ вы́разить худые рѣчи; а отвѣчать я за ево не буду“.—Дѣви́цы сказали: „теперь отправляйтесь, куды́ знаите! теперь васъ не надо намъ!“

6. Францелю жена дала въ гостинцы кошеле́чикъ. А вторая жена сказала: „ты мнѣ не вы́разилъ худые рѣчи, такъ я тебѣ дамъ кафта̀нчикъ“. — А третья сказала: „ты мнѣ худые рѣчи вы́разилъ, — я тебѣ ничево́ не дамъ, никакова *гости́нца*!“ (А гости́нцы и́хи дорогiе!). *То* онѣ распрости́лись съ *имя́*, отправились. Только вышли на *дворе́цъ*, а большая сестра изъ ихъ и говоритъ: „што же, сестра, хотя онъ вы́разилъ худые рѣчи, всё-таки съ тобой не сдѣлалъ ничево; подари́ своёва му́жа!“ — *То* выскочила она на *дворе́цъ*, скричѣла своёва мужа: „вотъ тебѣ, мужъ, получи́ отъ меня трось! не осерди́сь, што я тебѣ сперва́ не подари́ла!“

7. Тогда онѣ шли всѣ тро́е доро̀гой. Захотѣлось Францелю свой кошеле́къ узнать: къ чему этотъ кошеле́къ? Францель прiотста́лъ немно́го, развяза̀лъ кошеле́къ, тряхнулъ ево, и повали́лось се́ребро. Францель клалъ въ кошеле́къ и собра̀ть не можетъ, оста́вилъ и се́ребро тутъ, отпра́вился товаришшовъ нагоня́ть. Догони́лъ, идётъ, и захотѣлось ему узнать (былъ вы́думшикъ), у това̀ришша што́ за кафтанчикъ здѣйствуетъ? — „Таваришъ; да-ко мнѣ своёва кафта́нчику, я што-то прiозя́бъ“.—Францель надѣлъ этотъ кафта̀нчикъ, бра́тьи не стали ево и видать въ етомъ кафта́нчикѣ (кафтанчикъ-невиди́мка). Францеля стали кричѣть и глядѣть, а Францель идётъ среди ихъ и улыба̀тца, што не видятъ въ имъ, въ этомъ кафта́нѣ. (Вотъ ворова̀ть можно ходи́ть!). Францель скоро кафтанъ

снимáлъ, *тожнó* они ево увидѣли.—„Ахъ, мы думали, што ты куды отъ насъ ушолъ!“ — Передàлъ онъ кафтанчикъ брату.

Захотѣлось у другова брата трось попросить. — „Дà-ко мнѣ бадажóчка, што-то я пріустáлъ, поупрýсь!“ — То онъ пріотсталъ отъ ихъ немнóго, тросью махнулъ въ стóрону—вы́шолъ полкъ солдатовъ, въ другую стòрону махнулъ—вышолъ другой полкъ солдатовъ; махнулъ онъ трóсью кверху, никовó не стало, трось однà въ рукахъ у ево!—„Ну, штука хорошá!“ говоритъ.

8. То онъ передалъ тóлько тавàришшу, ѣдетъ трàктомъ ямшы́къ. Францель сказалъ: „брáтцы, вы иди́те этимъ трàктомъ, а я доѣду до гóроду, васъ дождусь!“—Ямшы́къ сверстáлся, Францель и говоритъ: „ямшы́къ, вези́ меня по путѣ до гóроду, я тебѣ заплачу за прогóны!“ — То ямшы́къ ево посади́лъ, привёзъ въ городъ. Ямшыку Францель сказалъ: „штó тебѣ — дéнегъ али́ водки надо?“ — „Мнѣ подай вóдки!“ — Заходитъ онъ въ питейное заведенïе и говоритъ цѣловальнику: „лей четверть!“ Цѣловальникъ: „подай деньги!“ Онъ живо кошелёкъ свой развязáлъ, тряхнулъ, и навали́лась цѣлая копнà сéребра. Цѣловальникъ кричитъ: „довольно, будетъ!“—То цѣловальникъ нáлилъ четверть, денегъ сколь *трéбно* быть взялъ, „а оставши́ мнѣ не надо!“ сказалъ.—Онъ кучера скричѣлъ: „бери чеверть и вотъ сколь угодно денегъ бери тутъ оставши́!“

9. Идётъ послѣ этова Францель гòродомъ; доходитъ до эдакова дому: домъ оцѣниваютъ. Пріѣзжаютъ къ етому дому цѣнить три разъ; выѣзжаетъ третій разъ цѣнить самъ γосударь. Царь съ Францелемъ поздоровался, а Францель царя спрашивалъ: „што такое ето у васъ?“ — Царь: „вотъ третей разъ выѣхали домъ оцѣнивать, а оцѣнить ево не можемъ, штó онъ стóитъ“. — А Францель: „éшли што вы желáите, оцѣни́те, я заплачу; я желаю скупить ево“. — „Навали́ до ни́жнихъ оконъ вокругъ етова дому сéребра, тогда домъ будетъ твой и всё, штó въ немъ есь, всё будетъ твоё!“—Францель былъ на то соглáстенъ. Сказалъ: „мнѣ подáйте лѣсьницу на крышу залѣзти!“ — То Францель залѣзáлъ на крышу, развязывалъ кошелёкъ, тряхнулъ—и съ одновó бòку нав̀алилъ; съ другова захóдитъ. Навалилъ Францель со всѣхъ четырехъ сторонъ, повали-

лось се́ребро въ о́кны. Царь кричитъ, што „дово́льно, Францель, будетъ!“—То Францель приказалъ: „деньги этѣ убирайте, домъ мой теперь!“—Царь дивился етому дѣлу, гдѣ онъ столь се́ребра могъ взять?

10. Францель приказа́лъ кучеру запрекчи карету: „поѣзжайте трактомъ! попадутъ вамъ два молодца̀ трактомъ, вы везите ихъ сюды!“—Очень кучеръ скоро каре́ту запряга́лъ; выѣзжаетъ за́ городъ: сидятъ два молодца̀ на тракто́вой доро́гѣ; подъѣжжа́етъ къ *имя́*. То подъѣжжа̀тъ кучеръ къ молодца̀ми и говоритъ, што „вы Фра́нцелевы братцы или нѣтъ?“ — Сказали эти молодцы: „Францель намъ братъ!“ — „Садитесь въ ету пово́зку; онъ домъ скупилъ, велитъ вамъ ѣхать“.—Пріѣзжаютъ въ этотъ домъ.— „Вотъ, братцы, живите со мной вмѣстѣ! вотъ я вамъ препоруча́ю домъ, будьте вы етому до́му хозя́ева!“

11. Подхо́дитъ день воскре́сной. Францель запрѣгъ карету, поѣхалъ въ манасты́рь Боγу моли́цца. Францель всталъ передъ ца́рскіе двери, гдѣ царь стано́вицца. Царь пріѣзжаетъ въ етотъ же манастырь со своѐй дочерью. Царь становицца возлѣ Францеля по пра́вую руку, а дочь по лѣву; Францеля взяли ф серѐдки. Царская дочь сколько ли Богу не моли́лась, сколь на Францеля смотрѣла. Выходятъ онѣ изъ-за обѣдни, царская дочь Францеля останови́ла, сказала: „Францель, пріѣдь ты въ мой садъ, я сѐдни съ тобой блудъ сотворю“. — Францель не отказался: „вотъ я чаю напьюсь, прибуду!“—Тогда чаю напи́лся, лѐгъ, немнѐжко отдохнулъ, пошолъ; сказалъ бра́тьями, што „я севодни схожу въ го́сти куды-небудь!“

12. Приходитъ въ царской садъ; она въ саду сидѣла, забавля́лась ча̀емъ, царская дочь. Францель поздоровался съ ей, сялъ съ ей рядомъ въ стуло. Начинаетъ она ево по́тчивать. Дѣвица: „Францель, гдѣ же ты могъ взять столь се́ребра—крукъ до́му навали́лъ?“—На то онъ ей сказалъ: „есь у меня кошелѐкъ-самотря́шка“.—„Ну-ко, Францель, покажи́, я погляжу, какой у тебя кошелѐкъ?“ — То Францель подаѐтъ царской дочери. Царска дочь взяла̀ кошелѐкъ и говоритъ солдатамъ: „возьми́те Францеля, избейте ево до тѣй сте́пени, сведи́те въ мой нужникъ, я на ево буду . . . . !“— То Францеля солдаты до тѣй степени́ доби́ли, што онъ ужъ и не шевели́цца; тогда взя́ли по́дъ руки, свели ево въ . . .

. . . . и за́перли. Не даю́тъ ему не пить, не *ись*, и онъ той жо пара̀шой и пропитываецца.

Вы́брался онъ *ношны́мъ бытомъ* . . . .; на̀бралъ пара́ши, заслѣпилъ дежурному глаза́, а въ то вре́мё могъ домой убѣжа́ть. Приходитъ домой, оммы́лся какъ слѣдуетъ, лёгъ спать.

13. Воскрёсной день подхо́дитъ, онъ приказалъ кучеру запрекчи лошадь—опять въ манастырь Богу молицца. Сталъ передъ ца́рскіе двери, гдѣ царь стаётъ. Царь прiѣзжа́етъ, стаётъ по пра̀ву руку, а царская дочь по лѣвую. Сколько она Богу не молилась, на ево смотрѣла, улыба́лась (подсмѣха́лась надъ имъ). Отъ обѣдни выходитъ, и царская дочь за имъ идётъ; вы́шла изъ Бо́жьева храма и говоритъ: „Францель, погоди! И вы на то не посердитесь, што я посмѣялась, сёдни вы́йдите въ садъ, я съ тобой блудъ сотворю“.—Францель сказалъ, што „чаю понапью́сь, прiѣду“.— Чаю понапи́лся, поотдохнулъ, брату и говоритъ: „дай мнѣ сево́дни кафта́нчику своёва (невидимку), я схожу въ гости въ имъ!“ — Братъ сказалъ, што „онъ виситъ въ ко̀мнатѣ, возьми *тупа́й!*“ — Тогда онъ надѣлъ кафта̀нъ, отпра̀вился къ царской до́чери въ садъ.

14. Приходитъ къ царской дочери, садицца рядомъ ча́йничать. Царская дочь и говоритъ: „што-то севодня Францеля долго нѣтъ, дожда́цца не мо́жемъ!“ — Царской дочери онъ и говоритъ: „што ты, царская княгиня? я возлѣ тебя сижу!“—„Какъ же я тебя, Францель, не вижу?“—„Кафтанчикъ-невидимка на мнѣ: затѣмъ ты меня и не видишь!“ — „Ну-ко, Францель, сними съ себя, тогда я погляжу!“ — То Францель снялъ съ себя кафтанъ. — „Да̀-ко, Францель, я подержу, што́ за кафта̀нчикъ?“ — По́далъ онъ царской дочери. До тѣй степени она велѣла ево избить, тогда сташшы́ть . . . ., и поста́вить два сто́рожа. Тогда Францеля до тѣй степени избили, по́дъ руки увели, за́перли . . . . (Съ хоро́шой-то жисти!). Францель черезъ недѣлю ужъ до тѣй степени добился, што ево не стали ужъ шипко и караулить: думали—ко́нчился. Францель вы́бился изъ нужника, на́бралъ пара̀ши, заслѣпилъ дежурнымъ глаза, тогда могъ убѣжа́ть опять домой.

15. Приходитъ домой, вымылся какъ слѣдуетъ, напи́лся, наѣлся, лёгъ на о́тдыхъ спать. Поутру́ бра̀тьи ево спраши-

вають: „што ты, Францель, гдѣ-то долго жилъ? мы ужъ потеряли тебя!“ — „Угошшался; доживёшь до́ ночи, такъ и ночуешь: знаешь, што у меня до́ма есь кому!“

16. До воскресѐнья доживáетъ, запрёгъ карету, опять въ манастырь Богу молицца. Стаётъ предъ царскіе двери. Царь съ дочерью пріѣзжаетъ, царь становицца по правую руку, а царская дочь по лѣвую, Францель стоитъ въ серёдкахъ. Царская дочь сколь Богу не молилась, всё на нево смотрѣла и усмѣхáлась. Обѣдня отхóдитъ, она за имъ опять выходитъ.—„Францель, на то не осердись, што я маленько посмѣя́лась! сёдьни непремѣнно прибудь, я блудъ сотворю́ съ тобой“. — Францель не отказался: „чаю понапью́сь, прибуду!“ — Пріѣзжаетъ домой, чаю понапи́лся, немнóжко отдохнулъ, брату и говоритъ: „брáтчикъ, дай мнѣ трóсти, я севóдни пó городу погуляю!“ — Братъ дозволилъ ему трось взять.

17. Приходитъ онъ къ царскому саду; махнулъ въ стóрону, вышолъ полкъ солдатовъ. Тогда приходитъ царская дочь. Поздорóвался, сялъ; она и говоритъ: „Фрацель, у тебя севодни чево-то сторожà свои постáвлены,—’дѣ же ты могъ своё войско взять?“—„Это у меня вотъ *бадажóкъ* дѣйствуетъ: если я махну ешо въ сторону, ешо полкъ выйдетъ; махну кверху, ничевó не будетъ!“—То царская дѣвица говоритъ: „дà-ко, я, Францель, подержу, што у тебя за *бадажóчикъ*!“ — Царская дѣвица взялà костыль, махнула имъ кверъху, нековo слугъ этихъ не стало. То приказáла она своими слýгами вовсё ево убить, снести въ оврàгъ, брóсить ево.

18. То не черезо много времё привилась къ ево головѣ *дрéва*, выросла. На этой дрéвѣ разные я́годы очудились. Очуствовался Францель и глядитъ: на нимъ дрéво.—„Неужели я много годовъ лежу? на мнѣ ужъ выросло древо!“— То онъ могъ достать нижнюю ягоду; съѣлъ эту ягоду и сдѣлался такимъ худымъ молодцòмъ — полѣзли у ево рогà и горбà, и хвосъ выросъ, въ родѣ подобіе дьявола. Тогда онъ достáлъ другова сорту ягоду и такой ли здѣлался молодецъ: здрѣлъ бы глядѣлъ, съ очей не спушшáлъ, ешо лучше старова. (Это назвáная жена ево ужъ пожалѣла). Тогда Францель нàбралъ двухъ сортовъ этихъ ягодъ, приходитъ домой.

19. Понапи́лся, понаѣ́лся, отдохну́лъ; пошолъ на рынокъ, взялъ окладну́ю себѣ́ бо́роду стари́чью. Тогда онъ собра̀лся въ родѣ́ старика, въ такую одежду, приходитъ въ царской во дворецъ. Приходитъ и говоритъ: „я прине́съ морскихъ ягодъ, не уго́дно ли скупить?“—Доло́жили царской до́черѣ служанки, што „пришолъ старикъ, принёсъ морскихъ ягодъ; не уго́дно ли, царская дочь, скупить?“—Служанкѣ приказала царская дочь: „пушай онъ дасъ ягоду одну тебѣ попро́бовать: я погляжу, што̀ изъ тебя выйдетъ“.—И далъ онъ хорошую ягоду; дѣви́ца съѣла—здрѣлъ бы глядѣлъ и съ очѐй не спушша́лъ, очень сдѣлалась хороша́. Тогда сказала: „што, старикъ, твои ягоды сто́ятъ?“—„Ягоды сто́ятъ мои—сто рублей ягода“.—То она скупила одну ягоду за̀ сто рублей.—„Когды самова́рчикъ поста́вятъ, чай пить буду и съѣмъ“.

20. Тогда Францель отправился изъ дворца домой. Бороду снимаетъ, приходитъ.—Тогда она чаю поспѣшила, съѣла ягоду,—полѣзли изъ её рога́ и горба́ и хвосъ—подобіе дья́волу. Закричѣла она дохтуро́въ; дохтура́ пріѣзжа́ютъ, рога́ спиливаютъ и лѣчить 'сякія лѣка̀рства даютъ, а ничё не могутъ подѣлать: рога̀ и горба́ ростутъ. Тогда сколько бы не бились, дохтура́ попустились, не стали её и лѣчить. И она завѣшшанье дала то: „хто бы меня могъ излѣчить, за тово бы и за̀мужъ пошла“.—Дали знать по всему городу. То Францель надѣватъ на себя *окладную* бо́роду, приходитъ въ царской во дворецъ. Приходитъ къ ей на лицо: „што, царская княгиня, какое у тебя завѣшшанье, если хто тебя излѣчи́тъ? я могу,—говоритъ:—тебя вылѣчить по-ста̀рому, *ишо́* лучше будешь и ста́рова“.—„Если, дѣдушко, хоть и во́всё ты старикъ, вы́лѣчи меня, и за тебя пойду за́мужъ!“—„Подпишись!“—Тогда она подписалась, што „если старикъ меня вы́лѣчитъ, такъ за ево я и замужъ пойду“.

21. То Францель приказалъ лакею затопи́ть баню. Истопи́ли ба́ню.—„Неси́те её въ баню! я буду въ банѣ лѣчи́ть её“.—Тогда Францель приходитъ въ баню, и её прино́сятъ. Францель всѣхъ изъ бани вы́жилъ, одинъ съ ей остался. Тогда онъ бралъ плеть, сталъ царскую дочь жарить; *стега̀лъ* и приговаривалъ: „будешь ли ты на Францеля . . . .? не будешь ли надъ имъ надсмѣха́цца?“

Царская княгиня, приташшы́ ты мнѣ Францелеѣъ кошелёчикъ, тогда я тебя сейчасъ вы́лѣчу!" — То она закричѣла: „слуга, ташшы́те — тамъ въ моей спальнѣ подъ пери́нами — кошелёчикъ!" — То кошелёчикъ получилъ онъ, нача̀лъ её плетью опять жа́рить: „не будешь ли надъ Францелемъ смѣяцца? не будешь ли на ево . . . .?" — „Не буду я усмѣхатцца надъ Францелёмъ никогда!" — „Приташшы́ Францелевъ кафта̀нчикъ, *тожнó* я тебя стану лѣчитъ!" — То она приташшыла ему кафтанчикъ. Онъ въ третій разъ ешо ие́ плётью прожа́рилъ (своё-то отпла́чиватъ, какъ ево би́ли). — „Приташшы́ ты мнѣ костылёкъ, я окончательно тебя вы́лѣчу теперь!" — Приташшы́ли ему косты́ль.

22. Онъ подава̀лъ ей хорошова со́рту я́году. То она съѣла и сдѣлалась красавица, ишо́ лучше старова. То онъ снималъ съ себя окладну́ю бороду и сдѣлался такой жо молодецъ, лучше пре́жнева. То она закричѣла: „на Францеля пересдѣть одежду хорошую!" — Снарядился онъ какъ слѣдуетъ, явились онѣ тогда въ царскіе пола̀ты съ имъ (изъ бани). То сходили онѣ въ Божій храмъ, повѣнча́лись съ имъ; завели́ пиръ на весь міръ (сватьбу). То онъ сталъ у царя во дворцѣ находицца послѣ этова, а братьи въ домѣ жить.

---

24. „Чудо лѣсное".

1. Жилъ былъ воробей съ мышкой. Посѣяли онѣ конопля́ доли́ну. Конопле́ роди́лось очень высо́ко; поспѣло конопле́, воробей можетъ *ись*, а мышь не можетъ залѣзти. Сучини́ли на е́то онѣ судъ, што работали онѣ вмѣстѣ (мышь: „я, — говоритъ: — земли нары́ла, а ты коноплё приташшы́лъ"), сѣяли вмѣстѣ, а ты ѣшь, мнѣ не даёшь! — Слетѣлись на су́дъ всякова сословія звѣрья́ и пти́цы; наконецъ сказали: „давайте, хто ково подо́литъ (оси́литъ), тотъ будетъ у насъ судья!"

Левъ звѣрь счуну́лся съ орлòмъ дра́тца, у орла́ крылò отломи́лъ сра̀зу. На ле́ва звѣря больше нихто не полѣзъ. Быть ему судьёй. Тогда сказалъ левъ звѣрь: „тебя, мышь, не подса́живать, а можешь, такъ залѣзай сама и ѣшь!" — На тѣмъ ко́нчилось у ихъ.

2. Орёлъ остался на землѣ: летѣть ему нельзя; а всѣ

разошли́сь, розлетѣлись. Мужикъ идётъ *стрѣле́цъ*, хочетъ орла́ стрѣля́ть. Орёлъ говоритъ человѣческимъ гла́сомъ, што „не стрѣля́й, мужикъ, меня, бери меня въ руки!“—Мужику што-нибудь будтобы *г(б)ла́стицица*, не повѣрилъ тому; подча́лилъ (прича̀лился) второй разъ стрѣля́ть. Потомъ орёлъ скричѣлъ пу́ше, во второй разъ, што „ты, мужикъ, не стрѣля́й, а бери меня въ руки, неси домой!“—*То* мужикъ подходитъ къ орлу; орелъ говоритъ мужику: „ты неси меня домой, корми меня три года, я тебѣ въ три раза заплачу́!“—Мужикъ приноситъ домой; жена ему и сказала: „што́ ты несёшь чево не надо, несъѣдобную штуку?“—Орелъ отвѣтилъ: „послушай, умница, коръмите меня съ мужомъ три го́да, я вамъ втроё заплачу за это!“

3. Первой годъ прокоръмили.—„Вы́пусти меня погуля́ть: я въ себѣ силу попро́бую!“—То онѣ выпустили ево на вòльной свѣтъ; онъ полеталъ, полеталъ;—„нѣтъ, во мнѣ силы мало: ешшо годъ коръми!“—Прокоръмили второй годъ, выпустили ево на волю; полеталъ, полеталъ:—„нѣтъ, мужикъ, коръми ешо годъ!“—Кормили ешо годъ.—„Ну-ко теперь вы́пусьти меня погулять!“—То онъ покружился долгое вре́мё, насилу и дожда́ли́сь. Спустился.

„Ну, мужикъ, садись теперь на меня!“—То онъ ево *знялъ* кверху очень далёко; потомъ сбро́силъ орёлъ съ себя мужика̀ етова. Мужикъ этотъ летѣлъ, мало и свѣту видѣлъ: думалъ, што „убьюсь“. Орёлъ подвернулся подъ ево: „сиди на мнѣ крѣпше!“ (не да̀лъ ему убицца). *Знялся* выше ишо тово, потомъ сбросилъ опять съ себя... Спустилъ ево на̀ землю.—„Што, мужикъ, много ли ты свѣту вида́лъ?“—Сказалъ, што „я испужа́лся“.—„А во второй разъ я тебя знялъ,—какъ ты себя желалъ?“—„Думалъ, што ты меня убьёшь!“—„Только это я тебѣ примѣръ дѣлалъ: какъ ты меня стрѣля́лъ, также и у меня свѣтъ поме́ркъ!.. Теперь садись; я ба̀ловацца больше не буду; садись на меня и доржи́сь крѣпше!“

4. *То* онъ прилетаетъ къ старшей дѣви́цѣ въ домъ, въ дикіе лѣса. *То* сестра ево выходитъ и со слезами ево встрѣчаетъ.—„Роди́мой ты братецъ, я тебя не ча́яла, што ты и живой! 'дѣ ты прожива̀лся три года?“—„Я проживался три года—вотъ онъ меня корми́лъ. Нужно ему, сестра, заплати́ть!“—Сестра говоритъ, што „надо заплати́ть“.—„Сестра,

штò я запрошу́,—отдашь или нѣтъ мужику?“—„Отдамъ“.—„А што, ты тятинькинъ сундучёкъ отдашь или нѣтъ?“—„Не отдамъ!“—„Колда не отдаёшь сундучёкъ, прошшай, больше я къ тебѣ не прибуду!“

Орёлъ посадилъ мужика, повёзъ; опять полетѣли. Немножко отлетѣли.—„Мужикъ, гляди-ко назадь-ту!“ говоритъ.—Мужикъ посмотрѣлъ назадь, а домъ пла́мемъ загорѣлъ у ей, у сестры́-то.—„Вотъ за ето,—говоритъ:—ей!“

5. *То* онѣ подлетаютъ къ другой сестрѣ. Сестра выходитъ, со слезьми́ встрѣчаетъ ево.—„Родимой братецъ, гдѣ ты проживался три года? я тебя потеряла!“—„Да, сестра, я вотъ у этова мужичка проживался три года; онъ меня кормилъ,—нужно ему заплатить!“—„Заплати́ть, заплатить, братецъ, надо!“—„А што, сестра, што́ я запрошу—отдашь или нѣтъ?“—„Што запросишь, *бàетъ*, то и отдамъ!“—Сказалъ орёлъ: „отдай, сестра, тятинькинъ сундучёкъ ему!“—„Отдамъ!“—*То* онъ говоритъ: „собери́ на 12 столовъ на сере́бряныхъ, давай всякова *бисерту*, напòтчуй ево, штобы было чѣмъ похвали́тца мужику!“

Наташшыла она ему всякова бисе́рту: онъ сро́ду такой пишшы не вида́лъ, не то ли што *ись*! Потомъ онъ напи́лся, наѣлся, поблагодарилъ хозяевъ, вылѣзъ изо стола. То она приташшы́ла сундучёкъ, отъ сундучка́ подала́ ему ключикъ.—„Мотри́, молоде́цъ, иди вплоть до двора, сундукъ не отворяй!“

6. Выходитъ онъ изъ и́*хова* до́му; направили они ево на доро́гу (на пу́ть наставили). Идётъ онъ дорогой, сундукъ потря́хиватъ: въ сундукѣ ничево не трясёцца.—„Непремѣнно въ сундукѣ ничево нѣтъ! принесу пустой—жена меня заругàтъ“.—Сялъ онъ на лужо́чикъ, взялъ ключъ, отвори́лъ сундукъ. Выходитъ царство и столько слугъ: штò тебѣ угодно, всё есь! Нача́ли ево угошшать, мужика етова.

7. То онъ проживàлся много врёмё.—„Какъ,—ду́матъ:—ето бы госуда́рство собрать въ сундукъ?“—Сказалъ мужикъ на ето: „какъ бы мнѣ чу́да морскòва или чуда лѣсно́ва, онѣ бы мнѣ собра́ли сундукъ!“—Приходитъ къ ему чудо лѣсное. Сказалъ: „мужикъ, што ты думаешь,—я прибылъ! а што́ ты мнѣ запла́тишь—я соберу́ вразъ?“—Мужикъ сказалъ: „не знаю, што тебѣ надо за ето“.—Сказалъ чудо лѣсно́е: „што ты въ домѣ не знаешь, тѣмъ заплати́ мнѣ!“—То мужикъ

думалъ: „всю скотину я знаю и всё у себя въ домѣ знаю; чево онъ съ меня проситъ?“—Сказалъ мужикъ: „штó я въ домѣ не знаю, тѣмъ и заплачý я тебѣ!“—То сказалъ чудо лѣснóе: „ты дай отъ себя подписку,—штобы заплатúть,—и я также“.—То мужикъ далъ отъ себя подписку. Записку далъ [чудо] мужику: „ешли ты не заплàтишь, я тебя пожрý, живòва не оставлю!“

То собрáлъ ему царство въ сундукъ, далъ въ руки ключикъ: „*тупай*, неси, не отворяй теперь до двора!“—То приносúтъ домой сундучёкъ, а жена ево родилá сына. (Вотъ онъ ето въ домѣ и на знаетъ: должóнъ сыномъ росплатúцца). Тогда жена ево заругàла: „шатàешша вездѣ, а здѣсь и послàть за бàушкой нéково!“—„Не ругайся, жена! дѣло будетъ ладно“.—Отпираетъ сундукъ, выходитъ царство—много слугъ и всево довольно. И сдѣлалась жена рáда.

8. Мальчикъ выросъ годовъ десятку—óтдали ево въ школу учить. Мальчикъ втеченіе года здалъ экзáментъ, потому поступилъ на другой годъ опять. Второй годъ здалъ онъ икзàменъ, научился очень хорошо. То увидѣлъ отеческіе записи въ камóдѣ; мальчикъ просмотрѣлъ, къ чемý этѣ записи, и видитъ: „если онъ не отдасъ меня чудý лѣсному, то онъ придётъ, отца кòнчитъ и меня кончитъ! Дѣло дрянь!“

Приходитъ онъ къ отцу въ комнату и говоритъ, што „тятинька, теперь прошшай, я не вашъ!“—Отецъ спóмнилъ, заплакалъ: сдѣлалось сына жалко. А мать и говоритъ: „куды жо ты, сынъ, теперь отпрàвишша?“—Сказалъ сынъ: „я теперь къ чуду лѣсному отправлюсь на пожрáніе, за собранье царства. Чѣмъ намъ погибать съ отцомъ обѣмъ, такъ лучше я одинъ погúну!“ — То онѣ ево благословили, дали ему на дорòгу хлѣба, и онъ отправился.

9. Шолъ онъ близко ли далёко ли, низко ли высóко ли,—подходитъ: близъ моря стоитъ избушка. Заходитъ въ эту избушку, а въ этой избушкѣ живётъ старушка.—„Кудá жо ты, молодéцъ удáлой, пошолъ, куды́ те путь клóнитъ?“—Я пошолъ къ чуду лѣсному на пожирàнье“.—„Поди жо ты вотъ къ етому морю. У моря есь старой карапь,—ты залѣсь въ нево. У нево есь три дочери: одна дочь не вы́дана, а двѣ зáмужомъ. Потомъ онѣ прибудутъ купацца, плáтьи будутъ замужніе бросать вмѣсто, а дѣвúца броситъ своё

платье врось; тоɦда дѣвицыно платье ты украдь въ карапь. Коɦда она тебѣ скажетъ, тоɦда выброси платье!“

10. Когда онѣ выкупались; старшіе одѣли платья; дѣвица стала и говоритъ: „если старше меня, будь братъ родно́й, а если ро́вня моя, такъ будь мужъ родной!“—То выбросилъ онъ ей платье, она пріодѣлась, говоритъ: „выходи́!“ — То видитъ, што онъ молодой, она взяла̀ ево за ру́чку, взяла̀ и поцѣловала: „будь мой мужъ родной!“

„Куды́ жо ты пошолъ?“ — „Я пошолъ къ чу́ду лѣсному на пожира̀нье“. — „Я пожрать тебя не дамъ! Ты идёшь къ моёму отцу. Отецъ у меня слѣпой. Я вотъ полечу́, буду изъ себя пухъ роня́ть, ты по́ пуху и *айда̀*!“—То она летитъ тихо, пухъ изъ себя вышшы́пыватъ; и онъ за ней бѣжалъ очень ры́сью (торопился). Потомъ она прилетѣла къ своёму до́му, сказала ему: „мотри́, милая ла̀душка, вотъ я здѣсь проживаюсь. Какія будетъ тебѣ отецъ задачи задава̀ть, ты приходи ко мнѣ!“

11. Приходитъ онъ къ чуду лѣсному въ комнату,—онъ сидѣлъ на стулѣ,—и говоритъ: „здра̀ствуёшь, тятинька!“— Чудо лѣсное сказалъ: „што́ ты мнѣ за сынъ? отку́ль, какой ѐсь?“—„Я за собранье ɦосударства прибы́лъ къ тебѣ на пожира́нье“. — „Нѣтъ, я тебя не буду жрать. А есь у меня дочь невѣста: тебѣ соверше́нны года̀ вы́йдутъ, тогда я тебя споженю на ней. Только ты мнѣ исправь, што̀ я тебѣ, задачи какіе задамъ!“—„Ну, задавай задачу!“

12. „Исправь ты мнѣ сначала на возмо̀рьѣ церкву: штобы у тебя была церква, попы и дьяки, и поутру́ штобы былъ звонъ!“ — Прихо́дитъ онъ къ ей, затужи́лся. — „Вотъ твой родитель за́далъ мнѣ зада́чу — умо́мъ непости́жно!“ — „Какую жо онъ тебѣ задачу за́далъ?“ — „Исправить велитъ на возморьѣ церкъву, штобы были попы и дьяки, и поутру́ штобы звонъ былъ!“ — „Это, мила ла́душка, не твое дѣло! лежи́сь спать, утромъ всё готово будетъ“. — То она вышла на крылечко, перебросила съ руки на́ руки колечко, — выскочило 25 ухорѣзовъ.—„Што ты насъ покликашь, на каки работы посылашь?“—Она съ *имя́* и распоряди́лась: всё это исправить! (церкву, поповъ и дьяковъ).

13. „Вотъ тебѣ, мила ладушка, лодка, на́ вотъ весе́льца, да возьми́ топоръ съ собой! Подъѣдетъ *къ* тебѣ родитель, скажетъ: „это не ла̀дно, это не исправно, это не хорошо!“

а ты ево скорѣе óбухомъ хвати ево пó лбу, штобы онъ отлетѣлъ отъ тебя, а самъ тогда *айдá* къ бéрегу скорѣ!" — То сялъ онъ на лодку, подъѣзжаетъ къ этой церквѣ, кругомъ ѣздитъ. Чудо лѣсное прибылъ къ ему. Тогда чудо лѣсное говоритъ: „это не ладно, это надо бы эдакъ изладить, и это не испрáвно!" — Тогда онъ топоромъ óбухомъ пó лбу ево ударилъ, — онъ отлетѣлъ; тогда онъ отправлялся нá берегъ. Приходитъ къ ево дòчери въ домъ; дочь ево посылáетъ: „*тупáй*! какý онъ задачу тебѣ задасъ опять?"

14. Приходитъ,—онъ въ стулѣ ужъ сидитъ.—„А штó ты, тятинька, каку ты мнѣ задачу задáшь?"—„Есь у меня конь; зятевья не могутъ съ имъ владàть, а ты поучи ево! Я вижу, што ты хорóшой человѣкъ, ты мóжешь поучить етова коня!"— То приходитъ онъ, вóвсё тýжитъ, не весёлой.—„Чё-то, мила ладушка, ты не веселишша?"—„Онъ мнѣ зàдалъ: есь какой-то у васъ конь,—поучить ево велѣлъ".—Дочь на то сказала: „это не конь, а самъ онъ снарядицца конёмъ. Ты зайдёшь въ конюшню, онъ станетъ на задніе лапы, розынетъ ротъ, будетъ тебя *ись*. А ты—нá вотъ тебѣ три прута желѣзныхъ и плеть, и возьми топоръ съ собой! Тогда придёшь въ конюшню, онъ станетъ на задніе лапы, — ты óбухомъ хорошéнько пó лбу ударь, штобы онъ далъ надѣть уздý на себя; обуздàй ево тогда!"

15. То онъ приходитъ въ конюшню. Заржáлъ конь, сталъ на задніе лáпы, несётца къ ему. Ударилъ ево пó лбу,—онъ на колѣнко палъ. Онъ живо уздý надѣлъ и обуздалъ ево; нáчалъ ево прутьями пó боку жáрить; всѣ прутьи исхлестáлъ и по-за кóжѣ изсовàлъ. Наконецъ, хлёшшотъ нагайкой по глазами несчáдно. До тѣй степени добилъ, што вó-*корень* онъ некáкъ не пошолъ. То онъ пустилъ ево въ конюшню и говоритъ: „завтра тятинька мнѣ велитъ поучить, такъ я ишó лучше *ухáйкаю* (поучу) тебя!" (Похвастался).

16. То приходитъ къ нему, а ужъ онъ въ стулѣ сидитъ опять.—„Тятинька, каку ты мнѣ задачу задáшь?"—„Зáвтрѣ я тебѣ истоплю бáню; выпаримся, тогда я тебѣ *бóльшину* дамъ: съ моéй съ мàлой дочерью живите, *чё* знаешь, то и дѣлайте, больше я распоряжàцца тобой не буду!"—То приходитъ очень весёлой къ ево дочери онъ. — „Што-то, мила лàдушка, весёлой?"—„Да, завтрѣ онъ хотѣлъ истопить баню:

выпаримся мы съ имъ, тогда приказалъ онъ съ тобой жить; и больше распоряжацца мной не будетъ!“

Жена ему на то сказала, што „завтра истопитъ ба̀ню жа̀ркую, завали́тъ тебя на ка́менку, изжаритъ и съѣстъ! Сёдьни не́чево спать: намъ съ тобой работа.“—Поставила середь по́лу такой кувшинъ, начали́ въ кувшинъ етотъ плёва́ть слюне́й. То она наговорила на етотъ кувшинъ, потомъ сама въ трубу вы́лѣзла и ево вы́нѣла, а окна запеча́тала ставня́ми.—„Пойдёмъ, милой ла́душка, теперь къ твоёму отцу!“

17. Поутру́ старикъ зятьвьёвъ онъ заставлялъ баню топить.—„Зато́пите баню, сходи́те къ ему: што онѣ до́ма ле?“—То приходятъ къ ихой избѣ и говорятъ: „вы до̀ма ле?“—А въ кувшинѣ отвѣчаютъ слюни, што „до́ма“.—То изготовили баню какъ слѣдуетъ.—„Тупа̀йте за имъ, зовите ево сюды́, поведёмъ въ баню ево!“—То приходятъ за имъ, кричѣли, кричѣли, а у слюнѣй сила вышла, и голосу не подаю́тъ. То онѣ приходятъ, сказали, што „ихъ до́ма нѣтъ, го́лосу не подаю́тъ“.

18. „Подайте мнѣ гадательную книжку: я погляжу!“—То просмотрѣлъ: ужъ онѣ идутъ въ путѣ.—„Пойдите, садитесь на *вѐршну, айда́те*, вороти́те ихъ!“—Ся́ли онѣ верха̀ми, поѣхали въ пого́ню. Ѣдутъ онѣ, видятъ: старушка доитъ корову. (Она коровой ево оввернула, а сама́ доитъ). То онѣ старушкѣ поклонились, спросили: „не проходилъ ли молоде́цъ съ дѣвицой?“—„Нѣтъ, ба́тюшки, не вида́ла!“

Воротились онѣ назадъ. Пріѣзжаютъ, сказываютъ: „никово не видали, только видѣли: старушка доитъ корову“.—„Тупайте, это самые онѣ!“

19. То онѣ поѣхали. Она услыха́ла по́топъ.—„Милой ладушка, за нами опять пого́нюшка ѣдетъ!“—Оввернула ево церквой, сама̀ свяшше́нникомъ. То подъѣзжаютъ, ша́пки передъ свяшше́никомъ снимаютъ: „Батюшка,—говоритъ:—не проходили ли молоде́цъ съ дѣвицей?“—„Никово не видалъ“.—Онѣ воротились назадь. То онѣ пріѣзжаютъ, сказываютъ: „никово не видали, только видѣли: „стоитъ церква, мо́хомъ обросла́ и свяшше́никъ старой“.

20. „Ахъ она злодѣйка!.. Нечево васъ, полоу́хихъ, посыла́ть! лучше самому ѣхать“.—Вышолъ на *дворе́цъ*, уда́рился о́бъ землю, подумалъ на пѣтуха—и сдѣлался пѣтухомъ и полетѣлъ.

21. „Милой ладушка, за нами погóнюшка не простáя, а родимой тятинька летитъ пѣтухомъ!“ — Оввернула ево орломъ, а сама сдѣлалась *дрéвой*, и на древѣ всякіе цвѣты. Мужу сказала: „мотри, прилетитъ, будетъ цвѣты рвать, ты тогда не робѣй: подымись, пѣтухá подъ себя и рви несчàдно, изъ ево штобы пéрьи летѣли пушшэ!“—Тогда исправилась она дрéвой, ево исправила орлóмъ; и онъ сялъ подъ дрéво тогда, орёлъ.

22. Долетаетъ до етова древа и сказалъ чудóвишшо: „а, это дѣти мои, дѣти мои! Я ихъ сейчасъ ворочу!“ — Сялъ на ето древо, нáчалъ цвѣты рвать. А орёлъ поднялся, тогда пѣтуха етова схватилъ и подъ себя; давай ево мять и рвать, только пухъ изъ ево летитъ. Тогда сказалъ пѣтухъ: „бáтюшко-зятюшко, отпусти меня! тогда я не буду никогда больше гонятца за тобой: куды́ вы знаите, туды и *тупàйте*!“— Орёлъ сказалъ: „не проси меня, а проси дóчери: велитъ отпустить, такъ я не стану тебя больше и рвать“.—То пѣтухъ сталъ умáливать у дочери: „милая дочь, отпусти! не буду я больше васъ *хитить* и догонять!“—То она приказала своéму мужу бросить ево.

23. То распростились онѣ съ родителемъ. Онъ отправился домой, также этѣ пошли къ своéму отцу. Приводитъ домой отъ этова чудовишша жену; образовàли её какъ слѣдуетъ. Приказалъ повѣнчацца съ ей.

---

25. [Солдатъ и Смерть].

1. Салдатикъ шолъ домой. Зашолъ онъ на пристань. Въ прежніе, видно, было дѣло годá. Истинный Христосъ сказалъ: „куды жо ты, салдатикъ, пошолъ?“—„Я отправился домой. А ты куды?“—„Я отправился на своё дѣло“, говоритъ.—„Чѣмъ намъ пѣшкомъ идти, наймёмъ, —говоритъ [солдатъ]:—на кораблѣ насъ перевезутъ мóремъ“.—А Истинный Христосъ сказалъ: „у меня денегъ нѣтъ“.—Солдатъ говоритъ: „у меня деньги есь; я за тебя залóжу и за себя также“.

Салдатъ за ево деньги залóжилъ, а за себя у ево денегъ не хватáетъ, мало. Салдатъ сказалъ, што „я привы́шенъ идти, пойду и пѣшкомъ; а ты *айдá* на кораблѣ, деньги я за тебя залóжилъ“.

2. А Истинный Христосъ сказалъ: „попадётъ тебѣ *колокъ*; заходи въ этотъ ко́локъ: тутъ лежитъ мѣдная узда̀; и ходитъ въ полѣ бурой мѣринъ—ты ево лови; онъ тебѣ да́сса, ты ево не бойся!“—То, дѣйствительно, солдатъ заходитъ въ колокъ, нашолъ мѣдную узду́ и пошолъ опять въ путь. И видитъ салдатъ: ходитъ медвѣдь; и подходитъ онъ къ медвѣдю, ловитъ медвѣдя на узду. Пріѣзжаетъ онъ на медвѣдѣ въ городъ. А въ городѣ ему негдѣ фатéры не даютъ: на медвѣдѣ ѣдетъ.

3. Пріѣзжаетъ къ етакому купцу. Купецъ ево посылаетъ въ пустой домъ начева́ть. А изъ етова до̀му купца вы́жила *кики́мора*: жить въ домѣ нельзя. Онъ ево и посылаетъ, салдата. Салдату отвели домъ. Онъ привяза́лъ своёва бурова коня́, приходитъ въ ы́збу (въ ко̀мнату); дровъ нѣтъ. Вышолъ онъ на *дворéцъ*, на́бралъ но́шу дровъ; затопля́етъ онъ *очагъ*. Затопилъ очагъ, самъ нога́ на но́гу склалъ—сидитъ поку́риватъ. Потомъ поднимаетца буря: вдругъ шумъ, погода заходила, и кати́тъ въ домъ кики́мора.

Кикимора говоритъ, што „хто въ дому?“—А салдатъ сидитъ, отвѣчаетъ: „я́ въ дому, салдатъ!“—Кикимора отвѣчаетъ: „кикомора въ домъ, такъ солдатъ вонъ! я тебя *ухожу́*!“—„Нѣтъ, я служи́вой человѣкъ, такъ я тебя скорѣ́ ухожу́!“

4. „Салдатъ, не ругайся! давай лучше въ карты поиграмъ съ тобой!“—„Давай!“ говоритъ. Солдатъ и говоритъ: „ты какіе берёшь?“—„Я беру бу́би. А ты, солдатъ, берёшь каки́?“—„Я беру *крéсти*“.—Кикимора отвѣчаетъ: „когда ты крéсти берёшь, я съ тобой играть не буду!“—„Врёшь, кики́мора! если ты играть не будешь, я на тебя крѐсти надѣну!“—Какимора пошла́, закричѣла, што „я больше въ домъ не пойду!“—„А если,—я поживу здѣсь,—кикимора, придёшь, тогда я на тебя надѣваю крéсти!“

5. Купецъ поутру́ рано пріѣзжаетъ, солдата навѣшша̀тъ: живъ ли (въ этѣмъ дому)? То купецъ сказалъ, што „живъ ли? здоровъ ли? што не сдѣлалось ли надъ тобой?“—Солдатъ отвѣтилъ: „кикимора приходила, я её прогоня́лъ, она теперь во вѣки не придётъ къ тебѣ въ домъ!“—Купецъ вынимаетъ сто рублей денегъ, подаётъ солдату за ето.

6. Онъ получилъ сто рублей денегъ, отправился впе-рёдъ.—„Теперь мнѣ, по крайней мѣрѣ, на дорогу будетъ

денегъ!"—А у купца у этова была мéльница, водяннáя. И эта кикúмора прихóдитъ, заявляетца въ эту мельницу; всѣ жернова́ побросáла, всё поломàла; *похúтка* сдѣлалась. Купцу пріѣхали съ мельницы, сказали. Купецъ догадался: „непремѣнно ето ворвалáсь опять кикимора! Розыскáть солдата по всѣмъ дорóгами, воротить ево: онъ опять,—говоритъ:—выживётъ её".

Солдата розыскали, привезлú, што „тебя господинъ купецъ прóситъ усердно; што въ мельницѣ сдѣлалась похитка".—Солдатъ воротúлся. Пріѣзжаетъ солдатъ къ купцу; купецъ и говоритъ: „служúвинькой, постарайся! вотъ я тебѣ подарю двѣсти рублей денегъ".—„Ладно", говоритъ.

7. Солдата привозятъ въ эту мельницу. Солдатъ по вéчеру затопляетъ печку, самъ сидитъ—покýриватъ. И вдругъ являетца буря *страшúмая*, и явúлась къ ему въ избýшку кикимора. Кикимора отвѣчаетъ, што „хто въ домý?"—„Я!"—Кикимора говоритъ: „кикимора въ домъ, такъ солдатъ вонъ!"—„Врёшь,—говоритъ:—мать твою такъ!" говоритъ. (Солдатъ говоритъ). „Солдатъ въ домъ, такъ кикимора вонъ!"—Кикимора говоритъ: „не ругайся, солдатъ! лучше въ кàрточки давай поигрáмъ!"—Солдатъ говоритъ: „ты какіе берёшь?"—„Я беру бýби".—„А я *крéсти*!"—„Если ты крéсти берёшь, я и играть не стану!"—„Врёшь! Если ты жерновà не полóжишь и всё какъ есь не излàдишь, я на тебя крéсти надѣну!"—Кикимора отвѣтила, што „я всё исправлю, только на меня крести не надѣвàй!"-„Исправь всё! штобы тебя больше и нé было здѣсь!"

8. Поýтру купецъ къ салдату являетца.—„Ну, какъ, служивинькой?"—„А ничевó! мельницу пушшáй въ ходъ: всё на дѣлѣ!"—Купецъ осмотрѣлъ; видитъ, што всё сохранно стáло, хорошò. То купецъ вынимаетъ, ему подаетъ двѣсти рублей денегъ. Поблагодарилъ солдатъ, отправился опять домой.

Выходитъ солдатъ въ пóле, пушшаетъ своёва бýрку, снимаетъ съ ево уздý, брóсилъ въ сторону.—„Не нужно мнѣ конá, я привы́шенъ и пѣшкомъ ходить!"

9. Шолъ онъ близко ли далёко ли, низко ли высоко ли,—попалъ къ ему старикъ встрѣчу.—„Што, служúвинькой, куды жо ты пошолъ?"—„Да я пошолъ на свою рóдину, домой".—„Наймись-ко ты въ дежýрство ко мнѣ на три года:

стоять на карау́лѣ, а докладъ будетъ твой!“—Дѣйствительно, онъ согласился: „я дежу́рнымъ стоять привыкъ, рабо́та лё́гкая!“

Стоялъ на часахъ, вдругъ къ ему Смерть пришла́. Солдатъ увидѣлъ эту Смерть.—„Хто такой?“ говоритъ.—„Я,—говоритъ:—Смерть!“—„Погоди́,—говоритъ:—докладъ мой!“

10. Тогда онъ догада́лся, солдатъ, хто тутъ живётъ. Приходитъ къ Истинному Христу и говоритъ: „Истинный Христосъ, Смерть пришла̀, работы проситъ“.—„Поди́, ей скажи, штобы нынѣшней годъ она старыхъ стариковъ и старушекъ мори́ла!“—Вышолъ солдатъ и думатъ: „если мнѣ ето сказать, умори́тъ она у меня отца и мать, а приду́ я ни къ чему“. Вышолъ и говоритъ: „Смерть, Истинный Христосъ велитъ: нынѣшной годъ старой дубни́къ гложи́!“

11. Годъ проходитъ, она опять приходитъ.—„Погоди,—говоритъ:—Смерть! докладъ мой, не смѣй ходить! Я на́ три года нан́ялся“.—Приходитъ къ Истинну Христу и говоритъ: „Истинный Христосъ, Смерть пришла́, работы проситъ“.—Истинный Христосъ сказалъ: „поди,—говоритъ:—пушай сре́дней нынѣшной годъ народъ моритъ!“—Солдатъ и думаетъ: „если она моихъ бра́тьевъ уморитъ, съ кѣмъ я тогда попирую? Дѣло дрянь!“—Выходитъ и говоритъ: „Смерть, нынѣшной годъ сре́дней дубникъ гложи!“—„Эко,—говоритъ:—Истинный Христосъ какъ на меня воспрогнѣвался!“

12. Потомъ второй годъ проходитъ, Смерть опять къ нему приходитъ.—„Стой, Смерть, докладъ мой!“—Приходитъ къ Истинному Христу: „Истинный Христосъ, Смерть опять работы проситъ“.—Истинный Христосъ приказалъ: „пушай она нынѣшной годъ ма́линькихъ ребятъ моритъ!“—Вышолъ.—„У братьевъ есь мальчики и дѣвушки; если я приду, съ кѣмъ я позабавлюсь? Дѣло дрянь!“ одумыватъ солдатъ.—*То* вышолъ и говоритъ: „нынѣшной годъ—самой моло́динькой дубникъ,—тотъ и гложи!“—„Ну, ладно,—говоритъ:—этотъ мнѣ всё пом́якше!“

13. Солдатъ немножко вздремнулъ, а Смерть прошвы́ркнула къ Истинному Христу въ комнату. Истинный Христосъ сказалъ: „вотъ, Смерть, што ты *бо́льно* худая стала?“—„Какъ же, Истинный Христосъ, я,—говоритъ:—всѐ три года дубъ глода́ла!“—Потребовалъ Онъ солдата.—„Солдатъ, тебѣ не это я приказывалъ! а ты што Смерти такую работу да

валъ? За ето я тебя оштрафую!" — „Какой ты штрафъ наложишь, Истинный Христосъ, на меня, тотъ и понесу!" — „Посади ты эту Смерть на свой горбъ и носи её три года на горбу!" — „Садись, — говоритъ: — Смерть, поѣдемъ! куды тебѣ надо?"

14. Заходятъ онѣ въ городъ. Смерть и говоритъ: — „давай, солдатъ, этова купца уморимъ съ тобой! тутъ обѣдъ сдѣлаютъ хорошой: намъ пишша будетъ хорошая!" — А солдатъ сказалъ: „тутъ живётъ становой и исправникъ, я сейчасъ скричу, тебя свяжутъ и посадятъ тебя въ тюремной зàмокъ — всѣ три года просидишь!" — А Смерть отвѣчаетъ: „куды́ теперь я?" — „Я отопру табатéрку, такъ ты залѣзай въ ие́!" — Отворилъ онъ табатерку; Смерть залѣзла въ эту табатерку; онъ заперъ и завязалъ эту табатерку. И въ табатеркѣ онъ проносилъ всѣ три года.

15. Потомъ приходитъ къ Истинному Христу; выпушшàетъ Смерть изъ табатерки. Истинный Христосъ увидàлъ и говоритъ: „што же ты, Смерть, прозеленéла шипко?" — „Какъ не прозеленѣшь, — говоритъ: — Истинный Христосъ? всѣ три года протаскàлъ меня солдатъ въ табатеркѣ!" говоритъ. — „Какъ ты въ ево табатерку могла залѣсти?" — „Онъ сказалъ, — говоритъ: — што тутъ живутъ исправникъ и становой: я, — говоритъ: — про тебя скажу, тебя, — говоритъ: — закуютъ въ тюремной зáмокъ. Отворилъ табатерку: вотъ залѣзешь туды, такъ тебя никуды́ не дѣваютъ! Не на до́лгое время, говорилъ, а потомъ проносилъ всѣ три года!"

16. „Ну, солдатъ, молодéцъ! Чё жо тебѣ за всѣ эти шесь годовъ?" — „Не знай ужъ, Истинный Христосъ! чево подаришь". — „Деньгáми, или тебѣ надо царство?" — Солдатъ на то сказалъ: „ну-ко, покажи мнѣ царство, *поглянецца* ли?" — Солдатъ сидѣлъ въ эдакимъ хорошимъ мѣстѣ, въ раю; всё хорошо. Просидѣлъ трои сутки. Истинный Христосъ ево спрашивалъ: „*глянецца* ли такое тебѣ царство?" — Солдату не поглянулось это царство. — „Мнѣ, — говоритъ: — то́ бы царство: по крайней мѣрѣ скрипки и гитàры, и штобы табаку было довольно, и трубка штобы былá хорошая, чубукъ до́лгой!.."

17. То отвёлъ ево въ другое царство. Трои сутки просидѣлъ солдатъ; Истинный Христосъ и спрашиваетъ: „Ну, глянецца ли тебѣ это царство?" (гдѣ табаку довольно). —

Солдатъ сказалъ, што „мнѣ ѐнто ндра́вицца царство: въ этѣмъ царствѣ можно сидѣть!“—Истинный Христосъ на то ему сказалъ: „Поди ты теперь домой: у тебя отецъ съ матерью живы, и братовья́, и есь у братовьёвъ внучки — есь съ кѣмъ позабавицца! Твоя жизь ешо впередѣ. За то я тебя, солдатъ, жалѣю, што ты за меня деньги заплатилъ, ты былъ мой това́ришшъ!“

То онъ приходитъ домой. Стрѣтили ево бра̀тьи и отецъ съ матерью; завели гулянку. До́ма погуляли.

---

26. [Иванъ дуракъ].

1. Жилъ былъ мужичёкъ. У мужичка былъ сынъ Иванъ дура̀къ. И онъ, этотъ старичёкъ, отдавалъ за́мужъ сво дочь. И пошла̀ она на озеро за водой. Приходитъ на плотъ и пла́четъ. Потомъ посыла́ли Ивана дурака за ей: што́ она долго нейдётъ?—Иванъ дуракъ заходитъ къ сестрѣ на плотъ.— „Отчево ты, сестра, плачешь?“—„Какъ мнѣ не плакать?! Принесу я сына Ивана, а сынъ Иванъ у меня умрётъ!“— Сказалъ Иванъ дуракъ: „вотъ какіе есь дураки́! меня считаютъ дурако́мъ, а ишо хуже меня! Пойду я по селенью: если дурнѣе ихъ найду́, то дѣло будетъ такъ!“...

2. Идётъ по деревнѣ, а мужикъ са̀дитъ корову на баню.— „Што ты, мужикъ, дѣлаешь?“—„Вотъ кормъ пропада̀етъ даромъ; хочу коровѣ вы́травить, засади́ть корову“.—„Што́ ты дашь—я вытравлю коровѣ?“—Мужикъ говоритъ: „я тебѣ три рубли дамъ, только вытрави кормъ!“—Иванъ дуракъ приказалъ *лито́вку* принести, вы́косилъ, помаленьку бросалъ коровѣ,—корова съѣдала кормъ. Страви́лъ етотъ кормъ, получилъ три рубли денегъ, отправился опять селеньемъ.

3. Идётъ онъ селеньемъ, а богатой мужикъ направилъ ды́шло и хомутъ—загоняетъ лошадь въ ды́шлы. Иванъ дуракъ приходитъ.—„Што вы дѣлаите?“—„Да вотъ нужно лошадь намъ загнать, и въ дышло запрягла́сь штобы лошадь“.—Иванъ дуракъ говоритъ: „што́ заплатите—я запрягу?“ — „Сто рублей“. — Онъ узду́ на нее надѣлъ, надѣлъ хомутъ и запрёгъ въ дышло. Получилъ сто рублей отправился въ городъ.

4. Идётъ городомъ, заходитъ въ царской во *дворецъ*. Забился въ я́сли и лёжи́тъ. Приходитъ конюхъ и приходитъ къ ему *стря́пка*, и онъ сдумалъ съ ей блудъ творить. Онъ [Иванъ дуракъ] ему кричитъ: „ко̀нюхъ, не ладно дѣлашь: оттово́ ко́ни по́ртятца!“—Кучеръ соскочилъ, вездѣ поискалъ, нигдѣ не могъ найти́... Во второй разъ Иванъ дуракъ пу́шше скричѣлъ. Услыхалъ онъ ево голосъ, началъ ево въ я́сляхъ искать. Конюхъ приводитъ ево *хъ* царю: што „вотъ я вора поймалъ: забра̀лся онъ къ намъ въ ясли, хочетъ, видно, жеребца̀ укрась царскова“.—Царь ѐво спросилъ: „къ чему ты, молодецъ, сово́дни въ ясли забра́лся?“—„Ваше Царское Величество, я хва́стать не люблю, а я правильно говорить хочу съ тобой. Поглядѣть захотѣлось мнѣ, какъ ваши конюха́ ходятъ за ко̀нями. А вашъ ко́нюхъ приходитъ и стряпка за нимъ тутъ пришла къ ему... Оттово, Ваше Царское Величество, жеребцы портятца. Я ему и скричѣлъ“.

5. Царю сдѣлалось любопытно.—„Вотъ такъ ето будетъ вѣрной слуга!“—„Наймись ко мнѣ, Иванъ дуракъ, табунъ пасти́ ко́нный“.—Тогда ему препоручилъ своёва жеребца́ Любимца царь. Выпустилъ онъ ма́токъ и сялъ—Иванъ дуракъ—на коня, поѣхалъ, въ по́ле табунъ погна́лъ.

Пріѣзжаетъ изъ и́нныхъ земель король къ царю на совѣтъ. И кое-объ-чёмъ поговорили; наконецъ, выхвастался царь, што „есь у меня въ полѣ такой па́стухъ—не за какіе тысчи не продасъ безъ моёва велѣнья онъ моёва жеребца Любимца!“—Король на то сказалъ: „я у ево поѣду и скуплю́ жеребца!“—Царь: „если ты скупишь жеребца, я тебѣ даю три тысчи денегъ и жеребецъ будетъ твой“.

6. То пріѣзжаетъ король домой, ходитъ день и два и три—тужитъ объ этѣмъ дѣлѣ. Старшая дочь королевская и говоритъ королю: „объ чемъ же ты, тятинька, больше тужишь?“—„Былъ я на совѣтѣ у руськова Госудаpя; былъ у насъ угово̀ръ такой, што если я Любимца жеребца уторгу́ю у пастуха̀ въ полѣ, такъ получаю три тысчи рублей“.

Дочь отцу сказала: „дай мнѣ сто рублей денегъ, хорошую узду,—и я поѣду и скуплю́ у ево“.—То она пріѣзжаетъ въ поле, въ табунъ къ ему, и говоритъ: „здраствуешь, господинъ па́стухъ!“—Па̀стухъ *малаха́й* снималъ, съ ей здоровался.—„Што́ тебѣ нужно, княгина?“ сказалъ онъ.—

„Продай ты мнѣ царскова жеребца Любимца!“ — На то онъ ей сказалъ: „сотвори со мной блудъ, дай сто рублей денегъ; привяжу я къ тебѣ жеребца къ задку; съ тѣмъ вмѣстѣ—если я свисну, удёржишь, будетъ твой, а не удёржишь, будетъ мой: во второй разъ штобы не ворочацца!“— То она согласилась... Пошолъ онъ въ табунъ, поймалъ жеребца, привязалъ къ задку́ (къ повозкѣ); она повела́. Потомъ она отъѣхала.—„Али она уведётъ?“ сказалъ пастухъ.— Свиснулъ, жеребецъ взыгра́лъ, канатъ оторва́лъ.

То она пріѣзжаетъ безъ жеребца; говоритъ: „тятинька, скупила я жеребца; съ тѣмъ угово́ръ былъ, што—оторвёцца, второй разъ не ловить. Плохъ дали канатъ!“

7. Середняя дочь на другой день и говоритъ отцу: „дай, тятинька, мнѣ сто рублей денегъ, узду́ покрѣпче; я поѣду, сторгую у ево.“—Также пріѣзжаетъ въ царскіе луга̀, пріѣзжаетъ къ табуну, съ пастухо́мъ здоровацца.—„Здраствуешь, ба́роня, што вамъ угодно?“—„Не продашь ли ты мнѣ царскова жеребца Любимца?“—„Дай мнѣ сто рублей денегъ, блудъ сотворить; и съ тѣмъ вмѣстѣ—жеребца я привяжу: удёржишь, твой, а не удёржишь, мой: во второй разъ я не буду ловить!“—Согласилась... Пошолъ онъ въ табунъ, жеребца пойма̀лъ, привязалъ ево къ повозкѣ къ ей. Отвела́ она очень *дйвно*. Тогда онъ какъ свиснулъ, жеребецъ взыгра̀лъ, и поводъ лопнулъ. Жеребецъ убѣжалъ опять въ табунъ.

Тогда она пріѣзжаетъ безъ жеребца; сказываетъ родителю: „жеребца я купила, да былъ у́говоръ: второй разъ не ловить. Нашто́ такой гнилой поводъ привяза̀ли къ уздѣ?“

8. На третей день король пуше тово затужи́лъ объ этѣмъ дѣлѣ. Малая ево дочь говоритъ: „не тужи́, тятинька! я поѣду, жеребца сторгую и знаю, што приведу ево домой. Дай мнѣ сто рублей денегъ“. — Далъ ей сто рублей и канатъ крѣпкой, и поѣхала она въ царскіе луга̀. *То* пріѣзжаетъ въ табунъ, поздоровалась съ пастухо́мъ. Пастухъ говоритъ: „што̀ тебѣ нужно?“—„Продай мнѣ царскова Любимца жеребца, господинъ па̀стухъ!“ — „Если дашь мнѣ сто рублей денегъ и блудъ сотворишь со мной, — жеребца продамъ; съ тѣмъ вмѣстѣ: жеребца я привяжу́—удёржишь, твой, а не удёржишь, мой: во второй разъ я не буду ло-

вить!“ — Согласилась.... Пошолъ, жеребца привязалъ къ ей къ повозкѣ. Отвела́ она немного; онъ какъ сви́снулъ, жеребецъ взыгра́лъ и по́водъ оборва́лъ опять у этой.

Потомъ она вороти́лась, со слеза́ми ста̀ла пастуха̀ упрашивать. Пастухъ её пожалѣлъ.........Во второй разъ привяза́лъ ей жеребца, и она увела́ этова жеребца.

9. Иванъ дуракъ сялъ на лужокъ и задумался.—„Теперь непремѣнно царь мнѣ за етова жеребца го́лову сказни́тъ. А подумать мнѣ не́ съ кѣмъ. Я поговорю со своимъ *малаха́емъ*: што мнѣ малаха́й присовѣтуетъ?“ — *То* поста́вилъ па̀лку, малаха́й повѣсилъ на палку, а самъ сялъ на коня. Розъѣхался на конѣ, подогна̀лъ къ своё́му малаха́ю; *то* сказалъ: „тпру! Здра̀ствуёшь, господинъ хозяинъ!“ — А хозяинъ отвѣча́лъ: „Здоро́во, господинъ па́стухъ! Здорова ли у тебя, господинъ па̀стухъ, скоти́нушка?“—А я скажу, што „не шипко: жеребецъ Любимецъ въ болотѣ утонулъ“.—А онъ бы мнѣ на ето сказалъ: „дуракъ! ты должо́нъ ухо отрѣзать, должо́нъ видъ привезти́!“—„Ахъ, каналья, я не ладно вы́думалъ!“

10. Во второй разъ разъѣхался; подгоняетъ къ малаха́ю: „Тпру! Здоро́во ли, хозяинъ?“—„Здраствуй, здраствуй, господинъ па́стухъ! Здорова ли у тебя скоти́нушка?“—„Не шипко, Ваше Царское Величество! Любимца жеребца королевской дочери продѣлалъ, сто рублей получилъ“.—„Ха-ха-ха!“ хозяинъ сказалъ: „какими неправдами про́далъ!“—„Такъ и скажу! хорошо, — говоритъ: — я теперь выдумалъ!“ — Т*о* онъ свой табунъ оставилъ въ лугахъ, а самъ пригоняетъ къ царю.

11. Т*о* прибы́лъ къ нему король за деньга̀ми: „жеребца скупи́лъ, отдай мнѣ три тысчи денегъ!“ — Т*о* какъ разъ прiѣзжаетъ этотъ самой па́стухъ домой. Подъѣзжатъ къ паратному крыльцу и говоритъ: „Тпру! Здорово ли живёшь, господинъ хозяинъ?“ — „Здраствуешь, господинъ па̀стухъ! Здорова ли скотинушка?“ — „Не шипко, Ваше Царское Величество! Продалъ королевской дочери твоево Любимца жеребца: сто рублей получилъ и съ ней блудъ сотворилъ“.

„Ха-ха-ха! какими непра̀вдами ты скупилъ у моёва па́стуха коня!“ Т*о* царь сказалъ: „отдай ты мнѣ три тысчи рублей денегъ! отдай ты мнѣ моева Любимца жеребца,

приведи ево въ табунъ: неправдами ты ево скупилъ! А пастухъ у меня всё-таки сказалъ вѣрно, не потаилъ!"— То царь ево наградилъ деньгами, што „вѣрной ты у меня слугá! Служи во *дворцѣ*, а табунъ пасти я другова заставлю".

12. У царя была хорошая свинка, хорошихъ родóвъ. И Иванъ дуракъ за этой свиньёй всё ухáживалъ, кормилъ её всё кажновремéнно. Выходилъ царь во *дворéцъ*; онъ [Иванъ] взялъ, свинку ету пнулъ, она рюхнула хорошо. Царь и говоритъ, што „Иванъ дуракъ, али она у тебя розговоръ понимаетъ?"—„Какъ же!—говоритъ:—У меня у родителя свадьба, она велитъ проситца у тебя на свадьбу".— Тогда царь приказалъ: „запряги карету, съѣзди!"

Тогда онъ запрёгъ карету, а свинью свою опять пóдъ бокъ ногой пнулъ. Она рюхнула опять. Царь сказалъ: „штó она съ тобой говоритъ?"—„Да велитъ въ карету подушекъ попросить хорошихъ. Нѣтъ ли подушекъ?" (Можетъ, у сестры сидѣть нé на чемъ).—То царь приказалъ подушки ему выдать.

Послѣ етова онъ свинью опять ногой пнулъ. А царь сказалъ: „это што она опять съ тобой разговариватъ?"— „Попроси и меня въ гости! говоритъ".—То царь велѣлъ посадить и свинку съ собой въ корету. То онъ посадилъ свинку съ собой, сялъ въ карету, распростился съ царёмъ; поѣхалъ домой на свадьбу.

Прiѣхалъ, привозитъ денегъ; приказалъ заколóть свинку: „вотъ вамъ и мяса будетъ!"—Тогда пиры хорошiе были у нихъ: денегъ довольно привёзъ.

---

27. [Ларокопей царевичъ].

1. Жилъ былъ царь. У ево было два сына да дочь. Сталъ царь помирать, женѣ накáзывать, што „отдай [дочь] не за простыхъ [жениховъ], а за богатырей".—Царь померъ; дѣти ево схоронили и поминочки отвели.

Не черезъ долгое время прiѣзжаетъ Воронъ Воронéвичъ къ ему. Говоритъ царевнѣ, што „отдай ты [дочь] за меня, за богатыря!"—*То* она отдалà свою дочь за этова богатыря. *То* увёзъ онъ её въ своё мѣсто.

2. Сталъ проситца послѣ этова Василей царевичъ къ своёму зятю въ гости. Мать ему говорила, што „ми́лой сынъ, ѣхать хорошо, а не ѣхать лучше тово, — штобы тебя зять не убилъ!"—То не послушалъ Василей царевичъ, сялъ на коня́ и поѣхалъ.

Ѣхалъ онъ не путе́й, не доро́гой—чашша́ми, трешшо́бами, *ура́ломъ*. Видитъ: ко́нной табунъ, сто головъ, пасёцца. Спросилъ онъ па́стуха: „чей ето табунъ?" — Сказали пастухи́: „ето табунъ Во́рона Вороне́вича Семигороде́вича: онъ въ семи городахъ побывалъ, семь богатырей убилъ".

Поѣхалъ онъ впередъ. Видитъ: табунъ двѣсти головъ пасётца коро́вьева. Спросилъ Василей царевичъ: „чей ето табунъ пасёцца?", — „Ворона Вороневича". — Отправлялся опять впередъ. Увида́лъ: ове́чей табунъ пасёцца, триста головъ.—„Чей ето табунъ пасёцца?"—„Ворона Вороневича!"

Подъѣзжа́етъ къ дому; сестра́ ево стрѣчала со слезами. Привязалъ коня онъ къ столбу́, самъ зашолъ въ ево пола́ты. Ни черезъ до́лго вре́мя летитъ Воронъ Вороневичъ, увидалъ: у ево́ столба̀ стои́тъ конь привя́занъ. *То* захо́дитъ въ пола́ты, женѣ своей и говоритъ: „станови́ самоваръ, ташшы́ намъ чигунныхъ орѣховъ!"—Очень скоро самоваръ поспѣшился, на́чали чаёкъ попивать, орѣшки поѣдать.—„Кушай, Василей царевичъ, мои орѣшки!" сказалъ Воронъ Вороневичъ Василей царевичъ не могъ оди́нъ раскусить, а онъ самъ покусываетъ—только огонь летитъ. Послѣ чаю вышли съ имъ за дворецъ на луга́. — „На̀-ко, Василей царевичъ, мою боёву па̀лицу, кинь её кверху: я погляжу́, какъ она полетитъ?" Взялъ боёву па̀лицу Василей царевичъ, ма̀ло-мало, кое-ка̀къ выше себя только её бросилъ. Воронъ Вороневичъ взялъ боёву па́лицу, *фы́рнулъ* её кверху — насилу боёву палицу дождался, когда прилетѣла! Какъ ударилъ, росшибъ Василья царевича на ме́лки дребезги. Тогда столбъ этотъ вы́воротилъ, ево закопа́лъ и столбъ поста́вилъ на ста̀ро мѣсто. (Вотъ тебѣ и шу́ринъ!).

3. Тогда родительница ждала ево цѣльной мѣсецъ — не можетъ дождацца. Тогда просился у ней ма́лой сынъ, Иванъ царевичъ. Со слеза̀ми мать ево угова́ривала: „не ѣзди, непремѣнно и тебя убьётъ! Съ кѣмъ я буду жить?!" — Иванъ царевичъ на её не посмотрѣлъ,—пойма́лъ себѣ коня, поѣхалъ. Поѣхалъ ни путе́й не доро́гами,—чашша́ми, треш-

шóбами, *урáломъ*. *Натакàлся* на конной табунъ.—„Чей это табунъ пасёцца?“—„Ворона Вороневича“.—Продолжатъ путь; увидѣлъ: двѣсти головъ пасёцца корóвьева.—„Чей ето табунъ пасёцца?“—„Ворона Вороневича“—Продолжатъ путь, увидѣлъ: триста головъ овецъ.—„Чей ето табунъ пасёцца?“—„Ворона Вороневича“.—Подъѣзжаетъ къ ево дому. Сестра выходитъ, стрѣчаетъ Ивана царевича со слезáми.—„Напрасно, родной братецъ, пріѣхалъ! *однако* тебѣ живому тоже не быть!“—Привязалъ онъ къ мѣдному столбу коня, зашóлъ въ ево полаты.

Ни черезъ много время летитъ Воронъ Вороневичъ, ударился объ парàтъ и сдѣлался молодцóмъ; приходитъ въ свой домъ, приказалъ своéй женѣ становить самоваръ и приташшы́ть чигýнныхъ орѣховъ на угошшéнье. *То* Воронъ Вороневичъ орѣхи пошшáлкиватъ—тóлько огонь летитъ, а Иванъ царевичъ не могъ и одновó роскуси́ть. *То* послѣ этова вы́шли съ имъ въ лугá, въ розгýлку.—„Нà-ко, Иванъ царевичъ, кинь мою боевý пáлицу кверху! какъ она полети́тъ?“—Т*о* Иванъ царевичъ хотя и ки́нулъ, да не очень высóко. Воронъ Вороневичъ кинулъ — наси́лу дождàлся; тођда берётъ въ руки, *полы́снулъ* ево—раздробилъ всевó на мелки части; столбъ выворотилъ, подъ столбъ закопалъ и столбъ на старо мѣсто постàвилъ.

4. Родился у царевны сынъ; дали ему имя Ларокóпьемъ царевичемъ. (Былъ онъ ешо отъ отцá заведённой: она брюхàтая оставàлася). И онъ какъ роди́лся, нàчалъ ходить. Сынъ сказалъ: „мáти, просила ты со слезами брата моевó, Ивана царевича. Куды́ онѣ уѣхали? скажи мнѣ!“ — Мать отвѣчала: „не скажу я себѣ, Ларокóпій царевичъ: ты ешо младъ и зёленъ!“—*Тó* онъ пóжилъ мѣсяца три; спрашиваетъ у матери, што „скажи́ моихъ брàтьевъ—куды́ онѣ уѣхали?“—Мать на то сказала: „мои дѣти уѣхали: выдана у меня дочь за Ворона Вороневича Семигородéвича... Не ѣзди, милой сынъ, онѣ непремѣнно кóнчены, и тебѣ кóнчитъ“.—„Нѣтъ, роди́ма мамонька, поѣду я, брàтьевъ розышшý“.

5. Т*о* сказалъ своей родительницѣ: „бласлови́шь — поѣду и не бласловишь — поѣду!“ — Т*о* пошóлъ онъ въ конюшни, розыскалъ себѣ стари́ннова богатырскова коня у отца. Пошолъ онъ въ подвàлъ, розыскалъ богатырскую ýздечку и сёдлышко и взялъ себѣ боёвую палицу ó сто пудовъ. (Трёхмѣсячной). Т*о* приходитъ къ коню, надѣваетъ

на ево узду́, кладётъ по̀тнички и богаты́рское сѣдло̀. Подтяга́тъ 12 подпругъ шелко́выхъ — не для красоты́, а для крѣпости богатырской. Билъ коня по бедра̀ми; конь ево разсержа̀цца, по сырой землѣ разстила̀цца, мелкіе лѣса́ промежъ ногъ пушша́лъ, а болота перескакивалъ (бѣжалъ ра̀довался: долго стоялъ въ конюшнѣ, настоялся).

Подгоня́лъ онъ къ конному табуну.—„Господа па́стухи, чей этотъ табунъ пасёцца?"—„Ворона Вороневича".—„Вы не сказывайте, што — Ворона Вороневича, а скажите, што Ларокo̓пья царевича; за ето вамъ будетъ награда!" (Хозяиномъ называ̀цца). Распростился съ пастухо́мъ, отправился впередъ Ларокопей. Подъѣзжаетъ къ коровьему табуну́. — „Чей этотъ табунъ пасёцца?" — Ворона Вороневича". — „Вы не сказывайте, што Ворона Вороневича, а скажите, што Ларокопья царевича; за ето вамъ будетъ награда".—Роспростился, отправился впередъ. Подъѣзжаетъ къ третьему табуну, къ овечьему. — „Чей этотъ табунъ пасёцца?"—„Ворона Вороневича".—„Вы не сказывайте, што Ворона Вороневича, а скажите, што Ларокопья царевича; за ето вамъ будетъ награда!"

6. Пріѣзжаетъ къ ево [Ворона Вороневича] пола́тамъ. Сестра не призна́ла ево, што братъ (она ево во̀всё не знаетъ). — „Куды ты, молоде́цъ уда́лой, поѣхалъ?" — „Я, — говоритъ:—братъ тебѣ, Ларокопей царевичъ; коһда ты была выдана, я былъ ешо въ утробѣ у твоей родительницы. Поѣхалъ я своихъ бра́тьевъ розыскивать и съ тобой повида̀цца!" — Сказала сестра Мареа царевна: „напрасно, Ларокопей царевичъ, явился: *однако* тебѣ живому не быть скоро!"— „Поглядимъ, хто́ живой будетъ?"—Привяза̀лъ своёва коня къ серебряному столбу́, самъ зашо́лъ въ ево пола́ты.

7. Ни черезо много время прибы́лъ Воронъ Вороневичъ домой. Увидѣлъ коня богатырскова у своёва столба серебрянова, скоро являлся въ свои полаты. Поздоровался съ Ларокопьемъ царевичемъ, женѣ приказалъ самоваръ поскорѣ *сгоношúть* и орѣховъ ташшы́ть — чигу́нныхъ. То Воронъ Вороневичъ раскуситъ орѣхъ, а Ларокопей царевичъ пять да шесь. Воронъ Вороневичъ тому дѣлу сдиви́лся: какъ онъ пошша̀лкиватъ! Вышли онѣ съ имъ въ луга; Воронъ Вороневичъ говоритъ: „ну-ко, Ларокопей царевичъ, бро́сь свою боёву па́лицу: я посмотрю́!" — Ларокопей царе-

вичъ *фы́рнулъ* свою боёву па́лицу въ высоту́ и не можетъ дожда́цца, коґда яви́цца наза̀ть. Тоћда дождѐлъ свою боеву́ па́лицу, тоћда онъ хвати́лъ Ворона Вороневича и розши́бъ ево на мелки дре́безги сразу. (Розсерди́лся!).

Тоґда онъ выхватилъ серебряной столбъ, подъ столбъ ево закопа́лъ и столбъ поставилъ на своё мѣсто. А сестры́ спрашивалъ: „гдѣ поло́жены мои бра̀тьи?“ — Тогда сестра ему сказала: „одинъ подъ простымъ столбомъ, а другой подъ чигуннымъ“. — Тоґда онъ столбы́ выдёргивалъ и бра̀тьевъ доставалъ; сестрѣ приказалъ ихъ розмы́ть—какъ однéмъ сло́вомъ,—а самъ отправился за живой водой.

8. Ѣхалъ онъ близко ли далёко ли, низко ли высо́ко ли, подъѣжжаетъ къ такой избущкѣ: повёртывацца избушка на куричьей голя́шкѣ.—„Избушка, стань по старому, какъ мать поставила!“—Избушка стала. Ларокопей царевичъ зашолъ въ эту избушку. Яга̀ баба уперла̀ головой въ стѣну, а ногами въ другую: „фу-фу! русскаго духу отро́ду не вида́ла, русской духъ ко мнѣ пришолъ, ро́ду не просто́ва!“— „Съ тобой, Яга баба, разговаривать много не буду! давай мнѣ живой воды! ежли не дашь, я тебя ко́нчу!“ — То́ она сказала: „поди́, Ларокопей царевичъ, вотъ здѣсь колодецъ, въ этомъ колодцѣ живая вода̀“. — Тоґда онъ её взялъ за́ косы, повёлъ съ собой: „если ложно покажешь, тогда я тебя тутъ же убью!“

То онъ поймалъ го́лубя, розорва́лъ этова голубя, бро́силъ ево въ колодецъ: голубь исцѣлился скоро, сдѣлался живъ. Тогда онъ повѣрилъ, што живая вода. Тогда онъ приходитъ въ комнату, взялъ такой у ней бура̀къ, почерпнулъ этой воды, понёсъ въ буракѣ.

9. Прiѣзжатъ къ Ворону Вороневичу къ дому, слѣзаетъ съ коня; тогда открываетъ буракъ, набираетъ въ свой ротъ воды́ и сталъ фы́рскать *большака́* брата, Василья царевича. Онъ воскресъ—сталъ. Также и сере́днева сталъ [фырскать], на̀бралъ воды въ свой ротъ. Воскресъ и тотъ. То онъ назвался: „Здраствуйте, мои бра́тьи! Вы братьи мои единоутробные; коћда вы уѣзжали, я ишо былъ у родительницы въ утробѣ. Моё имя Ларокопей царевичъ“.—То онѣ всѣ табуны пригоня́ли къ дому, имущество и деньги за́брали, а домъ зажгли́ и табуны́ домой погна́ли.

10. То прiѣзжаютъ всѣ три брата, приво́зятъ съ собой

сестру и скотá много. Мать стрѣтила со слезами: „спасибо, милой сынъ Ларокопей царевичъ, всѣхъ ты воротúлъ моихъ дѣтей!“ — Сказалъ Ларокопей царевичъ: „кабы если я не поѣхалъ, *то* бы *имя́* вѣчно не прибыть домой!“ — Сказали братьи: „слушатьца будемъ, родительница, Ларокопья царевича на мѣсто *большака́*: штó онъ намъ скажетъ, будемъ мы исправля́ть!“

Сказки Е. С. Савруллина.

Евсѣй Степановичъ Савруллинъ—уроженецъ Вилимбаевскаго завода Екатеринбургскаго уѣзда Пермской губерніи. Маленькимъ остался одинъ послѣ смерти родителей. Молодымъ работалъ на Богословскомъ заводѣ Верхотурскаго уѣзда. Потомъ служилъ въ солдатахъ въ Туркестанѣ, „за Ташкентомъ", причемъ былъ не въ строю, а шорникомъ. Теперь живетъ собственнымъ домкомъ въ с. Метлинѣ Екатеринбургскаго уѣзда, пропитываясь своимъ ремесломъ сапожника.

Сѣдой благообразный старикъ (65 лѣтъ), съ умнымъ, интеллигентнымъ лицомъ, Е. С. Савруллинъ много проигрываетъ лишь оттого, что выпиваетъ. Пить водку началъ онъ, по его словамъ, съ тѣхъ поръ, какъ его „полковникъ полякъ откаталъ нагайкой".

Какъ сказочникъ, Е. С. Савруллинъ представляетъ собою полную противоположность А. Д. Ломтеву, отъ коего живетъ въ 7—8 верстахъ. Это собственно не сказочникъ, а просто краснобай, балагуръ, какимъ онъ и слыветъ у сосѣдей. Я отъ него записалъ около 30-и сказокъ, но печатаю лишь немногія изъ нихъ. Сказки Савруллина большею частью не старинныя, не традиціонныя. Часто это бытовыя картинки, разсказы о разнаго рода жизненныхъ происшествіяхъ, не заключающіе въ себѣ ничего фантастическаго и сказочнаго. Но онѣ изложены по своему очень красиво, мастерски, и небезъинтересны, какъ этнографическій матеріалъ. (Ниже печатаются, для образца, два такихъ бытовыхъ разсказа—№№ 37 и 39).

Немногія традиціонныя сказки, разсказанныя мнѣ Савруллинымъ, посвящены б. ч. похожденіямъ воровъ и т. п. Вообще, его жанръ—короткія шутливыя сказки-анекдоты, какъ разъ тѣ, какія А. Д. Ломтевъ не считаетъ и сказками, пренебрежительно называя ихъ „побасёнками". Даже серьезныя сказки Савруллинъ разсказываетъ въ шутливомъ тонѣ, въ духѣ раешника (см. особенно № 28), что ведетъ иногда къ искаженію всей сказки.

Слабость Савруллина—любовь къ риѳмѣ, стремленіе говорить по возможности стихами (см. тотъ же № 28 и другіе). Это отчасти портитъ языкъ его сказокъ: для ритма онъ нерѣдко вставляетъ лишнія частицы, а иногда и цѣлыя ненужныя фразы.

Свои сказки Савруллинъ выслушалъ большею частью во время военной службы въ Туркестанѣ, а частью—уже живя въ с. Метлинѣ: послѣднія—главнымъ образомъ отъ старухи „Панихи", которой я не засталъ въ живыхъ.

Особенности мѣстнаго произношенія у Савруллина, какъ человѣка бывалаго и грамотнаго, сильно сглажены. Однако, у него проскальзы-

ваетъ иногда даже произношеніе *с* вмѣсто *ц* - черта „сѣрыхъ" „челпановъ" Урала. Вмѣсто *ч* онъ произноситъ часто явственное *тш*, что, быть можетъ, объясняется его старческимъ шамканьемъ? Позднее обученіе Савруллина грамотѣ (въ солдатахъ) сдѣлало то, что онъ произноситъ по-книжному многія слова, между прочимъ и въ род. пад. ед. ч. прилагательныхъ и мѣстоимѣній произноситъ иногда *г* вмѣсто *в*: „*этого*", что мѣстному говору совершенно не свойственно. Встрѣчается у него и старомодная книжная, канцелярская конструкція оборотовъ рѣчи.

Ниже я перечисляю сказки и разсказы Савруллина, не вошедшія въ настоящій сборникъ:

X 1. „Медвѣдь боролся со старикомъ" (содержаніе нѣсколько нескромное).

2. „Два дохтура" (варіантъ въ сборникѣ Е. А. Чудинскаго, „Русскія народныя сказки, прибаутки и побасенки". М. 1864, стр. 75, № 15, „Дока на доку". Сюжетъ одинъ и тотъ же, но у Савруллина такъ много мелкихъ бытовыхъ подробностей, что размѣръ его разсказа въ 4—5 разъ больше по сравненію съ разсказомъ у Чудинскаго).

3. „Еловы шишки" (варіантъ у Садовникова, „Сказки и преданія Самарскаго края", № 37, стр. 154; разсказъ Савруллина пространнѣе и въ нѣкоторыхъ подробностяхъ отличенъ).

X 4. „Какъ богачъ дохтура испытывалъ" (анекдотъ съ некрасивыми подробностями).

5. „Мужикъ кормитъ мёдомъ языкъ" (шутка-анекдотъ).

6. „Про солдата" (солдатъ женится на генеральской дочери, превзойдя своего соперника, дворянина, чистоплотностью).

X 7. „Покойникъ убѣжалъ" (конкурренція между двумя пьяницами, „читателями" псалтири по покойникамъ, повела къ тому, что одинъ изъ нихъ утащилъ у другого и припряталъ богатаго покойника).

8. „Сыгана хоронятъ" (Цыганъ притворился покойникомъ, чтобы обокрасть церковь).

9. „Василій Васильевичъ Чуркинъ" (подробная біографія знаменитаго разбойника съ весьма реальнымъ описаніемъ всѣхъ его похожденій).

X 10. „Русской и калмыкъ" (шуточный анекдотъ о появленіи калмыковъ отъ собаки, съѣвшей пшеничное тѣсто).

11. „Морковь и хохолъ" (ничтожный анекдотъ о пребываніи въ Петербургѣ „американскаго государя").

12 „Мастеръ" (пьяница легко припаялъ отломленное крыло ангела на вершинѣ высокой колокольни).

13. „Богатый купецъ и бѣдный сапожникъ" (варіантъ одного изъ эпизодовъ въ разсказѣ Л. Н. Толстого: „Чѣмъ люди живы").

14. „Ѳома Даниловъ. Быль" (каптенармусъ, взятый въ плѣнъ кокандцами; ему поставленъ памятникъ въ Маргеланѣ).

15. „Марья плѣнная въ Хивѣ. Быль". (Русская плѣнница помогла спастись изъ плѣна казаку Костылеву).

---

28. „Лягушка и Ипатъ“.

1. Жилъ былъ старикъ да старуха. У нихъ были три сына. Двухъ старикъ женилъ, а Ипáтъ остался холосты́мъ. Ипатъ былъ не со всѣмъ умомъ.

Коhда Ипату минуло 30 лѣтъ отъ рóду, онъ задумалъ женицца.—„Батюшко, бласлови́ меня женицца!“—„Ой, Ипатъ, Ипатъ! надѣлалъ бы ты лучше больше лопатъ, да и поѣхалъ бы торговать: нáжилъ бы сто рублей, потомъ бы женицца!“—Ипату дѣлать нéчё, давай трудицца, и надѣлалъ ихъ триста. И прiѣзжàтъ къ етому врéмю приставъ: „Это хто у васъ торгýётъ?“—„Ипàтушко балýётъ!“—„А паштó, Ипатъ, тебѣ деньги?“—„Женицца надо, баринъ!“—„А сидѣлъ бы ты, Ипатъ, въ углý, да толкъ бы бабамъ ячмённую крупý! Онѣ сварили бы тебѣ кáшку, наклáли въ чашку: ты бы наѣлся, да лежалъ“.

2. Ипатъ одно своёва проситъ старика, што „жени́цца стану!“—Отецъ ему сказалъ: „Ну, Ипатъ! женитца-та жени́сь! дамъ я тебѣ денегъ немного, только бери́ женý хорóшу!.. γдѣ жо, Ипатъ, дýмашь сватать?“—„А вóтъ што, бáтюшко! дай-ко мнѣ лошадку, надѣну я курчàву шáпку, и поѣду сватать“.—„А лошадки у насъ хоть тóлсты, а онѣ сечàсъ не прóсты: надо пàшню боронить!“—„А на чёмъ жо я поѣду?“—„А на чёмъ знашь, на томъ и поѣзжай!“

3. Ипатъ придумалъ себѣ штуку: наточи́лъ востря́ топоръ и отправился онъ въ боръ. Вы́бралъ себѣ сóсну толшинóй охвáта въ два, давай ие́ срубàть. Упàла и соснá; онъ смѣрялъ себѣ шагáми—сдѣлать побольше *батъ* (лодка: теслóй вы́жолубятъ её, безъ набóёкъ). А въ лѣсу было болото вёрсъ на три́дцать долины́, и нехтó тамъ не бывалъ и житьёмъ тамъ не живàлъ. Онъ взялъ себѣ веслó и садитца онъ на батъ.

Поѣхалъ по болóту; а воды́ было глубóко: ћдѣ въ сажéнь, гдѣ помéльче. Проѣзжаетъ онъ и день и два; выѣхалъ на сýшу. Вытàскиватъ свой батъ; ему нéћдѣ ночевáть.— „Гдѣ жо я но(а)чую?.. А забьюся подъ бáтъ... Только не знаю, далéко ли моя невѣста".

4. Видитъ: тутъ малинька избушка, съ дверью землянýшка.—„А, братъ, тутъ я и начую!"—Онъ подхóдитъ къ избушкѣ, отворя́тъ дверь—она не отворя́тца. А тамъ Ягá баба на полý валя́тца. Ипатъ догадался: „Избушка, избушка, стань по стáрому, какъ мать поставила—къ лѣсу задóмъ, ко мнѣ передомъ!"—Избушка такъ и сдѣлалась.

Ипатъ отворя́тъ дверь, заходитъ въ избушку, а Яга баба и говоритъ: „ху, неруськой духъ!"—„Постой, баба Яга, не ворчи́!"—„Я тебя, Ипатъ, съѣмъ!"—„Нѣтъ, Ягá баба, подáвишся! Я тебя убью, Яга баба, и кости кáмнёмъ придавлю!"—Яга баба смирилась, Ипату зà руку схватилась.—„Куды, Ипатушко, пошолъ?"—„Дома мнѣ жить тѣсно, я пошолъ искать невѣсту".—„Знаю, знаю, Ипатъ. А скажи мнѣ всю правду!"—„А ты сначала меня напой-накорми, потомъ вѣсти распроси!" — Яга баба п...ула столъ поддёрнула, б...ула штей плеснула, на каря́чки стала луковку достала, на постельку положила и Ипатушку спросила.

„Вотъ твоя невѣста: *айдà* по этому болоту, она живётъ недалéко. Тамъ небольшая есь избушка, тутъ живётъ моя подружка—ну, хуже меня старушка. Берегись её: она тебя съѣсъ, а то—невѣсту тебѣ дасъ".

5. Ипатъ тутъ на(о)чевалъ. Утромъ рано онъ сталъ, сялъ въ батъ и поѣхалъ. Старуха проводила и Ипату говорила: „слушай, Ипатъ! у старухи туго дверь тамъ, разбивай иё ногой".—Проѣзжаетъ Ипатъ не(и)дѣлю и видитъ: стоитъ избушка небольшая на берегу.—„Вотъ, должно быть, здѣсь она живётъ!"—Взя́лся онъ за дверь, отворить иё не могъ. А на дверѣ виситъ замокъ.—„Што такоё? дверь не зáперта вѣдь замкóмъ!" — Ипатъ стукнулъ кулакомъ. — „Отвори, старуха, дверь!" — Посмотрѣлъ онъ къ ей въ окошко: она грызётъ живую кошку.—„Охъ, какъ страшно увидалъ!—Она, вѣрно, полгода не ѣдàла, а рускихъ съ роду не видала. Знать-то, съѣсъ она меня! Ну, да всё равно не дàмся!"

Пушшэ стукнулъ онъ въ дверь. Старуха ноги убралà—

и приперта́ дверь была ие́ больши́мъ ногами. Зашолъ Ипатъ въ избушку, смотрятъ другъ на дружку.—„Съѣмъ я тебя, Ипатъ!“—„Врёшь, стара чертовка, подавишься!.. А ты, старуха, не сердись, а съ Ипатомъ помирись! А свари-ко мнѣ супъ, да изъ трёхъ губъ—одну свиньи́ну, и мыши́ну и верблюжи́ну!“—„Хорошо, Ипатъ, сварю́“—Старуха живо за горшкомъ побѣжала въ лѣсъ пѣшкомъ. Приташшы́ла и дровъ, начала́ ему варить.—„А што жо ты пекла?“—„А пирожки“.—„Какіе пирожки?“—„Съ сѣномъ, съ хрѣномъ и на гороховомъ маслѣ, и пироги съ навозомъ“.

6. Ипатъ: „ладно, хорошо! Раскажи-ко мнѣ невѣсту!“—Поглядѣли другъ на дружку. Она показала на лягушку: „а вотъ и твоя невѣста“.—„Какъ же я съ ней буду жить?“—„Она хоро́ша ба́роня будетъ“. — „Ну, такъ пойдёмъ сва́тать!“—Яга пошла съ Ипатомъ свата́ть, повела дальше въ камышъ. На *пересѣчку* большая мышь. Ипатъ старухѣ говоритъ: „не хорошая намъ дорога“.—„А пошто, Ипатъ?“—„Пересѣкла дорогу мышь“.—„Эта мышь прислуга невѣсты“.

Подходятъ къ камышу. Отворятца дверь въ землю.—„Спускайся ты за мной!“—Ипатъ заходитъ въ калидоръ, а у лягушъ большой тамъ 'здоръ. — „Што, старуха, говорятъ?“—„А женить хочутъ тебя... Подёмъ-ко дальше, въ за̀ло“.—Заходятъ дальше въ зало и—у́браны столы́ бѣлымъ полотномъ, наставлено на столахъ всякова *бисе́рту*, булочки на блюдьяхъ полъаршина вышины. Ипатъ удивился: „хто жо тутъ у ихъ это стря́патъ? Я съ роду и не видалъ, такова хлѣба не ѣдалъ“.

А старуха начинатъ говорить. Лягушка отвѣчаетъ: „судьба моя пришла̀“.—А Ипата удивляетъ: „какъ я буду съ ней жить? вѣдь, сно́хи-то у насъ хоро́ши! Ну, всё равно, возьму! Отецъ не при́мётъ, здѣсь буду жить: работа лёгонька, а жить хорошо. Поглядѣлъ я въ бокъ—небольшое тамъ за́ло—начинёна колбаса саломъ: какъ онѣ поживаютъ, лучше нашево!“

Сяли онѣ за столъ. Лягушка угошча̀тъ и по-руски гово̀ритъ: „кушай, Ипатъ, безъ стѣсне́нія! надѣйся на меня, не погинешь“.—Ипатъ съ аппетитомъ ѣсъ и пьётъ.—„Всё это ску́сно, такъ только лягушки мнѣ гнусно“.

Времё жениху выходить. Невѣста стаётъ на кружо́къ.—„Вотъ ету полотнянную рубашку твоёму отцу въ подарки,

а этотъ сарафанъ, вышитой шолкомъ, старушкѣ твоей въ подарки; братьямъ твоимъ по брюкамъ изъ дорогова сукна́; сно́хамъ—по платью, росшиты серебро́мъ. А тебѣ, женишокъ, цѣльну тройку подарю: брюки и желе́тку и хорошой сертучёкъ; а пріѣдешь ты домой, сертукъ вѣшай на крючёкъ!“

Поло́жила въ ска́терть булку вышиной аршина два; завязала всё въ скате́рь, начинаетъ провожа́ть. Жанихъ идётъ, а лягушка скачётъ. Жанихъ задумался: „какъ я буду съ ней жить?“—Сади́тца онъ въ *батъ*; такъ ево горё обуя́ло: „и невѣсты мнѣ нигдѣ не стало!“—Вдрукъ лягушка постоя́ла; взялъ иё за ру́ку: „охъ, красавица моя!“ Она обернулась, въ русскомъ платьѣ—и на свѣтѣ лучше нѣтъ! Вдрукъ Ипатъ испугался и едва съ невѣстой ростался: „ты не выйди за другова!“—„А срокъ у тебя на три дня“.

7. Простились, и поѣхалъ съ Яго́й бабой. Пріѣзжаютъ, недалёко до избу́шки, — поднялáсь больша́ пого́да. А Яга баба говоритъ: „знать-то, въ во́ду навали́тъ [лодку]“ — „Нѣтъ, старуха, ты не бойся, я те че́стно довезу́!“ — Такъ и дальше проѣзжаютъ, къ другой избушкѣ подъѣзжаютъ. Тамъ старуха выходила, жениха милости просила. Онъ въ избу́шку къ ней захо́дитъ: „вотъ подарки отъ невѣсты!“— А старуха говоритъ: „вези батюшкѣ своему!“

Онѣ недолго посидѣли. Онъ отправился пѣшкомъ. Онъ подходитъ ко двору́; старикъ выходитъ на яву́! — „Што, Ипатушко, несёшь?“ — „Гости́нцы дорогіе отъ невѣстушки своей“. — Вся семья в'ызбу сбѣжáлись и со смѣху залевались. Онъ раздáлъ всѣмъ подарки, а сертучёкъ на крючёкъ.—„Ну, батюшко, надо дѣлать сватьбу!“

8. Собрала́сь скоро и сватьба. Запрегли́ онѣ тройку лошадей и поѣхали къ болоту. Пріѣзжаютъ къ избушкѣ; Яга баба стрѣчатъ, а жениха пушше всѣхъ привѣчатъ.—„Давай, сади́тесь всѣ въ *батъ*, запѣвайте пѣсню въ ладъ!“

Пріѣзжаютъ къ невѣстѣ, а женихъ идётъ вперёдъ. Братьёвъ го́рюшко берётъ. Садя́тъ гостей за сто́лъ, угошчаютъ заморскимъ виномъ. Напили́сь гости вина и накушались. Складо(ы)ватъ легу́шка своё имѣнье, берётъ за руку жениха.—„Сади́мся на *батъ*!“—А сно́хи смѣютца: „ково онъ берётъ, легу́шку!“

Пріѣхали къ берегу́, садя́тца на лошадей. Женихъ лягушку на колѣни; а до́ма стряпаютъ пельме́ни. Подъѣзжаютъ

ко двору́. Вся деревня собрала́сь; спрашиваютъ другъ друга: „а гдѣ невѣста у Ипата?“—„А вонъ попры́гиватъ за нимъ“.— „Ба́тюшки, ково берётъ!“

Онѣ заходятъ къ отцу въ домъ, а мать и се́рдицца ладо́мъ. Ипатъ заходитъ въ комнату и заводитъ лягушку. Живо лягушка передѣлась въ ру́ско пла̀тьё, сдѣлалась краса́вицой — по всему свѣту не вида̀ть и въ короле́вствахъ нийдѣ не слыха́ть.

Собрали́сь онѣ къ вѣнцу́, и выходятъ онѣ изъ зала. Загляну́лъ тутъ народъ; а изъ слу́ху ихъ говорили, што у Ипата невѣста уродъ. Крикъ подня́лся: „хороша́, Ипатъ, невѣста! только жить съ бра̀тьями тѣсно“. — Платьё хорошова шо́лку, изъ дорого́во, убра́то серебро́мъ; надѣли ей на́ голову нако́лку—вся убра́та золотымъ иго̀лкамъ.

9. Вотъ пошла́ у нихъ пирушка. А, по и́хному повѣрью, на другой день должна́ молода́ стряпать пирожки. Вечеромъ Ипатъ укла́лся спать со свое́й женой, а свекровка и говоритъ: „а ты, молоду́шка, должна вѣдь завтра стряпать пироги: такъ у насъ и ведётца!“—Молодушка сказала: „хорошо, будетъ готово!“ —Вышла вѐчеромъ молода́, взяла́ ква̀шню, вынесла на дво́ръ, опроки́нула иё кверху дномъ. Ля(е)гла̀ сама́ спать.

Свекровка поглядѣла: што такое? — и говоритъ со старшой снохой: „’дѣ жо у ей квашня́?“ — „А она вынесла на дворъ на брёвна; опроки́нута сто́итъ“. — „Поставьте-ко са́ми ква́шню, хоть въ задней избѣ! Она, навѣрно, стряпать не умѣётъ!“ — А этѣ сно̀хи, въ насмѣшку молодой, замѣша̀ли ква̀шню несе́яной мукой: „пушча̀й хвалёная невѣстка испекётъ имъ пироги́ — поса́дитъ пирожки, а выташшытъ покры́шки на горшки! то̀-то у насъ и будетъ смѣху́ на молодую сноху́!“

Молодушка ночью стала, побѣжала за квашнёй; накла́ла въ печку дровъ, замѣшала себѣ ква́шню — и безъ опа́ры, безъ дрожжей. А всѣ ишо онѣ спятъ. Она нагото́вила булокъ и пироговъ, и нажа́рила-навари́ла; наставила на столы́, закрыла скатертя́ми изъ бѣлова полотна́.

Старуха соскочила.—„Знать-то, я проспала́?“—Поглядѣла на столахъ. — „Хто ето испёкъ? Удивительная штука! Старикъ, ставай-ко поскоря́! Съ ро́ду не бывало: на столахъ у насъ пироговъ! погляди-ко, какіе булки!“ — „А хто ето

испёкъ?“—„Спросить надо снохъ!“—Старуха побѣжала, разбудила старшую сноху́: „ты што, стря́пала а̀ли нѣтъ?“ — „Я ишо̀ и не ставала!“ — „А погляди-ко: на стола́хъ какъ убра́то у насъ!“

Сно́хи испугались, смотрятъ на столахъ. Мужъ подходитъ молодой: „вотъ такъ пирожки! Поглядите-ко, ребята! вотъ моя жена испекла вамъ пирожки!“

10. Вотъ пошло у нихъ гуля́нье. Залюбѣли молоду. — „Поѣдемте въ гости къ батюшкѣ своему!“ — Только сяли онѣ въ сано́чки, и провалилася лягушка. Вотъ причина, отчево провалилася лягушка: а худа́ была *долгу́шка.*

---

29. „Золотой кирпичъ“.

1. Жилъ старикъ да старуха. У нихъ было два сына. Онѣ здумали сыновьёвъ своихъ надѣлить богатствомъ, передъ смертью своѐй. Одному сыну о̀тдали весь домъ и ското́ну, и тысчёшку денегъ. Старикъ старухѣ говоритъ: „Старуха, вѣдь мы обдѣли́ли Ва́нюшку-ту!“—„Да вѣдь онъ дурачёкъ, ладно ему и такъ!“ — „Нѣтъ, надо ему дать сто цѣлко́выхъ!“—Дали сто рублей.

2. Ва́нюшка пошолъ на база́ръ. Придумыватъ себѣ: „што̀ мнѣ надо купить?“—Одинъ мужичёкъ продаётъ кошечку и собачку, клубокъ нитокъ. — „А сколько сто́итъ кошечка и собачка и клубокъ нитокъ?“—„Сто рублей“.—Вынима̀тъ Ванюшка сто рублей, подаётъ деньги. При́ходитъ домой — собачка, кошечка съ нимъ, клубокъ въ карманѣ. Отецъ видитъ ево, што онъ идётъ домой. — „Дурак'отъ купилъ, навѣрно, кошку и собаку!.. Нашто́ ты ето купилъ, глупой?“— „Да нужно!“

3. Ванюшка переночева́лъ; отпра̀вился на другой день, съ кошкой и съ собакой, потеше́ствовать. Выхо́дитъ изъ своёва села. А ево карманъ какъ разъ проби́лся у пинъжака̀. Клубокъ выпалъ. Собака схватила клубокъ и бѣжитъ за имъ. Подташшы́ла хозяину клубокъ, вы́пустила изъ ро́ту; клубокъ покатился. Ванюшка и думатъ: „што такое? на гору́ ка́титца?! Стой, братъ! пойду я теперь за клубко́мъ!“

Клубокъ свора́чиватъ въ лѣсъ. Ванюшка за имъ. Дальше и дальше продолжаетъ. Шолъ онъ и лѣсомъ, шолъ и го-

ра́ми; попало ему си́льное болото. Проходитъ и болото; попада̀тъ ему больша́я рѣка.—„Ну, сухари́ у меня есь! напью́сь и покупаюсь, да опять дальше отправля́юсь!“

4. Какъ разъ приходитъ въ зелёные луга́. И видитъ: накладены кирпичи́ стопа́ми. Подошолъ къ кирпича́мъ.—„Хто жо ихъ рабо́талъ? Никово́ здѣсь нѣту!“ — Походилъ, походи́лъ: нѣтъ ли гдѣ жили́шша? — Жилишша некакова нѣтъ. Берётъ Ванюшка кирпичъ, ударилъ ево о камень; кирпичъ разлетѣлся.—„Ахъ ба! неужели всѣ такіе кирпичи? вѣдь въ нихъ золото (внутрѣ)!“—Подошолъ къ другой кучѣ; разломилъ два-три кирпича́, въ нихъ внутрѣ золото. Онъ и думатъ: „охъ, я теперь разбогатѣлъ! Да на чёмъ я ихъ поташшу?“

5. Вдругъ видитъ: бѣжитъ пароходъ; у пароходу привязана баржа́, а баржа́ совершенно пустая, а на пароходѣ сидитъ одинъ старичёкъ. Подъѣжжатъ старикъ къ бе́регу, къ кирпичу, остановля́тъ свой пароходъ. Выходитъ старикъ на́ берегъ. — „Здраствуй, молодой человѣкъ!“ — „Ми́лости про́симъ, поштённой старичёкъ!“—Старикъ Ванюшку спрашиватъ: „што вы здѣсь дѣлаите?“ — „Да вотъ нашолъ я кирпичъ,—правду я тебѣ скажу: — и въ кирпичахъ внутрѣ золото. И мнѣ бы ево нужно увезти, етотъ кирпичъ, въ протчіе королевства: тамъ какъ [разъ] въ ето время я́рманка“. — Старикъ ему говоритъ: „давай таскать будемъ, грузить!“ — Начали́ таска̀ть кирпичъ. Нагрузили баржу́ по́лну.

6. Вотъ онѣ ѣдутъ недѣлю и двѣ. Пріѣзжаютъ въ королевство, въ которомъ ярманка открыта. А Ва̀нюшкинъ-то братъ (онъ вперёдъ ево пріѣхалъ; онъ привёзъ три баржи́ товару): „А ты, дуракъ, съ чѣмъ?“—„А я съ кирпича̀ми“.—„Будьто нѣтъ здѣсь кирпичей?“—„Есь, да не такіе!“—„А какіе?“—„У меня съ кра́ю золотые“.—Разсмѣялся тутъ весь народъ, разѣваютъ на Ва́нюшку ротъ.

А ярманка всё ишо̀ не открыта, и торговля вся прикрыта.

7. А у етова короля по̀мерла недавно дочь. Хоронить её нужно въ полночь. Она была поло́жена не въ большой часовнѣ на большомъ, трёхъаршиннномъ столѣ. Эта дочь за ка́жнюю ночь съѣдала по человѣку. Ко́роль собираетъ всѣхъ купцовъ: „Дозволяю я вамъ здѣсь торговать, только нужно ка́жному у дочери́ въ часовнѣ ночевать, всѣмъ пооче-

рёдно".—А имъ, пожалуй, и не торговать: хотѣли бы уѣхать, да нельзя!

Какъ разъ по списку досталось Ва́нюшкиному брату ночевать. Братъ себѣ и размышля́тъ: „найму́ я Ваню дурака, не больше — за три петака̀!" — Вечеръ разъ приходитъ, требуетъ черёдъ. Онъ приходитъ къ Ванѣ на пароходъ (брат'отъ).—„Наймись, Ваня, на(о)чевать!"—„А я дѣдушку спрошу (кто товаръ на пароходѣ привёзъ)". — „Наймись, Ваня!"—„А сколько съ нево взять?"—„А баржу́ шо́лку".— Тотъ согласенъ отдавать.

8. Старикъ Ваню провожатъ въ часовню ночевать.— „Зайди, Ваня, въ церковь, купи рублёвую свѣчу́; и вотъ тебѣ книжечка. Когда запустятъ тебя солдаты ночевать въ часовню, гдѣ лежитъ дѣви́ца, [ты читай эту книжечку!]".— Онъ сейчасъ свѣчку купилъ рублёвую; заходитъ начевать. Начинаетъ книжку читать, стаётъ ближе къ гробу.

Какъ разъ только 12 часовъ, — сбрасываетца крышка гроба, разѣва̀тъ ротъ широкой дѣви́ца: „я, Ваня, тебя съѣмъ!" — Онъ сунулъ въ ето времё ей свѣчку въ ротъ. Она сколько то бы не билась, а потомъ сразу усыпи́лась. Онъ спокойно ночевалъ.

Обратился онъ назадь. Онъ пришолъ на парахо́дъ. Спросилъ ево тутъ дѣдъ: „Ну, какъ Ваня ночевалъ?" — „Въ добромъ здоровьѣ".—Получа́тъ баржу́ онъ шо́лку; а братъ ево поѣхалъ домой.

9. А другая ночь достаёцца Ивану (опять ему жо) за свой черёдъ ночевать (за себя). Иванъ спрашиваетъ дѣдушку: „Ну, какъ, дѣдушко, я теперь пойду? Очень страшно ночевать!" — „Вотъ тебѣ на̀ два чугунныхъ шара́: одинъ шаръ пять фунтовъ, а другой—десеть. Когда она рази́нетъ ротъ, пятифунто́вой шаръ бросай ей пря́мо въ ротъ. Когда она ево прогло̀титъ, бросай десетифунто́вой шаръ, только ско́ро! Десетифунтовой шаръ ей не проглотить. А ди́ко вре́мя, ночь, пройдётъ, бери её за̀ руку, сади её въ стулъ!"

10. Пришолъ Ваня ночева̀ть. Стало вре́мя ближе къ полно̀чѣ, Ваня шипко горева̀ть: „знать-то, она меня сёдни съѣсъ!"—Вдругъ тутъ збра́сываецца крышка, и розѣваетъ она ротъ: „съѣмъ я здѣсь весь народъ!„ — Онъ броса́тъ пятифунто́вой шаръ, и проглоти́ла она ево. Начина̀тъ она ставать. Онъ броса́етъ ей другой.... Онъ берётъ её за ру́ку,

ста̀витъ на̀ ноги съ собой. Она глядитъ и говоритъ: „вотъ ты вѣчно мой женихъ!"—Посади́лъ онъ её въ стулъ.

11. Тутъ свѣтле́нько и стаётъ. А и стра́жа увидала: „Ба, тутъ дѣви́ца-та стои́тъ!" — Живо доло́жили королю, што „жива́ твоя, король, дочь; а подня́лъ Иванъ въ полно́чь".— Король пріѣзжаетъ на коре́тѣ и требуетъ Ивана въ дворе́цъ.—„Позвольте Вамъ, король: я схожу только на баржу́, велитъ ли мнѣ дѣдушко мой идти въ дворецъ или нѣтъ?"

Садя́тъ Ва́нюшку въ корету и привезли ево на баржу́.— „Какъ, Ванюшка, ночевалъ?"—„Я изъ гро̀бу иё подня́лъ".— Удивилась вся толпа. Вотъ и Ванюшкѣ хвала. — „Вотъ я, дѣдушко, тебѣ и розскажу: я подня́лъ её изъ гро̀бу, она говоритъ, што „ты вѣчно мой женихъ". — Такъ што-жо, дѣдушко, велишь ты мнѣ её взять или нѣтъ?" — „Возьми, Ванюшка; Богъ благословитъ!" — „Тамъ меня вѣдь дожидаютъ".—„Ну, *айда* съ Богомъ къ вѣнцу!"

Посадили Ванюшку въ коре́ту и привозятъ къ королю́ въ домъ. Собрали́сь живо къ вѣнцу, обвѣнчали, и пошла тутъ пирушка—только дымъ столбо́мъ идётъ.

На тре́тей день Иванъ надѣватъ синей кафтанъ, королевскіе подарки.—„Подёмъ, жена, со мной къ дѣдушкѣ на пароходъ!" — Онѣ приходятъ тутъ на пристань, гдѣ баржи́ ево стоя́тъ.—„Вотъ, дѣдушко, я женился!"—„А прида́но у тебя гдѣ?"—„А сечасъ приставятъ намъ!"—По приказанію короля нагружаютъ придано на три корабля́. — „Вотъ такъ мы теперь живёмъ!" — Распростились съ королёмъ и поѣхали домой.

12. Вотъ онѣ ѣдутъ и день, ѣдутъ два; проѣзжаютъ и недѣлю; а за недѣлей скоро годъ. Онѣ стали въ разъ на я́корь, дѣдъ на Ваню говоритъ: „Вотъ што, Ваня! надо жо́нушку твою дѣли́ть!"—„Какъ? пошто́? дѣдушко".—„Мы съ тобой вмѣстѣ наживали вѣдь её!" — „А какъ будёмъ, дѣдушко, дѣлить?"—„Веди её на па́лубу, ташшы́ большой топоръ!" — Приташшы́лъ Иванъ топоръ. — „Поло́жь её на па́лубъ, свяжи ей руки и ноги!"—Ивану было очень жалко. Связалъ руки и ноги.—„И бери въ руки топоръ!"—Взялъ Иванъ топоръ. — „Руби её по брюху: эта половина мнѣ, ета—тебѣ!"—Ивану сдѣлалось очень жалко, а она плачетъ и рыдатъ: „не руби́те, лучше утопи́те!"—А дѣдушко говоритъ: „испо̀лни приказа̀ніе!"—Иванъ замахнулся топоромъ,

пересѣкъ её по брюху. Побѣжала у ей кровь.—„Руби ишо́ два раза!"—Перерубилъ онъ её напополамъ; повалился изъ брюха страмъ: и змѣята, и чертята, и малинькіе бе(и)сенята.— „Умерла моя жена!"

Дѣдушко и говоритъ: „ташшы́, Иванъ, воды!" — Онъ приташшылъ ведро воды́, оммылъ всю ей кровь. — „Сложь ей рубленое вмѣсто! Ташшы́ свѣжой воды́!"—Приташшылъ Иванъ воды́. — „Лей на́ брюхо!" — Вдругъ она сдѣлалася живая, стала на ноги. — „Теперь, Иванъ, возьми! Твоя она и будётъ!"

13. Онѣ поѣхали домой. Пристигаетъ тёмна ночь, сильна буря шипко дуетъ. А старикъ, онъ говоритъ: „на я́корь мы не ста́немъ, а лучше къ пристани приста́немъ!" — Бросили канатъ и причалились къ соснѣ. А Ваня видитъ вразъ во снѣ, будто дѣдушки у нево нѣту; только двоё мы съ женой. Вразъ онъ слышитъ руку на себѣ; пробудился онъ, глядитъ: со́нцо ярко тутъ блеститъ, и пора намъ ставать. Онъ глядитъ своёва дѣда, а ево нѣту тутъ съ нимъ. — „Куды́ скрылся нашъ дѣдъ? Ты, жена, не знаешь?" — „Не видала нечево!"—„Ну, отправимся домой!"

14. Вотъ поѣхали домой и пріѣзжаютъ онѣ домой. Про́дали товаръ, выгрузили прида́но всё. Братъ Ива́новъ стрѣча́тъ и въ гости приглаша́тъ. Онѣ въ гости къ ему приходятъ, начинаютъ роспивать. Жена Ива́нова съ Ивановымъ братомъ начинаетъ тонцова́ть; она вразъ въ ево влюбѣлась и позабыла свою смерть.

Братъ Ивановъ говоритъ, тихонько губа́ми шевелитъ: „ уѣдемъ мы со мной за границу дальше жить!"—Вдругъ скрутились и зашевелились: „поѣдемъ за границу!.. Какъ Ивана мы оставимъ?" — „Да мы возьмёмъ ево съ собой!"— Взяли ево съ собой и поѣхали на пароходѣ.

15. Ѣхали недѣлю, продолжа́ли больше году и спустили Ваню въ во́ду. — Онѣ проѣхали полгода, поднялася сильна буря. Она такъ и говоритъ: „надо къ бе́регу приста́ть, да на лугахъ свѣто́въ поиска́ть!"—Вразъ пристали къ бе́регу, пошли гулять по лугамъ. Вдругъ явля́тца старичёкъ, которой былъ раньше съ Иваномъ.—„Здраствуй, умница моя! а гдѣ надёжа-та твоя?" — „А поднялася сильна пого́да и сбросило ево въ воду".

---

30. „Мужикъ и злая баба“.

1. Былъ голòдной годъ. Мужикъ съ бабой были лѣнивы работáть. Мужикъ бабѣ говоритъ: „Баба, надо вѣдь работáть! хлѣба у насъ не посѣяно; чевó же будемъ мы тоγда *ись* зимой?“—Баба говоритъ: „мужикъ, ты умрёшь, а я взáмужъ выйду!“ (Она розсудила легко).

Такъ онѣ лѣто кое-какъ и протянули. И зима пришла; у ихъ не дровъ, не хлѣба. На работу идти мужику—одѣя́нія нѣтъ. Баба мужику и говоритъ: „Мужикъ, да *айд*а воровать!“—„Куды́, баба, воровать?“—„Да въ лавку, гдѣ торгуютъ мукой“.—Мужикъ говоритъ: „дура-баба, вѣдь знаютъ люди, што мы ѣдимъ аржанóе: какъ мы будемь *ись* крупчатку? вѣдь люди увидятъ!“ — „Ой, мужикъ, да я испеку хуже аржанóва!“

2. Мужикъ такъ и сдѣлалъ. Пошолъ къ крупчатной лавкѣ; въ лавкѣ народу много: хто берётъ пудъ, хто два, хто и полпуда; а мужикъ стоитъ у лавки съ мѣшкомъ съ простымъ. Другой мужичокъ купилъ два пуда муки-крупчатки, поставилъ её за лавку, самъ пошолъ разсчитыватца. Этотъ мужикъ мѣшокъ на плечó, въ толпѣ народа и ушолъ.

Приходитъ домой. — „Баба, говори: слава Богу! укралъ муки! только—крупчатки!“—Баба бѣгатъ бѣгòмъ, ставитъ квàшню скоря́е. Мужикъ бабѣ говоритъ: „баба, крупчатка-та вѣдь вы́ходная (съ припёкомъ), не какъ аржаная!“

3. Баба сáдитъ *мя́хки* въ печь. Мужикъ говоритъ: „баба, сошшитай, сколько мя́хкихъ“.—Она мужику говоритъ: „мужикъ, семь!“—„Ну, да, баба, поскоря́е: жрать охота!“—Баба открываетъ печь и говоритъ мужику: „мужикъ!“ — „Штó, баба?“ — „Я садила семь, а вы́ташшыла шесь!“ — „Поштó шесь?“—„Не могу знать; а мяхкова нѣтъ!“

Мужикъ заглянулъ самъ въ печь: „Правду ты, баба сказала, што испеку хуже аржанóва!.. Вотъ ты, дура, не знашь, это у тебя отчево случилось!“ — „А отчево, мужикъ?“ — „Заднимъ-то стало жарко, онѣ и давай перескакивать черезъ этотъ мя́хкой; да не могли перескочить, да приступáли на невó (онъ маленькой этакой сдѣлался)“.

4. Мужикъ на это разсердился. Давай бабу волочить зá волосы: „не порти добро!“ — А мужикъ съ-изъ дѣтства не

любѣлъ, — ево ребятишки дразнили: „вшйвикъ“. Онъ это бабу билъ, билъ, билъ, она однó дразнитъ: „вшивикъ!“— Онъ её добилъ, што ужъ она говорить не стала; запиналъ ие́ подъ лавку, штóбы тамъ она лежала. Баба подъ лавкой лежитъ, а своё зло всё творитъ; мужикъ на бабу глядитъ: баба ничё не говоритъ, а нóхтемъ давитъ на полу (всё-таки, дескать, вшивикъ!).

5. Мужикъ думатъ: „штó мнѣ съ ней теперь дѣлать? Дай я её утоплю!“ — У ихъ на огорóдѣ, на задахъ, была рѣчка; на рѣчкѣ былъ перехóдъ изъ трёхъ жердей. Мужикъ пошолъ,—покамѣстъ эта баба хваратъ, — подрубилъ слегка жеръди снизу. Приходитъ домой: „баба, будетъ хварать! время работàть!“—„Да чево работàть-то?“ — „Пойдёмъ, хоть дровъ нарубимъ!“—Баба пошла, не супóрствуетъ.

Мужикъ бабѣ говоритъ: „баба, не ходи вперёдъ!“—„На то зло пойду!“ (Она *поперёшна* была). — Баба пошла по переходу, мужикъ ей говоритъ: „баба, иди, да не трясись!“ — „А на то злò потрясусь!“ — Доходитъ до рубленова переходу; мужикъ говоритъ: „баба, не трясись!“ — „На то зло потрясусь!“

Переходъ изломался; баба упала въ рѣчку и утонула.

---

31. „Стрехулетъ“.

1. Въ одно прекрасное время по городу бѣжитъ оборванной *стрехулéтъ*. Разъ ево видитъ съ балкону боһатой дворянинъ. А у стрехулéта въ рукѣ дудка. Богатой спрашиваетъ ево: „куды бѣжишь, стрехулетъ?“—„Людей надувать“. — „Ну-ко, меня надýй!“ — „Я бы тебя надулъ, дакъ товаришъ впередѣ“.—„А разѣ одному нельзя?“—„Нельзя“.— „Дакъ ты догоний ево!“ — „Дакъ вѣдь я бы ево догнáлъ, — я пѣшой!“—„Кучеръ, дай ему лошадь верхòвую!“—Кучеръ далъ ему лошадь.

2. Стрехулéтъ сялъ веръхòмъ; попйнывать ногами лóшедь, а она нейдётъ. (А онъ самъ руками её поддя́рживатъ, штобы она не шла).—„Ишь, баринъ, у васъ лошади свышны парàми!“—„Кучеръ, дай ему другую! онѣ скоря́е прiѣдутъ: одинъ на ту сядётъ, другой—на другý“.—Кучеръ далъ ему другую, онъ и уѣхалъ.

Ждать, ждать, — нѣтъ стрехулéта. — „Барыня, вѣдь онъ меня омманулъ!“ — „Глупой, вѣдь онъ тебѣ говорилъ, что людей надувать; вотъ онъ тебя и надулъ!“

3. Баринъ разсердился. — „Запрегáй тройку въ повóзку! поѣдемъ догонять!“—Погнáли догонять. Стрехулетъ въ это время спряталъ лошадей.

Какъ раньше кресьянамъ выдавали учаски трактовóй дороги починять и лѣсъ убрáть. Баринъ ѣдутъ на тройкѣ, а стрехулетъ выворотилъ свой халатъ на лѣву сторону; нагнувшаяся толстая берёза на трахтъ и чуть не пáдатъ: она такъ и выросла; стрехулетъ упёръ плечóмъ [эту] берёзу. Покраснѣло ево лицо: сильно доржитъ берёзу плечомъ.

Баринъ разъ какъ подъѣжжатъ: „Кучеръ, стой!“—Кучеръ остановился. — „Стрехулетъ!“ — „Што?“ — „Не видалъ ли ты *этта* на пàрѣ лошадяхъ верхóвыхъ?“—„Видѣлъ, баринъ“.— „Куда онѣ уѣхали?“ — „Онѣ уѣдутъ по окольнымъ дорожкамъ“.— „А што, мы ихъ найдёмъ?“—„Нѣтъ, не найти!“ — „А ты бы съ нами сялъ“.—„Я бы, баринъ, съ вами и сялъ, дакъ у меня берёза пáдатъ; а участок’отъ [дороги] мой! А вотъ гляди-глядú исправникъ погòнитъ: то-то онъ мнѣ въ ж... плетей и накатàтъ за ето!“—„А кучеръ удòржитъ, а ты со мной!“ — „Нѣтъ, не удоржать, баринъ! доржúте оба!“

Баринъ вылѣзатъ изъ повозки, подпиратъ правымъ плечомъ берёзу въ толстую кору; она и дѣйствительно ему рѣжетъ плечо (барину).—„Кучеръ, доржú крѣпче!“—„Баринъ, я упёръ изо всёй силы!“—Стрехулетъ на тройкѣ маршъ.

4. Обогналъ другой дорогой, подъѣжжятъ къ барьскому двору. Поставилъ лошадей къ сàду, а самъ въ садъ. А у барина была свинья съ поросятами; стрехулетъ пóлзатъ на колѣнкахъ за свиньёй. Бароня кричитъ своево лакея: „Лакей, пойди въ садъ! што какой-то стрехулетъ ползатъ за свиньёй на колѣнкахъ?“ — Лакей спрашиватъ стрехулéта: „што ты пóлзашь за етой свиньёй?“ —„А вишь, братъ, свинка пéстра моёму сыну хрёсна; я её зову на свадьбу“.—„Я долóжу баронѣ; какъ позволитъ“.

Долóжилъ бàронѣ. Бароня говоритъ: „пушай повезётъ съ поросятками вмѣстѣ; онѣ на свадьбѣ погуляютъ!“—Ссадили поросятъ и свинью въ повóзку; стрехулетъ ихъ увёзъ въ Мóскву.

5. Баринъ ждалъ, доржа́лъ берёзу, и дождаться онъ не могъ.—„Опускай, кучеръ! пущай па́датъ! чортъ её бей!“— Отпустили берёзу, а берёза и не падатъ. — „Должно быть, крѣпко остановилась. Толкай её на до́рогу! досадимъ жо мы здѣсь народу!“ — Кучеръ толкать, — берёзы и топоромъ не скоро срубишь.

„Пойдёмъ, кучеръ, въ деревню, наймёмъ тамъ лошадей!“— „Наняли лошадей, поѣхали домой. Пріѣжжяютъ онѣ домой; выбѣга́тъ бароня настрѣчу. — „Почему вы на почтовыхъ?“— И отда́ли тройку стрехулету.

„Шипко *ись* я захотѣлъ. Зажарь живо поросёнка!“ —„Да вѣдь ихъ нѣтъ“. — „А гдѣ жо онѣ?“ — „Какой-то пріѣхалъ стрехулетъ и кланялся за свиньёй. Мы спросили: „што такоё?“ — „Ваша свинка пёстра моёму сыну хрёсна, я её зову на свадьбу“. — Я её и уволила со всѣмъ и съ поросятами.

---

32. „Дядя съ племянникомъ“.

1. Жили были два брата; одинъ братъ былъ богатой, а другой бѣдной. У бѣднаго брата было три сына. Дядя богатой занимался воровствомъ.

Дядя богатой звалъ у бѣднаго *большака*-сына съ собой воровать. Племянникъ съ дядей пошли. Идутъ лѣсомъ. Племянникъ увидалъ берёзу, изъ которой можно вырубить *россо́ху*, и говоритъ дядѣ: „вотъ берёза на россо́ху годитца!“— Дядя ему и говоритъ; „какой ты воръ?! ты добро смышляешь! не нуженъ ты мнѣ! пойди домой; я возьму племянника середнева“.

Съ середнимъ идутъ лѣсомъ. Племянникъ видитъ: „на вершинѣ берёзы вилы. — „Ахъ, дядя, вилы хороши́!“—„Дуракъ, не надо мнѣ и тебя!.. Возьму я племянника малова“.

2. Малой племянникъ, какъ былъ молодъ, но былъ на эти штуки сметливъ. У племянника былъ въ карманѣ *складешо́къ*. Дядя начинатъ ползкомъ ползти по болоту; а у дяди сапоги были съ подмётками, подмётки были пришиты дратвой (не прибиты гвоздями). Дядя племяннику и говоритъ: „смотри, племянникъ: я буду вытаскивать я́йцы изъ-подъ утки!“ — Дядя начинаетъ вытаскивать изъ-подъ утки яицы,—

и дѣйствительно, утка не слышитъ. А племянникъ у дяди— въ то время, когда тотъ вытаскивалъ изъ-подъ утки яицы, онъ ему отрѣзалъ подметки.

Стали оба и пошли. Дядя и говоритъ племяннику: „племянникъ, у меня, вѣдь нѝги промокаютъ".—„Отчего дядя?"— „Не могу знать".—„А ты, дядя, погледи-ко: у тебя есть ли подметки подъ сапогами?" —Дядя поглядѣлъ, и дѣйствительно: нѣтъ. Дядя сказалъ, что „ты, племянникъ, молодецъ! я выташшылъ изъ-подъ утки яицы — утка не слыхала, а ты отрѣзалъ у меня подмётки въ то время—я не слыхалъ".

3. „Теперь, дядя, куды пойдёмъ?" — „*Знамо*, домой!"— „Нѣтъ, дядя, пойдёмъ на большу дорогу!"—Какъ разъ выходятъ на большу дорогу. День былъ жаркой. Мужикъ ведетъ по дорогѣ козла; армякъ [у него] на плечѣ.

Племянникъ дядѣ и говоритъ: „Дядя, давай украдёмъ этого козла!"—„Глупой! да какъ ево украсть?" — „Странно дѣло: какъ украсть, дядя! Сымай сапогъ съ себя, дядя!"— „Дядя сыматъ сапогъ съ себя; племянникъ берётъ сапогъ и бо́ромъ обѣга́тъ мужика (опередить чтобы его). Бросилъ сапогъ на дорогу, самъ спрятался въ лѣсокъ. Мужикъ съ козломъ доходитъ до этого сапога: „Ахъ, одинъ сапогъ! кабы два, я бы носить ихъ сталъ!" — Мужикъ поворчалъ, сапогъ бросилъ на дорогу и пошолъ опять впередъ.

Мужикъ по дорогѣ *пода̀лся* нѣсколько саженéй. Лѣсъ былъ тёмный; племянникъ взялъ этотъ сапогъ и оббѣжалъ опять мужика, бросилъ на дорогу. Мужикъ съ козломъ доходитъ до этого сапога. — „Ба! вотъ вѣдь друг'отъ сапогъ гдѣ! Пастой! я козла привяжу и азямъ положу; заворочусь за этимъ сапогомъ назадь!"

Мужикъ козла привязалъ, воротился; сапога тамъ нѣтъ.— „Какъ такъ? Развѣ я не дошелъ до нево?"—А племянникъ въ это время отвеза́лъ козла, взялъ азямъ и бѣжать въ лѣсъ. Приходитъ къ дядѣ въ лѣсъ.—„Вотъ тебѣ, дядя, козелъ и армякъ!"—„Молодецъ, племянникъ! лучше моёво умѣешь воровать!"

4. „Теперь куда мы пойдёмъ?"—„На бала́ганъ".—Приходятъ на балаганъ; начинаютъ колоть козла̀. Закололи козла, вымыли мясо, склали въ котелъ варить.—„Ну, племянникъ, теперь ты иди кожу мой!" — А племянникъ говоритъ дядѣ:

„я воровалъ козла, а тебѣ мыть кожу". — Дядя говоритъ: „я тебя, вѣдь, постарше!" — „Дакъ што изъ этово?" .... „Ну, тогда, дядя, пойду я кожу мыть,—говоритъ племянникъ:— а тебѣ мяса не ѣдать!"

Племянникъ пришолъ на рѣчку. Уже было темно́. Вымылъ кожу, развѣшалъ ее на ги́бкую черёмуху, давай ударять по кожѣ палкой! По лѣсу раздаётся гулъ. Племянникъ дикимъ голосомъ заревѣлъ: „Ой, батюшки! не я вѣдь одинъ былъ!"—„А съ кѣмъ?"—„Съ дядей!"—Дядя захватилъ по́лы и бѣжать домой.

Племянникъ приходитъ къ котлу, начинатъ ѣсь мясо; а дядя приходи́тъ домой тошшо́й. Племянникъ мясо кладётъ въ мѣшо́къ и кожу, ташшы́тъ домой. А уже дядя пришолъ къ брату, спрашиватъ: „ну, сынъ пришолъ? — „Нѣту". — „Ну, ево, бѣдняка, и шипко избили!"—Племянникъ *пыхъ* въ то время съ мясомъ и съ ко́жой; а дядя тутъ сидитъ (съ которымъ онъ воровалъ).—„Што, племянникъ, шипко били?"— „Да какъ бы не били, а мясо и кожа есь!"

---

33. „Солдатъ учитъ чертей".

1. Въ одно прекрасное время солдатъ шолъ на родину. Идётъ день, идётъ и два; остаётца ему до до́му вёрстъ полтора́ста. Онъ дохо́дитъ до одной деревни; хотѣлъ останови́цца ночевать. Попада̀тъ ему на стрѣчу старушка; онъ иё спрашиватъ: „А што, баушка, далёко ли ишо́ станція будетъ?" — 35 вёрстъ. — Солдатъ подумалъ, поглядѣлъ на со́нцо.—„Ахъ, уже время по́здно!.. А сколько время, баушка, по тво́ему, ду́машь?"—5 часовъ вечера.—Солдатъ подумалъ: „въ 9 часовъ заката̀цца сонце; а пойду́ на станцію! хоть тёмно, да дойду́!"

Солдатъ шолъ, шолъ и сильно утоми́лся, отъ усталости своéй. У салдата сухари были съ собой, въ су́мкѣ, сахаро́къ и чаёкъ, и чайникъ у ранца. Солдатъ сталъ подумывать: „начевать въ лѣсу?" — Подумалъ-подумалъ; — „нѣтъ, хоть тихонько да пойду! не попадётъ ли удобное мѣсто для начёвки?"—А верстовы́хъ столбо́въ не́ было; узнать нельзя было, сколько вёрсъ до станціи.

Къ этому несчасью пошолъ большой дошъ. Солдатъ говоритъ: „ахъ, ѣдятъ тя мухи съ комарàми! плохо будетъ, весь перемóкну!“—И какъ разъ видитъ на трактý большой домъ. Домъ двухъэтажной. Солдатъ подумалъ: „што такое? Хорошъ домъ, да стёкла што-то всѣ прилóманы!“—Поглядѣлъ на крышу: ишо трубы есь. — „А всё равнó зайду въ евó: мочить не будетъ меня!“

2. Заходитъ въ домъ. Дѣйствительно, што [домъ] былъ жилой, а сейчасъ нехтó не живётъ. Солдатъ изобрàлъ себѣ удобную кóмнату, въ которой были óкна излóманы; изъ другихъ кóмнатъ заперъ дверь. Сильная была *погода*, не попýтная въ ту кóмнату въ óкна. Пошолъ на двòръ, набрàлъ дровъ и затопилъ *фартамáрку* (желѣзную круглую печь); нагрѣлъ свой чайникъ. А уже врéме къ двѣнадцатимъ часамъ. Въ печкѣ сильно раскалѝлись дрова.

Солдатъ лёгъ спиной къ огню—нагрѣть бы ему пушшэ поясницу. И вдругъ слышитъ *пóтопъ* въ комнатѣ въ другой. Солдатъ соскочилъ нá ноги, успѣлъ отворить дверь. Онъ тѣмъ же мѝгомъ видитъ, што мноһо чертей прибѣжало; онѣ напирáютъ забѣгáть и въ ево комнату. Солдатъ на косякáхъ окошка дѣлаетъ кресты́ ýглемъ: што дѣйствительно черти крестовъ боятца. Черти не смотря̀тъ на солдата — забѣгáютъ къ ему въ комнату. Онъ ихъ запустѝлъ многo. Сдѣлалъ и себѣ на лбу крестъ углемъ. Онѣ хотѣли бы ево поймать, а на ёмъ кресъ. Онъ въ это времё сдѣлалъ кресты́ и на той дверѣ, куды онѣ и вошли. Онъ зàперъ ихъ на двéрь: не говоря, што худые окошки, некуда не уйдутъ. Заходитъ въ большóе зáло и дѣлаетъ тамъ кресты, штобы выйти имъ нельзя было.

Коһда солдатъ ходилъ по дровá, и видѣлъ тамъ—лежатъ двѣ *берестины*. Солдатъ пошолъ, принёсъ этѣ двѣ берестѝны, принёсъ большую пáлку — съ сажèнь долины́, въ вершокъ толшины, въ видѣ сàнной оглóбли — и надѣлалъ на палкѣ углемъ кресты. Заходитъ въ кóмнату къ чертя̀мъ, грозѝтъ ихъ большой палкой, на которой кресты.

Говоритъ чертя̀мъ солдатъ: „становись во фрунтъ!“—Черти было другъ за дружку прятацца, а вы́скочить нельзя—вездѣ кресты. Невольно начинаютъ становѝцца въ *ширинку*, какъ будто невольники, Начинàтъ на берестѣ писать ихъ, переписáлъ всѣхъ чертеня̀тъ; говоритъ имъ сол-

датъ: „рỳки по швàмъ!“ (Показыватъ имъ манéръ). „Другъ на дружку не глядѣть, не зглядывацца! Коҍда скажу: смирно!—глядѣть прямо!“—Черти такъ и сдѣлали. Онъ сдѣлалъ имъ перекличку на своёмъ берестѣ: Пердуновъ, Дристуновъ, Загибàловъ, Завивáловъ!..

Въ это время какъ разъ былъ шумъ на улицѣ: пришолъ самъ сатанà, хотѣлъ ихъ выручить *съ-одновà*. Ну не тутъ-то было! Солдатъ сдѣлалъ крѣпкó: на окошкахъ наставилъ кресты, навѣшалъ на шею чертенятамъ чигунные песты́. Солдатъ давай ихъ учить, сначала шàгомъ гонять: налѣво и направо повороты, бѣгóмъ и шáгомъ маршъ, кругомъ, опять бѣгомъ. До тово ихъ домýчилъ, — чертенята стали солдата просить милости: „отпусти насъ, солдатъ, пожалуйста, изъ этой неволи!“ — Солдатъ имъ говоритъ: „нѣтъ не пусчý! теперь навѣчно я васъ взялъ въ солдаты!“—Чертенята говорятъ: „вотъ тебѣ, солдатъ, мѣшокъ золота дадимъ—только опусти!“—Солдатъ на ето не соглашáтца, а болѣе учить старàцца.

3. Вдрукъ, уже разсвѣтáло...—А этова дóму баринъ кàжной день посылаетъ смотрѣть стóрожа своёва свой домъ. Солдатъ затопи́лъ печку и поставилъ свой чайникъ грѣть. А чертеня́ты сидятъ въ углу.—Вдрукъ подъѣзжàтъ кучеръ, глядитъ кверху на крышу: изъ трубы́ идётъ дымъ. Кучеръ говоритъ: „штó такое? домъ у насъ былъ нежилóй, а печь тóпицца?“ — Солдатъ въ это времё выходитъ на балхóнъ; кучеръ увидалъ солдата.—„Ты хто такой, служивой?“—„Я солдатъ“.—„Ты какъ туды въ домъ попалъ?“ — „Отъ большòва вче(ё)рашнова дожжá“—„Вчёрáшнова дожжá? Тутъ и начевалъ?“ — „Да, здѣсь начевалъ въ комнатѣ“. — „Какъ тебя черти не задави́ли?“—„А такъ и не задавили, што они не смѣлы были! Вы зайди́те сюда въ домъ, посмотри́те: чертенята всѣ сидятъ въ углу, глядятъ другъ на дрýжку, какъ на представителя А(о)ндрю́шку!“

Кýчеръ говоритъ: „нѣтъ, братъ солдатъ, я не пойдý. Ты не предстàвился ли, чортъ, солдатомъ?“—„Глупой человѣкъ, да развѣ чортъ крестъ нóситъ на шéѣ?“—Показалъ солдатъ на грудѣ крестъ. Кучеръ удивился.—„Я смотрѣть самъ не пойдý, а лучше барина пошлю́. Ты, солдатъ, дождись ево здѣсь! Баринъ наградитъ тебя *какъ есь*!“

Пріѣзжаетъ кучеръ домой, докладыватъ своёму барину:

„Баринъ, што́ у насъ случи́лось!“—„Што́, кучеръ?“—„На да̀чѣ въ дому́ живе̇тъ солдатъ и учитъ чертей!“—„Какъ такъ?.. Да не предста̀вился это чортъ солдатомъ?“—„На грудѣ у ево, вѣдь, креστъ, и на балхо́нъ онъ самъ залѣзъ!“—„Запряга̀й тройку ло(а)шадей!“—Баринъ садитца въ карету, бере̇тъ съ собой людей, штобы въ видѣ поня́тыхъ.

Пріѣзжаютъ онѣ къ дому. Солдатъ выходитъ за воро́та.—„Здраствуй, баринъ-господи́нъ! А я здѣсь съ чертя́тами совершенно одинъ!“—„Какъ же вы сюды попали?“—„А я иду на ро́дину домой. Шолъ, сильно усталъ, и къ етому несчасью пошолъ большой дошъ. Захожу́ я въ етотъ домъ, вижу: въ комнатахъ вездѣ пу́сто, а домъ былъ жило́й. Я сильно перемо́къ отъ большо́ва дожжа̀; поглядѣлъ: тутъ пе́чи, можно и топи́ть, чё угодно можно и сварить. Положи́лъ я свой ранецъ на кра́шены пола́, пошолъ на дво́ръ, набра́лъ дровъ, затопи́лъ печку, ро(а)зогрѣлъ себѣ чайникъ—съ сухарями чай пить. А было вре́мё уже по́здно, близъ къ 12-тимъ часа́мъ. Повороти́лъ свою спи́ну къ огоньку, штобъ нагрѣлася она. Вдругъ вижу къ свѣту печно́ва огонька: захо́дятъ чертеня́та; въ комнату вошли, я схватилъ уголе̇къ, давай дѣлать кресты на окошкахъ, на дверяхъ. Вотъ теперь онѣ у меня и не выхо̀дятъ!“

А баринъ говоритъ: „а γдѣ они сидятъ?“—„Пойде̇мте въ комнату̀ мою!“—Баринъ подходитъ ко дверѣ и поймался за со(а)лда́тово плечо́. — „А што, солдатъ, онѣ меня съѣдятъ?“—„Пошто́ я тебя, баринъ, дамъ?“—Баринъ увидалъ чертеня́тъ: очень страшны и рога̀ты, и ма́линьки, пуза̀ты. Небольшой тутъ черте̇нокъ, онъ выходитъ во фра́кѣ и глядитъ на со(а)лдата: „Опусти́ насъ, служи́вой! Вотъ тебѣ зо́лота мѣшокъ!“—Слышитъ про ето баринъ. „Я хоть не мѣшокъ дамъ, ну тысче̇шки-то двѣ, со(а)лдатъ, подарю тебѣ; только выведи изъ до́му, штобы нѐ было никоγда ихъ!“—Солдатъ барину говоритъ: „сейчасъ мы сдѣламъ имъ уче̇нье̇, вѣчно имъ муче́нье̇!.. А вы, баринъ, приготовьте ужинъ для меня“.

Баринъ скоро лакею приказалъ. Лакей сялъ на́ лошадь, погна̀лъ — привезти всякова припа́су. Вре́мя уже по́здо. Солдату приготовили обѣдъ. Солцатъ барину говоритъ: „я поѣмъ мале́нько пирожки́, да сдѣлаю имъ уче̇нье. А, ба-

ринъ, бáльна мýзыка у васъ есь?“—„Есь“.—„Привезти́ иё сюда. Коhда кончу я имъ ученье, церемоніальнымъ маршемъ ихъ прогоню́“.

Солдатъ съ большой палкой и закричалъ на чертеня́тъ: „Станови́сь во фрунтъ!“—Чертеняты съ голодýхи. Хлопъ солдатъ ихъ по уху: „Што ты не стаёшь? исполнять службу не хошь?“—Чертенята умоляютъ салдáта своевó: „опусти́, солдатъ, домой!“—„’дѣ у васъ, черти, домъ?“—„Да хоть на вóлю насъ пусти!“—Баринъ сидитъ у двери́, глядитъ въ шшелку небольшую—штобы чертёнокъ не пролѣзъ. Солдатъ ко(а)мандуетъ: „шагомъ маршъ!“ Онъ ихъ долго тутъ училъ; бьётъ ихъ пàлкой по затылку: „Вы ро(а)вня́йтесь хорошéнько!“ Приказалъ солдатъ играть музыкѣ; бáльна музыка игратъ, а чертеняты шагомъ маршъ. Не похвалилъ ихъ за éто солдатъ: шли ширинкой не вѣрнó.

4. Баринъ говоритъ: „опусти ты ихъ на вóлю!“—Солдатъ приташшы́лъ *берести́ну*: „Распишитесь своей рукой, штобы николдá не ходить въ етотъ домъ!“—Онѣ такъ и сдѣлали. Солдатъ ýбралъ на окошкѣ кресты́. Чертенята побросáлись изъ вéрхнева этажà. Хто изломалъ нòгу, хто и руку—только вы́рвацца бы *оттáль*.

Баринъ въ этомъ домѣ сдѣлали пирушку, посѣтили и ету избушку. И я тутъ былъ да мёдъ пилъ: по усàмъ бѣжáло, въ ротъ не попáло.

---

34. „Колдунъ и солдатъ“.

1. Въ старые времена солдатъ шолъ по белéту домой. Приходитъ въ большое одно селенье, а дѣло было къ нóчѣ. Проситца ночевать, ево нихто не пушшáтъ. Подходитъ къ одному боɣатому дому, въ которомъ пируютъ—дѣло сватьбы.—„Пустите ночевать!“—Старикъ было и отказалъ ему: „У насъ, батюшко-солдатъ, сватьба!“—„Дакъ што изъ етова? Я и на полáти ляɣу“.—А старуха старику говоритъ: „Не нашъ ли сынъ пришолъ? (У нихъ солдатъ жо былъ). Пустите ево!“

Солдатъ заходитъ въ ызбу, поздоровался съ канпаніей сватьбы. А въ переднемъ углу сидитъ стáрой старикъ. Это

было по старинѣ ишо: безъ этова старика никакая сватьба не игралась, какъ онъ подъ названіемъ былъ: колдунъ.

2. Солдатъ роздѣлся и сялъ на скамеечку подъ порогомъ. Хозяинъ дома захотѣлъ угостить солдата, налеватъ стаканъ водки и подаетъ ему. Солдатъ проздравилъ молодыхъ и выпилъ стаканъ водки. А колдунъ поглядѣлъ на солдата свирѣпо. Солдату подали немножко *поись* горячихъ *штей*. Солдатъ вынимаетъ табакерку изъ карману и понюхалъ, штобы расходилось попушше въ головѣ. Солдату другой стаканъ вина подносятъ; онъ подходитъ къ столамъ: „За здравіе васъ, господа, пью!“—А колдуну не поглянулось это слово.

А столы были — съ пирогами, съ кушаньями — накрыты скатертями. Солдатъ безъ спросу выпилъ стаканъ тоhда; открылъ скатёрку, взялъ кусочикъ холоднево мяса. Колдунъ ему и говоритъ: „зачѣмъ, солдатъ, берёшь безъ спросу моёва?“ -- „А ты хозяинъ што-ли?“ солдатъ говоритъ. — „Нѣтъ, не хозяинъ“.—„Я тебя и не признаю, братъ!“

Колдунъ на это осердился, кричитъ: „дайте-ко мнѣ кружку съ пивомъ!“—А у солдата въ головѣ расходилось зелёное вино. Колдунъ берётъ въ руки кружку и начинатъ въ неё шоптать.—„Дайте мнѣ лучинку!“—Подаютъ ему лучинку, креститъ пиво кресь-на-кресь. — „Ну, солдатъ, пей отъ меня угошшеньё!“—Солдатъ выпилъ это пиво, самъ въ присядку пля(е)сать пошолъ. А всё пошли переговоры за большимъ столамъ: „вотъ солдатъ пойдётъ на дворѣ говяшки грысь мёрзлы!“

3. Солдатъ скричалъ: „дайте, дайте пива мнѣ!“—Налеваютъ кружку пива, поднесли иё солдату. Солдатъ передъ канпаніей говоритъ: „а я шептать не стану и ворожить-крестить не умѣю“.—Въ большой ихной толпѣ отвернулся солдатъ подъ порогъ и кружку пива поволокъ; незамѣтно изъ табакерки табакъ высыпалъ въ пиво. Берётъ со стола вилку и помѣшалъ въ кружкѣ пиво. Пиво пѣной заходило отъ нюхальнова табаку. — „Ну, старикъ, давай пей! Я отъ тебя выпилъ—и ты отъ меня пей!“ – Старикъ выпилъ полкружки пива, всёй канпаніи было диво: у старика сдѣлалось въ глазахъ зелено. Солдатъ говоритъ: „не пей по рюмкѣ вино, а помѣшай да выпей остатки пива!“ — Старикъ пьётъ остатки, а на днѣ въ кружкѣ не сладко.

Черезъ пóлчаса тутъ время повалился старикъ на стѣну. Удивилась вся конпáнья: „вотъ сошлись, братъ, два колдунà! Солдатъ вѣрно больше знатъ!“—Поташшыли старика; выташшывъ на дворъ — и старикъ тутъ безъ ума: онъ напился и вина. Старикъ валя́тца на дворѣ́: „дайте пóмочью вы мнѣ: серцо у меня давитъ“. *).

35. „Новая изба и черемисинъ“.

1. По черемисскому повѣрью, въ избѣ жить нельзя безъ священья и́хнова попа. Задумалъ черемисинъ освяти́ть свою избу новую — произвести черемисской обрядъ. А въ етой деревнѣ стоя́ло двѣ роты солдатъ. Черемисинъ по своéму обряду приводитъ своёва свяшшéнника къ избѣ. Свяшшеникъ ему говоритъ, што „надо заколотить окошки нà-глухо, штобы было въ ней темнò, наслать въ избѣ соломы (за неимѣньемъ половикóвъ); а зáвтрѣ вечеромъ стемня́тца—произведёмъ этотъ обрядъ!“

2. А въ это врèмё востроумой солдатъ стоялъ ту́та съ *имя́*. — „Погоди, я надъ *имя* подшучу штуку!“—Коhда онѣ приготовляютца къ вéчеру, солдатъ въ свободнёе время своё зашолъ въ ету въ и́збу. А была у печи́ на *середѣ* западня, *подполъ* былъ глубокой, такъ што съ сажéнь. Солдатъ вы́нялъ западню́, бросилъ на полати ие́, полóжилъ кресь-нà-кресь палочки, гдѣ западня была, закрылъ соломой и самъ ушолъ. У солдата квартéра была рядомъ съ этой избóй.

3. Идётъ большая толпа черемисъ и ихной попъ. Попъ говоритъ хозяину: „я буду ходить въ избѣ, запру дверь нà-глухо; а ты на улиц(с)ѣ, хозяинъ, и подходи къ каждому у́глу, спрашивай у́глу: „хто тамъ ходитъ?“—А я буду тебѣ отвѣчать: „пророкъ ходитъ хлёбомъ-сóлёмъ!“ Потомъ къ другому у́глу: „хтó тамъ ходитъ?“... Къ третьему углу“...

Коhда пошолъ онъ къ четвёртому [углу], хозяинъ съ улицы спрашиватъ: „хто тамъ ходитъ?“ — А въ то время

*) Продолженіе и конецъ разсказа не привожу: тутъ несвязно изложены бытовыя подробности о колдунахъ на свадьбѣ; солдата потомъ приглашали въ качествѣ колдуна. *(Д. З.)*.

попъ упалъ въ западню, въ подполъ улетѣлъ. Хозяинъ спрашиватъ съ улицы: „хто тамъ ходитъ?“—Попъ сказалъ: „чортъ ходитъ!“—Онъ осердился, упалъ дакъ; выходитъ на улицу, огнѣвался попъ на ето.

4. Черемиса признавали раньше, будто бы шайтанъ ходитъ. А солдатъ про ето зналъ, што онѣ будутъ шайтана гонять палками. Собралось черемисъ очень многo, берутъ большіе палки и въ конюшняхъ и въ амбарахъ бьютъ по стѣнамъ—ишшутъ шайтана. Вѣники были приготовлены, и всѣ ихъ охлестали.

Солдатъ въ ето время у одново черемисина укралъ кожу козлиную: она была снята и съ бородой совсѣмъ и съ рогами. Онъ напялилъ кожу на себя, налилъ небольшую бутылочку карасину и [взялъ] спички въ карманъ. Отбѣжалъ отъ деревни недалёко, попрыгиватъ. Черемиса увидали: „Вонъ шайтанъ! шайтанъ!“ Толпой бѣжать за имъ. Многo ихъ; окруживаютъ солдата. Солдатъ въ ето время—не видно ево рыло подъ кожой козлиной — набралъ въ ротъ карасину, вытасшилъ изъ коробки три спички (штобы ярче горѣли), брызнулъ карасинъ на этѣ спички; карасинъ на воздухѣ сдѣлался пламёмъ. Онѣ етова шипко испугались — и бѣжать назать.

5. Солдатъ скрылся въ мелкую росчу, снялъ всё съ себя, отправился въ квартеру. Заходитъ вечеркомъ въ толпу черемисъ; толпа черемисъ разговариваютъ: „какъ бы выжить етова шайтана?“ — Солдатъ имъ говоритъ: „какой ето шайтанъ? ето малинькой! есь шайтаны больше етова“.

А солдатъ былъ... На ихной родинѣ были верблюда.— „Погоди, братъ!—думатъ солдатъ: — я ролю сыграю надъ вамъ!“... „А сколько вы мнѣ дадите — выжить шайтана етова?“ — „50 рублей дадимъ“.—„А ежли весной большой къ вамъ придётъ, за тово сколько?“—„А мы большова ешо и не видали, цѣны не знамъ, сколько стоитъ“. — „А вотъ погодите: весна будетъ, такъ изъ Самарской губерніи придётъ“.

6. Черемиса такъ зиму и живутъ — не видятъ ево, не большова и не малинькова. Солдатъ написалъ домой письмо: „штобы не стало, вышлите мнѣ верблюжью шкуру: снять ие, штобы была голова и уши, и хвосъ, и ноги, и лапы, и всё штобы было тутъ“. — Солдату дѣйствительно и выслали

верблюжью шкуру; она ему стоила не дёшево — рублей 30 съ пересылкой.

Солдату шкуру прислáли. Онъ сталъ придýмывать... Сдѣлалась уже весна, тепло́. Подговорилъ себѣ товарисча: „давай, братъ, деньги станетъ наживать!“ — „Да когда?“ — „Въ слобóдне время“. — Пошли, взяли съ собой шкуру, набили иё туго соломой — въ ноги и въ гóлову, вездѣ; — какъ есь верблюдъ (А черемиса съ рóду не видали ихъ). И утасшы́ли ево на то мѣсто, гдѣ у черемúсовъ бываетъ празнúкъ, въ рòсчу на лугахъ; заклáли ево тамъ чашшòй, положúли, штобы не мохъ нехто́ найти.

Коħда приходитъ ето время, черемисской празникъ, — а салдаты на éтѣ дни отпросились у командéра на вольную работу; солдтты приходятъ въ росчу, берутъ етово верблюдà, пристрòили ево нá ноги на лугу, поставили къ ры́лу долгую жердь, на жердѣ вверху сдѣлали кольцо, куды́ продёрнуть шнуръ. Одинъ конецъ шнýра привязалъ къ верблюдý за нóздрю и продёрнули на верхý въ кольцо, наклàли хвои́ тутъ и *чашшы́* сырóй, штобы не видать было ихъ черемисамъ.

7. Черемúса, большáя масса, съ мясомъ ѣдутъ на луга. Въ ето время одинъ солдатикъ по рóсчѣ пробѣжалъ къ нимъ, а другой остался тамъ въ ямкѣ подъ хвоéй. Которой убѣжалъ въ росчу, онъ сказалъ таварисчу: „я остановлю черемисъ, а ты за верёвочку дéрьгай, штобы у верблюдà голова была внизъ и вверхъ — ходила на шнуркѣ“. — Солдатикъ выбѣгáтъ изъ росчи, кричитъ черемисамъ: „стойте, ребята, не ѣздите!“ — „А што́ не ѣздить?“ — „У насъ трёхъ солдатъ съѣлъ! Одинъ [солдатъ] тутъ ишо остался; не знаю — живъ, нѣтъ. Вотъ я вамъ раньше сказывалъ, што большой шайтанъ придётъ!“

Онѣ дѣйствительно съ роду не видали ихъ [верблюдовъ], и такъ всѣ и подумали, што и дѣйствительно большой шайтанъ пришолъ. — „Такъ какъ жо, солдатъ, это дѣло-то будетъ у насъ?“ — „Это господа, не 50 рублей стóитъ, а 300 рублей. Онъ какъ съ голодýхи-то заберётца въ деревню къ намъ, — а мы съ рýжьями, да и маршъ въ другую деревню; а вы тутъ и оставайтесь: онъ васъ всѣхъ и переѣстъ!“

Живо черемиса боħатые вынимаютъ деньги: „нá, братъ

солдатъ, дѐньги, только уведи́ ево!“ — Солдатъ говоритъ: „куды я ево поведу? ужъ ежли въ такомъ случа́ѣ зарубить ево?“ — Одинъ бойкой черемиси́нъ: „позвольте вамъ сказать: у меня съ собой винтовка, и заря́жена пулей — я ево застрѣ́лю“. — Солдатъ говоритъ: „давай, стрѣляй! деньги назать возьми!“ — Разъ стрѣ́лилъ и два. А салдатъ въ ямѣ подерьгиватъ шнуркомъ, — верблюдъ головой внизъ и вверхъ. А которой солдатъ стоитъ съ черемисами, говоритъ, што „сейчасъ прибѣжитъ сюда!“ — „Разѣ, солдатъ, ево пуля не берётъ?“ — „Чудные вы! да ’дѣ-жо шайта̀на пуля возьмётъ?!“

8. Черемиса вы́дали ему всѣ деньги и говорятъ всѣ: „отнеси эту *загогулину* на Самарску губернію!“ — Солдатъ говоритъ: „што́ вамъ — увести ево въ лѣсъ или употребить ево на мѣстѣ?“ — Черемиса говорятъ: „если *смо́жосся*, заруби и сожги!“

Солдатъ бѣжитъ къ таварисчу своёму, которой сидѣлъ тамъ въ ямѣ: „вали ево, тава́ришшъ, на́ бокъ!“ — Тваришшъ свали́лъ ево на́ бокъ; будто бьютъ ево топоромъ. А черемиса на ево глядятъ. Солдаты свалили верблюда̀, бѣгаютъ бѣго́мъ, кладутъ дровъ подъ нево, начинаютъ жечь. Кожа начала горѣть пылко, съ соломой наби́тая.

Солдатъ замахалъ сюда, што „поѣзжайте сюда!“ — Черемиса подъѣзжаютъ. Одна осталась зола да пепелъ. Берутъ черемиса эту пыль, всю розбрасываютъ по сторонамъ. Пошло́ у нихъ тутъ гуля́ньё. Черемиса салдатъ наградили сверхъ о́нова.

9. *Вразъ* тутъ у нихъ одинъ заболѣлъ (у черемисъ). Солдатъ спрашиватъ: „што́ ето съ нимъ случилось?“ — „А года три назать была чума у насъ, и вотъ болѣло у ихъ семейство; навѣрно ета боль“. — Солдатъ говоритъ: „вѣдь это нужно прекратить болѣзнь!“ — „А хто мо́жотъ прекратить? До́хтуръ?“ — „Да што̀ намъ дохтуръ? Мы сами дохтура́!“

У черемисина начинаетъ ноги притягать къ ж... А у ево сдѣлалась су́дорога отъ простуды. — „Ташшы́те скоря́е возжи!“ — солдатъ кричитъ: — „Привязывай за́ ноги! задѣвай ему за шѐю!“ — Черемиса говорятъ: „што̀ ты, солдатъ, дѣлашь?“ — „Што дѣлаю? черемисина лѣчу́! У насъ на службѣ навсеђда́ такъ лѣчатъ. Чума̀ утя́нетъ нѳги къ ж..., а всякая болѣзнь дѣлаетца наоборо́тъ; вы пойми́те, хорошо́ вѣдь зна́ите: ѐжли у человѣка сдѣлатца воспалѐнье, то ему дѣ-

лаютъ холодной компре́съ... А мы теперь ста̀нёмъ тянуть но́ги у нево сюда, наоборотъ". — Солдатъ но́ги тянуть, тянуть, и вы́правилъ у черемисина прямо. А оно́ и дѣйствительно: су́дорога была, оно и са̀мо отошло́.

„А сколько, солдатъ, за труды?" — „Да рублика три бу́дётъ. А ежли пяти́тку дади́те, дакъ я васъ поучу́ коё-чево!" — „Давайте съ но́су соберёмте пять рублей!" — Собра̀ли пять рублей, бросили солдату. Онъ имъ говоритъ, што „е́жли у васъ человѣкъ захвора̀тъ, то вы ему подавайте черезъ часъ по ложкѣ, а передъ смертiю двѣ! Передъ смертью, — говоритъ: — и дохтуръ не почёмъ!"

---

36. [Николай Чудотворецъ порукой].

1. На я́ркомъ яру́, на крутомъ берегу́ жилъ-былъ скупой богатый мужикъ. Онъ никому не давалъ не копейки заимообразно.

Одинъ крестьянъ оставался совсѣмъ голодомъ. И говоритъ своей женѣ: „я, жена, пойду къ этому богачу́ просить де́нёгъ". — „Глупой мужикъ, вѣдь онъ некому́ не даётъ, не подъ рабо́ту даже!" — Приходитъ бѣднякъ къ богачу просить денегъ. — „Антипъ, батюшка! Не дай мнѣ умереть съ голоду! дай мнѣ денегъ". — „Нѣтъ, братъ, я никому не даю, никогда́". — „А ежли я тебѣ приведу пору́ку, дашь?" — „Да, поруку?" —„Поруку!" — „А ково ты приведёшь?" — „Николай Чудотворецъ есь у васъ на *божни́цѣ*, — онъ мой порука". — „Нѣтъ, братъ, ты ужъ приходи вечеромъ: я подумаю сначала!" — „Хорошо".

2. Мужикъ отправился. Приходитъ домой, разсказываетъ своéй женѣ, што „Антипъ мнѣ пода̀лся немного: велѣлъ притти ве́черомъ". — „А што же, мужикъ? ты што ему сказалъ?" — „А мой порука Николай Чудотворецъ будетъ". — „Да какъ же, мужикъ? вѣдь онъ говорить не будётъ?" — „Ты, жена, одѣнься потепля́е въ шубу, стань къ этому у́глу, гдѣ иконы. Когда я буду просить у ево де́нёгъ, — „Батюшко Николай Чудотворецъ! — скажу: — поручись за меня!" — ты на улицѣ говори громча́е, што „поручу́сь!"

3. Приходитъ мужикъ позно вечеромъ къ Антипу. Антипъ говоритъ: „Ну, што, бѣднякъ?“ — „До вашей милости!“ — „А поруку привёлъ?“ — „Николай Чудотворецъ порука у меня“. — Антипъ сталъ на̀ ноги, глядитъ на икону и спрашиватъ: „што, Николай Чудотворецъ, ты поручишься за этого мужика?“ — Жена на улицѣ говоритъ толстымъ голосомъ: „Поручусь!“ — Антипъ обробѣлъ и говоритъ женѣ своей: „жена, што ето такое? што я не слыхивалъ никоһда!“ — „А сколько рублей?“ — „Давай хоть сотенку!“ — Жена говоритъ: „дай ему сотню рублей! я поручусь!“

Антипу дѣлать нечево, вынниматъ деньги изъ сундука. — „Стро́ку время на сколько?“ (Антипъ спрашиваетъ). — „На двѣ недѣли“.

4. Бѣднякъ получилъ деньги, вышолъ на улицу, тихимъ голосомъ сказалъ своей женѣ: „жена, домой!“ — Приходятъ домой, купили себѣ провiанту.

Проходятъ уже эти двѣ недѣли. Бѣднякъ деньги не несётъ. Антипъ и говоритъ: „Николай Чудотворецъ! вѣдь я тебя продамъ!“ — А Николай Чудотворецъ не сло́ва. Антипъ берётъ Николая Чудотворца, несётъ на базаръ.

Попада̀тъ ему встрѣ́чу попъ. — „Ты куды, сынокъ, это?“ — „Виноватъ, батюшка; вотъ у меня штука случилась какая: бѣдный кресьянинъ взялъ сто целковыхъ денегъ, а Николай Чудотворецъ поручился“. — „Какъ жо поручился?“ — „Говорилъ со мной лично самъ вечеромъ“. — „Не можетъ быть, чтобы говорилъ!“

Мужикъ отправился вперёдъ. Ходилъ, ходилъ по базару, и нехто́ не купилъ. Одинъ попадаетъ молодой ему человѣкъ: „Ты куда, Антипъ, съ иконой?“ — „Да продаю́“. — „А сколько просишь?“ — „Сто рублей“. — „Эхъ, братъ! её поно-ви́ть, такъ только сто́итъ рубль двадцать!“

У Антипа въ это времё случилась дома бѣда: пошла ево жена по́ воду по тонкому льду; на льду она упала да и къ Богу не попала: ноги розодрала́, тутъ и душу отдала̀.

---

37. „Медвѣдко или Постоялой медвѣдь“.

1. Въ дальнихъ Сибирскихъ края́хъ, въ тёмныхъ лѣсахъ дремучихъ (было въ старину́ ето) селенія были очень рѣдко. Въ одномъ мѣстѣ станція была 80 вёрстъ. Было трудно проѣзжать я(е)мшыка̀мъ эту станцію.

Одинъ старичокъ со старушкой задумали вы́строить домъ на серединѣ въ восьмидесяти верста́хъ. Старикъ изобра̀лъ удобное мѣсто, нача́лъ строить домъ на рѣчкѣ. Только успѣлъ поставить небольшую и́збу, я(е)мшыки пріѣзжаютъ.— „Пусти, братъ дѣдушко, насъ покорми́ть“.—„Да вѣдь у насъ ешо, братъ, и припа́совъ-то никакихъ нѣту: только начина̀мъ строить!“

Начинаетъ жить. Годъ о́тъ году начинаетъ богатѣть. Семейство у ево было только — старикъ да старуха; имъ уже было лѣтъ 60 отъ ро́ду. И разбогатѣлъ онъ сильно отъ постоя́лова.

2. Зазна̀ли объ етомъ разбойники, шайка; задумали ограбить старика. — „Какъ приловчи́мся къ старику? у ево постоянно народъ!“ — „Да нужно такъ сдѣлать намъ: купи́ть обмундирова́ньё станово́ва при́става, всѣй полной стражи генерала-губернатора, подобрать такую шайку человѣкъ 12; объяснить старику; изобра̀ть ловкое времё къ но́чѣ“.

Вдругъ *пыхъ* становой приставъ въ квартѐру старика. Ямшыко́въ было полно́. Заѣзжатъ на дворъ на тройкѣ, заходитъ и въ ызбу. — „Здраствуйте, старики!“ — „Милости про́симъ, Ваше благородіе“.—„А хто хозяинъ до́му?“—„А я, батюшко!“—„Вы грамотные?“—„Никакъ нѣтъ!“—„Дакъ вотъ вамъ я привёзъ бла́нку, дайте прочитать ямшыка́мъ!“ — „Да потруди́тесь сами, Ваше Благородіе! Вы вѣдь люди-то благоро́дны, и не омма̀ните!“—„Да, да, дѣдушко! Я назначаю вамъ число̀—ч(с)ерезъ трои сутки—очистить ко́мнаты, штобы не́ было никово́. Проѣзжаетъ губернаторъ, и была бы ему квартѐра!“—„Батюшко, вѣдь мы и гото́вить-то не умѣемъ!“— „А ничево ему не ну́жно—одинъ самоваръ!“

3. Уѣзжаетъ приставъ. Старикъ дѣлатъ *обихо́дъ*. На третьи сутки утромъ *пригоня́етъ* станово́й: „въ 9 часовъ вечера губернаторъ, знать, пріѣдетъ!“—Старикъ со старухой проводили пристава. Старуха вѣникомъ въ избѣ, а старикъ съ метлой на

дворѣ метутъ и убираютъ; а ямщыки просятца у окна". — „Батюшки, нельзя: только-только вотъ гляди, губернаторъ разъ и *пыхъ!* Въ двухъ верстàхъ тутъ вотъ рѣчка, поѣзжайте на её! дамъ вамъ хлѣба, дамъ и *вàри*, и начуйте вы тамъ!"

Послѣ етова вразъ скоро идётъ медвѣдчикъ съ медвѣдёмъ. Видитъ, што ворóта пóлы; онъ подходитъ ко двору́: „Пу́стите ночевáть!"—А хозяинъ говоритъ: „нельзя, братъ, пустить нековó!"—„А почему нельзя?"—„Да потомушто губернаторъ пріѣдетъ; ишь вездѣ у меня чистота!"—„А мнѣ съ медвѣдемъ комната не нужнà, и въ конюшнѣ можно ночевать; только нá полѣ нельзя!" — Старикъ подумалъ. — „Старуха! онъ говоритъ, што въ конюшнѣ можно ночевать!"—Старикъ говоритъ: „заходи!"

Медвѣдчикъ медвѣдя ведётъ, а медвѣдь въ ворóты нейдётъ; онъ подéрьгалъ ево за ц(с)ѣпь, а медвѣдь дурны́мъ голосомъ ревётъ, а на дворъ всё нейдётъ. — „Вотъ што, хозяинъ! у тебя што-небудь случитца сёдни!"—„А што, батюшко?"—„Медвѣдь причи́ну знатъ. Тащшы́ хлѣба кусокъ, хлѣба и соли, поклонись медвѣдю въ нóги!" —Принёсъ старикъ кусокъ хлѣба и соли, кувы́ркнулся,—медвѣдь пошолъ, съ рёвомъ онъ на дворъ. Завёлъ медвѣдя въ конюшню, напоилъ и накормилъ. Медвѣдь—*трáхнулся* онъ спать. А медвѣдшикъ самъ лёгъ въ ясли; медвѣдшикъ — сильно онъ уснулъ, отъ усталости своѣй.

4. Вдругъ што слышитъ: на дворѣ шумъ. И *пригнáлъ* тутъ губернаторъ. Старикъ ходитъ съ фонарёмъ: на дворѣ стрѣчаетъ онъ гостей, а старуха съ сальной свѣчкой стрѣчаетъ на крыльцѣ. Вразъ заходитъ вся и свита; пóлна комната наби́та.--„Дай-ка, бабка, самоваръ!"—Подала старуха самоваръ. Вынимаютъ большу́ю буты́ль и съ горѣлкою винà.— „Пейте, брàтцы, веселяе, да живите посмѣляе!" губернаторъ говоритъ.

Выпили по стакану,—рѣчь пошлà тутъ гру́бо.—„А гдѣ, старикъ, у тебя деньги?" —„Какіе, бáтюшко, деньги? всѣ въ расхóдѣ!"—Одинъ изъ стражниковъ, усáстой, вынимаетъ большой ножъ: „Вотъ, старикъ, тебѣ! деньги, сказывай, гдѣ?" — Старикъ съ етова испу́гу отвязывалъ съ поясkà ключъ съ себя, отворя́тъ имъ сундукъ. — „Вотъ, батюшки, деньги всѣ!"—Сотъ пятóкъ онѣ достали.—„А ишó, старуха, есь?"—„Нѣту, батюшки!"—„Врёшь, старая чертóвка!"

5. Старухѣ въ ето время пала мысля про медвѣдшика: „у насъ вѣдь медвѣдшикъ на дворѣ *ишо́*! и побѣгу я поскорѣ!..“ „Есь, батюшки, въ мѣшкѣ ишо́!“—„А гдѣ онѣ?“— „А сечасъ пойду принесу́“.—„Ну-ко иди, ташшы́!“—Старуха выскочила: „батюшко медвѣдчикъ, вѣдь у насъ бѣда! Вѣдь старика-та наврядъ ли ужъ не зарѣзали!“ — „Посто́й, старуха, не ходи! Маленько погоди́, и пойдёмъ вмѣстѣ со мно́й!..“ „Ну-ко, Миха̀ило Иванычъ, става̀й! пойдёмъ, братъ, съ нами! Я тебя хлѣбомъ накормлю и вино́мъ-то напою́: пособи́ намъ со старухой!“

Медвѣдь — *кру́то* онъ поднялся, а медвѣдшикъ за цѣпь скоро взялся.—„Ты, хозяюшка, впередъ, а я иду за тобой!“— Медвѣдшикъ медвѣдя ведётъ, цѣпь у ево и брякатъ—какъ будто мѣдны деньги въ мѣшкѣ. Отворятъ старуха дверь. Разбойники *пыхъ* ко дверѣ. — „Што, старуха? несёшь?“ — Медвѣдь живо въ избу забѣгаетъ и начина̀тъ разбойниковъ ловить; какъ которова схва̀титъ въ лапу, повали́тъ на́ полъ; шестерыхъ убилъ до сме́рти, а шестерыхъ забра̀лъ подъ себя; онѣ изъ подъ нево хо́чутъ вылѣза́ть, а онъ лапой ихъ бьётъ.

Старикъ *палъ* на па́ру лошадей и погна̀лъ на рѣчку къ ямшыка́мъ. — „Вотъ, батюшки, грабёжъ!“ — Ямшыки́ сяли къ ему въ каре́ту, пригоняютъ къ ему въ домъ. Нужно слѣдство навести. *Пригоня́етъ* становой, дѣлаетъ допросъ... И старикъ со старухой — напили́сь онѣ вина̀ и сдѣлались совершенно безъ ума.

---

38. „Калужина и ямшыки“.

1. Ямшыки́ ѣхали съ това̀ромъ. Шолъ ихъ большой обозъ Сибирскимъ тра̀ктомъ. Это было въ старинные ишо года́, коћда были дороги не исправлены *ишо́*; дороги были съ бо́ку на̀ бокъ, были сосновые ко́рни, задѣвали ося́ми за лѣси́ны.

И три мужика̀ задумали у этѣхъ ямшыко́въ укрась изъ возовъ; замѣтили, што онѣ везутъ чай. А раньше чай были зашиты въ *шири́нахъ* (въ коровьихъ кожахъ съ шерстью). Онѣ пошли всѣ тро́е на дорогу. Одинъ изъ троихъ приготовилъ себѣ живыхъ трёхъ чебако́въ и поло́жилъ ихъ въ свѣжую воду въ ведёрко, штобы онѣ могли по крайней

мѣрѣ терпѣть живы́мя однѣ сутки. Взялъ съ собой удочку и вы́бралъ такое мѣсто на большой дорогѣ: большая ка(о)лужи́на на дорогѣ; она, отъ большо́ва дожжа̀, эта ка(о)лужи́на бываетъ глубока́, безъ малова што заливатца и въ телѣгу; а объѣхать е(и)ё некакимъ родомъ нельзя ямшыка́мъ.

Дорога была *кривуля́стая.* Двоё мужики́ ушли вперёдъ, а у которова удочка и рыба, онъ сялъ въ калужи́нѣ у́дить. Сидитъ мужикъ у калужи́ны, забро́силъ свою удочку удить.— И поду́мать надо объ етомъ, што какая жо рыба можетъ быть на дорогѣ? Ежли-бъ была́ бы тутъ рѣчка, дакъ могло̀ бы быть.

Мужикъ сидитъ и удитъ. Ямшыки́ ближе подъѣзжаютъ, идутъ толпой и говорятъ: „смотри́те-ко ребята: какой-то дуракъ удитъ на дорогѣ! хто ему тутъ далъ рыбу?“—Подъѣзжаютъ онѣ ближе. Мужикъ подвинулся къ боку доро́ги (съ удочкой),—не мѣшая лошадямъ, штобы переходили ету калужи́ну съ гру́зными возами. Лошади тихонько идутъ по кривуля́стой дорогѣ, а ямшыки́ оста́новились у мужика̀ и глядятъ; и мужику говорятъ: „Што́ ты удишь? какая тутъ тебѣ рыба? хто тебѣ тутъ иё надавалъ?“ — „А вы разѣ не видите: у меня въ ведёркѣ-то живая рыба?“—Ямшыки взгляну́ли: дѣйствительно, въ ведёркѣ рыба. Ямшыки всѣ, ото всево *обвдзу,* собрали́ся и глядя́тъ; а рыболовъ какъ разъ только дёрнулъ удочкой и говоритъ: „Ахъ, сорвало̀сь!.. Ну, да можетъ быть впередѣ-то удало́сь!“

А въ это времё два товаришша ево поддѣли два мѣста чаю и пошли онѣ въ лѣсъ.

Обво́зъ уже весь прохо́дитъ, а рыбло́въ всё ишо сидитъ, съ ума́ не сходитъ. Ямшыки и говорятъ передово́му: „иди́-ко, братъ, вперёдъ! тамъ правь лошадь!“—Ямшыкъ добѣгаетъ до перéдней, глядитъ: на одной телѣгѣ два мѣста чаю нѣтъ. Передней ямшыкъ закричалъ: „въ кривуля́стой дорогѣ“,— кричитъ, што—„ограбили!“—Ямшыки всѣ сбѣжались, видятъ дѣйствительно, што двухъ мѣсто́въ чаю нѣтъ, и збѣга́ютца въ одно мѣсто. — „Што, братъ, будемъ дѣлать теперь? γдѣ будемъ искать?“—Одинъ говоритъ: „һдѣ искать? доведёцца платить!“—Закрыли возъ рого́жами и поѣхали вперёдъ.

2. Заѣзжяютъ онѣ въ селе́ньё, спрашиваютъ старухи: „хто, баушка, пуска́тъ на хвате́ру?“ — „А вотъ заѣзжайте-

ко тутъ! новой постоялой; вдова-та славная была". — Дѣло уже къ но́чѣ. Заѣзжаютъ онѣ и на дворъ. Хозяйка спрашиватъ: „са(о)моваръ готовить?" — „Поставь, голубушка!" — „А сколько васъ?" — А ихъ было 12 человѣкъ, а онѣ ей сказали: 11; одново́ закрыли въ телѣгѣ рого́жей: што „не будетъ ли какой кра́жи опять?"

А у етой у *постоялки* въ одномъ углу *огра̀ды* стояли и телѣги, и оглобли, и старые *кривули*. Подъ этими телѣгами находился тамъ подва́лъ, а тамъ жили три разбойника: которые чай-то украли, онѣ и жили у ней. Хозяйка напоила ча́емъ ямшыко́въ и накорми́ла у́жиной. Послѣ ужины кладётъ въ скатёрку кусковъ, да поло́жила цѣльной ры́бной пирогъ, вышла на дворъ и кричитъ: „Бѣлько, бѣлько, хлѣба на́!" — Отворятца у подвалу западня, выходитъ тамъ разбойникъ и берётъ у хозяйки у́золъ съ хлѣбомъ: и скрылся въ западню и запёрся.

А ямшыкъ въ телѣгѣ догада̀лся: „А, вотъ куды нашъ чай попа́лся!" — Приговорилъ къ себѣ поближе топоръ. Ямшыки укла́лись спа́ть. А ему нужно было объ этомъ узнать, што̀ тамъ за лю́ди живутъ? Мужикъ лежитъ, не дремлетъ; закрылся самъ рогожей. Вдругъ отворя́тца западня, подходитъ онъ тутъ къ возу, γдѣ лежитъ мужикъ въ телѣгѣ; поглядѣлъ: тутъ какой-то товаръ — были штуки тутъ дорогова дра́пу. Разбойникъ тихонько и говоритъ (драпу штуку шевели́тъ): „вотъ ета штука хороша́, и зипуны́ изъ иё нашьёмъ!" — Только разбойникъ склонился подъ телѣгу — розвяза̀ть внизу верёвку, — а ямшыкъ топоромъ хлопъ разбойника ладо̀мъ. Разбойникъ отъ удару повали́лся, а ямшыкъ забѣга̀етъ въ ызбу: „тава́ришшы, ставай! пойдёмте-ко на дворъ! убитъ лежитъ тутъ воръ". — „А γдѣ ишо другой?" — „А въ подва́лѣ за дугой".

Онѣ зглянули съ огонькомъ: мноhо тамъ товару, и не уйдётъ въ одинъ омбаръ! — Онѣ живо къ атама́ну: „Вотъ кража у насъ случилась. Господинъ ты атама́нъ, а ты не дѣлай намъ омма́нъ! Вотъ у етой калужи́ны украли чаю у насъ два мѣста". — Атаманъ имъ тутъ сказалъ: „Клади́те, братцы, чай и поѣзжайте вы домой по доро́жкѣ столбово́й!"

Ямшыки тутъ выѣзжаютъ, а хозяюшка ругаетъ: „и такіе *варнаки́*! и не о́тдали за чай мнѣ пятаки!"

---

39. „Иванъ Купцовъ“.

1. У одновȯ бѣднова человѣка былъ единственной сынъ. Звали ево Иванъ. Онъ поучился немного грамотѣ. Отъ отца отъ матери остался 12-ти лѣтъ. Ему воля была — на всѣ четыре стороны́, безъ отца; штó онъ зналъ, то и дѣлалъ. Начáлъ сначáлу баловàть онъ: 'дѣ изрýбитъ бóрону — зубья продàсъ, гдѣ стя́нетъ сошни́къ — продáсъ. За ето балоствó ево нѣсколько разъ наказывали въ волостѣ розгами.

Онъ уже вы́росъ до 19-ти лѣтъ, и занимался всё этѣмъ. Што-то ему пришло въ гóлову — обратился къ своéй хрéсной мàтерѣ. А у хрéсной была лошадка и была старинная сохà. Онъ ей и говоритъ: „Хрéсна! весь я обноси́лся, весь оборвáлся, ничево на мнѣ не прибывáтъ! Дай мнѣ лошадь и сóху“. — „А ты куды?“ — „Я поѣду въ *заводъ гря́ды* пахать, огорóды. Ежли я *зароблю* три рубли́, два рубли́ тебѣ, а рупь мнѣ“. — „Дуракъ ты Ванюшка! Ты уѣдешь на лошадѣ, да и не пріѣдешь!“ — „Нѣтъ, хрéсна, Бога *намину!*“

Она далà ему лошадь и сóху, и телѣгу. Верстахъ въ тридцати былъ *заводъ*. Сохъ тамъ не имѣетца, болѣе копаютъ гря́ды съ ноги́. Пріѣзжàтъ въ заводъ, начинатъ работàть — пахать огороды. Втеченіи недѣли Иванъ *заробилъ* 6 рублей 70, и сталъ собирàцца домой подъ вéчеръ ѣхать.

Только выѣхалъ, успѣлъ на дорогу, ево кричáтъ въ окошко — богатый старикъ. — „Иванъ, спаши́ намъ огорóдъ!“ — „Да вѣдь ужъ, — говоритъ: — пȯздно сечасъ!“ — Онъ заворотилъ огородъ пахать. Спахáлъ огородъ и пошолъ звать хозяйку дóма: „Иди-ко, хозяюшка! каки́ тебѣ гря́ды надо? разводи́ мнѣ ихъ!“ (поводи́ лошадь).

2. Кóнчилъ рабóту; заѣзжаетъ съ заднихъ воротъ на двóръ. Остановился у ворóтъ — очистить зéмлю съ сошникóвъ, — видитъ: скрозь заплотъ изъ двора человѣческая рука на столбѣ (въ огородъ) вȯдитъ (што-то дѣлатъ). Онъ на ето былъ смéтливъ. Немножко погоди́лъ, отворилъ ворóта, заѣхалъ на дворъ, вы́прëгъ лошадь изъ сохи́. А старикъ стоитъ на колóдѣ (кóнямъ мѣсятъ мѣшени́ну — колода). Полóжилъ сȯху въ телѣгу свою и запрягáтъ лóшадь. —

„Дѣдушко, приготовь разсчётъ!“—„Иди, братъ, въ избу! я сейчасъ пойду́-жо“. — Иванъ свое дѣло мѣшкатъ. Старикъ сталъ съ коло́ды, пошолъ въ и́збу.

Ивану што-то стало *думно*: „што старикъ дѣлалъ тутъ?“— Скочилъ *круто* на коло́ду, засунулъ на столбъ руку,—тамъ большая тряпи́ца съ у́зломъ. Онъ живо ие́ въ карманъ и заходитъ за расчётомъ. Онѣ стали собирать ужинъ, а онъ не сталъ и ужинать.— „Мнѣ ну́жно ишо тамъ на кра̀ишкѣ огоро́дикъ спаха́ть, да пото́мъ перебра́цца въ друго́ мѣсто!“

А тутъ на столбѣ у старика были деньги поло́жены: 700 рублей. Иванъ не глядитъ, што́ тамъ въ узлѣ, только понужа́тъ свою лошадь поскоря́ домой, въ ночь.

3. Подъѣзжа́тъ къ рѣкѣ, на которой рѣкѣ перевозъ. Перево́зчики ево жи́во перевезли́. Отъѣхалъ вёрстъ пять отъ перево́зу, видитъ: встрѣчу идётъ хо́дко лошадь ша́гомъ, и съ пово́зкой, одна. Глядитъ встрѣ̆чу: ямшыкъ на ей спитъ мертво! — „Ахъ, ба! ето человѣкъ торго́вой, лито́вошникъ (*лито́вкамъ* торгуетъ). Навѣрно денегъ много“.—(Деньги къ деньга́мъ ужъ!). Соскочилъ съ лошади́, подбѣгатъ къ лито́вошнику; сталъ ного́й на о̀сь, начина́тъ искать у нево деньги. Вдругъ чево-то взгляну́лъ, видитъ на вороту́ бумажникъ. Перерва́лъ ремешо́къ и снялъ съ нево бумажникъ, въ которомъ было тыся(е)чу рублей.

Обрасча̀тца, пріѣхалъ къ своей хрёснѣ, подаётъ ей деньги, которы *заро́билъ*, всѣ. А хрёсна ему говоритъ: „Вотъ бы ты, Ва́нюшка, такъ бы рабо́талъ! Домъ у тебя отцо́вской, хоть ста́рой, а всё таки жо цѣлъ. И женился бы, жилъ да жилъ!“— „Пожалуй, хрёсна, врѐмё и жени́цца!“

4. Иванъ вы́спался, утромъ пошолъ въ лѣсъ (а дѣло было пра́зднишно) — о̀глядѣть деньги, сколько есь. (Онъ ешшо́ ихъ не глядѣлъ). Сосчиталъ деньги и говоритъ: „надо невѣсту искать богатую!“ — Поѣхалъ въ городъ, купилъ себѣ сапо̀жки, пли́сову курточку, чистиньку рубашку, съ красной бумагой штаны (ето старина̀ ешо: онѣ въ празникъ носили холшо́вые, нитка бумажна). Явля́цца къ своѣ̆й хрёснѣ.—„Вотъ, Иванъ, ты теперь похо̀дишь на человѣка!“— „Я,—говоритъ:—задумалъ жени́цца“.

А у нихъ въ ето врѐмё, въ пра̀знишное, играютъ дѣвки на лугу́. Онъ и задумалъ къ имъ сходи́ть. (Никоһда у ихъ и не бывалъ). Прихо̀дитъ на̀ лугъ.—„Здраствуйте, умницы!“—

„Милости просимъ, Иванушко, небывалой гостенёкъ!“ — А ребята говорятъ ему въ насмѣшку: „Ему недосукъ къ вамъ ходить: ему надо бороны рубить въ ето вре́мё!“

Одна была дѣвица въ етомъ кругу востроумая. Она также хотѣла сдѣлать, какъ ребята, въ насмѣшку.— „Иванъ, будемте играть розлукой!“ (рука за̀ руку схва́тываюцца).— „Ну, такъ што,—говоритъ:—не прочь!“—Убѣга́тъ со своёй съ па̀рой (съ етой дѣвицей) далеко́ отъ круга.—„А што, ты за меня взамужъ пойдёшь?“ — Она ему и говоритъ въ насмѣшку: „пойду! какъ жо не пойду?“ — Иванъ говоритъ: „вотъ ежли пойдёшь, вотъ у меня сколько де́негъ! я тебѣ покажу!“—„Ну-ко покажи, Иванъ!“

Дѣвки своимъ кру́гомъ тамъ играютъ. Развязалъ Иванъ платокъ, и увидала она денегъ много. Заходила у ей мы́сля, што и взамужъ за ево пойти. —„А ты мнѣ ихъ отдашь?“— „Тоһда я тебѣ отдамъ, коһда повѣнча́мся! всѣ отдамъ!“

5. Говоритъ ему дѣви́ца: „Подожди меня, Иванъ, здѣсь, а я схожу домой“.—Она свернулася и бѣго́мъ. У ей отецъ-то старшипа. А Иванъ догадался: „Навѣрно деньги отберутъ, да въ тюрьму меня запрутъ!“ — Онъ пошолъ къ водѣ купа́цца. А тутъ стоялъ ви́нной заводъ — развалился, не рабо́татъ. Покупа̀лся онъ внизу, спряталъ деньги въ камень; обрати́лся на лужо́къ, къ дѣвкамъ въ кружо̀къ. Приходитъ тутъ дѣви́ца, Ваню за́ руку берётъ, подальше въ лѣсъ ево ведётъ. — „Вотъ те, Ва̀нюшка, закладъ: именной мой плато́чикъ, да га̀русной поясо́чикъ!“ (Она ево обзада́чиватъ, штобы взялъ; у ей расходился умъ-то!).

А говоритъ онъ, Ваня, ей: „Это не будетъ ли обманъ, што̀ положи́лъ я въ карманъ?“ (деска̀ть, задатокъ-то). — „Вѣрно, Ваня, будетъ! хлопочи́ только у попа́, а я *убѣгомъ латата̀!*... Во́тъ што, Ва́нюшка, скажу́: попозже вечеркомъ ты приди-ко съ огоро́ду; я повы́таскаю изъ сундука и навежу тебѣ въ скатёрки“. (Имущество она уже провожа́ть думатъ впередъ себя).

6. Ваня такъ и сдѣлалъ. Приходитъ къ за́дней стѣнѣ, а она дожидацца въ огоро́дѣ. Навя(е)за́ла ему три у́зла — и не уташшыть ему на ра́зъ. Ваня два разъ тутъ сходилъ, всѣ и у́злы уташшылъ. Приташшы́лъ ко хрёснѣ въ домъ.— „Убира̀йся, *варна́къ*, ты вонъ!“ (Она разсчитыватъ, што воровско́е). „И захва̀тятъ у меня ве́счи, и посадятъ и въ

тюрьму!“ — Ваня божи́лся и клялся́, што „дала́ мнѣ то дѣви́ца—идётъ вза̀мужъ за меня“.—„Я повѣрила бы тебѣ, но только—не такова богача́!“

Прогнала́ Ивана вонъ. Забиратъ Иванъ у́злы и ташшы́тъ въ свой старой домъ. А у нихъ былъ коло́десъ на дворѣ; завалёнъ онъ былъ лѣсомъ и соломой. Онъ работа́лъ до свѣту, только бы упра́вицца: склалъ имушшество на брёвна (тамъ чурбаки́) и закрылъ ево соло́мкой.

Дѣвка дѣло охлопота̀ла: хоть *чеча́съ* къ вѣнцу можно ѣхать. Она увидала Ивана: „денегъ нужно попу 20 рублей!„—Иванъ не говоря вынимаетъ полсо̀тни и подаётъ ей. Дѣло было къ но́чѣ; онѣ живо и къ вѣнцу. Оввѣнча̀лись, маршъ пѣшкомъ; приходятъ *хъ* хре́снѣ въ домъ.—„Бла'словля́й, хре́сна, иконой! мы и хре́сники твои“. — И пошла у ихъ пиру́шка.

7. А въ ето вре́мё старшина́—онъ въ посе́лкѣ былъ; онъ домой ѣхалъ въ полно́чь. Доѣзжаетъ до дома́, гдѣ пирушка весела́. — „Погледи́-ко, кучеръ, што тутъ такое? што за пьянство?“ — Кучеръ въ окошко поглядѣлъ и ничё понять не могъ (*чё* у нихъ—пляска-тря́ска).—„Будьто дочь твоя съ графи́номъ, она въ рюмки наливатъ“. — Старшина съ гнѣвамъ сказалъ: „Што́, дуракъ, ты говоришь? И зачѣмъ она придётъ?“—Отправился домой.

Утромъ мать рано ставала (невѣстина), коровъ табу́нъ гоняла. Вдругъ сусѣдка говоритъ: „Стой-ко, *дѣвка*! я скажу“.— „А што ты мнѣ скажешь?“ — „Ве́черъ поздно ночью попъ вѣнча̀лъ — ну дочь твою“. — „Што ты, дура, мелешь? Она до́ма спитъ!“—„А посмотри́-ко!“

Старуха приходитъ домой. Въ которой малинькой горенкѣ спала́ дочь и́ха, поглядѣла, — не поду́шекъ, не постели. — „Пушай,—говоритъ:—дура съ этѣмъ и живётъ!“—Отворила она сонду́къ, въ сондукѣ нѣтъ ничево; и другой и тре́тей— всѣ пустые онѣ стоя́тъ.—„Ставай,—говоритъ:—мужъ! вѣдь у насъ бѣда!“—„Какая бѣда?“—„Дочь ушла вза̀мужъ, говорятъ што“.—„За ково?“ —„За Ивана за Купцо̀ва“.—„Ахъ она глупая дѣвка!“

Мать начала́ ей помогать. Пошолъ Иванушко торговать. Батька долго не прошша̀лъ; тутъ и сразу помирился—напи́лся до пьяна́ и на постелѣ спать свалился.

Сказки Ф. Д. Шешнева.

Филиппъ Дементьевичъ Шешневъ не можетъ быть названъ сказочникомъ въ собственномъ смыслѣ этого слова: онъ никогда и никому сказокъ не разсказываетъ. Но онъ выслушалъ въ дѣтствѣ отъ отца много сказокъ, „пòнялъ“ ихъ (т. е. запомнилъ) и частью помнитъ ихъ теперь. (Ф. Д. Шешневу около 60-ти лѣтъ). Онъ согласился разсказать мнѣ тѣ сказки, которыя лучше сохранились въ его памяти; но память часто измѣняла ему и тутъ: онъ дѣлалъ пропуски, нерѣдко прерывалъ складный и красивый традиціонный разсказъ сухимъ и схематическимъ изложеніемъ одной сути дѣла, безо всякихъ подробностей (№ 44 почти весь схематиченъ). Вообще, сказки Шешнева приходится признать блѣднымъ отраженіемъ весьма хорошей традиціи.

Не обладая даромъ изобразительности, Шешневъ не вноситъ въ свои сказки рѣшительно ничего своего, личнаго. Въ этомъ—полная противоположность его предшествующимъ нашимъ сказочникамъ, Ломтеву и Савруллину; если въ устахъ послѣднихъ сказка продолжаетъ жить, то въ устахъ Шешнева она умираетъ.

Ф. Д. Шешневъ уроженецъ Нижне-Сергинскаго завода Красноуфимскаго уѣзда, но на родинѣ провелъ только свое дѣтство, молодымъ пріѣхавъ на Теченскій заводъ Екатеринбургскаго уѣзда. Теченскій заводъ теперь не работаетъ, и жителей здѣсь почти нѣтъ. Шешневъ живетъ тутъ одиноко, съ двумя своими женатыми сыновьями, въ качествѣ караульщика-дворника.

Нижне-Сергинскій заводъ основанъ въ 1742 году Ив. Демидовымъ; населенъ онъ былъ выселенцами изъ южно-великорусскихъ губерній (вѣроятно, гл. обр. изъ Тульской губерніи?), и жители его до сихъ поръ сохраняютъ акающій южно-великорусскій говоръ (срв. *Д. Зеленинъ*, Великорусскіе говоры и т. д., стр. 521). Шешневъ, рано оторванный отъ родной среды и давно живущій чреди чистыхъ окальщиковъ, акаетъ весьма рѣдко. Въ разговорахъ со мною онъ всегда окалъ; аканье у него прорывалось, повидимому, только тогда, когда онъ находился въ состояніи аффекта (напр., сердито кричалъ на своихъ внучатъ и т. д.). Что же касается сказокъ, то первые семь нумеровъ (40 - 45) онъ разсказалъ мнѣ окающимъ говоромъ; изъ южно-великорусскихъ формъ встрѣчалось довольно часто окончаніе 3-го лица ед. и множ. числа на -ть; однажды встрѣтилось произношеніе: сястру (41, § 3), однажды же: у сестрѣ (43, § 8); къ южно-великорусскимъ же можно отнести и случаи:

обратилсы, отправилсы, найтить, Мишинькю. Въ послѣдней же сказкѣ (№ 46) акающія формы встрѣчались нѣсколько чаще: малако̀ (рядомъ съ окающимъ молоко), сабалькя; здѣсь же встрѣтился случай: *в*дарить вмѣсто ударить.

Отличіе въ произношеніи этой послѣдней сказки (№ 46) я склоненъ объяснять прежде всего тѣмъ, что къ тому времени Шешневъ уже больше прежняго успѣлъ привыкнуть ко мнѣ, и меньше стѣснялся.

Тонкости произношенія Шешнева не отразились въ моихъ записяхъ; Шешневъ не умѣетъ разсказывать сказки подъ запись: онъ всегда сильно торопится; хотя я большую часть его сказокъ выслушалъ подважды, но все-таки приходилось слѣдить главнымъ образомъ за его изложеніемъ, а не за произношеніемъ.

Общее мое впечатлѣніе о языкѣ Шешнева такое: Шешневъ усвоилъ окающее произношеніе точно такъ же, какъ деревенскій крестьянинъ, особенно бѣлоруссъ или малоруссъ, усваиваетъ въ Питерѣ или другомъ культурномъ центрѣ, подъ страхомъ насмѣшекъ товарищей, городскую рѣчь. Чтобы говорить всегда чистымъ окающимъ говоромъ, для этого ему нужно подтягиваться, быть всегда на-чеку; въ минуты же душевной усталости, въ состояніи сильнаго чувства и т. п., привычки дѣтства берутъ верхъ.

Возвращаясь теперь вновь къ обстоятельствамъ жизни Шешнева, замѣчу, что обстоятельства эти мнѣ извѣстны мало. Жить на Теченскомъ заводѣ негдѣ, и я былъ тамъ только проѣздомъ, дважды. Шешневъ всегда относился ко мнѣ, какъ къ человѣку незнакомому, довольно подозрительно; излишними распросами я могъ только усилить эту его подозрительность.

Знаю только, что Шешневъ не былъ въ солдатахъ, что онъ, какъ и всѣ его дѣти, грамотенъ. Книгъ я у него не видалъ, но повидимому онъ читалъ житія святыхъ. Человѣкъ это вообще очень набожный.

Какъ и всѣ другіе сказочники, Шешневъ, конечно, далеко не сразу согласился разсказывать мнѣ сказки для записи. Только послѣ долгихъ колебаній рѣшился онъ разсказать мнѣ сказку, и первою его „сказкою" было житіе св. великомученика Евстафія Плакиды, римскаго воеводы, память коего празднуется Православною Церковію 20-го сентября. Шешневъ, повидимому, не знаетъ, что это — почитаемый Церковію святой мученикъ; во всякомъ случаѣ, онъ о томъ мнѣ ничего не говорилъ и озаглавилъ свою „сказку" именемъ: „Остафей Плакида". Въ разсказѣ встрѣчаются мѣстныя черты, напр.: перевозчикомъ является „башкирецъ", у царя-гонителя русскихъ плѣнныхъ оказывается „мечеть". Но вообще содержаніе сказки близко къ житію [1]). Мнѣ осталось невполнѣ яснымъ, дѣйствительно ли Шешневъ не видитъ никакой разницы между даннымъ житіемъ и обычными сказками [2]), или же онъ

[1]) Житіе это издано на русскомъ языкѣ, между прочимъ, и въ стихахъ: „Св. великомученикъ Евстафій Плакида, римскій воевода съ семьей. Въ стихахъ. Въ двухъ частяхъ. Переложеніе Варвары Какуриной. М. 1862".

[2]) Житійная литература вообще оказала безспорное вліяніе на русскія сказки.

разсказалъ мнѣ эту „сказку“ только для того, чтобы испытать новаго человѣка: если, молъ, запишетъ эту святую сказку, такъ значитъ человѣкъ онъ болѣе или менѣе надежный? — Я записалъ эту „сказку“ и привожу здѣсь ее полностью:

1. „Остафей Плакида„.

Остафей Плакида былъ воѐнъ у своёво короля, въ *нѐхристи*. И сколько онъ не воевалъ, — всё думалъ о хресьянской вѣрѣ: „кака-та есь хресьянская вѣра?!“ — Ѣхалъ онъ съ войны со своей домой. И встрѣтился ему олѐнь. Олень отъ ево не отбѣгаетъ — близко бѣжитъ. И явился у оленя крестъ на спинѣ. — „Тебѣ што̀, Остафей Плакида, охота спознать?“ — „Мнѣ охота хресьянскую вѣру спознать!“—„Ступай, — говоритъ:—охрестися, исповѣдовайся и приходи на ето мѣсто. Онъ сходилъ и потомъ изъ своёва королевства бѣжать, изъ нѐхристи. Были у нево два мальчика; онъ съ ними бѣжать, съ женой и съ мальчиками.

Башкирецъ ѣдетъ на водѣ. — „Перевези меня на ту сторону пожалуста!“—Посадилъ жену, а ребятёшки тутъ осталися, на берегу съ имъ. Башкирецъ уплылъ съ женой. Онъ поплакалъ, поплакалъ, отправился съ мальчиками идти. Подошла рѣчка. Онъ подходитъ къ етой рѣчкѣ. Взялъ мальчика одново, понёсъ. Принёсъ на тотъ берегъ,—левъ звѣрь прибѣжалъ, мальчика згрёбъ, унёсъ. А другова мальчика въ это время волкъ унёсъ. Хотѣлъ онъ съ етова горя утонуть: мальчиковъ ево унесли. — И взялъ вышолъ, пошолъ нанялся къ боһатому мужику въ работники. На̀чалъ скотину *пась*, пахать.

У ихнево короля *силы* тѣмъ времемъ мноһо отбили (множѐнство *силы*). — „Разыскать этова Остафія Плакиду! һдѣ онъ есь?“ говоритъ король: видитъ, што дѣло неминючее. Посылаетъ двухъ посла̀нниковъ Остафія Плакиду розыскивать. Остафей Плакида *паха̀етъ* и замѣтилъ своихъ людей. — „Молодецъ, — говоритъ: — не знаешь ли, һдѣ Остафей Плакида проживаетъ?“ — „Нѣтъ, не знаю! а зайдите въ деревню: можетъ быть, вамъ скажутъ“. — Тѣ пошли, остановились ночевать въ деревнѣ. А Остафей Плакида бросилъ борону и со̀ху, приходитъ туда же. — „Ахъ, — говоритъ: — поставь, хозяюшка, самоваръ, попотчуй странниковъ!“ — Сталъ имъ чай разливать, нѣтъ-нѣтъ, да и заплачетъ: своихъ людей увидалъ. Одинъ изъ посланниковъ узналъ: „это ты, —говоритъ:— Остафей Плакида!“ — „Я“, говоритъ. — Достали ему всѣ ево галуны, одежду, надѣли на ево.—„Кабы я зналъ,—говоритъ хозяинъ:—што ты ѐтакова званія, сталъ бы я тебя заставлять коровъ *пась!*“ — „Это мое дѣло!“

Пошолъ Остафей Плакида къ своему королю. Пошолъ на приступъ, городъ взялъ. Король не знаетъ, чѣмъ ево наградить. Отправился ишо на войну, опять городъ отбилъ и заполонилъ себѣ мноһо русскихъ людей. Сдѣлалъ отдыхъ.—„Ты, братъ, откудова?“ (спрашиваетъ Остафей Плакида плѣнника одново). — „А хто знатъ, откудова? Отбили меня у волка, малинькова, выкормили и взяли къ себѣ въ пастухи“. — Другова мальчика опять у льва отняли, взяли опять хресьяне, за своева сына въ солдаты отдали. И жена Остафія Плакиды оказалась жива: башкирецъ утонулъ съ лодкой, а ее выбросило на берегъ. Мать услыхала, што, по розговору, её дѣти нашлися; приходитъ къ Остафію

Плакидѣ: „такъ и такъ, — говоритъ: — мои дѣти нашлися“ — „Неужели ты моя жена?“ — Онъ на колѣнки палъ передъ своей женой. Нашлося все семейство.

Остафей Плакида прiѣзжаетъ съ своимъ семействомъ къ королю. Король радёхонекъ, што города́ отбилъ и семейство ево нашло́ся; взялъ, на 10 денъ празднество устроилъ. Въ первый день глядитъ: Остафiя Плакиды нѣту въ ихней мечети. Огнѣвался, призываетъ Остафiя Плакиду къ себѣ на лицо: „Почему тебя не было въ мечети?“ — Остафей Плакида и повинился: „Я вашимъ богамъ не вѣрю“. — „Свесть ево ко львамъ!“ — Его львы не ѣдятъ, а только лижутъ. — „Онъ волшебникъ, видно!.. Натопить свинцу и олова и сжечь ихъ со всей семьей!“ — Натопили 4 чана́, покида́ли туда Остафiя Плакиду съ семьей. Приходитъ, — явленные иконы явилися въ ихъ ликъ. — „Вотъ какой руской Боhъ!“

Не полностью я записалъ двѣ сказки Шешнева — отчасти вслѣдствiе частыхъ пропусковъ при разсказѣ ихъ Шешневымъ, отчасти — вслѣдствiе ихъ общеизвѣстности. Привожу эти двѣ сказки въ краткомъ изложенiи:

2. **„Про лягушку ква́кушку“** (или: ква́ковку) — варiантъ сказки Ломтева № 19, но здѣсь лягушка не превращена въ старушку, какъ у Ломтева (см. выше стр. 177—182).

Царь изладилъ тремъ своимъ сыновьямъ по самострѣлочкѣ и велитъ стрѣлять: куда полетитъ, туда и сватать. У одного улетѣла къ министру, у другого къ царю, у Ивана царевича — лягушкѣ въ болото. Лягушка говоритъ ему: „плети коробушку, неси лягушку!“ Задачи отца невѣсткамъ: скатёрочки вышить и испекчи по булкѣ хлѣба. На обѣдѣ лягушка за оплага́ посо́вываетъ аладьи, а когда махнула рукавомъ, гуси заплавали по избѣ. Иванъ царевичъ сжогъ у ей платье легушечье; тогда она объявилась: „я Весилиска Премудрая“, и ушла. Иванъ царевичъ схватилъ ее на γорѣ, но та обернулась змѣей и убѣжала. Въ лѣсу на 12-ти дубахъ гнѣздо Жаръ-Птицы; Иванъ царевичъ закрылъ ея дѣтей зипуномъ отъ дождя, закололъ для нея 4 вола́ и сѣлъ на нее верхомъ; икры свои бросилъ Жаръ-птицѣ, но они потомъ приросли. Жаръ-птица нырнула, и Иванъ царевичъ схватилъ со дна сундукъ, въ сундукѣ утка, въ уткѣ — яйцо. Яйцо сталъ мыть и опустилъ, тогда ракъ ташшытъ яйцо на́ берегъ. Яйцо отдаетъ кухаркѣ во дворцѣ царицы Весилиски Премудрой; когда царица съѣла это яйцо, задумалась объ Иванѣ царевичѣ, а онъ *пыхъ* въ избу.

3. **[Злая жена]**. Когда переходили черезъ прова́лишшо по двумъ жердо́чкамъ, мужъ предостерегаетъ ее: „не трясись“; та потряслась и улетѣла внизъ. Вмѣсто жены мужъ досталъ веревками кикимору: „твоя жена съѣла меня тамъ“. По соглашенiю съ мужикомъ, кикимора залѣзаетъ въ богатый домъ и начинаетъ тамъ все ломать; мужикъ получаетъ за изгнанiе ея сто рублей. Потомъ кикимора забрала́ся къ царю и, на первое требованiе мужика, отказалась выйти оттуда; тогда мужикъ грозитъ: „жену свою приведу!“ и кикимора убѣжала.

---

40. [Загадки].

1. Былъ-жилъ царь. Былъ онъ слѣпой. А жена у ево пригу́ливала. *Гулева́ны* лѣзутъ по лѣсенкѣ къ царицѣ; ми́нистеръ думаетъ: „кабы онъ зрячей былъ, сейчасъ бы *ссадилъ* ево, съ ружьёмъ".—У ёй во чревѣ ребёнокъ говоритъ: б.... по б.... *каблу́къ кро́етъ*!" —[Царица сердится и говоритъ:] „Какъ рожу́, такъ потреблю́ этова ребёнка!"

Какъ родила́, такъ и говоритъ: „Лакей, изжарить этова ребенка!"—Лакей понёсъ.—„Куда ты меня понёсъ?" спрашиваетъ ребенокъ.—„Жарить".—„Возьми шшенка, зажарь; принесёшь, спотыкни́сь, собака подхватитъ... А меня *хъ* кузнецу въ солому заро́й!"

Зарылъ лакей ево въ солому, шшенка изжарилъ; несётъ и спотыкнулся.—„Ай, собакѣ собачья и смерть!"

2. Кузнецъ сталъ рыть солому, чуть не запоро́лъ ребенка. Увидалъ и говоритъ: „Богъ найдёпыша далъ!" – Взялъ, на́чалъ ево расти́ть. Ребенокъ растетъ не по годамъ, а по часамъ. На̀чалъ играть съ това̀ришшами. Стали играть въ цари. Кузнецовъ сынъ говоритъ товаришшамъ: „Кричите: вороти́сь рѣка назадъ! У ко̀во воро́тицца, тотъ царь будетъ!"—Тѣ кричатъ, кричатъ—ничево; онъ скричалъ—и рѣка воротилась.

Стали играть другой разъ.—„Кричите: приклони́сь къ сыро́й землѣ лѣсъ!"—Тѣ кричатъ, кричатъ—ничево нѣтъ; онъ скричалъ—лѣсъ приклонился.—„Ну, во второй разъ я царь!"

Стали играть третій разъ.—„Кричи́те: утиши́сь въ лѣсѣ тварь!"....... *)—„Ну, ребята, я царь! которова удушу, такъ су́ду нѣтъ!" говоритъ.—Такъ и расписа̀лись они.

3. Начали играть. Наладили коне́й. Одинъ коня укралъ, потомъ друго́ва; онъ ево и повѣсилъ. Дошло до царя. Царь и говоритъ кузнецу: „Ты,—говоритъ:—тепѐря да́'-ко своёва сына въ чистое поле погулять!"

Взялъ царь сына, поѣхалъ. Кузнецъ далъ царю сначала своёва сына, не найдёныша. Поѣхали по́ лѣсу; сынъ и го-

---

*) Тутъ очевиденъ небольшой пропускъ. *(Д. З.).*

ворить: „Устро́ить бы на этомъ полѣ *каба́нъ*!“ — Царь и догадался, што не этотъ сынъ—царской сынъ.

„Давай, кузнецъ, другова!“— Поѣхали съ этимъ. Ѣдутъ полемъ.—„Эхъ, кабы на этомъ полѣ съ царёмъ повоевать!“ говоритъ.—И узналъ царь, што ето царской сынъ.

4. Начинаетъ отбивать у кузнеца сына. Даетъ ему быка и говоритъ: „Если въ такое-то время быкъ у тебя не отёлицца, я у тебя сына отберу!“ — Привели быка: „на̀ тебѣ, кузнецъ, быка!..“

А сынъ всё воюётъ съ мальчиками. Пришолъ домой.— „Што́ ты, тятинька, печа́лишься?“—„Такъ и такъ, царь тебя хочетъ отби́ть!“—„Давай, коли́ быка! Пріѣдутъ царскіе посла̀нники, ты сыми штаны́: притвори́сь, што роди́шь!“ — Приходятъ лакеи.—„Што?—говорятъ:—што это ты ма́есся?“— „Не моγу,—говоритъ:—разрожа́цца“.—„Што ты говоришь? γдѣ видано, штобы мужикъ сына родилъ?“ — „А γдѣ вы взяли, штобы быкъ телился?“ — Тѣ губу загну́ли, ушли. Объяснили царю.— „А это не ево умыселъ, это сына умыселъ!“.

„Вези́те, — говоритъ: — ему варе́ныхъ яи́цъ, штобы въ такое-то время курица цыплятъ насидѣла!“—А яица печёные Приносютъ яицы.— „Не насидитъ ку́рица, отберёмъ у тебя сына!“ — Сынъ узналъ и говоритъ: „давай ѣсь яица!“ — Съѣли. — „Придутъ царскіе лакеи, ты сиди, пшеницу вари́!“—„Нашто во́ришь?“—„Сѣять“.—„Гдѣ слыхано, штобы варе́ную пшеницу сѣяли?“ — „А вы γдѣ взяли, што печёныя яица курицы наси́живаютъ?“ — Такъ и сдѣлалъ отецъ. Лакеи ушли ни съ чѣмъ.

5. Въ тре́тей разъ приходютъ. Царь велитъ, штобы кузнецъ пріѣхалъ къ нему не нахъ, не одѣтъ; и ѣхалъ штобы не доро́гой, не сторонòй; вёлъ штобы друга и не́друга; нёсъ гостинецъ и негостинецъ; остановился у царя не на дворѣ и не на улицѣ.

Кузнецъ взялъ съ собой жену́, взялъ собаку; сынъ козла̀ поймалъ, на козла отца посадилъ, бреднёмъ ево накры́лъ; напра́вилъ ево по *колесни́цѣ*. Пріѣзжаетъ къ царскому двору. Черезъ подворотню переступи́лъ козелъ, остановился (Остановился не на улицѣ, не на дворѣ). Привёзъ царю тете́рю, отпустилъ — она улетѣла. (Гостинецъ и не-гостинецъ). Собакѣ далъ разъ, хозяйкѣ — два; хозяйка убѣжала; *га́ркалъ*,

га́ркалъ, хозяйка не пришла (не́другъ). Собакѣ далъ разъ, гаркнулъ, она прибѣжала (Это другъ; хозяйка — пе́другъ).

Такъ сынъ и остался у кузнеца.

6. Задумалъ онъ жени́цца. Высваталъ жо́нку. Та пожила, да убѣжа́ла.

Пошолъ ее разыскивать. Взялъ войско (мальчишекъ полки) съ собой. Нашолъ её у короля́. Короля дома не было. Жена спрашиваетъ: „зачѣмъ сюда пришолъ?“—Объяснилъ.—„Садись въ сундукъ пока, до моёва короля!“

Пришолъ король. *Гулева̀нка* ево сѣла на сундукъ и говоритъ: „я на королѣ сижу, на короля́ гляжу!“ — Подсмѣиваецца. — „Што́ ты смѣешься?“ спросилъ король — „А што̀ бы было, еслибы я старова мужа теперь привела сюда?“—„Голову бы снёсъ ему!“—Она и выпустила.

Король хочетъ ево убить. Царскій сынъ говоритъ: „Не казни меня въ дому, а при́ городѣ!“—Запрёгъ король коня въ *ходо́къ*, посадилъ ево на ко́злы, а самъ сѣлъ въ задо́къ съ женой. Онъ ѣдетъ да и говоритъ: „Ахъ, — говоритъ:—передніе колёса лошадь везётъ, а задніе чортъ несётъ!“ (Ему *забѣ́дно*, што жена ево сидитъ съ *гулева́номъ*).

Пріѣхалъ въ городъ. Взялъ король повѣсилъ *ре́лецъ*— вѣсить.—„Дай мнѣ передъ концо́мъ поиграть въ рожокъ“.— Король позволилъ. Заигралъ царской сынъ,—у ево *си́ла*-та (войско) и зашумѣла, идетъ къ нему.—„Што ето у тебя?“— „Это у моёва отца голубей мноһо, летаютъ. Дай мнѣ ишо послѣдней разъ игорну́ть“. — Жена и говоритъ: „не давай, обманетъ“.—„Што обману́ть-то? сейчасъ въ петлю́! въ нашей волѣ!“—Заигралъ, —*сила*-то ишо пу́шше зашумѣла.— „Што это?“—„Это голуби ближе летятъ“.

Еще разъ попросилъ игорнуть. Заигралъ,—а тѣмъ временемъ у короля *силу* всеё поби́ли. — „А, — говоритъ царской сынъ:—мои голуби всю твою пшеницу склевали!“—*Сила* подошла.—„Давайте,—говоритъ царской сынъ:—короля самово́ въ петлю́, а жену на лы́шную петлю́“. —И задави́лъ. Самъ сталъ королемъ вмѣсто нево.

41. „Вася да Ваня“ [Братъ и сестра].

1. Жилъ былъ мужикъ. У него было два сына: Вася да Ваня. Отецъ сталъ умирать.—„Вотъ тебѣ, Ваня, баню, а Васѣ домъ. Тебѣ, Ваня, сестру кормить!“

Отецъ по́меръ. Началъ Вася и́зъ дому гнать Ваню:

„Тебѣ тятька *отказа́лъ* баню—иди, съ сестрой въ банѣ живи!“—Переселились.

„Гдѣ мы хлѣба возьмёмъ?“ говоритъ сестра.—„Найдёмъ“.—Побѣжалъ Ваня въ лѣсъ, нало́малъ *дубо̀внику,* на полтара целковыхъ про́далъ.—„Вотъ и хлѣбъ, сестри́чка! есь о чёмъ тужи́ть? На завтра побѣгу́ пода́льше!“

2. Пошо́лъ, нашолъ домъ. Въ дому́ чанъ вина. Онъ выпилъ ча́рочку. Зашолъ въ другую ко́мнату,—тамъ золоты́хъ нава́лено *кма.* Онъ накла́лъ денегъ и домой.—„Ну, сестра, теперь стря́пай *ва́рю сла̀же,* зови брата въ гости!“

Настря́пала сестра всево́, всяки́хъ винъ набрала́. А Ваня побѣжалъ опять за деньгами. Захватили ево разбойники. Онъ этихъ разбойниковъ всѣхъ переби́лъ, 25 человѣкъ. И только одинъ убѣжалъ, спрятался, есаулъ.

Вася приходитъ въ гости; не пьётъ вина, сердицца. „Тебѣ,—говоритъ:—видно, отецъ *отказа́лъ* деньги въ банѣ“.—„Да чево,—говоритъ:—возьми тебѣ всѣ мои деньги!“—Подаетъ ему. Тотъ взялъ и убѣжалъ домой, не сталъ и ѣсь.

3. „Чево,—говоритъ:—намъ, сестра, въ банѣ жить? Пойдёмъ въ лѣсъ: тамъ есь для насъ домъ“.—Взялъ сястру́ съ собой, въ хоромы этѣ.—„Ну, теперь я стану охо́тничать“.

Ушолъ въ лѣсъ. Есаулъ и *подпа́лъ* къ ей, сестрѣ: „Давай Ваню убьемъ: онъ у меня убилъ 25 человѣкъ!“—Та согласилась.—„Какъ ево убить?“—„Сѣсь съ нимъ въ карты играть: хто ково обыграетъ, тому руки назадъ связать“.

Играли, играли. Онъ её обыгралъ, ей руки связалъ; посмѣялся и развязалъ. Потомъ она ево обыграла; связала ему руки.—„Ну, Ваня, потяни́!“—Онъ сильной; потянулъ—всё оборвалъ.

4. На другой день Ваня опять ушолъ. Есаулъ говоритъ сестрѣ: „Ты захварай нарошно и запроси у ево я́блони садово̀й! Онъ пойдетъ за нею въ домъ, въ лѣсу, а тамъ живу́тъ 20 человѣкъ,—убьютъ ево“.

Приходитъ къ вечеру Ваня.—„Ахъ, братецъ, я немогу, вся расхворалась. Такъ бы и съѣла яблони садо́вой!“—„Да гдѣ я её возьму?“—„Здѣсь есь тропка, иди—тамъ садъ!“

Ваня пошолъ. Приходитъ къ саду. Атаманъ кричитъ: „ловите ево!“—Прибѣжали дво́е; онъ одному руку оторва́лъ,

другому нóгу. Принёсъ сестрѣ яблоковъ. Она оздорóвѣла.

5. На другой день пошолъ онъ глядѣть домъ; „былъ,—говоритъ:—я въ саду, а домъ не видàлъ“ (торопился). Заходитъ въ домъ; ходилъ, ходилъ, видитъ дверь; въ двери, въ шшелочкѣ, свѣтъ; сшибъ ету дверь, тамъ царская дочь запёрта.—„Откуда ты? какая?“—„Я царская дочь, за оленя́ми ходила на охóту съ тятинькой; они меня поймали, трéтей годъ дёржутъ“.—„Я ихъ перебью!“—„Я тебѣ помогу́!“

Ваня спрятался; запёрла она Ваню въ комнатѣ. Разбойники прибѣгаютъ вечеромъ, скорѣе къ ча́ну; по стака́ну выпили.—„Видно, вамъ Господь далъ севодня?“—„Далъ“, говоритъ.—Выпили ишо по стакану.—„Я сёднишній день у родителя 'мени́нница!“—„Ой, ребята, царская дочь сёдни имени́нница! выпьёмъ!“ говоритъ.—Вы́пили какъ слѣдуетъ, уснули. Ваня взялъ саблю, всѣхъ переруби́лъ.

6. Взялъ Ваня царскую дочь и повёлъ къ сестрѣ на одну фатéру.—„Ну вотъ, сестри́чка, я тебѣ привёлъ подругу званья хорошова: тебѣ не ску́шно будетъ; учи́сь у её узоры вышивать“.

Ушолъ на охоту. А она ушла къ своёму *гулевàну*. Совѣтуютца, какъ Ваню убить. А царская дочь подслу́хиватъ.—„А ты обыграешь ево въ карты и свяжи руки ему резинковымъ ремнёмъ! я тоҺда ево и застрѣлю“.

7. Прiѣхалъ Ваня къ вéчеру.—„Ну, братчикъ, погулялъ?“—„Погулялъ“.—„А тебѣ не скушно?“—„Нѣтъ“.—„Давайте въ карты играть!“—„А какъ?“—„Хто ково обыграетъ, ру́ки назать связать“.—Играли, играли; онъ её обыгралъ, ру́ки назадъ связалъ; посмѣялся и развязалъ. Потомъ она ево обыгрáла и связáла ремнёмъ резинковымъ ру́ки.—„Ну, Ваня, потяни́!“—Тотъ потянулъ, не можетъ оторвать. Есаулъ выскочилъ, хочетъ ево убить. Царская дочь выбѣжала, ево изъ леворвéрту сейчасъ и застрѣлила.

Взялъ её Ваня, изъ ружья́ нарuши́лъ, сестру́ свою. А дочь царскую привёлъ къ своему родителю и поженился на ней.

---

42. „Шелудивая пьяница“.

[Диво дивное, чудо чудное].

1. Была жила шелудивая пьяница. Полёживаетъ она на бочкѣ, опохмѣливаетца (хто придётъ). А у купца работникъ жилъ *годовой*; былъ *стрѣлецъ*, и у нево жена была волшебница. Ему [купцу] ету жену охота было отбить у етова стрѣльца.

Посылаетъ купецъ своихъ работниковъ въ кабакъ: „Ступайте, въ кабакъ сходите: не расхвастаетца ли хто — уйти да не придти, куда?“

Приходятъ въ кабакъ. Шелудивая голова пьяница на бочкѣ лежитъ. — „Што, спишь или нѣтъ?“ — „Опохмѣлите меня, тоһда я вамъ скажу... Пусть приведётъ,—говоритъ:— льва, всѣмъ звѣрямъ звѣря“.

Купецъ и посылаетъ *стрѣльца*: „Ступай, приведи мнѣ льва, штобы былъ всѣмъ звѣрямъ звѣрь!“—Тотъ приходитъ домой, прикручинился-припечалился. Жена ево: „*айда*, милой сынъ! не кручинься, не печалься! На тебѣ узду, на тебѣ клубочикъ! Клубочикъ покатицца, — за нимъ всё айда!“

2. Клубочикъ покатился, онъ за имъ идётъ. Идётъ левъ, всѣмъ звѣрямъ звѣрь; какъ рявкнулъ, весь лѣсъ повалился. Не зробѣлъ, на ево узду надѣваетъ, повёлъ етова звѣря. И сколько есь въ бѣломъ свѣтѣ звѣрья, всѣ пошли за етимъ львомъ. Сколько хлѣба онъ примялъ-притопталъ, сколько лѣсу притопталъ. Описываетъ купецъ етому стрѣльцу: опустить етова звѣря обратно.—Приходитъ, опустилъ.

3. „Ну, — говоритъ: — теперь я тебѣ ишо службу найду: отъ моёва отъ родителя принеси рукописаніе!“ — Онъ приходитъ домой къ женѣ: „Опять на меня, несчастнова, наложилъ службу!“ — „Ну, напейся квасу, молись Спасу! утро вечера мудренѣе! ложись спать“. — Стаётъ онъ поутру. Далъ [?] ему два солдата и клубочикъ.

Клубочикъ катицца, онъ за имъ идётъ. Клубочикъ закатился въ пешшору, упалъ. Пушшаетъ солдата туда: „подать,—говоритъ:—вашево, а оттуда [?] нашево!“—Отца оттуда выпехнули.

Отецъ на́чалъ рукописаніе писать сыну. Написа́лъ, передаётъ *стрѣльцу*. Стрѣлецъ кричитъ въ окно (въ дырочку): „подать нашево, возьмите вашево!“—Отца сталкиваетъ туда; оттуда вы́пехнули ему солдата.

Обрасча́ютца они домой обратно; приходитъ къ купцу, подаётъ рукописаніе.

4. Прочиталъ; призываетъ опять етова стрѣльца. „Я,—говоритъ:—тебѣ слу́жбу опять нахожу́“.—„Какую?“—„*Тупайте*, лакеи, сбѣгайте въ кабакъ! спросите у шелудивова пьяницы: „куды уйтить, да нѐ придти́ть?“—Побѣжали.—„Шелудивая голова пьяница, спишь или нѣтъ?“ — „Сплю и нѣтъ“. — „Не знаешь: куды уйти да не придти?“—„Знаю. Опохмѣли́те меня!“—Онѣ ево опохмѣлили. Приходють.

„Ступай туды, нѐ знаю куды; принеси то, не знаю што!“—*Стрѣлецъ* къ женѣ. Жена вышила ему три полотенца съ узо́рами и утромъ ево отправила, дала́ ему клубочикъ. Этотъ клубочикъ покатился, онъ за клубочкомъ. Закатился въ теремо́чикъ: лежитъ старуха агрома́тная.—„Што ты шля́ешьси?“—„Напой накорми, тоhда вѣсти распроси!“—Стала ево кормить. Сталъ онъ руки вытира́ть, взялъ свой рукотѐрчикъ.—„А! зятюшко-ба̀тюшко!“

„Вотъ,—говоритъ:—надо сутки сидѣть! Ступайте, лакеи, неси́те книгу!“—Принесли. Она двое су́токъ ни спала̀, не дрема̀ла, всё прибира́ла ету книгу.—„Нѣтъ,—говоритъ:—зятюшко-батюшко, нѣту! Ступай къ серѐдней сестрѣ: у ей етова нѣтъ ли?“

5. Поу́тру стаётъ, пушшаетъ клубочикъ. Клубочикъ покатился; закатился въ теремочикъ: лежитъ *тошнѣе* тово старуха.—„Што ты, молодецъ, шляешся?“—„Я не шляюсь; дѣло пыта̀ю. Напой, накорми!“—Она даётъ ему руки умывать, даетъ рукотѐрчикъ.—„У меня,—говоритъ:—свой не ма̀ранъ!...“ [1]).

„Ахъ, это я не знаю. Знаетъ у меня только Котъ Котофе́ичъ. Ступайте за имъ пошлите!“

Посла́ли за имъ волка. Онъ отказался: „у волка,—говоритъ:—рѐбра прямы́е, я упаду́“.

6. „Пошлите,—говоритъ:—Ми́шенькю!“—Мишенькю при-

[1]) Тутъ пропускъ, содержаніе коего ясно: старуха узнала по полотенцу, что это ея зять; тотъ объяснилъ ей свое дѣло.

сла̀ли. Котъ Котофеичъ сѣлъ на Мишенькю верьхо́мъ, пріѣхалъ.—„Ну, што́ тебѣ нужно?..“ *).

„Я,—говоритъ:—знаю все̇. Пусь онъ иде̇тъ черезъ калиновой мостъ;... стоитъ избу́шка...“

Въ ету избушку заходитъ и скрикнулъ въ етой избушкѣ: „Стры́шка-ары́шка! собирай на столъ!“—„На сколько,—говоритъ:—персо́нъ?“—„На́ семь“.—Стры́шка-ярышка наста́вила. Заку́сывали со стрѣльцо́мъ.

Потомъ пошолъ съ нимъ вмѣстѣ. И стоитъ старичокъ у воротъ.—„Ну,—говоритъ:—Стрышка́-ярышка, дай *дѐру* етому стари́ку-то!“—Стрышка-ярышка посла́лъ дуби́нку, она давай етова старика *мызда̀чить*.

„Вотъ што,—говоритъ [старикъ]:—молоде́цъ! давай,—говоритъ:—смѣня̀емъ: у меня есь ду́дочка, въ одинъ конецъ ду́не̇шь—*сила* будетъ, а въ другой ду́не̇шь—хоро́мы будутъ. Смѣняй мнѣ на *тое̇*, на дуби́нку“.—Смѣняли.

7. Приходитъ [домой]. Не доѣзжаетъ до свое̇ва дому ве̇рсъ 50, въ одинъ дунулъ конецъ—*сила*, въ другой дунулъ—хоро́мы. Посылаетъ посла̀нниковъ, штобы ѣхалъ купецъ—стрѣча́лъ етова *стрѣльца*. Купецъ ѣдетъ съ женой съ ево́ ужъ (жену́ отбилъ у ево). Пріѣзжаетъ; только подъѣзжаетъ,—„Ну-ко,—говоритъ:—Стрышка-ярышка, дай ты ему *дѐръ*!“—Стрышка-ярышка посла̀лъ дуби́нку; она давай ево ката́ть, захлеста̀ла ево до́ смерти.

---

43. [Кожа медвѣжья лицо человѣчье и Самъ съ ноготокъ борода съ локотокъ].

1. Пошолъ мужикъ въ лѣсъ. Поймала ево медвѣжиха, приговори́ла ево къ себѣ. Про́жилъ онъ съ ей годъ и на́жилъ ребе̇нка. Ребе̇нокъ родился: кожа медвѣжья, лицо человѣчье.

„Тятинька! што намъ съ ей жить? она вѣдь насъ съѣсъ!“—„*Айда̀*, һдѣ ты жилъ, домой!“—„Айда̀! я убью́ ее̇“, говоритъ.—Убилъ сынъ ее̇. Побѣжали они домой.

2. У сына двѣ силы—человѣчья и медвѣжья. Пришолъ онъ домой; началъ съ ребяте̇шками поигрывать—кому руку оторъве̇тъ, кому ногу. И на́чала на нево жа́лоба.

*) Пропускъ: Коту объясняютъ, въ чемъ дѣло.

Отцу ето непріятно. — „Ахъ, ока́зія!.. У меня, — говоритъ:—сынокъ, жилъ въ работникахъ чортъ; лошадка была у меня бу́ринькая“ (медвѣдь). Велѣлъ сыну привести. Тотъ привёлъ чорта и медвѣдя.

3. „Ну, теперь, тятинька, у тебя долгъ есь на комъ?“— „Есь,—говоритъ:—у меня на царю́ 12 мѣшко́въ золоты́хъ“.— „Поѣдемъ по(а) до́лгъ!“

Кожа медвѣжья лицо человѣчье сѣлъ въ *задокъ*, а чортъ сѣлъ на ко́злы. Пріѣзжаютъ къ царскому дворцу, дока́зываютъ, што по(а) долгъ пріѣхали. Сарь приказалъ на всѣхъ церквахъ звонить въ колокола́: „што такая невѣжа пріѣхала,—говоритъ:—Я никому́ не до́лженъ!“

Кожа медвѣжья лицо человѣчье заставила *ора́ть* пѣсни чорта. Чортъ пѣсни *заора́лъ,*—не пушекъ, не зво́ну, ничево не слыха́ть стало.

Подъѣжжаютъ. Царь испуга́лся; вы́кинули ему всѣ 12 мѣшковъ золота. Поѣхали домой съ де́ньгами; подъѣзжаютъ къ отцу,—отецъ не радъ и де́ньгамъ.

4. Видитъ сынокъ, што отцу ево держать не охота. — „Тятинька! бла’слови́ меня, да да’-ко мнѣ три карава̀я хлѣба!“ — Взялъ три каравая хлѣба, пошолъ по большой дорогѣ.

Идётъ богатырь трёхгла̀вой:—„Ахъ какая невѣжа идётъ!“— Кожа медвѣжья лицо человѣчье взялъ ево да объ доро́гу ево и ударилъ. — „Батюшка, не бей! — говоритъ:—я буду твой меньшо́й братъ!“—Отправился съ нимъ. Идётъ.

Идётъ опять шестиглавой змѣй. — „О! — говоритъ: — за каки́мъ ты невѣжой идёшь!“ — Кожа медвѣжья лицо человѣчье взялъ да и уда́рилъ ево объ доро́гу.—„Батюшка, не бей! я буду вашъ середней братъ“.

5. Зашли́ въ сторону. Стоитъ избу́шка. Зашли въ ету избу́шку. — „Ну-ко, бра́тьи, давайте-ка стрѣлять!“ — Пошли охо́тничать. Одново́ брата, меньшо́ва, оставили въ ызбу́шкѣ.

Онъ глядѣлъ-глядѣлъ, да увида́лъ ду́дочку подъ *ма́ткой.* На̀чалъ въ дудочку игра̀ть. Прибѣгаетъ Самъ съ ного-то́къ борода съ локото́къ, а усы́ семь четвертей, и давай ево рвать за дудочку. Билъ, билъ, билъ и опять дудочку заткну́лъ, убѣжа́лъ.

Приходятъ братовья́ съ охоты. — „Што́ ты лежи́шь?“ — „Я шипко угорѣлъ!“—Не сказываетъ, што онъ ево билъ.

6. Уходятъ на другой день; остаётца середней братъ въ ызбушкѣ. И этотъ—глядѣлъ-глядѣлъ, дудочку увидалъ, началъ въ дудочку играть. Прибѣгаетъ Самъ съ ноготокъ борода съ локотокъ а усы семь четвертей, сгрёбъ ево, давай бить...

Приходятъ съ охоты.—„Я што-то немогу!"—(Малой братъ про себя и дýмаетъ: „видно, ему угáръ-отъ мой былъ!")

7. Остаетца Кожа медвѣжья лицо человѣчье. Увидалъ дудочку, давай играть. Прибѣгаетъ Самъ съ ноготокъ борода съ локотокъ а усы семь четвертей, сгрёбъ ево, хотѣлъ бить. А онъ взялъ ево, за ýсъ поймалъ, ýголъ поднялъ и *замшилъ* ево. Рвáлся, рвáлся, оторвáлся; безъ усá убѣжалъ безъ одновó (объ однúмъ усѣ́).

8. Приходятъ тѣ братовья́. Онъ обскàзываетъ.—„Подёмте разы́скивать ево!"

Пошли искать. Нашли домъ: дѣвица живётъ въ нёмъ.—„Гдѣ Самъ съ ноготокъ борода съ локотокъ поживàетъ?"—„Онъ у серёдней сестрѣ; ево хто-то избилъ", говоритъ.

Отправилися къ середней сестрѣ. Приходятъ:—„Гдѣ такой Самъ съ ноготокъ борода съ' локотокъ?"—„Онъ лежитъ на пескѣ, на плитѣ отдыхáетъ; ево хто-то избилъ. Вамъ,—говоритъ:—ево такъ не убить; а ежли плитý перевернёте, и ево задáвите".

Кожа медвѣжья лицо человѣчье подхватилъ плитý, перевернýлъ, задавúлъ ево. Отправилися домой и осталися въ этомъ дому жизь свою коротáть.

---

44. „Про Елену Красоту золотую косу".

1. Была у короля дочь Елена Красота золотая коса. И она была у ево спрятана и рослá въ спáльнѣ: никому онъ её не казáлъ.

Первая жена (мать Елены Красоты) у короля умерлá. Взялъ онъ себѣ другýю, волшéбницу. Эта ево жена выйдетъ на балхóнъ утромъ и говоритъ: „зарá хорошá, а я ишò лучше!"—А заря отвѣчаетъ: „Елена Красота ешо лучше тебя!"

Она и спрашиваетъ мужа: „ђдѣ Елена Красота? Заря мнѣ говоритъ, што она ишо лучше меня... Если скажешь,

съ тобой буду жить; не скажешь—не стану!"—„Она у меня въ *западя́хъ* растётъ".

2. Королева и говоритъ: „Посади её въ пово́зку, вели кучеру заколо́ть въ лѣсѣ, одно сердцо вы́тасшить и принести мнѣ!"—Елена Красота выпросила у кучера: „не бей меня! собаку убей и отдай мачихѣ сердце собачье!"

Онъ её опусти́лъ. Принёсъ собачье серцо.

3. Елена Красота ушла, куда глаза глядятъ. По лѣсу ходила, вся истерза́лась. Пришла въ домъ; у дома два льва. Эти львы никово не пропушша́ли—не ко́ннова, не пѣшова. Она прошла́. Видитъ: въ дому не *обихо́дъ*; видно, што *мушшы́нская* работа. Она взяла̀, чаны́ *обихо́дила*, исправила всё по-ба̀бьему.

Приходютъ они, 25 человѣкъ. Видятъ, што *обихо́дъ* у ихъ. Есаулъ кричитъ: „хто это *обихо́дилъ*? Если старичокъ, будь намъ тятинька! если молодая дѣвица, будь намъ сестричка!"—А она за сундука́ми схорони́лася. Выглянула и говоритъ: „я обиходила".

Онѣ её убра̀ли, не могутъ наглядѣцца.

4. Волшебница, жена короля, опять выйдётъ утромъ на балхо̀нъ: „заря хороша́, а я ишо́ лучше!"—А заря отвѣчаетъ: „Елена Красота ешо лучше тебя!"

Голубкой обернулась [волшебница], прислала платье: „Возьми, тебѣ роди́мая ма́монька принесла платье!" (Омморачиваютъ ее). Елена Красота взяла, надѣла и померла. Львы заревѣли благимъ ма́томъ.

Тѣ хотѣли её хорони́ть; сняли съ неё платье, она и оживѣла.—„Ты, Елена Красота,—тебя мачиха омманываетъ, ты ей не откликивайся!"

5. Опять уѣхали разбойники въ лѣсъ. Вышла жена короля на балхо́нъ: „Заря хороша̀, а я ишо лучше!"—А заря отвѣчаетъ: „Какая въ тебѣ красота? Елена Красота лучше тебя!"

Голубемъ обернулась: „Прислала́ перстень ма́монька".—Надѣла [Елена Красота] и умерла. Львы заревѣли *недобро́мъ* опять. *Пригоня́ютъ* [разбойники]: Елена Красота умерла́. Пла̀тье сняли; а коле́цъ-то многo было, не догадались снять ихъ. Не встаетъ.

Дѣлать нечего, надо хоронить. Повѣсили на четыре столба, на цѣпяхъ, гробъ. Есаулъ: „што́ я сдѣлаю, то́ и вы!"—Самъ закололся, всѣ и закололись вокру́гъ её гро́ба.

6. Ѣдетъ на корабляхъ купеческой сынъ по́ морю и видитъ: кака-то гробница лежитъ съ-по́дъ-золотомъ. Остановился, гробъ открылъ; не можетъ налюбовацца. Взялъ её съ собой, увёзъ на *казёнкѣ* съ товарами. Пріѣзжаетъ домой съ ими. Товаръ складывать надо, а ему—какъ пронесь въ спальну эту дѣвушку?—Пронёсъ, прокра́лся съ ею и на́чалъ свою спальну запира́ть.

Мать начала́ за имъ замѣчать: „што-то сынокъ свою спальну запираетъ! надо поглядѣть!"—Поглядѣла и говоритъ: „отецъ, у ево мёртвоё тѣло лежитъ! надо сжечь".—Взяли смолья́, хотѣли жечь, а прачка: „надо мнѣ снять ко́льца".—Первое кольцо́ взяла̀,—она и оживѣла. Обезумѣли всѣ.

„Я царская дочь!" объяснила она. „Меня мачиха оммора́чиваетъ".—Купецъ взялъ и своёва сына на ней женилъ.

---

45. „Какъ Господь ходилъ по землѣ".

[Марко Богатый].

1. Господь ходилъ по землѣ до Христова рожденія 30 лѣтъ. Марко Боћатой Ево ждалъ къ себѣ въ гости и разосла̀лъ су́конъ—чёрныхъ и красныхъ, поставилъ лакеевъ возлѣ етихъ су́конъ. Господь доходитъ до этихъ суконъ, Ево лакеи не допусти́ли: Онъ ни́шшой братіей *собра́лся*, а онѣ думали, што Онъ Богъ знаетъ какъ наря́дицца.

2. Обрати́лсы Господь съ апостолами обратно, къ сестрѣ Марки Богатова, вы́просился ночевать. Приходятъ ночевать; сидятъ, попросили они хлѣбца поужинать. Они сидя́тъ, хлѣбъ ѣдятъ, а хлѣбъ не убываетъ.

Прилетаютъ ночью два ангела: „Господи,—говоритъ:—какимъ ты ихъ счастіемъ наградишь?—два ребёнка роди́лись въ одну ночь: у Ма́рки Богатова родила́сь дочь, а у бѣднова мужика роди́лся сынъ".—„Надѣлю я ихъ сча́сьёмъ: *вьюношу* бѣднова мужика надѣлю Марки Богатова сча̀сьёмъ".

3. Эта женщина выходитъ утромъ. Марко Богатой выходитъ, почёсываетца у своихъ воротъ.—„У меня,—говоритъ:—нынѣшнюю ночь Господь ночевалъ съ апостолами".—„Какъ такъ? или́ къ тебѣ пойдётъ Господь начевать, а ко мнѣ не

зайдётъ?"—„Право,—говоритъ:—я не пивáла не ѣдàла (сегодня утромъ, значитъ: врать не буду)! У тебя севоднишнюю ночью родилась дочь, а Господь говоритъ, што „надѣлю я счасьемъ Марки Богатова сына бѣднова мужика".

4. Запрягаетъ онъ дышлóвую свою лошадь—разыскивать бѣднова мужика сына, которой съ ево дочерью въ одну ночь родúлся. Разыскалъ; „продай,—говоритъ:—мнѣ этова сына!"—Тотъ бѣдной.—„Дай мнѣ сто рублей!"—Деньги вы́кинулъ, увёзъ етова мальчика.

Отправился зà городъ; взялъ, ево въ стóрону бросилъ.—„Вотъ, — говоритъ: — владáй моимъ счáсьёмъ!" (заморозить хотѣлъ).

5. Обóзники ѣдутъ, на етова мальчика *натакàлися*: кругъ свѣчи ево горя́тъ ужъ, не замёрсъ. Взяли этова мальчика, положи́ли въ *ягу́*; лошади у нихъ пошли хóдко.

Привезли́ етова мальчика къ Маркѣ Богатому: „Господь намъ найдёныша далъ!" — „Продайте ево мнѣ! Какъ такъ онъ цѣлъ остáлся?"—Купилъ, взялъ ево въ бочёнокъ заковáлъ и пó морю пусти́лъ.

6. У ево [Марка Б.] былъ на островáхъ монастырь. Къ этому монастырю бочёнокъ и приплы́лъ. Пошла прачка бѣльё мыть и слушаетъ: *служба* хорóшая въ етомъ бочёнкѣ. (Онъ ужъ большóй сталъ, на жениха ужъ *нахóдитъ*). Приходитъ прачка, монахамъ сказываетъ. Тѣ пришли́, бочёнокъ росшибли; у его евангеліе на грудѣ.

Ввели ево въ монастырь. А монастырь былъ бѣдной-пребѣдной; а потомъ ево завали́ли дéньгами и хлѣбомъ, какъ онъ поступи́лъ, этотъ мальчикъ.

7. Марко Богáтой услыхàлъ, што монастырь ево богáтъ сталъ; поѣхалъ навѣсти́ть свой монастырь. Ему тамъ докладываютъ, што „Господь далъ намъ такова-та мальчика: насъ завали́ли дѐньгами и хлѣбомъ, какъ онъ поступилъ къ намъ!"—„Дайте мнѣ етова мальчика домой сходить съ письмомъ."—„Возьми, возьми!" говоритъ.

Отпустили етова мальчика монахи. Отправилсы съ етимъ письмомъ. А онъ написалъ въ письмѣ къ женѣ, штобы—онъ какъ только дойдётъ, штобы сожгли ево въ огнѣ.—Попалъ ему старичокъ: „Ну-ко, — говоритъ: — покажи мнѣ письмо, молодéцъ!"—Онъ ему показалъ письмо. Онъ ево повернýлъ два раза: „*Айдà*,—говоритъ:—отправляйся съ Боһомъ!"

8. Приноситъ етотъ мальчикъ письмо. Жена распечатыватъ. Въ письмѣ: „штобы обвѣнчать ево немедленно съ тою дочерью Марки Богатова, которая родилась въ одну ночь съ этимъ мальчикомъ". — Женшина живо ихъ къ вѣнцу́, обвѣнча́ла.

Марко Богатой приходитъ. Какъ влетѣлъ въ ко́мнаты, хлопъ женѣ по шшокѣ.—„Што ты, собака, меня ударилъ?"— „Я,—говоритъ:—тебѣ велѣлъ салото́пшикамъ ево передать, сжечь! а ты чево надѣлала?"— „Твоя, — говоритъ:—рука-та, пи́сано! погляди!" говоритъ. „Да, — говоритъ: — моя рука! какъ такъ ето я ошибся?"

9. Посылаетъ своево зятя Марко Богатой къ Со́лнышкиной Матери: „поди,—говоритъ:—спроси: сколько мнѣ осталось вѣку? коhда мнѣ будетъ смерть?"—Отправилсы. Идётъ. Верти́тца мужикъ на колесѣ: „Куда ты пошолъ?"—„Пошолъ я къ Солнышкиной Ма́терѣ".—„Спроси́ про меня про грѣшнова: зама́ялся я—на колесѣ болта́юся, кача̀юся!"—„Ладно,— говоритъ:—спрошу́, спрошу́!"

10. Двѣ женшины изъ крынки въ кры́нку молоко переливаютъ: „Молоде́цъ уда́лой, спроси́ про насъ про грѣшныхъ!"—„Ладно, ладно! спрошу, спрошу!"

Ишо пода́лся. Два старичка бѣгаютъ, собаку не мо́жутъ поймать.—„Молодецъ удалой! куды пошолъ?"—„Къ Солнышкиной Матерѣ!"—„Спроси про насъ про грѣшныхъ!"

Жена съ му́жомъ бѣгае(и)тъ,—не оконъ не дверей не могутъ найтить,—кругъ до́му. (Онѣ на бѣломъ свѣтѣ на фатеру никово не пушша̀ли).

11. Солнышкина Мать, старушка, говоритъ ему (обсказываетъ всѣ обиды): „Этимъ ввѣкъ не будетъ прощенія (женѣ съ мужомъ): онѣ на бѣломъ свѣтѣ людей не пушша́ли обогрѣва̀цца".

„А эти два старичка—имъ скоро прошшенье будетъ".— „За што онѣ ма́ютца?" — „Онѣ отъ просфи́рки кро́щечку уронили, крошечку собака съѣла; за ето онѣ и маютца".

Двѣ женшины спрашиваютъ у мальчика: „скоро ли намъ прошшенье будетъ?"—„Вамъ вѣки вѣчные не будетъ прошенья: вы на бѣломъ свѣтѣ снято́е молоко любили продавать и подавать!"

Приходитъ домой. Мужикъ на колесѣ: „за што я ма́юся?"— „Ты на бѣломъ свѣтѣ любилъ ко́нями мѣня́ть, божи́цца,

клясться; мота́лся! тебѣ вѣки вѣшные не будетъ прошшенья!“

12. Приходитъ къ Маркѣ Богатому. Марко Богатой ево посылаетъ, въ ночь, своихъ караулить рабо́чихъ, въ салото́пню. Эту онъ ночь исходи́лъ; тёшша ево не пусти́ла (она знаетъ, што онъ хочетъ ево уходи́ть, *заръши́ть*). Марко Богатой утромъ спра́шиваетъ: „ходилъ ли ты?“—„Ходилъ“.—„Што жо не могли онѣ ево убить?“

Пошолъ самъ, своихъ бить салото́пшиковъ. Какъ забѣжалъ, онѣ ево *сса́паютъ*, пря́мо ево въ салото́пню, сожгли. (Они думаютъ, што зять пришолъ). Сожгли, зять ево и остался въ дому́ вѣковѣшно.

Господь што на роду́ написалъ, то и стало.

---

46. „Котъ и соболёкъ“.

[Волшебное кольцо].

1. Купилъ ко(а)та—сабалькя́ мужикъ. Посылаетъ мать у царя до́черь сватать. Старуха приходитъ: „я съ добрымъ сло́вомъ, со сва̀таньёмъ!“—„Пусь онъ мнѣ въ одну ночь устро́итъ церкву—и штобы въ пять часовъ ударили къ заутренѣ!“

Приходитъ старушка къ своёму сыну, заявляетъ: „милой сынъ, штобы въ пять часовъ была церква устроена—штобы къ заутренѣ *вда́рить*!“—„Это,—говоритъ:—служба!“

Вышолъ ночью, въ 12 часовъ, на́чалъ кольцо съ руки на̀ руку метать,—жи́во кладётца церковь. Церковь устро́илася, въ пять часовъ къ заутренѣ забла́говѣстили.

2. Старушкѣ поглянулось. Во второй разъ опять идётъ сватать къ царю.—„Пусь твой сынокъ вокругъ моёва дворца́ проведётъ канавы—въ одной канавѣ пусь будетъ кисель, а въ другой малако!“

Приходитъ бабущка. Объяснила.—„Это не служба, а слу́жбишка! Исправимъ эти штуки!“ — Царь приходитъ: точно—молоко и кисель.

3. Приходитъ старушка еще сватать. Пусь твой сынокъ прiѣзжаетъ вѣнча́цца, и сдѣлаетъ мостъ—на мосту́ сорокъ сороко́въ столбовъ и сорокъ сороковъ огней!“

Царь свою дóчерю къ вѣнцу отправилъ по етому мосту́. Поѣхали вѣнчáцца.

4. Обвѣнчáлися, потомъ легли онѣ спать.—„Каки́ ты штуки твори́лъ! — чѣмъ ты ето?“ — „У меня кольцо весь етакое“.—Возьми—это кольцо у ево укралá да отъ ево и убѣжáла.

Царь ево спросилъ: „дóчери нѣту! — куды дѣвалъ?“— Взялъ ево да въ столбъ заклáлъ въ кáменной.

5. Прибѣгаетъ котъ да соболёкъ, *сарáпаютца* въ етотъ столпъ.—„Это хто такой?“—„Котъ да соболёкъ!“—„Ступайте, мнѣ розыщшы́те мою жену́ и кольцо—кольцо она укралá, моя жена.

6. Котъ да соболёкъ побѣжали въ иные зёмли, нашли её. А въ тѣхъ земляхъ не было ни котовъ, ни соболькя́— этова звѣрья́ нé было. Жена увидала: „Ахъ! котъ да соболёкъ! изъ нашой земли прибѣжали!“—Приговорила ихъ къ себѣ. Они тому дѣлу рады.

Соболькя́ привязàли на дворѣ, а кота пустили въ ызбу. Котъ всеё ночиньку не спитъ, всё нюхаетъ. Искалъ, искалъ и нашолъ это кольцо въ сундукѣ, на самомъ на днѣ.

7. Поймалъ котъ мышку большую: „Я вашъ весь родъ переведу́, если вы мнѣ не прогрызёте это дно!“ — Мышка говоритъ: „*чечáсъ*“.—Живо прогры́зли дно, кольцо добы́ли ему.

Взяли они кольцо, съ соболькёмъ побѣжали. Понесли ето кольцо.

8. Поплы́ли; соболёкъ задохну́лся, да уронилъ пéрстень свой—вы́ронилъ въ рѣку́. Рыбàки рыбу лóвють, увидáли ету собачку съ котомъ и *пригàркиваютъ* къ себѣ. И сóлють ету рыбу—кишки́ выпáрываютъ.

И нашли въ етихъ кишкàхъ кольцó сво(а)ё. Съ кольцомъ побѣжали, радёхоньки.

9. Прибѣгаютъ. Нáчали царапацца въ столбъ. Передаю́тъ ето кольцо въ окошечкё(о). Получилъ онъ кольцó, нáчалъ съ руки нà руку метать,—столбъ сталъ развáливацца. Развали́лся—и жена бѣжитъ. Прибѣжала жена. Царь призываетъ свою дóчерю къ наказанію за глупости. Наказалъ.

Сказка Н. Ф. Шешнева.

Родной сынъ предшествующаго сказочника, живущій съ нимъ въ одномъ домѣ на Теченскомъ заводѣ Екатеринбургскаго уѣзда, Никифоръ Филипповичъ Шешневъ (лѣтъ 25—30) сказокъ вообще не знаетъ и никогда никому ихъ не разсказываетъ. Но, слушая, какъ отецъ его разсказывалъ мнѣ сказки для записи и получалъ за то приличный гонораръ, — и онъ вызвался разсказать мнѣ одну сказку, которую, будто бы, „самъ выдумалъ". (Въ дѣйствительности, сказка эта традиціонная и, конечно, гдѣ-нибудь Никифоромъ была выслушана). — Привожу здѣсь эту сказку, разсказанную вообще не совсѣмъ удачно, какъ образчикъ современныхъ народныхъ сказокъ въ устахъ случайныхъ сказочниковъ не-спеціалистовъ.

---

47. [Ловкій воръ].

1. Жилъ былъ старикъ со старухой. У нихъ не сына, не до́чери. Старухѣ стало трудно одной жить: дескать, помо́ги нѣтъ ей. Старуха говоритъ: „дѣдъ, идите найми́те работника, хоть помогать мнѣ: не могу я дровъ ташшыть, не могу ничево дѣлать тамъ".

Старикъ пошолъ на базаръ нанимать работника: „Не пойдётъ ли, ребята, хто ко мнѣ въ работники?"—Тутъ одинъ стои́тъ старикъ и говоритъ, што „я пойду, дѣдушко, хоть изъ-за хлѣба жить къ тебѣ".—Наня́лъ старикъ работника; звать ево Иваномъ.—„Вотъ тебѣ, старуха, работникъ! будетъ помогать".

2. Съ этѣмъ со старикомъ имѣлъ купецъ дружбу. И вотъ, старикъ пошолъ въ гости *хъ* купцу. Сидѣли онѣ до 12-ти часовъ ночи и выдумали они со старикомъ побитца въ томъ, што—купецъ заявляетъ, што „тебѣ у меня лошадь не укра́сь", а старикъ говоритъ, што „я украду́".— И поби́лись онѣ съ нимъ объ двѣсти рублей.

3. Приходитъ старикъ домой, задýмался и загорю́нился.— „Дѣдъ, ты чевó не весёлой?“ — „Ну, старуха, мнѣ бѣда!“— „Кака жо тебѣ бѣда?...“ А Иванъ слушаетъ. — „Дѣдко, ложись спать! утромъ всё готово будетъ!“ Иванъ говоритъ.

Приходитъ Иванъ *къ* купцу. Ворóта были отвóрены, а тутъ былъ караулъ сильной (у купца, караулили вора-та). Поставили ему четверть вина. Онѣ ету четверть выпили, опьянѣли и свалились. Иванъ поймалъ лошедь и повёлъ. Приводитъ къ старику. Старикъ радёхонекъ, што Иванъ лошедь украль: 200 рублей заробóтали.

Купецъ утромъ сталъ, спрашиватъ: „һдѣ лошадь?“ — Лошади нѣту. Отказалъ своимъ всѣмъ караульнымъ.

4. Старику поглянулась ета зàработка. — „Дай, я ешо пойду къ купцу!“ — Приходитъ старикъ къ купцу. — „Ну, дѣдко, мнѣ *бѣдно*!“ — „Што жо тебѣ *бѣдно?...* Ну, купецъ, если тебѣ *бѣдно*, давай пóбьёмся ишо!“ — „А въ чёмъ станемъ битца?... А вотъ въ чёмъ: если ты изъ-подъ моёй бабы постелю утáшшышь, тоһда двѣсти рублей твои“.

Старикъ приходитъ домой—задумался, загорю́нился. Старуха старику: „што ты, дѣдко, задумался?“ — „Какъ жо мнѣ не думать?...“ — Иванъ говоритъ: „дѣдушко, не думай! къ утрему всё готово будетъ!“

5. Отправился Иванъ утромъ къ купцу. Зашолъ онъ на дворъ, а потомъ въ чуланчикъ забрàлся. А у этова купца тоже былъ работникъ Иванъ. Онъ въ этѣмъ чуланчикѣ нашолъ *опáру*. Потомъ нашолъ постелю — һдѣ спитъ купецъ съ барынéй; Иванъ взялъ, ету опáру вылилъ прямо *имя́* въ серёдки. (Они спятъ).

„Бáроня, што съ вами сдѣлалось? — говоритъ купецъ: — надо скричать Ивана, штобы онъ постелю уташшылъ у насъ!“ (и́хнева работника). „Иванъ!“—А этотъ тутъ и былъ, стариков'отъ работникъ (а тотъ спитъ, и ротъ разы́нулъ).— „Што?“ говоритъ...—Уташшылъ постелю.

Купецъ утромъ встаётъ, сади́цца чай пить. Спрашиваетъ свою бароню: „што съ вами сдѣлалось севодни ночью?“ — „Я не знаю!“ — „А постеля-та гдѣ?. Иванъ! гдѣ постеля?“—Иванъ говоритъ, што „я никакой постели не видалъ!“ — „Какъ, — говоритъ: — не видалъ?“ — „Вы, — говоритъ: — унесли иё!“ — Поискали, поискали, нѣтъ негдѣ. — „Навѣрно, стариковъ работникъ унёсъ! Ванька!“

Купецъ пошолъ къ старику. — „Постеля моя у васъ?“— „У насъ!“—„Што ето за такой Ванька?!“

6. „Давай,—говоритъ:—ешо побьёмся, дѣдко! послѣднёй разъ!“ — „А объ чёмъ станемъ мы битца съ тобой, купецъ?“ — „А если онъ у моёй жены колѐчко украдётъ съ руки, то тебѣ 400 целковыхъ! (тоhда будётъ 800 рублей у тебя!)“.—Старикъ задумался... Иванъ говоритъ: „дѣдко, не думай! Къ у́трему будетъ всё готово!“

„Дай мнѣ, дѣдъ, три рубля денегъ!“—„Нашто?“—„Мнѣ купить *мертвяка́!*“ — Подбѣгаетъ Иванъ къ це́рквѣ, стучитца: — „Дѣдко, отвори!“ — Тотъ спрашиваетъ: „для чево? зачѣмъ?“ — „Продай мнѣ покойника!“ — Старикъ: „Што ты? Бохъ съ тобой! съ умомъ ли?“ — „Возьми вотъ два рубли денегъ! давай отроемъ!“—Старикъ согласился за три рубли покойника отрыть. А покойникъ (зимой дѣло-то было ето) сты́лой.

Купецъ сидитъ у око́шка въ своемъ домѣ, караулитъ Ивана съ лево́рвертомъ. А Иванъ подходитъ съ этимъ съ покойникомъ и въ окошко этимъ покойникомъ ка̀жетъ.— „Ба̀роня!—говоритъ [купецъ]:—Ванька въ окошко лѣзётъ! Сейчасъ я ево стрѣлять стану“.—Выстрѣлъ далъ, Иванъ покойника опустилъ. И говоритъ купецъ, што „я, — говоритъ: — бароня, Ивана застрѣлилъ!“ — А Иванъ отбѣжалъ за́ уголъ и стоитъ.—„Я,—говоритъ:—теперь, бароня, пойду, понесу Ивана куда-нибудь въ яму“.

7. Понёсъ, а Иванъ въ ко́мнату. Пришолъ въ комнату и лёгъ на постелю. (Она ево за своёва супруга признала). — „Ну,—говоритъ:—ба́роня, снёсъ, схоронилъ! А hдѣ у васъ тепе́ря колечко-то? Давайте сюда ево! я ево спрячу: кабы онъ тамъ не отдохну́лъ, сюда бы не пришолъ?“—Она отдала́.— „Я теперь пойду на дво́ръ!“ говоритъ.—Ему убратца совсѣмъ охо́та.

По отходѣ Ивана приходитъ купецъ.—„Ну, барыня, *ухо-ди́лъ* я ево!“—А она думаетъ: „што онъ опять старое повторяетъ?“

Утромъ купецъ съ барынёй стаётъ, садя́тца чай пить.— „Ну,—говоритъ:—бароня, *уходи́ли* мы ево, слава Боhу!.. А колечко-то гдѣ?“—„Я вамъ, баринъ, отдала́!“—„Што́ вы? вы не по́мните сами себя! я у васъ не бралъ!“—„Да какъ жо? вы у меня взяли!“ — „Некакъ нѣтъ! не бралъ!.. Ужли́, — гово-

ритъ:—Ванька съ вами лежалъ?.. Нѣтъ!—говоритъ:—погоди! я схожу къ старику!“

8. Пришолъ, говоритъ: „Дѣдъ, у васъ моё кольцо?“—„У меня!“—„Ахъ! чортъ ево возьми! Што у тебя за работникъ Ванька!.. Дѣдъ, отдай ты мнѣ ево въ работники, а своёму я откажу!“ (Ему *бѣдно*, што онъ съ ево женой лежалъ; онъ ево *уходи́ть* хочетъ).—„Возьми!“

Взялъ Ивана старикова себѣ въ работники, а своёму отказа́лъ.—„Если онъ неладно запрягётъ лошадей, то *я* ево сейчасъ сразу убью!“—Ивана стря́пка купцо̀ва любила; она ему расказала, какихъ запряга́ть лошадей, какую надѣть *снась*. Ива̀нъ по́нялъ всё. Баринъ приказалъ Ивану лошадей запрягать. Иванъ запрёгъ. Баринъ: „Ахъ, всё пра́вильно запрёгъ!—говоритъ:—*Пододра́цца* ни къ чему нельзя!“

9. Стряпка Ивану говоритъ: „Иванъ, возьми калачикъ на дорогу, а то ѣсь захо́чешь!“—А баринъ поѣхалъ безъ хлѣба. Проѣзжаютъ онѣ вёрстъ 20. Кони у ихъ приста́ли. Иванъ говоритъ, што „надо лошадей покорми́ть!“—„А гдѣ кормить станёмъ?“—„А вотъ здѣсь,—говоритъ:—покосъ и *заро́дъ*“.—„А насъ нихто здѣсь не поймаетъ?“—„Нѣтъ“.

Выпрегли лошадей; далъ *имя́* сѣнца. А Иванъ взялъ, залѣзъ въ мѣшокъ, рыломъ лёгъ къ *заро́ду*, ѣсъ кала́чъ. Баринъ спрашиватъ: „Ты што́, Иванъ, ѣшь?“—„А сѣнно́й калачъ заверну́лъ да и ѣмъ!“—„И я ѣсь хочу! Давай,—говоритъ:—мнѣ заверни́ небольшой калачикъ изъ сѣнца!“—Подаётъ ему.—„Какъ я ѣсь стану ево?“—„Я,—говоритъ:—ѣмъ!“

10. „Ѣсь-то,—говоритъ:—туда-сюда! дакъ я замёрсъ!“—„А я лежу́ въ мѣшкѣ, тепло́ мнѣ!“—„Иванъ! если тамъ тепло́, то посади́ меня въ мѣшокъ!“—„Садись!.. А если ишо завязать, ишо теплѣе!“—Завязалъ Иванъ мѣшокъ съ бариномъ, а самъ съ вёрсту отбѣжа́лъ, бѣжитъ ругаетца: „Хто моё сѣно ко́рмитъ?“—Подбѣжалъ къ барину и давай ево *хлы́стикомъ дубасить*. Отдуба̀силъ и отбѣжа̀лъ недалёко.

Баринъ кричитъ: „Ванька, Ванька! поло́жь меня скорѣе въ пово́зку! Согрѣлся, до́ крови согрѣлся!.. А ты какъ?“—„Я наси́лу убѣжалъ!“

11. Бросилъ онъ ево въ повозку и погна́ли.—„Ты вези меня къ тёшшѣ!.. Я,—говоритъ:—буду говорить по-нѣмецки

(коhда къ тёшшѣ пріѣду)“, а Ивану велѣлъ говорить по-латынски.

Пріѣхали къ тёшшѣ. Баринъ велѣлъ работнику, штобы доло́жилъ—самоваръ поста́вили. (А баринъ страшно ѣсь хотѣлъ). Вмѣсто самова́ру они истопи́ли баню. Баринъ осердился, съ работникомъ угна́лъ домой.

Сказки В. Е. Чёрныхъ.

Василій Егоровичъ Чёрныхъ (24 лѣтъ) — уроженецъ дер. Пе́ршино, Глинской волости Екатеринбургскаго уѣзда (деревня эта близъ завода Рѣжевского, въ 75-ти верстахъ отъ Невьянска). Сказки свои онъ выслушалъ отъ крестьянина-старика той же деревни, Павла Петровича Гладкаго (теперь уже покойнаго).

В. Е. Чёрныхъ служитъ въ военной службѣ, состоитъ рядовымъ Конвойной команды въ гор. Вяткѣ. Я познакомился съ нимъ въ вагонѣ жел. дор., когда онъ возвращался изъ служебной командировки по конвою. Въ вагонѣ онъ разсказывалъ сказки мнѣ и другимъ своимъ спутникамъ. (Я нарочно ѣздилъ въ рабочихъ поѣздахъ, чтобы знакомиться со сказочниками. При благопріятномъ случаѣ я заводилъ рѣчь о сказкахъ и разсказывалъ какую-нибудь сказку, чтобы положить начало. Подъ вліяніемъ ея, обыкновенно кто-нибудь изъ слушателей вызывался самъ разсказать сказку, въ худшемъ же случаѣ мнѣ сообщали адреса хорошихъ сказочниковъ).

Въ Вяткѣ я обратился къ начальству Чёрныхъ съ просьбою разрѣшить ему разсказывать мнѣ сказки для записи. Разрѣшеніе послѣдовало подъ условіемъ, чтобы записыванье происходило, въ свободные отъ службы для Чёрныхъ часы, въ канцеляріи Конвойной Команды. Здѣсь я замѣтилъ, что обстановка крайне стѣсняла моего разсказчика. Сказки его выходили много хуже, чѣмъ даже въ вагонѣ жел. дороги, гдѣ разнородность публики, настроенной не всегда сочувственно къ сказкѣ, также нѣсколько стѣсняетъ разсказчика. Въ результатѣ, я записалъ отъ Чёрныхъ двѣ сказки полностью (№№ 48 и 49) и три сказки in extenso. Вотъ эти послѣднія:

1 *). Варіантъ Пушкинской сказки о царѣ Салтанѣ: Царь посылаетъ подслушивать, не говоритъ ли кто о его смерти. Три сестры хвастаются: старшая—сплести коверъ-самолетъ, младшая—родить 12 сыночькёф по локо́ть руки въ золотѣ, по колѣнъ ноги въ се́ребрѣ. Царь женится на младшей. Когда та родитъ обѣщанныхъ сыновей, старуха-мамка мѣняетъ ихъ на шшеночькёф и пишетъ соотвѣтствующее письмо къ царю. Царица съ сыновьями закупорены въ бочку; селятся на островѣ. Мужичокъ даетъ сыну 12 рыбинокъ, въ 12-ой изъ нихъ кольцо: перекинуть его — явятся молодцы къ услугамъ. Гости-купцы переѣзжаютъ на корабляхъ отъ отца къ сыну. Царь со словъ мамки задаетъ сыну задачи: 1) домъ построить такой же, какъ у царя; 2) котъ-*баюно́къ* вверхъ идетъ—пѣсни

*) Выслушано мною въ вагонѣ жел. дороги.

поетъ, внизъ идетъ—сказки сказываетъ; 3) боровъ-*самопа́харь* — самъ и пашетъ, и сіетъ, и віетъ; 4) 12 сыновей въ золотѣ-серебрѣ. Послѣднихъ находитъ уже самъ царевичъ (все прежнее — молодцы изъ кольца), который приноситъ имъ 12 хлѣбцовъ, испеченныхъ на грудномъ молокѣ матери. Самъ же царевичъ дѣлаетъ мостъ черезъ море къ отцу и ѣдетъ туда.

2. Иванъ хресьянской сынъ вызвался: хоть къ чорту, такъ пойду въ работники. Чортъ нанимаетъ его за 250 рублей и 100 рублей даетъ задатокъ. На дорогѣ Ега́ Егонишна сообщаетъ Ивану: „къ нему много идётъ, отъ нево некто нейдетъ". Ега Егонишна научаетъ его: иди къ морю, туда придутъ три дѣвисы бѣлые лебедисы; которая въ серёдкахъ, у той бери платьё; дѣвица отдаетъ ему кольцо и велитъ приходить къ тестю, гдѣ окно отперто и золотой клубокъ въ окнѣ. Тесть задаетъ Ивану работы: 1) 300 десятинъ болото распахать, посѣять, сжать и въ амбаръ ссыпать, въ одинъ день; 2) на морѣ корабль построить въ одну ночь; 3) къ утру черезъ болото въ 200 верстъ устроить мостъ; тройкю лошадей, садовъ и птисъ на̂ мостъ; 4) жеребса́ обучи; а онъ самъ жеребсомъ. Тесть предлагаетъ выбирать любую изъ трехъ его дочерей, которыхъ оборачиваетъ сначала козлухами (Иванъ выбираетъ самую старую: „стара до̀лѣ по̀мнитъ"), потомъ барышнями (у жены Ивана золотая мушка на спинѣ). Тесть объявляетъ: „севодни спать, завтра вѣнчать", и тѣ бѣгутъ. „Ежли воронъ ка̀ркатъ, батюшко ѣдётъ, сорока шшо̀кчётъ—матушка". Въ первый разъ бѣглецы оборачиваются лѣсомъ частымъ (его „надо бы рубить"), второй — ево се́рквой, а сама старымъ попомъ („ты бы рубилъ попа, а серква сама бы пришла"). Сорока шшокчётъ, тогда жена обернула его водой, а сама ершомъ и въ воду; сорока — щукой; ершъ голову въ камни; „ёршикъ, ёршикъ, поцѣлуй у шшучки губки!"—„Нѣтъ!—говоритъ:—поймай ерша съ хвоста!" (Срв. №№ 12 и 55).

3. [Бурко, коурко и вѣщій воронко]. У старика со старухой три сына: Семенъ, Сергѣй и Иванъ. „Когда помру, на могилу приходите: бла'словенье дамъ". Приходитъ одинъ Иванъ, который первую ночь получаетъ бурка, вторую—коурка, третью—вѣщаго воронка. Въ сарствѣ такомъ-то есть сарская дочь, ширинку вѣшаетъ на 12 брёвенъ: кто достанетъ, тотъ женихъ. На буркѣ выскочилъ на 8 брёвенъ; на коуркѣ ѣдетъ — только лѣсъ трешшитъ, выскочилъ на̀ 10 брёвенъ; воронко̀ катитъ — изъ ноздрей огонь валитъ, досталъ ширинку. Царь задаетъ задачи зятевьямъ: достать ко̀зку золотые ро̀жки, свинку золотые сшетинки и кобылису золотогривису; всё это доступилъ Иванъ, но продалъ зятевьямъ, за что тѣ 1) отсѣкли у рукъ по пальчику, 2) у ногъ по пальчику, 3) изъ спины ремень, изъ ж..ы пряжку. Зятевьямъ царь отдалъ полса̀рства; когда истопилъ баню, Ваня тамъ ихніе пальчики роскладъ.

Главныя особенности въ произношеніи Чёрныхъ: вмѣсто *ц* звучитъ *с*, *к* въ конечныхъ слогахъ иногда мягко: тройкю, вилочкю; изрѣдка встрѣчается *і* изъ *ѣ*: віетъ, сіетъ.

---

48. [Степанъ, Григорій и Елена Прекрасная].

1. Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ—именно въ томъ, въ которомъ мы живёмъ—противъ неба на землѣ, на ровномъ мѣстѣ, какъ на боронѣ, жилъ-былъ старикъ со старухой. У нихъ былъ сынъ; ево звали Алексѣемъ. Когда онъ выросъ, то у ево отецъ померъ. Вотъ онъ матери и сталъ говорить: „Мамонькя, пусти меня, я пойду счасье искать!"—Онъ пошолъ.

Идётъ лѣсомъ. И попадается ему изба новая. Заходитъ онъ въ ету избу и останавливается начевать. Видитъ ночью: выходитъ изъ западни верблюдъ, весь мѣдный; потомъ онъ постоялъ, постоялъ и ушолъ. И черезъ нѣсколько время выходитъ *сохатый*, весь серебреный; этотъ сохатый постоялъ, постоялъ, и ушолъ тожо самоё. Черезъ нѣсколько времени выходитъ медвѣдь, весь золотой; постоялъ, постоялъ, тожо ушолъ.

2. Онъ думаетъ: „што,—говоритъ:—ето мнѣ видѣніе? или на самомъ дѣлѣ счасье моё?"—„Приходитъ домой и говоритъ матерѣ: „Вотъ, мама, я видѣлъ,—говоритъ:—во снѣ такіе-то сны. Первой,—говоритъ:—сонъ: верблюдъ,—говоритъ:—весь мѣдный, — говоритъ. — Второй, — говоритъ: — сонъ: *сохатый* весь серебряный. А третій сонъ видѣлъ: медвѣдь, весь,—говоритъ: — золотой". — Вотъ мать ему и говоритъ: „ну, вѣрно,—говоритъ:—вашъ сонъ обвѣщаетъ ваше богатство".

Отъ нихъ неподалёку въ городѣ жилъ ворожесъ. И вотъ она ево посылаетъ къ ворожцу етому ворожить. Онъ поѣхалъ подъ вечерокъ, и переѣхать не успѣлъ дорогу. И остановился у одной старушки переночевать. Эта старушка старая; у ней внучекъ былъ лѣтъ такъ 13-ти. Внучокъ и говоритъ: „ты,—говоритъ:—куда, молодецъ удалый?"—„Я,—говоритъ:—поѣхалъ ворожить; вотъ такіе-то сны видѣлъ: первый сонъ—верблюдъ весь мѣдный, второй сонъ—*сохатый* весь серебреный, а третій сонъ,—говоритъ:—медвѣдь весь золотой".

Этотъ мальчуганъ ему и говоритъ: „Ты,—говоритъ:—пріѣдешь ворожить, тебѣ етотъ ворожецъ выворожитъ; и ты ему отдавай,—говоритъ:—первое счасье, а онъ у васъ будетъ просить послѣднее счасье".

3. Вотъ онъ пріѣхалъ къ етому ворожцу. Ворожецъ ему выворожилъ, што „ето,—говоритъ:—твое счасьё! когда пріѣдешь домой, иди въ ету избушку начевать. На́ вотъ, я тебѣ дамъ палочкю—бей етой палочкой на отмашку“.

Пріѣхалъ домой и пошолъ онъ ночевать въ ету избушку. Спитъ. И выходитъ первый верблюдъ, весь мѣдной. Понужнулъ онъ ево на отмашку, верблюдъ весь рассыпался. Второй выходитъ *сохатый*; онъ етова понужнулъ, и етотъ рассыпался. Третій входитъ медвѣдь, весь золотой; этотъ медвѣдя понужнулъ, онъ россыпался.

И вотъ, онъ не велѣлъ до нево брать—докуль етотъ ворожецъ не пріѣдетъ къ нему. Ворожецъ къ нему пріѣзжаетъ:—„я тебѣ,—говоритъ:—выворожилъ! сейчасъ,—говоритъ:—мое будетъ третье счастье!“—Степанъ [? Алексѣй] ему говоритъ: „нѣтъ, — говоритъ: — ваше будетъ первое счастье, потомучто вы выворожили“.—И тотъ взялъ первое счасье.

4. Поѣхалъ домой и заѣхалъ какъ разъ къ этой старушкѣ. И спрашиваетъ старушку: „Ты,—говоритъ:—што, одна, старушка, живёшь? или сыновья есь?“—„У меня,—говоритъ:—сыновей нѣтъ. Внучокъ,—говоритъ:—есь; ушолъ на рѣку по ниточкѣ *глядѣччя*“.—Онъ и спрашиваетъ: „Это што,—говоритъ:—такое—по ниточкѣ въ воду глядѣччя?.. Ты, — говоритъ: — продай мнѣ етова внучкя!“ — Старушка: „покупи́!“ говоритъ.—„А сколь,—говоритъ:—за нево возьмёшь?“ — „А вотъ, — говоритъ: — завали всего по ногамъ деньга́ми, тогда я отдамъ ево“.

Вотъ онъ ево заваливалъ деньга̀ми и завалилъ по груди́мъ. Онъ и спрашиваетъ: „чё,—говоритъ:—бабушка, будётъ тебѣ етова на́ вѣкъ или нѣтъ?“ говоритъ.—„О!—говоритъ:—дитятко, тебѣ—говоритъ:—на́ вѣкъ не прожить! не то ли мнѣ! мнѣ, старушкѣ, много ли надо?“—„Ну,—говоритъ [внучекъ]:—бабушка, сейчасъ до свиданія! Мнѣ съ тобой не видацца: я знаю, што онъ меня далёко увезётъ“.

5. Ну, онъ ево увезъ къ себѣ. И спрашиваетъ отца: „куда мы етова мальчика станемъ дѣвать?“—Отецъ говоритъ: „въ ко́нюхи!“—Онъ живётъ въ конюхахъ. Ему пріѣзжаютъ, къ етому ворожцу, ворожить. Онъ [мальчикъ] впередъ имъ разсказыватъ: „дѣлайте такъ-то!“ И онъ [ворожецъ] узналъ, что ему доходу мало черезъ етово маль-

чика. Тогда онъ отцу сталъ жаловатца, что черезъ етова мальчика ему доходу нѣтъ.

Тогда онъ велѣлъ ево посадить въ столбесъ. Ево заклали въ столбесъ и давали черезъ два дня въ третій пишчи, штобы онъ, значитца, не замеръ.

6. Етой стало жалко, ихной дочери; она стала ему понàшивать (днёмъ тамъ, всѣ уйдутъ). Ходила туда ходила, потомъ велѣла здѣлать туда подходъ подъ столбесъ, штобы онъ ночью имѣлъ свободу. Вотъ онъ днёмъ сидитъ, а ночью выходитъ на волю, къ ворожцу во дворесъ. Ну, когда выйдётъ, они попьютъ чайку, и онъ опять ко дню убирается въ столбесъ.

7. Этотъ ворожесъ, привёзъ которой ево, онъ поѣхалъ сватать Елену Прекрасную, въ другое сарство. Когда уѣхалъ, онъ ночью вышолъ [изъ столбца]; чай пили, она ему стала разсказывать: „Вотъ, — говоритъ: — мой братъ уѣхалъ въ другое царство сватать себѣ невѣсту“.—Онъ и говоритъ: „ему живому *оттоль* не пріѣхать! Тамъ,—говоритъ:—кругомъ каменная стѣна, на стѣнѣ тынъ, на етомъ тыну́ всё гóловы человѣчьи сидятъ; на одной тынинкѣ нѣтъ,—тутъ ево голова будётъ“.

Тогда сестрѣ жалко здѣлалось своевó брата. Стала ево просить: „пособи́—говоритъ:—ему!“

8. Онъ на слѣдуюшчу ночь велѣлъ ей припасти коня, сѣдло, какъ слѣдуётъ всё обсѣдлать, и нѣсколько тамъ денёгъ. И вотъ,—онъ вышолъ ночью—она привела ему коня; онъ и поѣхалъ на етомъ конѣ. И достигъ ево дорóгой.

Онъ его сталъ спрашивать: „Куда,—говоритъ:—молодесъ удáлой, ѣдите?“—„Я—говоритъ:—ѣду вотъ въ такое-то царство, сватать—говоритъ:—Елену Прекрасную... А вы,—говоритъ:—куда проѣзжаите?“—„Да я,—говоритъ:—въ тотъ жо городъ ѣду“.—„Дакъ поѣдемьте,—говоритъ:—вмѣстѣ!“—И онѣ стали путь держать вмѣстѣ.

И тогда они одинъ другова стали спрашивать: „Тебя какъ зовутъ?“—„Степаномъ“.—„А васъ, говоритъ, какъ?“—„А меня зовутъ Григорьёмъ“.—Пріѣхали онѣ въ тотъ городъ, въ которой имъ нужно было, и стали на постоялой дворъ; и взяли тутъ особую комнату: „тутъ всё-таки жить,—говоритъ:—придётца *дúвно* времени!“

9. Когда ночью легли спать Григорій и Степанъ, то Степанъ обвернулся мухой и полетѣлъ искать, гдѣ на ету Елену Прекрасную шьютъ платье разное. Ну, разузналъ эти платья, гдѣ ихъ шьютъ. Утромъ стаютъ, и говоритъ Григорью: „*Айда*, — говоритъ: — Григорій, иди ко своей невѣсткѣ! Што,—говоритъ:—тамъ скажутъ?"

Приходитъ онъ къ невѣстѣ. Она ему и говоритъ: „Вотъ вы, — говоритъ: — мнѣ спервоначала сшейте сарафанъ некроёной и нерѣзаной!" говоритъ.—Онъ пришолъ и говоритъ Степану: „Вотъ, — говоритъ: — Степанъ, она велѣла сшить мнѣ сарафанъ—некроёной и нерѣзаной".—„Сейчасъ, — говоритъ:—лежись, спи: заýтра будётъ всё готово!"

Онъ ночьёй обвернулся мухой и полетѣлъ въ то мѣсто, гдѣ этѣ сарафаны шьютъ. Прилетѣлъ; онѣ и говорятъ: „Ну, — говоритъ: — насилу сшили на её на паршивую!"— „Сшили,"—говоритъ [Степанъ]:—такъ сшейте другой!" Самъ забираетъ и уходитъ.

„Это што, — говоритъ: — за чудо?" — „Это, — говоритъ:— не чудо! Чудо будетъ впередѣ, на той недѣлѣ въ середѣ!"— Утромъ стаётъ Григорій; платьё готово; несётъ невѣсткѣ.

10. Невѣстка приняла и говоритъ ему: „Вы,—говоритъ:— есшо сошейте мнѣ тюфли нерѣзаны и некроёны!" — Григорій пришолъ, опять закручинился. — „Вотъ, —говоритъ:— она какую работу мнѣ дала!" — „Это — говоритъ: — ничево! Лежись спать: утромъ всё будётъ готово!" — Григорій лёкъ спать, а онъ извернулся мухой, полетѣлъ искать, гдѣ этѣ тюфли шьютъ.—„Ну,—говоритъ:—опять насѝлу сшили на её на паршивую! немóжно,—говоритъ: —утрȃфить!" — Онъ имъ и говоритъ: „Сшили, такъ спасибо! сшейте другіе!"

11. Приноситъ тюфли. И она говоритъ: „вотъ, — говоритъ:—еще работу на тебя налóжу: изладь,—говоритъ:—мнѣ свѣты такіе же, какіе и у меня будутъ!"—Онъ ушолъ домой.—„Лежись спать: утромъ всё будётъ готово!"

„Ну, я, — говоритъ [Степанъ]: — седни улетаю ночью!"— Полеталъ, полеталъ, ничево не могъ найти. И говоритъ: „иди севодни, проси у ней освобожденія на два дня, черезъ два дня стрóку!" — Онъ сходилъ. Она и говоритъ: „черезъ два дня если вы не принесёте, то голова на етой тынинѣ будетъ!"

Онъ тогда отправляетца и говоритъ: „Сёднишную ночь нисколько не спи! На̀ вотъ тебѣ!" Стаканъ воды на́лилъ и въ стаканъ ножъ спусьтилъ. „Только,—говоритъ:—на етомъ ножѣ появится кровь на остріѣ, ты,—говоритъ:—у себя чево-нибудь рѣжь!"

Онъ оввертываетца мухой и летитъ прямо къ царевнѣ во дворесъ. Тамъ уже подана тройка лошадей для неё: она ѣхать собрала́сь къ дѣдушку за етими свѣтами, которые ей нужно для свадьбы. Когда же поѣхала, то онъ сѣлъ къ ней на колѣни. Она и говоритъ своей кухарочкѣ: „што же,—говоритъ:—мнѣ очень тяжело? разѣ я чаю,—говоритъ:—напилась лишка севодни?"—Онъ перемѣнился, сѣлъ къ кухаркѣ къ етой; и та дорогой стала говорить: „мнѣ тожо,—говоритъ:—чево-то тяжело: навѣрно,—говоритъ:—мы лишка чаю по́пили съ тобой!"

Ѣхали, пріѣзжаютъ къ морю. Морё роздвоилось. Они заходятъ; онъ сидитъ у нихъ подъ платьёмъ, штобы не видать было ево.

12. Когда заходили они къ дѣдушку къ етому, дѣдушко имъ и говоритъ: „у васъ,—говоритъ:—руській духъ есь!"—„Мы,—говоритъ:—по Руси́ ѣзьдили, вотъ отъ насъ и пахнётъ руськимъ духомъ!"

Онъ поставилъ самоварчикъ для нихъ; тѣ стали чай кушать. Когда етотъ чай кушали, онъ возьмётъ, да у невѣстки блюдко и вышибётъ; оно упадётъ да изломаетца.—„Я,—говоритъ:—дѣдушко, *набѣдила*: блюдко,—говоритъ:—изломала!"—„Ничево,—говоритъ:—дитя! тамъ,—говоритъ:—ешчо есь!"—Другое блюдко принесли.

Когда чаю покушали, онъ для нихъ приготовилъ обѣдъ. Во время обѣда онъ [дѣдушко] имъ положилъ золотую ложечкю и вилочкю; онъ [Степанъ] ету ложечкю и вилочкю въ карманъ къ себѣ. Она и говоритъ: „Вы,—говоритъ:—дѣдушко, забыли мнѣ поло́жить ложечкю и вилочку!"—„Ну, извините!"

13. Когда отобѣдали, имъ отправляться надо.—„Я,—говоритъ:—дѣдушко, пріѣхала къ тебѣ за золотыми волоска́ми". (У нево золотая голова вся). „Я просватаюсь", говоритъ.—„Ну, потереби немного! только,—говоритъ:—легонькё!"—Она по одному волоску теребитъ, а онъ [Степанъ] по два да по четыре захватыватъ. Старикъ етотъ ревётъ:

„больно!“ говоритъ.—И такъ надерьгалъ онъ [Степанъ] цѣлую пачку (она—немного) и въ карманъ положилъ. Ну, когда пошли, онъ [дѣдушко] и говоритъ: „у васъ, — говоритъ:—руськой дух́ъ есь!“

14. Когда изъ мо́ря стали выходить, у нево [Степана] и показалась нога одна.—Григорій уснулъ; не такъ што на востреѣ, на всёмъ ножѣ уже появилась крофь. — „Ну, — говоритъ [дѣдушко]:—съ вами какой-то человѣкъ былъ! Мнѣ,—говоритъ:—больше съ вами не видатьца!“

Она пріѣхала домой. Онъ [Степанъ] пришолъ ко Григорью: — „*Пощё* жо ты спишь? Сейчасъ намъ обоимъ смерть!.. Ну, — говоритъ: — ничево! быть можемъ изладимъ!.. Давай, — говоритъ: — лежись, спи до утра, а утромъ иди къ невѣстѣ, неси свѣты!“

Онъ [Григорій] когда понёсъ эти цвѣты утромъ, онъ [Степанъ] сѣлъ на коня, изъ го́роду угна́лъ, штобы ево не видно было больше.

Когда [Григорій] пришолъ къ невѣстѣ, по́далъ эти цвѣты, она и говоритъ: „давайте *звоня́йте* во всѣ колокола́! всѣхъ, — говоритъ: — въ городѣ смотрите! навѣрно, — говоритъ: — етотъ человѣкъ есь, которой эти цвѣты доступи́лъ! — говоритъ: — Онъ, — говоритъ:—не самъ доступа́лъ эти цвѣты!“ — Собра̀лся весь народъ, обыскали,—никово не могли найти.

Ну, она и говоритъ: „Ну, сейчасъ, — говоритъ: — я должна за тебя выйти!“—Тогда повѣнчались и поѣхали домой.

15. А тотъ [Степанъ] вперёдъ ихъ пріѣхалъ, опять сѣлъ въ столбесъ.—Они думали, што онъ [Степанъ] всё времё въ столбцѣ сидѣлъ. — Пріѣхали; живутъ.

Одинъ разъ онъ [Степанъ] ночью вышолъ къ сестрѣ Григорія, какъ разъ сноха тутъ и пришла. Ета Елена Прекрасная и стала говорить: „хто жо меня сюда доступилъ?“ — Онъ и говоритъ ей: „это, — говоритъ: — я доступа́лъ!“ говоритъ. — „Развѣ, — говоритъ: — вы?.. Дакъ для чево вы старались, не для себя?“

„Вотъ, — говоритъ [Степанъ]: — первая примѣта: помнишь, какъ вы чай пили — блюдичко сломали?.. Это я самый ево и вышипъ! А вторая, — говоритъ: — предмѣта та: вотъ ваша золотая ложечкя и вилочкя! вы потеряли на обѣдѣ у дѣдушка. А третья предмѣта: вы когда золотые

волоски дерьгали изъ головы, я тогда цѣлую пачку нарвáлъ: извольте посмотрѣть!“

Она и говоритъ: „вы,—говоритъ:—должны моимъ мужомъ быть, а не онъ!“

Тогда она сказала своему Григорью, и онѣ ево изо столбца выпусьтили. И вотъ онъ оввѣнчался съ Настасьей, съ сестрой Григорья.

Живутъ поживаютъ, добра наживаютъ. Я тамъ былъ, мёдъ пилъ—по устамъ текло, въ ротъ не попало.

---

49. [Воръ].

1. Когда я былъ 12-ти лѣтъ, мы ѣзьдили съ отцомъ горшки продавать. Пріѣхали въ одинъ городъ и продали горшки. Отецъ у меня и говоритъ: „давай, бутылочкю выпьёмъ!“—Посылаетъ меня за водкой, далъ мнѣ 50 копеекъ.

Купилъ я водку, иду обратно съ ней. Попадаетца мнѣ купчикъ:—„Ты куда,—говоритъ:—молодецъ?“—„Я,--говоритъ [?]:—пошолъ –кому въ роботники порядицца!“—„Порядись,—говоритъ:—ко мнѣ“.—„А сколько нá годъ дашь?“—„Да двѣсти рублей,—говоритъ:—дамъ“.—Я ему сказалъ: „я сейчасъ схожу къ отцу, потомъ къ вамъ приду“; спросилъ ево, гдѣ онъ живётъ; онъ мнѣ всё разсказалъ.

Я пришолъ къ отцу. Мы ету бутылку выпили; онъ посылаетъ за другой, далъ мнѣ пятёрку денёгъ.—„Ну, сейчасъ, тятинька! пока до свиданія!“—Пошолъ и прямо къ етому купцу.

2. Пріѣхалъ къ купцу. И живу день, два, три; онъ ничево не заставляетъ работать меня. Потомъ заставляетъ, на четвёрту ночь: „Давай,—говоритъ:—запрегай севодни пáру кóней! поѣдёмъ!“ говоритъ.—Ѣдёмъ дорóгой; онъ и спрашиваетъ: „Чё,—говоритъ:—ты дóма воровать у ково учился?“—„Учился“.

Отнесъ свою фуражку, бросилъ; потомъ сталъ подкрадыватца. Подкрадывался, подкрадывался, всѣ колѣнки стёръ,—говоритъ; сохваталъ её и въ пазуху.—„Никто,—говоритъ:—не видалъ!“

Ну, тогда пріѣхали къ магази́ну. Онъ етотъ магази́нъ розворочалъ и зала̀зитъ — нагреба́етъ золота и се́ребра. Я остался у магази́ны и дожида́юсь ево. Когда онъ вышолъ, сѣли и поѣхали.

Пріѣхали домой; опять недѣлю сѣлу некуда не посылаетъ.

3. Етотъ купецъ [котораго обокрали] посмотрѣлъ зашолъ: золото и се́ребро погребе́но. Онъ пошолъ ворожить къ ворожцу.—„Это у тебя старой воръ съ молодинькимъ во́ромъ".—„Какъ жо мнѣ поймать?"—„Вы постафьте часовыхъ, тогда вы ихъ поймаите!"—Поставилъ часовыхъ. Часовые уснули; они пріѣхали, опять нагребли и уѣхали.

„Ты, — говоритъ [ворожецъ]: — постафь котёлъ, полной смолы налей горячей: какъ, — говоритъ: — онъ полѣзетъ, и утопитца".

Черезъ недѣлю опять ѣдутъ. Пріѣхали; онъ меня и посылаетъ: „давай, — говоритъ: — полѣзай северни ты!" — „Я, молъ, тамъ ничево не знаю!" сталъ отговариваццa. — „Долженъ хозяина слушатца работникъ!"—Я полѣзъ. До котла долѣзъ, рукой сохвата̀лся, руку ожгу́ да и назадъ.—„Сами, молъ, идите! я тамъ не бывалъ, ничево не знаю!"—Онъ полѣзъ самъ. Какъ залѣзъ туда, да прямо въ котелъ-то и бухъ! и кричитъ мнѣ: „вытаскивай! вытаскивай!" — У ево во́лосы большіе были на головѣ; я за́ волосы згребъ и вытаскиваю. Потомъ взялъ го́лову-ту отрѣзалъ да и угналъ домой.

4. Пріѣхалъ домой и думаю: „Какъ жо мнѣ ето охлопотать всё?"—Взялъ утромъ запрёкъ лошадь, поѣхалъ возлѣ етотъ магазинъ. А ето ту́ловисчо вы́тасчили и охраняютъ старички. Тогда взялъ, двѣ бочки накати́лъ водки и поѣхалъ ночью съ телѣгой. Только доѣзжать сталъ, ло́шадь понюжну́лъ, она покатила, бочки вылетѣли. — „Ой, — говоритъ: — убило ково-то? Не вино ли?" — Посмотрѣли, напились всѣ пьяные. Тогда я пріѣхалъ, туло́висчо увёзъ.

Увёзъ, и къ свешченнику, ночью же. И сталъ говорить: „Батюшко, вы схороните мнѣ такова-то!"—„Да мы́слимо ли ночью хоронить?"—Я вынимаю серебра. — „Никакъ, — говоритъ:—нельзя!" — Я высыпалъ карманъ золота. — „Ну, ладно!" говоритъ. — Схоронили.

5. Етотъ купецъ къ ворожцу: — „Вотъ такъ и такъ!" го-

ворить.—„Это,—говоритъ [ворожецъ]:—всё молодинькой воръ устраиваетъ! онъ лучше старова,—говоритъ:—научился!"—„Какъ-жо мнѣ ево поймать?"—„Сдѣлай балъ, на полъ насыпь золота и серебра... [Воръ] склоницца поднимать".

Я вару кусочикъ къ подбору прилѣпилъ.

Купецъ [догадался] и гостей всѣхъ спать положилъ въ комнатѣ—ногами вмѣсто, а головами врось. Нашли у [моего] клубука золота, подборъ оторвали и къ купсу. Я обрѣзалъ у всѣхъ подборы, въ уголъ скидалъ.

6. Балъ. „Хто етимъ ремесломъ за́ймуетца—съ моёй дочерью начевать?" объявилъ купецъ.—„Я!" говорю; выскочилъ.—„Иди, вотъ въ той-то комнатѣ!"—А тамъ яма. Я упалъ и закричалъ: „На пожаръ!"—Собралось народу; я вылѣзъ и бѣжать.

Поймать нельзя. Ворожецъ: „отдай за нево [вора] дочь взамужъ!"—Выдалъ.

Сказки М. О. Глухова.

Михаилъ Осиповичъ Глуховъ—не спеціалистъ-сказочникъ, а просто человѣкъ „на всѣ руки", съ весьма разнообразными способностями. Талантливую натуру Глухова сгубило вино, отъ котораго онъ рѣшительно гибнетъ.

Человѣкъ лѣтъ 30, хорошій игрокъ на гармоникѣ и хорошій, какъ говорятъ, рисовальщикъ, Глуховъ живетъ, въ доставшемся ему отъ отца домикѣ, въ Ка́слинскомъ заводѣ Екатеринбургскаго уѣзда. Когда не пьетъ (у него запои), тогда работаетъ на заводѣ.

Будучи хорошо грамотнымъ, Глуховъ дважды обѣщалъ мнѣ (я былъ у него дважды—въ іюлѣ и въ октябрѣ 1908 г.) собственноручно записать рядъ сказокъ, частью имъ мнѣ разсказанныхъ (не для записи, бѣгло, за его „недосугомъ"), получилъ два раза задатокъ (что-то около 6 рублей) и, конечно, ничего не записалъ и не прислалъ. Получилъ я только черезъ годъ или черезъ два послѣ того написанное, по порученію, его родственикомъ письмо, въ которомъ у меня просили денегъ на покупку какого-то дорогого лѣкарства отъ запоя, но я успѣлъ уже къ тому времени на цѣломъ рядѣ случаевъ убѣдиться, что алькоголикамъ ни въ чемъ рѣшительно довѣрять нельзя, и прекратилъ съ Глуховымъ всякія сношенія.

Двѣ сказки Глухова записаны мною полностью (были разсказаны спеціально для записи), и двѣ же записаны лишь въ подробномъ изложеніи (разсказывались не для записи, а обычнымъ, бѣглымъ разсказомъ). Вотъ эти послѣднія.

1. **„Крестьянскій сынъ Вася"** [варіантъ № 1 сказокъ Ломтева]. „У старика со старухой былъ сынъ Вася. Жили они жили, старикъ и говоритъ: „Надо Васю пріобучить къ ремеслу къ какому-нибудь! Пеки лепёшокъ, пойдёмъ!" — Напекла, распростились, пошли. Идутъ лѣсомъ. *Забура́нило*, тучи пошли, дошъ и градъ. Бѣжать. Бѣгли, бѣгли, домъ громаднѣйшій [встрѣтили]. Дѣло къ ве́черу. Старикъ вышолъ [изъ дому]: „сына въ ученье повёлъ? Заходите въ ызбу, ужинать!.. Мнѣ въ ученье отдай! ко всему выучу".

Оставилъ [отецъ сына].—„Вотъ тебѣ работа: вымети утромъ, поставь самоваръ, свари [обѣдъ], потомъ гуляй!"—„Што не учишь?"—„Время не пришло!"—Отъ 11-и комнатъ 11 ключей [далъ]: „вотъ тебѣ развлеченье! Къ 12-той комнатѣ не подходи!"—Въ первой комнатѣ море вразъ образовалось, и корабли. Во второй комнатѣ садъ: утки, лебеди, фонтаны, яблони. Въ 3-ей комнатѣ сражающа, война идётъ, стрѣльба изъ пушекъ. Въ

четвертой—хрустальный дворецъ, музыка; ево приняли во дворецъ. Въ пятой — горы, и не видать, гдѣ у ихъ вершина; на вершинѣ охотникъ дёржитъ козла. Въ шестой—дворецъ, весь въ золотѣ залитъ.

Старичишшо: „я братъ твоёва дѣдушки. Проси у ево отъ 12-той комнаты ключикъ! не дасъ ли?"—„Нѣтъ, Васинька, рано еще!"

Подошолъ [къ 12-ой комнатѣ]: пѣсни поютъ, дѣвичьи голоса. Принёсъ *деревинку*, сучокъ выколотилъ [въ двери. Тамъ] красавицы.—„Какъ бы къ вамъ зайти?"—„У дѣдушки травка на пóлкѣ: изотри въ порошокъ, положь въ кушанье, подай; онъ уснётъ, ты возьми ключикъ и къ намъ!"—Онѣ превратились въ лебедей и улетѣли.—„Што ты надѣлалъ?"—[Дѣдушко] привёлъ ихъ: „Выбирай любую!" — Вася выбралъ. Свѣнча́лъ ихъ: „Живите въ етомъ домѣ! Въ которомъ платьѣ она вѣнчалась, ты ей три года не давай!"—Собрались въ церковь, она приласкалась: „дай ты мнѣ платье!"—Далъ; она улетѣла лебедью.

Вася пошолъ искать свою жену. Увязъ въ болотѣ и видитъ ветхую избёнку; зашолъ туда и лёгъ на̀ печь. Баба-яга́ говоритъ, что „это моя племянница! Она скоро прилетитъ,—хватай ее за́ косу и держи!"—Схватилъ, но она превратилась въ огнéннаго дракóна. Баба Яга̀ дала Васѣ шшучью косточку и послала къ сестрѣ своей. Тамъ Вася опять схватилъ свою жену, но она превратилась въ льва и вырвалась. Сестра Бабы Яги дала Васѣ отъ вóрона косточку и клубокъ: куда клубокъ покатицца, туда и иди. И въ третей избёнкѣ жена вырвалась у Васи; онъ здѣсь получилъ отъ орла кóсточку.

Приходитъ къ женѣ во дворецъ. Она говоритъ: „Какая я тебѣ жена?!"—„Дай ты мнѣ три раза спрятацца". — Первый разъ Вася бросаетъ въ озеро шшучью косточку: щука заглонула его, одинъ палецъ не ушолъ; жена взяла зеркало волшебное и нашла. Второй разъ воронъ унесъ Васю въ болото и сѣлъ на нево; одно ухо не могъ закрыть воронъ. Третій разъ орелъ унесъ Васю подъ самыя облака́. Когда жена нашла его и тамъ, Вася идётъ, плачетъ: „смёртонька теперь!" Дѣвка-чернавка научила его спрятаться за зеркало; жена позволила прятаться и не могла найти.—„Вылѣзай, Васька!"—„Нѣтъ! получше назовёшь!"

2. **„Хресьянской силачъ Ваня"** [Братъ и сестра; варіантъ напечатанныхъ выше № 41-го и 5-го].

„Въ старинные времена было это. Народъ былъ тёмный, непросвѣщённый. Наши пра́дѣды еще жили. Народонаселенія здѣсь [т. е. на Уралѣ] еще нé было, были однѣ лѣса́. Потомъ сталъ селитьца народъ помаленьку. — Поселился здѣсь хрестьянинъ Егоръ со своей женой Маріей; съ нимъ были малолѣтніе дѣти—Пётръ, Иванъ и Марія. Старшій сынъ былъ худой, а младшій—здоровеннѣйшій хресьянищо-парень. Стали заниматца онѣ хлѣбопашествомъ. Старшій сынъ трудолюбивый былъ, а младшій только лѣнился, ничево не дѣлалъ. Старшій отцу *жа́литца*: „чево ево хлѣбомъ кормить?"—„Ну, да пусчай! у насъ есь чево *исьи*!" — Отецъ захворалъ, призва́лъ дѣтей, дѣлить. — „Тебѣ, старшой, домъ, все хозяйство и тысчу рублей денегъ".—Сестра говоритъ: „што же ты намъ ничего не далъ?" — „Я про васъ и забылъ! Да вотъ вамъ старая баня! Работай и сестру корми!"

Ванюху выселили въ баню. Ваня сталъ ѣздить въ лѣсъ рубить дрова: дрова продавалъ и покупалъ хлѣбъ. Нашелъ далеко въ лѣсу домъ на полянѣ: óкны затвóрены и ворота́ тожо. Въ дому никово нѣтъ; стоитъ чанъ съ виномъ; онъ вино выпелъ, пѣсенку затянулъ. Пріѣхали 30 разбойниковъ. Ваня одново *тѣнькнулъ* кулакóмъ, и на́-мертво убилъ. Всѣхъ убилъ, одинъ есаулъ успѣлъ скрыться. Взялъ Ваня золото-сéребро, одёжды разной; позвалъ брата въ гости: „я ’менинникъ!“—„Сухую корку развѣ глодать?“ отвѣчаетъ братъ; однако прихóдютъ.—„Я кладъ нашолъ: это вѣдь отецъ мнѣ оставилъ по-наслѣдству“.

Ваня переселился съ сестрою въ лѣсъ, въ этотъ домъ; сталъ ходить на охоту. Возьмётъ ружьишко, пойдетъ; однажды Ваня разыскалъ игрóвыхъ *косачей*: „надолго пойду“, говоритъ. Безъ него явился есаулъ, поглянулся сестрѣ. У сестры дитё отъ есаула. Послѣдній научаетъ сестру: „вёрсъ за 60 живутъ разбойники — пошли: тамъ ево убьютъ!“ — Сестра запросила садóвыхъ яблоковъ. Ваня яблоковъ набра́лъ, слышитъ: руской голосъ кричитъ: помогите! Разбойникъ ведетъ плѣнницу-дѣвушку. Ваня отбилъ ее, повёлъ ее съ собой. „Я купеческая дочь“. Сестра будто-бы рада подругѣ: „названная сестра“. Послѣдняя слышитъ, что сестра Вани съ кѣмъ-то шепчетца въ заднихъ комнатахъ, и проситъ у Вани: „да’-ко мнѣ оружіе: можетъ быть звѣрь нападётца!“ — Стали въ дурачки играть: кто проиграетъ, тому руки связать кана́томъ. Она ево обыгра́й; понатужился Ваня, канатъ лóпнулъ. Волосяной канатъ Ваня не можетъ порвать: „развяжи!“—„Погоди, я за ножикомъ схожу!“—Хотѣли съ есауломъ убить Ваню, но купеческая дочь его спасла, и они свѣнча́лись.

---

50. „Воръ Ванька“.

1. У кресьянина сынъ былъ. Исполнилось ему 15 лѣтъ, отецъ и говоритъ матери: „Надо Ваньку привести въ городъ, отдать кому-нибудь въ ученье!“—Привёлъ, здалъ ево сапожнику въ *строкъ*, на̀ годъ. Парень жи́во всё переня́лъ, сталъ рабóтать какъ слѣдуетъ.

Однажды сшили купцу лакирóванные сапоги, посылаютъ: „Ну-ко, Ванька, снеси вонъ къ тому купцу эти сапоги, получи деньги!“—Ванька шолъ, шолъ: „Да’-ко, я ихъ примѣряю: не въ самой ли разъ мнѣ? Послѣ сошью себѣ таки же!“—Примѣрялъ,—въ самой разъ.—„Да што,—говоритъ:—къ ему идти? Пойду домой, обману отца: што онъ меня избилъ да прóгналъ“.

Приходитъ къ отцу.—„Ты што, Ванька, рано? Строкъ вѣдь не кончился?“—„Да што, тятька! онъ день и ночь пьётъ, меня бьётъ. Билъ, билъ; вотъ сколько служилъ, вы́гналъ—сапоги только и далъ мнѣ лакированные“.

2. „Ну, такъ што жъ? Давай пойдёмъ къ портно́му!“— Привёлъ къ портному, сдалъ ево опять въ *срокъ*, на́ годъ. Про́жилъ у нево три дня. Какъ разъ шили *тройку* купцу изъ хорошево мате́рія.—„*Айда́-ко*, Ванька, снеси вонъ въ тотъ домъ ету тройку, получи деньги!“—Ванька зашолъ за́ уголъ, приме̂рялъ ету тройку, на себя всю надѣлъ—подошла́сь тройка.—„Дай убѣгу опять къ отцу!“

Приходитъ, тотъ удивилсы.—„Ты што, Ванька, пришолъ опять?“—„Што, тятька! хозяинъ шипко хорошой былъ, да третьева дня внезапно и умеръ. Мнѣ хозяйка взяла́ да тройку-ту и подарила: „*айда*,—говоритъ:—Ваня, съ Богомъ, домой!“—Я ушолъ.

3. „Куда жо я сечасъ тебя, Ваня?“—А у Ваньки былъ дядя воръ.—„Отдай меня, тятька, къ дядѣ воровать учицца!“—„Што ты за́ дуракъ? Нѣтъ, не отдамъ!“—Такъ и не о́тдалъ.

Черезъ недѣлю отецъ и мать у нево захворали и умерли. Онъ къ дядѣ пошолъ. Приходитъ.—„Здоро́во, дядя! Возьми меня съ собой воровать учи́цца!“—„Ладно! парень шу́стрый, ничево, пойдёмъ!“—Подры́лись подъ магази́нъ къ купцу и стали пота́скивать у нево казну́.

Воруютъ; казна убываетъ. Не мо́жутъ догадатца: ка́къ чево? откуда чево? И нашли ету лазейку. Взяли, чанъ со смолой нагрѣли, да и спусти́ли, ђдѣ имъ ла̀зать.

Вотъ, подошли́ ночью дядя съ Ванькой. Дядя былъ пьяной. Ванька учу́ялъ смо́лу.—„Ну, дядя, полѣзай!“—Дядя полѣзъ и попалъ въ смо́лу, и захлебнулся; умеръ. Ванька ево поташшы́лъ за́ ноги, оторва́лъ ему го́лову. Утромъ пришли, нашли какъ разъ: лежитъ человѣкъ—и безъ головы. Ну, хорошо. Взяли ево выбросили безъ головы. И прямо съ головой (не замѣтили го́лову въ чану́) чанъ вы́лили.

4. И повезли по селу́ дядю етова, покойника: не призна̀ютъ ли хто? Ванька и говоритъ тёткѣ: „тётка, дядя вѣдь вотъ въ чанъ упалъ; ево сечасъ повезутъ по селу. Тебѣ охота поревѣть? Возьми кри́нку съ молокомъ, сравняйся съ нимъ, разбей кринку и реви-причитай, чё тебѣ угодно!“—Сравнялась она съ нимъ, хлопъ кринку и давай ревѣть: „Милой ты мой корми́лецъ, драгоцѣнной! Какъ я безъ тебя буду жить-то?..“—Её и спрашиваютъ: „Ето, тётка,

развѣ твой мужъ?“—„Нѣтъ! што вы? я объ молокѣ реву́: вотъ молоко пролила, а купить больше не́ на што!..“—Наревѣлась и пошла домой.

5. Ванька сталъ опять ету казну́ воровать ходить. Какъ вора поймать? не знаютъ. Сдогадались: взяли выставили на дворѣ чанъ съ виномъ; воръ придётъ: обязательно ужъ онъ духъ услышитъ ви́нной; всё-таки выпьетъ, напьётца, свали́цца—вотъ мы ево и пойма̀емъ.

Пошолъ Ванька въ ету ночь воровать. Набра́лъ сколько надо денегъ; пошолъ обратно, слушаетъ: што-то виномъ пахнетъ. Ню́хать, ню́хать, уню́халъ, подошо́лъ къ ча́ну, выпилъ стаканъ (ковшъ былъ), другой и трѐтей; опьянѣлъ, свалился и уснулъ. Прихо́дитъ сторожъ. — „А! попа́лся, голубчикъ!“ думаетъ въ себѣ. А Ванька былъ здорове́нной ростомъ. Думаетъ [сторожъ]: „не уне́сь мнѣ вѣдь одному-то ево! Дай пойду ешо ково-нибудь скричу!“ — Взялъ да ему полбороды и отстригну́лъ: „если проснётца, пойдётъ, такъ мы всё равно ево безъ бороды-то всё узна́ёмъ!“

Какъ разъ Ванька вскорѣ и проснулся. Хвать, ужъ бѣло́ на дворѣ-то. Поймался за́ бороду, шшупаетъ: полбороды нѣтъ.—„Охъ, чортъ тебя побра̀лъ! што я бу́ду теперь дѣлать?.. Бѣжать!“ — Выбѣжалъ на большую дорогу; идётъ на встрѣчу мужикъ съ большой бородой. Схватилъ ево за́ бороду, оторва́лъ ему полбороды. Отбѣжалъ, идётъ второй; схватилъ и тово, у тово полбороды. Такъ ихъ много онъ нарвалъ. Ну, и убрался.

Стали искать по селу: которова не схватютъ, у кажнова полбороды нѣтъ.—Какъ вора найти?

6. А Ванька взялъ подровня́лъ себѣ бороду, обстри́гъ (вы́ровнялъ). Думаетъ: „Будетъ воровать, стану обманомъ деньги наживать“.—Собра́лся, пошолъ въ другое село. Смотритъ: баба холсты́ разослала сушить. Только у́шла, Ванька подходитъ и снялъ эти холсты, и снёсъ въ овинъ—спряталъ. Идётъ опять въ село.

По вре́мю баба знаетъ, што холсты вы́сохли; идётъ снимать. Смотритъ: холсто́въ нѣтъ, и давай ревѣть. Ванька подходитъ и спрашиваетъ её: „ты чево́, тётка, *орёшь?*“ — „Што́ ты, батюшка? холсты кто-то укралъ!“ — „Подёмъ, тётка, въ ызбу, *чечасъ* ворожить станемъ!“ — Зашли въ избу. — „Давай, тётка, ковшъ воды!“ — Глядѣлъ, глядѣлъ и

говоритъ ей: „Ну, тётка, на той недѣлѣ ты ругалась — вонъ въ томъ домѣ баба есь, — ты съ ёй поругалась, вотъ она у тебя ихъ сняла, да въ овинъ и снесла. *Айда*, бѣги́ сечасъ: въ овинѣ они лежатъ! а тоута́шшытъ!“

Побѣжала баба, нашла холсты. — Какъ въ ру́ку поло́жилъ! — Пришла, въ но́ги ему: — „Батюшка, чѣмъ же съ тобой разсчитыватьца?“ — „Ну, есь деньги, такъ де́ньгами давай! а то — масломъ, я́ицами беру!“ — Дала рупь денегъ, я́ицъ поллуко́шка. Распростился Ванька, пошо́лъ.

А баба ета побѣжала къ той сусѣдкѣ, на которую онъ показалъ, и давай ругацца: „Ты воровка! така-сяка! холсты́ уташшы́ла!“ — Ну и разодрали́сь.

7. А Ванька идётъ своей дорогой. Подходитъ къ купеческому до́му. Смотритъ: тройка лошадей. Схватилъ ихъ и въ лѣсъ; привязалъ въ тали́нникъ, въ кусты, и ходитъ по етому же селу. Хватился купецъ, лошадей нѣтъ! Вотъ бѣда! Туда сюда искать, — нѣту! провали́лись лошади, негдѣ найти не мо̀жутъ.

Какъ разъ и приходитъ та баба, у которой холсты терялись, въ лавку купить мыла. — „Объ чёмъ ето вы ту́жите?“ спрашиваетъ она у купца. — „Да што ты, Ермолаевна? да я тройку лошадей потерялъ! Вотъ всево́ черезъ часъ стояли тутъ! — нѣту!“ — „Батюшка, Евсѣй Поликарпычъ! у насъ вѣдь по селу́ колдунъ ходитъ! всю подного̀тную, батюшка, знаетъ!“ — А какъ разъ Ванька мимо и идётъ. — „Во́тъ онъ! вотъ онъ!“

Купецъ живо кричитъ: „Ей, дѣти́нушка! зайди-ко сюда!“ — Заходитъ Ванька и говоритъ: „Знаю, купецъ, чево́ ты хошь спра́шивать! У тебя потерялась тройка лошадей?.. Давай ковшъ воды! сейчасъ посмо́тримъ, хто укралъ?“ — Смотрѣлъ, смотрѣлъ и говоритъ: „Твоихъ лошадей укралъ — прошломъ го̀дѣ мужику посѣять ты не далъ пшеницы — вотъ тотъ и укра́лъ! Бѣги, вотъ онѣ за 12 какихъ-нибудь шаговъ въ *тали́нникѣ* привязаны! До́ ночи бы простоя́ли, — онъ ихъ у тебя бы и угна́лъ!“

Побѣжали, ведутъ лошадей. Купецъ и спрашиваетъ: „ну, господинъ колдунъ, чево́ тебѣ за труды?“ — „Ну, рубликовъ 50, и бу́детъ! у тебя тройка вѣдь до́рого сто́итъ!“ — Далъ ему купецъ и проводилъ съ почётомъ.

8. И пошла про Ваньку сла́ва. Какъ разъ въ этѣмъ ко-

ролевствѣ, γдѣ Ванька жилъ, у короля и потерялось кольцо вѣнчáльное. Вотъ призвáли мудрецóвъ разныхъ, ворожей,— ничё не могутъ угадать.

Этотъ купецъ, у которова потерялась тройка, и прiѣхалъ въ етотъ городъ. И какъ разъ на постоя́ломъ разговоръ и ведутъ: „Вотъ у короля потерялось кольцо! бѣда теперь всѣмъ будетъ!“

Заходитъ Ванька. Купецъ ево сразу узналъ. Виду ему не показáлъ, што узналъ ево; побѣжалъ етотъ купецъ прямо къ королю: „Дolóжьте, пожалуста: я желаю кое-што королю разсказать!“ — Выходитъ король, спрашиваетъ ево: „Што тебѣ, молодéцъ, нужно?“—„Я слышалъ, Ваше Королевское Величество, у васъ потерялось кольцо. Дакъ я и пришолъ вамъ сказать, што у васъ, въ вашемъ городѣ, на постоя́ломъ останови́лся колдунъ; вотъ онъ-то вамъ всё и разскажетъ, куды и кольцо дѣвалось“.—„Ну, хорошо, спасибо(а)!.. Запереть ево въ тюрьму (купца)! Если колдунъ вы́ворожитъ, то я тебя награжу, а если ничё не придётца, такъ обѣхъ велю повѣсить!“

Побѣжали за Ванькой. Привели. Заходитъ, кланяетца.— „Ну, што! ты можешь ворожить?“ спрашиваетъ король.— „*Маракýю*, Ваше Королевское Величество!“—„Ну, такъ вотъ! выворожишь, награжу! а обманешь, соврёшь, велю повѣсить!“ — „Хорошо! Дайте мнѣ сроку на три дня и на три ночи!“—Запéрли ево въ комнату.

9. И думаетъ Ванька, сидитъ: „Попалъ я, голубчикъ! Чево я буду говорить ему, коҺда я ничево не знаю?.. Э! да дождусь третьихъ пѣтуховъ: какъ пропоютъ, разбѣгýсь—и въ окно: хоть и убьюсь, такъ всё-таки не повѣшеной буду!“

А это кольцо украли поваръ, кóнюхъ и дворецкой. Они— ну, колдунъ извѣстной, слава идётъ, вѣдь онъ сечасъ узнáетъ — трýсютъ. — „*Айда*-ко, — посылаютъ поваръ конюха послушать: — *чё* онъ тамъ ворожитъ?“ — Только подошолъ къ двери, пропѣли первые пѣтухи. Ванька говоритъ: „Слава Богу! одинъ есь!“ — Тотъ и бѣжитъ обратно, сказывать: „Ну, ребята! только къ дверѣ подошолъ, ухо налóжилъ, онъ и говоритъ: „Слава Бóгу, одинъ есь!“—Меня, стало быть, узналъ!“

Посылаютъ второва: „Ну-ко, ты *айда*, слушай!“ — Только второй подошолъ, вторые пѣтухи пропѣли; Ванька и гово-

ритъ: „Слава Богу! два есь!“ — Тотъ и бѣжитъ: „ну, ребятушки, и меня узналъ!“

Посылаютъ третьева: „Ну, если тебя узнаетъ, бро́симся къ нему въ ноги! станемъ просить прошшенья, и кольцо отдадимъ!“ — Только подходитъ, третьи пѣтухи. — „Слава Богу, три есь!“ Ванька говоритъ и бросился бѣжать къ дверѐ. Подбѣгаетъ, а онѣ бухъ ему всѣ трое въ ноги: „Батюшка колдунъ, спаси насъ, не разсказывай! мы вѣдь кольцо-то украли!“

10. „Я какъ зашолъ, такъ васъ сразу замѣтилъ! знаю, што вы!.. Ну, да *чё* съ вами подѣлаешь? давайте, выворачивайте полови́цу живо!“ — Вы́воротили полови́цу; взялъ у ихъ Ванька кольцо и бросилъ въ по́дполъ. — „Давайте на мѣсто полови́цу! дакъ штобы плотно она не была, оставьте—какъ кольцу пролѐсь такую шшелку!.. Ну, теперь отправляйтесь!“

Самъ закричѣлъ: „Эй, докладывайте королю! выворожилъ!“—Бѣжитъ король: „Ну, што, колдунъ? какъ дѣла?“— „Для меня, вѣдь, Ваше Королевское Величество, хитрости нѣтъ! У васъ ево нихто и не воровалъ! Горнишная сметала съ окошка и смела̀ на́ полъ; вонъ въ ту вонъ шшель и провали́лся“.—Живо отвороти́ли полови́цу, смотрятъ: кольцо тамъ.

11. „Ну, дѣтинушка, молодецъ! пойдемъ-ко со мной въ садъ!“—Пошли съ королёмъ Ванька въ садъ.—„А што колдунъ, глубока́ ли земля?“ спрашиваетъ король у Ваньки.— „Вотъ у меня 190 лѣтъ тому назать умеръ дѣдъ и захотѣлъ назать съ тово свѣту воротитца: идётъ, идётъ, и сечасъ не можетъ выйти“.

„А сколько на небѣ звѣздъ?“ — „Давайте, Ваше Королевское Величество, мнѣ булавочку да ли́стикъ бумажки!“— По́далъ ему лисъ бумаги и булавку. Онъ всю её исты́калъ въ дырочки, весь листъ.—„Вотъ сосчитайте-ко, Ваше Королевское Величество, сколько тутъ дырочекъ!“ — Тотъ считалъ, считалъ, всё *метлеси́тъ*; не можетъ сосчитать.—„Што́ ты́ за дуракъ, да һдѣ же тутъ сосчиташь?“—Ванька: „Ну, также и звѣзды: сколько не считаешь, всё метлеся́тъ да сверкаютъ! һдѣ же ихъ сосчитаешь?“

12. Отошли немного. Король поймалъ въ ру́ку майскова жучка́. (А Ваньку ругали въ деревнѣ: „Жучо́къ“). Король и спрашиваетъ: „А вотъ што, колдунъ! отгадай, што у меня

въ рукѣ?“ — Ванька и говоритъ ему какъ будто про себя: „Ну, попался Жучокъ королю въ руки!“ — „Ну, молодéцъ, колдунъ! теперь испытывать тебя не буду!“

Наградилъ Ваньку, отправилъ съ почётомъ. Выпустилъ купца, и тово наградилъ.

13. Сейчасъ денегъ много [у Ваньки]. — „Пойти надо на родину, жить себѣ припѣваючи!“—Идётъ дорóгой, застигла ево ночь въ лѣсу. Думаетъ: „Эхъ, попутчиковъ нѣтъ! тоскливо идти одному!“ — Только передумалъ, какъ разъ двое идутъ настрѣчу.—„Здорово! братцы! Куда пробираитесь?“—„Да вотъ до деревнюшки бы надо добрáцца, да съ дороги сбились!“—„Идёмъ, я дорогу найду! Вы неладно пошли, пойдёмте попутно!“

Шли, шли, устали:—всё не мóжутъ найти дорóгу, которую имъ надо. Сѣли отдохнýть. У Ванькиныхъ товáришшовъ есь котелóкъ, есь и на кашу пшенó. Схватѝлись, у всѣхъ троихъ спѝчёкъ нѣтъ—развестѝ огня. Ванька сглянулъ въ стóрону, смотритъ: огонёкъ. — „Ну-ко, товаришъ, сходѝ-ко! тамъ хто-то ночýетъ, возьми-ко огонька!“

Тотъ пошолъ; приходитъ, смотритъ: сидитъ пре-старой старой старичѝшшо и варѝтъ точно кащу. — „Бохъ пóмочь, дѣдушка!“ — „Какой тебѣ Бохъ? Сказывай прямо, зачѣмъ пришолъ!“—„Дай, пожалуйста, намъ огонька!“ — „А скажи мнѣ небылѝцу, дамъ огня! А скажешь быль, — изъ спинѝ ремéнь вы́рѣжу, а изъ пя́токъ по пряжкѣ!“ — Тотъ *чо* не скажотъ, всё быль. Вырѣзалъ ему изъ спины ремень, изъ пя́токъ по пряжкѣ, проводилъ безъ огня.

Тотъ идётъ и думаетъ: „*Чо* жо, неужели мнѣ имъ сказывать, чево со мной было?—Нѣтъ, не скажу! дай, обману!“—„Ну! ты *чо* тамъ ходилъ? да *чо*-то и безъ огня?“ — „Да подошолъ—тéплилась головёшка; подошолъ—и потухла“.

„Ну-ко, иди второй! Ты не счасливой ли?“—Второй подошолъ, и съ нимъ то жо случилось, што и съ первымъ.

14. „У, чортъ васъ побрàлъ! да што такоё? Дá-ко я самъ пойду!“ — Подходитъ. — „Здорóво, дѣдъ! Ты чево-жо намъ огонька-то не даёшь?“—„А вотъ, скàжошь небылѝцу, дакъ дамъ огня! а не скажошь,—изъ спинѝ ремень, изъ пятокъ по пря́жкѣ!“—„Идётъ, старинà! Только съ уговóромъ: если перешибёшь мою рѣчь, то у тебя — изъ спинѝ ремень, изъ пятокъ по пряжкѣ!“—„Ну, давай, разсказывай!“

15. Начинаетъ Ванька разсказывать: „Жили мы съ отцомъ не бѣдно, не бога́то. Ну, и услыхали, што за́ моремъ на мухъ скота́ мѣняютъ. Вотъ мы съ отцомъ вышли на у́лицу съ двумя мѣшками, давай ловить мухъ. Полнёшеньки мѣшки́ оба налови́ли какихъ-нибудь минуты въ двѣ. — На чёмъ ѣхать? Корабля́ нѣтъ! — Сѣли въ старое корыто, въ бездо́нное, поѣхали. Прiѣхали за̀ море̇, давай мѣнять: на ка́жную муху по быку́ дали намъ. — Какъ ихъ перевози́ть? — Я и придумалъ: схвачу́ быка, размота́ю, перешвырну́ на тотъ берегъ, откудовъ прiѣхали. Всѣхъ перешвыря́лъ.

Остался одинъ быкъ Бури́ще. Посадилъ батьку на̀ спину, кричу: „держи́сь за рога́!“—Схватилъ за хвостъ, мота̀лъ, мота́лъ, а изъ рукъ не вы́пустилъ; онъ съ нами и перелетѣлъ. Вотъ и давай съ ба́тькой ихъ всѣхъ прика́лывать. Заколо́ли,—у насъ мя́са-та нихто и не берётъ.

У меня триста лѣтъ тому назать дядя умеръ. Съ тово свѣту мнѣ запи́сочку и присла̀лъ: „Милой племя́нничокъ, всѣ мы босико́мъ на томъ свѣтѣ ходимъ—ко́жи нѣтъ!“—Запрегли́ съ батькой лошадёнку, накла̀ли ко̀жи, поѣхали на тотъ свѣтъ. Прiѣхали, кожи съ барышо́мъ всѣ про́дали; одна только съ дыро́й оста̀лась, не взя́ли.

Батьку тамъ оставилъ журавле́й пасти́, а самъ сталъ спушша̀тца на̀ землю. — А какъ, думаешь, спушша́лся? — Взялъ да ко́жу-ту на реме́шки и изрѣзалъ. Сталъ спускатца. Ну, версты три эдакъ и не хватило реме́шка до земли. Я такъ три года и висѣлъ.

По мо́ему счасью, мужикъ пшеницу вѣетъ: меки́на кверху и летитъ. Я сталъ ловить да верёвку вить. Свилъ, сталъ по этой верёвкѣ спускатца. Верёвка оборвала̀сь, я булты́хъ въ болото, по са̀мую ше́ю и увязъ. Опять пять лѣтъ въ боло́тѣ-то и сидѣлъ.

Утка на моей головѣ гнѣздо свила̀ и сидитъ, цыплятъ выводитъ. Подбѣжалъ волкъ, хвать утку. Я изловчи́лся, да ево за хвостъ. Какъ у́хнулъ, онъ меня и выташшылъ изъ болота. Я ево хлопъ! уби́лъ. Разрѣзалъ брюхо, въ нёмъ громаднѣйшiй яшшыкъ. Откры́лъ ево, въ нёмъ шкатулка. Я и шкатулочку открылъ, тамъ записочка лежитъ; въ ей написано, што будто бы твой дѣдъ мо́ему дѣду долженъ вѣчно обро́ки плати́ть“.

Старикъ соскочилъ: „Стой! врёшь!“ — „А, старина! попáлся! нашто жо ты рѣчь-то мою перешипъ?“ — Вырѣзалъ ему изъ спины ремéнь, изъ пятокъ по пряжкѣ. Взялъ огня, сталъ варить кашу.

---

51. „Какъ руской татарамъ мечеть строилъ“.

1. Татары порядили мечеть строить русскова строителя. Набрáлъ онъ рабóчихъ, нàчалъ строить и живо вы́строѣлъ. Приходитъ: „Пожалуйте разсчётъ!“ — „Сперва тебя надо угостить!“

Заколóли барана, нажарили-наварили, взяли винà-сивýхи — напóили всѣхъ рабочихъ. Русской, какъ выпьётъ, много ѣсъ. Здóрово всѣ наѣлись.—„Разсчётъ пожалуйте!“— „У насъ такой дóговоръ: штобы первую ночь тебѣ въ мечéтѣ и ночевáть!“—„Лáдно, начýю! што-жъ?“

2. Пришолъ, лёгъ, завернулся. Зáперли ево. Онъ здóрово наѣлся, захотѣлъ ..... И думаетъ: „если я здѣсь ......, тоhда вѣдь онѣ меня убьютъ! вѣдь всё равно церковь же!“— Думалъ, думалъ, да што же дѣлать? не въ штаны жо? — Взялъ, въ передней уголъ ...., закрылъ тряпи́цей. — „Ну, теперь бѣда мнѣ будетъ!“

3. Утромъ, чуть свѣтъ, отворяютъ двери. Заходитъ мулла, ну--всѣ тамъ почётные ли́цы и спрашиваютъ: „Ну, чево, строитель, видѣлъ?“—„Ой, ребята, лучше бы мнѣ и не ночевать! Зналъ бы, и строить не сталъ вашу мечеть!... Только лежý, думаю себѣ, въ сáмую полнóчь -- ви́хорь поднялся и снесло крышу съ мечети, какъ сечàсъ вижу. И сдѣлалось свѣтлó, какъ днемъ. Яви́лси нашъ Бохъ—свѣтлинькой, малинькой, худинька(о)й“. — Татары отвѣчаютъ: „Да, вàша Бохъ шипко худой, плохой, свѣтлинькой!“ — „Всталъ Онъ въ томъ углý и сталъ моли́тца“.

„Вразъ ишо тово пуше вихорь подня́лся. Залетѣлъ вашъ бохъ — высокой, здоровой“. — „Да, бáчка, нашъ богъ ай-ай здоровá, высокой!“—„Только пошто-то чёрной!“—„Но вѣдь онъ *рòбитъ!* а вáша разѣ рóбитъ?“—„Ну, а вижу: всётаки онъ сильной, это вашъ бохъ!“—„Ой, нашъ бохъ ай-ай сильнá!“ — „Зглянýлъ, нàшево Бога увидалъ, што Онъ мóлитца. Подошóлъ, да какъ Ево въ прàвой бокъ двинетъ...“—

„Ай-ай, вотъ какъ! вотъ какъ ло́вко нашъ бохъ Ево!... Ну-ко, какъ дальше?“—„Второй разъ въ лѣвой бокъ какъ далъ Ему! Тотъ пошатну́лся. Въ третей разъ какъ ткнулъ! нашъ Бохъ оборотился, какъ ево *свйснетъ*, онъ вотъ это мѣсто и . . . . !“—Открылъ тряпи́цу, показываетъ, гдѣ самъ онъ.....

Вотъ онѣ давай ругацца.—„Фу, какой дуракъ! сила нѣтъ, а драцца лѣзетъ!... Ну, ты, мачка, пожалуста не сказывай ето, *чо* видалъ! Мы тебѣ ишо де́ньга прибавимъ!“—Пообѣшша́лъ имъ, што „не скажу!“ —Они прибавили и проводи́ли ево съ почётомъ.

Сказки С. К. Киселева.

Когда я записывалъ сказки въ Верхнемъ Кыштымскомъ заводѣ и „первый лёдъ былъ сломанъ", недовѣріе населенія къ новому и неслыханному дѣлу—записыванью сказокъ для печати—прошло,—тогда ко мнѣ на квартиру приходили многіе жители завода; одни приходили изъ простого любопытства, другіе сами насылались со сказками, хвастливо называя себя хорошими сказочниками; третьи легко соглашались на мое предложеніе разсказать мнѣ извѣстныя имъ сказки. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ и обыватель завода Степанъ Кирилловичъ Киселёвъ, 50-ти лѣтъ. Онъ мнѣ разсказалъ четыре сказки, изъ которыхъ послѣднюю я не привожу по ея нескромному содержанію (женщина обманываетъ одновременно и своего мужа, и своего случайнаго знакомаго).

Подобно большинству жителей Верхняго Кыштымскаго завода, С. К. Киселевъ слабо акаетъ, но далеко не всегда, а лишь изрѣдка. — Его любимое словечко: „слышь" (= говоритъ; собственно: слушай!).

---

52. [М о р о к а].

1. Разъ шолъ карабль. Этотъ карапь нужно прицѣпить къ бéрегу. Коɣда прицѣпили къ бéрегу, вездѣ звонъ, какъ во время Пасхи.—„Ребята, хто куда увольняйтесь! гуля́й!"—ихъ отпустили. (Изъ матросовъ, конешно).

Одинъ матросъ отправляетца въ *Нѣмску* госьтиньницу обѣдать. Коhда ето попроси́лъ обѣдать, ево накоръми́ли.— „Вы што жо, *чушь*, какъ свиньи́ нàлили, ро́вно изъ лаха́ни?"—Половой и говоритъ: „хошь ѣшь, хошь не ѣшь! хазяинъ велѣлъ за обѣдъ россчитàцца!" — Онъ о́тдалъ пять рубьлей. Коhда ему принесьли́ сда́чи, онъ и говоритъ, што „ето можетъ половой и буфѐтьчикъ получить себѣ на чай!"

Топерь онъ цѣлую недѣлю ходилъ, кажной разъ разсчитывался и сдачи не бралъ—всё на во́дку отдавалъ. Ево полюбили, стали стрѣчàть.

2. Нѣмецъ збира́етъ деньги, идётъ за поку́пками. Коhда набра́лъ покупокъ, подаётъ эти золотые. Торговой и гово-

ритъ: „Што ты ето подаёшь эти деньги? вѣдь это, слышь, салдатскіе пу́говьки! Посмотьри́!“ — Онъ смотритъ: вѣрно! Онъ бросился домой. Прибѣжалъ, хотѣлъ отьня́ть эти [чаевыя] деньги у полово́ва и у буфе́тьчика. Поднялáсь у нихъ дрáка.

Нáчалъ хлопотать объ этѣмъ дѣлѣ. Подаётъ бумагу губернатору. Губернаторъ призываетъ етова самова матроса: „Ты слышь, матросъ! сознайся лучьше! *чо* тамъ ты надѣлалъ?“—„Я, слышь, ничё не знаю!“—„Сознавайся!“

3. „Мнѣ сознаваться сечасъ нельзя! Подождите! Сечасъ, слышь, *чё*-то набатъ вездѣ бьютъ!“—„Какъ набатъ везьдѣ бьютъ?“ — Побѣжали, а ужъ у нихъ сьни́зу-ту кьверху-ту ужь плáмё, спусти́цца нельзя!“—Забѣгалъ. — „Куда мы, слышь, теперь?“ — „Скорѣе хватай дѣлà, да изъ окошка!“ —А высòко, выпрыгнуть невозможно! Онъ схватилъ пери́ну, бросилъ изъ окна: „Прыгайте! лучьше сами спасайтесь! а я спасуся!“ —Губернаторъ пры́гнулъ изъ окна, а оказывается— со столà нá полъ.

Когда пры́гнулъ и закричáлъ: „Вѣстовой, вѣстовой! Гдѣ у насъ тотъ человѣкъ?“—А онъ за двере́й стои́тъ.—„Скричи ево сюдà!“—„Ну, матросъ, тебѣ два цолко́выхъ де́нёгъ! ступай, только некому не скáзывай!“ (што онъ пры́гнулъ со столà нá полъ). — Конечьно, тутъ узнали, стали надь нимъ подсмѣховацца.

4. Тутъ по́дали дѣло генералу. Генералъ ево призываетъ кь себѣ и кричитъ то́же на нево:—„Я сь тебя ко́жу сдеру́!“— „Обождите немно́шко! Сейчасъ намъ съ тобой кричать нельзя!“—„Почему?“ слышь.—„Страшное водопо́лье?“—„Почему водополье?!“

Пошли смотрѣть; а ужъ опять из-низу-тѣ кве́рьху-тѣ вода бури́тъ: имъ выйти-то нельзя. Они бросились въ третій етажъ. И въ третій етажъ вода подошла. Онѣ на вы́шку, на крышу взошли, на *конёкъ*. На конькѣ тоже вода. Онѣ залѣзьли на трубу.

Потомъ, только ужъ имъ потонуть, — неотке́да взялась ло́дочька, пловётъ прямо кь имъ. Въ етой лодочкѣ веслá нѣтъ; понесло́ ихъ кудá — и Бохъ знаетъ куда! Разъ онѣ. выѣхали на су́шу. Матросъ енералу говоритъ: „Теперь Бохъ знаетъ кудá насъ принесло́ — въ иностранные зе́мьли! мы тутъ ничё не поймёмъ!“

Пошли. Недалёко оказываецца деревушка. Зашли, — ничево не понимаютъ, ничё не знаютъ — не тотъ, не другой. Матросъ и говоритъ: „Насъ съ тобой нанимаютъ въ коро́вьи пастухи́ скотъ пасьти́“ — „Куда дѣвацца? Надо наня́цца!“ — Нанялися; матросъ сдѣлался пастухо́мъ, а енера́лъ *подпа́скомъ*.

5. Вотъ они пропасли всё лѣто. А было ря́жено у нихъ за 25 рублей. Получили онѣ эти 25 рублей, вышли на лужайку, стали дѣлить. Матросъ берётъ себѣ 15, а генералу даётъ 10. — „Почему ты мнѣ даешь 10, а себѣ берёшь 15?“ — „Я, — слышь, — пасту́хъ, а ты подпа́сокъ! Коhда ты былъ генералъ, а теперь ты живёшь у меня въ подпа́скахъ! я ста́ръше тебя!“ — Генералъ согласился, получилъ деся́тку.

„Топерь бы хто меня на свою земълю доста́вилъ, я бы послѣдьню десятку о́тдалъ тому!“ — Матросъ и говоритъ: „збу́децца ли ето правда?“ — „Душо́й и тѣломъ!“ — Вразъ оказываютца — сидятъ въ комнатѣ, у тово́ жо стола, и разсчитываюцца.

Соскочилъ генералъ, закричалъ: „Стой, стой! Какое у насъ водополье было?“ — „Да такое, — слышь: — водополье!“ — „Гдѣ?.. У меня дѣти на гуля́нье уѣхали, — гдѣ дѣти?“ — „А они, — слышь: — ешо съ гулянья не прiѣхали. Они есчо́ гуляютъ“.

Матросъ сказалъ: „Пожалуйте разсчётъ!“ — Генералъ о́тдалъ матросу десеть рублей: — „Ступай, — слышь: — съ Бо́гомъ! А если *Нѣмъская* мо́рда придётъ, я ево гоня́ть буду!“

---

53. [Загадки].

1. Ади́нъ баринъ былъ. У ево былъ лакей Алёшка. Разъ баринъ заслы́шалъ: какая-то выходитъ за́мужъ и говоритъ: „Есьли мнѣ три загадки загану́тъ, не отгану́, — такъ за нево за́мужъ пойду!“

Приходитъ онъ домой и кричитъ: „Алёшка! вотъ тебѣ три рубля́ — ступай, купи мьнѣ лошадь!“ — Тотъ получилъ деньги, спускаетца внизъ: „Баринъ што-то у насъ не совьсѣмъ!“ — Побѣжалъ. Бѣгалъ, бѣгалъ, лошадей нѣтъ. Разъ ведутъ лошадь пропа́шшую безъ ма́лова; разъ онъ её ку-

пилъ. Купилъ за трёшьницу, привёзъ её. — „Нашто вы, — слышь:—етакихъ покупаите?“—„Сабакъ коръми́ть!“

Онъ домой, кричитъ барину. Баринъ выходитъ и говоритъ: „Ну, вотъ лоша́тъка такъ лошадка! такую и надо! Ставь въ канюшню и каръми́—больше ниче́!“

2. На второй день кричитъ: „Алёшка! иди-ка сюда!“— Алёшка пришолъ: — „Што, баринъ, угодно?“ — „Вотъ тебѣ три рубля! Ступай, купи мнѣ самова лучшава драпу — на сертукъ и на жилетъ и на брюки!“—Алёшка приходитъ въ одинъ магази́нъ и смѣёцца: „Чево-то,—слышь:—баринъ съ ума́ сходитъ! Чево́ жо я на̀ три рубля куплю драпу?“—Торговой говоритъ: „На эти деньги рогожъ не купишь!“—Алёшка и говоритъ: „Вѣрно! — говоритъ: — итти рогожъ купить!“ — Купилъ рого́жъ, завернулъ въ салфетку и несётъ барину. Принёсъ барину, кладётъ. — „Ну, вотъ драпъ такъ драпъ! лучьше етова мнѣ и не надо!“

„Теперь найди мнѣ портно́ва! Былъ бы хорошій—штобъ мате́рье не изьвёлъ!“—Алёшка пошолъ, портнова хорошаво привёлъ. Сшили, принесьли́; онъ за рабо́ту тоже три рубля заплатилъ.

3. Черезъ недѣлю лошадь немножко отдохну́ла. Одѣваетъ свое рогòженное платье, сади́цца на̀ лошадь, отправля́цца и говоритъ: „А ты, Алёшка, *ада́* за мной!“ — Поѣхали.

Пристигла ночь. Онѣ остановились у озера начевать. Онъ утромъ стаётъ, пашолъ умыва́цця. Умылся пѣной, не водой, а утёрся—у етой лошади хвосто́мъ. Вотъ и говоритъ: „Смотри-ка, Алёшка, што́ я сдѣлалъ! Ты за ето получишь деньги!“ — „Што, баринъ?“ — „Я,—слышь:—умылся не водой и не росой, а утёрся полоте́нцомъ не тка́нымъ и не бра̀нымъ. Вотъ, — слышь: — ето перъвая загадка! пушай она попро́буетъ!“

4. Поѣхали вперёдъ. Видитъ: корова въ хлѣбѣ ходитъ.— „Алешка! слышь: сорви́ хлѣба и добро́мъ вы́гони её, тихонько! Теперь, — слышь: — смотри, Алёшка, не забудь: ты изъ добра́ и добро́мъ и вы́гналъ! — Ето будетъ у насъ вторая загадка!“

5. Опять отправились вперёдъ. Видитъ: зьмѣя черезъ доро́гу ползётъ.—„Алёшка! на-ко саблю, пересѣки её на-попола́мъ!“—Алёшка взялъ сабьлю, пересѣкъ её [змѣю] на-по-

поламъ.—„Вотъ, Алёшка, третья загадка: „*зело́ зело́мъ* убилъ! Пушай она попро́буетъ, отгадаѐтъ!“

6. Пріѣзжяютъ въ тотъ городъ. Пріѣхали,—ешо очередь до нево человѣкъ съ сотьню есь: ихъ такъ много набилось, всѣ зага́дываютъ. У всѣхъ отгадывала. Онъ подошолъ.— „Ты,—слышь:—што, рогоженной баринъ? (Онъ въ рогожѣ былъ). Загадывай!“

„Я у озера начевалъ. Умылся утромъ не водою и не росою, утёрся полоте́нъцемъ не тка́нымъ и не бранымъ“.— Она бѣгала, бѣгала, отгадать не могла. — „Ето, — слышь: — Алёшка скажетъ“.—Онъ ужъ опять обьясьня́тъ ей тихонько. Бѣжитъ.—„Отгадала! Вотъ такъ и такъ!“—„Нѣтъ,—слышь:— каналья! Алёшка разсказалъ, сто рублей получилъ сь тебя!“

„Вторую загадывай!“—„Изъ добра́ добро́мъ и выгналъ“.— Бѣгала, бѣгала, отгадать тоже не могла. Алёшка ей сказалъ. .....

„Третью!“ — „*Зело́* зело́мъ убилъ“.—Она отгадыватъ по кьнигамъ, а онъ сдѣлалъ напереёдъ на пра́ктикѣ. Она вышла, говоритъ: „Теперь всѣ отгадала!“—„Нѣтъ,—слышь:—если бы Алёшка не сказалъ, триста рублей не на̀жилъ, такъ тебѣ бы сроду не отгадать!“

Въ силу необходимости вышла за нево за́мужъ.

---

54. [Ловкій воръ].

1. Былъ адинъ купецъ. У етова купца только былъ одинъ сынъ. А онъ [купецъ] такой былъ богачъ, што на́ пять лавокъ торговалъ: въ четы́рехъ прикашчыки, а въ пя́той сынъ сидѣлъ.

Вечеромъ деньги приносютъ ему прикашчыки и сынъ; вотъ онъ сидитъ подсчитыватъ, а сынъ всё сидитъ. Сидитъ и говоритъ: „Што за ака́зія! Гдѣ это тятька съэстоль денегъ на́бралъ? Если бы онъ рабата̀лъ, такъ у нево бы ноги болѣли; а если бы воровалъ, такъ навѐрно бы подъ судо́мъ находился!“—А ему хочетца самому такой капиталъ составить. —„Гдѣ,—слышь:—доста́ну?“

Думалъ, думалъ и придумалъ: „Лучше ходить воровать! Какъ есьли я пойду воровать, ну, попаду́ подъ судъ,— тя́тька боħатой, вы́купитъ!“

2. Утромъ выходитъ на рынокъ, пошолъ по лавкамъ — у тово деньги украдётъ и у другова. Попалъ онъ подъ судъ. Отецъ ево выкупилъ. Ну, такъ и на слѣдуюсчой разъ попалъ подъ судъ,—отецъ опять ево выкупилъ. Въ трётей разъ попàлъ, отецъ ево выкупилъ и прогнàлъ.

3. Ну, пашолъ и ушолъ въ другой городъ. Приходитъ въ городъ къ вéчеру, ста(о)и́тъ на мосту́. *Вразъ* бѣжитъ — апаздáлъ—салдатъ за мясомъ. Онъ говоритъ: „Ты, салдатикъ, куда?“—„Побѣжалъ,—слышь:—за мясомъ“.—„Не пусьтишь ли меня переначевáть?“—„Такъ што? —слышь:— Ми́лосьти прóсимъ!“ — Пришли, сьдѣлали *пельмéни*, стали ужинать. Купеческій сынъ купилъ вини́шка. Поужинали, выпили ладóмъ. — „Ну, теперь надо спать!“

Онъ проснулся ночью и говоритъ: „Хазяинъ, ставай!“— Хазяинъ сталъ.—„Сказывай, здѣсь у ково больше денёгъ?“— „У нашево һосударя денегъ много въ кладовой, только у нево есь такой человѣкъ: хто — слышь: — иголку украдётъ, онъ и то узнáетъ!“ —„Ничевó,—слышь:—пойдёмъ!“

Пошли. Стѣну проломáли, бочёнокъ съ золотомъ утасшы́ли. Государь поýтру стаётъ: — „Всё ли у насъ сохранно?“—„Никакъ нѣтъ! Въ кладовýю стѣну проломáли, бочёнокъ съ золотомъ утасшы́ли“. — „Какъ жо?.. Хто?“ — „Это не извѣстно! Знáхарь ешчо лучше меня!“

4. „Надо дýму думать!“—И придумали: поставить чашу, въ неё налить смолы́, подъ неё наклáсь жáру, а стѣны не закладывать: будьто какъ не догадались.—Такъ и сдѣлали.

На вторую ночь онѣ опять пошли. Хазяину и сдѣлалось антересно бочёнокъ съ золотомъ утасшыть. Коһда подошли́,— „я,—слышь: — вчерàсь лáзалъ (купеческій сынъ говоритъ), а севодни, салдатъ, ты полѣзай!“ — Палѣзъ; руки у нево сорвáлись, онъ упалъ, въ етотъ чанъ прямо и по(а)пáлъ.

Тотъ подождáлъ, подождáлъ, — нѣтъ ево долго. Потомъ посмотрѣлъ, што тотъ упалъ,—онъ вытасшылъ, отсѣкъ ему гóлову, а тýлово опять спусьтилъ въ чанъ. Приходитъ домой.—„Ну,—слышь:—хозяйка! вотъ тебѣ отъ мужа го(а)ло(а)ва. Подёшь на меня просить, ничево тебѣ не будетъ; а станешь жить какъ слѣдуетъ, то мы съ тобой поправимся!“—Она ничево не сказала.

5. Утромъ тамъ стаютъ, говорятъ: „Ну, што?—Папалъ!“ слышь.— Пришли; вытасшыли руки и ноги и туловисшо, а

головы нѣтъ. — „Если бы голова-та была, такъ мы бы и узнали; а головы-то нѣтъ, такъ мы и не знамъ, хто такой!.. Што же теперь станемъ дѣлать?“ — „Взять салдатъ, да отправить ево на плóшшадь: хто не станетъ ли изъ родныхъ ревѣть. Мы ево узнàемъ“.—Такъ и сдѣлали.

Этотъ самой мошéнник'отъ, онъ утромъ стаётъ, на плóшшать выѣзжаетъ, смотритъ: вотъ онъ. Поѣхалъ дальше. Назадъ пріѣхалъ:—„Господа, это што у васъ такое?“—Солдаты ему обсказали. — „Эхъ, какое тирáнство! У насъ, — слышь:—нѣтъ етова, въ нашей державѣ!... Вотъ вамъ, бѣдьня́ги, нáте на бутылочку! сходите, выпейте!“ — Въ другой разъ заѣхалъ, опять имъ далъ на водку.

Они, ка(о)нечно, напили́ся. А онъ въ этотъ моментъ усьпѣлъ сьѣздить въ манастырь и укралъ у двухъ манаховъ [?] платье, а у игýменьши тóже. Солдаты, конечно, напили́сь пьяные й уснули; пріѣзжаетъ, — они спятъ. Онъ взялъ, съ нихъ всё снялъ, на одновó надѣлъ монашеское платье, на другова тоже, а на третьево игýменьшино надѣлъ. А етова туловишшо укралъ и увёзъ до(а)мой. Привёзъ, полóжили въ гробъ; съ ево женой и похоронили.

Утромъ просыпáцца одинъ солдатъ и говоритъ: „Это ты, братъ? Ставай! съ нами манàшка спитъ!“—„Самъ-то ты манашка!“—„*Чо* дѣлать?—Надо пойти, дескать, до һосударя!“—А һосударь любилъ до смéръти манáшекъ и игуменьшъ. Идутъ; һосударь на балхонѣ стоитъ. Они идутъ,—һосударь и клáняцца: „По(а)жалуйте! па(о)жалуйте!“ — Ани подошли и стали на калѣни. — „Это што такое?“ — Вы́слалъ узнать. Думали: што случилось въ манастырѣ; спросили.—„Такъ и такъ“.—Онъ велѣлъ ихъ атправить въ астрокъ.

6. Потомъ призываетъ своево губерпатора: „Чево станемъ дѣлать?“ — „У насъ дéнекъ много; давай увѣшаемъ казлá всево въ золоты́е!“—Дали двухъ салдатъ и офицера—ганять ево по городу: „Если онъ [воръ] уви́дитъ, — деньги станетъ брать; мы ево поймаемъ!“

Потомъ онѣ [солдаты] азя́бьли и зашли въ госьти́ньницу. Солдаты остались внизý казла караýлить, а постаръше ушолъ вверьхъ—чай пить. Въ етотъ моментъ и онъ [воръ] пріѣхалъ; забѣжалъ прямо кьвéрьху, попросилъ стаканъ чаю. Потомъ и спрашиватъ: „Нѣтъ ли, хазяинъ, — съ кѣмънибудь въ деньги поиграть?“ — Этотъ и выискался, стар-

ше'ётъ. Онъ съ имъ сталъ играть и понемножку проигрывать; а самъ то и дѣло вьнисъ, а тамъ всё салдатамъ давалъ на бутылочку. Салдаты, канечьно, спили́ся. Онъ въ етотъ маментъ сгрёбъ казла и уѣхалъ съ имъ. Тотъ схватился—тѣ пья́ны, а казла нѣту.—Съ обьясненіями къ һосударю. Государь велѣлъ ихъ пасадить.

7. „Ну, теперь,—слышь: — *чо* дѣлать?“—Опять призвалъ того.—„Надо по го́роду ходить и нюхать: һдѣ казёлъ не жа̀рицца ли?“—Одинъ [солдатъ] забѣжалъ какъ разъ къ етому [къ вору]: казёлъ у нево жарицца. Онъ [воръ] въ этотъ маментъ спалъ на пала́тяхъ. Салдатъ посмотрѣлъ, побѣжалъ сказывать, што вотъ тутъ казёлъ жа́рицца, а на варотахъ написалъ, што вотъ тутъ „казёлъ жа́реной“.

Тотъ [воръ] выскочилъ за воро́ты, побѣжалъ по всёй улицѣ, сталъ писать: „Казёлъ жареной“, „Казёлъ жареной“, „Казёлъ жареной“; на вьсѣхъ домахъ и написалъ. Они *збулга́чься,* прибѣжали въ ту улицу смотрѣть; на вьсѣхъ воро́тахъ: „Казёлъ жареной“.—Опять не могли найти ево.

8. Потомъ опять совѣтуютъ: „*Чо* станемъ дѣлать?“—„Давай,—слышь:—балъ!“ — Собра̀ли коһда балъ, они взяли, да золоты́хъ по́ полу-ту и насы́пали: — „Хто станетъ нагиба́цца-та, тово мы и поймаемъ! Навѣрно ужъ онъ: больше нехто́ не станетъ!“

Когда онъ [воръ] пріѣхалъ, увидалъ,—взялъ, подошвы варомъ нама̀залъ и по комнатѣ ходилъ. Сколько золоты́хъ нали́пьнетъ, онъ вы́йдетъ, обдерётъ, да опять ва́ромъ натьрётъ. Ну, и такъ вотъ все собра́лъ; нихто́ не нагиба́лся—и золоты́хъ не стало.

9. „Ну, теперь што станемъ дѣлать?“ — „Надо ужиномъ откорьми́ть да спать до́ма поло́жить!“ — Спать легли́; всѣ уснули. Они пошли со свѣчкой смотрѣть по ногамъ; у нево на одни́мъ подбо́рѣ остался золотой, и варъ не успѣлъ стереть. —

Стоятъ и думаютъ: „Если ево разбудить, всѣ со(а)ско́чутъ, *взбулга̀чутъ,* — онъ опять убѣжитъ!“ — Взяли, у нево одинъ подборъ оторъва̀ли. Онъ услыхалъ, проснулся. Они ушли,—онъ взялъ, у всѣхъ по одному подбору оторва̀лъ.

Утромъ всѣ стали и въ претеньзіи: „Для тово насъ оставля́ли, штобы подборъ оторвать?“— Имъ всѣмъ придѣлали новые подборы.

10. Опять начали́ совѣтовать: „Што намъ сь нимъ дѣлать? — Опять надо балъ дѣлать!“ — Сдѣлали опять балъ. Въ особенную ко́мнату въ уголъ насы́пали золота. Внизу кладовая была, а сверьху взяли, западню́ такую сдѣлали— въ родѣ лаву́шки: какъ онъ туда пойдётъ, такъ и упадётъ.

Онъ какъ пріѣхалъ, деньги увидалъ, —немножко погодя́ и отправился. Какъ пошолъ тамъ, поверъну́лся, туда и упалъ. *Чо* ему дѣлать?—„Охъ,—слышь:—упалъ!“ — Потомъ закричалъ [воръ]: „На пожа́ръ! На пожаръ!“—Народъ бросился туда въ ко́мнату бѣжать, одинъ по одному́ вьсѣ и сьлетѣли.

Пошли выпускать.—Которой [воръ]?—Опять неизьвѣстно!

11. Потомъ [хозяинъ] завёлъ всѣхъ обратно. — „Господа, хто изъ васъ машеньникъ? винитесь! За та(о)во́ отдамъ сваю до̀чи!“—Онъ [воръ] въ аръте́лѣ скричалъ: „Распишйсь!“ — Ну, онъ расписался. Такъ на ево дочери и овьвѣньча́лся. И капиталъ весь возвратилъ ему. И сечасъ живутъ.

---

55. [Иванъ купеческій сынъ и его невѣста волшебница].

(Разсказалъ Евгеній Ивановичъ Сига́евъ, обыватель Верхняго Кыштымскаго завода, Екатеринбургскаго уѣзда, 49-ти лѣтъ).

1. Жилъ былъ купецъ. У купца ни еди́нова сына не́ было. Онъ ѣздилъ по ярманкамъ—не до́лго и не ско́ро, года три или четыре. Не замѣчалъ онъ до́ма, што оставалась жена беременная. Но́нѣшной годъ отправляетца въ про́чіе держа̀вы за товаромъ; *та́мока* проторговалъ три го́да, — жена родила́ сына.

Черезъ три года онъ отправляетца домой. Ѣхалъ сухопутьемъ тамъ много ли, ма́ло ле, доста́лось ему ѣхать по̀ морю. День очень былъ жа́рко(а)й; захотѣлось ему почерпнуть воды́. Ево Самъ съ нокоть, борода съ ло́коть, То́кманъ То́кманычъ морской царь схватилъ, взялъ ево и говоритъ, што „аддай, што́ до́ма не знашъ!“—И онъ ему отда̀ва̀лъ всё: самъ себя [?] отдавалъ, и домъ отдава̀лъ, и всё,—„только меня не то(а)пи́!“ „Возьми чево хошь, только меня не шевели́!“— „Роспишись своей рукой!“—Разрѣзалъ свой пальчикъ, рас-

писáлся своей кровiю. Получилъ ето письмецó. И отправляетца своей путéй домой.

2. Подъѣзжáтъ къ своёму городу, заѣзжáтъ въ сваю вýлицу. Каhда доѣзжáтъ до своевó дварца, жена сидѣла подъ акошечкомъ на ýлкѣ са сваи́мъ сыномъ. Коhда мàти увидала своёва мужа, кричитъ сваёму сыну: „Папáша ѣдетъ!“ — И онъ кинулся бѣжать къ ему. Мальчишко добѣгаетъ: — „Што ето за мальчишко бѣжитъ? Кучеръ, остановись!“ — Прин́ялъ ево и до своёва дворца довёзъ. — „Это у насъ мальчикъ родился!“ говоритъ мати. — Онъ себѣ за бородку схватилъ: „Ну, я отдàлъ единьственнова сына!“

Сваéй женѣ етова ничево не сказалъ. Письмецо полóжилъ въ самое наилýчшее матерье.

3. Мальчикъ выросъ лѣтъ 17-ти, сталъ по лавкамъ ходить, прикашчиковъ повѣрять. Прiѣзжаетъ изъ прочихъ земель купецъ и говоритъ: „Подайте-ко мнѣ такова-то матéрья!“ — Заскáкиватъ прикашчикъ на лавку, выбрáсыватъ штуку и смотритъ: въ етомъ матéрьи кака-та бумажка. — „Ваня! вотъ кака-та бумажка!“ — „Ну-ко, я погляжу!“ — „Меня тятя отдалъ Тóкманъ Токманычу морскому царю!“

„Менѣ *этта* проживать нéчево! Надо итти ево розыскивать, hдѣ онъ проживатъ. Я пайду... Ну, радúмой тятинька и радима мамонька! напекáйте мнѣ *придорóжнички*: я отправляюсь искать морскова царя“.—Отецъ съ матерью заревѣли.

4. Отправился. Шолъ, шолъ, дошолъ до избушки; стоитъ избушка на куречьей голя́шкѣ, повёртывацца. Зашолъ въ ызбýшку; лежитъ въ ызбушкѣ Баба-Ягá. — „Фу-фу-фу! рускова духу слыхòмъ не слыхала, а руской духъ самъ въ ызбу зашолъ! Куда жо ты, Иванъ купеческой сынъ, пошолъ?“—„Напой, накорми, потомъ вѣстей распроси!“—Она .... — столъ подéрнула, ... — штей плеснула, ... потреслà — булокъ нанеслá... Напоила, накормила, стала дѣло распрашивать. — „Куда жо ты, Иванъ купеческой сынъ, пошолъ?“ — „Я, бабушка Ягишна, пошолъ къ Токманъ Токманычу морскому царю“. — „Хо, хо! ты далёко залѣзашь! *Айдá* подàлѣ, есь у меня сестра постáре, такъ òна больше знатъ!“

Дошолъ до её, зашолъ въ ызбýшку.—„Фу-фу-фу! Руской духъ самъ въ ызбу зашолъ!“... Напоила, накормила, стала дѣло распрашивать.

5. „Я тебѣ помогу́!"—„Помоги, помоги, баушка!"—„А вотъ прилетятъ ко мнѣ десеть голубицъ, я ихъ напою-накормлю; потомъ прилетитъ Марѳа То́кмановна, дочь ево, и со своей служанкой. Коһда ей стану всяко кушанье подавать, последне кушанье — картошки съ молокомъ, — и скажу ей, што „вотъ тебѣ, Марѳа Токмановна, женишка́-то!"—Она хоти́тъ меня ударить. (Я тебя посажу́ за печку, ты сиди́). Изъ-за печки выскакивай и тутъ её лови! Если поймашь, то ты будешь человѣкъ, а не пойма́шь—погибнешь!"

Прилетѣла Марѳа Токмановна со своей служанкой и сѣла на *зали́чинку* (на улицѣ, у воротъ) и кричитъ старухѣ: „вы́пусьти рускую кошку изъ ызбы!" — Она ей отвѣчатъ, што „никово жъ у меня нѣту!"—„Выпусьти!"—„Эхъ ты, Марѳа Токмановна! ты по во́здуху летала, русъкова духу нахвата́лась!"

Зашла въ ызбу. Она стала ей подавать кушанье. Послѣдне кушанье—картошки съ молокомъ.—„Вотъ бы тебѣ, Марѳа Токмановна, женишка́-то!" — Онъ выскочилъ изъ-за печки, хотѣлъ её схватить, и не мокъ её схватить; одинъ [такъ!] перо изъ её выдернулъ. Она успѣла голубкомъ сверну́цца и вылетѣла изъ ызбы.

6. „Ну ужъ, Иванъ купеческой сынъ, *ишшо* ты умоли́лъ! Вотъ за́втрешнева дня будетъ день *я́тной*, жаркой; она вотъ на такое-то мѣсто прилетаетъ купацца,—и ты у ей пла́тьицо скради́! Прилетятъ ихъ 12 голубицъ и всѣ они платьица поло́жатъ вмѣстѣ; она поло́житъ *о́даль*, — ты ево и скради́!"

Отправля́цца онъ на мѣсто, сидитъ, дожидацца. 12 голубицъ прилетѣли, начали́ купацца; роскупа́лись — улетѣли насреди́ моря. Онъ подкра́лся, платьицо и укралъ. Коһда накупа́лись, выходятъ на́ берекъ, — всѣ пла́тьица цѣлы, у одной *нѣтука*. Одѣлись, звернулись и улетѣли; она осталась въ водѣ.

Она говоритъ въ водѣ: „Хто у меня платьицо скралъ: если дядюшка—будь мой родимой дядюшка, если тётушка—будь моя тётушка, если дѣви́ца — будь моя сестри́ца, если мо́лодецъ—будь обручённой мой мужъ."—Онъ у ей платьицо бро́силъ, она снярядилась. Онъ къ ей подходитъ. Махнула шири́ночкой, и сдѣлалась передъ имъ кроватка.

Полюбезьничали. Она и говоритъ ему: „Ну, теперь полетимъ, Иванъ купеческой сынъ, къ мое́му папашѣ! Я тебе

сдѣлаю голубемъ, сама́ голубкой. Когда прилети́мъ, бейся о́бъ землю, не жалѣйся! если пожалѣешся, то вѣчно голубкомъ пролёташъ".

„Когда жъ [у] моёва папаши пробудешь, ко мнѣ вечеркомъ приходи́: подъ которымъ окошечкомъ салфетка вьётца, тутъ я и живу!.. Есчо́ я тебѣ скажу: когда прилетимъ, ты скричи громкимъ го́лосомъ, молодецкимъ по́свистомъ: „Токманъ Токманычъ, твой вѣрный слуга пришолъ!"—Онъ услышитъ твой голосъ, бросицца на тебя и поведётъ тебя въ покои".

7. У ево было два лакея, и онъ ихъ загоня́лъ, етихъ лакеевъ; и они етотъ день наси́лу проводили. И они говорятъ между собой: „Пойдёмъ, таваришъ, сходимъ къ Васькѣ Широкому Лбу въ астро́къ! И онъ каку-нибудь *хижи́ну* на нево найдётъ,—онъ [Токманъ Т.] ево убьётъ завтрѣ".

Пришли къ Васькѣ Широкому Лбу въ острокъ: „Васька Широкой Лобъ, не знашь ле каку-небудь *хижи́ну* найти на человѣка? Къ намъ северня какой-то человѣкъ пришолъ, и насъ севодня баринъ загоня́лъ!" — „А вотъ што: если съ каждова чи(е)на̀ по ведру́ вина и по пятьдесятъ рублей де́негъ не пожалѣите, я вамъ скажу!"—„Не жалѣемъ!"

„Вотъ онъ хочётъ ето мо́рё завали́ть и спахать и збороні́ть, штобы къ у́тру просвира́ готова была (изъ но́вой муки́)".

Они пришли къ своёму барину: „Токманъ Токманычъ! твой вѣрный слуга самъ собой возвыша́етца, тобою выхваляецца: вотъ ето мо́ре онъ хочетъ завалить и спахать и зборони́ть, штобы къ у́тру просвира́ готова была изъ новой муки́!"—Онъ ево призва́лъ къ себѣ: „Што жъ ты, мой вѣрный слуга, самъ собою возвышаешься, а мною выхваляешься? Ты хоти́шь вотъ ето мо́ре завалить и спахать и зборонить, штобы къ утру просвира готова была изъ новой муки!"— „Батюшко, Токманъ Токманычъ, у меня съ ро́ду *саба̀ну* въ рукахъ не бывало!"—„А вотъ мой мечъ, а тебѣ голова съ плечъ!"

8. Онъ отправля́цца къ своéй суда́рушкѣ. А ужъ она знаетъ, што ему отецъ такую службу за́далъ.

Заходитъ въ ызбу.—„Што жъ ты, миленькой мой, призадумался?"—„Какъ жо мнѣ не призадумацца? Твой папаша мнѣ службу задалъ! завтра навѣрно мнѣ въ пе́тлю полѣ-

зать?"—„Какую же службу?"—„Вотъ ето море завалить и спахать и зборонить, штобы къ у́тру просвира готова была изъ новой муки".—„Молись Спасу, ложись спать! утро мудренѣе вечерка̀".

Она вышла на крыльцо и переметну́ла съ руки на́ руку кольцо,—вы́скочили 33 молодца—лицо́ въ лицо, во́лосъ въ волосъ,—скричали въ одинъ голосъ: „Што, барыня-сударыня, угодно?"—„Вотъ што! сослужите мнѣ службу: вотъ ето море завалить и спахать и зборонить, штобы къ у́тру просвира готова была изъ новой муки!"—„Слу́шамся!"

Поутру́ стаётъ, — просвира готова на столѣ. Она ево и будитъ: „Ну, милинькой мой! не пора́ спать, пора̀ става́ть, пора къ тятинькѣ несьти госьти́нецъ!"—Онъ умылся, снарядился, отправился къ нему.

9. Коhда принёсъ госьтинецъ, етихъ слукъ онъ [Токманъ Т.] ешчо́ пу́шче сталъ гонять; насы́палъ для нихъ горо̀ху на̀ полъ: што „напра́слина на моёва слугу́ нано́сите".—Опять они [слуги] стали имъ кушанье подносить, напоили-накормили ихъ.

Потомъ и говорятъ: „подёмъ къ Васькѣ Широкому Лбу въ острокъ!.."—„Ну, Васька Широкой Лобъ! сдѣлалъ! Давай каку́-небудъ *хижи́ну* на нево найди *ешшо́*!"—„Я придумалъ! Но съ каждова чина́ по ведру вина и по пятьдесятъ рублей де́некъ!..—Ето ему не сдѣлать! Пойди́те скажи́те своёму барину, што онъ хочетъ сдѣлать церкву на Тіянѣ-островѣ, на океанѣ-морѣ, хрустальной мостъ, — штобы въ шесь часовъ къ заутренѣ ударить!"

Они пришли, сказали своёму барину, што „Токманъ Токманычъ! твой вѣрной слуга самъ собой возвышаетца, тобою выхваляецца: онъ хочетъ сдѣлать це́ркву на Тіянѣ-островѣ, на океанѣ морѣ, хрустальной мостъ — штобы въ шесь часовъ къ зау́тренѣ ударить!"—Онъ [Токманъ Т.] скричалъ ево: „Што-жъ ты, мой вѣрной слуга, самъ собой возвышаешься, мною выхваляешься? Ты хоти́шь сдѣлать церкву на Тіянѣ-островѣ, на океанѣ-морѣ, хрустальной мосъ, штобы въ шесь часовъ къ заутренѣ ударить!"—„Ба̀тюшко Токманъ Токманычъ! у меня съ ро́ду въ рукахъ ка́мню не бывало!"—„А вотъ мой мечь, а тебѣ голова съ плечъ!"

10. Онъ не можетъ дождатьца, етотъ день коhда пройдётъ—и пойти къ своей сударушкѣ. Приходитъ. — „Што

ты, миленькой мой, призадумался?"—„Какъ жо мнѣ не призадумацца? Хоть въ пе́тлю полѣзай! Вотъ какую мнѣ службу за̀далъ: сдѣлать це́ркву на Тіянѣ-островѣ, на океанѣ морѣ, хрустальной мосъ, штобы въ шесь часовъ къ заутренѣ ударить!"—„Молись Спасу, ложись спать!"

Она вышла на крыльцо́, переметнула съ руки на̀ руку кольцо,—выскочили 33 молодца—лицо́ въ лицо́, во́лосъ въ во́лосъ,—скричали въ одинъ голосъ: „Што, барыня-сударыня, угодно?"—„Сослужи́те мнѣ службу: сдѣлать церкву на Тіянѣ-островѣ, на океанѣ морѣ, хрустальной мосъ, штобы въ шесь часовъ къ заутренѣ ударить!" — „Слу́шамся, сдѣламъ!"

Она ево и будитъ въ 4 часа̀: „Не пора̀ спать, пора ставать, пора къ тятинькѣ на службу пойти́!"—Она ему даётъ золотыхъ гвоздей и золотой молотокъ и *гармази́нова* сукна́. — „И сиди́ и убивай края́, и какъ бутьто ты ето все́ дѣло сдѣлалъ! И когда шесь часовъ уда́ритъ, къ зау́тренѣ ударитъ,—мой папаша полетитъ на своихъ на добры́хъ коня́хъ и схва́титъ тебя и увезётъ въ церьковъ. Тамъ литу́ргія идётъ..."

Литу́ргія когда ко́ньчилась, онѣ отправляютца опять домой.

11. И начинаетъ етихъ слухъ есчо́ пу́шче гонять: „зачѣмъ напра̀слина на моёва слугу́ нано́сите!" — Коħда они имъ кушанья носили, и говорили межъ собой: „пойдёмъ опять къ Васькѣ Широкому Лбу въ острокъ!"

„Ну, Васька Широкой Лобъ! сдѣлалъ! Давай каку-небудь *хижи́ну* на нево найди ешшо!" — „Придумалъ! Но съ каждова чина по ведру вина и по полтара̀ста рублей де́некъ!"—„Не жалѣемъ!"

„Скажите своёму барину, што онъ хочетъ сдѣлать кара́пь—штобы ходилъ гара́ми и моря́ми и сухи́ми берегами!"

Пришли они, сказали своёму барину, што „онъ хочетъ сдѣлать карапь, штобы ходилъ гара́ми и морями и сухими берегами".—Онъ [Токманъ Т.] скричалъ ево: „Ты хоти́шь сдѣлать карапь, штобы ходилъ гарами и морями и сухими берегами!"—„Батюшко Токманъ Токманычъ! у меня съ ро́ду въ рукахъ топора не бывало!"—„А вотъ мой мечъ, а тебѣ голова съ плечъ!"

12. Онъ етотъ день насилу проводи́лъ: когда къ сударушкѣ пойти. Приходитъ.—„Што ты, миленькой мой, при-

задумался?“—„Какъ же мнѣ не призадумацца? Вонъ какую мнѣ службу задалъ!“—„Какую?“—„Што вотъ карапь штобы ходилъ гарами и морями и сухими берегами“.— „Молись Спасу, ложить спать!“

Она вышла на крыльцо, переметнула съ руки нá руку кольцо,—выскочили 33 молодца—лицо въ лицо, волосъ въ волосъ,—скричали въ одинъ голосъ: „Што, барыня-сударыня, угодно?“—„Посьлѣднюю мнѣ службу вы сослужите: сдѣлать карапь, штобы ходилъ гарами и морями и сухими берегами“.— „Далёко ты залѣзàшь, Марѳа Токмановна! Намъ не *издѣлать*!“—„Издѣлайте мнѣ!“—„Нѣтъ, не сдѣлать“.

Одинъ изъ среды ихъ сказалъ ей: „намъ не сдѣлать, а за трúста морей и за триста земель есь подрядьчикъ, такъ онъ можетъ быть и сдѣлатъ“.—„Ну, полетайте кто-небудь поскорѣе и сечасъ штобы онъ явúлся ко мнѣ на глазà!“—Полетѣлъ одинъ и привёлъ ево. Ей сказали. Она вышла и говоритъ: „*исдѣлай* мнѣ корапь!... въ шесь часовъ штобы готовъ былъ“. — „Можно, Марѳа Токмановна, изладить!“—Изла́дили, розбудили её: „Порá у насъ работу принимать!“

Вышла на крыльцо,—карапь середь двора стоитъ. Подходитъ етотъ самой подрядчикъ и говоритъ: „Етотъ самой карапь будетъ дѣйствовать лентой. Я тебѣ дамъ ленту — этой лентой правь, полóжь её въ рукавъ; ленту дёръни кверху, онъ полетúтъ пóверьху; ленту ниже опусьти, онъ полетитъ пó низу“.

Каγда она получила отъ ихъ ету ленту, и пошла будить своёва мужа.—„Не пора спать, пора тебѣ ѣхать къ тятинькѣ на караблѣ! Вотъ нá ленту и етой лентой правь!“—Вышолъ на дворъ; она ему и говоритъ: „Не просúживайся у отца, коγда вы полётаите! и прилетайте поскорѣе!“

Перелетѣлъ черезъ ворóты; ленту спусьтилъ ниже,—онъ [корабль] полетѣлъ пó низу. Прилетѣлъ къ паратьнему крыльцу и скричалъ ему громкимъ голосомъ, молодецкимъ пóсвистомъ: „Токманъ Токманычъ! твой вѣрный слуга прилетѣлъ на караблѣ!“ — Токманъ Токманычъ бѣжалъ въ однúмъ халатѣ и прямо прыгнулъ ему въ карапь. Долго ли мàло ли они лётали, и назатъ обратились. Прилетѣли къ паратьнему крыльцу. Токманъ Токманычъ бѣжàть въ свои покои. Онъ [Иванъ купеческій сынъ] вернулся и былъ таковъ—къ своей сударушкѣ.

13. „Ну, ужъ теперь, миленькой мой, давай поскорѣе отсель улетимъ! Сечасъ за нами посолъ будетъ: отецъ мой догадался, што ты проживаешь у меня?“ — Она взяла, за печку три *харъчка́* плюнула.—„Вы, харчки́, отвѣчайте тутъ, если придутъ за нами! Въ перъвой разъ придутъ, вы скажи́те, што „сечасъ идёмъ“. Во второй разъ придутъ, скажи́те, што „сечасъ обу́емся“. А въ третей разъ придутъ, скажите, што „одѣнемся“. Въ четьвёртой разъ придутъ, скажите, што „улетѣли они давны́мъ давно́“.

14. Пришолъ посланникъ... Онъ [Токманъ Токманычъ] затрубилъ въ трубу́, *нагна́ли* воины. —„Што̀ нужно?“—„Догнать мнѣ бѣглецо́въ—дочь мою и ми́лиша её!“—Погна́ли пого́ньшики. Она и говоритъ: „Полетай вверьхъ горноста́лькой — воронъ *кло́кчетъ* или сорока чёкчетъ?“ — Онъ палъ къ землѣ и слу́шаетъ, што воронъ кло́кчетъ. Она ево и сдѣлала козлу́шкой, а сама сдѣлалась старушкой и сидитъ доитъ.

Подгоня́ютъ пого́ньшики.—„Бохъ по́мочь тебѣ, баушка!“—„Милости про́симъ!“—„А не проходила ли дѣви́ца съ молодцо́мъ?“—„Нѣтъ, я нековѐ не ви́жу: 30 лѣтъ сижу, козлу́шку дою́, и то некого не вижу!“ —Онѣ обратились назатъ. Прiѣзжаютъ и сказываютъ, што „никово нѣтука! што вотъ догна́ли такую-ту старушку: она сидитъ, доитъ козлушку...“

15. „Ишо́ гони́тесь дальше!“—Погнались. Она и говоритъ: „Полетай, ми́линькой, вверхъ горностанькой: воронъ кло́кчетъ или сорока чо́кчетъ?“—„Воронъ клокчетъ“.—„Ну, это не пого̀на, а пого̀нюшка! а пого́на вся впереди!“—Она махнула шири́нкой и сдѣлалась часо̀венька. Сама сдѣлалась попо́мъ, а ево сдѣлала дьякомъ, и слу́житъ въ етой часовенкѣ. Пригоня́ютъ пого́ньшики и смотрятъ: литу́ргiя идётъ. Коγда литу́ргiя отошла́, одинъ подходитъ и говоритъ: „Не проходила ли *этта* дѣви́ца съ молодцо́мъ?“—„Охъ, батюшка, ужъ у насъ часовенка на подпо̀рахъ,—никово не ви́димъ!“

Она бу́тьто не знаетъ, што отъ ково ето го́нютца, и спрашиватъ у одново: „Вы ково догоня́ите?“ — „Дочь Токмана Токманыча съ ми́лишомъ!“—„Охъ, Токманъ Токманычъ мнѣ большой друкъ! Погоди́те, я ему письмецо́ напишу“.—Пошла *та́мока*, поло́жила дряни и запеча́то(ы)вала; и написала и говоритъ: „Родимой мой тятинька, не умѣлъ отъ меня сладкiе конфе́ты поѣсь, такъ вотъ поѣшь дря́ни!“

16. Онъ на ето осердúлся. А у нево жена волшебьница стрàшная былá, за двѣнадцати дверя́ми и на двѣнадцати цѣпя́хъ сидѣла. А ета дочь превы́шила её ишó волшéбствомъ. Она [жена Токмана Т.] бьётца и говоритъ: „Апусьти, милинькой мой! я ихъ, етихъ бѣглецовъ, поймаю!“ — Онъ а(о)пусьтилъ, ана́ полетѣла.

Она и говоритъ: „Ну, милинькой мой! полетай вверьхъ горносталькой — воронъ клокчетъ или сорока чокчетъ?“ — „Сорока, говоритъ, чóкчётъ!“ — „Вотъ ето погóна: ето мать летитъ наша, волшебъница!“ — Она махнула ширинкой, и сдѣлалась óгненна рѣка, и среди огненной рѣкѣ сдѣлалась кровáтка — и она лежитъ со своимъ съ му́жомъ обня́вши. Прилетаетъ мать и говоритъ: „Ахъ! — говоритъ: — б...ь, усьпѣла обьня́тця съ мúлишомъ-то! а тó бы я васъ увела!“ И она стáла говорить: „Эхъ, мúлая дочь! Я васъ долго не видала и твоёва мужа не видала! дà’-ко я васъ блаγословлю́, и ступайте куды́ знáйте!“

Махнула она счёточкой, и сдѣлался черезъ óгненну рѣку мостъ. Она и пошла. Дошлá до половины и говоритъ: „Теперь изъ моихъ рукъ никуды́ не дѣваитесь! я теперь васъ уведу!“ — Махнула шириночкой [дочь], — она [мать] провалилась. — „Ну, милинькой мой, теперь намъ боя́тца нéково! теперь пойдёмъ въ твоё помѣсьё!“

17. Шли мнóго ли мало ли, дошли до ево помѣсья. Версты зá двѣ не доходя́, она спрашиватъ: „Далёко ли твоё помѣсье?“ — „А вотъ версты́ дьвѣ ишо!“ — Пошли они ишó, отошлú съ вёръсту. — „Далёко ли твоё помѣсье?“ — „Ешшó съ вёръсту“.

Дошлú до помѣсья. — „Ну, милинькой мой, иди со мной!“ — Зашли въ стóрону, къ ду́бу. — „Вотъ ты когда, милинькой мой, задумашь женúцца, пріѣзжай къ етому ду́бу! Я вы́ду прибольшу́шшой змѣёй. А больши ни(е)ковó не бери — дру́жку да свáху. Тамъ станутъ говорить: „бей!“ — а ты говори: „не смѣй! Сзади казнá и по бокамъ казна, а спéреди молодá жена!“ Ударь меня плёткой, я и сдѣлаюсь дѣвúцой!“

„Исчó я тебѣ буду говорить: когда жъ ты придёшь къ своёму папашѣ, всѣхъ въ устá цѣлуй, отца съ матерью не цѣлуй въ уста! Если поцѣлуешь, то ты меня забудешь!“

18. Онъ пришолъ домой. Обрадовались, всѣхъ *срóдствен-*

никовъ собрáли: што Ваня пришолъ. Всѣхъ въ устà поцѣловалъ, отца съ матерью не цѣлуетъ въ уста. Дядя роднóй подошолъ къ ему и говоритъ: „Почему жъ ты, Ваня, отца съ матерью не цѣлуешь въ уста?“ — Ему какъ не хорошó и сдѣлалось; онъ отца съ матерью и поцѣловалъ въ уста. И про её и забылъ.

19. Она [Токмановна] поселилась напротивъ купца: выпросилась на квартéру.

Отецъ имѣлъ у ево [Ивана] дьвѣ лавьки; два прикашчика было: Александръ и Евденій (а третій—Иванъ). Саша и говоритъ: „Вотъ тутъ кака-та красавица проживаетъ у старушки. На вечёрки къ ей!“ — На первой вечеръ Александръ пошолъ. Приходитъ подъ окошко, стýчицца въ окно. Она какъ знáитъ, што ето отъ тово купца пришолъ прикашчикъ:—„Пусьти́, бáушка, ево!“

Онъ зашолъ въ ызбу, начáлъ съ ей любезьничать. Играли, играли *тамока*; она и говоритъ: „Не желаите ли въ кáрточки поиграть?“ — „Мóжно“. — Было у нево деньжóнокъ взято рублей 20. Она ево и обыграла.

„Эхъ, бабушка, я севóдьни шила ковёръ, да въ сѣ́нкахъ-то и забыла; поди, сходи!“ — „Эхъ ты, ми́лая дочь, я-то старà, ...-та тяжелá; ты самá помолóже меня—и сходи́!“— Александръ добрый вы́искался, побѣжалъ на дворъ; у ихъ былъ дровъ *косьтёръ* налóженъ, онъ и давай дрова рубить. Вьсю ночь дровá проруби́лъ.

20. На другой вечеръ достаётца другому прикашчику пойти. Пошолъ Евденій. Приходитъ къ окошку, стýчицца въ окно.—„Бабушка, пусьти ево!“—Зашолъ въ ызбу.—„Не желаите ли въ карточки поиграть?“—„Можно“—Она ево и обыграла.—„Бабушка, я севодни ковёръ въ сѣ́нкахъ шила, забыла; поди, сходи!“—Доброй выискался Евденій; побѣжалъ на дворъ. А у ихъ назьму было множéнство. Онъ и давай назёмъ таскать всю ночь. И три паръника̀ натаскалъ етова назьмý.

Разсвѣтало, и онъ бѣжать. Приходитъ. Лавъки коүда отворили, и стали совѣтовать. — „Нý, какъ, тавáришъ?“ — „Ну, и хорошó,—говоритъ:—она обрашчаетца!“

21. На третій вечеръ купеческому сыну достаёцца пойти. Приходитъ къ окошку, стýчицца въ окно. — „Бабушка, пусьти ево!“—Зашолъ въ ызбу.—„Не желаите ли въ кар-

точки поиграть?“ —„Можно“. — Она и ево обыграла. — „Бабушка, я ковёръ-то шила, да въ сѣнкахъ и забыла; поди, сходи!“ — „Эхъ ты, милая дочь, я-то стара, ...-та тяжела́; ты сама̀ помоло́же меня—и сходи!“

Купеческой сынъ выискался, пошолъ въ сѣнки. А тамъ жорнова́ были, у жорново́въ пять пудовъ крупы́ лежало. Онъ всю ночь промоло́лъ крупу́. Рассвѣтало, онъ бѣжать.

Когда 8 часовъ, отворили лавьки, они сошли́ся. Купеческой сынъ говоритъ прикащчикамъ: „Ну, я сево́дни всю ночь работа̀лъ, крупу́ мололъ“. — Второй говоритъ, што „я всю ночь назёмъ чи́сьтилъ“. А третій — „я всю ночь дрова рубилъ“.—„Ну, *тепе́река* ето дѣло молчо̀къ! штобы никому не говорить! а то насъ просмѣютъ“.

22. *Врасъ* про̀жилъ тамъ недѣлю или двѣ, и зду́малъ жени́цца. Посылаютъ сватать. — „Ково жо мы станемъ сватать?“ — „Вы больше *еттака* зна́ите дѣвокъ! я нпково не знаю“. — Вы́сватали купеческую дочь. *Вечеръ* былъ и два былъ [такъ!]; на третій день сдѣлали дѣви́шникъ.

Она посыла́тъ, ета дѣви́ца, къ етому купцу, гдѣ невѣста, — купить два колобка́ хлѣба. И дала́ ей сто рублей денегъ:—„Если же будутъ тебя выталкивать, ты имъ говори: вотъ на́те вамъ за́ два колобка 50 (или сто) рублей денегъ!“— Она купила. И сдѣлала изъ етихъ колобковъ го́лубя и голу́бку.

Когда дѣви́шникъ нача̀лся, она захо́дитъ въ ко́мнаты и выпускаетъ своихъ голубей. Они полётали по ко́мнатѣ и сѣли къ жениху и къ невѣстѣ на столъ. И голубь голубку и ударилъ крыло́мъ; голубка отвѣчатъ ему: „за што-жъ ты меня, голубь, бьёшь?“ — „За то я тебя бью... Ето не Иванъ купеческой сынъ, Марѳу Токмановну забывать!“

Когда сьлетѣли со стола̀ и начали́ опять лётать. Сѣли опять во второй разъ, и голубь ударилъ опять голубку крыло́мъ. — „За што жъ ты меня, голубь, такъ *увѣчить?*“ — „За то я тебя увѣчу!.. Это вѣдь не Иванъ купеческой сынъ— Марѳу Токмановну забывать!“—И опять слетѣли.

Въ третей разъ сѣли, и голубь такъ ударилъ голубку, што она упала на̀ полъ. Она сѣла на сто́лъ и говоритъ: „За што ты меня, голубь, такъ увѣчишь?“—„За то я тебя увѣчу!.. Это вѣдь не Иванъ купеческой сынъ—Марѳу Токмановну забывать!“

23. Онъ тутъ спо̀мнилъ про её и вразъ захвара́лъ. Дѣвишникъ разошо́лся. Пропуска́тъ съ недѣлю и говоритъ, што „ну́жно мнѣ жени́цца“.—„У насъ невѣста вы́сватана!“—„Это мнѣ не невѣста! У меня нѐвѣста въ лѣсу́ и въ дубу́... Ну, теперь меня благословляйте — я поѣду женицца!“

Благослови́ли, и онъ отправился, взялъ дру́жку и сваху. Пріѣхалъ къ тому ду́бу. И выходитъ пребольшу́шшая змѣя. Дружка и сваха говорятъ, што „бей!“ А онъ говоритъ: „не смѣй! Сзади казна и по бокамъ казна, а спереди молода жена!“ Ударилъ плёткой, и сдѣлалась дѣви́цой.

Посадили её и уѣхали въ церьковъ и обвѣнчались.

---

56. [Чудесное подземелье].

(Разсказалъ обыватель Верхняго Кыштымскаго завода, Екатеринбургскаго уѣзда, Иванъ Купреяновъ, 17-ти лѣтъ. Купреяновъ выслушалъ свои сказки, работая на рудникахъ Кыштымскаго завода.—Разсказывая мнѣ сказки, Купреяновъ сначала (видимо, стѣсняясь) скорѣе окалъ, чѣмъ акалъ, но потомъ сталъ довольно послѣдовательно акать по-московски (*о*—среднее между *а* и *о*).

1. Ба́роня жила́ расъ. Ей пона́добился работъникъ. Нанела́ она работъника и велѣла сходить ему на рынокъ — выбрать са́мыхъ наилучшихъ лошадей, откупить и привеза́ть тамъ ихъ. Онъ купилъ, привезàлъ и пришолъ къ ей опять обра́тно. Она ево спро́сила: „Ну, вы́бралъ?“—Сказалъ: „Выбралъ“. — „Сколько сто́итъ?“ — „Три тысчы рублей“. — Она ему подаётъ три тысчы рублей: „Иди выкупа́й!“ — Онъ сходилъ, вы́купилъ, привёлъ, поставилъ ихъ въ стойло.

„На́ вотъ тебѣ ключъ, вотъ отъ етова-то амбару! и выбера́й тамъ, какая тебѣ поглянецца збру́я. Онъ сходилъ, вы́бралъ; а дугà ему не одна не поглян́улась. Онъ приходитъ и заевъля́етъ: „Такъ и такъ, барыня, не одна мнѣ дуга не поглян́улась!“—Она подаётъ ему 10 рублей: „Иди, купи! на рынокъ“.—Купилъ онъ.

Переначева́ли ночь. Утромъ стаютъ, чаю напили́сь. Она ему говоритъ: „Иди, кучеръ, запрегай ко́ней!“—Кучеръ запрёкъ ко́ней, по́далъ къ пара́тьнему. Потомъ она вышла; сѣли, поѣхали. Отьѣхали саженъ съ со́тню, она говоритъ: „Кучеръ, стой! Нà вотъ тебѣ ключъ отъ етова-то амбару. Тамъ есь *тесякъ*, ты ево ташшы́!“—Онъ пришолъ, отворилъ, взялъ и несётъ. Она видитъ, што онъ несётъ. — „Клади, — говоритъ:—ево назать, привяжи́ тутъ!“

2. Поѣхали. Ѣхали тамъ много ли мало ли,—разъ ночь засьти́гла. Она сказала: „придётъ, — говоритъ: — узинька дорожка, — ты остановись и разбуди меня!“ — Ѣхалъ онъ много ли мало ли, пришла узинькая дорожка; онъ остано-

вился и разбудилъ её. — „Ну, што? доѣхали, кучеръ?“ — „Доѣхали“.—„Ну, иди по етой дорожкѣ, по узинькой. Когда доѣдешь тамъ до *ры́ку*, и останови́сь!“

Потомъ онъ доѣхалъ, остановился, разбудилъ иё.—„Што, кучеръ, доѣхали?“—„Доѣхали“.—„Ну, доѣхали, теперь станемъ здѣсь начевать. Выпрегай ко́ней!“ — Кучеръ вы́прекъ ко́ней, привезалъ ихъ. Поужинали. Потомъ она изъ етова *ры́ку* выка̀чиваетъ зы́бку. — „Вотъ, кучеръ, клади съ собой теся́къ вотъ въ ету зы́бку; какъ сядёшь въ ету зы́бку, влѣзёшь, — на̀ вотъ тебѣ ключъ. Коhда я тебя спушшу́, ту́тъ прямо есь желѣзная дверь; и ты отвори и нагребай зо́лота. Коhда тамъ хто на тебя полѣзетъ, — окаянные што́ ли, — и ты этимъ тесяко́мъ огражда̀йся!“

Онъ такъ и сдѣлалъ. Коhда она спусьтила, отворилъ дъверь, сталъ нагребать зо́лота; на ево наскочи́ли, онъ оградился етимъ тесяко̀мъ,—и никово не стало. Нагрёбъ зо́лота, за̀перъ также дверь, сѣлъ въ зыбку, качнулъ за верёвку, — она ево вы́тасшыла.—„Ну, што, кучеръ? живъ?“—„Живъ,— говоритъ:—слава Бо́hу!“—„Ну, теперь переначу́емъ!“

Переначевали ночь. День прогуля́ли, ягоды пробра́ли да што. На втору́ю ночь опять посыла̀тъ.—„Теперь, —говоритъ:—на́ тебѣ вотъ етотъ ключъ. Когда я тебя спушшу́,— напра́во есь желѣзная дъверь; и ты отво́ришь ету дъверь, тамъ свѣчка горитъ; ты подсвѣшник’отъ не тронь, а свѣчку-та(о) возьми; нагреба̀й драгоцѣннова ка́мня!“ — „Ладно“. — „Коhда на тебя полѣзутъ, ты опять ограждайся тесяко́мъ!“

Онъ отворилъ дверь, нагрёбъ драгоцѣннава камня и потомъ думатъ: „Што, — говоритъ: — она? подсвѣшникъ золотой, дороже свѣчки!.. Да ужъ ладно: чево велѣла, то и возьму“.—Склалъ фьсё въ зыбку, самъ сѣлъ, свѣчку поло́жилъ въ карманъ; качнулъ за верёвку, она ево потасшы́ла.

Дотасшыла до половины и кричитъ: „Бросай свѣчку!“— Онъ говоритъ: „Што́ такъ? Тасшы́ на ве́рьхъ, тоhда отдамъ!“— Она не дотасшыла ево аршина полтара́ до ве́рьху и опять кричитъ: „бра(о)сай!“—„Нѣтъ, не бро́шу! коhда вы́тасьшишь, тоhда отдамъ!“—Онъ дѣло сьмѣтилъ, упёрся въ стѣну руками и ногами; зыбка на слабѣ. Она опять повторила: „не бросишь?“—„Нѣтъ, не брошу!“ — Она взяла́ да пусьти́ла зыбку; сама легла́.

Онъ тихонько вылѣзъ. Вылѣзъ, отсѣкъ ей го́лову. Вытасшылъ ету зыбку, взялъ драгоцѣнной камень и её туда бросилъ. Переночевалъ, утромъ сталъ, запрёкъ ко́ней и уѣхалъ.

---

57. [Колдунъ и его ученикъ].

1. Жилъ былъ старичокъ одинъ со старушкой. У ихъ былъ единьственный сынъ. И они ево не знаютъ—въ каку́ работу отдать: есьли въ ку́зьницу, ушибёцца, въ *портня́ги*—нако́лецца. Думали, думали; запрёкъ старикъ лошадь и поѣхалъ въ другой городъ, съ сыномъ".

Ѣдётъ по́ городу,—*стрѣва́етца* имъ старичокъ.—„Куда, дѣдушко, поѣхали?"—„Да во́тъ куда: отдать бы сынка въ какую-небудь лёгкую работу".—„Дакъ вотъ што, — говоритъ:—дѣдушко! отдай мнѣ ево колдова̀ть".—„Вотъ, вотъ! не надо лучше: это—не ушибётца и не уко́лецца!" „Дакъ вотъ, черезъ три го́да пріѣзжай за ёмъ".—„Хорошо".

Старикъ пріѣхалъ домой, сказалъ своёй старухѣ.

2. Прошло три го́да. Старикъ поѣхалъ за сы́номъ. Проѣхалъ половину дороги; ему сѣлъ воро́бышокъ на *гря́дку*. Онъ ево *стигну́лъ*,—онъ слетѣлъ и опять сѣлъ. Онъ и(е)во́ опять стигну́лъ. Въ трéтей разъ сѣлъ и говоритъ: „Тятя, тятя! за што́ ты меня *стига̀ешь?* вѣдь я—твой сынокъ!"—Старикъ оробѣлъ.

Воро́бышокъ ему́ и говоритъ: „Коhда пріѣдёшь къ моёму хозяину, онъ тебѣ меня такъ не отдастъ, а такъ отдастъ: узна́ешь ли ты, которой твой сынокъ?...." *).—А самъ слетѣлъ и полетѣлъ.

3. Пріѣзжя́етъ старикъ къ етому — къ ему хозяину, заѣзьжя́етъ на дворъ. Выходитъ ево хозяинъ: — „Здраствуй, дѣдушко! За сынко́мъ пріѣхалъ?" — „Да, за сынкомъ!"— „Такъ во́тъ што, дѣдушко! Я тебѣ ево такъ не отдамъ".— „А какъ?—„А такъ,—говоритъ: — узнашь ли, которой твой сынокъ?"—„Дакъ что же?"

---

*) Тутъ пропускъ, содержаніе котораго ясно: воробей научаетъ старика, какъ ему узнать своего сына.

Вразъ вы́гналъ ему сорокъ голубей: всѣ какъ ади́нъ. Адинъ етотъ распусьти́лъ крылышки, заворковàлъ. Старикъ говоритъ: „Вотъ ето,—говоритъ:—мой сынокъ“.

Потомъ выгналъ сорокъ гусей—всѣ какъ ади́нъ. Адинъ падашолъ къ калóдѣ и пьётъ. Онъ говоритъ: „ето мой сынокъ!“

Па(о)тóмъ вы́гналъ сорокъ салдатиковъ—всѣ какъ адинъ. Адинъ заскакàлъ-заплесáлъ. Онъ говоритъ: „ето мой сынокъ!“

„Ну, такъ возьми!—говоритъ:—Не ты, говоритъ:—ето хитёръ, а хитёръ твой сынокъ!“ — Далъ ему быка, и поѣхали дамóй ани.

4. Пріѣхали дамой. А(о)ни жили очень бѣдно. Сынъ и говоритъ старику: „Вотъ што, тя́тя! Завтра а издѣлаюсь хорошимъ канёмъ,—и веди меня продавàть. Продàть—про(а)дашь, а *абрóдочку* не про(а)давай!“—„Ладно!“

Старикъ такъ и сдѣлалъ. Повёлъ ево про(а)давать. Ведётъ ево на ры́нокъ, — ѣдетъ купецъ: — „Сколько, дѣдъ, стóитъ конь?“—„Триста рублей“.—Купецъ ни гаваря óтдалъ ему триста рублей. Старикъ *абрóдочку* снимаетъ. Купецъ спрашиватъ: „а на чёмъ я е(и)во поведу?“—„Бери́ за гри́вку и ве(и)ди́: конь смирёной!“ — Купецъ взялъ за гри́вку и павёлъ.

Привёлъ дамóй, постàвилъ въ стойла, далъ ему овсецà. Ночь перено(а)чевáлъ купецъ, заходитъ въ стóйла(о),—каня́ нѣту. А онъ [конь] переверънýлся, сдѣлался человѣкомъ и ушолъ.

5. Приходитъ дамóй, ко(а)нешно, и говоритъ: „Ну, топерь, тятя, здѣлаюсь ишó лучше. Больше въ етотъ городъ не ва(о)ди́, веди въ другой!“—Онъ ево повёлъ въ тотъ городъ, въ которомъ абучáлся.

Стрѣвàетца ему старичокъ. — „Сколько, дѣдъ, стоитъ конь?“—„Триста рублей“.—„Нá пятьсотъ!“—Старикъ забылъ *абрóдачку* снять, взялъ деньги и пашолъ.

А етотъ купилъ старикъ—тотъ, у которова онъ абучался. Привёлъ ево домóй, запрёкъ и давай на ёмъганя́ть.Ганя́лъ, ганялъ, самомý надаѣло, далъ дочеря́мъ и сказалъ: „Станетъ онъ васъ па(о)два(о)рáчивать къ вадѣ, но вы не подворачивайте!“

Эти дочери сколько не ѣзьдіютъ, конь фсё къ вадѣ ва(о)рóтитъ. Аны́ сьми́ловались, взяли да подворотили; взяли

развязали черезсѣдѣла(о)къ и по́ва(о)дъ. Онъ зашолъ въ во́ду, переверънýлся, да и паплы́лъ. Они заплакали, па(о)шли дамой. Прихо́дютъ дамой, сказываютъ папашѣ: „Вотъ такъ и такъ!“—„Ну, дакъ ла́дно! Никуда не дѣва̀цца!“.

Подошолъ къ е́тому озеру, переверьнýлся и здѣлался счýкой. И пла̀ватъ тамъ, и́шшотъ ево. А тотъ ерьшо́мъ здѣлался. Тотъ увидалъ и(е)во и забра́лся въ ка́мъни. И говоритъ: „шшýка вастра̀! ла(о)ви́ меня съ хва(о)ста́!“—Теребúла, теребила, не магла̀ вытасшыть. Вы́плылъ онъ [колдунъ] на́ берегъ, переверънулся и сдѣлался человѣкомъ. И ушолъ домо́й.

6. А тутъ на берегý стая́лъ мостъ. На етотъ мостъ ка̀ждо утро приходила купеческая дочь умывацца. Онъ [ученикъ] замѣтилъ и здѣлался харошымъ кальцомъ, што съ ро̀ду такова кольца́ негдѣ не́ было. И лёкъ на етотъ мостъ. Пришла купеческая дочь, увидала, што лежитъ кальцо, взела́ и пашла; и забыла умыцца: шипко обрадовалась. Пришла и сказыватъ своёмъ папашѣ. Папаша по(а)смотрѣлъ е́тотъ кальцо и набúлъ везьдѣ афиши, што не патерялось ли у ково вотъ такое-то кальцо. Этотъ калдýнъ услыхалъ и пришолъ.

Это кальцо переверънýлся, ночью-то онъ человѣкомъ и сказалъ етой купеческой дочери: „Коҁда придýтъ, ста́нутъ меня отбира̀ть, ты не атдава̀й! Въ кра́йномъ случа́ѣ, насильно станутъ а(о)тбирать, ты вазьми, са(о) зла́ брось меня на́ по(а)лъ, это кальцо. Таҕда ето кальцо разсы́питца. Ты вазьми адну бисери́нку нагой прижми́!“

Ана̀ такъ и здѣлала. Каҕда пришолъ етотъ калдýнъ, сталъ ево отбира̀ть, ана заплàкала. Папаша говоритъ: „атдай!“—Ана взяла̀, ево и бро́сила. Онъ ро(а)ссы́пался, ана взяла́ адну бисери́нку и прижа́ла нагой. Этотъ калдунъ и сдѣлался пи(ѣ)тухо́мъ и зача́лъ приклёвывать эти бисери́нки. Ана оттасшы́ла но́гу,—ета бисеринка сдѣлалась ястребомъ и давай пѣтуха клевать. И заклевала ево до смéръти.

7. Пато́мъ етотъ папаша узналъ, што ето кальцо человѣкъ; онъ и(е)во́ авьвѣньча́лъ со своей дочерью.

Этотъ купецъ померъ. Ста́ли жить. Купцовой до́чери не поглянулся ҹё-то(а) онъ. Нанела̀ тамъ людей убить е(и)во. Ани́ ево убили, изрѣзали ево въ кусочки, скла́ли въ бо(а)чё-

нокъ и апустили по́ марю. Этотъ бо(а)че̂нокъ прибúло къ бéрегу и зашвыря́ло всево пескомъ.

Вотъ у етова старика [у отца убитаго сына] быкъ и забѣ́галъ по́ двору, заревѣ́лъ. Этотъ старикъ вы́пусьтилъ ево. Онъ побѣ́жалъ,—старикъ за е̂мъ. Прибѣгаетъ къ етому бéрегу, у которова баче̂нокъ. Этотъ быкъ и давай нага́ми расшвы́ривать; вы́рылъ етотъ баче̂на(о)къ. Старикъ ра(о)сколотилъ ево, вынимать эти кусочки и размыва̀ть.

Прилетѣла варо́на и схватила адúнъ кусокъ. Быкъ прижалъ иѐ нагой. Другая варона сѣла на́ сасну и говоритъ: „атпусьти!"—„Нѣтъ, не атпушшу́! Аддай мнѣ живой и мѐртвой вады!"—Ана ему дала̀; онъ атпусьтилъ. Сма̀залъ мѐртвой вадой эти кусочки,—анú срасьлúся. По́дали ему живой воды, онъ а(о)живѣлъ.

И говоритъ: „Охъ, мало(а) спалъ, да рано(а) сталъ!"—Старикъ ему и говоритъ: „Ка́бы не(и) твой быкъ, ты бы и сейчасъ спалъ!"—„Охъ!" говоритъ, да и спо́мнилъ.—„Дакъ ла́дно! моѐ не про(а)падѐтъ!"

Абжúлся; канéшно, пришолъ къ имъ, на́нялся въ рабо́тъники и убилъ ихъ (жену свою).

---

58. [Кузнецъ и чортъ].

1. Жилъ былъ мужичокъ. *Ро́билъ* онъ въ ку́зьницѣ. У ево была картинка прибита на сьтѣнѣ; на етой карътинкѣ было(ъ) нарисовано(ъ) сатана̀. И вотъ онъ какъ придѐтъ завтрикать úли абѣ́дать, — фсѐ плюѐтъ ета(о)му сатанѣ въ глаза̀.

Этотъ сатана пасла̀лъ сваѐва чертѐнка: „Иди, наймúсь къ ему въ работъники!" — Онъ пришолъ къ и(е)му и говоритъ: „Дядюшка, вазьми меня *ро́бить*: я у те(и)бя *проро́блю* годъ да́ромъ, то̀лько науч(ш)и!"—Онъ сказалъ: „*Айда̀*!"

Етотъ черьте̂но(а)къ годъ *пра̀ро́билъ*, два праро́билъ, патомъ, въ воскрисéньѐ вышолъ за во(а)ро́ты и стайтъ. Врасъ идѐтъ старичокъ. Онъ скричалъ е(и)во: „Дѣдушка, ахо̀та малодинькому быть?"—„Э, да ужъ какое ужъ мнѣ молодечество?" — „А есьли ахо́та, дакъ *айда́*, перела̀жу!" — А ето пришолъ е(и)во сатана.—„Фьсѐ равно умера̀ть-то! *Айда́*!"

Этотъ черьте̂но(а)къ скричалъ своево́ хозяина; принеслú

угля́ ф ку́зьницу, разожгли́ горнъ; заста́вилъ хазяина дуть. Пало́жили етова старика на го́рнъ. Хазя́инъ ду́итъ, етотъ рабо́тьникъ е(и)во́—етава старика—поварачиватъ на гарну́. Старикъ фъсё мало́же и мало́же, вы́ско(а)чилъ изъ го̀рну—такой ли ма(о)ла(о)де́цъ!

Етотъ работъникъ спрашиватъ: „Старуха-та у тебя есь?“ — „Есь“. — „Ви(е)ди́! переладимъ и е(и)ё!“ — Онъ сбѣгалъ, привёлъ. Перела́дили старуху. Тоже такая ли моло́динька вы́шла!

2. А у етава хазя́ина баба была страшна́я. Онъ и говоритъ: „Давай мьнѣ ба́бу перела́димъ!“ — Этотъ работьникъ говоритъ: „Давай!“—Етотъ мужикъ па(о)бѣжалъ за ба́бо(а)й. Баба ре(и)вётъ, не(и)йдётъ. Онъ иё *сило́мъ* взялъ въ бере́мё и притасшы́лъ. Звали́ли е(и)ё на го̀рнъ и давай дуть. Хазяинъ ду́итъ, работникъ перевара́чиватъ. И сажгли иё фьсю.

Хазяинъ пасматрѣлъ, што баба сгарѣла. Черьтёнокъ ему и говоритъ: „Вотъ! — говоритъ: — станешь маёму сатанѣ въ глаза плевать?“—Самъ а(о)тпра́вился.

Етова мужика на судъ. И присудили ево на вѣсельницу. — Етотъ черьтёнокъ пришолъ къ нему: „Ни тужи! я тебя вы́руч(ш)ю“. — Каһда павѣсили ево на вѣсельницу, етотъ черьтёно(а)къ три разъ переѣлъ пе́тьлю, и ево [мужика] о(а)тпусьти́ли.

---

59. [Купескій сынъ и Чудилище на Стеклянной горѣ].

(Разсказалъ обыватель Верхняго Кыштымскаго завода, Екатеринбургскаго уѣзда, Павелъ Васильевичъ Наумовъ, 17-ти лѣтъ, выслушавшій эту сказку отъ своего отца).

1. Въ нѣкоторомъ царствѣ, не въ нашомъ государствѣ жилъ былъ купецъ. У ево была дочь. Её сватали — купеческій сынъ, потомъ Чу́дилишшо сваталъ иё. За Чу́дилишшо не отда́ли, отказали ему. Чудилишшо говоритъ: „Если не отдади́те, то я украду́!" — Такъ и порѣшили, што отдать за купца, и о́тдали.

Онъ сострóилъ ей особую кóмнату и держалъ тамъ въ запертѣ́.

2. И у ево были дѣти ужъ. Дѣти выйдутъ на улицу,— и кричатъ тамъ, дра̀жнятъ ихъ: „У васъ ма̀ми *нѣтука*!" — Они пришли и у няни спрашиваютъ: „Няня, разѣ нѣтъ ма́ми?"—Ана и отьвѣчаетъ: „Нѣтъ, у васъ есь мама, только она въ запертѣ́, нельзя выпускать её".

„Какъ жо бы намъ иё поглядѣть?" — „А вотъ, коһда у васъ папаша ля́гетъ спать, вы укради́те у нево изъ-по́дъ головъ ключи и *тупа́йте* отвори́те ету комнату, и увидите маму".

Ани такъ и сдѣлали — пашли и отвори́ли. Мать абрадавалась, начала̀ ихъ цаловать. Повидались, ушли и не за́перли. И опять ключи подсу́нули отцу въ зголова̀.

3. Атецъ пошолъ, глядитъ: женѣ́ *нѣтука*. Онъ сразу падумалъ, што ето утасшылъ Чу́дилисшо жену. Пришолъ домой и сталъ распрашивать, хто хадилъ къ женѣ? Дѣти повинились, што „мы ходили, маму глядѣли". — И онъ хатѣлъ ихъ растрѣля́ть. Ну ево уговори́ли.

Онъ говоритъ: „Ступайте, куда хо́чите, найдите мать, а безъ матери не хади́те(я)!"

4. Ани пашли и сѣли на флотъ и паѣхали по́ морю. Ѣхали, ѣхали, пріѣхали, глядятъ: стеклянная гара̀. Стар-

шій братъ говоритъ: „Вы здѣсь аставайтесь, а я пайду!— Ежли чевó, дакъ я вамъ верёвкой дёрну! Вы здѣсь припасайтесь!"

Потомъ онъ идётъ, глядитъ: стеклянная изба. Заходитъ въ ету избу, глядитъ: сидитъ красавица. Сталъ онъ росказывать: „Вотъ у насъ мама потерялась"...—Ана говоритъ: „*Тупàй*, тамъ ешо придётъ изба, сидитъ красавица, она тебѣ скажотъ".

Онъ подходитъ, глядитъ: стеклянная опять изба. Заходитъ въ неё; тутъ сидитъ красавица. Спрашиваетъ ей: „Не знаешь ли? тутъ у насъ мама потерялась; сказываютъ: въ такой жо избѣ живётъ, у Чýдилишша" *).

5. Онъ пошолъ по трóпочкѣ. Подошолъ, глядитъ: большýшшой стеклянной домъ Заходитъ въ етотъ домъ. Глядитъ: сидитъ ево здѣся-ка мать. Онъ обрадовался и мать обрадовалась. Нáчали цаловáцця.

Мать говоритъ: „Куда я тебя спрячу? Чýдилишшо прилетитъ, убьётъ тебя". —Ана хлóпнула зóрькой, и сдѣлала ево булàвочкой. Чудилишшо прилетаетъ и говоритъ, што „здѣся-ка руськимъ дýхомъ пáхнетъ".—„Ты лёталъ по Русѣ и нахватàлся руськова дýху!"

Потомъ она ему приготовила обѣдать. Онъ паобѣдалъ; она ему началá въ бородѣ шàрить и говоритъ: „Охъ ты, мúлинькой мой! какой ты сталъ стàрой! Ешли бы былъ мой сынъ здѣся-ка, ты бы всё ему препоручилъ?"—„Да, препоручилъ [бы]!" говоритъ.

Ана хлòпнула зóрькой, очутился здѣся-ка сынъ. Онъ, вѣрно, всё ему препоручúлъ.

6. Потомъ сталъ ему казать: „Ету воду пей, ету не пей! эти плодú ѣшь, эти не ѣшь!"—Потомъ онъ хадúлъ *тýтака* и глядѣлъ. Потомъ о(а)тпрáвилъ мать къ братовьяúмъ, съ матерью—а(о)дна(о)ё красавицу. Братовьяú стали (двое ихъ было) объ красавицѣ драцца. Мать говоритъ: „Не дерúтесь! тамъ есшо есь".—Онъ *имяú* спусьтилъ другý красавицу. Они уѣхали отъ неё [отъ матери].

7. Ему стало скýчно. Которы не велѣлъ онъ [Чудилишшо] пладú ему ѣсь, онъ ихъ съѣлъ; котору воду не велѣлъ пить, онъ вúпилъ иё. Пачуствовалъ себя, што онъ сталъ

---

*) Тутъ ясный пропускъ.

здоро́вой. Глядитъ: тутъ въ *завдзнѣ* (али́ въ амбарѣ) 12 замко́въ. Онъ ихъ сорва́лъ. Аттуда выбѣжалъ конь. Онъ ево схватилъ за гри́ву и говоритъ: „Стой!" — Конь говоритъ: „Апусьти́ меня пагулять въ чи́сто поле! я сто лѣтъ здѣсь зако(а)лдо́ванъ сидѣлъ. Ежли я тебѣ только пона́доблюсь, ты скричи: γдѣ ты конь?—Я тутъ же бу́ду!"

Врасъ прилетаетъ Чудилишшо и хотѣло ссѣчь ему го̀лову мечёмъ. И говоритъ: „Ты всю си́лу мою съѣлъ!" — Ужъ онъ тоγда ослабъ, Чудилишшо. Этотъ самой кавале́ръ на́чалъ съ ёмъ бара́хтацца, выхватилъ у нево мечо́ и ссѣкъ ему го́лову.

Потомъ зашолъ въ комнату, глядитъ: лежитъ зо́рька. Онъ её ударилъ,—выскочило два лакея.—„Што, баринъ, прикажите?"—„Поѣсь!"—Онъ поѣхалъ и вышолъ на дворъ. И спо́мнилъ: „Охъ, һдѣ-то мой конь?"—Конь тутъ жо, сейчасъ тутъ и былъ. Конь говоритъ: „Што ты меня тоһда не кричалъ, коһда онъ тебѣ хотѣлъ ссѣчь го́лову мечёмъ? Теперь садись на меня, бей меня по бедра́мъ и *айда́* на мою сто́рону!"

Ани ѣхали по́ морю и нагна́ли братовьёвъ. Конь говоритъ: „Пахи́тимъ ихъ или нѣтъ?" — „Пушша́й ѣдутъ съ Боһомъ!"

8. Пріѣхали въ село на родину. Сталъ на квартеру къ старушкѣ со старикомъ.

Черезъ нѣсколько времени пріѣхали братовья́ и на́чали на красавицахъ жени́цца. Невѣста-красавица эта и говоритъ: „Мнѣ платье нужно такое; какое я носила на сьтеклянной гарѣ!" — Но нихто не мокъ сшить на неё такое платье.

Этотъ дѣти́на самой посылаетъ старика и говоритъ: „*Тупа́й,* дѣдушко, вазьми́сь шить платье!"—Старикъ говоритъ: „Што ты, батюшко? намъ вѣдь не сшить?"—„*Айда́*, берись-ко знай!"

Онъ пашолъ и взя́лся сшить платье. Пришолъ домой; дѣтина етотъ взялъ, мате́рье всё изьрѣзалъ и выбросилъ. Старуха старика начала́ ругать: „Вотъ ты взялся тамъ! Теперь тебѣ чево будетъ?"—Дѣтина и говоритъ: „Не тужи́, дѣдушко, завтра утромъ гатово будетъ!"

Дѣтина утромъ рано выходитъ на дво́ръ и ударилъ зо́рькой. Выходитъ ба́рошня.—„Што вамъ, баринъ, нужно?"—

„Мнѣ нужно платье такое, какое насила барышня на стеклянной гарѣ!“ — И сейчасъ жо барышня по(а)даётъ ему платье. Дѣтина будитъ старика и говоритъ: „Дѣдушко, *айда́* неси платье! готово!“

Старикъ снёсъ. Невѣсьтѣ панра̀вилось ето платье; гаварИтъ: „Точно такое ето платье, какое я насила на стеклянной гарѣ“.—Старику дали за ето награду. Онъ пашолъ дамой.

9. Женихъ говоритъ: „Ну, теперь вѣньча́цца!“—Невѣста говоритъ: „Мнѣ нужно башма́чки такіе, какіе я носила на стеклянной гарѣ!“—Каму́ не зака́жутъ, -- нихто не мо́жотъ сшить.

Дѣтина посылаетъ старика: „*Тупа́й* вазьмись!“—Старикъ пашолъ и взя́лся. Надь нимъ засмѣялись: „Што за старичёпка! какой мастеръ!“ — Онъ принёсъ таваръ дамой, старикъ. Дѣтина ево изьрѣзалъ и вы́брасилъ въ акошко. Старуха заревѣла: „Старикъ! *чё* надѣлалъ? Теперь тебѣ будетъ казнь!“ — Дѣтина говоритъ: „Не тужи, бабушка! Завтра утромъ будетъ готово!“

Утромъ всталъ господи́нъ и ударилъ зо́рькой. Выскочилъ *чебота́рь*: „Што, баринъ, прикажите?“ — „Башмаки такіе точно, какіе насила барышня на стеклянной гарѣ!“ — Башмаки гато́вы. Старикъ панёсъ; ему дали награду тамъ.

10. Есчо́ невѣстѣ нужно было таку карету, на какой она вѣньчя́лась на стеклянной гарѣ. Каму не закажутъ, но никто не можетъ сдѣлать.

Дѣтина пасла́лъ старика: „Айда́, дѣдушко, вазьмись! мы издѣлаемъ“. --Старикъ пришолъ: „Я сдѣлаю“. —„Ешли сдѣлаешь, мы тебя наградимъ; а не сдѣлаешь, такъ растрѣляемъ!“

Старикъ идётъ съ печалью домой. — „Ну, дѣдушко, взя́лся?“ —„Взя́лся, батюшко! Страшша́ютъ: „не сдѣлашь, такъ растрѣля́мъ!“ — Старуха старика начала̀ ругать...— „Не тужи́тё! завтра гатова будетъ!“

Утромъ сталъ и хло́пнулъ зо́рькой. Карета гато́ва. Будитъ старика и говоритъ: „Дѣдушко, *ада́*, вези!“ — Старикъ обрадовался; павёсъ карету, сдалъ тамъ. Дали ему награду. Невѣста говоритъ: „Точно такая, на какой я вѣнчалась на стеклянной горѣ!“

11. Женихъ говоритъ: „Ну, теперь вѣнчя́цца!“ — Ана: „ували́те черезъ море плотину́ и састройте черезъ море

церъкву!“—Всѣхъ напугало. Дѣтина посылаетъ старика: „*Адá*, дѣдушко, вазьмись падрядомъ уваливать!“

Старикъ пашолъ туда и говоритъ, што „я увалю!“— Надь нимъ засьмѣялися: — „Ладно, дѣдушко, вазьмись! только штобы въ три года гатово было!“ — Старикъ говоритъ: „Не въ три года, а въ три мѣсяца будетъ гатова!“— „Если ты сдѣлаешь, мы тебя начальникомъ сдѣлаемъ; а не сдѣлаешь, то на куски изрѣжомъ!“

Старикъ пришолъ дамой и сказыватъ старухѣ. Старуха захварала. Дѣтина говоритъ: „Не тужи, бабушка! всё гатово будетъ!“

Утромъ стаётъ старуха, глядитъ: на улицѣ народъ въ телѣжкахъ. (Рабочіе *нагнàли*).—„Старикъ, гарúмъ!“—Дѣтина говоритъ: „Баушка, не кричи! это наши рабочіе!“—Старикъ сталъ, апаясалъ синей апаяской и пашолъ падрядьчикомъ. Нàчали увáливать. Въ три мѣсяца увалили.

Старика наградили и паставили въ начальники. Невѣста говоритъ: „Вотъ теперь паѣдемъ вѣньчáцца!“

12. Коһда они собирались вѣньчяцца, дѣтина сѣлъ на каня и выѣхалъ на плотину́. Сколька нейдётъ народу, онъ всѣхъ на етомъ канѣ убьётъ.

Патомъ далóжили самаму́ купцу. Купецъ ѣде(и)тъ и узналъ, што ево сынъ на канѣ. Сынъ палъ съ лóшади и прямо къ атцу; все рассказалъ: какъ аставили ево на стеклянной горѣ братовья... Атецъ разрѣшилъ женúцца ему. Невѣста отъ нево отпёрлась, согласилась за етова, которой ихъ вы́ручилъ на стеклянной гарѣ отъ Чу́дилишша. Повѣнчалась съ нимъ.

Атецъ таво сына, которой измѣнилъ брата, пасадилъ на варóта и растрѣлялъ. Старшей братъ женился на етой на красавицѣ; сталъ жить-паживать, добра наживать.

---

60. [Морока].

(Разсказалъ обыватель Верхняго Кыштымскаго завода, Екатеринбургскаго уѣзда, Димитрій Ефремовичъ Лёзинъ).

1. Салдатикъ служилъ у hасударя при дворцѣ. Онъ свою слу́жбу вёлъ честно-блаhородно всё время. Коhда въ казарму приходилъ, надъ това́ришшамъ всё шутки шути́лъ: нѣтъ-нѣтъ, да какую-нибудь шуточку имъ ска́жотъ, оммо́рочитъ ихъ или што-нибудь.

Прослуживши пять лѣтъ, увольнятца сталъ дамой. Старшій офицеръ доноситъ государю: вотъ такой-то салдатикъ увольняетца домой, служилъ онъ честно-блаhородно пять лѣтъ.—Призываетъ салдатика hосударь къ себѣ на лицо.— „Вотъ што, салдатъ, вы служили у меня пять лѣтъ, служили хорошо. Представьте мнѣ какую-нибудь исторію, потомъ я отпушшу́ васъ домой.

2. Салдатъ ему говоритъ: „Вотъ што, Ваше Величество Импера́торство! заприте дьвери на́ три минуты и возлѣ дьверей поставьте часовыхъ, штобы взадъ впере́дъ не пушшать никово три минуты“.

Въ ето время у hосударя самоваръ стоялъ на столѣ. Когда двери за́перли, hосударь сидѣлъ за ча́емъ. Самоваръ шумѣлъ, и изъ самовара пошло воспаре́ніе. Отъ етова воспаренія являетца дошъ. Потомъ здѣлалася *озери́нка*. На бережкѣ небольшая лодо́чка стоитъ.

Живо салдатикъ садитца въ ету лодочку съ етимъ самымъ hосударемъ. Поѣхали на о́стровъ. (Острово́къ *ту́така* среди озери́нки). Подьѣзжяютъ на островъ: тутъ старичокъ *мерёжки* вы́металъ. Онѣ у етова у старичка купили небольшова карасика, фунта съ два. Оввернýлись съ етова островка́ на́ берекъ, домой.

3. На бе́регѣ народу собра̀та толпа, идётъ волненіе: нашли мёрътвое тѣло, а головы нѣтука, отру́бленая; признатъ

не мо́жутъ, чей человѣкъ, и го́лову эту найти не мо́жутъ. Тутъ о́быскъ шолъ.

Вразъ къ етимъ рыболовамъ подходятъ, къ hосударю съ солдатикомъ. У hосударя былъ мѣшечикъ, и въ етомъ мѣшечикѣ карась етотъ былъ поло́женой. — „Позвольте васъ обыскать: што у васъ такое въ мѣшкѣ лежитъ?“ — „Это у насъ карась купленъ“.

Су́нулись въ мѣшокъ: вмѣсто карася очутилась человѣчья голова въ мѣшкѣ у нево.—„Пошто̀ вы обманываите? говорили, што карась! Вы, навѣ́рное, го́лову ссѣ́кли?“ — „Ничево я не знаю! я *купля́лъ* карася́!“

Тутъ жо ево живо россуди́ли на вѣ́селицу. И когда завяза́ли къ столбу́ на *вѣски́*, начинаетъ крести́цца. „Погиба̀й, моя голо́вушка, безви́нно!“ — Головой мотну́лъ, будто въ петлѣ-то, и самъ носомъ-то въ стаканъ чаю.—„Што ты, салдатъ? ты сожокъ меня!“

Въ ето времё три минуты прошло.—„Теперь можешь отправляцца домой!“

---

61. [Безстрашный солдатъ].

(Разсказалъ Д. Е. Лёзинъ).

1. Салдатъ говоритъ: „дайте мнѣ какой-нибудь чинъ!“— „Какой же чинъ?“ — „Да хоть какой-нибудь!.. Дайте мнѣ названіе: „Безстра́шный атама́нъ“.—Государь ему говоритъ: „Ну, будь ты безстрашный атаманъ, коли́ такъ!“ — „Коhда дали и́мя „безстрашный атаманъ“, дакъ дайте мнѣ какова-нибудь слугу́!“—„Какова слугу?“—А у нево былъ любимой това́ришъ, Мартышка служивой, салдатикъ. — „Дайте мнѣ Мартышку служивова!“ — Да́ли ему. Онъ отправляетца совсѣмъ домой, съ Мартышкой со слугой.

Идутъ доро́гой. Вёрстъ етакъ съ 20 или съ 30 отошли́. Врасъ такая лужаечка являетца, бугоро́къ. Мартышка и говоритъ: „Давай по етой лужаечкѣ погуляемъ!“ — Ходятъ и цвѣточки рвутъ всякіе.

Врасъ ѣдетъ барыня на тройкѣ съ колокольца́ми. Подъѣзжа́тъ къ етому мѣсту: „Кучеръ, стой, остановися! Поди спроси: чё етотъ народъ дѣлатъ? чево сбираютъ?“—Кучеръ подходитъ: „Вы што здѣсь дѣлаите?“—„А вотъ мы доктора́,

сбираемъ свѣтки на лѣкарство; изъ етихъ сьвѣтковъ мы всякіе лѣкарства дѣлаемъ".

Кучеръ подходитъ къ барынѣ. — „Пойдёмъ съ тобой!"... „Эти свѣты къ какимъ лѣкарствамъ идутъ?"—Безстрашный атаманъ началъ высказывать барынѣ: „Это вотъ отъ обжоги, это вотъ отъ простуды; вотъ—*тваръ*, змѣя, окуситъ какова человѣка—можно излѣчать".

„Давай поръвёмъ мы съ тобой етихъ свѣтовъ!" (барыня говоритъ кучеру). — Безстрашный атаманъ мигнулъ своему слугѣ Мартышкѣ: „Иди ближе къ конямъ!"—А барыня ходитъ вмѣсьтѣ съ кучеромъ, сбираютъ они. — Подошли къ конямъ, сѣли на коней и живо маршъ. Угнали.

2. Ѣхали, ѣхали, доѣхали до кладбишша; заѣзжаютъ на кладбишшо.— „Мартышка, отрывай три могилы, свѣжіе которы!" —Мартышка отрылъ три могилы, вытасшылъ трёхъ покойниковъ.—„Клади, Мартышка, ихъ въ повоску!" — Мартышка ихъ положилъ въ повоску, и поѣхали опять своей путёй-дорогой.

Смотрютъ: въ лѣсу домъ стоитъ двуетажной. — „Слуга Мартышка! вороти къ етому дому!"—Падьѣхали, смотрятъ: въ одной половинѣ агонь. Стукнулись въ вороты, — вороты были отворены. Заѣхали во дворъ. Въ дверь въ сѣнную начали стучацця, — она была заперта. Изломали дверь, заходятъ въ комнату. Въ этой комнатѣ одна старуха.

Безстрашный атаманъ спрашиваетъ: „Хто здѣсь проживаетъ?"— „Такіе-то люди, 12 человѣкъ, разбойники".— „Гдѣ они у тебя?"—„Уѣхали на охоту, скоро явяцца".—„У тебя, старая чертовка, гдѣ-нибудь деньги есь?" — „Нѣтъ, Ваше Благородіе!"—Живо въ камодъ; нашолъ денегъ тутъ сотъ до пяти рублей. — „Што, старой дьяволъ, говоришь, што денегъ нѣтъ? вѣдь ето деньги!"—Берётъ ихъ, кладётъ въ карманъ.

„Давай намъ што-нибудь поѣсь!" — „Ничево нѣту!" — „Врёшь!"—Живо самъ въ печь. Тамъ было мясо нажарено; вытасшылъ всё, сѣли съ Мартышкой за столъ; винишка достали бутылку.—„Ну, теперь, Мартышка, *айда* на палати залѣзёмъ спать!"—Залѣзли.

3. Только легли, самые разбойники ѣдутъ, 12 человѣкъ, съ пѣсьнями, со свистомъ. Старуха имъ жалуетца: „Такіе-то люди заѣхали ко мнѣ.... Сами теперь лежатъ на палатяхъ".—

„Сечасъ мы съ ними расчитаемся! Давай намъ закусить кое-чево сперва!“

Стали обѣдать. Безстрашный атаманъ открылъ занавѣску, гледитъ съ полатей.—„Здраствуйте, братцы!“—„Здраствуй! Сечасъ мы поужинаемъ да расчитаемся съ вами!“—„Чево,—говоритъ:—со мной расчитывацца? Я самъ сечасъ слѣзу, съ вами поговорю!“ — Слѣзаетъ съ палатей, садицца съ ими; берётъ ложку и начинатъ тоже съ ими мясо ѣсьть.

Тѣ смотрятъ на нево.—„Што ты? — говорятъ: У насъ у самихъ мало! ты до насъ ѣлъ!..“ — „Постойте! у меня своё есьть!“

„Мартышка-слуга! ташшы-ко мнѣ одново́-то уда́вьленника сюда! Я поѣмъ немного. Ѣсь шипко хачу!“ — Мартышка живо побѣжалъ, тасшы́тъ мертвеца изъ повозки.—„Извольте, безстрашный атаманъ! ѣшьте!“ — Онъ припа́лъ къ у́ху, взялъ ево за́ ухо, потереби́лъ, потереби́лъ: — „Што ты,—говоритъ: — Мартышка? Вѣдь ты ево проква́силъ!“ — Эти разбойники всѣ смотрятъ: што такое?

Бросилъ ево середь по́лу. — „Поди́, тасшы́ другова!“ — Мартышка побѣжалъ за другимъ. Тасшытъ. Онъ другова тоже за́ ухо. — „Што ты, euакъ? ты и етова проква́силъ!.. Тасшы́ послѣдьнёва! можетъ тотъ не прокващеной?“—Притасшылъ. Припа́лъ къ тре́тьему, попробавалъ, попробовалъ. „Хмъ, с...нъ сынъ! и етова проквасилъ!“

Потомъ взглянулъ на нихъ. —„Дава'-ко мнѣ,—говоритъ:—вотъ етова съ кра́ю-ту!“ — Мартышка живо схватилъ етова кра́йнова разбойника. Оставшіе выскочили и живо изо стола́ бѣжать. Всѣ разбѣжалися.

Имушчество забра́ли, сѣли со слугой Мартышкой и уѣхали.

Сказки Еф. Евд. Алексѣева.

Ефимъ Евдокимовичъ Алексѣевъ — уроженецъ села Русской Караболки, Екатеринбургскаго уѣзда. Теперь живетъ въ с. Метлинѣ того же уѣзда. Онъ былъ сосланъ, за какое-то преступленіе, на каторгу. Теперь ему около 70-ти лѣтъ. Онъ самъ наслался мнѣ со сказками. Кромѣ трехъ записанныхъ мною сказокъ (№№ 62—64) знаетъ еще сказку „Ивинька на лошадкѣ сивинькой“: Дуракъ убилъ свою кобылу, продалъ кожу богачу, въ отсутстіе его завезъ ее въ его домъ, а тамъ у жены богача милишъ; послѣдній спрятанъ въ голбецъ и т. д.

---

62. „Весёлой“.

1. Жилъ былъ Весе́лой. Всё онъ гулялъ вездѣ по се́ламъ. Все́ на нево говорятъ, што́ бы гдѣ не потерялось; а онъ *сномъ* этова дѣла не зна́ётъ. Берётъ себѣ скры́почку, идётъ путёмъ-доро́гой.

Попадается ему волкъ встрѣчу.—„Куды́ братъ, ты Весёлой, идёшь?“—„А вотъ иду себѣ путёмъ-доро́гой“.—„Возьми, братъ, меня, въ товарисчи! Гдѣ бы вотъ тамъ овечка [потеряется?], или хто укра́детъ, — всё говорятъ, што волкъ задави́лъ, а я и *сномъ* дѣла не знаю!“

Отправляются себѣ путемъ-доро́гой и играютъ въ скры́почку. Попадается имъ медвѣдь навстрѣчу. Вотъ и говоритъ медвѣдь: „куды́, братъ, вы пошли́?“ — „Да вотъ, гдѣ чево не потерялось, всё на насъ говорятъ!“ — Медвѣдь и говоритъ: „я такъ жо: всё говорятъ, што медвѣдь задавилъ, скотина если гдѣ потерялась; а я и сномъ дѣла не знаю!“

2. Идутъ путёй-доро̀гой, играютъ въ скрыпочку. Подходятъ къ *озери́нѣ*. И стоятъ Вятскіе съ воза́ми: съ толокномъ ѣдутъ. Подня́лся бу́ря-вѣтеръ, сброса́ло ихъ всѣ этѣ воза̀ въ озери́ну.

Посылаютъ [Весёлой съ товарищами] медвѣдя таскать хмѣль въ эту озери́ну—дѣлать пиво. Натаскали хмѣлю, сдѣ-

лали пиво. Поставили избу́шку, о́кнами къ озери́нѣ, штобы смотрѣть. Сдѣлали мѣру — пиво у ихъ штобы не убывало.

Повадилась это пиво пить (за пи́вомъ ходить къ нимъ) ягà бáба. Стало у ихъ это пиво убывать; погледятъ по мѣрѣ: пи́ва мáло; въ озери́нѣ убывáтъ много.

3. Перву ночь посылаютъ пиво караулить вóлка. Волкъ отправляется, станóвицца на своё мѣсто. Подходитъ ягà-баба съ вéдрами на коромыслѣ. — „Ты куды́ идёшь?“ — „За пи́вомъ. Тебѣ какóё дѣло?!“ — Сбрасываетъ вéдра съ коромысла; давай этова волка коромысломъ лупи́ть. Волкъ коё-какъ упóлзъ въ свою избушку.

Ягá-баба напилась пива, поддѣла вéдра и отправилась съ пивомъ. Товарисчи утромъ и говорятъ [про волка]: „эхъ какъ нажрáлся пи́ва-та! пьянёхонёкъ лежитъ!“—„Айдàте-ко сходи́те, узнайте, какъ достаёцца пиво-то!“

На другую ночь достаёцца медвѣдю пиво караулить итти. Время принадлежáетъ, медвѣдь отправляется. Сталъ на своё мѣсто. Приходитъ яга-баба.—„Тебѣ штó нужно?“—Сгреблá, бросила вéдра, взяла коромысло, начинаетъ медвѣдя лупи́ть коромысломъ. Медвѣдь коё-какъ уползъ въ свою избушку. Яга баба напилáсь пива, почерпнула ведра и отправилась съ пивомъ.

Поутру́ встаютъ товáрисчи и говорятъ: „эхъ какъ нажрáлся пива-та! пьянёхонёкъ лежитъ!“—„Айдате, сходите-ко сáми: кáкъ достаётца пиво-то!“

4. На третью ночь Весёлому [пришлось караулить]. Весёлой отправился со своёй скрипочкой, становится къ соснѣ. Подходитъ ягá баба къ Весёлому. — „Чтó ты, Весёлой, дѣлаешь?“—„А въ скрипочку играю“.—Сбрасываетъ [яга баба] ведра, коромысло съ себя, давай уѣжживать—плесáть.

„А какъ бы мнѣ, Весёлой, научицца бы въ скрыпочку играть?“ — „У тебя, ягá-баба, пальцы тóлсты“. — „А што надъ *имя́* дѣлать—сдѣлать ихъ потоньше?“—А вотъ тутъ стои́тъ пенёкъ, въ пенькѣ-то клинъ: кли́нъ-отъ вытасчить, въ дыру-то пальцы-то заколотить, — они потоньше будутъ, мóжошь ты *имя́* тогда играть“.

Вытасшили этотъ клинъ,—затолкàли тудà пальцы; руки зажáло у ей. Тутъ онъ её и кóнчилъ. А сами стали пиво пить. *Тожнó* и узнали, какъ отчего дѣло у нихъ происходило!

63. „Емеля Дурачокъ“.

[По щучьему велѣнью].

1. Были три брата — два умные, третей былъ Емеля дуракъ. Такъ какъ у нихъ отецъ сталъ дре́вной, у отса́ было денёгъ. Потомъ говорятъ этѣ братья умные: „Тятенька, раздѣли намъ по сту рублей де́нёгъ!“ — Потомъ проситъ тре́тей, Емеля дуракъ, сто рублей. — „Нашто тебѣ сто рублей? ты—дуракъ!“

Потомъ о̂тесъ тѣмъ по сту рублей, умнымъ, далъ и третьему сто рублей далъ. Отецъ нѣсколько время прожилъ, потомъ померъ. Отца похоронили.

Стали собираться умные два брата на ярманку. Просятъ у Емели сто рублей. Емеля говоритъ: „Я вамъ не дамъ сто рублей!“ — „Нѣтъ, Емелюшка, намъ дай: мы тебѣ купимъ—поѣдёмъ на ярманку—красную шапку, потомъ красной кафтанъ, красные сапоги, потомъ красную опояску“...— Емеля согласился.

2. Бра́тья отправились на ярманку съ этими съ деньгя́ми. Братъ остаётся до́ма съ двумя снохàми. Емелѣ говорятъ: „Емелюшка, сходи́-ко намъ по́ воду!“—Емелюшка лежитъ на печѣ: „Я не пойду вамъ по́ воду! я лѣнюсь!“

Емеля собрался по́ воду, взялъ ве́дра, надѣлъ на коромы́сло, пошолъ (зимою) по́ воду на рѣку. Женщины берутъ изъ той пролуби́; онъ выбралъ себѣ другую, новую про́лупь.

Подходитъ счука въ пролубь; берётъ её руками, выбрасываетъ её на́ лёдъ. Эта счука и говоритъ ему человѣческимъ языкомъ: „Емелюшка, отпусти меня въ воду назать! я тебѣ сдѣлаю до́броё“.—Емелюшка её отпустилъ въ воду.

Потомъ черпаетъ воду, говоритъ: „По шшучьему велѣнью, по мо́ему прошенью!...“ — Ве́дра почерпнулись, поддѣли[сь] на коромысло и пошли вперёдъ. Емелюшка идётъ поза́дѣ. Ве́дра подходятъ къ воро́тамъ, заходятъ въ ызбу́, стано́вяцца на лавку; коромы́сло на своё мѣсто поло́жилось. Емелюшка залѣзатъ на́ печь.

3. Не стаётъ у ихъ дрофъ. Посылаютъ Емелюшку: „*Айда́*-ко, Емелюшка, наруби́-ко намъ дрофъ!“ — Емеля берётъ топоръ, выходитъ на дворъ, топору и говоритъ: „По шшучьему прошенью, по моему велѣнью!..“ — Взя́лся топо́ръ, давай дровъ рубить. Набралъ беремё дровъ, и дрова сами понесли́ся въ ызбу, въ печь поло́жились, заслонкой заслони́лись. Емеля залѣзъ на́ печь.

На тре́тей день не стаётъ у ихъ дрофъ.—„*Айда́*-ко, Емелюшка, по дрова сево́дни!“ — „Я лѣнюсь!“ — Слѣзаетъ съ печи. Сно́хи говорятъ: „бери́ топоръ!“ — Емеля берётъ топоръ за опояску, сади́цца на дро́вни.—„Отворяйте воро́ты!“— Вороты отвори́лись. Емеля отправился у́лисой: сидитъ на дровня́хъ. По обѣ стороны идётъ народъ доро́гой. Нѣсколько онъ народу приби́лъ.

Прiѣжжяетъ въ лѣсъ, слѣзаетъ съ саней, вытаскиваетъ топоръ изъ-за опояски и говоритъ: „По шшучьему велѣнью, по моему просченью дрова рубитесь!“ — Дрофъ нарубилъ возъ — поперёкъ саней даже наклалъ, какъ сѣнно́й возъ (вдоль саней нельзя, некуда), завя́зыватъ *кля́чикомъ.* Сади́цца на во́зъ, берётъ себѣ дубинку въ руки, отправляецца домой.

Ѣдётъ у́лисой — есчо больше тово народу примялъ. Заѣжжяетъ во дворъ, стано́вицца возъ па своё мѣсто. Слѣзаетъ съ во́зу, приходитъ въ ызбу, залѣзаетъ на̀ печь.

4. Говорятъ: што-то Емеля нѣсколько народу приби́лъ. Докладываютъ королю насчётъ Емели: много народу прибилъ. — Король послалъ своихъ начальниковъ спросить Емелю. — „Што ты, Емеля, народъ прибилъ?... За тобой посла́лъ король!“—„Я лѣнюсь!“ (до трёхъ разъ сказалъ). Четвертый разъ говоритъ снохамъ, што „я поѣду“.

Говоритъ: „по счучьему велѣнью, по моему прошенью подымайся потолокъ!“ — Потолокъ поднялся кверху. Подымается и печь. Отправляется Емеля къ королю на печѣ.

Прiѣзжаетъ ко дворцу къ королю, стано́вицца противъ пара̀тьняво. Королю докладываютъ: „Ваше Королевское Величество! Емеля прiѣхалъ на печѣ!“ — Король выходитъ: „Што-то, Емеля, на тебя много жалобъ! Ты много народу прибилъ!“ — Емеля королю отвѣчаетъ: „Ваше Королевское Величество, я лѣнюсь!“ (До трёхъ разъ).

„Што съ нимъ дѣлать, съ Емелёй съ этимъ?“ — Коро-

левская дочь въ ево влюбилась, въ этова Емелю.—„Отправить ево (Емелю) назать!“

Емеля и говоритъ: „по щучьему велѣнью, по моему прошенью!...“—Отправляетца домой. Пріѣзжаетъ къ дому.— „По щучьему велѣнью, по моему прошенью, печь подымайся!“ — Печь поднялась кверху, садится на своё мѣсто опе́ть, гдѣ была.

5. Король и говоритъ: „Што съ нимъ топерь дѣлать, съ Емелей?“—Присудить ево: запечатать ихъ обѣхъ въ бочку́ (съ дочерью королевской), отпустить ихъ по́ морю.

Вотъ онѣ плавали сутки трои. На четвёрты она и говоритъ ему: „што-то, Емеля, намъ тошно здѣсь сидѣть!“ — Вѣтромъ ихъ прибило къ берегу. Упирается онъ въ дно бочки, выбрасываетъ ихъ на луга зеле́ные (этово короля).

Выходятъ онѣ на луга. Увидалъ ихъ король:—„Хто такіе ходятъ за невѣжи?“ — Посла́ли ихъ спросить — узнать: „Хто вы такіе?“

6. Король на нихъ нало́жилъ такую службу:—„*Противъ* моёва дворца въ одну ночь такой дворецъ сраб́отаете, такъ я васъ просчу; а не сраб́отаете — го́ловы вамъ сказню́!“ — „*Заутра́* будётъ всё готово, испра́вленое!“

Поутру́ докладываютъ королю, што такой дворецъ — *чисче* дворца ево, короля, — еще устроенъ; исправленъ и хрустальной мостъ отъ ево дворца и до ево дворца, и всякіе насажены сады, всякіе воспѣваютъ пташки... Емеля сдѣлался такимъ молодцо́мъ, что въ свѣтѣ нѣтъ такихъ.

Требуетъ [Емеля] себѣ короля въ гости, въ свой дворецъ.—Отправляется король въ гости къ ему со всёй свитой. Въ залѣ у ево всякіе напитки, всякіе ѣсвы наставлены. Разгуливаютъ по всѣмъ заламъ король съ этимъ Емелёй. По всѣмъ комнатамъ ходили; въ одну и зашли— королевская дочь тамъ сидитъ. Ее и вывели. Сдѣлался у нихъ пиръ на весь міръ: ее отда̀ли за Емелю.

А этѣ братья есчо всё ѣздятъ на базаръ.

---

64. „Иванъ несча́стной“.

[Марко Богатый].

1. Былъ-жилъ Иванъ Несча́сной. Привидѣлось богачу, што етому самому Ивану Несчасному достанецца ево имущество. Онъ и приходитъ къ етому бѣдняку: „отдай, — говоритъ:—мнѣ ево въ дѣти!“ —„Да надо спросить у жены“.— Жена: „Да што же, старикъ? у насъ жить нечѣмъ! отдать надо!“—„А сколько [дашь]?“—„Двѣсти рублей“.—„Ну, ладно! двѣсти рублей“.—Значитъ, отдали богатому.

2. Богатой приноситъ Ивана Несчаснова домой. — Што съ имъ дѣлать?—„Работникъ, запрегай лошадь!“—Запрёкъ; завернули ево въ одѣяло, сѣли и поѣхали. Отъѣхали версты три отъ селе́нья, попадаетца имъ оврагъ. Бросили ето робёнка въ оврагъ, сами обрати́лись—уѣхали домой.

Нѣсколько врёмя проходя́, ѣдетъ купецъ тра́ктомъ. Слышитъ дѣтской голосъ въ этѣмъ въ оврагѣ.—„Стой-ко, кучеръ! Ровно тутъ робёнокъ ревётъ?“—Кучеръ остановился Прислушались. Купецъ и говоритъ: „Кучеръ, давай *разва́зживай* лошадь, а ко́ней приверни́!“—Развожжали лошадь, взяли вожжи; кучеръ взялся за одинъ конецъ возжей, а за другой конецъ купецъ до́ржитъ крѣпко. Кучеръ спуска́ется туды́ въ ровъ. Вы́тасшили Ивана Несчаснова изъ ро́ву. *Обва̀жживаетъ* ку́черъ лошадей; купецъ сади́цца въ повозку, отправля́ецца тра́ктомъ.

Какъ разъ пріѣзжаетъ къ етому самому богатому кресья́нину на квартѐру. Купецъ берётъ мальчика и несётъ въ ызбу, а кучеръ выпрегаетъ лошадей. — „Вотъ, — говоритъ:—нашли мальчика доро́гой въ оврагѣ, вы́тасчили ево оттэдовъ; вотъ привезли ево съ собой!“—„Вотъ,—говоритъ: — горе-то! опять *натака́лись*! А надо ево какъ-нибудь уходи́ть!“ Богатой кресьянинъ и говоритъ: „Продайте ево мнѣ!“ — „Да у меня у самово́ нѣтъ дѣтей“. — „А сколько за ево возьмёшь?“ — „Двѣ тысчы рублей“. — „Ну, всё одно!“—Богатой кресьянинъ взялъ ево.

Купецъ переночевалъ; по утру́ отправляетца отъ богатова кресьянина домой.

3. „*Чо* съ имъ дѣлать?.. Заколотить въ бочёнокъ, отпустить по о́зеру!“ — Плавалъ онъ по озеру. Приби́ло ево къ мона̀шенскому пло́ту. (На берегу монашки жили, въ родѣ монастыря). Приходитъ одна монашка; слышитъ, што ребёнокъ въ бочёнкѣ ревётъ,—обратилась наза̀ть къ игуменьшѣ: „Какой-то *ма̀льчикъ* ревётъ въ бочёнкѣ!“ — Посла́ли за имъ; вынимаютъ бочёнокъ, сшибаютъ съ ево вту́лку (крышку); осмотрѣли, вытаскиваютъ изъ бочёнка: мальчикъ.

Вотъ ево кормить, этова мальчика. Скорми́ли ево до 18-ти лѣтъ; пріучили ево хорошо грамотѣ.

4. Этѣ мона́шки арендовали землю у богатова кресьянина, до петисо́тъ десетинъ. — „А што ето у васъ за мальчикъ? гдѣ взяли?“—„Да вотъ,—говоритъ:—приплылъ въ небольшомъ бочёнкѣ къ пло́ту; мы,—говоритъ:—ево вы́ташшыли оттэлѣ, обучили хорошо ко грамотѣ ево“.

Пондравился богатому кресьянину этотъ мальчикъ, Иванъ Несчасной.—„Отдайте мнѣ ево въ дѣти!“—„Не охота,—говоритъ: —намъ“.—„Да я,—говоритъ:—на васъ аре́ндъ просчаю 50 тысячъ, да есчо,—говоритъ:—пять тысячъ прибавляю вамъ; только,—говоритъ:—отдайте!“—Отдали ево богатому кресьянину.

5. Увёзъ онъ ево домой, сдѣлалъ ево управля́юшшимъ. (Грамоту онъ хорошо знатъ). Самъ отправляетца въ городъ: „Ну ты, Ванюшка, здѣсь оставайся, правь дѣломъ до моево́ прибытія!“ А женѣ приказалъ: „когда я уѣду, вы подъ чанъ накладите дровъ, натопи́те жарче, положьте ево въ чанъ, этова Ивана Несчаснова!“

Пишетъ онъ письмо: „исполнили ли мое приказаніе?“—Посла́ли Ванюшку на почту; онъ пошолъ, получилъ письмо съ почты. Идётъ. Попадаетца ему старичокъ: — „Што́ ты несёшь, Иванушко?“—„Да письмо съ почты“.—„Ну-ко, я,—говоритъ:—посмотрю письмо-то!“—Посмотрѣлъ письмо старичокъ, подаётъ назадъ: „Ну-ко, на́, — говоритъ: — понеси съ Богомъ!“

А старичокъ перемѣнилъ въ письмѣ: „повѣнчать ево на дочерѣ на богачёвой“.

Безъ ево сдѣлали свальбу. Пріѣзжаетъ богачъ изъ го́роду,—онѣ ужъ повѣнчалися. Онъ и говоритъ своей женѣ:

„Што вы надѣлали?" — „Да ты, — говоритъ: — подписался, штобы ево женить!" — „Да я, — говоритъ: — писалъ, штобы ево бросить въ чанъ".

Съ етова время́ богачъ вино пить, пить, пить. (Онъ не пилъ раньше). Потомъ ево живова сталъ червь *ись.* Живова ево кончили, померъ.

---

65. [Восковыя статуи].

(Разсказалъ обыватель Верхняго Кыштымскаго завода, Екатеринбургскаго уѣзда, Яковъ Матвѣевичъ Логиновъ).

1. Одинъ былъ ма́сътеръ восковы́хъ стату́евъ рабо́тать. Пріѣждя́лъ ему Влады́ко и удивлялся етому: „Какъ ты ихъ рабо́таешь?“—„Я могу вся́кихъ сработать“.—Владыке [?] и говоритъ: „Срабо́тай мнѣ 12 человѣкъ: свешче́нника, дьякона, посало́мшика, оста́вшихъ пѣвчихъ“.—Далъ задатку пятьсотъ цѣлко́выхъ.

Мастеръ сработалъ 9 человѣкъ. На оставшіе денегъ не хватило, на три человѣка.

2. Жена ево отправляетца въ церьковь. Коhда пошла изъ церъквы, свешченникъ даганя́етъ: „Што́ ты—какая гаспожа́ или простонародіе?“ — „Я такова-та, мастерова жена“. — „Нельзя ли съ вами познакомицца?“—„Приходите въ 12 часовъ ночи“.

Дьяконъ даганяетъ; то-жъ: „Какова отро́дія?... Какъ ты живёшь съ ёмъ?“ — „Онъ распу́тнова пове́денія у меня, пья́ница“. — „Нельзя ли съ вами познакомиться?“ — „Приходите послѣ полночи“.

Пасаломщикъ догна́лъ въ ву́лицѣ: „Нельзя ли къ вамъ пожаловать въ го́сьте[?]?“ — „Приходите часа въ три послѣ полно́чѣ“.

Приходитъ дамой, заевля́етъ мужу: „вотъ я троихъ ишо́ нашла стату́евъ“.

3. Мужъ уходитъ изъ до́ма. Въ полночь приходитъ свешченникъ подъ окошко, сту́чицца. Мастерова жена спрашиваетъ: „Хто такой?“—„Свяшченникъ“.—„Пожалуйте въ комнату“. — Заходитъ. Выпили по рюмочкѣ. Мужъ въ окошко сту́чицца.—„Хто такой ето?“—„Мужъ мой!“—„Куды́ жо я топе́ре?“—„Снимай съ себя платье, ставай въ серёдку стату́ёмъ!“

Мужъ въ комнату заходитъ и разсердился на жену: „Почему у тебя въ комнатѣ агонь?“—„Што́-то я была больна́, агня́ ду́ла“.

4. Мужъ уходитъ изъ до́ма. Является точно также дьяконъ. — „Хто такой сту́чицца?“ — „Дьяконъ“. — „Пожалуйте въ комнату“.—Выпили, угосьтились. Мужъ подъ окошко. Дьяконъ: „хто тамъ?“ — „Мужъ пришолъ“. — „Куды жо я топере?“—„Снимай съ себя платье, ставай къ стату́ямъ!“

Точно также и посало́мщикъ приходитъ. Впушча́ла она ево въ комнату. Мужъ подъ окошко; посаломщикъ: „куды жо я топере?“ — „Снимай съ себя платье, ставай въ серёдку стату́ёвъ!“

Мужъ входитъ съ ножо́мъ. Абы́ськиваетъ вездѣ; рассердился на жену: „почему у тебя опять агонь?“ — „У меня зу́бы балятъ“.

5. Мужъ рассердился на ето; пасылаетъ жену ко Владыкѣ: „Иди! пушшай Владыки прiѣзжяютъ, принимаютъ у меня работу!“

Жена отправилась. Заявля́ла тамока она паслу́шьнику ево: „доло́жьте Владыкѣ!“ — Прiѣзжя́ютъ. При́нялъ ево мастеръ къ себѣ въ рабочую; самъ ходитъ съ ножомъ.

Владыке заходитъ и смотритъ на етихъ стату́евъ. Удивлялся етому: „Што такое нарабо́тано? Какая ли́чность! Етотъ же священникъ служитъ въ кафедральномъ соборѣ!“ Смотритъ на дьякона: „точно дьяконъ: въ такомъ-то соборѣ служитъ!... Этотъ посало́мщикъ мой — служитъ въ кафедральномъ соборѣ!“

Мастеръ поближе подходитъ къ пасаломщику съ ножомъ.—„Если, Ваше Преосвященство, што не уго́дно, то я могу сеча́съ зарѣзать и другова сдѣлать!“

Точно съ испугу, священникъ — въ окошко, дьяконъ въ дверь, разбѣжалися. Мастеръ: „держи́те! а то—аставшiе разбѣгу́цца!“

Влады́ке убѣди́лся.—„Боже мой, што такое?“—Въ посьлѣднее вре́мё уплатилъ Влады́ке всѣ деньги. — „Я не причи́ненъ, што они убѣжали!“

Сказка А. П. Цыплятникова.

Александръ Петровичъ Цыплятниковъ — обыватель Верхняго Кыштымскаго завода, Екатеринбургскаго уѣзда, 33-хъ лѣтъ. Онъ служилъ въ солдатахъ въ Варшавѣ, потомъ работалъ, въ качествѣ мастерового, на Кыштымскомъ заводѣ, а теперь занимается промысломъ легкового извозчика въ томъ же заводѣ.

Цыплятниковъ не считаетъ себя „сказочникомъ", какъ не считаютъ его таковымъ и другіе; но онъ хорошо знаетъ нѣсколько сказокъ, выслушанныхъ имъ на службѣ (въ Варшавѣ) — отъ солдатъ-товарищей. „Прежде, пока я не пилъ вина, у меня такая голова была: выслушаю разъ сказку — и запомню ее сейчасъ же всю". Теперь Цыплятниковъ сильно выпиваетъ, хотя только временами. Это человѣкъ сравнительно образованный; между прочимъ, читаетъ газеты (лѣваго направленія) и хорошо освѣдомленъ о текущей политикѣ.

Цыплятниковъ былъ моимъ ямщикомъ, когда я, лѣтомъ 1908 года, ѣхалъ изъ Кыштыма въ с. Метлино. Дорогой я и выслушалъ отъ него длиннѣйшую сказку про солдата Курилова. (Сказка эта выслушана имъ въ Варшавѣ отъ солдата изъ Орловской губерніи). Когда Цыплятниковъ кормилъ въ Метлинѣ лошадей, онъ согласился вновь разсказать мнѣ эту сказку, уже спеціально для записи. Запись сказки была мною уже почти закончена, какъ вдругъ на моего разсказчика напалъ „стихъ" недовѣрія. Не исключена возможность, что это былъ чисто психопатологическій припадокъ алкоголика; но возможно также, что недовѣріе было вызвано боязнью начальства или „политическими" соображеніями: въ сказкѣ говорится про генераловъ и императора Николая I-го, а дѣло происходило въ 1908 году, когда событія 1905 — 1906 гг. въ провинціи были еще очень памятны. О своихъ мотивахъ Цыплятниковъ мнѣ ничего не говорилъ; но послѣ усиленныхъ просьбъ его, грозящихъ перейти въ насиліе (дѣло происходило наединѣ ночью, въ селѣ, куда я заѣхалъ впервые), я отдалъ ему свою рукопись, которую онъ тутъ же и разорвалъ. На другой день рано утромъ я записалъ вновь злополучную сказку по памяти. По этой второй записи она и печатается мною ниже. Такъ какъ я выслушалъ эту сказку дважды и притомъ, слушая второй разъ, записывалъ ее изъ слова въ слово, то я запомнилъ ее очень хорошо, и въ своей записи довольно точно передаю даже и самый стиль разсказчика, не говоря уже о всѣхъ подробностяхъ содержанія.

Еще отъ Цыплятникова я выслушалъ, но не успѣлъ записать, по вышеуказанной причинѣ, сказку „Токманъ Токмановичъ самъ съ нокоть, борода съ локоть" (варіантъ напечатанной выше сказки Сигаева № 55), и сказку о человѣкѣ, который чудеснымъ образомъ вызвалъ наводненіе въ Петербургѣ при Петрѣ Великомъ (варіантъ сказки „Морока", напечатанной выше подъ № 60; срв. № 52).

66. *) [Смѣхъ и горе].

1. Дѣло было въ старыя времена, при Николаѣ Первомъ. Желѣзныхъ дорогъ еще не было, и новобранцамъ приходилось трудно — на мѣсто назначенія нужно было являться по способу пѣшаго хожденія.

Крестьянинъ Рязанской губерніи Спасскаго уѣзда Козодаевской волости, деревни Окомѣловки, Василій Иванычъ Куриловъ, попалъ на службу въ Петербургъ. Служба солдатская, ружейные пріемы и особенно словесность, ему совсѣмъ не давалась. Много попадало ему въ усъ да въ рыло отъ взводныхъ.

Видитъ Куриловъ, что служба тяжела и что другіе молодые солдаты берутъ медицинское свидѣтельство и уходятъ на годъ домой на поправку,—задумалъ и онъ также сходить на поправку домой. Приходитъ къ доктору: „такъ и такъ".— Тотъ повернулъ ево, ударилъ по спинѣ и говоритъ: „Здоровъ, дѣтина, совсѣмъ! Иди служи!"

2. Наступилъ государскій военный смотръ. Курилову, какъ и всѣмъ солдатамъ, выдали первосрочную [? первосортную?] аммуницію, подъучили ружейнымъ пріемамъ. Пріѣхалъ Государь Императоръ, поздоровался съ войсками; пропустилъ мимо себя войска церемоніальнымъ маршемъ.— „Спасибо, братцы!"

Потомъ по-ротно сталъ опрашивать допросъ претензій: „Не имѣетъ ли хто-нибудь изъ васъ претензіи?"—Куриловъ первый выискался въ своей ротѣ: „Я имѣю претензію, Ваше Императорское Величество!"— „Какую?"— „Отпустите меня на годъ домой на поправку: отецъ и мать у меня старые и больные".

Государь былъ въ веселомъ расположеніи духа.—„А что ты мнѣ привезешь оттуда?"—„А привезу я смѣхъ и горе,

*) Повторяю еще и здѣсь, что эта сказка (единственная изъ моихъ записей въ настоящемъ сборникѣ) печатается по записи, сдѣланной не подъ диктовку разсказчика, а по памяти. (*Д. З.*).

Ваше Императорское Величество!"—„Ну, хорошо, отпусчаю; только привези мнѣ смѣхъ и горе!"—И Государь записалъ о томъ въ свою памятную книжку.

3. Кончился смотръ. Съ Курилова сняли новую аммуницію, выдали ему рваные шароваришки и заплатную шинель, старые казённые сапоги, и дали годови́чное отпускное свидѣтельство съ правомъ на́ годъ на родину.

А Куриловъ незадолго передъ тѣмъ нашолъ на улицѣ пустой купеческій портмонетъ. Положилъ онъ въ нево свидѣтельство, десятикопеечную азбуку и три двугривенныхъ—все, что у него было; да еще въ грязный мѣшокъ наклалъ три фунта черныхъ солдатскихъ сухарей—и пошолъ пѣшёчкомъ въ Рязанскую губернію, въ Спасскій уѣздъ, въ деревню Окомёловку.

Приходитъ онъ въ городъ Владиміръ; спрашиваетъ городового: „гдѣ здѣсь хорошіе номера для проѣзжающихъ?"—Городовой показываетъ ему. Приходитъ туда Куриловъ:—„Есь свободные номера?" — „Точно такъ!" — „Сколько сто́итъ?"—„Два рубли въ су́тки".—Куриловъ взялъ номеръ, заказалъ ужинъ въ полтора рубля и полбутылки коньяку.—А въ карманѣ у нево всево на́ всего три несчастныхъ двугривенныхъ.

Хозяинъ спрашиваетъ его: „Хто вы будете? Намъ надо записать васъ на мѣловую доску".—„Я генералъ-майоръ изъ Санъ-города-Петербурга, Василій Ивановичъ Куриловъ".—Хозяинъ посмотрѣлъ на ево рваную солдатскую шинелишку, но ничево не сказалъ: только бы получить деньги.

Немного погодя въ тѣже номера пріѣзжаетъ на тройкѣ своихъ лошадей съ кучеромъ генералъ-лейтенантъ изъ города Москвы. Беретъ номеръ и спрашиваетъ хозяина гостинницы: „Нѣтъ ли у васъ кого-нибудь изъ военныхъ? скушно мнѣ одному въ городѣ".—„Есь, Ваше Превосходительство, генералъ-майоръ изъ Санъ-города-Петербурга, Василій Ивановичъ Куриловъ".—„Пришлите ево ко мнѣ!"

Хозяинъ гостинницы идетъ въ номеръ къ Курилову, а тотъ лежитъ на койкѣ, азбуку свою разбираетъ. — „Такъ и такъ, Ваше Превосходительство! пріѣхалъ генералъ-лейтенантъ изъ города Москвы, проситъ васъ къ себѣ въ номеръ переночевать". — „Позовите ево сюда!" — Приходитъ

генералъ - лейтенантъ, рекомендуется: „я такой-то генералъ...“—„А я,—отвѣчаетъ Куриловъ:—такой-то генералъ“.—Лейтенантъ перьвымъ долгомъ заказываетъ бутылку коньяку и отличный ужинъ.

Выпили и закусили. Лейтенантъ предлагаетъ поиграть въ карты на деньги. Куриловъ сперва отказывался, но потомъ согласился. Играютъ. Генералъ-лейтенантъ наигралъ на Курилова 50 рублей и проситъ деньги.—„Давай играть на сотню!“—Стали играть еще. Курилову повезло. Отъигралъ отъ генералъ-лейтенанта свои 50 рублей и наигралъ на нево еще 20 тысячъ.

У генералъ-лейтенанта нѣтъ больше наличныхъ денегъ, а отыграться хочется.—„Ставлю за 500 рублей своихъ лошадей съ кучеромъ и экипажемъ!“—Куриловъ: „Надо посмотрѣть лошадей“.—Посмотрѣли: всё блеститъ, а толку никакова въ лошадяхъ Куриловъ не знаетъ. Согласились. Играютъ. Курилову опять повезло: отыгралъ у генералъ-лейтенанта ево лошадей и экипажъ.

У генерала одна надёжа—на свою одёжду. Снимаетъ генералъ-лейтенантъ съ себя генеральскую фуражку, эполеты, мундиръ, шаровары съ лампасами и лакированные сапоги.—„Ставлю всю свою эту аммуницію за 50 рублей“.—Куриловъ согласился и отыгралъ у генерала ево аммуницію. Отдалъ ему свою рваную шинель и сапоги, надѣлъ на себя полную генеральскую аммуницію—и въ самомъ дѣлѣ сталъ похожъ на генерала.

4. Проигравшійся генералъ-лейтенантъ спитъ мертвецкимъ сномъ (послѣ выпитаго коньяку), а у Курилова и хмѣль прошелъ отъ привалившаго счастья. Призвалъ перьвымъ долгомъ своего новаго кучера:—„Какъ тебя зовутъ?“—„Иванъ“.—„Извѣстно тебѣ, что я отъигралъ у твоего барина его лошадей и экипажъ? Ты теперь долженъ меня слушать во всемъ такъ же, какъ своего прежняго барина!“—„Слушаю, Ваше Высоко-Превосходительство!“—„Такъ вотъ, завтра въ 5 часовъ утра подай мнѣ лошадей, и поѣдемъ въ Рязанскую губернію!“

Куриловъ началъ еще разъ пересчитывать свои деньги. Ночь скоро прошла, и кучеръ подалъ лошадей. Проигравшійся генералъ-лейтенантъ все еще спитъ. Взялъ Куриловъ десятирублевую бумажку, засунулъ ему за голенище:

„Пускай, дескать, хоть за номеръ расплатится!" — Сѣлъ въ коляску и уѣхалъ.

Пріѣзжаетъ онъ въ городъ Николаевскъ. Въѣхали въ городъ. Генералъ Куриловъ подзываетъ къ себѣ пальцемъ перваго попавшагося городового. Тотъ на цыпочкахъ бѣжитъ.—„Гдѣ здѣсь самонаилучшіе номера?"—„А вотъ тамъ на пригоркѣ держитъ самонаилучшіе номера графъ".—„Кучеръ, поѣзжай туда!"

А графъ въ это время сидѣлъ со своею единственною дочерью (онъ былъ вдовецъ), красавицею Катей, на террасѣ, и пили чай. Дочь и говоритъ графу: „Папаша, смотри! какой-то молодой офицеръ ѣдетъ — навѣрно къ намъ!"— Графъ взялъ бинокль, посмотрѣлъ: „Молодой-то молодой да еще и генералъ!" — У Курилова генеральская шинель была накинута на плеча, и красная подкладка виднѣлась.— „Вотъ бы жених'отъ?" подумала про себя графская дочь: лѣтъ было ей уже немало, а хорошіе женихи все не пріѣзжали.

Куриловъ въѣзжаетъ прямо во дворъ графскаго дома. Выбѣгаетъ швейцаръ.—„Есь свободные номера?" — „Точно такъ, Ваше Высоко-Превосходительство!"—„Сколько стоятъ?"— „Съ конями 10 рублей въ сутки".—„Хорошо!"

Куриловъ остановился въ графскихъ номерахъ. Графская дочь идетъ къ нему въ номеръ и спрашиваетъ: кто онъ и откуда? (чтобы записать на мѣловой доскѣ).—„Я генералъ-лейтенантъ изъ Санъ-города Петербурга, Василій Ивановичъ Куриловъ! Ѣду въ кратковременный отпускъ къ себѣ на родину. Папаша и мамаша у меня при смерти, а дома—питнадцать домовъ и питнадцать магазинъ: приказчики и довѣренные разворуютъ".—„А съ чѣмъ магазины?"— „Съ золотыми и серебряными вещами".

„А вы хто будите—замужняя или дѣвочка?"—„Я еще барышня".—„Што же взамужъ нейдете" (Куриловъ къ тонкому обращенію не привыкъ).—„Да жениховъ по мыслѣ нѣтъ. Сватался студентъ да подпоручикъ, — не захотѣлось идти за нихъ".—„А я вамъ ндравлюсь?"—Графская дочь покраснѣла и ничево не сказала.—„Ну, если ндравлюсь, такъ выходите за меня замужъ: предлагаю вамъ свою руку на бракосочиненіе".—„Я должна сначала переговарить съ папашей".—Идетъ къ графу и разсказываетъ ему: „15 до-

мовъ и 15 магазиновъ!.. проситъ руки"...—„Благородное дѣло!—говоритъ графъ:—если хочешь, иди замужъ, воли съ тебя не снимаю".—Графская дочь идетъ опять въ номеръ къ Курилову и подаетъ ему, въ знакъ своего согласія на бракъ, руку.

Скоро молодые первѣнчались. Живетъ Куриловъ у графа съ молодой женой мѣсецъ, другой и трѐтей. Скушно ему стало по деревнѣ.—„Такъ и такъ,—говоритъ онъ своей женѣ:—15 моихъ домовъ и 15 моихъ магази́нъ прикатчики и довѣренные, пожалуй, разворуютъ; надо мнѣ ѣхать на родину, а тебя я боюсь брать съ собою: доро́ги, можетъ быть, пло́хи. Проѣду станцію—двѣ и пошлю тебѣ депе́шу: ѣхать или не ѣхать".—Графская дочь совѣтуется съ отцомъ: „Вася ѣдетъ домой; мнѣ хочетъ прислать депешу съ первой или со второй станціи: хороши ли доро́ги".—„Благородное дѣло!—говоритъ графъ:—пусть ѣдетъ!"

5. Пріѣхалъ Василій Ивановичъ въ Рязанскую губернію, но еще не въ Спасскій уѣздъ. Остановился кормить лошадей. Дѣло было въ селѣ; номеровъ тамъ нѣтъ, и пришлось остановиться въ корчмѣ. А въ корчму незадолго передъ тѣмъ прибылъ военный писарѐкъ изъ заштатныхъ — пробирался въ Петербургъ искать писарской вакансіи. Слово за́ словомъ, разговорился Куриловъ съ писарькомъ; и задумали они играть въ карты на деньги. Плохо пришлось Курилову: отыгралъ у него Куриловъ и всѣ деньги (20 тысячъ), и лошадей съ экипажемъ и генеральскую одѐжу. Отдалъ ему, изъ сожалѣнія, писарь свой верхній плащъ чтобы было въ чемъ идти домой.

Прежде чѣмъ идти, Куриловъ попросилъ хозяина корчмы написать ему письмо къ женѣ. Тотъ согласился. Въ письмѣ Куриловъ писалъ, что онъ проигралъ всѣ свои деньги, лошадей и одѐжу писарю; сознался, что онъ обманулъ невѣсту: назвался генераломъ. „Если,—говоритъ:—хотите знать, хто я, то посмотрите въ спальнѣ нашей подъ периной".—А тамъ оставилъ Куриловъ свой *нахо́дный* купеческій портмонетъ и грязный солдатскій мѣшокъ съ сухарями-графская дочь не замѣтила еще того.

Отдалъ это письмо Куриловъ своему бывшему кучеру Ивану: „отдай,—говоритъ:—ево графской дочери, а писаря

непремѣнно завези къ графу въ номера переночевать!"— Кучеръ все такъ и сдѣлалъ.

Пьетъ графъ съ дочерью чай на террасѣ. Дочь и говоритъ: „смотри, папаша: Вася ѣдетъ!"—Графъ взялъ бинокль, смотритъ: лошади Васины, а въ коляскѣ сидитъ не онъ.

Между тѣмъ, Иванъ привезъ писаря на дворъ къ графу, и тотъ остановился въ номерѣ...

Прочитала графская дочь письмо, пошла скорѣе въ спальну; нашла портмонетъ, прочитала свидѣльство Курилова и горько заплакала: „Что я надѣлала? вышла за молодого солдата!"—Идетъ къ отцу-графу. — „Ну, что пишетъ Вася?"—„Зоветъ меня ѣхать; онъ остановился на второй станціи; а этого человѣка Иванъ довезъ къ намъ по пути.. Отпускаешь ли меня, папаша, къ мужу?" — „Благородное дѣло!" говоритъ графъ. Открылъ кассу: „Возьми, — говоритъ:—сколько тебѣ надо на поѣздку денегъ, и поѣзжай!"— Та взяла денегъ, а сама думаетъ: „надо какъ-нибудь изворотиться, выручить мужа!"

Идетъ въ номеръ къ писарю и предлагаетъ ему играть въ карты. Тотъ согласился. Счастье привезло графской дочери: отыграла она у писаря все то, что онъ выигралъ у Курилова, взяла у него генеральскую одежу и выгнала изъ номера. Сѣла въ коляску и поѣхала съ Иваномъ въ Рязанскую губернію, въ деревню Окомеловку, разыскивать своего Васю.

А Куриловъ пѣшкомъ пришолъ въ свою родную деревню и молотитъ тамъ хлѣбъ съ отцомъ.

6. Пріѣхала графская дочь въ Окомёловку. На краю деревни стоитъ трактиръ. Широкобородый здоровый парень-трактирщикъ стоитъ въ красной рубахѣ на крыльцѣ трактира, ухмыляется.—„Гдѣ здѣсь живетъ Василій Ивановичъ Куриловъ?"—„Василія Ивановича я не знаю, а Васька Куриловъ есть, недавно со службы пришолъ. Вонъ его хата съ краю—давно бы надо сломать на дрова, а то въ вѣтреную погоду можетъ кого-нибудь задавить".

Подъѣжжаютъ къ избушкѣ Курилова. Въ избѣ сидитъ одна старуха (мать Василія Иваныча).—„Здѣсь живетъ Василій Ивановичъ?"—„Здѣсь".—„А гдѣ онъ?"—„На гумнѣ съ отцомъ молотитъ".—„Какъ бы ево намъ увидать?"—„Давайте, я васъ провожу".—„Нѣтъ,—говоритъ графская дочь:—

покажите лишь мнѣ дорогу, а я найду сама!“—Та показала тропу.

Пошла графская дочь по тропкѣ, приходитъ на гумно. Тамъ молотятъ два мужика. Графская дочь съ трудомъ узнала Васю: босыя ноги грязны, штаны засучены до колѣнъ, рукава у рубахи—до локтей; самъ весь грязный, одёжа рваная; волоса у него подросли, и отецъ подровнялъ ему ихъ—заступами—топоромъ на полѣнѣ.

„Здравствуй, Вася!“ говоритъ графская дочь.—„Здравствуй, жонушка!“—Отецъ Курилова испугался: пріѣхала,—говоритъ:—царская дочь, а онъ ее зоветъ женой.—„Я,—говоритъ:—за тобой пріѣхала: пойдёмъ со мной!“—Пошли. Обезумѣвшій отецъ-старикъ смотритъ имъ въ слѣдъ и не надивится.

А графская дочь спрашиваетъ: „Есь ли у васъ въ деревнѣ баня и цырюльникъ?“—„Баня есь у попа, а за цырульника отвѣтитъ солдатъ Моховъ“.—„На вотъ тебѣ рубль—остригись у солдата, да сходи вымойся въ баню, а потомъ поѣдемъ къ намъ домой“.—Куриловъ остригся и вымылся кое-какъ въ банѣ, а графская дочь велѣла кучеру подать лошадей къ банѣ. Одѣла ево опять въ генеральскую одежу и привезла къ себѣ домой.

„Ну, какъ съѣздили? что́ выѣздили?“ встрѣчаетъ ее графъ.—„А 15 домовъ и магазиновъ Вася продалъ“.—„А деньги куды?“—„А деньги въ банкъ положилъ“.—„Благородное дѣло!“ отвѣчаетъ графъ.

7. Живетъ опять Куриловъ у графа мѣсяцъ, живетъ другой. Приходитъ срокъ воротиться ему на службу въ Петербургъ. Говоритъ онъ о томъ женѣ. Та графу: „Такъ и такъ, приходитъ Васѣ срокъ ѣхать въ Петербургъ на службу“.—„Да,—говоритъ графъ:—надо торопиться, а то можетъ выговоръ отъ командующаго войсками получить. Возьми, сколько надо денегъ!“—Графская дочь взяла денегъ и поѣхали въ Петербургъ. Пріѣхали въ Петербургъ. Взяла графская дочь самонаилучшій номеръ, за 25 рублей въ сутки. Остановились.

Идетъ Куриловъ на толчокъ, купилъ себѣ старую шинель, сапоги казённые, фуражку; приходитъ на другой день въ роту.—„Васька Куриловъ пріѣхалъ! Васька Куриловъ пріѣхалъ!“ кричатъ солдаты.—А у Васьки Курилова на

рукѣ три золотыхъ кольца. — „Укралъ, видно?“ — „Какое укралъ! женился, братцы, на графской дочери“.—Смѣются солдаты: „гдѣ тебѣ на графской дочери жениться?“

Взводной кричитъ: „Васька Куриловъ! принеси изъ цейхгауза винтовку, вычисти: она вся заржавѣла, а скоро будетъ государевъ смотръ!“—Принесъ Куриловъ винтовку, а чистить ее ему не охота.—„Братцы! кто вычиститъ за рубль мою винтовку?“—„Какой у тебя рубль! у тебя и копейки-то нѣтъ!“ смѣются солдаты.—Куриловъ вынимаетъ изъ кармана пять рублей:—„Кто вдвоемъ вычиститъ мою винтовку за пять рублей?“—Всѣ наперерывъ кричатъ: „Я! я! я!“— Взялъ двоихъ, отдалъ имъ винтовку: „Вычистите и принесите завтра въ такіе-то номера!“—А самъ ушолъ домой.

На другой день несутъ два солдатика ему винтовку въ номеръ; входятъ, а у двери виситъ генеральская шинель на красной подкладкѣ: Куриловъ, какъ пріѣхалъ въ Петербургъ, тутъ ее оставилъ. Испугались солдатики, *дрáло* домой. Куриловъ вышолъ на стукъ: „Эй, братцы!“—А тѣ давай Богъ ноги, и винтовку его бросили на дорогѣ.

8. На другой день Куриловъ явился въ новой солдатской аммуниціи на государевъ смотръ. Стали въ ряды. Большого начальства еще не было, одни поручики. Пріѣзжаетъ графская дочь въ коляскѣ на тройкѣ на Марсово поле; подходитъ къ офицерамъ: „Можно ли мнѣ, — страшиваетъ:— пройтись по фронту?“—„Для чего?“—„У меня мужъ въ строю“.—„Пока большого начальства нѣтъ, можно“.

Пошла графская дочь по фронту. Куриловъ говоритъ своему сосѣду-солдатику: „Это моя жена!“—Тотъ толкнулъ ево въ бокъ: „Что ты, дуракъ? Какая тебѣ жена? Это генеральская дочь!“—А графская дочь идетъ мимо Курилова и усмѣхнулась. Куриловъ на это заржалъ (громко засмѣялся). Всѣ солдаты удивились: „что-нибудь да между ними есь!“— Пріѣзжаютъ ротные командиры. Поручики просятъ графскую дочь: „Сейчасъ пріѣдетъ командующій; отойдите, пожалуйста, къ своей коляскѣ: онъ у насъ человѣкъ строгій!“—Та отходитъ.

Пріѣзжаетъ командующій войсками Петербургскаго округа; подходитъ къ офицерамъ, говоритъ имъ: „Замѣчаю я, господа, что на смотрахъ около васъ всё увиваются какія-то б...ици; впередъ чтобъ этого не было!“—Графская дочь

услышала это, подходитъ къ командующему и говоритъ ему: „Какое вы имѣете право оскорблять меня?“—„А вы хто такая?“—„А вы хто такой?“—„Я командующій войсками Петербургскаго округа!“

Графская дочь поѣхала къ Государю во дворецъ. (А графъ былъ родня Государю Императору). Пріѣзжаетъ: Государю уже поданы лошади. Встрѣчаетъ графская дочь его на лѣстницѣ (онъ ѣдетъ на смотръ), падаетъ ему въ ноги: „Прости, отецъ!“—„Въ чемъ ты виновата, дочь моя?“—„Я вышла замужъ за рядового“.—„Благородное дѣло, дочь моя! Я самъ ходилъ рядовымъ, а теперь управляю престоломъ“.—„Оскорбилъ меня публично площадны́ми словами командующій войсками“.

„Послать за нимъ тюремную повозку: пусть привезутъ его сюда въ тюремной повозкѣ!“ — Привезли. — „На 22 въ ряды!“

„А кто твой мужъ?“—„Василій Ивановичъ Куриловъ“.—„Послать за нимъ моихъ лошадей!“—Привезли.—„Это ты тотъ солдатикъ, который просился у меня на годъ на поправку и обѣщалъ привезти мнѣ смѣхъ и горе?“—„Точно такъ, Ваше Императорское Величество!“ — „Ну, хорошо, хорошо! Привезъ ты мнѣ радось: племянница моя вышла за рядового,—и горе: командующаго войсками разжаловалъ въ рядовые. Жалую тебя чинами и орденами. Завтра сдѣлай смотръ моимъ войскамъ, вмѣсто меня!“

И сдѣлалъ его командующимъ войсками Петербургскаго округа.

---

67. Сказка о Дунькѣ-Дуркѣ и Ясномъ Соколѣ.

[Перушко Финиста-ясна сокола].

(Записана ученикомъ старшаго отдѣленія Половодовскаго начальнаго училища, Соликамскаго уѣзда. Доставлена въ Отдѣленіе русскаго языка и словесности И. Академіи Наукъ въ 1898-мъ году бывшимъ учителемъ того-же училища, псаломщикомъ с. Арійскаго, Красноуфимскаго у., Мих. Ив. Суряковымъ.—Подлинникъ, писанный рукою Сурякова, хранится въ рукописномъ отдѣленіи Библіотеки И. Академіи Наукъ: прогр. № 136).

1. Жили были старикъ да старуха. У ихъ было три дочери: двѣ дочери умныя, а третья была Дунька-Дурка. Мать у ихъ (у нихъ) *) умерла. Онѣ стали жить съ отцомъ. Когда отецъ поѣдетъ въ городъ, двѣ умныя дочери заказывали обновы: одна—ленточку, другая—платочекъ, а Дунька-Дурка заказывала купить себѣ Яснова Сокола. Отецъ нашелъ въ городѣ отъ Яснова Сокола перышко и привезъ его Дунькѣ-Дуркѣ.

У ихъ (трехъ дочерей) **) было у всѣхъ по избушкѣ. Однажды Дунька-Дурка *вечеровала* въ своей избушкѣ. Къ ей (къ ней) прилетѣлъ Ясной Соколъ и подарилъ ей красивое платье, а самъ улетѣлъ.

2. Однажды былъ празникъ (праздникъ). Двѣ умныя сестры нарядились и пошли къ обѣднѣ. Дунька-Дурка тоже стала проситса (проситься) въ церкву (церковь). Сестры ей говорятъ: „куда тебя такую черную! Сиди, знай, на печѣ, перегребай сажу!“

Когда сестры ушли къ обѣднѣ, Дунька-Дурка надѣла свое красивое платье, которое подарилъ ей Ясной-Соколъ, и пошла къ обѣднѣ. Всѣ люди въ церкви заглядѣлись на Дуньку-Дурку; сестры тоже смотрѣли на ие (её). Когда отъ обѣдни воротились всѣ, Дунька-Дурка была ужъ дома.

*) Поясненія мѣстныхъ словъ (въ круглыхъ скобкахъ) принадлежатъ Сурякову.

**) Въ подлинникѣ: *т*очерей; повидимому, описка.

Сестры пришли и стали разсказывать Дунькѣ-Дуркѣ, ково (кого) видѣли и въ какомъ нарядѣ. А Дунька-Дурка говоритъ: „не я ли это, сестры, была?“ — Сестры ей и говорятъ: „видать тебѣ! такой быть красивой!“ — Вечеромъ прилетѣлъ къ ей (къ ней) Ясной-Соколъ и подарилъ ей другое платье, лучше прежняго.

3. На другой день опять сестры снарежаются къ обѣднѣ. Дунька-Дурка опять проситси [?] (съ) сестрами къ обѣднѣ. Сестры опять ей говорятъ: „куда тебя такую черную! Сиди, знай, на печѣ, перегребай сажу!“ — Дунька-Дурка проситъ у сестеръ: „дайте мнѣ хоть гребешка, голову росчесать!“— Сестры бросили ей гребень прямо въ голову.

Когда сестры ушли къ обѣднѣ, Дунька-Дурка надѣла еще красивѣе прежнева платье и пошла къ обѣднѣ. Опять всѣ смотрятъ на иё (ее), спрашиваютъ: „откуда ты такая, красавица? изъ какова города?“ — Дунька-Дурка говоритъ: „я изъ тово городу, гдѣ бьютъ гребнемъ голову“.

Сестры пришли отъ обѣдни и разсказали Дунькѣ-Дуркѣ, ково видѣли и въ какомъ нарядѣ. А Дунька-Дурка говоритъ: „не я ли это, сестры, была?“ — Сестры ей говорятъ: „видать тебѣ! такой быть красивой!“ — Вечеромъ прилетѣлъ къ ей Ясной-Соколъ и подарилъ ей платье, лучше и краше прежнихъ.

4. На третій день опять сестры снарежаются къ обѣднѣ, и опять Дунька-Дурка проситса (просится съ) сестрами къ обѣднѣ. Сестры ей говорятъ: „куда тебя такую черную! Сиди ужъ на печѣ, перегребай сажу!“ — Дунька-Дурка говоритъ: „дайте мнѣ хоть было [? мыло] умыться!“ — Сестры ей просили [? бросили] мыло прямо въ голову.

Когда сестры ушли къ обѣднѣ, Дунька-Дурка еще лучше прежнева нарядилась и пошла къ обѣднѣ. На иё всѣ смотрятъ, спрашиваютъ: „откуда ты такая, красавица? изъ какова города?“— Дунька-Дурка говоритъ: „я изъ тово городу, гдѣ бьютъ мыломъ голову“.

5. Сестры узнали, что къ Дунькѣ-Дуркѣ прилетаетъ Ясной-Соколъ, поставили *ноженки* (ножи) на окошечкѣ, тогда Ясной-Соколъ прилетѣлъ и сѣлъ на окошечко, то подкололся (накололся).

Онъ думалъ, что его Дунька-Дурка подколола, и не сталъ съ тово время летать къ ей.

6. Когда пришла Дунька-Дурка отъ обѣдни и увидала на окошечкѣ кровь, то узнала, что её Яснова-Сокола подкололи. Она пошла искать Яснова-Сокола.

Шла, шла и дошла до избушки на курьихъ ножкахъ. Дунька-Дурка сказала: „избушка, избушка, встань къ лѣсу задомъ, а ко мнѣ передомъ“.—Избушка стала къ лѣсу задомъ, а къ Дунькѣ-Дуркѣ передомъ. Дунька-Дурка зашла въ избушку, а на *грядкѣ* сидитъ баба-яга: одна нога у её (у нея) на полкѣ, а друга на гряткѣ.

Баба-яга говоритъ: „фу-фу, руськова духу слышно! кака-то красна дѣвка пришла. Я иё съѣмъ“.—Дунька-Дурка говоритъ: „нѣтъ, не ѣшь! Сперва напой, накорми, спать уложи, да спроси: чья? откуда?“—Баба-яга напоила, накормила Дуньку-Дурку и спать положила.

Дунька-Дурка выспалась, стала расказывать, куда пошла. Баба-яга говоритъ: „Ясной-Соколъ ужъ высваталъ у бабы-яги внучку. Она шибко злая, и тебя съѣстъ“. — Дунька-Дурка говоритъ: „я не боюсь иё“.—И опять пошла дальше.

7. Шла, шла, опять дошла до избушки. Опять стоитъ избушка на курьихъ ножкахъ и повертывается. Дунька-Дурка сказала: „избушка, избушка, стань къ лѣсу задомъ, а ко мнѣ передомъ“. — Избушка стала къ лѣсу задомъ, а къ Дунькѣ-Дуркѣ передомъ. Дунька-Дурка зашла въ избушку и видитъ: сидитъ баба-яга: одна нога у ее на полкѣ, а друга на грядкѣ.

Баба-яга говоритъ: „фу-фу, руськова духу слышно! Кака-то красна дѣвка пришла. Я иё съѣмъ“.—Дунька-Дурка говоритъ: „нѣтъ, не ѣшь, а сперва напой, накорми, спать уложи, да спроси: чья, откуда“.—Баба-яга напоила, накормила Дуньку-Дурку и спать положила.

Дунька-Дурка выспалась, стала расказывать, куда пошла. Баба-яга говоритъ: „Ясной-Соколъ женился на внучкѣ бабы-яги. Она тебя съѣстъ“.—„Я не боюсь иё“.

Баба-яга говоритъ: „я тебѣ дамъ золотую прешенку (прялочку), серебряно веретешичко (веретено), золотыя ведерышка (ведерка) да золотой жбанчикъ. Поди къ Ясному-Соколу и пряди на золотой прешенкѣ!“

8. Дунька-Дурка пошла къ Ясному-Соколу, зашла въ избу и стала прясь (прясть). Баба-яга услышала и говоритъ: „фу, фу, руськова духу нанесло!“ и увидала, что

на золотой пре́шенкѣ прядетъ Дунька-Дурка. Баба-яга говоритъ: „продай мнѣ золотую прешенку!“—Дунька-Дурка говоритъ: „прешенка у мня (меня) не продажна, а завѣтна, чтобы съ Яснымъ-Соколомъ ночь начевать“.—Баба-яга говоритъ: „поди хоть двѣ спи“.

Дунька-Дурка пошла къ Ясному-Соколу, будила, будила его, не могла разбудить. Баба-яга на его возложила сонъ.

9. Дунька-Дурка пошла опять къ бабѣ-ягѣ. Пришла и говоритъ: „я не могла разбудить Яснова-Сокола. Она на его сонъ возложила“.—Баба-яга говоритъ: „возьми золотыя ведерышка, сять (сядь) и побрякивай; баба-яга услышитъ и прибѣжитъ, станетъ у тебя ведерышка покупать, ты не продавай, а говори: завѣтныя“.

Дунька-Дурка опять пошла къ бабѣ-ягѣ и опять стала побрякивать ведерышками. Баба-яга прибѣжала и говоритъ: „продай мнѣ ведерышка-те!“ — Дунька-Дурка говоритъ: „у меня ведерышка не продажны, а завѣтны: съ Яснымъ-Соколомъ ночь начевать“. — Баба-яга говоритъ: „хоть поди двѣ спи“.

Дунька-Дурка пошла къ Ясному-Соколу; будила, будила его, не могла разбудить его, пошла опять назать (назадъ).

10. Говоритъ Дунька-Дурка бабѣ-ягѣ: „я его будила, будила, не могла разбудить“.—Баба-яга говоритъ: „на тебѣ золотой жбанчикъ. Поди, да переливай воду изъ рога въ рогъ“.

Дунька-Дурка пошла, да и стала изъ рога въ рогъ переливать. Баба-яга прибѣжала и говоритъ: „продай мнѣ этотъ жбанчикъ“.—Дунька-Дурка говоритъ: „непродажный этотъ жбанчикъ, а завѣтный: съ Яснымъ-Соколомъ ночь начевать!“—Баба-яга говоритъ: „пошёлъ, хоть двѣ спи!“

Дунька-Дурка пошла; будила, будила Яснова-Сокола, едва разбудила.

11. Дунька-Дурка говоритъ: „поѣдешь со мной?“—Ясной Соколъ говоритъ: „она насъ пойма́тъ (поймаетъ), дакъ еть (та́къ вѣдь) съѣстъ!“—Дунька-Дурка говоритъ: „у мня есь (есть) *шеть* да кремень“.

Онѣ (они) поѣхали. Ужъ далеко уѣхали, какъ услыхали, что ѣдетъ баба-яга. Онѣ бросили *шеть*, — и сталъ густой лѣсъ. Баба-яга не могла проѣхать, поѣхала взать (взадъ), домой по топоры (за топорами). Вырубили лѣсъ и опять поѣхала за *имя́* (за ними).

Онѣ опять услыхали; опять бросили кремень. Стала огненная рѣка. Баба-яга увидала и говоритъ: „бросьте хоть мнѣ суда (сюда) платочикъ!“—Онѣ ей и говорятъ: „ты насъ съѣшь?“—Баба-яга говоритъ: „нѣтъ, не съѣмъ“.—Онѣ бросили ей платокъ. Баба-яга стала на платокъ и утонула.

Онѣ стали жить да поживать да добра наживать.

Сказки Соликамскаго уѣзда, доставленныя В. П. Паламожныхъ.

Въ 1898-мъ году учитель начальнаго земскаго училища въ с. Козьмодемьянскомъ, Соликамскаго уѣзда Пермской губерніи, В. П. Паламожныхъ доставилъ въ Отдѣленіе русскаго языка и словесности Имп. Академіи Наукъ отвѣтъ на изданную Отдѣленіемъ подробную программу для описанія сѣверно-великорусскихъ говоровъ. Къ своему отвѣту г. Паламожныхъ приложилъ нѣсколько сказокъ и пѣсенъ, записанныхъ мѣстными полуграмотными крестьянами.

Записи сказокъ плоховаты, такъ какъ бывшіе ученики старались выражаться по-книжному. (Записывали они сказки, видимо, не со словъ третьихъ лицъ, а по собственной памяти). Однако, онѣ не безполезны. Изъ пяти записанныхъ сказокъ я четыре печатаю ниже полностью (№№ 68—71) и только одну привожу въ изложеніи:

„**Сказка о старикѣ и старухѣ**“. (Записалъ крестьянинъ Александръ Аликинъ). У старика и старухи не было дѣтей; они молились Богу, и Господь далъ старухѣ дитя Максима. Максимъ маленькимъ сталъ воровать, а взрослымъ ушолъ къ разбойникамъ. Послѣ смерти старухи, старикъ пошолъ къ сыну и поселился у него вмѣстѣ съ разбойниками. Тамъ и умеръ старикъ: сынъ-разбойникъ „своего отца схоронилъ и поминки правилъ отлично; зато получилъ царство небесное“.

Какъ видимъ, рѣшительно ничего „сказочнаго“ тутъ нѣтъ.

Разсматриваемыя записи всѣ болѣе или менѣе безграмотны. Я сохранилъ, при печатаньи, безграмотное правописаніе автора только въ первой сказкѣ (№ 68), гдѣ мною разставлены лишь знаки препинанія. Прочія же сказки печатаются, за крайне рѣдкими исключеніями, съ обычнымъ историческимъ правописаніемъ.

Подлинники этихъ записей хранятся въ рукописномъ отдѣленіи Библіотеки И. Академіи Наукъ: прогр. № 207.

68. Сказка о котѣ и рѣшатѣ.

[Волшебная конопатка].

(Записалъ крестьянинъ села Козьмодемьянскаго, Соликамскаго уѣзда, Романъ Петровъ Дудинъ).

1. Въ не известной намъ деревнѣ жила старушка съ сыномъ. Незнала старушка почемуто своего сына прокляла. Сынъ ее провалился сквозъ землю и нашолъ тамъ *конопатку* съ кошелькомъ. Ей началъ рытъ вверхъ и вырылся на свѣтъ Божій.

Вышелъ изъ земли, онъ пошолъ къ избушкѣ. Когда онъ вшолъ въ избушку, то увидалъ на лавкѣ свю [? свою] мать и сказалъ: „здраствуй, мамонка!"—Съ этаго время мать его возлюбила и хотѣла женить.

2. Однажды она спрашиваетъ своего сына: „кого ты, сынъ, возмешъ за себя въ замужъ?"—Сынъ въ отвѣтъ на это сказалъ ей: „мать, поиди и запряги кота въ рѣшето".—Мать послушала своего сына и запрегла кота въ рѣшето.

Послѣ того мать просила отъ сына благословеніе. Когда сынъ благословилъ ее, тогда она сѣла въ рѣшето и поѣхала къ царю.

Когда она подъѣжала къ царскому дворцу, то слуги не замѣтили старушку. Когда она проѣхала въ подворотину во дворецъ, вышла изъ рѣшета и пошла къ царю.

3. Когда старуха пришла къ царю и сказала: „Царь Государъ! не выдашъ ли свою дочь за моего сына въ замужество?"—Царь казалъ старухѣ: „что у тебя есть?"—Нато она сказала царю, что „у меня есть домъ тысячной и денегъ несколько миллионовъ рублей. Причемъ: не дашли мене еще *четверушку* деньги считать?"—Царь далъ старушкѣ четверушку деньги пересыпать да считать и велелъ ей ѣхать домой.

Тогда старуха вывѣла кота изъ дворца, сѣла въ рѣшето и поѣхала домой.

4. Когда она приѣхала домои, тогда *четверушку* положи [?] въ рѣшето и говоритъ сыну: „нетъ ли у тебя серебрушка?"—Сынъ не сказалъ ничего, далъ ей *серебрушку*, которую старуха заткнула за обручекъ *четверухи*; и держала ту четвеpуху три мѣсяца.

Когда старушка поѣхала опять къ царю, то сынъ ее пошевелилъ конопатку и кошелекъ, которой онъ гребъ землю, и сталъ такимъ молоцомъ, что такого нѣтъ на бѣломъ свѣтѣ. Причомъ [с]толькоже и старушка помолодѣла и сказавъ сыну, что „я поѣду за одн[и]мъ свататся у царя дочь".

Поѣхала во дворецъ на котѣ въ рѣшетѣ къ царю. Когда она приѣхала къ дворцу, и пошла къ царю, сказала: „Царь, великій государь! я привезла тебѣ обратно четверушку... Ой, ой! да еще у меня осталась за обручкомъ кадушки серебрушка. Царь, возмитѣ ее за *подержку* четверу́шки!"— Услышалъ это царь, расмехнулся и говоритъ, что „развѣ у меня нетъ ихъ?"—И одалъ обратно старухѣ.

5. Послѣ того старуха начала свататся у царя дочь за своего сына. Царь обьявилъ старухѣ, что „я дотуда невыдамъ за сына ее, свою дочь, когда у нихъ не будетъ проведена дорога отъ дворца царя до дому старухи, которая была бы въ золотѣ".

Старуха уѣхала домой и сказываетъ своему сыну слова царя. Онъ, незадумавшись, пошевелилъ свою конопатку и кошелекъ, и тотчасъ же появилась отъ дому до дворца царя дорога несписаной красоты.

Увидавъ дорогу, царь согласился выдать за сына старухи свою дочь, и ѣхала бы скорей свадьба.

На другой день п[о]слѣ свадьбы избушка у старухи стала попрежнему на потпорахъ, въ которой остались жить новобрачные.

---

69. Сказка о старикѣ и старухѣ.

[Мужъ да жена].

(Записалъ крестьянинъ села Козьмодемьянскаго, Соликамскаго Уѣзда, Василій Ив. Гуляевъ).

1. Жилъ былъ старикъ со старухой. Старуха у старика и прикинулась, будто захварала, и посылаетъ старика въ Задо́нское царство женѣ по лекарство.

2. Старикъ пошелъ, и на пути ему попадается *служилый*; спрашиваетъ его: „куда Богъ понесъ тебя?"—Старикъ ему отвѣчаетъ: „въ Задонское царство женѣ по лекарство".—

На это служилый сказалъ: „Не ходи, дѣдушко! надъ тобой баба насмѣшки строитъ“.

Старичекъ послушался и воротился. Пошли вмѣстѣ; служилый и говоритъ: „гдѣ ваша деревня?“—Старикъ отвѣтилъ: „пойдемъ далѣ, найдемъ и нашу деревню“.

Когда они подходили ближе, стали просится начевать; а у ее былъ пиръ, она не пускала. Они все просилися; наконецъ, пустили. Солдатъ и говоритъ старику: „я тебя обвертю соломой и поставлю въ уголъ подъ порожикъ, какъ наволочку“.—Такъ и сдѣлали.

3. На пиру были званы попы, дьяки, псаломшики. Одинъ попъ и говоритъ: „не знашъ ли, служилый, какую писенку?“—„Знаю“, говоритъ.—„Ну-ко, скажи!“—Онъ началъ говорить:

„Слушай-ка, солома,
Что диется дома:
На грядкахъ-то лучина,
На спицѣ то безмѣнъ...
Достанется всѣмъ!“

Имъ погленулось. Они ему подали стаканъ вина,—онъ имъ опять повторилъ; ему опять подали,—онъ еще повторилъ.

4. Какъ солома-та развернулась, *сбрѣла* со спицы безмѣнъ и давай хлестать всѣхъ. И нѣкоторыхъ перебили.

---

70. Сказка о мужикѣ и медвѣдѣ.

[Медвѣдь, заяцъ, паукъ и мужикъ].

(Записалъ крестьянинъ села Козьмодемьянскаго, Соликамскаго уѣзда, Степанъ Гуляевъ).

1. Жилъ былъ старикъ со сторухой [такъ!]. Вотъ говоритъ старикъ старухѣ: „Вонъ я поѣду пахать къ лѣсу. Испеки мнѣ пироги, принеси на полѣ“.

Старикъ уѣхалъ пахать къ лѣсу и пашетъ. Тогда вылетѣлъ медвѣдь изъ логу и хотѣлъ испугать лошадь; но она не испугалась. Тогда обратился медвѣдь къ мужику и сказалъ: „Какъ ты *опѣганилъ* лошадь?“—„Я взялъ скинулъ *ральники* и накалилъ ихъ докрасна, водилъ по кожѣ“.

Вотъ медвѣдь расклалъ костеръ. Тогда мужикъ скинулъ ральники и накалилъ ихъ докрасна. Тогда медвѣдь легъ, и старикъ сталъ водить ральникомъ по брюху. Когда медвѣдь хотѣлъ ставать, то не могъ стать.

2. Тутъ летѣлъ мимо медвѣдя заяцъ. Медвѣдь его зоветь: „зайяцъ, бѣжи суда!"—Зайяцъ пришолъ. Тогда медвѣдь ему говоритъ: „бѣжи испугай лошадь! *подсъкется* и умретъ, тогда мы ее съѣдимъ!"—Зайяцъ полетѣлъ; лошадь не испугалась, а мужикъ схватилъ *кокорку* и зайца ударилъ по заднимъ ногамъ и отломилъ зайцу ноги.

3. Тутъ сидѣлъ *паукъ*; сѣлъ медвѣдю на животъ. Тогда медвѣдь ему говоритъ: „я едь [вѣдь] не животное! Вонъ животное; вонъ пойди, сѣдь на пѣганка и укуси!"—Тогда онъ полетѣлъ, сѣлъ на задни лопатки. Тогда мужикъ его поймалъ и заткнулъ з...ицу.

4. Тогда пришла старуха, принесла пива и хлѣба. Старикъ наѣлся, легъ отдохнуть.

---

71. Сказка о дѣвкѣ.

[Разбойники и дѣвица].

(Записалъ крестьянинъ села Козьмодемьянскаго, Соликамскаго уѣзда, Маркъ Аликинъ).

1. Жилъ былъ старикъ со старухой. Однажды онѣ уѣхали въ гости, а дѣвку оставили дома. Она сходила по свою подружку. Когда онѣ стали прясь, у одной веретно пало въ *голбецъ*. Она пошла въ голбецъ по веретно и увидала: тамъ лежитъ мужикъ съ ножомъ. Она испугалась, нечего не сказала подружкѣ.

Вдругъ наѣхали разбойники. Онѣ взяли косы. Разбойники стали набиваться въ окна, а онѣ ихъ и косятъ—кому *отчекутъ* ногу, кому руку, кому ухо, кому голову. Побѣда стала на разбойникахъ. Они тотчасъ склали умершихъ и уѣхали домой.

2. Черезъ нѣсколько дней пріѣхали старикъ со старухой. Онѣ все разказали.

Черезъ нѣсколько дней пріѣхали свататься эту дѣвку. Старикъ и старуха согласились скоро, потомучто онѣ [сваты] шипко богаты. Онѣ ее и увезли домой.

Привезли домой и посади [такъ!] ихъ за столъ вмѣстѣ съ женихомъ. Она хлебнула щи—ей попала человѣческая рука; она ее бросила подъ столъ, а кошки ее и съѣли.

Вышли изъ-за стола. Время было къ вечеру. Они легли спать. А дѣвка говоритъ: „у меня брюхо болитъ".—Женихъ привезалъ ее за веревку, она спустилась подъ окно. А подъ окномъ лежали козы. Она свезала козѣ за рога, а женихъ и дерьгатъ за веревку; а коза и говоритъ: „не я".

А дѣвка легла въ озеро и въ ротъ взяла дудку. Потомъ, черезъ нѣсколько дней, она убѣжала домой, и полѣзла на *вышку*.

3. Разбойники говорятъ: „хоть она и не попала, то мы поѣдемъ, созовемъ ихъ на пиръ".—Пріѣхали разбойники и кланиваются дѣвкиному отцу и матери.

Дѣвкина мать пошла на вышку по одежду и увидала въ *куделѣ* свою дочь. А дочь и говоритъ: „Родимая моя мать! Пошто вы меня отдали къ разбойникамъ?"—Дѣвкина мать ушла въ деревню и извѣстила сосѣдямъ: „идите бить разбойниковъ!"

Идутъ мужики въ избу къ нимъ—кто съ топоромъ, кто съ веревкой. А женихъ ихъ и спрашиваетъ: „Куда вы? на жениха поглядѣть?"—Когда разбойники вышли изъ-за стола, то мужики связали ихъ веревками и повезли ихъ туда, гдѣ у ихъ домъ. А домъ-то у нихъ былъ на островѣ.

4. Подъѣжая къ *ихому* дому,—изъ дома стали убѣгать—кто куда можетъ, и всѣ разбѣжались въ разныя стороны. Только остался одинъ ихъ атаманъ; у него глаза были—одинъ мѣдный, а другой оловянный.

Онѣ посадили этого атамана на ворота и стали стрѣлять въ него. Въ первый разъ стрѣлили, и попали атаману въ мѣдный глазъ. А во второй—попали и въ оловянный. И разстрѣляли его въ *хохолки*.

А денги—сколь могли увезти, увезли, а домъ сожгли. И теперь живутъ очень зажиточно.

Сказки, записанныя Ив. Потаповымъ.

Въ „Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ 1863 г. (№№ 45 и 46, стр. 228—232) была напечатана статья Ивана Потапова подъ заглавіемъ: „Сказки, собранныя въ Екатеринбургскомъ уѣздѣ“. Въ статьѣ этой напечатаны тексты двухъ сказокъ; первая изъ нихъ озаглавлена: „Мышь и воробей“ (№ 45, с. 228), вторая—„Братъ и сестра“ (№ 46, с. 231—232). Никакого предисловія къ этимъ записямъ, равно какъ и никакихъ примѣчаній къ нимъ нѣтъ. Особенности мѣстнаго говора въ записяхъ Потапова соблюдены.

Въ виду крайней рѣдкости „Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ за старые годы, сказки Потапова здѣсь перепечатываются.

---

72. Мышь и воробей.

1. Не въ которомъ сарствѣ, не въ которомъ восударствѣ жили были мышь да воробей. Вотъ эвтѣ мышь да воробей въ одной норкѣ жили много время и кормились, значитъ, зернышкамъ разнымя.

Вотъ еднажды и натаскали онѣ эвтѣхъ зернышковъ и стали эвтѣ зернышки дѣлить промежъ собой. Вотъ онѣ дѣлили, дѣлили, и увидали, што одно зернышко лишно доспѣлось (т. е. оказалось). Воробей и говоритъ: „какъ же,—говоритъ: — мы раздѣлимъ эвто зернышко?“ — И отвячатъ иму мышь: „Станемъ эвто зернышко перекусывать. Давай-ко-ся, я перекушу яво!“—А воробей и говоритъ: „нѣтъ, давай я перекушу!“—Спорили, спорили, а воробей таки взялъ эвто зернышко, сталъ ево перекусывать—да и проглотилъ.

2. Мышь осярдилась на воробья и давай же она съ нимъ драться. Вотъ онѣ дрались, дрались — не которой не которова не можетъ переколотить. Вотъ онѣ и стали зазывать на драку: мышь зазывала звѣрей разныхъ и мядвидя со-

звала, а воробей—птисъ разныхъ: орловъ, соколовъ и другихъ всякихъ птисъ, и жаръ-птиса тутока же прилятѣла.

И давай же всѣ эвтѣ птисы драться съ мядвидемъ. Дрались, дрались, а мядвидь не поддается *имя.* Вотъ и сама жаръ-птиса *почела* съ мядвидемъ драться... Вотъ она дралась, дралась; до тово, значитъ, дралась, што крыло свое изломала.

3. Вотъ какъ изломала она эвто крыло свое, и полятѣла тогды въ лѣсъ. Прилятѣла она въ лѣсъ и сяла на одну лясину и сидитъ. Вотъ идетъ по эвтому по лясу Иванъ хресьянской сынъ. И увидялъ онъ на лясинѣ жаръ-птису и хочетъ іе застрилить. И говоритъ яму жаръ-птиса: „Иванъ хресьянской сынъ! не стриляй-ко-сь ты въ миня: я тибѣ много сдѣлаю добра! Лутче сними миня съ лясины да унеси къ сибѣ домой!"

Вотъ и взялъ іе Иванъ хресьянской сынъ и унесъ къ сибѣ домой — и стали онѣ жить. Вотъ живутъ онѣ день и другой день живутъ, и нядѣлю ужъ прожили. Вотъ жаръ-птиса и почела выздоравливать. Вотъ не вдолги, вкоротки и выздоровяла она. Вотъ какъ выздоровяла она, зажило, значитъ, крыло-то, и стала она тогды проситься на волю, домой значитъ.

4. И говоритъ жаръ-птиса Ивану хресьянскому сыну: „Поѣдимъ, — говоритъ: — со мной въ гости къ моимъ сестрамъ: я тибя довязу на сибѣ!" —Вотъ и сялъ Иванъ хресьянской сынъ на жаръ-птису, и полятѣли онѣ въ гости къ набольшой сестрѣ.

Прилятѣли онѣ къ набольшой сестрѣ, и сестра эвта таку бѣду обрадовалась *имя.* Вотъ и *почела* она ихъ подшивать. Вотъ погостили онѣ сколя, много-мало, и время ужъ домой. Вотъ жаръ-птиса и говоритъ набольшой своей сестрѣ: „давай-ко-ся мнѣ, сестра, батюшкино-то благословленье, сундучек'отъ!" — „И што ты, сестриса! Нѣтъ, не отдамъ не за што!" — „Ну, не отдашь, такъ владѣй имъ, Богъ съ тобой!"

И осярдилась жаръ-птиса, и полятѣла она съ Иваномъ хресьянскимъ сыномъ ко другой сестрѣ, ко середней, значитъ. Вотъ онѣ литятъ, литятъ; вотъ жаръ-птиса и говоритъ Ивану хресьянскому сыну: „огленись-ко назать-ту, да посмотри-ко-ся, што тамока дѣлатса". — Вотъ какъ огленулса Иванъ хресьянской сынъ, и увидалъ, что назадѣ-то тамока

пожаръ, горитъ. Вотъ и спрашиватъ онъ жаръ-птису: „Што эвто горитъ?“—И отвѣчатъ жаръ-птиса: „а эвто горитъ городъ сестры! я зажгла яво за то, што она не отдала мнѣ-ка сундучекъ тотъ!“

5. Вотъ онѣ литятъ, литятъ, и прилятѣли къ середней сестрѣ. И эвта, середня сестра тоже обрадовалася *имя* таку бѣду, и не знатъ, чѣмъ ихъ подшивать. Вотъ и у эвтой сестры онѣ погостили сколя. Вотъ какъ ужъ занадобилось *имя* отправляться въ путь-дорогу, жаръ-птиса и говоритъ эвтой середней сестрѣ своей: „Отдай-ко,—говоритъ:—мнѣ-ка батюшкино-то благословленье, сундучек'отъ!“—„И што ты, сестрица! какъ эвто можно отдать сундучекъ?“—И не отдала, значитъ.

Вотъ жаръ-птиса осярдилась и на середнюю сестру свою и полятѣла съ Иваномъ хресьянскимъ сыномъ къ третей сестрѣ своей. Вотъ и опеть литятъ онѣ сколя, много-мало; вотъ опеть жаръ-птиса и говоритъ Ивану хресьянскому сыну: „А посмотри-ка,—говоритъ:—што опеть назадѣ-то дѣлатса?“ —Вотъ какъ посмотрилъ Иванъ хресьянской сынъ, и увидалъ опеть, што пожаръ, горитъ. И спрашиватъ опеть у жаръ-птисы: „А што эвто горитъ?“ — „А эвто горитъ городъ середней моей сестры: я зажгла яво за то, што не отдала она сундучекъ“.

6. Вотъ и прилятѣли онѣ къ самоменьшой сестрѣ; эвта сестра ишше пушше обрадовалася *имя* и не знатъ, чѣмъ ихъ подшивать-то. Вотъ и стали онѣ гостить тутока; вотъ погостили сколя и *почели* опеть собираться въ путь-дорогу, домой ужъ значитъ. Вотъ какъ почели собираться, жаръ-птиса и говоритъ эвтой сестрѣ своей: „Отдай,—говоритъ:—мнѣ-ка сундучек'отъ, батюшкино-то благословенье!“ — И стала, значитъ, просить іе. Не охота было отдать и эвтой сестрѣ сундучекъ, а отдала таки.

7. Вотъ жаръ-птиса взела эвтотъ сундучекъ, роспростилася съ сестрой и политѣла съ Иваномъ хресьянскимъ сыномъ, къ сибѣ-ка, домой. Вотъ пріѣхали онѣ, прилятѣли значитъ въ то мѣсто, гдѣ-ка жительствіе имѣла жаръ-птиса. Вотъ и стала эвта жаръ-птиса угошшать Ивана хресьянскова сына всякимя, значитъ, разнымя кушаньямъ; пировать стали, вясялиться. Вотъ и погостилъ тутока и *дивно* таки время Иванъ хресьянской сынъ, вотъ и пора ужъ настала домой собираться. Вотъ и сталъ онъ собираться домой.

Вотъ какъ сталъ онъ собираться домой, жаръ-птиса и говоритъ яму: „Ну, Иванъ хресьянской сынъ, ты для миня дѣлалъ добро, теперь мнѣ-ка нужно для тибя што-небудь сдѣлать. Возьми-ко, — говоритъ:—эвтотъ сундучекъ: я тибѣ яво подарю. Да смотри, не открывай ты эвтотъ сундучекъ дорогой, а когды домой прійдешь, тогды и открой яво!“ Вотъ взялъ Иванъ хресьянской сынъ сундучекъ эвтотъ, роспростился и пошолъ въ путь-дорогу, во свояси.

8. Вотъ и идетъ онъ. Вотъ онъ шолъ, шолъ, а *дивняжно* ишшо до двора; а яво такъ и подмыватъ поглядѣть въ сундучек'отъ. Не мохъ онъ утярпѣть, взялъ да и отворилъ яво. Какъ только отворилъ онъ эвтотъ сундучекъ, и вдругъ увидалъ, што онъ въ большихъ такихъ палатахъ. Поглядѣлъ въ окно и видитъ, што онъ въ городу; а народу видимо-невидимо, кишитъ просто.

Такъ-то и сдѣлался онъ Саремъ и сталъ, значитъ, править эвтимъ восударствомъ. Вотъ когды сдѣлался онъ Саремъ, досталъ тутока отца и мать. И стали онѣ жить да быть, да и топеречь живутъ.

---

73. Братъ и сестра.

[Дѣвица съ отрубленными руками].

1. Не въ которомъ сарствѣ, не въ которомъ восударствѣ жилъ былъ купесъ съ купчихой; у ихъ были сынъ да дочь. Вотъ и умерли эвтотъ купесъ съ купчихой, и умирали когды онѣ, дакъ наказывали сыну своему, штобы да онъ почиталъ сестру; по эвтому она набольша осталася. Вотъ и стали эвтѣ братъ съ сестрой жить, и живутъ онѣ сколя — много-мало. А торговалъ эвтотъ купеческой сынъ. И завсегды онъ блавословлялся у своей сестры, когды надо было яму уходить на базаръ. Такъ значитъ и жили онѣ добрымя порядками.

Вотъ одиножды онѣ обѣдали; обѣдаютъ—значитъ — какъ подобатъ, только эвтотъ купеческой сынъ сидѣлъ, сидѣлъ— за столомъ-то значитъ, да и россмѣхнулся. Вотъ сестра и

спрашиватъ яво: „а што ты, братъ, россмѣялса? у тебя, вѣрно, што-то на умѣ есь?“—И говоритъ онъ сестрѣ своей: „ахъ любезная сестриса! у меня и подлинно есь што-то на умѣ, да не знаю, какъ про то сказать тибѣ“.—„Говори, говори, любезной братесъ, што у тибя на умѣ!“ — „Да я думаю, любезная сестриса, што не худо-бы и жаниться мнѣ: добры люди говорятъ, што пора и пристроиться“.—И говоритъ яму сестра: „оно вястимо такъ, братесъ! не жаниться хорошо, а жаниться лучше тово...“.— „Дакъ што же, поѣдемъ ино свататься!“

Вотъ и поѣхали онѣ свататься.... напередъ значитъ невѣсту выбирать.... Ну, а нявѣстъ, извѣспо дѣло, много—кишмя кишитъ: та хороша, друга лутче ишше; и всяки есь—и *баскія* и богаты.... Вотъ и навялели ему значитъ одну нявѣсту, то-іссь нахвалили, и жанился на ей купеческой сынъ.

2. Вотъ и живетъ онъ съ молодой своей жаной много-мало время; ну и ладно на первыхъ-то порахъ. А блавословленье родительско не забыватъ купеческой сынь [?]—всегды значитъ блавословлятса у сестры, когды пойдетъ въ лафку торговать. Вотъ и не злюбись эвто жанѣ-то яво молодой, то-іссь, што онъ блавословлятса у сестры-то.

Вотъ эвта молодая жана проводила одиножды мужа въ лафку и сяла сама подъ окно. Вотъ она сидитъ. А сестра была въ тѣ-поры дома. Вотъ сидитъ эвта молодуха подъ окномъ. Вотъ въ эвто время идетъ нимо окошокъ-те іе хахель (любовникъ значитъ); только значитъ онъ поровнялса съ окошками-то—она и стукъ, стукъ, стукъ яму въ окошко-то: зайди, дескать. Вотъ и зашолъ іе хахель въ горнису.

Сестра увидала яво да и говоритъ: „а ты,—говоритъ:—зачѣмъ суды прикатилса?“ (по эвтому: чаловѣкъ былъ незнакомый).—Онъ и отвѣчатъ ей: „я къ твоему брату пришолъ“.—А сестра и говоритъ опеть: „братъ въ эвто время завсегды бdevатъ на базарѣ, и всякъ знатъ, што его *топеречь* дома *нѣтука*“.—И не злюбись эвто сношкѣ.

Вотъ посля, когды придти, значитъ, мужу-ту, она взела, да тихомолкомъ и убила горнешну свою собачку, а сама натерла глаза лукомъ и сяла къ окну—и сидитъ, будьто плачетъ. Вотъ и пришолъ мужъ изъ лафки и увидалъ слезы-то на глазахъ и спрашиватъ: „а о чемъ ты, любез-

ная жена, плачешь?“—И отвячатъ яму она: „да вонъ сестриса-та твоя ужъ не знатъ, какъ досадить мнѣ, дакъ взела да и убила мою собачку! а у меня только и было утѣхи-то, што эвта собачка! Мнѣ всегды скушно бывать безъ тибя, ну я и забавлялась съ собачкой!“ —А сама будьто плачетъ. Вотъ мужъ и сталъ значитъ ласкать іе: „не плачь,—говоритъ:—я тибѣ другу, ишше лучши куплю собачку-ту!“

3. Вотъ хорошо. Такъ и прошло эвто дѣло. Онъ не сказалъ, значитъ, и слова сестрѣ, што—зачѣмъ она убила собачку яво жаны. Вотъ на утрѣ, какъ идти яму въ лафку, онъ опеть, значитъ, и блавословилса у сестры и ушолъ.

Вотъ какъ ушолъ онъ, молода яво жена опеть, значитъ, и сяла къ окошку и сидитъ. Вотъ опеть идетъ нимо окошекъ іе *хахель*. Вотъ она опеть и созвала яво. Вотъ и зашолъ эвтотъ хахель, и сидятъ онѣ. Вотъ сестра опеть и увидала яво; какъ увидала, значитъ, ну и спрашиватъ яво опеть: „зачѣмъ,—де-скать:—ишше пришолъ?“—И отвѣчатъ ей эвтотъ хахель опеть: „я,—говоритъ:—къ твоему брату пришолъ“.—И говоритъ она яму: „да вѣдь я,—говоритъ:—въ запрошлой разъ сказала тибѣ, што брата въ эвту пору не бывать дома. У миня,—говоритъ:—не ходи безъ яво, а то я,—говоритъ:—скажу брату!“—И ушолъ эвтотъ хахель.

Вотъ сноха эвта взела да и убила свояво ребенка.—А у ей былъ ребенокъ.—Вотъ какъ убила она ребенка, взяла опеть луку и пушше тово натерла лукомъ сибѣ глаза и сяла опеть и сидитъ—будто плачетъ и убиватса. Вотъ приходитъ мужъ изъ лавки и видитъ, што жена яво пушше ишше плачетъ. Вотъ и спрашиватъ онъ іе: „А што опеть съ тобой, любезна жана, *доспѣлось*?“—„А посмотри-ко,—говоритъ яму она:—што доспѣла твоя-та сестра: вѣдь она и робенка-та моева уходила!“...—И давай сама будто плакать.

4. Посмотрѣлъ онъ: и заподлинно робенокъ убитъ. Огорчилса значитъ онъ. Оно и *вястимо*: родно дѣтишшо — какъ не жаль! и чужова жаль!—Вотъ и говоритъ онъ жанѣ своей: „што же,—говоритъ:—я буду дѣлать съ лиходѣйкой сестрой?“—И говоритъ яму жана: „Да запреги лошадь—будьто ѣдешь кататься, ну и возьми іе съ собой; завязи іе въ лѣсъ и убей въ лясу,—да смотри, сердце привязи мнѣ!“

Вотъ онъ взялъ запрегъ лошадь и сталъ звать сестру съ собой кататься. Согласилась эвта сестра, и поѣхали онѣ.

Вотъ ѣдутъ. Вотъ и привезъ онъ эвту сестру свою въ лѣсъ. Вотъ привезъ онъ сестру свою въ лѣсъ и высадилъ іе и говоритъ ей: „Ну, сестра, я много терпѣлъ отъ тибя бѣдъ! Теперечь пришло времечко, и я тибя убью!“

Вотъ сестра и почала яво уговаривать, штобы да онъ не убивалъ іе до смерти:—„Отсяки,—говоритъ:—хоша руки да ноги,—я тогды некуды не уйду!“ — Онъ и говоритъ: „нельзя, сестриса, эвтово сдѣлать: хоша мнѣ-ка и жалко тибя, а боюсь я хозяйки (жаны, тоісь). Она,—говоритъ:—вялѣла мнѣ сердце твое привясти къ ей!“—Какъ разъ на ту пору бяжитъ собака. Сестра эвта и говоритъ яму: „Вотъ, братесъ родной, поймай эвту собаку, убей іе и вынь изъ іе серце и увязи яво къ жанѣ: вѣдь она не узнатъ, како серце!“.

Вотъ онъ поймалъ ту собаку, убилъ іе, вынялъ изъ іе серце, взялъ эвто серце къ сибѣ. Вотъ какъ сдѣлалъ онъ эвто, потомъ отсѣкъ сестрѣ руки да ноги, и оставилъ іе такъ въ лясу, а самъ и уѣхалъ домой. Пріѣхалъ онъ домой и отдалъ жанѣ серце.

5. Вотъ тѣмъ времемъ сестрѣ-то и подсобилъ какъ-то Богъ милосливой залѣзти на дубъ.

Вотъ и пошолъ Иванъ Саревичъ на охоту, и идетъ онъ по лясу, а собаки-то яво убяжали, значитъ, попередъ да къ дубу-ту и прибяжали, и ну онѣ лаять на купеческу-ту дочь: а она на дубѣ-то, значитъ, и была на томъ. Вотъ лаютъ собаки. Вотъ Иванъ Саревичъ и прибяжалъ тутока да и спрашиватъ: „Кто тутока? Если старушка сидитъ, дакъ будь мнѣ баушка,—середня дѣвиса, дакъ будь мнѣ тетушка; а если красна дявиса, дакъ будь моя обрушниса!“—И говоритъ яму купеческа дочь: „Нѣтъ, молодесъ, не возмешь ты миня въ супружнисы: я безъ рукъ и безъ нохъ!“—„А увидимъ, красна дѣвиса!“

Вотъ онъ взялъ іе снялъ съ дубу и повезъ во дворесъ. Привезъ онъ купеческу дочь во дворесъ и сталъ говорить родителямъ своимъ: „Вотъ такъ и такъ, тятенька и маменька! я,—говоритъ:—нашолъ вотъ каку находку и обѣшшался взять іе за сибя замужъ. Блавословите, — говоритъ: — тятенька и маменька!“—Вотъ родители-то было почели яво розговаривать; но онъ одно, што „жанюсь!“

Не што дѣлать, дали блавословленье, и жанилса Иванъ

Сареичъ. Ну и, разумно дѣло, пошолъ пиръ на весь міръ. Вотъ какъ жанился Иванъ Сареичъ, ну и сталъ жить со своей молодой, безногой и безрукой, жаной, и сталъ жить то-исть преотмѣнно!

6. Вотъ и спросили Ивана Сареича въ иныя города. Вотъ и поѣхалъ онъ и наказалъ отцу и матерѣ, штобы да берегли яво жану, какъ прежъ яво берегли. Вотъ и уѣхалъ Иванъ Сареичъ, а молода жана осталась дома: по эвтому—она была череваста (т. е. беременна).

Вотъ ужъ время приспѣло родить Саревнѣ. Вотъ родитяли и созвали баушку; а въ баушки-то да и попадись, значитъ, мать снохи Саревниной-то. Вотъ и родила Саревна пернечка [? парнечка], Сареича, значитъ, да такова-то раскрасавчика: полокоть руки въ золотѣ, по колѣны ножки въ серебрѣ, въ лобу красное солнушко, а въ затылкѣ свямелъ мѣсяцъ.

Вотъ эвта баушка взела, да и достала шшенка, да и принясла эвтово шшенка ко свекру и свякровкѣ; какъ принясла къ имъ да и говоритъ: „вотъ ково родила ваша сношка!"—(А робенка унясла къ сибѣ домой).

7. Вотъ онѣ взяли да и написали сыну, што „вотъ, дескать, такъ и такъ: твоя супружниса родила шшенка, дакъ што дѣлать съ эвтѣмъ шшенкомъ?"—Вотъ Иванъ Сареичъ и послалъ *имя* отвѣтъ, штобы да нечаво до яво не дѣлали со шшенкомъ. А грамоту-ту эвту баушка-та возьми да и перехвати, да и напиши сама имъ,—отъ яво, значитъ,—штобы да отесъ и мать отпустили яво супружнису въ бочку со шшенкомъ—запячатали бы, значитъ, іе со шшенкомъ въ бочкѣ и отпустили по морю.

Вотъ онѣ, значитъ, получили эвту грамотку, взяли свою сношку да и въ бочку, и шшенка тоже. Въ эвту-жу пору и баушка-та успѣла тихомолкомъ сунуть въ бочку и робенка. Потомъ взяли, значитъ, запячатали эвту бочку да и отпустили іе по морю. Вотъ и поплыла эвта бочка, поплыла да и поплыла.

8. Ну, тамока плавала сколя—много-мало,—вотъ и подплыла эвта бочка къ плотику. А плотикъ эвтотъ былъ старичій—монастырской, значитъ. На эвтомъ плоту въ тѣпоры стариса съ коромысломъ пришла за водой. Вотъ наша Саревна и услыхала, што кто-то есь неподалеку; вотъ и

стала она слезно просить, штобы да іе выташшили изъ бочки-то. Вотъ эвта стариса взела, да и розбила бочку. И вышла наша Саревна изъ бочки и шшенокъ за ей и ребенокъ, да такой-то большой робенок'отъ: онъ не по годамъ, а по чесамъ росъ, какъ пшанишно тѣсто на опарѣ киснетъ.

Вотъ эвта стариса и созвала іе, и съ робенкомъ и со шшененкомъ, въ монастырь жить. Вотъ пришли онѣ въ монастырь и стали жить.

9. Вотъ и живутъ онѣ *дивно* время. Робенокъ выросъ и большой такой сталъ дѣтина, хорошой изъ себя. Вотъ Саревна и здумала идти на свою сторону; роспростилась со всѣмя и пошла со своимъ сынкомъ.

Вотъ онѣ шли много-мало. Вотъ и стали подходить къ восударству, гдѣ-ка жилъ Иванъ Сареичъ. Вотъ и услыхали онѣ, што у Ивана Сареича пиръ: а онъ только-што, значитъ, въ тѣ-поры жанилса и взялъ за сибя снохину сестру—дочь, значитъ, баушки-то.

Вотъ онѣ пришли въ эвтотъ городъ и стали ночевать проситься въ домѣ Ивана Сареича, во дворцѣ значитъ. А какъ людно было тутока, ихъ не пускаютъ слуги. Вотъ сынъ Саревны и говоритъ слугамъ: „скажите,—говоритъ:—Ивану Сареичу, што я умѣю сказки сказывать: можетъ, чесна компанья и послушатъ моихъ сказокъ".—Вотъ и сказали слуги, што молодесъ умѣтъ сказки сказывать. И вялѣли пустить ихъ.

Вотъ какъ пустили, Саревнинъ сынъ и сталъ сказывать, какъ и што было: то ись, какъ яво мать погубила сноха,—ну все про все и розсказалъ. Тогды Иванъ Сареичъ и догадалса про все и вялѣлъ казнить сперва сноху, тутъ баушку. А самъ и сталъ жить съ эвтой жаной да сыномъ. И теперечь, знать, живутъ.

Сказки, записанныя П. А. и А. А. Вологдиными.

Въ „Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ 1863 г. (№№ 32, 33, 36—44) была напечатана статья подъ заглавіемъ: „Матеріалы для этнографіи Закамья. Изъ сборника П. А. Вологдина“. Здѣсь, среди заговоровъ, колыбельныхъ пѣсенокъ и духовныхъ стиховъ, напечатаны также и „сказки, говоримыя дѣтямъ“, всего 20 нумеровъ, считая мелкія „докучныя сказки“ и одну „присказку“.

Подъ именемъ „Закамья“ авторъ разумѣетъ „часть Пермской губерніи, лежащую по правую сторону р. Камы до Вятской губерніи“ (№ 32, стр. 154, примѣч.), т. е. уѣзды Соликамскій и Оханскій. Но сказки, повидимому, всѣ записаны въ Соликамскомъ уѣздѣ; а именно: А. А. Вологдинъ записывалъ сказки въ Усольѣ (о томъ имѣются точныя указанія при шести сказкахъ: №№ 81, 84, 86, 87, 89, 90), а П. А. Вологдинъ, записывалъ сказки „на Иньвѣ“ (о томъ сказано имъ при первой сказкѣ, № 74), т. е. въ Иньвенскомъ краѣ (по бассейну р. Иньвы) Соликамскаго уѣзда; въ частности, мѣстами записи сказокъ въ Иньвенскомъ краѣ были селенія: Кудымкоръ и Добрянка (см. примѣчаніе къ сказкѣ № 90).

Усолье — большое (теперь около 10-ти тыс. жителей) промышленное село Соликамскаго уѣзда, съ пристанью на р. Камѣ; расположено въ 6 верстахъ отъ заштатнаго гор. Дедюхина. Населеніе здѣсь великорусское, занятое главнымъ образомъ соляными промыслами. Что же касается Иньвенскаго края, то онъ населенъ главнымъ образомъ полуобрусѣвшими пермяками. Однако нѣтъ никакихъ основаній полагать, что печатаемыя ниже сказки записаны П. А. Вологдинымъ отъ пермяковъ. Намъ извѣстно, что П. А. Вологдинъ состоялъ „ученымъ правительскимъ помощникомъ при заводахъ гр. Строганова“ *); подъ его начальствомъ служило, конечно, весьма много русскихъ людей, отъ которыхъ ему весьма легко было записать сказки.

Довольно хорошо отразившійся въ записяхъ сказокъ языкъ—обычный на всемъ сѣверѣ Пермской губерніи. Главныя особенности его: двойное твердое ш вм. щ (шшука и т. п.) и произношеніе ѣ передъ слѣдующимъ мягкимъ слогомъ какъ и (лизь вм. лѣзь, медвидь и т. п.); въ нѣкоторыхъ словахъ неударяемое е звучитъ какъ и (іё вм. её, миня, тибя, ишшё), а вмѣсто что произносится *чо*.

Записанныя братьями Вологдиными сказки перепечатываются мною всѣ полностью (№№ 74—94).

---

*) Между прочимъ, П. А. Вологдинъ въ 1867 г. прислалъ въ Московскій Дашковскій музей подробнѣйшую карту сѣверо-западной части Соликамскаго уѣзда, т. е. мѣстностей по бассейну р. Иньвы; и эта карта составлена была имъ также совмѣстно съ его братомъ, Александромъ Алекс. Вологдинымъ (см. Труды Этнограф. Отдѣла, III, вып. 1, стр. 45—50).

74. Кошечка золотыи сережечки.

(Записано на Иньвѣ.—Напечатано въ „Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“, 1863 г., № 38, стр. 196).

1. Жилъ-былъ старикъ со старухой. У ихъ были сынъ да дочь. Старуха и затворила квашонку. По утру-ту послала дѣвушку по капустны листочки въ огородъ [1]). А ей встричу-ту

Бѣжитъ кошечка —
Золоты исережечки.
Кошечка-та въ воду, —
Дѣушка-та въ воду;
Кошечка-та въ морду,—
Дѣушка-та въ морду;
Кошечка-та въ лѣсъ,—
Дѣушка-та въ лѣсъ;
Кошечка въ избушку, —
Дѣушка въ избушку.

Въ избушкѣ-то лежитъ на полатяхъ старикъ, старой престарой, да и говоритъ:

„Спасибо тибѣ, кошечка,
Золоты исережечки:
Принесла ты мнѣ дѣушку!“

2. Старикъ-отъ со старухой ждали, ждали, да и не могли дождаться. Послали опеть парничка-та. Вотъ онъ пошолъ по капусны листочки, а ему встричу

Бѣжитъ кошечка,
Золоты исережечки.
Кошечка-та въ воду, —
Парничок'отъ въ воду;
Кошечка-та въ морду,—
Парничок'отъ въ морду;
Кошечка-та въ лѣсъ,—
Парничок'отъ въ лѣсъ;
Кошечка-та въ избушку, —
Парничокъ въ избушку.

---

[1]) Листья кочанной капусты употребляются какъ подокъ при печеніи хлѣбовъ и пироговъ. (*П. В.*).

Опеть лежитъ въ избушкѣ старикъ на полатяхъ да и говоритъ:

„Спасибо тибѣ, кошечка,
Золоты исережечки:
Принесла ты мнѣ дѣушку
Да парничка“.

Схватилъ да и съѣлъ парничка-та.

3. Старуха-та и говоритъ: „Поди-ко ты, старикъ, сходи самъ въ огород'отъ! гдѣ онѣ долго?“—Вотъ старикъ и пошолъ. И ему опеть на встричу

Бѣжитъ кошечка
Золоты исережечки.
Кошечка-та въ воду,—
Старичок'отъ въ воду,—
Кошечка-та въ морду,—
Старичок'отъ въ морду;
Кошечка-та въ лѣсъ,—
Старичок'отъ въ лѣсъ;
Кошечка-та въ избушку,—
Старичокъ въ избушку.

Въ избушкѣ лежитъ старикъ на полатяхъ да и говоритъ:

„Спасибо тибѣ, кошечка,
Золоты исережечки:
Принесла ты мнѣ дѣушку,
Да парничка,
Да старичка!“

Хамъ! и съѣлъ старичка-та.

4. Старуха-та ждала, ждала, не могла дождаться да и пошла сама. Опеть

Бѣжитъ кошечка
Золоты исережечки.
Кошечка-та въ воду,—
Старуха-та въ воду;
Кошечка-та въ морду,—
Старуха-та въ морду;
Кошечка въ избушку,—
Старуха въ избушку.

Лежитъ опеть старикъ на полатяхъ да и говоритъ:

„Спасибо тибѣ, кошечка,
Золоты исережечки:
Принесла ты мнѣ дѣушку,

Да парничка,
Принесла ты мнѣ баушку
Да старичка!"

Хамъ! и старуху-ту съѣлъ.

У ихъ неково не осталось дома-та, квашонка-та вся уплыла, избушка-та сгорѣла. Вотъ и сказкѣ конецъ.

---

75. Колобокъ.

(„Пермскія Губернскія Вѣдомости", 1863 г., № 39, стр. 200).

1. Жилъ былъ старикъ со старухой. У ихъ ничево не было, *гсь*-то стало нечево. Вотъ и говоритъ старикъ старухѣ: „Поди-ко, старуха, замети по сусѣкамъ: не наскребешь ли на колобокъ!" —Вотъ старуха и наскребла, намела; замисила тѣсто, состряпала колобокъ и изжарила на маслѣ. Онъ и убѣжалъ.

Вотъ и бѣжитъ вдоль по дорожкѣ. Попалъ ему встричу заецъ: „Я тибя, колобокъ, съѣмъ!"—„Нѣтъ, не ѣшь: я тибѣ сказочку скажу:

Я колобокъ [1]),
Я молодой,
Я по коробамъ скребенъ,
По сусѣкамъ метенъ,
Въ сыромъ маслѣ прежонъ,
На окошкѣ стужонъ.
Я отъ дѣда ушолъ,
Я отъ бабы ушолъ, —
Отъ тибя, заяцъ, уйду!"

Опеть убѣжалъ вдоль по дорожкѣ.

2. Попалъ на встричу ему волкъ:—„Куды, колобокъ, побѣжалъ?" — „Вдоль по дорожкѣ". — „Я тибя съѣмъ!" — „Нѣтъ, не ѣшь—я тибѣ сказочку скажу:

Я колобокъ,
Я молодой,
Я по коробамъ скребенъ,

---

[1]) Въ подлинникѣ: клобокъ, что не соотвѣтствуетъ написаніямъ при повтореніи того же стиха.

По сусѣкамъ метенъ,
Въ сыромъ маслѣ прежонъ,
На окошечкѣ стуженъ.
Я отъ дѣда ушолъ,
Я отъ бабы ушолъ,
Я отъ зайца ушолъ,—
Отъ тибя, волка, уйду!"

И убѣжалъ.

3. Опеть бѣжитъ вдоль по дорожкѣ. Попалъ ему встричу медвидь: „Куды, колобокъ, побѣжалъ?" — „Вдоль по дорожкѣ". — „Я тибя съѣмъ". — „Нѣтъ, не ѣшь, — я тибѣ сказочку скажу:

Я колобокъ,
Я молодой,
Я по коробамъ скребенъ,
По сусѣкамъ метенъ,
Въ сыромъ маслѣ прежонъ,
На окошкѣ стужонъ.
Я отъ дѣда ушолъ,
Я отъ бабы ушолъ,
Я отъ зайца ушолъ,
Я отъ волка ушолъ,
Отъ тибя, медвидь, уйду!"

И ушолъ.

4. Бѣжитъ вдоль по дорожкѣ. Попала ему встричу лисица: „Куды, колобокъ, побѣжалъ?"—„Вдоль по дорожкѣ".—„Я тибя съѣмъ!"—„Нѣтъ, не ѣшь,—я тибѣ сказочку скажу:

Я колобокъ,
Я молодой,
Я по коробамъ скребенъ,
По сусѣкамъ метенъ,
Въ сыромъ маслѣ прежонъ,
На окошичкѣ стужонъ.
Я отъ дѣда ушолъ,
Я отъ бабы ушолъ,
Я отъ волка ушолъ,
Отъ медвидя ушолъ,
Отъ тибя, лиса, уйду!"

„Ой, кака сказочка-та хороша! Сѣдь-ко ко мнѣ на хвостик'отъ, я послушаю!"—Онъ сѣлъ да опеть:

„Я колобокъ,
Я молодой,
Я по коробамъ скребенъ,

По сусѣкамъ метенъ,
Въ сыромъ маслѣ прежопъ,
На окошкѣ стуженъ.
Я отъ дѣда ушолъ,
Я отъ бабы ушолъ,
Я отъ зайца ушолъ,
Я отъ волка ушолъ,
Отъ медвидя ушолъ, —
Отъ тибя, лиса, уйду!“

—„Ой, кака сказочка-та хорошинька! Сѣдь ко мнѣ на езычок'отъ — я послушаю!“ — Онъ сѣлъ па езычок'отъ, она: „хамъ!“ да и проглотила.

---

76. Дѣ(в)ушка-снѣжурочка.

(Напечатано въ „Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“, 1863 г., № 39, стр. 200—201).

1. Жилъ-былъ старикъ со старухой. У ихъ нековo пе было—не сына, не дочери; окошечки заколочены. Вотъ старикъ и говоритъ: „Старуха, поди, — говоритъ: — принеси снѣжку да положъ подъ корчагу на печку!“—Вотъ, по утру стали: а у ихъ изъ снѣгу-ту дѣушка-снѣжурочка родилась.

Вотъ лѣто стало. Пришли подружки звать по ягодки дѣвушку-снѣжурочку. Вотъ и говорятъ: „Дѣдушко, отпусти по ягодки дѣушку-снѣжурочку!“ — „Пусь подетъ!“ — Вотъ онѣ и сходили. Дѣушка-снѣжурочка всѣхъ больше набрала: тѣ не полны чашечки, а она полну.

Вотъ опеть на другой день пришли звать: „Дѣдушко, отпусти по ягодки дѣушку-снѣжурочку!“—„Пусь подетъ!“— Вотъ сходили. Дѣушка-снѣжурочка полну чашечку набрала, а тѣ не полны.

2. На третей день опеть пришли звать дѣушку-снѣжурочку: „Дѣдушко, отпусти съ нами по ягодки дѣушку-снѣжурочку!“—„Нечо дѣлать! пусь дома сидитъ!“—„Отпусти, дѣдушко!“ — „Ну, пусь подетъ!“ — Вотъ и пошли. Дѣушка-снѣжурочка опеть набрала полну чашечку, а тѣ опеть не полны.

Вотъ други-те дѣушки отъ іе и стали отъимать ягодки-те: сами-те не набрали, дакъ завидно стало. Она имъ не отдаетъ,--онѣ іе и убили. Схоронили подъ дубикъ, ягодки-те отнели, а чашечку-ту изломали. Вотъ, и пришли домой.

Старикъ со старухой стали спрашивать: „Куды вы дили дѣушку-ту снѣжурочку?"--Онѣ и говорятъ: „мы не знамъ— въ лѣсу осталась!" — Старикъ со старухой пошли искать дѣушку-снѣжурочку, да и не могли надти-то.

3. Вотъ у дѣушки-снѣжурочки и выросла на могилѣ-то дудка. Мужики шли да и сорвали дудку-ту. Стали *сопиться*,—она и выговариватъ:

„Дедюшка, потихоньку,
Свѣтъ-родной, помаленьку!
Двѣ меня сестрицы убили,
Подъ сыръ дубъ схоронили,
Виничкомъ прикадили,
Чеботомъ притоптали,
Чашечку изломали—
Ягодки отъимали".

Вотъ это мужикъ'отъ и говоритъ другому: „На-ко ты *пососпися*!" — Вотъ и тотъ сталъ сопиться, — дудочка опеть выговариватъ:

„Дедюшка, потихоньку,
Свѣтъ-родной, помаленьку!
Двѣ меня сестрицы убили,
Подъ сыръ боръ схоронили,
Виничкомъ прикадили,
Чеботомъ притоптали,
Чашечку изломали—
Ягодки отъимали".

4. Вотъ мужики пришли въ деревню. Попросились въ избу къ мужику начевать, къ отцу-ту дѣушки-снѣжурочки. Мужикъ одинъ и говоритъ: „На-ко, дѣдушко, пососпися".— Вотъ онъ и сталъ сопиться, а дудочка-та выговариватъ:

„Тятинька, потихоньку,
Свѣтъ родной, помаленьку:
Двѣ миня сестрицы убили,
Подъ сыръ дубъ схоронили,
Виничкомъ прикадили,
Чеботомъ притоптали,
Чашечку изломали—
Ягодки отъимали".

Старик'отъ и говоритъ старухѣ: „На-ко ты, старуха, посопися — ровно тутъ наша-та снѣжурочка говоритъ!“ — Вотъ и старуха стала сопиться, дудочка опеть выговариватъ:

„Матушка, потихоньку,
Свѣтъ-родна, помаленьку!
Двѣ миня сестрицы убили,
Подъ сыръ дубъ схоронили,
Виничкомъ прикадили,
Чеботомъ притоптали,
Чашечку изломали —
Ягодки отъимали“.

Старикъ'отъ и говоритъ мужикамъ: „Гдѣ,—говоритъ:— дудочку-ту вы взели?“ — Мужики-те пошли да и указали. Старикъ со старухоу [?] стали въ томъ мистѣ копать, да и выкопали дѣушку-ту снѣжурочку. Она у ихъ ожила. Стали онѣ жить да быть, да и теперя живутъ.

---

77. Морозко.

(Напечатано въ „Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“, 1863 г., № 40, стр. 205—206).

1. Жилъ-былъ старикъ со старухой. У ихъ была дочь. Старуха-та умерла, старик'отъ и здумалъ жениться; взялъ Егу-бабу съ дочерью жо.

Вотъ эта Ега-та баба не залюбила старикову-ту дочь, пачерицу-то. — „Старикъ, увези іе въ лѣсъ! мнѣ, — говоритъ:—не надо іе!» — Старику-ту жаль было іе, дочь-ту, да *чо* сдѣлашъ?—„Садися,—говоритъ:—мила дочь, въ сани!“— Ѣхали, ѣхали онѣ по дорогѣ по большой, нашли дорожку малиньку въ лѣсъ. Старикъ и высадилъ дочьку-ту изъ саней: „Поди,— говоритъ:—мила дочь, куды хочешь!“

2. Вотъ она и побѣжала. Бѣжала, бѣжала по дорожкѣ-то, добѣжала до избушки. Зашла въ избушку и стала жить. Вотъ по утру

Скачетъ морозко
По ельничкамъ,
По березничкамъ,
По частымъ боркамъ,
По веретейкамъ.

„Тепло ли тибѣ, красна дѣвица?“ — „Тепло, Морозушко, тепло, батюшко“ [1]. — Вотъ Морозко и нанесъ ей и хлѣба, и скота, и живота—всево нанесъ.

На другое утро опеть

Скачетъ морозко
По ельничкамъ,
По березничкамъ,
По частымъ боркамъ,
По веретейкамъ:

„Тепло ли тибѣ, красна дѣвица?“ — „Тепло, Морозушко, тепло, батюшко“. — Вотъ онъ нанесъ ей шубъ и постелей, и всево, чево надо.

На третье утро

Скачетъ морозко
По ельничкамъ,
По березничкамъ,
По частымъ боркамъ,
По веретейкамъ:

„Тепло ли тибѣ, красна дѣвица?“ — „Тепло, Морозушко, тепло, батюшко“.—Вотъ онъ нанесъ ей золота и серебра и всякова имѣнья. Стала она жить теперя богато.

3. Вотъ Ега-баба и посылатъ старика: „Поѣзжай-ко, старикъ, привези дочь-ту: замерзла *знать-то*“.—Старикъ и поѣхалъ искать дочь.

Ѣхалъ, ѣхалъ по большой дорогѣ, нашолъ дорожку-ту въ лѣсъ, свернулъ да и поѣхалъ по ей. Вотъ, ѣхалъ, ѣхалъ, до избушки-то и доѣхалъ. Поставилъ лошадку, привезалъ ко крылечку и зашолъ въ избушку.

Вотъ дочь-та обрадовалась: „Ой, батюшко родимой пріѣхалъ!“ — Напоила-накормила ево. — „Мила дочь, я, — говоритъ: — пріѣхалъ по тибя: складывай имѣнье-то, поидемъ домой!“ — „Поѣзжай-ко,—дочь-та говоритъ:—приведи лошадокъ: имѣнья-та у миня много!“

Вотъ, онъ съиздилъ, привелъ лошадокъ, склали имѣнье-то и повезли домой. Подъѣзжаютъ къ дому-ту,—собака у ихъ— така сердита была—и лаетъ:

Тяфъ-тяфъ-тяфъ!
Хресьенинъ дочерь везетъ —
Животы въ коробейкахъ
Стучатъ да бречатъ.

---

[1]) Слова эти говорятся плавно и нѣжно. (*П. В.*).

Вотъ Ега-баба, мачиха-та, выбѣжала съ ухватомъ, ну бить собаку-ту: „Лай, — говоритъ: — кос(т)ки въ лукошкѣ стучатъ да бречатъ!“—А собака все свое:

Тяфъ-тяфъ-тяфъ!
Хресьенинъ дочерь везетъ —
Животы въ коробейкахъ
Стучатъ да бречатъ.

4. Вотъ старикъ привезъ дочь. Ега-баба рада, што имѣнья много пачерица привезла, и говоритъ сторику: „Старикъ, увези-ко мою-ту дочь въ лѣс'отъ: не разбогатіетъ ли она!“—Вотъ онъ запрягъ лошадку и повезъ Егишну. Ѣхалъ, ѣхалъ, до тые дорожки доѣхалъ и высадилъ: „Поди, куды хочешь!“

Вотъ она побѣжала по дорожкѣ, до избушки-то добѣжала и зашла въ избушку. Начевала. По утру

Скачетъ морозко
По ельничкамъ,
По березничкамъ,
По частымъ боркамъ,
По веретейкамъ:

„Тепло ли тибѣ, красна дѣвица?“—„У какое, морозко проклятой, тепло? заморозилъ!“ [1]) (Егишна, то и есть).—Вотъ онъ ишо подбавилъ морозу-ту маленько.

На другой день

Скачетъ морозко
По ельничкамъ,
По березничкамъ,
По частымъ боркамъ,
По веретейкамъ:

„Тепло ли тибѣ, красна дѣвица?“ — „У! заморозилъ миня, проклятой! Эка стужа!“ —Морозко опеть прибавилъ морозу.

Вотъ на третей день

Скачетъ морозко
По ельничкамъ,
По березничкамъ,
По частымъ боркамъ,
По веретейкамъ:

„Тепло ли тибѣ, красна дѣвица?“ —„У! проклятой! совсѣмъ заморозилъ!“—Морозко ишо прибавилъ морозу и заморозилъ іе совсѣмъ.

---

[1]) Говорится грубо. [illegible] (*П. В.*).

5. Вотъ Ега-баба и посылаетъ опеть старика: „Поѣзжай,—говоритъ:—старикъ, вези дочь-ту съ имѣньемъ!"—Старикъ запрягъ лошадокъ и поѣхалъ. Ѣхалъ, ѣхалъ, доѣхалъ до дорожки и свернулъ въ лѣсъ. Вотъ подъѣхалъ къ избушкѣ, привезалъ лошадокъ ко крылечку и зашолъ въ избушку. Зашолъ въ избушку-ту, а Егишна-та ровно кочень. Повалилъ онъ іе въ сани и повезъ домой.

Вотъ подъѣзжатъ къ дому-ту, а собака такъ и лаетъ:

Тяфъ-тяфъ-тяфъ!
Хресьенинъ дочерь везетъ,—
Кос(т)ки въ лукошкѣ
Стучатъ да бречатъ!

Ега-баба выбѣжала. Ну ухватомъ *водить* собаку-ту: „Лай: животы въ коробейкахъ стучатъ да бречатъ." — А собака одно-што:

Тяфъ-тяфъ-тяфъ!
Хресьенинъ дочерь везетъ —
Кос(т)ки въ лукошкѣ
Стучатъ да бречатъ!

Вотъ пріѣхалъ старикъ: „На,—говоритъ:—дочь-ту!"—Била, била старика Ега-та баба, да ничево не сдѣлашъ!"—Стали они жить събогатой-то дочерью, да и теперя живутъ.

---

78. Волкъ и крестьянинъ.

(Напечатано въ „Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ", 1863 г., № 40, стр. 206).

Жилъ-былъ старикъ да старуха. У ихъ было семь овечушокъ да восмой жеребеночекъ, да быкъ-пестрякъ, да кошка-судомойка, да собачка-пустолайка, парничекъ да дѣушка.

Жили онѣ подъ горой. Вотъ, и повадился волкъ на гору ходить—сѣдетъ на угорѣ-то да и воетъ—писенки-те поетъ ли *чо* ли. Вотъ волк'отъ и воетъ:

„Хорошъ, хорошъ дворецъ,
Соломенной крылецъ!

У хресьенина было семь овецъ,
Восьмой жеребеночекъ,
Да быкъ-пестрякъ,
Да кошка-судомойка,
Да собачка-пустолайка,
Старичекъ да баушка,
Парничекъ да дѣушка.“

Старик’отъ слушалъ, слушалъ да и говоритъ: „Поди-ко, старуха, отдай овечку: хорошо шибко волк’отъ воетъ!“ — Отдали одну овечку. Волкъ съѣлъ. На другой день опеть сѣлъ на угор’отъ и воетъ:

Хорошъ, хорошъ дворецъ,
Соломенной крылецъ!
У хресьенина было семь овецъ,
Восьмой жеребеночекъ,
Да быкъ пестрякъ,
Да кошка-судомойка,
Да собачка-пустолайка,
Старичекъ да баушка,
Парничекъ да дѣушка.

2. [Точно также волкъ приходитъ и воетъ каждый день; каждый разъ ему даютъ по овцѣ. Затѣмъ старикъ отдаетъ: жеребенка, быка, кошку, собачку, парничка, дѣушку, старуху. Скушавъ послѣднюю, волкъ опять приходитъ и] воетъ:

Хорошъ, хорошъ дворецъ,
Соломенной крылецъ!
У хресьенина было семь овецъ,
Восьмой жеребеночекъ,
Да быкъ-пестрякъ,
Да кошка-судомойка,
Да собачка-пустолайка,
Старичекъ да баушка,
Парничекъ да дѣушка.

Слушалъ, слушалъ старикъ и говоритъ: „Шибко хорошо волк’отъ воетъ—пойду самъ!“—Вышолъ на угор’отъ,—волкъ и съѣлъ старика-та.

---

79. Козонька.

(Напечатано въ „Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“, 1863 г., № 40, стр. 206).

1. Жилъ-былъ старикъ со старухой. У ихъ были—сынъ да дочь, да козлушка. Старикъ сталъ сына посылать въ лѣсъ козлушку караулить. Сын'отъ покараулилъ да и пришолъ домой. Старикъ вышолъ на крылечко и сталъ спрашивать: „Козонька, сыта ли? пьяна*) ли?“—Коза-та и говоритъ:

„Я не сыта, я не пьяна—
Я по горочкамъ скакала,
Я осиночку глодала!“

Вотъ старик'отъ сына-та билъ, билъ да и убилъ. Сталъ опеть дочь посылать.

2. Вотъ и дочь пошла караулить. Покараулила да и пришла домой. Старикъ вышолъ на крылечко, сталъ спрашивать: „Козонька, сыта ли? пьяна ли?“—Коза говоритъ:

„Я не сыта, я не пьяна—
Я по горочкамъ скакала,
Я осиночку глодала“.

Старикъ дочь-ту ну бить. Билъ, билъ да и убилъ.

3. Послалъ опеть старуху—караулить козоньку. Вотъ и старуха покараулила и пришла домой. Старикъ вышолъ на крылечко, сталъ спрашивать: „Козонька, сыта ли, пьяна ли?“—Коза опеть говоритъ:

„Я не сыта, я не пьяна—
Я по горочкамъ скакала,
Я осиночку глодала“.

Вотъ онъ, это, билъ, билъ старуху-ту, да и убилъ. И говоритъ: „да'-ко я самъ пойду, покараулю“.

4. Вотъ самъ сходилъ, покараулилъ, пришолъ домой да и сталъ спрашивать: „Козонька, сыта ли, пьяна ли?“—Коза и говоритъ:

*) Въ подлинникѣ: пояна.

„Я не сыта, я не пьяна—
Я по горочкамъ скакала,
Я осиночку глодала“.

Вотъ онъ козу-ту билъ, билъ да и убилъ. И сам'отъ пошолъ да съ горя-та на осинѣ и задавился.

---

80. Липова(я) нога.

(Напечатано въ Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1863 г., № 40, стр. 206).

1. Жилъ-былъ старикъ со старухой. Онѣ рѣпки посіяли на поле. Вотъ и повадился медвидь рѣпу-ту воровать.

Старик'отъ пошолъ смотрить рѣпу-то: много нарвано іе да набросано. Старуха-та и говоритъ: „Хто-жо это нарвалъ?—Люди?—дакъ унесли бы!—Поди-ко ты, старикъ, карауль рѣпу-ту!“

Старикъ и пошолъ караулить на ночь; лекъ подъ *зародъ* Вотъ и пришолъ медвидь и рветъ рѣпу-ту. Нарвалъ *береме* да и поташшилъ за огородъ. (Рѣпа-та *хрушка*(я) была). За огород'отъ какъ перескочилъ,—старик'отъ набѣжалъ, бросилъ топоромъ да и отсѣкъ лапу медвидю-ту. Топоръ бросилъ тутъ, а сам'отъ убѣжалъ, спрятался.

Медвидь-отъ ушолъ, а старикъ вылѣзъ, взялъ медвижью-ту лапу да и унесъ домой. Унесъ домой-ту, ободралъ іе да и варить поставилъ—*исъ* хотѣлъ. А шорс(т)ку-ту отдалъ старухѣ: „На, — говоритъ: — старуха, опреди медвижью-ту шорску—пригодится!“

2. Вотъ старуха сѣла *пресь*. Медвидь'отъ сдѣлалъ липову ногу да идетъ; а нога-та поскрыпыватъ: студено было. Вотъ медвидь-отъ идетъ да и говоритъ:

„Скрыпи, скрыпи, нога,
Скрыпи, липовая!
Всѣ по селамъ спятъ,
По деревнямъ спятъ;
Одна баба не спитъ—
На моей кожѣ сидитъ,
Мою лапу варитъ,
Мою шорску предетъ“.

Старуха-та *учула* это да и говоритъ: „Поди-ко ты, старикъ, запирай двери-те: медвидь-отъ идетъ“.—Старик’отъ вышолъ на улицу да и говоритъ медвидю-ту: „Медвѣдушко-братанушко! Ты возьми верх’отъ отъ рѣпки-то, а мнѣ отдай *исподь*-отъ!“—„Ладно!“ медвидь’отъ говоритъ: онъ не знатъ толку-ту въ рѣпѣ, не понниматъ ничо. Старикъ стаскалъ домой рѣпу-ту, а медвидю оставилъ одну *нетину*.

3. Вотъ старикъ хлѣбъ жать пошолъ. Медвидь-отъ и пришолъ къ ему на поле-то: „Нѣтъ,—говоритъ:—старикъ, отдай мнѣ теперя исподь-отъ, а верх’отъ сибѣ возьми! не сладко!“—Вотъ старикъ и говоритъ: „Возми, медвѣдушко! возми, *братанушко*! да *тожно* неси исподь’отъ, какъ оммолотимъ“.

Какъ оммолотили, медвидь и сносилъ къ сибѣ въ берлокъ солому-ту, а хлѣбъ-отъ старикъ домой привезъ.

---

81. Рѣдька.

(Записано въ Усольѣ А. Вологдинымъ. Напечатано въ Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1863 г., № 40, стр. 206—207).

Жилъ-былъ старикъ да старуха. У ихъ росла рѣдька; росла да росла—до неба доросла. Старикъ сталъ лисницу ладить; ладилъ да ладилъ—три годы проладилъ. Полѣзъ на эту лѣсницу-ту, срѣзалъ рѣтечки и сталъ спушшаться; спушшался да спушшался—три годы проспушшался.

Пошолъ къ старухѣ да и сказалъ: „Поди, старуха, къ верху-ту полизь!“—Старуха-та и пошла; полѣзла съ мѣшкомъ, нарѣзала рѣдьки полонъ мѣшокъ; спустилась взадъ-ту до половины да и пала,—у старухи всѣ косточки розлитились. Старик’отъ пошолъ, собралъ косточки-те да и склалъ на хлѣбъ.

Позвалъ *сусидей* выдергивать эту рѣтечку. На ту пору дожжикъ задожжалъ,—старик’отъ съ лисницы-то и палъ.

Вотъ, полизли сусиди. Опеть дожжикъ задожжалъ,—и сусиди всѣ пали. И все.

---

82. **Рѣпка**. [Звѣри-плакальщики].

(Напечатано въ Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1863 г., № 40, стр. 207).

1. Жилъ-былъ старикъ со старухой. *Ись*-то у ихъ было нечево. Вотъ старикъ и здумалъ: „Посіемъ-ко, старуха, на баню рѣпки!“—Вотъ онѣ и посіели рѣпки.

Вотъ выросла рѣпка.—Скоро сказыватца сказка, да не скоро дѣло дѣлатца.—Старикъ сходилъ по рѣпку и съили эту рѣпку.—„Ну, теперь, старуха, ты поди—я ходилъ!“

А старуха-та была худа, худа, *хвора*:—„Не полизти,—говоритъ:—мнѣ, старикъ!“—„Ну, садись въ мѣшокъ—я тибя подыму!“—Вотъ старуха и сѣла. Поднялъ іе старикъ такъ-дасякъ на баню-ту. Нарѣзала она рѣпки да и говоритъ: „Ну, старикъ, *тожно* миня спушшай!“

Старикъ посадилъ іе въ мѣшокъ да и зачалъ спушшать. Спушшалъ іе да и уронилъ. Вотъ онъ уронилъ іе, спустился съ бани-то, погледѣлъ въ мѣшок'отъ: а старуха-та и душеньку отдала, до смерти убилась.

2. Вотъ старикъ и давай выть: жаль тожо старуху-ту. Бѣжитъ зайчикъ да и говоритъ: „Ой ты, старикъ, не *баско* воешь! найми миня!“ -- „Наймись, заюшко! наймись, батюшко!“—Заецъ и ну боботать надъ старухой-то.

Бѣжитъ лисичка: „Ой ты, заяцъ, не *баско* воішъ! Найми миня, старичокъ: я мастерица выть-то“. — „Наймись, кумушка! наймись, голубушка!“—Вотъ она и завыла: „увы, увы, увы!...“—только и есь, болѣ ничо у ей не родитца.

3. Бѣжитъ волкъ: „Старичокъ, найми миня выть-то! чо онѣ навоютъ?“—„Наймись, наймись, волкушко: я рѣпкой отдамъ!“—Вотъ волкъ и *почалъ* выть: и — и — и! заревѣлъ. Собаки-те въ деревнѣ *учули* да и залаѣли. Люди-те набѣжали съ бодагами—бить волка.

Вотъ волкъ схватилъ старуху на спину да и ну по дорожкѣ—уташшилъ въ лѣсъ. Вотъ тебѣ и все кончилось, рѣшилось.

---

83. Котъ, воробей и пѣтухъ.

(Напечатапо въ Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1863 г., № 41, стр. 211).

1. Жили-были котъ, воробей да пѣтухъ. Избушка у ихъ была въ лѣсу. Котъ да воробей ходятъ въ лѣсъ дрова рубить, а пѣтуха одново въ избушкѣ оставлеютъ.

Вотъ, эдакъ ушли котъ да воробей дрова рубить, а пѣтухъ сидитъ на грядкѣ да и кукурекатъ. Пришла подъ окошко лисичка въ красныхъ башмачкахъ и скачетъ на липовой дошшечкѣ, а сама пѣтушка *гаркатъ*: „Пѣтушокъ, пѣтушокъ, выглень въ окошко—на тибѣ красную ложку!“— Пѣтушокъ и выгленулъ въ окошко; лисичка схватила ево и поташшила въ лѣсъ.

Вотъ и кричитъ пѣтушокъ:

„Куты, куты, куты!
Несетъ миня лиса
За темные лѣса“.—

Котъ бѣжитъ,
Воробей летитъ;
Котъ сарапатъ,
Воробей клюетъ,—
Отнели пѣтуха!

Посадили опеть въ избушку и наказали: „Не выглядывай въ окошко,—мы *тожно* далеко уйдемъ, не учуемъ твоево голоса!“

2. И пошли котъ да воробей дрова рубить, а пѣтухъ остался въ избушкѣ домовничеть—сидитъ на грядкѣ да кукурекатъ.

Пришла лисичка въ красныхъ башмачкахъ, скачетъ подъ окошкомъ на липовой дошшечкѣ, а сама гаркатъ: „Пѣтушокъ, пѣтушокъ, выглень въ окошко, на тибѣ красную ложку!“—Пѣтушокъ и выгленулъ; лисичка схватила ево и понесла въ лѣсъ:

Вотъ и кричитъ опеть пѣтушокъ:

“Куты, куты, куты!
Несетъ миня лиса
За темные лѣса.“—

Котъ бѣжитъ,
Воробей летитъ;
Котъ сарапатъ,
Воробей клюетъ—
Отнели пѣтуха!

Посадили пѣтуха въ избушку и опеть наказали: „Ну, теперь смотри, пѣтухъ, не выглядывай въ окошко! Мы ишшо дальше пойдемъ—не учуемъ твоево голоса!"—И пошли котъ да воробей дрова рубить, а пѣтухъ сѣлъ на грядку да и кукурекатъ.

3. Пришла лисичка въ красныхъ башмачкахъ, скачетъ подъ окошкомъ на липовой дошшечкѣ, а сама опеть гаркатъ: „Пѣтушокъ, пѣтушокъ, выглень въ окошко—на тибѣ красную ложку!"—Пѣтушокъ опеть выгленулъ, а лисичка схватила ево и понесла въ лѣсъ.

Вотъ и кричитъ опеть пѣтушокъ:

„Куты, куты, куты!
Несетъ миня лиса
За темные лѣса,—
Котъ да воробей,
Бѣжите отнимать!"

Кричалъ, кричалъ и не докричался — съѣла лисичка пѣтушка.

---

84. Котъ, пѣтухъ и лисица.

(Записано въ Усольѣ А. Вологдинымъ. Напечатано въ Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1863 г., № 42, стр. 214—215).

1. Жили-были котъ да пѣтухъ. Котъ пошолъ въ лѣсъ дрова рубить, а пѣтуха оставилъ дома: „Ты,—говоритъ:—пѣтухъ, оставайся домовничеть, да не подавай голос'отъ, колда прійдетъ лисица!"—Кот'отъ колда ушолъ, лисица-та и пришла и стала говорить:

„Пѣтушокъ, пѣтушокъ,
Золотой гребешокъ,
Масленна головка,
Сметанныя ножки,
Выглени въ окошко—
На золотѣ губненномъ
Еички катаютъ".

Пѣтушокъ и выставилъ головку-ту. Лиса ево схватила да и понесла въ лѣсъ.

Вотъ пѣтушокъ и зарычалъ:

„Коты, коты, коты!
Понесла миня лиса
За темные лѣса,
За быстрыя рѣки!“

А котъ ничево не слышитъ.

2. Вотъ, котъ пришолъ домой; хватился пѣтушка — нѣту.—Котъ настроилъ гусельцы, пошолъ къ лисицѣ подъ окошко и сталъ натреньгивать:

„Трень, трень, гусельцы,
Золотыя струночки!
Ишо дома ли лисафья-кума,
Во своемъ ли тепломъ гнѣздышкѣ?
У іе-то есь четыре дочери—
Ишо одна-та дочь—Чучелка,
А друга-та—Парачелка,
Третья-то—Подай-челнокъ,
А четвертая--Разбей-горшокъ“.

Лисица и говоритъ: „Поди-ко, Чучелка, послушай, хто это такъ хорошо напѣватъ?“—Она вышла за ворота-та,—котъ іе ну бить. Билъ, билъ, подъ гору спехалъ да и заигралъ опеть:

„Трень, трень, гусельцы,
Золотыя струночки!
Ишо дома-ли лисафья-кума,
Во своемъ ли тепломъ гнѣздышкѣ?
У іе-то есь четыре дочери:
Ишо одна-та дочь—Чучелка,
А друга-та—Парачелка,
Третья-та—Подай-челнокъ,
А четвертая--Разбей-горшокъ“.

„Поди-ко ты, Парачелка, послушай, хто это такъ хорошо напѣватъ?“—Вотъ Парачелка вышла,—котъ іе билъ, билъ, подъ гору спехалъ, а самъ опеть заигралъ:

„Трень, трень, гусельцы,
Золотые струночки!
Ишо дома-ли лисафья-кума,
Во своемъ ли тепломъ гнѣздышкѣ?
У іе-то есь четыре дочери:
Што одна-то дочь—Чучелка,
А друга-та—Парачелка,

Третья-та—Подай-челнокъ,
А четвертая—Разбей-горшокъ".

„Поди-ко ты, Подай-челнокъ, послушай, хто это такъ хорошо напѣватъ: тѣ ушли да и заслушались".—Подай-челнокъ вышла за ворота-та,—котъ іе ну бить: билъ, билъ, подъ гору спехалъ, а самъ опеть заигралъ:

„Трень, трень, гусельцы,
Золотые струночки!
Ишо дома-ли лисафья-кума,
Во своемъ ли тепломъ гнѣздышкѣ?
У іе-то есь четыре дочери:
Што одна-та дочь—Чучелка,
А друга-та—Парачелка,
Третья-та—Подай-челнокъ,
А четвертая—Разбей-горшокъ".

„Поди-ко ты, Разбей-горшокъ, послушай, хто это такъ хорошо напѣватъ: тѣ ушли да и заслушались!"—Разбей-горшокъ вышла за ворота-та, а котъ іе давай бить; билъ, билъ, подъ гору спехалъ, а самъ опеть заигралъ:

„Трень, трень, гусельцы,
Золотые струночки!
Ишо дома-ли лисафья-кума,
Во своемъ ли тепломъ гнѣздышкѣ?
У іе-то есь четыре дочери:
Одна-та дочь—Чучелка,
А друга-та—Парачелка,
Третья-та Подай-челнокъ,
А четвертая—Разбей-горшокъ".

Вотъ лисица и говоритъ: „Да'-ко я сама послушаю: хто это такъ хорошо напѣватъ?"—Вышла за ворота-та, а котъ и давай іе бить; билъ, билъ, спехалъ подъ гору; самъ зашолъ въ избу. Пѣтушокъ, какъ увидѣлъ кота, такъ и закричалъ: „Ку-ко-ре-ку!"

---

85. Иванъ Царевичь и молода(я) молодица.

(Напечатано въ Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1863 г., № 42, стр. 215).

1. Не въ которомъ царствѣ, не въ которомъ государствѣ жилъ-былъ царь. У ево былъ одинъ сынъ Иванъ-царевичь.

Вотъ Иванъ-царевичь ѣздилъ за охотой кажной день въ чисто поле, въ широко раздолье, по край синя моря; онъ ловилъ гусей, лебедей и сѣрыхъ утицъ. И попала ему въ ло(в)ушку лебедка. Поймалъ эту лебедку Иванъ-царевичь, принесъ въ шатеръ и посадилъ въ *шосточикъ*. По утру сталъ да и уѣхалъ за охотой.

Вотъ, лебедка-та вышла изъ шосточка, оввернулась молодой молодицей и наготовила Ивану-царевичу всяко кушанье. Сама опеть оввернулась лебедкой и сѣла въ *шостокъ*.

Вотъ Иванъ-царевичь пріѣхалъ домой въ свой-отъ шатеръ: и на столѣ накрыто у ево. Вотъ онъ и удивлятца. „Хто это,—говоритъ:—былъ у миня?"—Сѣлъ Иванъ-царевичь и отобѣдалъ; да такъ все на столѣ закрылъ скатеркой и опеть уѣхалъ за охотой. Лебедка опеть оввернулась молодой молодицей, убрала со стола, оввернулась опеть лебедкой и сѣла въ шостокъ.

2. На другой день Иванъ-царевичь опеть уѣхалъ за охотой; а лебедка вышла безъ ево изъ шосточка, оввернулась молодой молодицей и наготовила кушанья ишшо тово лутче. Накрыла молода молодица на столъ, оввернулась лебедкой и сѣла въ шостокъ--ждетъ Ивана-царевича.

Вотъ пріѣхалъ Иванъ-царевичь, навезъ гусей, лебедей и сѣрыхъ утицъ. Погледѣлъ Иванъ-царевичь на столъ и удивлятца: „Да хто-же такой наготовилъ?—Выходи, — говоритъ:--хто такой есь у миня--красна дѣвица или молода молодица?"—Нехто не говоритъ съ имъ, нехто и голосу не подалъ.

Отобѣдалъ Иванъ-царевичь, закрылъ столъ скатеркой и уѣхалъ опеть въ чисто поле, въ широко раздолье, по край синя моря, за охотой.

3. Вотъ на третей день снарядился Иванъ-царевичь за охотой, вышелъ изъ шатра да и спрятался: „Покараулю,—говоритъ:—я, хто такой ко мнѣ приходитъ? съ которой стороны?“

Вотъ бѣла лебедка вышла изъ шосточка, оввернулась молодой молодицей и *почала* готовить кушанье. Иванъ-царевичь вросплохъ и отворилъ двери; испужалась молода молодица, побѣжала было, да Иванъ-царевичь схватилъ іе въ береме.

Вотъ она у ево въ рукахъ-то вилась да вилась, да въ золото веретешечко извилась. Онъ взялъ да веретешечко-то переломилъ—пятку-ту передъ сибя, а кончик'отъ за сибя изладилъ: „Будь,—говоритъ:—передо мной молода молодица, а за мной цвѣтно платье!“—Вотъ и стала передъ имъ молода молодица, а за имъ цвѣтно платье. Ужъ такая красавица была—зрѣлъ бы, смотрѣлъ—очей не сводилъ!

4. Иванъ-царевичь къ отцу не поѣхалъ и сталъ жить съ молодой молодицей. Состроили онѣ въ томъ чистомъ полѣ, въ широкомъ раздольѣ, домъ.

Вотъ и стала *череваста* молода молодица.—А къ имъ ходила баушка-задворенка. — „Иванъ-царевичь! — говоритъ баушка-задворенка Ивану-царевичу:—теперь весна на дворѣ, ты карауль свою молоду молодицу, не уѣзжай далеко-то некуды!“

Вотъ и родила молода молодица малинькова. Сидитъ въ банѣ съ баушкой-задворенкой. По утру лититъ станица лебедей; вотъ одинъ и кличотъ:

„Ти-го-го, мила дочь,
Ти-го-го, родимая!
Не подать ли те крылышко,
Не подать ли правильное?
Политимъ съ нами за море,
Политимъ съ нами за сине!“

—Это отецъ іе литѣлъ. А она ему въ отвѣтъ:

„Ти-го-го, батюшко!
Ти-го-го, родимой мой!
Не подай мнѣ-ка крылышко,
Не подай мнѣ правильное—
Не лечу съ тобой за море,
Не лечу съ тобой за сине—
Ишо есь у миня дитишшо,
Ишо есь у миня милое!“

Вотъ эта станица пролитѣла. Лититъ другая, и опеть кличотъ одинъ лебедь молоду молодицу:

„Ти-го-го, мила дочь,
Ти-го-го, родимая!
Не подать ли те крылышко,
Не подать ли правильное?
Политимъ съ нами за море,
Политимъ съ нами за сине!"

Это мать іе литѣла. Молода молодица ей и отвѣчатъ:

„Ти-го-го, матушка,
Ти-го-го, родимая!
Не подай мнѣ-ка крылышко,
Не подай мнѣ правильное,—
Не личу съ тобой за море,
Не личу съ тобой за сине—
Ишо есь у миня дитишшо,
Ишо есь у миня милое!"

Вотъ и эта станица пролитѣла. Лититъ третья; опеть кличотъ одинъ лебедь:

„Ти-го-го, сястрица,
Ишо ти-го-го, милая!
Не подать ли те крылышко,
Не подать ли правильное?
Политимъ съ нами за море.
Политимъ съ нами за сине!"

Это братъ іе литѣлъ; она ему и отвѣчатъ:

„Ти-го-го, братилко,
Ти-го-го, милой мой!
Не подай мнѣ-ка крылышко,
Не подай мнѣ правильное,—
Не личу съ тобой за море,
Не личу съ тобой за сине,—
Ишо есь у миня дитишшо,
Ишо есь у миня милое!"

И эта станица пролитѣла. Лититъ четверта. Опеть одинъ лебедь кличотъ:

„Ти-го-го, ладушка,
Ти-го-го милая!
Не подать ли те крылышко,
Не подать ли правильное?
Политимъ съ нами за море,
Политимъ съ нами за сине!"

Она и отвичатъ:

„Ти-го-го, ладушко,
Ти-го-го, милой мой!
Ты подай мнѣ-ка крылышко,
Ты подай мнѣ правильное—
Поличу съ тобой за море,
Поличу съ тобой за сине!“

Она было вспорхнула; а Иванъ-царевичь и поймалъ іе.

Пролитѣла и эта станица. Вотъ и говоритъ молода молодица Ивану-царевичу: „Кабы ты не схватилъ миня,—улитѣла бы я въ свое царство, въ свое государство! а теперь,—говоритъ:—мнѣ не съ кѣмъ литѣть: пролитѣлъ и милой мой *лада*“.

И стали онѣ жить да быть, да добра наживать. И теперя живутъ.

---

86. Иванъ дуракъ и Яга-баба.

Записано въ Усольѣ А. Вологдинымъ.—Напечатано въ Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1863 г. № 43, стр. 218—219.

1. Жилъ-былъ старикъ да старуха. У ихъ былъ сынъ Иванъ-дуракъ. Вотъ Иванъ-дуракъ сталъ отпрашиваться отъ отца да отъ матери рыбу удить: „Гдѣ,—говоритъ:—рыбка клюнетъ, тутъ и стану удить!“—Старикъ да старуха подумали, подумали да отпустили Ивана-дурака.

Вотъ онъ шолъ да шолъ, дошолъ до избушки: стоитъ избушка, на куричьей голяшкѣ повертыватца. — „Избушка, избушка, стань къ лѣсу задомъ, ко мнѣ передомъ!“—Избушка стала.

Вотъ Иванъ-дуракъ зашолъ въ избушку, а въ ей середе полу лежитъ Яга-баба:—„Фу-фу-фу! рюска коска сама на дворъ зашла!“—Взела да и заперла ево въ *голбецъ*: „Я тибя завтре велю изжарить меньшой дочерѣ“.

Вотъ на другой день по утру растопѣлась печка. Меньшата дочь вышла и говоритъ: „Выходи, Иванъ-дуракъ изъ голбца-та!“—Вотъ Иванъ-дуракъ вышолъ,—она и говоритъ: „Садись, Иванъ-дуракъ, на лопату-ту!“—Иванъ-дуракъ сѣлъ,

а самъ руки и ноги разшарашилъ. Она и говоритъ: „Стань, Иванъ-дуракъ, съ лопаты-то: я тибя поучу!—Вотъ какъ,—говоритъ:—сѣдь!"—Сама и сѣла на лопату-ту. Иванъ-дуракъ бросилъ іе въ печку да заслонкой и приперъ. Маленько погодя вынялъ іе и положилъ на *голбчикъ*. А самъ опеть въ голбецъ ушолъ.

2. Яга-баба вышла и стала *ись*. Съѣла да и говоритъ: „Покататься бы мнѣ, поваляться бы мнѣ на Ивановыхъ-то косточкахъ".—А Иванъ-дуракъ сидитъ въ голбцѣ да и говоритъ: „Покатайся-ко ты, поваляйся-ко ты на дочериныхъ-ко косточкахъ!"—„Ахъ ты, *варнакъ* эдакой! завтре велю середней дочерѣ изжарить тибя!"

Опеть на другой день печка истопѣлась. Середня-та дочь и говоритъ: „Выходи, Иванъ-дуракъ, изъ голбца-та!" —Иванъ-дуракъ вышолъ.—„Садись, — говоритъ: — Иванъ-дуракъ, на лопатку-ту!"—Иванъ-дуракъ сѣлъ, руки и ноги разшарашилъ.—„Не такъ!—говоритъ:—да'-ко я тибя поучу!"—Сѣла на лопату-ту; онъ іе взялъ да и бросилъ. Вотъ, изжарилъ іе, вынялъ изъ печи, положилъ на голбчикъ, а самъ опеть въ голбецъ ушолъ.

3. Яга-баба наѣлась да и говоритъ: „Покататься бы мнѣ, поваляться бы мнѣ на Ивановыхъ-то косточкахъ!"—А Иванъ-дуракъ сидитъ въ голбцѣ-то и говоритъ: „Покатайся-ко ты, поваляйся-ко ты на дочериныхъ-то косточкахъ!"—„Ахъ, ты, варнакъ эдакой! Завтре велю большой дочерѣ изжарить тибя!"

Ну и вотъ, на третій день истопѣлась печка. Большата дочь вышла и говоритъ: „Вылѣзай, Иванъ-дуракъ, изъ голбца-та!"—Иванъ-дуракъ вылѣзъ. Она и говоритъ: „Садись на лопату-ту!"—Иванъ-дуракъ сѣлъ, руки и ноги разшарашилъ. —„Не уміешь ты садиться-то! Да'-ко я тибя поучу!"—И сѣла сама на лопату-ту. Иванъ-дуракъ іе взялъ да и бросилъ въ печку; изжарилъ и положилъ на голбчикъ, а самъ опеть спрятался въ голбецъ.

Вотъ пришла Яга-Егинишна, съѣла дочь-ту да сама и говоритъ: „Покататься бы мнѣ, поваляться бы мнѣ на Ивановыхъ-то косточкахъ!"—А Иванъ-дуракъ и говоритъ: „Покатайся-ко ты, поваляйся-ко ты на дочериныхъ-то косточкахъ!" — „Ахъ ты варнакъ эдакой! Завтре я тибя сама испеку!"

4. Вотъ на другой день печку истопила да и говоритъ: „Ну-ко, Иванъ-дуракъ, садись на лопату-ту!"--Онъ сѣлъ и опеть також—руки и ноги разшарашилъ.—„Ой ты, Иванъ-дуракъ, не уміешь садиться-то! Да'-ко я тибя поучу!"—Сѣла сама Яга-Егинишна, а Иванъ-дуракъ бросилъ іе въ печку; приперъ заслонку бадагомъ, а самъ склалъ ихъ-то имѣнье на иху-жо лошадь да и уѣхалъ домой.

---

87. Иванъ-крестьянскій сынъ.

[Волшебное кольцо].

(Записано въ Усольѣ А. Вологдинымъ. Напечатано въ Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1863 г., № 43, стр. 219—220).

1. Жилъ-былъ старикъ да старуха. У ихъ не было робятъ. Вотъ старикъ умеръ. У старухи родился сынъ и назвали ево Ивановъ-крестьянскимъ сыномъ.

Вотъ онъ выросъ. Выпросилъ у матери денегъ—купить уду—и ишо копѣйку, и пошолъ удить на озеро. Вотъ пришолъ къ озеру, бросилъ копѣйку въ озеро и началъ удить. И наудилъ рыбы много. Стало темнѣться, Иванъ и пошолъ домой.

На другой день опеть Иванъ пошолъ къ озеру удить—выпросилъ копѣйку. Наудилъ рыбы ишо больше вчерашнова. Стало темнѣться, Иванъ и пошолъ домой.

На третей день онъ опеть пошолъ съ копѣйкой удить на озерѣ. Наудилъ рыбы столько, што не могъ унести, и просидѣлъ тутъ до самой полночи.

2. Вотъ вышолъ ночью-ту изъ озира бисенокъ, зоветъ ево къ сибѣ въ гости да и говоритъ: „Ежели тибя сотона будетъ потчевать, дакъ ты не пей и не ѣшь ничево, только проси у ево перстень съ руки".

Вотъ Иванъ сѣлъ на бисенка, поѣхалъ въ озеро и пріѣхалъ прямо къ чорту. Вотъ сотона и говоритъ Ивану: „Ты ходилъ къ намъ удить и дарилъ мнѣ деньги; теперь мы за то тибя отпотчуемъ."—Иван'отъ ничево не сталъ—не *ись*, не пить, только просилъ перстень до трехъ разъ. Сотона отдалъ ему перстень; Иванъ и поѣхалъ на бисенкѣ домой.

Выѣхали на берегъ. Иванъ и сказалъ: „Нашто мнѣ перстень-отъ? онъ мнѣ великъ!“—Да и сталъ перепадѣвать съ руки на руку. Явились ему 12 молодцовъ подъ одинъ рос(т)ъ и волосы; всѣ въ голосъ и говорятъ: „Што тибѣ надо, Иванъ крестьянской сынъ?“—Онъ и сказалъ имъ: „Вотъ вамъ работа—унесите эту рыбу ко мнѣ домой!“—И наклалъ каждому по приполу. Пришли молодцы въ домъ и нагрузили рыбой цѣлой уголъ.

3. На другой день Иванъ и говоритъ матерѣ: „Мать, ступай къ царю и высватай за миня ево дочь“.—Мать и говоритъ: Што ты, дитетко? со всѣмъ ли ты умомъ-то? давно ли мы съ тобой нишшими были, а теперь пойдемъ сватать хъ царю!“—Иванъ таки послалъ.

Ну, вотъ, мать-та пришла къ царскому-ту дому,— іе слуги-те и не пустили къ царю-ту, прогнали. Вотъ она на другой день тихонько попала къ царю-ту. Царь-отъ и спросилъ іе: „Куды ты, баушка?“—„Сынъ,—говоритъ она:—послалъ миня свататься у тибя дочь“.—„Я отдамъ за твоева сына дочь, да штобы онъ сдѣлалъ у миня въ саду озеро: штобы въ емъ было серебряно дно, вокругъ этова озера были бы кусты, и на кажномъ кустѣ сидѣли бы птицы райскіе, пили бы писни царскіе!“

Вотъ старуха пришла домой — плачетъ; сказала Ивану: „Царь-отъ говоритъ, штобы ты сдѣлалъ у ево въ саду озеро—серебряно дно; вокругъ озера были бы кусты, и на кажномъ кустѣ сидѣли бы птицы райскіе и пили бы писни царскіе—тоды де отдамъ мою дочь за тибя“.

Иван'отъ и говоритъ: „Чо ты горюешь? Поди, мать, седни спи, завтре все будетъ готово!“

4. Вотъ Иванъ вечеромъ-то вышолъ на крылечко, передѣлъ съ руки на руки перстень,—явились ему 12 молодцовъ. Онъ имъ и сказалъ: „Сдѣлайте у царя въ саду озеро, а въ озерѣ было бы серебряно дно; вокругъ озера были бы кусты, на кустахъ были бы птицы райскіе, пили бы писни царскіе“. — По утру царь пробудился и видитъ: въ саду озеро—серебряно дно,—вокругъ озера кусты, а на кустахъ сидятъ птицы райскіе, поютъ писни царскіе.

5. Вотъ Иванъ опеть посылатъ старуху свататься. Вотъ старуха идетъ,—іе слуги подъ руки увели къ царю. Царь спрашиватъ: „Што тибѣ, баушка, надо?“ — Она и говоритъ:

„Пришла дочь твою за сынка свататься“.—Царь и говоритъ: „Пусь у тибя сын'отъ ишо сдѣлатъ, штобы былъ обѣдъ для всево моево войска, съ приборомъ для кажнова!“

Старуха пошла домой, опеть заплакала. Пришла да и говоритъ сыну-ту: „Царь-отъ говоритъ, штобы ты сдѣлалъ обѣдъ для всево войска, съ приборомъ для кажнова!“—Иванъ и говоритъ: „Поди, мать, спи!“

Вотъ онъ вечеромъ вышолъ на крыльцо, передѣлъ съ руки на руку перстень,—явились ему 12 молодцовъ и говорятъ: „Што тибѣ надо, Иванъ-крестьянскій сынъ?“—Онъ и говоритъ: „Сдѣлайте завтре у царя обѣдъ для всево войска, съ приборами для кажнова!“

На другой день царь сталъ съ постели и увидѣлъ, што все готово.

6. Вотъ старуха пошла опеть свататься. Царь и сказалъ ей: „Тоды я отдамъ дочь, коды сынъ твой сдѣлатъ завтре соборъ и мос(т)ъ, и по ему были бы трутовары, а на дорогѣ-то—красно сукно, по которому идти виньчаться имъ“.

Старуха опеть пошла домой, пуше тово заплакала. Пришла домой и разсказала все сыну.

Иван'отъ вечеромъ вышолъ на крыльцо, перенадѣлъ съ руки на руку перстень,—явились ему 12 молодцовъ. Онъ и велѣлъ имъ сдѣлать все, што царь велѣлъ.—Царь пробудился утромъ и видитъ, што все сдѣлано, какъ велѣлъ.

7. Вотъ Иванъ и царская дочь поѣхали винчаться. Оввинчались и поѣхали домой. Вотъ ночью легли молодые спать,—царевна и спрашиватъ Ивана: „Какъ это все сдѣлалъ?“—Онъ и разсказалъ, што „все я это сдѣлалъ черезъ перстень“.

Коды онъ уснулъ, она и снела съ нево перстень-отъ и пошла на крыльцо, перенадѣла съ руки на руку,—ей и явились 12 молодцовъ:—„Што тебѣ надо, царска дочь?“—„Увезите меня за море къ королю!“

По утру Иванъ пробудился,—царь ево и спросилъ: „Гдѣ,—говоритъ:—моя дочь?“—„Я,—говоритъ:—не знаю“.—„Ты, видно, іе убилъ! Я тибя посажу черезъ три дни въ острогъ!“

8. Вотъ Иванъ пошолъ на базаръ и увидѣлъ: несетъ мужикъ собаку продавать. Онъ и спросилъ: „Сколько за іе просишь?“—„Сто рублей“.—Иванъ и купилъ собаку-ту.

На другой день опеть пошолъ на базаръ и видитъ: не-

сетъ мужикъ кошку продавать. — „Много ли, — говоритъ: — возмешь?“ — „Сто рублей“. — Иванъ и кошку купилъ.

Вотъ ужъ срокъ пришолъ. Иванъ и послалъ собаку къ матерѣ, штобы она запасла сухарей на три годы. Вотъ и заперли Ивана въ каменной столбъ. Собака носитъ ему сухари, а кошка по столбу подаетъ; всѣ сухари сносила. Тоды Иванъ и сказалъ собакѣ да кошкѣ: „Подите вы за море къ королю по перстень! подласкайтесь къ имъ да и уташшите перстень-отъ!“

9. Вотъ кошка да собака прибѣжали къ королю за море. Собака стала служить въ избѣ [т. е. на кухнѣ]: чо велятъ повару подать, то подас(т)ъ собака. А кошка прислуживала въ горницѣ: носила, чо велятъ носить служанкѣ. Царицѣ это погленулось, она и стала брать кошку съ собой спать.

А кошка сказала собакѣ: „Когда я перстень возму, мы съ тобой вмистѣ и побѣжимъ домой!“

Царица лежилась коды спать, дакъ перстень-отъ въ ротъ брала. Вотъ кошка и поймала ночью мышь, да хвостикомъ-то и ткнула царицѣ въ носъ; царица-та счихнула, а перстень-отъ и выпалъ у іе изъ роту-ту. Кошка схватила перстень-отъ да съ собакой—дуй-не стой, побѣжали домой.

10. Добѣжали до моря и стали спорить, кому кольцо нести черезъ море. Кошка и говоритъ: „Я понесу“. — Вотъ сѣла она на собаку-ту и говоритъ ей: „Ты у миня, смотри, не спрашивай: далеко ли берекъ!“ — А сама взела перстень-отъ въ ротъ. Вотъ немного отъ берегу-ту отплыли,—собака и спрашиватъ: „Далеко ли берекъ?“—Кошка ничево не говоритъ. Отплыли ишшо, собака *вдругоредь* спрашиватъ. Кошка опеть ничо не говоритъ.

Вотъ стали къ берегу подплывать, собака и спросила кошку-ту: „Скоро ли чо ли доплывемъ?“—Кошка-та сказала да и выронила перстень-отъ въ воду. Коды вышли на берекъ, кошка и стала ругать собаку: „Ахъ ты, вѣсоухая! отъ тибя, вѣдь, уронила я перстень-отъ!“

11. Побѣжали онѣ по берегу и увидѣли рыбака. Стали у ево прислужничать. Рыбакъ и зарыбачилъ шшуку. Вотъ сталъ чистить шшуку-ту, перстень-отъ и выпалъ у іе изъ брюха. Онъ взялъ да и положилъ перстень-отъ въ балаганъ на полку. Кошка это дѣло смитила, *подтибрила* перстень-отъ да дуй—не стой!

Прибѣжали къ каменному столбу, а Иванъ ужъ доѣдатъ послѣдной сухарикъ. Отдали онѣ ему кольцо.

Вотъ онъ перенадѣлъ ево съ руки на руку,—явились 12 молодцовъ; онъ имъ и сказалъ: „Разломайте столбъ!"— Коды разломали этотъ столбъ, Иванъ и сказалъ царю: „Вотъ гдѣ твоя дочь!"—А іе 12 молодцовъ привезли съ королемъ на постелѣ сонной.

Царь приказалъ розстрилеть короля въ воротахъ. А Иванъ-крестьянской сынъ сталъ съ царской дочерью жить да поживать, да и теперя живутъ.

---

88. Заяцъ и лисица.

[Лиса-повитуха].

(Напечатано въ Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1863 г., № 43, стр. 220).

1. Жилъ-былъ зайчикъ да лисичка. У зайчика-та избушка лубенна, а у лисички-то леденна. Вотъ пришла весна—у лисички-то избушка и ростаела.

Вотъ она и пришла къ зайчику проситься да и говоритъ: „Кумонекъ, кумонекъ, пусти-ко миня на порожикъ".—Зайчикъ и говоритъ: „Лизь, кумушка".

Вотъ она посидѣла, посидѣла на порожкѣ-то да и говоритъ: „Кумонекъ, кумонекъ, пусти-ко миня на приступочекъ".—„Лизь, кумушка".

Лисичка посидѣла, посидѣла да опеть говоритъ: „Кумонекъ, кумонекъ, пусти-ко миня на *голбчикъ*".—„Лизь, кумушка".

Вотъ она посидѣла, посидѣла да и говоритъ: „Кумонекъ, кумонекъ, пусти-ко миня на полатцы-те".—„Лизь,—говоритъ:—кумушка, лизь".

2. Вотъ лисичка полѣзла на полатцы, легла спать да и говоритъ: „Кумонекъ, ты меня утрѣ разбуди—миня *бабиться* станутъ звать".—„Ладно, кумушка".

Вотъ ночью лисичька и стучитъ хвостомъ. Зайчикъ и говоритъ: „Чу! кумушка, ставай: тибя бабиться зовутъ".— Лисичка соскочила да и побѣжала на *вышку*, масличько

ись: у зайчика на вышкѣ-то масличко было. Вотъ она почала масличко-то и пришла въ избушку; зайчикъ и спрашиватъ у іе: „Ково Богъ далъ?“—„Початышка“.

3. На другу ночь лисичка наказыватъ опеть зайчику: „Кумонекъ, ты миня разбуди — миня бабиться станутъ звать“.—„Ладно“.

Вотъ пришла ночь. Лисичка и стучитъ хвостомъ о полатцы...—„Чу!—говоритъ зайчикъ: — ставай, кумушка: тибя бабиться зовутъ“. — Лисичка соскочила и побѣжала опеть на вышку, масличко ись. Вотъ поѣла и пошла въ избушку.— „Ково Богъ далъ?“ спрашиватъ зайчикъ.—„Середышка“.

4. На третью ночь лисичка опеть наказыватъ зайчику: „Кумонекъ, ты миня утрѣ разбуди: миня бабиться станутъ звать“.—„Ладно, кумушка“.

Вотъ, и опеть ночью стучитъ лисичка хвостикомъ въ полатцы.—„Чу! кумушка, ставай—тибя бабиться зовутъ“.

Соскочила лисичка и убѣжала на вышку масличко ись. Вотъ поѣла и пришла въ избушку.—„Ково Богъ далъ?“ спрашиватъ зайчикъ.—„Заскребышка“.

5. Вотъ по одно утро и здумалъ зайчикъ *оладышки* изжарить, да и говоритъ лисичкѣ: „Кумушка, поди-ко сходи— гдѣ-то было масличко на вышкѣ, дакъ принеси“.

Лисичка сбѣгала на вышку и говоритъ: „Нѣтъ, кумонекъ, ничево нѣту на вышкѣ-то“.—„Какъ, кумушка, нѣту? было! Дай-ко я самъ схожу!“—Сходилъ зайчикъ да и говоритъ: „Ты, видно, кумушка, съѣла?“—„Нѣтъ, кумонекъ, ты самъ съѣлъ да и забылъ“.

6. Зайчикъ и говоритъ: „Дай-ко, ляжемъ на *шостокъ*: изъ ково вытопится масличко-то, тотъ и съѣлъ“.—„Ладно, кумонекъ“.

Вотъ легли на шостокъ. Зайчика пригрѣло, онъ и уснулъ. Изъ лисички-то и вытопилось масличко; она имъ вымазала зайчика да и будитъ: „Кумонекъ, кумонекъ! смотри-ко: ты вѣдь масличко-то съѣлъ!“

7. „Чо-жо, кумушка, станемъ ись-то теперь?“ — „Ну, кумонекъ, промыслимъ чо-ненабудь!“ — Вотъ и побѣжала лисичка на дорогу. Видитъ: *оввозъ* (обозъ) идетъ съ рыбой; вотъ и легла она, быдьто мертвая. Увидѣлъ одинъ мужикъ и закрычалъ: „Робята, лисица лежитъ!“—Взели мужики эту лисицу и положили въ возъ съ рыбой.

Ѣдутъ--ничево не знаютъ; а она тихонько проѣла сани-те и выпушшатъ на дорогу рыбку за рыбкой. Вотъ, какъ высыпала весь воз'отъ, соскочила да и убѣжала въ избушку къ зайчику.—„Кумонекъ, кумонекъ, пойдемъ рыбу собирать".

И пошла лисичка да зайчикъ, собрали рыбку. И стали жить да поживать, да рыбку поѣдать.

---

89. „Ворона-карабута".

[О неправомъ судѣ птицъ].

(Записано въ Усольѣ А. Вологдинымъ.—Напечатано въ Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1863 г., № 44, стр. 223).

1. Въ нѣвкоторомъ царствѣ,
Въ нѣвкоторомъ государствѣ,
Собирались, солетались
На зеленой на лужокъ,
Во единой во кружокъ.
Вибирали сибѣ начальниковъ—
Царя—бѣла лебедя,
Филина—губернатора,
Жаравля—прикашшика;
Синка—мелка розсылка,
Воробей—*коморка*,
Галка—съ палкой,
Сорока—сотникъ.
Воронѣ-карабутѣ недостало чина.
Она политѣла съ этово *) совѣта,
Залитѣла въ кабакъ,
Выпила вина на петакъ,—
Стала пьяна и хмѣльна.
Литѣла мимо кукушкина дому:
У кукушки домъ новой,
Верхъ *шатровой*.
Ворона верхъ сломала,
Двери выставила,—
Избу выстудила;
Дитей перевезала
Да въ *голбецъ* побросала.

---

*) Въ подлинникѣ: съ стово.

Опеть политѣла на *сушину*,
На самую вершину.
Кукушка домой прилетатъ,
Свой домъ не узнаватъ:
—„У миня весь домъ былъ новой,
Верхъ шатровой,
А теперь верху нѣту,
Двери выставлены,—
Изба выстужена!“
Дити отвичали:
„Ворона-карабута литѣла съ совѣта,
Верхъ сломала,
Двери выставила,—
Избу выстудила;
Насъ перевезала
Да въ голбецъ побросала“.—
2. Вотъ сдѣлали розыскъ:
Послали сороку-сотника,
Галку съ палкой,
Воробья коморку.
Вотъ литятъ онѣ искать.
Сидитъ ворона на сушинѣ,
На самой вершинѣ.
Галка палкой: тар-тарки,
А ворона-карабута: кар-карки!
Политѣла ворона-карабута
Ко царю-бѣлу лебедю,
Къ филину-губернатору,
Къ журавлю-прикашшику.
Онѣ судили да редили,
Да на волю ворону и пустили.
Вотъ ворона политѣла
Къ молодой вдовой солдаткѣ.
Салдатка-та ткала пестредь;
На эту пестредь налитѣлъ ястребь.

Ворона-карабута накупила пестреди на штаны да на рубахи начальникамъ и раздарила.

Тутъ ворону оввинили,
Наказанье присудили:
Сдѣлать топорикъ
Изъ игольнова ушка
Да нарубить топорикомъ
Три возы *сырняка*.
Судьи говорятъ: тар-тарки,
А ворона-карабута: кар-карки!

---

90. Козелъ и козлушка *).

(Записано въ Усольѣ. — Напечатано въ Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1863 г., № 44, стр. 223—224).

Жилъ козелъ съ козлушкой.
Козелъ пошелъ по лыка,
Коза—по орѣшки;
Козелъ пришолъ съ лыками,—
Нѣтъ козы съ орѣшками.
—„Ладно жо ты, коза!
Сошлю на тя волковъ!"
Волки нейдутъ козу *ись.*
Нѣтъ козы съ орѣшками,
Съ ручками, съ ножками,
Съ буйною головкою **).
—„Ладно жо вы, волки!
Сошлю на васъ людей!"
Люди нейдутъ волковъ бить,
Волки нейдутъ козу ись.—
Нѣтъ козы съ орѣшками,
Съ ручками, съ ножками,
Съ буйною головкою.
—„Ладно жо вы, люди!
Сошлю на васъ медвидей!"
Медвидь нейдетъ люди давить,
Люди нейдутъ волковъ бить,
Волки нейдутъ козу *ись.*—
Нѣтъ козы съ орѣшками,
Съ ручками, съ ножками,
Съ буйною головкою.
—„Ладно жо вы, медвиди!
Сошлю на васъ огонь!"
Огонь нейдетъ медвидь палить,
Медвидь нейдетъ люди давить,
Люди нейдутъ волковъ бить,
Волки нейдутъ козу ись.—
Нѣтъ козы съ орѣшками,
Съ ручками, съ ножками,
Съ буйною головкою.

---

*) Сказка эта на Иньвѣ и въ Усольѣ говорится, а не поется (*Вологдинъ*).

**) По варіантамъ, записаннымъ мною въ Добрянкѣ и въ Кудымкорѣ (на Иньвѣ), прибавляется: „съ золотыми рожками" (*П. Вологдинъ*).

—„Ладно жо ты, огонь!
Сошлю на тя воду!“
Вода нейдетъ огонь лить,
Огонь нейдетъ медвидь палить,
Медвидь нейдетъ люди давить,
Люди нейдутъ волковъ бить,
Волки нейдутъ козу ись.—
Нѣтъ козы съ орѣшками,
Съ ручками, съ ножками,
Съ буйною головкою.
—„Ладно жо ты, вода!
Сошлю на тя быковъ!“
Быки нейдутъ воду пить,
Вода нейдетъ огонь лить,
Огонь нейдетъ медвидь палить,
Медвидь нейдетъ люди давить,
Люди нейдутъ волковъ бить,
Волки нейдутъ козу ись.—
Нѣтъ козы съ орѣшками,
Съ ручками, съ ножками,
Съ буйною головкою.
—„Ладно жо вы, быки!
Сошлю на васъ дубы!“
Дубы нейдутъ быковъ бить,
Быки нейдутъ воду пить,
Вода нейдетъ огонь лить,
Огонь нейдетъ медвидь палить,
Медвидь нейдетъ люди давить,
Люди нейдутъ волковъ бить,
Волки нейдутъ козу ись.—
Нѣтъ козы съ орѣшками,
Съ ручками, съ ножками,
Съ буйною головкою.
—„Ладно жо вы, дубы,
Сошлю на васъ топоръ!“
Топоръ нейдетъ дубы рубить,
Дубы нейдутъ быковъ бить,
Быки нейдутъ воду пить,
Вода нейдетъ огонь лить,
Огонь нейдетъ медвидь палить,
Медвидь нейдетъ люди давить,
Люди нейдутъ волковъ бить,
Волки нейдутъ козу ись.—
Нѣтъ козы съ орѣшками,
Съ ручками, съ ножками,
Съ буйною головкою.
—„Ладно жо ты, топоръ!
Сошлю на тя гору!“

Гора нейдетъ топоръ тупить,
Топоръ нейдетъ дубы рубить,
Дубы нейдутъ быковъ бить,
Быки нейдутъ воду пить,
Вода нейдетъ огонь лить,
Огонь нейдетъ медвидь палить,
Медвидь нейдетъ люди давить,
Люди нейдутъ волковъ бить,
Волки нейдутъ козу ись.—
Нѣтъ козы съ орѣшками,
Съ ручками, съ ножками,
Съ буйною головкою.
—„Ладно жо ты, гора!
Сошлю на тя черви!“
Черви нейдутъ гору точить,
Гора нейдетъ топоръ тупить,
Топоръ нейдетъ дубы рубить,
Дубы нейдутъ быковъ бить,
Быки нейдутъ воду пить,
Вода нейдетъ огонь лить,
Огонь нейдетъ медвидь палить,
Медвидь нейдетъ люди давить,
Люди нейдутъ волковъ бить,
Волки нейдутъ козу ись.—
Нѣтъ козы съ орѣшками,
Съ ручками, съ ножками,
Съ буйною головкою.
—„Ладно жо вы, черви!
Сошлю на васъ гусей!“
Гуси нейдутъ черви шшипать,
Черви нейдутъ гору точить,
Гора нейдетъ топоръ тупить,
Топоръ нейдетъ дубы рубить,
Дубы нейдутъ быковъ бить,
Быки нейдутъ воду пить,
Вода нейдетъ огонь лить,
Огонь нейдетъ медвидь палить,
Медвидь нейдетъ люди давить,
Люди нейдутъ волковъ бить,
Волки нейдутъ козу ись.—
Нѣтъ козы съ орѣшками,
Съ ручками, съ ножками,
Съ буйною головкою.
—„Ладно жо вы, гуси!
Сошлю на васъ ножи!“
Ножи нейдутъ гуси рѣзать,
Гуси нейдутъ черви шшипать,
Черви нейдутъ гору точить,

Гора нейдетъ топоръ тупить,
Топоръ нейдетъ дубы рубить,
Дубы нейдутъ быковъ бить,
Быки нейдутъ воду пить,
Вода нейдетъ огонь лить,
Огонь нейдетъ медвидь палить,
Медвидь нейдетъ люди давить,
Люди нейдутъ волковъ бить,
Волки нейдутъ козу ись.—
Нѣтъ козы съ орѣшками,
Съ ручками, съ ножками,
Съ буйною головкою.
—„Ладно жо вы, ножи!
Сошлю на васъ брусья!“
Брусья пошли ножи точить,
Ножи пошли гусей рѣзать,
Гуси пошли черви шшипать,
Черви пошли гору точить,
Гора пошла топоръ тупить,
Топоръ пошолъ дубы рубить,
Дубы пошли быковъ бить,
Быки пошли воду пить,
Вода пошла огонь лить,
Огонь пошолъ медвидь палить,
Медвидь пошолъ люди давить,
Люди пошли волковъ бить,
Волки пошли козу ись,—
Пришла коза съ орѣшками,
Съ ручками, съ ножками,
Съ буйною головкою,
Съ бѣлою бородкою.
Взялъ козелъ козу за гриву,
Повалилъ на спину;
Черева—на дерева,
Кишки—на бадажки,
Рожки да ножки
Бросилъ за окошко;
Головушку—подъ кустикъ,
Бородушку—на кустикъ,
Кожурипочку повисилъ на осиночку,—
Тутъ козѣ и поминочки!..

---

91. Щука да елецъ.

(Пермскія Губернскія Вѣдомости 1863 г., № 44, стр. 224).

Жилъ-былъ старикъ со старухой; у ихъ подъ окномъ-то было озеро—

Тамо шщука да елецъ—
Тутъ и сказкѣ конецъ.

---

92. Журавль да синичка.

(Пермскія Губернскія Вѣдомости 1863 г., № 44, стр. 224).

Жили-были журавль да синичка;

Поставили онѣ стожокъ сѣнца,—
Да опеть съ *конца...* и т. д.

---

93. Сказка про бѣлаго быка.

(Пермскія Губернскія Вѣдомости 1863 г., № 44, стр. 224).

— Сказать ли тибѣ сказку про бѣлова быка?

— „Скажи".

— Ты говоришь: скажи, да я говорю: скажи. Сказать ли тибѣ сказку про бѣлова быка?

— „Нѣтъ".

— Ты говоришь: нѣтъ..... и т. д. ad infinitum.

---

94. Присказка *).

(Пермскія Губернскія Вѣдомости 1863 г., № 44, стр. 224).

Я у ихъ былъ, да медъ пилъ. Мнѣ дали колпакъ, да *почали* изъ избы-то толкать. Дали шшуку—я дверей-то не ушшупалъ. Дали шлыкъ—я въ поворотню-то швыркъ. Мнѣ дали леденну лошадку, да рѣпно сѣделышко, да сименну уздичку, да синей кафтанъ, да красны *коты*. Я ѣду, — *синочка* и кричитъ: „синь да хорошъ!"—А мнѣ *почулося*: „скинь да положъ!" Я и положилъ подъ *кокору*, и самъ не знаю, подъ котору. Синочка опеть кричитъ: „красны коты!" — А мнѣ почулося: „драны коты!" Я взялъ да и бросилъ. Я замерзъ безъ кафтана-та; вотъ увидѣлъ огонь; пріѣхалъ — у миня лошадка-та и ростаяла; а сѣделышко-то свиньи съѣли.

---

*) Говорится въ заключеніе (*П. В.*).

95. Сказка о Наполеонѣ.

(Записана въ Верхотурскомъ уѣздѣ, священникомъ села Ляля́нскаго Петромъ Словцовымъ въ 1848-мъ году. Напечатана въ „Запискахъ И. Р. Географическаго Общества по Отдѣленію Этнографіи“, томъ I-ый, 1867 г., стр. 655—659. Печатается нами по подлиннику, хранящемуся въ Архивѣ И. Р. Географическаго Общества (рукопись XXIX. 22); въ Запискахъ Геогр. Общ. сохранены далеко не всѣ особенности мѣстнаго говора, отразившіяся въ записи о. Словцова, есть нѣсколько пропусковъ и нѣкоторыя стилистическія поправки.—П. Словцовъ сообщаетъ, что онъ два раза слышалъ эту сказку „о причинѣ войны 1812 г.“ отъ своихъ прихожанъ, двухъ старичковъ; разсказчики полагали, что сказка эта вѣрно передаетъ дѣйствительныя событія).

1. Французской восударь Палеонъ былъ сильной и могучой человѣкъ, завладѣвалъ многимъ восударствамъ и, завидуя благочестливой жизни нашего Батюшка Восударя Олекса́ндры Павловича, задумалъ было итти и на Ево войной, но не смѣлъ напуститься просто, — первоначельно пишетъ Ему, батюшку, *грамотку* таковую: „Руской Царь Олекса́ндро Павловичь! Я знаю, что Ты силенъ и всѣмъ богатъ, но у меня есть двѣнадцать енараловъ,—прокормишъ ли Ты ихъ цѣлой годъ изъ серебренной посуды, чтобы самоваръ, чашки, ложки, ножички и вилки, всё чтобы у Тебя было серебренное? если прокормишъ, дакъ я съ Тобой стану жить мирно и никогда съ Тобой не стану воевать, а ежели не прокормишъ, то я нынѣ же на Тебя пойду войной“.

Царь Олександро Павловичъ прочиталъ эту грамотку и призадумался. Назавтре созвалъ Онъ къ Своей милости всѣхъ Своихъ главныхъ сенато́ровъ и енараловъ и объявилъ имъ Французскаго Палеона грамотку: „Воспода мои, главные сенаторы и енаралы! Вотъ намъ чево пишетъ Французской царь Палеонъ, разсудите и посовѣтуйте, чево мы станемъ съ нимъ дѣлать?“—Одни говорили, чтобъ не принимать Французскихъ енараловъ къ себѣ на кормъ, а другіе говорили принять, наконецъ всѣ сообща рѣшились, чтобъ ихъ принять. Восударь своерушно отписалъ Палеону такую же грамотку, повелѣлъ ему прислать енараловъ на кормъ къ Ево Царской милости.

2. Между тѣмъ изладили для нихъ особенную *фатеру*, заблаговременно унесли тамъ серебренный самоваръ, серебренныя чашки, ложки и вилки, да всё, съ чево они должны были *ись* и пить, всё серебренное. Черезъ недолгое время явились енаралы прямо во дворецъ къ нашему Батюшку. Онъ ихъ принялъ, *побаялъ* съ ними немножко и велѣлъ ихъ свести въ излаженную для нихъ фатеру. Вотъ они пришли,—фатера имъ шибко поглянулась, потому што *баско* было въ ней улажено. Тутъ было наряжено Восударемъ 12 мальчиковъ въ услуги енараламъ.

Енаралы приказали имъ поставить самоваръ. Самоваръ скипѣлъ;—вотъ они начали кушать чай, пили, пили, всё изъ самовара выпили, самоваръ съили и чашки съили, а всё было серебреное; вѣть пособило же имъ, *бачько* ваше басловленье! вотъ какіе на свитѣ есть мудрые люди. Немного погодя, велѣли мальчикамъ подать *ужну* и *ерофіевичу*. Мальчики подали. Вотъ они испили ерофіевичу, бутылки съили и чарочьки съили. Подобнымъ образомъ поступили и съ посудой, на которой подавали имъ ужну. Мальчики видятъ, что дѣло-то выходитъ не *хихи*, отправили на первой расъ наложенную на нихъ службу, въ разъ доложили объ этомъ Ево Величеству. Восударь этому подивился, а отказать имъ отъ корму не смѣлъ.

Вотъ они живутъ день, другой и третій, недѣлю, двѣ и три, мисясъ, два и три, наконецъ ужъ у нашова Батюшка мало стало серебра, не изъ чево ужъ сдѣлалось ладить посуду енараламъ. Созвалъ Онъ къ себѣ сенаторовъ и енараловъ на согласье. Восударь и енаралы думали, думали да и умомъ-то развели, а придумать ничево не могли; не знали, что дѣлать съ Палеопывыми обжорами; наконецъ придумали поставить на *ростани* въ разные города столпы съ таковыми *надписаціями*: „не найдется ли какой нибудь человѣкъ, который бы могъ сдѣлать надъ Французскими енаралами то, чтобъ они не могли пожирать Царское серебро, которова шипко мало".

3. Вотъ и поставили столпы съ надписаціями. Кто бы ни ѣхалъ, кто бы ни шолъ, всѣ читали надписаціи и нашему брату—неграмотнымъ сказывали о таковой неслыханной *дивовъжѣ*, но только пособить этому горю никто не могъ. Наконецъ идетъ мимо этѣхъ надписацій попъ ра-

стрига, а онъ, не прогнѣвайся, *бачько* ваше бласловенье, былъ растриженъ за лишную чарочьку и хитрыя дѣла. Вотъ этотъ попъ прочиталъ надписацію и сказалъ: „объ эдакомъ пустомъ дѣлѣ нечево бы Ево Величеству и печелиться, я въ разъ могу сдѣлать надъ Французскими енаралами то, что они всю посуду, которую пріѣли у Ево Величества, всю возвратятъ". — Тутъ было народу много, въ разъ къ попу привязались, но онъ отъ своихъ словъ не отпирался и говорилъ: „хоть сейчасъ же вéдите меня къ Ево Величеству". — Вотъ ево забрали и повели къ Восударю и объяснили, что онъ вызывается пособить великому горю Вашего Величества.

Восударь самъ спросилъ попа растригу; попъ отвѣчалъ Царю тоже, что и предъ народомъ говорилъ, но только прибавилъ слѣдующее: „Ваше Царское Величество! Вы прикажите мнѣ сшить платье какова нибудь иностраннаго короля и спарядите меня въ оное, скажите енараламъ, что я пріѣхалъ изъ такова-то королевства и хочу стоять на той же фатерѣ, что и Французскіе енаралы, — прикажите меня обрѣть и умыть, дайте мнѣ въ услуги мальчика, при закускѣ повелите мнѣ подавать бутылку хорошова простова вина и изрядный стаканъ, прикажите сдѣлать стальную торелку и вилку стальную, а на закуску ни хлѣба, ни соли ничево не надо, только бы было винцо".

4. У восударя, бачько ваше бласловленье, не такъ, какъ у нашова брата, — о чемъ скажетъ, то и готово. Вотъ нашъ батько снарядился королемъ; вдругъ разнеслась молва по Питеру, что изъ такова-то королевства пріѣхалъ къ Восударю такой-то король, дошла вѣсть и до Французскихъ енараловъ. Черезъ недолгое время Восýдарь нашъ Батюшко Олексáндро Павловичъ послалъ къ Палеоновымъ енараламъ человѣка сказать имъ, что къ Нему пріѣхалъ гость изъ такова-то королевства король и проситъ, чтобъ ему повелѣно было *фатеровать* вмѣстѣ съ Французскими енаралами. Енаралы согласились принять ево къ себѣ въ товарисши. Пріѣхалъ король къ нимъ на фатеру. Вотъ они ево приняли, *побаяли* съ нимъ.

Наступило время закуски; енараламъ подали ерофіевичу и хлѣба-соли на закуску, а королю бутыль съ простымъ виномъ, простую стальную торелку, необычайной величины

стальную вилку, *дородной* стаканъ, а болѣе ничево, ни хлѣба, ни соли. Енаралы начали выпивать и закусывать, а король налилъ себѣ стаканъ *простяка*, выпилъ и закусывать было нечѣмъ. Енаралы выпили ерофіевичу, бутылки съѣли и рюмки съѣли. Король, посматривая на нихъ, выпилъ и другой стаканъ, опять сидитъ; енаралы подбираютъ какъ кушанья, подносимыя имъ, такъ и посуду. Король налилъ и третій стаканъ, выпилъ, взялъ свою стальную вилку, цапъ Палеонова енарала въ голову и проглотилъ, какъ кашу съ масломъ; вышелъ изъ-за стола, помолился и воздалъ Царю заочную благодарность. Такимъ образомъ одинадцать енараловъ онъ съѣлъ при разныхъ закускахъ, остался только одинъ.

5. Попъ просилъ Ево Величество пожаловать къ нему на фатеру. Восударь пріѣхалъ; попъ стрѣтилъ Ево съ подобаюсшею честью и обьяснилъ, что онъ то-то сдѣлалъ надъ енаралами. Восударь и самъ испужался, слушая о такихъ страшныхъ дѣяніяхъ. Попъ обращается къ Ево Величеству и спрашиваетъ: „Великій Восударь! что прикажите сдѣлать надъ послѣднимъ енараломъ, съись ли ево или оставить для языка Палеону?"—Восударь отдалъ на ево волю; попъ сказалъ: „этова сереброѣда Палеонова оставимъ".

„Ваше Величество,—говоритъ онъ Восударю:—прикажите сдѣлать 12 котловъ чигунныхъ и поставить на какую нибудь площадь, налить въ нихъ смолы и подогрѣть маленько, да купить 12 кулей перьевъ, подать 12 глухихъ кибитокъ съ лошадьми и емщиками".—Восударь приказалъ, и черезъ сутки всё было готово. Когда было сказано, что всё готово, попъ взялъ съ собой послѣдняго енарала и поѣхалъ къ Восударю; явившись къ нашему Батюшку Олександрѣ Павловичу, сказалъ Ему: „Ваше Величество, прошу Васъ покорнюющe пожаловать со мною вмѣстѣ на приготовленную площадь и посмотрѣть, что я сдѣлаю еще надъ Палеоновыми сереброѣдами".—Восударь поѣхалъ и попъ съ послѣднимъ енараломъ.

Пріѣхали на площадь, народу было видимо-невидимо, тьма тьмусшая. Всѣ смотрятъ, что будетъ дѣлать попъ. Попъ рыгнулъ и вырыгнулъ енарала:—„ну, енаралъ, умѣлъ ты у нашова батюшка Олекса́ндры Павловича *ись* серебрен-

ную посуду, давай же ее!"—Вотъ енаралъ и началъ рыгать; всё, что съѣлъ, всё вырыгалъ.—„Всё ли?" спрашиваетъ попъ.—„Всё, великій король такой-то",— отвѣчаетъ енаралъ.— „Скачи въ смолу!"—приказываетъ попъ. Енаралъ скочилъ.— „Вылѣзай оттуда!"—Енаралъ вылѣзъ.—„Посадите ево и немедленно отправьте къ Палеону".

Такъ поступилъ попъ со всѣми 12-ью енаралами. Посуду подбирать не могли, возами возили въ казначейство Восударево. Енаралы въ какомъ видѣ были отправлены изъ Питера къ Палеону, въ такомъ и явились ему.

6. Палеонъ выслушалъ отъ нихъ жалобу на нашова Олександру Павловича и пошолъ на Ево войной. А Богъ-отъ вѣть не попустилъ же ему завладать нашимъ восударствомъ; онъ же раззорился, а мы, Божьей милости да по Восударевой великой силѣ, и теперь живёмъ спокойно. Дакъ вотъ, бачько ваше бласловенье, какіе хитрые были люди у покойнаго Восударя нашова Олександры Павловича, дай Ему Господи царство небесное, а Миколаю Павловичу много лѣтъ здравствовати. Вѣть это, бачько, должно быть сусшая правда? Палеонъ-отъ вѣдь шипко наступалъ на нашова-та Восударя и въ бѣлокаменную-ту Москву ужъ, говорятъ, заходилъ.

---

96. Князь Кіевскій Владиміръ и Илюшка сынъ Матросовъ.

(Записано извѣстнымъ Пермскимъ фольклористомъ Александромъ Никифоровичемъ Зыряновымъ въ 1850-хъ годахъ, въ Шадринскомъ уѣздѣ.— Напечатано въ „Запискахъ И. Р. Географическаго Общества по отдѣленію Этнографіи“, томъ I-ый, 1867 г., стр. 659—661).

Начинается моя сказка сказываться отъ сосны, отъ софьи, отъ курицы *виноходы* и поросеночька *чиступчетово*. Ну слушайте:

1. Въ нѣкоторомъ было царствѣ, въ славномъ Кіевскомъ государствѣ жилъ поживалъ Владиміръ князь—солнце Кіевское. Задумалъ этотъ князь спoженитися и засваталъ онъ за далекими землями за широкими морями, за дремучими лѣсами, у премудраго царя Философа, прекрасную дочь Марфу. Надо ѣхать ему по невѣсту. Вотъ и собираетъ князь Владиміръ всѣхъ князей и бояръ и думныхъ сенаторовъ на пиръ и бесѣду.

2. Шатался въ это время по кіевскимъ кабакамъ и шинкамъ Илюшка—пьянюшка, матросовъ сынъ. Спрашиватъ онъ у своихъ товаришшовъ, што это севодня у нашова князя Владиміра за пиръ и радость? нельзя ли мнѣ сходить посмотрѣть, какъ на царскихъ собраньяхъ пируютъ?—Пошолъ, онъ къ царскому двору и блиско *окони* сказалъ, што у насъ князь Владиміръ былъ прежде солнце Кіевское, а теперь онъ у насъ горе Кіевское.

Подслушали люди слова Илюшкины, слова небравыя, и донесли о нихъ князю Владиміру. Потребовалъ князь Владиміръ Илюшку на очи и сталъ онъ Илюшку спрашивати: „што ты, Илюшка пьянюшка, матросовъ сынъ, это *баиши* и меня горемъ Кіевскимъ славиши?“—Отвѣчалъ Илюшка пьянюшка, матросовъ сынъ, князю Владиміру: „засѣкъ ты дерево выше рукъ своихъ, не по себѣ невѣсту сосваталъ, много горя принесетъ она, если съ собой не возмешъ меня

по нее, то шипко будешъ ты несчасной и неталанливой."— Князь Владиміръ не повѣрилъ Илюшкинымъ словамъ и велѣлъ посадить ево въ темницу темную, за караулы крѣпкіе. Самъ межъ тѣмъ собрался со своими князьями боярами и думными сенаторами и поѣхалъ по невѣсту въ чужую даль далекую.

3. Дорогой наѣхали онѣ на рѣку, черезъ котору мостъ былъ сдѣланъ весь чугунной и большой. Когда хотѣли ѣхать они по мосту, то вдругъ выбѣжали изъ за рѣки три большушшіе быка и не стали пропускать ихъ по мосту. Тогда-то князь Владиміръ узналъ горе горькое и послалъ за Илюшкой пьянюшкой, матросовымъ сыномъ, скорово посла. Пріѣхалъ къ нему Илюшка пьянюшка и сказалъ: „што, князь Владиміръ, вспомнилъ и меня при горѣ, при кручинѣ? а при пирѣ, при бесѣдѣ, я былъ не надобенъ".

4. Потомъ, увидавши трехъ быковъ, выдернулъ онъ изъ своей правой брови три рѣснички и бросилъ ихъ на землю. Вдругъ появились три льва, три звѣря ярые, и бросились на быковъ и разорвали ихъ на мелкія части. Тогда князь Владиміръ посадилъ Илюшку пьянюшку рядомъ съ собой въ карету свою, и поѣхали вмѣстѣ по мосту.

Скоро стали подъѣзжать они подъ царство премудрова царя Философа, и Илюшка сказалъ князю Владиміру, штобы онъ дѣлалъ то только, што онъ, Илюшка, прикажетъ; а Илюшка-пьянюшка съ княземъ былъ схожъ, ликъ въ ликъ, волосъ въ волосъ, глазъ въ глазъ и оба ровны ростомъ.

5. По пріѣздѣ въ городъ остановились они на *фатеръ*. Марфа царевна услышала о пріѣздѣ своево жениха и послала ему гостинецъ, желѣзной *кольчукъ*, вѣсомъ двѣнатцать пудовъ. Ильюшка-пьянюшка, взявши этотъ гостинецъ, вышелъ на улицу и, разорвавши кольчукъ на двое, бросилъ ево царевнинымъ конюхамъ.

6. Марфа во второй разъ послала князю Владиміру своево коня дикова и *непросужова*. Илюшка-пьянюшка взялъ ево и сѣлъ на нево. Видѣли только, какъ онъ садился на нево, а не видѣли, куда дѣвался. Конь же сталъ Илюшку-пьянюшку носить на себѣ по чашшамъ и по горамъ, такъ што свѣту божьева не видѣлъ, и Илюшка-пьянишка билъ коня кулакомъ своимъ промежу ушей, такъ што пробилъ голову

ево до мозгу, отчево конь упалъ на колѣни и просилъ Илюшку человѣчьимъ голосомъ, штобы отпустилъ онъ ево живово. Илюшка соглашается, съ коня спускается, беретъ ево за поводъ и отводитъ къ царевнинымъ конюхамъ.—„Экъ какъ клячу дали вы мнѣ, што не могла до двора довезти“, сказалъ онъ имъ.

7. Послѣ этова сдѣлали свадьбу, и скоро князь Владимiръ отправился въ славной градъ Кiевъ со своей молодой женой и своими кнезьями и боярами. Сталъ тамъ онъ жить да поживать и царствомъ управлять.

Я тутъ былъ да пиво пилъ, по усамъ-то текло да въ рототъ не попало; дали мнѣ-ка синь колпакъ да начали меня изъ избы-то толкать, дали мнѣ-ка шшуку и я двери-те не мок ушшупать.

---

97. Чертъ заимодавецъ.

(Записано А. Н. Зыряновымъ въ Шадринскомъ уѣздѣ, въ 1850-хъ годахъ.—Напечатано въ „Запискахъ И. Р. Г. Общ. по отд. Этнографiи“, т. I-ый, 1867 г., стр. 661—662).

1. У мужика случилась бѣда, а на бѣду надо денегъ. Между тѣмъ денегъ нѣтъ; гдѣ ихъ взять? Надумался мужикъ идти къ черту просить денегъ въ займы. Приходитъ онъ къ нему и говоритъ: „Дай, чертъ, въ займы денегъ“.—„На што тебѣ?“—„На бѣду.“—„Много ли?“—„Тысячу“.—„Когда отдашъ?“—Завтра“.—„Изволь“, сказалъ чертъ и отсчиталъ ему тысячу.

2. На другой день пошелъ онъ къ мужику за долгомъ. Мужикъ говоритъ ему: „приходи завтра“.—На третiй день онъ пришелъ. Мужикъ опять велѣлъ придти завтра. Такъ ходилъ онъ сряду нѣсколько дней. Мужикъ *одинова* говоритъ ему: „чѣмъ тебѣ часто ходить ко мнѣ, то я вывѣшу на воротахъ моихъ доску и напишу на ней, когда тебѣ приходить за долгомъ“.—„Ладно“, отвѣтилъ чертъ и ушелъ. Мужикъ написалъ на доскѣ: приходи завтра, и повѣсилъ

ее къ воротамъ. Чертъ разъ пришолъ, два пришолъ, на воротахъ все одна надпись. — Дай, говоритъ онъ самъ съ собой, не пойду завтра къ мужику, и не пошелъ.

3. На третей день идетъ къ нему и видитъ на воротахъ другую надпись: „вчера приди“.—Экъ меня *угибало,* сказалъ чертъ, не могъ вчера я придти, видно пропали мои денежки!— И съ тѣхъ поръ *попустился* онъ своему долгу.

СКАЗКИ, РАЗСКАЗАННЫЯ БАШКИРАМИ.

Сказки, разсказанныя башкирами.

Наше представленіе о русскихъ сказкахъ Пермской губерніи были бы далеко не полнымъ, если бы мы не упомянули о сказкахъ, разсказываемыхъ башкирами. На Уралѣ сказка — нѣчто международное; по крайней мѣрѣ, обмѣнъ сказокъ между мѣстными башкирами и великоруссами внѣ всякаго сомнѣнія. Взаимныя сношенія представителей этихъ двухъ народностей весьма часты и тѣсны. Въ частности, въ артеляхъ неводчиковъ (рыбаковъ) и въ рудникахъ работаютъ тѣ и другіе вмѣстѣ; а такъ какъ башкиры-рабочіе хорошо знакомы съ русскимъ языкомъ, то, при общихъ ночевкахъ, въ долгіе осенніе и зимніе вечера, они одинаково слушаютъ русскія сказки и разсказываютъ свои сказки.

Съ другой стороны, башкиры-солдаты знакомятся отъ товарищей въ военной службѣ съ русскими сказками, и также передаютъ русскимъ солдатамъ свои туземныя сказки. Этотъ послѣдній обмѣнъ сказками имѣетъ не только мѣстное, Уральское, значеніе, но и общерусское: русскіе солдаты легко могутъ разнести башкирскія сказки по всей Россіи.

Въ деревнѣ Берденишѣ, Мякотинскаго сельскаго общества башкирской Карабольской волости Екатеринбургскаго уѣзда, проживаетъ башкиръ-солдатъ Гасфуръ Юсуповъ Каримовъ, который знаетъ очень много какъ башкирскихъ, такъ и русскихъ сказокъ. Послѣднія онъ выслушалъ въ военной службѣ (служилъ въ матросахъ), а башкирскія сказки выслушалъ—частью въ дѣтствѣ, а большею частью въ юности, служа работникомъ въ разныхъ башкирскихъ деревняхъ. Память у Каримова очень богата, но по-русски говоритъ онъ весьма плохо — крайне ломаннымъ и неправильнымъ языкомъ, который трудно и признать за русскій. Я не записывалъ отъ Юсупова тѣхъ сказокъ, кото-

рыя онъ самъ (равно какъ и слушатели-башкиры) называлъ „башкирскими сказками“ и которыя онъ выслушалъ, по его словамъ, дома отъ башкиръ. Изъ русскихъ же сказокъ, вынесенныхъ Юсуповымъ изъ военной службы, я записалъ четыре въ извлеченіи. Богатый сказочный репертуаръ Юсупова, какъ башкирскій, такъ и русскій, я, такимъ образомъ, совсѣмъ не исчерпалъ, предоставляя это спеціалистамъ по башкирскому фольклору.

Вотъ русскія сказки Каримова (въ изложеніи):

1) **Безстрашный солдатъ.** „Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ—въ томъ, въ которомъ мы живёмъ, на ровномъ мѣстѣ, какъ на боронѣ, служилъ солдатъ Петровскій. Самой первой солдатъ былъ. Раньше телегра́мнаго сообщенія никакого не́ было; депе́ши таска́ли пѣшіе солдаты, вѣстовой. Въ 12 часовъ ночи приходитъ Государю Императору на странное государство [изъ иностраннаго государства] пакетъ: объявляетца война. Пакетъ былъ отданъ [нужно было отдать] графу Пашкевичу; жилъ онъ 25-ти верстахъ отъ города“. Страшная ночь—тёмная, громъ и молнія. Некому идти съ пакетомъ.—„Солдатъ Петровскій,—говоритъ:—понесётъ, онъ безстрашный“.—Призва́ли его; онъ понесъ. Дорога по кла̀дбишшу. Хоронили раньше коекакъ. Онъ въ родѣ [какъ] дурачокъ: „Пойду спать на кладбищѣ, какъ дома“.—Въ гробницу легъ, гдѣ было идолишшо, старуха. Спитъ. Тотъ являетца: „Пусти!“ — „Нѣтъ, нельзя!“ — Научилъ Петровскаго всему.—Отдалъ Петровскій пакетъ.

Народъ хохлы живетъ. Женихъ съ невѣстою кончился [умерли въ одномъ селѣ]. Солдатъ Петровскій ихъ оживляетъ за 500 рублей. Оживилъ, но тамъ его заперли въ катала̀жку. Императоръ посылаетъ телеграмму: „гдѣ безстрашный солдатъ?“—„Въ тюрьмѣ“.—„Выпушша̀ть“.—Женихъ далъ Петровскому лошадь, а родители молодыхъ по триста рублей. Петровскій отдалъ коня и деньги старику, а самъ отправился заграницу. Женится на попадьѣ скупого священника, получаетъ коней. Находитъ въ трактирѣ безбоязливаго товарища, и ѣдутъ съ нимъ вмѣстѣ; берутъ къ себѣ въ экипажъ пять встрѣтившихся мертвецовъ. Заѣзжаютъ въ полигончикъ (чугунный домъ), гдѣ живутъ 12 сыновей-разбойниковъ; пугаетъ разбойниковъ, закусывая своими мертвецами; поселился въ этомъ дому и повѣсилъ афишу: „въ этомъ дому живетъ людоѣдъ-разбойникъ, близко не подходить!“

Спасаетъ дѣвицу, которую утащили черти и мучатъ въ теремѣ; для этого Петровскій заказываетъ въ городѣ чугунный чахолъ на пружинахъ, перчатку съ желѣзными когтями, три молота—въ 1, 2 и 3 пуда, и статую, которая колотитъ молотами. Петровскій идетъ къ чертямъ въ теремъ играть въ карты; условіе игры: выигравшій 1) царапаетъ спину, 2) колотитъ молотами; когда выигрывалъ чертъ, Петровскій надѣвалъ свой чугунный чахолъ, въ противномъ же случаѣ пользовался желѣзными когтями и статуей съ молотами. На третью ночь земля задрожала—пришелъ старый чортъ и привелъ за собой всѣхъ птицъ. Петровскій отказывается играть, говоря: „боюсь стараго солдата", и указывая на статую. Чортъ полѣзъ къ статуѣ, и тамъ его защемило. Петровскій отпустилъ чорта только тогда, когда тотъ расписался, что никогда не придетъ въ этотъ домъ. Петровскій остался жить въ этомъ теремѣ, но дѣвицу не взялъ замужъ, такъ какъ былъ уже женатъ на попадьѣ.

2) [**Солдатъ спасаетъ царскую дочь отъ змѣя**]. У царя было три дочери; ихъ охраняли два генерала и одинъ солдатъ. Они гуляли и увидѣли: звѣрокъ съ брилліантами и золотомъ (это былъ чортъ). Генералы хотятъ звѣрька брать, а солдатъ не велитъ. Тѣ взяли, и царскія дочери исчезли. Всѣхъ троихъ (генераловъ и солдата) царь велѣлъ засадить въ темницу, а потомъ посадили ихъ на круглый корабль и пустили въ море: на 7 лѣтъ провизіи дали. Плавали въ морѣ 4 года и попали на островъ. Вышли на берегъ. Генералы охотятся, а солдатъ кашеваромъ, дома сидитъ. Прилетѣлъ къ солдату Идолишшо въ видѣ государя: „Иди ко мнѣ на службу, я тебѣ дамъ триста рублей жалованья".—Солдатъ согласенъ. Далъ ему Идолишшо шлюпку-самодрантку. Ѣдетъ на ней солдатъ; видитъ: садъ прекрасный, львы и тигры кругомъ терема. Солдатъ убилъ двухъ гусей, бросилъ львамъ и прошелъ въ комнаты. Тамъ никого нѣтъ; денегъ ворохами лежитъ, а ѣсть нечего. 6 сутокъ сидѣлъ солдатъ голодомъ, потомъ нашелъ въ комодѣ дудки и заигралъ; явились 12 разбойниковъ: „чего изволите, солдатъ?"—„Поись".—Заигралъ другой разъ, явились 12 дѣвицъ-стряпокъ, 12 красавицъ.—„Жрать скорѣе!"—12 столовъ сразу накрыли. Легъ спать солдатъ. Мѣсяцъ жилъ, какъ одинъ день.

Въ двѣнадцатой комнатѣ подъ поломъ, подъ рѣшеткой сидитъ дѣвица, дочь государя. Она даетъ солдату шашку-саморубку въ 50 пудовъ и научаетъ убить 12-главаго змѣя соннымъ. Сол-

датъ зарубилъ и головы замазалъ.—Государская дочь дала ему бѣлой платокъ: махнулъ солдатъ этимъ платкомъ на-право и на-лѣво, явилось войско—мухи, комары, мошки: „Здорово, Ваше Императорское Величество!“—Положилъ въ карманъ, ничего не стало. Второй платокъ дала красный, махнулъ— явились тигры, львы, нéрьпы: „Здорово, Ваше Императорское Величество!“ Львица съ рапортомъ и идетъ.— „Не бойся. Насъ Идолишшо мучилъ“.

Поѣхали домой, къ государю, отцу дѣвицы. Корабли загрузили товаромъ, а звѣрьевъ въ нижній трюмъ; домà: свинтила винты, и ничего не стало. Пріѣхали на островъ, гдѣ генералы. — „Вонъ нашъ солдатъ Ѳедотовъ!“ —Взялъ солдатъ и генераловъ съ собой. Штыкъ свой солдатъ оставилъ въ теремѣ: „Пойду обратно: царь оштрафуетъ“.—Садится въ свою шлюпку-самодранту, ѣдетъ одинъ. Генералъ мучитъ царскую дочь: „возьми меня замужъ, солдатъ кончился“.

Солдатъ раньше ихъ пріѣхалъ домой и поступилъ на службу вольноопредѣляющимся; выслужился скоро до унтеръ-офицера и получилъ взводъ вотяковъ, черемисъ и другихъ, которыхъ никто не могъ учить. Онъ ночью ихъ учитъ, своихъ солдатъ изъ дудокъ заставляетъ: „учите (нагайками)“. Сдѣлали его поручикомъ, полуротнымъ командиромъ, подполковникомъ. А Государь Императоръ не зналъ, што это тотъ солдатъ. На смотру батальону солдата похвала съ наградою.— Между тѣмъ, получили телеграмму: генералъ нашолъ царскую дочь. Прибыли; устроили парадъ.—„А ђдѣ солдатъ?“—„Навѣрно утонулъ“. —„Какъ нашли дочь?“—„Убили змѣя“.—Балъ на мѣсяцъ. Царская дочь увидѣла на балу солдата-полковника и говоритъ: „вотъ этотъ полковникъ спасъ меня, у него и наши именные платки.“ Солдатъ-полковникъ взялъ дудку и сказалъ своему войску: „убейте генерала!“—Царская дочь вышла за него замужъ.

3) „**Какъ государскій сынъ на мачихѣ женился**“. [**Деревянный орелъ**]. Были два друга: часовой мастеръ и столяръ. Они поспорили и положили закладъ въ триста рублей; каждый говоритъ, что я „чишше сдѣлаю“ [хитрѣе и тоньше работу]. Купеческій сынъ слышалъ это, далъ имъ матеріалъ и 600 рублей залогу. Часовой мастеръ сдѣлалъ золотую утку: летитъ по-верху, прилетитъ— 12 утятъ сзади. Солдатъ сдѣлалъ деревяннаго орла, двухглавной. Приходятъ на судъ.—„Оцѣнить нельзя орла, дороже утки. Идите къ царю, мы разсудить не можемъ“.—

Приходятъ къ царю, показываютъ; за утку 40 тысячъ подарилъ; на орла сѣлъ съ помощникомъ: въ одинъ часъ 80 тысячъ верстъ. 75 тысячъ наградилъ за орла и взялъ орла себѣ.—Тѣ деньги прокутили.

У царя одинъ сынъ, Алексѣй, 18-ти лѣтъ. „Я поѣду катацца на орлѣ".—„Ты погибнешь". — „Нѣтъ, я сейчасъ пріѣду".—Не спросилъ ничего, садитца и поѣхалъ; а денегъ съ собою взялъ много. Трое сутокъ леталъ; въ тридевятое царство уже прилетѣлъ. Спустился: не нашъ народъ, не наши дома.—Орла въ корзинку собралъ, къ старушкѣ въ домикъ зашолъ: „Прими меня въ сыновья!"—„По міру хожу".— „Прокормлю". Даетъ ей 25 рублей.

На другой день узнаетъ: въ башнѣ живетъ заграничнаго царя дочь, отъ Идолишша спасается; у башни дыра только на макушкѣ. Подлетѣлъ туда; она спитъ; влюбился, хотѣлъ обнять, она закричала; сбѣжались, а онъ еще прежде улетѣлъ. — Опять туда; а та притаилась, поймала его. — „Откель?" — „Пастуха сынъ".—А по лицу не простой. Не пушшаетъ его домой. Сталъ жить съ ней, прожилъ почти годъ; она берéменна, а отецъ ничего не знаетъ.

Между тѣмъ, отецъ Алексѣя ищетъ своего сына, посылаетъ газету. По карточкѣ царская дочь узнала. Увидалъ Алексѣй газету и заплакалъ: стосковался. Царская дочь родила сына. — Куда дѣвать?— „Я отдамъ старухѣ, самъ домой,—говоритъ: — поѣду. А тебя когда-нибудь достану, пріѣду". — Отдалъ сына старухѣ, 12 тысячъ далъ на ученье; въ бумажный пакетъ перстень и платокъ запечаталъ и отдалъ. Пріѣхалъ домой: отецъ и мать его померли.

Сынъ его Василій уже учится; надъ нимъ смѣются: „*крапивный* ты!"—Мать даетъ ему отцовскій патретъ, и онъ идетъ искать отца. Пріѣхалъ, а Алексѣй высваталъ уже другую невѣсту. Василій поступилъ въ прикасчики къ отцу, игралъ на музыкѣ. Мачихѣ [тогда еще только невѣстѣ Алексѣя] охота замужъ за Василья; она отсрачиваетъ свадьбу на мѣсяцъ, а сама приходитъ каждую ночь спать къ Василью. Приходитъ іеромонахъ и видитъ это, сказалъ государю; іеромонаха въ крѣпость. Государь надѣваетъ платье іеромонаха, идетъ ночью и видитъ: опять пустили ночевать. Утромъ государь издаетъ приказъ: безбилетныхъ на вѣселицу. Одинъ прикашшикъ де безъ билета (Василій). Передъ смертью Василій проситъ стаканъ воды. Але-

ксѣй увидалъ у него на рукѣ именной перстень, и ротъ онъ обтираетъ именнымъ платковъ. — „Укралъ у меня?“ — „Перстень твой, и я твой!“ — Узнали. — „Я пріѣхалъ за тобой. Твоя жена тамъ, а мачиху я за себя взялъ“. — Старуху похоронилъ.

4) **[Купеческій сынъ]**. Жилъ купецъ; у него былъ единственный сынъ. Отецъ милліонеръ. Сынъ хорошо учился. Пріѣхалъ сынъ домой; даютъ ему книжку; онъ притворяется неученымъ: грамоты не знаю де. — Ругаютъ его. — „На тебѣ триста рублей, иди по деревнямъ, собери себѣ ума“. — Ничто ему не нравится. Пришолъ въ городъ. Тамъ картежники играютъ. — „Научите меня въ карты играть“. — Далъ имъ двѣсти рублей. Домой пришолъ: „ничему, де, не научился; хохлы деньги отобрали“. — Опять ему дали триста рублей; онъ научился музыкѣ, пришелъ домой и говоритъ: „ничему не научился, цыгане деньги отняли“. — Третій разъ дали ему тысячу рублей. Онъ пришелъ въ городъ, тамъ библіотека: одинъ писака рукой пишетъ, ногой пишетъ, сзади пѣсенки поетъ. Научился купеческій сынъ у него всему за тысячу рублей, а домой пришелъ говоритъ: „ничему не научился, де“.

Повезъ его купецъ продавать на рынокъ. Своякъ государя все смотритъ, покупаетъ. — „Не купи, — говоритъ отецъ: — горе захватишь!“ — Купилъ его; стали держать его со свиньями, плохо кормить. Потомъ хотятъ его убить. Пакетъ послалъ съ капитаномъ: женѣ убить его велѣлъ. Поѣхали. Пріѣхали въ городъ, гдѣ Ваня въ карты научился играть. Капитанъ все проигралъ — и корабль и все. Тутъ выступилъ Ваня и все у нихъ выигралъ. — „Я вашъ ученикъ. Не надо мнѣ ничего, а дайте мнѣ только пакетъ“. — Въ пакетѣ переписалъ: „звѣнчать съ дочерью государскаго свояка“. (Своякъ на смотру остался). Подалъ пакетъ. — „Гдѣ женихъ?“ — А Ваня красивой. Ваня выигралъ у государя войско, а потомъ и чинъ государя выигралъ. Тестю вѣселицу изготовилъ. Своякъ ѣдетъ и говоритъ: „пошто не вѣшали его?“ — „Онъ царемъ“.

Въ городъ поѣхалъ Ваня, гдѣ у него отецъ. Собралъ всѣхъ на обѣдъ и сказку говоритъ, про себя: сынъ дурачкомъ называлъ себя, а былъ умнымъ, ума собиралъ по деревнямъ.... А отецъ говоритъ: „не можетъ быть етого!“ — „Эхъ, отецъ, я тебѣ сынъ!... Не трону отца!“. — Уѣхалъ домой.

Прежде чѣмъ перейти къ собственно башкирскимъ сказкамъ, я сообщу одну сказку, выслушанную мною отъ молодого русскаго солдата въ Каслинскомъ заводѣ Екатеринбургскаго уѣзда, Николая Антоновича Стéрхова. Сказка эта, выслушанная Стерховымъ въ солдатахъ, носитъ совершенно русскій обликъ, но не исключена возможность, что основа ея взята изъ башкирскихъ сказокъ.— Вотъ она:

„Петръ Великій и три солдата".

1. Было ето дѣло въ Петербургѣ. Однажды шли по Петербургской по мостовой улицѣ три солдатика. А Пётръ Великій любитель былъ въ штатской одежѣ похаживать. И шолъ за этими солдатами, позàдѣ ихъ. А они были какъ разъ подвыпивши. И занимаются тамъ разговоромъ разнымъ, тамъ между собою.

Какъ разъ неизвѣстной купчикъ ѣдетъ въ коляскѣ. Одинъ изъ солдатъ и говоритъ: „Ой,—говоритъ:—кака прекрасная коляска! такъ бы и прокатился на такой коляскѣ!"—А второй и говоритъ: „што ето на такой коляскѣ? Вотъ я бы на государственной коляскѣ, вотъ бы прокатился!"—Третей: „это,—говоритъ:—што! Нѣтъ, вотъ я бы съ вельможами посидѣлъ бы въ кругу".—„Што, ето ничтожное дѣло! Вотъ я бы Екатерину Его [взялъ бы замужъ...]".

2. Этотъ Петръ Великій всё ето выслушалъ. Онъ въ ето время подходитъ къ *имя*: „Позвольте васъ, солдатики, пригласить въ ресторанъ, угостить! Я,—говоритъ:—вообще солдатъ уважаю".—„Конечно, хто какъ понимаетъ: которые уважаютъ нашево брата, а которые и пренебрегаютъ".—Онъ одно настаиваетъ, што „я солдатъ уважаю. Пойдёмте въ ресторанъ".—Согласились и зашли.

Онъ потребовалъ дюжину пива. Выпили, вторую. Хорошо. И началъ спрашивать: „Вы въ которомъ взводѣ служите?"—Первова спросилъ, сказалъ; второва распросилъ и третьёва.—„Хорошо,—говоритъ: я къ вамъ побываю на праздники, въ свободное время, погуляю съ вами въ казармскомъ буфетѣ: я до страсти люблю солдатъ".—Коѣда вышли изъ ресторана, уже сдѣлались они очень пьяные, эти солдаты.—„Извозчикъ, отвези етихъ солдатъ въ казармы".—Разсчитался съ извозчикомъ и отправилъ.

Они пріѣхали, расхвастались: „Вотъ какой намъ человѣкъ попалъ, запоилъ насъ въ ресторанѣ! Вотъ пріѣдетъ онъ къ намъ въ

праздникъ. Посмотрите: денегъ-то у нево сколько, страсть!"— Легли спать.

3. *Заутрѣ* отъ Государя Императора приходитъ денщикъ, докладываетъ дежурному по ротѣ, што „такіе такіе-то солдаты, такихъ-то ротъ здѣсь?"—Дежурный взялъ записку, прочиталъ.— „Эти лицы здѣсь"—„Пусчай немедленно сейчасъ они собираются къ Государю Императору на лицо". — Живо они почистили аммуницію свою, собрались и пошли.

Коһда пришли, онъ выходитъ.—„Здраствуйте, братцы!" — „Здравія желаемъ, Ваше Императорское Величество!"—„А што? вы были или нѣтъ вчера въ городѣ?"—„Да, были".—И тогда они подумали: „Неужели мы ему—вчера шли пьяные—да чесь не отдали?"—„Виноваты, Ваше Императорское Величество! потомучто мы были очень пьяные".—„Ничево, ничево! Но только—шли коһда, такъ какую рѣчь вели между собою?"—„И право, мы не можемъ запомнить, выпивши были". — „Нѣтъ, коһда вы ешо были въ веселомъ видѣ, тоһда што говорили? быть можетъ, про меня?"

Одинъ сознался: „Виноватъ, Ваше Императорское Величество, я вотъ што говорилъ: вотъ бы въ Вашей коляскѣ прокатицца". — „Хорошо!... Идите, — лакеямъ скричалъ:—прокатите ево!"—Онъ сѣлъ и проѣхалъ улицу. — „Ну, какъ? хорошо ли въ коляскѣ катацца?"—„Очень даже пріятно".—„Изволь цѣлковый, ступай опохмѣляйся!"

Второй: „Я вотъ што говорилъ: съ важнымъ вельможамъ посидѣть въ срединѣ". — „Хорошо!" — Скричалъ вельможъ. — „Сиди!"—Сѣлъ, сидитъ; немного посидѣлъ и сталъ. Государь и спрашиваетъ: „Ну, какъ? хорошо?" — „Такъ точно, Ваше Императорское Величество!" —„Изволь цѣлковый!"

4. Рѣчь дошла до третьева. Тотъ туда-сюда.— „Ничево, ничево! говорите!" — „Я вотъ што говорилъ, Ваше Императорское Величество...."—Велѣлъ налить ему Государь три бокала водки-сивухи — золотой, серебреной и мѣдной. Тотъ выпилъ. — „Ну што? водка какая — разная или одинаковая?" — „Одинаковая, — говоритъ: — сивуха!" — „Такъ, — говоритъ: — и жена одинаковая: што моя, то и хресьянская!"

Подобная приведенной сказкѣ извѣстна и у башкиръ Уфимской губерніи. А именно: Три башкира увидѣли царевну на балконѣ и подумали-сказали всѣ трое: „хорошо было бы имѣть ее своей женой".—

Узнавъ объ этомъ, царевна пригласила ихъ къ себѣ въ домъ. Здѣсь подали имъ яицъ—простыхъ и золоченыхъ. Башкиры ѣли простыя яица. Царевна приказала имъ отвѣдать золоченыхъ. — „Одинаковъ ли вкусъ яицъ?"—„Одинаковъ".—Тогда царевна сказала: „Точно также и женщины: одѣты ли онѣ въ парчу или нѣтъ—всѣ одинаковы" (Русская Жизнь, 1892, № 265, статья К. М—съ).

Аналогичная турецкая сказка „Плотникъ и султанъ" приведена, между прочимъ, въ книгѣ Ѳедора Эмина „Нравоучительныя басни" (изд. 3-ье. Спб. 1793, стр. 15—23, № 6): Плотникъ работалъ неподалеку отъ султанскаго дворца, увидѣлъ султаншу и влюбился. Пересталъ работать и все караулилъ у дворца: не поѣдетъ ли султанша на прогулку. Султанъ, переодѣтый въ платье простолюдина, увидѣлъ плотника въ грусти, спросилъ его. Тотъ, хотя и не сразу, но открылся въ своей любви къ султаншѣ. — На другой день султанъ, опять переодѣвшись, принесъ плотнику блюдо вареныхъ яицъ, на верху коихъ красовалось раскрашенное разными китайскими узорами яйцо, и попросилъ плотника взять то яйцо, которое ему больше всѣхъ нравится. Плотникъ тотчасъ же взялъ крашеное яйцо. — „Почему ты выбралъ это?" — „Красивѣе!"—„Положь его обратно; я его тебѣ скоро возвращу".—Велѣлъ своему слугѣ вынести блюдо и всѣ яица очистить. Слуга принесъ яица безъ скорлупы.—„Теперь возьми свое красивое яйцо!" — „Какъ же я его узнаю? Всѣ одинаковы!" — „Такъ и султанша: разодѣтая хороша, а въ простомъ платьѣ не лучше твоей жены!"

Сказки Мардана Мухаметова.

Марданъ Мухаметовъ—башкиръ деревни Алабуги, Карабольской волости, Екатеринбургскаго уѣзда, 35-ти лѣтъ. Грамотенъ только потатарски. Въ солдатахъ не служилъ; но въ молодости жилъ работникомъ въ разныхъ мѣстахъ; тогда и выслушалъ свои сказки.

Марданъ разсказывалъ мнѣ свои сказки, лѣтомъ 1913-го года, нѣсколько ломаннымъ русскимъ языкомъ. Нѣкоторыя погрѣшности его въ языкѣ, — а именно смѣшеніе родовъ и не-русскую конструкцію рѣчи, — я исправляю; прочее же оставляю безъ измѣненій.— Нѣкоторыя выраженія и слова, которыя разсказчикъ не зналъ по-русски, я самъ переводилъ съ башкирскаго.

Всѣ сказки, которыя я записалъ отъ Мардана, онъ называетъ „башкирскими".

---

98. [Золотая гора].

1. Былъ одинъ рабочій человѣкъ. Онъ пошолъ работу искать. Дѣло было въ Петропавловскѣ въ городѣ. На базарѣ подошолъ къ нему одинъ татаринъ: „Ты што,—говоритъ:—рабо́чой человѣкъ, наниматься будёшь? Сколько, — говоритъ:—просишь?"—„10 рублей прошу,—говоритъ:—въ мѣсяцъ".—Согласился хозяинъ, съ собой ташшы́лъ домой роботника. Пришолъ домой хозяинъ, сказалъ кухаркѣ: „Вотъ,—говоритъ:—новой роботникъ, ты ево корми, пой!" говоритъ.

Потомъ хозяинъ опять зашолъ, показалъ ему работу:—„Вотъ пара лошадей, вотъ повозка, вотъ ешо пара лошадей. Ты утромъ рано,—говоритъ:—запрегай, въ 12 часовъ у́тра. Вотъ, — говоритъ: — ешо (привелъ ево въ другой сарай) есь кобыла жирной, ево привяжи, — говоритъ: — сзади". — Ну, работу показалъ хозяинъ, да самъ пошолъ въ избу, а роботникъ пошолъ въ другую избу, въ куфню.

Въ 12 часовъ у́тра хозяинъ роботника разбудилъ: „запрегай, — говоритъ: — лошадей!" — Роботникъ всё какъ слѣ-

дуетъ изготовилъ: запрёгъ двѣ пары лошадей, привезалъ сзади кобылу. Потомъ хозяинъ взялъ съ собою четверть вина и гуся; кухарка роботнику дала бутылку вина и утку. Сѣли, поѣхали.

2. Ѣхали, ѣхали; остановились около горы. Хозяинъ началъ колоть кобылу. Потомъ отдалъ хозяинъ роботнику хорошій кусокъ, заставилъ *маха́нъ* варить. — „Поставь, — говоритъ: — самоваръ, а готово будетъ, такъ меня скричи“. — Роботникъ всё изготовилъ, хозяина скричалъ: „всё готово“.

Хозяинъ пришолъ, налилъ ему стаканчикъ вина, потомъ другой, третій. Работникъ пилъ, пилъ да сталъ пьяной. Хозяинъ уташшылъ ево туда, гдѣ кололъ кобылу, да въ кобылье брюхо и зашилъ. (Кобыла еще цѣлая лежала, только кишки были вынуты: туда и положилъ роботника). Потомъ хозяинъ отошолъ отъ тово мѣста и смотритъ. Прилетѣлъ орёлъ и уташшылъ работника, вмѣстѣ съ кобылой, на вершину горы.

Хозяинъ ждётъ, когда работникъ встанетъ. Онъ положилъ вмѣстѣ съ нимъ ножикъ: „протрезвится, — говоритъ: — такъ выйдётъ [изъ кобыльяго брюха].“ — Много время стоялъ, ждалъ; потомъ работникъ вышолъ, сталъ и кричитъ хозяину: „Почему я здѣся?“ говоритъ. — Хозяинъ говоритъ: „тамъ, — говоритъ: — золотой камень (алтын-таш) есь, бросай ево сюда!“ — Работникъ зачинатъ прямо бросать; хозяинъ складываетъ въ телѣгу. Потомъ роботникъ спросилъ у хозяина: „довольно-ли? хозяинъ“. — „Довольно!“ говоритъ.

„Што? — говоритъ [работникъ]: — у котораго мѣста я буду слѣзать?“ говоритъ. — „Нѣтъ, — говоритъ: — не можошь ты слѣзать оттуда! Орёлъ кобылу *конча́тъ*, — говоритъ: — потомъ тебя кончатъ“.

3. Ну, потомъ работникъ ишшотъ низкова мѣста, гдѣ бы слѣзать. Нашолъ одинъ камень, поднялъ ево; подъ камнемъ дыра. — „Ну, чё будетъ, такъ будетъ! этой дырой пойду“. — Пошолъ въ дыру и вышолъ, наконецъ, какъ разъ на то мѣсто, гдѣ хозяинъ кобылу кололъ. Ну, потомъ, значитъ, пошолъ домой.

4. Пришолъ опять въ Петропавловской городъ, тамъ гуляетъ на базарѣ опять.

Опять тотъ же хозяинъ подошолъ къ ему, сказалъ: „Ну, рабо́чёй человѣкъ, наниматься будешь ко мнѣ?“ —

„Буду, — говоритъ: — Сколько дашь въ мѣсяцъ?“ — „10 рублей“, говоритъ хозяинъ. — Согласился за 10 рублей. Хозяинъ ташшылъ ево домой. Кухаркѣ сказалъ: „пой-корми, работника, — говоритъ: — нанималъ“. — „Чай пей; потомъ, — говоритъ: — тебѣ работа, — говоритъ: — покажу“. — Зашолъ опять къ роботнику, показалъ ему: „Вотъ, — говоритъ: — пара лошадей тебѣ, повозка. Запрегай утромъ рано, въ 12 часовъ поѣдемъ“. — Потомъ другую повозку показалъ и другую пару лошадей: „Вотъ и это, — говоритъ: — запрегай!“ — Потомъ жирную кобылу показалъ: „Вотъ, — говоритъ: — сзади привяжи“. — Хозяинъ пошолъ въ свою комнату, роботникъ пошолъ въ куфню спать.

Въ 12 часовъ утра хозяинъ роботника розбудилъ. — „Вотъ, — говоритъ: — вставай, запрегай, поѣдемъ!“ — Роботникъ все запрегалъ, какъ сказалъ хозяинъ. Потомъ хозяинъ взялъ четверть вина съ собой; кухарка дала роботнику бутылку вина да утку. Поѣхали.

Ѣхали, ѣхали, остановились опять около горы. Хозяинъ зачиналъ кобылу колоть, работника заставилъ мясо варить. Хозяинъ сказалъ ему: какъ поспѣтъ, такъ меня скричи; я приду обѣдать“. — Ну, работникъ все сготовилъ, сварилъ, да потомъ хозяину скричалъ, што, — говоритъ: — „всё готово“. — Ну, потомъ хозяинъ пришолъ обѣдать, садилъ вмѣстѣ и роботника, стаканчикъ вина наливалъ и подавалъ роботнику. Роботникъ выпилъ. Хозяинъ опять наливалъ стаканчикъ, опять подавалъ роботнику. Роботникъ этова вина не пилъ: „Хозяинъ, — говоритъ: — што самъ не пьешь, всё меня угощашь?“ — Хозяинъ зачинáлъ пить, стаканчикъ выпилъ; опять *малайку* подавалъ, работнику. Малайко не пилъ ево, выливалъ на землю. Потомъ хозяинъ себѣ наливалъ, выливалъ на землю. Роботникъ сказалъ: „Што, хозяинъ, не пьёшь? што льёшь на землю? Вѣдь деньги плачены у тебя?“ — Хозяинъ другой наливалъ да пилъ.

Ну, потомъ хозяинъ сталъ пьяной, лежитъ безъ ума. А роботникъ трезвой; пошолъ къ кобылѣ. — „Што, — говоритъ: — тамъ хозяинъ надѣлалъ?“ — Видитъ: тамъ приготовлена нитка, иголка, шило. — „Ну, — говоритъ роботникъ: — какъ со мной хотѣлъ сдѣлать, такъ съ нимъ сдѣлаю!“ — Хозяинъ лежитъ пьяной. Роботникъ кое-какъ доташшылъ ево, затолкалъ кобылѣ въ брюхо и зашилъ ево. Вмѣстѣ

съ нимъ положилъ ножикъ. Сдѣлалъ все такъ, какъ съ нимъ было. Самъ ушолъ оттудова и глядѣлъ [издали]. Прилетѣлъ орёлъ и уташшилъ хозяина на гору вмѣстѣ съ кобылой.

Ждётъ роботникъ хозяина. Много время прошло; хозяинъ всталъ, кричитъ работника:—„Што?—говоритъ:—гдѣ будемъ слѣзать?“ — Роботникъ ему сказалъ: „Тамъ есь камень золотой, бросай ево сюда!“ — Хозяинъ бросаетъ, работникъ кладётъ; два воза наклалъ. Хозяинъ кричитъ ему: „Довольно ли?.. Гдѣ будёмъ слѣзать?“ — „Нѣтъ, — говоритъ: — хозяинъ! гдѣ, — говоритъ: — меня орёлъ кончалъ, тамъ и тебя кончатъ!“

Пошолъ роботникъ домой. Пришолъ въ Петропавловской городъ. Золо̀тый камень-то весь про́далъ. Потомъ пировалъ да всё ростерялъ. Самъ сталъ босико̀мъ; босикомъ живётъ и теперь.

---

99. [Рога].

1. Были три солдата на службѣ; одинъ изъ нихъ унтеръ-офицеръ. Они троёмъ согласились не служить больше: „прямо куда-нибудь уйдёмъ“. — Потомъ они ушли троё.

Была одна *заимка;* тутъ жили старикъ со старухой, и было у нихъ три дочери. Къ нимъ и зашли солдаты. Хозяева угостили ихъ, и потомъ зачинали играть въ карты. Унтеръ-офицеръ выигралъ всѣ деньги у старика. Легли спать; хозяева положили съ солдатами спать и трехъ своихъ дочерей. Утромъ встали и опять зачинали играть въ карты. Старшая дочь выиграла у унтеръ-офицера всѣ деньги обратно; у нево денегъ не стало, и солдаты собрались уѣзжать.

При прощаньѣ старшая дочь подарила унтеръ-офицеру шинель, середняя дочь подарила одному солдату кисетъ для денегъ (токса́й), малая дочь подарила третьему солдату палку (тая́к). Солдаты всѣ трое ушли.

2. Стали на дорогѣ смотрѣть кисетъ: что онъ; какъ трясётъ, всё деньги прямо. Потомъ середней сталъ смотрѣть тросточку; какъ махнулъ палкой, всё солдаты появились около ево, много солдатъ. Положили палку; стали смотрѣть шинель; кто надѣнетъ шинель, тово не видно.

Попалъ имъ какой-то большой городъ. Зашли въ городъ, нашли квартиру. Младшій солдатъ пошолъ за хлѣбомъ. Ждутъ, ждутъ ево, не дождутся; не знаютъ, куда ушолъ. Середней ушолъ ево искать. Остался одинъ офицеръ; ждётъ ждётъ ихъ,—нѣту. Пошолъ искать ихъ; кисетъ и трость, и шинель, все съ собой взялъ. Товаришшевъ не нашолъ.

3. Какая-то дѣвка ему попалась. Стали въ карты играть. Офицеръ у ней всѣ деньги выигралъ. Дѣвка пошла за деньгами; деньги приташшы́ла; игратъ, игратъ, всѣ деньги у офицера выиграла. Не стало у офицера денегъ на рукахъ, досталъ онъ кисетъ, кисетъ тресётъ, деньги берётъ. Игратъ, опять деньги обратно выигралъ. У дѣвки деньги *корча́ли*.

Дѣвка говоритъ офицеру: „Дай мнѣ кисета: такой же кисетъ я сошью и завтра тебѣ принесу“, говоритъ. — Солдатъ отдалъ; дѣвка ушла домой. Сшила дѣвка такой же кисетъ и отдала солдату тотъ, которой сама шила, а солдатовъ кисетъ оставила у себя. Пришла опять играть съ солдатомъ; выиграла у солдата всѣ деньги. Солдатъ играть не сталъ; кисетъ въ карманъ поло́жилъ и ушолъ домой.

Не стало у солдата денегъ; тресётъ, тресётъ кисетъ, денегъ нѣту.—„Навѣрно, дѣвка другой кисетъ мнѣ отдала, не мой, навѣрно, этотъ!“

Нашолъ дѣвку. Та говоритъ: „нѣтъ, это, — говоритъ: — [у меня] мой кисетъ, што́ я сшила, твоёва я не брала“. — (А сама опять новой кисетъ сшила, такой же, и держитъ у себя).

4. Ну, ладно. Опять играть стали въ карты. У ней офицеръ опять всѣ деньги выигралъ. Дѣвка ему говоритъ: „Ну, офицеръ, ты давай мнѣ шинель: я такую же сошью, завтра тебѣ принесу; мнѣ такую же шинель надо бы“.—Офицеръ отдалъ ей шинель; она унесла домой, новую шинель такую же сшила, офицеру эту новую отдала. — „Вотъ тебѣ шинель. Я сама пойду за тебя замужъ, бери меня“.— „Возьму,—говоритъ:—давай пойдёмъ гулять“.

Пошли вмѣстѣ гулять. Дѣвка спрашиваетъ ево: „Это какая трость? Черезъ неё что-нибудь стро́итца или нѣтъ? Я посмотрю“.—„Нѣтъ, ничево не строитца. Нельзя держать тебѣ въ рукѣ“.—„Ну,—говоритъ:—я замужъ за тебя пойду, а ты жалѣешь палку мнѣ показать!“ — „Ну, бери, — говоритъ: — смотри!“ — Дѣвка палку взяла, махнула, — явилось

много солдатъ:—„Штò прикажете, барыня?“—„Вотъ рядомъ со мной сидитъ солдатъ, вытолкай ево! Не надо, — говоритъ:—намъ!“—Они вытолкали. Дѣвка ушла сама домой.

5. Офицеръ остался одинъ прямо босикомъ, безо всего. Попался ему садъ (бахсá); тамъ были яблоки (алмà). Одно яблоко взялъ и ѣлъ, и сталъ козёлъ. Лежитъ козелъ, лежитъ, лежитъ. Взялъ еще одно яблоко, съѣлъ, сталъ человѣкъ, опять такой же человѣкъ.

Сталъ онъ собирать яблоки; набралъ двѣ корзинки: одну корзинку одной породы, другую — другой.

Ушолъ въ городъ, — гдѣ живётъ дѣвка, туда. Яблоки продаётъ, по улицамъ гулятъ. Изъ тово дому, гдѣ живётъ дѣвка, кухарка вышла къ нему: — „Што вы продаете?“ — „Яблоки. Яблокъ у меня хорошой: какъ ѣшь, станешь *бáсинькой*“.—Одинъ яблокъ онъ продалъ; ево съѣла кухарка, стала хорошая.

Кухарка сказала дѣвкѣ: „Вотъ я купила яблоковъ, хорошая стала. Не купишь ли?“—„Ладно; надо,—говоритъ:— купить“.—Пришла; ей солдатъ продалъ плохихъ яблоковъ — тѣхъ, отъ которыхъ станешь козломъ. Купила да съѣла, и стала козломъ.

Солдатъ продалъ да ушолъ.

6. Потомъ опять пришолъ. Тамъ, гдѣ живётъ дѣвка, рядомъ ли напротивъ ли, квартиру нанималъ; заѣзжалъ. Чай пьётъ. Хозяинъ говоритъ ему: „Вотъ, какой-то человѣкъ продалъ яблоко; у сосѣда дѣвка купила, стала козломъ; не знай, какой яблокъ ему попалъ, лежитъ“, говоритъ. — Офицеръ сказалъ: „Я лѣчить её стану; вылѣчу, опять дѣвкой будетъ“.—Хозяинъ самъ пошолъ къ сосѣду, сказалъ ему: „Такой-то человѣкъ лѣчить хочетъ твою дѣвку“. — „Ладно, — говоритъ: — пускай сюда придётъ, лѣчитъ“.

Пришолъ къ нему солдатъ. Хозяинъ сказалъ: „Лѣчить станешь?“—„Станемъ“.—„Какъ станешь лѣчить?“—„Баню ты топи; кругомъ бани пусть музыка играетъ“. — Баню топили; полная музыка пришла. Завёлъ онъ въ баню козла, потомъ самъ заходитъ. Прямо бьётъ козла; козелъ кричитъ, тотъ бьётъ.

Офицеръ спрашиваетъ хозяина: „у твоей дѣвки была шинель, былъ кисетъ, была трость,—ты ташшú сюда; а то

не лѣчитца", говоритъ. — Тотъ всё ташшы́лъ. За́чалъ офицеръ тѣмъ яблокомъ кормить, отъ которова хорошими становятся; какъ яблокомъ кормилъ, стала хорошая дѣвка.

Изъ бани вышли. Хозяинъ сталъ угошшать ево. Угостилъ, потомъ сказалъ: „бери у меня дѣвку, у меня никово больше нѣту. Я много ли проживу? Старикъ, умру скоро. Бери", говоритъ. — Офицеръ сказалъ: „Ну, ладно".—Обвѣнчали.

---

100. [Купеческій сынъ].

1. Былъ богатой человѣкъ одинъ. У нево былъ па́рень, только одинъ. Однажды отецъ сказалъ сыну: „вотъ тебѣ тышшу рублей, деньги, иди въ ярмарку, торговать будешь тамъ". — Ну, ладно, пошолъ. Нашолъ двухъ ли трёхъ ли товаришшей, сталъ вмѣстѣ съ ними на *фатеру* въ городѣ. Чай пили, потомъ пошли на базаръ; долго гуляли на базарѣ, ничево не купили.

Те́мно стало. Богатаго человѣка сынъ увидѣлъ огонь гдѣ-то (не знаю, рестора́нъ ли, что ли); сказалъ товарищу: „тамъ огонь, народу видно мно́го; пойдёмъ туда, чево тамъ дѣлаютъ?" — Товаришъ сказалъ: „тамъ игра, играютъ въ шашки (сатраш)". — „Я пойду, ты не пойдешь такъ". — „Деньги *конча́шь*".

Онъ пошолъ туда одинъ. Пришолъ; хотѣлъ играть. — „Можно ли играть?"—„У васъ деньги есь?"—„Есь тышча рублей".—„Мы научимъ тебя играть, за тышчу рублей, въ мѣсяцъ". — Научили. Мѣсяцъ прошолъ, деньги кончалъ. Поѣхалъ домой: дали ему въ ресторанѣ осла (ишак).

Пришолъ домой, въ свою деревню. Осла оставилъ на дорогѣ, не ташшы́лъ домой: а то, — говоритъ: — народъ будетъ смѣяться. — Пришолъ. Отецъ ево ругатъ.—„Гдѣ,—говоритъ:—деньги? Чево ташшылъ?"—„Ничево,—говоритъ:— не ташшылъ. Деньги потерялъ,—говоритъ:—на дорогѣ".

2. Отецъ ему говоритъ: „Ну, бери ишо тысшу рублей. Поди туда, торгуй, не потеряй деньги!" — Онъ деньги взялъ, пошолъ опять. Пришолъ въ городъ; ночевалъ вмѣстѣ съ товарищами. Утромъ вмѣстѣ съ товарищемъ пошли на базаръ. Тамъ стоялъ большой домъ. Спросилъ товарища:

„какой это до́мъ? Чево тамъ дѣлаютъ — народу больно много?“ — „Тамъ всякая игра есь: въ карты больше всего играютъ“. — Потомъ тотъ парень спросилъ товаришша: „пойде́мъ туда въ карты играть“. — Товаришъ ево ругатъ: „не ходи! деньги только кончашь!“ — Товаришша слова не слушалъ, пошолъ опять.

Пришолъ. Въ карты играетъ, играетъ; деньги всѣ конча́лъ опять, проигралъ. Надо домой. Пѣшкомъ идти далеко. Выпросилъ осла; дали ему; сѣлъ верхомъ и поѣхалъ. Пришолъ въ свою деревню; осла оставилъ на дорогѣ. Пришолъ домой. Отецъ говоритъ: „чево *ташшылъ?*“—„Ничево не ташшылъ, потерялъ деньги“.—Отецъ говоритъ: „теперь нечѣмъ питацця“.

3. Отецъ продалъ домъ за тысшу рублей, безъ дома остался. Опять отдалъ деньги сыну: „*Айда̀*, сходи, эти деньги не потеряй! Эти деньги потеряешь, тогда голодомъ буду“.

Пошолъ опять. Пришолъ въ городъ; сходилъ на базаръ; увидалъ: на скрипкѣ играютъ. Спросилъ: „меня учи, скрипка мнѣ давай, тыщу рублей бери“. — Тыщу рублей бралъ, мѣсяцъ училъ ево. Мѣсяцъ конча́лъ, деньги кончалъ. Надо домой ѣхать, не на чемъ. Опять выпросилъ осла.

Осла оставилъ на дорогѣ; пришелъ въ свою деревню пѣшкомъ. Не знаетъ, гдѣ живетъ отецъ. Потомъ нашелъ отца. Тотъ спрашиваетъ: „Гдѣ деньги? чево ташшылъ?“— „Ничево не тасшылъ, потерялъ деньги“. — „Куда теперь пойде́мъ? Теперь всё кончалъ — домъ кончалъ, деньги кончалъ!“ говоритъ.

4. За̀чалъ сына въ работники отдавать. Продалъ въ работники навѣчно прямо.

Сынъ пошолъ съ новымъ хозяино́мъ, съ возами—много возовъ. На дорогѣ есь ключъ. Тутъ стали, выпрягли лошадей кормить, сами отдыхать, чай пить. Ключъ больно глубокъ, воды не могутъ достать, веревка не хватаетъ.—Какъ достать? Хозя̀инъ сказалъ работнику: „Ты слѣзай туда: тебѣ ве́дра отпушшу съ веревкой: воды наливай туда, потомъ самъ выйдешь по веревкѣ“.

Спустился *малайко* внизъ, къ ключу. Тамъ воды нѣту, а все золото. Наложилъ въ ведро золота, скричалъ: „поднимай!“

Пóлонъ возъ наложилъ хозяинъ золота. *Малайка* тутъ оставилъ: верёвки ему не спустилъ. Самъ склалъ золото, пошолъ домой.

5. Малайко нашолъ какую-то дыру и пошолъ по этой дырѣ. Видитъ: тамъ сидитъ одинъ старикъ, самъ слѣпой, а на рукахъ скрипка. Малайко взялъ скрипку и сталъ играть; какъ заигралъ, старикъ зáчалъ глядѣть, глазъ у нево здоровой сталъ.

Спросилъ старикъ: „Малайко, откуда пришолъ?“ — „Я жилъ въ работникахъ, пришолъ съ хозяиномъ; хозяинъ оставилъ меня здѣсь“. — Старикъ ему сказалъ: „*айда*, тебя увезу къ хозяину: онъ далёко не ушолъ, навѣрно“. — Старúкъ утасшилъ ево къ хозяину.

6. Хозяинъ испугался: „Какъ ты пришолъ? на ключѣ я тебя оставилъ“.

Хозяинъ написалъ бумагу и отдалъ *малайку*: „Ты иди впередъ, у меня бабамъ скажи, што „скоро приду; поклонъ (селя́м) — говоритъ: — скажешь“. — Малайко пошолъ впередъ; смотритъ, штó тамъ написано; вскрываетъ, читаетъ: „какъ придётъ, такъ кончай етова малайка“. — Оторвалъ ето малайко, бросилъ, самъ записалъ (ровно какъ хозяинъ): „Вотъ ето малайко, — говоритъ: — у меня дѣвка есь, сію минуту вѣнчай!“ (никахокотты).

Пришолъ малайко въ деревню, отдалъ ево бабѣ бумагу; та читала да звала муллу: той же минутой вѣнчай! — Черезъ три ли, черезъ четыре ли часовъ пришолъ хозяинъ. — „Што такъ сдѣлалъ?“ свою хозяйку спросилъ. — „Самъ, — говоритъ: — такъ написалъ, вотъ, — говоритъ: — бумага!“ — „Я не писалъ; навѣрно, самъ писалъ... Ну, нéчево дѣлать, вѣнчалъ такъ вѣнчалъ“, говоритъ.

7. Прожилъ тутъ одну недѣлю. Дѣвка сказала ему: „Тутъ въ большомъ домѣ ханъ живетъ, онъ играетъ въ шашки (сатрап): кто у хана выиграетъ, тому дѣвку даетъ; — проиграетъ, голова рѣзать“. — Малайко сказалъ: „Я пойду туда; я играть хорошо умѣю“. — Дѣвка говоритъ: „Не ходи, кончатъ“. — „Всё равно!“ говоритъ.

Онъ пошолъ туды; пришолъ, спросилъ: „Какая тутъ игра? Я играть пришолъ“. — „Согласенъ ли такъ играть: проиграешь, голова рѣзать?“ — Малайко говоритъ: „Согласенъ“. — Зáчали играть. Малайко выигралъ у хана. Ханъ

отдалъ ему дѣвку, повѣнчали опять. Живетъ малайко у хана въ домѣ зятемъ (кіэу); когда ханъ умеръ, малайко остался вмѣсто него.

8. Зовётъ малайко къ себѣ своего стараго хозяина. Тотъ пришолъ. — „Вотъ,—говоритъ: — ты на меня прежде какую бумагу написалъ? Это хорошо развѣ? Тогда я работникомъ былъ, а теперь ханомъ, могу твою голову рѣзать. Согласенъ ли ты?“ — „Нѣтъ, — говоритъ: — такъ не дѣлай. Сколько золота ты мнѣ тогда ташшылъ, всё отдамъ!“ — „Принеси“, говоритъ.—Ташшылъ хозяинъ золота, не знаю сколько пудовъ.—„Бери золото“. — „Нѣтъ, для шутки я сказалъ тебѣ. Живи, бери золото; вперёдъ не дѣлай такъ работнику. Золото не беру. Вѣнчался я съ твоей дочерью, тасшы ее сюда“. — Дѣвку тасшылъ, ему отдалъ. Малайко и теперь тутъ живетъ.

---

101. [Поди туда, невѣдомо куда].

1. Былъ одинъ богатый человѣкъ. У нево было два роботника — одинъ башкиръ, а другой мещерякъ. Мещерякъ былъ бойкой, красивый, а башкиръ плохой какой-то, полоумной ли чо ле. Онѣ живутъ, *рбботъ*.

Одинъ разъ мещерякъ сидѣлъ на улицѣ, а башкиръ мёлъ *ограду*. Къ мещеряку вышла дочь хозяина и сѣла рядомъ съ нимъ. И говоритъ дѣвка мещеряку: „Возьмёшь ли ты меня замужъ? любишь ли? Если любишь, такъ я пойду за тебя замужъ“.—Мещерякъ отвѣчаетъ: „Какъ не любить такую красивую дѣвицу? Люблю“, говоритъ. — „Любишь, такъ сегодня ночью поѣдемъ вмѣстѣ. Возьми у моего отца пару лошадей, запреги и потомъ постучи мнѣ въ окно. Тогда мы и поѣдемъ съ тобой“.

Сговорились. Работникъ - башкиръ, который мелъ въ оградѣ, слышалъ ихъ разговоръ.

2. Мещерякъ на радости пошелъ пировать. Напился, пришелъ пьяной. Запрёгъ пару лошадей, изготовилъ все; потомъ зашелъ въ избу, надѣть хорошую одёжу. Какъ онъ зашелъ въ избу, тотъ, башкиринъ-то, и спряталъ у него возжи. Надѣлъ мещерякъ хорошую одежу, сѣлъ—поѣхалъ; разъ ли два ли лошадей ударилъ и поѣхалъ безъ возжей.

Башкиръ ждетъ, ждетъ часа два, мещеряка нѣту. Потомъ пришли однѣ лошади, безъ мещеряка. Лошади увезли пьянаго мещеряка, безъ возжей, куда-то и тамъ выронили.

Тогда башкиръ взялъ возжи и поѣхалъ искать мещеряка. Нашелъ его въ степи и стопталъ совсѣмъ лошадями.

Потомъ пришелъ башкиръ домой; постучалъ въ окно, гдѣ спала хозяйская дочь, и разбудилъ ее. Дѣвка открыла окно и бросала свою одёжу; добро все бросала на повозку, а потомъ сама вышла. Сѣли и поѣхали вмѣстѣ.

Ѣхали, ѣхали. Дѣвка и спрашиваетъ: „Што,—говоритъ:— ничево не говоришь?“ — Остановились; посмотрѣла она и видитъ, што это не мещерякъ. — „Какъ,—говоритъ;—такъ? я тебѣ ничево не говорила!“ — Тотъ молчитъ.—„Ну,—дочь сказала: — Богъ, видно, такъ велѣлъ! Чево тутъ подѣлаешь?“

Ѣхали, ѣхали. Нѣтъ ни одной деревни. Наконецъ, попался имъ мостъ. За мостомъ деревня, а проѣхать туда нельзя: мостъ плохой.

Посылаетъ она его квартиру искать. Прошелъ онъ черезъ мостъ пѣшкомъ, зашелъ въ деревню. Квартиръ тамъ нѣту. Живетъ тамъ ханъ. Онъ спрашиваетъ у хана:„Нѣтъ ли тутъ простой квартиры?“ — Ханъ сказалъ: „Вотъ, — говоритъ:—*пятистѣнной* домъ, онъ простой: хочешь, такъ покупай“. — Башкиръ купилъ этотъ домъ за сто рублей. Потомъ пошелъ за бабой, черезъ мостъ; пріѣхалъ на квартиру и живетъ.

3. Живётъ онъ, значитъ. Ханъ и думаетъ: „Што это?— говоритъ:—*баба* у мужика хорошая, а самъ онъ плохой. Надо,—говоритъ:—взять бабу-ту“.—Поговорилъ съ совѣтниками (уазйр). Одинъ совѣтникъ сказалъ ему: „Вотъ,—говоритъ:—есь аýлъ (городъ ли, чево ли), тамъ есь ханъ, а у хана есь дочь. Пускай онъ тебѣ привезётъ эту дочь замужъ. Она тоже красивая. Если онъ её привезетъ, такъ тебѣ не надо брать у нево *бабы;* а не привезётъ, такъ возьми у нево бабу.“

Послалъ ханъ одного совѣтника за башкиромъ. Башкиръ пришолъ къ хану. Ханъ сказалъ ему, што „вотъ тамъ у хана дочь есь, ташшы ево къ намъ: не ташшы́шь, такъ добро не будетъ тебѣ!“—Башкиръ: „ладно“, говоритъ.

Пришолъ домой. Баба его спрашиваетъ: „Чево тебѣ приказалъ ханъ?"—Башкиръ разсказалъ ей. Баба сказала ему, што „ташшышь; я тебѣ бумагу напишу. Она будетъ сидѣть въ двухъэтажной избѣ, въ окно смотрѣть; ты давай ей эту бумагу".

Пошелъ; пришелъ туда; показалъ ей эту бумагу, которую написала ему *баба*; та смотрѣла, читала и говоритъ башкиру: „заходи сюда".—Зашолъ, сѣлъ. Дѣвка и говоритъ: „Вотъ тебѣ ключъ; ты поди подъ сарай, отпирай; тамъ повозка и пара лошадей, запрягай, а ключъ сюда подавай: положимъ на мѣсто, а то отецъ узнатъ".—Запрягли лошадей; сѣли, вмѣстѣ поѣхали.

Дѣвка эта училась вмѣстѣ, въ одномъ училищѣ, съ дочерью того хана; и, когда учились, онѣ дали другъ другу клятву, што—если одна сперва выйдётъ замужъ, то обѣимъ туда идти, въ одно мѣсто, хоть,—говоритъ:—хорошой мужъ, хоть плохой".

Пріѣхалъ домой. Первая *баба* и говоритъ ему: „поди къ хану, скажи ему: дочь того хана пріѣхала сюда, да не пойдетъ къ хану, а пойдетъ къ тому, кто ее привезъ".—„Ханъ сказалъ: „Не придётъ, такъ не придётъ! чево подѣлать? пускай не придетъ".

4. Ханъ опять къ совѣтникамъ: што подѣлать?—Одинъ совѣтникъ сказалъ ему: „Вотъ въ такомъ-то мѣстѣ, за такой-то рѣкой, есть 6 штукъ золотоголовыхъ зайцевъ (куя́н алтын-башты́); они такіе дурные, што сами *кончáтъ* башкира, если увидятъ: пусть онъ принесетъ ихъ сюда".—Такъ совѣтовалъ. Послалъ ханъ одново совѣтника звать башкира. Позвали; онъ пришолъ.—„Въ такомъ-то мѣстѣ есь такіе-то зайцы... Не приташшышь, добро не будетъ тебѣ".

Пришолъ домой, плачетъ. *Баба* спрашиваетъ: „Какъ?—говоритъ:—Чево приказалъ ханъ?"—Не можетъ говорить, плачетъ, плачетъ. Баба говоритъ: „Отдыхай маленько, потомъ скажешь".—Спалъ; потомъ всталъ. *Баба* спрашивала...

„Ну, — говоритъ: — запишу бумагу, потомъ дамъ тебѣ *кóшму* (кіиз) бѣлую, новую, чистую — никакой примѣты нѣтъ. Когда черезъ рѣку переходить будешь, тогда къ подошвѣ въ *сарыкъ* клади эту бумагу, а то утонешь. А какъ придёшь на мѣсто, эту кошму клади; самъ зайцамъ не показывайся. Черезъ часъ смотри".

Онъ перешолъ рѣку, разостлалъ кошму; лежалъ часъ; потомъ смотрѣлъ: на кошмѣ лежатъ шесть зайцевъ. Взялъ ихъ съ кошмы, потомъ кошму взялъ и пошолъ домой. Черезъ рѣку перешолъ, опустилъ ихъ всѣхъ на дорогу: они сами идутъ, играютъ, которой впередъ идетъ, которой сзади идетъ.

Пришолъ въ деревню, принесъ зайцевъ въ свою йзбу, оставилъ ихъ тамъ, а самъ пошолъ къ хану, сказалъ ему: „Зайцы у того останутся, кто ихъ приташшылъ, а къ вамъ,—говоритъ:—не пойдутъ“.—„Ну, не придутъ такъ не придутъ. Айда домой!“—Башкиръ ушолъ домой.

5. Ханъ опять совѣтуется: „надо какъ-нибудь взять ево бабу“. — Одинъ совѣтникъ говоритъ: „Вотъ въ такомъ-то мѣстѣ есь море (денгиз); на этомъ морѣ есь драконъ (аждаһа); пусть онъ этого дракона приташшитъ сюда“.

Послалъ за нимъ. Башкиръ пришолъ.—„Вотъ такъ и такъ... Не приташшышь, добра не будетъ вамъ!“—Башкиръ пошолъ домой, плачетъ.—„Отдыхай, потомъ скажешь“. — Спалъ; потомъ всталъ. — „Чево сказалъ ханъ?“—„Вотъ въ такомъ-то мѣстѣ есь драконъ...“—Опять плачетъ.

„Вотъ,—говоритъ:—бумагу напишу тебѣ, дамъ *пешню* (һэймéн). Эту бумагу, — говоритъ: — держи въ рукѣ; какъ дойдёшь до нево, пешнéй коли прямо; какъ колешь,—говоритъ:—садись на нево верхомъ, бей хлыстикомъ“.

Какъ сказала, такъ и сдѣлалъ. Ударилъ пешнéй, сѣлъ верхомъ; какъ ударилъ хлыстикомъ, тотъ такъ и поѣхалъ прямо. Пріѣхалъ верхомъ на звѣрѣ въ свою деревню, заѣхалъ прямо въ *ограду* къ хану. А звѣрь больно большой; половину деревни изломалъ звѣрь, какъ пришолъ. Кричитъ башкиръ хану: „приказалъ,—говоритъ:—дракона ташшить,—я ташшылъ, бери!“ говоритъ.—Ханъ кричитъ: „не ташшы, не надо! отпусти!“—„Самъ,—говоритъ: — велѣлъ, а теперь: отпусти! Такъ нельзя маять человѣка! Прими присягу,—говоритъ:—што больше не пошлешь некуда!“

Ханъ не принимаетъ присяги; „безъ присяги, — говоритъ:—не буду посылать“.—Потомъ принялъ присягу. Тогда башкиръ отпустилъ звѣря, самъ пошолъ домой.

6. Ханъ опять думаетъ: „одну присягу нарушу, ничего не будетъ!“—Опять совѣтуется.

Выкопалъ яму глубины 40 саженъ, набросали туда дровъ,

налили керосину. Послалъ ханъ за башкиромъ. Тотъ пришолъ: „Чево прикажите?“—„Вотъ што прикажемъ: у меня отецъ живётъ на томъ свѣтѣ (анауданъела): иди къ нему, узнай, какъ живётъ, здоровъ ли? Придёшь, такъ скажи мнѣ“.—„Ладно“, говоритъ башкиръ.—Пошолъ домой, разсказалъ *бабѣ*.

Баба говоритъ: „Иди. Дамъ я тебѣ колотушку (сокóш) и желѣзную лопатку. Будешь ими копать землю и ляжешь мимо ямы, пока они сожгутъ дрова и керосинъ... Вотъ тебѣ золотая чашка,—говоритъ:—придёшь, такъ отдай ее хану; скажи: отецъ подарилъ, тебя, говори, въ гости звалъ. Потомъ дала ешо серебряную чашку: это, молъ, мать подарила. Шипко, молъ, хаютъ тебя, што „не придётъ мой сынъ“, молъ. Такъ скажи“.

Пошолъ, значитъ. Въ яму толкнулъ его ханъ, зажогъ дрова и керосинъ. Сгорѣло тамъ все. Черезъ двѣ недѣли ханъ пошолъ къ ево бабѣ: „*Айда* ко мнѣ: твой *мужикъ* сгорѣлъ, *кончáлъ*“.—„Какъ сгорѣлъ? Ты ево посылалъ на тотъ свѣтъ къ отцу; онъ придетъ! Буду ждать еще“.—„Ну, жди! Приду потомъ, возьму замужъ“.

Три недѣли прошло. Опять ханъ пришолъ: „*Айда* ко мнѣ! Сколько время прошло, онъ не прищолъ! не придетъ больше!“

На двадцат семой день опять пришолъ къ бабѣ: „Айда ко мнѣ! Всё равно,—говоритъ:—не придетъ!“ — „Еще три дня осталось. Мѣсяцъ кончится, тогда,—говоритъ: — пойду замужъ“.

Мѣсяцъ прошолъ. Башкиръ пришолъ, пошолъ прямо къ хану.—„Вотъ,—говоритъ:—эту чашку тебѣ отецъ подарилъ. Эту чашку тебѣ мать подарила. Ругаютъ тебя шипко, зачѣмъ ты самъ не пришолъ!“

7. Ханъ говоритъ: „Я пойду, узнаю: здоровъ ли, какъ живетъ. Ты видѣлъ, я не видѣлъ!.. Копай,—говоритъ ему:—яму“.—Башкиръ нанималъ яму копать 40 сажень глубоко; сто саженъ дровъ готовилъ, сколько пудовъ карасину готовилъ. Сказалъ хану: „айда, иди!“ — Ханъ пошолъ къ отцу. Тотъ бросилъ за нимъ дровъ и керосину, зажогъ. Ханъ сгорѣлъ.

Башкиръ остался, живетъ. Ханомъ сдѣлался самъ.

---

102. [Три брата].

1. Давно былъ одинъ старикъ со старухой. У нихъ было три сына. Старуха умерла. И старикъ уже началъ шипко хварать. Созвалъ старикъ своихъ сыновей въ одно мѣсто и сказываетъ *имя́* послѣднее слово: „Когда я умру, тогда вы возьмите мою саблю и отправьтесь въ тотъ городъ, гдѣ живетъ ханъ. Если придётся вамъ на дорогѣ ночевать въ полѣ, то двоё пусть отдыхаютъ, а одинъ стоитъ на караулѣ, не спитъ".

2. Старикъ умеръ. На третій день послѣ его смерти сыновья собрались и пошли въ городъ. Вечеромъ остановились въ полѣ, чаю напились (чайникъ у нихъ съ собой); *большàкъ* сталъ на караулъ, а двое малыхъ легли спать. Въ полно́чь время появился какой-то большой змѣй, летаетъ вверху около ихъ и хочетъ ихъ всѣхъ троихъ проглотить. Которой на караулѣ стоялъ братъ, махнулъ саблей, промахнулся, а хвостъ отхватилъ да въ карманъ положилъ. А *имя́* ничево не сказалъ.

Разсвѣтало. Ихъ разбудилъ. Чаю напились да и отправились опять въ путь.

3. На другой день опять остановились ночевать. Двое легли спать, а сере́днѐй братъ на караулѣ стоялъ. Вдругъ появился недалеко отъ нихъ огонь и къ *имя* приближается.— „Что такое? пойду погляжу!"—Пришолъ туда: на огнѣ сидитъ *шайта̀нъ*, у него семь головъ. Шайтанъ говоритъ ему „Зачѣмъ ты сюда пришолъ? Я было въ вашу деревню отправился. Ка̀къ вы родились, съ тѣхъ поръ я хорошова сна не видалъ!" (видно, боялся). „Всѣхъ васъ проглочу!"

Выскочилъ, схватилъ ево за горло. Середней братъ вырвался, махнулъ саблей, — семь головъ отлетѣло. Онъ эти головы подъ камень, въ одно мѣсто собралъ; отъ каждой головы по одному уху отрѣзалъ, себѣ въ карманъ положилъ. (Охо́та показать, кому случится).

Пришолъ домой, разбудилъ ихъ. Опять чаю напились, отправились дальше.

4. Близко къ городу подходятъ. Совѣтуются: „ночуемъ здѣсь, чѣмъ въ городѣ платить за *фатеру*."—Остановились опять въ полѣ. Малой братъ на караулъ сталъ.

Стоитъ. Тѣ спятъ. И слышитъ разговоръ, будто идетъ цѣлая артель. Вышелъ на дорогу, ждетъ. Тѣ пришли. Ихъ сорокъ человѣкъ.—„Што тутъ стоишь?.. Хана намъ охота *кончать.* Ты чѣмъ мастеръ? Пойдемъ съ нами вмѣстѣ“.— „Я очень мастéръ вверхъ залѣзать; хоть какъ будь высóко, залѣзу“.—„Ну, этого намъ и надо!“—Пошолъ съ *имя.*

Пришли они въ городъ. Къ хану въ домъ лѣсть трудно. У малаго брата была веревка съ крючкомъ. Онъ крючекъ кверху забросилъ и полѣзъ по веревкѣ. Слѣзъ туда, вверхъ, и говоритъ *имя:* „кто перёдъ слѣзать будетъ?“—Сталъ по одному таскать на веревкѣ; какъ вытащитъ, голову отсѣкаетъ и бросаетъ на сарай. Всѣхъ сорокъ зарубилъ и положилъ на сарай въ кучу. Потомъ у каждаго по одному уху отрѣзалъ и въ карманъ себѣ полóжилъ.

5. Потомъ слѣзъ съ крыши, пошелъ къ хану въ домъ. Караульщика нѣту, ниодного солдата не видно; только стоитъ одна, привязана, маленькая горничная собака. Эта собака начала лаять, и ее малой братъ кончалъ.

Потомъ залѣзъ къ хану въ домъ. Въ первой комнатѣ спятъ три дочери хана; онъ у каждой снялъ по колечку и взялъ по платку — себѣ положилъ въ карманъ. — Потомъ пришолъ въ канцелярію и написалъ записку. „Вотъ ты какъ не ладно дѣлаешь, ханъ: не ставишь ни одного часового солдата около своего дома, надѣешься на какую-ту собачку. Если бы сегодняшнюю ночь меня не было здѣсь, такъ тебѣ было бы послѣднее житіе; если не вѣришь мнѣ, то погляди утромъ на крышу сарая—увидишь!“

Самъ отправился къ братьямъ.

6. Пришли на другой день всѣ три брата въ городъ, стали въ самый крайній домъ на фатеру. Ханъ утромъ пришелъ къ своему столу, увидалъ записку, прочиталъ и думаетъ: „што такое случилось у меня?“ — Тутъ же пришли три его дочери: „Вотъ, отецъ, у насъ сегодня ночью по колечку не стало и по платку не стало—потерялись“.— „Я,—говоритъ:—тоже удивляюсь: вонъ хто-то записку тутъ оставилъ... Неужели это правда?“

Вызвалъ ханъ своихъ совѣтниковъ и солдатъ слѣдствовать сарай: правда ли это? — Поглядѣли на сараѣ: народу полно, головы и тѣла въ одной кучѣ, у каждаго по уху отрѣзано.

Сталъ еще больше народу собирать—всѣхъ, кто есть въ городѣ.—„Хто это дѣло сдѣлалъ, пусть тотъ не отпирается: я ему отдамъ свое государство и дочь свою отдамъ!“—Собрался весь народъ. Стали спрашивать: „кто ето дѣло сдѣлалъ?“—Никто не нашелся тутъ.

„Не остался ли кто-нибудь въ городѣ еще?“ — Кто ходили собирать народъ, сказали: „Остались три брата; отъ нихъ ето дѣло не должно быть!“ — „Кто его знаетъ? надо ихъ тоже звать! Я велѣлъ вамъ всѣхъ собирать, никого не оставлять!“

7. Отправились къ *имя* опять; сказали: „васъ зовётъ ханъ“.—Два старшихъ брата испугались: „что,—говоритъ:—насъ шипко крѣпко звалъ?“ — А тотъ молчитъ, малой-то. Ну, они пришли, всѣ трое. Ихъ тутъ, въ народѣ, ханъ не оставилъ; пустилъ въ свою комнату; думаетъ: отъ нихъ ето дѣло было.

Эти три братовья сѣли за столомъ и стали разсказывать между собою о томъ, что съ ними было въ дорогѣ. А ханъ заставилъ караулить, что́ они станутъ говорить.

Этотъ большакъ разсказываетъ: „Вотъ што случилось первую ночь, когда я стоялъ на караулѣ. Появился большушшой змѣй, хотѣлъ насъ всѣхъ троихъ глотать. Я въ него махнулъ саблей, мимо, только хвостъ отхватилъ. Вотъ хвостъ“. — Вытасшилъ изъ кармана и поло́жилъ хвостъ на столъ.

Потомъ середней говоритъ: „Я тоже убилъ змѣя; отъ каждой головы по уху взялъ, а самые головы положилъ подъ камень“.—Тоже положилъ уши на столъ.

А ханъ слушаетъ, што они говорятъ.

Потомъ малой братъ говоритъ: „Ну, у меня что случилось! этакому случаю никогда не быть! Я стою́ на дорогѣ. Идётъ артель народу. Какъ подошли ко мнѣ ближе, я остановилъ ихъ и спрашиваю: „Куда вы отправились?“—Они отвѣчали: „вотъ куда, хана кончать“. — Ну, я съ *имя́* отправился... Я вперёдъ ихъ слѣзъ на верхъ, потомъ по одному ихъ туда вытасшилъ, у каждаго голову отсѣкъ и положилъ. Пришолъ къ ханскому дому; стоитъ одна собачка тутъ, а никакого часового нѣту. Сами спятъ. Счастливъ ханъ, што я пришолъ; а то бы ево севодня кончали. Вотъ“, говоритъ.—Вытасшилъ изъ кармана сорокъ ушей и поло́жилъ на столъ.

И удивлялись братья другъ на дружку. Ханъ всѣхъ ихъ слушалъ. Пришолъ къ *имя*.—„Вотъ какіе молодцы ребята пришли! какіе дѣла дѣлали: съ роду такъ не придется никому дѣлать!"

Какъ ханъ сказалъ своё слово, такъ и охота ему дѣлать—свое государство отдать малому брату. А этотъ малой братъ отпирается: „у меня есь большакъ (ологo). Вотъ,—говоритъ:—если желаешь, пусть большакъ будетъ на моемъ мѣстѣ".—Ханъ отдалъ большую дочь большаку и свое государство ему отдалъ; середнему брату середнюю дочь отдалъ, малую — малому. Всѣхъ трехъ дочерей отдалъ. И живутъ топерь.

Сказки Б. Д.-Мухаметова.

Бузикитъ Ярышичъ Диnъ-Мухаметовъ — уроженецъ и житель башкирской деревни Алабуги, Карабольской волости Екатеринбургскаго уѣзда. Ему 19 лѣтъ. Грамотенъ только по-татарски. По-русски говоритъ плоховато. Живетъ въ Алабугѣ у отца, занимаясь земледѣліемъ, а въ свободное время работаетъ на заимкахъ. Отецъ его, отъ котораго Савелій (русское имя Бузикита) выслушалъ часть своихъ сказокъ, служилъ работникомъ въ разныхъ мѣстахъ Пермской губерніи.

---

103. Убыръ. [Чудесная скрипка].

1. Давно жилъ одинъ старикъ со старухой. У нихъ была сноха; у этой снохи было три брата. Старуха у старика была убыръ [вѣдьма]. Сноха пекóтъ лепёшки—гостинцы, въ гости хочетъ ѣхать къ братьямъ; каждой день пекотъ, а свекровка у нее все кончаетъ, ѣстъ. Сноха запряжетъ лошадь въ гости ѣхать, глядитъ. гостинцевъ у нея нѣтъ, съѣдено. Замучилась сноха.

Одинъ разъ она затопила печь, приготовила все, только не пекла, а сначала лошадь запрягла, потомъ пекла. Испекла и поѣхала въ гости. А у снохи было три парня.

Сколько-то тамъ верстъ проѣхала сноха, убыръ ее догоняетъ, гонится за ней. Убыръ поетъ:

Сношенька, подожди!
Ноги [у меня] пристáли!

Убыръ всё ближе и ближе; руками уже хватаетъ. Сноха бросила ей лепешку, убыръ отстала было — ѣла, и опять идетъ. Опять поетъ:

Сношенька, подожди:
Ноги пристáли!

Опять догоняетъ убыръ. Опять сноха бросаетъ ей лепешку. И такъ все лепешки бросала; лепешекъ больше у ней не стало. Бросила хлыстикъ; и хлыстикъ проглотила убыръ; все идетъ, поетъ:

Сношенька, подожди:
Золотое копыто [у меня] пристало!

Сноха сняла съ телѣги одно колесо и бросила, ѣдетъ на трехъ колесахъ. Убыръ проглотила колесо. Тогда сноха бросила убыру своихъ сыновей—одного за другимъ, потомъ колёса телѣги, потомъ и самую телѣгу; сама сѣла на вершну и поѣхала. Все проглотила убыръ. Телѣгу долго глотала, и сноха уѣхала далеко.

Глядитъ назадъ: опять видно стало убыра, опять гонится за нею и догоняетъ уже, сама поетъ:

Сношенька, подожди:
Золотое копыто пристало.

Боится сноха; сняла хомутъ съ лошади, бросила. Немного отстала убыръ, глотала, и опять идетъ. Опять близко, только хватить. Сноха клала вдоль дороги возжи. Долго глотала ихъ убыръ, далеко отстала, и опять нагоняетъ. Платокъ съ своей головы бросила сноха; потомъ всю свою одежду прибросала, въ одной рубахѣ осталась.

Опять догоняетъ ее убыръ. Нечего уже бросать. Убыръ хватила за хвостъ лошади и оторвала хвостъ. Плохо бѣжитъ лошадь. Догоняетъ убыръ, оторвала у лошади ногу. Лошадь на трехъ ногахъ бѣжитъ. Опять ногу оторвала убыръ. Тогда сноха слѣзла съ лошади, побѣжала пѣшкомъ. Всю лошадь кончала убыръ, далеко осталась. А деревня-та уже недалеко.

2. Добѣжала сноха до деревни. Тамъ у ней три брата, у нихъ три дома. Сноха поетъ:

Братецъ, отвори дверь:
Это я, твоя сестрица Биби-Гайша.
Убыръ свекровка догоняетъ меня!

Старшій братъ отвѣчаетъ ей: „моя сестрица ночью не ходитъ“. (Наступила уже ночь). Не отворилъ дверей старшій братъ, а убыръ уже близко.

Передъ домомъ середняго брата поетъ:

Братецъ, отвори дверь:
Это я, твоя сестрица Биби-Гайша,
Убыръ свекровка догоняетъ меня!

И тотъ отвѣчаетъ: „моя сестра ночью не ходитъ". — Не отворилъ дверей; а убыръ настигаетъ.

Передъ окномъ третьяго брата поетъ:

Братецъ, отвори дверь:
Это я, твоя сестра Биби-Гайша,
Убыръ свекровка догоняетъ меня!

— „Иди въ овечью *карду*", отвѣтилъ ей малой братъ. И онъ думаетъ, что это не его сестра.

3. Зашла она въ овечій *пригонъ*, спряталася. Убыръ за ней пришла въ приго́нъ, ходитъ—нюхаетъ. Поймала сноху и съѣла; остались одни кишки только. Кишки эти убыръ повѣсила малому брату на столбъ, какъ возжи, а сама ушла домой.

4. Утромъ встали братья. Середней братъ идетъ къ малому брату; смотритъ: на столбѣ кишки висятъ.—„Вотъ,—говоритъ:—кого надо, того и Богъ принёсъ!"—А онъ игрокъ былъ, на скрипѣ игралъ. Взялъ кишки и утасчилъ домой, сдѣлалъ изъ нихъ струны на скрипку.

Началъ играть. Словно языкомъ, его скрипка пѣсню поётъ:

Не играй, не играй, братецъ:
Спина у меня болитъ.
Не играй, не играй, братецъ:
Я сестрица Биби-Гайша.

Играетъ, играетъ, а скрипка всё одно своё поётъ. Удивился онъ. Принесъ скрипку къ малому брату, позвалъ старшаго брата. Началъ играть, — всѣ братья заплакали: „Навѣрное, это наша сестра".

„Давай, — говоритъ: — въ гости позовемъ свекровку и свекра!" — Какъ тѣ пришли, эти три брата поймали убыра и убили ее. А старикъ остался въ гостяхъ.

---

104. [Старикъ и Деу].

1. Давно жилъ одинъ старикъ. Бѣдный былъ шипко; ничего у него нѣту. Возьмётъ въ руки палку и гуляетъ; да и гулять шипко *крýто* не можетъ. Ищетъ гнѣзда — хоть сороки, хоть вороны, яички собираетъ изъ гнѣздъ; этимъ и живетъ.

Одинъ разъ онъ шелъ изъ поля (ходилъ яички собирать). Встрѣчу ему попадаетъ *Деу*. Дéу говоритъ: „я тебя съѣмъ!“— Старикъ: „нѣтъ еще, не съѣсть тебѣ меня. Посмотримъ, кто кого сильнѣе! Вотъ, — говоритъ: — возьми этотъ камень и дави его: если у тебя пойдетъ изъ камня желтая вода, такъ ты съѣшь меня, а если у меня пойдетъ, такъ я тебя съѣмъ!“ — Деу согласился.

Старикъ взялъ въ руку, вмѣсто камня, яичко; давилъ, у него жолтая вода побѣжала. Деу взялъ камень, жмётъ его изо всей силы, весь камень изломалъ, только пыль изъ него летитъ; а воды нѣтъ.

2. Потомъ старикъ говоритъ: „Я тебя съѣмъ!“ — А старикъ самъ тощóй такой. Деу испугался.—„Я,—говоритъ:— тебѣ золота дамъ, пожалуста не ѣшь“.—Старикъ все бородой трясетъ: „Я тебя,—говоритъ:—съѣмъ!.. Ну, да ладно!“ говоритъ.

Потомъ Деу повелъ его къ себѣ за золотомъ. Пошли. Шли долго, не одинъ день. Пришли въ избу; тамъ одна мать Деу дома. Деу сказалъ матерѣ: „гость пришолъ; самоваръ поставь!“—Разсказалъ ей, какъ дѣло вышло. Наѣлись, напились.

Ночь стала. — „Спать, — говоритъ: — надо“. — Деу: „*айдá*, лежись,—говоритъ:—въ избу“.—Послáли ему постель. Старикъ говоритъ: „Нѣтъ,—говоритъ:—я въ избѣ не привыкъ спать; тамъ блохъ, навѣрно, много. На потолокъ пойду“, говоритъ.—А самъ думаетъ, кабы чего-нибудь не сдѣлали съ нимъ. — Залѣзъ на потолокъ, лёгъ.

Ночью старикъ потихоньку слѣзъ съ потолка. У нихъ въ избѣ огонь горитъ. Смотритъ въ окно: Деў топоръ точитъ.—„Я,—говоритъ:—разъ сѣку, другой разъ сѣчь нечего будетъ!“ Матерѣ говоритъ. — Мать говоритъ: „Не шевели! не знаешь, какой человѣкъ, можетъ быть святой? Гляди, кабы худо не было тебѣ!“—„Нѣтъ,—говоритъ:—я не боюсь!“—

Старикъ взялъ худой пенёкъ, съ человѣка ростомъ; положилъ его на потолокъ, подъ крышу, завернулъ его въ зипунъ: будто человѣкъ спитъ. Самъ слѣзъ съ потолка и опять въ окошко глядитъ.

Деу залѣзъ на потолокъ съ топоромъ въ рукахъ. Разъ онъ сѣкъ ево, другой разъ сѣкъ, только пыль летитъ отъ нево. Не сталъ разговаривать, такъ слѣзалъ. Вошолъ въ избу, потомъ матери говоритъ: „Вотъ какой старой онъ: только пыль летитъ отъ нево!" — Потомъ легли они спать.

3. Какъ уснули, этотъ старикъ залѣзъ опять на потолокъ, взялъ зипýнъ и надѣлъ на себя. Потомъ слѣзъ, пришолъ подъ окошко да и кричитъ: „Вставайте,—говоритъ:— Что вы долго спите? Отворяйте дверь!"—Такъ съ характеромъ, знаешь, кричитъ. Они испугались, торопились — отворяли дверь, огонь развели, самоваръ ставятъ.

Чай пьетъ старикъ. — „Вы, — говоритъ: — сказали: блохъ нѣтъ! А я еще на потолокъ залѣзъ, и тамъ блохи кусали меня! Кабы, — говоритъ: — въ избу, такъ больше бы кусали меня!" — *Сарапается* самъ.

Чаю напились. Деу *махáнъ* варилъ — человѣка кололъ. Этотъ старикъ сидитъ за обѣдомъ; Деу кладетъ ему голову, главной *мосóлъ*; старикъ рветъ рукой, тащитъ въ ротъ себѣ, а самъ прячетъ въ дыру. Много ли мало ли сидѣлъ: „будетъ, — говоритъ: — наѣлся!"

„Ну, теперь,—говоритъ:—надо расчитываться!"—Прямо весело говоритъ, што-што боится. Деу говоритъ: „Возьми, сколько поднимешь, самъ тасчи золота!" — А старикъ говоритъ: „Вотъ какой ты куракъ! Я много дураковъ видѣлъ, этакова не видалъ!.. „Сколь подымаешь еще!" — Да я съ матерью тебя тасчу, съ домомъ, — говоритъ: — всево тебя утасшу! Тебя роботникомъ держать стану, мать стряпкой будетъ!.. Айдá самъ таши, сколь поднимаешь!"

Деу шипко испугался. Кладётъ самъ на себя золото, много кладетъ—согнулся даже.—„Айда еще клади!" говоритъ старикъ. — Деу черезъ силу себѣ клалъ, не можетъ уже поднимать. Пошли они; старикъ сзади его идётъ. Попойдётъ, попойдетъ Деу, да и упадетъ; потомъ говоритъ: „оставимъ хоть немного: шибко тяжело нести!" — „Айда, — говоритъ старикъ: — тасшы, не оставляй!"

4. Пришли къ старику. — „Стой — говоритъ: — въ воротахъ! я *бабу* пошлю самоваръ ставить“. — Старикъ своей бабѣ сказалъ: „Я, — говоритъ: — тебя заставлю: *маханину* клади варить! — такъ ты спрашивай у меня: какую маханину?...“

Вышелъ старикъ и говоритъ Деу: „айда, заходи!“ — Золото принесъ Деу въ избу. Старуха самоваръ поставила, сѣли пить чай. Старикъ потомъ говоритъ *бабѣ*: „Айда, мясо клади варить!“—Баба спрашиваетъ: „какое мясо,—говоритъ:—класъ?“ — У старшево Деу головá клади варить, а у середняго грудь клади, а у младшаго ногá. Не хватитъ, — вотъ сидитъ“ (руку протянулъ и хотѣлъ схватить Деу за горло). — Испугался Деу, уголъ у избы подымалъ и убѣжалъ.

Обрадовались они, старики. Старикъ пошолъ, избу чинитъ.

5. Деу бѣгомъ бѣжитъ съ испугу. Навстрѣчу ему попала лиса: „Куда ты эдакъ *крýто* идёшь?“ — „Старикъ меня хотѣлъ поймать, убить“. — Лиса говоритъ: „Эхъ ты муракъ, дуракъ! Я его соплями бью, онъ упадетъ; потомъ я молоко у него хлебаю, сметану хлебаю — и убѣгу! А ты, такой здоровой, боишша! Пойдемъ, я тебя поведу. Держи хвостъ менѣ!“

Взялъ Деу хвостъ у лисы, держитъ его. А старикъ починялъ избу. Оглянулся старикъ и видитъ Деу. — „А, — говоритъ: — лиса, ты тасчышь мнѣ долгъ, заплатить мнѣ хочешь! Айда тасшы скорѣе!“ — Деу испугался, осердился на лису, завертѣлъ, завертѣлъ хвостъ и ударилъ лису о землю, а самъ убѣжалъ съ *мáху*. — Старикъ взялъ лису и ободралъ.

---

105. Водяная дѣвица.

1. Былъ старикъ со старухой. У нихъ было три парня. Жили богато. Два парня женились, а третій парень остался холостымъ. Старикъ умеръ, а онъ всё холостой. Братья стали обиждать холостого брата; ему хочется жениться, а они его не женятъ.

Одинъ разъ холостой братъ пошолъ на озеро. Гуляетъ по берегу, увидѣлъ кого-то вдали и пошолъ на него. По-

дошолъ ближе, видитъ: сидитъ дѣвка до грудей въ водѣ.— „Ты кто?“ спрашиваетъ парень.—Она сказала: „я сы́у-кызы́“ (водяная дѣвка). — „Ты пойдёшь за меня замужъ?“—„А у тебя кто есь? братъ есь, отецъ есь?“—Молодецъ сказалъ.— „У тебя братъ богатой, а я бѣдная. Какъ я пойду за тебя? Мнѣ стыдно итти“.—А дѣвка сама *ба́ская.* Поговорили такъ сколько время, сговорились.

Молодецъ сходилъ домой, притасшилъ ей одёжу женскую. Та одѣлась и пошла съ нимъ домой.

Пришли. Живутъ. Свекровка хвалитъ дѣвку: „Какая она бойкая! У насъ 10 коровъ — она сейчасъ подоитъ, а раньше сноха у насъ была—ухъ плохо работала... За какую работу не возьмется, всё хорошо!“

2. Пошла эта молодая сноха однажды доить коровъ. А у нея была одёжа изъ лягушечьей кожуры. Пошла она доить, пове́сила эту одёжу на гвоздь. *Мужикъ* взялъ эту одёжу и бросилъ на огонь. Сгорѣла одёжа, только маленько осталось, — пришла эта дѣвка. — „Эхъ, ты, чево ты надѣлалъ!“ осердилась она. Какъ встряхнулась, и полетѣла. *Мужикъ* заревѣлъ.

3. Плохо стало жить мужику. Думалъ, думалъ онъ и надумалъ: надо итти искать жену. Наготовилъ себѣ много провіанту и пошолъ. Идётъ, идётъ всё въ одну сторону, на югъ (кыбла́). Шипко много дней прошолъ, много рѣкъ прошолъ, и *ура́льныя* мѣста. Всё идётъ дальше. Вся одёжа у нево износилась; нашолъ онъ однажды старую *кошму* отъ *коша*, сшилъ изъ нея себѣ одёжу — шубу и шляпу; опять пошолъ.

Идётъ и видитъ: далеко-далеко домъ, какъ напёрстокъ, и дымъ, какъ леска *). Пошолъ туда. А провіантъ у него уже весь вышолъ. Подошолъ къ дому, отворилъ дверь, затворилъ ее за собой и здоровается: „Бабушка, здраствуй!“—Та спросила: „Откуда ты?“—„У меня *баба* убѣжала... Я голоденъ шипко; дай мнѣ чево-нибудь поѣсь, кусочикъ какой“. — „Молодецъ, у меня у самой мало, я сама голодомъ“.—Собрала ему черствые куски, дала *простоки́ши.* Онъ поѣлъ и опять пошолъ своей дорогой.

---

*) Обычная сказочная формула объ отдаленномъ жилищѣ.

4. Идётъ; опять увидѣлъ далеко-далеко домъ—какъ напёрстокъ, дымъ—какъ леска. Пришолъ туда, зашолъ; отворилъ дверь, тамъ бабушка сидитъ. —„Накорми меня, пожалуста; я *бабу* свою потерялъ, ищщу“. — „А, я,—говоритъ:— знаю ее; она дочь моей старшей сестры. Придешь ты къ ней во дворъ, такъ не пройти: всё заперто на запоръ. Вотъ я тебѣ дамъ ключъ, ты брось его на крышу ограды“.

5. Онъ взялъ ключъ. Пришолъ туда; нашолъ домъ. Какъ бросилъ ключъ на крышу ограды, такъ дверь отворилась. Вышла бабушка и говоритъ: „*Айда* въ избу... Зачѣмъ пришолъ?“ (Она—знахарка, знаетъ, а все-таки спрашиваетъ). — „Вотъ, у меня *баба* убѣжала“. — „О, это моя дочь!“ — „Какъ, — говоритъ: — теперь ее достать?“ — „Вотъ ты мой зять, зачѣмъ ты ее сердилъ? Она сейчасъ придётъ сюда, тебя убьётъ!“

Бабушка его встряхнула, и онъ сдѣлался маленькій, какъ иголка. Она заткнула его въ мохъ. Онъ всё видитъ, што-што иголка. Видитъ: пришло 9 гусей, встряхнулись, стали дѣвками и нюхаютъ. И говорятъ: „кто здѣсь есть?“— Сами сердятся.—„Я ево сейчасъ убью!“—Эта бабушка говоритъ: „Нѣтъ, не надо убивать! Помиритесь, лучше будетъ!“—И подружкамъ сказала эта бабушка: „уговаривайте её“.—Тѣ уговариваютъ. Она согласилась.

Бабушка говоритъ: „принимай присягу, а то обманешь!“ —Та присягу приняла: „не убью“.—Тогда бабушка иголку вытасшила, встряхнула, и сталъ человѣкъ—плохой шипко: *свороблúвой*, грязной.

6. „Я не буду спать съ нимъ“. — Послала себѣ другую постелю, и легли на разныхъ постеляхъ. А тотъ страшно сара́пается, зудитъ голова шипко, хворой сталъ.

Какъ онъ уснулъ, эта дѣвка пришла, положила ево на хлѣбную лопату, соннова, и бросила ево прямо въ огонь (а печь уже затоплена). И сгорѣлъ онъ тамъ, конча́лся; осталась одна зола. Она эту золу смела, на чистой платокъ склала, потомъ встряхнула—и опять человѣкъ сталъ. Положила ево опять на постель. А онъ чистой сталъ, много получше, и волоса у нево выросли.

На другой день утромъ встали; бабушка и спрашиваетъ его: „Ты сегодня что видѣлъ во снѣ?“ — „Охъ, какъ меня сёдни безпокоили! Въ огонь бросали, мя́ли, на тряпицу

клали, привязывали, потомъ опять трясли".—Всё онъ помнитъ, только во снѣ. Стали жить вмѣстѣ.

7. „Поѣдемъ,—говоритъ:—домой".—„Я ишо не пойду, а ты иди домой. Ежли у тебя на дорогѣ не хватитъ хлѣба, то возьми вотъ этотъ мѣшокъ, тряхни — и будутъ деньги; только ты ничего не покупай, кромѣ хлѣба!"

Пошолъ онъ. Идётъ, идётъ. И видитъ: далеко-далеко домъ, какъ напёрстокъ, и дымъ, какъ леска. Заходитъ. Тамъ сидятъ старикъ со старухой. Кричитъ: „хозяинъ дома?"—„До́ма". — Вышелъ старикъ. „Ты кто?"—Онъ сказалъ.—„Продай всё строеніе".—„Продамъ. Три короба золотыхъ денегъ полны клади, я продамъ". — Встряхнулъ мѣшокъ, — полонъ коробъ денегъ. Такъ и другой, и третей. Три короба наполнилъ. Старикъ со старухой запрегли лошадь, ушли.—„Намъ,—говоритъ: — будетъ". — Сталъ хозяиномъ, и жить сталъ тутъ; живётъ, домой нойдётъ.

Ево *баба* узнала объ этомъ. Пришла и говоритъ: „Што ты дѣлаешь?" — Всё строеніе сожгла въ пять минутъ. Остался одинъ мужикъ. — „Зачѣмъ ты меня не послушалъ? На первой разъ прощаю, а другой разъ не прощу!"

8. Поѣхали вмѣстѣ домой. Пришли на то мѣсто: „Гдѣ наша деревня? Ровно земля наша, а деревня гдѣ?" — Кричали, кричали, — никого нѣтъ. Зашли въ землянку, видятъ: сидитъ старикъ со старухой, походятъ на его брата и на его мать. — „Здраствуй, братецъ!" — Тотъ ничего не понимаетъ, не слышитъ и не видитъ; и мать тоже. Шипко стары стали они. Сказалъ *бабѣ*: „вотъ мой дядя и мать сидятъ, ничево не слышатъ".

Все имѣнье сбросала въ огонь, въ *чува́лъ*; потомъ брата и мать туда же бросила. Какъ *мужика* своего прежде, такъ и ихъ; золу отъ нихъ взяла въ тряпку, встряхнула, — и сталъ опять здоровой, какъ 17-лѣтній молодецъ.

Жить стали хорошо, богато.

---

106. Быжырмарганъ.

1. Былъ старикъ со старухой. У нихъ былъ одинъ парень, по имени Быжырмарҕанъ. Бѣдные они были. Сынъ проситъ отца сдѣлать ему стрѣлку. Тотъ сдѣлалъ. Сынъ

пошолъ и застрѣлилъ сороку. Принесъ домой; половину сороки сварили, половину на другой разъ оставили. Наѣлись.

Сынъ опять пошолъ охотничать; попала ему утка. И такъ онъ мастеръ сталъ стрѣлять, первой охотникъ сталъ.

Одинъ разъ пошолъ онъ охотничать. Видитъ: на дорогѣ огонь горитъ. Заходитъ Быжырмарһанъ въ огонь, а тамъ лежитъ змѣя. Взялъ Быжырмарһанъ стрѣлку и выбросилъ змѣю изъ огня.

2. Змѣя сказала ему: „спасибо тебѣ за это. Пойдёмъ къ намъ въ гости“.—Всё разсказала ему, куда и какъ идти. „Какъ придёшь въ избу, говори отцу: саля́ мали́кам! [здравствуй!]. Угощать онъ тебя будетъ. А когда пойдёшь домой, то онъ дастъ тебѣ сундукъ — любой, какой душа желаетъ: красной, зелёной, чёрной... Если чёрной сундукъ возьмешь, то тамъ все змѣи будутъ, если зеленой — ящерицы, если красной — огонь. Ты бери бѣлой сундукъ“.

Пришли въ ихной домъ. Быжырмарһанъ сказалъ: „саля́ мали́кам!“ [здравствуй]. — „Если бы не этотъ селямъ, то я разорвалъ бы тебя на двѣ части и проглотилъ бы!“—Сталъ его угощать. — „Спасибо тебѣ: сына тащи́лъ“. — Сколь время гостилъ, домой пора. — „Прощайте“, говоритъ. — Отецъ змѣя и говоритъ ему: „Постой, я тебѣ подарокъ дамъ — любой сундукъ бери; которой пожелаешь, отдамъ!“ — Быжырмарһанъ выбралъ бѣлой сундукъ. — „На свою землю пока не выйдешь, не отворяй сундукъ!“ — „Ладно“. — Попрощался и пошолъ домой.

3. Принёсъ Быжырмарһанъ сундукъ на свою землю и отворилъ. Какъ сундукъ отворилъ, тутъ домъ построился, и *баба* ему, и всякое хозяйство—самоваръ и всё. Домъ шипко хорошой: у царя нѣтъ такого. Богатой сталъ; отца и мать къ себѣ жить тащи́лъ.

4. Царь осердился на него: зачѣмъ лучше царскаго домъ построилъ. Послалъ солдата къ Быжырмарһану: „пускай готовится на войну со мной“. — Солдатъ сказалъ. Быжырмарһанъ на дверь взглянулъ — заплакалъ, въ красный уголъ (тюрьга́) взглянулъ — разсмѣялся. *Баба* говоритъ ему: „Сходи къ моему отцу, попроси у него военныхъ стрѣлокъ; онъ тебѣ дастъ“, говоритъ. — „Ладно“. — Пошолъ. 10 дней только сроку далъ ему царь.

Пришолъ къ тестю и попросилъ у него стрѣлокъ.— „Ладно“, говоритъ.— Три тысчи стрѣлокъ далъ ему.— „Тамъ,—говоритъ:—дочь знаетъ, что дѣлать съ ними“.— Принёсъ стрѣлки домой, отдалъ *бабѣ*. Баба понесла ихъ на озеро мыть; бѣлые стали, положила ихъ на скамейку подъ окошко въ рядъ.

Время вышло. Собрались царскіе солдаты. *Баба* велѣла Быжырмарһану залѣзть на крышу и тамъ сидѣть. Стрѣлки эти стали шевелицца: имъ стрѣля́цца охота. Потомъ стали солдаты стрѣлять прямо въ избу мужику. Тогда и стрѣлки стали са́ми стрѣлять: стрѣляютъ, попадаютъ и все проходятъ черезъ человѣка дальше; не остаются въ тѣлѣ, а стрѣляютъ потомъ другого и третьяго. Въ 15 минутъ весь царскій полкъ кончàли, потомъ остановились.

5. Царь тоже не сталъ воевать. Онъ сказалъ: „Станемъ теперь бороться: у меня есть семигодовалой быкъ, ты съ нимъ будешь бороться!“— Быжырмарһанъ взглянулъ на дверь— заплакалъ, взглянулъ въ красный уголъ—засмѣялся. *Баба* ему говоритъ: „Что ревёшь? Ничево не бойся. Неси отцу стрѣлки (а стрѣлки всѣ воротились назадъ) и проси у него опояску“.

Пошолъ Быжырмарһанъ къ тестю; отнёсъ ему стрѣлки, гостилъ у него.—„Мнѣ,—говоритъ:—надо опояску“.—Тесть далъ ему шелковую опояску. Взялъ и принёсъ ее домой. *Баба* учитъ его: „когда придёшь на *майда́нъ*, дадутъ тебѣ мяса—ѣшь, и не дадутъ—рви и ѣшь! Кто тебя толкнётъ, кто не толкнётъ, всё равно пàдай. Когда будетъ тебя быкъ бодать, бросай ему на рога эту опояску“.

Быжырмарһанъ пришолъ на майданъ, прямо рвётъ мясо и ѣстъ; кто-нибудь его толкнётъ али маленько пошевелитъ, онъ падаетъ. Народъ смѣется надъ нимъ: „хорошъ,—говоритъ:—борецъ (ба́тыр)!“

Время настало бороться. Царскіе слуги привели на опояскѣ семигодовалаго быка; быкъ шибко злой, бодается, идётъ къ Быжырмарһану *кру́то*, прямо бодать. Какъ быкъ подошолъ, Быжырмарһанъ бросилъ ему опояску прямо на рога и давай ево вертѣть. (Легко сталъ поднимать быка). Вертѣлъ, вертѣлъ его и бросилъ на 17 сàжень; до смерти *кончàлъ* быка.

Весь народъ удивился. *Майданъ* кончился.

6. Дёнъ 10 прошло. Опять царь посылаетъ къ Быжырмарһану: „Давай пускáть *бѣгунцóвъ*: если моя лошадь прежде придётъ, твою голову отсѣкёмъ; твоя лошадь прежде придётъ, мою голову отсѣкёмъ“.

Быжырмарһанъ па дверь посмотрѣлъ, заплакалъ; въ красный уголъ взглянулъ, разсмѣялся. Спрашиваетъ *бабы*: „что будемъ дѣлать теперь?“ — „Айда, шолковую опояску неси отцу, а онъ дастъ тебѣ *тулпáра*“.

Сходилъ и попросилъ у тестя: „бѣгунцовъ хотимъ пускать, лошадь мнѣ надо бы“. — „Вотъ, — говоритъ: — у меня малой *тулпáръ*, бери! Зажмурь глаза, бей его разъ и потомъ гляди“. — Зажмурилъ глаза, ударилъ тулпара; смотритъ: дóма, въ свою избу пришолъ.

Майданъ начался. Пустили *бѣгунцовъ*; идутъ они. У Быжырмарһана далеко впередъ идётъ тулпаръ, царскаго бѣгунца не видать за нимъ. Семь шолковыхъ верёвокъ протянуто было на концѣ бѣга; шесть верёвокъ порвалъ тулпаръ, только на послѣдней остановился. Царскій бѣгунецъ пришолъ много послѣ.

Быжырмарһанъ сдѣлался царемъ.

---

107. Алеукá.

1. Давно жилъ одинъ богатый старикъ со старухой. У нихъ былъ одинъ только сынъ, по имени Алеўкá. Отецъ и мать посылаютъ парня каждый день глядѣть конный табунъ: „гляди табунъ, гони его на *елань* Илкуаръ: если эта елань будетъ полна, то вся скотина цѣла; не полна елань — скотины ни хватаетъ“. — Каждый день ходилъ парень, гонялъ табунъ на елань; елань всё полна.

Однажды онъ лёгъ тамъ спать и уснулъ. Мимо его проходила дѣвица Жинъ пэри (парей) и надѣла ему на руку колечко. Когда парень пробудился и всталъ, онъ оказался безъ языка — не можетъ ничего говорить.

Пришолъ домой, въ избу, хочетъ говорить, и не можетъ. Отецъ съ матерью спрашиваютъ: „чего тебѣ сдѣлалося?“ — Онъ ничего не отвѣчаетъ; выговорилъ только одно слово: „старика съ бѣлой бородой ташшите!“ — Никто не понимаетъ,

какого старика. Отецъ съ матерью ревутъ: одинъ только сынъ у нихъ.

2. Думалъ, думалъ отецъ, сѣлъ на вѐршну и поѣхалъ искать бѣлобородаго старика. Долго ѣхалъ, наконецъ видитъ: сидитъ старикъ съ бѣлой курчавой бородой. — „Тебя мнѣ и надо! Иди ко мнѣ: у меня сынъ не можетъ говорить“. — Старикъ говоритъ: „айда́, собирай больше народу и коли скотину—кормить гостей! Когда всё у тебя будетъ готово, я приду“.

Воротился отецъ Алеўки домой, позвалъ въ гости всѣхъ своихъ однодеревенцевъ, закололъ сколько тамъ быковъ, овецъ. — Пришолъ и старикъ съ бѣлой бородой. А Алеўка всё не можетъ говорить.

Нагостились. Хозяинъ говоритъ бѣлобородому старику: „вотъ у меня парень немо́жетъ, тебя просилъ привести“.— Старикъ подошолъ къ Алеўкѣ, взялъ его за правую руку, гладитъ. И говоритъ старикъ: „Айда́ скорѣе, выбирай изъ табуна шесть паръ чубарыхъ ко́ней — догонять надо“. — Отецъ Алеўки говоритъ: „Не только что шесть, шестьдесятъ паръ чубарыхъ коней можно отобрать у меня въ табунѣ!“—Пошолъ въ табунъ, смотритъ: ни одной чубарой лошади нѣту; искалъ, искалъ, не могъ найти. Воротился домой и говоритъ Алеўкѣ: „парень, ни одной чубарой лошади я не могу найти!“ — Парень сказалъ: „На Гусиную гору (Каз-тàу) ушла у насъ одна кобыла; навѣ̀рно, всѣ туда ушли“. — Пошолъ старикъ опять, смотритъ: всѣ чубарые кони собрались въ одно мѣсто, а лошадей другой масти тутъ совсѣмъ нѣтъ. Давай ловить ихъ; шесть паръ поймалъ, привёлъ домой.

3. Старикъ съ бѣлой курчавой бородой говоритъ: „Давай, скорѣе садись на вѐршну, надо ѣхать въ погоню!“ — Самъ бѣлобородый старикъ поймалъ рыжую лошадь, сѣлъ на неё и поѣхалъ впереди. *Сма́ху* го́нитъ впередъ. Приста́ла лошадь у Алеўки, и отцова лошадь пристала; пересѣли они на другихъ коней. И эти кони приста́ли, пересѣли на новыхъ; потомъ пересѣли на послѣднюю пару, и она уже не можетъ идти. А у бѣлобородаго старика рыжко всё идётъ хорошо впередъ.

Слѣзъ бѣлобородый старикъ со своего коня и говоритъ Алеўкѣ: „садись на моего рыжка; назадъ не оглядывайся;

хлыстикомъ бей коня такъ, что—по одному боку бьешь, а по другому чтобы кровь пошла. Доѣдешь до рѣки, остановись ночевать; утромъ встанешь, придётъ дѣвица съ чайникомъ за водой—ты ей это колечко отдай".

4. Доѣхалъ Алеўка до рѣки, остановился ночевать, коня привязалъ. Выспался, утромъ всталъ, глядитъ: одна дѣвица идетъ съ чайникомъ за водой. Алеўка подходитъ къ ней и говоритъ: „*Апай*, у тебя сестра есть?" — „Есть".—Алеўка показалъ ей свое колечко; та и говоритъ: „Это моей сестры колечко, гдѣ ты его взялъ? Моя сестра замужъ выходитъ, свадьбу играетъ".

Алеўка отдалъ ей колечко сказалъ: „Когда будешь поливать сестрѣ на руки воду, то спусти ей на руки вмѣстѣ съ водой это колечко".—Та взяла и ушла. Алеўка остался; тоскливо стало ему.

5. Дѣвица пришла домой; стала подавать воду — руки умывать. Пришла сестра, она спустила ей съ водой колечко: какъ полила воды, такъ колечко само и надѣлось на руку. Сестра удивилась. — „Откуда это взялось у меня колечко?" — „Это тебѣ молодецъ послалъ". — „Покажи мнѣ его".

Свела дѣвица свою сестру на рѣку, показала ей Алеўку. Они познакомились и полюбили другъ друга; сѣли на рыжка и угнали домой; сбѣжали.

6. Отецъ съ зятемъ узнали объ этомъ; кинулись въ погоню. Зятя звали Кубыкты́-кара́ [въ буквальномъ переводѣ: черный гребень на водяной волнѣ]. Гонятъ они шипко; догоняютъ Алеўку.

Невѣста спрашиваетъ Алеўку: „чего ты умѣешь дѣлать? покажи мнѣ".—Тотъ вмѣсто отвѣта поетъ:

На островѣ растётъ тридцать осокорей *(тирак)*:
Всѣ они упадутъ, если я выстрѣлю!

Взялъ стрѣлу и выстрѣлилъ изъ лука; всѣ тридцать осокорей упали: 29 срѣзала стрѣла, въ тридцатомъ завязла.— И опять поѣхали впередъ.

Сзади ихъ идетъ погоня; ѣдутъ тесть съ зятемъ и думаютъ: „Почему это осокори упали? Если бы ихъ вѣтромъ уронило, то почему они всѣ ровны? Если топоромъ срублены, то почему нѣтъ щепъ? Если пилой спилены—почему

нѣтъ опилковъ?" Думаютъ, дивятся; увидали въ тридцатомъ осокорѣ стрѣлку, догадались: стрѣлой, видно, срѣзалъ!

Ѣдутъ. Невѣста опять спрашиваетъ Алеўку: „Что ты умѣешь дѣлать? покажи мнѣ". — Алеўка опять запѣлъ:

На краю стоятъ сорокъ сосенъ:
Всѣ сорокъ упадутъ, если я выстрѣлю!

Выстрѣлилъ изъ лука, и всѣ сорокъ сосенъ упали: въ послѣдней завязла стрѣлка. — Тѣ увидѣли и опять думаютъ: отчего сосны упали? — Думали, думали, увидѣли въ послѣдней соснѣ стрѣлку и догадались.

7. Гналъ, гналъ Алеўка. Тесть его воротился домой, остался одинъ зять Кубыкты-кара. Наконецъ, у Алеўки рыжко присталъ. Слѣзли они съ коня, пошли пѣшкомъ. Много, ли мало ли шли, Кубыкты-кара ихъ догналъ и говоритъ Алеўкѣ: „Застрѣлю я тебя до́ смерти!... Оставь дѣвку, такъ я не буду стрѣлять!" — Алеўка говоритъ: „Давай, стрѣляй!" — Невѣста стала на серединѣ между ними и говоритъ: „кто кого застрѣлитъ, за того я и пойду!"

Кубыкты-кара стрѣлилъ, не попалъ. Потомъ Алеўка стрѣлялъ, попалъ Кубыкты-карѣ въ стрѣлы: 10 стрѣлокъ было у Кубыкты-кары, осталось только двѣ. Кубыкты-кара стрѣлялъ и тоже попалъ Алеўкѣ въ стрѣлы: три стрѣлы кончалъ, осталось у Алеўки 9 стрѣлокъ. Потомъ Алеўка стрѣлялъ, попалъ въ Кубыкты-кару, и тотъ умеръ.

Алеўка съ невѣстой поѣхалъ къ тестю, воротился назадъ. Тесть ихъ угощаетъ; живутъ они тутъ долго; уже ребенокъ родился у молодой жены. Взяли они съ собой дѣвицу няньку и поѣхали домой.

8. Подъѣзжаютъ къ дому; остановились у рѣки. Алеўка и говоритъ: „*Ба́ба*, я тебя оставлю здѣсь съ нянькой, а самъ схожу домой: близко уже домъ-то". — Ушолъ. А жена у Алеўки была шипко *ба́ска*: въ одной щекѣ мѣсяцъ, въ другой солнце.

Алеўка пришолъ домой. Поздоровался съ отцомъ и матерью; говоритъ имъ: „Я женился; жена у меня шипко ба́ска. Надо постлать ковры въ огра́дѣ. У меня жена: разъ плюнетъ — серебро, другой разъ плюнетъ — золото. Вотъ

какая у меня *баба!*" — Такъ сказалъ и ушолъ назадъ къ бабѣ.

А баба его начала безъ него купаться. Сняла съ себя всю одежду и какъ *чебакъ* гуляетъ въ водѣ. А у нея была очень хорошая одёжа изъ золота и серебра. Нянька взяла эту одёжу и надѣла на себя. Та вышла изъ воды; нянька ей одёжи не даетъ: „моя", говоритъ. Просила, просила, не даётъ. Стыдно ей стало нагишóмъ. Была у ней другая одёжа: какъ ее надѣла, такъ и улетѣла, ровно гусь.—А эта нянька взяла ребенка, держитъ его, какъ будто своего, и пѣсню поетъ.

Пріѣхалъ Алеўка и спрашиваетъ ее: „А гдѣ *апáй?*" — „Она купалась и утонула; я искала, искала, не могла найти". — Заревѣлъ Алеўка; самъ пошолъ искать, не нашолъ. — „Унесло, видно, — говоритъ: — водой". — Пошли съ нянькой и съ ребенкомъ домой; ребенокъ у ее реветъ. Пріѣхали въ деревню; Алеўкѣ стыдно: шибко хвалилъ онъ свою *бабу*, а смотритъ народъ: баба у него не шибко баская, середняя, значитъ. (Няньку онъ за бабу тащилъ).

А у Алеўки всё серцо болитъ: „гдѣ моя баба?" И ночью онъ не спитъ.

9. Пріѣхали путешественники и спрашиваютъ: „Пустишь насъ на *фатеру?*" — Алеўка пустилъ. Сѣли обѣдать. Одинъ путникъ и говоритъ: „Сегодня я шибко удивился — охóтничалъ на болотѣ ночью: кричитъ тамъ гусь жалобно-жалобно, реветъ; видно, потерялъ пару. Я хотѣлъ застрѣлить, рука не поднимается: онъ ровно понимаетъ, кланяется, жалобно кричитъ".—Алеўка говоритъ: „Охъ,—говоритъ:—это навѣрно моя баба гуляетъ. Гдѣ вы видѣли, въ какомъ мѣстѣ?" — „Вотъ такое-то мѣсто".

„Дайте мнѣ совѣтъ, какъ ее поймать?" — „Вотъ какъ: всю свою деревню собери, весь *молодя́жникъ* сначала спроси, а потомъ всѣхъ стариковъ: что они тебѣ скажутъ, какъ посовѣтуютъ".

10. Прошолъ этотъ день. Утромъ встали, Алеўка давай собирать народъ. Закололъ быковъ, барановъ. Молодяжникъ посадилъ въ одно мѣсто, стариковъ въ другое. Наѣлись, сидятъ. Алеўка и спрашиваетъ: „Вотъ, — говоритъ: — у меня баба улетѣла, какъ её поймать? Въ лѣсу ее видѣлъ народъ". — Молодяжникъ отвѣчаетъ: „Давай поймаемъ ее: ко-

торый палку возьметъ, который на вершну сядетъ,—окружимъ и возьмемъ".

Потомъ спросилъ у стариковъ: „вы какой совѣтъ дадите?" — „Надо умно поймать. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ она гуляетъ, надо выкопать яму, чтобы туда человѣкъ ушолъ; постлать тамъ хорошую постелю и положить ребенка. Садись самъ туда, чтобы не видно было. Она къ ребенку придетъ, ребенка возьметъ и станетъ *сосить.* Когда станетъ сосить, тогда ее можно будетъ поймать".

Такъ и сдѣлалъ Алеўка. *Баба* пришла ближе къ ребенку, хотѣла сѣсть, да опять улетѣла — боится. Кружàлась, кружáлась, садилась на деревья; спускалась все ниже. Наконецъ, сняла одежду, и стала бабой; взяла ребенка и стала сосить. Ребенокъ сосáлъ, сосалъ и уснулъ; потомъ и мать уснула. Алеўка ее тихонько держалъ. Когда она разбудилась, узнала его. Надѣлъ на нее одежду и увелъ домой.

Сказки С. Якупова.

Субханкулъ Якуповъ — 15-тилѣтній мальчикъ, ученикъ татарской школы въ дер. Алабугѣ Карабольской волости Екатеринбургскаго уѣзда. Русскаго языка онъ еще не знаетъ; но по-татарски учится прекрасно и, между прочимъ, пишетъ стихи на татарскомъ языкѣ (именно на татарскомъ, а не на родномъ башкирскомъ, такъ какъ мѣстная школа, по его словамъ, совсѣмъ не признаетъ башкирскаго языка). Обладая прекрасною памятью, Субханкулъ очень хорошо помнитъ рядъ сказокъ, слышанныхъ имъ въ разное время отъ разныхъ лицъ. Я записывалъ отъ него сказки по-башкирски и потомъ самъ переводилъ (съ помощью мѣстныхъ жителей) ихъ на русскій языкъ.

---

108. „Золотая бабка“.

1. Давно-давно жилъ одинъ старикъ со старухой. У нихъ былъ одинъ только сынъ, по имени „Золотая бабка“ (Алтын-саќа). У этого мальчика была золотая бабка-битокъ; онъ игралъ съ ребятами въ бабки и всегда выигрывалъ.

Однажды отецъ его пошелъ на озеро поить скотину; пригналъ табунъ на воду, а скотина не пьетъ: хвостами и ногами болтаетъ и бородами трясетъ, а не пьетъ. Въ водѣ кто-то хваталъ скотину за бороду и начиналъ тянуть за губу. Это была старуха Убыръ [колдунья, вѣдьма].

Старикъ сказалъ ей: „пусти мою скотину, не держи!“ — „Отдай мнѣ то, чтó у тебя одно только (ялгызымны́)!“ — „Стадо барановъ отдамъ, отпусти!“ говорилъ старикъ. — „Нѣтъ, чтó одно только у тебя, то отдай!“ — Старикъ: „ну, отдамъ!“ говоритъ. — Тогда отпустила скотину.

Старикъ рѣшилъ тогда перекочевать съ семьей на другое мѣсто. Взялъ, на прежнемъ мѣстѣ зарылъ въ золу золотую бабку сына и уѣхалъ.

2. Перекочевали они въ другую землю. Сынъ и спрашиваетъ отца: „отецъ, гдѣ моя золотая бабка?"—Отецъ отвѣтилъ: „спроси у матери". — Спросилъ матери. Та сказала: „она осталась въ той землѣ, гдѣ мы прежде жили; въ золу захоронили ее".

Сынъ спрашиваетъ отца: „На какую лошадь садиться мнѣ? [чтобы ѣхать за золотой бабкой]". — Отецъ отвѣтилъ: „тряси арканомъ, тряси уздой!" — Сынъ тресъ арканомъ, тресъ уздой,—одинъ худой жеребенокъ взглянулъ на него.— „Отецъ, отецъ, на какую лошадь мнѣ садиться?" — „Уй, е.. т... м...! говорилъ вѣдь я тебѣ: тряси арканомъ, тряси уздой!"—Сталъ опять трясти арканомъ, потомъ уздой,—давѣшной плохой жеребенокъ опять взглянулъ на его. Тогда онъ осѣдлалъ этого жеребенка, сѣлъ на него,—и стала хорошая лошадь. Сѣлъ и поѣхалъ.

Пріѣхалъ, видитъ: какая-то старуха сидитъ и играетъ съ его золотой бабкой.—„Бабушка, дай мнѣ золотую бабку!"— „Нѣтъ, дитятко, у меня спина болитъ; слѣзай, бери самъ!"— Въ это время лошадь у мальчика повернулась на колѣнкахъ, взяла у Убыра золотую бабку и убѣжала.

3. Тогда старуха Убыръ плюнула — сталъ пестъ, харкнула — стала ступа; сѣла на пестъ верхомъ и погоняетъ ступой, гонитъ слѣдомъ за Золотой Бабкой. Золотая Бабка сидѣлъ на малой буланой лошади, а Убыръ — на большой буланой. Ѣдутъ. Лошадь у Убыра *пристала* и запѣла:

Буланый братецъ, подожди!
Ноги у меня пристали!

Та отвѣчаетъ:

Буланый братецъ, не буду ждать,
Пусть пристаютъ твои ноги!

Убыръ слушала, слушала да и говоритъ: „что это такое?!"—Взяла да и съѣла свою лошадь.

Потомъ и молодой буланко остановился и сказалъ Золотой Бабкѣ: „Теперь я не могу больше идти. Ты садись вотъ на это дерево!"—Сказалъ и нырнулъ въ воду.

4. Старуха Убыръ пришла, плюнула—сдѣлался брусокъ (точило), харкнула—сдѣлался топоръ. Рубитъ то дерево, на которомъ сидитъ Золотая Бабка, и поетъ. Половину срубила. Пришла лисица и говоритъ: „Эй, бабушка, брось рубить! давай я дорублю". — Убыръ: „нѣтъ, нѣтъ! я сама до-

рублю!“ — Лисица опять: „Эй, бабушка, брось! давай я дорублю!“ — Отдала, сама легла спать. Убыръ старуха спитъ, а лисица топоръ и брусокъ бросила въ воду, нас.... на рубленное мѣсто, и дерево вновь стало цѣльнымъ.

Старуха Убыръ встала: „Что это видятъ мои глаза?!“— Потомъ плюнула — стало точило, харкнула — сталъ топоръ; начала рубить. Половину срубила, прибѣжала другая лисица: „Эй, бабушка! брось, я дорублю!“ — Убыръ: „Нѣтъ! сейчасъ была одна [лисица], обманула меня и убѣжала“.— „Нѣтъ, я не обману! Та какая была, бабушка? красная? я не обману!“—Тогда старуха отдала топоръ, сама легла спать. Лиса топоръ и точило бросила въ воду, нас.... на рубленное мѣсто, и дерево стало цѣлымъ.

Старуха встала: „Что это видятъ мои глаза?“ — Потомъ плюнула—стало точило, харкнула—сдѣлался топоръ; начала рубить. Половину срубила; прибѣжала еще лисица: „Бабушка, давай я буду рубить!“ — „Нѣтъ, два раза обманули меня и убѣжали“, сказала старуха. — „Какія же онѣ были, бабушка?“—Убыръ: „одна красная, а другая черная“. — „А я, видишь, другой масти. Та была вся черная — и сверху черная, и снизу черная — зло она думаетъ; а я вся свѣтленькая, не думаю зла“. — „Ну, нѣтъ, такъ руби!“ сказала старуха и легла спать. — Лисица топоръ и точило бросила въ воду, на рубленное мѣсто нас...., и оно стало цѣлымъ.

Убыръ встала: „что это видятъ мои глаза?“ — Потомъ плюнула—стало точило, харкнула—сталъ топоръ, и начала рубить.

5. На вершину этого дерева къ мальчику прилетѣла ворона и говоритъ: „Аккула́къ и Саккулàкъ [собаки] поклонъ тебѣ прислали“.—Парень въ отвѣтъ: „Ты скажи моимъ собакамъ, чтобы онѣ пришли ко мнѣ“.—Ворона на то: „Нѣтъ, пусть тебя убьетъ Убыръ: мнѣ достанется тогда хоть одна ложка крови“.

Потомъ прилетѣлъ къ мальчику воробей: „Аккулакъ и Саккулакъ поклонъ тебѣ прислали“. — „Скажи имъ: пусть онѣ придутъ ко мнѣ“. — Воробей: „Если увижу, скажу“. — А старуха Убыръ налила Аккулаку и Саккулаку въ уши свинцу. Воробей этотъ свинецъ выклевалъ.

Пыль поднялась по дорогѣ. Старуха Убыръ увидѣла ее и спрашиваетъ Золотую Бабку: „Парень, парень, что это

за пыль на дорогѣ?“ — „Это, бабушка, тебѣ радость, а мнѣ горе!“—[А на самомъ дѣлѣ] это собаки бѣгутъ во всю прыть. Старуха опять спрашиваетъ: „Парень, парень, что это за пыль на дорогѣ?“—„Тебѣ радость, а мнѣ горе“.

Аккулакъ и Саккулакъ прибѣжали. Старуха Убыръ бросила топоръ въ воду и сама въ воду нырнула.

6. Аккулакъ и Саккулакъ сказали мальчику: „Если мы убьёмъ Убыра, черная кровь пойдетъ; если Убыръ убьетъ насъ, бурая кровь пойдетъ“.—Сказали и нырнули въ воду. Черезъ нѣсколько времени бурая кровь пошла; мальчикъ заплакалъ. Потомъ, черезъ нѣкоторое время черная кровь пошла; мальчикъ засмѣялся.

Потомъ Аккулакъ и Саккулакъ вышли изъ воды; Убыра убили. Бурая кровь пошла сначала потому, что Убыръ оторвала собакѣ ухо.

Вслѣдъ за собаками вышла изъ воды и лошадь, на которой ѣхалъ мальчикъ впередъ. Золотая Бабка сѣлъ на нее и поѣхалъ. Пріѣхалъ домой и сдѣлалъ *майданъ* на девять дней; лошадь свою пустилъ бѣгунцомъ. Сталъ жить еще богаче.

---

109. Обманщикъ.

1. Давно жилъ одинъ старикъ со старухой. Они были очень бѣдны. У нихъ было три дочери, всѣ маленькія—самой старшей 15 лѣтъ.

Однажды эти дочери жали хлѣбъ на полѣ. А была *уроза*. Онѣ жали и устали, ѣсть захотѣли. Старшая говоритъ отцу: „Отецъ, я ѣсть хочу; дай мнѣ хлѣба“.—Отецъ ударилъ свою дочь и говоритъ ей: „ѣшь, хорошо!“ — Дѣвица отвѣтила: „Нѣтъ ли еще хлѣба?“—Тогда мать закричала на нее: „Если хочешь ѣсть хлѣбъ, такъ выходи замужъ!“—Дочь говоритъ: „Хорошо, пойду“.

Потомъ они пришли домой: поставили самоваръ, напились чаю. Старшая дочь и говоритъ: „я теперь не пойду замужъ: я сыта“. —Средняя дочь сказала: „я тоже не пойду: пусть сначала выдаютъ старшую“.

2. Потомъ старикъ со старухой разговариваютъ между собою: „Надо отдать старшую дочь замужъ“.—„Давай отда-

димъ“. — Скоро нашелся и сватъ; далъ старику немного денегъ. Старикъ съ радостью взялъ деньги. Отдалъ старшую дочь. А зять былъ обманщикъ (тункулда́к).

Пожилъ немного зять; молодая жена у него захворала, а потомъ скоро и умерла. Обманщикъ мертвую посадилъ въ телѣгу, запрёгъ лошадь, сѣлъ рядомъ съ покойницей и поѣхалъ въ гости къ тестю. Пріѣхалъ, зашелъ въ избу къ тестю, а жену оставилъ въ телѣгѣ. Поздоровался съ тестемъ и тещей, съ свояченицами, и говоритъ маленькой свояченицѣ: „поди, зови сюда мою жену“. — Дѣвочка пошла и зоветъ сестру; „*Апай*, иди домой“.—Сестра нейдётъ и ничего не отвѣчаетъ. Дѣвочка воротилась и говоритъ: „сердится, видно, апай: нейдетъ и ничего не отвѣчаетъ“.

Тогда обманщикъ посылаетъ старшую свояченицу: „Иди, позови сюда мою жену; она больна немножко, не спитъ ли? разбуди её“. — Дѣвица пошла: сначала тихонько говоритъ: „Сестрица, иди домой!“ — Не слышитъ. Тогда она сильно вскричала и схватила ее за руку, потянула. Покойница упала: телѣга соскрипѣла: старикъ и зять вышли. — „Умерла“, говоритъ.

Потомъ они взяли, ее похоронили на кладбищѣ. Старикъ и говоритъ: „я тебѣ вторую дочь отдамъ [за прежній калымъ]“. — Обманщикъ говоритъ: „я не возьму; у меня первая жена была красивая, а эта не красивая; мои сосѣди будутъ надо мной смѣяться, что я смѣнялъ бѣлую жену на черную“.

3. Старикъ говоритъ: „Эй, зять! не будемъ мы съ тобой ссориться! Ты знаешь: у меня нѣтъ углей; привези мнѣ завтра коробокъ углей; я тебѣ отдамъ обѣихъ дочерей сразу“.—Зять согласился.

Пріѣхалъ зять домой; а сосѣди его, 9 обманщиковъ, подожгли безъ него всѣ дрова, сколько онъ нарубилъ для себя. Мужикъ думаетъ: „хорошо, что подожгли; мнѣ какъ разъ нужны угли, а не дрова“. — Нагребъ коробокъ углей и повезъ къ тестю.

Привозитъ на другой день двухъ женъ—молодыхъ дѣвицъ. Сосѣди, 9 обманщиковъ, спрашиваютъ его: „гдѣ взялъ дѣвицъ?“—„А у меня первая жена захворала да умерла: я ее мёртвую возилъ по деревнямъ, кричалъ: смѣняйте мёртвую бабу на живую дѣвку. И вымѣнялъ вотъ одну на двухъ“.

Девять обманщиковъ сказали: „ловко онъ сдѣлалъ!“ — У нихъ у всѣхъ были живы матери. Они своихъ матерей убили топорами и поѣхали по деревнямъ и кричатъ: „мѣняйте мертвую бабу на живую!“ — Мужики смѣются надъ ними: „Вотъ дураки!“ — Взяли, прогнали ихъ изо своей деревни.

---

110. [Мещерякская сказка].

(Разсказалъ по-русски мещерякъ изъ сел. Кунжа́къ, Муслюмовской волости Шадринскаго уѣзда, Абдулмажитъ Шахатовъ, 35 лѣтъ. — Я встрѣтился съ Шахатовымъ въ башкирской дер. Агачкулѣ, Челябинскаго уѣзда, гдѣ Шахатовъ временно работалъ, вмѣстѣ съ своимъ семействомъ: мѣстные мещеряки вообще, вслѣдствіе малоземелья, занимаются отхожими сельскохозяйственными промыслами въ Пермской и сосѣднихъ губерніяхъ).

---

1. Былъ одинъ старикъ; у него три сына. Старикъ собирается умирать, и раздѣлилъ свои деньги сыновьямъ: большому далъ двѣсти рублей и середнему далъ двѣсти рублей; а малому сыну денегъ совсѣмъ не далъ: „Вотъ такой-то,— говоритъ: — старикъ научитъ тебя уму-разуму". — Старикъ померъ; его сыновья похоронили.

У одного богатаго мужика была очень красивая дочь-невѣста; кто дастъ сто рублей, тому она показывала свое лицо. Старшій братъ два раза сходилъ посмотрѣть на нее, и двѣсти рублей, свои деньги, кончàлъ. Середній братъ два раза сходилъ посмотрѣть, и тоже двѣсти рублей издержалъ. Теперь три брата сравнялись: ни у одного нѣтъ денегъ.

2. Младшій братъ пошолъ къ тому старику, на котораго указалъ ему отецъ, уму-разуму учиться. Старикъ сказалъ ему: „Айда, около озера ходитъ козелъ, веди его сюда!" — Младшій братъ пошолъ, поймалъ козла за рога; тотъ упирается ногами, нейдетъ. Бился, бился, пошолъ домой безъ козла. Старикъ сказалъ ему: „иди; у козла борода есь, ташшы за бороду ево". — Пошолъ, за бороду козла схватилъ,—козелъ бѣжитъ.

Привёлъ козла. Сяли они двоё на козла верхомъ: одинъ впередъ глядитъ, а другой назадъ; поѣхали по улицѣ, мимо оконъ той красивой дѣвки. Увидала ихъ красивая дѣвка, захохотала. Вмѣстѣ съ дѣвкой дома была еще сноха, а отецъ у ней уѣхалъ въ городъ глаза лѣчить. — „Сноха, — говоритъ дѣвка: — смотри-ко, какой смѣшной на козлѣ ѣдетъ!“ (А у старика въ рукахъ было ведро вмѣсто барабана). „Не ночуютъ ли они у насъ подъ окномъ?“ — Закричали.

3. Тѣ говорятъ: „мы заколемъ этова козла, ужинать будемъ“.—Остановились подъ окнами, слѣзали; козла закололи. Ведро, въ которое старикъ барабанилъ, повѣсили и стали въ немъ варить *маханъ*. Сумерки стали. Они съѣли мясо; надо спать ложиться, а окутаться нечѣмъ; одежи съ собой никакой нѣтъ. Козлиной овчиной окутались и тянутъ ее другъ у дружка. А дѣло осенью, замерзло.

Старикъ говоритъ: „сту́кай въ стѣну пу́ше“.—Тотъ въ стѣну стукаетъ. Дѣвка снохѣ говоритъ: „шипко онѣ въ стѣну стукаютъ, спроси: зачѣмъ“.—Сноха спросила: „зачѣмъ стукаете?“ — „Мы замерза́мъ, — говоритъ: — умира́мъ отъ стужи. Если умремъ, вамъ придется отвѣчать; пустите насъ куда-нибудь въ сѣни!“ — Дѣвка снохѣ сказала: „умирать будутъ, намъ придется отвѣчать; надо пустить ихъ въ сѣни“. — Сноха пустила; тѣ пришли, въ сѣни легли.

4. Старикъ учитъ парня: „ты въ дверь стукай пуще“. (А хозяина и хозяйки дома нѣтъ, только двое — дѣвка да сноха). — Дѣвка говоритъ снохѣ: „сестрица, спроси, зачѣмъ стукаютъ“.—Та спросила.—„Мы замерза́мъ здѣсь. Пустите насъ въ избу“.—Сноха: „просятся въ избу“. —„Умирать будутъ, намъ придется отвѣчать“. — Позвали ихъ въ избу, положи́ли ихъ подъ самый порогъ.

Они и тамъ стучатъ. Сноха спрашиваетъ: „зачѣмъ не спите?“ — „Мы прямо умира́мъ, замерзамъ: у насъ нечѣмъ окутаться“. — Сноха передаетъ дѣвкѣ. Дѣвка сказала: „Ты со старикомъ спи, а я съ молодымъ буду; тогда они не будутъ замерзать подъ одѣяломъ“.—Легли, старикъ со снохой, парень съ дѣвкой.

Старикъ уснулъ, а парень не спитъ, дрожитъ.—„Зачѣмъ дрожишь?“ говоритъ. — „Весь согрѣлся, одно мѣсто не согрѣлось“ . . . .

5. Утромъ стали. Самоваръ имъ поставили.—„Айда добрымъ порядкомъ домой: мы васъ не видали, вы насъ не видѣли“. — Старикъ говоритъ парню: „не ходи домой!“ — „Пошто, — говоритъ: — я пойду домой, когда женился здѣсь?“—„Идите домой!“—„Зачѣмъ я пойду? вмѣстѣ ночевалъ, такъ жена значитъ!“ — Старикъ говоритъ: „спроси деньги у ней; отдастъ деньги, которыя у братьевъ взяла, тогда айда“. — Дѣвка: „Во́тъ тебѣ сто рублей деньги! иди скорѣе: у меня отецъ придетъ“. — „Давай побольше денегъ“.—Дѣвка двѣсти рублей сули́ла, триста сулила.—„Не пойду!“—Четыреста посулила, парень говоритъ: „давай!“ — Получилъ; двѣсти рублей старику отдалъ, двѣсти себѣ взялъ. Ушли домой.

6. У дѣвкина отца глазъ болѣлъ, онъ ѣздилъ въ городъ лѣчиться. Этотъ парень ему навстрѣчу пошолъ, ихней дорогой. Слѣпой идетъ домой, глазъ не вылѣчилъ. Парень попалъ ему навстрѣчу, здоровался. Старикъ остановился.— „Ты откуда, молодецъ?“—„Я *маламàло* лѣчить умѣю: у кого глазъ болитъ, у кого рука болитъ, у кого ноги болятъ“.— „У меня глазъ одинъ болитъ, не можешь ли вылѣчить?“— „Могу, — говоритъ: — Какъ не могу! Только жалованья меньше ста рублей не возьму“.

Выпрегли лошадей тутъ жо на степѣ, за́чали глазъ лѣчить. Лѣчилъ, лѣчилъ, ничего не вылѣчилъ. — „У тебя, видно, глазъ давно болитъ; если бы не давно, я вылѣчилъ бы“.—Наговорилъ на траву.—„Ташшы траву домой, положь въ шапку. Заходи въ избу, шапку брось, скажи: „хоть скажи, хоть не скажи, знаю дѣло!“

Отецъ такъ и сдѣлалъ. Сноха ему отвѣтила: „Я не хотѣла ихъ звать, да дѣвка говоритъ, што умрутъ — намъ отвѣчать придется. Они спали съ нами попросту, ничего не дѣлали“. — Старикъ: „Спасибо парню: меня обду́лъ и васъ обдѣлалъ!“

Областныя слова, встрѣтившіяся въ сказкахъ *).

Абро́дочку — оброть, недоуздокъ. 338.

Агрома́дной, агрома́тный — громадный. 12, 130.

Ада́ — иди, ступай. 113, 191, 318, 345—346.

Азя́мъ—верхняя мужская суконная одежда, родъ халата. 245.

Айда́ — иди, ступай. 6—7, 112, 232, 276, 283, 297, 340. Айда́-ко. 306. Айда́те 7, 139.

Акура̀тная ко́мната — приличная, прилично обставленная. 76.

Але — или. 65.

Али́ — или. 96, 116.

Андѣлъ — ангелъ. 153.

Апа́й—сестра, тётка (обращеніе къ дѣвицѣ) (башкирское слово). 481, 483, 489.

Аржано́й — ржаной. 56.

Армя́къ — верхняя одежда; азямъ. 245.

Ба́ба — жена. 460 и др.

Ба́биться — повивать, принимать новорожденнаго. 420.

Баби́ца--распутная женщина? 29.

Бадажо́къ, бадажо́чикъ — палка пѣшехода, трость. 205, 427.

Ба́етъ — говоритъ. 209.

Ба́иши — говоришь. 435.

Ба́ло — особое приспособленіе для сгибанія санныхъ полозьевъ и колесъ, гибало. 187.

Ба́ршина — мѣсто, гдѣ борются? (Повидимому, неправильно понятое слово ба̀рщина-работа на помѣщика). 158.

Ба́синькой—красивый. 455.

Баско́й — красивый. 63, 386. Не ба̀ско — не хорошо. 113.

Батъ—большая лодка однодеревка. 231, 234.

Ба́тько — священникъ. 189.

Ба́чько — священникъ. 431.

---

*) Цыфры означаютъ страницы. Указываются не всѣ мѣста, гдѣ встрѣчается то или иное слово, а большею частью для каждаго изъ сказочниковъ дается по одной цитатѣ.—Настоящій словарикъ преслѣдуетъ чисто практическія цѣли—дать лицамъ, недостаточно знакомымъ съ мѣстнымъ говоромъ, пособіе при чтеніи сказокъ; вотъ почему въ словарикъ вошло не мало словъ, отличающихся отъ словъ литературнаго языка только по произношенію; объясняемыя слова приводятся въ разныхъ грамматическихъ формахъ (большею частью въ тѣхъ самыхъ, въ какихъ онѣ встрѣтились въ текстѣ); поясненія имѣютъ въ виду только значеніе словъ въ данномъ контекстѣ.

Баюно́къ—эпитетъ кота. 292.
Безоста́тошно—безъ остатка. 38.
Бере́мё—охапка, ноша. 341, 404.
Берести́на—кусокъ березовой коры. 247, 250.
Бе́стія—бранное слово. 117.
Би(е)ржо̀вшики—легковые извозчики. 136.
Бисе́ртъ—дессертъ. 86, 112, 233.
Бла́знитъ — чудится, мерещится, видится. 115.
Бла́стицца — мерещится, чудится, видится. 208.
Блуди́ть — плутать, сбиваться съ прямой дороги. 199.
Богатыри́ца — женщина-богатырь. 64.
Божни́ца — полочка для иконъ въ переднемъ углу избы. 256.
Бо́льно—очень, весьма. 16 и др.
Большàкъ—старшій въ семьѣ. 23, 94, 137, 178, 227—228, 244, 467.
Бо́льшину дамъ — главенство въ домѣ, сдѣлаю старшимъ, «большакомъ». 212.
Брата́нушко — двоюродный братъ; ласковое обращеніе къ чужому. 405.
Бра́товаться—бороться. 22, 66.
Бра́урное платье—траурное. 6, 7.
Бу́би—бубны. 215.
Бу́зова́ть кого — сильно и много бить, драть. 186.
Бура́къ — берестяное ведёрко съ деревянной крышкой. 227.
Бу́хнулся—упалъ съ шумомъ. 196.
Ночны́мъ бытомъ—ночью. 8, 38, 79.
Бѣгли—бѣжали. 303.
Бѣгунцо́въ пускать — устраивать скачки верховыхъ лошадей. 479.
Бѣдно—обидно. 17, 288.
Таку́ бѣду́—сильно, очень, весьма? 384.
Бѣлько—кличка собаки. 262.
Варна́къ—бранное слово. 90, 265. 415. (Собственно: клейменый преступникъ).
Варовинный—свитый изъ пеньки, изъ конопли. 130.
Ва́ря — вареное кушанье, горячее. 12, 200, 259, 274.
Вда́рить—ударить. 285.
Вдруго́редь—другой разъ. 419.
Ве́рескъ—трескъ. 163.
Вере́тейка—холмикъ, горка. 398—399.
Трёх-верхо́вой — въ три вершка толщиной. 72.
На ве́ршну — верхомъ на лошадь. 213.
Вѐчера—вечеромъ. 75.
Вечеровала—ужинала. 371.
Вѐчеръ—предсвадебная вечеринка. 333.
Вза́мужъ—замуръ, въ замужество. 27.
Взбулга́чутъ—обезпокоятся, зашевелятся. 322.
Ви́ничкомъ прикадили?—Издатель поясняетъ: виничокъ—вѣнокъ. 397. Б. м., вѣникомъ прикатили?
Виннѐвый—пиковый. 76, 78.
Виноходъ—иноходецъ. 435.
Вла́зина или вла́зины (*мн.*) — пирушка по случаю новоселья, переходъ въ новый домъ. 32.
Сколько мнѣ влѣ́зетъ — сколько угодно, сколь хочу, въ полную свою волю. 199.
Вника̀ться—вчиняться, оспаривать, вчинять искъ. 114.
Во́всё — совсѣмъ, окончательно. 41.
Води́ть кого — бить. 401.
На во́лю—на улицу, подъ открытое небо. 114.
Во́рогъ—врагъ. 15.
Воспаре́ніе—пары. 347.
Воспода—господа. 430.
Вошь въ го́лову покажу! — угроза отомстить. 164.
Вразъ — какъ разъ, кстати. 255, 320, 333.
Всерёдъ—среди, въ серединѣ. 33.
Вы́валились кони—пропали. 95.

Вы́гаркать — вызвать крикомъ, вскричать. 41, 145.
Вы́копать глаза—ослѣпить. 48.
Вы́пелилъ языкъ—высунулъ. 65—66.
Вы́шка—чердакъ, мѣсто между потолкомъ и крышей зданія. 420.
Вьюноша — юноша. 282.
На вѣски́ — на висѣлицу. 348.
Вѣсоухая собака — ротозѣйка, простофиля. 419.
На́ вѣсти — часовымъ, вѣстовымъ. 146.
Вѣшша̀ — вѣщій? 20.
Вясти́мо — понятно. 387.
Гара́зъ —ловокъ, способенъ. 92.
Га̀ркать — звать кого крикомъ, кричать. 272—273, 407.
Га́ркнуть—крикнуть, крикомъ позвать кого. 100.
Гармази́ново сукно—кармазинное, красное. 328.
Ги́нуть—гибнуть, умирать. 114.
Г(б)ла́стицца—мерещится, чудится, видится. 208.
Глуха́я повозка—наглухо закрытая, такъ что сидящаго въ ней никому не видно. По народнымъ разсказамъ, «въ глухой повозкѣ» отправляли прежде, неизвѣстно куда, тяжкихъ политическихъ преступниковъ. 111.
Глядѣччя — смотрѣть. На рѣку по ниточкѣ глядѣччя—удить рыбу. 295.
Гляну́ться — нравиться. 135, 218.
Ґнать—быстро ѣхать. 91.
Годови́чное — годовое, годичное, на годъ. 363.
Годово́й работникъ — нанятый на годъ. 276.
Го́лбецъ — мѣсто подъ поломъ избы; подполье, подвалъ. 12, 23, 380, 414, 422.
Го́лбчикъ — полатцы около печи, подъ которыми устроенъ входъ въ голбецъ. 420.
Голичо́къ—вѣникъ безъ листьевъ, употребляемый для метенія пола. 88.
Голови́нка—голова. 183.
Голуби́ха — голубка, самка голубя. 126, 181.
Голуны́—галуны, нашивки военнаго чина. 150.
Голя́шка—голень. 7 и др.
Гони́те — поѣзжайте какъ можно быстрѣе. 102. Го́нитъ—быстро ѣдетъ. 160.
Горесть — горечь (о горькомъ табачномъ дымѣ). 143.
Горноста́лька—горностай? 330.
Гости́нецъ—подарокъ. 113, 201.
Гра̀мотка—письмо. 430.
Гре́зить—дурачиться, дурить, озорничать. 65.
Громча́е—громче. 256.
Гру́дитъ деньги — загребаетъ, собираетъ, копитъ. 121.
Гряда̀ — узкая полоска земли въ огородѣ, для посадки овощей. 263.
Гря́дка — у телѣги: каждая изъ двухъ продольныхъ жердей, образующихъ боковые края кузова. 337.
Грядка — въ избѣ: брусъ подъ потолкомъ, отъ печи до противоположной стѣны. 373.
Гулева́нка — любовница. 79, 273.
Гулева́нъ — любовникъ. 23, 271, 273.
Гу́льбишшо—гулянье. 49.
Гъ—къ. 181.
Да’-ко—дай-ка. 47.
Дакъ—такъ. 18, 337.
Дворѐцъ—дворъ, особенно же дворъ при царскомъ домѣ (при „палатахъ“). 9, 99, 114, 130.
Дво́рный енера́лъ — придворный чинъ. 167.
Дво́рня—придворные. 145.
Дереви́нка — кусокъ дерева, палочка. 304.
Держа́ть озеро — арендовать, откупить. 191.
Дё́ръ, дё́ру дать кому — отодрать кого, избить. 278.

Дéу (или: Дéў) — по объясненію башкира-сказочника: летающій человѣкъ, съ двумя крыльями; въ родѣ лѣшаго или бисуры, или же въ родѣ русскаго Кощея. Прежде они жили въ степи. 471—473.
Ди́вно—много, долго. 12, 296, 384; далеко. 221.
Дивня́жно (?)—далеко. 385.
Дивовѣ́жа (?)—чудо, диво. 431.
Ди́ется—дѣлается. 379.
Ди́тишшо—дитя. 412—413.
Дичя́тина—дичь. 13.
Доби́лся — достигъ, получилъ желаемое. 72.
Подъ довизбóромъ—подъ дозоромъ, съ караульными. 142.
Доклáдъ твой — ты будешь докладывать мнѣ о всѣхъ приходящихъ. 217.
Доку́ль—докуда. 185.
Долгу́шка—тарантасъ, экипажъ съ плетенымъ изъ прутьевъ кузовомъ. 236.
Дома̀шность—домашняя обстановка. 80.
Дорóдной стаканъ—большой. 432—433.
Доспѣлось — случилось, приключилось. 387.
Доступáлъ что — доставалъ, отыскивалъ, находилъ. 299.
Дóхтуръ—докторъ, врачъ. 27 и др.
Дочита̀лся—дочиталъ, продолжалъ читать. 71.
Дошъ—дождь. 187.
Дрáло—убѣжали. 369.
Дрéва *(ж.)*—дерево. 205, 214.
Дрéво—дерево. 25.
Дру́жки—свадебные чины, распорядители на свадьбѣ; шафера̀. 183, 189.
Дуба̀сить—бить, хлестать. 290.
Дубóвникъ — дубникъ, дубовый лѣсъ. 274.
Дуй не стой—бѣги быстрѣй 419.
Ду́мно стало—началъ думать, взяло сомнѣніе. 264.
Ду́мшіе — совѣтники царскіе. 63, 87.
Дѣвка — обращеніе женщины къ женщинѣ. 266.
Елáнь—поляна. 76, 115, 479.
Съ ёмъ—съ нимъ. 359.
Енералъ—генералъ. 32.
Енто—это. 219.
Ерофіевичъ — горькое вино, настоянное травами; настойка. 431.
Не есть—не только что. 94.
Етта—здѣсь. 153. Еттака—здѣсь. 333.
Ешли—если. 184.
Ешо, ешшó—еще. 14, 45, 327.
Жáлитца—жалуется. 304.
Жалѣ́ть кого—любить. 48.
Жáмкнулъ — сжалъ, сдавилъ, стиснулъ. 66.
Жеребчи́шко—жеребенокъ-самецъ. 62.
На жéртву — въ пищу, для ѣды. 197.
Въ жи́вностѣ—въ живыхъ, живого. 39.
Жигáло — раскаленная желѣзная палка для прожиганія дыръ въ деревѣ. 193.
Жизь, жись—жизнь. 42, 280.
Жи́ло — обитаемое мѣсто, гдѣ живутъ люди. 12.
Заблудя́шшой—заблудившійся, заплутавшійся. 119.
Заботáлъ ногами — началъ качать, закачалъ. 6, 7.
Забурáнило—поднялась буря. 303.
Забѣ́дно—обидно, завидно. 273.
Зависнóй—завистливый. 192.
Завóдъ—большое селеніе, гдѣ живутъ заводскіе рабочіе. 263.
Завóзня—большое крытое помѣщеніе для экипажей. 344.
Завтрикъ—завтракъ. 14.
Загляну́ться — понравиться. 4, 42.
Загогу́лина — закорючина, нѣчто кривое и длинное (о шеѣ верблюда). 255.

Зáгодя—заблаговременно, заранѣе. 54.

Загужáлся — замѣшкался, замедлилъ. 111.

Задвóренка—живущая въ задней улицѣ деревни. 412.

Задожжàлъ дожжикъ—пошелъ непрерывный и продолжительный дождь. 405.

Задóкъ—сидѣнье въ кузовѣ экипажа (противополагается кóзламъ). 279.

Зáдралъ лошадь — ободралъ кожу. 190.

Заи́мка—дача, хуторъ; стоящій далеко отъ селенія домъ. 453.

Зàймуетца—занимается. 302.

Заканвéртить—запечатать въ конвертъ. 32, 110.

Закóнъ—законная жена. 146.

Зали́чинка — родъ карниза у воротъ; рѣзной наличникъ. 325.

Залы́вина—рѣчной заливъ. 61.

Замши́лъ — законопатилъ мхомъ. 280.

Забойкала—закричала: ой! ой! 145.

Зaорáлъ — громко запѣлъ, закричалъ. 279.

Западёнка—маленькая западня. 12.

Въ западя́хъ—въ заперти. 281.

Запеку́—въ угрозѣ: сошлю. 117.

Запричи́нить—обвинить. 161.

Запростáла посуду — заняла, наполнила чѣмъ. 93.

Зàриться на что — съ завистью смотрѣть. 31.

Зарóбить—заработать. 263.

Зарóдъ—стогъ сѣна. 290, 404.

Зарѣши́ть кого—убить. 285.

Засовáлся въ карманъ — сталъ искать рукою въ карманѣ. 24.

Застонáй—застони, начни стонать. 45.

Засчи́та—зачётъ? льгота? 141.

Заутрá — завтра утромъ. 37, 122, 355. Заутрю́ (?)—то же. 82.

Заутрò — на другой день утромъ. 448.

Збулгáчься — забезпокоились, возмутились, закопошились. 322.

Звоня́йте—звоните. 299.

Згвалъ—гвалтъ, скандалъ. 107.

Здорóвой—сильный. 344.

Здрить—зрѣть, смотрѣть. 6. Здрѣлъ —зрѣлъ, смотрѣлъ. 18, 205.

Зелó—зло. 319.

Зелье—лѣкарство. 14. Зельё—ядъ. 137.

Зипу́нъ — верхняя одежда. Зипу́нчикъ *(уменьш.)*. Загни́ зипу́нъ — шуточно: сшути, „отмочи" какую-нибудь штуку. 187.

Златни́ца—какая-то особенная золотая монета. 31.

Знáмо—конечно. 245.

Знать, знать-то—повидимому, вѣроятно. 39, 40, 399.

Знялъ — поднялъ. Зня́лся — поднялся. 208.

Зóрька—коротенькая трубочка. 343.

Зыскъ—сыскъ, судъ. 106.

Зья́етъ—сіяетъ, блеститъ. 42.

Игорну́ть—сыграть. 273.

Иé—ее. 250, 262.

Избывáть кого — желать смерти кого; высказывать пожеланіе, чтобы такой-то умеръ. 50.

Издѣлать — сдѣлать, состроить. 329.

Изматери́ть — выругать по-матерному, неприличною бранью. 12.

По изóтчеству величáлъ — по отчеству. 77.

Изъѣзжáться надъ кѣмъ — издѣваться, обижать кого. 42.

Имя́ — творит. и дательн. пад. отъ мѣстоим. онъ; ими, имъ. 5, 7, 113, 252, 290, 343, 352.

Исерéжечки—сережки. 392—393.

Искуси́лъ — вкусилъ, куснулъ, попробовалъ ѣсть. 25.

Испаси́сь—приготовься. 135.

Испóдь—низъ, нижняя часть. 405.

Испужàться—испугаться. 44.

На испыту́шшу — для испытанья. 17, 159.

Исхи́тить кого—погубить. 187.
Ись—ѣсть. 8, 199, 241, 304, 416.
Ихій (и́хова, и́ху)—ихній, принадлежащій имъ. 55, 73, 209.
Ишо, ишшо̀ —еще. 14, 58, 260, 325.
Іе—ее. 387.
Каба́нъ—стогъ сѣна. 272.
Каблу́къ кро́етъ—скрываетъ слѣды, укрываетъ кого (выраженіе пословичное). 271.
Кадре́ль—кадриль. 36.
Казёнка—отдѣльное помѣщеніе хозяина на суднѣ. 282.
Какъ есь—непремѣнно. 248.
Калбу́шка—обрубокъ. 149—150.
Калужина—большая лужа. 260—262.
Каля́кать—говорить, разговаривать, болтать. 190.
Карабута—эпитетъ вороны. 422.
Карда́ (башкирское слово)—загородка для скота; пригонъ. 470.
Катала́жка—арестантская, темница. 442.
Кики́мора—злое и страшное существо, которое, поселившись въ извѣстномъ домѣ, совершенно выживаетъ отту́да хозяевъ: оно кричитъ разными страшными голосами, съ сильнымъ стукомъ бросаетъ невидимыя вещи, бьетъ утварь и т. п. 215—216.
Кло̀кчетъ воронъ—каркаетъ? 330.
Кля́чикъ—небольшая палочка, которою закручивается и закрѣпляется веревка, связывающая возъ дровъ, сѣна и т. п. 354.
Кма—тьма, очень много. 274.
Кожура́—кожа, шкура. 35.
Кожури́ночка—кожа, шкурка. 427.
Козлу́ха, козлу́шка—коза самка. 189, 330.
Коко́рка—коряга, кривая палка. 380.
Колесни́ца—колея, выбоина отъ колесъ на дорогѣ. 272.
Ко́локъ—роща. 215.
Колы́шка—петля; комокъ. 52.
Кольчу́къ—кольчуга? 436.
Комо́рка—сторожъ въ волостномъ правленіи. 422.
Конёкъ—самый верхъ крыши зданія. 316.
Конопа̀тка—небольшая лопатка, которою „конопатятъ", т. е. пробиваютъ, затыкаютъ паклей или мхомъ стѣны. 377.
Съ конца́ (сказки)—съ начала. 428.
Конча́ть, ко́нчить кого—убивать, убить. 90, 190, 227, 461. Конча̀тъ—съѣстъ. 451. Конча̀ли—кончились. 454.
Съ копылко̀въ долой—съ ногъ долой, упалъ. 6, 87.
Во́ корень не пошолъ—совсѣмъ, совершенно не пошолъ, остановился. 66—67, 212.
Коробе́йка—ящикъ изъ луба, коробка. 399—400.
Табунъ коро́вьева—стадо коровъ. 225.
Коро́нишь—хоронишь. 117.
Косачи́ игро́вые—токующіе тетерева. 305.
Костёръ дровъ—большая полѣница длинныхъ дровъ. 125, 332.
Коты́—родъ кожаной обуви. 429.
Ко́чень—кочерыжка, твердый стебель капустнаго вилка. Ровно ко́чень—закоченѣла, замерзла. 401.
Кошма́—войлокъ. 461.
Не въ кою пору—скоро. 152.
Крапи́вный—внѣбрачный. 445.
Кра̀сный това́ръ—мануфактура, суровской товаръ. 30.
Кре́сти—трефовая масть въ картахъ. 215—216.
Въ крешшо́ну вѣрувезти (ввести?)—окрестить. 151.
Кривули́—кривыя палки съ загибами. 262.
Кривуля́стый—извилистый, съ частыми изгибами. 261.

Кропи́лка — кропило, кисть для окропленья. 49.
Кру́то — скоро. 260, 471.
Кря́сла — кресла. 9.
Кудѐля—приготовленное къ пряжѣ (очесанное) волокно льна. 381.
Купля́лъ—покупалъ. 348.
Курну́лся—окунулся. 166.
Курну́лъ ево—окунулъ. 10.
Куфня—кухня. 16 и др.
Ла́гири—лагери, станъ. 123.
Ла́да *(м.)*—мужъ. 414.
Ла̀душка—супругъ, мужъ. 32, 77, 182. Ла́душка—жена. 413.
Лаке́йка—служанка, горничная, 77. 108.
Латата́—на утёкъ, бѣжать. 265.
Ла̀тка — особая посудина для жаренья. 13.
Лачи—лакай, пей. 133.
Ле—ли. 122, 323.
Лево́рвертъ—револьверъ. 289.
Левъ. Склоняется: ле́ва, ле́ву. 48, 175.
Ле́талъ—леталъ. 343.
Ли́за, ли́зія — ударъ по лицу, оплеуха, пощечина. 55, 64.
Лиса́фья — лиса. 409.
Лито́вка — коса для косьбы сѣна. 219, 264.
Лито́вошникъ — продавецъ косъ; косникъ. 264.
Ло́поть—одежда. 77, 114, 188.
Лунь — лунный свѣтъ? луна? 87—94.
Лупи́ть—драть, бить. 189.
Лучо̀къ—лукъ для стрѣльбы. 16.
Ма́знулъ по щекѣ—ударилъ, далъ оплеуху. 54.
Майда́нъ — башкирское общественное гулянье, на которомъ бываютъ скачки, состязаніе въ бѣгѣ и въ борьбѣ, и угощеніе вареным мясомъ. 478—479, 488.
Мала́йко — мальчикъ (башкирское слово). 452, 458.
Маламáло—кое-какъ, немного, плоховато. 493.
Малаха̀й — шапка съ наушниками. 220, 222.
Ма̀льчикъ — младенецъ (любого пола. 357.
Мараку́ю—немножко понимаю, умѣю. 309.
Матерши́на—неприличная, «матерная» брань. 143.
Ма́тка—жена священника, попадья. 188—189.
Ма́тка — матица, главная перекладина подъ потолкомъ или подъ поломъ. 198, 279.
Мать—обращеніе мужа къ женѣ, у которой уже есть дѣти. 95, 106, 165.
Матюкъ—неприличная, «матерная» брань. 83.
Маха̀нъ, маха̀нина — башкирское названіе мяса. Въ разговорахъ съ башкирами это слово употребляютъ и русскіе. 451, 473, 492.
Съ ма̀ху — очень быстро, безъ промедленія. 473.
Медвѣ́дшикъ—вожакъ ученаго медвѣдя. 260.
Мерёжки—сѣти. 347.
Мертвя́къ — мертвецъ, покойникъ, трупъ. 289.
Мѐршую бумагу—похоронную, свидѣтельство о смерти кого. 166.
Метлеси́тъ — мелькаетъ, мѣшается въ глазахъ. 310.
Метлячо́къ—метелекъ, бабочка. 36.
Ми́лосливой—милостивый. 35.
Ми́лышъ, ми́лишъ—возлюбленный, любовникъ. 72, 107.
Миръ доро́гой—привѣтствіе идущему при встрѣчѣ, обычное въ Пермской губ. 101.
Ми́шенька—медвѣдь. 277—278.
Млѣнье — мнѣніе, мысли, умъ. 47, 56, 135.
Могу́ткой—могучій, сильный. 10, 48.
Мо́жотъ—можетъ быть. 54.
Молоду́шка — молодица, недавно вышедшая замужъ женщина. 137.
Молодя́жникъ—молодежь. 483.

Мóрговать—брезговать. 135.
Мóрда—верша; рыболовная снасть, сплетенная изъ прутьевъ. 392—393.
Морился—молился. 75.
Мосóлъ — кусокъ мяса съ костью. 472.
Мотáлся—не держалъ своего слова, не исполнялъ обѣщаній, обманывалъ. 285.
Мотри́—смотри. 19 и др. Мотри́те. 54.
Мужи́къ—мужъ. 463.
Муравьи́шшо — муравьиная кочка. 42.
Мушшы́нская—мужская. 281.
Мыздáчить—бить, колотить. 278.
Мырну́ть—нырнуть. 41.
Мы́сля—мысль, дума. 260.
Мя́хки—корован. 93, 241.
Мячъ—мечъ. 181.
Набóйки — доски, набиваемыя на борта лодокъ. 231.
Набѣди́ла—набѣдокурила, провинилась. 298.
Нагáрканы—названы, позваны. 32.
Нагнáли — во множествѣ и быстро прибыли, пріѣхали. 330, 346.
Наджидàть — поджидать, ждать кого. 13.
Надписáція—надпись. 431—432.
Нáзакать солнышко—близко къ закату, садится, скоро закатится. 61.
Нà золотѣ — вызолочено, раззолочено. 82.
Найдёнышъ—найденный ребенокъ, подкидышъ. 271.
Наклàдъ—убытокъ. 30.
Бога наминю́—божба; клянусь. 263.
Напáрья—особое сверло для сверленья большихъ отверстій. 130.
Напахну́лся — набѣжалъ, кинулся на кого. 175.
Напахну́лъ доброй умъ — пришла въ голову добрая мысль. 187.
Нàперво—прежде, сначала. 28.
Наруши́ть кого—убить. 41.
Наслáты—настланы. 5.
Настоя́шшо—по настоящему, какъ слѣдуетъ, какъ должно. 106.
Натакáться на кого, на что—наткнуться, встрѣтиться, 12, 162, 193, 195, 283.
Натопи́ть травъ—напарить. 155.
Натóркала — туго наполнила, набила. 108.
Нахóдитъ на кого—похóдитъ. 283.
Нахóдный — найденный, находка. 366.
'нать-то — знать-то, вѣроятно. 52, 184.
Начереди́ть—изготовить какъ слѣдуетъ, очистить птицу отъ кишокъ. 197.
Начитáюсь—считаюсь, слыву кѣмъ. 45.
'нáчитъ—значитъ. 39, 124.
Небаскàя—некрасивая. 75.
Недобрóмъ заревѣли — изо всей силы, во все горло, благимъ матомъ. 281.
Немогу́—болѣю, больна. 274.
Непросу́жій—глупый, дурной. 436.
Несчастные—арестанты. 165.
Нéтина—зелень, листья рѣпы. 405.
Нéхристь—не христіанскія страны. 269.
Нѐчестно—съ дурными намѣреніями. 12.
Ничё—ничто, ничего. 98.
'но (= нно́)—если такъ, въ такомъ случаѣ. 125.
Ноженки—ножницы ? (Записавшій поясняетъ: ножи, но вѣроятно ошибочно). 372.
Ночны́мъ бытомъ—ночью. 8 и др.
Нѣмска(я)—нѣмецкая. 315, 317.
Нѣтука—нѣтъ. 325, 342.
Обвáжживать — надѣвать возжи. 356.
Обвóзъ — обозъ. 261.
Обвороти́сь кѣмъ—обернись, превратись въ кого. 124.
Обвороти́ться—воротиться. 89.
Обвѣтился — пообѣщался, далъ обѣтъ. 175.

Обвѣтъ—обѣтъ, обѣщанье. 27.
Обгудать кого—обмануть. 86.
Обдулъ—надулъ, обманулъ. 493.
Облѣлалъ—обманулъ. 493.
Обихаживать—очищать, приводить въ порядокъ. 76.
Обиходить—очистить, привести въ порядокъ. 281.
Обиходъ дѣлаетъ — чиститъ, очищаетъ. 258. Не обиходъ—нечистота, безпорядокъ. 281.
Обледевонить—обезчестить, обругать женщину неприличнымъ словомъ. 134, 136, 150.
Обносился — износилъ всю свою одежду. 124.
Обношу милостину—подаю нищимъ. 170.
Обозналъ—опозналъ, узналъ. 77.
Оботкать кого—обмануть. 99.
Обрачу — ворочу, пришлю обратно. 110.
Обрядъ—нарядъ, одежда. 17, 170.
Не обходя—безъ пропусковъ. 145.
Обызьянила меня—ввела меня въ убытокъ (изъянъ). 26.
Обѣмъ—обоимъ. 17.
Оввернулась кѣмъ — обернулась, превратилась въ кого. 411.
Овворотись кѣмъ — обернись, превратись въ кого. 127.
Огладь—погладь. 45.
Огложалъ меня—съѣлъ мою пищу. 13.
Оголожали — сильно проголодались. 24.
Ограда—дворъ. 9, 262. Оградка—дворъ. 15.
Одаль—вдали, въ сторонѣ. 325.
Одинова—однажды. 437.
Однако—одинаково. 225—226.
Одночасно—скоро, сейчасъ. 102.
Оживѣла—ожила. 282.
Озадки—отговоры, отступленіе отъ даннаго слова. 109.
Озерина—озеро. 351. Озеринка—озерко, небольшое озеро. 347.
Окладную бороду—накладную, искусственную. 98, 100—101, 206.
Оконь—окна. 435.
Окромѣ—кромѣ, помимо. 42.
Оладышки—оладьи. 421.
Опара—кислое тѣсто, квашня. 288.
Описка — опись имущества (за долги). 109.
Оплетать—съ жадностью ѣсть. 93.
Опѣганилъ—сдѣлалъ пѣгими. 379.
Орать—громко ревѣть. 307; орать пѣсни — громко пѣть, кричать. 279.
Орудовать — дѣлать что, дѣйствовать, управлять. 25.
Осотъ — сорная трава въ хлѣбѣ (Cirsium). 158.
Оставши — оставшіеся, остатокъ. 112.
Остожье — изгородь вокругъ сѣнного стога. 123.
Отгаркиваться — откликаться на зовъ, отзываться. 11.
Отдарки — подарки въ отвѣтъ на подарки же. 33.
Отецъ — обращеніе жены къ мужу, имѣющему дѣтей. 107, 118.
Отказать кому что — завѣщать, отдать въ наслѣдство. 274.
Откуль—откуда. 20. 119.
На отмашку бей — отмахиваясь, прочь отъ себя. 295.
Отпираться — отказываться отъ чего. 32.
Отталь—оттуда. 250.
Оттоль—оттуда. 296.
Отчекутъ—отсѣкутъ. 380.
Охаживать кого—бить. 186.
Очагъ — подтопокъ, родъ печи для варки пищи въ котлѣ или на таганѣ. 23, 215.
Падина — дохлая скотина, падаль. 53.
Палъ — быстро сѣлъ, чтобы ѣхать. 260.
Палыснуть—сильно ударить. 15.
Паратъ — парадное крыльцо. 13 и др.
Парничокъ—мальчикъ. 392.
Паска—Пасха. 144.

Пась—пасти. 269.
Паýкъ—слѣпень. 380.
Паýтики—маленькіе «пауты», слѣпни. 65.
Пахáетъ—пашетъ. 269.
Пельмéни—кушанье: вареные пирожки изъ рубленаго мяса. 320.
Пѐрво—сначала, прежде. 53, 94.
Перевѐртышекъ—оборотъ, кругъ. 15.
На пересѣ́чку—пересѣкая дорогу. 233.
Пестерю́шка—кузовокъ. 162.
Пéстредь—пестрая ткань. 423.
Печáтная сажéнь—обыкновенная мѣрная (въ отличіе отъ маховóй сажени, не полной). 132.
Печýрка—углубленіе въ наружной стѣнѣ печи. 180.
Пешня́—см. пѣшня. 462.
Плантъ—планъ. 52.
Пласнýлъ кого—сильно ударилъ. 57; выстрѣлилъ. 87.
Плáшка—огниво; стальная пластинка для высѣканья огня кремнемъ. 37.
Плю́снуть кого—ударить. 45.
Побáялъ—поговорилъ. 431.
Побрáтоваться—побороться, выйти на поединокъ. 21, 90.
Погáркалъ—позвалъ крикомъ, покричалъ. 60.
Поглянýться—понравиться. 118, 199.
Погóда—дождь, буря, ненастье. 247.
Подавáться—подвигаться впередъ, продолжать свой ходъ. 67. Подàлся—продвинулся впередъ. 245.
Подгáркалъ—подозвалъ крикомъ. 22.
Подгоноши́ть—приготовить. 108.
За подѐржку—за подѐржаніе, въ уплату за пользованіе. 378.
Подклѣ́тъ—брачное ложе молодыхъ. 189.
Не подобáецца—не подобаетъ, не прилично. 72, 156.
Подогнáлъ—быстро подъѣхалъ. 160.
Пододрáцца—придраться, найти неправильность. 290.
Подóлитъ—одолѣетъ, осилитъ, поборетъ. 207.
Подпáлъ къ кому—подольстился, уговорилъ кого. 274.
Пòдполъ—мѣсто подъ поломъ въ избѣ, подвалъ. 252.
Подсѣкѐтся—о лошади въ сохѣ: обрѣжетъ свои ноги сошниками. 380.
Подти́брила—украла. 419.
Подтюрéмокъ, подтюремный зáмокъ—тюрьма, темница. 119.
Подý—пойду. 43.
Подýмаешша на чево—о чемъ подумаешь. 39.
Позори́лъ—разорилъ. 31.
Пои́сь—поѣсть. 251.
Покрóмѣ—кромѣ. 99, 109.
Покýль—покуда, пока. 25, 104. Покýльча—покуда. 103.
Пóлдни (*мн.*)—полдень. 72.
Полови́къ—коверъ для пола. 252.
Пóлозъ—удавъ. 128.
Полоýхій—ротозѣй, безтолковый. 213.
Полы́снуть—сильно ударить. 9, 225. Полы́шшотъ кого—бьетъ, колотитъ. 194.
Помокчи́—помóчь. 132 и др.
Понюжáть—понужать, бить. 73.
Попелóчки—пепелъ. 18, 175.
Поперѐшна—несговорчивая, спорливая, любящая возражать и противорѣчить. 242.
Попусти́лся дóлгу—отказался отъ полученія долга. 438.
Порàтъ—парадное крыльцо. 14.
Порóбили—поработали. 140.
Поровнàку—поровну. 178.
Портня́га—портной. 337.
Порѣшý—уничтожу. 173.
Посокрóче—построже. 171.
Посопи́ся—поиграй въ дудку. 397.

Постоя́лка—содержательница постоялаго двора. 262.
Посули́ться—пообѣщаться. 32, 92.
По̀топъ—топотъ. 172, 247.
Потыка̀ться—спотыкаться. 70.
Похи́тка — грабежъ, разбой. 200; убытокъ, потеря 216.
По́чалъ—началъ. 406. Почела̀—начала́. 383—384.
Почи́шше—получше, покрасивѣе. 84.
Почу́лося—послышалось. 429.
Пощё—почему. 299.
По̀ѣ́с—поѣздъ (свадебный). 65.
Прави́льное крыло—показывающее путь, дорогу куда. 413—414.
Прежо̀нъ—жаренъ. 395.
Пресь—прясть. 404.
Прига́ркиваютъ — подзываютъ къ себѣ крикомъ. 286.
Пригна́ть—быстро пріѣхать 72, 259. Приго́нитъ — быстро пріѣдетъ. 104.
Пригоноши́ть—приготовить. 14.
Приго́нъ—загородка для скота. 470.
Приго̀ня́етъ — быстро пріѣзжаетъ. 70, 258, 281.
Придли́тъ(?)—опредѣлитъ? 129.
Придоро́жнички — хлѣбы, печенье на дорогу. 324.
Прильсти́лся — подольстился, присталъ. 77.
Принаслѣ́дно — надлежитъ, нужно, требуется. 78, 83, 105.
Припа́съ (охотничій)—дробь и порохъ. 13.
Приро́дство—родня, родственники. 105.
Присла́то—прислано. 84.
Приста́ть — сильно устать, утомиться. 5, 18, 486.
Пробузова́ть кого—сильно отколотить, отодрать. 186.
Пробурли́ть—просверлить. 115.
Прова́лишшо — пропасть, глубокая яма. 94.
Прожива̀ться—жить гдѣ. 81.
Прокла́дная жись — спокойная жизнь. 76.
Про́лежни—раны на тѣлѣ, образовавшіяся отъ долговременнаго лежанья на одномъ мѣстѣ. 155.
Про̀питалъ—пропитаніе. 108, 151.
Проро́бить—проработать. 340.
Просмѣшникъ—насмѣшникъ. 58.
Простоки́ша—простокваша. 474.
Простя́къ—простое вино. 433.
Противъ чего — по сравненію съ чѣмъ, не хуже чего. 355.
За прохо́ды—за ходьбу, „на чай" 81.
Прѣ́ютъ—парятся, жарятся. 71.
Пыхъ — нагрянетъ, быстро явится. 259; нагрянули. 260; явился. 270.
Пѣ́шельница — доска для игры въ шашки. 128.
Пѣ́шки—шашки. 128.
Пѣ́шня — ломъ, которымъ ломаютъ ледъ на рѣкѣ. 191.
Пятистѣ́нной домъ — раздѣленный на двѣ большихъ половины капитальною стѣною. 460.
Взадъ пятки́ — пятится, отказывается отъ своего обѣщанья. 28.
Разбо́йство—разбой. 136.
Разва́зживай — снимай возжи. 356.
Разводи́ть гряды — водить подъ уздцы лошадь при распашкѣ огородныхъ грядъ; показывать, гдѣ провести борозды. 263.
Ра(о)згулка—прогулка. 35.
Размухлы́нился — всклокочилъ волосы на головѣ, растрепалъ волосы. 194.
Ра́зѣ—развѣ, развѣ только. 115.
Ральники—сошники, рѣжущія части пахотной сохи. 379.
Раската́ть домъ—разнести по бревнамъ. 57.
Раску́берить—раскупорить. 33.
Раставра́лась — обезсилѣла, истомилась, растянулась. 68, 186.
Расшу́рь глазъ — раскрой, смотри во весь глазъ. 130.
Рвяну́ть—рвануть. 131.
Ре́лецъ—висѣлица. 273.
Ремо́нты—товары? заказы? торговыя порученія? 73.

Рóбить—работать. 313, 340.
До рóву—до рва. 12.
Россóха—деревянная часть пахотной сохи съ раздваивающимися концами. 244.
Рóстани — мѣсто, гдѣ расходятся или перекрещиваются двѣ или нѣсколько дорогъ. 431.
Рукотеръ, рукотёрка — полотенце или тряпка для утиранья рукъ. 13, 76.
Ры́къ—оврагъ? 336.
Рыхнýлась—рехнулась, обезумѣла. 95.
Рѣши́ть что — истратить, промотать. 80.
Рѣшóтка—корзинка. 142, 165.
Сабáнъ—родъ плуга. 326.
Сабóгъ—сапогъ. 71.
Салотóпщикъ—рабочій на салотопномъ заводѣ. 284.
Самопàхарь—плугъ, пашущій землю безъ помощи особаго двигателя. 293.
Сарáпатъ—царапаетъ. 407. Сарáпаться — скрести когтями, ногтями; чесаться. 286, 472.
Сары́къ—башкирская обувь, чарки́. 461.
Сбрѣла—схватила. 379.
Свàлка—складъ; мѣсто, гдѣ сваливаютъ товары съ возовъ. 83.
Сверстáться—сравняться съ кѣмъ 55.
Свильнýла — свернула въ сторону. 177.
Свискъ—свистъ. 160.
Сви́снуть кого—удáрить. 314.
Свороблúвой—чесоточный. 475.
Свѣ́тное платье—цвѣтное. 104, 134.
Связь—длинное бревно. 171.
Сгоноши́ть самоваръ — поставить, приготовить чай. 226.
Сгорюхнýлся—загоревалъ, опечалился. 120, 150.
Сенóтъ—Сенатъ. 27, 28, 55, 167.
Серебрýшка — серебряная монета. 377.
Середá—мѣсто около печи въ избѣ. 252.
Сизпоти́ха—понемногу, постепенно, не сразу. 43.
Си́ла—войско. 18, 148, 269, 273.
Силóмъ—силой, насильно. 341.
Сп(е)лянной—волосяной, изъ конскаго волоса. 130.
Симá—бечевка. 155.
Си́ночка—синица (птица). 429.
Склáдень, складешóкъ — карманный ножъ, складывающійся подобно перочинному ножу. 131, 244.
Склась хлѣбъ—скласть, сложить въ скирды. 120.
Склоть—безпокойство, хлопоты, суматоха. 16.
Скóля—сколь, сколько. 384.
Скрывáть—вскрывать, открывать. 163.
Скуртю́жилъ—скрутилъ, туго стянулъ, связалъ. 133.
Слáже—слаще. 274.
Словя́сно—словесно, на словахъ. 99.
Слýжба — богослуженіе, церковное пѣніе. 283.
Служи́лый—солдатъ. 378
Слыхъ—слухъ, вѣсть. 82.
Слѣ́дно—слѣдуетъ, должно. 129.
Смáху — безъ отдыха, безъ передышки. 480.
Смóжосся — сможешь, будешь въ силахъ. 255.
Снась—сбруя. 290.
Сномъ не знаю—и во снѣ не видалъ ничего подобнаго, совсѣмъ не знаю. 351.
Собрáлся кѣмъ—одѣлся, нарядился. 282.
Собрáта—собрана. 347.
Совóдни—сегодня. 220.
Соглáстенъ—согласенъ. 29.
На сокрóту — на послушаніе? подъ арестъ? 80, 141.
Сóлёмъ—солью (подражаніе неправильному произношенію черемисъ). 252.

Сообши́ть вмѣстѣ — сочетать бракомъ. 73.
Сопи́ться—играть на дудкѣ. 397.
Сорокову́шка—бутылка водки, 1/40 ведра. 92.
Соси́ть ребенка — кормить грудью. 484.
Со́тельна — сторублевая бумажка. 40.
Соха́тый—лось. 294—295.
Со́хлый—высохшій, сухой. 54.
Спе́хну́ть—столкнуть. 132.
Сро́дственникъ—родственникъ. 29, 331—332.
Ссади́ть кого—убить пулей. 271.
Сса̀пать—сцапать, схватить. 285.
Стани́ца лебедей—вереница. 412—413.
Стану́шка — нижняя женская рубашка. 85, 87.
Станція — разстояніе между двумя остановками въ пути; пряжка. 55.
Станъ — временное жилье въ полѣ. 158.
Стату́й (м.)—статуя. 359.
Стега́ть—бить. 186. Стига́ть. 337. Стегну́ть—ударить бичомъ. 66, 124. Стигну́ть 337.
Стра́вимъ—скормимъ. 171.
Страсть—страхъ. 77.
Страши́мая буря—страшная, очень сильная. 216.
Стрехулѐтъ—строкулистъ, приказный, писецъ. 242—243.
Въ строкъ — на срокъ, на опредѣленное время. 305—306.
Струменѝлась—сосредоточила вниманіе на чемъ? 116.
Струмено́—стремя. 66, 160.
Стрѣва́етца—встрѣчается. 337.
Стрѣле́цъ — охотникъ. 16, 208, 276—277.
Стрѣля́цца—стрѣлять. 22, 23, 66.
Стря́пка—повариха, кухарка, прислуга. 137, 220, 290.
Сту́ло—стулъ. 99.
Стягъ — колъ, шестъ. 136. Стяжо́къ (уменьш.). 136, 193.
Судя́рживамъ—сдерживаемъ, останавливаемъ. 74.
Сужалѐть кого—пожалѣть. 14.
Сули́ла—обѣщала. 493.
Сумлѣва́ться—сомнѣваться. 47.
Суси́дей—сосѣдей. 405.
Сусѐкъ—закромъ въ амбарѣ. 394—396.
Сучини́ть драку - затѣять, начать. 70.
Суши́на — сухоподстойное дерево. 423.
Счуну́ться—связаться, начать. 70.
Шши́пчи—сшибить. 15.
Сшутѐть—сшутить. 29.
Съи́сь, сьи́сь—съѣсть. 7, 13.
Съ-однова́—сразу, ра́зомъ. 248.
Сыра́я—женщина послѣ родовъ. 175.
Сырня́къ—сырые дрова. 423.
Сы́тый — жирный, толстый. 188—189.
Ся́сти, сясь—сѣсть. 67. Сялъ—сѣлъ. 35.
Тако́й—въ сказкахъ Ломтева: пояснительно - указательный эпитетъ извѣстной вещи, которую онъ не описываетъ подробнѣе и точнѣе.
Тали́нникъ—кусты ивы. 308.
Та́мока—тамъ. 323, 330.
Та́чилъ тебя—совѣтовалъ 56—57.
Подъ та́шки—«подъ пазухи», подъ мышки. 6, 10.
Ташшы́лъ, тащи́лъ — въ разговорахъ съ башкирами: принёсъ, привёзъ, привёлъ. 457, 477 и др.
Тваръ—змѣя. 349.
Те—тебя. 181.
Тѐнькнулъ—ударилъ. 305.
Тепе́река — теперь. 333. Тепе́рича — теперь. 38.
Тесла̀ — плотничье орудіе въ родѣ топора, но съ остріемъ, поставленнымъ не вдоль, а поперекъ рукоятки. 231.
Теся́къ — тесакъ, короткая сабля. 335.
То́—тогда (у Ломтева). 12, 115 и др.

Тожно́—тогда. 13, 103, 202, 352, 405.
Толи́—только. 138.
Толстоголя́хіе — съ толстыми голенями. 133.
То́перечь—теперь. 386. Топе́рь—теперь. 37.
Топори́шшо—рукоятка топора. 50.
Топу́чее болото—топкое. 177.
То̀рнулъ—ударилъ обо что. 159.
Тошнѣ́е тово — еще хуже, дряхлѣе. 277.
Тра́хнулся — повалился, завалился. 259.
Какъ трѐбно быть — какъ нужно, какъ слѣдуетъ. 13, 26.
Требуши́на—желудокъ, брюховина. 16.
Трёхсосённой—изъ трехъ сосенъ. 72.
Трешшо́ба—трущоба. 224—225.
Тро́йка—мужской костюмъ: пиджакъ, брюки и жилетка. 306.
Трубоку́ръ—кто куритъ трубку. 147.
Трутова̀ры—тротуары. 418.
Ту́есъ—буракъ, берестяное ведерко съ крышкой. 45.
Ту́лово—туловище. 70.
Тулпа́ръ — у башкиръ: миѳическій конь необыкновенной, чудесной быстроты. 479.
Тупа́й — ступай, иди. 28. Тупа̀йте—идите. 29, 122, 277, 342—343.
Ту́така—тутъ. 343.
Тю́фли—туфли. 297.
Убра́ты—унизаны, украшены. 82.
Убы́ръ—у башкиръ: упырь, жадный; вѣдьма, колдунья. 468—470, 485.
Убѣ́гомъ (свадьба)—тайно отъ родителей невѣсты. 265.
Уважа́етца—угощается. 113.
Уважа̀ть кого—угощать. 119.
Увѣря̀ть на что—довѣрять, вѣрить чему. 15.
Увѣ̀чить — сильно бить, причиняя увѣчья. 333.
Уги́бало—угораздило. 438.
Угна́ли — ускакали, быстро уѣхали. 349.
Уго́ръ—косогоръ, склонъ горы. 401.
Уду́мали—вздумали, надумали. 24.
Ужаси́лся — ужаснулся, испугался. 35.
Ужасти́лся—ужаснулся. 96.
Ужна—ужинъ. 431.
На уки́дку бросить—поднявъ сначала на воздухъ; броско́мъ, кидая. 159.
Улешша́лся — льстиво обходился, льстилъ. 15.
Улка—улица. 115.
Умолѐнный—обычный эпитетъ монаховъ и монахинь: богомольный, благочестивый? 6, 102.
Умственные зятевья—умные. 19.
Упеку́—сошлю (въ угрозѣ). 114.
Ура́лъ—дикое, необитаемое мѣсто. 12, 132, 224.
Ура̀льныя мѣста—дикія, необитаемыя. 474.
Успоко́илъ—убилъ. 16.
Утра́фить—потрафить, угодить. 297.
Уха̀йкать кого — сильно избить, измучить. 68, 185, 194.
Ухва́тишшо—рукоятка ухвата. 129.
Уходи́ть кого — убить. 91, 215, 285, 289.
Ухорѣ̀зъ—бойкій и храбрый молодецъ; головорѣзъ. 76.
Учени́къ—учитель. 105, 107, 165.
Учу́ла—услышала. 405.
Фалѐторъ—форрейторъ. 179.
Фартама́рка — желѣзная круглая печь. 247.
Фате́ра—квартира. 28, 430. Фатѐрой ко мнѣ—на квартиру ко мнѣ. 34.
Фатеровать — стоять на квартирѣ. 432.
Фитилёкъ горитъ—плошка съ жиромъ, каганецъ? 9.
Фла́ки—флаги. 83.
Фрѐйлина—красивая дѣвица. 79—80.

Фы́рнуть — бросить, кинуть. 65, 94, 226.
Фы́рскать кого—брызгать на кого. 227. Фы́рскнуть—брызнуть. 39.
Х—къ. 70. Х кобѣ́днѣ—къ обѣднѣ. 160.
Харъчо́къ — мокрота при кашлѣ. 330.
Ха́хель—любовникъ. 387.
Хвате́ра—квартира. 28.
Хво́ра—больная. 406.
Хижи́на — способъ погубить человѣка хитростью. 326—327.
Хи́тить—губить. 159, 214.
Хи́тникъ—похититель, разбойникъ. 37, 74, 97, 112, 197.
Не хихи́ — не шутка, не смѣхомъ. 431.
Хлеботня́—жидкое кушанье, супъ. 179.
Хлы́стикъ— бичъ, кнутъ. 290.
Ходо̀къ — тарантасъ, легкій экипажъ съ плетенымъ кузовомъ. 273.
Хозя́инъ—мужъ. 72.
Хозя́йка—жена. 123.
Хохлу́ша — простофиля, ротозѣй. 186.
Въ хохолки́ разстрѣляли—на мелкія части. 381.
Храпу́жить — обращаться съ кѣмъ дерзко, нагло. 81.
Хрѐсна—крестная мать. 32, 264.
Хрѐсной—крестный отецъ. 33.
Хресье́нинъ—крестьянинъ. 401—402. Хресьянской— крестьянскій. 14 и др.
Хру́шка—крупная. 404.
Хто—кто 13, 93, 164.
Хъ—къ. 271, 287. Хъ кобѣ́днѣ—къ обѣднѣ. 135.
Цы́ма! — окрикъ на собаку: прочь! 190.
Цолова̀льникъ—цѣловальникъ, сидѣлецъ, продавецъ вина. 115.
Чашша́—густые кусты. 254.
Чашши́чка — небольшая чаща (густые кусты). 43.
Чѐ, чо — что 39, 249, 295, 309, 339.
Чеба́къ — плотва, сорога (рыба). 483.
Чебота̀рь—сапожникъ. 345.
Чево́—что. 69.
Чѐкчетъ сорока—щекочетъ. 330.
Черѐва—желудокъ, брюховина. 427.
Черева̀ста—беременна. 389, 412.
Четверу́шка—мѣра хлѣба, равная четверти. 377. Четверуха — то же. 377.
Четь—четвертая часть. 83.
Чеча́съ—сейчасъ. 266, 286, 307.
Чигу́нный—чугунный. 248.
Чирла̀ — родъ яичницы, кушанье. 177.
Чисто—совсѣмъ почти. 68.
Чиступчетый — шуточный эпитетъ поросенка (= чисто сту́пчатый или частосту́пчатый?). 435.
Чи́сче—лучше, красивѣе. 355.
Чо — что. Чо-ненабу́дь — что-нибудь. 421.
Чува̀лъ—родъ камина, какіе прежде были въ башкирскихъ избахъ. 476.
Чушь—слышь (=говоритъ). 315.
Шайта́нъ—нечистый духъ, дьяволъ. 253, 464.
Ша́ркнуть, шаба́ркнуть — сильно ударить. 66.
Шатро́вой верхъ крыши — безъ конька, круглый, на четыре ската. 422.
Ше(а)барчи́тъ — производитъ шорохъ, шумъ. 169.
Шеть—щетка, щеть. 374. (Въ подлинникѣ пояснено: «сѣть», но конечно ошибочно).
Шири́на—коровья кожа, въ какихъ прежде перевозили тюки чаю. 260.
Шири́нка—полотенце. 15.
Шири́нка — шеренга, линія. 113, 247.
Шосто́къ — плита передъ кухонною печью. 421.

Шосто́къ, шосто́чикъ —загороженное рѣшеткой мѣсто подъ печкой или подъ лавкой, гдѣ держатъ зимою домашнюю птицу. 411.
Шти—щи. 88, 251.
Шу́строй конь — бойкій, быстрый. 95.
Эвтѣ—эти. 382.
Этта—здѣсь, 243, 324.
Яга́—шуба изъ козлиной или собачьей кожи мѣхомъ вверхъ. 283.
Янтари́, яндари́ золотые—бусы. 85.
Яръ—крутой берегъ, обрывъ. 256.
Я́рышка — служитель при полиціи. 278.
Ятной день—ясный, вёдреный. 325.

Примѣчанія къ сказкамъ *).

№ 1: Ванюшка. 1. Отецъ повелъ сына Ванюшку учить. Оставилъ его у старика 500 годовъ учить худу и добру. 2. Ванюшка осматриваетъ 6 комнатъ въ домѣ старика. 3. Видитъ трехъ дѣвицъ въ седьмой комнатѣ. 4. Наученный этими дѣвицами, напоилъ старика, взялъ у соннаго ключъ съ лѣваго уха и проникъ въ заповѣдную комнату. Принесъ дѣвицамъ самосвѣтныя платья изъ шкатулки въ комодѣ; дѣвицы пляшутъ, потомъ обернулись пчелами и улетѣли. 5. Старикъ оставилъ Ванюшку еще на три года у себя. 6. Черезъ 3 года старикъ привелъ трехъ дѣвицъ обратно, женилъ на одной изъ нихъ Ванюшку, отдалъ ему шкатулку съ платьемъ жены, но не велѣлъ отпирать. 7. Ванюшка отказывается выдать женѣ платье. 8. Старикъ зоветъ ихъ въ гости; Ванюшка забылъ, отдалъ женѣ платье; та обернулась голубемъ и улетѣла. 9. Ванюшка пошелъ искать жену, зашелъ въ топкое болото. 10. Приходитъ въ избушку, повертывающуюся на куречьей голяшкѣ. Яга ягишна хочетъ его съѣсть, но потомъ посылаетъ его къ своей сестрѣ, даетъ ему лепешку и воронью косточку: жена Ванюшки оказалась племянницей Яги. 11. Опять огрязъ въ болотѣ, зашелъ къ Ягѣ въ избушку на козьихъ ножкахъ, тычетъ Ягѣ лепешку въ зубы. Яга даритъ ему жаръ-птицыну косточку и полотенце. 12. У третьей сестры Яги. 13. Яга показываетъ домъ Ванюшкиной жены, даетъ лепешку для трехъ львовъ у воротъ дома; научаетъ, что дѣлать. 14. Даетъ Ванюшкѣ щучью косточку. Ванюшка проситъ у жены позволенья три раза спрятаться. 15. Бросаетъ воронью косточку, и воронъ спряталъ его въ болотѣ. Жена съ гадательной книжкой и зеркалами находитъ его. 16. Жаръ-птица спрятала подъ облакомъ. 17. Щука заглонула и залѣзла подъ камень; но палецъ у ноги не заглонула, и жена нашла. 18. Служанка научаетъ Ванюшку: проси разрѣшенья еще разъ спрятаться, дверь запри со зла, лягъ между зеркалъ. 19. Жена не можетъ найти Ванюшку и кличетъ его. 20. Ванюшка остался у жены; царствуетъ, зоветъ отца къ себѣ.

---

*) Цѣль примѣчаній весьма скромная: 1) Дать краткое изложеніе содержанія сказки, какъ пособіе изслѣдователямъ для первоначальнаго и бѣглаго знакомства со сказкою. 2) Указать нѣкоторые русскіе варіанты. 3) Дать нѣкоторый комментарій къ содержанію сказки, главнымъ образомъ фактически-бытовой комментарій.

Варіантъ этой сказки изложенъ мною ниже, на стр. 303—304: „Крестьянскій сынъ Вася“ (Глухова). Болѣе существенная разница: у бабы Яги, у каждой изъ трехъ сестеръ, герой хватаетъ свою жену за косу, но та обращается въ огненнаго дракона и въ льва.—Срв. Худяковъ, Великорусскія сказки, II, № 63: Мальчикъ. Мотивъ троекратнаго прятанья распространенъ широко: Аѳанасьевъ, Народныя русскія сказки, № 130: Елена Премудрая; Н. А. Иваницкій, Матеріалы по этнографіи Вологодской губ. 186, № 11; Н. Е. Ончуковъ, Сѣверныя сказки, № 2: Царь-чернокнижникъ; Зеленинъ, Великорусскія сказки Вятской губ. 41, № 8: Царь-волшебникъ.

Дважды встрѣтившееся выраженіе „*подъ ташки*“ (стр. 6 и 10)—не мѣстное; слово *ташка* въ значеніе „мышки, подпазухи“ отмѣчено въ Бобровскомъ уѣздѣ Воронежской губерніи (Опытъ областного великорусскаго словаря, 1852, стр. 227). Но въ описаніи роскошнаго убранства комнатъ старика (§ 2; особенно расцвѣчено оно у Глухова: стр. 303—304), быть можетъ, отразились разсказы о жизни прежнихъ заводовладѣльцевъ Урала.

Въ § 2, на стр. 4, обмолвка разсказчика: какъ видно изъ дальнѣйшаго, старикъ довѣрилъ Ванюшкѣ ключи не отъ семи, а только отъ шести комнатъ.

№ 2: Марѳа Царевна и Иванъ крестьянскій сынъ. 1. Сноха убѣжала отъ родныхъ и родила въ лѣсу сына Ивана. 2. Три разбойника хотѣли обидѣть его мать, но сынъ убилъ ихъ. 3. Нашли домъ въ лѣсу (тѣхъ трехъ разбойниковъ). Иванъ хотѣлъ было освободить какого-то человѣка изъ закованнаго тремя обручами гроба, но тотъ грозилъ его съѣсть, и Ваня опять натянулъ на гробъ обручи. 4. Сынъ ушелъ на охоту, мать на прогулку. Три разбойника очувствовались, мать оставили у себя въ домѣ, а сына хотѣли застрѣлить, но онъ догадался о томъ и ушелъ. 5. Иванъ встрѣтилъ еще домъ въ лѣсу, хозяинъ коего, чудовище, хотѣлъ было съѣсть Ивана, но потомъ взялъ его къ себѣ вмѣсто сына. 6. Иванъ служитъ чудовищу; пробуетъ летать, подобно чудовищу, но разшибся; вылѣченъ. 7. Иванъ сводитъ съ каленой доски богатырскаго коня въ заповѣдной конюшнѣ и кормитъ его. 8. Чудовище ѣдетъ за Марѳой-царевной. Конь пробуетъ силу Ивана, заставивъ его столкнуть стопудовую доску и сшибить съ ногъ коня. Иванъ мажетъ себѣ волосы и коню гриву золотомъ, себѣ руки и коню хвостъ—серебромъ; убилъ чудовища палицей. 9. Схватилъ съ верхняго этажа ширинку Марѳы царевны и скрылся. 10. Помогаетъ двумъ зятьямъ царя убить семигодовалаго быка, требушину коего надѣлъ себѣ на голову, а кишками—обмоталъ руки. 11. Продалъ царю дичи и выпилъ полученныя за дичь три ведра вина; обѣщаетъ поварамъ, что его товарищъ, женихъ Марѳы царевны, завтра прибудетъ. (Этого жениха, схватившаго ширинку царевны, ждутъ и ищутъ). Царевна догадывается, что это и былъ самый ея женихъ. 12. Марѳа царевна обноситъ всѣхъ гостей виномъ, узнала Ивана по своей ширинкѣ, которою онъ обтеръ губы, и повѣнчалась съ нимъ. Иванъ отказывается назвать свое имя. 13. Вы-

пиваетъ 7 ведеръ водки. 14. Богатырь, братъ чудовища, требуетъ старшую дочь царя замужъ. Иванъ вызвалъ своего коня въ лугахъ, пролѣзъ ему черезъ уши и сдѣлался красавцемъ; догналъ двухъ старшихъ зятевей царя и взялъ съ нихъ плату за помощь—по пряжкѣ изъ ж..ы. Убилъ богатыря; домой пришелъ по-прежнему Незнаюшкой въ требушинной шапкѣ. 15. Та же (что и въ § 14) исторія съ вторымъ богатыремъ; Иванъ получаетъ отъ своихъ свояковъ по ремню изъ спины. 16. Богатырь-чудовище требуетъ жену Ивана, Мареу царевну. Иванъ велитъ ей ѣхать до камышеваго балагана и ждать тамъ его. По совѣту коня, Иванъ ѣдетъ къ старому хозяину коня, богатырю, за силой. 17. Сидящій въ каменномъ столбѣ богатырь, ради коня-вѣшша́, далъ Ивану бутылку крови изъ своихъ реберъ. 18. Ударились съ богатыремъ, и оба по 12-ти часовъ лежали безъ чувствъ; потомъ Иванъ наложилъ на чудовища перстень и перчатку (срв. стр. 15, § 8), и того разорвало на 3 части. 19. Открываетъ женѣ, что онъ помогалъ своякамъ. 20. Свояки хвастаются при гостяхъ, что они убили богатырей. Мареа царевна оспариваетъ ихъ, указывая на помощь со стороны ея мужа. Иванъ показывается безъ требушинной шапки и предъявляетъ доказательства: ремни изъ спинъ и пряжки; потомъ пріѣзжаетъ во дворецъ на конѣ. 21. Свояки, по вызову Ивана, борютъ его оба вмѣстѣ, и оба побѣждены Иваномъ.

Срв. Худяковъ, Великор. сказки, I, № 4: Димитрій Царевичъ.

Перстень и перчатка (стр. 21, § 18), отъ наложенія коихъ чудовище было разорвано, упоминаются въ сказкѣ выше (стр. 15, § 8), но лишь вскользь: объяснить дѣйствіе этихъ вещей разсказчикъ, видимо, забылъ.—Выраженіе: „въ полѣ съѣзжаются, родомъ [т. е., родствомъ] не считаются“ (стр. 18, § 14) отмѣчено въ Вытегорскомъ уѣздѣ Олонецкой губерніи, какъ пословичное: „Цюрь, на́ поли съѣзжатьце, такъ братомъ не счита́тьце“ (рукопись Лабардина въ Архивѣ Географ. Общ. XXV, 28). — *Виноградъ* (стр. 18, § 14) здѣсь, конечно, не ростетъ, но упоминаніе его въ пословичномъ выраженіи и притомъ случайное— не можетъ ничего говорить о происхожденіи данной сказки.

№ 3: Царь-дѣвица. [Волшебная птица+Рога]. 1. Охотникъ застрѣлилъ несъѣдобную птичку; купецъ увидѣлъ надпись подъ правымъ крыломъ: съѣвшій головку будетъ царемъ, сердце—княземъ, и купилъ за 300 рублей. 2. Жена купца зажарила птичку для своего любовника. Старшій сынъ купца съѣлъ головку, младшій—сердце. 3. По требованію любовника, купчиха велитъ повару зарѣзать и зажарить дѣтей; тѣ узнаютъ это и уходятъ совсѣмъ изъ дому. 4. Народъ въ городѣ на площади выбираетъ царя: предъ кѣмъ загорится свѣча, тотъ царемъ; мальчика увидѣли на горѣ; старшій — царь, младшаго сдѣлалъ своимъ княземъ. 5. Младшій братъ пошелъ по бѣлому свѣту гулять; голодный съѣлъ ягоду съ одного дерева, и сдѣлался старикомъ, другую ягоду—сдѣлался съ горбами и рогами. Птички научаютъ его а) съѣсть верхнюю ягоду того же дерева, отъ которой онъ сталъ красавцемъ; б) достать изъ-подъ

чугунной плиты подъ дубомъ коверъ-самолетъ и золотую кисть. Летитъ на коврѣ-самолетѣ въ государство царь-дѣвицы и останавливается въ домѣ старушки. 6. Царь-дѣвица по двѣ ночи срисовываетъ края ковра-самолета, на коемъ спитъ герой; на третью ночь содвинула героя съ ковра и улетѣла на коврѣ. 8. Спускаетъ ягоды въ ключъ: служанка стала отъ ягоды красивою, Царь-дѣвица—старухою съ рогами и горбами. Обѣщанье Царь-дѣвицы: кто вылѣчитъ, за того пойдетъ замужъ. 9. Даетъ въ томъ подписку герою, превратившемуся въ старика. Вылѣчена. Сенатъ не позволяетъ ей выйти замужъ за старика. 10. Махнувъ кистью, герой обращаетъ Царь-дѣвицу въ кобылицу, а сенатскихъ генераловъ въ жеребцовъ; ѣдетъ на ней, вмѣстѣ съ жеребцами, въ царство къ брату, останавливается на квартирѣ, идетъ къ брату въ гости. 11. Предлагаетъ брату невѣсту и жеребцовъ, приводитъ ихъ ко дворцу. Махнувъ кистью, обращаетъ кобылу въ дѣвицу, а жеребцовъ въ генераловъ. 12. Младшій братъ ѣдетъ къ отцу; на пиру обращаетъ, махнувъ кистью, свою мать кобылицей, а любовника ея—жеребцомъ.

Соединеніе двухъ, весьма распространенныхъ, сказочныхъ темъ: 1) волшебная птица (у Аѳанасьева № 114, Иваницкаго № 2, стр. 167—168, Садовникова № 22, Ончукова № 65, мои вятскія сказки № 85) и 2) рога (см. ниже №№ 23 и 99; у Аѳанасьева № 113; Худякова I, № 9: Офицеръ и барыня; Ончукова № 150; Эрленвейна № 15: Три брата; мои вятскія сказки № 28: Казакъ-Горемыка; Ефименко, Матеріалы по этнографіи Арханг. губ. II, 231, № 5: О солдатѣ Мартышкѣ; о финскихъ варіантахъ см. Живая Старина 1898, стр. 105—106, ст. А. Аарне. Почти вездѣ эта тема является въ разныхъ сочетаніяхъ съ другими темами).

№ 4: Иванъ купеческій сынъ. [Купленная жена]. 1. Холостой купеческій сынъ Василій Рязанцовъ ѣдетъ вмѣстѣ съ дядями торговать на ярманку, съ шестью кораблями драгоцѣнныхъ камней. 2. Продалъ весь товаръ подъ вексель, пообѣщавъ привезти еще 6 кораблей драгоцѣнныхъ камней. 3. Продалъ еще 6 кораблей. Дяди идутъ съ векселемъ за деньгами, но не рѣшились, брать ли деньги или красивую дѣвицу. 4. Василій беретъ дѣвицу. 5. Отецъ выгналъ его изъ своего дома. Василій за двѣ жениныхъ „златницы“ купилъ домъ. На новосельѣ много гостей; позванные женой гости-генералы потребовали родителей Ивана; отецъ подарилъ на новоселье козла, дяди—лошадь и корову. Отецъ помирился и переселился въ домъ къ сыну. 6. Иванъ ѣдетъ съ дядями на три ярманки. Жена посылаетъ съ нимъ, въ подарокъ своимъ роднымъ, три вышитыя ширинки, запечатанныя въ конвертахъ. 7. Подарки королю отъ дядей и отъ Ивана. Иванъ получаетъ отъ короля три корабля съ драгоцѣнными камнями. 8. Такой же подарокъ и въ другомъ королевствѣ. 9. Отъ русскаго царя, отца Ивановой жены, Иванъ получаетъ 6 кораблей и 10 музыкантовъ. 10. У сонного Ивана сняли именной перстень и требуютъ по этому перстню его жену къ отцу. 11. Иванъ не находитъ дома жены, пошелъ край моря. 12. Микола Милостивый съ Ива-

номъ сдѣлали коверъ-самолетъ и скрипку-самогудъ, прилетѣли къ царскому саду. 13. Жена Ивана выходитъ замужъ за королевскаго сына. Иванъ дважды просыпаетъ въ садовой бесѣдкѣ, когда жена его выходитъ гулять; жена не могла его разбудить. 14. Иванъ играетъ въ свою музыку въ царскихъ палатахъ; когда жена подбѣжала къ нему поцѣловать его, Иванъ вмѣстѣ съ ней вылетѣлъ на коврѣ-самолетѣ въ окно. Микола Милостивый сѣлъ потомъ къ нимъ и на прощанье далъ Ивану кремень и плашку. 15. Тесть (царь) пріѣзжаетъ къ Ивану въ гости, чтобы узнать, не тутъ ли его дочь. Иванъ ѣдетъ на житье къ тестю, вопреки совѣту отца; прощаясь, проситъ отца выпустить, въ случаѣ его (Ивана) смерти, его скотину (подаренную ему родными на новоселье). 16. Король, женихъ Ивановой жены, идетъ войной на царя; Иванъ съ царемъ ѣдетъ въ луга; изъ кремня вышли три ухорѣза, которые и истребили королевское войско. На другой день повторяется то же самое. Жена трижды спрашиваетъ Ивана, чѣмъ онъ истребляетъ войска; въ третій разъ Иванъ сказалъ ей про кремень и плашку; жена ночью ихъ подмѣнила. 17. Тогда же Иванова жена сообщила объ этомъ своему новому жениху. Королевскія войска убили Ивана, вышедшаго съ своимъ (подмѣненнымъ) кремнемъ, и поставили на его могилѣ столбъ. Королевскій сынъ увезъ Иванову жену въ свою землю. 18. Скотина у Иванова отца заревѣла; выпущена; козелъ и лошадь вырыли Ивана и собрали въ одно мѣсто, корова принесла живой воды, и Иванъ ожилъ. 19. Микола Милостивый далъ Ивану ягоду: съѣвъ ее, Иванъ получаетъ способность превращаться, въ кого пожелаетъ. Воробьемъ прилетаетъ Иванъ въ то королевство, гдѣ его жена, останавливается у старухи и научаетъ старуху продать его жеребцомъ и т. д. 20. Король купилъ у старухи жеребца (Ивана) безъ уздечки. 21. Царская дочь (бывшая Иванова жена) заставила жеребца заколоть; когда кололи, дочь старухи взяла крови въ ведро, посѣяла ее около дворца, и выросъ садъ. Царская дочь заставила вырубить садъ; дочь старухи взяла щепу изъ перваго дерева и бросила въ море; изъ нея образовался селезень съ золотыми перьями. 22. Королевскій сынъ на охотѣ хотѣлъ поймать этого селезня живого; селезень завлекъ его далеко въ море, самъ превратился въ молодца, нашелъ кремень и плашку въ порткахъ королевскаго сына, велѣлъ утопить его и сжечь весь городъ кромѣ двухъ домовъ—королевскаго и старушкина. 23. Пріѣхалъ къ царю и велѣлъ царскую дочь убить, а самъ женился на старушкиной дочери. Живетъ у царя, который согласился считать его зятемъ. 24. Когда царь и царица стали ругать Иванову жену, онъ велѣлъ ихъ убить, и самъ сталъ царемъ.

Срв. № 127-й сказокъ Аѳанасьева: Купленная жена.—Конецъ сказки (§ 19 и слѣд.) срв. съ концомъ сказки Иваницкаго № 7, стр. 178: Елена прекрасная.—Эпизодъ съ просыпаніемъ невѣсты (§ 13) срв. съ подобнымъ же эпизодомъ въ № 128-мъ Аѳанасьева и № 12-мъ Эрленвейна.

Въ началѣ сказки (§ 1, стр. 29) разсказчикъ ошибочно назвалъ своего героя „Васильемъ", потомъ обычно безъ имени („молодецъ" и т. п.), а съ § 12 очень часто „Иваномъ". — Микола Милосливой рѣже зовется этимъ именемъ (§§ 12 и 19, срв. 16), а чаще: дѣдушко, старичокъ.

Продажа коня-оборотня безъ уздечки (§ 19), столь обычная въ сказкахъ, имѣетъ соотвѣтствіе въ мѣстныхъ народныхъ повѣрьяхъ: такъ, въ Кобринскомъ уѣздѣ Гродненской губ. мѣну оброти или веревки, съ которой куплено домашнее животное, считаютъ дурнымъ предзнаменованіемъ: скотина не поведется (Зеленинъ, Описаніе рукописей ученаго архива И. Р. Географ. Общ. 447).

№ 5: Братъ и сестра. (Звѣриное молоко). 1. Охотникъ съ женой собираются, съ голоду, заколоть своего сына или дочь. 2. Сынъ Василій и дочь узнали и сбѣжали изъ дома. Братъ застрѣлилъ голубя, добылъ огня и оставилъ сестру щипать голубя. 3. Братъ нашелъ на дубу саблю и ремень, надѣлъ на себя и сталъ сытъ и силенъ. Зарубилъ 30 разбойниковъ. 4. Въ домѣ этихъ разбойниковъ наѣлся, осмотрѣлъ амбары, перетаскалъ въ яму трупы убитыхъ и перенесъ въ этотъ домъ свою больную отъ голода сестру. 5. Черезъ 3 сутки братъ ушелъ охотничать; сестра осматривала амбары, напугана очувствовавшимся атаманомъ-разбойникомъ и согласилась считать его своимъ мужемъ. 6. Сговорились: чтобы погубить брата, сестра притворится больной и пошлетъ брата за лѣкарствомъ—молокомъ лисы съ Даръ-горы. 7. Братъ, ставъ на колѣни, попросилъ у лисы молока, и та ему дала цѣлый буракъ. Братъ вздумалъ было убить лису, но его сейчасъ же окружили звѣри и хотѣли растерзать; онъ опять на колѣняхъ проситъ прощенія, и лиса даетъ ему въ подарокъ льва. 8. По требованью атамана, сестра опять притворяется больною и посылаетъ брата въ крѣпость за яблоками. 9. Около крѣпости къ нему спустился съ неба старичокъ на сивомъ конѣ; братъ благодаритъ его за подарокъ (саблю и ремень) и получаетъ новый — дудочку. 10. Сѣлъ на льва, который и перескочилъ въ крѣпость; тамъ 300 разбойниковъ его связали. 11. На висѣлицѣ ему разрѣшаютъ поиграть въ дудочку; дважды дунулъ, и вышло два полка солдатъ, которые и перерѣзали разбойниковъ. 12. Осматриваетъ жилище разбойниковъ; находитъ въ западнѣ прикованную дѣвицу, за которую тщетно сватался атаманъ. 13. Дѣвица эта, царская дочь, выходитъ за него замужъ. Ночью, безъ льва и сабли, съ одними яблоками, онъ идетъ за сестрой. 14. Атаманъ избилъ его и ослѣпилъ. Жена поѣхала за нимъ на львѣ. 15. Поѣхали вмѣстѣ съ женой къ морю. 16. Посланный царемъ на разыски дочери генералъ взялъ ее къ себѣ на корабль, а слѣпого мужа оттолкнулъ. 17. Левъ увозитъ героя въ крѣпость; согласно сновидѣнію, герой умылъ глаза утренней росой и прозрѣлъ. 18. Убилъ атамана и ослѣпилъ свою сестру. 19. Пріѣзжаетъ на львѣ въ то государство, гдѣ царская дочь (жена героя) требуетъ отъ подрядчиковъ построить такую же крѣпость, въ какой она жила у разбойниковъ. 20. Старикъ-пьяница, по совѣту героя, берется построить такую крѣпость и получаетъ деньги. 21. Герой въ лугахъ выдулъ изъ дудочки очень много людей, и они перенесли ему крѣпость. 22. Царь съ дочерью принимаютъ крѣпость. Старикъ боится. Левъ звѣрь ласкается къ царской дочери, и она вѣнчается съ героемъ Васей. 23. Герой ѣдетъ за своей сестрой; та тоже прозрѣла, промывая глаза утренней росой, и вышла замужъ за генеральскаго сына.

Это одна изъ наиболѣе любимыхъ и распространенныхъ теперь на Уралѣ сказокъ: въ Екатеринбургскомъ уѣздѣ мнѣ ее разсказывали три сказочника: см. ниже № 41: Вася да Ваня (сказка Ф. Д. Шешнева) и стр. 304—305: Хресьянской силачъ Ваня (сказка М. О. Глухова). Въ послѣдней особенно много мѣстныхъ бытовыхъ чертъ. Да и вообще содержаніе этой сказки (особенно обиліе разбойниковъ), такъ сказать, подходитъ къ мѣстной обстановкѣ—къ еще недавно дѣвственнымъ Уральскимъ горамъ и лѣсамъ.

Срв. у Аѳанасьева № 118: Звѣриное молоко; у Худякова I, № 10: Иванъ царевичъ и Марья царевна.

Въ § 6-мъ (стр. 44) названо лисиное с а л о вмѣсто м о л о к о, повидимому ошибочно (можно толковать и такъ, что атаманъ съ сестрой сначала хотѣли просить именно сала, что́ скорѣе повело бы къ смерти героя). — Въ § 8 (стр. 45) „отъ етова боку отвали́ла" — разумѣется: боль.

№ 6: Иванъ Царевичъ и Елена Прекрасная. 1. Царь, умирая, завѣщаетъ сыну Ивану отдать сначала замужъ трехъ сестеръ, а потомъ жениться самому. Никто сестеръ не сватаетъ. Старшая посылаетъ Ивана искать жениха. Находитъ урода въ золотой каретѣ. 2. Повѣнчались; ночью исчезли неизвѣстно куда, несмотря на караулъ. 3. Находитъ жениха для середней сестры; ночью новобрачная пара опять исчезла. 4. Находитъ урода-жениха и младшей сестрѣ; къ ночи ставитъ караулъ. 5. Женихъ открываетъ, что женихи—три брата: Медвѣдь Медвѣдевичъ, Воронъ Вороневичъ и Воробей, укараулить ихъ нельзя. Ночью Воробей съ молодой женой исчезъ. 6. Иванъ идетъ искать себѣ невѣсту Елену Прекрасную. Нечаянно заходитъ въ домъ своего затя Медвѣдя М., который не совѣтуетъ ему сватать Елену и даетъ въ подарокъ одногорлую бутылку [=скатерть-самобранку]. 7. Пробуетъ бутылку эту. 8. Заходитъ къ зятю Ворону В., который тоже совѣтуетъ ему вернуться и даетъ двугорлую бутылку. 9. То же самое дѣлаетъ и Воробей, только его бутылка трехгорлая. 10. Заходитъ во дворецъ къ царевнѣ Еленѣ Прекрасной, сватается; та велитъ его заковать и отвести въ тюремный замокъ, гдѣ жениховъ кормятъ одной соломой. Иванъ угощаетъ жениховъ изъ одногорлой бутылки. 11. Разгулявшіеся богатыри грозятъ разрушить за́мокъ. Елена Прекрасная покупаетъ у него бутылку. Завѣтъ: часъ смотрѣть ея ноги до колѣнъ, на что Елена Прекрасная согласна. 12. Угощеніе изъ двугорлой бутылки. Угрозы жениховъ. Покупка бутылки; завѣтъ: два часа смотрѣть на тѣло по пупъ. 13. То же съ трехгорлой бутылкой; завѣтъ: лежать ночь рядомъ на двухъ кроватяхъ, но ни слова не говорить. 14. По условію, 10 богатырей въ полночь вырвались изъ замка и закричали; испугавшаяся Елена то же закричала; Иванъ, согласно условію, хочетъ отсѣчь ей голову, но она соглашается выйти за него замужъ. Повѣнчался и выпустилъ богатырей на волю. 15. Вопреки требованію Елены, заходитъ въ заповѣдной подвалъ, гдѣ освобождаетъ прикованнаго на огненной доскѣ старика: старикъ обѣщалъ ему прибавить еще два вѣка жизни. Старикъ тогда же похитилъ Елену Прекрасную на прогулкѣ.

16. Иванъ ищетъ Елену, нашелъ и повезъ домой. Конь сказалъ старику (Кощею) о похищеніи; Кощей догналъ и взялъ Елену. 17. То же самое повторилось. 18. Иванъ заходитъ въ избушку на козьихъ ножкахъ къ Ягѣ-Ягишнѣ и соглашается служить у ней три дня. 19. Пасетъ 10 кобылъ Яги, которыя вечеромъ исчезли. Вспомянутый Иваномъ зять Воробей обернулся жеребцомъ и пригналъ кобылъ. 20. Пасетъ 11 гусей, которые къ вечеру теряются. Воробей обернулся орломъ и пригналъ ихъ. 21. Пасетъ 11 утокъ. Воробей обернулся ястребомъ и пригналъ ихъ; посовѣтовалъ взять у Яги худого жеребенка. 22. Иванъ отказывается взять любую изъ 10-ти дочерей Яги, беретъ худого жеребенка. Жеребенокъ гуляетъ мѣсяцъ, а Иванъ въ это время живетъ въ царствѣ изъ одногорлой бутылки. 23. По совѣту коня, ѣдетъ къ дубу и беретъ изъ гнѣзда на дубу яйцо Кощея Безсмертнаго. Конь Ивана шестикрылый, а у Кощея братъ его, двукрылый. 24. Кони-братья, въ отсутствіе Кощея, сговариваются между собой. Иванъ увезъ Елену. 25. Кощей нагналъ Ивана и хочетъ убить; но Иванъ ударилъ Кощея яйцомъ по лбу, и тотъ умеръ.

Варіанты: Зеленинъ, Вятскія сказки, № 86; Ончуковъ, Сѣверныя сказки, № 78; Худяковъ, Великор. сказки I, № 20: Иванъ Царевичъ и Марья Маревна; Аѳанасьевъ, № 94: Марья Моревна (эпизодовъ 10—14 нѣтъ); Эрленвейнъ № 31, стр. 130—138: Иванъ Царевичъ и Марья Царевна.

№ 7: Мишка-Котома-Конюхъ и Катунъ-Дѣвица (Безногій и слѣпой богатыри). 1. Царь ищетъ невѣсту для сына (Ивана); по совѣту генеральскаго сына, послалъ за Мишкой; тотъ выпросилъ у царя бочку вина и 25 пуд. калачей, сказалъ, что женихъ плохъ. 2. На другой день повторяется то же самое; Мишка соглашается ѣхать за невѣстой. 3. На дорогѣ три богатырскія головы отвѣчаютъ Мишкѣ, что ихъ убила Катунъ-дѣвица. 4. Мишка поднялъ желѣзный тынъ и пропустилъ поѣздъ въ садъ; посланнаго Катунъ-Дѣвицею богатыря, съ коимъ женихъ не сталъ разговаривать, убилъ рукою. 5. Второй богатырь, сильнѣе перваго, выбросилъ одну карету за садъ и тоже убитъ Мишкой. 6. Катунъ пріѣхала въ каретѣ и пригласила жениха съ собой; Мишка сѣлъ на запятки. Катунъ видитъ, что женихъ малосильный. 7. Громадный лукъ Катуна, принесенный для испытанья жениха, Мишка изломалъ. 8. Коня Мишка запугалъ и научилъ: подъ женихомъ онъ не пошелъ. 9. Ѣдутъ домой съ солдатами; царь, по недоразумѣнію, встрѣчаетъ ихъ пулями, но Мишка бросаетъ пули обратно. 10. Повѣнчались. Катунъ сначала рукой, потомъ ногой давитъ Ивана, и тотъ бѣжитъ съ брачнаго ложа. Мишка бьетъ ее, для чего получаетъ сверху отъ Ивана, якобы отъ Бога, три прута желѣзныхъ и три мѣдныхъ. 11. Утромъ послала Ивана на охоту, притворилась избитою и нажаловалась на Мишку. Солдатъ ошибочно, вмѣсто головы, отсѣкъ у Мишки ноги. 12. Мишка ушелъ изъ города, сошелся съ слѣпымъ и съ безрукимъ. 13. Живой водой у Яги всѣ трое излѣчиваются. Мишка убилъ Ягу. 14. У терема при морѣ

предстоитъ борьба по три ночи съ Идолищами—трехглавымъ, шестиглавымъ и девятиглавымъ. 15. Первую ночь Мишка борется по просьбѣ большого брата; братьямъ даетъ карточки-самоигрышки, самъ сначала читаетъ подъ дубомъ книжку, потомъ убиваетъ трехглаваго Идолища; туловище бросилъ въ море, головы подъ камень, а коня привязалъ къ терему. 16. Братья дерутся было изъ-за коня. Мишка борется по просьбѣ средняго брата и, съ тѣми же подробностями, убиваетъ шестиглаваго идолища. 17. Братья опять дерутся изъ-за коней. 18. Проситъ братьевъ помогать ему. Отшибъ шесть головъ девятиглавому Идолищу; бросилъ сапогъ съ ноги въ теремъ, чтобы разбудить братьевъ, и снесъ съ терема крышу; когда Идолище засмотрѣлся, отшибъ ему и послѣднія головы. 19—20. Дѣвицъ изъ первыхъ двухъ теремовъ отдалъ братьямъ. 21. Ѣдетъ домой и встрѣчаетъ въ лугахъ Ивана Царевича, который пасетъ скотъ. 22. Мишка отправляетъ Ивана на своемъ конѣ къ дѣвицѣ изъ третьяго терема; самъ поѣхалъ взять Катунъ-Дѣвицу. 23. Убилъ любовника ея, и она сама пожелала замужъ за Мишку.

Послѣ § 20 (стр. 72) небольшой пропускъ—о дѣвицѣ третьяго терема, къ которой потомъ (§ 22) Мишка послалъ Ивана Царевича.—Повидимому, пропускомъ же и вообще недостаточнымъ знаніемъ сказки объясняется грубое противорѣчіе въ § 12 (стр. 69): Мишка съ отсѣченными ногами пошелъ и идетъ.

Это варіантъ сказочной темы „Безногій и слѣпой богатыри“ (№ 116 сказокъ Аѳанасьева).—Три прута съ неба (§ 10, стр. 68), какъ и нѣкоторыя другія подробности, взяты изъ другихъ сказокъ (срв. Зеленинъ, Вятскія сказки, 73, № 18).

№ 8: Рязанцовъ съ Милютинымъ. 1. Два купца согласились сосватать своихъ дѣтей, если они родятся; царь подписалъ эту ихъ бумагу, но оставилъ у себя: если одинъ изъ дѣтей окажется не умнымъ, то бумага не дѣйствительна. 2. Скоро родились дѣти: Ваня Рязанцевъ и Катя Милютина. Ванѣ уже 12 лѣтъ; отецъ его уѣхалъ на 6 лѣтъ въ Англію торговать. 3. На обратномъ пути корабли его остановились и пошли впередъ только тогда, когда Рязанцевъ бросился въ море. 4. Рязанцевъ приходитъ въ домъ на островѣ, гдѣ видитъ портретъ дѣвицы съ надписью, что Р. долженъ жениться на этой дѣвицѣ. 5. Въ двухъ другихъ комнатахъ портреты двухъ другихъ дѣвицъ съ такими же надписями. 6. Вечеромъ являются Рязанцеву и самыя эти дѣвицы. 7. Невидимыя силы подаютъ ему обѣдъ и т. п. Среди щепъ въ комнатѣ Рязанцевъ нашелъ карту пиковый валетъ, изъ коего вышло трое духовъ: „что желаешь, сдѣлаемъ; а если не будешь насъ посылать, то убьемъ тебя“. Духи, по его желанію, доставили его къ Петербургу. 8. Здѣсь его встрѣтилъ сватъ Милютинъ, который и увезъ его въ лавки одѣться. Рязанцевъ скрываетъ случившееся съ нимъ, объясняя свое несчастіе случаемъ съ лошадями. 9. Такъ же объяснилъ и женѣ. 10. Корабли съ товарами пришли, и обманъ Рязанцева открылся. 11. Рязанцевъ заперъ пиковаго валета въ стеклянную шкатулку и въ комодъ, а ключи бросилъ въ море

Духи уморили его съ женой; сына увлекли въ пьянство и въ кутежъ. 12—13. Сынъ разорился на кутежи. 14. Милютинъ жалуется на него царю. Ваня пропиваетъ домашнюю обстановку. 15. Разбилъ стеклянную шкатулку; духи дали ему денегъ и одежду. 16. Духи учатъ его не жениться пока. По зову царя Ваня пріѣзжаетъ въ золотой каретѣ. 17—19. Ваня поражаетъ генерала роскошью своей обстановки, присылаетъ царю 12 возовъ золота на постройку собора. 20. Ваня отказывается отъ своей нареченной невѣсты и получаетъ отъ царя чинъ „городничина". 21. Ваня прельщаетъ свою бывшую невѣсту тремя полученными отъ духовъ подарками и, обезчестивъ, выпросилъ у нея сорочку. 22. Милютинъ, по требованію царя, зоветъ Ваню на свадьбу своей дочери. 23—24. Ваня пріѣзжаетъ; царь его защищаетъ. 25. Ваня на пиру хвастается тѣмъ, что онъ обезчестилъ невѣсту, которую изображаетъ подъ видомъ черно-бурой лисицы, и показываетъ именную сорочку Кати. По требованію царя, онъ повѣнчался съ Катей.

Не исключена возможность, что здѣсь мы имѣемъ попытку Ломтева составить новую сказку изъ разныхъ сказочныхъ элементовъ. Тутъ и тема „Сосватанныя дѣти" (№ 191 Аѳанасьева), былинный Садко, три обычныхъ „ухорѣза". Бытовыхъ подробностей весьма много (особенно при изложеніи кутежей Вани: §§ 11—15). Прибытіе изъ Англіи въ Петербургъ на ямскихъ (§ 8, стр. 77) свидѣтельствуетъ, что источникъ этихъ бытовыхъ подробностей довольно мутный.—Въ основѣ сказки лежитъ чисто народное воззрѣніе, по которому бѣсы, разъ поступивъ въ распоряженіе человѣка, требуютъ, чтобы человѣкъ этотъ давалъ имъ возможно больше работы, безъ чего они своего хозяина замучатъ; это воззрѣніе русскаго народа рельефнѣе всего выражено Ал. Потѣхинымъ устами крестьянина Нижегородской губерніи: „А онъ (бѣсъ) у тебя все работы проситъ: вотъ и посылаешь его то лѣсъ считать,... а то дождь идетъ, такъ велишь дождинки считать. Ужъ какое-нибудь ему дѣло давай, а то смучитъ тебя". (На ночлегѣ. Изъ путевыхъ замѣтокъ. 1861 г. Сочиненія Алексѣя Потѣхина. Томъ I. Спб. 1873, стр. 182). Въ Пермской губерніи это воззрѣніе—общераспространенное.

№ 9: Ювашка бѣлая рубашка. 1. У одного царя не было бѣлаго дня (солнца), бѣлой луны, частыхъ звѣздъ и глухой полночи. Слуга царя Ювашка взялся ихъ разыскать; поѣхалъ съ товарищемъ. 2. Въ избушкѣ у Яги Ягишны, которая накормила Ювашку и не совѣтуетъ ему ѣхать: это де у братьевъ Яги—шести-, девяти- и двѣнадцатиглаваго. 3—4. То же самое въ избушкѣ второй Яги, и третьей. Всѣ онѣ просятъ Ивашку заѣхать на обратномъ пути. 5. У терема при морѣ надпись на столбѣ: двоимъ ночевать двѣ ночи, троимъ — три. Ювашка убилъ шестиглавое Идолище, туловище бросилъ въ море, а головы подъ камень. 6. На другія сутки отшибъ девятиглавому Идолищу 6 головъ; бросилъ съ себя сапогъ въ теремъ, отчего половина крыши слетѣла; когда Идолище засмотрѣлся, Ювашка отшибъ ему прочія головы. 7. Такимъ же образомъ убилъ двѣнадцатиглаваго Идолища, въ правомъ карманѣ у коего нашелъ

солнце и луни, а въ лѣвомъ — звѣзды и полночь. 8. Ѣдутъ домой. Ювашка подслушиваетъ, что говоритъ Яга Ягишна, и ругаетъ ее. Яга обращается жарой и колодцемъ въ саду; Ювашка перекрестилъ колодецъ, убилъ Ягу, и саду не стало. 9. То же самое повторилось и со второй Ягой. 10. Третья Яга бѣжитъ бурей, а Ювашка въ кузницу. Яга берется трижды лизнуть горячую наковальню, чтобы получить за то Ювашку; кузнецъ поймалъ ее клещами за языкъ, надѣлъ желѣзную узду и сдѣлалъ Ягу кобылой. 11. Сынъ Яги, Олёшка коротенька ножка, дразнитъ Ювашку: «хорошъ молодецъ, да на кобылѣ ѣдешь!» Ювашка не исполнилъ кузнецова совѣта, отвѣтилъ Олешкѣ; тотъ его ссадилъ съ матери и отобралъ все. 12. Олёшка обѣщаетъ все вернуть Ювашкѣ, если онъ высватаетъ ему дочь Яги. Ювашка согласенъ; на пути поитъ и захватываетъ съ собой четырехъ пьяницъ, изъ коихъ одинъ мастеръ хлѣбъ ѣсть, другой—въ банѣ париться, третій—воду пить, четвертый—на небо летать и звѣзды ловить. 13. Яга согласна выдать дочь за Олешку, если они исполнятъ ея службы. Первая служба — съѣсть въ день 10 пудовъ хлѣба. 14—15. Вторая и третья службы—выдержать вечеръ въ жарко натопленной банѣ и выпить воду, которою Яга наполнила всю свою посуду. Пьяницы успѣшно выполняютъ всѣ эти службы. 16. Дочь Яги сдѣлалась звѣздой. Пьяница поймалъ ее. 17. Дочь Яги желаетъ выйти замужъ за самого Ювашку и научаетъ его погубить Олешку, столкнувъ въ оврагъ. Привезъ къ царю солнце и т. д., а самъ повѣнчался съ дочерью Яги.

Маленькое противорѣчіе въ разсказѣ: по § 17 (стр. 94) обращенная въ кобылу мать Олешки осталась какъ бы у Ювашки, а по § 11 и слѣд. (стр. 92) она отобрана Олешкой.

Имя героя извѣстно въ великорусскихъ сказкахъ: срв. сказку Садовникова «Ивашка Бѣлая Рубашка, Горькій Пьяница» (№ 1; здѣсь, на стр. 8—9, есть общіе съ нашею сказкою эпизоды) и лубочную сказку «о Силѣ-царевичѣ и объ Ивашкѣ-бѣлой рубашкѣ» (въ изданіи Лѣкарство отъ безсонницы, или 2-ая часть настоящихъ русскихъ сказокъ. М. 1819), пересказанную у Аѳанасьева въ примѣч. къ № 175. Но это совсѣмъ другія сказки. По содержанію же больше всего общаго въ сказкѣ «Иванъ Быковичъ» (№ 77 Аѳанасьева). Въ рукописи В. Н. Бондаренка „Матеріалы для описанія быта Тамбовской губерніи“ (Архивъ Географ. Общ. XL, 34; рукопись 1890 г.) имѣется варіантъ нашей сказки, озаглавленный „Иванъ Запрутскій“ (№ 8): носящій это имя герой вызвался достать царю солнце, луну и звѣзды, убиваетъ многоголовыхъ змѣевъ, послѣдняго при помощи коня, и достаетъ нужное ему.—Съ эпизодомъ въ § 10 срв. Романовъ, Бѣлорусскій сборникъ III, стр. 117: эпизодъ изъ сказки „Иванъ сучкинъ сынъ — золотыя пуговицы“. — Несмотря на присутствіе въ сказкѣ почти всѣхъ небесныхъ свѣтилъ, ничего космогоническаго въ ней мы не усматриваемъ: свѣтила явились тутъ, думаемъ мы, на мѣстѣ прежнихъ именъ (срв. имена дѣвицъ: Луна и Звѣзда въ сказкѣ Худякова III, № 108; имена братьевъ: Зорька, Вечерка и Полуночка въ № 80 Аѳанасьева).

№ 10: Петра Королевичъ. 1. Три царскихъ сына просятся у отца по чужимъ державамъ ѣхать невѣстъ себѣ посмотрѣть. 2. По жребію, поѣхалъ сначала младшій сынъ Петръ. Отецъ далъ ему своего коня любимца. 3. По совѣту коня, Петръ поступилъ къ королю конюхомъ, чтобы развести конный заводъ. 4. Король открылся ему въ своемъ желаніи повидать дочь одного царя, портретъ коей онъ видѣлъ. Петръ обѣщаетъ ему украсть эту дочь. 5. Ѣдетъ и прощается съ королемъ. 6. По совѣту коня, поступаетъ къ царю садовникомъ, чтобы развести садъ. Въ четверы сутки устроилъ садъ и приглашаетъ царскую дочь смотрѣть его. 7. Служанкамъ царевны предложилъ ягодъ съ одного дерева, и онѣ уснули; царевну увезъ на своемъ конѣ. 8. Царевна требуетъ привезти ей подвѣнечное платье; Петръ берется его украсть и ѣдетъ, простившись съ королемъ. 9. По совѣту коня, покупаетъ искусственную бороду; разговорился съ солдатами при дворцѣ и позванъ къ королю на совѣтъ. 10. Царь, по просьбѣ Петра, досталъ изъ сундука подвѣнечное платье своей дочери и потомъ пошелъ во дворъ ловить коня, который скажетъ де о судьбѣ дочери—или добровольно, или если у него поджечь копыта. Конь убѣжалъ, а Петръ унесъ платье. 11. По-прежнему отказывается отъ платы короля за услугу. Царевна требуетъ свою золотую подвѣнечную карету, отказываясь иначе выйти замужъ. Петръ согласился украсть карету, но отъ продажи своего коня отказался. 12. Простился съ королемъ и ѣдетъ. 13. Встрѣчаетъ своего старшаго брата Василья, который поѣхалъ искать Петра; надѣлъ искусственную бороду, и не узнанъ братомъ; увѣрилъ брата, что Петръ скоро пріѣдетъ, и тотъ воротился домой. 14. По совѣту коня нарядился солдатомъ; по его совѣту, солдаты при дворѣ запрягли вбѣжавшаго во дворъ коня въ золотую карету царевны, а конь убѣжалъ. 15. Отшельникъ-монахъ открылъ царю, что это все дѣлаетъ Петръ королевичъ изъ такого-то королевства. 16. Царевна согласилась повѣнчаться. Петръ ѣдетъ домой, получивъ именной перстень отъ короля. 17—18. Подъ видомъ старика разговариваетъ на дорогѣ съ русскимъ царемъ (у коего укралъ дочь) и ѣдетъ вмѣстѣ съ нимъ къ своему отцу. Во время разговора царя съ королемъ о Петрѣ королевичѣ, послѣдній является къ нимъ и сообщаетъ, что царская дочь выходитъ скоро замужъ за такого-то короля. Ѣдутъ всѣ трое на свадьбу. 19. Король узнаетъ, что его бывшій конюхъ — Петръ королевичъ, и предлагаетъ ему въ замужество свою сестру. Петръ сознается, что онъ изъ-за того и старался. 20. Петръ женится на сестрѣ короля. 21. Царская дочь сама пожелала замужъ за короля, разъ ее не освободили прежде.

Довольно близкій варіантъ въ полу-лубочномъ старомъ изданіи «Сказки о Петрѣ Королевичѣ, о Ивашкѣ медвѣжьемъ ушкѣ». М. 1829. (Въ сборникѣ: «Собраніе старинныхъ русскихъ сказокъ». М. 1829). Имена царскихъ сыновей тамъ: Василій, Иванъ [а въ нашей сказкѣ: Ефимъ] и Петръ. Подвѣнечное платье царевны крадутъ иначе: Петръ, одѣтый нищимъ, стоитъ въ церкви, а златогривый конь бѣгаетъ около церкви; когда его ловятъ, Петръ взялъ платье и положилъ въ свою нищенскую сумку; потомъ проситъ разрѣшенія ловить коня, ловитъ и

уѣзжаетъ. Иначе же крадутъ и карету: Петръ — конюшимъ у короля, каждый день проѣзжаетъ лошадей, причемъ для лакеевъ кладетъ въ каретные ящики крѣпкихъ винъ. — Лубочная сказка изложена блѣдно, бытовыхъ подробностей нѣтъ.

№ 11: Иванъ солдатскій сынъ. 1. Кантонистъ Иванъ былъ «разучёной на 7 грамотъ»; служилъ 4 года въ солдатахъ и дослужился до генеральскаго чина. По случаю пожара у отца-солдата, Иванъ отпущенъ царемъ на 4 года домой и получилъ 100 рубл. денегъ. 2. Деньги отдалъ отцу. 3. Поступаетъ на службу въ училище съ жалованьемъ въ 100 рубл. ежемѣсячно; быстро научилъ здѣсь купеческую дочь, красавицу Машу, которая прежде въ три года «научилась три слова». 4. Вмѣстѣ съ Машей идетъ въ гости къ ея отцу, который было сначала принимаетъ его за любовника дочери. 5. За обѣдомъ Машу экзаменуютъ и обѣщаются выдать ее замужъ за учителя. 6—7. Даютъ учителю много денегъ, на которыя отецъ его покупаетъ себѣ домъ и три лавки. 8. Записи о будущемъ бракѣ въ часовнѣ за иконой. 9. Ваня хочетъ тайно взять эти записи, но икона не допустила его. 10. Иванъ вытребованъ на службу къ царю и уѣхалъ, не сказавъ Машѣ; та его ищетъ, но тщетно. 11. Маша захворала отъ тоски по миломъ. 12. Братъ Машина отца, губернаторъ, исхлопоталъ отпускъ Ванѣ на 4 года, для чего отецъ Маши послалъ царю 4 тыс. рублей. Маша умерла незадолго передъ пріѣздомъ жениха. 13. Маша, по зову жениха, ожила. 14. Когда Ваня былъ у отца, Машу сватаетъ королевскій сынъ; родители ее отдали противъ ея воли. 15. На зовъ Маши Ваня не пошелъ къ ней, а отправился въ трактиръ противъ Машина дома и, убѣдившись, что Машу отдали насильно, поѣхалъ вслѣдъ за Машей въ каретѣ, но его карету не пропустили въ крѣпость короля. 16. Ваня остановился у старушки на краю города и даритъ ей щедро деньги. 17. Ваня спрашиваетъ у старика въ крѣпости, какъ повидать королевскую невѣсту, и старикъ за сто рублей даетъ ему ягодъ двухъ сортовъ: отъ одной дѣлаешься старикомъ, отъ другой — молодымъ. 18. Одѣвшись въ княжескую одежду, Ваня пропущенъ во дворецъ къ невѣстѣ. 19. Маша, неожиданно увидѣвъ его, умерла. 20. Ваня надумалъ удавиться или утопиться въ морѣ. 21. На морѣ убилъ звѣрька и потомъ взялъ золотой камень, которымъ оживилъ убитаго другой звѣрекъ. 22. Нанимаетъ въ кабакѣ трехъ пьяницъ — живописца, слесаря и каменщика — украсть тѣло Маши. 23. Пьяницы украли, положивъ вмѣсто Маши въ гробъ восковую статую. 24. Оживляетъ Машу камнемъ и приводитъ домой. 25. Ваня съ Машей прибылъ на похороны. 26. Споритъ съ королевскимъ сыномъ, увѣряя, что онъ хоронитъ не Машу. 27. По условію спора отсѣкъ королевскому сыну голову. 28. Ваня отказался быть у короля вмѣсто сына, а уѣхалъ домой на службу.

Въ этой сказкѣ мало традиціоннаго: волшебныя ягоды (§ 17; срв. сказочную тему «Рога»), три пьяницы-помощника (§ 22), хотя самая тема — подвиги жениха, отыскивающаго свою невѣсту — столь обычна въ сказкахъ. Чертъ новаго, культурнаго, быта очень много: репетиторство

(§§ 3—5), сѣтка на лицѣ Маши и крики «браво» (§ 27). Сословіе героя, кантониста-солдата, почти не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что эта новая сказка-романъ — созданіе солдатской фантазіи. Можно также думать, что однимъ изъ образцовъ послужилъ при этомъ какой-нибудь лубочный или бульварный романъ.

№ 12: Иванъ царевичъ и его невѣста волшебница. 1. Иванъ Ц. заблудился на охотѣ; въ избушкѣ у старухи видитъ трехъ дѣвицъ и на одной изъ нихъ хочетъ жениться. 2—3. Старуха научаетъ его, и онъ, спрятавшись въ старомъ кораблѣ на берегу моря, спряталъ платье дѣвицы. 4. Женился. Жена перебросила съ руку на руку кольцо, и три ухорѣза сдѣлали ей станъ, обѣдъ и потомъ корабль, бѣгающій морями, лугами и лѣсами. 5. Является къ тестю подъ видомъ нечаяннаго гостя; тесть приказываетъ угощать его 40 слугамъ, ползая по насыпанному на полъ гороху на колѣнкахъ. 6. Слуги хотятъ Ивана Ц. сгубить. Васька Большеголовый въ тюрьмѣ беретъ съ каждаго изъ нихъ по сту рублей и научаетъ. По совѣту Васьки, слуги клевещутъ барину на Ивана Ц., будто бы онъ хвастается сдѣлать кораль, бѣгающій морями, лугами и лѣсами. Жена дала Ивану Ц. такой корабль. 7. При тѣхъ же самыхъ условіяхъ Иванъ Ц. совершаетъ новый подвигъ: посѣянный на болотѣ хлѣбъ поспѣлъ въ одну ночь, такъ что утромъ калачъ изъ него принесенъ барину. 8. Третій подвигъ при тѣхъ же самыхъ условіяхъ: въ ночь выстроена среди моря церковь и къ ней хрустальный мостъ. Иванъ Ц. съ женой въ эту же ночь бѣгутъ, наполнивши своими слюнями чашку и вылѣзши въ трубу. 9. Тесть по гадательной книжкѣ узналъ, что Ивану Ц. помогаетъ дочь, и велѣлъ истопить жарче баню. Слюни въ первый разъ отвѣтили слугамъ, что „мы дома", а второй разъ сила у нихъ уже вышла. 10. Тесть дважды посылаетъ слугъ воротить бѣглецовъ, но бѣглецы обернулись въ первый разъ стогомъ сѣна съ изгородью, а второй— старушкой, доящей корову. 11. Въ догоню полетѣла тёща; слуги бѣглянки пропустили огненную рѣку и утопили въ ней тещу. 12. Передъ городомъ Ивана Ц. его жена становится въ дубъ и научаетъ мужа, какъ потомъ добыть изъ дуба ее и казну. Иванъ Ц. не долженъ мать свою цѣловать въ уста, а только въ щеки: иначе онъ забудетъ свою жену. 13. Иванъ, послѣ укора братьевъ, поцѣловалъ мать въ уста и забылъ свою жену. 14. Жена Ивана Ц. поселилась у старухи и послала письма Ивану Ц. и двумъ генераламъ, приглашая ихъ въ гости. 15—17. Послѣ прихода каждаго гостя жена Ивана Ц. проситъ бабушку принести ей ширинку, вышитую ею для гостя и забытую а) во дворѣ, б) около конюшни и в) въ сѣнкахъ. Гость вызывается сходить самъ и всю ночь а) рубитъ дрова, б) выбрасываетъ навозъ изъ конюшни и в) мелетъ крупу. (Послѣднее — Иванъ Ц.). 18. Иванъ Ц. сватаетъ себѣ иную невѣсту. 19. Жена Ивана Ц. черезъ старуху купила за сто рублей тѣста у царя на кухнѣ и сдѣлала изъ тѣста голубя и голубку. Когда Иванъ Ц. сѣлъ съ своей новой невѣстой за столъ, голубка дважды ударила голубя крыломъ и сказала: „ты, подлецъ, не сдѣлай со мной то, что Иванъ Ц., ко-

торый бросилъ свою первую невѣсту!» 20. Иванъ Ц. тогда вспомнилъ про свою старую невѣсту и отказался отъ новой. 21. Поѣхалъ съ 10 телѣгами къ дубу, ударилъ дубъ плетью—и изъ него вышла змѣя, ударилъ змѣю—вышла дѣвица и золотая казна.

Варіантъ см. ниже № 55 (стр. 323—334), гдѣ есть особое начало, въ настоящей сказкѣ Ломтева отсутствующее. Героемъ тамъ Иванъ же, но не царевичъ, а купеческій сынъ; тесть его носитъ длинное имя: «Самъ съ нокоть, борода съ локоть, Токманъ Токманычъ морской царь». Первая служба иная (см. стр. 326, § 7). Сходство этихъ двухъ варіантовъ, однако же, весьма большое; между прочимъ, и совѣтчикъ слугъ носитъ почти тожественное имя «Васька Широкой Лобъ», и жена Ивана то же имя Мареы.

Ту же сказку я выслушалъ еще и отъ третьяго сказочника, Черныхъ (см. стр. 293). И здѣсь весьма много общаго, но герой уже не царевичъ и не купецъ, а крестьянскій сынъ, нанимающійся въ работники къ чорту. — Здѣсь мы имѣемъ весьма яркій случай того правила, что сословное положеніе героя сказки—нѣчто весьма не прочное, а легко мѣняющееся по произволу сказочниковъ: герой одной и той же сказки у трехъ сказочниковъ одного и того же уѣзда принадлежитъ къ тремъ различнымъ сословіямъ!

Срв. еще у Аѳанасьева № 125: Морской царь и Василиса Премудрая; у Ончукова № 153: Иванъ да Марья дѣти купеческія.

13: Ѳедоръ Бурмакинъ и Вавилонское царство (стр. 128—134). 1. Царь безъ короны ищетъ охотника ѣхать въ Вавилонское царство за короной. Взялся Ѳедоръ Бурмакинъ, который выпросилъ у царя корабль, сенатора, рабочихъ и по три бочки пороха, сѣры горючей и селитры. 2. Пріѣхали; заходятъ въ комнаты къ Мареѣ Вавилоновнѣ. Ворота въ царство Вавилонское или Змѣйланское открываются только на время — когда раздвинется змѣй у воротъ. 3. Играютъ въ шашки съ условіемъ проигравшаго три раза съѣсть. Ѳедоръ Б. проигралъ дважды; ссылаясь на неправильность шашечной доски, идетъ за своей доской на корабль, оставляетъ заложникомъ сенатора, похищаетъ царскую корону и отваливаетъ отъ берега. 4. Узнавъ о томъ, Мареа Вавилоновна съѣла сенатора и послала въ догоню змѣй. Ѳедоръ Б. зажогъ на кораблѣ три бочки селитры и сжогъ всѣхъ этихъ змѣй кромѣ двухъ, возвратившихся къ Мареѣ В. 5. Та послала еще больше змѣй, но и ихъ сжогъ Ѳедоръ Б. порохомъ. 6. Пока Ѳедоръ Б. гулялъ по берегу, змѣи сожгли его корабль и всѣхъ рабочихъ. 7. Ѳедоръ Б. поселился у брата Мареы В., Кривой Ерахты; обѣщая вылѣчить больной глазъ, ослѣпилъ его: привязавъ къ полу волосяными канатами, плеснулъ въ глазъ растопленнымъ оловомъ. 8. Разыскиваемый Кр. Ерахтой во дворѣ, Ѳедоръ Б. привязался къ козлу, и Кр. Ер. выбросилъ его, вмѣстѣ съ козломъ, за тынъ двора. Кр. Ер. даритъ ему ножъ, которымъ и зажало руку Ѳедора Б., но Ѳедоръ Б. отрѣзалъ самъ себѣ руку и ушелъ. 9. Живетъ вмѣсто мужа у сестры Мареы Вав. и приживаетъ съ ней мальчика. 10—11. Дѣлаетъ плотъ и весло. Когда жена отправилась на побоище, сѣлъ на плотъ и по-

ѣхалъ; тогда ребенокъ заревѣлъ такъ, что лѣсъ затрещалъ, жена воротилась и половину разорваннаго ею ребенка бросила на плотъ, а половину съѣла; плотъ началъ тонуть отъ ребенка, и Өедоръ Б. насилу его столкнулъ. 12. Сидя на дубѣ, Өедоръ Б. смотритъ на побоище Идолища со львомъ; въ отвѣтъ на просьбу помочь кому-нибудь изъ нихъ, четырьмя выстрѣлами изъ лука отшибъ 4 изъ 6-ти головъ Идолища. Идолище обѣщалъ за помощь ему половину золотой горы, а левъ — доставить на родину. 13. Левъ отдыхаетъ трои сутки, а Өедору Б. далъ лизнуть три раза бѣлый камень, и Өедоръ былъ «сытъ, пьянъ и веселъ». 14. Левъ привезъ Өедора Б. въ русское государство и не велѣлъ ему хвастаться своей поѣздкой на львѣ. Өедоръ похвастался на пиру, а потомъ свалилъ вину на хмѣль; левъ испыталъ силу хмѣля: напоенный до-пьяна, левъ былъ связанъ, а второй разъ—развязанъ, и тогда повѣрилъ, что «хмѣль можетъ все сдѣлать». 15. Өедоръ Б. хвастается вавилонскою короной и подаетъ ее царю; получаетъ награду.

Сказкѣ этой посвящено изслѣдованіе И. Н. Жданова „Повѣсти о Вавилонѣ и Сказаніе о князехъ Владимірскихъ" (въ Журналѣ Мин. Нар. Просв. 1891 г.). Кромѣ указанныхъ у Жданова варіантовъ см. еще у Иваницкаго № 1 (стр. 165): Сказка про царя и про Михайлу Трунщикова; у Ончукова № 48: Өедоръ Бурмаковъ (стр. 129—135), № 181: Өедоръ Кормаковъ (стр. 445—448) и № 282: Князь Борсуковъ (стр. 564—565); у Е. Р. Романова, Бѣлорусскій сборникъ, вып. III, стр. 212—214, № 30: Проварна Ярыжка.—Чулковымъ эта сказка передѣлана въ „Повѣсть о богатырѣ Булатѣ" (Чулковъ, Рускія сказки, IX, 1783, стр. 1 и слѣд.). — У Ончукова есть еще сказка „Хмѣль" (№ 161, стр. 400—401)=эпизодъ § 14 (стр. 133). — *Ерахта* (§ 7, стр. 130) въ архангельской сказкѣ у Аѳанасьева (№ 124: Три копеечки) переведено: чортъ.

№ 14: Васенька Варегинъ (стр. 134—151). 1. Именитый купецъ въ Питерѣ Варегинъ сватаетъ невѣсту своему сыну Васѣ. Вася, пріѣхавъ сватать съ отцомъ, обманомъ обезчеститъ невѣсту, а потомъ ее же и выругаетъ. 2. Вася рѣшилъ жениться на бѣдной дочери офицера, которая зашла къ нему въ лавку купить сережки и которую ему не удалось обмануть. 3. Отецъ не позволяетъ ему жениться на офицерской дочери; Вася беретъ много тысячъ денегъ и уходитъ одинъ. 4. Приглашаетъ трехъ пьянчужекъ изъ кабака поѣзжанами и вѣнчается. 5. Отецъ не пустилъ новобрачныхъ въ домъ, и Вася нанялъ себѣ квартиру. 6. Отецъ помирился съ сыномъ и полюбилъ сноху. 7. Купеческія дочери подкупили повариху, и она отравила жену Васи. 8. Старуха, на которую указали работники, оживила Васину жену, какъ умершую неестественною смертью: положила ей, нагой, на сердце, на лобъ и на грудь три цвѣточка. Получивъ въ награду сто рублей, старуха подарила Васѣ эти цвѣточки. 9. Вася съ женой уѣхалъ торговать въ Астрахань; здѣсь жена его сошлась съ молодымъ генераломъ и, по совѣту его, сманила мужа ѣхать въ Англію. 10. Жена нарочно оставила дома гитару, на ко-

торой любилъ играть Вася; остановили корабль и, когда Вася воротился домой за гитарой, уѣхали. 11. Пріѣхалъ въ Англію на другомъ кораблѣ. Генералъ съ бывшей женой Варегина встрѣчаютъ корабль. 12. Генералъ подложилъ Васѣ въ гитару тысячу рублей, потомъ произвелъ обыскъ, и Васю, за мнимую кражу, велѣлъ матросамъ утопить. Тѣ отпустили его, и онъ уѣхалъ въ Петербургъ. 13. Вася поступаетъ въ солдаты. 14. Дослужившись до офицерскаго чина, сталъ пьянствовать. 15—18. Подъ вліяніемъ младшей генеральской дочери, которая увидѣла его на часахъ въ домѣ отца, онъ пересталъ пьянствовать, переведенъ изъ казармы на вольную квартиру (въ домѣ своего дяди) и каждую ночь ѣздитъ въ глухой повозкѣ къ генеральской дочери, которая его полюбила. 19. Откупается отъ караулу въ царскомъ корридорѣ въ день Пасхи. 20. За Пасху (пасхальный куличъ) сдѣланъ генераломъ. 21. Чтобы узнать любовницу Варегина, царь даетъ ему пузырекъ и велитъ ночью капнуть на щеку ея. Когда царь узналъ тайну, они повѣнчались. 22. На свадьбѣ помирился съ отцомъ. Ѣдетъ въ Англію безъ жены, съ однимъ тѣлохранителемъ. 23. Подъ видомъ солдата поступаетъ въ полкъ и, стоя на часахъ въ корридорѣ у генерала, оскорбляетъ словами свою бывшую жену. 24. Генералъ симулируетъ ограбленіе своей квартиры, обвиняетъ въ томъ Варегина и присуждаетъ его къ разстрѣлу. 25. Товарищъ оживилъ разстрѣляннаго при помощи трехъ цвѣточковъ, и Варегинъ уѣхалъ въ Петербургъ. 26. Назвавшись чужестраннымъ докторомъ, Варегинъ вылѣчилъ своими цвѣточками тяжело больную царскую дочь. 27. Царевна сама пожелала замужъ за этого доктора. 28. Варегинъ, сдѣлавшись наслѣдникомъ, просится въ Англію ревизовать войско. 29. На дорогѣ открываетъ своей женѣ, что онъ Варегинъ и что первая жена его живетъ въ Англіи съ генераломъ; ѣдетъ сначала въ Англію одинъ, предупреждая жену, что она завтра найдетъ его, вѣроятно, въ тюрьмѣ. 30. Находитъ своего товарища, который живетъ у генерала въ банникахъ. 31. Открывается товарищу и заставилъ его наложить въ свой ранецъ на смотръ обрубковъ и нечистотъ. 32. Когда утромъ генералъ ѣдетъ встрѣчать жену наслѣдника, Варегинъ оскорбляетъ словами свою бывшую жену, за что посаженъ пока въ тюрьму. 33. Жена наслѣдника приказала освободить Варегина, а генеральскую жену назвала въ лицо „Варегиной снохой“, отъ чего та отперлась. 34. Варегинъ началъ смотръ съ ранца своего товарища и нашелъ тамъ нечистоты и обрубки; разжаловалъ генерала и назначилъ на его мѣсто банника. 35. Бывшую свою жену (генеральшу) приказалъ разстрѣлять.

Сказка новаго фасона, созданіе, по всей вѣроятности, солдатской фантазіи. Месть женѣ-измѣнницѣ и головокружительная карьера солдата,—вотъ центръ ея содержанія. Но эта солдатская сказка разсказана мнѣ не солдатомъ, и въ ней есть нѣкоторыя неточности въ мелочахъ, объясняющіяся именно на этой почвѣ: такъ Верегинъ называетъ генерала „Ваше Высокородіе“ (§ 19, стр. 144); исторія съ „паской“ (§ 20, стр. 144), повлекшая за собою генеральство для Варегина, изложена такъ туманно, что остается для меня не вполнѣ ясной; званія „банника“ (§ 30 и 34), сколько мнѣ извѣстно, никогда въ нашей арміи не существовало: быть можетъ, тутъ простое недоразумѣніе съ непонятымъ названіемъ артиллерійскаго *банника* (поршня для чистки пушекъ послѣ выстрѣла).

Пріѣздъ изъ Англіи въ Петроградъ „на ямскихъ“ (стр. 141, § 12) встрѣчался уже и выше (стр. 520).

Традиціонныхъ чертъ въ сказкѣ очень мало. Между прочимъ, отмѣтка на свиданіи своей возлюбленной ляписомъ (стр. 145, § 21) встрѣчается въ Декамеронѣ и въ „Рускихъ сказкахъ“ Чулкова (ч. V, гл. 17; цитую по книгѣ С. В. Савченка, Русская народная сказка, 77).

№ 15: Побывальшинка (Легенда о крестномъ отцѣ и о врачѣ) (стр. 151—157). 1. Бѣдный старикъ рыбакъ поклялся не ѣсть до тѣхъ поръ, пока онъ не заудитъ лишней рыбы — не только для жены и для дѣтей, но и для себя; не ѣлъ съ мѣсяцъ. 2. Однажды заудилъ двѣ лишнихъ рыбки, но оказалось, что его жена родила двухъ мальчиковъ. 3. Идетъ за священникомъ, чтобы окрестить дѣтей. Нечистый духъ подъ видомъ молодца предлагаетъ ему быть кумомъ, но старикъ отказался взять его. Предложеніе встрѣчнаго старика о томъ же принялъ, и старикъ далъ ему три золотыхъ для священника. 4. Священникъ за три золотыхъ согласился ѣхать. 5. Рыбакъ пришелъ домой пѣшкомъ раньше священника; вмѣсто его балагана оказался на томъ же мѣстѣ каменный домъ, явившійся вмѣстѣ съ приходомъ кума. 6. Изъ двухъ купелей въ кладовой, золотой и серебряной, отецъ взялъ первую; новорожденные оказались—одинъ въ золотой ризѣ, а другой въ серебряной. Окрестили. 7. Въ кладовой на столикѣ оказалось угощенье; тутъ они незамѣтно просидѣли три года: священникъ думалъ, что только три часа, и изъявилъ желаніе жить тутъ, но кумъ назвалъ его недостойнымъ того, такъ какъ священникъ беретъ лишнее за требоисправленіе.—8. Кумъ съ рыбакомъ пошли и накопали травъ; рыбакъ — докторъ, но лѣчить можетъ только тѣхъ, кому кумъ станетъ въ головы. 9. Вылѣчилъ короля и награжденъ. 10. Вылѣчилъ другого короля, которому кумъ сталъ въ ноги: рыбакъ повернулъ его головой къ куму. 11. Вмѣсто каменнаго дома на озерѣ у рыбака оказался прежній балаганъ. Перевезъ семейство въ городъ. 12. Идетъ въ гости къ куму-ангелу, причемъ древесными колючками прирвалъ на себѣ одежду и истерзалъ тѣло. 13. Свѣчи горятъ въ пещерѣ: жизнь людей; свѣча рыбака сейчасъ потухнетъ, такъ какъ она обмѣнена съ королевской свѣчей; рыбакъ скорѣе бѣжитъ домой и дома умеръ.

Двѣ разныхъ легенды: а) о чудесномъ кумѣ-ангелѣ и б) о врачѣ. Послѣдняя общеизвѣстна.—Въ легендѣ много мѣстныхъ бытовыхъ чертъ, особенно въ описаніи крестинъ; вполнѣ согласно съ § 6, принести воду для крещенія младенца — обязанность кума, а доставить „ризки“ для новокрещаемаго — обязанность кумы, въ данномъ случаѣ отсутствующей, почему обязанности ея перешли къ куму же. — Въ первой строкѣ § 11 (стр. 156) „онъ“ — разумѣется не рыбакъ, а ангелъ: крестный отецъ, какъ извѣстно, одинаково называетъ отца своего крестника „кумомъ“ же.

№ 16: Илья Муромецъ. 1. Илья М., одинъ изъ 12-ти сыновей мужичка, былъ безъ ногъ и отвезенъ отцомъ въ лѣса, въ отдѣльную избушку. Старичокъ попросилъ у него напиться, и Илья принесъ ему буракъ пива. Старичокъ отпилъ и остатки отдалъ Ильѣ; тотъ выпилъ, и почувствовалъ въ себѣ непомѣрную силу: если бы былъ столбъ отъ земли до неба и въ столбу кольцо, то онъ могъ бы за кольцо поворотить все. По просьбѣ старика Илья опять принесъ ему пива, опять допилъ остатки, и почувствовалъ въ себѣ только треть той силы. 2. Илья принесъ на пашню отцу съ братьями блиновъ; когда тѣ легли отдыхать, Илья выдергалъ лѣсъ, какъ траву: хотѣлъ запрудить рѣку Неву(ю), но эта рѣка протекла другимъ русломъ. 3. Борется на „баршинѣ“, и убилъ здѣсь нѣсколько человѣкъ. 4. Илья поступаетъ прикащикомъ въ лавку къ купцу за 40 червонныхъ въ мѣсяцъ, прекрасно поторговалъ было, но скоро отказался. 5. Купилъ у священника чесоточнаго жеребенка за 200 рублей: этотъ жеребенокъ одинъ только не гнулся подъ его рукой. Черезъ два мѣсяца изъ жеребенка, поставленнаго въ особый срубъ, вышелъ хорошій конь. 6. Между утреней и обѣдней намѣренъ доѣхать до царя, за 100 верстъ; на прямой дорогѣ живетъ Соловей разбойникъ на 12-ти дубахъ; Илья сшибъ его съ дубовъ стрѣлой, привязалъ къ стременамъ и повезъ къ царю. 7. Дочери Соловья зовутъ Илью обѣдать, а сами повѣсили надъ воротами стопудовую доску, чтобы задавить Илью. Илья выслушалъ ихъ разговоры и отказался отъ обѣда. 8. Пріѣхавъ, пускаетъ своего коня въ монастырскую ограду, а самъ заходитъ въ храмъ. Одинъ богатырь погрозилъ Ильѣ за вводъ коня въ церковную ограду и былъ убитъ Ильей. 9. Илья борется съ другимъ богатыремъ; они оказались равной силы и назвались братьями. 10. На балу у царя Илья похвастался тѣмъ, что онъ сшибъ съ дубовъ Соловья-разбойника. По желанію царя, Илья заставилъ Соловья свиснуть потише, причемъ царя взялъ подъ правую руку, а царицу подъ лѣвую. Соловей свиснулъ очень сильно и убилъ много народу, за что Илья тутъ же его и разшибъ.

11. Илья встрѣтился съ Егоромъ Златогоромъ, который, шаля, перебрасывалъ съ руки на руки горы. Илья дважды ударилъ его лошадь, послѣ чего Егоръ посадилъ Илью вмѣстѣ съ конемъ къ себѣ въ карманъ: коню стало тяжело, и Егоръ поѣхалъ рядомъ съ Ильей. 12. Пестерюшки старухиной не могли поднять съ земли ни тотъ ни другой. 13. Пріѣхавъ къ отцу Егора Златогора, Илья М. подаетъ ему, вмѣсто руки, раскаленную палицу (по совѣту Егора), изъ которой отъ пожатія Егорова отца пошелъ сокъ съ обоихъ концовъ. 14. Ѣдутъ на шумъ въ необитаемомъ мѣстѣ и видятъ пустой гробъ; Ильѣ М. гробъ этотъ и долгъ и широкъ, а Егору З. въ самый разъ. Когда гробъ съ Егоромъ Илья накрылъ крышкой, послѣднюю оказалось невозможнымъ снять, а отъ троекратнаго удара палицею на гробу оказались три желѣзныхъ обруча. 15. Илья пробилъ палицею дыру надъ гортанью Егора и пилъ бѣлыя слюни, пока не пошли желтыя; отъ этого у него стало очень много силы. Испробовалъ силу на дубѣ; отъѣхалъ и окаменѣлъ на конѣ недалеко отъ р. Невы.

Пересказъ общеизвѣстныхъ былинъ объ Ильѣ Муромцѣ и Святогорѣ (Егорѣ Златогорѣ).—Срв. Аѳанасьевъ № 174—175, Ончуковъ № 136, Иваницкій № 3 (стр. 168), Живая Старина IV, № 1, отд. 2.—Рѣку Неву (§ 2) срв. также съ р. Нейвой, протекающей въ Пермской губерніи.

№ 17: Володька купеческой сынъ. 1—2. Петербургскій купецъ держалъ рабочихъ, которые дѣлали ему фальшивыя деньги. Работникъ купца, изъ мести, донесъ объ этомъ, но полиція нашла на мѣстѣ только купеческаго сына Володю, коего и посадили въ тюрьму. 3. Генеральская дочь Палаша носила въ праздникъ калачи въ тюрьму, полюбила Володю и попросила отца выпустить Володю, чтобы онъ училъ ее вмѣсто наемнаго учителя. 4. Молодые люди слюбились. 5. Палаша беременна. Они хотятъ бѣжать на кораблѣ, но корабля не оказалось; Володя сталъ у пристани купаться и, сдѣлавъ видъ, будто онъ утонулъ, уплылъ въ море. 6. Палаша воротилась домой; отецъ ея отписался, что Володя умеръ. 7. Володя сидитъ въ морѣ на китѣ; принятъ на иноземный корабль. 8. Красивый Володя понравился иноземному королю и принятъ на службу при дворцѣ, сначала половымъ. 9. Володя назначенъ писаремъ въ Сенатѣ. 10. Король умеръ. Постановлено: въ короли избрать того, кто можетъ „по три книги... списать въ трои сутки, со старыхъ книгъ на свѣжи". Придворный генералъ совѣтуетъ заняться списываньемъ и Володѣ; Володя началъ позже всѣхъ, но одинъ только окончилъ работу, и избранъ королемъ. 11. Черезъ годъ отправляется въ гости домой. Оставивъ свою свиту и одежду на кораблѣ, ночью одинъ идетъ въ городъ, случайно заходитъ въ домъ къ разбойникамъ и, какъ бѣглый арестантъ съ клеймами на рукахъ, принятъ ими въ свою шайку. 12. Разбойники рѣшили въ эту ночь ограбить какъ разъ Володинаго отца. Володя написалъ записку и спряталъ къ себѣ въ карманъ. 13. Володя залѣзъ въ кладовую къ отцу, подаетъ товары разбойникамъ, а самъ стучитъ въ стѣну; когда домашніе вышли на стукъ, онъ остался, а разбойники уѣхали. 14—15. Работники избили Володю. Сестра пришла посмотрѣть, а онъ бросилъ ей записку: я такой-то. Докторъ его сейчасъ же вылѣчилъ. 16. Утромъ съѣздилъ на пристань, пріѣхалъ къ отцу на обѣдъ въ королевской одеждѣ и со свитой. Генералъ, отецъ Палаши, приглашенъ въ гости съ женой и дочерью. 17—18. Володя женится на Палашѣ, у которой уже растетъ сынъ отъ Володи; уѣхалъ въ свое королевство.

Сказка новѣйшей формаціи, въ которой мы опять видимъ репетитора (§ 3—4), своеобразные выборы короля (президента?) (§ 10). Въ центрѣ головокружительная карьера бѣглаго каторжника, не забывшаго даже и на посту главы государства о своей прежней спасительницѣ и любовницѣ. Можно думать, что сказка ведетъ свое начало изъ тюрьмы, отъ болѣе или менѣе интеллигентнаго каторжника. Характерно, что и въ сказкѣ № 12 (§ 6, стр. 119) одно изъ дѣйствующихъ лицъ, Васька Большеголовый, сидитъ въ тюремномъ замкѣ. И въ варіантѣ этой послѣдней сказки (№ 55, § 7, стр. 326) Васька Широкой Лобъ сидитъ въ острогѣ.

№ 18: Боба королевичъ (стр. 171—176). 1. Пятилѣтній сынъ короля (Сенбалды) Боба убиваетъ людей, на что жалобы королю. Отецъ испытываетъ силу сына: огромное бревно Боба перебросилъ черезъ дворецъ. 2. Боба посаженъ отцомъ въ каменный столбъ; провелъ тамъ уже годъ. 3. Дѣвка чернавка, приносившая Бобѣ пищу, открыла ему, что принесенный ею пирогъ испеченъ съ ядомъ; они бросили этотъ пирогъ собакамъ, коихъ разорвало на три части. Боба ушелъ неизвѣстно куда, а чернавка, по его совѣту, принесла отцу Бобы собачью печенку и сердце, запнулась такъ, что сердце упало. 4. Скрывъ свое происхожденіе, Боба принятъ въ дѣти королемъ Маркобруномъ. Лукоперовъ сынъ пришелъ съ войсками и богатырями сватать дочь Маркобруна, названную сестру Бобы. Боба вызвался побѣдить Лукоперова сына и открылъ Маркобруновнѣ свое имя и происхожденіе. 5. Съ попавшеюся ему въ руки метлою Боба перебилъ Лукоперовыхъ богатырей и войско. Живетъ съ Маркобруновной, какъ съ женой. 6. Боба поѣхалъ въ Лукоперово царство; на дорогѣ монахъ вызвался напоить его коня и исчезъ съ конемъ; Боба идетъ пѣшкомъ. 7. По приказанію короля Лукопера, богатыри сковали и поставили Бобу въ каменный столбъ. 8. Черезъ годъ Лукоперъ задумалъ его убить; богатыри спускаются въ столбъ по одному сверху, а онъ убивалъ и съ полѣнницы ихъ труповъ вышелъ изъ столба; убилъ Лукопера. 9. На пути къ Маркобруну, прежній монахъ отдалъ ему коня, далъ ягодъ двухъ сортовъ: сдѣлаться молодымъ и старымъ, и сообщилъ, что Маркобруновна выходитъ замужъ за Манзилея, королевскаго сына. 10. Встрѣтился съ Маркобруновной подъ видомъ старика; та его не признала, а конь призналъ. 11. Убилъ Манзилея и его богатырей. Маркобрунъ не отдаетъ за него свою дочь, угрожая богатыремъ Полканомъ Полканычемъ. 12. Боба ночью уѣхалъ и увезъ Маркобруновну. Маркобрунъ посылаетъ за ними въ погоню Полкана, обѣщая освободить его за услугу. Полканъ выхватилъ дубъ и кинулся на Бобу, но Боба досталъ его своимъ копьемъ, и побѣжденный Полканъ помирился съ Бобой. 13. Боба ѣдетъ къ королю сватать дочь его за Полкана. 14. Безъ Бобы жена его родила двухъ сыновей. Полканъ, защищая ее отъ льва, былъ убитъ. Маркобруновна нанялась въ городѣ въ прачки, а Боба, считая ее убитою, женится на той королевской дочери, которую онъ сваталъ было за Полкана. 15. Маркобруновна послала къ нему на свадьбу своихъ сыновей, кои тотчасъ послѣ рожденія стали ходить. На вопросъ Бобы они сказали, что ихъ мать Вѣна Маркобруновна, а отецъ Боба королевичъ, мать живетъ въ прачкахъ. 16. Боба отказался отъ своей невѣсты. На угрозу короля-тестя богатырями, сынъ Бобы вышелъ на поединокъ съ самымъ сильнымъ богатыремъ короля и убилъ его. 17. Съ дѣтьми и съ женой Боба отправился къ отцу, а когда тотъ не призналъ его за сына, убилъ его и самъ остался королемъ.

Упрощенный пересказъ извѣстной лубочной сказки, не безъ отсебятины. Личность (?) Полкана совсѣмъ не выяснена: какую „волю" обѣщаетъ ему Маркобрунъ (§ 12, стр. 175), совершенно не ясно. Въ одномъ мѣстѣ (§ 4, стр. 172) Сенбалдою названъ отецъ Бобы, а въ другомъ (§ 17, стр. 176) этотъ Сенбалда названъ дядькою. Есть небольшая путаница и въ хронологіи (§ 7 и 15).

Изъ лубочныхъ изданій данной сказки я встрѣтилъ нынѣшнимъ (1914 г.) лѣтомъ у крестьянина с. Куяшей Екатеринбургскаго у., родственника покойнаго († 1912) Ломтева, изданіе 1912 г. подъ заглавіемъ: „Полная сказка о сильномъ, славномъ и храбромъ витязѣ Бовѣ Королевичѣ и о прекрасной супругѣ его королевнѣ Дружневнѣ. Изложилъ И. Кассировъ“. (Типографія Т-ва И. Д. Сытина. М. 1912). Но Ломтевъ разсказалъ мнѣ сказку въ 1908-мъ году.—Старые списки этой сказки изданы Ѳ. И. Булгаковымъ въ „Памятникахъ Древней Письменности“ (вып. I, 1879, стр. 45—81): Сказания про храбраго витезя про Бову Каралевича.—Запись изъ народныхъ устъ имѣется у Худякова I, № 36, стр. 127—132.—Изслѣдованіе Е. Н. Елеонской въ Этнографическомъ Обозрѣніи 1905, № 1, стр. 158—166: Нѣсколько замѣчаній о русскихъ сказкахъ.

№ 19: Иванъ царевичъ и царевна старушка [лягушка] (стр. 177—182). 1. Царь далъ своимъ тремъ сыновьямъ по стрѣлочкѣ: куда ваши стрѣлочки полетятъ, туда и поѣзжайте сватать невѣстъ. У млацшаго сына Ивана стрѣлка улетѣла въ болото къ старушкѣ. 2. Она накормила Ивана Ц. и сказала ему, что ночью она молодая, а скоро и всегда будетъ молодою; перебросивъ съ руки на руки кольца, она показалась Ивану Ц. молодой красавицей. 3. Братья смѣются надъ нимъ. Иванъ выпросилъ у отца особую себѣ комнату. 4. Отецъ велѣлъ испечь каждой изъ трехъ невѣстокъ по хлѣбу: которая лучше испечетъ. Старушка развела на холодной водѣ и разлила въ холодную печь; другія невѣстки послали служанку смотрѣть за ней, но сдѣлали по своему. 5. Хлѣбъ старушки оказался лучшимъ; хлѣба прочихъ испечены очень плохо. 6. Царь выдалъ поровну полотна и велѣлъ всѣмъ тремъ сшить по рубашкѣ. Старушка изорвала полотно въ ленты и пустила по вѣтру. Прочія наняли сшить на машинкѣ. 7. Рубашка старушки оказалась лучшей: нѣтъ и швовъ, какъ отлитая. 8. На званый обѣдъ къ царю старушка прибыла въ золотой каретѣ, съ форрейторами. 9. На обѣдѣ старушка ѣстъ мясо и кости кладетъ за ошлагъ, туда же льетъ и остатки супа. Другія невѣстки ей въ этомъ подражаютъ, и у нихъ изъ рукавовъ течетъ. Старушка предложила царю сдѣлать вокругъ дворца садъ и прудъ; махнула лѣвымъ рукавомъ, образовался садъ и прудъ, махнула правымъ—въ пруду заиграла рыба и появилось судно для катанья. Тѣ невѣстки тоже махнули, но у нихъ брызги и кости полетѣли мужьямъ и царю въ лицо. Катаются по пруду. 10. Старушка на ночь снимала перстень съ руки и клала въ цечурку; Иванъ царевичъ бросилъ этотъ перстень въ море. Старуха сдѣлалась голубкой и улетѣла къ чудовищу морскому въ тридевятое государство. 11. Иванъ Ц. пошелъ на розыски. Въ тридевятомъ государствѣ въ дикомъ лѣсу зашелъ къ старухѣ, которая оказалась теткой его жены. Старуха дала ему мечъ и клубочекъ для указанья дороги. 12. Чудовище вышелъ съ богатырями и съ войскомъ, но Иванъ Ц. мечемъ замелъ ихъ; мечемъ же смелъ стѣну у дворца и

увидѣлъ свою жену красавицей. 13. Слуги изъ колецъ ея накормили ихъ, а потомъ сдѣлали корабль, бѣгающій морями и лѣсами. Теткѣ возвратили ея мечъ. 14. Прибыли домой. 15. На пиру гости Ивана Ц. всѣхъ нараднѣе.

Это сказка о царевнѣ-лягушкѣ, которую намъ сказочникъ для чего-то (въ цѣляхъ реализма?) превратилъ въ старушку. Варіанты см. ниже № 28: Лягушка и Ипатъ (стр. 231—236) и пересказъ на стр. 270 (№ 2); у Аѳанасьева № 150: Царевна-лягушка; въ Курскомъ Сборникѣ IV, № 2, стр. 82 и слѣд.: Лягушка.

Три выслушанные мною въ одномъ уѣздѣ варіанта этой сказки свидѣтельствуютъ о ея распространенности. Подъ „лягушкою“, повидимому, сказочники разумѣли (на извѣстной ступени развитія русской сказки) жену инородческаго происхожденія, взятую русскимъ женихомъ: при видимой невзрачности и дикости, она оказывается хорошею хозяйкою. Между прочимъ, засовываніе на пиру остатковъ пищи въ рукава и потомъ выбрасываніе ихъ (иногда во время пляски) напоминаетъ мнѣ чувашскій свадебный обрядъ: во время снятія съ молодой покрывала, пляшущіе выкидываютъ изъ рукавовъ муку (Магницкій, Матеріалы къ объясненію старой чувашской вѣры, 212); этотъ обычай свадебнаго обсыпанія извѣстенъ и въ русскомъ народѣ (обсыпаютъ хмѣлемъ, зернами), но только обсыпаютъ не изъ рукавовъ, не во время пляски и не мукой.

№ 20: Иванъ купеческій сынъ и Елена поповская дочь (стр. 182—187). 1. Купецъ завѣщалъ своему сыну Ивану сватать невѣсту тамъ, куда залетитъ его стрѣлка. Стрѣлка залетѣла къ попу, который и отдалъ Ивану старую дѣву Елену. 2. На брачномъ ложѣ новобрачная бьетъ жениха своимъ шелковымъ поясомъ и потомъ сбѣжала отъ него къ своему старому любовнику Харку Харковичу Солону Солонычу. 3. Иванъ ищетъ жену. Яга Ягишна, въ своей избушкѣ на козьихъ рожкахъ, накормила его и не велитъ ему ѣхать: убьютъ; у Харка Х. вокругъ дома тынъ, и на каждой тынинѣ по человѣчьей головѣ, на одной тынинѣ еще нѣтъ. 4. Вторая Яга Яг.—то же самое и, кромѣ того, научила его идти къ Харку пѣшкомъ, взойти на стеклянный мостикъ у Харкова двора и кричать: „Барыня, прости! государыня, прости!“ 5. Все такъ сдѣлалъ; барыня простила и спрятала въ своей комнатѣ подъ кроватью. 6. Прилетѣлъ Харкъ Х., хотѣлъ было голову Ивана повѣсить на тынъ, но, по просьбѣ матери, простилъ. 7. Уѣзжая, Харкъ не велитъ ходить Ивану въ третью комнату. Тотъ въ первой комнатѣ увидѣлъ свою жену, съ которой ничего не сказалъ, а въ третьей комнатѣ—дѣвицу-красавицу, съ коей онъ танцуетъ; проситъ въ этомъ прощенія у барыни (стоя на стеклянномъ мостикѣ), а та выпросила ему прощеніе отъ Харка. 8. Харкъ не велитъ ему ходить въ одну конюшню. Иванъ зашелъ, гоняетъ тамъ престарѣлаго коня, а потомъ проситъ въ этомъ прощенія, стоя на стеклянномъ мостикѣ, у барыни. Та выпросила ему прощеніе у Харка. 9. Иванъ взялся украсть для Харка царевну Марѳу, за коей летаетъ Харкъ; взялъ корабль съ музыкантами, предлагаетъ

царевнѣ послушать музыку. Царевна послала сначала своихъ служанокъ, коимъ очень понравилась музыка. 10. Когда пришла слушать царевна, Иванъ служанокъ ея уже не пустилъ на корабль, а царевну увезъ. 11. Харкъ далъ ему плеть и научилъ его избить жену Елену. 12. Далъ Ивану своего стараго любимаго коня. Яга ему говоритъ, что Елена отправилась уже домой, останавливалась у ней на дорогѣ. 13. То же и другая Яга. Дома Иванъ засталъ свою жену, которая больше уже никуда не бѣгала.

Сказочная тема очень обычная: мужъ ищетъ свою жену, но жена здѣсь не похищена, какъ то обычно, а сбѣжала сама. Имя чудовища тоже оригинально; сказочникъ Ломтевъ думалъ, что это имя дано за безобразіе героя: имя Солóнъ онъ связывалъ съ словомъ соль.

Головы на тынинахъ кругомъ двора (§ 3, срв. мои Вятскія сказки № 86, § 17, стр. 271), столь обычная въ русскихъ сказкахъ черта, повидимому, черта бытовая: у башкиръ Челябинскаго и Екатеринбургскаго уѣздовъ есть обычай вѣшать на кольяхъ кругомъ двора головы (черепа) съѣденныхъ лошадей; цѣль—предохраненіе отъ злого глаза скота. У великоруссовъ Сарапульскаго уѣзда Вятской губерніи конскія головы (черепа отъ падали) вѣсятъ на колья изгороди, окружающей пчельникъ,—чтобы лучше велись пчелы.

№ 21: Микула шутъ (стр. 187—193). 1. Попъ встрѣтилъ Микулу шута на пашнѣ и попросилъ его „загнуть зипунъ“ (выкинуть какую-нибудь шуточку). Микула выпросилъ у попа одежду, чтобы сходить домой за бàломъ (приспособленіемъ для гнутья). Попъ остался пахать, въ мужицкой одеждѣ. 2. Микула выпросилъ у попадьи тысячу рублей, нужныхъ на покупку будто бы купленнаго попомъ дома. Попъ прибылъ домой, узналъ о „шуткѣ“ Микулы и ищетъ его. 3. Микула одѣлся дѣвицей и, выдавъ себя за сестру Микулы, взятъ попомъ въ прислуги. 4. Три дочери попа беременны отъ Микулы. Чтобы узнать полъ Микулы, попъ посылаетъ съ нимъ въ баню сначала своихъ сыновей, а потомъ жену. [Тутъ пропущенъ мною неприличный эпизодъ]. 5. Купцы сватаютъ дочерей попа и предлагаютъ условіе [оно мною опущено, какъ неприличное], подъ которое поповны не подошли, а прислуга Микулишна подошла и повѣнчана. 6. На брачномъ ложѣ Микула выпрашиваетъ у жениха двѣсти рублей, якобы лѣкарство отъ боли въ животѣ и въ сердцѣ; спущенъ женихомъ въ окно на холстѣ для отправленія естественной потребности и тамъ привязалъ къ холсту за рога козу. 7. Женихъ и дружки, считая козу оборотнемъ невѣсты, убили ее и зарыли въ навозѣ. 8. Микула приходитъ къ попу въ мужской одежѣ и обѣщается отдать ему тысячу рублей, если онъ покажетъ ему жениха его сестры. Купецъ принужденъ былъ сознаться, что новобрачная ими убита, и отдалъ Микулѣ за молчаніе 200 рублей, а попъ за то же—тысячу рублей.—9. Микула убилъ свою лошадь и пошелъ на ярманку продавать кожу. Ночуютъ съ башкиромъ въ пустомъ домѣ, куда явились купецъ и купчиха [опущенъ неприличный эпизодъ], потомъ бѣжавшіе и оставившіе свою одежду. 10.

Идя въ одеждѣ купца мимо купеческаго дома, Микула получаетъ за одежду сто рублей и столь же отъ барыни въ другомъ домѣ. 11. Въ своей деревнѣ на сходкѣ Микула показываетъ свои 1600 рубл. и увѣряетъ, что получилъ ихъ за конскую кожу. Мужики прикололи своихъ коней, кожи повезли продавать, но никто не покупаетъ; рѣшили убить Микулу. 12. Хотятъ утопить Микулу въ проруби; пока мужики ходили за ломами, связанный Микула помѣнялся ролями съ купцомъ, коего увѣрилъ, что его садятъ царить въ окунино царство. 13. Микула на купеческой тройкѣ увѣрилъ мужиковъ, что онъ выбралъ лошадей въ проруби; мужики бросились въ проруби за конями. 14. Мужики утонули. 15. Бабы поймали Микулу и привязали къ дереву; когда пошли домой за вальками, чтобы убить его, Микула помѣнялся ролями съ молодцомъ, коего увѣрилъ, что бабы насильно хотятъ женить его. Бабы убили молодца вмѣсто Микулы. 16. Когда бабы ходили на гробъ мнимаго Микулы, живой Микула ихъ перепугалъ. Бабы приглашаютъ его къ себѣ въ гости, чтобы имѣть мужское потомство.

Срв. у Аѳанасьева № 223: Шутъ; у Ончукова № 269, стр. 549—551: Шутъ, и, частью, № 131, стр. 318—320; у Садовникова № 32: Шутъ Максимка; въ Живой Старинѣ 1894 г., № 2, стр. 226—229; у Худякова I, № 30: Иванъ-дуракъ и братья (есть общій эпизодъ).

„Вездѣ заперто“ (§ 6, стр. 189): эти слова новобрачнаго вполнѣ соотвѣтствуютъ мѣстнымъ чертамъ быта: молодыхъ на брачномъ ложѣ, дѣйствительно, запираютъ.—Башкиры (§ 9 и 10) живутъ здѣсь рядомъ съ русскими, сношенія съ коими у нихъ часты (срв. ниже стр. 441 и слѣд.).—Арендаторъ озера (§ 12): мѣстныя озера, дѣйствительно, сдаются въ аренду купцамъ.

№ 22: Иванъ Царевичъ и Самъ съ нокоть-борода съ локоть (стр. 193—199). 1. Иванъ царевичъ ходилъ по лѣсу и повстрѣчался съ Горыней богатыремъ, потомъ съ Усыней, и пошли всѣ трое вмѣстѣ. Нашли въ лѣсу запертый домъ; Иванъ Ц. сломалъ замокъ (названные братья не могли): во дворѣ много скота. Наѣлись. 2. Вдвоемъ пошли рубить дрова, а Усыню оставили варить мясо на ужинъ. Самъ съ нокоть избилъ Усыню, пищу испортилъ и ушелъ. Усыня сказался братьямъ больнымъ отъ угара. 3. На другой день Горыню оставили, и его избилъ Самъ съ нокоть. 4. На третій день остался Иванъ Ц. варить, избилъ Самого съ нокоть и выбросилъ во дворъ. 5. Всѣ трое ищутъ хозяина, который ихъ билъ; нашли провалище и спустили туда Ивана Ц. въ зыбкѣ на длинномъ канатѣ. Тамъ внизу домъ. 6. Въ дому три дѣвицы. 7. Третья дѣвица, красавица, обѣщаетъ сказать ему, гдѣ хозяинъ, при условіи, если онъ потомъ на ней женится. Иванъ Ц. согласенъ; дѣвица научила его переставить одинъ на мѣсто другого боченки съ живой и мертвой водой. 8. Иванъ Ц. избилъ Сама съ нокоть сонного въ подвалѣ; Самъ напился потомъ мертвой воды, вмѣсто живой, и его разорвало на три части. 9. Горыня и Усыня вытащили въ зыбкѣ трехъ дѣвицъ, а Ивана Ц. не вытащили. Третья дѣвица—дочь мѣстнаго купца, увела ихъ въ

свой городъ. 10. Иванъ Ц. спасъ, во время бури, дѣтей Могутъ-птицы, закрывъ ихъ отъ града своимъ пальто. Могутъ-птица за то вынесла его черезъ провалище на тотъ свѣтъ, причемъ сначала онъ настрѣлялъ для нея дичи ся лукомъ. 11. Иванъ Ц. случайно приходитъ въ городъ, гдѣ свадьба его третьей, купеческой, дѣвицы съ Горыней. Ивана Ц. заперли въ курятникѣ, такъ какъ онъ, толкаясь въ тѣснотѣ, многихъ изувѣчилъ. Невѣста узнала о томъ отъ человѣка съ отбитою рукой, коему она подавала вино; пришла въ курятникъ и привела Ивана Ц. въ комнаты. 12. Иванъ Ц. простилъ Горыню и Усыню, приказавъ имъ повѣнчаться съ двумя прочими дѣвицами. 13. Иванъ Ц. въ банѣ перебросилъ съ руки на руки кольцо: 25 ухорѣзовъ подали ему царскую одежду. Онъ выпилъ три ведра вина. 14. Спитъ три часа—храпитъ такъ, что весь домъ трясется. 15. Слуги изъ кольца подали ему карету на тройкѣ коней, и онъ уѣхалъ домой съ женой.

Какъ появилось у Ивана Ц. волшебное кольцо (§ 13), въ сказкѣ совсѣмъ не выяснено.—*Могутъ-птица* (§ 10)—вѣроятно, передѣлка, подъ вліяніемъ слова могутный (=могучій) изъ Моголь или Могуль (см. въ архангельской сказкѣ у Аѳанасьева № 93: Кощей Безсмертный; Этнографическій Сборникъ, VI, статья Рыбникова, стр. 13).

Срв. ниже № 43, стр. 279—280; мои Вятскія сказки № 45, стр. 170—173; Пермскій Сборникъ II, отд. II, стр. 168—171: Ивашко-медвѣжьи уши (его товарищи носятъ имена: Усыня и Дубина; старикъ „самъ въ перстъ, борода съ локоть"; сказка записана въ Шадринскомъ уѣздѣ); у Худякова II, № 42, стр. 14—20: Усыня; у Иваницкаго № 5, стр. 174: Горыня, коромысло и Иванъ-Богатырь; у Аѳанасьева №№ 80 и 81 (первый: Зорька, Вечорка и Полуночка, ближе къ нашей сказкѣ въ частностяхъ); у Эрленвейна № 29, стр. 123—126: Алеша Поповичъ".

№ 23: Про Францеля. (Рога) (стр. 199—207). 1. Францель жилъ у царя и за свою красоту получалъ изъ банка, 12 разъ въ годъ, сколько умѣлъ взять (ума у него было мало). Пошелъ погулять по бѣлому свѣту. 2. Сошелся съ двумя молодцами, назвались братьями. Съ голоду, по предложенію Францеля, дважды кидаютъ жребій о томъ, кого изъ трехъ ѣсть; жребій оба раза падаетъ на Францеля, но товарищи его не трогаютъ. 3. Зашли въ хорошій домъ и, не спросившись, наѣлись; легли отдыхать. 4. Въ домъ прилетѣли три дѣвицы. Францель объяснилъ имъ, откуда онъ. 5. Дѣвицы предложили путникамъ платоническій бракъ. Черезъ три года одинъ изъ путниковъ нарушилъ, на словахъ, требованія такого брака, и товарищи, по условію, были выгнаны дѣвицами. (Дѣвицы улетали на моленье). 6. Подарки дѣвицъ: кошелекъ (Францелю), кафтанчикъ и трость. 7. Францель на дорогѣ узналъ цѣнность этихъ подарковъ: кошелекъ — самотрясъ (серебро изъ него сыплется), кафтанчикъ—невидимка (надѣвшаго его не видно), махнуть палкой—выйдетъ полкъ солдатъ. 8. Францель нанялъ ямщика и доѣхалъ до города. 9. Покупаетъ домъ, на оцѣнку коего пріѣзжалъ самъ царь; плата за домъ: насыпать кругомъ дома до

нижнихъ оконъ серебра. 10. Послалъ карету за своими товарищами. 11: Въ воскресенье Францель пріѣзжаетъ въ монастырь, стоитъ въ храмѣ между царемъ и царской дочерью; послѣдняя все время смотритъ на Францеля и приглашаетъ его къ себѣ въ гости въ садъ. 12. Будучи въ гостяхъ, Францель показываетъ царской дочери свой кошелекъ-самотрясъ. Та взяла кошелекъ себѣ, а Францеля велѣла избить солдатамъ и засадить въ отхожее мѣсто. Францелю потомъ удалось сбѣжать. 13—14. То же самое (§§ 11—12) повторяется, причемъ Францель выпросилъ у братца кафтанчикъ-невидимку, который и попалъ въ руки царской дочери. 15. Дома Францель объясняетъ, что былъ въ гостяхъ. 16—17. Повторяется прежняя исторія съ царской дочерью, которая отняла теперь волшебную трость, а Францеля велѣла убить и бросить въ оврагъ. 18. На могилѣ Францеля выросло древо, а онъ ожилъ (его пожалѣла названная жена), съѣлъ одну ягоду съ дерева и сдѣлался рогатымъ, горбатымъ и хвостатымъ; съѣлъ другую, и сдѣлался молодцемъ-красавцемъ. Набралъ себѣ тѣхъ и другихъ ягодъ. 19. Одѣлся старикомъ и пришелъ во дворецъ продавать свои ягоды; служанкѣ далъ красивую ягоду, царской дочери—безобразную. 20. У царской дочери выросли рога, горба и хвостъ. Она обѣщается выйти замужъ за того, кто ее вылѣчитъ, въ чемъ и даетъ подписку Францелю, нарядившемуся старикомъ. 21. Францель жестоко избиваетъ больную въ банѣ, и она возвращаетъ ему его кошелекъ-самотрясъ, кафтанчикъ и трость. 22. Вылѣчилъ, и они повѣнчались.

Сильно расцвѣченный варіантъ сказочной темы „Рога" (=Три волшебныя вещи и чудесные плоды), варіанты коей имѣются въ Gesta Romanorum. Срв. ниже башкирскую сказку на ту же тему № 99 (стр. 453—456) и выше № 3: Царь-дѣвица. Срв. у Аѳанасьева № 113: Рога; Худяковъ I, № 9, стр. 40—42: Офицеръ и барыня; Ончуковъ № 150, стр. 358—363: Мѣдный лобъ; Зеленинъ, Вятскія сказки № 28, стр. 111—119: Казакъ-Горемыка; Эрленвейнъ № 15, стр. 78—82: Три брата; Ефименко, Матеріалы по этнографіи Арханг. губ. II, 231, № 5: О солдатѣ Мартышкѣ.

Болѣе оригинальныя черты нашей сказки: три таинственныя дѣвицы-богомолки съ ихъ платоническимъ бракомъ (§ 5, стр. 200—201; разсказчикъ, повидимому, разумѣлъ подъ ними старообрядческихъ отшельницъ-скитницъ, и нынѣ встрѣчающихся въ лѣсахъ Урала), а также плата Францелю за красоту (§ 1, стр. 199). Имя героя Фра́нцель взято, конечно, изъ извѣстной лубочной сказки о Францылѣ Венціанѣ, съ которой наша сказка ничего общаго по содержанію не имѣетъ.

№ 24: Чудо лѣсное (стр. 207—214). 1. Воробей съ мышью посѣяли конопли и потомъ затѣяли судъ, такъ какъ мышь не могла залѣзать на высокую коноплю. По общему рѣшенью, судьей будетъ тотъ, кто кого осилитъ; левъ дерется съ орломъ и отломилъ у орла крыло. 2. Охотникъ хочетъ застрѣлить орла, но тотъ проситъ прокормить его три года, обѣщая награду. 3. Прокормилъ три года. Орелъ дважды сбрасывалъ съ себя на лету охотника, пугая его. 4. Орелъ привезъ мужика къ своей старшей сестрѣ, но та не согласилась отдать отцов-

скій сундучекъ, и орелъ сжегъ ея домъ. 5. Вторая сестра отдала сундучекъ, но не велѣла отворять его вплоть до двора. 6. Мужикъ, думая, что въ сундучкѣ ничего нѣтъ, открылъ его на лужку: вышло царство, слуги угощаютъ. 7. Чтобы собрать это царство въ сундукъ, мужикъ пожелалъ Чуда морского или Чуда лѣсного. Явилось къ нему Чудо лѣсное и выпросило за работу то, что мужикъ въ своемъ домѣ не знаетъ. Придя домой, мужикъ узналъ, что жена безъ него родила сына. 8. Сынъ, выучившись, увидѣлъ отцовскія записи въ комодѣ и самъ отправился къ Чуду лѣсному на пожираніе. 9. Зашелъ въ избушку къ старушкѣ, которая научила его залѣзть въ старый корабль у моря и украсть платье дѣвицы-дочери Чуда. 10. Дѣвица вышла за него замужъ. Роняя изъ себя на лету пухъ, дѣвица привела молодца къ своему слѣпому отцу и указала свое жилище. 11. Чудо обѣщается выдать за него свою дочь, если онъ исполнитъ три его порученія. 12. Первое порученіе: въ ночь построить на взморьѣ церковь, чтобы были попы и дьяки и утромъ звонъ. Жена передала это порученіе 25 слугамъ изъ своего кольца. 13. Получивъ отъ жены лодку, весла и топоръ, молодецъ, по наученію жены, ударилъ Чуда обухомъ по лбу, а самъ на берегъ. 14. Второе порученіе: поучить коня. (Конемъ обернется онъ самъ). Жена даетъ ему три желѣзныхъ прута, плеть и топоръ. 15. Молодецъ избилъ коня. 16. Чудо обѣщаетъ ему завтра выпариться вмѣстѣ въ банѣ и отдать дочь. Жена поняла: хочетъ изжарить въ банѣ и съѣсть. Оба плюютъ въ кувшинъ; она потомъ наговорила на этотъ кувшинъ, вылѣзла въ трубу и его вынула, а окна закрыла ставнями. Поѣхали къ отцу жениха. 17. Слюни на вопросъ зятевей отвѣтили, что хозяева „дома", а когда баня была истоплена, у слюней сила вышла и онѣ промолчали. 18. Чудо узналъ по гадательной книжкѣ, гдѣ бѣглецы, и посылаетъ зятевей въ погоню. Она обернула жениха коровой, а сама старушкой доитъ; погоня спросила и воротилась. 19. Обернула жениха церквой, а сама священникомъ; погонѣ опять сказали, что „никого не видали". 20. Чудо пѣтухомъ полетѣлъ въ погоню. 21. Дочь Чуда обернула своего жениха орломъ, а сама сдѣлалась деревомъ цвѣтущимъ. 22. Пѣтухъ рветъ цвѣты на деревѣ; орелъ рветъ пѣтуха. Пѣтухъ взмолился, обѣщая больше не трогать бѣглецовъ, и дочь его пожалѣла. 23. Пріѣхалъ къ своему отцу и повѣнчался съ дочерью Чуда.

Варіантъ сказочной темы „Морской Царь и Василиса Премудрая" (№ 125, вар. c, Аѳанасьева). Срв. ниже № 72, стр. 382—385: Мышь и воробей. Въ № 13 моихъ вятскихъ сказокъ (стр. 60—64) находимъ объясненіе нѣкоторыхъ эпизодовъ, въ данной сказкѣ не выясненныхъ; такъ, орелъ пугаетъ мужика (§ 3) за то, что тотъ билъ его—первый годъ кулакомъ, второй ногами, третій—палкой.

№ 25. Солдатъ и Смерть (стр. 214—219). 1. Солдатъ хотѣлъ ѣхать домой на кораблѣ, но уплатилъ деньги за Истиннаго Христа, и самому ему денегъ не хватило; пошелъ пѣшкомъ. 2. Наученный Христомъ, онъ нашелъ въ рощѣ мѣдную узду и бураго мерина (медвѣдя);

пріѣхалъ въ городъ на медвѣдѣ. 3. Купецъ посылаетъ солдата съ медвѣдемъ ночевать въ свой пустой домъ, гдѣ поселилась кикимора. Ночью поднялась буря, и явилась кикимора; ругаются съ солдатомъ. 4. Кикимора предложила было солдату играть въ карты, но когда солдатъ выбралъ себѣ «крести» (трефовую масть), кикимора отказалась и ушла изъ дому. Солдатъ пугаетъ ее: „если придешь, тогда я на тебя надѣваю крести!“ 5. Купецъ заплатилъ солдату сто рублей. 6. Кикимора поселилась на мельницѣ того же купца и все поломала. 7. Солдатъ выгоняетъ кикимору съ мельницы опять тѣми же «крестями». 8. Купецъ уплатилъ солдату 200 рублей. Солдатъ отпустилъ на волю своего медвѣдя.—9. Встрѣтившійся старикъ нанялъ солдата на три года стоять на караулѣ. Солдатъ стоитъ, приходитъ Смерть. 10. Солдатъ догадался, что онъ служитъ у Христа, докладываетъ, что Смерть работы проситъ. Христосъ велѣлъ Смерти морить стариковъ, а солдатъ, боясь за своихъ родителей, передалъ ей: гложи старый дубникъ. 11. Черезъ годъ Смерть опять приходитъ, солдатъ докладываетъ. Христосъ велѣлъ Смерти морить людей средняго возраста, а солдатъ, боясь за своихъ братьевъ, передалъ: гложи средній дубникъ. 12. На третій годъ Христосъ велѣлъ Смерти морить маленькихъ ребятъ, а солдатъ, боясь за своихъ племянниковъ, передалъ ей: гложи самый молодой дубникъ. 13. Смерть пришла ко Христу, когда солдатъ вздремнулъ. Христосъ удивился, что Смерть очень худа. Дѣло выяснилось, и Христосъ въ наказаніе солдату велѣлъ ему носить на горбу Смерть три года. 14. Въ городѣ Смерть хочетъ уморить одного купца. Солдатъ пугаетъ ее становымъ и исправникомъ; Смерть прячется въ табакерку солдата, а солдатъ тамъ ее заперъ и проносилъ всѣ три года. 15. Христосъ узнаётъ о всемъ этомъ. 16. Солдату не нравится рай, предлагаемый ему Христомъ за шесть лѣтъ службы: тамъ нѣтъ скрипокъ, гитаръ, табаку. 17. Царство, гдѣ много табаку, (адъ) солдату понравилось. Солдатъ пришелъ домой, гдѣ у него родители, братья и племянники.

Срв. Аѳанасьевъ, Народныя русскія легенды, № 16, стр. 53—71 (изд. 1-ое); Е. Барсовъ, Причитанія сѣвернаго края, II, 295—302; Живая Старина 1895 г., № 1, стр. 44, и 1908 г., № 2, стр. 157; А. Сержпутовскій, Сказки и разсказы бѣлоруссовъ-полѣшуковъ № 13, стр. 25: Маскаль и смерць; И. Рудченко, Народныя южнорусскія сказки II, № 42.

Первую половину нашей сказки (§§ 1—8: солдатъ выживаетъ кикимору) можно разсматривать, какъ самостоятельную сказку, съ коей срв. ниже № 33, стр. 246—250: Солдатъ учитъ чертей.

№ 26: Иванъ дуракъ. 1. Сестру Ивана дурака выдаютъ замужъ; она на плоту на озерѣ плачетъ: у меня родится сынъ Иванъ, а онъ утонетъ? Иванъ удивляется ея глупости и идетъ искать еще глупѣе народъ. 2. Видитъ: мужикъ садитъ корову на баню, чтобы скормить ей траву на крышѣ. Иванъ за три рубля скосилъ траву на крышѣ и скормилъ ее коровѣ. 3. Видитъ: мужикъ загоняетъ лошадь въ дышло и въ

хомутъ. Иванъ за сто рублей надѣлъ хомутъ и запрегъ. 4. Иванъ забрался въ ясли въ царской конюшнѣ и испугалъ конюха, къ коему пришла повариха; пойманный въ качествѣ вора, Иванъ говоритъ царю, что онъ наблюдалъ за конюхами и убѣдился, что отъ дурного поведенія конюховъ кони портятся. 5. Царь увидѣлъ, что передъ нимъ вѣрный слуга, и поручилъ ему пасти своего любимаго жеребца съ табуномъ; иностранному королю похвастался, что у него пастухъ ни за какія деньги не продастъ его любимаго жеребца. Король вызвался купить, за что онъ получитъ жеребца и три тысячи рублей. 6—8. Три дочери короля, одна за другой, покупаютъ жеребца, уплачивая Ивану своею честью и по сту рублей денегъ. Когда жеребецъ уведенъ, Иванъ свиститъ, и жеребецъ возвращается къ Ивану, обрывая веревку; а по условію продажи ворочаться за жеребцомъ нельзя. Но младшую дочь Иванъ пожалѣлъ и, привязавъ ей второй разъ жеребца, больше не свистѣлъ. 9. Иванъ совѣтуется съ своимъ малахаемъ (шапкой), повѣшеннымъ на палку, о томъ, что̀ сказать царю. Хотѣлъ было сказать, что жеребецъ утонулъ въ болотѣ, но раздумалъ: надо въ доказательство привезти ухо. 10. Надумалъ сказать правду. 11. Король и пастухъ прибыли къ царю. Узнавъ о томъ, какими неправдами купленъ жеребецъ, царь отнялъ его у короля, а Ивана наградилъ за правдолюбіе и оставилъ служить при дворѣ. 12. Иванъ трижды пинаетъ ногой свою любимую свинку, которая при этомъ каждый разъ рюхаетъ. Царю Иванъ говоритъ, будто свинка разговариваетъ съ нимъ и велитъ ему а) проситься домой на свадьбу, б) выпросить подушекъ въ карету и в) взять ее съ собою въ гости. Пріѣхалъ на свадьбу со свинкой и закололь ее.

Въ концѣ § 8 мой пропускъ: дѣвица еще разъ жертвуетъ своею честью.—Повѣрье, о которомъ говорится въ § 4 (стр. 220), дѣйствительно, распространено въ Пермской и другихъ губерніяхъ. — Плотъ на *озерѣ* (§ 1, стр. 219)—мѣстная черта: край изобилуетъ озерами.

Можно думать, что здѣсь мы имѣемъ соединеніе въ одно двухъ сказокъ: а) о глупцахъ (§§ 1—3 и 12); срв. Труды Курской Губ. Ученой Архивной Комиссіи, вып. I, 1911 г., стр. 203—209: Сказка про свинью, запись Е. И. Рѣзановой; Худяковъ II, № 76, стр. 129—131: Сынъ и мать. Эпизодъ со свиньей въ концѣ нашей сказки (§ 12) срв. ниже съ № 31-мъ. б) О пастухѣ (§§ 4—11); срв. Ончуковъ № 258, стр. 540—541: Заечей пастухъ.

№ 27: Ларокопей царевичъ (стр. 223—228). 1. Вдова царя отдала свою дочь за богатыря Ворона Вороневича. 2. Сынъ царя Василій поѣхалъ въ гости къ сестрѣ; на дорогѣ видитъ три большихъ стада зятя. Воронъ Вороневичъ Семигородевичъ (онъ въ семи городахъ былъ, семь богатырей убилъ) угощаетъ шурина чугунными орѣхами, испытываетъ его силу, заставивъ бросить боевую палицу кверху, и убилъ Василія, тѣло его закопалъ подъ столбъ. 3. То же самое случилось и со вторымъ братомъ, Иваномъ. 4. Ларокопій родился у царицы вскорѣ послѣ смерти царя, тотчасъ послѣ рожденія сталъ ходить, а трехмѣсячнымъ уже поѣхалъ на розыски братьевъ. 5. Разыскалъ стариннаго богатыр-

скаго коня и богатырское вооруженіе. Встрѣчнымъ пастухамъ говоритъ, чтобы они называли свои стада принадлежащими не Ворону В., а Ларокопью царевичу. 6. Разсказываетъ сестрѣ о себѣ. 7. Чугунные орѣхи Ларокопій щелкаетъ лучше Ворона В.; боевую палицу бросаетъ очень высоко и потомъ разшибъ ею Ворона В., закопалъ тѣло подъ серебряный столбъ, къ коему привязанъ былъ конь Ларокопья. Выкопалъ изъ-подъ столбовъ трупы братьевъ, велѣлъ сестрѣ ихъ обмыть, самъ отправился за живой водой. 8. Потребовалъ отъ Яги-бабы живой воды; когда она указала колодецъ, бросилъ туда разорваннаго голубя, и тотъ ожилъ. 9. Оживилъ братьевъ, брызгая живой водой изо-рта. 10. Пріѣхали домой вмѣстѣ съ сестрой и со стадами скота.

Срв. Эрленвейнъ № 1: Ванюша новорожденный.—Имя Ларокóпей, вѣроятно, изъ Ярополкъ?

Стр. 230. Съ разсказомъ № 9, „Василій Васильевичъ Чуркинъ", срв. книгу Н. Пастухова: Разбойникъ Чуркинъ. Народное сказаніе. М. 1883. (Эту книгу, впрочемъ, мнѣ не довелось видѣть).

№ 28: Лягушка и Ипатъ. (Царевна лягушка) (стр. 231—236). 1. Ипатъ думаетъ жениться. 2. Отецъ не даетъ ему лошади. 3. Ипатъ сдѣлалъ лодку, поѣхалъ по болоту. 4. Въ избушкѣ у бабы Яги, которая его угостила. 5. У другой Яги. 6. Идутъ сватать лягушку. У лягушъ хорошее угощеніе и хорошіе подарки. Лягушка на минуту обернулась красавицей. 7. Ипатъ возвратился домой съ подарками. 8. Свадьба. Одѣвшись въ русское платье, новобрачная сдѣлалась красавицей. 9. На другой день молодая должна печь пирожки; испекла превосходно. 10. Когда поѣхали въ гости, лягушка провалилась: кузовъ саней былъ дыроватый.

Срв. выше № 19, гдѣ (на стр. 533-й) указаны и варіанты. — Вся сказка проникнута юмористическимъ тономъ, что объясняется жанромъ даннаго разсказчика. Герой выставленъ полу-дурачкомъ, повидимому въ цѣляхъ большаго реализма. Стремленіе сказочника къ реализму проявилось во многомъ. Между прочимъ, онъ прямо ссылается на мѣстный обычай, по которому новобрачная на второй день свадьбы должна стряпать пирожки (§ 9, стр. 235). Такой обычай, дѣйствительно, существуетъ, и самый день зовется по этому поводу „пирожнымъ". Обычай этотъ разсказчикъ назвалъ „ихнымъ" (стр. 235), разумѣя, подъ „ими", вѣроятно, сѣрыхъ деревенскихъ крестьянъ, извѣстныхъ здѣсь подъ именемъ „челпáновъ".

Мышь пересѣкла дорогу — къ худу: про эту народную примѣту говоритъ Ипатъ (§ 6, стр. 233).

Живущая въ болотѣ баба Яга „русскихъ съ роду не видала" (§ 5), почему въ восклицаніи другой Яги при видѣ Ипата: „ху, неруськой духъ!" (§ 4) нужно видѣть обмолвку сказочника, вмѣсто: „ху, руськой духъ!"

№ 29: Золотой кирпичъ (стр. 236—240). 1. Одинъ изъ двухъ сыновей получилъ въ наслѣдство отъ родителей весь домъ и тысячу рублей, а второй, Иванъ дурачокъ, только сто рублей. 2. Иванъ купилъ на эти деньги кошку, собаку и клубокъ нитокъ. 3. Пошелъ вслѣдъ за клубкомъ, который случайно выпалъ изъ его кармана. 4. Въ лугахъ находитъ кирпичи, внутри коихъ золото. 5. Прибылъ старичокъ на пароходѣ съ пустой баржей; нагрузили кирпича полную баржу, чтобы везти на ярмарку. 6. На эту ярмарку пріѣхалъ также и братъ Ивана съ тремя баржами товара. 7. У короля умерла дочь, съѣдавшая каждую ночь по человѣку. Король требуетъ, чтобы купцы поочередно караулили ея тѣло въ часовнѣ. Ивановъ братъ, на коего выпалъ жребій караулить, нанялъ Ивана за баржу шолку. 8. По указанію старичка, Иванъ читаетъ въ часовнѣ книжечку, а когда дѣвица хотѣла его съѣсть, онъ сунулъ ей въ ротъ рублевую свѣчку. 9. Другую ночь жребій палъ на Ивана. 10. По указанію старичка, Иванъ бросаетъ дѣвицѣ въ ротъ сначала пятифунтовой чугунный шаръ, потомъ десятифунтовой; беретъ ее за руку и садитъ въ стулъ. Дѣвица называетъ Ивана своимъ женихомъ. 11. Обвѣнчали; приданаго три корабля. 12. Ѣдутъ домой трое. Дѣдушка требуетъ дѣлить жену, и Иванъ принужденъ былъ перерубить ее топоромъ по брюху, откуда повалились змѣята и чертята. Дѣдушка обмылъ, и дѣвица ожила. 13. Дѣдушка исчезъ. 14. Иванова жена влюбилась въ брата Иванова; они поѣхали вмѣстѣ на пароходѣ заграницу, захвативъ съ собою и Ивана. 15. Бросили Ивана въ воду. Явился дѣдушка.

Варіантъ этой сказки-легенды записанъ А. А. Шустиковымъ въ Каргопольскомъ уѣздѣ Олонецкой губерніи подъ заглавіемъ „Человѣкъ обдилитъ, такъ Богъ надилитъ“ (Рукопись, доставленная въ Географическое Общество въ 1913 году); здѣсь дѣдушка нашей сказки прямо названъ: „Святитель Николай Чудотворецъ“. Срв. „Сказку о Марьѣ прекрасной“, записанную въ Слободскомъ уѣздѣ Вятской губ., въ рукописи Н. Г. Кибардина 1850-хъ годовъ (Арх. Геогр. Общ. X, 54; напечатано въ сборникѣ великорусскихъ сказокъ 1914 г., № 142, стр. 418—419).—Съ эпизодомъ 12 (разрубаніе и обмытіе внутренностей жены) срв. Аѳанасьевъ, Легенды № 4: Исцѣленіе, и лубочную сказку о Силѣ-царевичѣ и объ Ивашкѣ-бѣлой рубашкѣ, напечатанную Аѳанасьевымъ въ примѣчаніи къ № 175-му его сказокъ.

№ 30: Мужикъ и злая баба (стр. 241—242). 1. Жена посылаетъ мужа воровать крупчатную муку, изъ коей она испечетъ хлѣбъ хуже ржаного, такъ что сосѣди не догадаются. 2. Мужикъ укралъ въ лавкѣ два пуда муки. 3. Одинъ изъ семи хлѣбовъ потерялся въ печи: попалъ подъ прочіе. 4. Мужикъ бьетъ бабу, а та его дразнитъ «вшивикомъ»; когда, лежа подъ лавкой, не могла уже говорить, то ногтемъ давитъ на полу, намекая на того же „вшивика“. 5. Мужикъ подрубилъ жерди, по коимъ переходили черезъ рѣку; позвалъ жену рубить дрова; не совѣтуетъ ей итти впередъ и трястись на жердяхъ; та на зло покачалась на жердяхъ и утонула.

Срв. ниже стр. 270: изложеніе сказки Шешнева «Злая жена». Срв. у Аѳанасьева № 236: Сказка о злой женѣ. Эпизодъ 4 срв. со сказкой Аѳанасьева № 237, вар. с.—Въ селѣ Метлинѣ, гдѣ теперь живетъ разсказчикъ, есть паровая мельница и при ней мучная лавка, гдѣ продается исключительно пшеничная мука; ржаной хлѣбъ въ здѣшней мѣстности мало употребляется и рѣдко гдѣ продается.

№ 31: Стрехулетъ. (Вороватый мужикъ) (стр. 242—244). 1. Стрехулетъ [строкулистъ, приказный] бѣжитъ съ дудкой въ рукѣ „людей надувать“ [обманывать]; богатый дворянинъ проситъ его: «надуй меня», и даетъ ему верховую лошадь, чтобы съѣздить за товарищемъ. 2. У стрехулета лошадь (скрытно удерживаемая всадникомъ) нейдетъ: привычна де парой итти; и баринъ даетъ ему вторую лошадь; стрехулетъ исчезъ. 3. Баринъ ѣдетъ въ погоню на тройкѣ лошадей. Стрехулетъ выворотилъ свой халатъ и поддерживаетъ на большой дорогѣ якобы падающую (въ дѣйствительности—кривую) березу; онъ будто бы видѣлъ верхового съ парою коней и готовъ нагнать его, если кучеръ съ бариномъ безъ него подержатъ падающую березу. 4. Пріѣхавъ къ барскому саду, ползаетъ на колѣняхъ за барской свиньей: „свинка пестра моему сыну крестна, я ее зову на свадьбу“; барыня отпустила на свадьбу свинью вмѣстѣ съ поросятами. 5. Баринъ отпустилъ березу, которая не упала; нанялъ въ деревнѣ лошадей; хотѣлъ закусить поросенкомъ, но не привелось.

Срв. Аѳанасьевъ № 220: Вороватый мужикъ; Труды Курской Архивной Комиссіи, вып. 1, 1911, стр. 203—209: Сказка про свинью; рукопись В. Н. Бондаренко 1890 г. въ Архивѣ Геогр. Общ. (XL. 34), гдѣ сказка Кирсановскаго уѣзда Тамбовской губерніи „Жуликъ московскій“.— Съ эпизодомъ 4 срв. выше № 26, § 12, стр. 223; Худяковъ II, № 76, стр. 130: Сынъ и мать; Иваницкій № 39, стр. 204: Глупый народъ.

Трактовыя дороги въ Пермской губерніи обсажены старыми березами, охрана коихъ прежде лежала на обязанности жителей (§ 3, стр. 243).

№ 32: Дядя съ племянникомъ (стр. 244—246). 1. Дядя зоветъ своихъ племянниковъ воровать; старшій племянникъ, идя по лѣсу, указываетъ дядѣ на березу, изъ коей можно сдѣлать соху, середній — на березу, изъ коей можно сдѣлать вилы; оба не годятся. 2. Младшій неслышно отрѣзалъ ножомъ подошву дядиныхъ сапогъ, когда дядя показывалъ ему свое искусство—вытаскивалъ яица изъ-подъ утки. 3. На большой дорогѣ крадутъ козла у прохожаго: племянникъ бросаетъ на дорогу, впереди мужика, сапогъ, сначала въ одномъ мѣстѣ, потомъ въ другомъ; мужикъ возвращается къ первому, не подобранному имъ, сапогу и теряетъ козла. 4. Козла закололи и сварили мясо. Дядя отказывается мыть кожу, за что его племянникъ наказываетъ: хлопаетъ по кожѣ, а самъ кричитъ: „не я вѣдь одинъ!“ Дядя убѣжалъ домой; мясо и кожа достались племяннику.

Начало извѣстной сказки о ворѣ (продолженіе см. ниже №№ 47, 49 и 50), изложенной уже у Чулкова (Рускія сказки, II, стр. 32, № 3; начало близко къ нашей сказкѣ). У Аѳанасьева срв. № 219, h: Воръ; у Ончукова № 59, стр. 157—160: Воръ-Барма Деревенской и Шишъ Московской; № 160, стр. 396: Барма, и № 197, стр. 461: Воръ Мамыка. У Садовникова эпизодъ съ сапогами (§ 3) въ сказкѣ № 32: Шутъ Максимка (стр. 145).

№ 33: Солдатъ учитъ чертей (стр. 246—250). 1. Солдатъ шелъ на родину; застигнутый вечеромъ непогодой, остановился ночевать въ большомъ домѣ съ разбитыми стеклами. 2. Въ домъ явилось много чертей; солдатъ углемъ начертилъ кресты на окнахъ въ комнатѣ, у себя на лбу, а затѣмъ и на тѣхъ дверяхъ, въ кои черти взошли, такъ что они не могутъ выйти. Грозя чертямъ длинной палкой съ начерченными на ней крестами, учитъ ихъ военнымъ пріемамъ и переписалъ ихъ на березовой корѣ. Прибывшій сатана не могъ зайти въ домъ. Черти предлагаютъ ему мѣшокъ съ золотомъ, но солдатъ отказался. 3. Разсказываетъ обо всемъ хозяину дома, показываетъ ему ученье чертей. 4. Черти расписались на березовой корѣ, что больше въ этотъ домъ ходить не будутъ, и отпущены солдатомъ.

Срв. Зеленинъ, Вятскія сказки № 40, стр. 157—160: Солдатъ и черти. Срв. выше № 25, стр. 215.

№ 34: Колдунъ и солдатъ (стр. 250—252). 1. Солдатъ идетъ домой, остановился ночевать въ домѣ, гдѣ пируютъ свадьбу. 2. Колдуну, сидящему въ переднемъ углу, не понравилось, что солдатъ держитъ себя очень развязно; онъ сдѣлалъ солдату замѣчаніе, а потомъ подалъ ему кружку наговореннаго пива. Солдатъ пляшетъ. 3. Солдатъ незамѣтно насыпалъ въ кружку пива нюхательнаго табаку и подалъ колдуну; колдунъ свалился.

Бытовая картинка изъ недавняго прошлаго, когда на крестьянскихъ свадьбахъ колдунъ былъ необходимымъ и самымъ почетнымъ гостемъ.

№ 35: Новая изба и черемисинъ (стр. 252—256). 1. По черемисскому обычаю новую избу долженъ освятить ихъ языческій попъ, при чемъ окна въ избѣ заколачиваютъ, а внутри стелютъ солому. 2. Солдатъ, для шутки, вынулъ западню у печи, а отверстіе въ полу закрылъ соломой. 3. Попъ ходитъ въ запертой избѣ, совершая свой обрядъ; въ четвертомъ углу свалился въ яму и на обрядовый вопросъ домохозяина: „кто тамъ ходитъ?“ отвѣтилъ: „чортъ ходитъ“ (вмѣсто должнаго: „пророкъ ходитъ съ хлѣбомъ-солью).

4. Когда происходилъ обычный у черемисъ обрядъ изгнанія шайтана, солдатъ, изображая изгоняемаго шайтана, надѣлъ на себя козлиную шкуру и прыгаетъ за деревней, брызгая керосиномъ и поджигая его на воздухѣ. Черемисы испугались и убѣжали назадъ. 5. Солдатъ предлагаетъ черемисамъ свои услуги—выжить шайтана [чорта] и увѣряетъ ихъ, что весной придетъ изъ Самарской губерніи большой шайтанъ. 6. Солдатъ выписалъ со своей родины, изъ Самарской губерніи, верблюжью шкуру, снятую для чучела, набилъ ее и поставилъ въ рощу, гдѣ у черемисъ происходятъ моленія; сдѣлалъ приспособленіе, чтобы верблюдъ моталъ головой. 7. Въ день черемисскаго моленья солдатъ скрытно дергаетъ морду верблюда, а товарищъ его издалека пугаетъ ѣдущихъ черемисъ, увѣряя ихъ, что это большой шайтанъ, съѣвшій уже троихъ солдатъ. Черемисы даютъ ему 300 рублей; сами пробуютъ стрѣлять, но тщетно: шайтана пуля не беретъ. 8. Получивъ деньги, солдаты сожгли мнимаго шайтана. 9. Солдатъ лѣчитъ судорогу у черемисина, растягивая его веревками, и получаетъ за труды деньги.

Сказка, повидимому, заносная: черемисы близко здѣсь не живутъ. Обрядъ изгнанія шайтана у черемисъ, дѣйствительно, совершается ежегодно. У черемисъ Красноуфимскаго уѣзда Пермской губерніи, ближайшихъ къ мѣстожительству нашего сказочника, обрядъ этотъ совершается въ ночь на Великую пятницу; тогда, „по окончаніи игры черемисы подходятъ къ огню, берутъ по головнѣ и, обошедъ съ ними вокругъ огня три раза, втыкаютъ ихъ въ землю, въ увѣренности, что воткнули въ сердце *шайтана*—злого духа. Потомъ, взявъ еще по головнѣ, идутъ съ ними по направленію къ деревнѣ и, взмахнувъ два раза, въ третій бросаютъ и бѣгутъ въ деревню съ шумомъ и крикомъ, наигрывая въ то же время въ пузырь (волынку) и барабаны; стучатъ палками въ стѣны домовъ, службъ и прочее, стрѣляютъ въ мнимаго шайтана... Проводивъ шайтана за деревню, раскладываютъ тамъ огонь, молятся, перескакиваютъ черезъ пламя, отряхивая одежду; тутъ же втыкаютъ въ землю (въ мнимаго шайтана) ножикъ“ (Этнографическій Сборникъ, VI, 1864 г., смѣсь, стр. 29, ст. Гр. Городского; о томъ же обрядѣ у черемисъ другихъ губерній см. въ книгѣ И. Н. Смирнова, Черемисы. Казань, 1889, стр. 166—167).—Объ обрядѣ же освященія новаго дома (§§ 1—3) мнѣ ничего не извѣстно.

№ 36: Николай Чудотворецъ порукой (стр. 256—257). 1. Бѣдный мужикъ Антипъ приходитъ къ скупому богачу просить взаймы денегъ; поручителемъ де будетъ Николай Чудотворецъ. 2. Позванный вновь вечеромъ, уславливается съ женой обмануть богача. 3. Вставъ передъ иконой, проситъ Николая Чудотворца поручиться; жена его за угломъ, на улицѣ, отвѣчаетъ: «поручусь». Богачъ даетъ просимые сто рублей на двѣ недѣли. 4. Не получивъ долга, богачъ идетъ продавать икону Николая Чудотворца за сто рублей, но никто не даетъ и рубля. Жена Антипа скоропостижно умерла, поскользнувшись на льду.

«Крестъ-порука» (№ 245 Аѳанасьева)—очень далекій варіантъ.

№ 37: Медвѣдко или Постоялой медвѣдь (стр. 258 — 260). 1. Старикъ держалъ постоялый дворъ въ Сибирскихъ лѣсахъ; разбогатѣлъ. 2. Шайка разбойниковъ надумала ограбить старика; переодѣтый становымъ приставомъ увѣдомляетъ старика о скоромъ проѣздѣ губернатора. 3. Старикъ не пускаетъ постояльцевъ, и они остановились въ двухъ верстахъ у рѣчки; медвѣдчика съ ученымъ медвѣдемъ пустилъ въ конюшню ночевать. 4. Пріѣзжаетъ мнимый губернаторъ со стражниками; требуютъ и получаютъ деньги. 5. Старуха бѣжитъ на дворъ яко бы за мѣшкомъ мѣдныхъ денегъ, а сама сообщаетъ о разбойникахъ медвѣдчику. Медвѣдь убиваетъ разбойниковъ; старикъ съѣздилъ за ямщиками.

По народному повѣрью, медвѣдь можетъ выжить изъ дома злого (чужого?) домового. Если медвѣдь нейдетъ въ какой-либо дворъ, то это считается признакомъ, что въ домѣ не все благополучно. Этимъ повѣрьемъ пользовались медвѣдчики и въ воротахъ дома незамѣтно дергали медвѣдя за продѣтое сквозь его губу кольцо — медвѣдь осядетъ и не сразу пойдетъ впередъ, а домохозяинъ усиленно ухаживаетъ въ такомъ случаѣ за медвѣдчикомъ и платитъ ему болѣе обычнаго (Хозяйственно-статистическіе матеріалы, собираемые комиссіями и отрядами уравненія денежныхъ сборовъ съ государственныхъ крестьянъ. Вып. I. Спб. 1857, стр. 60.—Данныя изъ Нижегородской губерніи, гдѣ, въ Сергачскомъ уѣздѣ, было средоточіе медвѣдчиковъ).

Бытовая картинка, весьма правдоподобная.

№ 38. Калужина [лужа] и ямщики (стр. 260—262). 1. Мужикъ удитъ рыбу въ большой лужѣ воды на дорогѣ, обозники засмотрѣлись, а въ это время товарищи рыбака сняли съ возовъ два цыбика чаю. 2. На постояломъ дворѣ обозники тайно оставили одного на возу караулить; тотъ подсмотрѣлъ, какъ хозяйка подавала пищу разбойнику, вышедшему изъ западни. Воровъ нашли.

Въ „Пословицахъ“ Даля есть поговорка: «Хоть долго, да рыбу удитъ»; поясненіе ея: «Ѳомка зѣвакъ дурачилъ, на болотѣ удилъ, а помощники его въ то время обирали карманы». (Ремесло — мастерство; вып. IV, стр. 263, изд. 3).—Отсюда заключаемъ, что данный разсказъ, по крайней мѣрѣ первая его половина—традиціонный.

№ 39: Иванъ Купцовъ (стр. 263—266). 1. Бѣдный молодой человѣкъ Иванъ, начавшій было поворовывать, занялся честнымъ трудомъ—пашетъ огороды. 2. Подсмотрѣвъ, гдѣ хозяинъ прячетъ деньги, укралъ 700 рубл. 3. Ограбилъ тысячу рубл. у проѣзжаго соннаго косника. 4. Купилъ себѣ хорошую одежду, думаетъ жениться. На гуляньи познакомился съ одной богатой дѣвушкой и показалъ ей свои деньги. 5. Дѣвица согласна выйти за него замужъ тайно отъ родителей. 6. Иванъ все приготовилъ, схоронилъ имущество своей невѣсты, и повѣнчались. 7. Отецъ

невѣсты, старшина, возвращаясь домой ночью, видитъ свадебную пирушку, но съ гнѣвомъ отвергаетъ догадку кучера, что тутъ его дочь; невѣстиной матери о свадьбѣ ея дочери сообщаетъ на другой день сосѣдка. Родители потомъ простили свою дочь.

Бытовая картинка, не заключающая въ себѣ ничего сказочнаго. Мѣстныхъ бытовыхъ чертъ очень много: заводъ, гдѣ нѣтъ сохъ, но много огородовъ (§ 1); подарки невѣсты жениху: платокъ и поясокъ; свадьбы „убѣгомъ", т. е. тайно отъ родителей (§ 5).—Можно думать, что разсказъ мѣстнаго происхожденія.

Стр. 269: Остафей Плакида, воинъ не-христіанскаго короля, окрестился, по совѣту оленя съ крестомъ на спинѣ, и бѣжитъ изъ своего государства. При переправѣ черезъ рѣку, одного изъ двухъ его сыновей унесъ левъ, другого — волкъ, жену увезъ башкиръ. Плакида нанялся въ работники къ богатому мужику. Побѣжденный король разыскиваетъ Плакиду; находитъ. Успѣшно продолжая войну, Плакида нашелъ въ числѣ плѣнныхъ своихъ потерянныхъ сыновей и жену. Плакида принужденъ былъ открыться королю, что онъ перешелъ въ иную вѣру; брошенъ ко львамъ, но невредимъ; вся семья брошена въ растопленное олово, гдѣ оказались „иконы въ ихъ ликъ".

Не сказка, а житіе святого, о чемъ см. мои замѣчанія на стр. 268—269 *). Вліяніе этого житія на русскія сказки, однако же, внѣ всякаго сомнѣнія. Въ Котельническомъ уѣздѣ Вятской губерніи я записалъ сказку, гдѣ много общаго съ даннымъ житіемъ, хотя объ Остафіѣ Плакидѣ рѣчи нѣтъ. Дѣйствующія лица сказки: царь Европейской, слуга его Каифъ, царица Золотая Струя и два ея сына. Одного сына также похищаетъ и кормитъ левъ; сыновья узнаны отцомъ также на войнѣ. Разныхъ чертъ, однако же, много больше, чѣмъ сходныхъ (Зеленинъ, Вятскія сказки № 29, стр. 29: Царевна Золотая Струя и ея дѣти). Вятская сказка, судя по упоминанію въ ней рѣки Днѣпра, занесена на Вятку съ юга.

Сказка „Остафій Плакида" записана еще братьями Соколовыми въ Новгородской губерніи (Савченко, Русская народная сказка, 171) и М. Б. Едемскимъ въ Вологодской губерніи, но текстъ этихъ послѣднихъ записей мнѣ неизвѣстенъ.

№ 40: Загадки (Царевичъ найденышъ) (стр. 271—273). 1. Жена слѣпого царя вела распутную жизнь; младенецъ во чревѣ порицаетъ ее, и она, родивъ его, велитъ лакею изжарить. Лакей, по просьбѣ младенца,

*) У крестьянина села Куяшей, Екатеринбургскаго уѣзда, я видѣлъ, лѣтомъ 1913-го года, полу-лубочное народное изданіе: „Жизнь и страдальческая кончина св. великомученика Евстафія Плакиды, супруги его Ѳеопистіи и дѣтей ихъ Агапія и Ѳеописта. Составилъ Леонидъ Денисовъ. Изданіе шестое торговаго дома Евдокія Коновалова и К°, М. 1912".

зажарилъ щенка, а младенца зарылъ въ солому къ кузнецу. 2. Кузнецъ выростилъ младенца. Послѣдній, играя въ цари, заставилъ рѣку возвратиться назадъ, лѣсъ—приклониться, змѣй (?) въ лѣсу—утихнуть. 3. При игрѣ въ цари онъ повѣсилъ конокрала. Царь догадывается о томъ, который изъ двухъ сыновей кузнеца царевичъ, по направленію ихъ мыслей. 4. Царь хочетъ отнять у кузнеца сына-царевича. Даетъ ему быка: если быкъ не отелится, отберу сына; сынъ научаетъ отца притвориться самому родильницей. Царь велѣлъ кузнецу, чтобы курица высидѣла вареныя яица; по совѣту сына, кузнецъ варитъ пшеницу, чтобы сѣять ее. 5. По требованію царя, кузнецъ пріѣхалъ къ нему ни нагъ и ни одѣтъ (въ сѣти), ѣхалъ не дорогой и не стороной (по колеѣ), привелъ друга и недруга (собаку и жену), принесъ подарокъ и не-подарокъ (тетерева, который тутъ же улетѣлъ) и остановился не на улицѣ и не на дворѣ (козелъ, на коемъ ѣхалъ кузнецъ, остановился въ самыхъ воротахъ). 6. Царевичъ остался у кузнеца, женился; жена его сбѣжала. Съ полками мальчишекъ онъ приходитъ къ ней въ отсутствіи короля, ея новаго мужа; та спрятала царевича въ сундукъ, а потомъ сказала мужу. На висѣлицѣ играетъ трижды въ рожокъ, войско подошло, короля съ женой повѣсили, а царевичъ на его мѣсто королемъ. (Разговоръ и здѣсь все время происходитъ при посредствѣ загадокъ („на королѣ сижу“, „заднія колеса чортъ несетъ“, „голуби пшеницу склевали“).

Срв. Худяковъ II, № 80, стр. 133—138: Царь Соломонъ; Садовниковъ № 63, стр. 206—211: Про царя и про кузнеца; Ончуковъ № 46, стр. 124—126; Аѳанасьевъ № 190: Царевичъ-найденышъ; рукопись Н. Толмачева въ Архивѣ Географ. Общества (XIV, 105): Про князя Василья Окуловича.

№ 41: Вася да Ваня (Звѣриное молоко) (стр. 273—275). 1. Васѣ отецъ завѣщалъ домъ, а Ванѣ—баню и сестру. Ванѣ нечѣмъ жить. 2. Ваня нашелъ въ лѣсу домъ разбойниковъ, убилъ ихъ. 3. Переселился въ этотъ домъ вмѣстѣ съ сестрой. Сестра слюбилась съ атаманомъ, хотятъ погубить Ваню; связываютъ Ваню, играя въ карты, но сильный Ваня все порвалъ. 4. Посылаютъ Ваню за садовыми яблоками. Принесъ. 5. Ваня вновь идетъ въ разбойничій домъ, гдѣ онъ бралъ яблоки; нашелъ тамъ царскую дочь, съ помощью коей (она напоила разбойниковъ) Ваня изрубилъ разбойниковъ. 6. Привелъ царскую дочь къ сестрѣ; царская дочь узнаетъ заговоръ противъ Вани. 7. Когда сестра, играя съ братомъ въ карты, связала руки Ванѣ резиной, а есаулъ хотѣлъ убить Ваню, то царская дочь застрѣлила есаула изъ револьвера.

См. выше № 5 и стр. 304—305 и 517, гдѣ указаны варіанты.—Ваня ломаетъ «дубовникъ» (§ 1, стр. 274); дубовъ въ Екатеринбургскомъ уѣздѣ нѣтъ: очевидно, редакція сказки не мѣстная.

№ 42: Шелудивая пьяница [Поди туда, невѣдомо куда] (стр. 276—278). 1. Купцу хотѣлось отнять жену у своего работника-охотника; по совѣту пьяницы, посылаетъ его за львомъ. 2. Жена охотника—волшебница, дала ему клубочекъ; онъ пошелъ вслѣдъ за клубочкомъ, встрѣтилъ льва, надѣлъ на него узду и повелъ; за львомъ пошли всѣ звѣри; купецъ велитъ отпустить льва. 3. Купецъ велитъ охотнику принести письмо отъ своего покойнаго отца. Пришелъ, вслѣдъ за клубочкомъ, въ пещеру; столкнулъ солдата (въ яму?), оттуда вышелъ отецъ, написалъ письмо; столкнулъ отца, возвратился солдатъ. 4. По совѣту пьяницы вновь посылаетъ: «Ступай туда, не знаю куда; принеси то, не знаю что». Жена вышила ему три полотенца. Пришелъ, вслѣдъ за клубочкомъ, къ старухѣ; та узнала по полотенцу своего зятя; не нашла въ книгѣ, что нужно; послала къ сестрѣ. 5. Сестра посылаетъ къ Коту Котофенчу волка, но волкъ нейдетъ. 6. Котъ пріѣхалъ на медвѣдѣ и указалъ избушку. Тамъ Стрыжка-ярыжка подаетъ на столъ на любое число персонъ и распоряжается дубинкой, которая бьетъ кого угодно. Дубинку мѣняетъ на дудочку: въ одинъ конецъ дунешь—войско, въ другой—хоромы. 7. За 50 верстъ до дому охотникъ остановился въ хоромахъ изъ своей дудочки. Когда купецъ пріѣхалъ туда съ женой охотника, дубинка захлестала купца до смерти.

Срв. ниже башкирскую сказку № 101, стр. 459—463; Худяковъ III, № 85, стр. 29—32: Ступай туда, невѣдомо куда, принеси то, невѣдомо что; Аѳанасьевъ № 122; Ончуковъ № 151, стр. 363—368: Слуга Егерь; Зеленинъ, Вятскія сказки № 1, стр. 3—10: Про юру.

Съ нашей стороны будетъ послѣдовательнѣе озаглавить эту сказку такъ, какъ мы ее озаглавили въ примѣчаніяхъ, а не такъ, какъ мы ее озаглавили въ текстѣ.

Въ сказкѣ немало путаницы (о чемъ см. выше на стр. 267): въ § 3, на стр. 276, вмѣсто «оттуда» нужно бы: туда? По § 6-му (конецъ, стр. 278) дубинка промѣняна на дудку, а по § 7 она остается у охотника (что́ объясняется пропускомъ: дубинка возвратилась).

Стры́шка-яры́шка (стр. 278) собственно означаетъ, вѣроятно: стриженый служитель при полиціи?

№ 43: Кожа медвѣжья лицо человѣчье и Самъ съ ноготокъ борода съ локотокъ (стр. 278—280). 1. Появленіе на свѣтъ героя отъ мужика и медвѣдицы. Сынъ убиваетъ мать, и съ отцомъ возвращается домой. 2. Проказы героя; отецъ посылаетъ его за чортомъ и медвѣдемъ, коихъ герой и приводитъ. 3. Герой и чортъ ѣдутъ къ царю за (мнимымъ) долгомъ; чортъ пѣніемъ заглушаетъ звонъ колоколовъ и пушекъ. 4. Герой идетъ въ путь и сходится съ двумя товарищами. 5. Меньшой братъ, оставшись одинъ въ избушкѣ, играетъ въ дудочку, за что его избилъ Самъ ноготокъ-борода съ локотокъ, а усы семь четвертей. 6. То же самое случилось и съ середнимъ братомъ. 7. Кожа

медвѣжья побѣдилъ Самого, но тотъ убѣжалъ. 8. Дѣвицы двѣ; вторая научаетъ, какъ убить Самого: перевернуть плиту, на коей онъ отдыхаетъ, и задавить.

См. выше № 22, стр. 193—199 и 536, гдѣ указаны и варіанты.— См. особенно Пермскій Сборникъ, II, отд. 2, стр. 168—171: Ивашко-медвѣжьи уши.

№ 44: Про Елену Красоту золотую косу (Волшебное зеркальце) (стр. 280—282). 1. Вторая жена короля, волшебница, говоритъ утромъ на балконѣ: „заря хороша́, а я еще лучше". Заря ей отвѣчаетъ: «Елена Красота (падчерица королевы, воспитываемая отцомъ тайно) еще лучше тебя». 2. Королева велѣла заколоть падчерицу въ лѣсу и принести ей сердце ея, а кучеръ убилъ собаку и принесъ собачье сердце. 3. Елена зашла въ домъ разбойниковъ, куда пропустили ее два льва у воротъ. Очистила все въ дому. 4. Заря опять отвѣчаетъ мачихѣ: «Елена Красота лучше тебя». Мачеха, обернувшись голубкой, принесла Еленѣ платье, будто бы отъ матери; Елена надѣла платье и померла. Разбойники стали хоронить, сняли платье, и Елена ожила. 5. Мачеха принесла Еленѣ перстень; Елена надѣла и умерла. Разбойники повѣсили гробъ ея на цѣпяхъ, сами всѣ закололись вокругъ гроба. 6. Купеческій сынъ привезъ трупъ ея къ себѣ и спряталъ; родители его, узнавъ, хотѣли сжечь трупъ; прачка сняла кольцо, Елена ожила. Купеческій сынъ на ней женился.

Срв. Аѳанасьевъ № 121: Волшебное зеркальцо; Худяковъ I, № 16, стр. 53 — 57: Падчерица; Ончуковъ, № 154, стр. 379 — 383: Елена Прекрасная и мачиха.

№ 45: Какъ Господь ходилъ по землѣ (Марко Богатый) (стр. 282—285). 1. Марко Богатый, ожидая къ себѣ Христа, разостлалъ черныя и красныя сукна; лакеи не допустили Христа, который былъ одѣтъ нищимъ. 2. Христосъ остановился ночевать у сестры Марка Б. Ангеламъ Христосъ говоритъ, что сыну бѣднаго мужика, родившемуся въ эту ночь, Онъ дастъ счастье Марка Б. (а у Марка въ эту же ночь родилась дочь). 3. Сестра сообщаетъ обо всемъ этомъ Марку Б. 4. Марко купилъ за сто рублей сына этого бѣдняка и бросилъ младенца за городомъ въ снѣгъ. 5. Обозники подобрали младенца и продали Марку Б., который заковалъ его въ боченокъ и пустилъ по морю. 6. Монастырская прачка услышала въ плывущемъ боченкѣ богослужебное пѣніе, и злополучный мальчикъ, у коего на груди оказалось евангеліе, поселился въ монастырѣ Марка Б. на островѣ. 7. Марко Б. послалъ мальчика съ письмомъ къ женѣ, гдѣ велѣлъ сжечь мальчика. Встрѣчный старичокъ посмотрѣлъ это письмо и повернулъ его два раза. 8. Жена Марка Б., согласно письму (измѣненному чудеснымъ старичкомъ), повѣнчала мальчика со своею дочерью.

9—10. Марко Б. послалъ своего зятя къ Солнышкиной Матери спросить, сколько лѣтъ осталось ему жить. Зять видитъ на пути: мужикъ вертится на колесѣ, двѣ женщины изъ кринки въ кринку молоко переливаютъ, два старичка ловятъ собаку, мужъ и жена бѣгаютъ кругомъ дома, ищучи дверей и оконъ. 11. Солнышкина мать ему открыла: мужъ и жена никого не пускали обогрѣваться; два старика уронили крошку просфорки, которую съѣла собака; двѣ женщины продавали снятое молоко; мужикъ мѣнялъ конями — не держалъ своей клятвы. 12. Марко Б. послалъ зятя въ салотопню, чтобы тамъ его сожгли; теща задержала его; Марко Б. пошелъ самъ и былъ сожженъ салотопщиками, принявшими его за зятя.

Срв. ниже № 64, стр. 356 — 358: Иванъ несчастной; Аѳанасьевъ № 173: Марко Богатый и Василій Безсчастный; Садовниковъ № 86, стр. 256—262: Марко Богатый; Ончуковъ № 28, стр. 85—87, и № 119, стр. 286—290; Иваницкій № 28, стр. 198—199: Калѣкинъ сынъ; Романовъ, Бѣлорусскій Сборникъ, вып. III, стр. 198—205: Василь-Удовинъ сынъ, богатаго Марочки зять. — Эпизодъ съ письмомъ (§ 8, стр. 284) встрѣтился ниже въ башкирской сказкѣ (стр. 458, № 100, § 5). Мать солнца въ подобной же обстановкѣ встрѣтилась въ бурятской сказкѣ «Сирота и желтая собака». (Сказанія бурятъ, записанныя разными собирателями. Записки Вост.-Сибирск. Отдѣла И. Р. Географ. Общ. по этнографіи, т. I, вып. 2. Иркутскъ, 1890, стр. 54—55).

№ 46: Котъ и соболекъ (Волшебное кольцо). 1. Мужикъ купилъ кота и соболька; сватаетъ царскую дочь. Царь велитъ устроить въ одну ночь церковь; мужикъ въ полночь переметываетъ кольцо съ руки на руку, и церковь построилась. 2. Царь велитъ провести канавы съ киселемъ и съ молокомъ вокругъ дворца, что и сдѣлано. 3. Царь велитъ сдѣлать мостъ, на коемъ 40 сороковъ столбовъ и 40 сороковъ огней. Обвѣнчались. 4. Жена ночью украла у него кольцо, а сама убѣжала. Царь посадилъ его за это въ каменный столбъ. 5. Герой послалъ кота и соболька разыскать кольцо. 6. Котъ нашелъ кольцо на днѣ сундука. 7. Мышка, по требованью кота, прогрызла дно сундука. 8. Соболекъ на пути уронилъ кольцо въ рѣку. Нашли въ рыбьихъ кишкахъ, живучи у рыбака. 9. Передали кольцо мужику; столбъ развалился; жена прибѣжала и наказана царемъ.

См. ниже № 87, стр. 416—420: Иванъ-крестьянскій сынъ; срв. ниже № 68, стр. 377—378: Сказка о котѣ и рѣшетѣ. Аѳанасьевъ № 112: Волшебное кольцо; Худяковъ I, № 7, стр. 35—38: Мужикъ и царева дочь; Эрленвейнъ № 20, стр. 98—101: Мать старушка—сынъ Лаврушка; Зеленинъ, Вятскія сказки № 9, стр. 44—51: Три дворца и подземное царство.

№ 47: Ловкій воръ (стр. 287—291). 1. Старикъ нанялъ работника Ивана на базарѣ. 2. Старикъ бьется о закладъ съ купцомъ въ томъ, что онъ украдетъ у купца лошадь. 3. Иванъ укралъ лошадь, напоивъ караульныхъ. 4. Новый закладъ: старикъ долженъ украсть постелю изъ-подъ купчихи. 5. Иванъ укралъ постелю, выливъ на нее тѣсто изъ квашни. 6. Третій закладъ: украсть колечко съ руки у купчихи. Иванъ купилъ трупъ покойника, подходитъ съ трупомъ къ окну купеческаго дома; купецъ стрѣляетъ въ него и потомъ убираетъ брошенный Иваномъ трупъ покойника. 7. Иванъ тѣмъ временемъ выпросилъ у купчихи кольцо, подъ видомъ ея мужа.

8. Купецъ взялъ Ивана къ себѣ въ работники, чтобы потомъ погубить его. Прислуга купца любила Ивана и показала ему, какъ запрягать коней, чѣмъ избавила отъ придирокъ со стороны купца. 9. Отправляясь въ дорогу, Иванъ взялъ съ собою хлѣба, а купецъ не взялъ. Кормятъ коней у стога сѣна; Иванъ, кушая хлѣбъ, показываетъ видъ, что онъ ѣстъ сѣно, и угощаетъ сѣномъ купца. 10. Для тепла, Иванъ посадилъ купца въ мѣшокъ и завязалъ, а потомъ отколотилъ купца въ мѣшкѣ, показавъ видъ, что это сдѣлалъ хозяинъ сѣнного стога. 11. Въ гостяхъ у тещи купецъ говоритъ по-нѣмецки; Иванъ переврал ъ его приказаніе, и вмѣсто желаннаго самовара голодному купцу приготовили баню.

Двѣ разныхъ сказки соединены въ одну, что́ такъ обычно у новѣйшихъ сказочниковъ: а) Воръ и б) Попъ и работникъ. Съ первою срв. у Эрленвейна № 7, стр. 36—39: Климка; Ончуковъ № 92, стр. 243—247: Воръ Мотрошилка; Зеленинъ, Вятскія сказки № 61, стр. 196—199: Воръ Борма.—Со второй—№ 63-ій вятскихъ сказокъ Зеленина и указанные тамъ варіанты.

№ 48: Степанъ, Григорій и Елена Прекрасная (Вѣщій сонъ) (стр. 294—300). 1. Сынъ старика (Григорій) пошелъ искать счастье; ночуя въ новой избѣ въ лѣсу, видитъ сонъ: изъ западни выходятъ, одинъ за другимъ, мѣдный верблюдъ, серебряный лось и золотой медвѣдь. 2. По дорогѣ къ ворожцу ночуетъ у одной старушки, 13-тилѣтній внучекъ (Степанъ) коей велитъ ему отдавать ворожцу не послѣднее счастье, а первое. 3. Ворожецъ даетъ ему палочку; ею онъ ударилъ, отмахиваясь, верблюда, лося и медвѣдя, и тѣ разсыпались. Ворожцу досталась мѣдь. 4. Покупаетъ у бабушки ея внучка (Степана) заваливъ его всего деньгами. 5. Мальчикъ (Степанъ) живетъ конюхомъ, подрываетъ заработокъ ворожца, совѣтуя всѣмъ прежде ворожца. По жалобѣ ворожца Степанъ посаженъ въ столбецъ. 6. Дочь хозяина полюбила узника, кормитъ его и ночью выпускаетъ на волю. 7. Григорій уѣхалъ въ другое царство сватать Елену Прекрасную; сестра его сообщила объ этомъ Степану, который предрекаетъ Григорію гибель. 8. Степанъ ѣдетъ помогать Григорью, коего настигъ еще на пути. Поселились вмѣстѣ на постояломъ дворѣ. 9. Степанъ ночью летитъ мухой разузнавать, гдѣ шьютъ платье на Елену Пр.; Елена потребовала, чтобы женихъ ей сшилъ сарафанъ некроеный и нерѣзаный; Степанъ взялъ такое платье у порт-

нихи Елениной. 10. Елена требуетъ у жениха нерѣзаныя и некроеныя туфли; Степанъ опять взялъ готовыя. 11. Невѣста требуетъ достать ей такіе же цвѣты, какіе будутъ у нея. Отправляясь ночью за этими цвѣтами, Степанъ не велитъ Григорію спать и опускаетъ ножъ въ стаканъ воды: если на остріѣ ножа появится кровь, то Григорій долженъ рѣзать что-либо у себя. Царевна ѣдетъ съ прислугой въ море, а онъ мухой сидитъ у нихъ на колѣняхъ подъ платьемъ. 12. Когда дѣдушко угощаетъ своихъ гостей, Степанъ вышибъ изъ рукъ Елены блюдцо, взялъ себѣ золотую ложечку и вилочку. 13. Когда Елена стала теребить у дѣдушки золотые волоски, по одному, Степанъ теребитъ по два да по 4 волоска сразу. 14. При выходѣ изъ моря у Степана показалась нога (кровь уже на всемъ ножѣ, но Григорій спитъ). Когда утромъ Григорій понесъ цвѣты невѣстѣ, Степанъ уѣхалъ изъ города на конѣ. Въ поискахъ его въ городѣ произведенъ обыскъ. Молодые повѣчались. 15. Степанъ опять сѣлъ въ столбецъ, какъ будто и не выходилъ. Увидѣвшись съ Еленой въ гостяхъ у Григорьевой сестры (Настасьи), Степанъ открылъ Еленѣ, какъ было дѣло, показалъ ложечку съ вилочкой и напомнилъ о подробностяхъ. Выпущенный изъ столбца по просьбѣ Елены, Степанъ женится на сестрѣ Григорья.

Сказка представляется на первый взглядъ запутанной вслѣдствіе того, что разсказчикъ рѣдко называетъ дѣйствующихъ лицъ по именамъ. Къ тому же Алексѣй (§ 1, стр. 294) потомъ предвращается въ Григорія (§ 8, стр. 296): тутъ, повидимому, ошибка сказочника, если только случайные спутники не скрываютъ одинъ отъ другого свои имена. Въ началѣ § 7-го (стр. 296) обмолвка сказочника: вмѣсто „этотъ *ворожецъ*“ надо читать: „этотъ *Григорій*“.

Варіантъ сказочной темы „Вѣщій сонъ“: Аѳанасьевъ, № 133; срв. Зеленинъ, Вятскія сказки № 4, стр. 17—26: Про Никиту Волокиту; Иваницкій № 8, стр. 178—182: Настасья прекрасная; Е. А. Чудинскій № 14, стр. 70—75: Вѣщій сонъ.

№ 49: Воръ (стр. 300—302). 1. Герой 12-ти лѣтъ поступилъ въ работники къ купцу, не сказавъ о томъ ни слова отцу, который только что далъ ему 5 рубл. на покупку вина. 2. Купецъ учитъ своего новаго работника воровать. Ограбили магазинъ. 3. Ограбленный купецъ поставилъ тамъ котелъ горячей смолы; работникъ ощупалъ горячій котелъ и воротился; его хозяинъ упалъ въ чанъ; работникъ отрѣзалъ у него голову и унесъ домой. 4. Тамъ, гдѣ караулили туловище купца, герой сронилъ съ телѣги двѣ бочки вина: караульные напились, онъ увезъ покойника и похоронилъ. 5. Ограбленный купецъ дѣлаетъ балъ, а на полъ сыплетъ золота и серебра, чтобы узнать вора; воръ прилѣпилъ къ подошвѣ своего сапога кусочекъ вару. Купецъ положилъ всѣхъ гостей спать ногами въ одно мѣсто; нашли золото у каблука и обрѣзали каблукъ, а воръ обрѣзалъ по каблуку у всѣхъ гостей. 6. На балу купецъ

спрашиваетъ: кто желаетъ съ моей дочерью ночевать? Воръ вызвался; ему указали комнату, гдѣ онъ упалъ въ яму. Въ ямѣ воръ закричалъ: „на пожаръ!“ Всѣ туда сбѣжались, воръ убѣжалъ. Купецъ выдалъ за вора свою дочь.

Срв. ниже № 50, стр. 306, и № 54, стр. 320—323; Ончуковъ № 160, стр. 398—399: Барма; Чулковъ, Рускія сказки, II, № 3, стр. 46 (также котелъ со смолой).

На стр. 300 (§ 1) мною поставленъ вопросъ послѣ слова „говоритъ“, такъ какъ слѣдовало бы сказать: „говорю“ (Разсказчикъ выставляетъ себя героемъ сказки).

№ 50: Воръ Ванька (стр. 305—313). 1. Крестьянинъ отдалъ своего 15-лѣтняго сына Ивана въ ученье къ сапожнику, сынъ укралъ сапоги и сбѣжалъ. 2. Отдалъ портному; сынъ укралъ костюмъ и сбѣжалъ. 3. Когда отецъ умеръ, сынъ поступилъ къ своему дядѣ учиться воровать. Воруютъ казну у купца; купецъ спустилъ въ ихъ лазею чанъ горячей смолы. Дядя утонулъ въ смолѣ; Иванъ оторвалъ ему голову, которую тамъ выбросили, не замѣтивъ. 4. Безголовый трупъ дяди повезли по селу, чтобъ опознали. Наученная Иваномъ тетка разбила кринку съ молокомъ и оплакала своего покойника, сказавъ, что она плачетъ о пролитомъ молокѣ. 5. На дворѣ поставили чанъ съ виномъ: воръ напьется и уснетъ, что дѣйствительно и случилось. Сторожъ отстригъ вору полбороды, а воръ, разбудившись, пошелъ по большой дорогѣ и отрывалъ всѣмъ встрѣчнымъ мужикамъ по полбороды.

6. Ванька укралъ холсты, разостланные бабой для сушки, спряталъ ихъ въ овинѣ, а бабѣ предложилъ свои услуги въ качествѣ ворожца и выворожилъ, получивъ за то мзду. 7. Укралъ лошадей у купца и привязалъ ихъ въ кустахъ, а купцу выворожилъ, гдѣ онѣ, за что получилъ 50 рублей. 8. Король потерялъ вѣнчальное кольцо. Королю донесли о Ванькѣ. Король грозитъ Ванькѣ, въ случаѣ неправды, висѣлицей. 9. Ванька ждетъ третьихъ пѣтуховъ, послѣ коихъ рѣшается выброситься изъ окна. Укравшіе кольцо поваръ, конюхъ и дворецкій подслушиваютъ. Ванька говоритъ про себя о пѣніи пѣтуховъ: одинъ есть, два, три, а воры относятъ это на свой счетъ и признаются ему въ кражѣ. 10. Кольцо бросили подъ полъ, гдѣ потомъ его и нашли, по указанью Ваньки.

11. Король предлагаетъ Ванькѣ вопросы: глубока ли земля? сколько на небѣ звѣздъ? Отвѣты Ваньки: 190 лѣтъ тому назадъ умеръ дѣдъ и все еще не можетъ воротиться домой; истыкавъ булавкой клочокъ бумажки, проситъ короля сосчитать. 12. Король взялъ въ руку майскаго жучка и велѣлъ Ванькѣ отгадать. Ванька, по деревенской кличкѣ „Жучокъ“, промолвилъ про себя: „Ну, попался Жучокъ королю въ руки!“

13. Возвращаясь домой, сходится съ двумя товарищами; хотятъ варить кашу и ищутъ огня. Старикъ предлагаетъ огня за небылицу и неудачно разсказывавшимъ товарищамъ Ваньки вырѣзываетъ по ремню

изъ спины и по пряжкѣ изъ пятокъ. 14. Ванька начинаетъ свою небылицу съ уговоромъ: если перебьешь меня, то у тебя вырѣзать ремень и пряжки. 15. Небылица: намѣняли за моремъ на мухъ быковъ, швыряютъ ихъ черезъ море, съ послѣднимъ быкомъ перелетѣли и сами; быковъ покололи, кожи продали на томъ свѣтѣ; одну кожу изрѣзалъ на ремешки и спустился по нимъ, а потомъ по веревкѣ изъ мякины; пять лѣтъ сидѣлъ въ болотѣ, утка на головѣ гнѣздо свила, волкъ вытащилъ изъ болота; въ брюхѣ волка записка: твой дѣдъ моему долженъ вѣчно оброки платить. Старикъ перебилъ: врешь!

Соединеніе въ одно четырехъ сказокъ: а) „Воръ": срв. выше № 49 и ниже № 54; б) „Знахарь" (§§ 6—10 + 12): срв. Аѳанасьевъ № 217: Знахарь; Ончуковъ № 222, стр. 490—491: Ворожея, а также №№ 94 и 165; Зеленинъ, Вятскія сказки № 33, стр. 133—137, и № 50, стр. 178—179; в) „Мудрые отвѣты" или „Безпечальный монастырь" (§ 11): срв. Аѳанасьевъ № 187; Зеленинъ, Вятскія сказки № 37, стр. 147—148; и г) Небылица (§§ 13—14): срв. Аѳанасьевъ № 231, d: Не любо — не слушай; Ончуковъ № 19, стр. 72—73.

Въ Енотаевскомъ уѣздѣ Астраханской губерніи отмѣчена поговорка „Ну попались жучки въ ручки" (Рукопись В. С. Виноградова, 1848 г., въ архивѣ Географ. Общ. II, 22, стр. 6). Если эта поговорка не произошла отъ данной сказки (что не невѣроятно), то „Жучокъ" (§ 12) могло и не быть кличкою знахаря.

№ 51: Какъ русскій татарамъ мечеть строилъ (стр. 313—314). 1. Русскій подрядчикъ построилъ татарскую мечеть. Татары потребовали отъ него, чтобы онъ проспалъ первую ночь въ мечети. 2. Запертый въ мечети, послѣ обильнаго угощенія, подрядчикъ принужденъ былъ отправить въ мечети естественную потребность. 3. Чтобы избавиться отъ наказанія за это, подрядчикъ выдумалъ такой сонъ, будто бы ему приснившійся въ мечети: въ мечеть прилетѣли — сначала русскій Богъ, потомъ татарскій; татарскій богъ ударилъ русскаго Бога трижды; тогда послѣдній ударилъ перваго, который тутъ же и оставилъ некрасивые слѣды. Татары прибавили подрядчику плату, чтобы только онъ никому не разсказывалъ.

„Татарами" мѣстные жители называютъ башкиръ, которыхъ здѣсь очень много. Какъ дома̀, такъ и мечети башкирамъ строятъ обычно русскіе плотники, такъ какъ среди башкиръ хорошихъ плотниковъ нѣтъ.

№ 52: Морока (стр. 315—317). 1. Матроса въ нѣмецкой гостиницѣ плохо накормили. Матросъ платитъ пятирублевыми золотыми и сдачу не беретъ. 2. Торговецъ, которому передалъ содержатель гостиницы солдатскія монеты, открылъ, что это были солдатскія пуговки. Губернаторъ, по жалобѣ гостинника, потребовалъ матроса къ себѣ. 3. Губернатора матросъ увѣ-

ряетъ, что у нихъ пожаръ; губернаторъ выпрыгнулъ изъ окна, а оказалось — со стола на полъ. Далъ матросу два рубля, чтобы тотъ никому не говорилъ. 4. Позванный къ генералу матросъ увѣряетъ его, что въ комнатѣ наводненіе; спасаясь, они выходятъ на крышу, на трубу, садятся въ лодку, которую унесло въ иностранныя земли; нанялись въ деревнѣ—матросъ пастухомъ, а генералъ— его помощникомъ. 5. Получили плату за лѣто—25 рублей, изъ коихъ герералъ получаетъ 10; отдаетъ эти 10 рублей матросу, чтобы тотъ доставилъ его на родину. Оба оказываются на старомъ мѣстѣ, разсчитываются. Никакого наводненія не было. Матросъ получилъ 10 рублей.

См. ниже № 60, стр. 347 — 348; Аѳанасьевъ № 214: Морока; Чудинскій № 24, стр. 105: Морока; Садовниковъ № 25, стр. 116 — 119: Морока.—Одна изъ самыхъ распространенныхъ теперь на Уралѣ сказокъ (срв. стр. 361); на вопросъ о томъ, какія сказки разсказываютъ, въ первую голову называютъ эту: „какъ солдатъ наводненіе дѣлалъ въ Петербургѣ при Петрѣ Великомъ“.

Морока *(общ.)* — тотъ, кто „отводитъ глаза“, заставляетъ присутствующихъ видѣть то, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ; гипнотизеръ.

№ 53: Загадки (Царевна, разрѣшающая загадки) (стр. 317—319). 1. Одна дѣвица объявила, что выйдетъ замужъ за того, кто загадаетъ ей три такія загадки, которыя она не сможетъ отгадать. Баринъ велѣлъ лакею Алёшкѣ купить лошадь за три рубля. 2. Купилъ на три рубля рогожъ, изъ коихъ портной за три рубля сшилъ барину одежду. 3. Въ этомъ платьѣ баринъ ѣдетъ съ лакеемъ. Ночуя у озера, умылся пѣной, утерся хвостомъ лошади. 4. На дорогѣ корову изъ хлѣба велѣлъ лакею выгнать хлѣбомъ же. 5. Змѣю велѣлъ перерубить саблей. 6. Загадки: а) Умылся не водою и не росою, утерся полотенцемъ не тканымъ и не бранымъ; б) Изъ добра добромъ выгналъ; в) Зло зломъ убилъ. Отгадки невѣста покупаетъ у Алешки, по сту рублей каждую. Вышла замужъ за барина.

Срв. Аѳанасьевъ № 132: Царевна, разрѣшающая загадки; Ончуковъ № 284, стр. 568—570: Марфа царевна отгадчица.

Трехрублевая лошадь (§ 1) и трехрублевый же рогожный костюмъ (§ 2) барина имѣли, повидимому, тоже какое-то отношеніе къ загадкамъ, но обращены сказочникомъ въ простое чудачество барина.

№ 54: Ловкій воръ (стр. 319 — 323). 1. Сынъ богатаго купца задумалъ воровать. 2. Три раза попадалъ подъ судъ и три раза выкупленъ отцомъ, который потомъ прогналъ своего сына. 3. Вмѣстѣ съ однимъ солдатомъ проломили стѣну въ кладовой царя и украли боченокъ съ золотомъ. Карауливщій царскую кладовую знахарь сказалъ: воръ

знаетъ больше моего. 4. Около проломленной стѣны поставили котелъ со смолой; солдатъ полѣзъ и упалъ въ смолу; купеческій сынъ отсѣкъ у него голову и отнесъ женѣ. 5. Безголовое тѣло караулятъ на площади солдаты; купеческій сынъ напоилъ солдатъ, укралъ тѣло, а караульныхъ нарядилъ монахинями. 6. Чтобы найти вора, обвѣшали золотомъ козла и гоняютъ его по городу, въ сопровожденіи офицера и двухъ солдатъ. Воръ офицеру проигрываетъ въ карты, а солдатъ напоилъ виномъ, самъ увелъ козла. 7. Нашли, гдѣ жарится козелъ, и написали на воротахъ: «козелъ жареный»; а воръ на всѣхъ домахъ сдѣлалъ ту же надпись. 8. Во время бала насыпали на полъ золотыхъ. Воръ намазалъ подошвы варомъ и собралъ деньги. 9. У сонного нашли варъ на подошвѣ и оторвали каблукъ; воръ оторвалъ у всѣхъ по каблуку. 10. Во время бала насыпали золота въ уголъ комнаты около западни; воръ упалъ въ яму и закричалъ: «на пожаръ», — въ яму попало много народу. 11. Царь выдалъ за вора свою дочь.

Срв. выше № 49 (стр. 300—302) и № 50. — Ча́ша (§ 4, стр. 320) —мѣстное названіе чугуннаго котла (слово, не попавшее въ словарь по недосмотру).—На стр. 321-й (§ 5) я поставилъ знакъ вопроса послѣ словъ «у двухъ манаховъ», такъ какъ дальше рѣчь идетъ не о монахахъ, а о монахиняхъ.—Обычай дѣлать надписи на воротахъ домовъ у мѣстной русской администраціи существовалъ; Г. Р. Державинъ въ своихъ запискахъ разсказываетъ, какъ директоръ Веревкинъ въ 1760-мъ году, въ Чебоксарахъ, велѣлъ на воротахъ домовъ, построенныхъ не по плану, «мѣломъ надписывать: ломать». (Сочиненія Державина. 2-е академич. изданіе, т. VI-й. Спб. 1876, стр. 409).

№ 55. Иванъ купеческій сынъ и его невѣста волшебница (стр. 323—334). 1. Бездѣтный купецъ возвращался изъ иностраннаго государства, гдѣ торговалъ три года; когда онъ зачерпнулъ воды въ морѣ, его схватилъ Самъ съ нокоть борода съ локоть, Токманъ Токманычъ морской царь, и потребовалъ: «отдай, что́ дома не знаешь». Купецъ расписался своею кровью, для чего разрѣзалъ палецъ. 2. Прибывъ домой, купецъ увидѣлъ своего сына, который родился въ его отсутствіе, и догадался, что отдалъ Токману своего сына. Расписку положилъ въ кусокъ самаго лучшаго товара. 3. Когда сыну Ванѣ было 17 лѣтъ, онъ прочиталъ расписку. 4. Отправился къ Токману. На пути заходитъ въ избушку къ бабѣ Ягѣ. 5. Вторая баба Яга научаетъ Ваню ловить Мареу Токмановку, когда та прилетитъ къ Ягѣ въ гости, но Мароа вырвалась и улетѣла голубкомъ. 6. Еще научаетъ украсть платье у купающейся (въ числѣ 12-ти) Мароы; тотъ укралъ и женился на Мароѣ. Новобрачные прилетаютъ къ Токману голубями. 7. Двумъ лакеямъ Токмана надоѣло ухаживать за гостемъ, и они пошли къ Васькѣ Широкому Лбу въ острогъ узнать, какъ погубить Ивана. Васька научилъ, и лакеи сказали Токману, будто Иванъ хвалится въ одну ночь море завалить, вспахать и сборонить, чтобы утромъ готова была просвира изъ новаго хлѣба. 8.

Жена Ивана перекинула съ руки на руку кольцо, и 33 молодца сдѣлали все нужное. 9. Слугамъ опять тяжело; Васька выдумалъ новое средство погубить Ивана: будто бы Иванъ хочетъ сдѣлать церковь на морскомъ островѣ Тіянѣ и хрустальный мостъ до этого острова: утромъ уже къ заутренѣ ударятъ. 10. 33 молодца изъ кольца опять сдѣлали. 11. Новый совѣтъ Васьки: будто бы Иванъ хочетъ сдѣлать корабль, который будетъ ходить морями, горами и сухими берегами. 12. 33 молодца нашли за триста морей и за триста земель подрядчика, который сдѣлалъ корабль; кораблемъ править при помощи ленты. 13. Мареа плюнула въ печку трижды: харчки должны трижды отвѣтить посланцамъ Токмана. 14. Погоня за бѣглецами. Мареа оборотила Ивана козой, сама доитъ; погоня воротилась. 15. Новая погоня; Мареа махнула ширинкой, сдѣлалась часовенка; Ивана обернула дьякомъ, сама попомъ; Токману посылаетъ съ погонщиками письмо въ пакетѣ съ соромъ. 16. Токманъ отпустилъ въ погоню свою жену-волшебницу, которая сидѣла на 12-ти цѣпяхъ за 12-ью дверями. Мареа махнула ширинкой, и сдѣлалась огненная рѣка, а среди рѣки кроватка, гдѣ Мареа обнялась съ мужемъ. Мареа махнула щеткой, и явился мостъ черезъ рѣку; когда мать была среди моста, Мареа махнула ширинкой, и мать провалилась. 17. Мареа осталась въ дубѣ, научивъ Ивана, какъ потомъ ее взять; не велѣла Ивану цѣловать въ уста отца и мать. 18. Дядя укорилъ этимъ Ивана, послѣ чего Иванъ поцѣловалъ родителей въ уста—и сейчасъ же забылъ свою жену. 19. Мареа поселилась на квартирѣ противъ купца; Иванъ съ приказчиками собираются къ ней на вечерки. Приказчикъ Александръ пришелъ, Мареа обыграла его въ карты; онъ вызвался сходить за ковромъ, забытымъ въ сѣнкахъ, и всю ночь прорубилъ дрова. 20. Приказчикъ Евгеній на вечеркѣ у Мареы тоже обыгранъ въ карты, пошелъ за ковромъ и таскалъ всю ночь навозъ. 21. Иванъ также проигрался въ карты, пошелъ за ковромъ и всю ночь промололъ крупу. 22. Иванъ высваталъ купеческую дочь. Мареа купила у купца за сто рублей два колобка хлѣба, сдѣлала изъ нихъ двухъ голубковъ и выпустила на дѣвичникѣ; голуби сѣли на столъ, бьются крыльями и говорятъ про Ивана, забывшаго Мареу. 23. Тогда Иванъ вспомнилъ о Мареѣ; поѣхалъ къ дубу, ударилъ дубъ, вышла змѣя; ударилъ змѣю—вышла дѣвица и казна. Повѣнчался.

См. выше № 12, стр. 118—127 и 524, а также стр. 293.—Выпускъ голубя на дѣвишникѣ (§ 22, стр. 333) согласуется съ однимъ мѣстнымъ обрядомъ: въ Шадринскомъ уѣздѣ Пермской губерніи доселѣ выпускаютъ, въ день дѣвишника, въ банѣ, гдѣ моется невѣста съ подругами, голубя, знаменующаго собою, повидимому, дѣвственность невѣсты.—Въ § 7-мъ (стр. 326) „съ каждаго чи(е)на́“ можно понимать двояко: съ каждаго *чана* (починаемаго лакеями), или же: съ каждаго *чина*; послѣднее вѣроятнѣе.

№ 56. Чудесное подземелье (Неоконченная сказка). (стр. 335—337). 1. Барыня наняла работника. Онъ купилъ для нея лошадей за 3 тыс. рубл., дугу за 10 рубл.; когда поѣхали утромъ, барыня велѣла

ему взять въ амбарѣ тесакъ. 2. По узенькой дорожкѣ доѣхали до оврага; барыня спустила кучера въ зыбкѣ въ оврагъ, и онъ тамъ, за желѣзной дверью, нагребъ золота, отъ чертей оградился тесакомъ. На другой день барыня тамъ же велѣла ему взять свѣчку съ подсвѣчника и нагрести драгоцѣнныхъ камней. Барыня, еще не вытащивъ кучера изъ оврага, потребовала отъ него свѣчку; тотъ не отдалъ, и барыня отпустила зыбку; но кучеръ, предвидя это, уперся ногами въ стѣну, вылѣзъ и отсѣкъ барынѣ голову.

Повидимому, это только начало сказки, хотя разсказчикъ и склоненъ видѣть тутъ самостоятельную сказку. Это можетъ быть началомъ сказки «Волшебное кольцо» (въ чудесномъ подземельѣ добылъ кольцо, напр., герой записанной мною вятской сказки № 9, стр. 45, § 4—6; срв. также ниже № 68, стр. 377). Походитъ также на нашу начало сказки Худякова «Мальчикъ» (II, № 63, стр. 101). Наконецъ, срв. ниже башкирскія сказки: № 100, § 5 (стр. 457—458), и № 98, стр. 450—453.

№ 57: Колдунъ и его ученикъ (стр. 337—340). 1. Старикъ, жалѣя отдать своего единственнаго сына въ кузницу или къ портному, отдалъ его учиться колдовать. 2. Черезъ три года старикъ поѣхалъ за сыномъ; послѣдній, въ видѣ воробья, сѣлъ къ отцу въ телѣгу и научилъ, какъ добывать сына отъ колдуна. 3. Колдунъ выгналъ ему 40 голубей: среди нихъ сынъ старика распустилъ крылья, заворковалъ; выгналъ 40 гусей: среди нихъ сынъ старика пьетъ въ колодѣ; выгналъ 40 солдатовъ — сынъ заплясалъ. Колдунъ далъ старику быка, и они поѣхали съ сыномъ. 4. Старикъ продалъ сына, подъ видомъ коня, безъ узды, купцу за триста рублей; сынъ скоро воротился. 5. Второй разъ сына-коня купилъ у старика учитель его колдунъ, уже съ уздой; колдунъ гоняетъ коня, потомъ велѣлъ дочерямъ гонять; дочери, жалѣючи коня, пустили его въ воду пить, а онъ уплылъ, сдѣлался ершомъ; колдунъ погнался за нимъ въ видѣ щуки, но безуспѣшно. 6. Ученикъ легъ въ видѣ кольца на мосту; купеческая дочь пришла умываться и взяла кольцо, которое обернулось ночью человѣкомъ и научило, что дѣлать, если кольцо будутъ отбирать. Купецъ объявилъ о находкѣ, колдунъ пришелъ за кольцомъ; купеческая дочь бросила кольцо, и оно разсыпалось бисеромъ; купеческая дочь одну бисеринку прижала ногой; колдунъ сдѣлался пѣтухомъ и сталъ клевать бисеръ; бисеринка изъ-подъ ноги обратилась въ ястреба и заклевала пѣтуха до смерти. 7. Купецъ повѣнчалъ ученика изъ кольца со своею дочерью. Купеческая дочь послѣ наняла убійцъ, которые убили ея мужа, изрѣзали въ куски, склали въ боченокъ и пустили по морю; боченокъ прибило къ берегу и занесло пескомъ. Быкъ у ученикова отца (данный ему колдуномъ) заревѣлъ и, выпущенный старикомъ, прибѣжалъ къ морю, вырылъ боченокъ; старикъ разбилъ боченокъ и вымылъ куски; ворона схватила одинъ кусокъ, а быкъ прижалъ ее ногой и отпустилъ только тогда, когда ворона дала ему живой и мертвой воды. Отъ мертвой воды куски срослись, отъ живой воды ученикъ ожилъ. Потомъ нанялся работникомъ къ своей бывшей женѣ и убилъ ее.

Быкъ, который неожиданно появляется въ концѣ сказки (стр. 340, § 7), конечно, тотъ самый, котораго далъ старику колдунъ (стр. 338, § 3).

Срв. Аѳанасьевъ № 140: Хитрая наука; Эрленвейнъ № 18, стр. 87—91: Про старикова сына; Худяковъ I, № 19, стр. 65—70: Иванъ дорогокупленный (первая половина); Иваницкій № 10, стр. 182—184: Колдунъ и его ученикъ; Зеленинъ, Вятскія сказки № 30, стр. 123—127: Колдунъ Охъ и его ученикъ; Живая Старина 1897, стр. 443—445, и 1900, стр. 590.—Съ эпизодомъ о быкѣ (§ 7, стр. 340) срв. выше № 4, § 18, стр. 39.—О продажѣ скотины безъ веревки (узды) см. примѣчаніе къ № 4-му, стр. 516.

№ 58: Кузнецъ и чортъ (стр. 340—341). 1. У кузнеца была картинка, изображающая сатану, и кузнецъ каждый разъ, приходя домой, плевалъ сатанѣ въ глаза. Сатана послалъ кузнецу чертенка въ работники. Черезъ два года работникъ перековалъ одного старика на молодого и предложилъ кузнецу то же самое сдѣлать и съ его женой. 2. Кузнецъ силой привелъ жену въ кузницу. Сожгли жену; чертенокъ сказалъ кузнецу: „будешь моему сатанѣ въ глаза плевать!“ Когда кузнеца повѣсили на висѣлицѣ, чертенокъ трижды перерѣзалъ ему петлю, и кузнеца простили.

Срв. Аѳанасьевъ, Легенды № 31: Кузнецъ и чортъ; Зеленинъ, Вятскія сказки № 38, стр. 148—150; Живая Стариа 1894, № 1, стр. 13—14 (статья В. Н. Перетца, съ указаніемъ варіантовъ).

№ 59: Купеческій сынъ и Чудилище на стеклянной горѣ (стр. 342—346). 1. Купеческую дочь сваталъ Чудилище, но ему не отдали, а выдали за купеческаго сына. Чудилище пообѣщался украсть ее, почему ее держали запертой въ особой комнатѣ. 2. Дѣти, по совѣту няньки, украли ключи у отца изъ-подъ головы, сходили къ матери и не заперли ее. 3. Чудилище утащилъ купеческую жену. Купецъ велѣлъ дѣтямъ итти и найти ему жену. 4. Дѣти доѣхали на корабляхъ до стеклянной горы. Старшій идетъ на стеклянную гору и заходитъ въ двѣ стеклянныя избы, спрашивая живущихъ тутъ красавицъ о своей матери. 5. Нашелъ свою мать въ большомъ стеклянномъ домѣ. Мать хлопнула зорькой и сдѣлала его булавочкой, чтобы скрыть отъ Чудилища. Чудилища спросила, сдѣлалъ ли бы онъ ея сына наслѣдникомъ, и на утвердительный отвѣтъ хлопнула зорькой; сыну Чудилище все препоручилъ. 6. Не велѣлъ ему Чудилище пить одну воду и ѣсть одни плоды. Онъ отослалъ мать и двухъ красавицъ къ братьямъ; тѣ уѣхали, оставивъ мать. 7. Ѣстъ запрещенные плоды, пьетъ запретную воду—и почувствовалъ въ себѣ большую силу. Выпустилъ изъ-подъ 12-ти замковъ заколдованнаго коня и отпустилъ его пока въ поле. Чудовище (силу коего съѣлъ сынъ)

хотѣлъ ссѣчь ему голову, но самъ былъ убитъ своимъ же мечемъ. Ударилъ зорьку, увидя ее въ комнатѣ, и два лакея принесли ему пищи. Конь явился по первому его желанію, и они поѣхали; нагнали братьевъ, но не тронули ихъ. 8. Пріѣхавъ домой, сталъ на квартиру у старика. Братья пріѣхали и хотятъ жениться на красавицахъ, но невѣста-красавица требуетъ а) такое же платье, какое она носила на стеклянной горѣ. Старикъ, по совѣту купеческаго сына, взялся сшить платье; купеческій сынъ изрѣзалъ матерію и выбросилъ, а утромъ ударилъ зорькой, и горничная принесла ему нужное платье. 9. Невѣста требуетъ б) башмаки, какіе она носила на стеклянной горѣ. Старикъ взялся приготовить ихъ. Купеческій сынъ изрѣзалъ кожу и выбросилъ въ окно, а утромъ ударилъ зорькой, и сапожникъ принесъ ему нужные башмаки. 10. Невѣста требуетъ в) карету, въ какой она ѣздила на стеклянной горѣ. Старикъ взялся. Купеческій сынъ хлопнулъ зорькой, и карета готова. 11. Невѣста требуетъ г) сдѣлать на морѣ плотину и церковь. Старикъ взялся сдѣлать въ три мѣсяца. Сдѣлали. Невѣста согласилась вѣнчаться. 12. Передъ тѣмъ, какъ ѣхать къ вѣнцу, старшій купеческій сынъ выѣхалъ на своемъ конѣ на плотину и убиваетъ всѣхъ встрѣчныхъ. Отецъ его узналъ, сынъ разсказалъ ему все. Отецъ повѣнчалъ его на красавицѣ, а второго брата, не дождавшагося у подножья стеклянной горы до возвращенія старшаго, разстрѣлялъ на воротахъ.

Тема этой сказки общая съ извѣстной сказочной темой „Три царства: мѣдное, серебряное и золотое“ (Аѳанасьевъ № 71; Зеленинъ, Вятскія сказки № 84, стр. 239—254); много общаго и въ подробностяхъ; но много и разнаго.—Въ сказкѣ Аѳанасьева „Хрустальная гора“ (№ 97) въ хрустальной горѣ сидитъ царевна, унесенная сюда змѣемъ о 12-ти головахъ.—См. еще статью Е. Н. Елеонской въ Этнографическомъ Обозрѣніи 1913, № 3—4, стр. 52.

Превращеніе героя въ булавку (§ 5, стр. 343) или иголку встрѣтилось ниже и въ башкирской сказкѣ № 105 (§ 5, стр. 475).—*Та(о)ва́ръ* (§ 9, стр. 345)—выдѣланная кожа для обуви (пропущенное въ словарѣ слово, терминъ сапожниковъ).

№ 60: Морока (стр. 347—348). 1. Государь, отпуская солдата-шутника домой, велитъ ему представить какую-нибудь исторію. 2. Солдатъ проситъ запереть двери на три минуты. Отъ паровъ самовара, стоявшаго на столѣ, образовался дождь, потомъ озеро; солдатъ съ государемъ сѣли въ лодку, доѣхали до островка и купили у старика небольшого карася. 3. При возвращеніи они обысканы, такъ какъ нашли мертвое тѣло безъ головы. У государя въ мѣшкѣ находятъ эту голову; присудили его на висѣлицу. На висѣлицѣ государь крестится, мотнулъ головой и обмочилъ носъ въ стаканъ горячаго чаю. — Три минуты прошло.

Срв. выше № 52 и примѣчаніе къ нему. — Слѣдующая сказка (№ 61) является какъ бы продолженіемъ.

№ 61: Безстрашный солдатъ (стр. 348—350). 1. Солдатъ [герой сказки № 60] выпросилъ себѣ у государя чинъ „безстрашнаго атамана" и слугу — любимаго своего товарища Мартышку. Идутъ вмѣстѣ домой; остановившись, гуляютъ на лужайкѣ; проѣзжей барынѣ говорятъ, что они собираютъ лѣкарственныя травы, разсказываютъ о дѣйствіи разныхъ травъ. Когда барыня съ кучеромъ также начали рвать травы, безстрашный атаманъ съ Мартышкой уѣхали на барыниной тройкѣ. 2. На кладбищѣ вырыли три свѣжихъ трупа и положили ихъ себѣ въ повозку. Заѣзжаютъ въ домъ къ 12-ти разбойникамъ въ ихъ отсутствіе, отнимаютъ у старухи-караульщицы деньги, обѣдаютъ и ложатся спать на полати. 3. Прибывшіе разбойники грозятъ расправиться съ гостями, но сначала сѣли обѣдать. Безстрашный атаманъ садится съ ними и пробуетъ мясо, потомъ велитъ Мартышкѣ принести ему свое кушанье — удавленника; потеребилъ ухо трупа и говоритъ, что „прокваснлъ! неси другого!" И другого проквасилъ, давай живого разбойника съ краю. Разбойники, испугавшись, разбѣжались, а ихъ имущество досталось солдатамъ.

Настоящая сказка представляется продолженіемъ предшествующей (№ 60 Морока): герой той и другой одинъ.

Срв. Зеленинъ, Вятскія сказки № 52, стр. 182—184: Безстрашный баринъ. Подобная сказка есть и у Чулкова. — Башкиръ-солдатъ разсказалъ мнѣ русскую сказку „Безстрашный солдатъ" (стр. 442—443), но съ другимъ содержаніемъ.

№ 62: Весёлый (стр. 351—352) *). 1. Веселый, играя въ скрипку, идетъ дорогой и сходится съ волкомъ и медвѣдемъ. Всѣ трое жалуются на то, что ихъ несправедливо обвиняютъ въ кражѣ. 2. На озеркѣ стояли жители Вятской губерніи, везшіе толокно; бурей воза съ толокномъ сбросило въ озеро. Медвѣдь натаскалъ въ это озерко хмѣлю, и получилось пиво. Поставили избушку окнами къ пивному озерку. Баба Яга стала у нихъ воровать пиво. 3. Послали караулить — первую ночь волка. Яга отколотила волка коромысломъ, и волкъ уползъ; баба напилась, а товарищи считаютъ избитаго волка пьянымъ. То же самое случилось и съ медвѣдемъ, который караулилъ во вторую ночь. 4. Веселый, придя караулить на третью ночь, сталъ къ соснѣ и играетъ на скрипкѣ, баба начала плясать и потомъ хочетъ учиться играть на скрипкѣ. На возраженіе, что у нея пальцы толсты для игры, Яга проситъ Веселаго сдѣлать пальцы потоньше. Веселый защемилъ пальцы Яги въ раздвинутую клиномъ щель пенька, а потомъ клинъ вынулъ и убилъ Ягу.

См. варіантъ въ рукописи В. Н. Бондаренка, 1890 г., „Матеріалы для описанія быта крестьянъ Тамбовской губерніи" (Архивъ Географич. Общ. XL, 34, сказка № 6: Иванъ медвѣжье ушко): У старухи отъ мед-

---

*) Сказку Алексѣева „Ивинька на лошадкѣ сивинькой" (стр. 351) срв. со сказкой Аѳанасьева № 242: Дорогая кожа.

вѣдя родился сынъ Иванъ, который уноситъ свою мать изъ медвѣжьей берлоги, собираетъ звѣрей — зайца, лису, волка и медвѣдя, поселяется съ ними на берегу озера и „насыщаетъ озеро" [т. е., дѣлаетъ изъ воды въ озерѣ медовую сыту]; когда вода въ озерѣ стала пропадать, ее караулятъ поочередно, но при этомъ всѣ, кромѣ Ивана, страдаютъ отъ бабы-Яги.

Изъ толокна (§ 2, стр. 351) пива нельзя, конечно, сварить. Толокно явилось тутъ вмѣсто солоду, по недоразумѣнію, вѣроятно подъ вліяніемъ извѣстныхъ анекдотовъ о „толоконникахъ", мѣшавшихъ толокно въ проруби; рядомъ съ знаменитыми пошехонцами въ этихъ анекдотахъ высмѣиваются и вятчане, названные и въ нашей сказкѣ. (Въ Екатеринбургскомъ уѣздѣ много вятчанъ переселенцевъ и отхожихъ промышленниковъ). — Соотвѣтствующіе анекдоты о вятчанахъ-толоконникахъ см. въ моей статьѣ «Народныя присловья и анекдоты о русскихъ жителяхъ Вятской губерніи" (Вятка, 1904, стр. 26, 39 и 41; на стр. 26 тутъ приведены мною данныя о славѣ „вятскаго солода", быть можетъ и давшей поводъ къ смѣшенію въ нашей сказкѣ).

№ 63: Емеля дурачокъ. (По щучьему велѣнью) (стр. 353—355). 1. Отецъ, умирая, далъ каждому изъ трехъ сыновей по сту рублей. Младшій сынъ, Емеля дуракъ, отдалъ свои сто рублей братьямъ, чтобы они купили ему на ярмаркѣ красную одежду. 2. Снохи посылаютъ Емелю за водой; онъ пришелъ къ проруби, увидѣлъ тамъ щуку и выбросилъ ее на ледъ. Щука проситъ его отпустить ее, обѣщая добро. „По щучьему велѣнью, по моему прошенью" ведра сами почерпнулись и пришли въ избу. 3. Топоръ нарубилъ дровъ, которыя сами понеслись въ избу и положились въ печь. Дровни (сани) сами ѣдутъ въ лѣсъ, дрова нарубились; на пути въ лѣсъ и обратно Емеля много примялъ дровами народу. 4. Король потребовалъ Емелю къ себѣ, и онъ поѣхалъ на печкѣ. Королевская дочь влюбилась въ Емелю. Емеля отпущенъ и прибылъ домой. 5. [Тутъ видимый пропускъ]. Король велѣлъ Емелю и свою дочь запечатать въ бочку и пустить въ море. На четвертыя сутки они вышли на луга. 6. Король наложилъ на Емелю службу: въ одну ночь построить дворецъ не хуже царскаго. Исполнено; и самъ Емеля сталъ красавцемъ; король въ гостяхъ у него; въ одной комнатѣ нашли королевскую дочь, съ которой и повѣнчали Емелю.

Разсказчикъ, видимо, плоховато зналъ сказку и дѣлалъ пропуски: въ § 4 ничего не сказано о томъ, какъ произошло, что королевская дочь влюбилась въ Емелю. Въ § 5-мъ совсѣмъ не ясны обстоятельства и причины того, за что королевская дочь посажена съ Емелей въ бочку. Въ § 6-мъ не выяснено, по какому поводу наложена на Емелю служба.

Срв. Аѳанасьевъ № 101: По щучьему велѣнью; Зеленинъ, Вятскія сказки № 23, стр. 91—96; Живая Старина 1898, стр. 109—110.

№ 64: Иванъ Несчастный (Марко Богатый). 1. Привидѣлось богачу, что его имущество достанется Ивану Несчастному, и богачъ взялъ Ивана въ дѣти, заплативъ родителямъ 200 рублей. 2. Бросилъ Ивана (ребенка) въ оврагъ, но проѣзжіе купцы достали его оттуда, привезли его на квартиру къ этому самому богачу и продали ему за двѣ тыс. рублей. 3. Богачъ заколотилъ младенца въ боченокъ и пустилъ по озеру. Монашки спасли младенца и воспитали его, обучили грамотѣ. 4. Богачъ опять взялъ его (уже 18-лѣтняго) въ дѣти, простивъ монашкамъ 50 тыс. арендныхъ денегъ. 5. Уѣзжая, богачъ сдѣлалъ Ивана управляющимъ, а женѣ написалъ, чтобы его сожгли въ чану. Когда Иванъ несъ это письмо съ почты, встрѣтившійся старичокъ посмотрѣлъ письмо, и въ письмѣ оказалось: «повѣнчать на моей дочери». Жена повѣнчала. Богачъ сталъ пьянствовать, и его живого съѣли черви.

См. выше № 45, стр. 282—285 и 550, и указанные тамъ варіанты.

№ 65: Восковыя статуи (стр. 359—360). 1. Архіерей заказалъ мастеру 12 восковыхъ статуй—священника, дьякона, псаломщика и пѣвчихъ, и далъ задатокъ 500 рублей; 9 статуй мастеръ сдѣлалъ, а на прочія не хватило денегъ. 2. Когда жена мастера возвращалась изъ церкви, съ ней разговариваютъ — сначала священникъ, потомъ дьяконъ, потомъ псаломщикъ, и она приглашаетъ всѣхъ ихъ къ себѣ въ гости ночью, назначивъ разные часы, а мужу говоритъ, что она нашла еще три статуи. 3—4. Каждаго гостя у жены застаетъ ея мужъ и бранитъ ее, зачѣмъ у ней горитъ огонь. Жена, пряча гостей, велитъ имъ, снявъ одежду, стать среди статуй. 5. Мужъ послалъ жену къ архіерею принимать статуи. Архіерей прибылъ и удивляется поразительному сходству статуй съ нѣкоторыми членами мѣстнаго причта. Мастеръ, съ ножомъ въ рукахъ, предлагаетъ, въ случаѣ надобности, зарѣзать и сдѣлать новыхъ; священникъ убѣжалъ въ окошко, дьяконъ въ дверь. Архіерей заплатилъ деньги за всѣ статуи.

Данная сказка принадлежитъ къ циклу тѣхъ сказокъ, которыя разсмотрѣны Ю. М. Соколовымъ въ его работѣ „Повѣсть о Карпѣ Сутуловѣ“ (М. 1914). Вполнѣ сходныхъ сказокъ, гдѣ бы также были статуи, тамъ, однако, нѣтъ; ближе прочихъ къ нашей сказкѣ фабліо Константина Дюгамеля (стр. 26).

№ 66: Смѣхъ и горе (стр. 362—370). 1. Въ царствованіе императора Николая I-го крестьянинъ дер. Окомёловки, Козодаевской вол. Спасскаго у. Рязанской губ., Василій Ив. Куриловъ, попалъ на военную службу въ Петроградъ. Служба ему не давалась, и Куриловъ задумалъ проситься домой; но врачъ призналъ его вполнѣ здоровымъ и не далъ свидѣтельства для отпуска. 2. На смотру Куриловъ заявилъ претензію Государю Императору: „отпустите меня домой на годъ“. Государь отпу-

стилъ подъ условіемъ, чтобы Куриловъ привезъ ему оттуда смѣхъ и горе. 3. Куриловъ пошелъ домой пѣшкомъ; у него съ собой 60 коп., азбука, отпускное свидѣтельство и три фунта черныхъ сухарей. Въ гор. Владимірѣ Куриловъ остановился въ номерѣ, стоющемъ два рубля въ сутки, и заказалъ ужинъ въ $1^1/_2$ рубля, назвавъ себя генералъ-майоромъ изъ Санъ-города-Петербурга. Остановившійся въ тѣхъ же номерахъ генералъ-лейтенантъ изъ Москвы, позвавъ было Курилова къ себѣ, самъ пришелъ въ номеръ къ Курилову; поужинали и выпили. Куриловъ, играя въ карты, выигралъ у генерала 20 тс. рубл., коней съ кучеромъ и экипажемъ и генеральскую одежду. 4. Рано утромъ Куриловъ уѣхалъ, засунувъ въ голенище спящаго генерала 10 рубл. Въ гор. Николаевскѣ Куриловъ останавливается въ лучшихъ номерахъ, содержимыхъ графомъ, называетъ себя генералъ-лейтенантомъ изъ Санъ-города-Петербурга и вѣнчается съ графской дочерью. Черезъ три мѣсяца ѣдетъ домой смотрѣть свои 15 домовъ и 15 магазиновъ: ѣдетъ пока одинъ, обѣщая прислать депешу женѣ о состояніи дорогъ. 5. Остановился Куриловъ кормить лошадей въ сельской корчмѣ и проигралъ всѣ свои деньги, коней, экипажъ и одежду военному писарю. Послалъ съ кучеромъ письмо къ своей женѣ, гдѣ открылъ все. Графская дочь взяла у отца денегъ, пріѣхала въ корчму, отыграла у писаря все то, что онъ выигралъ у Курилова, и пріѣхала въ деревню Окомеловку, гдѣ Куриловъ уже молотилъ хлѣбъ съ отцомъ. 6. Разыскавъ Курилова и заставивъ его вымыться въ банѣ и постричься, жена увезла его къ своему отцу. 7. Когда истекъ срокъ отпуска, Куриловъ съ женой прибылъ въ Петроградъ. Нанялъ за 5 рубл. двухъ товарищей солдатъ вычистить ему винтовку. 8. Смотръ. Графская дочь гуляетъ около солдатъ; командующій войсками, дѣлая выговоръ офицерамъ, оскорбляетъ ее словами. Та жалуется Государю. Государь разжаловалъ командующаго и поставилъ на его мѣсто Курилова, коему сказалъ: «привезъ ты мнѣ радость: племянница моя [графская дочь] вышла замужъ за рядового, и горе: командующаго войсками разжаловалъ въ рядовые».

Ни деревни Окомѣловки, ни Козодаевской волости (§ 1) въ спискѣ населенныхъ мѣстъ Рязанской губерніи не числится. — Слово *корчма́* (§ 5, стр. 366) говоритъ о не-мѣстномъ происхожденіи данной сказки (слово это нашъ сказочникъ позаимствовалъ, вѣроятно, отъ того солдата-орловца, который и разсказалъ ему эту сказку). — Въ § 5-мъ (стр. 366, 15-ая строка снизу) моя описка: вмѣсто „отыгралъ у него *Куриловъ*“ нужно читать: „отыгралъ у него *писарь*“.

№ 67: Сказка о Дунькѣ-Duркѣ и Ясномъ Соколѣ (стр. 371—375). 1. Изъ трехъ дочерей старика двѣ старшихъ просили отца купить въ городѣ ленточку и платочекъ, а третья, Дунька дурка—перышко яснаго сокола. Отецъ купилъ. Ясный соколъ прилетѣлъ вечеромъ въ избушку (сестры жили въ отдѣльныхъ избушкахъ) къ Дунькѣ, подарилъ ей красивое платье и улетѣлъ. 2. Въ праздникъ старшія сестры ушли въ

церковь, а Дуньку не взяли. Дунька надѣла подаренное яснымъ соколомъ платье и пришла въ церковь, гдѣ всѣ на нее засмотрѣлись. Воротилась домой раньше сестеръ и, въ отвѣтъ на разсказы ихъ, спросила: „не я ли это, сестры, была?“ Вечеромъ ясный соколъ вновь прилетѣлъ къ ней и подарилъ платье лучше прежняго. 3. Когда сестры пошли къ обѣднѣ, Дунька просится съ ними, но онѣ не берутъ; проситъ у нихъ гребешка, онѣ бросили ей гребень прямо въ голову. Пришла одна въ церковь, всѣ на нее заглядѣлись; на вопросъ: откуда? Дунька отвѣтила: „я изъ того городу, гдѣ бьютъ гребнемъ голову“. Ясный соколъ подарилъ ей вечеромъ еще платье, лучше прежнихъ. 4. Идя къ обѣднѣ, сестры не взяли Дуньку, мыло бросили ей прямо въ голову. Нарядившись, Дунька пошла одна; спрашивавшимъ отвѣчала: „я изъ того городу, гдѣ бьютъ мыломъ голову“. 5. Сестры узнали, что къ Дунькѣ прилетаетъ ясный соколъ, поставили на окнѣ ножницы; онъ накололся и не сталъ летать. 6. Дунька догадалась по крови на окнѣ, что случилось; пошла искать яснаго сокола; гоститъ у бабы яги въ избушкѣ на курьихъ ножкахъ; яга сказала Дунькѣ, что ясный соколъ уже высваталъ себѣ внучку злой бабы яги. 7. У другой бабы яги, которая дала Дунькѣ золотую прялку, серебряное веретено, золотыя ведерка и золотой жбанчикъ. Ясный соколъ уже женился. 8. Дунька пришла въ избу къ ясному соколу и прядетъ. Баба яга [теща сокола] покупаетъ у ней золотую прялку. Дунька отдала за право ночь переночевать съ яснымъ соколомъ, но не могла разбудить его: баба яга усыпила его. 9. Другой разъ Дунька пришла и побрякиваетъ (по совѣту доброй бабы яги) золотыми ведерками и продаетъ ихъ бабѣ ягѣ опять за право переночевать съ яснымъ соколомъ. но опять не могла разбудить его. 10. Взяла золотой жбанчикъ, переливаетъ воду изъ рожка въ рожокъ, продала жбанъ бабѣ ягѣ за то же право и едва разбудила яснаго сокола. 11. Поѣхали съ яснымъ соколомъ. Когда баба яга стала ихъ нагонять, Дунька бросила щетку—и сталъ густой лѣсъ; баба яга поѣхала за топорами. Новая погоня; Дунька бросила кремень, и появилась огненная рѣка; баба яга попросила платокъ; когда они бросили платокъ, яга встала на него и утонула.

Откуда Дунька взяла чудесную щетку (въ подлинникѣ слово шеть ошибочно пояснено: сѣть) и кремень (§ 11), въ сказкѣ не сообщено.

Срв. Аѳанасьевъ № 129: Перушко финиста-ясна сокола; Худяковъ I, № 5, стр. 25—30: Фенисно-ясно-соколъ-перышко; Зеленинъ, Вятскія сказки № 74, стр. 222—224: Фифилисно ясно перышко; Ончуковъ, № 176, стр. 434—436.

Романическое приключеніе: молодой аристократъ тайно посѣщаетъ младшую дочь крестьянина и даритъ ей богатые подарки; старшія сестры, изъ зависти, назлили аристократу. Послѣдняго родители женятъ на немилой. Старая зазнобушка съ большими трудностями достигаетъ своего милаго.

№ 68: Сказка о котѣ и рѣшетѣ (Волшебная конопатка) (стр. 377—378). 1. Проклятый матерью сынъ старухи провалился сквозь землю, нашелъ тамъ конапатку [родъ лопатки] съ кошелькомъ и пришелъ домой. Мать полюбила его и задумала женить. 2. По повелѣнію сына, мать запрягла кота въ рѣшето и поѣхала къ царю; царскіе слуги не замѣтили ее, когда она проѣхала въ подворотню. 3. Сказавшись очень богатою, старуха выпросила у царя мѣру (четверть) для счета денегъ. 4. Черезъ три мѣсяца возвратила эту мѣру съ заткнутою за обручъ серебряною монетой. Когда старуха поѣхала къ царю, сынъ ея пошевелилъ конопатку и кошелекъ, и сталъ молодцомъ, а старуха помолодѣла. Старуха серебряную монету изъ-за обруча отдаетъ царю, но тотъ не взялъ. 5. Старуха сватаетъ царскую дочь; царь согласился подъ условіемъ, если женихъ устроитъ отъ царскаго двора до старухинаго дома дорогу „въ золотѣ". Сынъ пошевелилъ свою конопатку и кошелекъ, и дорога явилась. На другой день послѣ свадьбы новобрачные оказались въ прежней старухиной избушкѣ на подпорахъ.

Основная тема сказки та же самая, что и въ извѣстной сказкѣ „Волшебное кольцо" (см. выше № 46 и ниже № 87); только здѣсь вмѣсто кольца видимъ конопатку (лопатку). Въ эту сказку вклеенъ эпизодъ о мѣряньѣ старухою денегъ для увѣренія царя въ своемъ богатствѣ (§§ 3—4; срв. у Аѳанасьева сказки №№ 98, вар. 1, и 99: Бухтанъ Бухтановичъ и Козьма Скоробогатый).—Оригинальна поѣздка старухи къ царю на котѣ, запряженномъ въ рѣшето, что дало поводъ разсказчику даже и озаглавить сказку словами: «о котѣ и рѣшетѣ». Конечно, этимъ весьма выразительно подчеркнута бѣдность героя, у котораго не оказалось ни лошади (ни другой какой-нибудь скотины, кромѣ кота), ни экипажа. Но, повидимому, рѣшето служитъ еще символомъ обмана, съ чѣмъ срв. выраженія: «Показать Москву въ рѣшето» (=обмануть, одурачить), «возить попа въ рѣшетѣ» (=лгать на исповѣди или скрывать грѣхи), «чудеса въ рѣшетѣ». Наконецъ, срв. обычай жителей Енотаевскаго уѣзда Астраханской губерніи принимать новорожденнаго младенца въ рѣшето—«въ отвращеніе отъ напастей въ его жизни» (Зеленинъ, Описаніе рукописей ученаго архива И. Р. Географическаго Общества, I, 1914, стр. 64 и 61), т. е. самое рѣшето является какъ бы талисманомъ.

Нѣкоторыя повѣрья и легенды о проклятыхъ своими родителями дѣтяхъ, какимъ является герой данной сказки, собраны мною въ статьѣ «Къ вопросу о русалкахъ» (Живая Старина 1911, стр. 393); срв. также Зеленинъ, Вятскія сказки, стр. 282 («прокленёнышъ» оказывается на службѣ у чертей).

№ 69: Сказка о старикѣ и старухѣ. (Мужъ да жена) (стр. 378—379). 1. Старуха притворилась больною и послала старика въ Задонское царство по лѣкарство. 2. Встрѣтившійся солдатъ сказалъ старику, что жена надъ нимъ насмѣхается. Старикъ пришелъ обратно съ солдатомъ; у старухи пиръ. Солдатъ завернулъ старика въ солому и поставилъ въ уголъ у порога. 3. По просьбѣ гостей солдатъ поетъ; въ

своей пѣснѣ онъ говоритъ «соломѣ», что на спицѣ виситъ безмѣнъ, и какъ бы предупреждаетъ гостей, что «достанется всѣмъ». 4. Неожиданно выскочившій изъ соломы старикъ прибилъ безмѣномъ многихъ гостей.

Срв. Аѳанасьевъ № 240: Мужъ да жена; Ончуковъ № 221, стр. 488—489: Попъ, попадья и дьячекъ, и № 138, стр. 336—338: Попъ исповѣдникъ. Въ рукописи В. Волегова „Простонародныя сказки, разсказы, побасенки, игры и скороговорки [Пермской губерніи]" находимъ эту сказку въ стихахъ, изложенную тономъ раешника (Архивъ Географ. Общ. XXIX, 68). Среди записанныхъ П. Ѳ. Первушинымъ въ Камышловскомъ уѣздѣ „святочныхъ пѣсенъ" находимъ пѣсню: „Солома, солома, | Солома ржаная! | Скажи-ка солома, | Что дѣлаютъ дома?— | Висятъ кисти на стѣнѣ, | Полуштофчикъ на столѣ, | Одинъ попъ за столомъ" (Записки Уральскаго Общества Естествознанія 1890-хъ годовъ). Срв. еще извѣстную былину Кирши Данилова „Гостя Терентиша" (Сборникъ Кирши Данилова. Спб. 1901, стр. 6—8).

№ 70: Сказка о мужикѣ и медвѣдѣ (Медвѣдь, заяцъ, паукъ и мужикъ) (стр. 379—380). 1. Старикъ пашетъ. Медвѣдь спрашиваетъ его, какъ онъ сдѣлалъ свою лошадь пѣгою; мужикъ разсказалъ, что онъ калеными сошниками водилъ по ея кожѣ, и продѣлалъ это надъ медвѣдемъ. 2. Медвѣдь посылаетъ зайца испугать лошадь у мужика. Мужикъ ударилъ зайца палкой по заднимъ ногамъ и отломилъ зайцу ноги. 3. Слѣпень сѣлъ на лошадь; мужикъ заткнулъ ему въ задъ [сучекъ]. 4. Къ мужику пришла старуха.

Эту же сказку я записалъ отъ жителя Нижне-Кыштымскаго завода, Екатеринбургскаго уѣзда, Ст. Ал. Егорова. Привожу ее здѣсь полностью: „Мужикъ пахалъ поле на пѣга́ной кобылѣ. Приходитъ къ нему медвѣдь и спрашиваетъ: „дядя, хто тебѣ эту кобылу пѣганой дѣлалъ?"— „Самъ пѣжилъ".—„Да какъ?"—„Давай, и тебя сдѣлаю!?"—Медвѣдь согласился. Мужикъ связалъ ему ноги веревкой, снялъ съ саба́на сошни́къ, нагрѣлъ ево на огнѣ и давай прикладывать къ бокамъ: горячимъ сошнико́мъ опали́лъ ему шерсь до мяса, сдѣлалъ пѣганымъ. Развеза́лъ,— медвѣдь ушолъ; немного отошолъ, лёгъ подъ дерево, лежитъ.—Прилетѣла сорока къ мужику клевать на ста́нѣ мясо. Мужикъ поймалъ её и сломалъ ей одну ногу. Сорока полетѣла и сѣла на то самое дерево, подъ которымъ лежитъ медвѣдь.—Потомъ прилитѣлъ, послѣ сороки, на станъ къ мужику пау́къ (муха большая) и сѣлъ на кобылу, началъ кусать. Мужикъ поймалъ паука, взялъ — воткнулъ ему въ задницу палку и отпустилъ. Пау́къ полетѣлъ и сѣлъ на то же дерево, гдѣ сорока и медвѣдь. Сидятъ всѣ трое.—Приходитъ къ мужику жена, приноситъ въ поле обѣдъ. Пообѣдалъ мужикъ съ женой, на чистомъ воздухѣ, началъ валить её на̀ полъ, зава̀ривать ей подолъ. Увидалъ это медвѣдь и говоритъ сорокѣ съ паукомъ: „батюшки! мужикъ опять ково-то хоти́тъ пѣжить".— Сорока говоритъ: „нѣтъ, кому-то ноги хотитъ ломать".—Паукъ: „нѣтъ, палку въ задницу кому-то хотитъ засунуть".

Кромѣ того, я записалъ эту сказку въ Вятской губерніи (№ 58, стр. 194), гдѣ сказочникъ называлъ ее „робячья сказка“ т. е. дѣтскою сказкою. Увѣреніе В. А. Боброва (Русскій Филологическій Вѣстникъ, 1908, № 1—2, стр. 219—220, изслѣдованіе: Русскія народныя сказки о животныхъ), будто В. И. Майковъ придѣлалъ къ этой сказкѣ скабрезный конецъ (Сочиненія и переводы В. И. Майкова, подъ ред. П. А. Ефремова. Спб. 1867, стр. 213—216: Крестьянинъ, медвѣдь, сорока и слѣпень), какого въ сказкѣ вовсе нѣтъ,—нужно признать совершенно несправедливымъ, тѣмъ болѣе, что оно противорѣчитъ и замѣчанію А. Н. Аѳанасьева (примѣчаніе къ сказкѣ № 20). Думаю даже, что нескромное значеніе глагола пѣжить (отмѣчено мною въ Елабужскомъ уѣздѣ, см. мой „Отчетъ о діалектологической поѣздкѣ въ Вятскую губернію“ въ Сборникѣ II-го Отдѣленія Имп. Академіи Наукъ, т. 76, стр. 111) ведетъ свое начало именно отъ этой сказки.

№ 71: Сказка о дѣвкѣ (Разбойники и дѣвица) (стр. 380—381). 1. Дѣвица, оставшись дома одна, пряла съ подружкой; пошла въ подполье за уроненымъ веретеномъ и увидала тамъ мужика съ ножомъ. Когда наѣхали разбойники, то двѣ дѣвицы отбились отъ нихъ косами, и тѣ уѣхали. 2. Пріѣхали богатые сваты, и дѣвицу выдали замужъ. Мужъ ея ѣстъ человѣческое мясо. Ночью она сказалась больною и была на веревкѣ спущена мужомъ подъ окно, гдѣ лежали козы; привязала къ веревкѣ козу за рога, а сама спряталась въ озеро и дышала черезъ дудку, а потомъ убѣжала домой и залѣзла на чердакъ. 3. Разбойники пріѣхали и зовутъ тестя и тещу въ гости. Теща пошла на чердакъ за одеждой и увидала здѣсь свою дочь. Разсказали сосѣдямъ, и тѣ связали разбойниковъ. 4. Когда мужики подъѣхали къ разбойничьему дому на островѣ, разбойники всѣ разбѣжались, остался только атаманъ, у коего одинъ глазъ былъ мѣдный, а другой глазъ оловянный. Этого атамана разстрѣляли на воротахъ, деньги взяли, а домъ сожгли.

Срв. Аѳанасьевъ № 199: Разбойники (особенно Моршанскій варіантъ въ примѣчаніяхъ); Ончуковъ № 295, стр. 580—581: Красная дуга; Садовниковъ № 106, стр. 314—317: Дѣвка; Образцы мордовской народной словесности. Вып. II. Сказки и загадки на эрзянскомъ нарѣчіи мордовскаго языка съ русскимъ переводомъ. Изданіе Православнаго Миссіонерскаго Общества. Казань, 1883, стр. 135—163: Маша.

Разстрѣлъ на воротахъ (§ 4), столь обычный въ нашихъ сказкахъ (см. ниже указатель, подъ сл. ворота), — явленіе, вѣроятно, бытовое.— Эпизодъ съ козой на брачномъ ложѣ (§ 2) срв. съ подобнымъ же эпизодомъ выше, въ сказкѣ № 21, стр. 189.

№ 72: Мышь и воробей (Чудо лѣсное?) (стр. 382—384). 1. Мышь и воробей жили въ одной норѣ; при дѣлежѣ зеренъ, воробей хотѣлъ перекусить пополамъ спорное зерно и проглотилъ его. 2. Дерутся.

Мышь созвала на драку разныхъ звѣрей, а воробей — разныхъ птицъ. Жаръ-птица дралась съ медвѣдемъ и обломала себѣ крыло. 3. Иванъ крестьянскій сынъ хочетъ застрѣлить эту жаръ-птицу въ лѣсу, но та проситъ не стрѣлять ее, а унести домой, обѣщая добро. Пожила нѣсколько времени у Ивана, выздоровѣла и просится на волю. 4. Жаръ-птица посадила Ивана на себя и повезла въ гости къ своей старшей сестрѣ; сестра угостила ихъ, но отказалась выдать брату «батюшкино благословенье—сундучекъ». Жаръ-птица сожгла домъ сестры. 5. То же самое произошло и у средней сестры. 6. Младшая сестра отдала брату свой сундучекъ. 7. Иванъ гоститъ у самое жаръ-птицы; на прощанье жаръ-птица подарила ему сестринъ сундучекъ; не велѣла открывать его до дому. 8. Иванъ не утерпѣлъ, открылъ на дорогѣ. Оказалось царство; Иванъ сталъ царемъ и пригласилъ къ себѣ родителей.

Начало сказки „Чудо лѣсное“ или «Морской царь»; см. выше № 24, стр. 207—214, и указанные въ примѣчаніи къ этой сказкѣ (на стр. 538) варіанты. — Характерно, что сильнѣйшимъ въ числѣ звѣрей здѣсь оказывается медвѣдь (§ 2; а не левъ), что болѣе соотвѣтствуетъ мѣстнымъ условіямъ.

№ 73: Братъ и сестра (Дѣвица съ отрубленными руками) (стр. 385—390). 1. Купеческій сынъ, согласно завѣщанію своихъ родителей, почиталъ свою сестру и, отправляясь на рынокъ торговать, просилъ всегда сестринаго благословенія. Съ согласія сестры, женился. 2. Женѣ не понравилось, что мужъ ея такъ уважаетъ свою сестру. Любовникъ жены пришелъ къ ней въ отсутствіе ея мужа, а сестра его прогнала. Жена убила свою комнатную собачку и плачетъ; мужу сказала, что убила собаку его сестра. 3. Мужъ ничего не сказалъ о томъ сестрѣ. Сестра опять прогнала женина любовника. Жена убила своего ребенка и плачетъ; мужу сказала, что убійца—его сестра. 4. Жена велитъ мужу увезти сестру въ лѣсъ, убить ее тамъ и сердце привезти женѣ. Мужъ, по просьбѣ сестры, отсѣкъ ей только руки и ноги, а женѣ своей привезъ сердце убитой собаки. 5. Безрукая дѣвица какъ-то залѣзла на дубъ; собаки Ивана царевича лаютъ у дуба, а Иванъ царевичъ обѣщаетъ жениться на дѣвицѣ. Женился. 6. Иванъ Царевичъ поѣхалъ въ иные города, оставивъ беременную жену на попеченіи родителей. Повивальной бабкой у молодой царицы оказалась мать ея снохи [теща купеческаго сына, мать его жены]. Бабка унесла къ себѣ домой новорожденнаго царевича, у коего полокоть руки въ золотѣ, поколѣнъ ноги въ серебрѣ, во лбу солнце, а въ затылкѣ луна; родителямъ царевича бабка сказала, что царица родила щенка. 7. Родители спросили царевича письмомъ, куда дѣвать щенка? Тотъ отвѣтилъ въ письмѣ, чтобы до него ничего со щенкомъ не дѣлали, а бабка подмѣнила письмо, написала: родильницу вмѣстѣ со щенкомъ запечатать въ бочку и отпустить въ море. Въ эту бочку бабка тайкомъ положила и ребенка. 8. Монахиня разбила приплывшую къ плоту бочку. Царица съ ребенкомъ живутъ въ монастырѣ. 9. Когда ребенокъ выросъ, царица пошла съ нимъ во свою

сторону. Иванъ царевичъ женится на дочери повивальной бабки (на сестрѣ жены купеческаго сына). Несмотря на многолюдство гостей, царицу съ сыномъ пустили ночевать во дворецъ, такъ какъ сынъ назвался хорошимъ сказочникомъ. Онъ разсказалъ быль про себя; Иванъ царевичъ догадался и велѣлъ казнить сноху (жену купеческаго сына) и ея мать (повивальную бабку), а самъ сталъ жить вмѣстѣ съ своей прежней женой и ея сыномъ.

Варіантъ сказочной темы „Безрукая дѣвица", въ коемъ исторія чудеснаго исцѣленія безрукой матери опущена: разсказчикъ, видимо, пропустилъ этотъ эпизодъ, хотя его и необходимо предполагать на основаніи того, что царица въ концѣ сказки сама ходитъ (стр. 390, §§ 8—9), а прежде была безногой. — Данной сказочной темѣ посвящено цѣлое изслѣдованіе сербскаго ученаго П. Поповича „Приповетка о девоjци без руку" (Београд, 1905), а также обширная рецензія на этотъ трудъ проф. А. И. Яцимирскаго, съ приведеніемъ весьма многочисленныхъ новыхъ данныхъ (Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и слов. И. Академіи Наукъ, т. XVI, кн. 3, 1911 г., стр. 328 и слѣд.).

Срв. Аѳанасьевъ № 158: Косоручка; Худяковъ I, № 22, стр. 94—97: Безручка; Садовниковъ № 102, стр. 304—307: Злая сноха; Зеленинъ, Вятскія сказки № 72, стр. 216—219; Ончуковъ № 80, стр. 219—222: Оклеветанная сестра; Романовъ, Бѣлорусскій сборникъ III, № 55, стр. 283—289: Бязрукая сястра.

№ 74: Кошечка золотыя сережечки (стр. 392 — 394). 1. Старуха хотѣла печь хлѣбы и послала свою дочь, дѣвочку, въ огородъ за капустными листьями. Дѣвочка увидѣла кошечку съ золотыми сережками и бѣжитъ за ней—въ воду, въ рыболовную вершу, въ лѣсъ, въ избушку, а тамъ лежитъ на полатяхъ старый старикъ, который и благодаритъ кошечку за принесенную ею дѣвушку. 2—3. То же самое произошло съ посланными въ огородъ—сначала мальчикомъ, сыномъ старухи, а потомъ и со старикомъ; ихъ старикъ въ избушкѣ съѣлъ. 4. Старуха пошла сама въ огородъ, также попала съ кошечкой въ избушку къ старику и съѣдена. Квашня у нея уплыла (тѣсто вылилось, поднимаясь отъ дрожжей), а избушка сгорѣла.

А. М. Смирновъ, относя эту сказку къ темѣ „Пѣніе волка; волкъ поѣдаетъ всѣхъ животныхъ и старуху", справедливо замѣчаетъ, что это „въ высшей степени странная сказка" (Систематическій указатель темъ и варіантовъ русскихъ народныхъ сказокъ, 22). — Можно думать, что это начало сказки, передѣланное сказочникомъ въ особый разсказъ для дѣтей; записанная мною на Вяткѣ сказка „Медвѣдь-зять" начинается нѣсколько похоже: „котикъ золотой хвостикъ" бѣгаетъ вокругъ колодца, потомъ въ поле и въ лѣсъ, и заманиваетъ такимъ образомъ, одну за другою, трехъ дочерей старика, посланныхъ на колодецъ за водой; дѣвицъ этихъ потомъ беретъ замужъ медвѣдь (Вятскія сказки № 16, стр. 69—70: Котикъ золотой хвостикъ).

Въ Пермской губерніи довольно обычно произношеніе *исерьга̀* вмѣсто серьга, почему написаніе подлинника „золоты исережечки" я не считаю ошибкою; въ заглавіи же, вѣроятно, редакторъ Губернскихъ Вѣдомостей исправилъ: „кошечка *золотыи* сережечки", что̀ я также сохраняю.

№ 75: Колобокъ (стр. 394—396). 1. Старуха изъ остатковъ муки испекла колобокъ, а онъ убѣжалъ; встрѣчается съ зайцемъ и, чтобы тотъ его не съѣлъ, разсказываетъ ему „сказочку"—свое прошлое; убѣжалъ отъ зайца. 2—3. Также точно колобокъ убѣгаетъ отъ волка и отъ медвѣдя. 4. Лиса, выслушавъ сказочку колобка, похвалила ее и попросила его сѣсть ей на хвостъ, чтобы еще разъ выслушать; вновь похвалила и просила сѣсть ей на языкъ, еще послушать, а вмѣсто того—съѣла колобокъ.

Срв. Аѳанасьевъ № 16: Колобокъ; Ончуковъ № 133, стр. 321: Колобокъ.

№ 76: Дѣвушка-снѣгурочка (Чудесная дудка) (стр. 396—398). 1. Бездѣтный старикъ велѣлъ старухѣ принести снѣгу и положить подъ корчагу на печку; утромъ изъ этого снѣгу родилась дѣвушка Снѣгурочка. Лѣтомъ старикъ два дня сряду отпускаетъ Снѣгурочку съ подружками за ягодами; Снѣгурочка оба раза набрала по полной чашечкѣ, а подруги ея—неполныя чашечки. 2. На третій день старикъ не отпускалъ было Снѣгурочку, но потомъ отпустилъ; она опять набрала больше другихъ; подружки стали отнимать у ней ягоды; она не отдаетъ, онѣ ее и убили, схоронили подъ дубъ, дома сказали: въ лѣсу осталась. 3. На могилѣ Снѣгурочки выросла дудка; ее сорвали мужики, стали играть, а дудка выговариваетъ пѣсенку о томъ, какъ двѣ сестрицы убили Снѣгурочку, отымая ягоды. 4. Мужики эти попросились ночевать у отца Снѣгурочки. Отецъ догадался, выкопалъ Снѣгурочку, и она ожила.

„Виничкомъ прикадили",—въ объясненіе этихъ словъ пѣсенки Вологдинъ замѣчаетъ: „*виничокъ*—вѣнокъ"; думаю, что онъ ошибается, и понимаю: „вѣникомъ прикатили", прировняли могилку, чтобы потомъ притоптать башмаками.

Срв. Аѳанасьевъ № 137: Чудесная дудка; Худяковъ II, № 57, стр. 75—78: Три сестры; Садовниковъ № 21, стр. 105—108: Чудесная дудка; Ончуковъ № 44, стр. 118—121: Сестра-убійца; Романовъ, Бѣлорусскій Сборникъ III, стр. 262—265: Чудная дудка.—Срв. ниже башкирскую сказку „Убыръ" (№ 103, стр. 468—470), гдѣ изъ кишокъ съѣденной свекровкой-убыромъ сестры братъ дѣлаетъ струны для своей скрипки, и скрипка поетъ пѣсню про сестру.

№ 77: Морозко (стр. 398—401). 1. Вдовый старикъ женился на бабѣ Ягѣ. И у старика и у Яги было по дочери. Мачеха не взлюбила падчерицу и заставила старика увезти его дочь въ лѣсъ. 2. Дочь живетъ въ избушкѣ въ лѣсу; Морозко спрашиваетъ ее: тепло ли? Дѣвица нѣжно отвѣчаетъ: „тепло, Морозушко; тепло, батюшко“. Морозъ принесъ ей разнаго имущества. И такъ было по три утра сряду. 3. Мачеха посылаетъ старика за дочерью: замерзла де. Дочь угостила отца и велѣла привести лошадей, чтобы везти ея имущество. При возвращеніи дочери домой собака лаетъ, что дочь везетъ много имущества; мачеха бьетъ собаку, поправляя ея лай, но тщетно. 4. Мачеха велѣла старику увезти ея дочь въ лѣсъ, чтобы та разбогатѣла. Морозъ спрашиваетъ ее: тепло ли? а Ягишна грубо отвѣчаетъ: „заморозилъ, проклятый!“ Морозъ еще прибавилъ холода. И такъ повторялось по три утра; на третье утро Ягишна замерзла. 5. Мачеха посылаетъ старика въ лѣсъ за своей дочерью и ея имѣньемъ. Старикъ везетъ трупъ ея. Собака лаетъ о томъ, что кости дочери стучатъ да брячатъ въ лукошкѣ; Яга бьетъ собаку, поправляя ея лай, но напрасно.

Животы (§§ 3 и 5) —имущество (пропущенное въ словарѣ слово).

Срв. Аѳанасьевъ № 52: Морозко; Романовъ, Бѣлорусскій Сборникъ III, стр. 361, № 90: Морозъ. — Олицетвореніе Мороза встрѣчается еще и въ сказкѣ „Трое изъ сумы“ (Зеленинъ, Вятскія сказки № 25, стр. 99).

№ 78: Волкъ и крестьянинъ (Пѣніе волка) (стр. 401 — 402). 1. У старика и старухи было 7 овецъ, жеребенокъ, пестрый быкъ, кошка, собака, мальчикъ и дѣвочка. Жили они подъ горой, а на гору повадился ходить волкъ и пѣть тамъ пѣсню о хозяйствѣ старика. Старику понравилась пѣсня и онъ велитъ старухѣ отдать пѣвцу-волку овцу. 2. Такъ каждый день волкъ получалъ — сначала по овцѣ, потомъ получилъ, одного за другимъ, жеребенка, быка, кошку, собаку, мальчика, дѣвушку, старуху. Наконецъ, старикъ, выслушавъ волчью пѣсню, вышелъ самъ на гору и былъ съѣденъ волкомъ.

Срв. Аѳанасьевъ № 21: Волкъ; Зеленинъ, Вятскія сказки № 89, стр. 277—278; Романовъ, Бѣлорусскій Сборникъ III, стр. 17—18, № 11: Дѣдъ да баба и вовкъ.

№ 79: Козонька (Коза лупленая?) (стр. 403 — 404). 1. У старика и старухи были сынъ, дочь и коза. Старикъ послалъ сына пасти козу; при возвращеніи ихъ спрашиваетъ козу; сыта ли? Коза говоритъ: голодна. Старикъ билъ сына и убилъ. Послалъ пасти дочь. 2—3. Также старикъ убилъ и свою дочь и старуху. Пошелъ самъ пасти. 4. Придя домой, спрашиваетъ козу: сыта ли? Та отвѣчаетъ обычное свое: голодна. Старикъ убилъ козу, а потомъ и самъ съ горя удавился на осинѣ.

Это начало сказки о козѣ лупленой (срв. Аѳанасьевъ № 28; Садовниковъ № 55, стр. 179—183: Коза Тарата; Романовъ, Бѣлорусскій Сборникъ III, № 6, стр. 8—11: Коза лупленая).

№ 80: Липовая нога (Медвѣдь приходитъ за своей лапой). 1. Медвѣдь воруетъ рѣпу у старика. Старуха послала старика караулить рѣпу. Когда медвѣдь, съ ношей рѣпы, перескочилъ черезъ изгородь, старикъ бросилъ въ него топоръ и отсѣкъ медвѣдю лапу, а самъ убѣжалъ. Когда медвѣдь ушелъ, старикъ взялъ лапу, унесъ домой, ободралъ и поставилъ варить, а шерсть отдалъ старухѣ прясть. 2. Старуха прядетъ, а медвѣдь идетъ къ нимъ на липовой ногѣ и говоритъ про старуху и свою лапу. Посланный женой старикъ вышелъ на улицу и говоритъ медвѣдю: отдай мнѣ низъ рѣпы, а себѣ возьми верхъ. Медвѣдь согласился, и старикъ принесъ домой рѣпу, оставивъ медвѣдю одну траву. 3. Когда старикъ сталъ жать въ полѣ, медвѣдь потребовалъ у него низъ: себѣ де возьми верхъ, который не вкусенъ. Старикъ согласился и отдалъ медвѣдю низъ обмолоченнаго хлѣба.

Соединеніе въ одной сказкѣ двухъ сказочныхъ темъ: 1) Медвѣдь приходитъ за своей лапой и 2) Дѣлежъ жатвы. Съ первою срв. Аѳанасьевъ № 25: Медвѣдь; Худяковъ II, № 72, стр. 125—126: Старуха. Со второю срв. Аѳанасьевъ № 7: Мужикъ, медвѣдь и лиса; Зеленинъ, Вятскія сказки № 44, стр. 169.

№ 81: Рѣдька (стр. 405). У старика рѣдька выросла до неба; старикъ три года дѣлалъ лѣстницу, взлѣзъ, нарвалъ рѣдьки и три года спускался назадъ. Послалъ старуху съ мѣшкомъ; она спускалась съ полнымъ мѣшкомъ и упала—всѣ косточки разлетѣлись. Старикъ позвалъ сосѣдей дергать рѣдьку. По случаю дождя, и старикъ и сосѣди упали съ лѣстницы.

Повидимому, это—обработанное въ видѣ особаго разсказа для дѣтей начало сказки „Звѣри-плакальщики“ (см. ниже № 82).

№ 82: Рѣпка (Звѣри-плакальщики) (стр. 406). 1. Старикъ посѣялъ на крышѣ бани рѣпу. Когда рѣпа выросла, старикъ сходилъ за рѣпой, и поѣли. Больная старуха не могла сама лѣзть на баню; старикъ поднялъ ее на баню въ мѣшкѣ, а спуская, уронилъ старуху въ мѣшкѣ, и она убилась. 2. Старикъ воетъ. Заяцъ говоритъ: плохо воешь, найми меня. Нанялъ зайца, потомъ лису. 3. Нанялъ волка; услышавъ волчій вой, залаяли собаки, люди прибѣжали съ палками; волкъ схватилъ старуху на спину и унесъ въ лѣсъ.

Срв. Аѳанасьевъ № 6: Лиса-плачея; Ончуковъ № 37, стр. 101: Старикъ, старуха и лисица.—Срв. выше примѣчаніе къ сказкѣ № 81.

№ 83: Котъ, воробей и пѣтухъ (Лиса уноситъ пѣтуха) (стр. 407—408). 1. Котъ и воробей ушли въ лѣсъ дрова рубить, оставивъ дома одного пѣтуха. Лиса зоветъ пѣтуха выглянуть въ окно, предлагая ему красную ложку; пѣтухъ выглянулъ, лиса потащила его въ лѣсъ; на крикъ пѣтуха явились котъ и воробей, отняли у лисы пѣтуха и посадили опять въ избушку. 2. То же самое повторилось. 3. Въ третій разъ крикъ пѣтуха не былъ услышанъ, и лиса его съѣла.

Срв. Аѳанасьевъ № 17: Котъ, пѣтухъ и лиса; Ончуковъ № 36, стр. 100: Котъ, дроздъ и пѣтухъ; Зеленинъ, Вятскія сказки № 87, стр. 275—276: Котъ да воробей, Митюнька третей; срв. ниже № 84.

№ 84: Котъ, пѣтухъ и лисица (Котъ отнимаетъ пѣтуха у лисы) (стр. 408—409). 1. Котъ пошелъ въ лѣсъ дрова рубить, а пѣтуха оставилъ одного дома. Лиса соблазняетъ пѣтуха выглянуть въ окно. Пѣтухъ выглянулъ, лиса его понесла въ лѣсъ; котъ не услышалъ пѣтухова крика. 2. Котъ пришелъ къ лисѣ съ гуслями и играетъ у окна, перечисляя имена четырехъ дочерей лисы. Лиса посылаетъ одну за другой своихъ четырехъ дочерей послушать, кто это тамъ такъ хорошо поетъ, а потомъ и сама вышла. Котъ каждую изъ нихъ билъ и столкнулъ подъ гору; въ избѣ нашелъ пѣтуха.

Срв. у Аѳанасьева примѣчаніе къ № 17: Котъ, пѣтухъ и лиса.

№ 85: Иванъ Царевичъ и молодая молодица (стр. 411—414). 1. Иванъ царевичъ поймалъ на озерѣ въ ловушку лебедь и посадилъ ее подъ печку. Когда Иванъ уѣхалъ на охоту, лебедь обернулась молодицей и приготовила обѣдъ, а послѣ обѣда—убрала со стола. 2. То же самое повторилось. 3. Иванъ подкараулилъ и схватилъ въ объятія молодицу, когда она готовила кушанье; изъ молодицы оказалось золотое веретено; Иванъ переломилъ это веретено, явилась красавица и цвѣтное платье. 4. Иванъ остался жить съ молодицей, не поѣхалъ къ отцу. У молодицы весной родился младенецъ; летятъ станицы гусей, въ этихъ станицахъ отецъ, мать и братъ молодицы зовутъ ее съ собою летѣть за море; всѣмъ имъ молодица отказываетъ, указывая на свое дитя. Наконецъ, летитъ мужъ молодицы, съ нимъ она соглашается летѣть; вспорхнула, но Иванъ царевичъ ее схватилъ, и она осталась навсегда.

Бытовой смыслъ этой сказки мы понимаемъ такъ: похищенную у кочевого народа красавицу весной тянетъ въ кочевую степь, куда отправляются ея сородичи.

№ 86: Иванъ дуракъ и Яга-баба (стр. 414 — 416). 1. Иванъ дуракъ пошелъ удить; зашелъ въ избушку, повертывающуюся на курячьей голени. Баба Яга заперла его въ голбецъ и на другой день велѣла своей младшей дочери изжарить Ивана. Дочь Яги велитъ Ивану садиться на лопату, потомъ учитъ Ивана, а тотъ бросилъ ее въ печь. 2. Яга хочетъ поваляться «на Ивановыхъ косточкахъ», а Иванъ изъ подполья поправляетъ ее: поваляйся на дочериныхъ косточкахъ. На другой день средняя дочь Яги, вмѣсто того чтобы изжарить Ивана, сама попала въ печь. 3. На третій день то же повторилось и съ младшей дочерью. 4. На слѣдующій день сама Яга, вмѣсто того чтобы изжарить Ивана, брошена Иваномъ въ печь и сожжена. Иванъ уѣхалъ домой, захвативъ съ собой имущество Яги.

Срв. Аѳанасьевъ № 63: Терешичка; Зеленинъ, Вятскія сказки № 97, стр. 287—292: Мальчикъ съ пальчикъ.

Произношеніе бабою Ягою «рюска [= русская] коска» имѣетъ въ виду, конечно, произношеніе слова русскій финнами и другими инородцами. И въ дѣтствѣ, слушая сказки еще изъ простого любопытства, и впослѣдствіи, записывая сказки, я не разъ убѣждался, что многіе сказочники-крестьяне (въ Пермской и Вятской губерніяхъ) склонны видѣть въ сказочной бабѣ Ягѣ олицетвореніе сосѣднихъ финскихъ и иныхъ инородцевъ (черемисъ, вотяковъ и др.). Вполнѣ согласно съ такимъ народнымъ представленіемъ, баба Яга всегда почти живетъ въ болотѣ, въ избушкѣ на сваяхъ («на курьихъ ножкахъ») и противополагаетъ себя русскимъ (см. выше стр. 232 и др.).

№ 87: Иванъ-крестьянскій сынъ (Волшебное кольцо) (стр. 416 — 420). 1. Сынъ старухи, Иванъ, ходилъ удить на озеро и каждый разъ, передъ уженьемъ, бросалъ въ озеро по копейкѣ. 2. Бѣсенокъ ночью позвалъ Ивана къ себѣ въ гости и далъ ему совѣтъ, что̀ лучше ему просить у сатаны. Иванъ пріѣхалъ на бѣсенкѣ въ озеро; сатана хочетъ его угощать, но Иванъ отказался и выпросилъ только перстень. Когда выѣхалъ на бѣсенкѣ изъ озера, сталъ перенадѣвать съ руки на руку перстень (онъ оказался великъ Ивану), и явились къ его услугамъ 12 одинаковыхъ молодцовъ. Иванъ послалъ съ ними домой науженную имъ рыбу. 3. Посылаетъ мать сватать царскую дочь. Царь потребовалъ отъ старухи устроить у него въ саду озеро съ серебрянымъ дномъ и райскими птицами на кустахъ кругомъ. 4. Молодцы изъ кольца сдѣлали это Ивану. 5. Новое требованіе царя: приготовить обѣдъ для всего войска, съ приборомъ для каждаго солдата. Молодцы изъ кольца устроили. 6. Новое требованіе царя: сдѣлать въ сутки церковь и мостъ, и тротуары съ краснымъ сукномъ—гдѣ итти молодымъ. И это сдѣлано. 7. Повѣнчались. Новобрачная, узнавъ ночью о кольцѣ Ивана, тогда же велѣла молодцамъ изъ кольца увезти себя за море къ королю. Царь грозитъ посадить Ивана черезъ три дня въ острогъ. 8. Иванъ купилъ на базарѣ собаку и кошку; послалъ ихъ къ матери за сухарями; онѣ принесли ему,

уже посаженному въ каменный столбъ, сухарей на три года; онъ послалъ ихъ за море къ королю по перстень. 9. У короля собака прислуживаетъ повару, кошка—служанкѣ царицы. Царица на ночь брала перстень себѣ въ ротъ; кошка поймала мышь и ткнула хвостикомъ мыши царицѣ въ носъ; та чихнула, перстень выпалъ; кошка взяла перстень и побѣжала вмѣстѣ съ собакой домой. 10. Черезъ море кошка ѣдетъ на собакѣ; отвѣчая на настойчивый вопросъ собаки, кошка выронила перстень въ воду. 11. Прислуживаютъ рыбаку; кошка украла у него перстень, который онъ нашелъ въ брюхѣ щуки. Получивъ кольцо, Иванъ велѣлъ молодцамъ изъ кольца разломать столбъ и привезти жену на постелѣ съ королемъ сонной. Царь велѣлъ разстрѣлять короля на воротахъ.

Срв. выше № 46 и указанные на стр. 551-й варіанты.

№ 88: Заяцъ и лисица (Лиса-повитуха) (стр. 420—422). 1. Весной ледяная изба лисы растаяла и она просится въ лубяную избу зайца—сначала на порогъ, потомъ на приступокъ, на голбчикъ (площадку около печи) и, наконецъ, на полати. 2. Ложась спать, говоритъ зайцу: разбуди меня утромъ, когда меня позовутъ повивать новорожденнаго. Ночью лиса стучитъ хвостомъ, а заяцъ ее и будитъ; лиса пошла на чердакъ и начала тамъ ѣсть зайцево масло; на вопросъ зайца отвѣтила, что родился „Початышекъ". 3. На слѣдующую ночь то же самое повторилось, причемъ родился уже „Середышекъ". 4. А на третью ночь, когда лиса съѣла все, накопленное зайцемъ, масло, родился мнимый „Заскребышекъ". 5. Однажды заяцъ хотѣлъ изжарить оладьи, но масла не оказалось. Заяцъ и лиса обвиняютъ другъ друга въ пропажѣ масла. 6. По предложенію зайца, легли на плитѣ около печного устья: изъ кого вытопится съѣденное масло? Заяцъ уснулъ, а лиса вымазала его вытопившимся изъ нея масломъ и, такимъ образомъ, свалила на него всю вину.—7. Лиса притворилась мертвою, и обозники положили ее въ возъ съ рыбой. Лиса проѣла дыру въ саняхъ, выбросила рыбу и убѣжала. Собрали вмѣстѣ съ зайцемъ рыбу.

Срв. Аѳанасьевъ № 2: Лиса-повитуха; Чудинскій № 12, стр. 64—67: Медвѣдь и лиса; Ончуковъ № 276, стр. 554—555: Лиса и волкъ.

№ 89: Ворона-карабута (О неправомъ судѣ птицъ) (стр. 422—423). 1. Птицы выбрали себѣ начальниковъ: царемъ — лебедя, губернаторомъ — филина, прикащикомъ [приставомъ]—журавля, разсыльнымъ—синицу, сторожемъ при правленіи—воробья, съ палкой [палача?]—галку, сотникомъ — сороку. Воронѣ-карабутѣ не достало чина, она напилась вина и, пьяною, сломала верхъ кукушкина дома, а дѣтей кукушки свя-

зала и побросала въ подполье. 2. Сорока, галка и воробей посланы за вороной. Лебедь, филинъ и журавль судятъ ворону и, неокончивъ суда, выпустили ворону. Ворона купила (?) у солдатки пестраго холста и раздарила его начальникамъ. Наказанье воронѣ: нарубить три воза сырыхъ дровъ топорикомъ изъ игольнаго ушка.

Срв. Зеленинъ, Вятскія сказки № 71, стр. 213—215: Ворона, гдѣ тема о неправомъ судѣ выражена гораздо выпуклѣе; Живая Старина 1898 г., стр. 242, № 12: запись Н. А. Иваницкаго въ Вельскомъ уѣздѣ (она же напечатана и въ сборникѣ Шейна „Великоруссъ въ пѣсняхъ и т. д.", № 985, стр. 285); Архивъ Географ. Общ. XXIV, 6, стр. 71—73: Преданіе о кукушкѣ (въ рукописи Ѳ. Пардалоцкаго 1848 г.).—Подъ „кукушкой" естественнѣе всего понимать бездомоваго крестьянина.

№ 90: Козелъ и козлушка (Нѣтъ козы съ орѣхами) (стр. 424—427). Коза ушла за орѣхами и не возвращается. Козелъ посылаетъ на козу волковъ; когда волки нейдутъ, на нихъ посылаетъ людей, на людей—медвѣдей, на медвѣдей—огонь, на огонь—воду, на воду—быковъ, на быковъ—дубы, на дубы—топоръ, на топоръ—гору, на гору—червей, на червей—гусей, на гусей—ножи, на ножи брусья. Когда брусья пошли, тогда пошли и всѣ прочіе. Козелъ убилъ (?) козу.

Срв. Аѳанасьевъ № 27: Коза; Шейнъ, Великоруссъ въ пѣсняхъ и т. д. №№ 967—969, стр. 276—277 (изъ Орловской, Вологодской и Петроградской губерній); Романовъ, Бѣлорусскій Сборникъ II, стр. 12—13, № 8: Коза въ орѣхахъ.

№№ 91—93: Докучныя сказки (стр. 428). Срв. Аѳанасьевъ № 250: Докучныя сказки; Романовъ, Бѣлорусскій Сборникъ III, стр. 431—432.

№ 95: Сказка о Наполеонѣ (стр. 430—434). 1. Чтобы имѣть предлогъ выступить войной противъ Государя Александра Павловича, Наполеонъ прислалъ ему письмо: прокормить втеченіе года 12 генераловъ Наполеона изъ серебряной посуды. Государь согласился. 2. Генералы начали глотать, вмѣстѣ съ кушаньями, и серебряную посуду. Серебра стало мало, и объявлено было: не найдется ли кто-либо помочь горю. 3. Попъ растрига нашелся, съ условіемъ, чтобы его, подъ видомъ иностраннаго короля, помѣстили на одной квартирѣ съ генералами. 4. Мнимый король, закусывая вмѣстѣ съ генералами, проглотилъ, одного за другимъ, 11 генераловъ Наполеона. 5. Двѣнадцатаго генерала рѣшили отправить къ Наполеону; на площади поставили 12 котловъ съ теплой

смолой и 12 кулей перьевъ. Попъ вырыгнулъ генерала и потребовалъ, чтобы тотъ въ свою очередь вырыгнулъ проглоченную имъ посуду; затѣмъ заставилъ генерала скочить въ смолу, [а потомъ въ перья], и отправилъ въ такомъ видѣ къ Наполеону. Такъ поступилъ со всѣми 12-ю генералами. 6. Наполеонъ пошелъ войной на Государя, но неудачно.

Можно думать, что тутъ изображены завоеванія Наполеона въ Европѣ, которыя Наполеонъ принужденъ былъ потомъ возвратить. Историческое событіе изображено въ типичной сказочной обстановкѣ.

№ 96: Князь Кіевскій Владиміръ и Илюшка сынъ Матросовъ (стр. 435—437). 1. Присказка.—Кіевскій князь Владиміръ засваталъ дочь царя Философа, Мароу. 2. Илюшка пьяница, матросовъ сынъ, сказалъ подъ окнами князя, что князь Владиміръ сталъ теперь не солнцемъ Кіевскимъ, а горемъ Кіевскимъ, и объяснилъ, что сватовство доставитъ князю много горя, если только князь не возьметъ съ собой его, Илюшку. Илюшку посадили въ темницу. 3. Черезъ мостъ на рѣкѣ князя не пропустили три быка, и князь вспомнилъ тогда объ Илюшкѣ. 4. Илюшка вырвалъ у себя три рѣснички, бросилъ на землю, и три льва растерзали быковъ. Илюшка, во всемъ похожій на князя Владиміра, поѣхалъ рядомъ съ нимъ. 5. Мароа царевна послала жениху въ подарокъ кольчугу въ 12 пудовъ, а Илюшка разорвалъ эту кольчугу надвое. 6. Мароа послала жениху дикаго коня, а Илюшка сѣлъ на него и усмирилъ. 7. Князь Владиміръ женился и отправился въ Кіевъ.

Срв. выше № 7, стр. 63—67 и 518—519: Мишка-Котома-Конюхъ и Катунъ-Дѣвица, только тамъ есть еще продолженіе на сказочную тему «Безногій и слѣпой богатыри». Здѣсь, какъ видимъ, героями являются историческія (былинныя) лица.

№ 97: Чортъ заимодавецъ (стр. 437—438). 1. Съ мужикомъ случилось несчастье, и онъ выпросилъ у чорта взаймы тысячу рублей, обѣщая завтра отдать. 2. Чортъ каждый день приходитъ за долгомъ; мужикъ отвѣчаетъ ему: „приходи завтра“, а потомъ вывѣсилъ на воротахъ надпись „приходи завтра“. 3. Чортъ одинъ день пропустилъ, не пришелъ за долгомъ, а мужикъ тѣмъ временемъ перемѣнилъ надпись: „вчера приди“. Такъ долгъ и пропалъ.

Стр. 442—446: Безстрашный солдатъ (изложеніе). Срв. выше № 61, стр. 348—350; Аѳанасьевъ № 204: Безстрашный; Зеленинъ, Вятскія сказки № 52. Конецъ сказки (перчатка съ желѣзнымъ когтями и статуя) срв. Садовниковъ № 26: Шурыпа, стр. 125.

2) Солдатъ спасаетъ царскую дочь отъ змѣя (стр. 443—444). Срв. Аѳанасьевъ № 90: Солдатъ избавляетъ царевну; Зеленинъ, Вятскія сказки № 3, стр. 12—17: Про царскую дочь.

3) Деревянный орелъ (стр. 444—446). Срв. Худяковъ III, № 102, стр. 97—99: Деревянный орелъ; Чудинскій № 16, стр. 76 — 92: Деревянный орелъ и царевичъ-летатель; Ончуковъ № 243, стр. 517 — 519: Деревянный орелъ; Аѳанасьевъ № 83: Летучій корабль.

4) Купеческій сынъ (стр. 446). Срв. ниже башкирскую сказку № 100, стр. 456—459.

№ 98: Золотая гора (стр. 450—453). 1. Татаринъ въ гор. Петропавловскѣ нанялъ работника; ночью куда-то поѣхали. 2. Остановились у горы. Хозяинъ напоилъ работника и пьянаго зашилъ въ брюхо кобылы, положивъ туда также и ножъ. Орелъ утащилъ работника, вмѣстѣ съ кобылой, на гору. Когда работникъ вышелъ изъ кобыльяго брюха, хозяинъ заставилъ его бросать съ горы золотой камень, а потомъ уѣхалъ, оставивъ работника на горѣ въ пищу орлу. 3. Работникъ нашелъ подъ камнемъ отверстіе, по которому спустился внизъ. 4. Опять нанятъ въ Петропавловскѣ въ работники, тѣмъ же самымъ хозяиномъ, который его не узналъ. Опять поѣхали ночью. Работникъ не пилъ вина, а напоилъ хозяина. Сонного хозяина зашилъ въ брюхо кобылы; когда хозяинъ, поднятый на гору орломъ, вышелъ на горѣ изъ кобыльяго брюха, работникъ заставилъ его бросать съ горы золотой камень; оставивъ хозяина на горѣ, работникъ уѣхалъ съ камнемъ; продалъ, а деньги пропилъ.

Петропавловскъ—уѣздный городъ Акмолинской обл., лежащій на Сибирской желѣзной дорогѣ. Башкиры въ тѣхъ мѣстахъ не живутъ (а только киргизы), но, бывая въ гор. Челябинскѣ, башкиры знаютъ, по слухамъ, и о Петропавловскѣ. Верстахъ въ 50—70 отъ гор. Петропавловска къ югу, кругомъ гор. Кокчетава, среди обширной степи, лежатъ высокія горы.—Возможно, что Петропавловскъ попалъ въ данную сказку случайно, для большаго реализма (? или же сказка выслушана какимъ-нибудь башкиромъ отъ киргиза?).

Сказка эта имѣется и въ сборникѣ Аѳанасьева (№ 136: Золотая гора), куда вошла, вѣроятно, изъ собранія В. И. Даля, который записалъ ее, вѣроятно, въ Оренбургскомъ краѣ.

№ 99: Рога (стр. 453—456). 1. Три бѣглыхъ солдата остановились на хуторѣ у старика, играютъ въ карты и спятъ съ тремя дочерями хозяина; на прощанье получили подарки: шинель, кошелекъ и трость. 2. Солдаты смотрятъ полученные подарки: кошелекъ оказался самотрясъ (съ неистощимыми деньгами), шинель—невидимка, махнешь тростью—появятся солдаты. Два солдата потерялись въ городѣ, остался одинъ (унтеръ-офицеръ) съ вещами. 3. Солдатъ играетъ въ карты съ какой-то дѣвицей. Она выпросила у него кошелекъ, чтобы сшить себѣ такой же,

и подмѣнила его: самотрясъ оставила у себя. 4. Дѣвица выпросила у солдата шинель, чтобы сшить себѣ такую же, и опять подмѣнила: невидимку оставила у себя; сама предлагаетъ солдату выйти за него замужъ. Выпросивъ у солдата трость, махнула ею и вышедшимъ солдатамъ приказала своего спутника вытолкать. 5. Солдатъ ѣстъ въ саду яблоки: отъ одного яблока превратился въ козла, съѣлъ другое и сдѣлался вновь человѣкомъ. Набралъ этихъ яблокъ и продаетъ въ томъ домѣ, гдѣ живетъ дѣвица; прислуга дѣвицы отъ яблока стала красивою, а дѣвица сдѣлалась козломъ. 6. Солдатъ взялся вылѣчить дѣвицу: бьетъ ее въ банѣ, кругомъ коей стоитъ музыка. Когда отецъ принесъ ему шинель, кошелекъ и трость, солдатъ далъ дѣвицѣ хорошое яблоко, и дѣвица выздоровѣла. Отецъ дѣвицы отдалъ ее замужъ за солдата.

Срв. выше № 23, стр. 199—207 и 536—537, гдѣ указаны и варіанты.—Сказка заимствована отъ русскихъ, очевидно, черезъ посредство солдатъ (хотя разсказана мнѣ и не солдатомъ): о томъ свидѣтельствуетъ сословное положеніе героя.

№ 100: Купеческій сынъ (стр. 456—459). 1. Купецъ далъ своему единственному сыну тысячу рублей и послалъ его торговать на ярманку. Сынъ научился за эти деньги играть въ шашки и возвратился домой на ослѣ, котораго ему дали его учителя и котораго онъ оставилъ на дорогѣ, чтобы дома надъ нимъ не смѣялись. 2. Вторую тысячу рублей сынъ проигралъ въ карты. 3. За третью тысячу научился играть на скрипкѣ. 4. Отецъ продалъ сына въ рабство. Сынъ ѣдетъ съ хозяиномъ въ обозѣ; его спустили въ глубокій ключъ за водой. Въ ключѣ оказалось золото; хозяинъ наложилъ полный возъ золота, а работника оставилъ въ ключѣ. 5. Работникъ нашелъ тамъ слѣпого старика съ скрипкою; сталъ играть на скрипкѣ, и старикъ прозрѣлъ, отнесъ работника къ хозяину. 6. Хозяинъ послалъ работника съ письмомъ къ женѣ: убить его; а работникъ поправилъ въ письмѣ: повѣнчать его сейчасъ же съ моею дочерью. Повѣнчанъ. 7. Работникъ играетъ въ шашки съ ханомъ, выигрываетъ и, по условію игры, получаетъ въ замужество дочь хана. По смерти тестя самъ становится ханомъ. 8. Грозитъ прежнему своему хозяину, но потомъ прощаетъ ему.

Хотя башкиръ Каримовъ (см. стр. 446) разсказалъ мнѣ эту же сказку въ качествѣ русской сказки, но она не можетъ быть названа такою: въ ней ясны отраженія восточнаго (кочевническо-мусульманскаго) быта, а именно: а) способъ передвиженія на ослѣ (правда, способъ, надъ коимъ земляки героя смѣются); б) продажа сына въ рабство (§ 4); в) многоженство (§ 8); г) путешествіе обозовъ по пустынѣ (§ 4).

№ 101: Поди туда, невѣдомо куда (стр. 459—463). 1. У купца было два работника — башкиръ и мещерякъ. Дочь хозяина сговорилась бѣжать съ работникомъ-мещерякомъ тайно отъ отца, а работникъ-башкиръ случайно узналъ о ихъ заговорѣ. 2. Мещерякъ на радости напился, поѣхалъ безъ возжей, которыя у него спряталъ башкиръ, и былъ уроненъ лошадью, а потомъ и стоптанъ. Башкиръ постучался къ хозяйской дочкѣ, какъ то было у ней условлено съ мещерякомъ; та сбросала свою одежду, и поѣхали. На пути обманъ открылся, но дѣвица помирилась съ судьбой. Башкиръ нанялъ у хана домъ и поселился. 3. Хану хочется отнять у плохого мужа хорошую жену. Совѣтники научили хана послать башкира къ другому хану и привезти оттуда ханскую дочь. Ханская дочь была подругою жены башкира по училищу, гдѣ онѣ поклялись выйти замужъ за одного мужа. Съ письмомъ своей жены въ рукахъ, башкиръ безъ труда привезъ ханскую дочь, но она не пошла къ хану, а вышла за этого самаго башкира. 4. Новое порученіе отъ хана башкиру: поймать за рѣкой шесть золотоголовыхъ зайцевъ. Жена дала ему письмо, которое велѣла положить, при переходѣ рѣки, въ сапогъ, и дала бѣлую кошму, на которую зайцы собрались сами собой. Зайцы остались у башкира. 5. Новое порученіе: привести дракона съ моря. Жена дала башкиру пешню, которой онъ ударилъ дракона, потомъ поѣхалъ на драконѣ верхомъ прямо во дворъ хана. Громадный драконъ разрушилъ на пути много домовъ; напуганный ханъ проситъ башкира отпустить дракона и даетъ присягу, что больше никуда башкира не пошлетъ. 6. Нарушая присягу, ханъ посылаетъ башкира къ своему умершему отцу: выкопали яму въ 40 саж. глубины, набросали туда дровъ и керосина, чтобы сжечь башкира. А жена дала башкиру лопатку и молотокъ и научила его вырыть боковое углубленіе, гдѣ и пролежать, пока будутъ горѣть дрова; дала также золотую и серебряную чашки—якобы подарки отъ покойныхъ родителей хана. Отдавъ эти подарки хану, башкиръ сказалъ, что родители сильно ругаютъ хана за то, что онъ не пришелъ самъ. 7. Ханъ пошелъ. Башкиръ его сжегъ въ ямѣ, а самъ сталъ ханомъ.

Варіантъ извѣстной русской сказки: срв. Аѳанасьевъ № 122: Пойди туда— не знаю куда, принеси то—не знаю что; Худяковъ III, № 85, стр. 29—32; Зеленинъ, Вятскія сказки № 1, стр. 3—10: Про юру.— Но въ данной сказкѣ ясны отраженія мусульманскаго и мѣстнаго быта. Такъ, двѣ дѣвицы въ училищѣ даютъ обѣщаніе выйти обѣимъ замужъ за одного мужа (стр. 461). На стр. 463 (§ 6) явный намекъ на особое устройство башкирской (мусульманской) могилы: въ этой могилѣ дѣлается боковое углубленіе, куда и кладутъ трупъ, огораживая его сбоку, такъ что сверху идущее зло минуетъ покойника.—Башкиры и мещеряки живутъ въ данной мѣстности рядомъ, въ сосѣднихъ селеніяхъ, и часто соприкасаются между собою, причемъ мещеряки въ общемъ образованнѣе башкиръ, почему башкиры подражаютъ мещерякамъ въ бытѣ. Ловля зайцевъ (§ 4)—обычное занятіе мѣстныхъ башкиръ.

Въ § 6-мъ (стр. 463) нужно предполагать маленькій пропускъ со стороны разсказчика: видимо, жена велѣла башкиру возвратиться изъ ямы ровно черезъ мѣсяцъ.

№ 102: Три брата (стр. 464—467). 1. Умирая, старикъ завѣщалъ тремъ своимъ сыновьямъ взять его саблю и отправиться въ столицу, причемъ на пути ночью одному стоять на караулѣ. 2. Пошли. Старшій братъ, стоя на караулѣ, увидѣлъ змѣя, намѣревавшагося проглотить братьевъ; отрубилъ саблей хвостъ змѣя и положилъ его въ карманъ, ничего не сказавъ о томъ братьямъ. 3. Середній братъ, стоя на караулѣ вторую ночь, увидѣлъ на огнѣ семиголоваго чорта, отрубилъ у него семь головъ и отъ каждой по уху положилъ въ карманъ. 4. Младшій братъ, стоя ночью на караулѣ, сталкивается съ сорока разбойниками, которые идутъ убить хана; идетъ съ ними, взлѣзъ по веревкѣ на крышу, таскаетъ туда, по одному, разбойниковъ и всѣмъ имъ отрубилъ головы; отъ каждаго по уху взялъ себѣ въ карманъ. 5. Убилъ собачку, которая одна только караулила домъ хана; у трехъ спящихъ дочерей хана взялъ по колечку и по платку; хану оставилъ записку: если бы не я, тебя бы убили: посмотри на крышу сарая. 6. Ханъ собралъ весь народъ и спрашивалъ: кто это сдѣлалъ? Никто ничего не знаетъ. Трехъ братьевъ тутъ не было. 7. Они позваны особо къ хану; оставленные одни въ комнатѣ, разсказываютъ о своихъ подвигахъ и выкладываютъ доказательства—уши и хвостъ. Ханъ подслушалъ все; отдалъ за братьевъ трехъ своихъ дочерей; царство свое хотѣлъ отдать младшему, но тотъ отказался въ пользу старшаго брата.

№ 103: Убыръ (Чудесная скрипка). 1. Сноха старухи-вѣдьмы никакъ не можетъ побывать въ гости къ своимъ братьямъ: когда она печетъ гостинцы для братьевъ, свекровка ея все съѣдаетъ. Разъ сноха сначала запрягла лошадь, а потомъ стала печь гостинцы; напекла и поѣхала. Свекровка гонится за нею, и сноха бросаетъ ей—сначала лепешки, по одной, потомъ кнутъ, колесо отъ телѣги, двухъ своихъ сыновей, колёса, телѣгу, хомутъ съ лошади, возжи, платокъ съ головы и прочую свою одежду; свекровка все проглотила; оторвала ногу у лошади; сноха побѣжала пѣшкомъ, и свекровка проглотила лошадь. 2. Въ деревнѣ сноха поетъ передъ домомъ каждаго изъ трехъ своихъ братьевъ, чтобы ей отворили дверь, что ее догоняетъ свекровка-вѣдьма. Но братья, не вѣря, что это ихъ сестра, отвѣчаютъ, что ихъ сестра ночью не ходитъ. (На дворѣ было уже темно). И только младшій послалъ ее въ овечій хлѣвъ. 3. Свекровка нашла въ хлѣву свою сноху, съѣла ее, а кишки повѣсила на столбѣ во дворѣ младшаго брата. 4. Средній братъ идетъ къ младшему и видитъ кишки; а ему какъ разъ нужны были струны для скрипки. Сдѣлалъ изъ кишокъ струны, сталъ играть, а скрипка поетъ: не играй, это я, твоя сестрица. Братья убили свекровку.

Варіантъ извѣстной русской сказки: „Чудесная дудка“: см. выше № 76, стр. 396—398 и 572.—Скрипка (вмѣсто „дудки“ русской сказки)—любимый музыкальный инструментъ мѣстныхъ башкиръ.

Изъ образовъ русской миѳологіи башкирскій убыръ ближе всего подходитъ къ упырю. Убыр’омъ башкиры называютъ, между прочимъ, и

блуждающіе, болотные огоньки, относительно коихъ думаютъ, что это души жадныхъ, скупыхъ покойниковъ. Какъ бранное слово, убыръ означаетъ: жадный. Въ башкирско-русскомъ словарѣ В. Катаринскаго (Оренбургъ, 1899, стр. 220), убыръ переведено словами: „вѣдьма, колдунья" (срв. ниже № 108, стр. 485 и слѣд.).

№ 104: Старикъ и Деу (стр. 471—473). 1. Бѣдный старикъ жилъ тѣмъ, что собиралъ яйца дикихъ птицъ. Съ нимъ встрѣтился въ полѣ Деу и хотѣлъ съѣсть его. Старикъ предложилъ Деу помѣряться силой: у кого изъ сжатаго камня потечетъ желтая вода, тотъ и сильнѣе. Старикъ сжалъ яйцо, и потекла желтая вода, а у Деу изъ камня воды не пошло. 2. Старикъ пугаетъ Деу: я тебя съѣмъ. Деу откупается золотомъ и повелъ старика къ себѣ. Старикъ не сталъ спать у Деу въ избѣ: блохъ де много, а легъ на потолкѣ; ночью спустился и видитъ въ окно, что Деу хочетъ его зарубить. Положилъ на свою постель пень, закрылъ кафтаномъ, а самъ ушелъ. Деу зарубилъ мнимаго старика и легъ спать. 3. Старикъ опять легъ на свою постель, а утромъ рано разбудилъ Деу и жалуется, что его ночью блохи кусали; показываетъ видъ, что и онъ ѣстъ человѣчье мясо; грозитъ унести съ собою весь домъ Деу и заставилъ Деу нести ему золота черезъ силу. 4. Предупрежденная старикомъ жена спрашиваетъ его, какое мясо варить; старикъ отвѣчаетъ: мясо Деу; не хватитъ того, такъ вотъ этого. Испугавшійся Деу поднялъ уголъ избы и убѣжалъ. 5. Лиса смѣется надъ Деу, что онъ боится старика; заставила Деу нести свой хвостъ. Старикъ, увидя лису и Деу, сказалъ: ты, лиса, несешь мнѣ долгъ. Деу испугался, убилъ лису, а самъ убѣжалъ.

Срв. русскую сказку „Змѣй и цыганъ", гдѣ также человѣкъ хитростью побѣждаетъ представителя нечистой силы: Аѳанасьевъ № 86; Зеленинъ, Вятскія сказки № 42, стр. 164—165, и вотяцкую сказку въ этомъ же сборникѣ.—Испытаніе силы черезъ сжатіе камня (§ 1) срв. со сказкою у Ончукова № 123, стр. 294: Чортовъ работникъ.

О башкирскомъ Деу см. ниже въ словарѣ, стр. 498. Срв. киргизское Дӓу „сказочный великанъ людоѣдъ, имѣющій въ лбу одинъ глазъ" (Киргизско-русскій словарь. Оренбургъ, 1897, стр. 56).

№ 105: Водяная дѣвица (стр. 473—476). 1. Молодой человѣкъ увидѣлъ на озерѣ въ водѣ дѣвицу, принесъ ей одежду и женился на ней; жена оказалась хорошею работницей. 2. Мужъ сжегъ одежду своей жены, сдѣланную изъ лягушечьей кожи. Жена улетѣла. 3. Мужъ пошелъ искать жену на югъ. Износилъ свою одежду и сшилъ другую изъ стараго войлока отъ кочевой кибитки. Старуха его накормила кое-какъ. 4. Вторая старуха дала ключъ, коимъ можно отперѣть домъ его жены, пле-

мянницы этой старухи. 5. Пришелъ. Старуха сдѣлала его иголкой и воткнула въ мохъ; прилетѣли 9 гусей и сдѣлались дѣвицами; старуха уговорила жену помириться съ мужемъ. 6. Ночью жена сожгла мужа въ печи и изъ золы сдѣлала красиваго. 7. Отпустила мужа домой, дала ему кошелекъ-самотрясъ, но не велѣла ничего покупать кромѣ хлѣба. Мужъ купилъ на дорогѣ домъ съ хозяйствомъ за три короба золота. Жена сожгла домъ, но простила мужа. 8. Пришли домой. Стариковъ жена сожгла и изъ золы сдѣлала молодыхъ.

Нѣсколько напоминаетъ русскую сказку о „царевнѣ лягушкѣ" (см. выше №№ 19 и 28): у героини также „одежда изъ лягушечьей кожуры", послѣ сожженія коей дѣвица исчезла. Героиня—особенная мастерица доить коровъ (§ 1): и это качество также подходило бы къ лягушкѣ, которая (точнѣе: жаба), по народнымъ повѣрьямъ, доитъ коровъ. Что же касается „водяной дѣвицы", то, хотя родной отецъ разсказчика будто бы и видѣлъ ее разъ на озерѣ, но образъ ея ему не ясенъ; разсказчикъ сказалъ мнѣ только, что отъ албасты (русалки) „водяная дѣвица" отличается тѣмъ, что она добрая (албаста же—злая).

№ 106: Быжырмарганъ (стр. 476—479). 1. Сынъ бѣднаго старика, Быжырмарганъ, ходилъ на охоту, увидѣлъ въ огнѣ змѣю и стрѣлой выбросилъ ее изъ огня. 2. Идетъ къ отцу спасенной змѣи и, по совѣту ея, беретъ въ награду бѣлый сундукъ, который нужно открывать только на своей землѣ. 3. Открылъ сундукъ, и явилось полное хозяйство—и жена и все. 4. Царь сердится на Быжырмаргана, зачѣмъ у него домъ лучше царскаго, и обѣщается итти на него войной. Быжырмарганъ выпросилъ у тестя стрѣлокъ; жена ихъ вымыла и разложила въ рядъ на скамейкѣ: стрѣлы сами стали стрѣлять, причемъ проходили черезъ тѣло насквозь и поражали всѣхъ стоящихъ сзади, а потомъ возвращались обратно. Царь побѣжденъ. 5. Царь заставляетъ Быжырмаргана бороться съ семигодовалымъ быкомъ. Тесть далъ ему шелковый поясъ, которымъ онъ задѣлъ рога быка и бросилъ быка на 17 саженъ. 6. Царь устраиваетъ бѣгъ: чья лошадь обойдетъ другую, того казнить. Тесть далъ Быжырмаргану тулпара (сказочную лошадь чудесной быстроты). Быжырмарганъ сдѣлался царемъ.

Всѣ элементы этой башкирской сказки хорошо извѣстны намъ по разнымъ русскимъ сказкамъ: а) благодарное животное (въ частности, срв. Аѳанасьевъ № 151: Царевна-змѣя); б) чудесный сундучекъ, заключающій въ себѣ домъ со всѣмъ хозяйствомъ (срв. выше №№ 24 и 72); в) героя преслѣдуетъ царь изъ зависти.

№ 107: Алеука (стр. 479—484). 1. Сынъ богатаго старика Алеука уснулъ въ степи, и пери Жинъ надѣла ему на руку колечко. У Алеуки отнялся языкъ, и онъ могъ только проговорить: ведите старика съ бѣлой бородой! 2. Отецъ поѣхалъ и встрѣтилъ бѣлобородаго старика, который

потомъ пришелъ на пиршество и велѣлъ выбрать шесть коней чубарой масти; кони этой масти сначала всѣ было скрылись, но потомъ найдены. 3. Поѣхали въ погоню: бѣлобородый старикъ на рыжей лошади, а тѣ на чубарыхъ. Чубарые кони всѣ устали; бѣлобородый старикъ посадилъ Алеуку на своего рыжка и научилъ его, что дѣлать дальше. 4. Алеука ночуетъ у рѣки; утромъ отдалъ колечко дѣвицѣ и велѣлъ опустить его на руки ея сестрѣ вмѣстѣ съ водой. Колечко принадлежитъ этой самой сестрѣ, которая уже выходитъ замужъ за другого. 5. Колечко само надѣлось на руку сестры; она пошла на рѣку и сбѣжала съ Алеукой, сѣвъ на его рыжка. 6. Отецъ дѣвицы и зять его (женихъ дѣвицы) Кубыкты-кара догоняютъ Алеуку; дѣвица спрашиваетъ Алеуку, что онъ умѣетъ дѣлать? Алеука поетъ, что 30 осокорей упадутъ отъ его стрѣлы; выстрѣлилъ, и дѣйствительно упали. Догонщики недоумѣваютъ, отчего осокори упали, пока не догадались по стрѣлѣ. То же повторяется съ 40 соснами. 7. Кубыкты-кара и Алеука стрѣляютъ одинъ въ другого, а невѣста стоитъ между ними: пойду за побѣдителя. Кубыкты-кара застрѣленъ. Алеука возвратился къ тестю и поѣхалъ домой уже съ ребенкомъ и съ нянькой. 8. Оставивъ жену у рѣки, Алеука приходитъ домой и сильно хвалитъ свою жену: въ одной щекѣ луна, въ другой солнце, разъ плюнетъ—серебро, другой—золото. Между тѣмъ, во время купанья его жены, нянька надѣла женину золотую одежду и не отдаетъ женѣ; жена надѣла другую одежду и улетѣла, какъ гусь. 9. Путники разсказываютъ Алеукѣ о тоскующемъ на болотѣ гусѣ, потерявшемъ пару. 10. По совѣту этихъ путниковъ, Алеука устраиваетъ пиръ и на пиру спрашиваетъ молодежь и стариковъ, какъ ему поймать жену. Согласно съ совѣтомъ стариковъ, выкопали яму въ болотѣ, куда скрылся мужъ и гдѣ лежалъ на постели ребенокъ улетѣвшей жены. Жена стала кормить младенца грудью и уснула. Алеука ее одѣлъ и увезъ домой.

О пери и джиннахъ („Жинъ“) см. Этнографическое Обозрѣніе 1914, № 1—2, стр. 31—34, ст. В. А. Гордлевскаго; М. Миропіевъ, Демонологическіе разсказы киргизовъ, 42—45. — Эпизодъ съ нянькой (§ 8) срв. Аѳанасьевъ, примѣчаніе къ № 69.

№ 108: Золотая Бабка (стр. 485 — 488). 1. У мальчика, носящаго имя «Золотая Бабка», была золотая бабка-битокъ, и онъ, играя съ товарищами въ бабки, всегда выигрывалъ. Убыръ (вѣдьма) не дастъ пить скотинѣ отца этого мальчика и потребовала отъ него отдать ей то, «что у тебя одно только». Старикъ зарылъ въ золу золотую бабку сына и перекочевалъ на другое мѣсто. 2. Сынъ хватился своей золотой бабки; сѣлъ на плохого жеребенка, который взглянулъ на его, когда Золотая Бабка тресъ уздой. Пріѣхалъ и видитъ: старуха играетъ съ его бабкой. Конь выхватилъ бабку и убѣжалъ. 3. Убыръ преслѣдуетъ Золотую Бабку — сначала сидя на пестѣ и погоняя ступой (тотъ и другая образовались изъ ея плевковъ), потомъ на конѣ буланой масти; съѣла своего коня. Конь Золотой Бабки велѣлъ ему сѣсть на дерево, а самъ нырнулъ

въ воду. 4. Убыръ рубитъ то дерево, на коемъ сидитъ Золотая Бабка (топоръ и точило появились изъ ея плевковъ). Лиса предлагаетъ ей свои услуги рубить; когда Убыръ согласилась и уснула, лиса бросила въ воду топоръ и точило, напакостила на рубленное мѣсто, и дерево стало цѣлымъ. Убыръ, пробудившись, опять стала рубить. И это повторяется трижды, съ тремя лисицами разнаго цвѣта. 5. Ворона передала Золотой Бабкѣ поклонъ отъ его двухъ собакъ, но на просьбу Золотой Бабки передать его собакамъ, чтобы онѣ пришли къ нему, отвѣчаетъ отказомъ: когда Убыръ тебя съѣстъ, мнѣ достанется хоть ложка крови. Воробей тоже приноситъ Золотой Бабкѣ поклонъ отъ собакъ и обѣщается передать имъ просьбу Золотой Бабки, если увидитъ. Воробей выклевалъ изъ ушей собакъ свинецъ, который имъ налила туда Убыръ, и собаки бѣгутъ къ Золотой Бабкѣ, поднявъ пыль по дорогѣ. Золотая Бабка дважды обманываетъ ее: это де тебѣ помощь, а мнѣ горе. 6. Собаки прибѣжали, Убыръ нырнула въ воду. 7. Собаки въ водѣ убили Убыра. Послѣ нихъ вышла изъ воды и рыжая лошадь, на коей Золотая Бабка вернулся домой.

«Вся черная — и сверху черная, и снизу черная — зло она думаетъ» (стр. 487, § 4): чернобрюхій у башкиръ означаетъ «злой» (какъ у русскихъ: черноне̇бый).—Имя собаки Аккула́къ (§ 5) въ буквальномъ переводѣ означаетъ: «бѣлое ухо».

№ 109: Обманщикъ (стр. 488—490). 1. Три маленькія дочери бѣднаго старика просятъ у отца хлѣба; отецъ ихъ ударилъ (было уроза, т. е. рамазанъ, магометанскій постъ, когда ѣсть дозволяется только ночью), а мать говоритъ: выходи замужъ. 2. Выдали замужъ старшую дочь за обманщика. Онъ привезъ мертвую жену въ гости къ тестю, выдавъ ее за живую. 3. Тесть согласенъ отдать ему двухъ другихъ своихъ дочерей, если онъ привезетъ ему коробъ углей. Сосѣди зятя, девять обманщиковъ, какъ разъ сожгли дрова зятя, такъ что уголь готовъ. Привезя домой двухъ молодыхъ женъ, зять увѣрилъ своихъ сосѣдей, что онъ обмѣнялъ мертвую жену на двухъ живыхъ. Сосѣди повѣрили, убили своихъ дочерей и кричали на улицахъ: мѣняйте мертвую бабу на живую!—Ихъ прогнали изъ деревни.

№ 110: Мещерякская сказка (стр. 491—493). 1. Умирая, старикъ далъ двумъ старшимъ своимъ сыновьямъ по 200 рублей, а младшему только сказалъ: такой-то сосѣдъ научитъ тебя уму-разуму. Братья отдали свои деньги красавицѣ, которая за показъ своего лица брала по сту рублей. 2. Указанный отцомъ совѣтчикъ велѣлъ младшему брату поймать козла; они сѣли вдвоемъ на козла и поѣхали, съ ведромъ въ рукахъ вмѣсто музыки. Красавицѣ онѣ показались очень смѣшными, и она со

снохой предложила имъ ночевать у нея подъ окномъ. (Отца красавицы дома не было). 3. Тѣ двое закололи козла, съѣли мясо и легли подъ окномъ красавицы спать, закрывшись козлиной кожей. Стучатся въ стѣну, говоря, что они замерзаютъ, и красавица пускаетъ ихъ въ сѣни. 4. Стукъ продолжается, и ихъ пускаютъ въ избу—сначала подъ порогъ, а потомъ и на постели. 5. Утромъ молодой человѣкъ не уходитъ изъ дома красавицы, говоря, что онъ женился на ней. Только получивъ отъ нея 400 рублей, ушелъ. 6. Повстрѣчался на дорогѣ съ отцомъ красавицы и лѣчитъ у него глазъ за сто рублей; научаетъ отца произнести, при возвращеніи домой, слова, въ отвѣтъ на которыя сноха невольно проговорилась—оправдываясь, выдала то, что съ ними произошло ночью.

Алфавитный указатель именъ и предметовъ *).

*) Цыфры означаютъ страницы.

Ключъ къ указателю.

(Перечень обобщающихъ категорій въ указателѣ).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стран.

Сказка Е. И. Сигаева:

Сказки Ив. Купреянова:

Сказка П. В. Наумова:

Сказки Д. Е. Лёзина:

Сказки Е. Е. Алексѣева:

Сказка Я. М. Логинова:

Сказка А. П. Цыплятникова:

Сказка, доставленная М. И. Суряковымъ:

Сказки Соликамскаго уѣзда, доставленныя В. П. Паламожныхъ:

Сказки, записанныя Ив. Потаповымъ въ 1863-мъ году:

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*Строка сверху.*	*снизу.*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
41		16	Тебя я	„Тебя я
72		9	дольно	довольно
80	17		што я	што „я
127		6	золотая,	золотая
161		11	за запричинить!	запричинить!
183	3		за солъ	за столъ
190		18	калякой	калякай
209—211	*греческая гамма набрана вверхъ ногами.*			
213		6	„стоитъ	стоитъ
215		20	кикомора	кикимора
—		11	Какимора	Кикимора
245	19		„Дядя	Дядя
269	12		ето мѣсто.	ето мѣсто“.
333		8	*увъчить*	*увъчишь*
338	13		Завтра а	Завтра я
342	1		**Купескій**	**Купеческій**
347		18	домой.	домой.“
366		15	Куриловъ	писарь
400	9		сторику	старику
457	1		Купечсскій	Купеческій
495	14		барщина-работа	барщина—работа
517		21	затя	зятя
527	19	7	Верегинъ	Варегинъ
528	14—15		старика	другого молодца
539		4	утонетъ?	умретъ
548	20		загадокъ (	загадокъ:
558	9		плюнула въ	плюнула за
—	17		Мароа махнула	Мать махнула
575		15	на озерѣ	на морѣ
590		11—12	невѣдома куда	невѣдомо куда
614	17 Крестьянскій сынъ		*(пропускъ)*	См. Иванъ.

